

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE

6

Mokslinių straipsnių rinkinys

Kaunas 2010

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr. 6

MOKSLINIŲ STRAIPSNIŲ TĖSTINIS LEIDINIS

Leidžia Vilniaus universiteto
Kauno humanitarinio fakulteto
Užsienio kalbų katedra

THE PROCEEDING EDITION OF SCIENTIFIC ARTICLES

Published by Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanites
Department of Foreign Language

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Издает кафедра иностранных языков
Каунасского гуманитарного факультета
Вильнюсского университета

Redakcijos adresas / Adress of the editorial / Адрес редакции

Žurnalas „Žmogus kalbos erdvėje“
VU KHF
Muitinės g. 8
Kaunas LT-44280
Tel.: 8-37-42 24 77
El. paštas: valentina.naumova@vukhf.lt

Redagavo / Edited by / Редактировали

Algis Braun (anglų kalba / the English language / английский язык)
Alla Diomidova (rusų kalba / the Russian language / русский язык)
Anastasija Belovodskaja (rusų kalba / the Russian language / русский язык)
Jelena Kazimianec (rusų kalba / the Russian language / русский язык)
Jūratė Radavičiūtė (anglų kalba / the English language / английский язык)
Oleg Perov (rusų kalba / the Russian language / русский язык)
Vilma Linkevičiūtė (anglų kalba / the English language / английский язык)
Živilė Nemickienė (rusų kalba / the Russian language / русский язык)

ISBN 978-9955-33-624-2

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2010

REDAKTORIŲ KOLEGIJA

Olegas Poliakovas

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva,
vyriausiasis redaktorius

Natalija Kuzmina

Dostojevskio Omsko valstybinio universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija,
vyriausiojo redaktoriaus pavaduotoja

Elena Remchukova

Rusijos Tautų draugystės universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija
vyriausiojo redaktoriaus pavaduotoja

Ala Kamalova

Varminskio-Mazurskio universiteto Olsztynė profesorė, habil. dr. (04H), Lenkija

Nikolaj Vaskiv

I. Ogienko Kamenec-Podolsko nacionalinio universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Ukraina

Tatjana Babko

Minsko valstybinio lingvistinio universiteto docentė, dr. (04H), Baltarusija

Daiva Deltuvienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Jurij Mašošin

Daugpilio universiteto docentas, dr. (04H), Latvija

Vadim Šubin

Maskvos valstybinio humanitarinio universiteto docentas, dr. (04H), Rusija

EDITORIAL BOARD

Olegas Poliakovas

Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, **editor-in-chief**

Natalija Kuzmina

Professor (04H), Omsk State University, RussiaЩЫЛDostojevskio Omsko valstybinio universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija, **deputy editor-in-chief**

Elena Remchukova

Professor (04H), Peoples Friendship University of Russia, Russia, **deputy editor-in-chief**

Ala Kamalova

Profesor (04H), Varminsko-Mazursky University in Olsztyn, Poland universiteto Olsztyn profesorė, habil. dr. (04H), Lenkija

Nikolaj Vaskiv

Professor (04H), Kamenec-Podolsk National University, Ukraine

Tatjana Babko

Associate Professor (04H), Minsk State Linguistic University, Belarus

Daiva Deltuvienė

Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Jurij Mashoshin

Associate Professor (04H), Daugavpils University, Latvia

Vadim Shubin

Associate Professor (04H) Russian State University for the Humanities, Russia

PRATARMĖ

Mieli skaitytojai , Jums pateikiamas jau xxx-asis tęstinio VU KHF leidinio „Žmogus kalbos erdvėje“ numeris. Šio leidinio straipsniuose atsispindi moderniosios šiuolaikinio mokslo tendencijos bei pateikiamos naujausios išvalgos į tyrinėjamas problemas. Baltarusijos, Estijos, Latvijos, Lenkijos, Rusijos , Ukrainos ir Lietuvos mokslininkai šiame rinkinyje pristato šiuolaikinės filologijos tyrimų problematiką, aptaria aktualius teorinius ir praktinius klausimus lingvodidaktikoje, lingvokultūriniuose tyrimuose, moderniojoje lingvistikoje bei literatūriniame diskurse.

Rinkinyje pateikta tarptautinės mokslinės konferencijos „Žmogus kalbos erdvėje“, organizuotos Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto Užsienio kalbų katedros 2010 metų gegužės 14-15 dienomis, rinktinė medžiaga.

PREFACE

Dear Readers, this is already the xxxth issue of a periodical collection of scientific articles “Man in the space of language”. The group of essays brought together in this volume reflect the trends and tendencies of academic research in a variety of fields in philology. The collection presents the insights of Lithuanian, Latvian, Estonian, Russian, Byelorussian, Polish and Ukrainian scientists into theoretical and practical problems of modern linguistics, literature and didactics.

The collection contains the compilation of articles for the scientific conference “Man in the space of language” on 14-15 May 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Перед Вами 6-ое периодическое издание сборника научных статей, выпускаемое Каунасским гуманитарным факультетом Вильнюсского университета. В этом издании освещены актуальные современные научные тенденции и отражены новейшие подходы к исследуемым проблемам. Ученые Беларуси, Латвии, Литвы, Польши, России, Украины и Эстонии представляют в сборнике панораму современной филологии и тем самым помогают читателю ознакомиться с новейшими исследованиями филологов своей страны. Исследователи посвятили свои труды актуальным теоретическим и практическим проблемам лингводидактики, лингвокультурологических исследований, современной лингвистики и литературного дискурса.

Традиционно в сборнике представлены избранные материалы международной научной конференции «Человек в пространстве языка», организованной кафедрой иностранных языков Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета 14-15 мая 2010 года.

TURINYS
CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ

LITERATŪRINIO DISKURSO TYRIMAI
RESEARCH INTO LITERATURE DISCOURSE
ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Валентина Андреева, Людмила Петровичева (<i>Белорусский государственный технологический университет, Беларусь</i>). Участие читателя в создании художественного произведения.....	12
Ольга Андреевских (<i>Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова</i>). Образ В. Вулф в литературе XX-го века.....	19
Екатерина Барина (<i>Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова</i>). «Смерть в Венеции» Томаса Манна и Лукино Висконти: к проблеме интерсемиотического перевода.....	27
Нель Бельняк (<i>Зеленогурский университет, Польша</i>). Женские образы в прозе Александра Куприна.....	32
Skirmantė Biržietienė (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Laiško elementai prozinėse Marko Valerijaus Marcialio epigramų knygų įžangoje	39
Любовь Чапаева (<i>Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Россия</i>). Языковая рефлексия как фактор развития языка (споры славянофилов и западников 1830-1840-х гг.)	44
Diana Jovaišienė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Sociumas ar individas: asmens tapatumo problematika Lino Jęgelevičiaus romane „Nuogas prieš jus“.....	50
Асия Ковтун (<i>Университет им. Витавтаса Великого, Литва</i>). «Чайка» А. П. Чехова как «украденный объект»	56
Aleksandras Krasnovas (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). J. Aруcio triptikai recerpcijos aspektu	62
Наталья Кузьмина (<i>Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия</i>). Книга стихов как сверхтекст.....	67
Олег Перов (<i>Вильнюсский университет Каунасский гуманитарный факультет, Литва</i>). Последний поклон В. П. Астафьева: образ семьи в свете художественной ретроспекции	76
Наталья Петрова (<i>Пермский государственный педагогический университет, Россия</i>). Любовь – жалость – милость в поэзии О. Мандельштама	84
Jūratė Radavičiūtė (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). The Indeterminacy of the Image of the Dream in Salman Rushdie’s Novel <i>Midnight’s Children</i>	90
Irena Ragaišienė (<i>Vytautas Magnus University, Lithuania</i>). Mythological and Cultural Implications in Margaret Atwood’s <i>Bluebeard’s Egg</i> and Katherine Mansfield’s <i>Bliss</i>	96
Audronė Raškauskienė (<i>Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva</i>). The Interpretation of Space in Gothic Fiction: a Semiotic Approach	102
Ольга Седельникова (<i>Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия</i>). Альпийские очерки в путевом дневнике А. Н. Майкова 1842-43 гг.	107
Daiva Šeškauskaitė (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Meilė lietuvių tautosakoje ir mitologijoje.....	114
Андрей Тимофеев (<i>Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина</i>). Имперское мышление в поэме А. Пушкина «Полтава»	123
Loreta Ulvydienė, Giedrė Buivyte (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). W. Faulkner’s <i>As I Lay Dying</i> as a Mythos of Winter	130
Майя Васькив (<i>Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко,</i>	

Украина). Проблема национальной и языковой самоидентификации в творчестве Ивана Чендея.....	138
Ingrida Eglė Žindžiuvienė (<i>Vytautas Magnus University, Lithuania</i>). Travel Narratives in Retrospection: New Tendencies Versus Tradition	145

LINGVISTINĖ LITERATŪRINIO TEKSTO ANALIZĖ

LINGUISTIC ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Nadiya Andreychuk (<i>Lviv National Polytechnic University, Ukraine</i>). Lingual Cultural Codes in Tudor England Religious Discourse: Strategies of Research	154
Елена Галика (<i>Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина</i>). Структурно-семантические и прагматические особенности маркеров авторской речи художественного текста	160
Кирилл Игнатов (<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия</i>). Интертекстуальные словосочетания в стилистическом анализе литературных произведений и их экранизаций	166
Марина Лебедева (<i>Институт парламентаризма и предпринимательства, Беларусь</i>). Функции речевых характеристик и предметных деталей в прозе Д. Рубиной.	177
Татьяна Пивоварова (<i>Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия</i>). “They were Good Russians, and They will make Good Canadians”. Духоборы в Канаде.....	184
Алина Романовска (<i>Даугавпилсский университет, Латвия</i>). Образ русского в современной латышской прозе.....	191
Галина Сюта (<i>Институт украинского языка Национальной академии наук Украины</i>). Поэтическое слово-образ как знак национальной культуры	198
Надежда Шакур (<i>Европейский гуманитарный университет, Литва</i>). Туровские евангелия в литовских библиотечных фондах.....	205
Александра Урбан-Подолан (<i>Зеленогурский университет, Институт иностранных языков, Польша</i>). Персонификация смерти в прозе Валентина Распутина в свете народных поверий (предварительные замечания).....	211
Валентина Зразикова (<i>Институт парламентаризма и предпринимательства, Беларусь</i>). Роль творческой индивидуальности в развитии белорусского литературного языка начала XX века.....	217

LINGVOKULTŪRINIAI TYRIMAI

LINGUACULTURAL RESEARCH

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Хилько (<i>Российский государственный университет им. И. Канта, Россия</i>). Культурный компонент значения слова в контексте межъязыковой семантической эквивалентности.....	223
Татьяна Бобко (<i>Минский государственный лингвистический университет, Беларусь</i>). К вопросу о безличности в русской языковой картине мира.....	231
Лариса Белова (<i>Пермский государственный педагогический университет, Россия</i>). Раскол как лингвокультурная реалья России XVIII века (на материале деловой письменности I половины XVIII века).....	238
Мария Федурко (<i>Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина</i>). Эмоциональность в структуре украинского национального характера в контексте словообразовательной морфонологии.....	245
Галина Филь, Ирина Патен (<i>Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко</i>). Компоненты-квалификаторы в структуре фразеологических единиц как этнокультурные маркеры в языковой картине мира.....	252
Жанна Глотова (<i>Российский государственный университет им. И. Канта, Россия</i>).	

Языковая толерантность в межкультурном взаимодействии.....	260
Алла Камалова (<i>Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша</i>). Кто и почему плачет в русской народной лирической песне (лингвокультурологическое исследование).....	267
Евгения Колосовская (<i>Московский государственный университет Высшая школа экономики, Россия</i>). Репрезентация культуры через посредство естественной семантической классификации свободных ассоциаций.....	276
Анжелика Корщунова (<i>Красноярский государственный педагогический университет, Россия</i>). Операциональные приемы языковой игры в рекламном слогане.....	282
Иван Кутняк (<i>Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина</i>). Народная фразеология как предмет лингвокультурологии.....	291
Елена Матушек (<i>Харьковский национальный университет им. В. Каразина, Украина</i>). Языковая личность украинского проповедника XVII века.....	298
Любовь Пац (<i>Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина</i>). Национальная языковая картина мира в украинских пословицах и поговорках.....	307
Виктория Рыгованова (<i>Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина</i>). Когнитивно-психологические и когнитивно-лингвистические аспекты описания языковой личности.....	313
Ольга Шатун (<i>Таганрогский государственный педагогический институт, Россия</i>). К постановке вопроса о сопоставительном анализе научной и наивно-бытовой языковых картин мира в русском и английском языках (на материале общенаучной лексики).....	320
Вадим Шубин (<i>Российский государственный гуманитарный университет, Россия</i>). Перевод культур – культура перевода.....	326
Асия Усманова (<i>Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия</i>). Так ли уж опасен интернет? К вопросу о влиянии интернета на нормы языка и общения.....	333
Ирина Ванда (<i>Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Украина</i>). Кино как аудиовизуальная идиома: философско-антропологический анализ.....	339
Николай Васькив (<i>Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина</i>). Рецепция Балтии в украинской литературе 1920-30-х годов.....	346
ĮVAIRIŲ DISKURSO TIPŲ PRAGMATINIŲ YPATUMŲ TYRIMAI RESEARCH INTO PRAGMATIC PECULARITIES OF DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА	
Teresė Aleknavičiūtė (<i>Vytautas Magnus University, Lithuania</i>). Introduction of a BA Thesis in English and Lithuanian: a Comparative Genre Analysis.....	354
Eglė Alosevičienė (<i>Universität Vilnius Geisteswissenschaftliche Fakultät in Kaunas, Litauen</i>). Zu den Ausdrucksmitteln und Strategien der Höflichkeit im Heckenbereich.....	365
Ingrida Balčiūnienė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Kreipinių forma ir funkcijos šnekamojoje lietuvių kalboje.....	375
Ольга Быкова (<i>Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина</i>).....	382
Людмила Боярова (<i>Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина</i>). Национальная терминология и языковая политика (на материале украинского языка).....	389
Анна Цепкова (<i>Новосибирский государственный педагогический университет, Россия</i>). Функционально-прагматический потенциал прозвищ-антропонимов (на	

материале английского языка).....	396
Olesya Cherkhava (<i>Lviv National Polytechnik University, Ukraine</i>). Prophetic Discourse as the Integral Category of the Interpersonal Communication	404
Дмитрий Доценко (<i>Филиал Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева в г. Железногорске, Россия</i>). Гештальтный анализ древнеанглийского концепта «Вера».....	411
Татьяна Дробышева (<i>Российский государственный университет им. И. Канта, Россия</i>). Проблема толерантности в русском Зарубежье.....	419
Eglė Gabrėnaitė (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Retorinės Poreikių Topikos raiška reklamos diskurse.....	426
Audronė Gedžiūtė, Jadvyga Krūminienė (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). Reconstruction of Mythical Discourse: Semiotic Approach.....	432
Елена Глиос (<i>Сибирский филиал некоммерческого образовательного учреждения «Корпоративный центр подготовки персонала, институт авионавигации», Россия</i>). Политически корректные эвфемизмы как средство решения проблемы равноправия человека и окружающего его мира в англоязычном мире.....	439
Saulė Juzelėnienė (<i>Kauno technologinis uiversitetas, Lietuva</i>), Rita Baranauskienė, Pona Mickienė (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Dėl lingvistinės analizės metodų.....	446
Анастасия Панькова (<i>Белорусский государственный университет, Беларусь</i>). К вопросу о границах слова в японском языке.....	453
Ольга Прохорова (<i>Сибирский федеральный университет, Россия</i>). Информативные стратегии древнеанглийского юридического текста.....	460
Елена Ремчукова (<i>Российский университет дружбы народов, Россия</i>). Некоторые коммуникативные и стилистические особенности креативных феноменов в СМИ.....	466
Danguolė Satkauskaitė (<i>Geisteswissenschaftliche Fakultät Kaunas der Universität Vilnius</i>). Zu Hörverstehensproblemen bei Den Dolmetschübungen (am Beispiel der Litauischen Deutschlerner).....	472
Dalia Senvaitytė, Rasa Gražytė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Senąją lietuvių religiją nusakanti terminija bei jos kontekstas elektroninėje Lietuvos žiniasklaidoje.....	479
Богдан Сюта (<i>Национальная музыкальная академия им. П. Чайковского, Украина</i>). Парамузыкальноречевые параметры современного музыкального дискурса.....	489
Дарья Тер-Минасова (<i>Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России</i>). Имидж монархии в карикатуре.....	497
Дмитрий Тихазе (<i>Российский университет дружбы народов, Россия</i>). Татуировка как языковая система: опыт семиотического анализа.....	503
Дмитрий Тихазе, Анастасия Курилова (<i>Российский университет дружбы народов, Россия</i>). Язык общества потребления: коммуникативная функция вещи.....	510
Алексей Тымбай (<i>Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России</i>). Мена роли в диалоге как основа его структурной организации.....	516
Роман Трифонов (<i>Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина</i>). Некоторые прагматические особенности извинений за пафос в блогосфере (на материале славянских языков).....	522
Jelena Zašcerinska (<i>University of Latvia</i>). Communicative Competence: Existing Concepts and Prospects for Further Development.....	530
Анастасия Земскова (<i>Самарский филиал Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»</i>). Лингвокультурологические характеристики англоязычного гастрономического дискурса.....	539

**KALBOS MOKYMO PROBLEMAS IR KITI DIDAKTINIAI TYRIMAI
PROBLEMS IN LANGUAGE TEACHING AND OTHER DIDACTIC RESEARCH**

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ И ДРУГИЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Lina Bikelienė** (*Vilniaus universitetas, Lietuva*). Apibendrinimo žymėjimas konektoriais besimokančių anglų kalbos ir anglakalbių studentų rašto darbuose..... 546
- Ирина Филькина** (*Латвийский университет Факультет педагогики и психологии*). Особенности организации игры в детском саду для успешного освоения второго языка..... 554
- Rolandas Vitalius Idzelis** (*Vilniaus universitetas Užsienio kalbų institutas, Lietuva*). Bendroji lingvodidaktika (kalbos kultūra) kalbos teorijos kurse..... 563
- Daiva Jakavonytė-Staškuvienė** (*Vilniaus pedagoginis universitetas Ugdymo plėtotės centras*). Mokymasis bendradarbiaujant – viena iš svarbiausių iv klasės mokinių teksto analizės strategijų..... 572
- Danguolė Kalesnikienė, Agnė Saylik** (*Vilniaus pedagoginis universitetas, Lietuva*). Lietuvių kalba pradinėje mokykloje: rašymo gebėjimų ugdymas..... 580
- Владимир Ковальчук** (*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина*). Основные направления формирования и развития личностных характеристик современного учителя..... 587
- Roma Kriaučiūnienė** (*Vilniaus Universitetas Užsienio kalbų institutas, Lietuva*). Studentų kritinio mąstymo gebėjimų ugdymo aspektai anglų kalbos mokymo(si) proceso metu..... 596
- Светлана Луцив** (*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина*). Школьная драма как метод гармонического развития личности..... 608
- рий Машошин** (*Даугавпилсский университет, Латвия*). Связь стрессовых состояний с успешностью учебы..... 615
- Лариса Павловская** (*Лиенпайский университет, Латвия*). Постановка и коррекция произношения на начальном этапе обучения РКИ..... 622
- Dalia Pinkevičienė** (*Vilnius University Institute of Foreign Languages, Lithuania*). Triadic Dialogue in EFL Classroom: Possible Variations..... 628
- Virginija Jūratė Pukevičiūtė** (*Vilniaus universitetas Užsienio kalbų institutas, Vokiečių kalbos katedra, Lietuva*). Mokinių ir studentų požiūris į įsiminimo strategijas mokantis užsienio kalbų 637
- Ieva Rudzinska** (*The University of Latvia, Latvian Academy of Sport Education, Latvia*). Evaluating Quality of Esp Courses with the Help of Quality Models..... 645
- Галина Токарева** (*Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, Россия*). Реализация принципов контекстного и компетентностного обучения при преподавании курса «Русский язык и культура речи» в техническом вузе..... 652
- Алла Зимульдинова, Любовь Скалыч** (*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина*). Дидактические условия развития младших школьников..... 660

LINGVISTINIAI TYRIMAI

LINGUISTIC RESEARCH

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Jūratė Čirūnaitė** (*Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva*). Lietuvos totorių karių įvardijimas XVI–XVII a..... 667
- Ольга Деревянко** (*Белорусский государственный университет Факультет международных отношений*). Семантические заимствования в корейском языке..... 675
- Светлана Евстратова** (*Тартуский университет, Эстония*). Особенности перевода прозы В. М. Шукшина на эстонский язык..... 683
- Jurgita Girčienė** (*Lietuvių kalbos institutas, Lietuva*). Nominatyviniai adresato įvardijimai visuomeninius klausimus nagrinėjančiose pokalbių laidoje: sociolingvistinis aspektas..... 690
- Лариса Каминская** (*Санкт-Петербургский государственный университет,*

<i>Россия</i>). Албанский говор с. Георгиевка (Украина): к вопросу о фонетической интерференции.....	699
Laura Kamandulytė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Būdvardžių dažnumas ir leksinė įvairovė ankstyvojoje vaikystėje	706
Ксения Карасёва (<i>Белорусский государственный университет, Беларусь</i>). Методология семантического анализа китайского иероглифа.....	715
Lidija Kaukėnienė (<i>Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Dabartinės lietuvių bendrinės kalbos dvejetainės kilmės žemutinių balsių [a,], [e,] tyrimas	723
Ирина Левчук (<i>Волынский национальный университет им. Леси Украинки, Украина</i>). Специфика структурно-семантической организации филологической рецензии.....	730
Ирина Некипелова (<i>Ижевский государственный технический университет, Россия</i>). Корпусные методы в исследовании лексической и грамматической семантики древних памятников письменности и в описании языковой картины мира славян.....	736
Дмитрий Новиков (<i>Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России</i>). К проблеме разграничения языка и речи: об однозначности многозначных слов.....	745
Vytautė Pasvenskienė, Žieda Tamašauskaitė (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). Variation in Vowel Pronunciation of Northern British English Accents: Audiovisual Translation Perspective.....	752
Оксана Шередекина (<i>Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия</i>). Специализация конститuentов английских синонимических рядов в антрополингвистическом аспекте.....	770
Ольга Васнева (<i>Пермский государственный педагогический университет, Россия</i>). Базовые основы словообразовательных моделей демонимов.....	777
Эльвира Зарифуллина (<i>Ижевский государственный технический университет, Россия</i>). К вопросу о реализации автоматизированной системы хранения и обработки тезауруса древнерусских памятников письменности как экспертной системы.....	786
Danguolė Žalionienė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Žodžių vartosenos atspindžiai dabartinės lietuvių kalbos žodynuose ir tekstyнуose.....	792

LITERATŪRINIO DISKURSO TYRIMAI RESEARCH INTO LITERATURE DISCOURSE ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Валентина Андреева, Людмила Петровичева

Белорусский государственный технологический университет, Беларусь

ул. Свердлова 13а, 220050 Минск, Беларусь

Тел.: +37517-292-04-69

Эл. почта: askerkav@tut.by

Научные интересы: текстология, читателеведение, литературоведение и литература 2-й половины XX ст.

УЧАСТИЕ ЧИТАТЕЛЯ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Текст художественного произведения зависит не только от того, что написал автор, но и от читателя. Задача автора – подобрать тот набор слов, который вызовет у предполагаемого читателя нужные писателю представления. Личный жизненный опыт, уровень восприятия, манера чтения читателя, а также обстоятельства, сопровождающие процесс чтения, являются дополнительными факторами, «создающими» художественный текст.

Первым читателем произведения является сам автор. С этой точки зрения правки, сделанные автором в рукописи готового произведения, могут рассматриваться как правки читателя. Это – «материальное» вмешательство читателя в художественный текст.

Определенное право на такое вмешательство присвоила себе еще одна категория читателей – цензоры, редакторы и корректоры.

Обычный читатель влияет на текст «виртуально», в пределах своего воображения, «дописывая» за автора детали, события и проч. на базе «узнавания» идеи.

Наша цель – проанализировать влияние читателей всех трех категорий на текст произведения на примере повести Василя Быкова «Мертвым не больно» и романа Владимира Короткевича «Колосья под серпом твоим».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: читатель, интерпретация, художественный текст

Существует мнение, что художественное произведение создается не автором, а эпохой. «...Вовсе не намерение автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл», – считал Б. В. Томашевский и утверждал, что индивидуальная психология автора важна ровно настолько, насколько психология случайного читателя (Томашевский 1959, с. 152). Мысль ученого укладывается в рамки классического детерминизма, согласно которому все в мире предопределено суммой обстоятельств. Однако неотъемлемым признаком детерминизма считается возможность описать все факторы, создающие то или иное событие, явление, предопределяющие его. В случае с писателем, творческой работой это, нужно признать, невозможно. Потому утверждение Б. В. Томашевского нужно воспринимать не как отрицание необходимости всякого изучения намерений автора, а как констатацию важности роли обстоятельств нетворческого характера. Действительно, чтобы понять произведение в полной мере, чрезвычайно важно рассматривать его не только с точки зрения творческих намерений писателя, но и с учетом наиболее влиятельных факторов его возникновения.

Наиболее мощное влияние на текст художественного произведения имеет читатель. В классической теории литературного редактирования читатель представлен исключительно как рецептор текста, делегировавший защиту своих интересов редактору (Накорякова 2006, с.

38). Влияние читателя на текст рассматривается только в плане представлений автора об идеальном читателе, и задача редактора – приблизить это представление к реальному читателю. В книговедении, частью которого является читателеведение, читатель изучается с точки зрения понимания его интересов, потребностей, и в первую очередь таким изучением занимаются библиотеки и специалисты в области рекламы и пропаганды книги (Мелентьева 2006). Индивидуальное чтение изучается мало. В качестве основных методов используются опрос, анкетирование, контент-анализ профильной литературы и т. п.

На наш взгляд, текстолога не может удовлетворить такое представление о читателе, поскольку ни теория редактирования, ни книговедение не отражают роль читателя в творческом процессе. И хотя текстология широко рассматривает вопросы интерпретации (и ее множественности), а также изучает творческие и нетворческие аспекты истории текста, необходимо обозначить характер участия разных групп читателей в создании художественного произведения.

Основным методом изучения читателя как фактора, влияющего на текст художественного произведения, был анализ ремарок и поправок, сделанных в произведении читателями разных категорий, а также рецензий, критических статей и отзывов как формы проявления мнения читателя. На его основе мы попытались выделить категории читателей по характеру их чтения и степени влияния на текст произведения. Однако в силу того, что рассматриваемый вопрос имеет междисциплинарный характер и его решение требует внимания специалистов целого ряда наук: литературоведения, книговедения, редактирования, текстологии, истории литературы и пр., мы лишь наметили проблемы с т. зр. текстологии и рассмотрели те группы читателей, участие которых в создании текста бесспорно и очевидно. Поскольку объектом нашего исследования является белорусская литература 2-й половины XX века, полученные выводы будут корректны в первую очередь для произведений этого периода. Участие читателя в создании художественного произведения в другую эпоху будет иметь свои особенности, и их изучение требует отдельного анализа.

В качестве примеров предлагаются факты из истории текстов двух выдающихся произведений белорусской литературы – повести В. Быкова «Мертвым не больно» (1964–1965) и романа В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» (1962–1964). Оба произведения имеют сложную издательскую судьбу и до сих пор публикуются в вариантах, которые авторы не считали аутентичными. В данный момент перед белорусской текстологией стоит задача вернуть читателю авторское чтение произведений.

Первым читателем художественного произведения является сам автор. Широко известен афоризм В. О. Ключевского: «Тайна искусства писать – умение быть первым читателем своего сочинения». В процессе написания художественного произведения писатель стремится как можно ярче и полнее высказать свою мысль. Как только произведение закончено, автор как бы «отступает» на шаг от «полотна» и пытается посмотреть на текст цельно – так, как на него смотрит читатель. Как правило, на этом этапе замечаются и исправляются отдельные стилистические и композиционные недочеты. Правка может быть как обширной, так и эпизодической – это зависит от манеры письма автора. В теории текстологии известно, что автор, как правило, очень хорошо знает свой текст, а потому читая, видит не то, что написано, а то, что он писал. Для литературы 2-й половины XX века эта особенность авторского чтения проявляется не так сильно, как, скажем, для литературы XIX века, поскольку многие авторы были вынуждены перечитывать свой текст после того, как он был отпечатан на печатной машинке. Изменение формы представления текста делало автора более внимательным читателем своего произведения.

Писатель неизбежно оглядывается на мнение читателя. Как правило, автор имеет определенное представление, каков читатель его произведений, и стремится предугадать его реакцию на события сюжета, образы героев, лексику. Уже на этом этапе читатель – пока предполагаемый — является одним из важнейших факторов создания литературного произведения. В. Быков осознал это влияние довольно рано: еще в Гродно, в самом начале писательской карьеры, коллега по работе в редакции газеты В. Фридрихсон, с иронией

относившийся к героизму в военных рассказах В. Быкова, дал автору возможность почувствовать «другую сторону того, на что [тот] рассчитывал в восприятии произведений читателем» (Быкаў 2004, с. 207). Изменение представления писателя о реакции читателя привело к корректировке способа описания событий в новых произведениях, помогло В. Быкову найти свой стиль. Если в первых рассказах «героический подвиг Человека... оценивается Быковым в свете романтической концепции, выработанной его предшественниками в литературе», то в более зрелых повестях автор решает вопросы иного уровня: выбор личности в пограничной ситуации, природа добра и зла и др. (Тычына 2002, с. 643).

Писатель советского времени ставил себя на место не только обычного читателя, но и читателя-цензора. И именно так возникала автоцензура. К автоцензуре прибегали многие писатели, в частности, и В. Быков. В 1981 году, когда стоял вопрос о переиздании повести «Мертвым не больно», писатель в телефонном разговоре с директором издательства «Художественная литература» М. Дубенецким сообщил: «Я знаю *острые* места, их и буду *закруглять*» (Шапран 2009, с. 179). Как читатель-цензор, В. Быков вычеркнул рассуждения о том, что неизвестные солдаты по какой-то причине захватили приоритет в посмертной славе, о несправедливом распределении наград между тыловиками и фронтовиками и др. Влияние автора как читателя-цензора на текст также можно усмотреть в ненаписанном тексте песни сержанта из повести. Только в 1993 году В. Быков дополнил две строки известного куплета еще четырьмя, почти 30 лет существовавшими только в голове автора и в военном фольклоре:

Первая болванка попала в бензобак,
Вылез я из танка, сам не знаю как...
Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...
В танковой бригаде мне уж не служить.
А на завтра утром ведут в особотдел:
«Что же ты, мерзавец, в танке не сгорел?»

Читатели, которые имеют наибольшее влияние на текст художественного произведения, – редакторы и цензоры. Для белорусской литературы 2-й половины XX века редактор часто исполнял и роль цензора, впрочем, это не значит, что произведение пускалось в печать без одобрения Главлитом. К этой категории читателей можно отнести и издательских рецензентов, часто решавших судьбу рукописи.

Характер чтения в данном случае определяется склонностью читателя искать не только ошибки – стилистические, грамматические и проч., но и «крамолу»: идеи «абстрактного гуманизма», национального развития, индивидуализма, религиозные мотивы, критику власти и т. п. Однако анализируя поправки, сделанные читателями этой группы, необходимо учитывать, что они не обязательно были необходимы с точки зрения грамматики или стилистики или касались «запрещенных» тем: редактор мог сделать множество второстепенных исправлений, не связанных с настоящими претензиями, чтобы принудить автора переписывать текст, убедить, что писатель кругом не прав. Например, читая роман В. Короткевича «Колосья под серпом твоим», М. Танк, главный редактор журнала «Польмя», сделал немало замечаний автору. По существу, редактор был не согласен с магистральной темой романа – жизнь шляхты (с естественной религиозностью) и решающая роль ее в подготовке восстания 1863 года. Неприятие основной идеи вызвало ряд второстепенных редакторских претензий: рядом с совершенно понятными, хотя и смешными с точки зрения литературы, фразами типа «Все как матери Божии», «Когда конец этим приключениям с панами и царицей?» – «не идеологические» замечания «Конец нет этим красотам!», «Когда настанет конец этим смотринам?» и даже «Ну и мура!» (БГАМЛМ. Ф. 42, оп. 1, т. 1, ед. хр. 457, 458, 463, 464, 466, 468, 469). А редактор повести В. Быкова «Мертвым не больно» (быть может, цензор) обосновал необходимость переписать фразу «Мы слишком много несем в себе из прошлого. <...> *Что-то от многолетнего страха бериевщины*» правилами формальной логики: «Герой повести слишком молод, чтобы носить в себе страх бер[иевщины]» (БГАМЛМ. Ф. 37, оп. 1, ед. хр. 365, л. 10; 368). Т. е. нежелание выносить на

обсуждение читателей вопросы советского террора было прикрыто заботой о правильности изложения.

Существенное влияние на текст может оказать прочтение издательского рецензента. Характер чтения рецензента соответствовал в советской литературе характеру чтения редактора-цензора: поиск «крамолы». Очень хорошо степень влияния рецензента как читателя на текст можно проследить на примере истории издания романа «Колосья под серпом твоим» В. Короткевича. Издательская рецензия литературоведа, писателя М. Лужанина стала краеугольным камнем в работе над текстом. Несмотря на формальное одобрение произведения, рецензент не оставляет камня на камне от идей писателя, предлагает изменить ракурс, с которого описаны события, сосредоточиться на классовом подходе. Писатель с большим трудом добился права не переписывать роман полностью, однако на базе рецензии М. Лужанина в рукописи было сделано очень много редакторских помет, проигнорировать которые В. Короткевич не мог.

Наиболее придирчивыми редакторами и цензорами В. Быков называл друзей (Шапран 2009, ч. 2, с. 131). Но если близкий человек читает текст в рукописи, то автор волен не принимать его замечания (как, например, В. Быков и В. Короткевич). В том же случае, если друг исполняет роль издательского работника, текст может быть испорчен очень серьезно. Это подтверждается и анализом машинописи романа В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» с правкой, сделанной автором под руководством друга писателя А. Мальдиса (ЦНБ. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 24, 34). С одной стороны, друг-редактор действительно строго проследил, чтобы все замечания издательского редактора были учтены, все подчеркнутое исправлено, чем, возможно, облегчил выход романа в свет. С другой — автор явно не имел сил спорить с близким человеком, из-за чего многие исправления явно не осмыслены критически. Например, после того, как автор вычеркнул абзац, фраза из которого вызвала замечание редактора, в тексте появились существенные стилистические недостатки:

«Поднимали его в семь утра. Наверное, поздновато, поскольку в Озернице вставали раньше, и он чаще всего добрых полчаса лежал без сна.

Алесь лежал, каждый раз новыми после сна глазами, рассматривая голубые стены комнаты» (Караткевич У. 1968, кн. 1, с. 59).

Таким образом, приятельские отношения несколько не означают более корректной правки – наоборот, друг в роли читателя-редактора может сильнее навредить тексту художественного произведения, чем обычный редактор.

Обычный читатель, в отличие от редактора, воспринимает текст цельным и законченным, как бы подчиняется авторской воле, не претендуя на переработку произведения. Это можно проследить, в частности, и по читательским правкам, сделанным в тексте повести В. Быкова «Мертвым не больно» в библиотечном экземпляре журнала «Маладосць». Придирчивый читатель исправляет на уникальные национальные лексемы русизмы (*навязчывы – навязлівы, друг – сябра*) и несобственно белорусские слова (*фраза – выраз*). При этом до определенного момента он не приемлет и языковой стилизации – т. е. русизмов, использованных автором сознательно для характеристики персонажа в его репликах. Однако прочитав примерно третью часть повести, читатель перестает исправлять писателя – можно предположить, что привыкает к стилю автора. Важно отметить, что при таком строгом отношении к языку читатель не посчитал нужным вычеркнуть фразу или абзац – т. е. существенно изменить текст произведения.

Однако из-за непрременной рефлексии после непосредственного восприятия при каждом индивидуальном прочтении текста мы все же сталкиваемся с определенной долей искажения этого текста, обусловленной частной интерпретацией, основанной на индивидуальном опыте читателя (Завельская и др. 2001). Иногда особенности рецепции выплескиваются на страницы читаемого текста в виде читательских ремарок. Другим проявлением читательской реакции на художественный текст в советское время были письма к автору, а также в средства массовой информации.

Как частный случай обычного читателя выступают критики, литературоведы и т. п. Именно их интерпретация текста становится широко известной и существенно влияет как на автора, так и на других читателей. В советской литературе устоявшейся практикой было вначале печатать художественное произведение в «толстых» литературных журналах, и только после получения критических оценок текст мог быть издан отдельной книгой. Оценки, данные критиками, часто решали судьбу произведения. Нужно понимать при этом, что публикации, подписанные будто бы именами обычных людей или не подписанные вовсе, чаще всего были инициированы партийными органами. После выхода повести В. Быкова «Мертвым не больно» на белорусском языке в печати появились положительные отзывы о тексте (Главацкі 1965; Буран 1965; Дзюбайла 1965; Петкевич 1965 и др.). Однако критики обошли вниманием главную идею произведения, сосредоточившись на теме героизма советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Автор даже забеспокоился: «...появилось такое ощущение, что главной идеи произведения могут не понять, и я не знал, как отнестись к этому» (Быкаў 2004, с. 239). После выхода перевода повести на русский язык в журнале «Новый мир» на автора обрушилась волна критики (Герцовіч 1966; Вопреки правде... 1966 др.), после которой дискуссии быть не могло.

Повесть «Мертвым не больно» была обречена на забвение — не тем, что ее повторное издание запрещалось, переиздать текст можно в любое время, но запретом на ее обсуждение, критику. Листы с положительным упоминанием повести вырывались из книг, что лишало обычного читателя, а также издателя, литературоведа информации о произведении, замораживало его обсуждение и интерпретацию (Шапран 2009, с. 142, 311). Отрицательные же отзывы, напротив, печатались широко и повсеместно. В итоге сегодня в работах по истории литературы эта повесть почти не упоминается, как будто она была второстепенной, проходной, а не наиболее автобиографической среди текстов В. Быкова и первой в ряду антикультуровских, направленных против советской системы.

Важно отметить, что наиболее близкую к авторской интерпретацию идей повести представляют внутренние документы ЦК КПСС (Мертвым – не больно... 2004). В. Степанков, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, и В. Шауро, зав. отделом культуры, в докладной записке в адрес ЦК от 15 апреля 1966 года сообщали, что В. Быков в повести отстаивает «абстрактную» справедливость, не учитывая классовые критерии, не проводит различия между зверствами фашистов и советских солдат, высказывает мысль, что и среди немцев, и среди советских граждан люди бывают разные. Если отбросить негативные оценки и возмущение авторов документа, нужно признать, что представленная картина наиболее полно передает идеи В. Быкова, в то время как положительные отзывы на повесть в то время не могли открыто изложить основные тезисы произведения. Таким образом, боязнь преследования со стороны партийных структур вела к тому, что обычные читатели были вынуждены искажать повесть (в своем прочтении), придумывая менее конфликтные подходы к интерпретации текста, в то время как читатели, придерживающиеся официальной доктрины советского государства, могли взглянуть на произведение непредвзято. Они не искажали смысл, вложенный автором в текст, а только давали ему оценку с точки зрения своей системы ценностей.

Таким образом, нам удалось выделить три категории читателей: автор как читатель, читатель-редактор (цензор, издательский рецензент) и обычный читатель (как частный случай — критик-литературовед).

Характер влияния на текст автора как читателя определяется представлением автора о читателе. После его чтения может быть изменен текст произведения. Как правило, исправления, сделанные писателем с позиции читателя, признаются авторскими и считаются доработкой текста. В том же случае, если автор исправлял текст с позиции читателя-цензора, можно говорить о неаутентичности поправок и попытаться восстановить оригинальный текст.

Особенность чтения редактора – поиск ошибок, как стилистических, грамматических, так и идеологических (в последнем случае определение «ошибки» зависит от эпохи, в

которую произведение создано и прочитано редактором, а также от личности редактора). Текст произведения терпит существенные изменения. Определение характера таких изменений – наиболее сложная задача в текстологии. Выход текста в свет является пассивной авторизацией всех исправлений. Для того, чтобы снять отдельные поправки, необходимо владеть информацией, подтверждающей, что автор был не согласен с ними.

Чтение обычного читателя характеризуется влиянием на произведение на уровне его интерпретации. Каждый человек, в зависимости от жизненного опыта, склонен обращать большее или меньшее внимание на одни и те же события сюжета, сентенции автора. Большое влияние на интерпретацию произведения имеют критики-литературоведы, мнение которых опубликовано в СМИ. Однако влияние читателей этой категории не распространяется на текст в силу того, что обычный читатель воспринимает произведение цельно, не пытается его улучшить. Чем дальше по времени читатель отстоит от создания произведения, тем меньше у него возможностей повлиять на его интерпретацию. Редкий человек способен не поддаться общепринятым убеждениям и трактовкам, посмотреть на произведение свежо, непредвзято.

Редактору, и редактору-текстологу в частности, важно не пренебрегать обычным чтением произведения на всех этапах его фиксации: в рукописи, машинописи, на разных этапах правки. Такой подход позволит избавиться от давления авторитета последнего текста, принимаемого за канонический в данный период. Д. С. Лихачев считал, что «во всех спорных и неясных случаях решающим критерием должен быть критерий эстетический» (Лихачев 2001, с. 653). Обычное чтение даст возможность оценить эстетические качества текста и найти дополнительные аргументы в вопросе выработки канонического текста. Понимание характера участия в создании художественного произведения читателей разных категорий – необходимое условие для устранения искажений в тексте и его интерпретации.

Литература

- БУРАН, В., 1965. Боль живых. *Літаратура і мастацтва*. Мінск, 28 верас., с. 3.
БЫКАЎ, В., 2004. *Доўгая дарога дадому*. Мінск: Кніга, 544 с.
Вопреки правде жизни, 1966. *Советская Белоруссия*. Минск, 8 апр., с. 4.
ГЕРЦОВИЧ, Я., 1966. *Дзвюх праўд не бывае... Звезда*. Мінск, 1 лют., с. 2–3.
ГЛАВАЦКІ, Л., 1965. *А жывым баліць... Віцебскі рабочы*. Віцебск, 28 жн., с. 4.
ДЗЮБАЙЛА, П., 1965. Прыкметы творчай сталасці. *Літаратура і мастацтва*. Мінск, 19 кастр., с. 4.
ЗАВЕЛЬСКАЯ, Д. А.; ЗАВЕЛЬСКИЙ, А. А.; ПЛАТОНОВ, С. И., 2001. Текст и его интерпретация. <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=149>.
КАРАТКЕВИЧ, У., 1968. *Каласы пад сярпом тваім*. У 2 кн. Мінск: Мастацкая літаратура, 383 с.
ЛИХАЧЕВ, Д. С., 2001. *Текстология*. На материале русской литературы X–XVII вв. Санкт-Петербург: Алетей, 759 с.
МЕЛЕНТЬЕВА, Ю. П., 2006. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения. *Библиотечное дело*, № 10, Москва, с. 2–6.
Мертвым не больно, больно — живым, 2004. *Вопросы литературы*. № 6, Москва, с. 210–215.
НАКОРЯКОВА, К. М., 2006. Литературное редактирование. *Общая методика работы над текстом: практикум*. Москва: Икар, 432 с.
ПЕТКЕВИЧ, А., 1965. Сердце не может молчать. *Гродненская правда*. 20 ноября, Гродно, с. 3.
ТОМАШЕВСКИЙ, Б. В., 1959. *Писатель и книга. Очерк текстологии*. Москва: Искусство, 280 с.
ТЫЧЫНА, М., 2002. Васіль Быкаў. *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя*. Т. 3, 1941–1965. Мінск: Беларуская навука, с. 640–688.
ШАПРАН, С., 2009. *Васіль Быкаў: Гісторыя жыцця ў дакументах, успамінах, лістах*. У 2 ч. Мінск: Гародня, 774 с.

Valiantsina Andreyeva, Liudmila Petrovicheva

Belarusian State University of Technology, Belarus

Research interests: textual criticism, reader investigation, literary criticism and literature of the 2nd half of the 20th XX century

THE READER'S PARTICIPATION IN THE CREATION OF A FICTIONAL TEXT CREATION

Summary

Fictional texts depend not only on what an author has had written, but on the a reader too. The author's task is to select the set of words that will produce necessary images to the reader. The r necessary images. Reader's private life experience, their levels of perception level, reading patterns, and reading conditions are the additional factors that create fictional texts.

The author is the first reader of his/her own text. That i's why the writer's editing of the manuscript can be considered to be the reader's editing. It is a real reader's intervention in a fictional text.

There is one more group of readers group that appropriate a specific right to interfere in the text. They are censors, editors, and proof-readers.

Normally readers influence fictional texts virtually, in their own imagination. They add details on the level of the recognition of ideas.ideas recognition basis.

Our purpose is to analyze the influence of all three categories of readers category on fictional texts on the basis of example V. Bykau's story *The Dead Feel No Pain* and U. Karatkevich's novel *Spikes under Your Sickle*.

KEY WORDS: reader, interpretation, fictional text.

Ольга Андреевских

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
ул. Алексеевская 33-3, 60305 Нижний Новгород, Россия

Эл. почта: o.s.andreyevskikh@rambler.ru

Научные интересы: английская литература XX века

ОБРАЗ В. ВУЛФ В ЛИТЕРАТУРЕ XX-ГО ВЕКА

Статья посвящена анализу рецепции образа Вирджинии Вулф в современной литературе на примере пьес американского драматурга Эдварда Олби «Не боюсь Вирджинии Вулф» и канадского драматурга Эдны О'Брайен «Вирджиния», романов американского писателя Майкла Каннингема «Часы» и бельгийской писательницы Жаклин Арпман «Орланда». В статье анализируется динамика изменений в восприятии образа В. Вулф в течение XX-го века; рассматриваются некоторые аспекты рецепции творчества писательницы; определяются темы и мотивы произведений Вулф, вызвавшие отклик указанных литераторов. Автор статьи ставит своей целью доказать, что рецепция творчества английской писательницы осуществляется прежде всего в контексте ее биографии и определяется индивидуальным отношением самого литератора к личности В. Вулф.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ, рецепция.

Как произведения Вирджинии Вулф, так и сам образ английской писательницы, ее личность вызывали неизменный интерес на протяжении всего XX-го столетия. Динамику этой рецепции интересно проследить на примере таких произведений как пьеса Э. Олби «Не боюсь Вирджинии Вулф», пьеса Э. О'Брайен «Вирджиния», роман М. Каннингема «Часы», роман Жаклин Арпман «Орланда».

Название пьесы американского драматурга Эдварда Олби «Не боюсь Вирджинии Вулф» (*E. Albee "Who's Afraid of Virginia Woolf" 1962*) красноречиво. Действие разворачивается в течение одной ночи на территории небольшого колледжа в Новой Англии, в гостиной дома, где живут супруги Джордж, преподаватель истории, и Марта, дочь ректора. Они возвращаются домой с приема, устроенного ректором в честь прибытия новых преподавателей. К ним приходят гости — Ник и Хани, молодая супружеская пара из новичков. Ночь, проведенная под одной крышей, становится переломной во взаимоотношениях каждой из пар. Интересно, что эту пьесу «некоторые американские театроведы считают современным стилевым вариантом давней елизаветинской темы «войны полов», которая образует сюжет «Укрощения строптивой» и драм Стриндберга» (Олби 1976, с. 294). Действительно, отношения Марты и Джорджа можно считать явной разработкой этой темы, в то время как между Ником и Хани идет скорее скрытая «война». Противостояние Марты и Джорджа обозначено уже в начале первого действия. Женщина вызывает раздражение мужа тем, что пьет много алкоголя, что пригласила гостей, не посоветовавшись с ним. Словесная перепалка содержит и ругательства, и оскорбления. Тяжело переживая невозможность иметь детей, супруги придумывают игру «Расти ребенка»: у них есть воображаемый сын Джимми, они представляют его внешность, характер, сочиняют его биографию. Эта игра – главный предмет их споров и ссор. Назло мужу Марта рассказывает Хани о «сыне», отчего Джордж приходит в бешенство. Отношения между супругами обостряются, когда Джордж понимает, что Марта и Ник симпатизируют друг другу. В гневе он швыряет книгу в дверные колокольчики. На их звон приходит Хани, ей кажется, что кто-то звонил, кто-то пришел. Это подает Джорджу идею. Ситуация зашла в тупик, и он решает прекратить игру: сообщает жене, что пришло известие о гибели сына. Марта реагирует на решение «убить ребенка» очень агрессивно, она уверена, что у Джорджа нет права решать одному. Однако эта неожиданная и жестокая развязка приносит обоим облегчение.

Хотя, по словам драматурга, названием пьесы послужила надпись, нацарапанная на зеркале в каком-то баре, все же имя В. Вулф использовано не случайно. Олби заявлял, что «Не боюсь Вирджинии Вулф» означает, конечно, что нам не страшен серый волк... нам не страшно жить без фальшивых иллюзий» (Олби 1976, с. 298). Эта фраза – отрывок из песенки, и он становится лейтмотивом пьесы. Заглавие связано с двумя центральными конфликтами произведения: это противоречие между реальностью жизни героев и их иллюзиями и противостояние мужского и женского начал. Упоминание имени английской писательницы вызывает ассоциации с группой Блумсбери, обществом интеллектуалов-новаторов („*high brow*”), аристократов, далеких от жестокой действительности. Образ Вирджинии Вулф – это образ женщины, совершившей самоубийство, будучи не в силах бороться с реальными проблемами, ищущей спасения в собственных фантазиях. Имя ее становится символом самообмана, «фальшивых иллюзий», бегства от реальности. С образом В. Вулф ассоциируется и тема бездетности. Кроме того, заглавие пьесы вводит зрителя в контекст новоженской литературы, связанной с процессом эмансипации и характеризующейся бунтом против патриархального общества. Марта не довольна своим мужем, считает его неудачником, а недовольство жены только усугубляет разочарованность Джорджа в собственной судьбе: «Марта ... И вот теперь я прикована к этому ничтожеству... этому болтуну из болотца исторического факультета...

Марта (повышая голос, стараясь перекрыть Джорджа).

... женатому на ректорской дочке, от которого все чего-то ждали, а он оказался ничевушкой, черт знает кем, книжным червем, до такой степени погруженным в свои думы, что больше его ни на что не хватает. И чтобы завоевать чье-нибудь уважение? Да у него кишка тонка... Ладно, Джордж, ладно!» (Олби 1976, с. 120)

Джордж (сначала тихо, потом все громче и громче, заглушая ее).

Я сказал, замолчи. Ах, так? Ну, ладно! (Запевает)
Не боюсь Вирджинии Вулф
Вирджинии Вулф
Вирджинии Вулф
Не боюсь Вирджинии Вулф
Ранним вешним утром.

Джордж понимает, что в словах Марты есть доля правды, что он и в самом деле не добился того, что хотел получить от жизни. Но он не желает признавать правоту жены и заглушает ее голос забавной песенкой.

В произведениях В. Вулф, как правило, сталкиваются герои-носители мужского и женского начала. Женское начало в ее романах – стихийное, темное, чувственное; мужское – интеллектуальное, духовное, рациональное. Хотя женщина и противопоставлена мужчине, именно в союзе с ним она способна обрести гармонию. «Война полов» в пьесе Олби также скрывает любовь героев друг к другу, а «смерть» выдуманного ими ребенка разрешает конфликт и объединяет их. Пьеса завершается сценой примирения супругов, возврата в действительность. Фраза-лейтмотив, вновь звучащая в финале, замыкает кольцевую композицию произведения и придает заключительным репликам героев трагический оттенок:

«Джордж (ласково кладет ей руку на плечо, она откидывает голову назад, и он поет ей совсем тихо). Не боюсь Вирджинии Вулф

Вирджинии Вулф

Вирджинии Вулф

Марта ... Боюсь... Джордж... Боюсь...» (Олби 1976, с. 205)

Автор безжалостен к своим героям – к миру далеких от реальности, потакающих собственным слабостям, погрязших в самокопании и жалости к себе интеллектуалов; к миру, который олицетворяет собой Вирджиния Вулф. Такая авторская позиция характерна для революционного театра США периода 1960-х годов, а подобная оценка творчества Вулф и модернистского романа вообще соответствует провокационному, бунтарскому духу произведения Э. Олби.

Действующие лица пьесы Эдны О’Брайен (Edna O’Brien 1932-) «Вирджиния» (*Virginia*, 1980) – сама Вирджиния Вулф, Мужчина (*The Man*, в первом действии это отец

героини, Лесли Стивен, во втором - ее муж, Леонард Вулф), Вита (Виктория Сэквилл-Уэст). Сюжетная канва охватывает период жизни писательницы с начала XX века до трагической гибели в 1941 году и основана на реальных деталях биографии. Декорации отсутствуют, во время спектакля на экран проецируются слайды с видами Лондонских улиц, Блумсбери, сельской местности. В реплики персонажей вплетаются цитаты из произведений Вулф, дневниковых записей, писем.

Автор противопоставляет Вирджинию и Вите, и Мужчине. В отличие от своей подруги, главная героиня не столь экспансивна, она скорее погружена в самое себя. Вита прямолинейна, не скрывает своих мыслей и чувств, порой даже грубовата: “a dashing woman of 37, regal bearing, with bohemian manners. She is sensuality as opposed to Virginia’s etherealness” (O’Brien 1981, с. 7).

Познакомившись на приеме с Витой, Вирджиния отмечает, что та ей не понравилась. Но во время беседы наедине она не может устоять перед обаянием личности Виты. Вита, по ее собственным словам, - “a woman... but a million other things. A snob? Ancestors – proud of them. Greedy, luxurious, vicious, don’t care a damn. Like lying on fine linen listening to the pigeons” (O’Brien 1981, с. 38). Вита упрекает ее в том, что она не чувствует людей, что люди для нее только материал. В разговоре с Леонардом она дает такую оценку Вирджинии: “She is devilish... But she is an exquisite companion, vulnerable, sensitive, and for the record, I do love her... It’s a spiritual thing, an intellectual thing. She inspires a feeling of tenderness” (O’Brien 1981, с. 43, 44). Несмотря на симпатию к Вирджинии, Вита покидает ее, чтобы отправиться к мужу в Персию. Для героини это доказательство того, что чувства возлюбленной не так глубоки, как ее собственные: “Harold is a happy man and I am an envious woman... Damned lustruous face of yours, I wish to god I’d asked you to write...” (O’Brien 1981, с. 47, 48). Она борется с ревностью и обидой, решая начать биографию Виты, в которой сможет рассказать о своих чувствах: “What would happen if I let myself over a precipice – marked V? No, I won’t come. I shall stay here and write about it. That shall be my victory. Ain’t people cussed. Orlando. A biography” (O’Brien 1981, с. 48). Вита – земная, страстная, неверная возлюбленная, ее эмоции сильны, но не надежны. Вирджиния держит переживания в себе; внешне спокойная, в действительности она испытывает сильные чувства. В творчестве же она находит возможность открыться и разрешить внутреннюю драму.

Противопоставление Вирджинии отцу и Леонарду – это реализация конфликта женского и мужского начала, попытка женского сознания обрести свободу, выйти из-под патриархального влияния. В первом действии героиня тоскует по умершей матери – любящей, доброй, сердечной, и ревнует ее к отцу. Конфликт с отцом – первое столкновение с патриархальным давлением. Смерть матери приводит к первому серьезному нервному срыву Вирджинии, а также усугубляет ее критическое отношение к отцу, провоцирует обиду на его холодность, неприступность, невнимание. Неприязнь переплетается с любовью и восхищением. Но дочерние чувства безответны, и холодность отца вызывает ненависть. На примере родителей Вирджиния познает различие в общественном положении и образе жизни женщины и мужчины, и это не может не вызвать у нее негодования и неприятия: “I am unlearned. Make no mistake the Greeks are for men, the Treasury is for men, Whitehall is for men, the world belongs to men” (O’Brien 1981, с. 15). Несмотря на это, именно в мужчине, в муже она обретает опору, что дает ей возможность заниматься творчеством и помогает бороться с приступами безумия.

Эдна О’Брайен не игнорирует и творческий аспект жизни В. Вулф. Писательница сомневается в собственной литературной состоятельности, болезненно реагирует на недоброжелательную критику:

“Virginia: [sharply] «I am a peeper, not a looker. I am fundamentally prude.» There is a queer disreputable pleasure in being abused, in being a martyr, having one’s back to the wall. I shall write a pamphlet On Being Despised.

Leonard: They cannot touch you, only as a robin can affect a rhinoceros.

Virginia: The subject of her writing was the little world of people like herself, a small class, a dying class, a class with inherited privileges, private incomes and sheltered lives” (O’Brien 1981, с. 52).

Непонимание читателей не может не огорчать писательницу, особенно болезненно воспринимаются упреки в буржуазности и ограниченности ее творческого потенциала. Вирджиния решает отгородиться от внешнего мира, поэтому, например, отказывает в интервью приехавшему к ней журналисту – ей нечего сказать публике, которая лишь извратит ее слова, даже не пытаясь вникнуть в заключенные в них мысли и чувства.

Изоляция помогает героине сохранять ясность рассудка, но вскоре на нее обрушивается новый удар. Идет Вторая мировая война, упорная работа ухудшает состояние писательницы. Известие о том, что во время воздушного налета был полностью разрушен их дом в Лондоне, становится настоящим шоком, от которого Вирджиния не может оправиться. Она чувствует, что в этот раз не в силах бороться с болезнью, поэтому оставляет последние письма мужу и сестре Ванессе и совершает самоубийство. В письме к Леонарду она говорит о своей любви и благодарности, о том, что не хочет дольше мучить его – так разрешается в пьесе конфликт мужского и женского начал. Смерть ужасна, но дает героине освобождение от страха перед войной и безумием.

Автор поэтизирует образ английской писательницы, вызывая сочувствие к ее судьбе, личной драме. Самоубийство героини трактуется не как бегство от реальности в мир фантазий, иллюзий, а как трагическое следствие тяжелой болезни, усугубленной жизненными трудностями. Этот поступок свидетельствует не о слабости героини, а скорее о повышенном чувстве ответственности перед близкими и любимыми людьми. Понимая, что умирает, погибает духовно, она решает убить себя физически. Подобная интерпретация образа Вулф характерна для 1980-х годов, когда в преддверии столетия со дня рождения писательницы резко возрастает интерес и к ее творчеству, и к ее биографии. Во многих исследовательских работах того периода есть общая черта: особое внимание уделяется личностным аспектам творчества; освещаются достаточно интимные подробности жизни, связанные с психическим состоянием Вулф и ее любовными отношениями; трагическая кончина вызывает сожаление, но никак не упреки или осуждение.

Роман Майкла Каннингема (*Michael Cunningham*) «Часы» (*The Hours*, 1998) вызвал чрезвычайно широкий отклик и был очень высоко оценен публикой, о чем свидетельствуют последовавшие вскоре и переводы, и блестящая экранизация книги британским режиссером Стивенем Долдри (*Stephen Daldry*). Уже в самом названии произведения содержится аллюзия на роман В. Вулф «Миссис Дэллоуэй»: по первоначальному замыслу писательницы бой Биг Бена должен был служить способом ритмической организации текста романа «Миссис Дэллоуэй» (Михальская 1966, с. 91), а сам роман носил рабочее название «Часы» (Жантиева 1965, с. 59). Книга американского писателя также выполнена в технике «потока сознания»; три сюжетные линии развиваются в течение одного июньского дня, но в разных временных пластах.

Временной уровень повествования, обозначенный автором как «Миссис Дэллоуэй» – это один день из жизни американки Клариссы Воган, которую ее лучший друг, поэт и писатель Ричард Браун до сих пор называет юношеским прозвищем, «миссис Дэллоуэй». Место действия – Нью-Йорк конца XX-го века. Кларисса, как и миссис Дэллоуэй, начинает свой день с того, что покупает цветы для званого вечера, который она устраивает в честь Ричарда: за роман, который он писал в течение десяти лет, ему присуждена престижная Карруцеровская премия. У Клариссы Воган тоже есть дочь, Джулия, отношения с которой несколько напряжены из-за ее старшей подруги, Мэри (Кларисса ее недолго любит). Она живет достаточно заурядной семейной жизнью, отношения с Салли, ее любимой женщиной и партнером, пресноватые, но надежные и устоявшиеся. Как и героиня Вулф, Кларисса погружена в размышления о прошедшей жизни, о юности, о любви, что связывала когда-то ее и Ричарда, об обыкновении и пошлости настоящего. Она тоже сталкивается с

самоубийством: Ричард, умирающий от СПИДа, полубезумный человек, живущий в мире собственных фантазий, постоянно слышащий голоса, на глазах у Клариссы падает из окна.

Второй временной пласт обозначен заглавием, несущим дополнительную смысловую нагрузку: «Миссис Браун» вызывает ассоциации с хрестоматийной статьей В. Вулф «Мистер Беннет и миссис Браун» (*“Mr Bennet and Mrs Brown”* 1924). Миссис Браун – это мать Ричарда, Лора. Она увлеченно читает роман «Миссис Дэллоуэй», и произведение служит ей убежищем от обывательской реальности. Лора проводит параллели между собой и героиней романа, а также и самой писательницей. Лора с удовольствием обдумывает возможный способ бегства от жизни – самоубийство, это дает ей ощущение собственной свободы: «Она думает о невинной, сверхчувствительной Вирджинии Вулф, не справившейся с невыносимым бременем жизни и творчества; представляет, как она входит в воду с камнем в кармане пальто... Это было бы не сложнее, чем зарегистрироваться в гостинице» (Каннингем 2000, с. 78). Однако Лора Браун избирает иной путь. Она не уходит из жизни, но уходит из семьи: после рождения второго ребенка, дочери, она оставляет мужа и детей и уезжает в Торонто.

Образ В. Вулф и реальная биографическая сюжетная линия связаны прежде всего с прологом, повествующим о самоубийстве великой романистки. Впоследствии биографический временной план выделен заглавием «Миссис Вулф» и переносит читателя в один из дней 1923 года, когда писательница обдумывает план будущего шедевра и приступает к работе над «Миссис Дэллоуэй». По настоянию врачей и мужа она вынуждена жить в пригороде Лондона, но тоскует по столице, тихая сельская жизнь ей претит. Текст выстраивается как «поток сознания» Вирджинии, раскрываются ее взаимоотношения с мужем, сестрой, слугами. Автор делает попытку проникнуть в творческую кухню Вулф, показать развитие художественного замысла, проанализировать эстетическую установку писательницы.

Темы романа Каннингема вдохновлены творчеством В. Вулф (самоубийство, отчуждение от обывательской реальности, сапфизм). Три сюжетные линии – реальная и вымышленные – объединены образом знаменитой англичанки, аллюзиями и цитатами из первого написанного ею модернистского произведения. Замысел автора, наверное, наиболее точно и полно раскрывается в финале романа, в размышлении Клариссы Воган: «Да, ... этот день слишком затянулся. Мы отказываемся от вечеринок; бросаем наши семьи ради одинокой жизни в Канаде; мы пишем книги, не способные изменить мир, несмотря на наш дар и непрекращающиеся усилия, несмотря на наши самые смелые ожидания. Мы живем свою жизнь, делаем то, что делаем, а потом спим – все довольно просто на самом деле. Одни прыгают из окна или топят, или принимают снотворное; другие – такое бывает несколько чаще – гибнут в результате несчастных случаев; и, наконец, большинство, подавляющее большинство из нас медленно пожирается какой-нибудь болезнью или – если очень повезет – самим временем. А в качестве утешения нам дается час там, час тут, когда, вопреки всем обстоятельствам и недобрым предчувствиям, наша жизнь раскрывается и дарит нам все, о чем мы мечтали, но каждый, кроме разве что маленьких детей (а может быть, и они не исключение), знает, что за этими часами обязательно придут другие, гораздо более горькие и суровые. И тем не менее мы любим этот город, это утро; мы – постоянно – надеемся на лучшее» (Каннингем 2000, с. 111). Мысль автора перекликается с эстетической установкой В. Вулф, которую та выразила в программной статье «Современная художественная проза» (*“Modern Fiction”* 1919): реальность – это цепь фрагментов, мелких атомов, на первый взгляд незначительных впечатлений, воспоминаний, которые ежедневно атакуют сознание человека. Но именно это и есть жизнь, «неуловимый светящийся ореол», поэтому писатель может лишь регистрировать, фиксировать все, что воспринимается сознанием героя. Фрагменты, часы могут быть счастливыми или горькими, но человек не должен терять любовь к жизни.

Фигура В. Вулф и ее необычный роман-биография «Орландо» оказали неоспоримое влияние и на бельгийскую писательницу Жаклин Арпман (*Jacqueline Harpman*), издавшую в 1996 году роман «Орланда» (*Orlanda*). Фабула романа такова: Алина Берже, тридцатипятилетняя университетская преподавательница литературы, сидя на

железнодорожном вокзале, размышляет о жизни, о лекции по творчеству Вирджинии Вулф, которую ей предстоит написать, перечитывает центральный, кульминационный эпизод «Орландо» о превращении, и в голову ей приходит причудливая идея: что, если сменить пол? Она обращает внимание на привлекательного молодого человека. Его молодость и красота оказывают на нее настолько сильное впечатление, что она непроизвольно начинает фантазировать, каково это было бы, если бы она смогла стать этим молодым человеком. Ее дух разделяется на две половинки: одна остается прежней Алиной, другая «выселяет» юношу из его тела. С этого момента жизнь героини раздваивается. Алина одновременно и мужчина, и женщина. Прежняя Алина и не подозревает о произошедшем переселении. Но новая «Алина» прекрасно осознает, что произошло. Новая «Алина» - это то мужское начало, которое, как и во всякой женщине, долгое время дремало в душе Алины, до тех пор, пока это мужское начало не развилось до такой степени, что настала пора обособиться и зажить самостоятельной жизнью.

Новое существо, вселившееся в тело Люсьена Леффена, начинающего журналиста, начинает воплощать в реальности все те фантазии и желания, которые не удавалось реализовать Алине, «хорошей девочке» с прекрасным воспитанием. Автор дает этой новой сущности имя: Орланда, в честь героя/героини Вирджинии Вулф, чья судьба подсказала идею этого необыкновенного приключения.

Постепенно Орланде становится трудно, даже физически невыносимо существовать вдали от Алины, и он принимается следить за ней, стремясь хотя бы быть рядом. Кульминация романа – встреча Алины и Орланды, когда во время откровенного разговора Алина узнает о происшедшем. С этого момента они все больше времени проводят вместе, не мысля жизни друг без друга, однако встречаться все труднее, их общение вызывает подозрения и любовника Орланды и жениха Алины, и Алина решается на очень серьезный шаг. Она стреляет в Орланду, убивая реального человека, Люсьена, и тем самым обеспечивая возвращение своего второго «я» и обретая духовную цельность.

Роман Ж. Арпман связан с произведением Вулф не только названием. Роман, как и «Орландо» В. Вулф, чрезвычайно интертекстуален, он весь пронизан аллюзиями и ссылками на творчество и биографию Вулф, М. Пруста (Алина написала диссертацию, посвященную его знаменитому циклу), А. Жида и других. В частности, Алина готовит лекцию об «Орландо» и постоянно спорит со своим другом Шарлем, также исследователем литературы, о его сущности и роли в творчестве Вулф.

Героиня Арпман проводит параллели между собой и Вирджинией Вулф, но отнюдь не преклоняется перед последней: «Что отличает меня от миссис Дэллоуэй? Она богата, я - работаю, как и Вирджиния Вулф, чьи герои *никогда* не работали... Ее персонажи – прибежище банальностей. Боже мой, проводить месяцы и годы своей жизни в обществе Клариссы Дэллоуэй и Бетти Флендерс! Есть от чего сойти с ума!.. очевидно, что, именно борясь со своим безумием, она вкладывает в голову каждого своего героя избитые мысли, потому что ее ужасают собственные» (Арпман 2003, с. 52). Алина не создает, а анализирует литературные произведения, но в ней тоже есть тяга к сочинительству: «я чувствую мощный порыв, несущий Алину от коротких фраз к длинным стройным тирадам, пересыпанным сакраментальными «кто» и «что»... Алина находится внутри себя и одновременно присутствует на странице, ведомая твердой рукой, верной наперсницей и доброй служанкой любого замысла. Орланда, который в этот момент наводит порядок в квартире Люсьена Леффена, наверняка сказал бы на это: «Черт возьми, девочка моя! Если так любишь писать, какого фига корячишься над чужими книжками? Пиши свои!» А Алина, которой подобная мысль чужда, ответила бы, что задумывание и вынашивание литературного произведения – мужское дело, забывая, что изучает творение женщины: наставления матери так глубоко угнездились в подсознании, что Алина всегда автоматически следует им» (Арпман 2003, с. 78).

Помимо «литературности», роднит роман Арпман с произведением Вулф и специфика категории автора. Автор в «Орланде» - двойник пародийного рассказчика-биографа в

«Орландо». Он то и дело прерывает повествование размышлениями о характерах и судьбах героев, о трудностях создания литературного произведения. В отличие от рассказчика-биографа в произведении Вулф, автор-рассказчик в произведении Арпман позиционирует себя как автор романа. В качестве эпиграфа выбрана цитата из литературного словаря: «Роман: вымышленная история в прозе, в которой автор старается возбудить интерес читателей, живописуя нравы и страсти или же придумывая невероятные приключения» (Арпман 2003, с. 1). Таким образом, жанровая принадлежность произведения приобретает особое значение: это то, что отличает роман Арпман от его предтекста, ведь именно над жанровой природой «Орландо» Вулф ломает голову Алины.

Финал романа бельгийской писательницы, почти детективный, – убийство Люсьена и воссоединение Алины – возвращает читателя в эпоху массовой литературы, столь далекой от художественного мира Вулф. Рассказчик сообщает, что «убийцу Люсьена Лефрена, конечно, так и не нашли..., полиция не надрывалась» (Арпман 2003, с. 298). В «Моралите», завершающем роман и являющимся своеобразным эпилогом, автор-рассказчик рассуждает о том, кто виновен в столь трагичной судьбе молодого человека: «А кого, собственно, удалось бы покарать за его смерть? Алину? Но она сегодняшняя – «воссоединившаяся», так сказать, – была автором преступления лишь отчасти. Ту ее сущность, которая убила, опровергает Орланда, не желавший этой смерти, а тело у жертвы было украдено существом, которого больше нет. Будь я судьей – попала бы в затруднительное положение! Скажете, во всем виновата я? Бросьте! Я всего лишь сочинила роман, придумала историю. На моих руках нет крови – разве что немного чернил... Кстати, я никогда не утверждала, что пишу истории, корректные с моральной точки зрения» (Арпман 2003, с. 299). В эпоху массовой литературы автор «не несет ответственности» за поступки своих персонажей, а также за смерть кого-то из них. Рассказчик лишь придумывает историю, пародируя произведение Вулф, представляет, как мог бы развиваться сюжет, подобный сюжету английской модернистской биографии «Орландо», в XX-м столетии.

Роман Жаклин Арпман по-новому раскрывает темы, ключевые для «Орландо» В. Вулф: литература и литературное творчество, становление творческой личности и проблема творческой и индивидуальной свободы, проблема взаимоотношений мужчины и женщины, социальная роль женщины. Несмотря на пародийный характер, а порой и на некоторую скандальность, бульварность, роман обладает довольно серьезным подтекстом, который роднит его с произведением Вулф гораздо больше, нежели прямые аллюзии и сюжетные параллели: этот подтекст связан с образом главной героини. Алина изначально обладает всеми задатками для того, чтобы стать яркой творческой личностью, талантливой писательницей и интересной, незаурядной и внутренне раскованной женщиной. Однако строгое материнское воспитание в свое время подавило в ней многие душевные порывы, загнало многочисленные стремления и желания глубоко в мир подсознания. Результатом постоянного подавления собственного «я» стало для Алины ее раздвоение, благодаря которому она смогла обрести цельность натуры, реализовать свои самые потаенные мечты. Тезис о многообразии человеческой личности, где одновременно могут уживаться и мужское, и женское начало, сразу несколько «я», каждое из которых обладает собственной ценностью, провозглашается Орландой во время кульминационного разговора с Алиной и напрямую адресует читателя к произведению Вулф: «Что есть идентификация? А самоидентификация? Кто произносит «я»? Ты не хуже меня помнишь, как в конце книги Орландо, вернувшись к себе с двuspальными простынями, зовет Орландо, потому что ее сиюминутное «я» ей надоело и она жаждет иного, более забавного, но у нее ничего не выходит. Орландо перебирает все «я» своей души и своей жизни – и ни одно ей не нравится. Я – это я. В каком-то смысле, это и ты тоже, я знал тебя, как облупленную – но только до часа дня прошлой пятницы» (Арпман 2003, с. 176-177). Принять все стороны своей души, реализовать все свои, даже самые необычные и странные для окружающих желания – это путь к внутренней свободе, к которой в итоге и приходит героиня Арпман.

На протяжении XX столетия уникальная личность и трагическая судьба Вирджинии Вулф вызывают несомненный интерес. В восприятии Э. Олби, представителя революционного театра, имя В. Вулф является символом буржуазности, интеллектуального снобизма, добровольного бегства в мир «фальшивых иллюзий», эгоизма, самообмана. Для Э. О'Брайен Вулф – яркая индивидуальность, человек, обладающий необыкновенной чувствительностью к тому, что происходит в окружающем мире; женщина, чей рассудок не способен выдержать жестоких ударов судьбы. В романе М. Каннингема образ Вирджинии Вулф – нечто большее, чем образ сумасшедшей-самоубийцы. Написанная ею книга, как и сама прожитая ею жизнь оказывают влияние на судьбы других людей, а ее великий роман продолжает жить собственной жизнью и после смерти автора. Текст «Миссис Дэллоуэй» становится и вдохновителем, и «героем» постмодернистского произведения, входит в систему культуры как особый художественный концепт. Жаклин Арпман вступает в диалог с Вирджинией Вулф, создавая пародийное произведение в эстетике постмодернизма, в котором она как полемизирует с Вулф, так и развивает ряд идей, ключевых для творчества английской писательницы – литературное творчество, становление творческой личности, проблема свободы, проблема взаимоотношений мужчины и женщины, социальная роль женщины.

Анализ, проведенный в данной статье, позволяет сделать вывод о том, что творческое наследие Вирджинии Вулф не только не теряет, но приобретает все большую актуальность для современной литературы и культуры; ключевые темы и мотивы прозы Вулф, связанные с определенными деталями ее биографии, стимулируют все новые интерпретации; сам же образ великой писательницы превращается в культурный концепт, вызывающий ассоциации с такими понятиями как интеллектуальность, чувствительность, уникальность мышления, внутренний конфликт и трагическая судьба.

Литература

- АРПМАН, Ж., 2003. *Орланда*. Москва: Текст, 302 с.
ЖАНТИЕВА, Д. Г., 1965. *Английский роман XX века. 1918-1939*. Москва: Наука, 346 с.
КАННИНГЕМ, М., 2000. Часы. *Иностранная литература*. № 9, с. 3-112.
МИХАЛЬСКАЯ, Н. П., 1966. Пути развития английского романа 1920-1930-х гг. *Утра и поиски героя*. Москва.: Высшая школа, 270 с.
ОЛБИ, Э., 1976. *«Смерть Бесси Смит» и другие пьесы*. Москва: Прогресс, 308 с.
O'BRIEN, Edna, 1981. *Virginia*. London: The Hogarth Press, 65 с.

Olga Andreyevskikh

The Linguistic University of Nizhny Novgorod. Russia

Research interests: English literature.

THE IMAGE OF VIRGINIA WOOLF IN THE 20th CENTURY FICTION

Summary

The article is devoted to the analysis of Virginia Woolf's image in modern fiction. The two plays and two novels chosen for the analysis illustrate different attitudes to the personality of the great British modernist writer. Edward Albee's play *Who's Afraid of Virginia Woolf?* refers to Woolf as a person lost between reality and the world of fantasies, incapable of facing and solving problems of life. Edna O'Brien's play *Virginia* is based on the biography of V. Woolf and portrays the latter as an ethereal creature, oversensitive and admirable. Michael Cunningham's novel *The Hours* is inspired by Virginia Woolf's famous novel *Mrs Dalloway*. In *The Hours* the author concentrates on the themes of sapphism, insanity, suicide, all in connection with the biography and personality of V. Woolf. Jacqueline Harpman's novel *Orlanda* is dedicated to the popular biography *Orlando* written by V. Woolf. In her novel the Belgian writer is involved in a postmodernist dialogue with Woolf and develops the ideas and topics characteristic of Woolf's fiction, such as the freedom of a creative person, the process of creating fiction, the relationship between the man and the woman, the woman's role in society. The analysis points out that Virginia Woolf's personality and literary inheritance are still of utmost importance and still arouse genuine interest, whereas the attitude to her personality and fiction range from strong criticism to admiration and sympathy.

KEYWORDS: image, reception.

Екатерина Барина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
ул. Минина, 31а, Нижний Новгород, Россия,

Тел.(007-831)436-20-42

Эл. почта: kbarinova@yandex.ru

Научные интересы: зарубежная литература, межкультурная коммуникация

«СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ» ТОМАСА МАННА И ЛУКИНО ВИСКОНТИ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Произведения Томаса Манна сегодня остаются чрезвычайно популярными, о чем свидетельствует тот факт, что представители различных видов искусств – художники, кинорежиссеры, композиторы и т.д. – продолжают использовать и интерпретировать его мотивы и идеи. Анализ «перевода» новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции» на язык кинематографа позволяет обнаружить новые глубины произведения, а также особенности культурных традиций и взглядов воспринимающего субъекта. Выдающийся фильм «Смерть в Венеции», снятый Лукино Висконти, представляет собой прекрасный пример подобной межкультурной коммуникации и коммуникации различных видов искусств. Между оригинальным текстом и экранизацией возникают существенные расхождения. Однако их можно объяснить и оправдать, приняв во внимание особое видение и отношение к событиям режиссера, а также природой кинематографа, законы которого не позволяют передать через зрительные образы философские глубины, характерные для прозы Томаса Манна. Представленный сравнительный анализ помогает глубже понять идеи немецкого писателя под новым углом зрения, вписывая его творчество не только в литературный, но в широкий социо-культурный контекст.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *интерсемиотический перевод, коммуникация различных видов искусств, воспринимающий субъект, экранизация.*

Своеобразным итогом раннего периода творчества Томаса Манна можно считать новеллу 1912 года «Смерть в Венеции» (*Der Tod in Venedig*), которая знаменует собой качественно новый этап в эволюции писателя. Она выделяется среди других ранних рассказов Томаса Манна более глубоким философским осмыслением действительности. Образы и события новеллы носят характер символических обобщений, но, в то же время, они очень пластичны, жизненны; атмосфера модного курорта, древнего, но запущенного города, холерной эпидемии воспроизведена со всеми бытовыми деталями. Благодаря своей оригинальности и загадочности, новелла всегда привлекала как переводчиков «с одного естественного языка на другой», так и художников, которые смогли заставить новеллу «звучать» на языке, отличном от литературного, «перевести» ее «из одной семиотической системы в другую» (Эко 2005, с. 283).

Спор о возможности перевода литературных произведений на другие естественные языки вечен, и, несмотря на то, что сторонников неперевода великое множество, все новые и новые переводы продолжают появляться, давая возможность читателям знакомиться с произведениями других литератур, попытаться заглянуть в душу других народов.

Однако перевод в широком смысле не сводится к воспроизведению исходного текста на других языках, а в XX – начале XXI века представления о возможностях перевода и его видах чрезвычайно расширились, и не в последнюю очередь благодаря изобретению кинематографа. Произведения Томаса Манна, в частности, новелла «Смерть в Венеции» активно «переводятся» и на языки других искусств. Умберто Эко в работе «Сказать почти то же самое» называет этот вид перевода «интерсемиотическим». В этом труде Эко упоминает два годичных семинара, которые проходили в 1997-1999 гг. в Болонском университете и были посвящены теме интерсемиотического перевода, «то есть всем тем случаям, когда перевод осуществляется не с одного естественного языка на другой, а из одной

семиотической системы в другую, от нее отличную: когда, например, роман «переводят» в фильм, эпическую поэму – в комиксы...» (Эко 2005, с. 283). Вокруг проблемы интерсемиотического перевода разгораются дискуссии, однако отрицать его существование в современном мире невозможно. В связи с семиотическим направлением в переводоведении, начатым в трудах Романа Якобсона и Умберто Эко, всю культуру можно описать как процесс тотального перевода.

Диалог культур, взаимодействие разных видов искусств подразумевает продуктивное несовпадение точек зрения. Если из «иног», «чужого» контекста взглянуть на привычное, «свое», то в давно знакомом объекте или материале могут обнаружиться новые неожиданные свойства.

Безусловно, Лукино Висконти (а именно о его выдающейся работе пойдет речь в настоящей статье), не единственный художник, попытавшийся изложить события, передать дух новеллы вне литературного текста. Среди наиболее интересных попыток «интерсемиотического» перевода новеллы можно назвать оперу Бенжамина Бриттена «Смерть в Венеции» (*Death in Venice*), написанную в 1973. Опера стала последним произведением композитора. Сам Бриттен был уверен, что «Смерть в Венеции» станет его лучшим сочинением.

Уже в самом начале произведения Бриттен дает знак слушателям, какого рода оперу им предстоит увидеть и слышать. Первый же монолог Ашенбаха, страдающего от упадка творческих сил, начинается с несколько измененного лейтмотива томления из оперы Вагнера «Тристан и Изольда». Приехав в Венецию, Ашенбах влюбляется в польского мальчика-подростка Тадзио. Наслаждаясь созерцанием своего любимца, он проваливается в глубины европейской истории культуры и оказывается у ее истоков, в античной Греции. Происходит материализация, визуализация античных символов, которые в творчестве Томаса Манна впервые возникают в новелле «Смерть в Венеции» и с этого времени встречаются почти во всех произведениях писателя.

Странности продолжают нарастать: танец детей, участвующих в «играх Аполлона», сопровождается ансамблем ударных. Зрителям становится понятно, что вождь детство человечества не привязано к какому-либо времени или месту: оно и здесь, рядом, в беззаботных играх детей, и в Древней Греции, и далеко на Востоке.

Тайный соблазн современного европейца, отягощенного самосознанием и склонного к рефлексии, состоит в желании впасть в детство, вернуться в мир инфантильных фантазий, превратиться в наивного простака, не знающего порока и не несущего ответственности. Но рай потерян навсегда: на возвращение в него наложен строгий запрет. Ашенбах не должен вторгаться в мир Тадзио.

Позже интерес к новелле не угасал. Словосочетание «смерть в Венеции» постепенно превратилось в прецедентный текст, который оторвался от самого произведения и его автора и начал независимое существование. Теперь под этим названием можно встретить творения, связь которых с новеллой Томаса Манна установить практически невозможно, однако, они также представляют своеобразный интерес для исследователя, помогая проследить судьбу «Смерти в Венеции» в современном культурном пространстве.

Так в 2003 году в рамках 50-й Венецианской биеннале была представлена киноопера о болезненной смене поколений скандально известного Олега Кулика со знаковым названием «Смерть в Венеции».

Также довольно трудно установить связи с новеллой нового танцевального ремикса песни «Gone» группы «Bodies Without Organs» под названием «Death in Venice».

В декабре 2003 года в Гамбургском балете Джона Ноймайера с огромным успехом прошла премьера балета «Смерть в Венеции», поставленного хореографом из Петербурга Эдвальдом Смирновым. Двадцатиминутное действие сопровождается музыкой Густава Малера. Возникает своеобразное цитирование фильма Висконти. Смирнов переводит повествование в контекст венецианского карнавала, и даже сама смерть наряжается, как масочный персонаж. Несомненно, подобная интерпретация является чрезвычайно значимой,

делая произведение доступным более широкой аудитории. Если литературное произведение доступно только читателям, владеющим языком оригинала (или перевода), балет представляется более универсальной и во многом гибкой формой.

В каждом случае переложения, перевода новеллы на языки других искусств авторы, как и в случае переводов на другие национальные языки, привносят новые ассоциации, отсутствовавшие у Томаса Манна. Это обусловлено не только личностью «переводчика», но и постоянно изменяющейся реальностью, которая каждый раз заставляет по-новому расставлять акценты. Необходимо отметить, что каждое из перечисленных произведений может стать материалом для отдельного исследования.

Деятели культуры, так или иначе обращавшиеся к новелле Манна, одновременно выступали носителями других национальных культур, особенности которых не могли не отразиться в их творениях.

Даже при возникновении переводческих лакун переводчики так или иначе решают встающие перед ними проблемы, и здесь большую роль играет закон, который Эдвард Сепир называет законом компенсации, дающим «простор художнику слова. Если художник (в нашем случае – композитор, режиссер и т. д.) стеснен в одном направлении, то в другом направлении он может свободно развернуться» (Сэпир 1993, с. 202). Такие искусства, как кино, музыка, живопись предлагают совершенно новые возможности компенсировать неизбежные потери.

Особое место среди подобных «переводов» на язык, отличный от языка литературы, занимает фильм Лукино Висконти (Lucchino Visconti) «Смерть в Венеции» 1971 года, который считается одной из вершин мирового кинематографа. Фильм входит в так называемую «германскую трилогию» Висконти. В 1969 году режиссер снимает «Гибель богов», затем, в 1971 году следует «Смерть в Венеции», а в 1972 году — «Людвиг» (на кинофестивале в Канне фильм получил Золотую Пальмовую Ветвь). Предполагалось, что трилогия перерастёт в тетралогию, четвёртой частью которой должна была стать экранизация «Волшебной горы» Томаса Манна. Однако инсульт, перенесенный на съёмках «Людвига», помешал осуществить эти планы.

Визуальный ряд фильма «Смерть в Венеции» никого не оставит равнодушным. Висконти создает удивительные образы, сплетающиеся в грустную и возвышенную элегию красоте жизни с помощью операторской работы Паскуалино Де Сантиса и музыки Густава Малера. Фильм получил в Канне специальный приз, приуроченный к 25-летию кинофестиваля, а сам Висконти приз за совокупность своих работ.

Переживающий духовный и творческий кризис композитор (в книге — писатель, профессия была заменена режиссёром) Густав фон Ашенбах приезжает отдохнуть на курорт Лидо близ Венеции. Однако покоя здесь он не находит, привлечённый красотой молодого Таддио, отдыхающего в Лидо с семьёй. Тем временем, под задувание сирокко в Венеции распространяется эпидемия холеры (скрываемая от гостей города). И в эти дни композитор вспоминает важнейшие моменты своей жизни, оценивает и переоценивает их заново. Но болезнь добирается и до него. Так коротко можно передать сюжет фильма. Но уже при подобном поверхностном взгляде в глаза бросаются существенные расхождения с текстом оригинала, некоторая даже вольность, с которой режиссер подошел к творению великого немца. Но при этом фильм остается экранизацией новеллы, и многие сюжетные линии и, что немаловажно, настроение режиссер угадал и сумел передать.

Несмотря на принадлежность к различным культурам, культурным эпохам и видам искусства, между Висконти и Томасом Манном можно провести многочисленные параллели. Одна из существеннейших черт, сближающих искусство двух художников – попытка отойти от классического искусства, разбить его каноны, опираясь при этом на все ту же классику и, в результате, создавая новые классические произведения, хотя перед нами уже классика двадцатого века, во многом отличающаяся от наследия предыдущих эпох. Сам Висконти формулирует главную тему новеллы как «смерть искусства», в чем опять прослеживается

переключки с настроениями самого Томаса Манна, которого судьбы литературы и искусства в широком смысле слова не переставали волновать на протяжении всей жизни.

Хотя в фильме отсутствует «манновская» завязка, основное настроение новеллы схвачено уже в первых кадрах – настроение зыбкости, неопределенности жизни и человеческой судьбы, воплощенное в корабле, качающемся на волнах. Впоследствии перед зрителем встает целый ряд образов, передающих это ключевое настроение – гондола, песок на пляже, песочные часы. Однако «отсечение» завязки в корне меняет всю концепцию произведения. У Томаса Манна в начале новеллы возникают христианские символы: часовня, крест. Висконти эту линию не передает. Объяснением может быть сама природа кино как массового искусства, нежелание режиссера перегружать свое творение философскими подтекстами. Абсолютно ясна в фильме и мотивировка желания Ашенбаха отправиться в путешествие. В новелле его внезапный порыв носит некоторый мистический оттенок: «Это было желание странствовать, вот и все, но оно налетело на него, как приступ лихорадки, обернулось туманящей разум страстью»¹ (Манн 1986, с. 126). В фильме мы видим, что у Ашенбаха произошел сердечный приступ, который и вынудил его сменить обстановку. Таким образом, недуг душевный, внезапный порыв, смятение чувств в фильме материализуются, что, опять же, облегчает понимание сюжетной канвы, причинно-следственных связей.

Стареющий композитор, приехав в Венецию, жемчужину европейского искусства, впервые сталкивается с неведомым ему до этого чувством прикосновения к живой неискусственной красоте. В тот же самый момент, как он впервые видит юношу, он испытывает озарение и вдохновение, сопоставимое по силе и возможное лишь от созерцания истинной абсолютной красоты, имеющей божественное происхождение. И в тот же самый момент внутри него умирает искусство «искусственное», созданное человеком, то, чем он занимался на протяжении всей своей жизни, то, во что верил.

Висконти акцентирует внимание на эротическом пласте новеллы, введя в фильм второго мальчика, не скрывающего своего увлечения Тадзио.

Адаптация, предложенная Лукино Висконти, меняет тематические связи, на которых держится новелла Томаса Манна, а также добавляет новые мотивы, превращающие фильм, по сути, в самостоятельное произведение, имеющее лишь частичную связь с новеллой. Такое вольное обращение с литературными текстами характерно для режиссера. Достаточно вспомнить его экранизацию романа Достоевского «Белые ночи» (1957 г.) с Марчелло Мастоияни в главной роли, где режиссер переносит действие в Италию.

Исследователи часто высказывали мнение, что самым вероятным прототипом главного героя новеллы Густава Ашенбаха является гениальный австрийский композитор. Висконти идет еще дальше, его персонаж – синтез Густава Ашенбаха и Густава Малера. Он уже не писатель, он композитор, и на протяжении всего фильма звучит музыка великого австрийца. При этом подобная вольная адаптация кажется совершенно естественной и оправданной. Возможно, причиной тому является особое отношение к музыке самого Манна и музыкальность его прозы. Лукино Висконти здесь находится в более выигрышном положении – его искусство позволило напрямую использовать симфонии Малера, заставить их звучать с экрана. Как уже говорилось, произведения Томаса Манна тоже полны музыки (а в романе «Волшебная гора» он даже использует законы симфонии в композиции). Однако писателю приходится прибегать к гораздо более сложным приемам, «переводить» музыку на язык художественной литературы, тогда как перед режиссером не стоит потребность столь сложного «перевода».

Подобный сравнительный анализ новеллы «Смерть в Венеции» и экранизации, которая является лишь одним примером из ряда попыток перевести новеллу на языки других искусств, отличных от литературного, позволяет вписать творчество Томаса Манна не только в литературный, но в широкий социо-культурный контекст, по-новому взглянуть на идеи и

¹ «Es war Reiselust, nichts weiter; aber wahrhaft als Anfall auftretend und ins Leidenschaftliche, ja bis zur Sinnestauschung gesteigert» (Mann 2000, S. 171-172).

образы немецкого классика. Интерес к творчеству писателя во второй половине двадцатого и в начале двадцать первого века не случаен, многие идеи Манна сохраняют интерес и актуальность. Анализ переводов показывает, как меняются акценты при преломлении произведений Томаса Манна в творческом сознании переводчика, в данном случае – кинорежиссера. Различия в текстах переводов часто помогают глубже понять оригинал произведения. При переводе с одного языка на другой, в нашем случае – с языка литературы на язык кинематографа, происходит взаимное наложение картин мира языка оригинала и языка перевода. Они одновременно взаимно проникают друг в друга и взаимно влияют друг на друга. Результатом их взаимодействия выступает вариант перевода, репрезентирующий своеобразие картины мира, изображенной в подлиннике, и в то же время хранящий элементы, присущие картине родного для переводчика языка. В данном виде перевода взаимосвязи еще более сложны и запутаны.

Литература

- МАНН, Т., 1986. Смерть в Венеции. *Новеллы. Лотта в Веймаре*. Москва: Правда, с. 124-196.
СЕПИР Э., 1993. *Язык и литература*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 654 с.
ЭКО У., 2005. Сказать почти то же самое. *Опыты о переводе*. Иностранная литература, № 10, с. 282–292.
MANN T., 2000. Der Tod in Venedig. *Erzaehlungen*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, S. 169-250.

Ekaterina Barinova

The Linguistic University of Nizhny Novgorod. Russia

Research interests: foreign literature, cross-cultural communication

DEATH IN VENICE BY THOMAS MANN AND LUCHINO VISCONTI: TO THE PROBLEM OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION

Summary

Thomas Mann's works remain to be extremely popular nowadays, which can be proved by the fact that representatives of different arts, such as artists, film directors, composers, etc. continue using and interpreting his motifs and ideas. Analysis of 'translation' of Thomas Mann's novella *Death in Venice* into the language of cinema reveals new depths in his work as well as the peculiarities of the cultural background and views of the recipient. The outstanding film *Death in Venice*, shot by Luchino Visconti, represents a wonderful example of intercultural and cross-art communication. There are significant discrepancies between the original text and the screen version. But they may be explained and justified by the director's specific vision and attitude to the events as well as by the nature of the cinema in general, for its laws make it impossible to visualize some philosophic layers, which are quite typical for Thomas Mann's fiction. This comparative analysis helps understand the ideas of the German writer from a new point of view, making it a part not only of literary, but of wide social and cultural context.

KEY WORDS: intersemiotic translation, cross-art communication, recipient, screen version.

Нель Бельняк

Зеленогурский университет, Польша

al. Wojska Polskiego 71a, 65-762 Zielona Góra, Poland

Тел.: 48 68 328 31 50

Эл. почта: nel.bielniak@wp.pl

Научные интересы: история русской литературы рубежа XIX и XX веков, реализм, модернизм, творчество Александра Куприна, Сергея Сергеева-Ценского и Ильи Эренбурга

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

В настоящей статье рассматривается влияние художественного сознания рубежа XIX и XX веков на женские образы изображенные в творчестве Александра Куприна. Среди женских архетипов, которых воплощением являются купринские героини, есть портреты святых и одновременно падших женщин, верных жен и изменниц, невинных девушек и испорченных представительниц прекрасного пола.

Куприн по-разному реализует в своем творчестве т. н. «женский вопрос», так как он либо следует традициям критического реализма и принципам морали, господствующим в XIX веке, либо использует новые, модернистские мотивы. Но тем не менее прозаик всегда стремится понять и объяснить мотивы поведения своих героинь.

В проанализированных произведениях появляются такие вопросы как: культ красоты и культ женственности, апофеоз женской нравственности и добродетели, сакрализация образов женщины, матери, проблема прелюбодеяния или мотив борьбы женщин за эмансипацию и освобождение от половых предрассудков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА – женщина, идеал красоты, эмансипация, реализм, модернизм.

В традиционной символике женщина – это носительница, дающая жизнь, защитница и кормилица, поэтому мотив женщины является неотъемлемой частью таких тем как любовь, материнство и семья. Перед прекрасным полом преклонялись как древние и средневековые поэты, так и писатели эпохи Возрождения, романтизма и реализма. На протяжении многих столетий женщина была объектом глубоких чувств, обожания, вожделения или ревности, а также источником страданий. К самым интересным принадлежат произведения, в которых дан подробный психологический портрет героини, например, знаменитые романы *Госпожа Бовари* (1857) Гюстава Флобера и *Анна Каренина* (1873-1877) Льва Толстого.

Переломным моментом в восприятии женского пола является рубеж XIX и XX столетий. Ибо именно тогда женские персонажи вышли за тесные рамки традиционного амплуа. Их не устраивала привычная роль образцовой матери и спутницы жизни, пространство которой ограничивалось домом, а интересы – проблемами семьи.

Из вышесказанного вытекает, что удивительный женский мир всегда привлекал внимание писателей. К числу таких беллетристов можно отнести Александра Куприна (1870-1938). Прекрасный пол играл важную роль как в личной жизни прозаика, так и в его творчестве. Уже с раннего детства его окружали преимущественно женщины и он мог наблюдать за их характерами и поведением. Автор *Олеси* был единственным, долгожданным сыном, у него были две сестры старше его на несколько лет. Отец Куприна скончался, когда будущему писателю был всего год и мать осталась с детьми без средств к существованию, поэтому вместе с матерью мальчик прожил два года во Вдовьем доме в Москве, где пожилые обитательницы охотно баловали его. Следует добавить, что у него были две жены и две дочери.

Куприн по-разному реализует в своем творчестве т.н. «женский вопрос», так как в его прозе отразилось художественное сознание рубежа XIX и XX столетий. Несмотря на принадлежность автора *Ямы* к группе писателей, следующих традициям критического реализма, в его произведениях одновременно ярко прослеживаются новые, модернистские

тенденции. Галерея купринских женских образов весьма разнообразна. Автор пишет портреты верных жен и изменниц, невинных девушек и демонических женщин, приводящих мужчин к гибели, робких и эпатирующих своей сексуальностью, искренних и испорченных, женщин наделенных чертами святых и падших. Можно еще добавить, что на страницах его произведений мелькают портреты героических представительниц слабого пола, способных на любой подвиг. Интересно, что автор *Молоха* в той же мере увлекается как неприглядной женской внешностью, так и совершенной красотой. Следует отметить, что мы рассмотрим далеко не все женские типы, изображенные в творчестве Куприна, так как тема эта не вкладывается в рамки одного текста и требует более развернутого анализа, а мы сосредоточим наше внимание лишь на избранных.

Многие произведения Куприна – апофеоз женской красоты, нравственности и добродетели. Идеал женской красоты, по которому тоскуют купринские герои, изображен, между прочим, в произведениях *Психея* (1892) и *Фиалки* (1915). Герой первого рассказа, ваятель, ощущает состояние полного равновесия ума и сердца близкое к блаженству лишь тогда, когда лепит скульптуру, увиденной во сне девушки необыкновенной красоты:

«Она» – замечает герой – «есть тот прототип божественной красоты и гармонии, стремление к которому вложено в душу каждого человека со дня его рождения и который человечество окрестило избитым названием «идеала»» (Куприн 1970-1973, т. 1, с.125).

Оживленное чудом мраморное изваяние, сошедшее с пьедестала, напоминает тоже «сказочная принцесса», которую встречает в старом дворцовом парке кадет Казаков из рассказа *Фиалки*:

«Прямо на него, посредине аллеи, медленно движется, точно плывет в воздухе, не касаясь земли ногами, женщина. [...] Каждая черта ее молодого свежего лица чиста, благородна и проста, как гениальная мелодия» (Куприн 1970-1973, т. 7, с. 12).

Сладкое благоухание фиалок сливается воедино с очаровательным зрелищем, которое заставляет героя остановиться в немом восторге. В этот особый момент он испытывает хоть на мгновение ту истинную любовь, которая вмещает все: как целомудрие, поэзию, красоту, так и молодость. Увиденная Казаковым сцена, побуждает его к молитве, которая содержит в себе «наивное, но великое благословение всему: земле, водам, деревьям, цветам, небесам, запахам, людям, зверям, и вечной благодати, и вечной красоте, заключенной в женщине...» (Куприн 1970-1973, т. 7, с. 13)

Можно предполагать, что автор не случайно избирает фиалки, так как фиалка, правда не душистая, а трехцветная (анютины глазки), является символом любовных воспоминаний (Тресиддер 2001, с. 15).

Такой подход к женщине навеян, наверное, неоплатоническими концепциями Владимира Соловьева, которые пользовались популярностью на рубеже XIX — XX столетий. В целом русскому символизму, которого мировидение как направления определил именно автор *Трех разговоров*, близки были наиболее важные неоплатонические идеи: поэтическое вдохновение как экстаз, эстетика музыки и прежде всего идея Единого, которое у символистов предстало в образе гетовской «Вечной женственности» (Софии) (Idee w Rosji... 2000, с. 272-274)

Соловьев полагал, что абсолютной разницы между Богом и миром нет, ибо сотворяя мир, Бог создает его именно из своего собственного существа, которое является Божественной Софией, или извечной Премудростью Божией. Образ Софии – Премудрости Божией разделяется на Софию Божественную, являющуюся натурой самого Бога, и на Софию тварную, представляющую собой природу созданного мира. София – женственное начало, а ее воплощением является Богородица. К взглядам Соловьева обратился, между прочим, Сергей Булгаков, отмечая, что отдавая себя любви Бога, София становится началом всего. В этом смысле она является женственной (принимающей), Вечной женственностью, Божией Софией, Мировой душой. (Idee w Rosji... 2000, с. 416-422). По словам Марии Цимборской-Лебоды, концепции Булгакова позволяют осознать связь между культом

женственности (Вечной женственности) и культом красоты (панэстетизмом) в русском символизме. (Цимборска-Лебода 2008, с. 15)

Куприн часто пользуется, по отношению к женщинам, такими определениями как: «божественная красота», «ангел», «классическая богиня», «прицесса», «вся в белом», «плывет в воздухе». Они обладают общей символикой, так как, например, принцесса является идеалом девушки, постоянным символом всего красивого, нежного и героического. Зато воздух символизирует духовную свободу и чистоту, а белый цвет — абсолютный цвет света — чистоту, истину, невинность и жертвенность или божественность. Такое восприятие женской половины человечества вписывается в традиционную символику, ибо качества, наиболее часто связываемые с женщинами, — это душа, интуиция, эмоции и эмоциональное непостоянство, пассивность и подсознательное, любовь и чистота. Идентифицируют их также с магическими способностями, особенно предсказанием и пророчеством. (Тресиддер 2001, с. 23, 45, 99-100, 293)

Некоторые художественные образы Куприна являются аллегорией целомудрия, которому угрожает мужская похоть. Невинные девушки, ставшие объектом полового влечения и неприличных предложений, появляются в рассказах *Просительница* (1895), *Хорошее общество* (1905) и ранней повести *Вновьмах* (1892).

Символисты, творчески переосмысливая культурно-исторический опыт человечества, создали своеобразную многоаспектную и одновременно амбивалентную концепцию женственности. В художественном сознании Серебряного века она связана как с возрождением культа телесной красоты, лишенного какой бы то ни было этической оценки, так и поисками нового нравственного идеала, сакрализацией образов женщины, матери. (Валюлис 2008, с. 45)

В творчестве Куприна божественной красотой наделены чаще всего представительницы национальных меньшинств, простые и необразованные женщины, которые ведут замкнутый и целомудренный образ жизни. Иконописный лик Божьей Матери напоминают как черты лица еврейки Этли из рассказа *Жидовка* (1904), так и гречанок из цикла очерков *Листригоны* (1907-1911). Описывая исконное, древнегреческое население Балаклавы, рассказчик замечает, что «большеглазые, длинноносые гречанки, так странно и трогательно похожие на изображение Богородицы на старинных византийских иконах» (Куприн 1970-1973, т. 5, с. 279). Повествователь приходит к выводу, что оба народа сохранили эти библейские черты, потому что ни с кем не смешивались, «их предки чуть не сотнями поколений родились, жили и умирали в своем городишке, заключая браки лишь между соседями» (Куприн 1970-1973, т. 5, с. 303).

Сияющая, совершенная красота, приравнивающая купринских героинь к богиням или ангелам не оберегает их от несчастной, неразделенной любви, одиночества или трагической смерти. Необыкновенно миловидные артистки из рассказов *Allez!* (1897) и *Последний дебют* (1889) испытывают страстное, настоящее чувство, зато любимые ими мужчины воспринимают любовную связь как мимолетную интрижку, не видя в ней ничего серьезного. Обе истории имеют одинаковый трагический исход: отвергнутые женщины, доведенные до крайности, лишают себя жизни.

По мнению Ирины Жеребкиной, чтобы выразить свою сексуальность женщины рубежа XIX и XX веков должны были нарушать всякого рода общественные нормы и запреты. Исследовательница констатирует, что акт женского самоубийства в русской культуре этого времени так именно трактуется – то есть в контексте нарушения закона о «нормативной» смерти – как высшая степень реализации женской сексуальности (Жеребкина 2001, с. 135).

Женщина, которая решается на роман, в конце концов неизбежно страдает и погибает, как и случилось с неверной женой Толстого. В то же время между двумя конструктами женской гибели – XIX и начала XX века – содержится существенная разница: если Анну Каренину осуждают и доводят до гибели жесткий и жестокий моральный императив общества («внешнее»), то в эпоху рубежа веков источником гибели женщины

становится ее собственный («внутреннее») психологический коллапс. Даже если женщина не кончает жизнь самоубийством, то ее жизнь все равно терпит крах. Она должна отказаться от богатства и собственного «я» или буквально подчиниться садисту (Жеребкина 2001, с. 137). Такая ситуация имеет место в рассказе Куприна *Мирное житие* (1904). Хорошенькую, но бедную девушку выдали замуж за миллионера, несмотря на то, что он старше ее лет на сорок и побоями вогнал в гроб двух своих первых жен. Отсутствие ласки и уважения со стороны мужа привели молодую красавицу к тому, что нежности и счастья она ищет в объятиях любовника. Щербачев, узнав об измене супруги, подверг ее жестокому, унижительному телесному наказанию, чтобы сломить ее гордый характер, и он этого добивается:

«Свалив ее с ног кулаками, он до усталости бил ее огромными коваными сапожищами, потом созвал всю мужскую прислугу, приказал раздеть жену догола и сам, поочередно с кучером, стегал кнутом ее прекрасное тело, обратив его под конец в сплошной кусок кровавого мяса» (Куприн 1970-1973, т. 3, с. 309).

В этом произведении прозаик не первый раз критикует мещанскую культуру, которая допускает и одобряет брак молодой неопытной девушки и пожилого мужчины. Здесь, по мнению писателя, таятся зачатки будущей измены и супружеской трагедии.

Проблема прелюбодеяния рассматривается Куприным многосторонне, так как он пытается понять глубину душевных порывов своих героинь. Иногда писатель решает этот сложный вопрос согласно принципам морали, господствующим в XIX веке. Именно поэтому Щербачева, похоже как госпожа Бовари и Анна Каренина, испытывает последствия нарушения культурного табу – нельзя безнаказанно разрушать семью, пренебрегать правилами хорошего тона, одобряемыми обществом и изменять мужу.

Завести роман готовы Виктория из одноименного рассказа (*Виктория*, первоначальное название: *Нарцисс*, 1897) и Варвара из произведения *Страшная минута* (1895). Если Виктория не поддавалась соблазну только из-за нервного припадка (истерии), то Варвара в последний момент устояла перед искушением, сознательно предпочтя красивому певцу семейное счастье и спокойную жизнь с дочерью и не удовлетворяющим ее сексуальных потребностей мужем.

В течение многих столетий обнаженность и утоление половых чувств являлись запретными темами. Особенной табуизации подвергался вопрос женской сексуальности. Лишь на рубеже XIX и XX века женщины перестали стыдливо скрывать свой интерес к эротической жизни и чувственным наслаждениям. От имени женской половины человечества выступали писательницы и художницы, которые в своем творчестве показывали тревожащие тогдашних женщин проблемы, а также их грезы и желания, касающиеся, между прочим, секса и рождения потомства. Именно тогда прошла через Европу первая волна феминизма, женщины стали бороться за эмансипацию и освобождение от половых предрассудков.

Прогрессивные представители культуры, литературы и искусства активно действовали против притворной стыдливости и ханжества, господствовавших в XIX столетии, стремясь расширить кругозор сексуального сознания современников.

Некоторые купринские героини эпатируют своей сексуальностью и смело заявляют свои требования. Скучая в браке, как Виктория, так и Валерия из рассказа *Мясо* (1895) и Анна, героиня произведения *Корь* (1904), первые выступают с почином и соблазняют молодых мужчин – красивых студентов, а даже губернаторов своих детей. Другие занимают места предназначенные до сих пор исключительно для мужчин, ведя опасный и непристойный образ жизни. Портрет тайной развратницы дан в произведении *Наталья Давыдовна* (1896). Заглавная героиня, почтенная классная дама в институте благородных девиц, пользовалась исключительным уважением и слыла своими добродетелями. Никто не знал, что она раз в два или три месяца превращалась в кокотку, искательницу приключений. Тогда она выбирала страстного, ненасытного самца и:

«[...] везла своего избранника куда-нибудь на край города, в грязную гостиницу с самой скверной репутацией, и целую ночь напролет, без отдыха, предавалась тем наслаждениям, какие только могло изобрести ее необузданное воображение» (Куприн 1970-1973, т. 1, с. 467).

Аким Волынский, известный русский критик эпохи модернизма, определяя специфику «русской женщины», смотрит на нее через структуру «прелюбодеяния». Волынский замечает, что она быстро идет на роман и семья ее может разрушиться сразу при встрече с первым соблазнителем (Жеребкина 2001, с. 134).

Купринских героинь особенно часто манят, привлекают разного рода эстрадные артисты: певцы, актеры и музыканты. Поведение женщин, которые хотят обратить на себя внимание талантливого скрипача Сашки, снискать его расположение, можем увидеть в рассказе *Гамбринус* (1906).

«Женщины,» – констатирует повествователь – «склонные, как и все женщины, восхищаться людьми эстрады, кокетничать, отличаться и раболепствовать перед ним, звали его воркующим голосом, с игривым, капризным смешком» (Куприн 1970-1973, т. 4, с. 346).

Безнравственным, распущенным и вероломным женщинам прозаик противопоставляет образы верных, любящих супругов, которые не дают своим мужьям падать духом и постоянно поддерживают в них бодрость. Такой женщиной является Вера из рассказа *Куст сирени* (1894), жена молодого небогатого офицера Алмазова:

«Она» — подчеркивает рассказчик — «приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Она отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головной работой человека комфорт». (Куприн 1970-1973, т. 1, с. 176)

Прозаик проявлял особенное расположение к неиспорченным людям, живущим среди дикой и величественной природы. Модернистский мотив ухода от цивилизации и возвращения на лоно природы заметен, между прочим, в повести *Олеся* (1898). Заглавная героиня воспитывалась в лесной чаще на окраине Полесья. Создавая портрет Олеси, автор акцентирует ее связь с миром природы, благодаря чему она способна на глубокие чувства. Героине присущи искренность, нежность и чуткость, кроме того она верит в магию и потусторонние силы, так как она выросла вдали от городской культуры в гармонии с природой.

Красоту некоторых своих героинь писатель приравнивает к явлениям природы, чтобы подчеркнуть их невинность, девственность и нравственно чистую натуру. Такая ситуация имеет место в рассказе *Леночка* (1910). Автор, подвергая анализу процесс превращения неуклюжей девчонки в очаровательную девушку, сравнивает запах ее тела с благоуханием растений. Рассказчик констатирует, что Возницын влюбился в заглавную героиню, когда:

«услышал запах ее тела – радостный пьяный запах распускающихся тополевых почек и молодых побегов черной смородины, которыми они пахнут в ясные, но мокрые весенние вечера, после мгновенного дождя, когда небо и лужи пылают от зари и в воздухе гудят майские жуки (Куприн 1970-1973, т. 5, с. 200).

В глаза бросается факт, что симпатия автора всегда на стороне простосердечных, малообразованных женщин, не подвергшихся дурному влиянию цивилизации. Светские дамы изображаются писателем чаще всего как хладнокровные, расчетливые и нередко инфантильные. Слово «капризная» – это слово-ключ, которое определяет представительниц высших слоев общества.

В рассказе *В Крыму* (*Меджид*, 1909) писатель сопоставляет по принципу контраста невинность и робость стройной татарской девушки, которая с уважением относилась к мужчинам и их труду с поведением курортниц, жаждущих сильных ощущений и мечтающих о романе с местным проводником:

«Каждый день, проходя по набережной, толстые, пестро одетые московские купчихи-кутилки и наглые петербургские кокетки в рыжих искусственных локонах, со щеками,

свинцовыми от пудры, разглядывали проводников сквозь лорнетки на длинных ручках, не торопясь, деловито и бесстыдно, как разглядывают опытные обжоры вкусный товар, разложенный за стеклом гастрономического магазина» (Куприн 1970-1973, т. 5, с. 141).

В следующем рассказе о жизни крымских туристов *Винная бочка* (1914) Куприн пишет очередной портрет светской дамы, прелестной тридцатилетней вдовы, баронессы Анны Менцендорф, отличающейся эффектной красотой и грациозной эксцентричностью, взбалмошной, капризной и ребячливой. Она всегда была окружена сливками ялтинских гостей, которые были рабски послушны ее фантазиям и причудам, даже, если, исполняя ее прихоти, выставляли себя на посмешище.

Героини Куприна по-разному используют присущие женскому полу качества. Иногда, чтобы управлять мужчинами, как баронесса, иногда, чтобы вводить в искушение, как Валерия, Виктория или Анна из *Кори*.

Женственность и нежность все-таки не мешают купринским женщинам быть мужественными и самоотверженными. Для них даже мысль о неизбежности собственной смерти становится привычным, второстепенным, будничным вопросом. В рассказе *Гусеница*, написанном в 1918 году, отразились собственные впечатления писателя, видевшего 15 ноября 1905 года, как горел «Очаков» и спасавшего скрывавшихся матросов. Рассказчика, рассматривавшего фотографический альбом для руководства филеров по политической службе, заинтересовала разница в выражении лиц снятых мужчин и женщин. У мужчин лица были искажены либо страданием, либо смертельной усталостью, либо нестерпимым презрением. Зато женские излучали спокойствие и откровенность:

«Тут и нежная доброта, тут чистота мысли, и светлая печаль, и какая-то счастливая обреченность, и великая любовь, и непоколебимая твердость решения... и – взгляните – какая мягкая, какая естественная женственность!» (Куприн 1970-1973, т. 7, с. 224-225)

Другой герой приходит к выводу, что это выражение любви и доброты, характерно для всех русских женщин «когда ими овладевает высокая идея, и овладевает не так, как мужскою душою, частично, а поглощает целиком, без остатка, до последней мысли, до тончайшего изгиба сердца...» (Куприн 1970-1973, т. 7, с. 225)

Следует отметить, что этими своеобразными революционными Жаннами д'Арк были зачастую тоненькие, хрупкие девочки с детским милым личиком.

Куприн оценивает в своем творчестве разные виды героизма, и этого высокого и будничного, как в рассказе *Куст сирени*. Поведение Зины, героини повести *Впотьмах*, тоже можно рассматривать как своеобразный подвиг, ибо она готова даже отдаться человеку, которого ненавидит, чтобы спасти Аларина, проигравшего казенные деньги:

«[...] отдать свою честь на поругание,» – размышляет героиня – «навечно потерять уважение любимого человека, но спасти его, – спасти от ужасной смерти, которая позором ляжет на его имя... Можно ли сделать больше? А чем тяжелее жертва, чем меньше в ней блеска и шума, тем достойнее она будет...» (Куприн 1970-1973, т. 1, с. 102)

Зина возвела Аларина на самую высокую степень идеала, так как он помог ей, когда какой-то чужой мужчина приставал к ней. К сожалению, оказалось, что ее рыцарь без страха и упрека это лишь низменный, жалкий и лживый человек, который не сумел оценить ее мужественный поступок. Исход этой истории трагический – смерть двух человек. Скоропостижно умирает Зинаида, которая, разочаровавшись в Аларине, заболела нервной горячкой и отравляется искренне любивший ее Кашперов.

В заключение следует подчеркнуть, что этот краткий обзор не исчерпывает широкого диапазона женских образов в произведениях Куприна, но приведенные примеры доказывают, что богатый женский мир занимает значительное место в прозе автора *Ямы*. В его творчестве проходят перед читателем разнообразные женские типы. Независимо от того, изображает ли он верных жен или изменниц, героических женщин или тех, которые являются жертвами неразделенной любви, невинных или развратных, прозаик всегда стремится понять и объяснить мотивы их поведения.

Литература:

ВАЛЮЛИС, С., 2008, *Концепция женственности в трилогии Дмитрия Мережковского «Христос и Антихрист»*, [в:] *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX i XXI wieku (w kontekście europejskim)*, ред. М. Сymborska-Leboda, А. Gozdek, Lublin: Rossica Lublinensia V, с. 45-52.

ЖЕРЕБКИНА, И., 2001, *Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski, ред. А. de Lazari, т. 3, Łódź 2000: Ibidem.

КУПРИН, А., 1970-1973, *Собрание сочинений в девяти томах*, Москва: Художественная литература.

ТРЕСИДДЕР, Д., 2001, *Словарь символов*, пер. с англ. С. Палько, Москва: ФАИР-ПРЕСС.

ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА, М., 2008, *Женщина и/как Другой в философском и художественном дискурсах (предварительные тезисы)*, [в:] *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX i XXI wieku (w kontekście europejskim)*, ред. М. Сymborska-Leboda, А. Gozdek, Lublin: Rossica Lublinensia V, с. 11-20.

Nel Bielniak

University of Zielona Góra, Poland

Research interests: history of Russian Literature on the turn of 19th and 20th century; realism; modernism; works of Aleksandr Kuprin. Sergej Sergeev-Tsensky and Ilya Ehrenburg

WOMEN CHARACTERS IN ALEKSANDR KUPRIN'S PROSE

Summary

This paper analyses some selected types of the women characters one can find among a wide variety in Aleksandr Kuprin's works. Kuprin's way of writing about women varies in his works.

On the one hand, he is devoted to traditions of critical realism and judges his characters according to moral principles dominant in the 19th century. At that time, woman's role was limited to her household and children. On the other hand, he makes use of concepts popular in modernism and reveals women's sexual needs and their erotic awareness.

In the analyzed works there are issues such as: the cult of beauty, the cult of femininity, deification of feminine virtues; sacralisation of mothers and other female characters; the problem of adultery, the motif of women's struggle for emancipation and overcoming gender-related stereotypes. Among the women archetypes employed by Kuprin, there are both saints and sinners, innocent girls and wanton women, faithful wives and adulteresses. Regardless of how he shows the characters, the writer always tries to understand and explain them and the motives for their actions. Moreover, the beauty is often a relative issue for Kuprin as he is able to admire women of different appearances.

KEY WORDS: woman, ideal of beauty, emancipation, realism, modernism

Skirmantė Biržietienė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel. + 370 7 422604

El. paštas: *stbirziai@hotmail.com*

Moksliniai interesai: *klasikinė filologija, antikinė literatūra, romėnų poezija, retorikos tradicija, reklamos retorika.*

LAIŠKO ELEMENTAI PROZINĖSE MARKO VALERIJAUS MARCIALIO EPIGRAMŲ KNYGŲ ĮŽANGOSE

Straipsnis skirtas romėnų poeto, epigramos klasiko Marko Valerijaus Marcialio proziniam tekstams, kurie pradeda penkias iš dvylikos jo poezijos knygų. Pats poetas šiuos tekstus vadina epistola – „laiškas“ ir suteikia įžangos funkciją. Laiškas yra ypatinga medija, turinti aiškiai apibrėžtus formas ir turinio elementus. Epistolinė literatūra antikoje – paplitusi, buvo išleista laiškų rinkinių, jie tapo ne tik privataus susirašinėjimo liudininkais, bet ir literatūriniu žanru. Pranešimo tikslas – išryškinti laiško elementus Marcialio proziniuose tekstuose, pasvarstyti, kodėl jie pateko į poezijos rinkinius, ar šie tekstai yra integrali konkrečių poezijos knygų dalis, ar nieko bendro su bendra knygos kompozicija neturintys artefaktai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: epistolinė literatūra, laiškas (epistola), įžanga, adresatas, salutatio, atsisveikinimo frazės, laiško topika, poezijos knyga.

Penkios (*I, II, VIII, IX, XII*) iš dvylikos I a. antrosios pusės romėnų poeto Marko Valerijaus Marcialio epigramų knygų pradedamos proziniais tekstais, paties autoriaus nuolat vadinamais *epistolae* – laiškai (plg. *Epigr.I* praef. 13, 17; *Epigr.II* praef. 1, 13). Šie laiškai ypatingai išsiskiria, krenta į akis, nes epigramų rinkinyje atrodo labai neįprastai. Ne kartą buvo keliami klausimai¹, ar tai tikrai laiškai, ar tai įžangos, ar išvis jie priklauso knygoms. Visos dvylika Marcialio epigramų rinkinių buvo sudarytos paties autoriaus ir publikuotos Marcialiui esant gyvam, jos ne kartą buvo perleistos, pvz. tikrai žinoma, kad 93 m. buvo antrą kartą publikuotas I – VII Marcialio epigramų knygų rinkinys, tada, tikriausiai, atsirado ir *I epigramų knygą* pradedantis laiškas². Taigi nekyla abejonių, kad šiuos penkis prozinius tekstus poezijos knygose įdėjo pats autorius ir kad pats juos laikė laiškais.

Kas yra laiškas? Atrodytų, kad toks klausimas yra ganėtinai aiškus, nes nuo seniausių laikų laiškas turi labai lengvai atskiriamus ir pastebimus formalius išorinius bei kontekstinius ženklus. Laiškas – tai raštiškas pranešimas, žinia nuo vieno asmens ar asmenų grupės kitam, turintis materialų pavidalą (tai materialinė medija), kuri siuntėjo siunčiama gavėjui. Formaliai tai yra tekstas, kuris adresuojamas siuntėjo gavėjui, vartojant nusistovėjusį ir gana ribotą formulių rinkinį, dažniausiai pradžioje ir pabaigoje. Dar būtų galima pastebėti, kad laiško kaip medijos būtinybė komunikacijos procese paprastai atsiranda tada, kai adresantas ir adresatas yra fiziškai nutolę, atskirti, negali bendrauti, susižinoti žodžiu ar gestu. Dar laiškas dažniausiai turėtų būti riboto ilgio. Antikoje laiškas buvo mėgstama medija: pirmieji išlikę antikiniai laiškai³, įrašyti varinėse plokštelėse, mus pasiekė iš 500 m. pr. Kr.⁴. Vėlesniais laikais epistoliniai tekstai tapo literatūros žanru, laiško forma vis dažniau buvo pasirenkama kaip kūrinio rūbas, todėl visą epistolinę Antikos palikimą galėtume suskirstyti į dvi dalis: tikri laiškai, A parašyti B, ir fiktyvūs laiškai, tekstai, kurie turi visus išorinius laiško bruožus, bet tik „vaidina“ laiškus. Naujausios antikinių laiškų kolekcijos

¹ Birt, p.142; Friedlaender, I, p. 165; Janson, p. 108; Schöffel, p. 77-78; Nauta, p. 118.

² Plačiau žr. *I epigramų knygos* komentatorių M. Citroni (XIX-XXI).

³ Žr. Trapp, p. 6.

⁴ Laiškai minimi ir graikų mituose, Homero poemose (pvz. *Iliados* VI giesmėje Glaukas pasakoja apie savo kilmę ir mini savo senelį Chimeros žudiką Belerfontą, kuris gabenęs valdovo Preto laišką: *ženklus... tarp uždarytų lenetelių* (II.VI, p. 168-169). Bloga lemiantį laišką apie posūnį Hipolitą vyrui Tesėjui palikusi ir karalienė Fedra, šį mitą savo tragedijos pagrindu pasirinko Euripidas. Tai rodo, kad laiškų rašymas graikams buvo iš seno žinoma veikla.

sudarytojas M. Trappas skirsto juos dar smulkiau⁵: a) laiškai, parašyti istorinių, tikrai gyvenusių asmenų, bet niekada „neliteratūrizuoti“ (t. y. nebuvo išleisti šių laiškų rinkiniai, parašyti ant medžio, papiruso, metalo); b) „literatūrizuoti“ laiškai (jie tikrai buvo parašyti ir išsiųsti kaip laiškai adresatams, bet vėliau patobulinti, literatūriškai išbaigti ir išleisti kaip rinkiniai, pv.: Cicerono, Plinijaus etc.); c) laiškai realioms asmenims, bet niekad neišsiųsti kaip laiškai, jie buvo iš anksto adresuoti platesniam skaitytojui ratui, ne konkrečiam adresatui (Horacijaus, Senekos, Ovidijaus); d) fikcijos: laiškai, kurie „apsimeta“, kad yra parašyti realių asmenų, bet išties sukurti daug vėliau imitatoriaus (pvz. Diogeno); e) personažų laiškai, personažai gali būti skurti paties epistolografo arba „paveldėti“ iš ankstesnių laikų (pvz. Ovidijaus *Heroidės*).

Mano nagrinėjami penki Marcialio laiškai, laikantis šios klasifikacijos, greičiausiai, bus dviejų rūšių: b ir c. Be abejonės *I epigramų knygos* laiškas, kuris net neturi visų formaliųjų laiško bruožų ir primena literatūrinį manifestą, taip pat *VIII epigramų knygos* laiškas, dedikuojantis šią knygą imperatoriui Domicianui, niekada nebuvo išsiųsti: tai viešieji laiškai, adresuoti visiems skaitytojams, o antrasis, tikriausiai, dar turi ypatingą tikslą: išreikšti ypatingą pietetą pirmajam valstybės asmeniui, palaikyti ir pabrėžti ypatingą ryšį, nusistovėjusį tarp poeto ir tokio įtakingo jo globėjo. Panašu, kad tikrai išsiųsti (tikriausiai, su knygos pirmąja redakcija) buvo *II*, *IX* ir *XII* knygų laiškai.

Vienas pagrindinių laiško bruožų – epistolinės formulės, kurias paprastai šią formą net ir fiktyviam, grožiniam kūrinui pasirinkęs autorius stengiasi išlaikyti. Išoriškai Marcialio įžanginiai proziniai tekstai dažniausiai turi struktūrinius laiško elementus. Laiško kompozicija iš esmės nekinta: jis pradamas **sveikinimu** (*salutatio*)⁶ adresatui, į kurį kreipiasi autorius, ir baigiamas **atsisveikinimo** žodeliu *vale*. Svarbiausias, būtinas laiško elementas – laiške minimas **adresatas**. Jam siunčiamas pranešimas, įgavęs konkretų tekstinį pavidalą. Marcialio adresatus randame jau sveikinimo formulėje, jei ji laiške yra. Taigi sveikinimas bei adresatas labai susiję ir juos tikslinga nagrinėti kartu. Iš penkių mūsų poeto laiškų sveikinimo formulę ir konkretų adresatą turi keturi.

Be formaliųjų, išorinių elementų, galime išskirti ir tam tikrą **laiško topiką**, temas, kurios yra privalomos laišku. Kadangi laiškas atsiranda, kai jo siuntėjas ir adresatas yra nutolę, laiškuose nuolat pasikartoja adresato nebuvimo, trūkumo, stokojimo tema. Labai dažnai ji papildoma ir laukiamo, geidžiamo, planuojamo susitikimo tema. Iš Marcialio laiškų, ryškiausia ši tema – *XII epigramų knygos* įžanginiame laiške, kurį poetas kartu su epigramų knyga siunčia iš Ispanijos savo senam globėjui Priskui, laukdamas jo atvykimo į gimtinę. Matyti, kad su Prisku poetą sieja draugiškas, bet ne visai lygiavertis ryšys (epigramose Priskas minimas apie 15 kartų). Knygos sudarymo momentu poetas yra nutolęs nuo adresato, taigi laiško formos įžanga čia labiausiai motyvuota. Laiško adresatas paskatina knygos atsiradimą, jo prašymas pateikiamas kaip svarbiausias veiksnys, privertęs autorių imtis plunksnos. Nenorėjimo, prisivertimo sudaryti rinkinį dominantės įžangoje kūrimui pasirenkama tinkama leksika: poetas dėl asmeninių priežasčių dažnai yra blogai nusiteikęs (*difficile est habere cotidie bonum stomachum* (*Epigr.*XII praef.17), atsisako užsiėmimu, kurie anksčiau kėlė džiaugsmą, o dabar tik liūdesį (vartojami antoniminiai dalyviai *indignans* bei *gestiens* (*Epigr.*XII praef. 18) – abu reiškiantys ne tik pyktį bei džiaugsmą kaip pasyviais jausmines būsenas, bet ir aktyvų jų pasireiškimą per veiksmus, gestus, išoriškai). Tik noras pamaloninti atvykstantį geradarį (pats Marcialis vaizdžiai šią savo knygą vadina priėmimo puota atvykstančio draugo ausims: ... *ut familiarissimas mihi aures tuas exciperem adventoria* (*Epigr.*XII praef. 22-23) privertė jį sau įsakyti ir pasistengti per trumpą laiką sudaryti rinkinėlį (... *imperavi mihi ... et studui paucissimis diebus* (*Epigr.*XII praef., p. 21-22).

Ši tema ypač ryški ir *IX epigramų knygos* laiške sunkiausiai identifikuojamam adresatui

– Toranijui – kuris sukėlė nemažai ginčų ir sulaukė prieštarų vertinimų (cf.: RE IV, 1600; Henriksén, 52; Friedlaender, I, p. 398). Marcialio draugas Toranijus, be šio laiško, minimas tik dar vieną kartą – simpotinėje *Epigr.* V 78, kur jis, jei jam pabodę pietauti namie, nuoširdžiai

⁵ Žr. Trapp, p. 6 – 34.

⁶ Lotyniška *salutatio*: *aliquis alicui salutem dicit (salutem; s.d.); have; vale; cura, ut valeas.*

kviečiamas „pabadauti“ (*esurire* (*Epigr. V 78*, p. 2) į poeto namus⁷: nors Toranijus, be šių dviejų paminėjimų, yra visiškai nežinomas asmuo, iš epigramos nuotaikos matome, kad jis yra artimas poeto draugas, tikriausiai, panašios padėties, su kuriuo Marcialį sieja lygiavertis ryšys. Šią pirminę informaciją patvirtina ir *IX epigramų knygos* prozinė pradžia. Čia sutinkame epistolinį tekstą, pradedamą sveikinimu adresatui, bet ne oficialia laiško formule su *salutem dicit*, o sakiniu: *Have, mi Torani, frater carissime* (*Epigr. IX* praef.1). Mažiau patyrusio šiuolaikinio skaitytojo akį pirmiausia „užkliudo“ gana intymus kreipinys po tikrinio vardo *frater carissime* – „broli brangiausias“⁸. Vargu, ar čia kreipiamasi į tikrais giminystės ryšiais susijusį asmenį. Tai patvirtina duomenys iš kitų Marcialio amžininkų tekstų. Reikia pastebėti, kad apie I a. pr. Kr. pabaigą kreipiniai *pater* ir *frater* gana dažnai buvo vartojami kreipiantis į visai giminystės ryšiais nesusijusius asmenis (Dickey, nuo 110), ir toks vartojimas Romos Imperijos laikotarpiu dažnėjo. Kito to laikotarpio poeto Juvenalio tekstai rodo, kad I-II a. sandūroje *frater* buvo meilikaujantis kreipinys, skirtas jaunam, turtingam asmeniui, nes į jį dar netinka kreiptis *pater*⁹. *Frater* kaip kreipinys į giminystės ryšiais nesusijusį asmenį pirmuosius du amžius po Kristaus randamas ir dokumentuose, ir ypač laiškuose. Juose šis žodis yra mandagus kreipimasis į kalbančiajam panašaus statuso ir amžiaus žmogų: jis yra draugiškas, bet nedemonstruoja jokie intymumo (Dickey, 124)¹⁰. Vis tik *frater* leidžia suprasti, kad adresatas ir besikreipiantysis yra artimi vienas kitam; jo vartojimas kalba apie pozityviąją mandagumo strategiją¹¹. Todėl Marcialis *frater* greičiausiai adresuoja sau lygiam, nedaug viršesnės ar žemesnės padėties asmeniui¹². Ypatinę artimumą implikuoja ir būdvardis *carissime* bei įvardis *mi*, pridėti prie kreipinio į Toranijų. Tiesa, mūsų cituota kreipinių tyrinėtoja E. Dickey pažymi paradoksalų, šiuolaikinio žmogaus akimis žvelgiant, *carissimus* (būdvardžio „*carus*“ *gradus superlativus*) vartojimą kreipiniuose¹³. Atrodo, kad aukščiausias laipsnis *carissimus/a* turėtų reikšti didesnę jausmo kiekį, bet autorės surinkti duomenys, byloja ką kitą: kreipiantis į mylimuosius, sužadėtinius, gimines 63% vartojamas *gradus positivus*, o *gradus superlativus* - 37%; tuo tarpu kreipiantis į draugus ir pažįstamus *gradus positivus* - 21%, o *gradus superlativus* - 79% (Dickey, p. 136). Vis dėlto sugretinę visas žinias, kurias mums suteikia šis sudėtinis kreipinys, drąsiai galime teigti, kad Toranijus yra artimas Marcialio draugas. Reikia pastebėti, kad iš laiško pradžios gauname ir kalbinės informacijos: sveikindamas savo draugą, Marcialis vartoja *have* – formą, kuri galbūt yra kilusi iš pūnų

⁷ Vaizdingai piešiamas „kuklios“ puotos vaizdas (*Parva est cenula, - quis potest negare?* (*Epigr. V 78, 22*) – klausimas po gana detalaus patiekalų aprašymo, gal neįprastai gausaus mums, bet ne romėnams): poetas pabrėžia pirmiausia malonią bendravimą su bičiuliais aplinką, ne prabangius valgius ir išmoningas linksmybes svečiams, už kuriuos šeimininkui reikia dėkoti ypatingu dėmesiu ir vaidinama gera nuotaika (*Epigr. V 78*, p. 23-30).

⁸ Pasiremdama šia citata, net *RE* kalba apie galimą Marcialio brolių Toranijų (Bd.4,1600).

⁹ Juvenalis pateikia tokias eilutes, kuriose cituoja šeimininką, besikreipiantį į turtingą svečią: *vis, frater, ab ipsis ilibus?* ir komentuoja: *o nummi, vobis hunc praestat honorem; vos estis frater* (*Juv. Sat. 5, 135-7*). Aišku, tai satyriko, linkusio šiek tiek hiperbolizuoti, vertinimas. Tokį vartojimą pamini ir Kvintilianas: *Certe quotiens blandiri volumus iis qui esse amici videntur, nulla adulatio procedere ultra hoc nomen potest, quam ut fratres vocemus* (*Decl. 321*, p. 4).

¹⁰ Nors pati lotyniškųjų kreipinių tyrinėtoja kitur (Dickey, p. 112) pateikia duomenis apie tai, kad Petronijaus tekstuose kelis kartus vartojamas *frater* tarp draugų ir homoseksualių tos pačios padėties mylimųjų (*Sat. 11 3; 13 2; 91 2; 129 1*).

¹¹ Mandagumo fenomeno studijos yra viena iš sociolingvistikos kryptų, jos artimai susijusios su kreipinių tyrinėjimais, nes tai, kaip kreipiamasi į adresatą, padeda atskleisti šį fenomeną. Yra dvi mandagumo strategijos: negatyvusis mandagumas, kai kreipiamasi į aukštesnės padėties asmenį ir norima išvengti familiarumo, bei pozityvusis mandagumas, kai familiarumu norima pamaloninti (Brown, Levinson, p.101, p. 129). Galbūt pats terminas „familiarumas“ iš lot. *familiaris* – „šeimos, bičiuliškas“, o šis iš lot. *familia* – „šeima“ susijęs su šeimos lauko krepiniais, kurie skiriami giminystės ryšiais nesusijusiems žmonėms?

¹² Beje, negalima visai atmesti ir Petronijaus vartojimo su tam tikru erotiniu atspalviu, nes erotikos elementą galima išvelgti ir minėtoje epigrame, kur kreipiamasi į Toranijų, *Epigr. V 78*, p. 31-32: ...*Claudiam sequeris./Quam nobis cupis esse tu priorem?*

¹³ Iš autorės sudaryto žodynelio matyti, kad *carissime* po *optime* yra dažniausiai vartojamas sudėtinuose kreipiniuose (Dickey, p. 131-133); apskritai, norint pabrėžti artimą ryšį, dažniausia yra vartojami būdvardžiai.

pasveikinimo **hawē*¹⁴. Nors daugeliu atveju Marcialis atsisako atsisveikinimo formulės *IX epigramų knygos* trumpas laiškėlis baigiamas įprastu *vale*, o kartu pridėdamas ir *para hospitium* (*Epigr. IX* praef. p. 5-6), leidžiantis numatyti galimą greitą adresato ir siuntėjo susitikimą, familiarius ryšius, norą bendrauti, kuriuos suponuoja visa laiško leksika.

Su pačiu epistoliniu fenomenu yra susijęs ir laiško tonas: kadangi laiškais bendraujama, palaikomas ryšys, jie primena pokalbių fragmentus tarp susirašinėjančių. Visi penki Marcialio laiškai daugiau mažiau išlaiko šį toną, bet ypač ryškus jis yra *II epigramų knygoje*, galbūt todėl, kad laiškas yra polemikas, poetas diskutuoja su laiško adresatu Decianu apie savo laikotarpio literatūrinę aktualiją: laiško atsiradimą epigramų knygoje. Atrodo, kad skaitytojas stebi karštą dviejų ekspertų diskusiją. Pagrindinė laiško mintis – paneigti prozinių laiško formos išangų būtinumą poezijos knygoje, t.y. paneigti patį save. Laiškas yra pokalbis su adresatu, svarbus komunikavimas su juo, bet tai, dažniausiai, tik autoriaus monologinis, vienbalsis kalbėjimas, jo klausimai adresatui ir atsakymai į galbūt anksčiau adresato iškeltus klausimus. Kartais laiške atpasakojami pokalbiai, nuomonės. Tuo tarpu šiame išanginiame laiške kalbasi du asmenys. Dialoge svarbiausia ir didžiąją jo dalį užima Deciano, laiško adresato, nuomonė apie laiškus epigramų knygelėse. Paradoksaliai situacijas savo epigraminėje kūryboje iškėlęs į pirmąją vietą, jų vaizdavimą padaręs savo epigramos meniniu privalumu, Marcialis ir čia kuria tokią situaciją: knyga lyg ir pradėdama, kaip pridera, tuo metu – yra laiškas, sveikinantis įtakingą globėją ir taip jam „patikintis“ knyga. Turime konkretų adresatą, tačiau tuo pačiu laišku išsakomas negatyvus autoriaus požiūris į tokius prozinius intarpus poezijos rinktinėse, taigi, į tokį knygos „patikėjimo“ būdą. Dar daugiau, šis požiūris pateikiamas iš „svetimų lūpų“, tarsi požiūris iš šalies. Taip bandant pasverti visus *pro et contra* kuriama objektyvumo vizija. Taigi pats laiško adresatas poeta „užpuola“ klausimų lavina: *‘Quid nobis’ inquis ‘cum epistola? Parum enim tibi praestamus, si legimus epigrammata? Quid hic porro dicturus es quod non possis versibus dicere?’* (*Epigr. II* praef. p. 2-4). Poetas klausiamas, kam esąs reikalingas šis laiškas, kokia jo paskirtis, ar nepakanka to, kad skaitomos jo epigramos, ar esą dar ir tokių dalykų, kurių jis negalys išsakyti eilėmis, kuriems netinka epigramos žanras. Toliau kritiškasis adresatas svarsto, kokių žanrų kūriniai galėtų turėti tokias išangas, paminėdamas draminius veikalus, kuriuose autorius negalys reikšti savo nuomonės (*Epigr. II* praef. 5: *quibus (tragoediae comoediaeque) per se loqui non licet*). Bet epigramų knygoje kiekviena epigrama yra laiškas. Todėl nesą reikalo krėsti juokų ir aprenginėti toga šokėją ar eiti prieš retiarijų su lazda (*Epigr. II* praef. p. 9-10). Įdomu, kad čia, kaip ir *I epigramų knygos* išangoje, Marcialis kuria teatro aplinką: tarytum jo oponentas sėdi savotiškame teatre, kur į sceną išėina poeto kūriniai su savo herojais. Jis sakosi sėdintis tarp tų žiūrovų, kurie šaukia, reikšdami neigiamą nuomonę (*Epigr. II* praef. p. 10-11: *Ego inter illos sedeo qui protinus reclamant.*). Atrodytų, po tokio aršaus išpuolio turėtų sekti „gynybos“ pasisakymas, poetas turėtų atsakyti į pateiktus „kaltinimus“, bet tai ne ironiškojo Marcialio stilius – jis „atšaldo“ oponentą jam visiškai pritardamas (*Epigr. II* praef. 11: *Puto mehercules, Deciane, verum dicis!*) Ir dar jį pagiria: net nežinąs, kokį ilgą laišką jam būtų tekę skaityti, o dabar lai būsią taip, kaip jis norėjęs, ir skaitytojais jam turėsią padėkoti, kad pasieksią pirmąjį puslapį, dar nespėję pavargti (*Epigr. II* praef. p. 11-15). Toks trumpai *II epigramų knygos* išanginio laiško turinys. Akivaizdu, kad šis tekstas kritikuoja epistolinės išangos fenomeną epigramų rinkiniuose. Šiuo atveju jis šaiposi iš visų, net ir iš savęs paties, kritikuoja tendenciją, madą, tokias išangas padariusią būtinybę. Pats Marcialis, nepaisydamas šios savo neigiamos nuomonės, neatsisakys išanginių laiškų, kai jų jam prireiks. Šis laiškas suteikia gana reikšmingos informacijos apie epistolinių išangų paplitimą Marcialio laikais.

Taigi galima sakyti, kad Marcialio proziniai tekstai daugeliu atžvilgiu atitinka laiško reikalavimus: keturi iš penkių turi konkrečius adresatus, kuriuos laiško autorius pasveikina laiško pradžioje, kai kurie jų baigiami įprastu atsisveikinimo žodeliu. Be išorinių bruožų Marcialio tekstuose yra ir laiško topikos: adresato nebuvimas šalia, negalėjimas su juo bendrauti tiesiogiai (laiškas atlieka medijos funkciją), greito susitikimo viltis, išlaikomas ir „pratęsiamos nutrūkusio pokalbio“ tonas.

¹⁴ *TLL* 1300, p. 40.

Literatūra

- IUVENALIS, A., 1959. *Persii Flacci et D. Iuni Iuvenalis Saturae*. Edidit brevis adnotatione critica instruxit W. V. Clausen., Oxonii: Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis
- MARTIALIS, M., 1925. *Valerii Martialis Epigrammaton libri*. Rec. W. Heraeus, Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri.
- MARTIALIS, M., 1976. *Valerii Martialis Epigrammaton libri*. Rec. W. Heraeus. Editionem corr. curavit I. Borovskij, Leipzig.
- MARTIALIS, M., 1990. *Epigrammata*. Edidit D.R. Shackelton Bailey, Stuttgartiae in Aedibus B. G. Teubneri.

Papildoma literatūra ir vertimai

- BIRT, Theodor, 1882. *Das antike Buchwesen*. Berlin: Unveränderter Nachdruck.
- CITRONI, Mario, 1975. *M. Valerii Martialis epigrammaton liber primus*. Introduzione, testo, apparato critico e commento. (Biblioteca di studi superiori), Firenze.
- DICKEY, Eleonor, 2002. *Latin Forms of Address: from Plautus to Apuleius*. New York: Oxford University Press.
- FREIDLÄNDER, Ludwig, 1961. *M. Valerii Martialis Epigrammaton libri*. Mit erklärenden Anmerkungen. Leipzig, 1886, 2 Bde. Amsterdam: Nachdruck.
- HENRIKSÉN, Christer, 1999. *Martial*, Book IX. A Commentary. Vol. 1-2. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Latina Upsaliensia 24,2), Uppsala.
- HOMERAS, 1962. *Iliada*. Vertė J. Ralys, S. Čiurlionienė-Kymantaitė, P. Žadeikis, J. Talmantas, A. Dambrauskas, Vilnius: Valst. grož. lit. 1-kl.
- JANSON, Tore, 1964. *Latin Prose Prefaces*. Stockholm- Göteborg: Uppsala.
- NAUTA, Ruurd, 2002. *Poetry for Patrons. Literary Communication in the Age of Domitian*, Leiden. (Mnemosyne, Suppl. 206).
- SCHÖFFEL, Christian, 2002. *Martial*, Buch 8: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar, Stuttgart: Steiner, (Palingenesia 77).
- TRAPP, Michael B., 2003. Introduction, in: *Greek and Latin Letters. An Anthology with Translation*, ed. M.B. Trapp. (Cambridge Greek and Latin Classics.), Cambridge: Cambridge University Press, p. 1-46.

Sutrumpinimai

- RE, Paulys. 1894-1980. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, hg. von Georg Wissowa, u.a., Stuttgart.
- ThLL: Thesaurus Linguae Latinae, editus iussu et auctoritate consilii ab academiis societatisque diversarum nationum electi, Leipzig seit 1900.

Skirmante Biržietienė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: classical philology, ancient literature, Roman poetry, rhetorical tradition, rhetoric of advertising.

EPISTOLARY ELEMENTS IN THE PROSE PREFACES OF MARCUS VALERIUS MARTIAL'S POETRY BOOKS

Summary

The article deals with the prose texts of Roman classic epigram poet Marcus Valerius Martial. These texts are incorporated in his epigram books. The poet himself calls these pieces *epistola* – “letter”, shaping them as a letter and giving it the function of the preface in the book. The letter is a medium with very specific and prominent elements concerning the form and content. In form every letter has an addressee, salutation and valediction; also the letter has epistolary topics such as absence of the addressee, expectation of an early meeting, fragmentary conversation between the author of the letter and the addressee. Almost all prose pieces of Martial have the features of the letter.

In antiquity letters were very popular, not only as personal correspondence, but also as a literary genre. The purpose of the paper is to show epistolary features of form and content of these prose texts. Also the author tries to solve the problem concerning the integration of these *epistolae* in the book of poetry.

KEY WORDS: epistolography, poetry book, letter (*epistola*), preface, addressee, salutation (*salutation*), valediction, epistolary topics.

Любовь Чапаева

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Россия
ул. Верхняя Радищевская 16/18, 109240 Москва, Россия

Тел.: (499) 261-50-53; 7 (916) 370-41-50

Эл. почта: lg4@mail.ru

Научные интересы: история русского языка, диахроническая социолингвистика,
литературный язык 19 века

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА (СПОРЫ СЛАВЯНОФИЛОВ И ЗАПАДНИКОВ 1830-1840-Х ГГ.)

Языковая рефлексия является неперменной составляющей различных философских учений о языке. Как отражение общественного сознания языковая рефлексия активно проявляет себя в переломные эпохи развития общества и его языка. Одним из таких периодов в истории русского литературного языка стали 1830-1840-е годы, характеризующийся бурными спорами славянофилов и западников. Стремительность внутреннего развития русского литературного языка в 30-40-е гг., культурная, идеологическая и литературная полемика определили противоречия в понимании того, что правильно и хорошо для литературного языка, в понимании границ письменного литературного языка. Ни западники, ни славянофилы не смогли существенно изменить стилистическую систему русского литературного языка, так как объективные процессы языкового развития, в языковой эволюции оказались важнее идеологических установок. Но активизация стилистических процессов в языке, развитие научного лингвистического мышления данной эпохи были во многом обусловлены и заданы культурно-идеологическим спором славянофилов и западников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая рефлексия, споры, славянофилы, западники.

Языковая рефлексия является неперменной составляющей различных философских учений о языке. Как отражение общественного сознания языковая рефлексия активно проявляет себя в переломные эпохи развития общества и его языка. Языковая рефлексия, в частности, споры о языке, является важным лингвистическим и социолингвистическим фактором его эволюции. «Обостренная чувствительность» языковой проблемы оказывается особенностью развития русского литературного языка, создающей своеобразие культурно-языковой ситуации в каждый конкретный исторический период, которая вписывается в широкий фон развития русской культуры, всегда отличавшейся борьбой между *старым* и *новым*. И. И. Срезневский, рассматривая историю русского языка во взаимодействии двух языковых стихий – книжной и живой, – постоянно действующей тенденцией в нем считал «борение двух противоположных стремлений отстать от старины как от пошлости и удержать старину как святыню» (Срезневский 1959, с. 25). Борьба *старого* и *нового* – основная оппозиция в сознании всех специалистов по современному русскому языку вплоть до начала XX в.

В истории языка одним из исходных теоретических положений является положение о противопоставленности литературного языка живому языку повседневного общения, так как образование и изменение литературного языка определяется не только внутренними языковыми законами, но и действием внешних факторов: социальными, экономическими, политическими изменениями. Литературный язык «является результатом с о з н а т е л ь н о й творческой деятельности людей, <...> которая осуществляется в определенных культурно-исторических условиях» (Хабургаев 1990, с. 7); «изменения в системе норм литературного языка происходят не в процессе накопления в нем самом элементов нового качества <...> а в результате реформы, предпринимаемой по инициативе его носителей, которые в исторически меняющихся условиях <...> по-разному интерпретируют отношения между нормами литературного языка и особенностями структуры родного языка как

средства повседневного общения» (там же, с. 8). Таким образом, литературный язык является той формой языка, которая устанавливается людьми, носителями языка, и для понимания его истории важнейшим оказывается вопрос об экстралингвистических факторах литературно-языковой эволюции в определенный исторический период и стимулах воздействия на литературный язык, поскольку именно в сфере литературных языков воздействие людей на язык оказывается наиболее очевидным и наиболее многообразным. Письменный язык обладает и собственными внутренними закономерностями развития, по крайней мере он «представляет собой центральное поле взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии языка» (Журавлев 2004, с. 83), но он легко поддается влиянию социума.

В языковой эволюции, несмотря на ее кажущуюся хаотичность, «присутствуют какие-то ведущие стратегии, позволяющие, с одной стороны, понять общее направление развития, а с другой – уяснить некие границы, хотя бы отчасти очерчивающие языковую ситуацию в каждый отдельный период» (Бухаркин 2001, с. 56). В качестве одного из внешних факторов, определяющих языковую ситуацию, выступает активная позиция носителей языка, своеобразный «отношенческий» фактор, или языковая рефлексия, которая оказывается неотделимой от языкового существования. В связи с этим история литературного языка предполагает не только описание его функционирования на определенном синхронном срезе, но и исследование его оценок людьми, обществом конкретной исторической эпохи.

Между языком и его носителями, сознательно (а иногда и бессознательно) воздействующими на нормы своего родного языка, на его возможности и ресурсы, происходит постоянное и глубокое взаимодействие. Языковая рефлексия как момент осознания обществом собственной ответственности за дальнейшие судьбы общенационального языка может привести к неограниченным серьезным изменениям в языковой политике, в реформировании языка, или, напротив, включению «охранительных» механизмов его защиты от деструктивных деформаций. Оценка тем или иным социальным сообществом языковых изменений является отражением социального характера взаимодействия языка и культуры. В свою очередь, социализация языка, имеющая свою собственную историю, характеризуется процессами присвоения и усвоения заимствований, интернационализации языка, его секуляризации, нормализации, интеллектуализации, демократизации общенационального литературного языка, который должен обслуживать все сферы культуры и все социумы русской нации.

Р. А. Будагов выделил четыре основных типа отношений людей к своему литературному языку: «Первый из этих типов обычно обнаруживается на уровне разговорной речи, второй – на уровне письменной речи, третий – тоже на уровне письменной речи, но выступающий как специальное занятие пишущего, и, наконец, четвертый – тоже на уровне письменной речи, но уже «преобразуемой» в язык художественной литературы» (Будагов 2001, с. 85).

Социальная и культурологическая оценка фактов языка его носителями определяется социальной дифференциацией языка. То, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест, а третьи отстаивают его как единственно возможный способ выражения. Но и оценки, и сами языковые различия в прагматическом дискурсе разных социальных групп определяются в первую очередь различиями во взглядах, и только во вторую – в социальном положении (разные языковые сообщества, как это с очевидностью выявляется в противостоянии славянофилов и западников, могут принадлежать к одному социальному слою).

Тем не менее, каждая социальная группа обладает собственной системой представлений о мире и обществе, а также системой норм и моделей поведения (в том числе и языкового), поэтому «в известном смысле каждый социум располагает собственной культурой» (Беликов, Крысин 2001, с. 178). Что же касается языковой эволюции, движимой действием внутренних и внешних факторов, то и здесь социальное влияние бесспорно

значимо, особенно в истории литературного нормированного языка. И хотя социальные, внешние факторы не могут изменить природу языковых процессов, от них «зависит решение 1) быть или не быть данного рода языковой эволюции вообще и 2) видоизменение отправных пунктов развития» (Поливанов 1968, с. 211).

«Типичным проявлением языковой рефлексии» Б. М. Гаспаров назвал метаязыковую деятельность: «различного рода рассуждения о языке», о «правильном» и «неправильном» употреблении, а также сложные концептуальные построения о природе и строении языка (см.: Гаспаров 1996, с. 17). Особое место в истории русского литературного языка в связи с актуализацией языковой рефлексии занимает эпоха 30–40-х гг. XIX в., своеобразие которой определяется не только нестабильным, развивающимся литературным процессом, но и включением русской культуры в новую идеологическую парадигму, влиявшую и на представления о языке, и на сам язык. Литературный текст становится полем взаимодействия разностилевых и разносоциальных единиц языка, и в этом взаимодействии рождаются новые стилистические средства и утверждаются новые образцы литературного языка.

В 30–40-е гг. XIX в. вспыхивает острая полемика, затронувшая все основные вопросы русского литературного языка и сопровождавшаяся взаимными пристрастными обвинениями, выплескивающимися на журнальные страницы, литературными спорами, перерастающими в идеологические битвы, и идеологией, пронизывавшей литературу. В это время «не было ни одного направления, которое бы не высказало своих претензий к литературной речи, которое бы не требовало ее радикального усовершенствования» (Сорокин 1965, с. 26).

В печати периодически возникают дискуссии о свойствах русских грамматик, о различных вариантах, отражающихся в письменном языке, которые оцениваются с точки зрения новизны или устарелости. Современники по-разному оценивают роль законодателей или реформаторов литературного языка, поскольку «законодатели языка всегда имели успех тогда, когда их деятельность соответствовала «духу» времени» (Будагов 2001, с. 80). Тем более что самим носителям языка, включенным в культурно-языковую ситуацию 30–40-х гг., казалось, что единого, общего для всей нации литературного языка, необходимого для обслуживания ее культурной жизни, еще нет, а отношения существующего письменного языка с разными формами живого разговорного языка сложны и неопределенны; авторитетная и социально престижная форма общенационального языка не имеет достаточно четких характеристик. Необходимость совершенствования языка интуитивно ощущается многими, «общий вопрос о соотношении литературной и народной, разговорной и книжной речи становится центральным» (Сорокин 1965, с. 32) в это время, тогда как способы совершенствования литературного языка не были ясны.

Пересматривается отношение к церковно-книжному языковому наследию, ведутся споры о взаимодействии литературного языка и диалектного (народного), о целесообразности западноевропейских заимствований и возможности использования всех этих средств в художественных произведениях. Все эти проблемы служат естественным продолжением и развитием лингвокультурной ситуации начала века, когда дискуссии о языке становятся «тем камертоном, который отвечает на звучание всех наиболее острых общественных проблем в России» (Лотман, Успенский 1996, с. 413).

Еще В. Гумбольдт отмечал, что язык должен быть «и народным и обработанным». Для этого необходимо непрерывное движение языка «от народа в руки писателей и грамматиков, а от них обратно в уста народа». Но в эволюции языка и внешнего влияния на литературный язык необходимо различать деятельность «так сказать «чистых» законодателей языка и творчество больших писателей и ученых, которые оказывают воздействие на литературный язык прежде всего своими сочинениями, своей практикой. Одно дело давать «рекомендации языку» с помощью специальных лингвистических трактатов, другое – влиять на язык, раздвигая «его пространство» самими художественными или научными сочинениями, получающими резонанс в обществе» (Будагов 2001, с. 79-80).

Поэтому особая роль в воздействии на литературный язык на протяжении всего периода существования русского литературного языка принадлежит писателям и критикам, у которых степень сознательного отношения к языку значительно выше, чем у «просто говорящих». Культура и ее национальная духовность «персонифицируются» в конкретном авторе, писателе, что, с одной стороны, повышает его авторитетность в языке, а с другой, – обязывает соответствовать представлениям и ожиданиям общества.

Активная позиция людей по отношению к своему родному языку неодинакова в различные эпохи, так как предопределяется социальными условиями развития языка и глубинными процессами в культуре данного времени. Воздействие писателей и поэтов на язык особенно заметно проявляется в периоды интенсивного становления нормы, и особый характер это воздействие приобретает во второй трети XIX в., когда происходит смена ориентиров в представлении о правильности и образцовости текстов. Если еще в начале века образцовыми считались тексты, соответствующие правилам риторик, и образцовость текстов связывалась с ориентацией на грамматики, то с 30-х гг. образцовыми считаются тексты выдающихся авторов, подчас противоречащие установкам грамматистов. Т. е. нехудожественный текст не может быть образцовым, так как утверждается мнение о том, что литературный правильный язык обретается в первую очередь в литературном художественном тексте. И даже все «неправильности» нового художественного языка воспринимаются с восторгом как яркое проявление новизны, борьбы с устаревшими нормативными представлениями, свидетельство живого языкового развития. Именно с такой позиции оценивается язык Н. В. Гоголя, от которого молодое поколение испытало, по выражению В. В. Стасова, «настоящее маленькое помешательство»: «Тогдашний восторг от Гоголя ни с чем не сравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще не известный никому юмор – все это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на Руси совершенно новый язык. Он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление» (Стасов 1881, с. 414-415).

Главной проблемой становится не столько установление норм литературного языка, сколько языковая характеристика текста: отдельные слова и формы общеприняты и понятны, но их сочетание может быть различным, и это сочетание оценивается с точки зрения правильности ~ неправильности, т.е. субъективного представления о возможности ~ невозможности употребления того или иного слова, словосочетания, стилистического оборота для русского языка; эстетического ~ неэстетического в его характеристике. Именно художественные тексты отражают рефлексию, которая осваивает все многообразие духовного пространства культуры: идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов.

Очевидно, что сознательное воздействие общества, особенно если речь идет не о профессионалах-лингвистах, на литературный язык имеет свои пределы и касается преимущественно его периферийных областей: графики и орфографии, терминологии и нормативно-стилистической системы (см.: Мечковская 2000, с. 141). Субъективное отношение говорящих к стилистическим нормам, отличающимся «наибольшей осознанностью говорящими», выражается в актуализации таких семантических оценок, как правильное ~ неправильное, разговорное ~ книжное, литературное ~ просторечное, высокое ~ низкое. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при изучении периода 30–40-х годов в русской культуре: предложения и установки сознательного воздействия на язык касаются преимущественно лексико-стилистического уровня русского языка, хотя многих не удовлетворяют и существующие грамматические описания русского языка.

Лексический уровень языка отличается наибольшей степенью вариативности, так как в нем отсутствует жесткое соотношение системы и нормы. Нормализация лексики спонтанна, для нее актуальна устойчивая практика употребления как процесс социализации, т.е. принятия или непринятия обществом, оценки с точки зрения *возможности* /

невозможности, нужности / ненужности. Именно в лексике, особенно небытовой, терминологической, отражается наибольшая степень независимости литературного языка от живого разговорного, и именно в оценке лексики присутствует субъективность. Оценка носителями языка той или иной его разновидности с эстетической и коммуникативной точек зрения, а также ее идеологического содержания и социальной престижности обуславливает разную характеристику языковой ситуации различными идеологическими группами. Научный интерес вызывает то, что в разных дискурсах подчас используются одни и те же лексемы, получающие разную семантику, социальную маркированность и идеологическую оценочность (например, *народность*). Кроме того, оценочность развивается у нейтральных слов, и она различна в зависимости от идеологии, за счет чего происходит расширение значений слов: «Объектом социальной, идеологической оценки в потенции может быть любое понятие и явление общественной жизни» (Голованевский 1995, с. 123), по-разному трактуемое идеологами различных социальных или идеологических групп.

Необычайная стремительность внутреннего развития русского литературного языка в 30-40-е гг., культурная, идеологическая и литературная полемика вызывали разноречивое понимание того, что правильно и хорошо для литературного языка, в понимании границ письменного литературного языка и специфики разговорного языка, на который должен был ориентироваться книжный литературный язык. Спор о соотношении литературного языка и разговорного, о месте славянизмов и заимствований в литературном языке разрешился в пользу равноправного сочетания различных языковых пластов и их обработки в рамках системы литературного языка для адекватного отражения и общественной жизни и общественной мысли. Формирование литературного языка – процесс сложный и в определенной мере мало управляемый в период существования развитой, богатой литературы. Ни западники, ни славянофилы не смогли коренным образом изменить стилистическую систему русского литературного языка, так как объективные процессы языкового развития, несмотря на субъективный фактор изменения нормы, в языковой эволюции оказались значительнее идеологических установок. Но активизация стилистических процессов в языке, развитие научного лингвистического мышления данной эпохи были во многом обусловлены и заданы культурно-идеологическим спором славянофилов и западников.

Литература

- БЕЛИКОВ, В. И.; КРЫСИН, Л. П., 2001. *Социолингвистика*. Москва: РГГУ.
- БУДАГОВ, Р. А., 2001. *Писатели о языке и язык писателей*. Москва: Добросвет-2000.
- БУХАРКИН, П. Е., 2001. *Риторика и смысл: Очерки*. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та.
- ГАСПАРОВ, Б. М., 1996. Язык, память, образ: *Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое Литературное Обозрение.
- ГОЛОВАНЕВСКИЙ, А. Л., 1995. *Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX вв.* Брянск: изд-во Брянского гос. пед. ун-та.
- ЖУРАВЛЕВ, В. К., 2004. *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*. Москва: Едиториал УРСС.
- ЛОТМАН, Ю. М.; УСПЕНСКИЙ, Б. А. 1996. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. *Избранные труды*. Т. II, Москва: Языки русской культуры.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б., 2000. *Социальная лингвистика*. Москва: Аспект Пресс.
- ПОЛИВАНОВ, Е. Д., 1968. *Статьи по общему языкознанию*. Избранные работы. Москва: Наука.
- СОРОКИН, Ю. С., 1965. Развитие словарного состава русского литературного языка: (30-90-х гг. XIX века). Москва; Ленинград: Наука.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И., 1959. *Мысли об истории русского языка*. Москва: гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения.
- СТАСОВ, В. В., 1881. Училище правоведения сорок лет тому назад, 1836-1842 гг. *Русская старина*, т XXX, № 2, с. 393-422.
- ХАБУРГАЕВ, Г. А., 1990. *Очерки исторической морфологии русского языка: Имена*. Москва: Изд-во МГУ.

Lyubov Chapaeva

Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov, Russia

Research interests: the history of the Russian language, diachronic sociolinguistics, literary language of the 19th century.

**LANGUAGE REFLECTION AS A FACTOR OF LINGUISTIC DEVELOPMENT
(THE DISPUTE BETWEEN SLAVOPHILES AND WESTERNERS IN THE 1830s-1840s)**

Summary

Language reflection is an indispensable component of various philosophical doctrines about the language. As a reflection of public consciousness language reflection actively manifests itself during critical epochs of the development of a society and its language. One of such periods in the history of Russian literary language was the 1830s-1840s characterized by heated disputes between Slavophiles and Westerners. Rapid internal development of Russian literary language in the 1830s-1840s, cultural, ideological and literary debates defined contradictions in understanding of what is correct and appropriate for literary language, within the limits of written literary language. Neither Westerners, nor Slavophiles could fundamentally change the stylistic system of Russian literary language as objective processes of language development, in language evolution appeared to be more important than ideological attitudes. But the activation of stylistic processes in the language and the development of scientific linguistic thinking of the given epoch were in many aspects caused and determined by the cultural-ideological disputes between Slavophiles and Westerners.

KEY WORDS: language reflection, disputes, Slavophiles, Westerners.

Diana Jovaišienė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva
Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva
Tel. 8 616 71601

El. paštas: d.jovaisiene@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: literatūrologija, tapatybės problematika, postkolonializmo teorija

SOCIUMAS AR INDIVIDAS: ASMENS TAPATUMO PROBLEMATIKA LINO JEGELEVIČIAUS ROMANE „NUOGAS PRIEŠ JUS“

Šiame straipsnyje, remiantis individuacijos ir sociumo apibrėžtimis (R. Rothy), vaidmenų ir jų konfliktų teorija, holizmo samprata (M. Hollis), intrapasauliečio (individus-dans-le-monde) ir ekstrapasauliečio (individus-hors-de-monde) bruožais (L. Dumont), interpretuojamas Lino Jegelevičiaus romanas „Nuogas prieš jus“. Pasitelkiant sociokritinį požiūrį, atkreipiamas dėmesys į socialinį kūrinio kontekstą. Atskleidžiamas sociumo ir konfliktinių situacijų poveikis tapatybės daugialypiškumui ir jos kintamumui. Svarbiausia kūrinio analizės ašis – individo buvimo su kitais (individais, institucijomis) egzistencinis klausimas. Teksto analizei taikytas sociokritinis metodas leidžia literatūriname tekste atskleisti išvalgas, susijusias su tapatybės specifiškumu, parodyti priešybės tarp individo ir dominuojančios grupės identiteto, kiek ir kaip „socialinis voratinklis“ užgožia ar atskleidžia individo asmeninius poreikius ir siekius.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: literatūra, socialinis kontekstas, socialiniai vaidmenys, individuacija, socializacija, tapatybė

Galime teigti, jog individo tapatybės, socialinė problematika labiau prikausto sociologų, psichologų dėmesį ir yra jų tyrinėjimų akiratyje, tačiau vis daugiau literatūrologų atkreipia savo dėmesį į šį aspektą, pabrėžia socialinį kontekstą, kuriame tekstas gimsta ir yra skaitomas. Vis daugiau randasi literatūrinių tekstų, autobiografinių kūrinių, kuriuos galime analizuoti pasitelkiant socialinių vaidmenų teorijas, strategijas, pagal kurias toje pačioje visuomenėje įvairios grupės, ypač mažumos, randa galimybių išreikšti specifinę tapatybę (religinę, etninę, kultūrinę, ideologinę, lytinę), kuri skiriasi nuo dominuojančios grupės identiteto. Socialinė tapatybės analizė pabrėžia kintančius santykius tarp visuomenės, visuomeninių institucijų ir asmens. Literatūroje vis svarbesniu tampa individo ir visuomenės institucijų konflikto klausimas, išryškinamos individuacijos ir socializacijos priešybės, jų pasekmės visuomenei ir individui.

Lino Jegelevičiaus romane „Nuogas prieš jus“ – autoriaus asmeninė emigranto patirtis, tapatybės paieškos, bei atviras pasakojimas apie bandymus paneigti savo homoseksualią prigimtį. Romanas įvardijamas kaip autobiografinis, kalbama apie asmeninius išgyvenimus, todėl autorių galima tapatinti su romano personažu. Romane išryškinta socialinių, visuomeninių institucijų, organizacijų svarba personažo tapatybės paieškose, kintančių socialinių/institucinių vaidmenų ir jų sąveikų paletė, jų konfliktiškumas ir suderinamumo siekis.

Kalbėdama apie romano „Nuogas prieš jus“ personažą Liną, jo tapatumo daugialypiškumą ir paieškas, remsiuos Martin'o Holl'io vaidmenų ir jų konfliktų teorija, holizmo samprata. Svarstant individualumo ir socialumo apraiškas romane pasitelksiu R. Rothy individuacijos ir sociumo apibrėžtimis bei L. Dumont'o intrapasauliečio (individus-dans-le-monde) ir ekstrapasauliečio (individus-hors-de-monde) bruožais. Taip pat svarbu paminėti H. Markus ir P. Nurius požiūrį į tapatybės daugialypiškumą, schematiškai apibrėžtą tapatybę, bei galimos tapatybės (*possible selves*) sąvoką.

Romano personažas Linas – savęs ieškantis (o gal iš dalies jau ir suradęs) žmogus, kuriam sunku išspręsti vidinius konfliktus, sukurtus socialinių padėčių. Jį supantis pasaulis labai kinta – gyvena Lietuvoje (bet trokšta išvykti į JAV), dirba kruiziniame laive, dirba Amerikoje *South Beach* apsaugininku ar durininku gėjų baruose. Jo emigranto dalią apsunkina dar ir personažo seksualinės orientacijos keblumai, svarstymai ir abejonės. Tai tampa papildomu vaidmeniu ir priežastimi dar

didesnio vidinio susiskaldymo. Gyvenant užsienyje situacija tampa itin sudėtinga, nes tapatybė susiskaldžiusi ne tik tautiškumo, pilietiško lygmenyje, bet keliamas ir lytiškumo klausimas.

Analizuojamas romanas galėtų puikiai iliustruoti Martin'o Holl'io išplėtotą asmens ir vaidmenų, vaidmenų konfliktų teoriją, kuri teigia, jog socialinės normos sukuria žmogui tam tikrą vaidmenį ar vaidmenis, kas, be abejojimo, varžo asmens autonomiją ir leidžia teigti, jog žmogus „...tėra jo vaidmenų suma“ (Hollis 2000, p. 198).

Galime paanalizuoti, kas yra ir su kuo tapatinasi Linas (kokius vaidmenis vaidina) tam tikrose savo gyvenimo tarpsniuose ir konkretesnėse situacijose – Lietuvoje, dirbdamas kruiziniame laive, dirbdamas gėjų baruose.

Lietuvoje Linas – pareigingas ir mylintis sūnus, aktyvus mokyklos bendruomenės narys, studentas, žurnalistas, politiškai aktyvus Lietuvos pilietis Sąjūdžio laiku, tikintis Dievu, praktikuojantis katalikas. Kruiziniame laive – minimalios galimybės atsikleisti individualumui, patarnaujantis darbininkas, žmogus, siekiantis užsidirbti pinigų. Gėjų bare Amerikoje – durininkas, apsaugininkas, savo homoseksualumą ir tapatybę besistengiantis nuslėpti vyras.

Martin'as Hollis, kalbėdamas apie institucinius vaidmenis, pabrėžia, kad „...socialinės padėty ir vaidmenys aprėpia daugelį darinių“ (Hollis 2000, p. 207), todėl kalbant apie individą neišvengiamai kyla tapatybės daugialypiškumo problematika, o tuo pačiu ir vidinio konflikto galimybė. Individas tarsi priverstas dėlioti įvairias padėčių kombinacijas įvairiose socialinėse situacijose. Lino Jegelevičiaus romano personažas – itin susiskaldžiusi asmenybė, kurio vaidmenys konfliktuoja tarpusavyje labai ryškiai.

Anot Holl'io, „...visi skirtingi jų vaidmenys susiję su kitų žmonių normatyviniais lūkesčiais. Kažin ar savo gyvenimą jie galėtų sutvarkyti taip, kad šie jų vaidmenys niekada nekonfliktuotų“ (Hollis 2000, p. 207). Lino situacijoje, tiek Lietuvoje, tiek kruiziniame laive, užsienyje, tokių konfliktinių, kurios priklauso nuo vaidmenų kombinacijų, susiklosto nemažai.

Gyvenimo Lietuvoje periodu užgimsta ir itin svarbų vaidmenį vaidina vidinis konfliktas seksualumo klausimu – priešprieša tarp homoseksualumo ir normalios seksualinės orientacijos. Lino seksualumas užgniaužiamas, nes šioje visuomenėje jis turi vaidinti/pasirenka tradicinės orientacijos vyro vaidmenį. Toks jis tėvams, draugams, ir kitiems jį supantiems žmonėms. Matysime, kad perspektyvoje Linas vis atviriau išreiškia save, sau ir kitiems pripažįsta savo potraukį.

Konfliktas iškyla ir tarp „Lietuvos piliečio-patrioto“ ir „keliautojo, svajotojo apie Ameriką“. Galima pastebėti itin išgrynintą ir stiprų patriotiškumo jausmą, tačiau, kaip bebūtų keista, nenumaldomą siekį palikti Lietuvą ir išbandyti save svajonių šalyje Amerikoje: „Buvau pasiruošęs imti akademinį atostogų universitete, sumokėti visus pinigus, uždirbtus Švedijos braškių laukuose, kad tik patekčiau į Ameriką. Kaži ar dauguma ir aš pats žinojome, kur vykstame ir kas ten mūsų laukia“ (Jegelevičius, 2006 p. 73). Nepaisant stiprių patriotinių jausmų, užsibrėžtų siekių Lietuvoje, Linas ryžtasi palikti Lietuvą dėl didesnių iššūkių, rutinos baimės: „Aš ilgėjausi Amerikos. Man trūko jos. Norėjau iššūkio, kovos įsitvirtindamas gyvenime. Aš nebijojau to... Lietuvoje mano gyvenimas turėjo virsti į patogią, monotonišką būtį, o aš bijojau rutinos“ (Jegelevičius, p. 145).

Apie tapatybės daugialypiškumą, nevientisumą, schematiškai apibrėžtą tapatybę svarsto Hazel Markus ir Paula Nurius straipsnyje „Galimos tapatybės: motyvacijos ir savivokos ryšiai“ („Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept“). Iškeliama idėja apie galimas tapatybes ir prieštaravimus tarp jų, bei tikrosios tapatybės. Teigiama, jog „Galimos tapatybės (Possible selves) iškelia individualias idėjas, kuo jie galėtų būti, kuo jie norėtų būti ir kuo jie bijo tapti“ (pabraukta mano) (Markus, Nurius 1987, p. 157).

Daugialypė, suskilusi tapatybė (keletas skirtingų vaidmenų) apibrėžia tam tikrą Lino galimybių ir pageidavimų sritį. Linas Lietuvoje dar nėra apsisprendęs dėl savo siekių ir užmojų, tačiau jį veda gyvenimo iššūkių troškimas, monotonijos vengimas, siekis susikurti lengvesnę būitį sau ir artimiesiems. Jo galimybės, kaip ir kiekvieno individo, apribotos individualių savybių ir socialinės ar politinės aplinkos: aišku, kad baigęs žurnalistikos studijas jis negalės dirbti medicinos srityje ar kitur, kur reikalaujama specialių žinių, o gyvenant tarybinėje santvarkoje Lietuvoje

išvyka į svajonių šalį Ameriką. Lino, kaip individo, galima tapatybė, labiausiai išreikšta sąvoka „bijo tapti“. Jo galimų identitetų (vaidmenų) baimės išryškintos ir Lietuvoje, ir kruiziniame laive, ir Amerikoje *South Beach*. Lietuvoje Linas baiminasi tapti tuo, kuo nenori būti, priklausyti nuo kitų asmenų lūkesčių ir jų neatitikti, socialinės ir ekonominės situacijos. Dirbant „basbojumi“ kruiziniame laive, Lino baimės susijusios su individualumo praradimu – baimė tapti sraigtelium, mase, niekuo. Jis jaučiasi įrauktas sistemos, nesidomima jo tautiniu identitetu, ir ignoruojami religiniai įsitikinimai. Amerikoje Linas bijo atskleisti save – tautybę (prisistato rusu), vardą (pasirenka rusišką vardą Saša), homoseksualumą. Jis bijo viešumoje tapti tuo, kuo yra – lietuviu homoseksualu.

Kaip teigia Hollis, „Spręsdami klausimą, kaip elgtis toliau, vaidmenų atlikėjai turi kliautis savo pačių protu ir svarstyti konfliktą pirmiausia konkretaus vaidmens kontekste, po to vaidmenų atlikėjų kontekste ir galiausiai visų vaidmenų kontekste“ (Hollis 2000, p. 208). Pažvelgus į Lino apsisprendimo palikti mylimą Lietuvą ar keliauti į išsvajotą Ameriką dilemą, galime matyti personažo nežabojamą laivės siekį, naujų galimybių, iššūkių poreikį. Taip pat jis siekia išsilaisvinti iš kitų žmonių jam primetamų lūkesčių – tapti pavyzdingu vyru ir tėvu, baigti universitetą, dirbti etatiniu žurnalistu (tėvų, giminaičių, merginos, visuomenės lūkesčiai). Linas abejoja, ar pavyks atlikti daugybę jam primetamų vaidmenų – sūnaus, tėvo, mylimojo, karjeros siekiančio darbuotojo, ištikimo draugo. „Aš siekiau iššūkio ir kovos ten. Bet kodėl ne čia? Kur sava kalba ir žmonės? <...> Paradoksas, bet ar čia, laisvoje šalyje, būčiau visiškai laisvas? Ar čia visuomenė, mano šeima, giminės neužkartų man savų reikalavimų?“ (Jegelevičius 2006, p. 151) Lino atveju pasitraukimas iš Lietuvos – ne tik iššūkis sau, individualios savasties paieškos, bet ir bėgimas nuo artimų žmonių lūkesčių, abejojant, ar pavyks juos pateisinti ir nenuvilti.

Kruiziniame laive, iškilus dilemai, palikti darbą ar dirbti ir užsidirbti, apsisprendimą lemia ir asmeniniai norai, o taip pat ir artimųjų lūkesčiai. Linas pasiryžo laikinai „persikūnyti“, atsakyti savęs ir savo poreikių: „Monotonija žymėjo kiekvieną dieną, mes vaikščiojome ir dirbome kaip programuoti humanoidai, nuo pusryčių iki priešpiečių, nuo priešpiečių iki pietų, nuo pietų iki naktinio bufeto – net mąstėme laivo klišėmis, o kalbėjome irgi laivo slengu“ (Jegelevičius 2006, p. 122). Paradoksalu, kad bėgęs nuo monotonijos ir rutinos Lietuvoje Linas dar didesnę spaudimą pajunta laive, ko neatsisako vardan kitų tikslų. Tam tikri individo sprendimai būtini vaidmeniui atlikti ir nepriklauso nuo jo asmeninių pageidavimų. Pavyzdžiui, Lino nuolatinis noras darbo kriziniame laive pradžioje pabrėžti savo tautybę, ar paaiškinti, kur randasi Lietuva, būdavo sutinkamas su abejingumu, ar net pykčiu. Ilgainiui, supratęs savo vaidmenį, Linas jau nesistengia to pabrėžti, kaip ir kiekvienas iš jo daugiatautiško kolektyvo. Privalumu tampa jo įsiliejimas į minią, niveliavimasis su minia tokių pat.

Atsidūręs Majamyje *South Beach* ir ieškodamas darbo Linas kaip vieną iš galimų variantų pasirenką apsaugininko darbą gėjų bare. Tai lemia jo, kaip neapsisprendusios seksualinės orientacijos vyro, savęs išbandymo galimybė. Jis bando savo seksualumą ir užsukdamas į gėjų barus praleisti laisvalaikio. Tačiau, įsidarbinęs gėjų bare, jis nepriima homoseksualo vaidmens – pristato save kaip tradicinės orientacijos vyrą, taip išskirdamas save iš jį supančios socialinės aplinkos. Tokį savęs įtvirtinimo prioritetą Linas pasirenka pats ir tai atskiria jį kaip individą nuo gėjų bendruomenės. Jis tampa „balta varna“, tačiau neišsižada sau svarbių nuostatų, neištirpsta minioje. Linas slepiasi po „kauke“ – prisistato rusu Sašos vardu, taip įtvirtindamas paralelį savo tapatybę, asmenybės daugialypiškumą. Kaip teigia Paulius Subačius, tyrinėjas asmens tapatumo klausimus „Kaukės“ „priauga“ prie odos ir keičia tikruosius veidus, tačiau ši niekuomet nėra absoliuti“ (Subačius 2006, p. 290). Tai strategija sukurianti „žmogų-imitaciją“, antra vertus ji kaip nepaklusnumo ženklas, vidinis pasipriešinimas. Viešumoje – gražuolis, tradicinės orientacijos, sėkmingas darbuotojas. Viduje – nelaimingas, besislepiančias homoseksualas, kuris bijo viešai atskleisti savo paslaptį. Linas nepripažįsta ir savo artimiesiems, kur dirba Amerikoje, taip bijodamas apvilti jų lūkesčius.

Vienas iš itin svarbių veiksnių Lino gyvenime – Dievas, tikėjimas. Šis veiksnys apjungia suskaldytą asmenybę, suteikia jai vientisumo. Linas kreipiasi į jį ribinėse gyvenimo situacijose „Dieve, žinai, kad turėjau svajonę, siekiau jos ir, tau padedant, ji išsipildė. Norėčiau, kad kiekviena

svajonė išsipildytų. Juk svajonė ar tikslas, sutelkus į juos mintis, jėgas ir tikėjimą, turi įsikūnyti. Aš palieku universitetą, Vilnių, Lietuvą ir važiuoju į nežinią, tad saugok mane svetur...“ (Jegelevičius 2006, p. 77). Tikėjimas padeda jam nepalūžti ir dirbant „basbojumi“, „diagnozavus“ AIDS. Tikėjimas jo neapleidžia ir kritiniais momentais, kai neapsisprendžia dėl savo seksualinės orientacijos „Dieve, esu toks silpnas... Padėk man...“ (Jegelevičius 2006, p. 163). Biblija tampa simboliu, stiprinančiu jo individualios savasties pajautą.

Lino Jegelevičiaus romane išryškėja individo ir socialinės aplinkos skirties problematika. Postmodernaus pragmatizmo ribose individuacijos ir sociumo klausimą svarsto R. Rothy. Pasak jo plėtojamos paradigmos individuacija – asmeninė suinteresuota kūrybinė interpretacinė veikla, kuri iš dalies priešina save socializacijai (Mažeikis 2008, p. 18). (Linas, kaip individas, stipriausiai išreiškia save (ieško savęs) gyvendamas Lietuvoje. Čia formuojasi jo savasties supratimas, tautiškumo jausmas, tikėjimo (Dievo) atradimas, visuomeniniai siekiai ir ateities gyvenimo vizijos. Šiuo gyvenimo periodu atrandama daug naujo, neribojama savęs, kaip individo paieškų laisvė, smalsumas. Sustiprėja individo kaip vieneto suvokimas: „Jaučiausi labai svarbus, nes įvykiai mano šalyje, mažame lopinėlyje prie Baltijos jūros, prikaustė viso pasaulio galingųjų dėmesį <...> Norėjau verksti iš pasididžiavimo ir laimės“ (Jegelevičius 2006, p. 54). Šiuo gyvenimo laikotarpiu individo tapatumą paieškas skatina ir verčia permąstyti vertybes Lietuvos nepriklausomybės atkūrimas. Tai Liną pastato į būseną „tarp“, skatina perkainoti vertybes, atrasti save permainų kupiname laikotarpyje. Tai „ribinė“ situacija individui. Linui tai padeda skleisti kaip asmenybei, skatina jo visuomeninį aktyvumą, patriotiškumą, leidžia pajusti neribotą laisvės pojūtį, galimybes įgyvendinti savo seną svajonę apie Ameriką.

Lino savęs paieškos nukreipia jį į pamąstymus apie gyvenimo prasmę: „Man jau greit 20. Didžiausia svajonė išsipildė – gyvenu Vilniuje, mokausi universitete. Esu pirmas giminėje, įstojęs į aukštąją mokyklą. Kas yra laimė? Koks mano likimas?“ (Jegelevičius 2006, p. 60).

Bandydamas įsitvirtinti Amerikoje Linas nepraranda savo individualumo. Jis užsidaro savyje – slepia savo tautybę (prisistato rusu Saša), nepripažįsta aplinkiniams savo seksualinės orientacijos. Jis tampa „kitu“, nusišalina nuo aktyvaus visuomeninio gyvenimo, užsidaro savo pasaulyje. Kalbėdamas apie individualizmą L. Dumontas išskiria intrapasauliečius (individus-dans-le-monde) ir ekstrapasauliečius (individus-hors-de-monde). Intrapasauliečiai prioritetu laiko individo sąsajomis su visuomene, siekia įsilieti į visuomeninę veiklą, tapti sociumo dalimi. Ekstrapasauliečiai plėtoja pasišalinimo, askezės, užribinio susikaupimo strategijas (Mažeikis 2008, p. 17). Romano personažas – ekstrapasaulietis, kurio vidinis aš nusišalina nuo aplinkos, slepia savo tikrąjį „aš“. Jis neatsiskiria nuo visuomenės fizine prasme, tačiau savo vidinį pasaulį slepia nuo aplinkinių. Tačiau, kaip teigia Dumont'as, toks atsiskyrimas nebūtinai užtikrina asmens nedalumą, arba jo pilnatvę. Lino atveju tai pasitvirtina – jo asmenybė nuolat susiskaldžiusi, jis priverstas vaidinti keletą vaidmenų (sūnaus, kuris dirba tariamą vadybininko darbą Majamyje, homoseksualo, kuris prisistato kaip tradicinės orientacijos, lietuviu, kuris „apsivilkęs“ rusų tautybės vaikiną Sašos rūbą). Linas skendi nuolatinėse abejonėse, negali net sau atsakyti į rūpimus klausimus: „Bet aš niekada negalėjau lengvai atsisakyti savo įsitikinimų ir nusistatymų. Ar čia, Amerikoje, *South Beach*, turėjau spjauti į savo praeitį ir prisitaikyti prie vietinio gyvenimo ypatumų, kad nelikčiau balta varna?“ (Jegelevičius 2006, p. 180). Personažas nepriima visuomeninio gyvenimo primetamų normų, kas galbūt palengvintų ir supaprastintų jo būtį, bet labiau vertina savas tiesas, stengiasi išsaugoti individualų savitumą.

Kruiziniame laive „Zenith“ pastebime visišką socializacijos proceso dominavimą. Socializacija siejama su tiesa, kuri akcentuoja visuomenines normas kaip prioritetą. Lino, kaip individo, galimybės, funkcijos visiškai apribotos. Laive pabrėžtinai griežta tvarka, hierarchijos laiptai griežtai reglamentuoti, niekam nerūpi nei jo tautybė, nei tikėjimas. Liną siutina jo, kaip lietuviu ignoravimas, palyginimas su rusais: „...sunkiai tvardžiausi girdėdamas palyginimą su rusais. Niekada gyvenime, ko gero, nebuvau taip pažemintas“ (Jegelevičius 2006, p. 94). Pabrėžtinai visi laivo darbuotojai „basbojai“, kaip vaidmens atlikėjai, turi atitikti tam tikrus nustatytus lūkesčius – laiku aptarnauti klientus, neveluoti į darbą, dirbti dideliu greičiu, būti pasitempusiems, nublizgintais batais, sagom, mokėti kalbėti angliškai būti paslaugiams. Individas

užgniaužtas ir dominuoja šios bendruomenės taisyklės, kurioje apribojama laisvė spęsti ir mąstyti. Žmogus – detalė, reikalinga mechanizmo funkcijai atlikti: „Su šiais marškinėliais tapau mažutėliu milžiniškos kompanijos laivo sraigtelio, visai nereikšmingu ir smulkiu, ko gero, užtikęs vieną prie mechaninio skyriaus net nepasilenktum paimti, tik paspirtum. Labai bijojau būti niekas. Mane gąsdino mintis, kad slinksiu su visais pilkas bandoje, kepurėsiuos pasroviui Merkiu kaip šapas. Man norėjosi išsiskirti: ieškoti, rasti ir įtvirtinti save“ (Jegelevičius 2006, p. 91). Stiprus socializacijos dominavimas stipriai suvaržo žmogaus kūrybines laisves, originalumą, apriboja meninius ir ekonominius proveržius. Taip jaučiasi ir Jegelevičiaus personažas, tačiau jis supranta, jog tai tik vaidmuo tam tikram gyvenimo periodui, kurį reikia suvaidinti tam, kad pasiektum trokštamą tikslą.

Lino pasvarstymai išduoda stiprų vidinį konfliktą tarp tikrojo savęs ir „basbojaus“ vaidmens, kurį jis priverstas vaidinti tam, kad pasiektų tinklų – užsidirbti pinigų tam, kad jaustųsi laisvas, įvykdytų pažadą nupirkti mamai butą. Gilus prieštaravimas tarp sąmoningai mąstančio ekstrapasauliečio ir individo, kuris įtrauktas į visuomeninių normų diktuojamų taisyklių voratinklį. Šiuo gyvenimo periodu itin ryškiai konfrontuoja Lino individualizacijos poreikis su užgniaužtais socializacijos varžtais. Konfliktas tampa labai ryškus, tačiau valios pastangų dėka jis sugeba atlikti tarnybą iki pabaigos. Visuomeninio gyvenimo įsisavinimas tampa neabejotinai privalumu – nepaisant vidinių prieštaravimų, Linas tampa vienu iš labiausiai vertinamų „basbojų“. Taisyklių priėmimas kaip neišvengiamų suteikia jam galimybę pasiekti savo tikslo.

Remdamiesi M. Holli'o svarstymais apie holizmą (visą vienetų elgseną lemia struktūros visuma), pastebime, jog romano personažo Lino atvejis neleidžia teigti, jog sistema/struktūra užvaldžiusi jo būtį. Kaip taigia Hollis „Taisyklės, normos ir papročiai, žinoma, nepriklauso nuo atskirų individų, tačiau <...> tai dar nereiškia, kad dėl to individai tampa jų produktais“ (Hollis 2000, p. 140). Linas nepasiduoda absorbuojamas primetamų socialinių padėčių, vaidmenų. Jo, kaip ekstrapasauliečio natūra, dažnai skatina jį pasitraukti į nuošalę, likti stebėtojo vaidmenyje, ar laikinam „vaidinimui“ užsidėti „kaukę“, kuri pasikeitus socialinėms aplinkybėms pakeičiama kita kauke. Nors dažniausiai jį supa taisyklės, kurios nurodo, kaip elgtis toliau, ar kokie sprendimai būtų reikalingi, jo neabsorbuoja socialinės padėtys, o individo teisė rinktis Lino atveju laimi prieš holizmo sampratą.

Svarbiausia romano „Nuogas prieš jus“ ašimi tampa buvimo su kitais (individais, institucijomis) egzistencinis klausimas. Kanto antropocentrinio požiūriu – pirmiausia žmogaus formavimasis priklauso nuo to, ką jis suformuoja iš savęs, skirtingai nuo to, kaip jį kuria gamta. Neopragmatizmas išplėtoja jau kiek kitoki XX a. būties filosofų požiūrį į žmogų. M. Heideggeris ir E. Levinas teigia, jog žmogus yra save kuriantis ir save atskleidžia tik sąveikoje su kitais ir kitokiais nei jis pats asmenimis. Pragmatinis požiūris labiausiai nukreiptas į tikslą, susijusį su socialinėmis galimybėmis. Gyvendamas sociume individas kontaktuoja su aplinkiniu pasauliu, kas nuolatos iššaukia egzistencinius konfliktus, kuomet vidiniai imperatyvai nesutampa su socialinės grupės, institucijos, subkultūros interesais. Skirties matu tampa politiniai, moraliniai, seksualiniai ar kiti klausimai. Tokios situacijos dažnai reikalauja individo apsisprendimo, kaitos, kompromisų, o šie veiksniai tiesiogiai prisideda prie individo tapatumo formavimosi.

Literatūra

- JEGELEVIČIUS, L., 2006. *Nuogas prieš jus*. Panevėžys: Magilė.
- HOLLIS, M., 2000. *Socialinių mokslų filosofija*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla.
- MARKUS, H., NURIUS, P., 1987. *Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept // Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. Chichester, UK.
- MAŽEIKIS, G. 2008. *Socialinio dalyvavimo konstravimas: filosofinė antropologinė analizė ir kritika*. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.
- SUBAČIUS, P., 2006. *Postkolonijinė kritika. XX a. literatūros teorijos*. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.

Diana Jovaišienė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: literary science, issues of identity, the theory of postcolonialism

**SOCIAL ENVIRONMENT AND AN INDIVIDUAL: THE ISSUES OF PERSONAL IDENTITY IN
LINAS JEGELEVIČIUS'S *NAKED IN FRONT OF YOU***

Summary

The article presents an interpretation of the novel *Nuogas prieš jus (Naked in Front of You)* written by Linas Jegelevičius. The interpretation is based on several different theoretical perspectives including Rothy's definitions of social environment and individualisation, the theory of social roles and conflicts, Hollis's theory of holism, and the model based on Dumont's distinction between the intrasecular (*individus-dans-le-monde*) and extrasecular (*individus-hors-de-monde*). The perspective of the sociocritical theory of the text is adopted when examining the social context of the novel. The paper discusses the effects of the social environment and conflictual situations on the multiplicity of personal identities and their transformations. The central issue in this analysis is the question of the individual's co-existence with others (including other individuals and institutions). The sociocritical method of text analysis applied in the present study offers some insights concerning the specificity of personal identity, shows the opposition between the identity of an individual and a dominating group, and demonstrates how and to what extent the 'social web' can downgrade or reinforce individual needs and aims.

KEY WORDS: literature, social context, social roles, individuation, socialization, identity

Асия Ковтун

Университет им. Витавтаса Великого, Литва

K. Donelaičio 58, 44240 Kaunas, Lietuva

Тел. +378 327843

Эл. почта: a.kovtun@hmf.vdu.lt

Научные интересы: теория и история литературы, компаративистика

«ЧАЙКА» А. П. ЧЕХОВА КАК «УКРАДЕННЫЙ ОБЪЕКТ»

В статье анализируется семантическая фигура постмодернизма – «украденный объект» («stolen object») в литературе русского постмодернизма. Его статус становится фундаментальным, объясняющим парадигму направления. Использование приема объясняет разрушение любых дихотомий, противопоставлений, субъект-объектной оппозиции. Он ведет к таким знаковым понятиям как «смерть субъекта», «смерть бога», «смерть текста». В конце 90-х гг. XX века в русской литературе очень популярным становится создание текстов на основе известных классических произведений. Автор анализирует условия, возможности и обстоятельства интертекстуализации произведений русской классической литературы на примере творчества А. П. Чехова и Б. Акунина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поп-арт, русская классическая литература, постмодернизм, А. П. Чехов, Б. Акунин

Актуальность и некая парадоксальность предложенной темы определяется реальной ситуацией, сложившейся в современном культурном пространстве. Под знаком постмодерна возможно исследовать множество литературных явлений. теоретики принимают позицию генетической связи модернизма и постмодернизма. А поп-арт как одно из ярких явлений модерна воспринимается и в одном и в другом направлении. Если первые теоретические труды о литературном посмодернизме задавались вопросом, что такое пост – качественное ли временное отличие в развитии литературы XX века, то в наши дни теоретики принимают позицию генетической связи модернизма и постмодернизма. С позиции ретроспективы это направление художественного модернизма, связанное с преодолением дистанции между элитарной и массовой культурой. По мысли Умберто Эко, «время появления поп-арта характеризуется тем, что в культуре радикально рушились представления о традиционных различиях между экспериментальным, неизобразительным, массовым, повествовательным и изобразительным искусством» (Есо 1971, р. 188). Поп-арт может рассматриваться в качестве одного из источников формирования фундаментальной семантической фигуры постмодернизма – «украденного объекта» (англ. stolen object). В постмодернистском тексте по-новому применяются приемы художественной техники, характерные для искусства модерна. Такой текст использует коллаж, «готовые» ("ready made") предметы, инсталляции. Так, в текст включаются «найденные предметы» ("found objects") - политические лозунги, афиши, рекламные слоганы, надписи на стенах и тротуарах, медицинские рецепты и т.п. В поэтике постмодернизма использование подобных приемов связано идеей с интертекстуальности. Как полагает П. ван ден Хевель, один из теоретиков и идеологов постмодернизма, таким образом реализует себя «протест художника против псевдоистины». В новом авторском контексте такие включения получают новый смысл и новую жизнь. Придавая в новом контексте иной смысл знакомым, «тиражированным массовой культурой высказываниям», эти объекты «парадоксальным образом» их дебанализирует. В результате «смысл, который извлекается, зависит от собственного индивидуального воображения читателя» (Van den Heuvel 1986, с. 262). П.ван ден Хевель связывает понятие «украденный объект» с анализом приемов поэтики произведений постмодернистского направления. Однако с течением времени термин украденный объект приобретает более общий смысл, чем только вопросы поэтики постмодернизма. Его статус становится фундаментальным, объясняющим парадигму направления. Использование приема объясняет разрушение

любых дихотомий, противопоставлений, прежде всего субъект-объектной оппозиции в постмодернизме. Более того, ведет к таким знаковым понятиям как «смерть субъекта», «смерть бога», «смерть текста» и предполагает расщепление любой определенности субъекта («Я») в любой интерпретации. Понятие «объект» в классическом его понимании вообще не может быть в постмодернистском типе философствования. По идее Р. Барта, постмодернизм в каждом тексте усматривает предполагаемое «слово Esto (пусть, например... предположим...)». «В зачине всякого классического текста (то есть подчиненного правдоподобию в его древнем смысле) подразумевается слово Esto (пусть, например..., предположим...). Барт замечает: «Что же касается «реальных», drobных, «прокладочных элементов, о которых у нас идет речь, то они отрицают этот неявный зачин и располагаются в структурной ткани без всяких предварительных условий. Именно здесь проходит водораздел между античным правдоподобием и реализмом новой литературы; но здесь же появляется и новое правдоподобие, которое есть не что иное, как сам реализм (будем называть так всякий дискурс, включающий высказывания, гарантированные одним лишь референтом)» (Барт 1994, с. 392). (Это стирание онтологических границ между текстом и реальностью прежде всего выражается в стремлении к иллюзии исчезновения мифосимволической грани между артефактом искусства и реальными предметами действительности. Здесь уместно вспомнить известную статью Лесли Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы». Наряду с уничтожением рвов и границ между чудесным и вероятным, Фидлер заявляет об их уничтожении между элитарной и массовой литературой. Эти положения статьи важны для понимания границ действия «украденного объекта». Стирание границ между «массовостью» и «элитарностью» будет способствовать единению публики и художника, расширит возможности литературы. Это переход от отношений между автором и текстом к отношениям между субъектом и миром. Как полагает Фидлер, это акт обретения свободы. В «массовом» художник представляет «элитарное» а в «элитарном» – «массовое», в «вероятном» он связан с «чудесным». Постмодернистский художник всегда находится в нескольких «плоскостях», у него нет четкого топоса, нет «точки опоры» и не может быть «точки зрения», сознание его всегда в какой-то мере раздвоено. Таким образом, в построениях Фидлера заключены многие важные для теории постмодернизма проблемы (Фидлер 1993, с. 462). Наметившееся в середине прошлого века в западноевропейской литературе сближение элитарной и массовой культуры, в России начинается лишь в 90-е годы. Как известно, русский постмодернизм возник не «после модернизма», но после соцреализма. Это положение в большой мере объясняет не только его поэтику, но и идеологию. «Пересечение границ» и «закапывание рвов» между мифотворчеством и реальностью стало важнейшим приемом новейшей русской литературы. Новейшая русская литература стремилась разрушить тотально идеологизированную основу антитоталитарными методами. Однако в этой борьбе сохранялись утопические претензии искусства на создание новой художественной реальности, вытесняющей и замещающей действительность. При этом сохранялся характерный для русского мировосприятия литературоцентризм.

В конце 90-х гг. XX века в русской литературе очень популярным становится создание текстов на основе известных классических произведений. Русская литературная классика имеет четкую конотацию у читателей. Определение русской литературы как совершенной укреплялось в русском и мировом сознании, благодаря именам Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова и т.д. Русская классическая литература заменяла в большой мере философскую и общественную мысль, имела ясно обозначенную этическую и эстетическую позицию. Нормативность, гармония и эстетичность этой литературы оказываются чрезвычайно привлекательными для применения приемов интертекстуальности и языковой игры постмодернизма. В новейшей русской литературе возникает своеобразное направление, которое условно можно назвать псевдоклассикой. Это текстов, построенные на преобразовании, компиляции, реконструкции классических сюжетов. В соответствии стратегии «украденного объекта» заимствуются названия

произведений, имитируется стиль, ритм, сюжеты, жанры русских и произведений всемирной литературы. Современные авторы часто обращаются к наследию А. П. Чехова. В XIX веке его творчество вызывало острые споры в критике. Объективно и мудро Чехов описывал свое время, был внимателен и честным к мелочам, оттенкам, осторожно отказывался от лозунгов, не навязывал собственных суждений. Одна из основополагающих проблем постмодернизма – отношения человека с культурой и хаосом – была определена для русской литературы именно в творчестве Чехова. Чеховский герой – это начальный образ модернистского персонажа в русской литературе. Этот герой располагается вне жизни, не готов принять решение, которое жизнь обязательно потребует от него. Этот человек действует механически, не познавая жизнь и не осознавая себя в ней. Он абсурден, так как необъясним. Вся человеческая жизнь проходит в ожидании некоего поворота, события. Однако такое событие способно только подчеркнуть несостоятельность личности. «Составленные из столь пестрой смеси, все они обладают доминантной чертой – свободой. Они ничем не мотивированы. Их мысли, желания, слова, поступки так же случайны, как фамилии, которые они носят по прихоти то ли автора, то ли жизни», – замечают Вайль и Генис (Вайль, Генис, 1991, с. 181). Самым ярким явлением в контексте современной массовой литературы стало обращение к драматургии А. П. Чехова. Подобное явление можно попытаться объяснить широко распространенной мифологемой о театральности сегодняшней социальной и духовной жизни. Например, Г. Алмер в книге «Прикладная грамматология» (1985) утверждает, что в наше время буквально «все от политики до поэтики стало театральным» (Ulmer 1985, с. 282). В русской театральной традиции в конце XIX – XX века чеховский театр – новое явление. Его новаторство можно определить как становление режиссерского театра. Здесь режиссер сопрягает подтекст, недосказанность и внутренний сюжет и создает собственную концепцию, буквально переписывая партитуру авторского спектакля. Вероятно, соединение свободы идеологии жизни героя и художественной свободы, которую предоставляют чеховские тексты, делают драматургию Чехова столь популярной и в XXI веке. В театре Чехова ничего не происходит: конфликты завязываются, но не развязываются, судьбы запутываются, но не распутываются. Действие только притворяется действием, сценический эффект – эффектом, драматургический конфликт – конфликтом. Милые, деликатные и трогательные отношения героев его произведений пытаются спрятать, скрыть, затянуть тонкой сетью жуткий, переполняющий сознание и подсознание хаос. А он рвется наружу и пытается уничтожить слишком тонкий культурный слой, защищающий человека. Известно, что резко отличающаяся от предыдущих пьес Чехова, комедия «Чайка» (1896) имеет интересную судьбу. После провала на сцене Александринского театра, она поставлена заново в Московском художественном театре, где ее ждет огромный успех. Драма становится этапным произведением в жизни не только русского, но и мирового театра.

В 2000 году в русском литературном журнале «Новый мир» появилась пьеса «Чайка» Бориса Акунина, продолжение (сиквел) одноименной чеховской пьесы. Литературовед, переводчик, писатель, японовед Григорий Чхартишвили, пишущий под псевдонимом Борис Акунин, создает свою версию чеховской «Чайки». В современной литературной критике Борис Акунин оценивается как противоречивая, неоднозначная фигура, по поводу которой высказываются различные мнения. Он – один из самых популярных и авторов новейшей русской литературы. Чхартишвили начал писать художественную прозу под псевдонимом Борис Акунин в 1998 году. Появление псевдонима в любом типе текста можно рассматривать так же как стратегию «украденного объекта». Авторская маска в постмодернистском типе текста предполагает присутствие автора на страницах своей книги в качестве собственного персонажа, для пародирования и самоиронии. Эти условия соответствуют потребности в раскрепощении, дедогматизации, выхода за границы общепринятого в литературной маске. Маска Бориса Акунина гибрида и двуязычна. Рассуждая об этимологии псевдонима, следует обратить внимание на имя – Борис (русский святой Борис считается приносящим прибыль, созвучно своему барыш

(Фасмер, 1986, с. 194), фамилия Акунин, несмотря на славянское звучание, имеет японские корни (два иероглифа – «аку» и «нин», которые можно перевести как «злой человек», «злой дух», «разбойник», «человек, не соблюдающий законов» (Чхартишвили, 2002). Эти условия соответствуют потребности в раскрепощении, дедогматизации, выхода за границы общепринятого в литературной маске. Отмечалось, что свое творчество под псевдонимом Борис Акунин Чхартишвили называл «литературным и деловым проектом». «Радио Свобода», ссылаясь на слова самого Чхартишвили, отмечало, что он «с самого начала обосновывал свою стратегию не только как творческую, но и как коммерческую», для чего и создал бренд «Борис Акунин» – «нарочно в области массовой литературы для того, чтобы широкий читательский круг мог получать удовольствие от этого продукта» (Акунин 1999). Однако и в дальнейшем свои критические и документальные работы Чхартишвили продолжал публиковать под своим настоящим именем. Вместе с тем в 2004 г. вышел сборник очерков и новелл в стиле детективного триллера «Кладбищенские истории». в «соавторстве» – Григория Чхартишвили и Бориса Акунина (Акунин 1999). Подобное соавторство автора-персонажа позволяет имитировать роль автора пародировать самого себя в нарушать и сюжетные, и стилистические запреты. Интересно заметить, что Григорий Чхартишвили давно интересовался проблематикой самоубийства, он является автором монографии «Писатель и самоубийство» (1999), в которой анализирует причины, заставляющие художника покончить жизнь самоубийством., заявляя, что выбор смерти – «естественный и свободный выбор человека как доказательство его свободы, эталон честной игры хомо люденса» (Чхартишвили 1999, с. 2).

Два произведения под одним и тем же именем и одного жанра комедии – «Чайка» Антона Павловича Чехова и «Чайка» Бориса Акунина написаны в разные века: одно – в конце XIX-го, другое – в конце XX-го века. Две пьесы выходят отдельным изданием (Акунин, Чехов 2002). Под одной обложкой в начале тома и конца тома (если перевернуть книгу) помещены два произведения – чеховская и акунинская «Чайка». Расположение двух произведений по отношению друг к другу в перевернутом виде – возможно, намек на карнавальную перевернутость. На обложке, согласно постмодернистской игре, можно угадать штрихи портретов обоих авторов. Фразы на обложке – «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился» и «Константин Гаврилович мертв. Только он не застрелился. Его убили...» указывают на потенциальную возможность для читателя продолжить тексты, а также на будущую детективную интригу. Чеховская «Чайка» здесь, с одной стороны, использована в качестве пролога к пьесе Акунина и исполняет своеобразную служебную роль. В чеховской «Чайке» рассказывается история, которая полна героев, чьи судьбы различны, персонажи зрительно ощутимы, чувствуется жалость автора к ним. У Акунина в центре пьесы – происшествие, персонажи превращены в своего рода функции с одной доминирующей чертой характера, а ощущение сострадания отсутствует.

В акунинском произведении действуют те же персонажи, что и в чеховской комедии. Действие происходит в имении Сорина. Акунин использует многие чеховские художественные ходы, пародийно переосмысляя их. Литературный эксперимент Бориса Акунина с чеховской «Чайкой» можно определить в контексте теории Фидлера как «многоуровневое» письмо. Тексты, заключающие в себе несколько историй, как бы предназначенных для разного типа читателей. Один слой может быть детективом, другой – философским трактатом. «Чайка» Акунина, построена на особом виде постмодернистской игры, когда интеллектуал пишет бестселлер для миллионов. Как утверждает автор, этот проект предназначен для интеллигентного и взыскательного читателя («Так веселее мне и интереснее взыскательному читателю...») (Вербиева 1999) вступить в своеобразную игру и поверить, что сочинение принадлежит Чехову. В основе сюжета новой «Чайки» – смерть одного из героев – Треплева. Как мастер детектива, Акунин и в «Чайке» использует некоторые из основных принципов криминального жанра. Он попытался понять, почему в четвертом акте чеховской пьесы Константин Треплев кончает жизнь самоубийством и

предлагает свою версию – Треплев убит. Все второе действие пьеса представляет восемь вариаций на тему «Кто убийца?». У каждого из участников есть веские причины для убийства. Все версии психологически обоснованы. Структура и композиция обеих пьес сходны. Действующие лица в комедии Акунина почти те же самые, что и в чеховской пьесе, кроме некоторых второстепенных персонажей. «Чайка» Акунина не просто начинается с конца чеховской пьесы, но вносит «мелкие», на первый взгляд, изменения, без которых не могло бы развиваться дальнейшее действие. Эти изменения, касающиеся, прежде всего, ремарок, усиливают ощущение, что Треплев не просто декадентствующий мечтатель, а маньяк, который обставил свой кабинет чучелами всевозможных животных и птиц, во главе которых – чучело большой чайки с распростертыми крыльями. У Чехова чучело чайки как многоуровневый символ появляется только на последних страницах. У Акунина чучело создает рамку в начале и в конце пьесы как предупреждение об угрозе. В финале стеклянные глаза чайки угрожающе загораются, начинают светиться, и она оживает. Через детали поведения Акунин усиливает атмосферу игры, абсурда, деструкции. На протяжении всей комедии чеховская сдержанность в обрисовке персонажей у Акунина заменяется аффектацией даже при малейших проявлениях чувств. В последнем эпизоде Акунин замедляет действие, давая возможность каждому из персонажей признаться в преступлении. И все признаются, но – кто убийца неизвестно. Писатель открыто использует чеховский прием самодраматизации, но абсолютизирует, доводит его до абсурда. Акунин задает вопросы, ищет ответы. Он не принимает чеховскую пьесу как ключ к загадочной русской душе. Написанная им детективная история требует разрешения, алиби для персонажей.

«Чайка» Б. Акунина как «украденный объект» может быть названа парадигматическим произведением русской постмодернистской литературы. Однако, возникает вопрос, была ли цель Б. Акунина только симуляция чеховского текста? Легко и привлекательно определить эксперимент Акунина как пародирование классического текста или же назвать его искривлением постмодернизма. Однако функции «украденного объекта» в тексте более сложны и многозначны. Действительно, деканонизируется и формализуется классический текст, разрушается авторичетный дискурс. Однако поэтика отрицания выполняет и другую функцию. Идет своеобразный процесс декомпенсации комплексов. Русской литературе XX века из-за засилия соцреализма пришлось отказаться от стилистики экзистенциализма, «нового романа» и др. Возможно, по этой причине столь значительное внимание уделяется римейку, «украденному объекту». Игра, виртуальность, вариации, деиерархизация, несоблюдение законов поэтики – это основа русского постмодернизма.

Литература

- ECO, U., 1971. Lowbrow Highbrow, Highbrow Lowbrow. *The Times Literary Supplement*, Oct. 8, с. 22 -46.
- HEUVELI, Van den, 1986. *Parole, mot, silence: Pour une poetique de l'enonciation*. Paris.
- ULMER, G., 1985. *Applied grammatology*. Baltimore.
- АКУНИН, Б., 1999. «Так веселее мне и интереснее взыскательному читателю...». *Независимая газета* от 23.12.1999, Москва: Независимая газета.
- АКУНИН, Б. И., 2002. *Чайка. Чехов А. П.* Двустороннее изд. Санкт.-Петербург: издательский дом «Нева».
- БАРТ, Р., 1994. Эффект реальности. В кн.: *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Наука, с. 392-400.
- ВАЙЛЬ, П.; ГЕНИС А., 1991. *Родная Речь. Уроки Изыщной Словесности*. Москва: Независимая газета.
- ВЕРБИЕВА, А., 1999. Борис Акунин: Интервью. Грандиозный проект новой русской беллетристики, *Независимая газета* 23.12. http://exlibris.ng.ru/person/1999-12-23/1_akunin.html.
- ФАСМЕР, М., 1986. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Прогресс.
- ФИДЛЕР, Л., 1993. «Пересекайте границы, засыпайте рвы». В кн.: *«Современная западная культурология: самоубийство дискурса»*, Москва: Наука, с. 462-518.
- ЧХАРТАШВИЛИ, Г., 2002. *Я не бальзамировицик трупов, а продавец в розницу*. Москва: Новое литературное обозрение
- ЧХАРТАШВИЛИ, Г., 1999. *Писатель и самоубийство*. Москва: Новое литературное обозрение.

Asija Kovtun

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: literatūros teorija ir istorija, komparatystika

A. ČECHOVO „ŽUVĖDRA“ KAIP „PAVOGTAS OBJEKTAS“

Santrauka

Pop-artą galima nagrinėti kaip fundamentinės semantinės postmoderno figūros šaltinį. Ši figūra – t.v. „pavogtas objektas“ (angl. stolen object). Tekste naujai interpretuojami ir taikomi modernio meninės technikos metodai ir būdai. Čia populiarus koliažo, „paruoštų“ ("ready made") daiktų, instaliacijos panaudojimas. Į tekstą įvedami t.v. „atrasti“ daiktai ("found objects") – politiniai lozungai, afišos, reklaminiai šūkiei, užrašai sienose ir šaligatviuose, medicininiai receptai ir t.t. Šios priemonės atspindi intertekstualumo teorijos galimybes.

2000 m. rusų literatūriname žurnale „Novij mir“ pasirodė Boriso Akuninio pjesė „Žuvėdra“ — Čechovo pjesės tęsinys (Sequel). Literatūrologas, vertėjas, rašytojas, japonų kultūros žinovas Grigorijus Čchartišvili, pasirinkęs pseudonimą Akuninas kuria savą Čechovo „Žuvėdros“ versiją. Literatūrinė kaukė atitinka autoriaus poreikius dedogmatizacijai, išsilaisvinimui, galimybę naikinti ribas. Akuninas panaudoja daugumą Čechovo meninių priemonių, tik parodijuoja jas. Akunino kūrinys provokuoja perskaityti klasikinį tekstą, ir gal būt pamatyti jį naujoje šviesoje. Akunino pjesė pavirsta detektyviniu kūriniu. Autorius siūlo savotišką žaidimą, kurio taisyklės — patikėti, kad kūrinys tikrai priklauso Antonui Čechovui. Akuninas ne traktuoja Čechovo kūrinio kaip istorijos apie rusiškos sielos paslaptis. Personažams jis užduoda šiuolaikinius klausimus, susietus su nusikaltimu.

Dėl socrealizmo rusų literatūrai teko atsisakyti siurrealizmo, egzistencializmo, „naujojo romano“ stilstikos. Gal būt todėl tiek dėmesio ir jėgų skiriama rimeikai, gal ir pavogtam objektui. Žaidimas, virtualumas, variacijos, deherarchizacija, dažnai poetikos įstatymų drastiškas nepaisymas tapo rusų postmodernizmo centru.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: pop-art, rusų literatūra, postmodernizmas, A. Čechovas, B. Akuninas.

Aleksandras Krasnovas

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Muitinės g. 12, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel.: 8 37 422604

El. paštas: aleksandras.krasnovas@vukhf.lt

Moksliniai interesai: literatūros teorija, literatūros kritika, XX a. lietuvių literatūros istorija, hermeneutika, recepcijos teorija.

J. APUČIO TRIPTIKAI RECEPCIJOS ASPEKTU

Pasirėmus M. Heidegerio estetikos idėjomis, straipsnyje analizuojama, kaip literatūros kūrinys išreiškiama esybės tiesa, taip pat kaip išreiškiama ta pasaulio ar gyvenimo dalis, kuri dar nėra aiškiai suvokiama ir neturi įprastos žodinės išraiškos. Analizės objektu pasirinkti J. Apučio novelių triptikai „Žalias laiko vingis“ ir „Ak, Teofili!“, kurie, kaip ir kiti literatūriniai ciklai, suteikia galimybę stebėti, kaip savarankiškas arba iš dalies savarankiškas kūrinys, turintis savo prasminę šerdį, atsidūręs šalia kito iš dalies savarankiško kūrinio, vien dėl tokios gretimybės įgija papildomų esminių prasmės niuansų. Visos novelės, rutuliodamos kitokius siužetus, vaizduodamos kitus veikėjus, sudėliodamos kitokius prasmės akcentus, netiesiogiai papildo, išplečia ankstesnių novelių intelektualinį bei emocinį turinį, kartu pasipildydamos ankstesniųjų prasmės krūviu. Visos kartu jos perteikia tokią pasaulio pajautą, atskleidžia tokią patirtį, kokios nėra nei vienoje atskirai paimtoje novelėje.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: recepcija, triptikas, prasmės generavimas, supratimas.

Pradėti J. Apučio triptikų analizę būtų pravartu pasirinkti bendresnėmis estetikos idėjomis, pirmiausia M. Heidegerio fenomenologinėmis išvalgomis. Traktate „Meno kūrinio prigimtis“ aptardamas meno esmę, Heidegeris ją įvardina kaip esybės tiesos atskleidimą. Kas yra ta esybės tiesa? Šią sąvoką filosofas apibrėžia pasitelkęs pasaulio ir žemės ginčo intelektualinę metaforą. Pasaulis, anot jo, „nėra esančių suskaičiuojamų ir nesuskaičiuojamų, žinomų ir nežinomų daiktų rinkinys. Tačiau pasaulis nėra ir vien esybės visumai primesta schema. *Pasaulis gyvuoja.* <...> Pasaulis nėra objektas, kuris stovi priešais mus ir gali būti stebimas. Pasaulis visuomet yra tai, kas nėra objektas ir kam mes priklausome, kol keliai nuo gimimo iki mirties, nuo palaimos iki prakeikimo mus laiko panardinę į būtį“ (Heidegeris 1980, p. 228). Perfrazavus savais žodžiais, pasaulio sąvoka apibrėžia mūsų žinojimo ir supratimo sferą – tai tarsi nakties tamsoje liepsnojančio laužo šviesos ratas, išplėšęs iš nežinomybės chaoso tam tikrą jo dalį. O žemės sąvoka pirmiausia apibūdina medžiagą, bet giliausia prasme tai esinys, uždaras pats savyje ir dar neapšviestas žmogaus supratimo šviesa. „<...> kiekviename savyje glūdinčiame daikte yra toks pat savęs nežinojimas. Žemė yra iš esmės savyje uždara. Padaryti iš žemės – reiškia ją, savyje užsisklendusią, iškelti viešumon“ (Heidegeris 1980, p. 230). „Pasaulio parodymas ir padarymas iš žemės yra du esminiai kūrinio būties bruožai“ (Heidegeris 1980, p. 231).

Tai, kas yra žemė, kas neįeina į mūsų supratimo šviesa nušviestą pasaulio sferą, tai dar neturi žodinės išraiškos. Sakydamas, kad „kalba yra tikras žmogaus būties vidurys“, H. G. Gadameris (Gadamer 1999, p. 87) pirmiausia turi galvoje tai, kad iš nežinojimo teritorijos išplėsta žemės esybė pasauliu paverčiama žodžiu. Kita vertus, tiek pat neabejotinas teiginys, kad menas, taip pat ir literatūra, siekia išreikšti ir tai, kas dar nepažinta, vadinasi, tai, kas dar neturi vardo, kas žodžiu neišreiškiama. Bet kaip žodžiu išreikšti tai, kas neturi žodinio pavidalo? Ar tai apskritai įmanoma? Pabandykime atsakyti į šį klausimą analizuodami J. Apučio triptikus „Žalias laiko vingis“ ir „Ak, Teofili!“ recepcijos požiūriu.

Triptikai, kaip ir kiti sudėtiniai literatūriniai žanrai, pavyzdžiui, literatūriniai ciklai (V. Mačernio „Vizijos“, O. Balzako „Žmogiškosios komedijos“ romanų ciklas), suteikia dėkingą galimybę analizuoti, kaip vienas savarankiškas kūrinys, turintis savo prasminę šerdį, atsidūręs šalia kito iš dalies savarankiško kūrinio, vien dėl tokios gretimybės įgija papildomų esminių prasmės niuansų. Analizei pasirinkime J. Apučio novelių triptiką „Žalias laiko vingis“ ir „Ak, Teofili!“.

Kiekviena triptiko „Žalias laiko vingis“ novelė turi savarankišką siužetą, pagrindinių veikėjų ansamblius, ir gali būti suvokiama kaip savarankiškas užbaigtas kūrinys. Žvelgiant siužetinio vyksmo lygmeniu triptiko noveles jungia tik vienas pagrindinis veikėjas – keleivis. Kitos novelės, rutuliodamas kitokius siužetus, vaizduodamos kitus veikėjus, sudėliodamos kitokius prasmės akcentus, netiesiogiai papildo, išplečia pirmosios novelės intelektualinį bei emocinį turinį, kartu pasipildydamos ankstesniosios prasmės krūviu. Visos kartu jos perteikia tokią pasaulio pajautą, atskleidžia tokią patirtį, kokios nerasime nei vienoje atskirai paimtoje novelėje. Kaip tai padaroma, sukonstruojama?

Triptiką „Žalias laiko vingis“ sudaro trys novelės: „Arklio akyse“, „Troboj prie upės“ ir „Žalias laiko vingis“. Visas vienija tas pats pagrindinis veikėjas, vadinamas bendrinio keleivio vardu. Visa kita novelėse skirtinga: kitokia erdvė ir laikas, kiti antraeiliai veikėjai, kitokia įvykių slinktis. Pirmosios novelės ekspozicija tokia: nežinia iš kur einantis keleivis pavakary atsisėda atsipūsti giraitės pakrašty ant seno kelmo. Aišku, kad jis gyvena kitur ir dabar grįžo į tėviškės vietas – tai aiškėja iš to, kad dairydamasis aplink jis ne tik atpažįsta vietas, bet ir jaučia, kad šioje žemėje yra „kažkokia nuo jo atplyšusi dvasia“, kad kiekvienas takas tebelaižo jo pėdų atspaudus, dviračio tekinių vėžes. Jo drabužiai purvini ir suglamžyti, visa manta telpa ryšulėlyje, kurį jis neša ant lazdos, permestos per petį. Visos šios detalės, tiesiogiai neįvardindamos nei praeities, nei dabartinės socialinės ar psichologinės būsenos, sako, kad žmogus dėl kažkokių, kol kas neaiškių priežasčių nutraukė ryšius su ankstesniu gyvenimu ir kaip piligrimas pasileido po pasaulį. Šita piligrimystė, viltingo ieškojimo kelias iškelia klausimą, kurį jis užduoda pats sau: kur jis ėjo? Ekspozicijoje klausimas tik užduodamas, bet tiesiogiai į jį neatsakoma. Tiesa, tekste yra miglota atsakymo užuomina, kuri šiame skaitymo etape vis dėlto nesuvokiama kaip galimo atsakymo nuoroda. Žvelgdamas į vakaro horizontą, vis labiau tamsėjančius laukus, dangų aptraukiantį juodą grėsmingą debesį, jis pasijunta esąs dvasios laukuose, o aplink jį susirinko iš šių vietų pasitraukę gyvieji ir čia mirusieji, „kad nekalbėdami pasakytų vienas kitam, kas tarp jų yra bendra ir ko jie išmoko gyvendami“ (Aputis 1986, p. 237). Šioje citatoje atkreiptinas dėmesys į vienas kitam prieštaraujančių, nesuderinamų (bet tik iš pirmo žvilgsnio) žodžių junginį „nekalbėdami pasakytų vienas kitam“. O apskritai ekspozicijoje daug simboliškų užuominų apie gyvenimo tragizmą, trapumą ir mirtį, visa ji pritvinkusi grėsmės nuojautos. Iš kur ta grėsmė – pirmojoje novelėje to nesužinome.

Ekspozicija šuoliškai – be paaiškinimo, be jokio įvadinio sakinio – nutraukiama ir persikeliama į keleivio vaikystės laiką. Tiesa, perkėlimo į kitą laiką ženklu gali būti vakaro laukuose nuskardėjęs arklio žvengimas, bet skaitymo momentu to signalo reikšmė dar neišryškėjusi. Šioje novelės dalyje į veiksmą įtraukiami ne tik keleivio tėvas ir motina, kaimynas su dukra, bet ir kiti gyvojo pasaulio atstovai, lygiomis teisėmis gyveną žmogaus pasaulyje – kumelė Jūra ir bevardis šuniukas. Antrosios novelės dalies pagrindą sudaro Jūros gyvenimo istorija. Jūra, kaip ir žmogus vaikystėje, iš pradžių buvo nesuvaldomai energinga, pasileidusi per laukus tarsi paukštis perskridavo aukščiausias tvoras, bet ilgainiui nurimo ir jau paklusniai traukdavo vežimą ar plūgą. Šios dalies kulminacija – kaimyno Milašiaus mirtis ir jo laidotuvės. Senstelėjusiai Jūrai nuskirta vežti Milašiaus karstą į kapines. Tačiau tada prie paklusnumo ir pavalkų įpratinta Jūra sukėlė maištą. Iš pradžių pažvelgusi į „pasaulio pakraščiais lekiančius debesį“, po to ašarotomis akimis į vaiką, ji vėl kaip jaunystėje šuoliais pasileido per laukus.

Visos šios novelės – ir ekspozicijos, ir pagrindinės dalies – simbolinis leitmotyvas yra juodi, grėsmingi, į saulėlydžio pusę lekiantys debesys. Juos regi ir vaikas, ir arklys, ir abiems jie kelia tą pačią nerimo, grėsmės nuojautą. Ilgainiui jie virsta gyvenimo trapumo, laikinumo, viso, kas gyva, judėjimo link išnykimo, link mirties simboliu. Žmogiškasis pasaulis čia išplėstas iki gyvojo pasaulio apskritai. Tai pačiai laiko slinkčiai, galiausiai mirčiai paklūsta ne tik žmogiškasis, bet ir visas gyvasis pasaulis, tai tarsi nenumaldomas kosminis dėsnis, kurio akivaizdoje ir žmogus, ir arklys pasijunta visiškai bejėgis. Šią nenumaldomo laiko ir gyvenimo kaip ėjimo į mirtį idėją pasakotojas išreiškia gražia laiką kondensuojančia metafora. „Ir šitaip ėjo laikas. Daug kartu dar pasaulio pakraščiais dar lėkė debesys, o vaikas, tėvas ir Jūra išeidavo į laukus, palikę kieme stovinčią motiną, ant skreito sukryžiuosią rankas, o jie visi ropojo savo laukais, per kalvelės,

metai po metų, ir užtat žmogui visa tai yra jau nebe buvęs gyvenimas, o paveikslas, iškaltas kur nors palei Nilą ant didelio uolos luito“ (Aputis 1986, p. 239).

Taigi į ekspozicijoje užduotą klausimą pirmoji novelė atsako gana vienprasmiškai: ir subrendęs keleivis, ir vaikas, ir jo valstietiškojo gyvenimo bendrakeleiviai – arklys ir šuniukas – eina į mirtį: visi „lėtai lėtai slinko tais graudžiais takais prie kapinių tvoros“ (Aputis 1986 p. 237). Tad pirmoji triptiko novelė graudžiai nerimastinga, kupina tragizmo ir vakaro prieblandos. Jūros gyvenimo istorija konkrečiais vaizdais, paralelėmis esmingai pagilina, išplėtoja tai, kas ekspozicijoje buvo išreikšta daugiau ar mažiau įjasminta sąvokine kalba. Vadinas, skirtingų vaizdų gretinimu, tam tikru vaizdų slinkties organizavimu žodžio meno kūrėjas sugeba išreikšti tą pasaulio patirties dalį, kuri nesileidžia išreiškiamai nuoga žodžio semantika. Ne be reikalo hermeneutikos klasikai jau nuo Antikos tvirtina, kad žmogiškojo supratimo, naujos pasaulio patirties įsisavinimo pagrindas – gretinimas, analogija. Naują, vardo dar neturintį reiškinį suprantame pagal principą „kaip“: „tai yra kaip...“, kitaip sakant, įstatę jį į panašių ar priešingų reiškinų gretą.

Pirmojoje triptiko novelėje į pasaulio šviesą iškeliamas vienas žmogiškosios būties aspektas – gyvenimas yra neišvengiamas ėjimas į mirtį. Antrojoje novelėje šis aspektas dar labiau išryškინimas, vaizduojant vienišą moterį, kuri, kaip vėliau paaiškėja, yra pirmosios novelės veikėjo Milašiaus duktė, tuomet dar maža mergaitė. Šios novelės veiksmo laikas – naktis. Naktį braudamasis per mišką, keleivis užtinka nuošalią tobelę, kurioje ta moteris gyvena. Gyvena po mylimo vyro savižudybės, po to, kai pakiša po upelio ledu nuo antrojo nemylimo vyro sulauktą kūdikį, gyvena supama tylios kaimynų paniekos dėl vaikžudystės. Keleivis klausia moters: „Kodėl Jūs dabar gyvenate?“ Regis, moteriai iš tiesų nėra dėl ko gyventi. Ji atsako labai paprastai – „gyvenu dėl to, jog jau nieko daugiau nebeliko, kaip tik gyventi“. Ir vis dėlto kaimynės gyvenimo patirtis – juoda, karti, nevilties kupina – keleiviui tapo savotišku žiburiu nakties tamsoje. Tai paryškina visoje novelėje išlaikyta simboliška tamsos ir šviesos, baltos ir juodos spalvos priešprieša. Pirmiausia naktį patekęs į kapus jis pamato kryžių, ant kurio švietė baltas užrašas: „Mano dievas, ir mano viskas“. Vėliau paaiškėja, kad šį kryžių ant savo mylimo vyro kapo pastatė Milašiaus duktė. Kiek vėliau jis pamato žiburį – „vienintelį žiburį aplink“ – tai šviesa, sklindanti pro moters trobelės langą. Įleistas į vidų keleivis negali atsistebėti neįtikėtinais baltomis moters kojomis („net keista: vaikščioti saulėje ir turėti tokias baltas kojas!“).

Net ir likusi visiškai viena, moteris trokšta pasidalinti savo gyvenimo patirtimi su kitu žmogumi, trokšta atjautos ir artumo. Taigi pirmosios novelės leitmotyvas – gyvenimas yra ėjimas į mirtį – tik iš pirmo žvilgsnio atrodo galutinė tiesa (taip mirtį apibūdino Heidegeris). Gyvenimas, kaip rodo moters istorija, yra kažkas daugiau ir reikšmingiau negu ėjimas į mirtį. Šis miglotas, žodžiais neišsakytas, o gal ir neišsakomas pojūtis padeda keleiviui atsikratyti savo naštos – po daugelio netekčių jis ir pats ketino padėti galvą ant geležinkelio bėgio...

Trečiojoje novelėje veiksmas vyksta jau saulėtą dieną. Skirtingai nuo pirmųjų dviejų novelių, čia pasakojama jau ne iš keleivio, o visažinio pasakotojo perspektyvos, keleivis čia yra ne pagrindinis, o tik vienas iš kelių personažų.

„Žaliame laiko vingyje“ išeinama iš uždaros subjekto vidujybės į gamtos ir pasaulio viešumą. Gamtos alsavimas trečiojoje novelėje vaizduojamas kaip ne mažiau reikšmingas nei žmogaus buvimas. Žmogus čia yra gamtos, esinijos dalis, kvėpuojanti kartu su ja tuo pačiu ritmu. Prie vieno ežero keleivis pamato porą – vežimėlyje sėdintį vyrą be kojų ir tą vežimėlį stumiančią moterį. Vyras be kojų prikaustytas prie vežimėlio, be moters jis būtų visiškai bejėgis. Tam tikra prasme jis primena Milašiaus dukrą ten, troboj prie upės, atrodytų, kad ir jam gyventi nėra dėl ko. Bet jis visiškai kitoks, jis džiaugiasi pasauliu, gėrisi šviesa, vandens raibuliavimu. Artimo žmogaus buvimas ištirpdo neveltį, beprasmybės jausmą.

Trečiosios novelės viduryje keleivis sumano eiti toliau, tačiau „nebežinojo kur, todėl pasuko atgal, į tą pusę, iš kur atėjo“ (Aputis 1986, p. 252). Nesąmoningai ieškojęs išeities iš pirmojoje ir antrojoje novelėje viešpatavusios nuostatos – gyvenimas yra ėjimas į mirtį – keleivis, praturtintas kitų gyvenimo patirčių, galiausiai suvokia, kad rado tai, ko ieškojo, rado atsakymą į klausimą, iškelta pirmuosiuose triptiko sakiniuose – kur jis eina. Triptikas baigiamas saulėlydžio

įvaizdžiu – tuo pačiu, kaip ir pirmosios novelės pradžioje: „Tolokai nuo čia liūdna moteris keliu stūmė vežimėlį į saulėlydžio pusę“ (Aputis 1986, p. 255), bet dabar tas ėjimas į saulėlydžio pusę įgijęs ramaus konstatavimo pobūdį ir visai praradęs pirmosiose novelėse vyravusias skausmingo tragizmo intonacijas. Taigi trečiosios novelės pabaiga padeda išryškinti ir konkretesniu turiniu užpildyti triptiko pradžioje paminėtą atsakymo užuominą: „visi, rodos, susirinko <...>, kad nekalbėdami pasakytų vienas kitam, kas tarp jų yra bendra ir ko jie išmoko gyvendami“.

Triptiko „Ak, Teofili!“ sandara yra visiškai kita. Triptiko pagrindinis veikėjas Benas yra gana išsamiai charakterizuotas socialiniu ir psichologiniu atžvilgiu, tai maždaug septyniolikos metų jaunuolis, išgyvenantis pirmos rimtos meilės dramą. Pirmojoje novelėje „Lietus“ labai subtiliai ir detalai vaizduojama, kaip tarp jaunuolio ir merginos užgimsta trapus abipusės traukos laukas: pirmasis neutralus susitikimas, dėmesingas vienas kito stebėjimas, pamažu atsirandantis simpatijos ir dvasinio giminingumo jausmas, domėjimasis vienas kito kūnu, (o kūnus tarsi nurengė staiga pasipylęs lietus: „Sutvėrime tu, sutvėrime! Matyti puikiausiai, matyti visas tavo gražus kūnas, Vilija, išsišovę tavo kepaliukai, tas griovelis eina kažkur nuo pečių, vienoj vietoj dingsta, o paskui vėl atsiranda“ (Aputis 1986, p. 67). Galiausiai susikabinimas rankomis, neaiškus per kūną nuėjęs virpulus ir nedrąsus bučinyš į kaktą.

Pirmojoje novelėje papasakota istorija sukelia skaitytojo lūkestį, jis tikisi sulaukti meilės istorijos tęsinio, tuo labiau, kad joje išlaikyta giedra nuotaika, niekas nepranašauja liūdno baigties ar konflikto. Skirtingai nuo „Žalio laiko vingio“, triptike „Ak, Teofili!“ skaitydami nejaučiame, kad kokiam nors žodžiui ar įvaizdžiui būtų užkrauta papildoma ar perkeltinė prasmė. Prasmes čia formuoja ne simboliai, o tiesiogiai pavaizduotas siužetinis ir psichologinis vyksmas. Tik paskutinėje novelės pastraipoje į pirmą planą išėina pasakotojas (iki tol buvo pasakojama nuosekliai prisilaikant veikėjo, jaunuolio Beno perspektyvos bei leksikos) ir, užbėgdamas veiksmui už akių, užsimena apie tolesnį meilės istorijos rutuliojimąsi. „Taip jie priėjo prie namų, kur gyveno Vilija, užmiršę net paleisti rankas. Ko gero, dar nė vienas nežino – Benas tikrai, tačiau turbūt ir Vilija – kad viską čia lemia ne didieji, visų matomi dalykai, o laidelis, prilituotas prie kairės ar dešinės lempos kojelės“ (Aputis 1986, p. 68). Prieš tai buvo papasakota istorija, kaip Benas vežė inžinieriams pataisyti seną radijo aparatą. Tie plūkėsi kelias valandas, bet taip ir nerado gedimo priežasties. Namie Benas pabandė pats rasti kliautį, ir rado: pasirodo, du prie vienos lempos prilituoti laideliai buvo sukeisti vietomis. Iš to pasakotojas išveda moralą: „Iš to mažo atsitikimo ir moralas: neieškokim sušilę didelių kliaučių – jos matyti bet kur ir bet kada; mažosios verčia viską aukštyn kojomis“ (Aputis 1986, p. 60).

Antroji novelė prasideda visai kita tonacija. Sužinojus, kad matininkės trumpai išvažiuoja į miestą, o vietoje jų dirbs kitas matininkas, Beno širdį apima „koks negerumas“, o pasakotojas tą „negerumą“ įvardija vėl užbėgdamas įvykiams už akių: „Pamažu artėja pirmojo skaudaus praradimo laikas, labai pamažu, tempdamas Beno nervų skaidulas, atplėšdamas kokius raumenis nuo kaulų – visur iš anksto pasiruošdamas sau vietas, kad atėjęs galėtų tvirtai apsigyventi“ (Aputis 1986, p. 69).

Antrosios novelės pagrindą sudaro naujojo matininko Teofilio gyvenimo, meilės ir tos meilės žlugimo istorija. Bet prie jos artėjama labai iš lėto. Benas ryte keliauja į darbą, ant peties nešdamas teodolitą, pakeliui jis praeina kelias sodybas, o pasakotojas pasakoja jose gyvenančių žmonių meilių, apgaulių, neištikimybių istorijas, dažniausiai pasibaigusias tragiškai. Tarp pakylėtos pirmosios Beno meilės ir šių istorijų nėra tiesioginio siužetinio ryšio, tačiau jos Beno meilės patirčiai sukuria kontrastišką emocinį foną ir savotiškai įtikinėja (ne tiek Beną, kiek skaitytoją), kad gyvenimas ir pats žmogus labai sudėtingas ir prieštaringas. Taigi paralelinėmis sudužusių meilių istorijomis netiesiogiai plečiamas Beno ir kartu skaitytojo gyvenimo supratimas, vis labiau stiprinamas neaiškus, žodžiais sunkiai išreiškiamas suvokimas, kad gyvenime viską dažniausiai lemia iš pirmo žvilgsnio smulkūs, nereikšmingi, tarsi atsitiktiniai įvykiai, metaforiškai kalbant, vietomis sukeisti laideliai.

Triptike „Žalio laiko vingis“ specifinės meninės (nekalbinės) raiškos priemonės didžia dalimi yra simboliai, visa išplėtotą simbolių sistema, o šiame triptike papildomą, žodžiais neišreikšta prasmę išgaunama gretinant skirtingų žmonių išgyventas meilės istorijas. Jas savotiškai

sulydo tai garsiau, tai prislopintai skambantis mašlus, lyriškas pasakotojo balsas. Dažniausiai jis suskamba tada, kai reikia apibendrinti, iškelti į dienos šviesą tai, kas tose paralelinėse istorijose yra bendra, bet žodžiais neišreikšta. Antai novelėje „Diena prie vieškelio“ Jūratės sudužusios meilės istoriją (tai tik viena iš kelių tos novelės istorijų) palydi emociingas pasakotojo komentaras. „Ak, Jūratė! Kokie mes būtume dideli, jei patirtį gautume be nuostolių, jeigu viską galėtume krauti tikrai ant kupros, o žvakė, degusi anksčiau, būtų nė kiek neaptirpusi!“ (Aputis 1986, p. 88). Tuo pačiu, tik labiau išplėtotu žmogiškosios patirties motyvu triptikas ir baigiasi. Matininkės dabar jau visam laikui išvažiuoja į miestą, o Benas, paprašytas jų išvežti, atsisako ir tik iš tolo, akėdamas lauką, stebi, kaip Vilija, nuolat grėžiodamasi ir tikriausiai laukdama jo pasirodant, susikrausto į brigadininko vežimaitį. Tai reiškia, kad užsimezgusi graži draugystė tęsinio neturės. Kodėl Benas pradeda vengti Vilijos, kodėl, plėšomas praradimo gėlos, ryžtasi nukirsti prabudusios meilės giją? Pats Benas vargu ar žino atsakymą, tiesiai į šį klausimą neatsako ir pasakotojas, tik skaitytojas, gretindamas perskaitytas istorijas, įsiklausydamas į pasakotojo balso intonacijas, gali nujausti, kaip kitų žmonių gyvenimo patirtys, nusėdusios Beno sąmonės periferijoje, turtina ir jo patirtį, pradeda lemti ir jo elgseną. Dviem paskutiniaisiais triptiko sakiniais pasakotojas apibendrina ir tų patirčių, ir žmogaus prieštaravimo reikšmę. „...kaip būtų tuščia gyventi, jeigu taip viskas ir pasibaigtų, jeigu Benas vakare, paėmęs dviratį, nelėktų kaip pamišęs tais takais, prie tų vietų, kur buvo išmeigtas teodolito trikojis, kur lijo lietus, ir jeigu kartu su tuo, ką vadiname laime, neužsimegztų ir kitas vaisius – praradimo! Kokie nelaimingi mes būtume savo laimėje!“ (Aputis 1986, p. 96). Tačiau net ir šie apibendrinantys pasakotojo žodžiai neperteikia to prasmių komplekso, kurį miglotai suvokia skaitytojas, sugretinęs perskaitytas istorijas su pasakotojo vertinimais ir sava patirtimi.

Literatūra

APUTIS, J., *Gegužė ant nulūžusio beržo*. Vilnius: Vaga.

GADAMER, H. G., 1999. *Istorija, menas, kalba*. Vilnius: Baltos lankos.

HEIDEGGERIS, M., 1980. *Rinkiniai raštai*. Vilnius: Mintis.

Aleksandras Krasnovas

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Research interests: literary theory, literary criticism, Lithuanian literary history of the 20th century, hermeneutic, reception theory

THE TRIPTYCHS OF JUOZAS APUTIS: RECEPTIONAL ASPECT

Summary

Basing its arguments on aesthetic ideas of Martin Heidegger, the article analyses how the truth of existence is expressed in a piece of literature. It also explores how a part of the world or life, which is not yet fully conceived and has no usual verbal expression, is conveyed. Juozas Aputis' triptychs "Žalias laiko vingis" and "Ak, Teofili!" are chosen as the objects for analysis. Like other literary cycles, it offers a possibility to observe how a separate piece of literature, having its own individual meaning, acquires additional important nuances of meaning due to its adjacency to other partly independent parts of the cycle. All short stories, having different plots, characters and accents of meaning, indirectly supplement and expand the intellectual and emotional content of earlier stories, and, on the other hand, are themselves enhanced by the meaning of these stories. As a whole, they express such a sense of the world and experience which is not to be found in any of short stories taken separately.

KEY WORDS: reception, triptych, generation of meaning, understanding.

Наталья Кузьмина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия
пр. Мира 55-а, Омск, Россия

Эл. почта: natalya_kuzmina@mail.ru

Научные интересы: исследования художественного текста, юрислингвистика, методика преподавания русского языка

КНИГА СТИХОВ КАК СВЕРХТЕКСТ

Авторская книга стихов рассматривается как разновидность сверхтекста, которой присущи такие его качества, как целостность, сложность, интегративность, способность к самоорганизации, единство хронотопа и языкового кода, заданная автором многовариантность рецепции. Анализируется итоговая лирическая книга современного поэта Веры Павловой. Доказывается, что смысловой доминантой книги является рукотворность (воспроизводится рукописный текст) и связанные с ней поликодовость и интермедиальность: в организации книжного пространства, кроме вербальной системы, участвуют графика (детский рисунок) и фотография.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: книга стихов, сверхтекст, целостность, интегративность, самоорганизация.

Термин *сверхтекст* в лингвистике начинает свой отсчет, по-видимому, с публикации в 1994 г. работы Н. А. Купиной и Г. В. Битенской «Сверхтекст и его разновидности», в которой авторы ввели понятие сверхтекста как особого «культурно-системного речевого образования». Под сверхтекстом предлагается понимать совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и структурно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального и аномального (Купина; Битенская 1994, с. 215).

Следует заметить, что, хотя сам термин появился в указанной статье, однако, как это обычно бывает, понятие множества текстов, обладающих высокой степенью общности, опирается на широкий филологический и философский контекст, созданный в трудах по цикловедению, лингвистике текста, семиотике, лингвокультурологии, дериватологии, когнитивной лингвистике и психолингвистике, рецептивной эстетике, психологической герменевтике, прагматике, теории интертекстуальности. Можно назвать имена А. Белого, М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, Л. В. Пумпянского, Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. М. Гаспарова, В. С. Библера, Р. Барта, Ж. Женетта и др. Существуют и современные работы по теории сверхтекста и изучению отдельных типов сверхтекстов – литературных, медийных, политических (Н. Е. Меднис, А. Г. Лошаков, А. П. Чудинов, Л. В. Енина, А. П. Люсьи, О. С. Лепехова, М. Ю. Кочкин и др.).

Прежде чем обозначить общие признаки сверхтекста, отметим, что в современной филологии существует ряд терминов, близких к нему по значению и нередко эквивалентных по употреблению, – *гипертекст, интертекст, архитект, супертекст, мегатекст, надтекст*, два первые из которых являются наиболее распространенными.

Оставим термину *гипертекст* сферу электронных коммуникаций, с одной стороны, и постмодернистской философии – с другой. Кроме того, как справедливо заметила Н. Е. Меднис, есть между ними и смысловое различие – «составляющие гипертекста могут порой ничего «не знать» друг о друге, объединяясь в целое лишь некоей текстовой рамой, не позволяющей им рассыпаться, разлететься и осесть в других рамах. Понятие «сверхтекст», как правило, прилагается к текстам центрически организованным и в силу этого обладающим сильно выраженным внутренним центростремительным движением» (Меднис 2003).

Что же касается *интертекста*, то здесь соотношение понятий иное. В наших работах конца 90-х гг. были предложены основы общей теории интертекста, который мы трактуем как

текстовую семиотическую культуросферу, характеризующуюся процессами порождения, понимания/интерпретации и взаимодействия текстов (Кузьмина 1999). Все процессы в интертексте совершаются относительно стрелы времени, и все они измеряются и определяются фигурой Человека-Творца (*Homo creans*). Между отдельными фрагментами (текстами) интертекстуального универсума устанавливается множество непосредственных и опосредованных связей, которые подвергаются постоянным изменениям вследствие непрерывного продуцирования новых текстов. Всякий новый текст вызывает некоторые возмущения, колебания, волнения в универсуме интертекста. С другой стороны, тексты из хронологически ранних культурных пластов могут «оживать» в связи с изменившимися условиями их восприятия и обретают способность воздействовать на литературный процесс: «в свете трансформированного настоящего и прошлое меняет свой облик» (Лотман 1996, с. 385). Именно позиция субъекта определяет возникновение некоторых текстовых ансамблей, объединенных усматриваемой субъектом общей идеей. При этом одно и то же произведение может входить в несколько ансамблей, а сами текстовые ансамбли подвижны и зависят только от выбранной субъектом концептуальной доминанты.

Таким образом, в интертексте постоянно возникают сверткесты, понятие *интертекст* оказывается шире, чем *сверткест* – совокупность текстов, осмысливаемых как «целостно-единое словесно-концептуальное («свертсемантическое») образование» (Лошаков 2008, с. 100). Динамические процессы, происходящие в сверткесте, регулируются общими законами интертекста:

- Возможность и закономерность появления сверткестов определяется интертекстуальностью, рассматриваемой нами как онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного). Интертекстуальность, – способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологическом (общезстетическом) смысле интертекстуальность соотносима с понятием культурной традиции - семиотической памяти культуры.
- Возникновение сверткеста может быть описано как образование новой сложной системы путем интеграции развивающихся в разном темпе структур в эволюционную целостность. До момента создания сверткеста автор и тексты (протексты) существуют каждый в своем темпомире, в своей системе координат, не ориентированных относительно друг друга. Границы сверткеста, его количественный и качественный состав определяются «внеаходимостью» субъекта по отношению к конструируемому сверткесту, его взглядом, направленным вглубь интертекста, против стрелы времени, и его когнитивной базой. По словам М. М. Бахтина, «внеаходимость — необходимое условие для сведения к единому формально-эстетическому ценностному контексту различных контекстов...» (Бахтин 1979, с. 332). Когда волей субъекта отдельные тексты интегрируются в сверткест, вступают в силу законы когерентности: пространственные и временные характеристики начинают ориентироваться относительно друг друга. Если воспользоваться выражением Р. О. Якобсона, происходит проекция с оси селекции на ось комбинации. «Синхроничность, своего рода симультанность, является необходимым условием восприятия сверткеста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверткеста», – пишет Н. Е. Меднис (Меднис 2003). При этом протексты как «кирпичики» новой системы сохраняют свою «историю» - память о мире и времени «первосказания». «Каждая синхроническая система имеет свое прошлое и будущее как неотделимые структурные элементы системы» (Тынянов 1977, с. 282).
- Важнейшими свойствами сверткеста являются его смысловая *целостность*, предполагающая общность пространственных и временных особенностей входящих в него текстов и обязательную общность языкового кода, и *центрированность* – актуализованность, выдвинутость некоторого пучка смыслов (семантического

принципа, смыслового инварианта), которые обнаруживаются во всех компонентах сверхтекста.

- Интеграция текстов в новое целое «запускает» механизмы смыслообразования: каждый из текстов, входящих в сверхтекст, резонирует с другими, в результате чего актуализируются или возникают новые смыслы, создаются условия для множественности интерпретаций.
- Поскольку сверхтекст представляет собой пример формирования сложной структуры из простых, в нем одновременно действуют центробежные и центростремительные тенденции. Их взаимодействие является необходимым условием существования сверхтекста как динамической, открытой и подвижной структуры.
- Сверхтекст – результат текстовой деятельности субъекта. А поскольку субъект интертекста – Человек творящий в двух его ипостасях – автор/ читатель, существуют авторские и неавторские (читательские) сверхтексты. Современная филология в последнее время сосредоточила свое внимание именно на читательских сверхтекстах: *пушкинский*, *блоковский* и проч. «именные», по Н.Е. Меднис, сверхтексты в русской литературе, *петербургский*, *московский*, *крымский* и другие «локальные» сверхтексты, политический сверхтекст (политический нарратив) – совокупность политических текстов, имеющих общую прагматико-функциональную природу (сверхтекст лозунгов, сверхтекст одного политического события и т. п.).

А теперь обратимся к такому языковому феномену, как авторская лирическая книга, которую мы предлагаем рассмотреть как сверхтекст на примере дискурсивной практики одного современного поэта – Веры Павловой. По нашему глубокому убеждению, Павлова мыслит книжной формой, тщательно продумывая ее архитеконику, порядок следования стихотворений, их объединение в более мелкие общности, выбор и гармонию заглавий, цикло- и книгообразующие принципы (см. об этом в: Кузьмина 2010). На сегодняшний день у нее вышло 14 книг. Уже после первых публикаций критики отмечали, что все книги В. Павловой «выстроены» и являют собой цельный художественный мир, они «по сути, «поэмы», сложно организованные композиции, характеризуются которыми хочется употреблять архитектурные либо музыковедческие термины» (Андрей Немзер). Вместе с тем для поэта чрезвычайно важно ощущение своего существования во времени: девять книг, кроме заглавия имеют подзаголовок, фиксирующий время создания, при этом шесть осмыслены как «событие», отражающее короткий, точечный, отрезок пути (не более двух лет), две другие – итоговые, очерчивают период в 18 и 25 лет. Ср. «Небесное животное. Стихи 1987-1997 гг.», «Второй язык. Стихи 1998 года», «Четвертый сон. Стихи 1999-2000 гг.», «Везде. Стихи 2000-2002 гг.», «По обе стороны поцелуя. Стихи 2003-2004 гг.», «Ручная кладь. Стихи 2004-2005 гг.» – «Совершеннолетие. Избранные стихи 1983 – 2001 гг.», «Из восьми книг. Избранные стихотворения. 1983-2008 гг.».

В «событийных» книгах «время сгущается и становится формой пространства» (Топоров 1983, с. 232), как в мифопоэтическом хронотопе: неслучайно в заглавие вынесены предметные и пространственные реалии (*сон*, *везде*, *по обе стороны*, *небесное животное*), в итоговых «динамика важнее статики» (Андрей Немзер).

Обратимся к одной из последних итоговых книг – «Письма в соседнюю комнату: Тысяча и одно объяснение в любви». М., АСТ, 2006. Это тысяча и одно стихотворение, написанное от руки каллиграфическим почерком отличницы. Именно рукотворность становится архитектурной доминантой книги, определяющей другие содержательные и формальные доминанты. Рукописный текст очень личный, интимный («красивый почерк – разновидность ласки»). Из акта коммуникации изымается опосредующее механическое начало – бездушный и бесстрастный печатный станок, нивелирующий индивидуальные черты автора, выставляющий напоказ, на всеобщее обозрение интимные переживания. Только руке можно доверить некоторые «принципиально непечатные» стихотворения, которые говорятся «на ушко», «из первых рук, из рук в руки». Рукописный текст сразу же вводит в поле зрения читателя неязыковые фактуры: графическую, фактуру «начертания», фактуру «раскраски».

Графическая фактура – это прежде всего расположение текста в пространстве страницы, книги. Существенно, что единицей рецепции в книге В. Павловой является не страница, а разворот, причем нумерация страниц отсутствует. В то же время цифра появляется вместо названия стихотворения как его идентификационный знак – от 1 до 1001.

Фактура начертания – это аккуратный, без малейшей помарки почерк (ассоциирующийся с детством-юностью-школой, а потому так резко контрастирующий с обнаженной интимностью и физиологической откровенностью некоторых описаний и единичными обценными лексемами), это выделенные (многократно обведенные пером) слова, это стихотворения без знаков препинания, начинающиеся со строчной буквы, – будто продолжение единого, постоянно пишущегося текста.

Фактура раскраски – это не просто цвет букв, но и цвет фона, и соотношение этих переменных: кроме основного, привычного – черного на белом, есть еще и черное на сером, белое на сером, серое на белом. Словесные тексты В. Павловой делятся на два типа, названных автором в аннотации, – стихотворения и дневниковые заметки, причем различие между ними поддерживается именно «фактурными» средствами: дневниковые фрагменты не включены в нумерацию, цвет букв не черный, а серый, будто бы выцветающий после промокашки – иконический знак дополнительности («вторые») по отношению к основной теме. Однако ни по содержанию, ни по наличию/отсутствию рифмы, ни по объему, ни по длине и соразмерности строк эти тексты не различаются. Ср. стихотворение под номером 88 *рука в руке/ две линии жизни / крест накрест*¹ и текст на этой же странице: *Татуировка: / линии твоей ладони –/ на моей*. «Выцветающим» текстом могут быть написаны и отдельные стихи, однако в качестве регулярного эта фактура использована для удвоения, умножения стихотворных текстов, причем «двойчатки» никогда не симметричны: они могут располагаться под острым или прямым углом друг к другу, быть сдвинутыми друг относительно друга, пересекать книжный разворот по прямой или лесенкой, изгибаться, накладываться, подобно палимпсесту (базовый и верхний слои часто различны по масштабу) и т.п. (*графическая фактура*). Иногда оба текста сохраняют «отдельность» и отчетливо видны, но нередко часть «первичного» текста «проступает» не полностью, создавая некоторое ощущение процессуальности. Если искать аналогию в музыкальных законах, то можно увидеть в подобной организации принцип так называемой имитационной полифонии (на котором основаны формы канона и фуги): разрабатывается одна и та же тема, имитационно переходящая из голоса в голос.

Материальная, вещественная доминанта «втягивает» в организацию книжного пространства другие графические системы – *детский рисунок и фотографию*, отмеченные тем же знаком принадлежности к «личному пространству» автора – это, как явствует из интервью – рисунки ее дочери Лизы, сделанные в возрасте четырех лет, и работы любимой подруги фотографа Валерии Балод. Впрочем, даже в том случае, если читателю неизвестны эти внешние обстоятельства, он безошибочно улавливает личностное начало – это фотографии самой поэтессы в разных ракурсах, а Лиза как действующее лицо появляется уже на первых страницах в «дневниковых» записях (- *Лиз, а ты бы хотела быть мальчиком?*).

При этом каждая система обнаруживает свои собственные закономерности и внутреннюю иерархию и одновременно коррелирует с другими системами по некоторым правилам (автономность и изоморфизм, подобные устройству языка как «системы систем»). Обе графические системы коррелируют друг с другом и с главной – вербальной. Так, фотография и рисунок могут сталкиваться на развороте (например, рисунок мужчины и фотография женщины, фотография женщины – рисунок, изображающий женщину-девушку). Само их соположение со стихами и дневниковыми записями на пространстве одной книжной страницы или разворота заставляет искать смысловые соответствия, ибо в

¹ Орфография и пунктуация автора сохранены.

искусстве любая случайность осмысливается как закономерность. В результате создается ощущение ритмического музыкального рисунка, графической полифонии, отражающей содержательную многомерность, многосоставность, сложность, преодолевающую плоскость книжного листа и линейность восприятия текста. Это особенно важно для данной книги, поскольку самый объем ее – 1001 стихотворение – необычен для поэтической традиции и обуславливает центробежные тенденции. Компенсаторной стратегией, обнаруживающей желание автора запрограммировать восприятие книги читателем как единства, в котором последовательность элементов определена единственно возможным образом, является отсутствие оглавления, позволяющего легко найти отдельные стихотворения. Не обычный перечень заглавий и даже не перечень первых строчек, которые по традиции выступают в функции заглавия и обеспечивают «отдельность», «самость» стихотворения, – в книге В. Павловой единственный идентификационный знак стиха – его номер от 1 до 1001.

Таким образом, стихотворный текст в Письмах-1 рассчитан на линейное развертывание и восприятие, а невербальные элементы придают ему целостность и полифоничность звучания.

Избранная поэтессой графическая доминанта книги оказывает воздействие и на такие сугубо книжные, полиграфические ее составляющие, как переплет, форзац, оформление титульного листа и оборота, предвыпускные и выпускные данные, аннотация и послесловие. Прежде всего, все они написаны от руки, включая ISBN, УДК, ББК, номер санитарно-эпидемиологического заключения и адрес издательства. Даже качество бумаги, на которой напечатана книга, и общий вес рукописи (*взвесила рукопись на напольных весах: 7 кг.*) оказываются небезразличны для содержания: *бумага, которую я выбрала из десятков наименований за плотность и белизну, называется «Future».*

В поэтическом мире нет случайностей: *Будущее*, которое неожиданным и случайным образом возникло в названии бумаги, появилось в *после-словии*, на *последней* странице книги – в момент, когда *настоящее* становится *прошлым*, свершившимся. Именно время – та составляющая, которая актуализована в хронотопе первой книги. Время для поэтессы – «простая гамма, которая состоит из больших и малых секунд», где «каждый миг – каких-то поцелуев юбилей», именно в эти минуты «чувствуешь на себе, что вселенная расширяется» и «пространство становится временем». Продолжительность временных интервалов в мире Павловой определяется их субъективной значимостью: *Который час?– Лучшее время моей жизни!* Абсолютную ценность для героини представляет настоящее, прошлое чаще всего «горчит», в нем разлуки, расставанья и «прошлогоднее веселье», будущее неопределенно, оно может обманывать, но, тем не менее, именно с ним связаны надежды. В сущности, вся книга – это история любви, осмысленная как история жизни, любовь есть точка отсчета, она для героини является *местным временем, / началом времен, / единственным местоимением / для сотни имен*. Первое стихотворное слово в книге – *начало*. Это утро нового дня:

*Начало жилища:
две глиняных чашки,
две мокрых рубашки
в единой упряжке,
на теплой подушке,
где след от виска,
два неодинаковых волоска*

Последнее стихотворение – *ночь после любви* – соединяет прошлое, настоящее и будущее, женское и мужское («*последние слова – твои*» – замечено в послесловии), стихотворение и еще более интимную и личную дневниковую запись (*последнее, тысяча первое стихотворение, – разбитая на строчки дневниковая запись*, как сказано в послесловии), конец и начало, ведь *ночь* – еще и зарождение будущего дня (не случайно завершающее стих и всю книгу многоточие):

Раскинувшись

после любви:
– Смотри –
весь потолок
в звездах!
– И на одной,
может быть,
есть жизнь...

Мы уже говорили, что графическая доминанта заставляет автора пересмотреть роль внешних по отношению к стихотворному тексту элементов книжного аппарата. Первое, с чем знакомится читатель, открывающий книгу, – переплет, который сконструирован по принципу триптиха и – соответственно – может «прочитываться» как единая картина, состоящая из лицевой стороны, корешка и оборота, в то же время каждый элемент сохраняет отдельность и некоторую самостоятельность. Сразу же «заявлены» «скрепы» – маркеры целостности книжного пространства, как бы «перетекающие» из одного фрагмента триптиха в другой: фотография, детский рисунок, неязыковые фактуры (почерк, цвет и яркость букв etc) и комментирующее их стихотворение (дневниковая запись?) на задней стороне переплета: *От руки. / Из первых рук. / Из рук в руки.*

Имя автора никак не выделено и расположено в правом верхнем углу лицевой стороны обложки. Центральное место занимает фотография в профиль, которую обрамляет первый компонент заголовка *Письма в соседнюю комнату*, многократно повторенный, «сломанный» углами фотоснимка и почти неразличимый. Заметна только вторая часть заголовка *Тысяча и одно объяснение в любви*, помещенная в самом низу обложки. Именно она подключает интертекстуальный слой, поддержанный эпиграфом «*И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные ей речи*» *Тысяча и одна ночь*.

Три компонента переплета, рассмотренные по отдельности, обнаруживают повторяющиеся, однако не абсолютно симметричные элементы и создают ощущение музыкального ритма. Форма триптиха, думается, использована не случайно: в авторской аннотации подчеркнуто, что *от руки в наши дни пишутся только церковные записки и экзаменационные работы*. Вместе с тем, в отличие от религиозных канонических текстов, направление движения взгляда читателя при знакомстве с новым «триптихом» не задано жестко: можно двигаться справа налево – от лицевой стороны к оборотной, от изобразительных компонентов к строчкам, но можно, уловив предлагаемую игру, и наоборот, разогнув переплет, рассматривать слева направо – так, как смотрят картину, и в этом случае строчки окажутся своего рода камертоном, настраивающим слух и зрение читателя, а оба компонента заголовка выстроятся в нужном порядке.

Передний и задний форзацы также необычны и информативно нагружены: на черном фоне проступают написанные от руки (тенью? мелом?) имена в традиционной для посвящения форме дательного падежа. В списке более трехсот имен, причем одни повторяются, иногда даже стоят рядом (*Вере, Вере; Мариш, Мариш*), сигнализируя о том, что принадлежат разным субъектам, другие образуют своего рода группы (*Альгису, Пятрасу, Гайлуте; Гидону, Ваграму, Ануш; Шэрон, Полу, Барбаре*), заставляя думать о некоей национальной, профессиональной или неформальной дружеской общности, третьи сами по себе достаточно необычны и, резонируя с культурными коннотациями «посвященного» читателя, обретают уникальную, единичную референцию (*Дмитрию Александровичу, Бахыту, Тимуру или Фазилу, Марлену*). Итак, с одной стороны, список создает у внимательного («своего») читателя впечатление неслучайного отбора, с другой – он может быть понят и как попытка обратиться лично к каждому (как заметил один из критиков, «твое имя наверняка тоже тут есть»), ведь не зря даны только имена без фамилий – определенные индексы переменных субъектов.

Таким образом, книга В. Павловой обладает такими важнейшими качествами сверхтекста, как целостность, интегративность, единство хронотопа и языкового кода. Все «формальные» (издательские, технические) элементы издания участвуют в смыслообразовании и выступают как своего рода ключ к интерпретации книги как

целостного поэтического феномена, как многократная трансляция в разных кодовых системах вербального лейтмотива, который, по свидетельству самой поэтессы, нельзя «доверить Гуттенбергу»: *От руки. / Из первых рук. / Из рук в руки*. Рассмотрим теперь тезис о «преодолении» диахронии в сверхтексте лирической книги.

В авторской рукописной аннотации В. Павлова утверждает: книга «писалась двадцать два года и два месяца переписывалась автором от руки», а в послесловии отмечает, что она «одновременно дописывалась и переписывалась», подчеркивая тем самым, что перед нами не *избранное* за 22 года, а уникальный Текст, сложно построенный смысл. Вместе с тем внимательный читатель может обнаружить, что большинство стихотворений публиковалось в составе более ранних «событийных» книг, при этом даже порядок их следования в новом сверхтексте отчасти определяется естественной хронологией: в начале больше всего стихотворений из первой книги «Небесное животное» (№ 3,6,9-12, 15, 24, 26, 28, 30 и т.д.), в конце – из последней, предшествующей «Письмам» «Ручной клади» (№ 769, 781-783, 798, 800-801, 803, 810, 996, 998-1001).

В качестве воспроизводимой смысловой единицы может выступать не только отдельное стихотворение, но и их сцепление. Создается ощущение, что движение жизни воспринимается поэтом как своего рода смысловой континуум, который она оконтуривает, вербализует, вычлняя значимые для нее доминантные смыслы, и эта вербализация представляется некоей готовой формой, формулой, которая может воспроизводиться в дальнейшем в ином смысловом окружении. При этом новая конфигурация «первоэлементов», согласно законам существования сложных систем, включает механизм самодообраивания, самовыраствания целого в результате самоусложнения этих частей. «Сам поток мыслей и образов в силу своих собственных потенций усложняется и спонтанно выстраивает себя» (Князева; Курдюмов 1994, с. 117).

Приведем только один пример. Выше мы анализировали финальное стихотворение «Раскинувшись после любви...», показывая, каким образом его взаимодействие с другой сильной позицией книги – началом – актуализирует семантику соединения времен, конца и начала, настоящего и будущего, возвышая телесное до вечного, космического и духовного. В «Ручной клади» это стихотворение продолжает «высокую» тональность предшествующего ему текста: *Отче, благослови/ влюбленности собирательство/ бортничество любви!/ Мы – паства Спаса медового*. Тем резче контраст со следующим стихом, спускающим с небес на землю, причем в самый ее «телесный низ»:

*Ёб твою мать! – сказал отец,
и я сказала: Молодец!*

Обценное слово, вдобавок введенное в игру с синкретичной грамматической семантикой (междометное и/или глагольное высказывание о происшедшем событии), оказывается сильным модальным оператором, определяющим ироническую интерпретацию предыдущего стихотворения.

Позиция автора «Писем» – это описанная Бахтиным «внезаходимость», взгляд на события из другого времени, и именно это позволяет поэту переосмыслить собственный опыт, зафиксированный-вербализованный в ранних книгах-событиях и создать новый, уникальный сверхтекст.

Ближайшая аналогия для поэтессы, ее «второй язык» – музыка (Вера Павлова – музыковед по образованию и мыслит музыкальными образами). Как в музыке существует семь нот, которые объединяются в некие целостности – голос, мотив, тему, мелодию, аккорд, а они, в свою очередь, способны формировать сложные полифонические музыкальные формы, так и в поэзии: если стихотворение, по словам В. Павловой, сочиняется, как fuga или хорал (Павлова 2006), то книга возникает по законам циклических музыкальных форм (симфонии или сонаты) – симфонист выстраивает единый мелодический рисунок своего произведения, а потом усложняет его, проводя мотив через разные вариации. Таким образом, именно Книга может быть признана единицей поэтического мышления Веры Павловой, наиболее полно воплощающей ее представление о механизме

смыслообразования. Она удовлетворяет таким характеристикам сверхтекста, как целостность, интегративность, принцип смысловой центрации, динамичность, «самовозрастание» смысла в новом целом.

В 2008 г издательство АСТ невольно поставило некий научный эксперимент: стремясь максимально удешевить издание, оно выпустило новый вариант «Писем», отказавшись «от каллиграфии, картинок, дорогой бумаги» (из письма Веры Павловой). В результате все архитектурные доминанты «Писем-1», которые обеспечивали целостность сверхтекста, были утрачены. И тогда Павлова фактически из того текстового же материала создала новую книгу, семантической доминантой которой стала пространственная метафора *любовь-лабиринт*, а формальной – система перекрестных ссылок: более половины стихотворений книги (точнее – 552) включают ссылки, вводимые знаком сноски с указанием на номер стихотворения, к которому отсылают. К одному «месту» может быть до 3-х сносков, в отдельном стихотворении – до 7. Естественно, изменился и общий смысл сверхтекста: «Письма-1» – книга о любви как истории, любви-объяснении, любви интимной, *через руку, на ухо, от сердца*, «Письма-2» – о любви-странствии, неожиданных ходах, запутанных дорогах, столкновениях.

Можно ли считать, что перед нами доказательство «открытости» авторского сверхтекста и подвижности его границ? На наш взгляд, нет: две книги – не варианты целого, а два разных «литературных факта», два самостоятельных сверхтекста, связанных друг с другом деривационными отношениями. Диссипативность сверхтекста обнаруживается в его интерпретации читателем, причем интерпретации, программируемой, допускаемой самим автором. Так, обе книги Павловой можно читать линейно (тем более что это «задается» возрастающей нумерацией стихотворений и отсутствием оглавления), а можно нелинейно, следуя логике невербальных систем первой книги или перекрестных ссылок второй.

Практика Павловой не отменяет общего положения о подвижности границ авторского сверхтекста: это свойство обнаруживается в «деривационной истории» сверхтекста – изменении его состава при разных публикациях. Однако главное, что определяет самоидентичность сверхтекста, – своеобразие его основного – центрирующего – принципа.

Важно отметить, что опыт книгостроительства Веры Павловой неединичен. Обратившись к истории, мы можем назвать имена Е. Баратынского, К. Случевского, почти всех поэтов серебряного века – А. Блока, М. Кузмина, В. Брюсова, А. Белого, Б. Пастернака, А. Ахматовой, Вяч. Иванова, В. Ходасевича. В современной поэзии это Г. Айги, В. Соснора, В. Кальпиди, Г. Сапгир, С. Завьялов и многие другие.

Таким образом, подводя общие итоги, можно сказать, что книга стихов осмысливается современными авторами как сверхтекст – многосоставный «монтажный» текст, преодолевающий традиционную «линейность» рецепции. Кстати заметим, что книга стихов (как и книга в целом) сегодня активно перемещается в сферу электронных коммуникаций, в Интернет, предоставляющий автору и читателю совершенно новые возможности, рождаемые «встречей» сверхтекста с гипертекстом. Однако это уже тема другого исследования.

Литература

- БАХТИН, М. М., 1979. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Текст]. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, с. 281-307.
- КНЯЗЕВА, Е. Н.; КУРДЮМОВ, С. П., 1994. Интуиция как самодистраивание. *Вопросы философии*. № 2, Москва: Наука, с. 109 – 122.
- КУЗЬМИНА, Н. А., 1999. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка [Текст]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т., 268 с.
- КУЗЬМИНА, Н. А., 2010. Книга стихов как единица поэтического мышления (Вера Павлова). *Имидж-диалог-эксперимент. Поля русской поэзии*. Trier, (в печати).

КУПИНА, Н. А.; БИТЕНСКАЯ, Г.В. 1994. Сверхтекст и его разновидности [Текст]. *Человек–текст–культура*: Коллективная монография. Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, с. 214–233.

ЛОТМАН, Ю. М., 1996. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. Москва: Языки русской культуры, 464 с.

ЛОШАКОВ, А. Г., 2008. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена*. № 11(66): Общественные и гуманитарные науки (философия, языковедение, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). Санкт-Петербург: РГПУ им. Герцена, с.100-109.

МЕДНИС, Н. Е., 2003. Сверхтексты в русской литературе [Текст]. Новосибирск: изд-во НГПУ. 77с. См. также [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>

ПАВЛОВА, В., 2006. Интервью Радио «Свобода» в программе «Американский час» с А. Генисом [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.svobodanews.ru/content/article/1973408.html>

ТОПОРОВ, В. Н., 1983. Пространство и текст [Текст]. *Текст: семантика и структура*. МОСКВА: Наука, с.227-285.

ТЫНЯНОВ, Ю. Н., 1977. Поэтика. История литературы. Кино [Текст]. МОСКВА: Наука. 574 с.

Natalya Kuzmina

Omsk F. M. Dostoevsky State University, Russia

Research intrests: research of the artistic text, methodology of teaching Russian, jurislinguistics.

A POETRY BOOK AS A SUPERTEXT

Summary

A poetry book is considered to be a variety of supertext whose distinctive features are entireness, complexity, integrity, ability of selforganization, the unity of chronotop and language code as well as multivariety of reception given by the author. A concluding lyrical book by modern poet Vera Pavlova is analysed. It is proved that a feature dominant in the book is a man-made manner (a hand-written text is reproduced) together with related to it polycodeness and intermedianess: organization of the space of the book, except verbal system, includes graphics (a child's drawing) and a photo.

KEYWORDS: poetry book, supertext, entireness, integrity, selforganization.

Олег Перов

Вильнюсский университет Каунасский гуманитарный факультет, Литва

Muitinès g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Тел.: 8-37 422477

Эл. почта: kodex333@yandex.ru

Научные интересы: история русской литературы XIX-XX веков; история русской культуры; прикладная лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН В.П. АСТАФЬЕВА: ОБРАЗ СЕМЬИ В СВЕТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ.

В статье исследуется одно из наиболее крупных произведений В. П. Астафьева – Последний поклон. Цели: определение особенностей образной системы; раскрытие специфики отображения исторической действительности; выявление сочетания лично-автобиографического и оригинально-художественного начал. Проявляется мотив Разлуки, расставания, который связан не только с пространственным значением, но и реализован в смысле хрупкости, кратковременности бытия, ухода близких людей из жизни. Традиция является не только объединяющим началом в культуре, но и в Семье. Процесс общения, вербальной и эмоциональной коммуникации – это один из видов поддержания памяти Рода. Противопоставление между городом и деревней проходит не столько в политико-социальном, сколько в культурно-эмоциональном плане. Отдельно упоминается вопрос этнических и культурных стереотипов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурные аспекты; психологические особенности; личная история; стихийный экзистенциализм; образно-эпический уровень; онтологический характер.

Образ семьи в русской литературе и культуре по праву занимает одно из главных, наиболее значимых мест. В нём органично сочетаются самые различные данности и начала, аспекты и особенности: лично-биографические, религиозные, психологические, фольклорные, мифологические, социальные и общекультурные. Априорное позиционирование этого образа как сверхценности определяет рецептивную установку по отношению к нему. В сфере индивидуального художественного стиля он может ярко, панорамно развёртываться, играть новыми красками, ненавязчиво подводить к масштабным выводам, а может – локализовываться в конкретной ситуации, в проявлении чувств, в поступке, в определённом человеке, который является источником всего этого. Как известно, первый серьёзный вопрос со стороны, вопрос, который с давних времён был обращён к новому человеку при встрече – звучал так: какого он рода? Кто его предки? И ответ определял сущность и ценность человека, его укоренённость в мире, наличие устоев, традиций, личной истории.

И один из наиболее известных русских писателей XX века, Виктор Астафьев, представляет в своём творчестве образ семьи, тему Рода – как надмирную ценность в том смысле, что она выше социальных сдвигов и потрясений, революций, войн, реформ, законов человеческих и жестоких велений времени. Род предстаёт в своём исходном языческом значении – как начало мира (ведь Род – имя главного славянского божества), как источник главных бытийных понятий, отражённых, производных от этого имени в языке и жизни: родители, Родина, рожать, родник, родство, урожай.

Если в концентрированном виде представить конкретные факты и обстоятельства, имеющие отношение к книге В. Астафьева *Последний поклон*, то выглядеть это будет так: жанр определён как повесть в рассказах; первые рассказы, в неё вошедшие, появились в середине 1960-х годов; общее время работы автора над данным произведением – 30 лет.

Что говорит сам автор об исходном посыле, внутреннем импульсе, который и привёл в движение весь замысел: *думал я , думал и вышло, что мне надо рассказать о своих земляках,*

в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особенно-то унижать и не до неба возносить их словами. Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своём детстве, о селе родном, о его обитателях, о бабушке и дедушке. И в 1968 году в Перми вышла книга Последний поклон. Я долго искал это название, а оно уже было в ней, так называлась одна из глав... (www.litera.edu.ru. Астафьев В. П. Последний поклон). И, на самом деле, развёрнута достаточно большая галерея образов, а из них, разумеется, следует выделить те, которые обозначают самых близких и дорогих людей.

Название повести обладает своей особой символикой. Ведь сейчас поклон воспринимается как архаический жест или движение, регламентированное религиозной традицией. Но по своей сути он выражает идею покаяния и душевного расположения, которые трудно выразить словами. Однако, оба этих мотива органично переплетаются в повести, реализуются в оригинальной художественной форме, исполненной потаёнными смыслами, которые находятся даже за пределами авторских откровений.

В. Астафьев, с одной стороны – человек своего времени и исторических обстоятельств, а с другой – хранитель старых традиций, переданных ему от предков. В одном из первых рассказов (*Ангел – хранитель*), автор через воспоминания героя, прототипом, прообразом которого он сам и являлся – мальчика Вити Потылицына – определяет отношение к себе родных: *я всегда был в семье на особом положении. И мне всегда отделялся самый лучший, самый сладкий кусок. И никто против этого не возражал – так должно быть, так положено* (Астафьев 2003, с. 112). Первопричина такого отношения носит характер драматический – его мать утонула в Енисее, а известные ему, уже взрослому человеку, сопутствующие обстоятельства, он вспоминает, не удерживаясь, не отвлекаясь от жестоких деталей. *Маму затянуло течением под бону. Она зацепилась косой за перевязь. Её искали девять дней... и пока не отпрела коса, не выдернулись волосы, болтало, мыло молодую женщину, потом понесло и приткнуло далеко уже от села. Там её зацепил багром сплавщик и, ничего уж, видно, святого за душой у бродяги не было – отрезал у неё палец с обручальным кольцом* (Астафьев 2003, с. 115).

Образ Матери в смысле языческом, в христианском плане, в эстетическом, общекультурном ракурсе, в сочетании этических начал, этот образ всегда означал одно – Жизнь, её возникновение, появление, апологию вечно движущегося и меняющегося бытия. Но здесь сочетание онтологических категорий (Жизни и Смерти) – представлено в ситуации вполне конкретной. Впоследствии В. Астафьев упоминал, что он не идеализировал образ матери и, скорее всего, она была простой крестьянкой, но сам факт его жизни, историческая память рода, переданная ему, понимание – что значит рано без неё остаться – исполнили образ матери особым: священным и согревающим светом. И мотив, чувство тоски по ней – прослеживается у него достаточно часто.

Разумеется, нужно отдельно упомянуть об эволюции понятия семьи в социуме, а также русской (и советской) литературе. *Ранее образ традиционной, православной, патриархальной семьи, счастливая она или несчастливая, был так же незыблем, как явление природы. И герои любили, страдали, побеждали или проигрывали, ощущая себя в рамках вековых традиций. И в литературе как раз описывались попытки выхода за рамки, нарушения общепринятых правил и расплата за эти нарушения – смерть или изгнание из общества* (Синеглазова 2010, с. 3).

И этот тезис можно было бы применить к описанию отца героя, если бы не существенная оговорка – период времени, к которому относится действие: 30-е годы XX века, когда необратимо запущенные процессы, жестокие и неизвестные энергии – перепахивали, перемолачивали уклад жизни русской деревни и судьбы людей, живших в ней.

Противоречивость, сложность, неоднозначность – эти элементы очевидны при описании В. Астафьевым отца. В авторском взгляде и интонации сочетается многое: возмущение и понимание; жалость и непощение; сочувствие и эмоциональная жёсткость. *Папа мой, деревенский красавчик, маленько гармонист, маленько плясун, маленько охотник, маленько рыбак, маленько парикмахер и не маленько хвостун... Гулевой, ветреный, к*

устойчивому труду мало склонный, папа мой был ещё и люто ревнив (Астафьев 2003, с. 343). И, разумеется, есть упоминание о том, насколько нелегка была жизнь матери с таким человеком. И мысли о том, насколько неотвратимы, разрушительны, деструктивны были перемены в традиционном крестьянском образе жизни. Результат – ссылка родного деда, отъезд к нему отца с мачехой – и оторванность, отдаление от родового гнезда.

А перед этим – картина типологическая: реакция отца, вернувшегося после тюремного срока и стройки Беломорканала на упоминание о смерти жены. *Один только раз сходил папа на могилу мамы и сделал там сообщение: узнавши о гибели дорогой жены хотел он разбежаться и разбить голову о каменную стену тюрьмы. Но отчего не разбежался и не разбил – пояснить не имел времени* (Астафьев 2003, с. 353). В данном случае такая холодная ирония не слишком прикрывает чувство оставленности, одиночества. И это всё – несмотря на наличие отца. И в других рассказах этой повести (*Бурундук на кресте, Без приюта, Карасиная погибель, Где-то гремит война*) автор повествует и погружает читателя в ту ситуацию своего рода, которую, с опорой на философский термин, можно обозначить как стихийный экзистенциализм, это обстоятельства, в которых решается вопрос элементарного выживания и сохранения своего внутреннего мира. Очевидно испытание на излом ещё до войны, отсутствие заботы, понимания, поддержки. Но в результате – он, прошедший войну, потерявший изрядную часть здоровья, но создавший семью, преодолевший тяготы послевоенных лет – снова встречает отца и видит его в несколько ином свете. Несмотря на уже привычное в этом человеке – продолжающуюся разгульную жизнь, пьянство, скандалы, причуды – Астафьев смотрит на другое. Это можно обозначить как глубоко-кровное осознание древнейших архетипических образов – Мать и Отец. Такие – какие есть (или были), потому что других уже не будет. *Любил ли я этого человека? Наверное, любил. Может, это и не любовь, а тот зов крови, о котором мы говорим мимоходом как о чём-то малозначащем, пустяковом. Нет, это не пустяк. Это привязанность, счастливую горечь которой ныне дано испытать уже далеко не всем* (Астафьев 2003, с. 739).

Многие существенные исторические события тех лет нашли конкретное отражение в образах, поступках или словах близких автору людей. Этот неизбежный конфликт человека (у которого есть свои правила, желания, планы и характер) с государством, как определённой мегасистемой – реализован в *Последнем Поклоне* как столкновение семейных ценностей с требованием служения общему делу, подчинения законам и новым правилам.

И в откровенном, ярком, эмоционально-напряжённом рассказе *Забубенная головушка*, который весь посвящён отцу, В. Астафьев приходит к мысли – выводу, который вполне естественен, философски глубок и бытийно-верен. *Говорят, и в последнее время довольно часто, что родину не выбирают. От себя добавлю: родителей тоже. Она, природа, и Создатель подарили мне моих родителей, родители подарили мне мою жизнь, отечество родное – судьбу мою сотворило. Не судья я им и не указчик. Лишь вздохну и помолюсь...* (Астафьев 2003, 790).

Особое внимание В. Астафьев уделяет образу своей бабушки – Катерины Петровны. А это человек, который оказал на него наибольшее влияние, принял участие в судьбе, заботился и переживал. Скорее всего, это самый богатый, красочный и полный образ из всех. Она и жалеет, и ругает; и наставляет, и балует; по-своему объясняет всё: от хозяйственных хлопот и пользы лекарственных растений до всечеловеческих понятий – сочувствия, помощи, понимания, надежды и веры. Её ободряющие выражения (крута гора, да забывчива, лиха беда, но избычива) помогают не падать духом. В ней отчаяние и страх за судьбу близких сменяются оживлением и праздничным весельем; недовольство какому-то поводу – искренней, от всего сердца, молитвой. Живые, яркие не по возрасту, глаза и больные, изломанные, надсаженные постоянной работой руки – это ключевые детали такого близкого и дорогого сердцу автора образа. Мотив сочувствия, реальной помощи, исцеления – присутствует в данном образе. Одной из основополагающих черт стиля В. Астафьева являются развёрнутые, красочные, часто осмысленно-символические описания природы. И в отношении к родному человеку этот момент локализуется в персонифицированной форме –

бабушка знает целебные травы, помогает близким и другим людям, но заниматься своими недугами у ней нет времени. *Бабушка у нас многие травы и цветки целебные знает, собирает их на зиму. И знает их не только по названиям, но и по запахам, и по цвету, и какую траву от какой болезни пользуют, доктора у нас на селе нету, так ходят к бабушке лечиться от живота, от простуды, от сердца. Вот только самой ей некогда болезни свои лечить* (Астафьев 2003, с. 52). Этот человек – воплощение духа семьи, где самое важное – отсутствие эгоизма, работа и жизнь не только для себя, но, в большей степени – для других. И это связано с определением ЧЕЛОВЕКА вообще, его сути и главного смысла, его образа – над чем бились многие философы, социологи, антропологи и представители других областей знания. *О человеке можно сказать больше, чем сказано уже: это не вещь, а некий процесс жизни. Самый главный аспект в определении человека состоит в том, что его мышление может простираться за пределы удовлетворения его потребностей* (Фромм 1993, с. 381).

Испытания, которые обрушились на крестьянский мир и безжалостно деформируют его сущность, в принципе, являются фоном для личных потрясений и семейных трагедий, эхо которых автор чувствовал всю жизнь. Давно и детально доказано, что в русском фольклоре (песнях, сказках, былинах) момент РАЗЛУКИ, расставания с близким, родным и дорогим человеком – является одним из самых частых и важных. Его наличие и описание обусловлено не только большими пространствами страны и жестокими историческими обстоятельствами, но и общим бытийным ощущением хрупкости жизни, которая может оборваться в самый неожиданный момент. Не разумом, а сердцем люди притягиваются друг к другу и соединяются в органичном сочетании, вечном слиянии, называемом СЕМЬЯ. Поэтому описание разлуки как окончательного ухода, невозвратимой потери – исполнено у В. Астафьева такой глубиной и противоречивым сочетанием чувств: отчаяния, страха, надежды, смирения.

Когда утонула мама, бабушка не уходила с берега, ни увести, ни уговорить её всем миром не могли. Она всё кликала и звала маму, бросала в реку крошки хлеба, серебришки, лоскутки, вырывала из головы волосы, завязывала их вокруг пальца и пускала по течению, надеясь задобрить реку, умилостивить Господа (Астафьев 2003, с. 71).

А в рассказе *Бабушкин праздник* представлен весь размах, удаль широкого сибирского застолья, особого гостеприимства, того объединяющего начала, которое в день рождения Катерины Петровны собирало в одном доме всю семью, вплоть до родственников самых дальних. И процесс подготовки к этому празднику носит своеобразный характер – хорошие, дорогие продукты откладывают заранее, ещё с весны, нотовятся к этому событию серьёзно. У этого есть свои истоки. Известно – какую важную роль играет понятие ТРАДИЦИИ в культуре, разных видах искусства, а в жизни семьи – она является главным объединяющим началом. И проявляется не только в этой ситуации, но и в сбережении, сохранении в бабушкином сундуке не только старинных шкатулок, праздничных вилок и ложек, церковных книжек, но и фамильных золотых вещей, пусть их в крестьянской семье было и немного. Понятие традиции, подкреплённое наличием конкретных вещей – соединяет разные временные пласты – Прошлое и Будущее. *С припасом бабушкина семья живёт. И на чёрный день кое-чего прибережено, можно спокойно смотреть в будущее, и помрёт, так есть во что обрядить и чем помянуть* (Астафьев 2003, с. 84). Кроме того, отдельно можно упомянуть такую важную вещь как ПАМЯТЬ РОДА. И в определённый момент за столом незримо начинают присутствовать те люди, которые уже завершили свой земной путь. Но воспоминания о них остались. Таким образом на странном метафизическом уровне восстанавливается на некоторое время целостность единства членов одной семьи. В этом плане праздник не является постоянным, безостановочным весельем (как тут не вспомнить есенинское – *и в разгуле - тоска не впервые...*) Воспоминания рождают печаль и это органичная черта русского сознания с его резкими переходами от раздольного, бушующего веселья, с его яркостью и эйфорией до – песен и воспоминаний, погружающих в совсем иное состояние. Поэтому автор иногда предпочитает находиться в тени, не читает при всех родственниках даже стихотворения, чтобы не вызвать воспоминаний о своей матери соответствующей

реакции на это, которую он наблюдал уже не раз, когда бабушка *примется рассказывать с подробностями*, как и что было, как искали в реке мою мать и как нашли уж такую, что она только и узнала её, да как потом её хоронили, во что обрядили. Половина гостей загорюет, иные отправятся на кладбище реветь...

А я не хотел слёз, потому как слёзы ещё впереди. Нет плаксивей народа, чем сибиряки на гулянке (Астафьев 2003, с. 185) Эта память о тёплой атмосфере родного дома, о близких людях – помогали в годы бездомности, спасали от чувства оставленности, поддерживали во время войны, потому что было ощущение – есть за что и за кого сражаться и к кому возвращаться. Важная изначальная установка человека Рода, семьи – жизнь не для себя, не для своих пристрастий, прихотей и желаний, а жизнь для других. Это создание, творение особой осмысленной и интересной сферы бытования в мире. Самым причудливым образом переплетаются в характерах членов семьи разные чувства. И если одни являются перводвигателями решений и поступков, то другим воли не дают. Автор особо выделяет одну из черт главного человека в семье (своей бабушки) – уникальное умение видеть радость жизни во всех её проявлениях – больших и малых. Отсутствие жалости к себе, отторжение всего унылого создают образ не только сильный, но и выносливо-жизнеспособный.

Но о жалостном она говорила лишь сначала, как бы для запева, потом рассказывала о разных случаях из своей большой жизни. Выходило по её рассказам так, что радостей в её жизни было куда больше, чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать их в простой своей и нелёгкой жизни. Дети родились – радость. Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер – тоже радость. Обновка себе или детям – радость (Астафьев 2003, с. 87-88). Соотношение и сравнение двух диаметрально противоположных данностей (деревни и города) достаточно часто присутствует в художественной ткани рассказов *Последнего поклона*. Нет смысла углубляться в моменты социологические, политические, культурные, в те процессы, которые происходили в 30-е годы XX века, когда во главе угла находилась установка на создание индустриальной цивилизации, город воспринимался как центр новых идей, иной жизни – упорядоченно-структурной, перспективной, интересной и цивилизованной. Однако, стоит отметить внутренний, мировоззренческий момент этого противостояния: деревня – воплощение народного, традиционного, природно-натурального уклада жизни, верности обычаям, традициям, единство древних, органичных начал в человеке, которые позволяли сохранить твёрдость, чистоту в разных ситуациях, это уверенность в земле, которая рождает урожай и кормит семью; город – холодно-отстранённый, возможно-враждебный, с небом, наполненным дымом заводских труб, суетой и равнодушием, город, с его мотивом потребления, пользы, растворения традиций и индивидуальных привычек, унификацией и растворением в себе всего, что попадает в поле его гравитации. Его образ носит В. Астафьева характер двойственный, но в основном – не слишком позитивный (не с эти ли связано желание автора в поледний период жизни жить в родной Овсянке, чтобы спокойно работать, думать, чувствовать). В ситуации большого голода 30-х годов оказываются уязвимы все. *Город всегда был бедой и выручкой нашего села, он потреблял сельскую продукцию: дрова, молоко, мясо, рыбу, овощи, фрукты. Он одевал и спаивал. Он был гостеприимен, пока получал из деревни что ему надо было. С пустыми руками и порожними подводами город встречал мужиков неохотно. Он и сам был голоден, этот большой и теперь неприветливый город* (Астафьев 2003, с. 110). Чтобы спасти детей, то есть, сохранить будущее семьи, бабушка (именно она выступает в роли главы семьи, последнее слово всегда за ней) принимает решение отвезти в город и продать (или – поменять на хлеб) наиболее ценные вещи – праздничные скатерти, новые полушубки, швейную машинку и наконец (после долгого и драматичного совета) последнюю память о матери автора – золотые серёжки. Подтверждается старое правило: что для одних беда, то для других прибыль. Город, неразборчиво и жадно поглощающий имущество семьи, представлен в плане равнодушно-циничном или вообще угрожающем.

Если посмотреть на картину данного произведения панорамно, то, наблюдая разные ситуации, образы, обобщая мысли и выводы, можно прийти к тому соображению, что текст

довольно ощутимо насыщен элементами языческого мировосприятия, когда происходит оживление природы, олицетворения и утончённая символика переплетаются, соединяются в органичном сплаве. И люди, естественно встроенные в эту систему, ощущающие единство с ней, испытывают её воздействие. Система главных координат в древнейшем мире носила не только пространственный, но и временной характер, поэтому День и Ночь являются не только самодостаточными величинами мировоззрения и искусства, но и тем, что определяет поведение человека, его особенности и незаметные с первого взгляда черты. *И уяснил я ещё в детстве, что <...> днём, на свету, на народе люди и живут для народа, для других людей то есть, и к народу они оборачиваются угодным тому обликом, отстранённым, сердитым, готовым к отпору <...> Но, оставшись наедине друг с другом, люди становятся сами собой и живут друг для друга, пусть и недолго, ночью лишь, но живут, как велит им сердце, сердце, на то оно и живое сердце, чтоб ему худа не было, оно покой любит и чтоб хорошо было, злом сердце быстро изнашивается, рвётся...* (Астафьев 2003, с. 186-187).

У В. Астафьева можно наблюдать и оригинальное отражение так называемых этнических и культурных стереотипов, которые в интересной форме реализованы на пространстве данного произведения. Заранее следует оговорить тот момент, что понятие стереотип используется не в публицистическом смысле, где оно носит иногда отрицательную коннотацию с привкусом общепринятой банальности (русская водка, русская икра), а в ином – социо-культурном, который выражен с помощью конкретных образов, предметов и явлений действительности. К ним можно причислить русские блины (разных видов), процесс приготовления которых, их вкус и запах автор описывает подробно, красочно и интересно, кухонная утварь, которая носит не только практическое, но и символическое, объединяющее значение (русский самовар). От этого можно увидеть переход к описанию охоты, рыбалки, сбора урожая. Всё это – элементы жизни семьи, её развития и совершенствования. Это обозначения понятий: близкого, родного, *своего*. *На формирование и закрепление в языке данных сочетаний оказывают влияние общественно-исторические, социально-политические и культурно-экономические факторы, формирующие одну из основных антиномий любого национального сознания – оппозицию «свой – чужой»* (Юдина 2009, с. 132).

Моменты внутренней рефлексии, неторопливого размышления акцентирован в особенной, но ненавязчивой форме. В данном случае сквозь поток естественной жизни проглядывают одни из основных понятий мироздания – Начало и Конец. Но они представлены не в метафизическом, религиозном или отвлечённо-философском смысле, а в плане работы, созидательной и необходимой, которой наполнен день. Оно, дело, уготованное каждому, сохраняет жизнь и смысл Семьи, придаёт ей вид постоянной величины. И в конце ежедневных трудов проглядывает мысль-обобщение о главном результате Работы вообще. И усталость в конце дня может подводить к невыразимым, странным чувствам, которые нельзя передать словами. Автор видит свою бабушку вечером, когда она, уже подоив корову, собирается идти домой и её образпредстаёт для него в ином плане. *Лицо бабушки торжественно и устало, завершается день трудов и забот, вечных трудов, вечных забот. И словно бы сейчас вот, во время самой желанной женской работы, в уединении и в отрешённости от людей бабушка постигла какую-то нам неведомую, истину, разгадала тайну земного бытия и ясновидяще зреланеизбежность, всех нас ждущую, тихую, печальную неизбежность, похожую на это деревенское предвечерье* (Астафьев 2003, с. 332).

Образ матери у В. Астафьева возникает постоянно. Один из главных мотивов, которые выделены – жертвенность, смирение человеческое и христианское, готовность оказать помощь многочисленной родне своего беспутного мужа. В целом, он как и многие женские образы этой книги – является не менее ярким, рельефным и многозначительным, чем образы мужчин. Женское начало – органичное, умиротворяющее, исцеляющее и создающее атмосферу уюта, доверительности и тепла – присутствует в каждом из рассказов. И в нём сочетаются – отсутствие заботы о себе и наивная вера в хорошее будущее. *Твёрдо уверовав в мою благополучную судьбу, поскольку всё так хорошо уладилось с крещением, мама ломала работу дальше, нисколько не заботясь о своей судьбе, да и не знала, наверное, как это*

делается, как это возможно жить собой и для себя, коли столько народу нуждается в её заботах. Негде и не у кого было научиться маме себялюбия, самоздравия и бережливому с собой обращению, потому и кончилась её жизнь так рано и горько (Астафьев 2003, с. 377).

А в самом рассказе *Последний поклон*, который дал название всей повести, В. Астафьев вспоминает эпизод возвращения с войны в родное село – к ней, бабушке. И с особенной остротой замечает проявления недугов, тяжёлой работы, волнений и ударов жизни, но чувствует всё тот же тёплый, ровный свет, исходящий от неё, радость, что он вернулся. Он обещает в случае её кончины приехать, отдать ей последний поклон. Но в очередной раз во внутреннее пространство, жизнь семьи – вламывается сила государства, равнодушная ко всему, кроме долга, выполнения обязанностей, следования законам. *Мне прислали на Урал телеграмму с вызовом на похороны. Но меня не отпустили с производства. Начальник отдела... Откуда он мог знать, что бабушка была для меня отцом и матерью – всем, что было дорогого для меня! Мне надо было послать того начальника куда следует, бросить работу, продать последние штаны и сапоги, да поспешит на похороны бабушки, а я не сделал этого* (Астафьев 2003, с. 746). *Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и всё мне прощала. Но её нет. И никогда не будет. И некому прощать* (Астафьев 2003, с. 748).

Мотив покаяния, осознания потери дорогого человека, ухода целого пласта жизни в воспоминания – естественно реализован здесь, в одном из заключительных рассказов книги.

И, разумеется, ядро, центр семьи дополняют ещё два человека, впечатления о которых отразились в нескольких частях повести. Это – дедушки автора со стороны отца и матери, люди, которые по складу характера, темпераменту, жизненным целям и установкам противоположны друг другу. Но оба – одинаково близки, интересны и притягательны для автора, а в описании и того, и другого – немало элементов доброго юмора. Один, задумавшись или печальясь о чём-то – вздыхает так, что аж тайга качается; другой, проигрывая в карты, сыпет страшными проклятиями вперемешку с прибаутками. Слово автора о них подчёркивает весь диссонанс между этими двумя людьми. *Крупному, молчаливому человеку, земному в деяниях и помыслах своих Илье Евграфовичу противостоял чернявый, вспылчивый, лёгкий на ногу, руку и мысль, одноглазый дед Павел. Он умел здорово плясать, маленько играл на гармошке* (Астафьев 2003, с. 369). Семья этого последнего персонажа по мягко-ироническому примечанию автора жила по принципу – ни к чему в доме соха, была бы балалайка. В то же время первый – своей солидностью, основательностью, упорством в труде и немногословием воплощает в себе крепкое, патриархальное крестьянское начало. И черты, привычки, энергия этих людей растворены в характере самого автора и в определённых ситуациях дают о себе знать.

Самое главное чувство, которое движет автором при раскрытии – воскрешении всех образов близких людей – чувство любви, из которого происходит всё остальное: понимание, сочувствие, любопытство, юмор, доброта и прощение. *Любовь подобна жажде. Она есть жаждание души тела (то есть, коей проявлением служит тело). Любовь всегда – к тому, чего особенно недостает мне, жаждущему. Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда возрождает. Любовь есть возрождение* (Розанов 1998, с. 516). Погружение в мир воспоминаний, где происходит воскрешение близких людей, несмотря на весь уровень объективности и точности – исполнено описанием чувств, которые вызывают родные, желаний, страстей, которые они испытывали. Это происходит потому что (несмотря на уровень образования, давление истории и жизненных обстоятельств) интуитивное начало всё равно преобладает над логическим, пусть и в скрытой форме. Но нет смысла подходить к этому с точки зрения традиционной психологии. *Никто из тысячи современных психологов не мог дать правильного анализа или определения феноменов воли, раскаяния, ревности, настроения, художественной интуиции. Все тонкости умственной игры с разделением и понятиями, все мнимые наблюдения над связью чувственно-телесных состояний с внутренними явлениями не дают никакого ответа на эти вопросы.* (Шпенглер 1998, с. 432).

И в самом конце этого развёрнутого описания жизни семьи и тех, кто был ей близок, после рассказа о нелёгких судьбах родных людей, о достижениях, ошибках, страхах,

падениях, надеждах и мечтах своего пути; об исторических перипетиях, произошедших в стране; о своём видении и понимании главных человеческих ценностей – автор обращается с призывом к высшим силам. Ведь религиозная матрица была основой духовной и нравственной культуры народа, помогающей выдержать испытания мимолетные и масштабные и есть надежда, что основа её сохранилась. А вера в необычное – ещё более древний элемент сознания, который действует и до этого времени.

Вот на вере в чудо, способное затушить пожар, успокоить мёртвых во гробе и обнадёжить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего.

Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас! (Астафьев 2003, с. 840).

Заканчивая рассмотрение данного произведения В. Астафьева необходимо определить те моменты, которые носят наиболее важный характер и могут быть представлены в виде выводов. Первое, о чём необходимо сказать – представленная автором галерея образов заново творит, более того, воскрешает давно ушедшую реальность, это образ семьи, который силой воспоминаний автора, с помощью художественной ретроспекции восстанавливается в своей полноте, яркости и органичности. Во-вторых, несмотря на отсутствие подобных деклараций происходит следующее – через историю отдельной семьи представлена история страны, народа, её движение, изломы, проблемы и свершения. А это выводит повествование с лично-биографического уровня на образно-эпический. В третьих, линия жизни Семьи (в самом широком смысле) и большой временной охват происшедшего позволяют прийти к выводам философско-бытийного, онтологического характера, что представляет произведение в более глубоком свете и позволяет говорить не только о его художественной, эстетической, стилевой, но и мировоззренческой значимости, о реализации в образе семьи (что было заметно и в древнерусской литературе, и у Пушкина, Толстого, Шолохова) наиболее важных, животрепещущих идей русского сознания и культуры.

Литература

- АСТАФЬЕВ, В. П., 2003. Последний поклон. Москва: Эксмо.
РОЗАНОВ, В., 1998. Уединённое. Москва: Эксмо-пресс.
СИНЕГЛАЗОВА, Е. Образ семьи в русской и советской литературе на протяжении XIX – нач. XX веков / www.proza.ru
ПРОММ, Э., 1993. Психоанализ и этика. Москва: Республика.
ШПЕНГЛЕР, О., 1998. Картина души и чувство жизни. *Образ и действительность*. Минск: Попурри.
ЮДИНА, Н., 2009. Об отражении этнических и культурных стереотипов в зеркале русского языка. *Respectus Philologicus*, 15(20).

Oleg Perov

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Research interests: Russian literature, sociolinguistics, Russian culture.

THE LAST BOW BY V. ASTAFJEV: THE IMAGE OF FAMILY IN THE LIGHT OF ART RETROSPECTION

Summary

The focus of this investigation is one of the most well-known works of Russian writer Victor Astafjev *The Last Bow*. In the article the system of images and reflection of historical reality are determined and their peculiarities are analysed too. Personal, autobiographical and original art foundations are organically united in this text. We can observe the creation of cultural matrix and the image of Family, which occupy one of the central positions in Russian consciousness and literature. The symbolism of the title of this novel bears a religious and psychological character. The principle of art retrospection was realized in a concrete form and this helps to reveal the main meaning of the novel.

KEY WORDS: Cultural aspects; psychological peculiarities; personal history; epic level; ontological character; historical reality; image of Family; principle of art retrospection.

Наталья Петрова

Пермский государственный педагогический университет, Россия

ул. Сибирская 24, 614001 Пермь, Россия

Тел.: (324)2374340

Эл. почта: natpetrova1@gmail.com

Научные интересы: теория литературы, история англоязычной и русской поэзии

ЛЮБОВЬ – ЖАЛОСТЬ – МИЛОСТЬ В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье исследуется семантика понятий «любовь», «жалость», «милость» в любовной лирике О. Мандельштама. Особое внимание уделяется двум ключевым в этом отношении стихотворениям 1937 года – «Я молю, как жалости и милости...» и «Чарли Чаплин», – где эти понятия организуют сюжет, в основе которого лежит противопоставление «короля» (носителя «жалости и милости») и «шута» («юродивого»). Эта антитеза получает амбивалентное разрешение, а двоякая природа царя-шута актуализирует мотив смерти-возрождения. Анализ, охватывающий различные уровни текста, фонику, автоцитаты, литературные и культурные подтексты, исторический и бытовой контексты, совмещает комментарий и интерпретацию, способствуя более глубокому пониманию смысла и специфики поэтики Мандельштама.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, любовь, жалость, милость, поэзия, О. Мандельштам.

А. Ахматова, заметив, что ранний Мандельштам «еще не умел писать любовные стихи», «на что сам горько жаловался» (Ахматова 1993, с. 12), составляет список его последующих увлечений, получивших поэтическое отражение. Глагол «любить» занимает по частотности употребления третье место среди всех глаголов Мандельштама («жить» – 5, «говорить» – 8), существительное «любовь» – 18. Удивительно, что именно в его «любовных» стихотворениях слова «любовь» и «любить» практически отсутствуют (Митюшин, эл. ресурс); см. также (Еськова 2007). В трех стихотворениях Мандельштама, которые Цветаева считала «своими» («В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...» и, шире, – «весь тот период – от Германско-Славянского льна до «На кладбище гуляли мы» – мой») (Цветаева 1989, с. 163) любовная проблематика проступает в аллюзиях и подтекстах. В стихах к Андрониковой («Соломинка») тема смерти явно преобладает над любовной (как и в посвященном Ахматовой «Твое чудесное произношение...»: «Пусть говорят: любовь крылата, – Смерть окрыленнее стократ»). Любовное притяжение наиболее остро ощутимо в обращении к Арбениной, но и там речь идет не столько о любви («Тебя не назову я – Ни радость, ни любовь»), сколько о кратковременной, неуправляемой и невоплощенной страсти («На дикую, чужую – Мне подменили кровь»), которая не исключает некоего рыцарства («Я наравне с другими – Хочу тебе служить») (Мандельштам О. 1993–1998, с. 152–153). В двух стихотворениях, посвященных О. Ваксель («Жизнь упала как зарница...», «Я буду метаться по табору улицы темной...»), союз с «ангелом» «в светлой паутине» возможен разве что в «заресничной стране»). Только в стихотворении, обращенном к М. Петровых («Мастерица виноватых взоров...»), появляется конструкция «Что же мне, как янычару, люб», но и она подчеркивает незванность и непостижимость чувства, в отношении которого субъект сохраняет некоторую дистанцированность.

Каждое увлечение в поэтике Мандельштама предполагает «путь опасный», искус, отринутый соблазн – «другую жизнь» и невоплотимые возможности. Каждое из них открывает ему что-то непознанное в самом себе и новое в окружающем мире. Так, Цветаева «дарит» ему Москву с тайнами ее православия и быта; Андронникова – тайну смерти и призрачного Петрополя; Арбенина – муку ревности; Ваксель – радость заботы и опеки. Каждая любовная ситуация проецируется на мифологический, литературный или театральные

фон: – Самозванец и Мнишек, Ипполит и Федра¹ – в стихах к Цветаевой; «Ленор, Соломинка, Легейя, Серафита»² в стихах к Андронниковой; «итальянская рулада» и «Венецианская батута» в стихах к Арбениной; «театрального капора» пена – в стихах к Ваксель; «турчанка» и «янычар» в стихах к М. Петровых. В любовных отношениях присутствует оттенок иллюзорности, игры, порождающей острое переживание и изживание его, претворение в художественный текст. Возможно, поэтому у Мандельштама почти нет любовной лирики, посвященной жене, которую, по словам той же Ахматовой, Осип любил... невероятно, неправдоподобно... не отпускал... от себя ни на шаг,... бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах» (Ахматова 1993, с. 17).

Перечисляя адресатов Мандельштама, Ахматова упускает чуть ли не последние из дошедших до нас стихов Мандельштама, те, что посвящены Е. Поповой, – «С примесью ворона – голуби...» и «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», – где появляются и глагол «люблю» (с метонимическим ограничением: «Как я люблю твои волосы»), и небывалые для него определения («нежнолюбая», «чернобровая», «родинки смелые»). Е. Попова, жена В. Яхонтова и режиссер его моноспектаклей, у Мандельштама ассоциируется с новой жизнью, которую он пытается понять и принять. Ее образ, однозначный («безусловная») и двойственный, как сама эпоха («К жизни и смерти готовая»), построен на оксюморонах, которые захватывают историческое время («Произносящая ласково – Сталина имя громовое») и пространство («Москва... мировая встревожена, – Грозная утихомирена»). Удивительным образом круг замыкается, соединяя эту Москву и смуту годуновского времени, царствование «тишайшего» Алексея Михайловича и «дело нетленное» нынешних времен. В этих стихах тоска не по женщине, а по недоступной Мандельштаму способности принять закон социальный как закон природы и истории («Сила приказа желанная») и подчиниться ему «любя», уравновешивая противоположность свободы и судьбы готовностью соучастия. В стихах к Поповой откликается та тема «беды», которая аллюзивно присутствует в стихах к Цветаевой: отзвуки пушкинской трагедии: «Беда ли мне, беда ль Москве? – Беда тебе, Борис лукавый!» (черновики) и «Знаменитой беды» в Трезене из «Федры». В первом случае («Не веря воскресенья чуду...»), «беда» угрожает внутренней гармонии героя («С такой монашкой туманной – Остаться – значит быть беде»; во втором – («На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...») – его существованию («Ястреба тяжелокровные», «Косари умалишенные»).

Все остальные многочисленные у Мандельштама формы глагола «любить» имеют отношение к миру: «...люблю мою бедную землю», «...люблю непонятный язык!», «...колокольни я люблю полет!», «...люблю на дюнах казино...», «Люблю следить за чайкою крылатой!», «Бродяга – я люблю движенье», «...люблю обыкновенье пряжи», «Люблю под сводами седья тишины... – Люблю священника неторопливый шаг», «...люблю военные бинокли», «Люблю разезды скворчащих трамваев»; «Люблю появление ткани»; «Люблю шинель красноармейской складки и т. п. Даже «Люблю изогнутые брови» обращено не к женщине, а к пристально разглядываемым образам святых. Принцип Мандельштама – «доверие к жизни», способ общения – диалог. Он говорит с миром, нуждающемся в его слове («Как женщины, жаждут предметы, – Как ласки, заветных имен»), и ожидает ответной реакции («ждет сокровенного знака»).

Жизненный путь Мандельштама – освоение «чужого» во всей неоспоримости и непреложности его закона и претворение «чужого» в «свое», пробуждение в нем культурных смыслов и наделение новыми. Это его способ восстановления «связующих нитей», единения с жизнью. В начале пути Мандельштам декларировал: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» (Мандельштам О. 1993–1998, 1, с. 180). Насильственное отторжение от жизни в 30-е годы увеличило интенсивность признаний и частотность глагола: «Я только в жизнь впиваюсь и люблю

¹ См. подробнее: (Петрова 2001, с. 389).

² О подтекстах см.: (Гаспаров 1995), (Панова 2009), (Сурат 2009, с. 90–120) и др.

Завидовать могучим, хитрым осам». Любовь у Манделъштама, как у Данте, сила, правящая миром: «И море, и Гомер – все движется любовью».

Эквивалентность глагола «любить» глаголу «жалеть», свойственная русскому языку, у Манделъштама практически не проявляется. Изредка она проступает в элегическом ключе, констатируя несовпадение желаемого и действительного («Мне жалко, что теперь зима...»), но сожаление чаще уступает место добровольному согласию с уготованной долей, при котором чувство жалости неуместно («Нам ли, брошенным в пространстве, – Обреченным умереть, – О прекрасном постоянстве – И о верности жалеть!»), или опасно («Убита жалостью и не вернется вновь»); жалобы оскорбительны («Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!»), а если простительны, то лишь в иронической фольклорной стилизации («Жалится сестрица»).

Прилагательное «жалкий» имеет два противоположных смысла: «достойный жалости, сожаления, участия; возбуждающий чувство жалости, сострадания, соболезнования; склоняющий к грусти, печали; ничтожный, презрительный, упавший, плохой» (Даль 1978, с. 525–526). У раннего Манделъштама чаще встречается отрицательное значение «Как овцы, жалкою толпой...»; «И вслед за тем, как жалкий Сумароков...»; «Как жалкий сор, дома и алтари»; «Луна, – без Рима жалкое явление?»; «А перед князем – жалкая раба». Но уже в стихах 20-х годов в слове жалкий проступает сострадание («Но желтизну травы и теплоту суглинка Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух»), «Страшен чиновник – лицо, как тюфяк – Нету его ни жалчей, ни нелепей», «...и вызывает жалость – Пасхальной глупостью украшенный миндаль», «Этот жалкий полумесяц губ?». О неоднозначности отношения свидетельствует оксюморонность определений: «Мой прекрасный жалкий век!»³. Жалоба («В простоволосых жалобах ночных») и жалобный («Шарманка, жалобное пенье...») теперь констатируют беспомощность и безнадежность.

Совершенно иная формула, с завуалированной сравнением просьбой о спасении, появляется только в одном стихотворении 1937 года «Я молю, как жалости и милости...» (Манделъштам О. 1993–1998, 3, с. 126).

Стихотворение, состоящее из 7 двустиший и 2 четверостиший, завораживает предельной недоговоренностью и дискретностью сюжета, тем, что принято называть «упущенными звеньями». В первых двух строчках «мольба», «жалость», «милость» конденсируются в звуковом комплексе «земли» и «жимолости»⁴ – их фонетическое эхо расходится по всему стихотворению. На лексическом уровне устанавливается оппозиция правды и кривды, частично снимаемая звуковой переключкой («Правды горлинок твоих и кривды карликовых...»). Кривизна ассоциируется с бурным периодом в истории Франции («Улица июльская кривая»), которому противопоставляется современность («А теперь»); на смену казненным королям приходит «добрый Чарли Чаплин».

Едва намеченный исторический план откликается в современности: тюрьме вторит собор, судя по описанию («Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине – Паутины

³ Комментируя стихотворение 1918 года «Сумерки свободы», С. Аверинцев отмечает «сложное переплетение чувств», порожденное умиранием «державного мира»: «Это и ужас, почти физический. Это и торжественность: «Прославим власти сумрачное бремя, – Ее невыносимый гнет». И третье, самое неожиданное, – жалость,... кажется, только Манделъштам заговорил о «сострадании» к государству» (Аверинцев 1990, с. 39).

⁴ В качестве источника образа жимолости указывают роман Т. Сандра «Жимолость», на который Манделъштам писал внутреннюю рецензию и «Жимолость» Маргариты Французской. К. Свасьян, редактировавший перевод Ницше, сделанный Ю. Антоновским, в стремлении «подыскать по возможности русскоязычные подобию неологизмов оригинала и... сохранить... особенности ритмики и временами рифмики текста» прибегает к манделъштамовской лексике и его способам словообразования: «Куда же ты тащишь меня, неугомонка и невиданка?», «О, взгляни, я лежу, ты, спесивица, и молю о милости! Мне бы с тобою бродить да бродить по тропинкам жимолостным!» (Ницше 1990, 2, с. 773, 164) Текст Ю. Антоновского звучит следующим образом: «Куда влечешь ты меня теперь, чудо мое и неукротимая моя?»; «О, смотри, как растянулся я? Смотри, дерзкая, как молю я тебя о пощаде! Охотно пошел бы я тобою – более приятными тропами!» (Ницше 1990а, с. 198). В немецком тексте жимолость отсутствует: «Oh sieh mich liegen, du Übermuth, und um Gnade flehn! Gerne möchte ich mit dir – lieblichere Pfade gehn! ». Формула Манделъштама повторяется, например, в трагедии Л. Н. Гумилева «Смерть князя Джамуги»: «Не знает про милость и жалость – Монгольский, полунощный бог».

каменеет шаль») и упоминанию козы (козочка Эсмеральды), – Notre Dame, когда-то уже воспетый Мандельштамом. «Фиалка в тюрьме», «песенка – насмешница, небрежница» откликаются в «безбожнице» с «кривыми картавыми ножницами», которые предназначены не столько срезать, сколько «раздразнить» «купы скарედных роз».

Во французском контексте стихотворения уместней был бы французский вариант имени Чаплина – Шарло. Но для Мандельштама, очевидно, важен тот фонетический ореол, который расходуется от имени Чарли: «точностью» – «цветочницей» – «оборачивается». До появления имени в стихотворении нет ни одного «ч», часто связанного у Мандельштама с темой любовного соблазна (см. подробнее: Петрова 2001, с. 220–247).

Прошедшая через революцию Франция в стихотворении Мандельштама представляет собой утопический сбалансированный мир, накрытый «океанским котелком», «доброй» сферой нового «государя» Вместе с тем в словах «Наклони свою шею» сохраняется ассоциативная связь с плахой, а «океанский котелок» напоминает «океаническую весть» о самоубийстве Маяковского.

Н. Мандельштам считала, что ««безбожница – С золотыми глазами козы», – М. Кудашева, жена Р. Роллана (Мандельштам Н. 1990, с. 291). Э. Поляновский, отмечая совпадение времени написания стихотворения с роллановским приездом в Москву, предлагает следующую реконструкцию мандельштамовских чаяний: Майя сможет «поговорить обо мне со Сталиным, чтобы меня отпустили» (Поляновский 1998, с. 68). Тогда Сталину отводится роль короля, единственного, кто может даровать помилование. Царская милость – единственное спасение там, где нет ни права, ни справедливости.

Так в стихотворение входит проблематика, глубоко уходящая в историю и имеющая многочисленные литературные подтексты. Надежда на Францию сопряжена не только с юношескими о ней воспоминаниями или верой в возможности Р. Роллана, но и с укорененностью этой проблемы во французской истории и литературе⁵. Идея милости присутствует в пушкинской «Капитанской дочке» и в «Анджело»⁶, герой которого находится в том состоянии, в какое попал в 30-е годы Мандельштам: «Еще надеясь жить, готовясь умереть» (Пушкин 1949, с. 516).

«Жесток XV век к личным судьбам...», – заметил Мандельштам в статье о Ф. Вийоне и поместил своего героя в антитетическую ситуацию, где с одной стороны – «самосострадание – паразитическое чувство, тлетворное для души и организма», с другой – «сухая юридическая жалость, которой дарит себя Виллон», и которая «является для него источником бодрости и непоколебимой уверенности в правоте своего «процесса» (Мандельштам О. 1993–1998, 1, с. 172–173). Жестоким оказывается любой век, и, чтобы обжиться в нем, надо постичь науку «мужества и любви». Уже в 20-е годы Мандельштам предчувствовал наступление «Мороза крепкого и щучьего суда». И как Вийон сам себе «судья и подсудимый», так и Мандельштам «Сам себе не мил, неведом – И слепой и поводиры».

Франция, в которой «государит добрый Чарли Чаплин», – поэтическая попытка «другой жизни», но жизненный выбор давно совершен и иллюзорность утопии давно осознана.

Чарли Мандельштама – вариант доступной и, в какой-то степени, ставшей привычной самоидентификации. Так Г. Иванов, вспоминая «чужаковатость Мандельштама, добавлял: «не хуже какого-нибудь Чаплина» (Иванов 1989, с. 457). Чарли – «нищий со светскими замашками» (Мукаржовский 1981, с. 102). Таким предстает Мандельштам в воспоминаниях современников. Для позднего Мандельштама Чарли – воплощение отверженности. Во втором стихотворении 1937 года – «Чарли Чаплин» (Мандельштам О. 1993–1998, 3, с. 139–140) –

⁵ См.: (Неклюдова 2000, с. 204–215). Там же приведена цитата из «Персидских писем» Монтескье: «французские короли... всегда несут с собой милость [portent toujours avec eux la grâce] для преступников. Если человеку посчастливится увидеть августейшее лицо государя, этого достаточно, чтобы он перестал быть недостойным жизни».

⁶ См.: (Вацуру 1986, с. 314–319) и (Лотман 1992, с. 416–444).

ситуация также колеблется между надеждой и отчаянием. Действие перенесено в уже недоступную Мандельштаму Москву, где к Чарли «ласкова толпа». В руках «у Чаплина тюльпан», на языке цветов означающий любовь, гордость, надежду на счастье. Но «государь» первого стихотворения во втором оборачивается шутком, вечно наказуемым балаганным Петрушкой («Оловянный ужас на лице, – Голова не держится совсем»). Здесь Чарли – «человек не на своем месте» (Шкловский 1985, с. 73). Не случайно он, со своей «заячьей губой» и «двумя подметками», которые «скашивает» время, должен «пробиваться в роль». Все его усилия нацелены на самосохранение вопреки давлению мира, его роль – способ оставаться верным себе. Теперь основой самоидентификации становятся мотивы немоты и безумия. Немота – метафора смерти, исключенности из мира живых и говорящих. Временным безумием была вызвана попытка самоубийства в 1934 г., но оно же, добровольно принятое на себя, характеризовало поведение Мандельштама, начиная с 20-х годов⁷. 30-е отмечены окончательным разрывом с официальным миром и переходом к «мудрейшему юродству». Двойкая природа царя-шута актуализирует мотив смерти-возрождения.

Ситуация Чарли основана на фольклорном архетипе противостояния малого и большого, классический вариант которого – Давид и Голиаф⁸. Идентифицируя себя с Чаплиным, Мандельштам устанавливает иную оппозицию – шута и царя; возможно, ею поддерживалось то «твердое ощущение» начала 30-х годов, о котором вспоминала Н. Я. Мандельштам (Мандельштам Н. 1987, с. 161), – власть правил игры не приняла.

В мандельштамовском Чаплине совмещено несовместимое: сила и страх, слава и чужеродность окружения. В стихотворении «Я молю, как жалости и милости...» эта несовместимость сбалансирована («Государит добрый», «с растерянною точностью»), в «Чарли Чаплине» – утрачена. Его «жалкая судьба» спроецирована на общечеловеческую судьбу («Как-то мы живем неладно все...»). Концовка стихотворения – «А Москва – Так близко, хоть влюбись – В дорогую дорогу» – как будто бы предполагает возможность примирения, только не ведет ли эта дорога «к чужим, к чужим»?

Тоска Мандельштама по Франции сродни той, что он испытывал в недолгой уральской ссылке: «На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко» («День стоял о пяти головах...»). Он просит не о «жалости и милости» к себе, но о том, чтобы «карусель воздушно-благодарная» продолжала свое вращение, чтобы мир существовал во всей его полноте, «жаль», если без него.

Литература

АВЕРИНЦЕВ, С., 1990. *Судьба и весть Осипа Мандельштама*. Соч. в 2 т. Т. 1, Москва: Художественная литература, с. 5–64.

АХМАТОВА, А., 1993. *Листки из дневника*. Собр. соч. в 4 т. Т. 1, Москва: Арт-Бизнес-Центр, с. 7–28.

ВАЦУРО, В., 1986. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина. *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. XII. Ленинград: Наука, с. 314–319.

ГАСПАРОВ, М., 1995. *Избранные статьи*. Москва: НЛЮ.

ДАЛЬ, В., 1978. *Толковый словарь живого великорусского языка* в. 4 т. Т. 1. Москва: Русский язык.

ЕСЬКОВА, А., 2007. Еще раз об именном стиле поэзии О. Мандельштама. *Материалы XXXVI Международной филологической конференции 12–17 марта 2007 г.* Вып. 15: Грамматика (русско-славянский цикл). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, с. 12–20.

ИВАНОВ, Г., 1989. *Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени*. Москва: Книга.

ЛОТМАН, Ю., 1992. *Идейная структура «Капитанской дочки». Идейная структура «Анжелило»*. Избранные статьи в 2 т. Т. 2, Таллинн: Александра, с. 416–444.

⁷ «...добровольное безумие, как и добровольное рабство, считается делом, угодным божеству. Человек принимает на себя глупость и становится «эйроном», носителем той священной «иронии» и священного самоунижения Юродивый – это «блаженный», – эпитет, специально применяемый к мертвым» (Фрейденберг 1997, с. 130).

⁸ «Пилигрим» начинается пантомимической историей Давида и Голиафа (Фильмы Чаплина. 1979, с. 79–100).

- МАНДЕЛЬШТАМ, Н., 1987. *Книга третья*. Париж: YMCA-PRESS/.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Н., 1990. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. *Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама*. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, с. 189–312.
- МАНДЕЛЬШТАМ, О., 1993-1997. Собр. соч. в 4 т. Москва: Арт-Бизнес-Центр.
- МИТЮШИН, Л., 1999. *Конкорданс к стихам Осипа Мандельштама*. Электронный ресурс, режим доступа:
http://www.rvb.ru/mandelstam/m_o/concordance/description.doc
- НЕКЛЮДОВА, М., 2000. «Милость» / «правосудие»: о французском контексте пушкинской темы. Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, с. 204–215.
- НИЦШЕ, Ф., 1990. Соч. в 2-х т. Т. 2 /сост., ред., вст. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва: Мысль.
- НИЦШЕ, Ф., 1990а. *Так говорил Заратустра*. Пер. Ю. М. Антоновского. Москва: изд-во Московского университета, 1990а.
- ПАНОВА, Л., 2009. «Уворованная» Соломинка. К литературным прототипам любовной лирики Осипа Мандельштама. *Вопросы литературы*, № 5, с. 111–151.
- ПЕТРОВА, Н., 2001. Литература в неантропоцентрическую эпоху. *Опыт О. Мандельштама*. Пермь: изд-во ПГПУ, с. 203–220.
- ПОЛЯНОВСКИЙ, Э., 1998. *Гибель О. Мандельштама*. Санкт-Петербург – Париж: изд-во З. И. Гржебина.
- СУРАТ, И., 2009. *Мандельштам и Пушкин*. Москва: изд-во ИМЛИ РАН.
- Фильмы Чаплина. 1972. *Сценарии. Записи*. Москва: Искусство.
- ФРЕЙДЕНБЕРГ, О., 1997. *Поэтика сюжета и жанра*. Москва: Лабиринт.
- ЦВЕТАЕВА, М., 1989. История одного посвящения. Соч. в 2 т. Т. 2. Проза. Минск: Народная асвета, с. 138–165.
- ШКЛОВСКИЙ, Б., 1985. *За 60 лет: работы о кино*. Москва: Советский писатель.

Natalya Petrova

Perm State Pedagogical University, Russia

Research interests: the theory of literature, history of English, American and Russian poetry.

LOVE, PITY, MERCY IN THE POETRY OF O. MANDELSHTAM

Summary

The article deals with successive investigation of such concepts as "love", "pity", "mercy" in O. Mandelstam's love lyrics. Special attention is paid to two main in this respect poems of 1937 – “Ya mol’u kak galosti i milosti...” and “Charly Chaplin”, – where these concepts organize the plot, with its basic opposition between "king" (the carrier of “pity and mercy”) and "clown" ("the fool"). This antithesis receives the ambivalent permission, and the double nature of the tsar-clown introduces the motive of death-revival. The analysis covering various levels of the text, phonetics, autocitations, literary and cultural meanings, historical and household contexts, combines the comment and interpretation, promoting deeper understanding of the meaning and specificity of Mandelstam's poetics.

KEY WORDS: semantics, love, pity, mercy, poetry, O. Mandelstam.

Jūratė Radavičiūtė

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel.: 837 422477

E-mail: radaviciute@vukhf.lt

Research interests: literature, postmodernism, deconstruction

THE INDETERMINACY OF THE IMAGE OF THE DREAM IN SALMAN RUSHDIE'S NOVEL *MIDNIGHT'S CHILDREN*

*The article is the investigation of the indeterminacy of the image of the dream in Salman Rushdie's novel *Midnight's Children*. The concept of indeterminacy is used following the explication of Ihab Hassan who defines it as an overall tendency towards unmaking within the postmodern discourse. The research identifies the indeterminacies in respect to the connotations, attributed to the image of the dream, and provides the commentaries with the view to the theoretical framework of postmodernism.*

KEY WORDS: postmodernism, indeterminacies, image, unmaking, dream, simulacrum

The concept of indeterminacy is frequently employed by the theorists of postmodernism to refer to the absence of any positive terms in postmodern culture. According to Ihab Hassan, the concept embraces the terms of unmaking such as decreation, disintegration, deconstruction, decenterment, displacement, difference, discontinuity, disjunction, disappearance, decomposition, de-definition, demystification, detotalisation, delegitimation and represents a will "to unmaking, affecting the body politic, the body cognitive, the erotic body, the individual psyche- the entire realm of discourse in the West." (Hassan 1982, p. 269) Although the concept is not a postmodern invention, as Ihab Hassan points out in *The Dismemberment of Orpheus*, tracing its origins to the works of the Marquis de Sade; in the postmodern period, the concept acquires the significance it has not had before because of its impact on the perception of language.

Ihab Hassan maintains that this concept represents the processes which occur within the system of the little narrative, described by Lyotard. In *The Right Promethean Fire*, he defines indeterminacy as the integral force, for it "fills the space between the will to unmaking and its opposite, the integrative will." (Hassan 1980, p.109) In this article, Hassan's idea of indeterminacy as a concept embracing unmaking and integrity will be taken as the basis of research. The concept of indeterminacy will be explored through the analysis of the image of the dream in Salman Rushdie's novel *Midnight's Children*.

The image of the dream often appears as a pastiche of the elements of different narratives related to history, politics, economy or culture. It is introduced in relation to the doctor Narlikar and Ahmed Sinai who share the dream of tetra pods:

Why did my father agree to dream a gynaecologist's entrepreneurial dream? Why, little by little, did the vision of full-sized concrete tetrapods marching over sea walls, four-legged conquerors triumphing over the sea, capture him as surely as it had the gleaming doctor? Why, in the following years, did Ahmed dedicate himself to the fantasy of every island-dweller-the myth of conquering the waves? (ibid p. 184)

The dream of tetra pods is located within a varied network of discourses, relating it to the history of marine conquests as well as the myth of the machine, favoured by modernists. On the other hand, Ahmed Sinai attempts to achieve a personal goal through the realization of the dream. As it is mentioned, he is "trying to restore his position in the world." (ibid p. 184) Thus, a direct link between the image of the dream and the world of the novel is established, for the fulfillment of the dream is perceived as a means to establish oneself in the world.

However, the connection between the dream and the world of the novel appears to be more complicated than expected by the doctor and Ahmed Sinai. The vision of the technology conquering the wilderness of the sea is confronted by the city with its multicultural background which tends to incorporate everything into the existing discourse:

A group of beggar women had clustered around the tetrapod and were performing the rite of puja. They had lighted oil-lamps at the base of the object; one of the them had painted the OM-symbol on its upraised tip; they were chanting prayers as they gave the tetrapod a thorough and worshipful wash. Technological miracle had been transformed into Shiva-lingam; Doctor Narlikar, the opponent of fertility, was driven wild at this vision, in which it seemed to him that all the dark priapic forces of ancient, procreative India had been unleashed upon the beauty of sterile twentieth-century concrete...(ibid p. 244)

The clash between the doctor and the women reveals that the world of the novel consists of multiple dreams which sometimes appear to be incompatible with each other. The dream of Narlikar is the dream of modernism which incorporates the myth of the machine, the fascination with the abstraction and the division into high and low. This dream is confronted with the vision of the world of the beggar women which contains the elements of the pre-industrial culture whose ancient rituals serve to worship fertility and procreation. The attempts of the women to appropriate the “technological miracle” by performing certain rituals and assigning it a specific role in their world contrast with the willingness of Narlikar to prevent the process of appropriation and ensure the sterility of his dream. However, the postmodern world of the novel favours the indeterminacy of the combination of the components from different narratives over the stability of the meaning in an isolated narrative. Consequently, Narlikar’s attempts to secure the isolation of his dream fail, for he is crushed to death under the weight of his creation.

Another person, involved in the tetra pod dream, Ahmed Sinai fails to receive any gains from the realization of the dream; what is more, he starts to undergo a significant physical transformation:

It was after Narlikar’s death and the arrival of the women that he began, literally, to fade...gradually his skin paled, his hair lost its colour, until within a few months he had become entirely white except for the darkness of his eyes. (ibid p. 457)

The loss of pigmentation is mentioned a few times regarding the image of dreams. In the episode in the jungles, Saleem and his fellow soldiers are subjected to the final series of the forest-sent dreams, which results in their loss of pigmentation:

they were becoming transparent, that it was possible to see through their bodies, not clearly as yet, but cloudily, like staring through mango-juice. In their alarm they understood that was the last and worst of the jungle’s tricks, that by giving them their heart’s desire it was fooling them into using up their dreams, so that as their dream-life seeped out of them they became as hollow and translucent as glass. (ibid p. 512)

In both cases, the loss of pigmentation coincides with the failure of the dream. The transparency which appears to be the outcome of the failure indicates the loss of the human substance, as in the case of Naseem’s decision to unveil and sit in a glassed-in box. The people subjected to such a transformation become mere reflections of other than their own dreams. The excerpt about the soldiers in the jungles emphasizes this fact by comparing dream to life: the loss of their dreams empties the soldiers from the substance of life.

Another dream, Saleem's dream of Kashmir, originates from the family history, making Saleem a part of it; it also blends into the realm of the dream-world of the novel by becoming a part of a political discourse:

I began to dream repeatedly of Kashmir; although I had never walked in Shalimar-bagh, I did so at night; I floated in shikaras and climbed Sankara Acharya's hill as my grandfather had; I saw lotus-roots and mountains like angry jaws...It would not be long before the dream of Kashmir spilled over into the minds of the rest of the population of Pakistan...(ibid p. 457)

In terms of family connections, the description of the dream relates it to the family Kashmir experiences rather than an abstract place. Saleem is conscious of the objects which compose his dream and the degree to which they are related to the past of the family. The reference to the dream becoming a shared dream of the country highlights the liquid nature of the image, for the dream about Kashmir is said to spill over the minds of the people.

The process of the dissemination of the dream has similar consequences to those of the dream of tetra pods: Saleem's family is killed during the bombings at the beginning of the war while he suffers amnesia. Similarly, the dreamers of tetra pods are punished in the course of the dissemination of their dream: Narlikar dies defending the purity of his dream from the outside influences, while Ahmed Sinai suffers from the fundamental changes the loss of the dream has caused to his personality.

The most complex part of the narrative involving the imagery of dreams is the episode in the jungles. The period Saleem and his fellow soldiers spend in the jungles is related to the image of the dream as the means of the cognition of life which requires isolation and alienation to be perceived by the soldiers. The soldiers undergo a few stages in the process: firstly, they are subjected to the dreams recording their recent war experiences; the second stage takes them to a more distant past of their childhood, while the final third series of dreams relates to the mythological roots of their world perception. The process of cognition includes the description of the process of contemplation as well as its ironic assessment, thus, suggesting that the connotations which can be attributed to the image of the dream are not decisive, for the image itself is attributed the quality of liquidity which is also the image related to the concept of indeterminacy.

The first series of dreams the soldiers are subjected to involve two stages: the preparation for the perception of the dream and the dreaming itself. The stages are built on contrast, for the preparatory stage is dominated by ironic and even comic elements, while the stage of dreaming includes a more dramatic description. At the moment of their appearance in the jungles, the soldiers are involved in the process of exchange with the forest:

they found their bodies covered in three-inch-long leeches which were almost entirely colourless owing to the absence of direct sunlight, but which had now turned bright red because they were full of blood, and which, one by one, exploded on the bodies of the four human beings, being too greedy to stop sucking when they were full, blood trickled down legs and on to the forest floor: the jungle sucked it in, and knew what they were like. (ibid p. 505)

The excerpt indicates the initial stage of the exchange of liquids between the forest and the soldiers. Although the liquid involved at this stage is human blood, the description of the process lacks drama; what is more, the inclusion of the leeches as mediators between the forest and the soldiers adds a comic element to the process. The image of the leeches also reintroduces the theme of transparency: they are said to be colourless and, therefore, are able to reflect what they have absorbed. Thus, in addition to the substance that the leeches disseminate to the jungles, the soldiers also expose their personalities through the reflection of the image through the skin of the leeches.

The exchange of the liquids is conducted both ways, for the soldiers consume the rainwater of the forest in a form of a compensation for the blood they have been drained of:

rainwater poured off leaves all around them, and they turned their mouths up to the roof of the jungle and drank; but because the water came to them by way of sundri leaves and mangrove branches and nipa fronds, it acquired on its journey something of the insanity of the jungle, so as they drank they fell deeper and deeper into the thralldom of that livid green world (ibid p.505)

Thus, in return for their liquids the forest has absorbed, the soldiers are given the liquid of the forest which disseminates the essence of the forest within the soldiers. The liquid obtains a feature to dissolve within itself and transmit the substances which function as viruses by entering the vacancies they gain access to and dissolving in them. The allusion to the disease disseminated by the liquid is further explored in the episode of cleansing the soldiers are subjected to as a result of the consumption of the substance of the jungle. The food they consume in the forest is said to have caused “a diarrhea so violent that they forced them selves to examine the excrement in case their intestines had fallen out in the mess.” (ibid p. 505)

In general, the beginning of the process of cognition is portrayed through the use of negative terms: the concepts such as insanity, disease, blood dominate the imagery at this stage. The narrative contains a postmodern mixture of elements representing high and low: comic elements are introduced within a dramatic context. On the other hand, the connotations attributed to the images vary: an image of the leech acquires a comic connotation along with the philosophical function of a mediator between the two worlds.

The first series of dreams the soldiers are sent by the jungles contain the references to their recent past; however, the images that comprise the dreams are attributed the qualities of transparency and liquidity

one night Ayooba awoke in the dark to find the translucent figure of a peasant with a bullet-hole in his heart and a scythe in his hand staring mournfully down at him...the peasant leaked a colourless fluid which flowed out of the hole in his heart and on to Ayooba's gun arm. The next morning Ayooba's right arm refused to move. (ibid, p 506)

The image of the peasant Ayooba sees in his dream is not an abstraction meant to symbolise the war crimes the soldier has committed. It includes the elements which refer to a particular accident: the scythe and the bullet-hole relate the jungle-sent dream to Ayooba's personal experience. On the other hand, the translucency and liquidity are the features that the experience obtains having been transformed into the image of the experience. The impact that the image has on Ayooba appears to be more powerful than that of the incident itself. Having acquired the viral quality of a liquid, the image infects the person from within. The motif of a disease reoccurs in this episode, for Ayooba is physically disabled by the impact of the disseminated image.

The impact the dream-images have on the soldiers is not determinate. In contrast to the destructive effect of the first series of dreams, the second one provides the soldiers with the background for personal development and maturity. It refers to a more distant past, namely, to the soldiers' childhood. The paradox, inherent in this stage of self-cognition, lies in the incorporation of contrastive elements into the process: the soldiers regress to infancy to become more mature.

However, the concept of maturity is not granted a positive connotation in terms of self-awareness. Alternatively, it leads to despair by providing a possibility of a deeper perception of the world of the dreams. The third series of dreams returns to the subject of the war memories; however, at this stage, the soldiers appear to be unable to withstand the pain the memories cause and stick their ears with mud:

the mud of the dream-forest, which no doubt also contained the concealed translucency of jungle-insects and the devilry of bright orange bird-droppings, infected the ears of the three boy-soldiers

made them all as deaf as posts... They seemed, however, to prefer their diseased deafness to the unpalatable secrets which the sundry leaves had whispered in their ears. (ibid p. 510)

The themes of translucency and liquidity repeatedly occur in relation to the image of dreams. Although the liquidity of the dreams does not seem to manifest itself in the form of images, its function of infecting its victims is retained. Thus, by protecting themselves from the impact of the dream-sent images, the soldiers surrender to their side-effect: a diseased deafness.

The final series of dreams refer to the past more distant than childhood. Traveling further into the jungles, the soldiers approach a sanctuary of the goddess Kali, the deity of destruction and dissolution in the Hindi pantheon of gods. (Hemenway 2007, p. 81) In the sanctuary, the soldiers are subjected to the last series of dreams:

they awoke simultaneously to find themselves being smiled upon by four young girls of a beauty which was beyond speech...but the houris looked real enough, and their saris, under which they wore nothing at all, were torn and stained by the jungle. (Midnight's Children p. 511)

The final dream-image is different from the previous ones in one crucial aspect- the physicality of the image. In contrast to the translucent figures which possess the quality of liquidity from the previous dreams, the image of the girls does not remind the reader of dream-creatures: their clothes are dirty; their caresses leave marks on the soldiers' bodies. However, the sense of reality is deceptive, for the soldiers appear to have become a part of the dream-world of the jungles themselves:

the day came when they looked at each other and realized they were becoming transparent, that it was possible to see through their bodies not as clearly as yet, but cloudily, like staring through mango-juice. (ibid, p. 512)

The merger with the dream-like reality of the forest appears to be at the cost of becoming a part of that reality by acquiring the qualities of the images, constituting the dreams. The images of transparency and juice applied to the characterization of the alterations the soldiers undergo indicate the beginning of the loss of substance and the transformation into a disseminated image, a simulacrum of the old self. Consequently, the quest for cognition appears to be leading to a complete destruction of the material self and transformation into its disseminated image.

To sum up, the image of the dream is extensively used in the novel and provides a deep insight into the postmodern discourse, for it refers to its central concepts such as inclusion, dissemination, simulacra and indeterminacy. The dream of tetra pods could be seen as a contemplation of the issue of the elimination of the transcendental signifier and along with it an established meaning of a discourse. An attempt of doctor Narlikar to protect the meaning of his dream from the influence of others fails alongside with a number of other individual dreams such as Saleem's dream of Kashmir. By becoming a part of the existing discourse, the dreams acquire new significations and a new destructive force. The authenticity is not approached as a value within a discourse rather it is valuable to the extent it can be appropriated. The jungle dreams of the soldiers further explore the problem of the author and the dissemination of the text in a wider discourse. Under the conditions of the discourse, the dissemination is inevitable; however, the position of the author is not as determinate. Subjected to the influence of the disseminated images, the author has to manipulate the images to retain his self to resist being disseminated into the anonymity of the discourse.

References

HASSAN, I., 1982. *The Dismemberment of Orpheus*, The University of Wisconsin Press.

HASSAN, I., 1980. *The Right Promethean Fire*, University of Illinois Press.
HEMENWAY, P., 2007. *Hindu Gods*, Evergreen.
RUSHDIE, S., 2006. *Midnight's Children*, Vintage Books

Jūratė Radavičiūtė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva
Moksliniai interesai: literatūra, postmodernizmas, dekonstrukcija

**SAPNO ĮVAIZDŽIO NEPASTOVUMAS SALMAN RUSHDIE ROMANE
„VIDURNAKČIO VAIKAI“
Santrauka**

Straipsnis nagrinėja sapno įvaizdžio nepastovumo apraiškas Salman Rushdie romane „Vidurnakčio vaikai“. Straipsnyje naudojama Ihab Hassan pasiūlyta nepastovumo, kaip visa apimančios destruktivios jėgos, dominuojančios postmodernizmo diskurse, sąvoka. Romano naratyvo analizėje atskleidžiamos sapno įvaizdžio nepastovumo apraiškos kontekstinėse įvaizdžio reikšmėse. Įvaizdžio reikšmių interpretacija pateikiama postmodernizmo teorijos rėmuose.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: postmodernizmas, nepastovumas, įvaizdis, destruktivumas, sapnas, simulakras

Irena Ragaišienė

Vytautas Magnus University, Lithuania

K. Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva

Tel: +370 37 327835

E-mail: i.ragaisiene@hmf.vdu.lt

Research interests: English literature, literature discourse

MYTHOLOGICAL AND CULTURAL IMPLICATIONS IN MARGARET ATWOOD'S "BLUEBEARD'S EGG" AND KATHERINE MANSFIELD'S "BLISS"

In Atwood's short story "Bluebeard's Egg" and Margaret Mansfield's "Bliss" mythological implications function as references that control the modes of narrative representation and significations of meaning. Furthermore, these implications engage in an intertextual dialogue with culturally dominant discourses that combine to produce a deconstructive effect. The intertextual dialogue triggered by mythological and cultural implications in Margaret Atwood's "Bluebeard's Egg" and Margaret Mansfield's "Bliss" signals the changing social situation, by implication the treatment of the protagonists' metamorphosis conditioned by the degree of availability to self-knowledge. Such overt intertextuality projected on overlapping mythological patterns and motifs, apart from allusions to the multi-coded fictionality of the narrative, becomes a site in which the conventions of gender and genre, by extension, discourses governing the trajectories of self-formation are exposed and re-visioned.

KEY WORDS: *mythology, revisionism, intertextuality, culturally formative discourses*

According to Sharon R. Wilson, "From her early work, such as *Double Persephone*, to recent texts such as *Good Bones* and *The Robber Bride*, Margaret Atwood (b. 1939) has used mythology in much the same way she has used other intertexts, or texts within texts." Among these other texts, Wilson mentions folk tales, fairy tales and legends as these narrative forms are permeated with "mythical meaning" in Northrop Frye's sense. Atwood intertwines mythological narrative with cultural narratives such as media and film stories not only to imbue her texts with epistemological meaning associated with myth but also to underscore the multidimensionality of meaning that such an epistemological enquiry creates. In varying degrees, Atwood's mythological and cultural intertexts then shape her use of images, character construction and delineation of themes (Wilson 2002, p. 215).

Intertext, defined by Wilson as the existence of "texts within texts," evokes a reading through the lenses of Julia Kristeva's notion of intertextuality which denotes the relationship between texts and discourses operative in a culture. Kristeva's theory of intertextuality is based on the assumption that "any text is constructed as a mosaic of quotations; any text is the absorption and transformation of another" (Kristeva 1986, p. 37). Apart from the meaning of literary influences, the term intertextuality, as *per* Kristeva, comes to signify that any text is a product of a specific culture, the ideological particularities of which manifest themselves in specific discursive structures reflective of their relationship with the prevailing ideologies. In this regard, as explicated by J.A Cuddon, Kristeva

challenges traditional notions of literary influence, saying that intertextuality denotes a transposition of one or several sign systems into another or others. But this is not connected with the study of sources [...] and Kristeva is not only pointing to the way that texts echo each but the way that discourses or sign systems are transposed into one another – so that meanings in one kind of discourse are overlaid with meanings from another kind of discourse. It is a kind of 'new articulation.' (Cuddon 1993, p. 454)

Margaret Atwood's "Bluebeard's Egg" (1983) and Katherine Mansfield's (1888-1923) "Bliss" (1920) join in an intertextual link that embodies this "new articulation," as J.A Cuddon has it. Both stories depict young women in their thirties who seem to be fulfilled in their socially defined roles. They are wives to affluent husbands and function as very much angelic figures in

Virginia Woolf's sense.¹² Rose Lovell-Smith reads the two stories as embedding overt intertextual links with the Bluebeard fairytale which features a naïve but inquisitive wife imprisoned in a castle to await the fate of her female predecessors who succumbed to their voice of heart rather than that of their head/reason.³ She holds that "Atwood appears to have been one of the first readers to recognize that Mansfield was reflecting on Bluebeard in 'Bliss' and to have shaped her tale accordingly" (Lovell-Smith 1).

In the Grimm version of the fairytale, the newly-wed wife is left on her own by her ever absent husband, Bluebeard, to spend entire days wandering through the many but one room in the castle. Being unable to resist her inquisitive nature, she makes use of the key entrusted to her by Bluebeard and forgets the dangers that await her upon entering the forbidden room. The moment she opens the forbidden room and sees corpses of her predecessors, she is rescued from their fate by her brothers who had been called by the young wife's female helpers.⁴ About the psychoanalytical meaning of the Bluebeard motif, Clarissa Pinkola Estes states:

The Bluebeard story is about that captor, the dark man who inhibits all women's psyches, the innate predator. He is a specific and incontrovertible force which must be memorized and restrained. To restrain the natural predator of the psyche it is necessary for women to remain in possession of all their instinctual powers. Some of these are insight, intuition, endurance, tenacious loving, keen sensing, far vision, acute hearing, singing over the dead, intuitive healing, and tending to their own creative fires. (Estes 1992, p. 44)

Estes implicitly aligns the Bluebeard tale with the effect of culturally dominant discourses on gender socialization, by implication trajectories of self-formation. In Estes psychoanalytical account, Bluebeard "experiences a continuous exile from redemption." He thus wants to trap other souls that would seek light. Such a factor – the aspect of the unredeemed – will be a force that will act in opposition to the drive to access the natural self that includes a drive for self-knowledge (Estes 1992, p. 45-46). Given the social and gender restrictions that serve as a major factor affecting the heroines' choices in both stories, the female protagonists exhibit some multivariably disguised shyness and uncertainty as to how their drive for self-authentication acquired through increased self-knowledge would be perceived by their immediate milieu.⁵

Confined within the domestic sphere, they seek to transgress the boundaries of domesticity by reaching out for the public and self-realisation through means available to them. Evoking intertextual links with Virginia Woolf's *Mrs Dalloway*, both stories depict the female protagonists attempting to enter the public sphere by acting as hostesses to artists and established professionals. In Katherine Mansfield "Bliss," the female protagonist, Bertha Young is depicted as preoccupied with perfecting her household, by extension the social façade since

They had people coming to dinner. The Norman Knights—a very sound couple—he was about to start a theatre, and she was awfully keen on interior decoration, a young man, Eddie Warren, who had just published a little book of poems and whom everybody was asking to dine, and a "find" of Bertha's called Pearl Fulton. What Miss

¹ The reference here is to "the Angel in the House," a label that Virginia Woolf used to denote repressive femininity. The phrase was originally used as the title of a popular poem by Coventry Patmore, in which he envisions his wife as a model for all (Victorian) women. See: Robyn R. Warhol (1995, p. 313). Lizbeth Goodman et al. state that "Woolf's use of [the Angel in the House] referred to the idealized 'feminine' figure who sacrificed her creative self for domestic harmony." In order to exercise her creative potential, she had to reject this angelic role (Goodman 1996, p. 75).

² The reference here is to "the Angel in the House," a label that Virginia Woolf used to denote repressive femininity. The phrase was originally used as the title of a popular poem by Coventry Patmore, in which he envisions his wife as a model for all (Victorian) women. See: Robyn R. Warhol (1995, p. 313). Lizbeth Goodman et al. state that "Woolf's use of [the Angel in the House] referred to the idealized 'feminine' figure who sacrificed her creative self for domestic harmony." In order to exercise her creative potential, she had to reject this angelic role (Goodman 1996, p. 75).

³ This evokes Alicia Ostriker's use of the juxtaposition between heart and head as a figurative signification of the mind/body dualism (Ostriker 1987, p. 15-16).

⁴ For the text of the fairy tale, see "Bluebeard." *Tales from the Brothers Grimm* (Bluebeard).

⁵ Similar readings of the Bluebeard motif in the stories have been provided by Coral Ann Howells (Howells 1987, p. 55); Charlotte Sturgess (Sturgess 2000, p. 92); Rose Lovell-Smith (Lovell-Smith 2002, p. 1-19); to mention but a few.

Fulton did, Bertha didn't know. They had met at the club and Bertha had fallen in love with her, as she always did fall in love with beautiful women who had something strange about them. (Mansfield 1920, p. 121)

Sally, in Margaret Atwood's "Bluebeard's Egg," hosts her husband's colleagues, heart surgeons, whom Sally calls "heart men" and their spouses, "the wives of the heart men," accordingly (Atwood 1991, p.180). The implications associated with the profession link in a meaningful way with the threat implied in the original tale. The intertextuality is reinforced by the fact that Sally is the third wife ignorant of the fate of the previous two.⁶ This does not prevent her, however, from seeking self knowledge. One of the most obvious forms of this quest is her enrolment in different night courses such as "mediaeval history, cooking, anthropology [...] she's even taken a course in geology [...] hoping her mind will snag on something" (Atwood 1991, p. 169). The course that has the most pronounced impact on Sally is *Forms of Narrative Fiction* taught by a self-confident female instructor, Bertha, who assigns the class to rewrite the Bluebeard story from an alternative point of view. Needless to say, this thematic thread intertwines with feminist critical discourses on revisionism implying its focus on re-vision of woman writer's relationship to the literary tradition, representation of women in literature and the notion of canonicity *per se*.⁷

The name of the female instructor, Bertha, evokes a comparison with Bertha Young of Katherine Mansfield's "Bliss." Unlike Mansfield's fragile very feminine protagonist who is entangled in her emotional attachment to her husband and unfulfilled desires, Atwood's Bertha is depicted as follows:

the macramé look, with health-food sandals and bulky knit sweaters and hand-weave skirts that don't do a thing for her square figure, and many Mexican rings on her hands, which she doesn't wash often enough ... (Atwood 1991, p.170).

Bertha, a woman who leads other women to self-knowledge implies a link with women helpers in the Bluebeard tale who rescue their youngest sister from the consequences of desire for knowledge. Atwood's female protagonist takes a significantly more active role in this regard. The degree of self-knowledge accessible to the protagonists of both stories reflects on the social structures and strictures operative at the time implied in the stories. As stated by Sharon Wilson, Sally is "the ironical manipulator of cultural constructs" who is aware of the dangers of succumbing to dominant ideals of femininity. She "knows for a fact that dumb blondes were loved, not because they were blondes, but because they were dumb" (Wilson 2002, p. 132). Sally can cherish the achievements of the second wave feminism. She thus strives to equip herself with knowledge so that to exercise her subjectivity in her own way. By rewriting the story and the ideological script encoded in it, Sally demonstrates that she can be a subject in her own right. Revision of culturally formative narratives, according to Rachel Blau Du Plessis, allows the writer to expose and distort its original meanings as re-vision is considered to be a political act in that it involves re-ordering of discursive structures that reflect and define the relationship to power and authority (Du Plessis 1990, p. 24).

The female protagonist of Katherine Mansfield's "Bliss" reflects gender expectations at the beginning of the twentieth century. Bertha seems to embody all possible traits of socially imperative gender identity: she is beautiful, childish, even naïve, nurturing and caring. However, the overemphasis and recurrent designation of her elevated inner state as "bliss" disrupts the symbolic signification attempted by the third person narrator. The weaving of doubt and contradiction into the texture of the narrative unfold its multidimensionality. The latter, following Chantal Cornut-Gentile D'Arcy, may be treated as "a warning to readers not to allow themselves to be deluded by the delicately elusive surface of Mansfield's tales. On the contrary, they should be attentive to the implicit criticism which is engraved-sometimes, with the sharpness of steel-

⁶ Points of intersection between the original tale and Atwood story are outlined in a useful guide (www.eng.fju.edu).

⁷ For a more detailed discussion of the subject, see Ostriker (1987), Linda Wagner-Martin (Wagner Martin 1995, p. 109), Irena Ragaišienė (2003), to mention but a few.

precisely 'beneath the fabric' (or between the lines) of the stories." D'Arcy highlights Mansfield's allegiance to the tradition of Modernism and states that many of her stories, including "Bliss," "are triumphs of style, a style which challenged the conventional parameters of nineteenth-century realism, constrained to plot, sequential development, climax and conclusion" (D'Arcy 1999, p. 1).

Significant in the modernist paradigm of "Bliss" is an extensive use of symbols such as the pear tree, the moon, and its silvery reflection.⁸ The colour silver intersperses between the pear tree and the moon, both conventional symbols of the feminine principle to signify opposition between a life-enhancing feminine spirit and a destructive silvery perfection. Bertha Young explores her own meanings of happiness and its relation to her perception of femininity by looking at natural objects imprinted with fertile fullness:

At the far end, against the wall, there was a tall, slender pear tree in fullest, richest bloom; it stood perfect, as though becalmed against the jade green sky. Bertha couldn't help feeling, even from this distance, that it had not a single bud or a faded petal. Down below, in the garden beds, the red and yellow tulips, heavy with flowers, seemed to lean upon the dusk. A gray cat, dragging its belly, crept across the lawn, and a black one, its shadow, trailed after. The sight of them, so intent and so quick, gave Bertha a curious shiver. (Mansfield 1920, 135-136)

She is attracted by nature's natural ability to flourish, yet she also finds that the blooming pregnant brightness is controlled ("becalmed") by the deterministic laws of the sky/Law. In such a way, fertility and sexuality are overshadowed by antithetical destructiveness. What the text seems to highlight is that flourishing is but a gradual movement towards death and decay: all budding life appears "to lean upon the dusk," and the pregnant cat drags along her a shadow of death. The division into life and death is extended into the juxtaposition of Bertha who identifies with emblems of maternity as the destiny that can fulfill her life and her rival, Miss Fulton. The rival is portrayed as a dummy – "all in silver, with a silver fillet binding her pale blond hair," emphasizing that she serves as the embodiment of silvery, sterile perfection disguised under Miss Fulton's exquisite appearance and glittering smile. Bertha feels petrified when the secret of her husband's infidelity unfolds before her eyes:

While he looked it up she turned her head towards the hall. And she saw ... Harry with Miss Fulton's coat in his arms and Miss Fulton with her back turned to him and her head bent. He tossed the coat away, put his hands on her shoulders, and turned her violently to him. His lips said: 'I adore you,' and Miss Fulton laid her moonbeam fingers on his cheeks and smiled her sleepy smile. Harry's nostrils quivered; his lips curled back in a hideous grin while he whispered: 'Tomorrow,' and with her eyelids Miss Fulton said: 'Yes.' (109)

The representation of the passionate dialogue between the two lovers, carried out via the language of their bodies ("his lips said"; "with her eyelids Miss Fulton said"), is tinged with weird coldness. Fulton's silvery "moonbeam fingers" that touch Harry's cheeks suggests that she wants to lure him into the trap of her moonlike body. She is like the archetypal sorceress – beautiful and dreamlike. Although Miss Fulton's body is sexually appealing, her femaleness is aberrant because she "steals" life rather than generates it.

In both stories, the motif of betrayal, enacted within the domestic, stands in sharp opposition to the female protagonists' desire for mutually fulfilling family bonds. This may serve as critique of dominant ideologies perpetuating "domestic ideal for women," to borrow the phrase from Lizbeth Goodman (Goodman 1996, p. 79). On the other hand, the collision between the real and the ideal also serves as a form of intertextuality in the sense that, as Kristeva explains, any text is perceived as a web of intertextual links in the way it reveals a complex pattern of indoctrination and inherent structures that constitute the basis of individual perception of the world (Kristeva 1986, p. 38). Mansfield's and Atwood's texts both expose and distort these conventions and in doing so challenge culturally dominant discourses on the thematic and structural level.

The critique of the ideological/didactic script encoded in the Bluebeard tale is also offered by the reversal of roles associated with the female helpers. According to Rose Lovell-Smith,

⁸ Florian Burkhardt suggests an original reading of this symbolism (Burkhardt).

“In Mansfield’s ‘Bliss,’ the heroine’s best friend proves to be her husband’s secret lover, and the moment when the heroine acquires her dreadful knowledge of this fact is connected by Mansfield’s symbolism of the pear tree in the garden to Eve’s hunger for knowledge. [...] In Atwood’s “Bluebeard’s Egg,” there is another faithless best friend” (Lovell-Smith 2002, p.1). The negative portrayal of the female friends, who are treated as symbolic references to Bluebeard’s wife’s sisters, may be read as advocating women’s agency and autonomy. This also implies undermining the significance attached to association of women primarily with relational roles.⁹

What seems to be a reflection on the female protagonist’s metamorphosis inflicted by a personal trauma, then, turns into a pastiche of a variety of intertexts delineating a story of the protagonists’ awakening within a restrictive social milieu. According to Susan Rosowski, in women’s fiction, the narrative of awakening usually dramatizes coming to self-knowledge which entails a realization of the collision between a desire for an autonomous selfhood and socio-cultural milieu that determines self-actualization. Although this narrative resembles most of these elements of the exemplary goals of human ambition and growth, gender exerts a pervasive influence on the outcome of the quest for woman’s self-realization: “The protagonist’s growth results typically not with an ‘art of living,’ as for her male counterpart, but instead with a realization that for a woman such an art of living is difficult or impossible: it is an awakening to limitations” (Rosowski 1983, p. 49).

The intertextual dialogue then between Margaret Atwood’s “Bluebeard’s Egg” and Margaret Mansfield’s “Bliss,” enacted within the intertextual links with the Bluebeard fairy tale, signals the changing social situation, by implication the treatment of the protagonist’s metamorphosis conditioned by the degree of availability to self-knowledge. The comparison of the two texts highlights the multi-coded fictionality of the narrative. It also provides an intertextual locus in which the conventions of gender and genre, by extension, discourses governing the trajectories of self-formation are exposed and re-visioned.

References

- ATWOOD, M. E., 1991. Bluebeard’s Egg. *Bluebeard’s Egg and Other Stories*. New York; Fawcett Crest.
- Bluebeard. *Tales from the Brothers Grimm*. Retrieved: May1, 2010. http://www.yankeeweb.com/library/storytime/grimmbros/grimmbros_6.html.
- BURKHARDT, F., 2004. *The Pear Tree as a Sexual Symbol in Katherine Mansfield’s ‘Bliss*. Retrieved: November 14, 2009. <http://www.grin.com/e-book/46353/the-pear-tree-as-a-sexual-symbol-in-katherine-mansfield-s-bliss>
- CHODOROW, N., 1989. *Feminism and Psychoanalytic Theory*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- CUDDON, J. A., 1996/1993. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*.: London: Penguin
- D’ARCY, Ch. C.-G., *Katherine Mansfield’s ‘Bliss’: ‘The Rare Fiddle’ as Emblem of the Political and Sexual Alienation of Woman* Retrieved: November 14, 2009. http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3708/is_199907/ai_n8847537/
- DUPLESSIS, Rachel Blau, 1990. *The Pink Guitar: Writing as Feminist Practice*. New York: Routledge.
- ESTES, C. P., 1992. *Women who Run with Wolves: Contacting the Power of the Wild Woman*. London: Rider.
- HOWELL, C. A., 1987. *Private and Fictional World: Canadian Women Writers of the 1970s and 1980s*. London and New York: Methuen.
- GOODMAN, L. with KASIA BODDY and ELAINE SHOWALTER, 1996. *Prose Fiction, Form, and Gender. Approaching Literature: Literature and Gender*. Ed. Lizbeth Goodman. London, New York: Routledge in association with The Open University.
- MANSFIELD, K., 1920. *Bliss. Bliss and Other Stories by Katherine Mansfield*. New York: Alfred A. Knopf,
- KRISTEVA, J. 1986. *The Kristeva Reader*. Oxford: Basil Blackwell.
- LOVELL-SMITH, R., 2002. Anti-housewives and Ogres’ Housekeepers: the Roles of Bluebeard’s Female Helper. *Folklore*. Accessed November 12, 2009. On line at: http://findarticles.com/p/articles/mi_m2386/is_2_113/ai_95107636/pg_10/

⁹ For a more in-depth discussion on this aspect of agency and subjectivity, see Nancy Chodorow (Chodorow 1989).

- OSTRIKER, A. S., 1987. *Stealing the Language: The Emergence of Women's Poetry in America*. London: Women's Press.
- ROSOWSKI, S., 1983. The Novel of Awakening. *The Voyage in: Fictions of Female Development*. Eds. Elizabeth Abel, Marianne Hirsch, and Elizabeth Langland. Hanover: University Press of New England.
- RICH, A., 1979. *On Lies, Secrets, and Silence: Selected Prose 1966-1978*. New York: Norton.
- RAGAIŠIENĖ, I., 2003. Dialoguing with the Literary Tradition: Revisionist Strategies in Sylvia Plath's Poetry. *Literatūra*, t. 45 (4), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, p. 29-42.
- Study Guide, 2008. Retrieved: November 27, on line at: http://www.eng.fju.edu.tw/worldlit/canada/atwood_bluebeard.html
- STURGESS, Ch., 2000/2002. Margaret Atwood's Short Fiction. *Margaret Atwood: Work and Impact*. Ed. Reingard M. Nischik. Toronto: Anansi.
- WAGNER-MARTIN, L., 1995. Biography. *The Oxford Companion to Women's Writing in the United States*. Editors in Chief Cathy N. Davidson and Linda Wagner-Martin. Editors Elizabeth Ammons et al. New York, Oxford: Oxford University Press.
- WILSON, S. R., 2000/2002. Mythological Intertexts in Margaret Atwood's Works. *Margaret Atwood: Work and Impact*. Ed. Reingard M. Nischik. Toronto: Anansi.
- WOOLF, V., 1925/2003. *Mrs Dalloway*. London: CRW Publishing.

Irena Ragaišienė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: anglų literatūra, literatūrinis diskursas

MITOLOGINIS IR KULTŪRINIS INTERTEKSTAS MARGARETOS ATWOOD APSAKYME “BLUEBEARD'S EGG” IR KETRINOS MANSFIELD “BLISS”

Santrauka

Straipsnyje aptariamas mitologinis ir kultūrinis intertekstas Margaretos Atwood apsakyme “Bluebeard's Egg” ir Ketrinos Mansfield apsakyme “Bliss”. Šie apsakymai nagrinėjami per intertekstualumo teorinį modelį, akcentuojant revidavimo strategijas mitologinių ir kultūrinių diskursų atžvilgiu. Teigiama, kad abiejuose nagrinėjamuose apsakymuose galima išvelgti su Mėlynbarzdžio pasaka siejamas siužetines linijas bei didaktinius aspektus, kurie nagrinėjamuose apsakymuose išryškunami siekiant perrašyti pasakoje implikuojamas ideologines ir kultūrinės lyčių vaidmenų apibrėžtis. Šiuo požiūriu Atwood ir Mansfield apsakymų palyginimas atskleidžia šiuos kūrinis vienijančius tematinius bei naratologinius panašumus bei leidžia įvertinti skirtingo sociokultūrinio konteksto įtaką tapatybės atskleidimo trajektorijoms naratyvo plotmėje bei kultūroje dominuojančių diskursų atžvilgiu.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: mitologija, revidavimas, intertekstualumas, kultūroje dominuojantys diskursai.

Audronė Raškauskienė

Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva

K. Donelaičio g. 52, 44248 Kaunas, Lietuva

Tel.+370 649 43 707

E-mail: a.raskauskiene@hmf.vdu.lt

Research interests: gothic literature, eighteenth-century British literature, women's literature, academic writing, creative writing, jungian literary criticism, translation, ecocriticism, and gestalt therapy

THE INTERPRETATION OF SPACE IN GOTHIC FICTION: A SEMIOTIC APPROACH

The article attempts to analyse the functions of literary space and the possible meanings it implies in the eighteenth-century Gothic fiction. Juri Lotman's semiotic approach to space in a literary work is especially useful for the present analysis which is based on the following works: Struktura khudozhestvennogo teksta (1971), The Universe of the Mind (1990), Izbrannye statji v trekh tomakh, vol.1 (1992), and "The Origin of Plot in the Light of Typology" (1973). Lotman speaks about the "plot-space" which "is inhabited" by all kinds of connected and contrasted characters. The elementary course of events in a "plot-space" can be reduced as follows: entry into a closed space – exit from it. Since a closed space can be interpreted as "a cave", "a grave", "a house", "a woman" and so may be endowed with the features of darkness, dampness or warmth, entry into it can be interpreted on different levels. Applying semiotic approach to the analysis of space in Gothic fiction, it is possible to distinguish an important opposition of home and anti-home. Home can be interpreted as being an internal, closed space, the source of security, harmony and creativity; anti-home as belonging to the devil, destruction and death.

KEY WORDS: Gothic fiction, literary space, plot-space, semiotic approach, closed space, opposition of home and anti-home, boundary, entry, exit.

The aim of the present article is to examine the functions of literary space and the possible meanings it implies in Gothic fiction. When we speak of Gothic fiction, in the first place we have in mind Horace Walpole's *The Castle of Otranto* (1764), Clara Reeve's *The Old English Baron* (1778), Ann Radcliffe's *The Castles of Athlin and Dunbayne* (1789), *A Sicilian Romance* (1790), *The Romance of the Forest* (1791), *The Mysteries of Udolpho* (1794), *The Italian or the Confessional of the Black Penitents* (1797), and Mathew G. Lewis' *The Monk* (1796). Juri Lotman's semiotic approach to space in a literary work is especially useful for the present analysis which is based on the following works: *Struktura khudozhestvennogo teksta* (1971), *Universe of the Mind* (1990), *Izbrannye statji v trekh tomakh, vol.1* (1992), and "The Origin of Plot in the Light of Typology" (1973).

Lotman speaks about the "plot-space" which "is inhabited" by all kinds of connected and contrasted characters. According to Lotman, "characters can be divided into mobile ones who are free to move about the plot-space, capable of changing their position in the structure of the artistic world, and of crossing the frontier which is the basic topological feature of that space; and immobile ones who are in fact functions of that space" (Lotman 1990, p.157). The elementary course of events in a "plot-space" can be reduced as follows: entry into a closed space – exit from it. Since a closed space can be interpreted as "a cave", "a grave", "a house", "a woman" and so may be endowed with the features of darkness, dampness or warmth, entry into it can be interpreted on different levels as "death", "conception" or "return home." Among the universal themes Lotman distinguishes an important opposition of home and anti-home. Thus, in Gothic fiction home means an internal, closed space, the source of security, harmony and creativity; anti-home belongs to the devil, destruction and death:

Home

Castle (or its equivalent)

<i>order</i>	<i>chaos</i>
<i>good</i>	<i>evil</i>
<i>good parents</i>	<i>anti-parents</i>
<i>liberty</i>	<i>confinement</i>
<i>clarity</i>	<i>obscurity</i>
<i>happiness</i>	<i>terror</i>
<i>security</i>	<i>danger</i>

Most Gothic novels, especially Ann Radcliffe's, have a three-part division, i.e. they are usually constructed of a series of closed spaces: there is an introductory section, taking place at the heroine's home, which serves as a place of protection to her; then the major portion, which occurs in a villain's castle, and then the final section, which is the heroine's return to the secure world of her home. Thus, such novels have a frame composition: the central, or the Gothic, world is framed by the opening and closing idyllic and sentimental worlds.

"The house is one's own space," - Lotman notes, - "a place that is familiar and at the same time enclosed and protected; [...] This is the world of human personality, a world that stands up to the elements and to anything which belittles and denigrates the life of the individual" (Lotman 1990, p. 97). Gothic writer Ann Radcliffe starts and finishes her novels, especially the most famous ones, *The Mysteries of Udolpho*, *The Italian*, and *The Romance of the Forest* with the description of the heroine's home. The very first words of *The Mysteries of Udolpho* are the following:

On the pleasant banks of the Garonne, in the province of Gascony, stood, in the year 1584, the chateau of Monsieur St. Aubert. From its windows were seen the pastoral landscapes of Guienne and Gascony, stretching along the river, gay with luxuriant woods and vines, and plantations of olives. (Radcliffe 1980, p.1)¹.

As it is seen from the passage quoted right above, Ann Radcliffe establishes the house as the focus of her description. Critics notice that instead of seeing the house within the landscape, Radcliffe makes the reader see the landscape from within the house: "From its windows were seen..." In this way the writer seems to indicate the importance of the house making the landscape to be seen as an attribute or an extension to the house, existing in relation to the house and probably subordinate to it. Moreover, the buildings are related to the moral qualities of the people who own or occupy them. The close relationship between buildings and people and the notion that a house reflects the moral and aesthetic judgement of its owner is even more obvious in the description of the homes of Monsieur Quesnel, St. Aubert's degraded brother-in-law, and Madame Cheron (later Madame Montoni). The interior of Mr. Quesnel's house displays a bad taste and thus reveals flaws in its owners character: "The heavy walls were hung with frivolous ornaments, and every thing that appeared denoted the false taste and corrupt sentiments of the present owner" (MU, p.23). Emily's aunt Madame Cheron is also vulgar and insensitive, and "the ostentatious style exhibited in her ...house and furniture" (MU, p.118) at the same time reflects "the arrogance and ostentatious vanity of Madame Cheron's conversation" (MU, p.118).

Thus, unpretentious lifestyle and home as "a shelter for moral and spiritual values" or, in Gaston Bachelard's terms, home as "space for cheer and intimacy" (Bachelard 1964, p. 48) are the main characteristics of the Gothic heroine.

The "anti-home" or the labyrinthine and claustrophobic space has been the defining convention of Gothic fiction since Horace Walpole's *The Castle of Otranto*. As it has already been mentioned, this space is usually represented by a castle, a monastery, a convent, or a prison (often in ruins). This architectural space is integral to the psychological machinations of Gothic fiction, and is used to invoke feelings of fear, awe, entrapment and helplessness in characters and readers alike.

Though no actual description of the castle's outward appearance is given in *The Castle of Otranto*, the readers' imagination is soon aware of a concentration on the limited sphere of what

¹ Subsequently, Ann Radcliffe's novel *The Mysteries of Udolpho* will be referred to as MU.

seems to be a medieval castle. The reader is taken into the castle-yard and the chapel, where a marriage is taking place, and into various rooms, one of which contains the collection of ancestral portraits indispensable to such edifice. The underground portion is full of bewildering vaulted passages, one of which leads through the church of St. Nicolas. An awesome silence reigns in these subterranean vaults, a silence broken only by the creak of rusty hinges as a breath of air somewhere sets an old door moving. In their gloomy shade the maiden, flying from the lord of the castle, can at first hardly make out the faintly gleaming object in some hiding-place, and then only with difficulty does she perceive it to be the key to the complicated lock of a secret trap-door. The hall is fitted with galleries where the young heroine can, unseen, regard her lover and where she can fall into the inevitable swoon when the tyrant sentences him to death or lifelong confinement in the deepest dungeon of the darkest tower. With some few such strokes Walpole conjures up his castle before the reader, avoiding much detail, but continually stimulating the imagination:

The lower part of the castle was hollowed into several intricate cloisters; and it was not easy for one under so much anxiety to find the door that opened into the cavern. An awful silence reigned throughout these subterraneous regions, except now and then some blasts of wind that shook the doors she [Isabella] has passed, and which grating on the rusty hinges were re-echoed through that long labyrinth of darkness (Walpole 1964, p. 25, p. 27).

Clara Reeve made an invention which was to become an essential ingredient of all tales of horror – not only an old castle could function as a setting for a Gothic novel but also any other ruined building could serve this purpose. In *The Old English Baron* she makes a deliberate use of an empty suite of rooms which are supposed to be haunted. In the castle of the deceased Lord Lovel, now occupied by an usurper, Baron Fitz-Oven, there is a suite of rooms, which for some secret reason has long been closed. The reader is finally informed that it was in these rooms that the castle's rightful owner, Sir Walter Lovel, was murdered, his body hidden, and it was the fear of his ghost which gave the rooms the reputation of being haunted. An old suit of armour is still preserved there, the breastplate of which is stained with blood; the murdered man's bones are under the floor. The furniture is decayed and falling to pieces; the fabrics moth-eaten:

He [Edmund] took a survey of his chamber; the furniture, by long neglect, was decayed and dropping to pieces; the bed was devoured by the moths, and occupied by the rats, who had built their nests there with impunity for many generations. [...] He recollected the other door, and resolved to see where it led to; the key was rusted into the lock, and resisted the attempts; he set the lamp on the ground, and exerting all strength, opened the door, and at the same instant the wind of it blew out the lamp, and left him in utter darkness (Reeve 1851, p. 32).

In Radcliffe's novels the Gothic castle is in the first place an anti-home, a nightmare version of the heroine's perfect past, in which many of the elements of her home are exaggerated and replayed in a gothic form (Kilgour 1996, p. 116). The Gothic space, which provides a scene for the most dramatic events in the novel, is totally different from the other spaces – indicating heroine's home. The gigantic size of the castle is opposed to smallness of heroine's home, its labyrinthine confusion stands in opposition to the elegant and tasteful arrangement of her home, dark and dim castles replace cheerful and full of sunshine homes, the feeling of constant danger and lack of security in the castles is contrasted with the feeling of safety in heroine's home, etc. The heroine's parents are replaced by gothic substitutes or gothic opposites. The castle hides some family secret the revelation of which usually helps the heroine to disclose her own identity. At the same time, the Gothic castle is the place of confinement in a literal and figurative sense. In Mathew G. Lewis's *The Monk*, the closed space of the catacombs of the Convent of St. Clare reveals both physical and moral claustrophobia, and symbolizes the powerlessness of its victims:

His heart beating with hope not unmingled with anxiety, he [Ambrosio] crossed the garden, unlocked the door which admitted him into the cemetery, and in a few minutes he stood before the vaults. [...] He opened the door cautiously, as if fearing to be over-heard; he entered; and closed it again after him. Guided by his lamp, he threaded the long passages, in whose windings Matilda had instructed him, and reached the private vault which contained his sleeping mistress (Lewis 1952, p. 363).

As Peter Brooks notes, “the erotic implications of the sepulchre and its labyrinth are patent, for it is here, down below the daylight world, that Lewis can indulge the richest, and most sadistic, urgings of his decidedly perverse imagination” (Brooks).

Other significant oppositions important for Lotman’s poetics are the following: “up(ward)–down(ward)”, “right–left”, “closed–open”, “internal–external”, “known (of one’s own kind)–unknown (strange)”, “inclusive (including “me”)–exclusive (excluding “me”)”, “warmth–coldness”, “order–chaos”, “close–far away”, “good–evil”, “light–darkness,” etc. (Lotman 1992, pp. 390-399).

The boundary or frontier is also very important. It separates the above mentioned oppositions defining the place of an object/subject on one or the other side of the boundary. (Lotman 1971, p. 278). In his article “The Origin of Plot in the Light of Typology”, Lotman states: “Looked at typologically, the initial situation is that a certain plot-space is divided by a single boundary into an internal and an external sphere, and a single character has the opportunity to cross that boundary” (Lotman 1973). Depending on which side of the boundary the object/subject is, different moral and/or ethical connotations are applied to it.

It is interesting to note that this “plot-space” is observed and felt from the perspective of a certain “centre of orientation”: the hero’s or the heroine’s (Handke 1978, p. 46). In Ann Radcliffe’s novels this centre of orientation is the heroine², who moves from one closed space to another, and whose movement constitutes the plots of the novels. Ann Radcliffe’s heroine, unprotected and helpless (an archetypal Gothic heroine) is thrust from her closed world of the past into the Gothic nightmare by some outside forces: the threat of a forced marriage, the will of irresponsible and vain relatives after the death of heroine’s parents, etc. The linear movement from one closed space to another (from home to the nightmare world of the Gothic castle and back through the picturesque landscape), serves as a transitional link. At the same time, the description of landscape has another purpose: the heroine’s reactions to the picturesque environment mirror her state of mind, and nature personifies her emotions. In addition to this, as Elizabeth Mac Andrew notices, the heroine’s “travels are symbolic journeys between different worlds that represent different states of mind she must confront and understand, whether they are in herself or in others”(Mac Andrew 1977, p. 132). Moreover, Gothic heroines act, in Alison Milbank’s words, as “moral focus and catalyst” (Milbank 1992, p. 82): other characters are judged by their behaviour towards them.

As it has been mentioned above, the heroine moves from one closed space to another; i.e. from her home to the Gothic castle where she becomes confined by the Gothic villain. In the end, the heroine escapes the Gothic castle unharmed and, all misunderstandings clarified, marries her hero. The heroine’s circular journey brings her back home, to the pastoral retreat from the evils of the world where her suitor now substitutes for her father.

The cyclicity is emphasized by the fact that the heroine returns to her home place a year later. One year is in fact a short period of time; it is the narrative that makes it seem interminably long. The narrative thus both creates a sense of time and delays it. By so doing it creates the illusion that change occurs organically, as part of the natural seasonal rhythm of change, which following Lévi-Strauss, may be called “cyclical-temporal motion” (Lévi-Strauss 1968, pp. 102-106).

In conclusion, literary space in Gothic fiction may be interpreted as a system on which different world models, including ethical, may be built. It becomes possible to give a moral identity to characters depending on the type of the literary space they belong to (the good characters belong to the heroine’s and hero’s world, the bad ones – to the Gothic world). Such literary space, then, turns into a spatial-ethical metaphor.

Literature

BACHELARD, G., 1964. *The Poetics of Space*. Trans. Maria Jolas. Boston: Beacon Press.

² According to Lotman, a hero or a heroine is the element in a piece of a literary work which is capable of moving from one closed space to another, capable of crossing boundaries of different kind (Lotman 1992, p. 391).

- BROOKS, P., 1973. *Virtue and Terror: The Monk*.
<http://graduate.engl.virginia.edu/enec981/Group/chris.architecture.html>. Accessed 29 April, 2010.
- HANDKE, R., 1978. Unaocznianie przestrzeni w epice a jej percepcja w dramacie. In *Przestrzen i literatura*, Wroclaw, pp. 45-53.
- KILGOUR, M., 1996. *The Rise of the Gothic Novel*, London. Also see Clearly, E.J. The Genesis of "Gothic" Fiction in *The Cambridge Companion to Gothic Fiction*. 2004. Ed. Jerrold E. Hogle, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 21-39; Miles, Robert. Ann Radcliffe and Matthew Lewis in *A Companion to the Gothic*. 2005. Ed. David Punter. Malden (Mass.): Blackwell, pp. 41-57.
- LÉVI-STRAUSS, C., 1968. *Mythologiques*, 3. Paris: Plon.
- LEWIS, M. G., 1952. *The Monk*. New York: Grove Press.
- LOTMAN, Y., 1971. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Brown University Press.
 The Origin of Plot in the Light of Typology, 1973. In *Stat'i po tipologii kul'tury*, 2, Tartu, pp. 9-41.
 Translated by Julian Graffy, School of Slavonic and East European Studies, London: London University Press.
<http://www.zbi.ee/~kalevi/LotmanPlot.htm>. Accessed 9 November, 2008.
- The Universe of the Mind, 1990. *A Semiotic Theory of Culture*. Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis.
- Izbrannyje stat'ji v trekh tomakh*, 1992. T.1., Tallinn: Aleksandra.
- MACANDREW, E., 1977. *The Gothic Tradition in Fiction*. New York: Columbia University Press.
- MILBANK, A., 1992. *Daughters of the House: Modes of the Gothic in Victorian Fiction*. Macmillan.
- RADCLIFFE, A., 1980. *The Mysteries of Udolpho*. Ed. Bonamy Dobree. Oxford University Press.
- REEVE, C., 1851. *The Old English Baron*. Philadelphia: J. & J.L. Gihon.
<http://www.archive.org/stream/oldenglishbaron06reevgoog#page/n7/mode/lup>. Accessed 23 April, 2010.
- WALPOLE, H., 1964. *The Castle of Otranto*. Oxford University Press.

Audronė Raškauskienė

Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: Gotikinė literatūra, aštuonioliktojo amžiaus anglų literatūra, moterų literatūra, akademinis rašymas, kūrybinis rašymas, Geštalo psichoterapija mokymo (-osi) aplinkose, Jungtinė literatūros analizė, tarpkultūrinė komunikacija, vertimas, ekokritika

SEMIOTINĖ ERDVĖS INTERPRETACIJA GOTIKINĖJE LITERATŪROJE

Santrauka

Straipsnyje analizuojama erdvės semiotika aštuonioliktojo amžiaus britų gotikiniėje literatūroje, remiantis žymus rusų semiotiko, kultūrologo, mitologo, literatūros istoriko, poetikos ir estetikos tyrinėtojo, vieno iš Maskvos-Tartu semiotinės mokyklos kūrėjų, Jurijaus Lotmano darbais *Struktura khudozhestvennogo teksta* (1971), *The Universe of the Mind* (1990), *Izbrannyje stat'ji v trekh tomakh*, vol.1 (1992), bei "The Origin of Plot in the Light of Typology" (1973). Erdvės semiotika analizuojama šiuose gotikinės literatūros kūriniuose: Horace Walpole *The Castle of Otranto* (1764), Clara Reeve *The Old English Baron* (1778), Ann Radcliffe *The Mysteries of Udolpho* (1794), bei Mathew G. Lewis romane *The Monk* (1796). Lotmanas kalba apie literatūros kūrinio erdvę, kurią galima padalinti į uždara bei atvira erdves. Kūrinyje svarbią vietą užima riba tarp atviros bei uždaros erdvės bei kūrinio veikejų gebėjimas patekti į uždara erdvę bei pasitraukti iš jos. Uždara erdvė kūrinyje gali būti interpretuojama kaip ola, kapas, namas, moteris, tamsa, drėgmė ar šiluma. Gotikinėje literatūroje yra ypač svarbi dvejojama uždara erdvė, t.y. binarinė opozicija "namai - anti-namai". Taikant Lotmano semiotinę erdvės interpretaciją, veikėjo patekimas į uždara erdvę gali būti interpretuojamas keliais lygmenimis: kaip mirtis, kaip patekimas į tamsos bei blogio terpę ar kaip grįžimas namo. Priklausomai nuo to, kuriai erdvei priklauso veikėjas, jam galima taikyti moralines-etines kategorijas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: gotikinė literatūra, erdvės semiotika, uždara bei atvira erdvė, binarinė opozicija "namai - anti-namai", riba.

Ольга Седельникова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия
пр-т Ленина 30, 634050 Томск, Россия

Эл. почта: sedelnikovaov@tpu.ru

Научные интересы: история русской литературы середины XIX в., мировоззрение и творчество Ф. М. Достоевского и А. Н. Майкова; проблемы диалога культур.

АЛЬПИЙСКИЕ ОЧЕРКИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ А. Н. МАЙКОВА 1842-43 ГГ.

Статья посвящена изучению содержания и жанровой организации альпийских очерков в путевом дневнике А. Н. Майкова 1842-43 гг., отразившего становление важнейших аспектов мировоззрения и эстетических взглядов поэта. Представленный в этих фрагментах синтез разных подходов к отражению впечатлений от столкновения с живой реальностью эксплицирует развивающийся в творческом сознании Майкова-художника процесс моделирования нового способа воспроизведения жизни в искусстве, обогащения условно-поэтического слова потенциалом объективного прозаического очеркового описания и аналитическими формами нехудожественной словесности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дневник, автор, мировоззрение, эстетика, жанр, стиль.

Путевой дневник А. Н. Майкова 1842-43 гг. (Майков 1842) принадлежит эпохе становления поэта, творческого и общемировоззренческого самоопределения. В 1842 г. он окончил университет и удачно дебютировал в литературе со сборником «Стихотворения Аполлона Майкова». Получив от правительства и Государя премию и длительный отпуск для поездки за границу, в августе 1842 г. Майков в сопровождении отца отправляется в долгожданное путешествие по Европе и возвращается на родину лишь в марте 1844 г., посетив проездом Данию, Швейцарию, Германию, Чехию и останавливаясь надолго во Франции и Италии (Златковский 1898, с. 25-26; Баевский 1994, с. 454). Путевой дневник представляет собой небольшой документ в 42 листа in folio и включает в себя записи первых месяцев пути. В нем отражены впечатления начала путешествия: отдав должное переживаниям от разлуки с близкими, Майков описывает впечатления от посещения Копенгагена, тяжелого морского плавания, затем – от знакомства с Францией и Парижем и пути из Парижа в Италию через Швейцарию, Савойю и Альпы, наконец, первые месяцы пребывания в Италии (до марта 1843 г.). Информативность документа усиливается особым внешним фактором, обусловившим его появление – ситуацией путешествия по европейским странам, обусловившей обилие и разнообразие внешних впечатлений, вызывающих размышления на самые разные темы: национально-исторические, социально-политические, этнографические, нравственные, этические, рефлексивно-поэтические, эстетические. Они задают доминанты проблемной и жанрово-стилевой структуры путевого дневника. Записи отличаются предельной тематической неоднородностью и жанровой пестротой, отражающей пластичность перемещения в рамках разных жанров и стилей, свободный переход от художественного мышления к нехудожественному и наоборот, диалог с культурой прошлого и настоящего.

А. Н. Майков не отличается вниманием к датировкам и четкому хронометражу записей и смыслопорождающих эмоциональных и рациональных интенций. Это определяет своеобразие жанровой формы документа и его очевидные отличия как от литературной фикциональной дневниковой традиции, начатой Л. Стерном, А. Радищевым и Н. Карамзиным, так и от подлинных путевых дневников современников Майкова – М. Погодина, И. Гагарина, Стендаля. Классический дневник является «последовательностью регулярных записей, отражающих события дня в конкретном месте и в конкретные часы» (Егоров 2002, с. 6). Дневник Майкова нарушает эту формальную особенность: его записи нерегулярны, часто не датированы и не имеют четкого соотношения между отдельной

записью и определенным днем, тем более в подавляющем большинстве своем не отражают внешних событий дня, как записи классического путевого дневника. Молодому путешественнику, открывающему для себя Европу во всем многообразии ее географических, социально-политических, культурных особенностей, не интересно просто фиксировать порядок следования, но важно как можно больше увидеть и подметить в проезжаемых местах, а когда появится время (во время переезда, непогоды, остановки и т. п.) – записать то, что отложилось в душе, обратило на себя внимание, заставило переживать и размышлять (Седельникова. 2010, с. 21-22).

Посещение Швейцарии и Альпийских гор не было специальной целью поездки: по ним прошел маршрут переезда А.Н. и Н.А. Майковых из Франции в Италию, занявший не более двух недель, судя по датировкам писем, отправленных родным из Парижа и Генуи. Путешественники нигде не останавливались более чем на два дня. Вследствие этого автор дневника записывает беглые впечатления, гораздо более краткие и скупые, чем соответствующие заметки Н. Карамзина, В. Жуковского, А. Тургенева, находившихся в Швейцарии в течение долгого времени.

Как и большинство записей, отражающих впечатления Майкова от проделанного пути или пребывания в каком-либо городе, это в большинстве своем заметки ретроспективного характера, сделанные во время более-менее продолжительной остановки и отражающие события нескольких дней. Сопоставление содержания этих записей с проделанным маршрутом, известным из писем А.Н. Майкова родным и друзьям, позволяет говорить о том, что предметом изображения становятся далеко не все, даже, казалось бы, весьма значимые эпизоды путешествия, такие как остановка в Милане и Генуе. Поэтому показателен уже сам отбор материала, достойного стать предметом изображения и размышления автора, сохраниться для последующего осмысления и для обсуждения с друзьями.

Как всякий образованный русский путешественник той поры, Майков отправился в поездку по Европе хорошо подготовленным. Его представления о Швейцарии были сформированы под влиянием разных тенденций: от сентиментально-романтического литературного мирообраза альпийской страны, созданного в произведениях европейских и русских литераторов, до трезво-прагматического осмысления экономических и социально-политических реалий швейцарской жизни, связанного с интересами В. Н. Майкова и В. А. Милютин (Седельникова 2006, с. 44-46). В связи с этим обращает на себя внимание еще одно качество швейцарских фрагментов дневника Майкова: малое, по сравнению с другими частями, использование смыслового потенциала интертекстуальности, разные формы которой были важным способом кодирования объемной информации в парижской части изучаемого документа (Седельникова 2008). От молодого поэта, живо откликающегося на всякий привлекающий его факт цепью культурных ассоциаций, можно было бы ожидать ассоциативно-поэтического восприятия окрестностей Женевы, овеянных столькими литературными преданиями. Но в дневнике Майкова практически не возникает аллюзивных отсылок к швейцарским темам и мотивам европейской художественной литературы XVIII-XIX вв. Исключение здесь составляет письмо Майкова родным из Генуи от 12 / 24 октября 1842 г., описывающее переезд из Франции в Швейцарию. Тематически оно естественно примыкает к тексту дневника и в некоторых описательных фрагментах воспроизводит отдельные дневниковые записи. В него включено отсутствующее в дневнике описание берегов Женевского озера: «О Женеве и ее озере более кричат, нежели они стоят; не верьте писателям, они вечно налгут; Женева городок маленький, замечательного в ней ничего нет, кроме часов и дородства жителей; берега озера более освящены именами Вольтера и Руссо, чем привлекательны множеством загородных домиков, какие вы видите и на Крестовском. <...> В Женевском озере красив только восточный уголок, близ замка Шильона, тут его воды обставлены крутыми черными скалами, что дает ему вид более величественный, нежели дачи на противоположном берегу. Переплыв озеро, из Вильнева, мы отправились по самой очаровательной долине, воспетой Руссо в письмах и новой Элоизе, – здесь уже

Швейцария: кругом горы и снега» (Майков 1842-1857, л. 25). Майков вступает в спор с, как ему кажется, преувеличенными похвалами Женеве и ее окрестностям, распространенными в художественной литературе. Недоверие к «писателям» во многом обуславливает отсутствие столь заметного в парижской части дневника аллюзивного плана и рождает потребность автора коротко выразить свои личные впечатления от Швейцарии, освободившись от подавляющего воздействия литературно-публицистической традиции.

Молодого путешественника интересуют все проявления жизни в проезжаемых местностях. Он дает беглые характеристики, свидетельствующие о его пристальном внимании к гео-климатическим, социально-политическим, экономическим, этнографическим, лингво-культурным, нравственным особенностям жизни в швейцарских кантонах, подмечая изменения в языке, лицах, народной одежде: «Наречие здешних жителей значительно уклоняется от Парижского и даже Лионского; понять трудно, если не вслушаешься хорошенько; есть слова чуждые, может быть, савойские. N не произносят в нос, ближе к Итальянскому. Лица тоже имеют другой тип: похожи на Савоярдов, черные глаза и брови, нос кверху, рот широкий, волосы длинные. В костюме тоже перемена: в Лионе уже женщины носят круглые соломенные шляпы, как Итальянки, и торговки сидят на улицах под огромными зонтиками, как в шалаше. Здесь, ближе к Савое, перемена в шляпах та, что тульи выше. Везде деревянные башмаки, выточенные очень грациозно у хорошеньких молоденьких женщин. – Впрочем, хорошеньких мало, а много приятных лиц по выражению *épieglerie*, особенно глаз. <...> В Женеве видно, что вы уже в другой земле, посреди иной нации. В трактире за *table d'hôte*, сидели все солидно-веселые отцы семейств с детьми; разговор о политике. Валера (Майков О. С.) в этом отношении называет Женеву, эту маленькую республику, самую беспристрастную зрительницу всей политики европейской, могущею судить о ней не увлекаясь родством и свойством и не боясь жандармов. Впрочем, несмотря на этот холодный характер, говорят, нравы здесь не совсем строгие, и веселый разврат победил и крепкую натуру Швейцарцев, несмотря на то, что почти все виденные мною люди цветут здоровьем, румяными ланитами и нежным цветом тела, в котором преобладает развитие жирных частиц» (Майков 1842, л. 18-18 об.). Майков не склонен рисовать патриархальные идиллические швейцарские картины, следуя литературной традиции XVIII в., укоренившейся благодаря произведениям Галлера, Руссо, Геснера и растиражированной многочисленными русским подражателями (Данилевский 1984, с. 57-72). На смену им приходит критический взгляд на жизнь швейцарских пастухов, позволяющий воссоздать в этих коротких емких очерках объективный образ современной Швейцарии, в том числе падение нравов, подмеченное уже в дневниках В. А. Жуковского.

Истинное своеобразие Швейцарии в сознании Майкова связано с ее уникальными альпийскими ландшафтами. Любопытно, что путевой дневник Майкова в целом не богат пейзажными зарисовками. Восприимчивую к красоте природы художественную душу молодого поэта могли впечатлить и скалистые берега Северного моря, и прославленный Карамзиным остров Борнгольм, однако они не становятся предметом изображения, как и пышная красота итальянской природы, несмотря на богатую литературную традицию и давнюю мечту Майкова о поездке в Италию. Именно Италия была основной целью его поездки. Культ Италии существовал в кружке Майковых (Седельникова. 2006, с. 106-109). В ряде произведений, написанных в период пребывания в этой стране, поэт отдал дань восторга прелестям ее природы. При этом в своем путевом дневнике Майков не уделяет описанию итальянской природы ни строчки, даже после долгого путешествия по горам, спустившись «в долины Ломбардии, где еще цветут розы, виноград, и тысячи цветов и плодов! Переход очаровательный» (Майков 1840-1857, л. 25 об.). На этом фоне альпийские очерки становятся исключением. Это обусловлено глубоким впечатлением, произведенным видом гор, на что неоднократно указывает сам автор дневника, и их главенствующую ролью в восприятии этой страны в сознании Майкова.

Вид на Альпы открывается Майковым с парохода, плывущего вверх по Роне из Лиона в Сессель: «Альпы! Альпы! сколько раз я воображал вас! И действительность

превосходит все лучезарные мечтательные сны» (Майков 1842, л. 16). Образ горной Роны, «самой дикой, какой мне только случалось видеть, реки, бегущей с неимоверною быстротою, шумом и пеною между гор, из-за которых виднелись снежные Савойские Альпы и Монблан» (Майков 1842, л. 25), порождает в дневнике Майкова поэтический фрагмент: «Быстрые воды ее (светло-зеленые, наполняющие цветом своим волны Немецкого моря), несутся с удивительною силою в стране почти дикой, то разливаясь по широкому каменистому лону, где мелеет, отчего путь парохода весьма труден, то, стесненные голыми скалами, руют в глубину и льются, шумя и сверкая. Берега! Что за берега! Я видел берега Сены, Соны, но дикая горная Рона превосходит их всех. Нимфа Сены, нимфа образованная, которая убрана цветами и <бантами>, увита виноградом; она владеет древними замками и порою дикими скалами, но только как предметами роскоши, возвышающимися подле городков, цветущих промышленностью; она с удовольствием плавает по своей реке, как барышня в шляпке, и любит свои легкими железными мостами и арками. Нимфа Соны – бедна, похожа на Неву скудостью природы в украшении берегов. Но дикая наядя Роны, не знает иных одежд, как ее береговой тростник, и черные косы, широкие и вольные, как рассыпающиеся ее волны. Она посреди своих скал напоминает вакханок Родопа, растерзавших Орфея: там она хохочет в утесной пещере, там несется и срывает камни, катит их и обматывает в широкие волны; побежденная искусством человека, смело бродящего в волны пароходом, она вдруг оденется в страшный туман, стараясь испугать его воображение, принимая разные фантастические формы, и заслоняя даль, наводя на мели и подземные камни. Иная она и быть не может. Кто ее породил? Подоблачные горы, ручьи, текущие с их вершины; там под сводами сталактитных и ледяных пещер возросла малютканаяда, лелеемая не звуками Россини и Мейербера, а дикою волынкою, падением лавины, перекликиванием орлов; не нимфы <нрзб.> или Эллады, гуляли с ней и нянчили на руках, а фантастические гномы, то грозные как Альпы, то равные троллю» (Майков 1842, л. 16-16 об.). Описывая бурную горную реку, Майков преобразует объективную реальность в поэтическую персонификацию, используя освоенные им ранее традиции мифопоэтического переосмысления природных образов. По сделанному в конце отрывка признанию автора дневника, горы своими «фантастическими формами» побуждают поэтическую фантазию и привлекают гораздо больше, чем памятники Парижа, в котором «мы скучали как никогда; а в пустыне мы забываем даже обед, приходивший мне на память и в Лувре и в Пантеоне; шум и роскошь на нас навевали тоску и скуку, а вид дикости природы веселую меланхолию, наклонную к мечтам» (Майков 1842, л. 17). Вследствие этого первое живое впечатление от вида гор получает в дневнике поэтическую интерпретацию в духе традиций античной поэзии: «Передо мною, наконец, Альпы. <...> Мне кажется, что можно из них составить в поэму, потому что отдельные горки, каждая принимает форму, выражение какой-то борьбы идей или страсти, словом, любая из этих гор может найти подобие в разных страстях человека, в его духовной природе. Дать жизнь этим скалам; прелить их, хоть все в <нрзб.> гигантов, и вдруг окаменить. Но какой же момент выбрать? Увы: Греки уже предупредили нас, и в своих горах они видели гигантов, дерзнувших взбираться на небо, вырывать у него ключ от тайн мироздания, власть над стихиями, над миром – взгромоздившись под небеса, они <нрзб.> поражены силою, с которой хотели ратовать, и превращены в камень: они оторвались от земли, – чужие долу и звездам. <...> Какую бездну поэзии находишь в этих горах! Вот одна: это спит рыцарь, или лежит под оковами вечного сна; смотрите – вот его шлем, под которым спрятана голова под опущенным забралом; его перья – плакучие ивы; забрало слой гранита; далее высокая грудь, поднятые колена, все будто бы в вороненых латах, по которым вьется игривая насечка из терновника. В головах мягкая, зеленая подушка» (Майков 1842, л. 16 об.-17).

Описание путешествия по Роне и открывшихся издали горных вершин представляет собой одну из немногочисленных записей, фиксирующих непосредственное живое впечатление, полученное «здесь и сейчас», во время стоянки парохода. Этим обусловлены жанрово-стилевые особенности фрагмента, вскрывающие имманентные особенности

творческого мышления Майкова, органически связанного с переосмыслением традиций античного поэтического миромоделирования и аналогического принципа познания мира. С другой стороны, форму такой поэтической интерпретации порождает сама природа, своим величием заставляющая обратиться к размышлению о законах мироздания.

Отдав должное первым восторгам, Майков больше не возвращается к такому типу отражения дорожных впечатлений. В следующем фрагменте он создает более конкретную словесную пейзажную зарисовку, воспроизводящую открывшуюся перед глазами путешественников масштабную панораму, вмещающую целостный гармонично организованный природный мир, включая далекие, теряющиеся в облаках снежные выси, Рону и подробную проработку ближних объектов: дороги, по которой движутся путешественники, тополей, отбрасывающих в лунном свете таинственные тени. Особое внимание в этом фрагменте уделено описанию цветовой организации пространства, озаренного вечерним светом, тонким прихотливым переходам и переливам оттенков, приобретаемых горами в лучах заходящего солнца: «Путешествие наше от Лиона до сих пор самое приятное, в каком только мне случалось бывать. После полутора суток плавания мы пересели на шарабан близь деревушки Culm на Роне, и потянулись по дороге, пролегающей по подошвам горного хребта. В середине Рона, за нею Савоя и Савойские Альпы, из-за вершущек коих поглядывают снежные вершины заоблачных гор. Долго любовался я переливами цветов дальних и ближних гор при заходе солнца. Первые постепенно меняли все цвета радуги, и наконец совершенно побелели, а вторые из зеленых окрасились темною мумией, а потом синева-серым цветом, наброшенным на них ясным месяцем. Дорога идет по подошвам каменистых гор, отчего покрылась естественным шоссе из мелких камней, перемолотых колесами в белую пыль. При месячном свете она вьется перед нами как снежная полоса, как разостланный белый холст, то уходя в пропасть, то возвышаясь на пригорке. Кое-где высокие тополи как часовые, черные, пирамидальные, отбрасывающие длинную тень» (Майков 1842, л. 17 об.). Перед нами органичная цельная картина, полная движения, внутренней жизни, текущей по своим незыблемым законам. Майков смотрит на открывшийся вид глазами художника-пейзажиста, передающего настроение благодаря отражению тончайших цветовых переходов. Особая роль принадлежит в этом фрагменте взирающему на мир художнику, пытающемуся прочувствовать настроение развернувшегося перед его глазами природного ландшафта, уловить то, чем дышит этот мир, и воспроизвести всю картину, окрасив ее своим эмоциональным сопереживанием. Здесь закладываются те основы понимания пейзажной живописи, которые получают развернутое выражение в статьях А.Н. Майкова о выставках в императорской академии художеств 1847-53 гг.

Подобным образом организован большой фрагмент, посвященный описанию перехода через Альпы. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что он сделан после окончания путешествия по горной стране во время остановки в Милане, о чем свидетельствует помета, сделанная на полях в начале фрагмента. Взгляд в недавнее прошлое определяет иной принцип отбора предметов для описания, обусловленный желанием сохранить в памяти наиболее яркие образы, впечатления и размышления путешественника, связанные с преодолением высокогорного перевала Большого Сен-Бернарда и спуском через Симплонский проход, а также очевидную опору на путеводители, позволяющие ввести достоверную информацию об увиденном. Перед нами достаточно законченная запись, в основе которой положено повествование о проделанном пути, в которое органично вплетаются лаконичные эскизные пейзажные зарисовки, рассказ о посещении монастыря Святого Бернарда, короткие, но характерологически емкие описания остановки в Сионе и Бриге и дорога через Симплон. Содержательный синкретизм предопределяет стилистическую гибкость текста, постоянное соседство и взаимопроникновение различных жанровых начал: «Вообще все время от St. Maurice до Милана – есть ряд очарований, посреди коих не было ни минуты, отуманенной грустью или воспоминанием о наших. По мере того как мы продвигались вперед, начинал редеть подольный туман, стало проясняться небо, а вместе с ним горы, ограничивающие справа и слева долину, какой

идет дорога. Слева – высокий зубчатый хребет, называється Dent du Midi, высота 8.450 футов, с этой же стороны огромный водопад Pisse-Vache, лиющийся с высоты 400 футов, самый живописный, какой я видел. Мы подходили под самую его струю, и я с жадностью вдыхал мелкую пыль, на которой играли бесконечные радуги; падение с высоты плавное, тихое, торжественное; но внизу – суший ад: вода рвет гранит, перетаскивает камни и в бесчисленных ручьях бежит к Роне. Ландшафт очаровательный, состоящий из гор, поверх или посредине коих пролезает облако, водопада, ручьев, осколков гранита, и мельницы, устроенной на одном из протоков воды водопадной» (Майков 1842, л. 20 об.-21). Предметом изображения в этом отрывке и далее становятся альпийские виды, открывающиеся путешественникам в процессе продвижения вперед. Широта разворачивающейся перед глазами картины и желание автора дневника передать ее грандиозность обуславливает панорамный характер зарисовки с постепенным смещением точки зрения от одного предмета к другому. Творческий взгляд Майкова-художника движется от целого к прорисовке отдельных образов. Заметно, что изображение носит эскизный характер, фиксируя самое важное и оставляя за текстом детали до возможной будущей проработки. Такой подход связан как с общей установкой на краткость заметок, так и с особенностями творческой памяти живописца, для которой важно запечатлеть важнейшие особенности, чтобы потом, в мастерской, по давнему эскизу можно было воссоздать весь образ. Об этих секретах мастерства Майков позднее напишет в статье, посвященной выставке картин Айвазовского (Майков 1847, с. 169).

Альпийская природа становится для Майкова источником творческого вдохновения и философских размышлений. Живые изменчивые горные пейзажи противопоставляются в его сознании пустой суете жизни Парижа. Холодные вечные горные выси подают автору дневника импульс к философской рефлексии: «В 6 часов утра, собравшись с духом, и укрепившись рюмкою коньяку, отправились далее. Что шаг, то природа все диче и диче. Вот уже черта, за коей прекращается производительность почвы: голый камень, бедный прах, необыкновенное яркое небо, восходящее солнце, медленно померкающий месяц - не так ли, предавшись умозрениям метафизики и возлетая мыслью за грань обиходного круга человеческого мышления, философ видит бедный прах и величие неба? Результат один в обоих путях синтеза, движение ли на одном посредством нас, и в другом восхождение мысли. Да, за пределами дали делаешься другим человеком; легче на душе, в которой вселяется благоговейное веселье» (Майков 1842, л. 22). Картины швейцарской природы рождают в душе Майкова сложный комплекс чувств, переживаний, размышлений, вследствие чего их воспроизведение в дневнике приобретает особый смысл, порождает устойчивую аналогию между природным образом и человеческим переживанием. Опираясь на опыт поэтической рефлексии Гете и Геснера, переосмысленный русской романтической поэзией начала XIX в., Майков подспудно формирует свое представление о пейзаже как жанре живописи и важной составляющей литературного произведения.

Дневник Майкова не является законченным, оформленным документом, предназначенным для чужого взгляда, для читательской интерпретации. Он ведется в первые месяцы пути, а затем прерывается, так как заканчивается тетрадь. Это личный документ, открывающий творческую лабораторию молодого поэта, дающий важный материал для изучения его мировоззрения и творческого развития. Описывая горные пейзажи, Майков в целом далек от ориентации на традиции русской и европейской поэзии конца XVIII- начала XIX в. и их отражение в путевых заметках, в том числе Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского. Его целью является вовсе не созидание романтического облика альпийских гор, а по возможности точное, не перегруженное эмоциями описание их как важной составляющей этого культурного пространства. Вследствие этого пейзажные зарисовки естественно перетекают в очерки нравов и этнографические описания, обусловленные его пристальным вниманием к жизни людей, к языку, костюму, обычаям. Альпийские очерки представляет одну из смысловых доминант путевого дневника и показательны для характеристики мировоззрения и эстетических взглядов Майкова,

понимания внутренних особенностей его творческого метода в контексте базовых тенденций развития русской литературы середины XIX в. В них органически соединяется документальная конкретность описаний, мифопоэтическая персонификация, психологизм и эстетическое осмысление увиденных картин. Представленный в дневнике синтез разных подходов к отражению впечатлений от столкновения с живой реальностью эксплицирует развивающийся в творческом сознании Майкова-художника процесс моделирования нового способа воспроизведения жизни в искусстве, обогащения условно-поэтического слова потенциалом нехудожественной словесности. Майков, очевидно, стремится соединить точность воспроизведения картин природы с тем переживанием, которое порождают они в душе зрителя. От этого некоторые фрагменты дневника становятся своего рода словесными эскизами картины. Через несколько лет, в статьях о выставках в Императорской Академии художеств, Майков уделит значительное внимание осмыслению швейцарских горных пейзажей, созданных представителями женевской школы пейзажной живописи, заложив основы новых подходов к трактовке этого жанра живописи в русской художественной критике и предвосхитив развитие психологического пейзажа в русской прозе 1850-80-ых гг.

Литература

- МАЙКОВ, А. Н., 1842. Путевой дневник 1842 г. РО ИРЛИ. 17305.
ЗЛАТКОВСКИЙ, М. Л., 1898. *А. Н. Майков. 1821–1897 г.*: Биографический очерк. Издание 2-ое, значит. дополненное. Санкт-Петербург.
БАЕВСКИЙ, В. С., 1994. Майков Аполлон Николаевич. *Русские писатели 1800-1917*: Биографический словарь, т. 3, Москва: Большая российская энциклопедия, с. 453–458.
ЕГОРОВ, О. Г., 2002. *Дневники русских писателей XIX в.* Исследование. Москва: Флинта: Наука.
СЕДЕЛЬНИКОВА, О. В., 2010. Своеобразие проблематики и жанровой структуры путевого дневника А. Н. Майкова 1842-43 гг. Вестник ТГУ, № 333, с. 21-27.
СЕДЕЛЬНИКОВА, О. В., 2006. *Ф. М. Достоевский и кружок Майковых*. Томск: Изд-во ТПУ.
СЕДЕЛЬНИКОВА, О. В., 2008. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А. Н. Майкова 1842-43 гг.). *Language, individual and society. International scientific publications. Bulgaria: Info Invest.*, ISSN: 1313-2547. Vol. 2. Part 2. P. 113-124. (www.science-journals.eu).
МАЙКОВ, А. Н., 1840. Письма родителям. 1840-1857 гг. РО ИРЛИ. 16994.
ДАНИЛЕВСКИЙ, Р. Ю., 1984. Россия и Швейцария: *Литературные связи XVIII-XIX вв.* Ленинград.
МАЙКОВ, А. Н., 1847. Выставка картин Айвазовского в 1847 году. *Отечественные записки*. Т. LI. № 4. Отд. II, с. 166-176.

Olga Sedelnikova

Tomsk Polytechnic University, Russia

Research interests: the history of the mid-19th century Russian Literature, world outlook and works of F. Dostoevsky and A. Maikov, the problems of the dialogue of cultures.

ALPINE SKETCHES IN THE APOLLON MAIKOV'S TRAVELLER'S DIARY OF 1842-1843

Summary

The article investigates the content and the genre pattern of alpine sketches in the Apollon Maikov's *Traveller's Diary of 1842-1843*, which became a reflection of the formation of key aspects of the poet's world outlook and aesthetic views. These fragments represent a synthesis of various approaches to reflecting the impressions produced by encounters with the live reality. Thus, the sketches reveal the process, which was developing in Maikov's creative thinking, of modeling a new way of reproducing life in art, enriching the conventional-poetic discourse with the potential of the objective prosaic sketch description and analytical forms of non-fiction literature.

KEY WORDS: diary, author, world outlook, aesthetics, genre, style.

Daiva Šeškauskaitė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel. 869945718

El. paštas: daiva@sargeliai.org

Moksliniai interesai: etnologija, etnobotanika, mitologija, antropologija

MEILĖ LIETUVIŲ TAUTOSAKOJE IR MITOLOGIJOJE

Meilė – tai santūrus jausmas, reiškiantis prielankumą, vienas kito žmogaus supratimą. Meilės samprata svarbi senovės ir šiuolaikinio žmogaus pasaulėjautoje ir pasaulėžiūroje. Meilė vieniems yra jausmas, geras būdas, veiksmas ar veikimas, kitiems – lytinis potraukis. Yra kelios būdingos meilės apraiškos. Meilė gali būti motiniška, vaikiška, jaunuoliška, lytiška. Meilė gali būti tėvynei, gimtinei, namams. Meilė išreiškiama tam tikrais apeiginiais veiksmais, simboliais, ženklais. Dainose išskaičiuojamos trys pagrindinės žmogaus savybės, vertinant savo mylimąją ar mylimąjį: grožis, meilumas, malonumas, patogumas. Tautosakoje meilė išreiškiama būdingais metaforiniais, alegoriniais simboliais. Žodis meilė įvardinamas, tačiau jos skamba labiau kaip palyginimas, nei konkretus žodis meilė. Tautosakoje pasižymi meilės suvokimo motyvai: meilė kaip mylėjimas – tai mylėti kaip... nepaprastą žmogų, kaip gyvybiškai reikalingą nepaprastą daiktą. Išryškinamos gerosios žmogaus savybės kaip gerumas, meilumas, nuolankumas, kurios kursto meilę jausmą. Meilę įžiebtį padeda grožis, gudrumas ir iškalba – meilės išdava. Meilė – tai suprantama kaip vestuvės, kai ištekama, vedama. Meilė, jei tikra, dalykas rimtas. Dėl meilės numirti galima. Meilės stiprumas atveda iki pasiaukojimo už kito meilę. Pasakose išjuokiama neištikimybė. Čia meilė tarp žmonos ir vyro ne su savo sutuoktiniu. Pasakos pabaigoje meilužiai išjuokiami, lyg pabrėžiant, kad tai nors ir meilė, bet negarbinga, nedora. Meilė kaip incestas taip pat būdinga tautosakoje.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: meilė, gražumas, meilumas, patogumas, simboliai, ženklai

Įvadas

Meilė – tai santūrus jausmas, reiškiantis prielankumą, vienas kito žmogaus supratimą bei pagarbą. Meilės samprata svarbi senovės ir šiuolaikinio žmogaus pasaulėjautoje ir pasaulėžiūroje.

Skaitant tautosakos tekstus meilės sąvoka ne dažnai pasitaikanti. Tai paskatino išsamiau nagrinėti meilės temą. pastebėtinas

Problema. Meilę apibūdinantys posakiai lietuvių kalboje, tautosakoje ir mitologijoje nėra išsamiai nagrinėti. Tai nauja tema. Atskleidus požiūrį į meilę bus aiški meilę pristatanti koncepcija. Meilės apibrėžimo suformulavimas leis palyginti senovės ir dabar gyvenančio žmogaus meilės jausmą.

Straipsnio objektas. Meilės sąvoka, vartojimas ir supratimas lietuvių kalbos, tautosakos ir mitologijos kontekstuose. Straipsniu siekiama perteikti kuo išsamesnį vaizdą apie meilę, meilės sampratą, meilės apibūdinimą lietuvių kalboje, tautosakoje ir mitologijoje.

Išanalizavus darbo problemą užsibrėžiamas tikslas – pateikti meilės supratimą tautosakoje, mitologijoje ir kalboje. Siekiant iškelto tikslo, tyrimui keliami šie uždaviniai:

1. apibūdinti meilės sąvoką lietuvių kalboje, tautosakoje ir mitologijoje.
2. išaiškinti supratimo sąsajos apie meilę atvejus kaip žmogaus patirties ir elgesio modelius, kurie yra susiję su meile lietuvių kalboje, tautosakoje, mitologijoje ir nagrinėti jais susijusias problemas.
3. pateikti panašumus bei esminius skirtumus tarp sąvokos meilė ir jos prasmės lietuvių kalboje, tautosakoje ir mitologijoje.
4. palyginti ir įvertinti meilės supratimą seniau ir dabar.

Pasirinkta metodika – mokslinės literatūros ir darbo rezultatų analizė, duomenų rinkimas ir jų analizavimas, sisteminė ir lyginimo analizė padės lyginti terminus ir sąvokas, formuluoti išvadas, dėsningumus, daiktų ir esamų reiškinių socialinę vertę.

Straipsnio nauda mokslui, visuomenei pasijaus pristačius išvadas. Ištyrinėjus atskirus meilę apibrėžiančius atvejus bus nustatyta ir pateikta pažiūrų į meilės reiškinių sistema.

Viso pasaulio kultūrose išaukštinama moters ir vyro meilė, jų santykiai. Tai neišsemiamą rašytojų, poetų temą, tai apdainuota senovės dainose, perteikiama mitologijoje ir religijoje. Veik nėra literatūrinio kūrinio, kur nebūtų kalbama apie meilę. Meilė vieniems yra jausmas, geras būdas, veiksmas ar veikimas, kitiems – lytinis potraukis. Yra kelios būdingos meilės apraiškos: a) emocinė – motiniška ar vyriška meilė vaikui kaip vaiko tėvams, b) meilės jausmą lydintys ar pavaduojantys veiksmai, c) tikėjimo meilė arba meilė dievui, dievams, d) meilė, meilei artimi jausmai gamtai, jos gyventojams, e) meilė tėvynei, namams, gimtinei, f) potraukis, g) lytinė meilė. Meilė gali būti motiniška, vaikiška, jaunuoliška.

Mus domina meilės tema tautosakoje. Tautosakoje, meilės bei jaunimo dainose būdinga piršlybų, vestuvinių tematika, kurios apstu įvairiuose žanruose: kalendorinėse, šeimos, darbo, karo dainose, pasakose, oracijose, priežodžiuose, patarlėse, mįslėse ir kt. Meilės supratimas išreiškiamas mergelės ir bernelio santykiais: įsimylėjimu, viliojimu, gundymu, laukimu, ilgėsiu, susitikimais, apkalbomis, nepasitenkinimu, išsiskyrimu. Meilės požymiai pasiskirsto į dvi grupes: 1) kai žodis meilė fiksuojamas tautosakos tekstuose ir, 2) kai kūriniai apie meilę rodo meilės supratimą, paskirtį, neįvardinant žodžiu *meilė*. Apie meilę randama šaltiniuose ir tyrinėjimuose. Tautosakos šaltiniai – tai tautosakos kūriniai, išspausdinti įvairiose knygose, kataloguose. Daugiausia žodį *meilė* aptinkama dainose apie meilę, vadinamose, meilės dainomis bei jaunimo dainose, romansuose (LLDK). Meilės dainos įdėtos į beveik visus dainų rinkinius. Žodžio *meilė* vartojimo atvejai užfiksuoti lietuvių kalbos žodynuose. Narbutas mini meilės ir piršlybų deivę Mildą. Ji buvo garbinama balandžio mėnesį. Narbutas rašo, kad Mildą buvo garbinama Kauno apylinkėse, Aleksote, kur tam tikros rūšies kerėtojas ar kerėtojus, padedančius meilėje, vadino mildauninkais (Mildawnikas). Nemuno ir Neries pakrantėse gyveno linksmiausi Lietuvoje ir maloniausių papročių žmonės; jų dainos beveik visuomet apie meilę, iš jų ne viena apdainuoja deivės Mildos grožį. Esama padavimo, kad Vilniuje, Antakalnyje, Gedimino sode, buvusiam dabartinio šv. Petro vienuolyno vietoje, stovėjusi Mildos šventykla arba koplyčia (Narbutas 1998, p. 134–135). Narbutas nurodo meilės dievaitį, Mildos sūnų – Kaunį, dar vadinamą Kupidonu ar Pizio. Kaunis buvo sparnuotas nykštukas. Kerėtojos pasiūstas, jis užpuldavo jaunuolius, nenorinčius pasiduoti meilės vilionėms. Nykštukas gyveno savo motinos Mildos iščiose (Narbutas 1998: 158–159). Balys Buračas aprašydamas lietuvių kaimo papročius, daug vietos skiria Joninėms. Pateikdamas Joninių šventės eigą, smulkiau pateikia burtus, kuriuose jaunimas pasitikrindavo ar myli jo mylimoji ar mylimasis: vienos buria ir spėja, kada ištekės ir kurion šalin nutekės, o kiti – myli ar ne jo išrinktoji. <...> Vaikinai ir mergiotės, norėdami sužinoti, ar juos kas nors myli, skainioja ramunės žiedo lapelius po vieną ir kalba: „Myli, nemyli, myli, nemyli...“ Jeigu paskutinis žiedo lapelis nuskinamas su žodžiu „myli“, vadinasi, taip ir yra“ (Buračas 1993, p. 292). Balio Buračo pateikiami burtai su gėlėmis rodo žmogaus ir gamtos glaudų ryšį. Buračas mini „meilautines“ žoles, naudojamas mylimam vaikiniui prisivilioti: „Jaunos mergaitės per Jonines renka įvairias meilažoles, kuriomis slapčia vaišina savo mylimuosius“ (Buračas 1993, p. 292).

Meilės tema tautosakoje nebuvo išsamiai tyrinėta, analizuota. Randami pavieniai straipsniai. Balys Sruoga meilės dainas ar dainas apie meilę priskiria prie skyriaus „Jaunosios dieneš“ Apie meilės motyvą dainose jis rašė straipsnyje „Lietuvių liaudies dainų rinktinė“: „dainose pasireiškia jaunimėlio meilė, nuo pat tauriosios, ištikimiausios iki pat „nuodėmingosios“. Lietuvių liaudies dainininkui pati mieliausia, pati gražiausia, pati brangiausia *pasiaukojanti* meilė“ (Sruoga 2003 p. 565). Straipsnyje „Erotinė lietuvių dainų simbolika ir jos kilmė“ B. Sruoga išskiria erotinius motyvus, dainose pasireiškiančius simboliais – žirgelio, vainikėlio, žiedelio, kepurėlės, putino: „jei palyginti Europos tautų dainas, tai jų visų lyrika kaip tikrai ir sukasi vyriškosios ir moteriškosios giminės santykius. Ir netik sukasi, – šios visos tautos net turi bendrų simbolių, vaizduojančių analoginius daiktus ir reiškinius (Sruoga 2003). Juozas Baldžius (Baldauskas) rašyti straipsniai bei studijos šeimos sudarymo formų raidos ir vedybų sociologijos tematika. Savo darbuose – „Pirktinės vestuvės“, „Vogtinės vestuvės“, „Šeimos kilmės problemos“, „Lyčių santykių sociologija“, J. Baldžius, remdamasis tautosakos, mitologijos tekstais, nagrinėja vestuvių

papročius, apeigas. Ryškiausiai meilės temą lietuvių liaudies tekstuose analizuoja straipsniuose „Mūsų dainų erotika“ ir „Tautosaka ir erotika“, kur aprašo apie erotiką, meilę, lytinius santykius, lytinę trauką: „Mūsų tautosakoje, mano žiniomis, yra gana daug erotikos <...>. Alkis ir meilė – tai mūsų kultūros motina, visa kita, ką mes dabar turime, išsiskakojo iš dviejų instinktų – savisaugos (alkis) ir veislės palaikymo (meilės)“ (Baldžius 2005, p. 404; 334).

Piršlyboms, vestuvėms būdingus šeimos vidinius ryšius, jausmų grandis nagrinėja Donatas Sauka. Rašydamas apie jaunimo intymų bendravimą, D. Sauka remiasi etnografinė medžiaga, tautosaka ir kitų tautų kalbine medžiaga. Apibūdinamas dorovinius papročius ir jausmų kultūrą tautosakoje D. Sauka pažymi, kad „santūrumas – elgesio norma. Bet štai po santūrumu atsiskleidžia neįtikėtino lipšnumo kupinas dėmesys „draugalėliui“ ar „draugalėlei“. Kadangi šitoks dainų turinio bruožas iliustruojamas ne pavieniais atsitiktiniais pavyzdžiais, galima teigti, jog meilės santykių subtilumas, pagarbos ir susižavėjimo derinys liudija Lietuvos baudžiaviniame kaime papročių išugdytą vidinę kultūrą“ (Sauka 1982 p. 50). Japonų kalboje, kaip pastebi D. Sauka, nebuvo „net žodžių, kalbinių priemonių išreikšti ne tik vaikino ir merginos, bet ir tėvų bei vaikų meilę, pasakyti „myliu“ pati kalba neleido“ (Sauka 1982, p. 50). Lietuvių kalboje žodis meilė taip pat nėra dažnas.

Norbertas Vėlius knygoje „Chtoniškas lietuvių mitologijos pasaulis“ aprašo velnio meilę, pabrėždamas, kad „velnio santykiai su moterimis ir chtoniškosiomis mitinėmis būtybėmis vaizduojami daugelyje lietuvių tautosakos kūrinų“ (Vėlius 1987, p. 139). Moteris gretinama ar tapatinama su velniu: sakmėje „Moters ir velnio giminingumas“ moteris tiesiog vaizduojama turinti velnio kūną. Vienoje sakmėje sakoma, kad pirmąją moterį sukūrė velnias. N. Vėlius pateikia patarlėse bei priežodžiuose pastebimą velnio ir moters panašumą, merginos kasose supintą velnią: „Boba, merga ir velnias – vieno tėvo vaikai; „Ištekėjo merga ir velnią iš kasų paleidė“ (Vėlius 1987: 139; 153). Sakmėse, pasakose kartais mergina susituokia su velniu (Vėlius 1987, p. 143). N. Vėlius nagrinėja velnio ir laumės meilės santykius, pateikdamas padavimą apie laumės ir velnio meilę: „Kipškalny gyvenantis velnias išsimylėjęs Laumakių kaime (dvare) gyvenusią laumę ir, norėdamas pas ją nueiti, ir Urkuvėnų pelkes supylęs kelią – kalną“. N. Vėlius samprotavimus apie velnią ir laumę apibendrina: „turint galvoje kai kuriuos bendrus velnio ir laumės bruožus, iš kurių galima spręsti ir apie jų prigimties panašumą, įtikinamesni atrodo ir jų tarpusavio meilės santykiai“ (Vėlius 1987, p. 156, 157).

Mes nepretenduojame išnagrinėti visą meilės tematiką užrašytą tautosakos lobyną. Apsistosime ties senesnio klodo apie meilę užfiksuota tautosaka, nuošalyje paliekant atskirą romansų grupę, nes jos yra vėlesnės, neatspindinčios archajiškos lietuvių liaudies pasaulėžiūros plotmės. Negalima sutikti su nuomone, kad „funkcinės priklausomybės meilės dainų grupė neturi, o šios grupės dainos nėra susijusios su apeigomis ar kokia nors apibrėžta situacija, atliekamos įvairiomis progomis“ (Aruodai).

Meilė suprantama kaip meilikavimas, bandymas privilioti. Kalevaloje Kulervas meilingais žodžiais vilioja Pohlojos laukuose sutiktą mergaitę, savo seserį, duodamas jai obuolius: *Eikš mergyt, į mano važį, Gulkis po gūnia, mieloji, Valgyt mano obuolėlių, Mano riešutų kramsnoti!* (Kalevala, p. 253).

Senuosiuose raštuose (16–19 a.) meilės sąvoka vartojama religinei tematikai nušviesti – išryškėja tobula meilė dievui, tikėjimo meilė. „Wolfenbüttelio postilėje“ žodis meilė suprantamas kaip tikėjimas dievu, meile ir malone ponui Dievui, dangaus tėvui: *meilę a malanę pana Dewa mufu dangaus tewa*. Postilėje sakoma mylėkime poną Dievą, širdis, mylinti (mylistu) poną Dievą: *mileghima pana Diewa, kurio βirdis milifstu pana Diewa* (Wolfenbüttelio postilė 1573). Senujų raštų kalboje kaip ir Vaišnoras „Žemčiūga Teologiška“ meilė pasireiškia kaip meilė Dievui, šventa, karšta meilė Dievui: *fiweta Diewa meile; Tobula meile schallin ifchmeta baime; kaip tatai meile ir dc□auxma Diewieie*. Bretkūnas giesmyne „Giesmės Duchanos“ Dievą apibūdina dangaus tvėrėją, valdantį nuodėmes, velnią, mirtį, gyvybę: *Grieks / Welns / fmertis / βiwats meile /wis est io waldime* (Bretkūnas, Vaišnoras 1600–1816 m.). Konstantino Sirvydo parengtame pirmajame lietuvių kalbos „Trijų kalbų žodyne“ „Dictionarium trium linguarum“ randama žodžiai meilė, meilelė, meilumas,

meilus, meilingas: meyle, meylele, meylumas, meylus, meylingas (Sirvydas 1620). Tad, galima teigti, kad žodis meilė buvo nuo seno vartojamas lietuvių liaudies kalboje bei tautosakoje.

Meilė lietuvių kalboje – tai įvairių atspalvių raiška mielam jausmui apibūdinti. Meilė kaip prisirišimo, atsidavimo jausmas kam nors: *Dėkui tėveliui, dėkui motinėlei – be meilės neguliau, be meilės nekėliau*. Meilė turtams ir gerovei: *Meilė turtų ir meilė gėrių* (LKŽ).

Meilužė gali reikšti ir gerumą, ir darbštumą kaip meilės išraišką: *Kur vargo mergelė, tur didžią meilužę* (LKŽ).

Žodis *mylėti* dažnai sutinkamas priežodžiuose ir patarlėse: *Gera žmogų ir kregždė myli* (Krėvė Mickevičius 1930: 114). Meilė patarlėje perteikiama kaip liga: *Yra vaistų nuo ligos, nėra vaistų nuo meilės* (Aruodai).

Įsimylėjėlių meilė, kuri nieko nemato, nieko nepastebi, tik žadina jausmus: *Meilė akla, blogo nemato*. *Geresnis yra viralas lapinės su meile, nekaip penėtas jautis su pavydėjimu* (LKŽ).

Meilė – tai stiprus jausmas, traukiantis asmenis vienas prie kito: *Vedė iš meilės. Senujų tėvelių yra pasakyta: meilė mergelių su medum maišyta* (LKŽ).

Meilė prasideda, bet ir baigiasi, jei ji nekurstoma. Įsimylėjėlių meilė baigiasi, kai prasideda realus gyvenimas: *Meilė kaip seilė – veikia pragaišta. Dar metų neišbuvo, jau meilė pražuvo. Dieną barnelė, naktį meilelė* (LKŽ). Priežodžiuose ir patarlėse sutinkamas žodis *meilė*, reiškiantis ir greitai nutrūkstancią meilę: *Vaikio žodis ir meilė kaip vėjas: kitaip papūtė ir nebėra* (Aruodai). Taigi, kalboje žodis *meilė* vartojama dažnai.

Meilė suprantama kaip vaišės, valgiai ir gėrimai svečiams: *Ko gi bereikia, visokios meilės stalas nukrautas! Jie, visokių meilių prisitaisę, sutiko mus. Sudie, brolienėle, aciū už meilę. Meilė buvo neišpasakyta – stalai lūžo visokiais valgymais* (LKŽ).

Meilė lietuvių tautosakoje

Meilė burtuose. Norint prisivilioti mylimą bernelį ar mergelę, daugelis griebėsi burtų. Jei kurios merginos vaikinai nemylėjo, tai patardavo: „Užduok meilažolių ir mylės“. Meilę sužadinti mėgino įvairiausių būrimus, taip vadinamus „meilės vaistus“ pasitelkiant žoles, daiktus ir garsiai ištartą žodį: Norėdamos prisivilioti mylimą vaikina, stengėsi supenėti (suvalgydinti) duonos pagranduką; parėjusios iš pirties ir radusios ant kūno prilipusį vantos lapą išverda arbatą ir ją sugirdo vaikiniui ar sudžiovinus įdėdą į kišenę; naktį nunešus šikšnosparnį į skruzdėlyną ryte pasiimti grėbliuką ir kastuvėlį. Tai su jais reikia užkabinti tą, kurį myli. Vaikinas tikrai įsimylės, jei mergina nešios po pažastim sudegintų plaukų plaukus ir duos gerti arbatą arba valgyti. Į bernelio rūbus įsiuva pinigą Vaikinai pabarsto taką, kuriuo eina mylima mergina, tabaku (Buračas 1993, p. 302).

Žodis *meilė* tautosakoje nėra dažnas. Meilės posakiai sutinkami meilės ir jaunimo dainose. Sąvoka *meilė* įsivyravo prieš karą, kai Lietuvoje paplito romansai. Su jais žodis *meilė*, nors jis lietuvių kalboje turėta. Meilė kaip sąvoka lietuvių tautosakoje pateikiama kitais žodžiais ar žodžių junginiais. Meilė ir meilę apibūdinančių žodžių randama visuose tautosakos žanruose: pasakose, dainose, priežodžiuose, mįslėse, anekdotuose, oracijose ir kt. Aprašant vestuvių papročius, kai prieš išvykstant pas jaunąją, jaunojo namuose ruošama vakaronė, dainuojamas dainas V. Krėvė – Mickevičius apibūdina „apie bernelio ir mergelės meilę“, patikslindamas, kad dainuojama apie norą susituokti: *Susirenka <...> sodžiaus mergos ir, padėdamos svokoms „kaišyti“ namus, dainuoja tam tikras dainas apie bernelio ir mergelės meilę, apie norą susituokti“* (Krėvė – Mickevičius 1930, p. 44). Tačiau dainose žodžio *meilė* – nėra, tik bernelio ir mergelės dialogas. Dainose kalbama apie mergelės ir bernelio susitikimą, jų pokalbį: atjojęs bernelis pas mergelę prašo jos rankos – *Ar eisi už manęs, ar būsi mano?* Mergelė atsakanti, kad vėliau, rudenį. Kitose dainose atjojęs bernelis mergelę randa rūtų darželyje gailiai verkiančią (Krėvė – Mickevičius 1930, p. 44). Piršlybose jaunosios tėvai giria dukterį, o piršlys – jaunąjį, sakydamas: „Bernelis, dar mergelės nematęs, jau ją pamilo jaunasis bernužėlis, nuliūdo, kaip žalias ažuolėlis“ (Krėvė – Mickevičius 1930, p. 22).

Jaunimo dainose sutinkama žodis *meilė, myli*, kai kalbama apie tėvelius, kurie myli savo dukrą ar sūnų: *myli tėveliai, berneliai vilioja* (LLDK JM, p. 30). Kartais pati mergelė kalba apie meilę: *Gera dukrelei pas motinėle: lengvi darbeliai, meilūs žodeliai, kalbina jauni berneliai. Jeigu myli bernelis, teveda, jei nemyli, tenevilioja jaunų dienelių. Suvytins rūtelę tėvutis bars, močia*

neužtars. Kur ji jauna pasidės?(LLDK JM, p. 30). Tačiau tokiu atviru tekstu dainų apie meilę nedaug. Dainoje „Sakė mane šiokią“ mergina pati nori rinktis sau mylimą vaikiną – ji neturi savo kaime mylimo bernelio, todėl anksti nesikelia, vėlai negula (LLDK JM, p. 30).

Meilės dainose pats žodis *meilė* minimas, bet ne dažnai, meilės sąvoka apibūdinama klausimu – *ar eisi už manęs?*, kas reiškia vestuves. Kartais sakoma *pasidaboja, vilioja, lanko jauną mergelę* – tai suprantama kaip `mylėjau jauną mergelę`, bernelį tik *vilioja* arba *mergelė* priekaištuoja, kad *nelanko bernelis* (LLDK JM, p. 30–60). Atskirą grupę dainų sudaro ciklas „Vienas kitą myli (giria)“, „Vilioja“. Tai dainos apie bernelį ir mergelę, kai mergelė ar bernelis vadinama *mano mergelė, mano bernelis*, kurie viens kitą myli. Kartais dainose pasigirsta priekaištai kodėl bernelis mergelės nelanko. Šis atsako, kad nors ir *kitą mylėjo, ją širdyje turėjo* (LLDK JM, p. 146–212). Taip pat meilės ir jaunimo dainose kartojasi žodžiai *meili, meilus, mieliausia, mieliausias: Jo mergužėlė už visas gražesnė, prie savęs sodina, kvietkeliu vadina, meiliai prakalbina* (LLDK JM, p. 151). Dainose sakoma, kad auksą, sidabrą galima nupirkti, o meilingų žodelių negali užmiršti, juos širdelėje turės (LLDK JM, p.152). Trys pagrindinės žmogaus savybės išskaičiuojamos vertinant savo mylimąją ar mylimąjį: grožis, meilumas, malonumas, patogumas: Tepasako mergytė, bernytis, kas jam ar jai mielas, miela, malonus, maloni, gražus, graži, patogus, patogi. Bernelis, mergelė (LLDK JM, p. 154). Meilės išraiška – tai gražumas mergelių: *Augino močiutė dvi dukterėles. Abidvi gražios ant veidužėlio, patogios ant liemenėlio* (LLDK JM, p. 28). Vėlesnėse dainose kaip „Saulutė raudona, vakaras netoli“ minima mylimas bernelis: *Eisiu ant kalno aukščiausio, gal pamatysiu savo mylimiausią. Jei pamatysiu, prie savęs vadinsiu, meiliai kalbinsiu, širdelę raminsiu* (LLDK JM, p. 163). Apeiginiai veiksmai žymi bernelio meilę mergelei, bet ne žodžiu *meilė*. Vyrauja motyvas – kloti berneliui lovą, žymintis aukščiausią meilę: *klosiu minkštą patalėlį iš darželio žalių rūtelių, padės diemedelį po šonu, rūtelę po galva, rankelę prie širdelės, galvelę prie šalėlės* (LLDK JM, p. 163). Dainose sutinkama lytinė meilė perteikiama liaudyje priimtinais simboliais, kurie reiškia nekaltybės, jaunų dienelių praradimą: *bernelis rūtų vainiką nuėmė, žirgas rūtas sumindžiojo, tvorą išvartė* (LLDK JM, p. 332–411). Obuolys tautosakoje reikšmingas kaip viliojimo, meilės, sveikatos, vaisingumo simbolis. Dainoje „Oi, tu Jurgi bajorėli“ *mergelė obuoliais prisivilioja bernelį, o šis į mergaitės viliones atsako gaudydamas obuolius. Simbolinis obuolių mėtymasis perteikia įsiliepsnojusią meilę: – Oi, tu Jurgi bajorėli, kam tu neši pavorėlį? – Aš nešu pavorėlį ganytie skatelius, skyrinti bernelius. Aš obuolėlį nešiau, Berneliuo svaidiau. Aš obuotėlį svaidyti. Anas obuotėlį gaudyti* (GP, p. 388, nr. 6).

Pasakose vyrauja posakiai – myliu kaip labai brangų daiktą ar žmogų. Meilė – tai *mylėti kaip...* nepaprastą žmogų, kaip gyvybiškai reikalingą nepaprastą daiktą. Tautosakoje meilė išreiškiama būdingais metaforiniais, alegoriniais simboliais. Žodis *meilė* įvardinamas, tačiau jos skamba labiau kaip palyginimas, nei konkretus žodis *meilė*. Frazė *mylėti kaip* tam tikrą daiktą, tam tikrą žmogų reiškia `begalinę meilę`. Tokių pasakojamosios tautosakos kūrinių užrašyta daug. Parabolėje „Myli kaip druską“ pasakojama: vyresnės dukterys sako tėvą mylinčios kaip auksą ir sidabrą, o jauniausia sako mylinti kaip druską. Ji išvaroma iš namų. Kai prapuola druska, tėvas supranta, kad druska brangiausia kaip dukros meilė tėvui (AT 923). Posakis: *mylėti kaip druską* reiškia `mylėti karštai`, nes be druskos valgyti maistą neskanu ir kai druska brangi, taip gali būti brangi ir meilė.

Parabolės „Myli kaip druską“ kitame variante išryškėja frazė *mylėti kaip...*: žmona pasako, jog mylinti vyrą kaip savą žmogų svetimoje šalyje. Vyras supyksta. Patekęs į svetimą šalį, jis labai pasiilgsta saviškių ir supranta žmonos pasakymą. Pradžioje pasakojama kaip gyveno vyras su pačia: *Buvo vyras su pačia gaspadoriai. Jiedu labai gražiai gyveno ir viens kitą mylėjo. Ale vieną sykį toj jo pati klausė savo vyro: - „Kad mudu teip gražiai gyvenam, kap tu mane myli?“ - „Aš tave tep myliu, kap savo širdį ir jau geriau mylėtie negaliu“. O vyras klausė: - „O tu mane kap myli?“ - „O aš tave tep myliu kaip pažįstamą žmogų svetimoj šalij“* (BsLPY 3 143; LTt 4 19; AT 923).

Mylintis sūnus, mylinti žmona, mylintis vyras reiškia tikrą meilę. Tautosakoje išryškėja, kad meilė gali būti tik tikra, jei nori ką nors turėti daugiau. Novelinėje pasakoje „Lobis tenka tam, kam skirtas“ tėvas supila pinigų į medžio stuobrį ir užkeikia, kad jie tektų tam, kas tėvus myli arba

kas tėvą lopšyje supa. Sūnus nori pinigų paimti, bet stuobrys su pinigais įkrenta į upę; jį ištraukti tegali tėvą mylintis sūnus. (SIŠLS 316; AT 745 A).

Gerosios žmogaus savybės kaip gerumas, meilumas, nuolankumas kursto meilę jausmą

Pasakose meilė atsiranda ne žybsniu, tai ilgas procesas – norima perteikti moralą tautosakoje. Tautosakoje pažymima, kad meilė atsiranda ne iš karto, ją reikia puoselėti. Ji ateina palaipsniui. Taip novelinėje pasakoje „Santarvė ir meilė“ vyras įsimyli savo žmoną, meilė ateina žmonai padedant. Pasakojama, kad pirklio sūnus turi paną, bet tėvas jį apvedina su kita. Pirklio sūnui vykstant į kelionę žmona prašo parvežti santarvę ir meilę. Pirklio sūnus nuperka maišą suplyšusių rūbų, o kai juos pasimatuoja – nebegali nusivilkti. Pirklio sūnus, apsirengęs elgeta, nueina pas buvusią paną, o ta sėdi su kitu ir kalba, kad jai tereikia pirklio sūnaus pinigų. Pirklio sūnus nueina pas tėvus ir žmoną – tie duoda elgetai pinigų ir prašo pasimelsti, kad tėvams – sūnus, žmonai – vyras – grįžtų namo. Pirklio sūnus pamilsta žmoną – suplyšę drabužiai nukrenta (BKrT 286; KLPK).

Tautosakoje pasakojamas tekstas, kurio išraiška būtų moralas, tačiau jis nepateikiamas. Tai reikia suprasti tarp eilučių. Novelinėje pasakoje „Laimė lemia žmonių likimą“ norima pasakyti, kad meilė yra mylėti ir nereikia būti gražiam, kad mylėtum: Tarnaitė stebisi, kad ponias negraži, o ponas ją myli. Ponia parodo savo ir tarnaitės laimes: tarnaitės laimė suvalgo dviejų jaučių mėsą, o ponios – truputį paragauja skanumynų ir palieka deimantų (AT 947 B*; KLPK).

Stebuklinėje pasakoje „Trys linkėjimai“ norima perteikti pasakymą, kad gražūs žodžiai įteigia ir žmonės pradeda mylėti, nors nežino, kas tai yra meilė. Tačiau gerumas, meilumas ir kitos gražios savybės gali žmogų padaryti gražiu kaip pasakose tai padeda gamtos gyventojai. Pasakoje sakoma, kad motina laisto darželį kvepiančiu vandeniu ir sako karaliui, kad tuo vandeniu nusipraususi jos duktė. Karalius ketina ją vesti. Karalius pamato, kad nuotaka labai negraži ir išmeta ją pro langą. Mergaitę pagauna gulbės ir apdovanoja grožiu. Karalius randa gražią nuotaką ir jos atsiprašo (AT 403 A; KLPK).

Grožis, gudrumas ir iškalba – meilės išdava

Meilę įžiebtį padeda gudrumas, iškalba ir gražumas. Karalaitė įsimyli kareivį, išteka už jo ir tampa karaliumi. Novelinėje pasakoje „Išlaidus sūnus“ pasakojama: tėvas turėjo gražų sūnų. Jį leido į mokslus, vėliau tarnavo kariuomenėje, bet jis mėgo išgerti. Pragėrė visus tėvo siūstus pinigus. Karalius davė kareiviui pinigų, kad jis per metus paimtų paną sau už pačią, kurią kiti niekaip negalėjo prikaltinti. Taip kareivis gudrumu prisiviliojo karalaitę, o ši įsimylėjo jį ir jis tapo karaliumi (BsLPY 1 121; AT 935; KLPK).

Dažnai pasakose vyksta veiksmas, kur nesakoma *myli, įsimylėjo*, o galima numanyti, kad tai iš meilės vienas kitam. Graži mergina, nors našlaitė ar neturtinga tampa karaliaus žmona. Apie meilę nepasakojama, tik pabrėžiama, kad karalius renkasi iš pulko merginų, kuri jam labiausiai patinkanti. Meilės išraiška – vedybos. Stebuklinėje pasakoje „Paukščiu paversta žmona“ karalius išsirenka gražią mergaitę ir ją veda. Pamotė įstumia karalienę į vandenį – atsiranda antis. Pamotės duktė apsirengia karalienės rūbais ir nueina pas karalių. Antį karalius nušauna ir pamato, kad tai jo žmona. Burtininkų patiriamas eina parnešti gyvojo vandens ir pagydo savo žmoną. (GP 4; AT 405).

Meilė – tai ištekėti, vesti. Pasirinkimas – tekėti už negražaus ar netekėti

Tekėti už negražaus – tai patirti meilę, nei likti senmerge. Stebuklinėje pasakoje „Sutartis nesiprausti“ meilė ateina, kai mergina išteka už nesiprausiusio berno. Velnias augina vaiką, liepia jam nesiprausti, nesiskusti; prieš vestuves jį nuprausia, nuskuta, gražiai aprenkia. Jauniausioji sesuo sutinka tekėti už nesiprausiusio ir nesiskutusio jaunuolio. Vyresnės seserys sako, kad geriau pasikartų, negu tekėtų už nesiprausiusio jaunuolio. Pamačiusios švarų, apskustą ir gražų jaunikį, seserys pasikaria (velniui tenka jų sielos) (AT 361; KLPK).

Meilė, jei tikra, dalykas rimtas. Dėl jos ir numirti galima. Dėl meilės numirti galima. Parabolėje „Išgelbėtas konkurentas“ dėl dviejų žmonių meilės draugas pasiukuoja, sutinka mirti, kad jo draugas būtų laimingas su mergina. Du draugai myli vieną merginą. Mergina pažada už

vieno tekėti. Tas vaikinai nuteisiamas sušaudyti. Norėdamas, kad mylima mergina būtų laiminga, draugas pakeičia nuteistą ir sušaudomas (KLPK).

Kartais meilė būna begalinė, kai iš sielvarto ir gailesčio mylintis vyras miršta. Tad, meilė gali būti ir absurdiška. Buitinėje pasakoje „Mylinti našlė“ pasakojama kaip vyras su žmona labai myli vienas kitą. Vyras pamato, kad žmona išipjovė pirštą, ir iš gailesčio miršta (BsLPY 2 162; LTt 4 121; AT 1510).

Žmonių gyvenimas palyginama su paukščių. Pasakoje apie gyvūnus pasakos pabaigoje perspėjama, kad per daug mylint galima susilaukti ir mirties. Pasakoje „Varna augina vanagiuką“ varna išperi vanago vaiką, jį myli labiau už savo vaikus. Šis sulesia varniukus, puola pačią varną (LTt 3 65; SIŠLP 4; AT 230).

Meilužių meilė – taip pat meilė

Pasakose išjuokiama neištikimybė. Čia meilė tarp žmonos ir vyro ne su savo sutuoktiniu. Pasakos pabaigoje meilužiai išjuokiami, lyg pabrėžiant, kad tai nors ir meilė, bet negarbinga, nedora. Pasakoje „Dievas parodo žmonos neištikimybę“ pasitikintis savo žmona vyras vyksta ieškoti jai vaistų. Sutikto senelio paverčiamas ožiu ir parvedamas namo. Ožiu paverstas vyras mato savo žmoną su meilužiu. Vyras virsta žmogumi, vyras užriša mazgą – žmona su meilužiu negali pajudėti (AT 824; KLPK). Novelinėje pasakoje „Tėvo patarimai“ padorumas iškeliamas aukščiau meilės. Nors meilužių meilė, bet ji nedora. Tėvas mirdamas liepia sūnui nesimainyti arkliais ir nepirkti puikaus žirgo. Sūnus išmaino blogą arklį į gerą ir nusiperka puikų žirgą – tas nudvesia. Tėvas liepia dažnai neiti į svečius. Sūnus kasdien eina į svečius – vis blogiau priimamas. Tėvas liepia nevesti turtingos nuotakos. Sūnus paima turtingą nuotaką, bet įsitikina, kad ji nedora. Sūnus apsiengia elgeta ir, nuėjęs į nuotakos namus, mato ją su meilužiu (AT 910 A; KLPK).

Meilė meilužiams aistringesnė, meilininimasis – karštesnis. Novelinė pasakoje „Juokdarys išbaido meilužius“ pasakojama apie meilę tarp nevedusių. Kareivis ėjo namo, nakvojo pirtyje. Atėjo karininkas su pana, ėmė meilintis. Karininkas sakė imsiąs tvirtovę – kareivis sušuko „ura“, ėmė mušti būgną ir nukrito nuo lubų. Meilužiai pabėgo, palikę pirtyje savo daiktus. Kareivis nešiojo rastą karininko laikrodį, tas pamatęs klausė, kur jį gavęs. Kareivis sakė uždirbęs, kai buvo imama tvirtovė (AT 1358; KLPK). Apie meilužius pasakojama pasakose apie sutuoktinius: „Juokdarys parodo meilužį“, „Meilužio slėpimas“, „Tvanas“, „Neištikima žmona“.

Meilė – incestas

Meilės išraiška gali būti ir tarp brolio ir sesers. Tačiau tai gali būti meilė, kuri dažniausiai suprantama tautosakoje kaip vestuvės, kai du žmonės pradeda gyventi kartu. Ir yra kita incesto forma, kai giminystės ryšiais susiję du žmonės mylisi seksualiai – palaiko kūniškąją meilę. Senovėje incestas būdavo suprantamas kaip normalus reiškiny, tik vėliau, draudžiant ir išpėjant, kad tai gali būti pavojus susilaukti sveikų vaikų, buvo pradėta nesudarinti santuokų su giminėmis. Stebuklinėje pasakoje „Sesuo bėga nuo brolio, norinčio ją vesti“ sesuo nesutinka tekėti už brolio ir pabėga. Brolis negali atskirti, kuri iš dviejų merginų jo sesuo. Jis „žudosi“ – prapjauna pūslę su krauju. Nusigandusi sesuo jį pavadina broliu (BsLPY 3 9; BsLPY 4 9; LTt 3 173; AT 313 E*).

Išvados

Lietuvių tautosakoje meilė apibrėžiama kaip santūrus jausmas. Mokoma, kad mylint per daug galima numirti. Tai paprastas prisirišimo, atsidavimo jausmas kam nors, stipraus traukimo prie kitos lyties asmens jausmas, meilininimasis, mylimasis, mylimoji, lytinis aktas, žmona ar vyras, vaisės, valgiai ir gėrimai svečiams. Meilė kaip žodis vartojamas retai. Tai nėra svarbus kulminacinė išraiška būdinga šiuolaikiniuose filmuose. Meilė vieniems yra kaip potraukis, kitiems – lytinis veiksmas.

Meilė tautosakoje perteikiama simboliais, išreikštais žodžiais: tam tikri merginos ar vaikinai naudojami daiktai, jaunystę perteikiantys atributai: žiedas, pentinai, vainikas, kepurė, įvairūs augalai, žirgelis, vaisiai kaip obuolys.

Yra kelios būdingos meilės apraiškos. Meilė gali būti motiniška, vaikiška, jaunuoliška, lytiška. Meilė gali būti tėvynei, gimtinei, namams. Meilė išreiškiama tam tikrais apeiginiais veiksmais, simboliais, ženklais. Dainose išskaičiuojamos keturios pagrindinės žmogaus savybės, vertinant savo mylimąją ar mylimąjį: grožis, meilumas, malonumas, patogumas. Tautosakoje meilė

išreiškiami būdingais metaforiniais, alegoriniais simboliais. Žodis meilė įvardinamas, tačiau jos skamba labiau kaip palyginimas, nei konkretus žodis *meilė*. Tautosakoje pasižymi meilės suvokimo motyvai: meilė kaip mylėjimas – tai *mylėti kaip...* nepaprastą žmogų, kaip gyvybiškai reikalingą nepaprastą daiktą. Išryškinamos gerosios žmogaus savybės kaip gerumas, meilumas, nuolankumas, kurios kursto meilę jausmą. Meilę įžiebtį padeda grožis, gudrumas ir iškalba – meilės išdava. Meilė – tai suprantama kaip vestuvės, kai ištekama, vedama. Meilė, jei tikra, dalykas rimtas. Dėl meilės numirti galima. Meilės stiprumas atveda iki pasiaukojimo už kito meilę. Pasakose išjuokiama neištikimybė. Čia meilė tarp žmonos ir vyro ne su savo sutuoktiniu. Pasakos pabaigoje meilužiai išjuokiami, lyg pabrėžiant, kad tai nors ir meilė, bet negarbinga, nedora. Meilė kaip incestas taip pat būdinga tautosakoje.

Šaltiniai

- BsLPY 3 143; LTt 4 (SIŠLS)
AT – *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography*, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen Translated and Enlarged by Stith Thompson. – FFC, № 184. Helsinki, 1961.
BKRT – *Biržų krašto tautosaka*. Užrašė J. Janonis ir M. Janonienė, parengė K. Aleksynas. Vilnius, 1982.
BsLPY – *Lietuviškos pasakos įvairios*, T. 1. – Surinko J. Basanavičius. Chicago, 1903-1905; – Vilnius, 1993-1996.
GP – *Gervėčių pasakos*. Parengė A. Seselskytė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1997.
Kalevala – *Kalevala*. Vertė Justinas Marcinkevičius. Vilnius, 1986.
- KLPK – *Lietuvių pasakojamosios tautosakos katalogas*. Parengė Bronislava Kerbelytė. <http://www.musicalia.lt/pasakos/> lankytasi 2010 04–12/
KLLPR – *Lietuvių liaudies pasakų repertuaras*. Parengė Bronislava Kerbelytė. <http://www.musicalia.lt/pasakos/repertuaras/> lankytasi 2010 04–12/
KtR – M. Katkus. *Raštai*. Vilnius, 1965.
LLDK JM – *Lietuvių liaudies dainų katalogas*. T. 6: Jaunimo dainos. *Meilės dainos*. E. Mažulienė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1986.
LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. redaktorė), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. – www.lkz.lt.
LTt – *Lietuvių tautosaka*. T. 3. Paruošė L. Sauka ir A. Seselskytė, red. L. Sauka, vyr. red. K. Korsakas. V., 1967; 4, paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis, red. L. Sauka, vyr. red. K. Korsakas, Vilnius, 1967.
SIŠLP – *Šiaurės Lietuvos pasakos*. Surinko M. Slančiauskas, parengė N. Vėlius ir A. Seselskytė, red. K. Aleksynas. Vilnius, 1974.
SIŠLS – *Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai*. Surinko M. Slančiauskas, parengė N. Vėlius ir A. Seselskytė, red. K. Aleksynas. Vilnius, 1975.
TD – *Tautosakos darbai*. T. 3, 4, 7. Kaunas, 1937, 1938, 1940.
TŽI – *Tauta ir žodis*. 1-7. Kaunas, 1923-1931.
VLD – *Laumių dovanos: Lietuvių mitologinės sakmės*. Sudarė N. Vėlius. Vilnius, 1979.

Literatūra

- Aruodai, 2003–2006. Lituanistikos paveldo informacinė sistema. Vilnius. http://www.aruodai.lt/index.php?option=com_wrapper&Itemid=31 /lankytasi 2010 08 21/.
BALDŽIUS, J., 2005. *Rinkiniai raštai: etnologijos ir tautosakos baruose*. Sudarė ir parengė Stasys Skrodenis; red. Vitas Agurkis. Vilnius: LLTI.
BURAČAS, B., 1993. *Lietuvių kaimo papročiai*, Vilnius, Mintis.
KRĖVĖ–MICKEVIČIUS, V., 1930. Mūsų paukščiai tautosakoje. In: *Mūsų tautosaka*. II dalis. Red. V. Krėvė - Mickevičius. Kaunas, p. 94 – 126.
KRĖVĖ – MICKEVIČIUS, V., 1930. Dzūkų vestuvės. In: *Mūsų tautosaka*, II dalis. Red. V. Krėvė – Mickevičius. Kaunas, p. 17–93.
NARBUTAS, T., 1998. *Lietuvių tautos istorija*. T. 1, Vilnius: Vaga.
SAUKA, 1982. *Lietuvių tautosaka*. Vadovėlis respublikos aukštųjų mokyklų filologijos specialybių studentams. Vilnius: Mokslas.
SIRVYDAS, K., 1620.. Trijų kalbų žodynas. „*Dictionarium trium linguarum*“. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=20> /lankytasi 2010 07 25/
SRUOGA, B., 2003. Erotinė lietuvių dainų simbolika ir jos kilmė; Lietuvių liaudies dainų rinktinė. In: *Raštai. Devintas tomas. Tautosakos studijos*. 1921–1947. Vilnius: LLTI.

VAIŠNORAS, S., 1600. *Žemčiūga Teologiška*. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=36>
/lankytasi 2010 07 25/
VĖLIUS, N., 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis*, Vilnius: Vaga.
WOLFENBÜTTELIO POSTILĖ, 1573 – *Senieji raštai*:
<http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=37&page=4> /lankytasi 2010 07 25/

Daiva Šeškauskienė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: ethnology, ethnobotany, mythology, anthropology

LOVE IN LITHUANIAN FOLKLORE AND MYTHOLOGY

Summary

Love is a restrained feeling meaning amiability, mutual understanding. The concept of is important in the emotional attitude and world outlook of both ancient and modern people. For some love is a feeling, a good way of action or operation, for others it is sexual attraction. There are several specific manifestations of love. Love can be maternal, childish, juvenile, sexual. Love may be felt to the motherland, birthplace, home. Love is expressed in certain ritual activities, symbols and signs. Songs enumerate three fundamental characteristics of one's beloved: beauty, sweetness, pleasure, comfort. In folklore love is expressed in specific metaphorical, allegorical symbols. The word 'love' is named, but it sounds more like a comparison rather than a specific word 'love'. There are the following motives of love expressed in folklore: love as loving – to love as ... a remarkable person, as an extraordinary thing of vital importance. Such good human qualities as kindness, tenderness, humility, which fuel love, are also highlighted. Love is aroused by beauty, subtlety and eloquence - the result of love. Love is understood as marriage. Love, if true, is a serious matter. One can die for it. The power of love leads to self-sacrifice for the love of another. Tales ridicule infidelity. At the end of fairy tales lovers are ridiculed to emphasise the fact that even though it is love, it is a disgraceful, evil one. Love as incest is also typical of folklore.

KEY WORDS: love, beauty, sweetness, comfort, symbols, signs.

Андрей Тимофеев

Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина

ул. Огиенка 41-21, 32300 Каменец-Подольский, Хмельницкая обл., Украина

Тел. 8-097-790-34-11

Эл. почта: rapulja82@mail.ru

Научные интересы: символизм в литературе начала XX века, роль изображений в периодической печати

ИМПЕРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ПОЭМЕ А. ПУШКИНА «ПОЛТАВА»

В статье рассматривается недостаточное развитие исторической сюжетной линии, умышленное перекручивание фактов истории Пушкиным с целью запятнать память о великом гетмане Украины Иване Мазепе. Также автор статьи связывает написание поэмы с великими политическими переменами на обоих полушариях земли и таким же великим движением в умственном мире.

Так же автор пробует разобраться, как литература влияла и влияет на формирование именно таких стереотипных представлений относительно образа гетмана Мазепы. Как создавался и создается миф о гетмане-предателе, гетмане-насильнике.

Проводится параллель с современным восприятием особы гетмана, делается попытка переосмыслить, проанализировать роль Пушкина в формировании образа позитивного или негативного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гетман, империализм, Мазепа, Пётр 1, измена.

Настоящей сенсацией в западных газетах 1708-го года стало сообщение о переходе украинского гетмана Ивана Мазепы из-под опеки русского царя Петра 1 в подданство шведского короля Карла XII Густава. Ведь, начиная с 1687, этот обладатель булавы долгое время «верой и правдой» служил Российской короне. Когда Мазепа узнал, что Петр 1 хочет ликвидировать гетманско-казацкий строй в Украине, он решил искать другого протектора.

Имя Ивана Степановича Мазепы, гетмана Левобережной Украины в течение 1687-1709 гг. на долгие годы вошло в анналы не только украинской, но и западной истории. Если для одних оно стало символом свободы и непокорности, то для других до сих пор ассоциируется с коварством, предательством и даже своеобразным донжуанством. Хотя то, что гетман «предал» русского царя, можно охарактеризовать только как мотивированный переход обладателя Украины из-под протекции одного монарха (который не выполнил обязательств перед ним) под протекторат другого, тем не менее борьба за восстановление доброго имени выдающегося деятеля нашей истории продолжается и поныне.

«Его красочная и насыщенная яркими событиями и поворотами жизнь вот уже почти три века вызывает немалый резонанс в украинском и русском обществах. Гетман с живого человека со своими достоинствами и недостатками превратился в настоящий символ или даже набор символов, которые должны олицетворять собой страшный для сторонников имперской идеи «малороссийский сепаратизм» или милый сердцу сторонников украинской национальной идеи «украинский патриотизм». И те, и другие, видимо, останутся на своих позициях и после прочтения нескольких десятков научных монографий и статей на эту тему» (Журавлёв 2008, с. 307).

Задачей в своей статье я ставлю попытку разобраться, как литература влияла и влияет на формирование именно таких стереотипных представлений относительно образа гетмана Мазепы. Как создавался и создается миф о гетмане-предателе, гетмане-насильнике.

Стоит заметить, что образ Ивана Степановича Мазепы начал формироваться в общественном украинском сознании еще при жизни самого гетмана. Произведения Стефана Яворского (из сборников «Луна голосу, що волає в пустелі» и «Виноград Христов»), Дмитрия Туптало (из книги «Руно орошений» - например, «О гербовом месяце, звезде и о руне орошений»), Антония Стаховского (поэтический сборник «Зерцало от писания

божественного» и «Богородице Дево» (1707 год), Иоанна Максимовича насыщенные гиперболизированными похвалами в адрес гетмана, который изображается непобедимым воителем, защитником веры и православной церкви, щедрым покровителем наук и искусства в Украине. В целом портрет Мазепы в современных ему произведениях (до 1708 года) вырисовывается похожим на изображение гетмана на тогдашних больших гравюрах - блестящая композиция, великолепные орнаменты, фигуры, доспехи, шлемы, перья ...

Похожим, но со знаком «минус» является образ Мазепы в произведениях тех же авторов, написанных после перехода на шведскую сторону. Например, «Эпиникон» Феофана Прокоповича, в котором гетман торжественно проклиняется как враг церкви, гонитель веры, предатель царя и отечества, трусливый негодяй, эгоист и т.п.:

«Летить швед, а з ним зрадник скаженоголовий.
Куди з духом бісівським біжиш без упину,
Ганьбо нашого віку, диявольський сину?
Ти на батька, Вітчизну посмів меч підняти,
О східне плем'я! о нелюде клятий!
Забув отчу любов ти! Посмів поганьбити
Тверде правило світу! Добро погубив ти
Дуже скорий до кари, повільний до діла.
О летить же щодуху, щоб кара наспіла!
Але ж і тут мінливий злий зрадник з'явився,
Царю і Марсу зрадив, а коли відкрився
Терен бою страшного, не лише ступити
Зміг у ратний вогонь він, але й подивитись
Не насмілився, сором прийняв замість рани,
Непостійний у вірі, тремтливий у брані» (Журавльов 2008, с. 310).

Ф. Прокопович и другие авторы его типа видят будущее Украинского казачьего государства только в составе единого мощного Российского государства, где младшая сестра Украина во всем послушная и управляемая. Именно такие авторы, их произведения и официальная пропаганда русского правительства заложили основы канонического «Мазепы-предателя» в русской традиции.

На безграничных просторах бывшего Союза изучать творчество Пушкина начинали с первого класса (боюсь, что при теперешней власти всё вернётся на круги своя). Читались, а то и заучивались наизусть его стихотворные сказки (кстати, интересные и созданные на высоком художественном уровне), затем проходились большие художественные произведения («Дубровский», «Капитанская дочка»), трагедия «Борис Годунов» и роман в стихах «Евгений Онегин». В каждом классе только и повторялось: Пушкин, Пушкин... А еще – многочисленные оперы, балеты, кинофильмы, сделанные по его произведениям. Да еще названия улиц в городах (и в украинских в том числе), учреждения его имени. В моём родном городе (Каменец-Подольский), например, имя Пушкина имеет улица, раньше именовался его именем театр. Вольно или невольно создавался своеобразный культ Пушкина.

Если сегодня спросить у школьника или взрослого человека, каких он знает русских писателей, то в ответ в первую очередь услышишь: «Пушкин». Его фамилия, можно сказать, вошла в быт, превратилась из собственной в нарицательную. Пожалуй, каждый слышал, а то и говорил: «А кто за тебя – Пушкин будет делать?!»

Бесспорно, Пушкин – великий поэт русского народа. Он был уже при жизни признан современниками как автор многочисленных шедевров искусства. Это создатель русского литературного языка и зачинатель новой, реалистичной литературы, большой реформатор. Пушкин для русской культуры, языка и литературы то же самое, что, скажем, Т. Шевченко для украинской, а Я. Купала для белорусской.

А. С. Пушкин не только глубоко интересовался историей своего отечества, но и был неутомимым её исследователем.

Особое внимание поэта привлекали народное движение, крестьянские войны XVII-XVIII веков, эпоха царствования Петра I (1682-1725). Его интересовали отечественные и зарубежные источники по истории России, материалы государственных архивов. Он пришёл

к выводу, что вся внутренняя история России – это борьба народа за свою свободу, которой поэт не мог не сочувствовать: «Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...» (Антология русской мысли, <http://russzastava.narod.ru/pushkinchaadaevu.html>).

Большой интерес Пушкин проявлял к личности Петра I и к его эпохе. Отмечая прогрессивность реформ царя, поэт тем не менее видел его деспотизм и жестокость.

Нередко Пушкин обращался к зарубежным исследователям Петровской эпохи, скажем, Вольтеру, Бергману. Однако, в первую очередь, его внимание привлекали все же отечественные источники. Особенно он ценил «Журнал, или поденную книгу Петра Великого», так как он был «достоверным» историческим документом и помог поэту выработать свой взгляд на личность русского государя.

Одним из центральных событий Петровской эпохи была Полтавская битва, состоявшаяся 27 июня 1709 г. Она привлекла к себе пристальное внимание Пушкина и не удивительно, что он создал поэму «Полтава», в которой красочно и гиперболически описал Петра I и его мужество.

За поэму Пушкин принялся не сразу. Ей предшествовали другие произведения о Петре I. В 1827 году поэт работал над романом в прозе «Арап Петра Великого», написал стихотворение «Стансы», где в своей манере выделил наиболее характерные черты царя:

«Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение;
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник» (<http://19-20.ru/vnadezhdeslavyidobra>)

Работая над «Полтавой», поэт ознакомился с различными источниками по истории Украины, а в 1821 году посетил Киево-Печерскую лавру, где похоронены два украинских казацких старшины И.Искра и В.Кочубей. Пушкин списал надпись с их могильной плиты. В поэме можно найти строки, прямо отразившие его впечатление об этом посещении:

«...сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила» (Пушкин 1986, с. 125).

Страдальцами Пушкин называет тех, кто предал своего гетмана и написал лживый донос царю, пытаясь рассорить двух правителей. Пушкин упустил тот момент, что Кочубей часто задумывался над гетманской булавой – роль генеральной судьбы его не устраивала. Поэт причиной доноса называет нежелание отца-Кочубея видеть свою дочь с Мазепой. Пушкин прямо, не имея тому малейшего доказательства, говорит, что гетман совратил свою крестницу:

«...Ты проклянёшь и день, и час, / ...ночь, когда голубку нашу / Ты, старый коршун, заклевал!...» (Пушкин 1986, с. 95), «...он голубит ... / Иль сам погибнет, иль погубит – / Отмстит поруганную дочь» (Пушкин 1986, с. 96).

Хотя сам автор «Полтавы» писал: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры – и не мудрено, и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною» (Мацапура 1999, с. 50).

В начале 1824 года Пушкин отправился в Бендеры, чтобы отыскать следы шведского лагеря и могилу гетмана Ивана Мазепы. Здесь он беседовал с 135-летним Николаем Искрой, который воочию видел Карла XII.

«Полтаву» смело можно назвать произведением политического содержания. Главной темой Пушкин показал судьбу русского государства, способность его народа отстаивать свою самостоятельность в борьбе с сильным противником. Ещё одна тема поэмы –

многонациональность государства. Этим поэт продолжает распространять миф про историческую закономерность объединения разных наций и народностей с русским народом.

Безусловно, Пушкин хорошо понимал колоссальное значение Полтавской битвы для развития русского народа. В предисловии к поэме он писал: «Полтавская битва – есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага, утвердила русское владычество на юге, обеспечила новые завоевания на севере и показала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царём» (Мацапура, 1999, с. 51).

Образ царя в поэме – один из самых мужественных и красочных. Вот поэт рисует Петра I перед боем: «...Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как божия гроза...» (Пушкин 1986, с. 119). Рисуя картину боя, Пушкин не упомянул имя государя, но мысленно его видно в кровавом месиве, в самом центре боя: «Ура! Мы ломим, гнутся шведы. / О славный час! О славный вид!» (Пушкин 1986, с. 122).

Пушкин наделяет своего Петра чертами истинного великодушия, которое, по мнению поэта, должно быть присуще настоящему герою, патриоту отечества. Потому и не забыт Пётр I народом России: «В гражданстве северной державы, / В её воинственной судьбе, / Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, / Огромный памятник себе» (Пушкин 1986, с. 125).

Украинцы восемнадцатого века были для Пушкина кем-то вроде индейцев для американских романтиков от Френо до Купера. В этом смысле история Мазепы, главного героя поэмы, мало отличается от истории какого-нибудь вождя гуронов или ирокезов, в ходе Семилетней войны перешедшего от англичан к французам. «Кавказский пленник», «Цыгане», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава» – «колониальные поэмы».

Отношение Пушкина к украинцам хорошо выявляется при чтении поэмы «Полтава». Мазепа, этот, как писал профессор В. Антонович, очень искренний и горячий патриот Украины, всегда заботившийся о полной независимости своего края, показан в поэме как «изменник русского царя», «злодей», «Иуда». С убежденностью Пушкин пишет, что «забыт Мазепа с давних пор; лишь в торжествующей святыне раз в год анафемой донине, грозя, гремит о нем собор» (Пушкин 1986, с. 125). Но сегодня в Украине никто не считает Мазепу предателем, тут отдают ему должное – в памятниках, в названиях улиц, в изображениях на гривнах и т.д.

В поэме «Полтава» хоть и сказано, что «Украина глухо волновалась, давно в ней искра загоралась» (Пушкин 1986, с. 93), поэт всё время на стороне царя Петра Первого. И не осуждает его даже за такой дикий поступок. Однажды, еще задолго до Полтавской битвы, гетман Украины Мазепа пировал с царем в его ставке и «слово смелое сказал». Суровый царь при многочисленных гостях с угрозой схватил Мазепу за седые усы. Перенесясь в нынешнее время, нетрудно представить, какой был бы всемирный резонанс и соответствующая реакция, если бы, скажем, Медведев на виду у людей схватил за усы какого-либо губернатора или, не дай бог, своего соседа-президента.

Как уже говорилось, главной идеей поэмы должно было стать создание образа идеального правителя, мудрого и прогрессивного просветителя России Петра Великого. По мнению Пушкина, именно тот путь, которым пошла Россия (а в её составе и Украина) за Петра Великого, был исторически «верным».

Поэтому враги царя должны были быть изображены соответственно. В результате перед читателем проходят легкомысленный, хоть и смелый авантюрист Карл, хмурый палач Орлик, а главное – загадочный «гетман-злодей», «изменник русского царя» Мазепа.

Описывая Орлика, поэт который раз перекручивает и додумывает историю. «Где спрятал деньги? Укажи. / Не хочешь? – Деньги где? скажи, / Иль выйдет следствие плохое. / Подумай: место нам назначь. / Молчишь? – Ну, в пытку. Гей, палач!» (Пушкин 1986, с. 108) – в таком образе впервые видим Орлика в поэме. Пушкин изобразил процесс пыток Кочубея перед казнью, хотя известно, что Кочубей с Искрой были подданы пыткам в Петербурге.

Если говорить о исторических выдумках или неточностях, то стоит упомянуть ещё один интересный эпизод. «Когда Россия молодая, ... Мужала с гением Петра» (Пушкин, 1986,

с. 92) – вспоминает поэт первую войну с шведами; «Перетерпев судьбы удары, / Окрепла Русь (выделение моё – А. Т.)» (Пушкин 1986, с. 92) – перед Полтавской битвой. Тут Пушкин придерживается модной теории панславизма и думает о времени, когда ж «славянские ручьи сольются в русском море». (Русские не являются славянами, а только славяноязычные финно-угры и тюрки; русские и их предки не имеют и не имели никакого отношения к Киевской Руси).

Обратим внимание на ключевой образ поэмы – Мазепа. Он нарисован широкими мазками, причём, разумеется, преобладают темне краски. Гетман для Пушкина – «враг России и Петра» (Пушкин 1986, с. 123), лицемер, который соблазнил юную красавицу (если взглянуть на его – Пушкина – немалый донжуанский список, морализаторство на эту тему выглядит неуместным, особенно после письма другу, в котором он пишет про Анну Керн : «Вчера, с Божьей помощью, выеб Аннушку Керн» (Радомил, интернет ресурс).

Отдавая должное политическим способностям гетмана, его знаменитому умению привлекать на свою сторону людей, Пушкин абсолютно не поддерживает желание вредных для России и Украины «опасных перемен», которых хотел Мазепа и его поклонники, последовательно демонизируя своего героя:

«...Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нём хитрей и ложней,
...С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах,
Со старцами, старик болтливый,
Жалует он о прошлых днях...» (Пушкин 1986, с. 94).

И какие ужасные планы вынашивает пушкинский герой? Мазепа говорит своей возлюбленной:

«Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам пришло;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово всё: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,
Быть может, трон воздвигну я...» (Пушкин 1986, с. 103).

То есть конечная цель героя «Полтавы» – то самое независимое Украинское княжество, о котором шла речь в произведениях Булгарина и Рыльева, а также и на настоящих переговорах гетмана Мазепы с Карлом XII и Станиславом Лещинским. Но Пушкин при своём романтическом мировоззрении и нерусских корнях чувствовал себя прежде всего патриотом империи, и подобные планы гетмана для него были просто ужасными. Кроме того, они, по мнению поэта, не «прогрессивные», ведь историческое будущее Украины за русским просвещённым абсолютизмом в духе Петра 1, Екатерины II или хотя бы Николая 1, а не за архаикой «Малороссии печальной».

Фактически Пушкин обвиняет Ивана Мазепу в тройном грехе – измене, моральной неаккуратности и противодействию такому себе «объективному историческому прогрессу». Такой вариант образа Мазепы был глубже чем «поповско-школьная ругань» учебников по истории того времени, но одновременно он был целиком приемлем для абсолютного большинства граждан империи, в отличии от неоднозначных образов, созданных Булгариным и Рылевым.

Жители империи получили колоритный готовый образ, который официальная российская, а особенно советская пропаганда сумела ещё дополнительно примитизировать, делая из непростого пушкинского Мазепы обычного эгоиста, изменника, мерзавца и честолюбца.

Именно подобная трактовка украинского гетмана стала литературной, а «Полтава» стала восприниматься как «наш ответ Чемберлену» – то есть российское супероружие против разных выдумок всяких там украинофилов и сторонников «мазепинства».

Интересно, но именно так пушкинская поэма воспринималась и в советское время, когда официальная пропаганда не видела смысла создавать какой-то новый стереотип Мазепы, активно пользуясь старым, имперским, и вообще стараясь не так часто упоминать имя гетмана, ведь как архетип политического мегапреступника Ивана Степановича с почётным первым места немного оттеснили хронологически ближе советскому человеку Симон Петлюра и Степан Бандера, сформулировав такую себе оригинальную «идейно-фонетическую» триаду «злейших врагов украинского народа».

Показательной есть, например, работа советского исследователя В.Шутого «Историзм «Полтавы» Пушкина», в которой он пытается доказать «бессмертную значимость» исторической концепции Пушкина, высказанной в «Полтаве», с наслаждением цитируя пушкинские фразы из дневника о главном персонаже поэмы: «Однако же какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...»

Рецидивы восприятия «Полтавы» як последнего аргумента в спорах с политическими оппонентами на тему «Мазепы и мазепинства» и сегодня живы в украинском, и ещё больше – в российском сознании. Тут можно вспомнить недавнюю ссору московского мера Лужкова и бывшего российского министра культуры Швыдкого из-за скандальной картины украинского режиссёра Юрия Иллёнка «Молитва за гетьмана Мазэпу». В ходе «дискуссии» известный своими украинофобскими фразами Юрий Лужков презентовал Швыдкому вышеупомянутое произведение Пушкина как самый весомый аргумент – мол, читайте, господин министр, кто такой ваш Мазепа и что он сделал! То есть «Полтава» и сейчас воспринимается некоторыми политиками и частью общества не как качественное литературное произведение, написанное в определённый период и с конкретных позиций, а как мало не универсальная, известная истина, которая не требует доказательств. Такой себе короткий курс истории проклятущего «мазепинства»...

Парадоксально, но для некоторых современных украинских авторов тот самый пушкинский образ Мазепы стал примером «человека свободолюбивого, смелого нрава, патриотических чувств, который погиб ради великой идеи». Получается, что «произведение Пушкина «Полтава» защитило Мазепу от негатива тогдашней историографии», – так пишет современный исследователь М. Ткаченко (Ткаченко 2000, с 286.). Похоже, что попытка удержаться на двух стульях, совместив традиционный для советских литературоведов культ Пушкина с относительно новым «мазепинским» культом, сыграло в данном случае злую шутку с этим автором.

Стереотип, окончательно очерченный Пушкиным, доминировал в русском и иногда в украинском сознании очень долго. И не смотря на то, что Пушкин не жалеет весьма неприятных эпитетов для описания Мазепы («Он стар. Он удручён годами...», «...старый гетман...», «Старик надменный...», «...дерзкий хищник, ... старый коршун...», «Сам царь Иуду утешал», «...старец непреклонный!», «К ногам злодея...», «...старцу мрачному...» (Пушкин 1986, с. 90, 93, 94, 95, 99, 100, 104), однако бесспорным явлением есть длительный интерес к этой личности как на Западе, так и на Востоке Европы на протяжении нескольких столетий.

Литература

Антология русской мысли. Письмо Пушкина к Чаадаеву. - <http://russzastava.narod.ru/pushkinchaadaevu.html>

- ЖУРАВЛІОВ, Д., 2008. *Мазепа: людина, політик, легенда*. Харків: Фоліо, 382 с.
- МАЦАПУРА, В., 1999. Міф про Мазепу та особливості його художнього осмислення в пушкінській «Полтаві». *Зар. літ. в навч. Зкладах*, № 8, с. 44-48.
- МЄСТЕК, Ф., 2002. Інтерпретація образів поеми «Полтава» О. С. Пушкіна у музичних творах. *Всесвітня література та культура в навч. закладах України*. Київ: Ярославів вал, № 11, с. 10-12
- НІКОЛЕНКО, О., 2005. Дж. Байрон і О. Пушкін (новий дискурс). *Магістеріум*. Вип. 21. Літературознавчі студії. Київ: Наукова думка, с. 36-45.
- Подстрочный перевод стихов поэтов 19 – начала 20 веков. - <http://19-20.ru/vnadezhdeslavvyidobra>
- ПУШКИН, А., 1986. *Сочинения*. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. Москва: Худож. лит., 527 с.
- РАДОМИЛ, О., 2002. *Пушкин и хуй сочетаемость слов в Интернете, или Ай, да Пушкин!* - <http://www.proza.ru/2002/06/09-06>
- ТКАЧЕНКО, М., 2000. Погляд на події 1708 р. через призму поеми О. Пушкіна «Полтава». *Могилянські читання*. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська акад.», 286 с.

Andriy Timofyeyev

Kamyanets-Podilskiy Ivan Ohienko National University, Ukraine

Research interests: symbolism in literature at the beginning of the twentieth century, the role images in the press.

IMPERIAL THINKING IN PUSHKIN'S POEM "POLTAVA"

Summary

The article discusses the historical lack of development of the storyline, the deliberate twisting of the facts of history by Pushkin to tarnish the memory of the great Ukrainian Hetman Ivan Mazepa. Also the author of the article associates writing poems with great political changes in both hemispheres of the earth and the same great movement in the mental world.

Moreover, the author is trying to figure out how literature influenced and influences the formation of the stereotypes related to the image of Hetman Mazepa, how the myth of the hetman and the traitor, Hetman-rapist was created and is created.

A parallel with the modern perception of the person Hetman is drawn, as well as an attempt to rethink and to analyze the role of Pushkin in shaping the image of the positive or negative is made.

KEY WORDS: *hetman, imperialism, Mazepa, Peter I, treason*

Loreta Ulvydienė, Giedrė Buivyte

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel. 8 37 422604

E-mail: ulvydiene@vukhf.lt

Research interests: humanities, philology, general and comparative literature

W. FAULKNER'S *AS I LAY DYING* AS A MYTHOS OF WINTER

Archetypal literary criticism is considered to be a theory of text interpretation as it analyses reflections of myths and archetypes in literary works. This branch of criticism is regarded as a wide sphere for cultural and literary investigation as it allows uniting various contexts, époques and civilizations. Though archetypal criticism is sometimes viewed as reductionist theory, ignoring historical context or cultural differences, its relevance is in the power of integrating the human knowledge, which is common for various nations despite the barriers of time, history or traditions.

*In the article William Faulkner's novel *As I Lay Dying* is analysed according to the theory of archetypal criticism by Northrop Frye. Frye's framework includes two categories, comedic and tragic, that are further divided into comedy and romance and tragedy and irony or satire respectively. These four genres are related with the seasons of the year cycle: comedy with spring, romance with summer, tragedy with autumn and satire with winter. Each genre is usually connected with the following or previous genre, certain phases of them coincide; the shift of genres forms the cycle of a year and the eternal cycle. *As I Lay Dying* is interpreted as a mythos of winter, which corresponds to the genres of irony and satire in Frye's framework of four seasons. The characters are presented as inversions of romantic roles, and the movement of the novel is seen as an ironic inversion of the romantic quest.*

KEY WORDS: *archetypal literary criticism, the theory of mythos, demonic epiphany, militant irony, phases of irony, polysemous irony, the mythos of winter.*

Archetypal literary criticism is defined as a critical theory based on interpreting a literary work by analysing myths and archetypes that are reflected or developed in the narrative, system of symbols, images and characters of a text. Archetypal criticism, having gained its popularity in the 1950's and 1960's, is considered to have originated from two academic branches, psychoanalysis and social anthropology. Significant representatives of this critical trend are Carl Gustav Jung, Maud Bodkin, James G. Frazer, and Northrop Frye.

The literary concept of archetype is derived from that of Jung's: he emphasizes the repeating human experiences, common to dissimilar nations and different historical periods. Thus, the universality of archetype "most powerfully appeals to the great primary human affections" (Lane 1954, p. 232), usually unconscious, and in such a way gains its "unique aesthetic power" (ibid., p. 232).

Northrop Frye, a Canadian literary critic, was one of the pioneers who theorized archetypal criticism in the terms of literature, regarding archetypal patterns as universal structures of imagery and narrative. Frye's *Anatomy of Criticism* (1959) was the work to include his archetypal theory, which is marked by distinct differences from those of Jung's and Frazer's (the aspects of subconsciousness and of ritual are not analysed). Northrop Frye's theory presents a unified system for evaluating types of archetypal imagery, mythic structures of narrative and modes of movement in a literary text. The theory embraces the elements of divine, human, and natural world, presented in myths and reflected in literature, as well as four major narratives, including comedy, romance, tragedy and irony and satire. The narrative structures mentioned are defined as archetypal elements of the worlds in movement.

Furtheron, Frye's archetypal theory may be applied for the interpretation of William Faulkner's works, which not only provide an outlook of modern man but also allow deciphering the

ground on which modern life is based and which contains transformations of universal archetypal elements and themes. Faulkner's novel *As I Lay Dying* might be viewed as a rich field for archetypal investigation, as it comprises permanently vital motives of life and death, journey and family relationships.

Frye views archetypes as elements playing "an essential role in refashioning the material universe into an alternative verbal universe that is humanly intelligible and viable, because it is adapted to essential human needs and concerns" (cited in Abrams, 1993, 223f.). Frye grounds his archetypal theory claiming that "the structural principles of literature <...> are to be derived from archetypal and anagogic criticism, the only kinds that assume a larger context of literature as a whole" (Frye 1990, p. 134). Thus, myth is seen as a basis containing relevant features of human knowledge and transforming a text into a complex of cultural meanings. As myth is "the most abstract and conventionalized of all literary modes" (Coyle 1991, p. 362), it has a possibility to embrace the structures of all trends and genres of literature.

It is important to stress that Frye's framework includes two categories, comedic and tragic, that are further divided into comedy and romance and tragedy and irony or satire respectively. These four genres are related with the seasons of the year cycle: comedy with spring, romance with summer, tragedy with autumn and satire with winter. Each genre is usually connected with the following or previous genre, certain phases of them coincide; the shift of genres forms the cycle of a year and the eternal cycle.

Irony and satire are introduced as the genres, presenting the world of experience and uncertain, unstable and confusing human life. As Frye states, structurally, the pattern of ironic myth might be regarded as a parody of romance, where the romantic mythical form is put into realistic context and, thus, provides new situations and new meanings.

The main distinction between satire and irony is found in the characterization that "satire is militant irony" (Frye 1990, p. 223). Satire usually has moral grounds and definite criteria, in respect to which the grotesque or absurdity is evaluated. Irony is homogenous with the realism of content and the restrained position of the author, while in satire fantasy and at least implied moral criteria are essential (the latter point is vital in relation to experience).

Satire has two main characteristics: wit or humour, based on fantasy or "a sense of the grotesque or absurd" (ibid., p. 224) and the target of criticism. Vital premise for humour is convention: there are certain objects that are considered to be rigid, as widely accepted comic stereotypes. Fantasy without conventional comic objects would cross the boundary of satire and turn into romance. In addition, criticism without humour, or direct condemnation, would be beyond the sphere of satire as well.

The first three phases of satire are identified by the author with the first three (ironic) phases of the comedy, and the last three- with those of tragedy. The characters and thematic tendencies are discussed in each phase.

The first phase is identified with the first phase of ironic comedy with its unchanged comic society. Here the absurd is rather light but it evokes "a sense of nightmare and a close proximity to something demonic" (ibid., p. 226). Satire of this phase presents the perverted world, full of injustice, confusion, pain, yet it is seen as lasting and unchangeable. The conventional, ordinary way of life is proposed, and the characters usually take the attitude of "flexible pragmatism" (ibid.), supported by the conventional behaviour in society. In satire where jolly mood prevails, the characters of eccentrics, accepted in stereotypical society, are found. In the texts where attack dominates unnoticeable father figures are contrasted with the impostors who control the society. One more feature of the satiric characters would be disappearance of the heroic, which makes frequent "the Omphale archetype" (ibid. p. 228), or the image of a man, dominated by woman.

The second phase is the sequel of the first and here the conventional satire on unaccustomed objects turns into satire on conventions themselves. One of the basic forms of this phase is the comedy of escape, where the hero leaves the conventional society without changing it but having revealed its absurdity. The main theme is futility of various ideas, theories and standards, designed to explain experience, in opposition to life. Even more, in order to encourage free

movement in society satire here tends to break “the lumber of stereotypes, fossilized beliefs, <...> pedantic dogmatisms, oppressive fashions” (ibid. p. 233).

Further on, the disintegration, presented in the second phase, leads to the satire of the third phase or “the satire of the high norm” (ibid. p. 234). In this phase fantasy goes beyond usual associations and the sense experience is viewed only as one of many possible ways of perception. Even slight changes describing sense experience may parody human society to a great extent, as in Swift’s *Gulliver’s travels*. One more important feature of the satire of the third phase is “the verbal tempest” (ibid. p. 236), or excessive usage of elaborate words, epithets and terms.

Meanwhile the fourth phase is marked by the movement from satire to the ironic aspect of tragedy. Tragedy is viewed from the moral and realistic perspective from the position of experience. Characters are not derided as in satire; humanity of the tragic hero is stressed. Realism also influences the reduction of tragic inevitability sense, social and psychological explanations for the tragedy are provided and the pitiable human situation is emphasized.

The fifth phase corresponds to the fifth- phase tragedy, where irony focuses on the natural cycle, “the steady unbroken turning of the wheel of fate or fortune” (Frye 1990, p. 237). Experience is viewed as “the point of epiphany closed up” (ibid.) or as inevitable natural decline in the cycle of life. This phase is marked by stoicism, resignation and metaphysical generalization rather than by morality or belief in the improvement of humanity. The sense is seen in the current human situation, not in its characterization in theoretical terms.

Ultimately, in the sixth phase human life is seen as “unrelieved bondage” (ibid., p. 238), the environment of which is expressed in the images of prisons, madhouses and scaffolds. In modern literature this phase is usually depicted as the terror of social tyranny, differing from the hell in the only respect- it has an end in death. The parody of religious symbols, related with the idolatry of Satan, is always found here. Human figures present madness and misery; they are always parodies of the romantic characters. Moreover, various sinister figures prevail in this phase: evil parents, malign female or femme fatale, siren, witch, etc. Thus, “the point of demonic epiphany” (ibid., p. 238) is reached, and the whole human existence is viewed as the quest, the goal of which is lost. However, satire is seen as going through the world of pain and darkness and giving way to move upwards spiritually. Frye gives an example from Dante’s *Inferno*- going down the circles of hell, in the centre of hell (and earth respectively) Satan is seen upright, and after passing the centre, he becomes standing upside down, and ascending through the other side of the earth towards the sky begins. Thus, “if we persevere with the *mythos* of irony and satire, we shall pass a dead center” (ibid., p. 139), the tragedy and pain will be seen from the other perspective and a new beginning will be possible.

It is obvious that the main characteristics of the *mythos* of winter, distinguished by Frye, is movement towards experience and attempting to understand confusing and unstable human existence by giving form to it. These characteristics correspond to the fundamental motives in *As I Lay Dying*: here every character is striving to perceive ambiguous and changing life, every monologue is an expression of attitude towards world and of individual experience. Moreover, in the novel various elements of irony and grotesque, particular to different phases of the *mythos* of winter, are to be noticed.

Structurally Frye presents the ironic myth as a parody of romance, or “the application of romantic mythical forms to a more realistic content which fits them in unexpected ways” (Frye 1990, p. 223). By its distorted characters, motives, transformation of mythical romantic elements *As I Lay Dying* introduces the reversed romantic quest, or the ironic journey.

To begin with, the settings of the novel embody the ironic inversion of romance; at the beginning an idyllic summer view is presented: “The path runs straight as a plumb line, worn smooth by feet and baked brick-hard by July, between the green rows of laidby cotton” (Faulkner 1985, p. 3). However, soon this idyllic view is turned into a vision of deluge, where world is “a streaming mass of dark green neither of earth nor sky” (ibid. p. 33). The reversion of romantic elements marks movement from the world of innocence to the world of experience.

Furthermore, as the romance is the closest genre to the “wish fulfillment dream” (Frye 1990, p. 186), the characters of the novel seek to fulfil their wishes, and the ritual of burying becomes a sufficient reason to have a journey to town. As literary critic Kerr puts it, “the journey to Jefferson is a major event in their lives, justified only by the extraordinary circumstance that Anse gave Addie a solemn promise to bury her with her family in Jefferson” (Kerr 1962, p. 6). Thus, the perception of ritual is perverted, and Anse’s constant repeating of the promise sounds as trying to justify his inner wishes. Each character, except Darl and Jewel, has his/ her own goal: Dewey Dell needs to have an abortion, Cash is willing to buy graphophone, Vardaman– to see a toy train. And, finally, Anse wants to get new teeth (he expresses his wish in one of the most grotesque scenes of the novel– standing at the bedside of his dead wife: “God’s will be done“, he says. “Now I can get them teeth.” (Faulkner 1985, p. 35). There are also signs, that he wanted to get a new wife too, as expressed in Kate Tull’s affirmation: “he’ll get another one before cotton- picking” (ibid. p. 23). Though Darl and Jewel seem to have no selfish stimulus, still, in their perception the ritual of burying has lost its real significance. Here the absolute loss of human relationships in family is demonstrated, its members are guided by egoist wishes or instincts. Thus, the understanding of duty, expression of the last honour to mother and wife is turned into the act of selfishness, having lost either will or ability to fulfill the ritual. A vivid example expressing irony of the whole journey is the act of laying the dead mother in the coffin reversed, that they “wouldn’t crush her dress” and making her “a veil out of a mosquito bar” (Faulkner 1985, 56f.). The reversed body marks the reversed notion of the ritual of burial, and “veil” can be understood as a sign of disrespect to the dead.

It is important to denote that the completion of the journey and its results correspond to the whole its spirit and circumstances. In reverse to romance, here “Instead of a treasure to be found or a prize to be won, there is a body to be buried” (Kerr 1962, p. 7). This statement could be identified with Frye’s definition of the ironic quest as “seeking for the goal that is not there” (Frye 1990, p. 237). According to Kerr, the burial of mother, which was expected to be the point of epiphany, is turned into an ordinary action due to the loss of family relationships and understanding of ritual. Burial is related with relief after fulfilling a ritual, or in the novel– removing a burden, but no physical or spiritual values are attained. Many of the characters suffer loss to different extents: Darl is taken into asylum, Cash’s leg is broken, Jewel has to sell his beloved horse and Dewey Dell loses her money and does not have an abortion. The only who fulfils his wishes is Anse– he has got not only new teeth (ironically, for the money that was intended for his daughter’s abortion) but also a new wife, which is grotesque in the situation right after the burying. As Kerr suggests, “the bride was an object of the quest, not just a happy coincidence” (Kerr 1962, p. 13). Thus, the quest seems to be successfully completed in romantic terms, but the transformation of the goal from burial to wedding makes the completion purely ironic.

Reflections of all the phases of irony, distinguished by Frye, are found in the novel. Reflections of the first phase, where perverted world is taken as a norm, are noticeable in world perception of many characters, for example, Anse: “Nowhere in this sinful world can a honest, hardworking man profit. It takes them that runs the stores in the towns doing no sweating, living off of them that sweats” (Faulkner 1985, p. 71). Stratification of society, where hard work is almost worthless, seems to be a common notion for the characters of the novel, and changes are not proposed.

Reflections of the second phase, where the hero escapes the society and where theories, generalizing life, are criticised, are to be found in monologues of Addie and Cash in the scene of taking Darl to asylum. Addie in her monologue expresses distrust in words, as they cannot present the real concept: “I knew that words was like the others: just a shape to fill a lack” (ibid. p. 116). Words could be interpreted also as imposed patterns of expressing thoughts, usually used by hypocrites to justify their actions (here Anse could be an example). Cash’s disagreement with stereotypical thinking reminds a peaceful contemplation, not a protest: “It’s like there was a fellow in every man that’s done a-past the sanity or insanity, that watches the sane and the insane doings of that man with the same horror and the same astonishment” (ibid. p. 161). The narrowness not

only of the society, but of all civilized thought is taken into consideration. Both of the latter examples could also serve as reflections of the third phase satire, as they also view sense experience as only one way of cognition. Finally, taking Darl to asylum in Jackson could be viewed as the hero's escape from society; yet, this attitude is possible only as an expression of heavy irony, when asylum is viewed as better place if compared with ordinary "sane" society.

Further on, the scene of family watching Darl being taken to Jackson could be viewed as a climax of the novel or the point of epiphany. The scene could also be identified to some extent with the sixth phase of satire, the worlds of pain and confusion. On the one hand, it might be evaluated as ironic transformation of the notion of epiphany (merging of apocalyptic and cyclic nature world), or the demonic epiphany, where existential absurd and tragic irony reach its peak. On the other hand, there is a reference to the primary type of epiphany: Darl's laughter and words might be seen as ultimate understanding of the distorted world and approving it by laughter:

"<...>Dewey Dell and Vardaman on the seat and Cash on a pallet in the wagon bed are eating bananas from a paper bag. "Is that why you are laughing, Darl?"<...>
"Yes yes yes yes yes yes yes yes"" (Faulkner 1985, 172f.).

The point of epiphany, expressed by the laughter of a mad man, presents the world as a funny "tale told by an idiot" (Shakespeare 1991, p. 71), where the hardships of natural existence are to be taken as the grounds of human experience, which should be regarded with Hesse's "eternal laughter of the immortals" (Hesse 1963, p. 242). The offered way to look at the natural being of man is higher understanding, reached through laughter as a way to suppress the pain.

Reflections of the fourth phase (the ironic aspect of tragedy, as Frye describes), where humanity of characters is stressed and sympathy to them prevail, is found mostly in the words or actions of people outside the Bundren family. This could be seen in Doctor Peabody's compassionate words about Darl: "to throw that poor devil down in the public street and handcuff him like a damn murderer" (Faulkner 1985, p. 162), or in Cora Tull's words about Vardaman "the poor little tyke" (ibid., p. 23). Here the tragic aspect of Bundrens' situation is taken into consideration; an allusion to the lamentable state of family members in the ironic journey is made.

The fifth phase, marked by ironic emphasis on the natural cycle, has significant analogies with *As I Lay Dying*. In the novel natural processes are often taken with fear, astonishment or misunderstanding, and their inevitability seems to be ironically imposed on man. In Dewey Dell's words "I am my guts. And I am Lafe's guts" (ibid., p. 40) she feels her body and her unborn child's body as a natural, but unpleasant or even disgusting, alienation with one's own body is felt. "Wild and outraged earth" (ibid., p. 78), in which she feels like a seed, makes her feel confused, distressed, unable to understand the processes in her body though the main feature is of Dewey Dell's being a part of life cycle. Similar alienation in respect to her children is found in Addie's speech: "when I knew that I had Cash, I knew that living was terrible and that this was the answer to it" (Faulkner 1985, p. 115). Addie feels fear and detest about her motherhood, which naturally should evoke her love and affection.

Reflections of the sixth phase, described by Frye as a nightmare, settings of which feature prisons and madhouses, are found in the scene of Darl being taken to asylum. Moreover, it could be said that whole life of Addie Bundren was full of pain and dissatisfaction ("I knew the living was terrible" (ibid.)); only death seems to relieve her bondage.

The phases of the novel may also be interpreted as parodies of romantic phases. Then the journey corresponds to the third phase, or romantic quest, which is reversed. Reflections of the fourth phase, where the birth of a new society is presumable, corresponds to the end of the novel, where the situation in family changes – Darl is gone, and Anse has a new wife. Here again reversion in the romantic pattern is visible– the new society is built upon infidelity to a dead wife and cruel act of the son's taking to asylum. As literary critic Kerr implies, reflection of the sixth romantic phase, expressed in the image of an old man, plunged in contemplation in his tower, in the novel is presented by "Anse on top of his hill, letting the rest of the world go by while he listens to

the graphophone and eats with the new teeth, pleasures which supply the typical note of comfort“ (Kerr 1962, p. 15). Ironic aspect is clear in displacement of spiritual values, reached through contemplation, into material goods as food and physical comfort.

Furtheron, characters in *As I Lay Dying* are multiple; therefore, they could be evaluated from different perspectives. Archetypally, the characters might be viewed as parodies of romantic roles, where the primary characteristics of the figures are changed and provide new meanings. Comparison of the characters of the novel to the romantic ones brings into focus polysemous irony particular to the mythos of winter.

To begin with, the character of Addie Bundren, the dying mother, is considered to be one of the main figures in the novel. According to literary critic Kerr, she is “emotionally and structurally the heroine“ (ibid. 7), or in Frye’s words about the romance “the lady for whose sake or at whose bidding the quest is performed” (Frye 1990, p. 195). However, her major role should be that of wise mother but, ironically, she is a mother who does not love her children except Jewel. Birth of Cash and later Darl prove her that “living was terrible” (Faulkner 1985, p. 115), Dewey Dell and Vardaman are brought to life as a compensation to Anse for the unmarital son Jewel. All existence of Addie Bundren seems to be “death in life” endured only because “the reason was the duty to the alive, to the terrible blood, the red bitter flood boiling through the land” (Faulkner 1985, p. 117). Here the natural cycles of life, though bringing fear and pain, are accepted for the sake of other people. In Addie’s life significant influence is made by her father, whose words “the reason for living was to get ready to stay dead a long time” might be understood as description of all her life. The journey, made to bury her, could be viewed then as the climax of her existence, or moving from one death to another.

Addie’s husband Anse is a character by many features opposed to his wife and caring mostly about the material troubles of life. His figure corresponds to that of comic impostor, or severe father, adding the qualities of selfishness, discontent and misfortune. In romantic respect, Anse should be identified with a “wise old man”, usually having magic powers. Both of these qualities are reflected ironically; firstly, he proves to be unwise and his actions frequently seem thoughtless or silly. Secondly, his “magic power” lies in his ability to make people help him, as Armstid says “I be darn if Anse dont conjure a man, some way” (Faulkner 1985, p. 130). The reason of this is that, as literary critic Olga Vickery states, “His words create an image of himself as the meek and magnanimous victim forgiving a cruel and heartless world“ (Vickery, cited in Kerr 1962, p. 15). Still, the pitiable role of Anse is usually contradicted by his disgraceful actions, as taking money from Cash while he is unconscious, taking money from Dewey Dell or marrying a new wife right after the burial. The essence of figure of Anse is perfectly described by Darl: “upon a face carved by a savage caricaturist a monstrous burlesque of all bereavment flowed“ (Faulkner 1985, p. 50). He is a parody of father, a parody of a husband and frequently– a parody of a man.

Meanwhile the character of Cash, the eldest son, is mostly related with archetypal features of a craftsman. His tools are the source of his work and the work is the essence of his life, and losing them might be compared to the hero’s concern for an Excalibur” (Kerr 1962, p. 15). At the end of the journey, though, “unusual wisdom or power“ gained by mutilation“ (ibid. 12) (particular for romance) could be seen in his thoughts about Darl, sanity and insanity. The irony lies in uselessness of his power, he is not able to help Darl, who by viewed him as more honest than others: “I thought you would have told me<...> I never thought you wouldn’t have” (Faulkner 1985, p. 160). Still, the character of Cash is slightly parodied, and his patience and endurance of pain may be evaluated as senseless, but not ridiculous; a reward for him might also be seen in the graphophone the new Mrs. Bundren carries.

The second son, Darl, seems to be the main character of the novel. There are more chapters devoted to him than to any other personage, his intuition and comprehension allows for him to foresee and evaluate various events profoundly. Darl is viewed by other people as strange and possibly insane, his alienation is described by Anse as “he tends to his own business, just because he’s got his eyes full of the land all the time” (Faulkner 1985, 24f.). According to these characteristics Darl could be interpreted as the tragic hero, being “halfway between human society

on the ground and something greater in the sky” (Frye 1990, p. 207). The fall of the hero then might be identified with setting fire on Gillespie’s barn, which in ironic terms demonstrates the perverted notion of heroic deed, or the absence of heroism and effective action. At this point *As I Lay Dying* comes close to the myth about Antigone, who buried her brother against the will of the king and was punished for that. Darl’s arson might be seen as an attempt to bury the mother in order not to “Scorn <...> the eternal laws of Heaven”, as Sophocles’s Antigone utters (Sophocles 1993, p. 161). Proceeding with this comparison, Darl’s madness might be viewed as his conscious choice because he, as well as Antigone, knows the forthcoming evaluation and results of his actions: “Say I am mad and give my madness rein to wreck itself” (ibid.). Both in the myth mentioned and in the novel society is viewed as digressed from the ritual and the vital basis of human relationships. Darl’s isolation in the asylum could be seen as almost unchanged element of isolation of the tragic hero from society. Moreover, Darl’s isolation is similar to the expulsion of a scapegoat, or a ritual of sacrifice performed in order to bring the family “into a new unity” (Frye 1990, p. 215). The irony of the ritual of sacrifice is that it is performed by the members of the family and accompanied by their hatred and disgust, what is clearly seen in Jewel’s words “Kill him. Kill the son of a bitch” (Faulkner 1985, 60f.) or in Dewey Dell’s behaviour. In ironic respect, Darl might be viewed as a typical pitiable figure of the sixth phase ironic tragedy, or an ironic self-deprecator, finally deprecated by others. From a mythical respect literary critic Kerr suggests to view Darl and his insanity as “the enchanted knight who is not released from the evil spell” (Kerr 1962, p. 9), stressing the modern transformation of romantic figure of knight.

The third son Jewel is an unmarital son of Addie and local reverend Whitfield. For his monologue only one chapter is devoted because his actions reveal his personality better, while his inner world “consists of a welter of emotions, centering on Addie, which cannot be communicated” (Vickery, cited in Kerr 1962, p. 7). It is obvious that Jewel is the only son Addie loves, her “cross and salvation” (Faulkner 1985, p. 113), who saves her coffin and body in water and fire and sacrifices his beloved horse to complete the journey. In this respect Jewel might be viewed as the romantic hero, Addie being an equivalent of the lady for whose sake the quest is performed. Furthermore, Jewel’s parentage reminds the one of the romantic hero– it is mysterious, and his stepfather seems to dislike him (conflict about the horse). However, Jewel’s real father is not the wise father expected, but a hypocrite reverend. In addition, Jewel in comparison to the romantic hero has many ironic qualities, such as hatred to Darl, impatience, anger, turning him into a parody of a hero and of a loving son.

The character of the only daughter in Bundrens’ family, Dewey Dell, is an ironic counterpart to the romantic figure of a distressed maiden. While in romance this figure is simple, innocent and needing aid, Dewey Dell is not innocent, and the aid is a kind of evil because it is aid for making an abortion. An ironic connection may be found in comparison of Dewey Dell as a romantic maiden to a sinister figure of witch or siren (presented by Dewey Dell’s appearance and behaviour when seizing Darl– “scratching and clawing at him like a wild cat” (Faulkner 1985, p. 160)). Inversion of the romantic figure is strikingly vivid, demonstrating the effects of a sudden movement from innocence to experience.

Meanwhile the character of Vardaman, the youngest son, seems to have no romantic counterparts; he could be viewed as one more “figure of misery and madness” (Frye 1990, p. 238) of ironic tragedy, though. By this quality he is a close figure to Darl; also he proves to be one of the most humane Bundrens (he squeezes holes in mother’s coffin that she could breathe, he is confused by Darl being taken to asylum: “Darl is my brother, Darl went crazy<...>Darl. Darl.” (Faulkner 1985, 170f.)). In relation to fairy tales, where the youngest son usually becomes a hero, Vardaman may be viewed as a hope for brighter future with sincere relationships, still, there are dangers that he will become selfish or go mad as Darl.

Proceeding with the minor characters of the novel, it should be stated that they are mostly ironic parodies as well as the main characters. As Kerr suggests, in the figure of Doctor Peabody “a combination of the traditional doctor and the awkward, faithful giant, helping and scolding with exasperated kindness” (Kerr 1962, p. 10) is presented. He could also be identified with the comic

figure of “refuser of festivity” (Frye 1990, p. 176), or the person, who is against the tragically ironic actions of the novel. The irony lies in the fact that his aid usually is already unnecessary, both in cases of Addie and Cash. Counterparts of various pharmacists are magicians, making magic drinks (equivalent of medicine Dewey Dell seeks for abortion), also ironically unable to help her. A figure, similar to the comic tricky slave, is Macgowan who deceives and seduces Dewey Dell. The neighbours of Bundrens– Tulls, Armstid, Samson mostly present the public opinion of the comic society, their judgement and sympathy for Bundrens are limited due to accepted norms. Finally, the figure of the new Mrs Bundren, “duck- shaped woman all dressed up, with them kind of hard-looking pop eyes“ (Faulkner 1985, p. 177) is the figure of “the lady of pleasure“ (Frye 1990, p. 196), opposed to “the lady of duty“(ibid.), embodied in Addie.

On the whole, characters in *As I Lay Dying* parody the romantic roles by repeating actions, transforming situations and changing usual qualities of romantic personages. Irony reveals various qualities of characters and frequently uncovers the real motives of their behaviour. As the participants of ironic quest, the characters determine the changes of movement and modify the meaning of them.

To conclude, in Faulkner’s *As I Lay Dying* movement towards experience is viewed as ironic, and human being – as naturally obliged to accept the absurd and grotesque of life as inevitable condition for development. Characters, being contrasted to romantic roles, include parodies of wise father and wise mother, the romantic hero and his beloved, simple maiden and magicians. In this way the remoteness of modern reality from the desired pattern of romance is stressed. Ironic representation of characters also brings the figures from modern life and those of ancient myths and tales into paradoxical unity, suggesting new attitudes for the evaluation of contemporary man.

References

- ABRAMS, M. H., 1993. *Archetypal criticism. A Glossary of Literary Terms*. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers.
- COYLE, M. [et al.], 1991. *Encyclopedia of literature and criticism*. New York: Gale.
- FAULKNER, W., 1985. *Novels, 1930 - 1935*. New York: The Library of America.
- FRYE, N., 1990. *Anatomy of criticism: four essays*. Princeton, USA: Princeton University Press.
- HESSE, H., 1973. *Steppenwolf*. New York: Modern Library.
- SHAKESPEARE, W., 1991. *The Tragedy of Macbeth*. New York: Appleton- Century- Crofts.
- SOPHOCLES, 1993. *Plays*. Chicago: University of Chicago Press.
- KERR, E. M., 1962. “As I Lay Dying” as Ironic Quest. In *Wisconsin Studies in Contemporary Literature*, Vol. 3, No. 1 (Winter, 1962), p.p. 5-19. University of Wisconsin Press. In <http://www.jstor.org/stable/1207376> [accessed on May 3, 2010]

Loreta Ulvydienė, Giedrė Buivyte

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Moksliniai interesai: humanitariniai mokslai, filologija, literatūra, hermeneutika.

V. FOLKNERIO ROMANAS „KAI AŠ GULĖJAU MIRTIES PATALE“ KAIP ŽIEMOS MITAS

Santrauka

Straipsnyje analizuojamas Viljamo Folknerio romanas „Kai aš gulėjau mirties patale“ archetipinės literatūros kritikos teorijos plotmėje. Archetipinė literatūros kritika yra laikoma viena iš pagrindinių literatūros kritikos srovių. Ši teorija yra taikoma analizuojant mitų atspindžius ir archetipų vartojimą bei plėtojimą tekste. Straipsnio autorės aptaria literatūros kritiko Nortropo Frajaus archetipinės kritikos metodą. Vėliau aprašoma N. Frajaus archetipinės reikšmės teorija, kuri apima apokaliptinę, demonišką ir analoginę įvaizdžių sistemas, supažindinama su mitų teorija, pagrįsta žanrų skirstymu pagal metų laikus. Pastaroji teorija taikoma praktinėje analizėje. V. Folknerio romanas „Kai aš gulėjau mirties patale“ interpretuojamas kaip žiemos mitas, susijęs su ironija ir satyra, personažai apibūdinami atsižvelgiant į jų ironiškas sąsajas su romantiškais atitikmenimis, pristatomas romane vyraujantis ciklinis mitologinis judėjimas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: archetipinė literatūros kritika, mito teorijos, demoniškoji įvaizdžių sistema, ironija, ironijos aspektai, daugiareikšmė ironija, žiemos mitas.

Майя Васків

*Каменец-Подольський національний університет ім. І. Огієнка, Україна
ул. Півнична 106а - 9, 32307 Каменец-Подольський, Хмельницька обл., Україна*

Ел. пошта: vaskiv@kpdu.kp.km.ua

Научні інтереси: компаративна лінгвістика, діалектологія

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЧЕНДЕЯ

В статье идет речь о проблемах рецепции в творчестве Ивана Чендея языковых взаимоотношений в XX в. в Закарпатье, о проблеме собственного языкового выбора со стороны писателя, о стилистических особенностях художественной речи произведений И. Чендея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая унификация, ассимиляция, литературный язык, диалектизмы, языковое и национальное самоопределение.

Писателя Ивана Чендея очень часто называют летописцем истории Закарпатья XX века. А в целом история Закарпатья и его обитателей была исполнена драматических событий на протяжении многих веков. Этот драматизм, приближающийся к трагизму, обостренные формы приобретает в XIX веке, когда, параллельно с другими колониальными народами Европы, начинается процесс поиска национальной самоидентификации и национального возрождения. Пребывание в Австрийской империи, угнетение со стороны венгерской знати и мадьяризация; зарождение и долгая история москвофильства после прихода армии Николая I в 1848 году, расставившей на ключевые посты в регионе местную интеллигенцию; усиление мадьяризации после трансформации Австрийской империи в Австро-Венгерскую; установление тесных культурных, а затем и политических контактов с украинцами Галиции – все это дезориентировало в вопросе национальной, языковой, культурной принадлежности жителей Закарпатья. Частые смены власти, борьба за сытое существование породили продажность местной интеллигенции и духовенства, которые отстаивали интересы разных государств и политических сил в зависимости от того, кто их открыто или тайно финансировал. Эти процессы становятся еще более запутанными и сложными в XX веке. К уже обозначенным тенденциям добавляются поползновения, хотя и относительно слабые, к чехизации и словакизации местного населения после Сен-Жерменского договора 1919 года, по которому Закарпатье отходило к Чехословакии, причем часть его вообще начали считать неотъемлемой территорией Словакии.

Жизнь, деятельность и творчество писателя Ивана Михайловича Чендея, родившегося в 1922 году в большом горном селе Дубовое, тесно связаны с историей Закарпатья XX века. Он был гражданином Чехословакии, свидетелем и активным участником получения Закарпатьем автономии осенью 1938 года, а затем – создания собственного государства, Карпатской Украины, в марте 1939 года. Сразу после этого – кровопролитное насильственное присоединение края к Венгрии, Вторая мировая война под господством венгров, а затем и немцев. Именно на это время приходится период активного самоопределения закарпатцев. Несмотря на серьезные финансовые вливания в провенгерские, чехословацкие или москвофильские настроения, резко возрастает количество тех, кто считает своими соотечественниками украинцев, то есть и себя идентифицируют как украинцев. Как и в XIX веке, спецслужбами разных стран финансировалась верхушка общества, которая с пренебрежением относилась к местным крестьянам и считала, что может самовольно решать их судьбу. Но демократические преобразования, проведенные чехословацким государством, не только дали образование, в том числе и высшее, широким слоям ранее забитого крестьянства, но и утвердили в их сознании чувства собственного достоинства, права на достойную материальную и духовную жизнь, права самостоятельно определять свое будущее. Именно эти широкие слои местного населения под

предводительством интеллигенции – выходцев из крестьянства – определяют будущее Закарпатья как неотъемлемой части украинской нации.

Осуществить идеи независимости или воссоединения с Украиной в единое государство не удалось в короткий период Карпатской Украины. Присоединение Закарпатья к СССР в 1944 году объединило, наконец-то, всех украинцев в одном государстве, но не принесло независимости. Фактически этот регион оставался пребывать в колониальном положении, завуалированном под народовластие. Но несмотря на все политические ограничения, теперь Закарпатье развивалось в едином русле украинской культуры, украинского языка.

Творчество Ивана Чендея укладывается как раз в этот период советского «благоденствия» (писатель умер в 2004 году, но роман «Скрип колиски» («Скрип колыбели») 1987 года стал его творческой лебединой песней). Советская идеология накладывала существенные ограничения на творчество писателей, прежде всего, на их проблематику. Под особым контролем пребывали национально-языковые проблемы. Естественно, игнорировать эти ограничения не мог и И. Чендей, иначе его бы, в лучшем случае, не печатали. «Настоятельные рекомендации» партидеологов предусматривали, что можно и нужно критиковать национально-языковое угнетение со стороны буржуазных государств (к ним нежелательно относить Российскую империю), но нельзя даже намекать на какие-то трения в этих вопросах в СССР или, тем более, на великорусский шовинизм. Этих «рекомендаций» вынужден был придерживаться также Иван Чендей, благо, когда он писал об угнетении закарпатцев со стороны «буржуазных режимов», ему не приходилось ничего выдумывать, приукрашивать или сгущать краски. Это касается и проблем языковой ассимиляции.

Самые тяжелые воспоминания оставила после себя в Закарпатье мадьяризация времен Австро-Венгерской империи и особенно – в период режима М. Хорти (1939-1944). Произведения И. Чендея отличаются высоким уровнем автобиографизма, трансформацией личных впечатлений, наблюдений, воспоминаний, поэтому художественная история родного края в его произведениях начинается с 1920-х годов. Соответственно, времена Австро-Венгерской империи почти не находят отражения в его текстах. Речь о них идет только в воспоминаниях персонажей, чаще всего – о бессмысленности для закарпатцев Первой мировой войны, в память о которой приносили только тяжелые увечья или известия о гибели односельчан, а также о скитании по всей Европе в поисках заработков.

О хортистском же режиме упоминается у Чендея довольно часто. Это могут быть отдельные произведения, которые полностью сосредоточены на изображении полного бесправия крестьянина-верховинца (Верховина – горная часть Закарпатья) и самодурстве венгров-угнетателей. К ним принадлежат «Чайки летят на Восток», «Жернов», «Свадебный кулон» и др. В первом из них, новелле-миниатюре, речь идет о расстреле мальчика и его отца венгерскими жандармами за помощь партизанам, о полном неприятии крестьянами оккупантов-«панов». Произведение заканчивается пафосно-символически: чайки взлетают на восток, откуда нужно ждать прихода «братьев». Вроде бы все в духе требований «интернациональной» идеологии. Примечательно, однако, то, что такие пассажи встречаются в произведениях И. Чендея неоднократно, но писатель почти никогда не уточняет, кто же эти «братья» – советские коммунисты или же украинцы за отрогами Карпат, к которым как к братьям убегали и раньше, до прихода советской власти в Галицию.

О жесткости режима Хорти идет речь в рассказе «Жернов». В вечернее время ездить крестьянам не разрешается, они совершенно бесправны перед жандармами, которые бьют по любому поводу и без повода. Именно так задерживают и бьют Онуфрия, отца рассказчика-гимназиста, который не успел до сумерек перевезти купленный мельничный круг до родного двора. Дальше события приобретают анекдотический оборот: отца и сына препровождают в жандармское управление как опасных преступников, потому что их коня зовут Пишта, то есть Иштван, а тупой жандарм считает это оскорблением «великого и святого» венгерского короля Иштвана. Особенно тяжело воспринимаются оскорбления и унижения потому, что их

наносит Цимботка, бывший сосед, который в чехословацком государстве никогда не упоминал о своем венгерском «величии» и с которым были приятельские отношения. Теперь же он требует отвечать ему только на венгерском, хотя прекрасно понимает, что сын Онуфрия этого языка знать не может.

Полное бесправие ожидало закарпатского украинца и в венгерской армии, о чем свидетельствует рассказ «На фронт». Для венгерских офицеров такой солдат – «тварюка, свинопас, маржина» (Чендей 1987, с. 102), к ним обращались только на венгерском, в свою очередь, главный герой рассказа Васыль Галка «тої чужої мови не розумів» («этого чужого языка не понимал»).

Сюжет «Свадебного кулона» строится на несправедливом отстранении от должности еврея-бохтера (мелкого служащего, посыльного при сельском правлении) Мортха Шумильлейба. Не помогает ему и то, что в Первую мировую он, защищая в том числе и венгров, был тяжело ранен. Вышло секретное постановление об увольнении с государственных должностей всех без исключения евреев – и никто не может помочь Шумильлейбу, несмотря на то, что все ему в правлении сочувствуют. Для пожилого Мортха это страшный удар, ведь он не имеет земли, не умеет ничего больше делать, а главное, вся его трудовая жизнь, на протяжении более двадцати лет, прошла на этой мелкой должности. Он теряет смысл дальнейшего существования, поэтому приходит домой, ложится на кровать, чтобы уже никогда с нее не встать. Тихая, преждевременная кончина Мортха убеждает, что угнетение других наций и унификационная мадьяризация были сущностью венгерского господства в Закарпатье.

Однако значительно чаще писатель вкратце упоминает о правлении регента Хорти. Это могут быть воспоминания пожилых персонажей или героя-протагониста о временах бесправия, когда венгры жестоко обращались с закарпатцами, особенно с теми, кто считал себя украинцем, а родным языком – украинский, или русинский, ибо испокон веков жителей Закарпатья называли русинами, перекидывая мосток в период Киевской Руси, именно оттуда выводя их родословную.

На момент завершения Первой мировой войны в регионе не оставалось ни одной школы на языке местного населения (Стерчо 1965, с. 27). Успехи чехословацкого государства в развитии образования были настолько весомыми, что после 1939 года венграм не удалось за пять лет вернуть старое положение дел, но, как убеждают персонажи романов «Птицы покидают гнезда...», «Скрип колыбели», повестей и рассказов Ивана Чендея, хортистское государство делало для этого все возможное. В этих и других произведениях писатель также вскользь пишет о национально-языковом угнетении украинцев со стороны Чехословакии. Но в целом это государство, очень демократичное и толерантное к украинцам по сравнению с Австро-Венгрией, Венгрией и Советским Союзом, не вызывает у писателя особого невосприятия. Намного больше раздражает его продажность земляков, готовых перейти в удобный момент на сторону сильного, принять его правила игры, в том числе и его язык, что не может не нравиться угнетателю: «[...] котрийсь хлоп із Верховини пробув у чеському війську всього два роки, повернувся додому і вже языка виламує, старається по-чеськи [...] пан жандарм роками живе у нас, а по-нашому не хоче... не знає. А навіщо знати йому, коли він – пан? Нехай до пана тягнуться підвладні й хочуть по його! Такий-бо закон пануючих і підлеглих! Скрізь, усюди, в усі віки...» («[...] какой-нибудь мужик с Верховины пробыл в чешской армии всего два года, вернулся домой и уже язык выламывает, стареется по-чешски [...] господин жандарм годами живет у нас, а по-нашему не хочет... не знает. А зачем ему, если он – пан? Пусть к пану тянутся подвластные и хотят по его! Такой ведь закон господствующих и подчиненных! Везде, повсюду, во все века...») (Чендей 1982, т. 2, с. 361).

Писать о недостатках советской системы, в том числе о языковой ассимиляции прямо И. Чендей не мог, но в его произведениях разбросано множество завуалированных намеков на ущербность того государства. Так, в романе «Птицы покидают гнезда...» встречаем эпизодический образ сельсоветовского исполнителя Вербечки. Персонаж этот вызывает

скрытую неприязненность со стороны главного героя романа Пригары. Не вызывает он симпатий и у повествователя, хотя тот, казалось бы, пишет о нем беспристрастно. Антипатию прежде всего вызывает настойчивое желание крестьянина-горца говорить «повченому», то есть по-русски. На самом деле его речь – это суржик, то есть макароническая смесь украинского, русского языков и верховинского диалекта (Чендей 1982, т. 1, с. 353).

Язык своих персонажей, их национальная самоидентификация чрезвычайно важны для Ивана Чендея. Это объясняется тем, что этот аспект был одним из наиболее важных в XX веке для жителей Закарпатья и для самого писателя лично, который тоже в определенный момент оказался перед выбором: кто он по национальности, какой язык для него родной, какая нация и какое государство для него являются родственными или даже единокровными.

Когда говорится об особенностях художественной речи в произведениях прикарпатских или закарпатских писателей, обязательно одним из первых встает вопрос о том, использовал ли писатель нормы литературного языка, или опирался на особенности местного диалекта, какое соотношение между диалектным и литературным языком в его текстах. Закономерно встают эти вопросы и при изучении идиостиля Ивана Чендея, на что обращали внимание В. Ариповский (1956), А. Вегеш (2007), О. Миголинец (2007), В. Статеева (2007), Г. Удовиченко (1957) и др.

Для писателя «языковой» выбор творчества не был быстрым, простым и однозначным. Это становится понятным, если учесть, что еще в середине XIX в., под влиянием москвофильских настроений, «будителями» было заведено так называемое «язычие», которое лишь частично учитывало особенности народного языка закарпатцев, очень мало общего было у него и с украинским литературным языком (И. Котляревского, Т. Шевченко), в свою очередь, мощными были влияния церковнославянского и русского языков. Москвофильские настроения были распространены среди закарпатской интеллигенции, особенно в языковой сфере, также и в междувоенное двадцатилетие прошлого века. Это относится и к большинству преподавателей Хустской гимназии, среди них – к Петру Линтуру, который был организатором, вдохновителем и руководителем литературного кружка, в состав которого входил гимназист Иван Чендей. Наверное, этот факт (а также преимущественно русскоязычная лектура) стал определяющим в том, что первые произведения писателя в начале 40-х годов были написаны на русском языке. Стоит учитывать и то, что в это время, в период пребывания Закарпатья в составе хортистской Венгрии, нельзя было даже надеяться на публикацию украинскоязычного текста, ведь венгры пытались всеми силами доказать отсутствие родства между закарпатцами и украинцами, поэтому поощряли публикации на русском языке и на «язычии».

Многие факты биографии И. Чендея и истории Закарпатья свидетельствуют о том, что вряд ли это был самостоятельный выбор писателя, а к украинскому языку как к языку творчества он пришел только путем эволюции после Второй мировой войны. Верховинский диалект, родной для И. Чендея, от русского языка был очень далек, знакомство с украинским литературным языком началось еще в Дубовской народной школе, в которой обучение велось на языке, синтезировавшем местный диалект с литературным украинским языком (именно такими были утвержденные чехословацким образовательным министерством учебники А. Маркуша и Ю. Ревая) (Статеева 2007, с. 241-244).

Не могли писатель обойти стороной также и события периода становления и уничтожения Карпатской Украины. Осенью 1938 года, когда фашистская Германия, Польша и Венгрия отделили себе значительную часть Чехословакии, уже не приходилось культивировать панчехизацию. Наоборот, чешское правительство пошло, наконец, навстречу национальным стремлениям Словакии и Подкарпатской Руси (так чехи и словаки называли Закарпатье), дав им автономию. К этому времени абсолютное большинство населения, в том числе интеллигенции из народа, перешло на позиции украинской национально-языковой самоидентификации. Об этом ярко свидетельствовали результаты выборов в Первый Сейм Карпатской Украины (именно так стало называться Закарпатье

после получения автономии, тем самым акцентируя на единстве с остальной частью украинства) от 12 февраля 1939 года. За Украинское Национальное Объединение (УНО), включавшем в свой состав проукраинские партии и движения, а также лояльные к ним партии национальных меньшинств Закарпатья, проголосовало подавляющее большинство – 92,4% избирателей.

Показательны результаты выборов в родном селе Ивана Чендея Дубовом: из 2402 голосовавших за УНО не отдал свой голос только один человек (Стерчо 1965, с. 250). Естественно, что такие настроения национально-возрожденческой эйфории не могли обойти стороной активного и образованного юношу-гимназиста. Скорее всего, он был одним из местных пропагандистов новых преобразований, хотя никаких документальных подтверждений этим фактам пока нет. Но на такие мысли наводит и то, что Иван Чендей в 1938-1939 году учился в гимназии в городе Хусте, который к тому моменту стал столицей Карпатской Украины и отличался высоким уровнем просветительской национально-образовательной работы. Стремительное формирование новой автономии, ее государственных институтов, а главное, национальной идеологии, провозглашение независимости 15 марта 1939 года, сразу после этого кровавое присоединение Закарпатья к Венгрии с молчаливого согласия Гитлера и молчаливого же поощрения со стороны Сталина – очевидцем всего этого был любознательный юноша. Более того, гимназия, в которой он учился, становится центром культурно-просветительской работы. Многие из учителей и гимназистов отдали жизни за свое государство в марте 1939 года в бою против венгерских гонимцев на Красном поле под Хустом.

В произведениях советского времени не могло быть и речи о каких-либо симпатиях к Карпатской Украине и идеологии этого государства. Писатель старательно обходит стороной этот период в истории родного края, он воссоздает воспоминания крестьян о жизни накануне и во время Первой мировой войны, «критикует» в общем-то либеральное господство Чехословакии и жесткий национальный и социальный гнет со стороны венгров, но подозрительно умалчивает о временах Карпатской Украины и о процессе формирования национального самосознания. Ничего хорошего об этом периоде истории Закарпатья он писать не мог, а плохого, очевидно, не желал писать, так как это противоречило его убеждениям. Скорее всего, провозглашение автономии, а затем и независимости Карпатской Украины стали переломным моментом не только в истории края и абсолютного большинства населения, но и в процессе национально-языкового самоопределения Ивана Чендея.

Только с 1947 года, как отмечают биографы, И. Чендей начинает писать художественные произведения, прежде всего новеллы, рассказы и очерки, на украинском языке. Писатель позже акцентировал внимание на том, что к такому выбору он пришел самостоятельно и сознательно, после основательного знакомства с украинской классикой и современной литературой, убедившись, что украинский язык и украинская нация являются самыми близкими к языку и этносу Закарпатья. Очевидно, под влиянием усиленной украиноязычной лектуры актуализировались и предыдущие составляющие «украинского» воспитания, национального самоопределения писателя в годы чехословацкого и венгерского господства, Второй мировой войны и – особенно – Карпатской Украины. Важным фактором в формировании Ивана Чендея как писателя стала также его стажировка как журналиста в Харькове и журналистская деятельность на протяжении многих лет в ужгородской областной газете «Закарпатская правда».

Сам писатель утверждал, что писать на украинском языке ему было непросто, приходилось преодолевать «сопротивление» языка, который довелось досконально усваивать не с детства, а в зрелом возрасте, хотя вопрос о том, что можно было бы творить на каком-либо другом языке, не вставал: «Нам на Закарпатье подчас бывает нелегко по целому ряду причин, когда заходит речь, конечно, о языке. Тут и диалект, и бывшая школа, и отсутствие доступа к украинской книге во времена оккупации... Но литература не знает никаких объективных обстоятельств для оправдания, она знает явления литературы,

считается с ними. Сам я до сих пор сделал очень мало, намного меньше, чем хотел сделать, и всегда я чувствовал себя в конфликте с языком» («...література...» 2007, с. 31-32).

Уже первая послевоенная новелла «Ружана» (1947) написана на отборном украинском языке, с абсолютным доминированием норм литературного языка. Наряду с этим можно отметить, что в тексте новеллы встречаются характерные для малой родины писателя диалектизмы. Общепринято считать, что использование диалектизмов в художественном произведении должно быть умеренным, местные фонетические, лексические, морфолого-синтаксические языковые особенности должны воссоздавать экзотичность края, местный колорит, реалии бытия местного населения, особенно если у них нет соответствующих форм в литературном языке. Но очень важно, чтобы диалектизмы были понятны из контекста, не порождали необходимости постоянно выяснять значение тех или иных форм, так как это разрушало бы целостное восприятие текста. Совет умеренно и уместно использовать диалектизмы является очень ценным, но всегда общим, ибо он не определяет и не может определить конкретных параметров соотношения диалектных и литературных языковых норм. Писатель в каждом конкретном случае должен эту сложную дилемму решать самостоятельно, и точно так же каждый более или менее подготовленный читатель самостоятельно решает для себя уместность введения автором в текст диалектизмов, их достаточность, недостаточность или избыточность.

Употребление диалектизмов в первой украинскоязычной новелле И. Чендея было очень умеренным, писатель чаще всего использует диалектные лексемы для обозначения понятий и предметов, у которых нет прямых соответствий в литературном языке (*колыба* (строение в горах), *токан* (блюдо местной кухни из кукурузной муки), *кисницьи* (сенокосные поляны), названия трав и цветов *невистульки*, *головань*, *синие свечки*, *дзвнички* и др. (Чендей 1982, т. 1, с. 20-25)). Изредка диалектизмы воссоздают местный колорит, дублируя общелитературные лексемы: *деревище* вместо *труна* (гроб), *стайня* вместо *хлив* (хлев), *банкивка*, *стивка* (названия банкнот) и др. Для воссоздания колорита используются и местные фразеологизмы (*чтобы его разметало человеческое добро*, *чтобы повесился на сухой ольхе* и др.). Стоит отметить, что писатель, однако, не поддается соблазну использовать исключительно диалектные лексемы, которые используются жителями Дубового и близлежащих верховинских сел, подыскивая им соответствия в литературном языке. Из приведенных аргументов можно сделать вывод, что абсолютное большинство текста понятно для читателя из любых регионов Украины, неизвестные для него диалектизмы он легко может воссоздать из контекста, хотя «Объяснение отдельных слов» (Чендей 1982, т. 2, с. 512-515) тоже кажется вполне уместным для каждого общеукраинского издания произведений И. Чендея.

Задекларированные в первом украинскоязычном произведении писателя способ употребления диалектных форм, их соотношения с литературными нормами остаются почти неизменными для всего дальнейшего творчества И. Чендея, независимо от жанра и времени написания новых текстов, и это при том, что на протяжении дальнейшего полувека писатель прошел сложный эволюционный путь (проблематика, жанры, наррация). Объяснить это можно тем, что неизменным оставался локус произведений писателя: родное Дубовое, его трансформированный вариант – село Забереж, шире – верховинский ареал, иногда села Свалявского или Мукачевского районов, а главными персонажами этих произведений остаются крестьяне-закарпатцы с их ежедневными заботами и неизменными экзистенциальными ценностями. Исключение составляет небольшая группа произведений из жизни интеллигентов-писателей, по большей части – сатирически-иронических, да повесть «Далеке плавання» («Дальнее плавание»), действие которых происходит в областном центре (имеется в виду Ужгород), поэтому в этих произведениях использование диалектизмов сведено к минимуму. Но для всего творчества Ивана Михайловича Чендея становится само собой разумеющейся нормой использование украинского языка как литературной формы национального языка, неотъемлемой частью которого являются закарпатские (русинские) диалекты, в частности, и родной для писателя верховинский диалект.

Література

- АРИПОВСЬКИЙ, В., 1956. Новели Івана Чендея. *Закарпатська правда*. 2 лютого, с. 3-4.
- ВЕГЕШ, А., 2007. Літературно-художні антропоніми у творах Івана Чендея. *Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства*. Вип. 11: Творчість Івана Чендея в загальноукраїнському літературному контексті. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», с. 204-207.
- «...література не знає ніяких об'єктивних обставин для виправдання...»: *Листи Івана Чендея до Юрія Станинця*, 2007. *Екзиль (Ужгород)*. № 5, с. 29-34.
- МИГОЛИНЕЦЬ, О., 2007. Використання діалектної лексики у повісті Івана Чендея «Терен цвіте». *Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства*. Вип. 11: Творчість Івана Чендея в загальноукраїнському літературному контексті. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», с. 225-227.
- СТАТЄЄВА, В., 2007. Іван Чендей як мовна особистість: чинники становлення. *Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства*. Вип. 11: Творчість Івана Чендея в загальноукраїнському літературному контексті. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», с. 239-253.
- СТЕРЧО, П., 1965. *Карпатсько-українська держава*. Торонто: Наукове товариство ім. Т. Шевченка, с. 288 с.
- УДОВИЧЕНКО, Г., 1957. Деякі питання стилю письменника. *Радянське Закарпаття: Літературний альманах*. Ужгород, № 1, с. 144-151.
- ЧЕНДЕЙ, І., 1982. Вибрані твори: В 2-х т., т. 1. Оповідання. Птахи полишають гнізда...: Роман. Київ: Дніпро, 1982, 623 с.
- ЧЕНДЕЙ, І., 1982. Вибрані твори: В 2-х т., т. 2. Повісті. Київ: Дніпро, 1982, 516 с.
- ЧЕНДЕЙ, І., 1987. Вікна у світ. Київ: Дніпро, 1987, 495 с.

Majya Vaskiv

Kamyanets-Podilskiy Ivan Ohienko National University, Ukraine

Research interests: comparative linguistics, dialectology.

THE PROBLEM OF NATIONAL AND LINGUISTIC SELF-IDENTIFICATION IN THE WORKS OF IVAN CHENDEI

The paper discusses the problems of reception in the works of Ivan Chendei in the light of linguistic relations in Zakarpatje in the 20th century. The article also deals with the problem of linguistic choice as made by the writer. It also analyses stylistic peculiarities of the literary language in the texts by Ivan Chendei.

KEY WORDS: linguistic unification, assimilation, literary language, dialectal words, linguistic and national self-identification

Ingrida Eglė Žindžiuvienė

Vytautas Magnus University, Lithuania

K. Donelaičio g. 52-615, 44248 Kaunas, Lithuania

Tel. (8-37) 327 838

E-mail: i_zindziuviene@hmf.vdu.lt

Research interests: comparative literature studies, literary theory and cultural studies

TRAVEL NARRATIVES IN RETROSPECTION: NEW TENDENCIES VERSUS TRADITION

Travel narratives or travel fiction constitute a considerable part of contemporary popular fiction, while travel as a theme has become a key theme for the humanities and social sciences. As a field of scholarly research, the critical attention to travel writing is relatively young (Hulme and Youngs, 2002); however, due to the processes of globalization, travel writing has strengthened its position in recent years and has become an international literary field, drawing the attention of many readers. The aim of this article is to present a short historical survey of travel writing, to analyze types and forms of travel literature, to define the narrative structure and main elements of travel narrative, and to analyze these features in Peter Mayle's novel A Year in Provence (1989). Peter Mayle (b. 1939), a contemporary British author, has permanently lived in France since the late 1980s; thus, many of his novels include a cross-cultural (British-French) paradigm.

KEY WORDS: *British literature, travel fiction, travel narrative, travel literature, ethnographic dimension, popular narrative, gourmet fiction.*

Globalization of the world has inspired certain new developments in British literature. Nick Bentley notices the importance of “blurring of the boundaries between fiction and reality” in postmodern literature (Bentley 2005, p. 4). This may explain the increased amount of popular literature, which is often grounded in reality. Among all the writing tendencies since the 1990s in European fiction, travel literature has appeared a significant phenomenon. Much contemporary British fiction has been concerned with the imaginative or realistic “construction of contemporary spaces and with the relationship between history, geography and identity” (Bentley 2005, p. 13). Migration of people has resulted in different representations of cultural environment. Physical environment has appeared in many postmodern novels and added a considerable touch of reality. “Countercultural narratives” (Bentley 2005, p. 14) have become a popular branch of fiction, the subpart of which is travel literature, a genre that has always interested readers. As Peter Hulme and Tim Youngs (2002) state, “travel has recently emerged as a key theme for the humanities and social sciences, and the amount of scholarly work on travel writing has reached unprecedented levels” (Hulme and Youngs, 2002, p. 1). Mary Baine Campbell (2002) observes that despite the previously existed “subliterary” aspect of travel narratives, travel literature as genre was described in the 1980s (Campbell 2002, p. 261). Although this new literary trend has been widely discussed only since the end of the twentieth century mostly, travel narratives had existed even before the *Odyssey* that “describes an epic journey which offers a blueprint for the romance, indirection and danger of travel as well as the joy (and danger) of homecoming” (Hulme and Youngs 2002, p. 2). Travel always brings new experiences, knowledge and the understanding of other cultures, thus, in the present-day world this type of literature has strengthened its position.

Travel literature has changed in its quality as travels have become more common and popular. Also, the traveler has always been concerned with more than the places s/he has visited, and in the past, tended to be an adventurer, a starting writer or a well-known writer, a scientist or a biologist (Travel Literature 2007, p. 1). However, nowadays travel literature is more associated to the feelings of the traveler and his or her gained experience and knowledge than to the descriptions of

sightseeing that had impressed the writer. As Alain de Botton observes, starting from different impressions the writer's experience gradually turns into "a compact and well-defined narrative" (de Botton 2003, p. 15). Contrary to earlier travel narratives, the contemporary ones contain a surprisingly large amount of personal experience. Thus, personalization of contemporary travel narratives is one of the most distinct features of travel fiction nowadays. The purpose of traveling itself has become different: for example, earlier travel narratives included much geographical and scientific information, while the present-day travel writing includes the attitude of the author/traveler to places, customs and people. "Cultural significance of place" and the contrastive aspect of different settings have become important features of travel fiction nowadays (Hardy 2008, p. 7). According to Stowe, "most nineteenth century American travelers used Europe for both social and personal purposes, a large minority also exploited it for professional ends, using their tours as occasions and subjects of writing" (Stowe 1994, p. xii). It was a good way of getting new knowledge and inspiration: more and more travelers and readers interested in this travel literature appeared. In addition to this, the cause of such popularity was "its attractiveness as an established, respectable, and relatively undemanding literary genre" (Stowe 1994, p. 11). The readers liked it because of the lack of possibilities to travel themselves or because it was not too difficult to read and it did not require specific knowledge.

Travel narratives have always been ascribed to popular literature. This can be explained by William H. Sherman who states that in the sixteen and the seventeen centuries "literacy rates were still relatively low and many of the texts spoke to very limited audiences with very specific purposes" (Sherman 2002, p. 19). Later, when the reading audience grew bigger in number, more publishers appeared who published travel writing. Travel narratives got popular and influenced other genres of literature. As Michael Carhart claims, "travel literature was the second-bestselling genre in the early modern era, behind only history" (Carhart 2010, p. 1). Numerous descriptions of different places and countries appeared that characterized the target country in detail. It made the readers imagine all the adventures and surroundings of events taking place in the novels or stories. As William H. Sherman explains, "travelers made contact with new regions and peoples /.../ there was a significant audience for travel writing, eager to hear the news of the wider world" (Sherman 2002, p. 19). Thus, travel literature is one of the genres that have always raised great interest all over the world. When the illiteracy of many people was not a problem any more and there were more books produced, travel narratives became even more popular. The readers could finally get more information about different countries, their cultures, society and customs. They were aware of all the distinctions and varieties of people and their surroundings. Readers wanted to know more about all the events, read about new experiences and adventures of the people who dared to leave their country and go where their mind would take them. During the ages, the concept of travel literature has changed. It still tells about all the particularities of other countries and societies but now it has less geographical or factual information. It is concentrated on the experience of the travelers and their point of view.

Travel literature is a wide genre, which includes travel writing by famous authors, geographical explorations by travelers who recorded their travels, accidental writers who, under the spell of different surroundings, would record their feelings on paper. The origins of travel writing lie in pilgrimage: William H. Sherman claims that "pilgrimage was the dominant medieval framework for long-distance, non-utilitarian travel" (Sherman 2002, p. 24). Peter Hulme and Tim Youngs explain that pilgrims "were ancestors of modern tourists" (Hulme and Youngs 2002, p. 2). Later travelers were able to use their routes being aware of the experience and the curiosity of pilgrims. Another type of travel writers were errant knights. Chivalric literature "was the other major paradigm inherited from medieval travel writers, and it sometimes overlapped the spiritual quest of the pilgrims" (Sherman 2002, p. 24). Merchants also used to participate in the process of writing travel narratives. As William M. Sherman claims, merchants used to do that "whether in the author's and printer's desire to make money or in the sponsorship of specific ventures" (Sherman 2002, p. 25). Historically, these works of travel literature were quite serious and important ones because of the documentation as

they were responsible for keeping careful records of their movements (Sherman 2002, p. 17). These records aided the forthcoming travelers and provided them with additional geographical knowledge. Moreover, there were explorers who “were not always interested in writing, and alongside the famous names we associate with early travels are the often obscure names of those who described them” (Sherman 2002, p. 25). Thus, all the explorers used to travel for their personal reasons or in order to explore different parts of the world. Others, for example, colonizers, mostly wrote texts that described and debated England’s colonial ambitions in the early modern period (Sherman 2002, p. 26). These travel narratives provided more information related to colonizers and historical facts than the narratives by usual travelers, as people used to record their experiences and descriptions of their life, different places and culture.

Political relationship among countries have made a considerable influence on travel narratives: politicians and, especially, ambassadors also form a part of the list of the authors of travel literature. As William Sherman states, “no community was in a better position to report on foreign lands than ambassadors” (Sherman 2002, p. 27). They were always closer to the new things happening in the other parts of the world so they could inform people in their native countries of the peculiarities of the host ones. Furthermore, there were scientists and explorers who, participating in expeditions, contributed to travel literature. Scientists and explorers wrote about their travels and new experiences abroad; however, they did not concentrate on travels as the main subject of their writing and used to include additional information (often historical or cultural) that would suit the expectations of the reading audience.

Travel literature is a genre that have had different types of writers producing travel narratives. Many famous authors were also travel writers: for example, Thomas Jefferson (*Travel Journals* (1784-1789), James Fenimore Cooper (*Gleanings in Europe* (1836-1837)), Charles Dickens (*Pictures from Italy* (1844-1845)), Mark Twain (*The Innocents Abroad* (1869)), Henry James (*A Little Tour in France* (1884)), D. H. Lawrence (*Sea and Sardinia* (1921)), William Somerset Maugham (*On a Chinese Screen* (1922)), John Steinbeck (*Travels with Charley: In Search of America* (1962)), Paul Theroux (*The Great Railway Bazaar* (1975)), Bill Bryson (*Neither Here Nor There: Travels in Europe* (1992)) and many others. Probably, each country can boast of outstanding travel writers. All of them played a significant role in the history of travel literature in terms of new geographical, historical or personal information included in their narratives. Thus, travel writers can be classified into several groups: writers whose aim is to describe people, their customs and traditions (long-term travels); writers who have settled in a particular place for a longer period of time; famous writers, inspired by the exotic of adventures. A big group of travel writers consists of writers of Diaspora, who, although first challenged by different surroundings, later may opt for adaptation of different customs. The attitude of travel writers towards the target location can also be of great importance: for example, an outsider or stranger may meet antagonistic local people or, on the contrary, the outsider meets friendly people so that a curious person builds close relationship with the locals; a writer/traveler may be an adventurous optimistic person or a person emerged into sophisticated contemplations about the influence of the place on the individual. If the writer gets closer to a particular society or people, his/her travel account may appear more reliable. Travel writers produce narratives that differ in purposes and functions, writing style and formality. The only thing that is common is the traveling information given in all of the accounts. According to Mary Baine Campbell (2002), contemporary travel narratives try to answer questions about identities, stereotypes, different values and cultural aspects.

As Hulme and Youngs state, “travel writing is best considered as a broad and ever-shifting genre” because it presents various other issues apart from traveling (Home and Youngs 2002, p. 10). The genre consists of purely fictional travel narratives, imaginary travel narratives, fantastic travel stories, realistic travel narratives that contain some fictional elements, essays or journalistic accounts. The latter type of travel narratives are guidebooks, travel chronicles and other travel accounts.

According to Stowe, they “set the planner dreaming of foreign scenes, great works of art, moving, scenery, and unaccustomed luxury” (Stowe 1994, p. 29). Guidebooks give the main information for a traveler, such as the basic information about the country, the best places to stay and see. They also “tell tourist what kind of behavior is appropriate to each site and indicate what kind of fulfillment to expect from him” (Stowe 1994, p. 29). Different cultures and customs exist and it is always useful to know them in order to respect them during the visit. As Stowe asserts, “guidebooks promulgate more specific, historically determined relations between travel, knowledge, and satisfaction” (Stowe 1994, p. 44). In other words, guidebooks help to plan travels, get people aware of a lot of useful and interesting information, and give the pleasure of reading. However, often travel guides are impersonal and contain tourist information.

Another type of travel narratives is travel chronicles. According to Stowe, the writers of this type of travel narratives have “the opportunity to testify to what were often transformative, always extraordinary, passages in their lives and to court the prestige of authorship by contributing to an established literary genre” (Stowe 1994, p. 55). There are two subtypes of travel chronicles: newspaper travel accounts and book-length travel chronicle. Stowe explains that newspaper travel accounts instruct and amuse their readers and “entice the potential travel writer with the prospect of authorship” (Stowe 1994, p. 57). The book-length travel chronicle is “often compiled from newspaper dispatches and private letters, with a clear reportorial purpose and an overall shape dictated by the outline of the author’s actual travels” (Stowe 1994, p. 57). These narratives are based on his/her real experiences and adventures of traveling. Travel journalism, travel writing for newspapers and magazines, is another popular type of a narrative, which can be analytical and descriptive and has recently spread widely in the form of web sites. Travel narratives just like other genres of literature are different and distinguished by certain purposes and features. Travel narratives are usually detailed or more explicit so that the readers could get specific information and imagine all the adventures and visualize the particular location. In addition to this, writers have different purposes of travelling. Some of them travel and take down their adventures out of their own interest, others write in order to inform and/or educate the readers. The type of the traveler-writer, relationship between reality and fiction, the paradigm of time, the purpose of writing and the type of the narrative determine the structure of travel narratives.

Another system of classifying travel literature is according to its nature. Peter Hulme and Tim Youngs state that “travel writing of the last twenty five years can be detected as the comic, the analytical, the wilderness, the spiritual, and the experimental” (Hulme and Youngs 2002, p. 93). The first sub-category contains comic elements and parody. Analytical type travel narratives usually analyze different cultures, politic systems or other differences between distinct societies. The wilderness usually refers to the wild nature described in travel narratives. The spiritual type of travel literature concentrates not only on a certain journey but also on the feelings of a person who is in the process of gaining new experience and knowledge. Experimental narratives usually present innovative method of traveling, new routes or directions, and the changed role of the traveler. Moreover, travel literature has many features based on ethnographical issues. From the ethnographic point of view, travel narratives include the description of people, their nature, customs, religion, forms of government and language (Rubiés 2002, p. 242). Travelers and the readers of travel literature always concentrate on cultural, social, and political aspects of different places and countries. The ethnographic features found in travel literature are related to languages and oral rhetoric, political order, national or racial temperaments, economic activities, religion (rituals, festivals, idols and temples, religion), different points of view (to marriage, sexuality, nudity), habits, different ideologies or arts (Rubiés 2002, p. 251). These categories vary a lot depending on the attitude of the traveler to different cultures.

Representation of social stereotypes and cultural issues is a significant feature of travel narratives. Joan Paul Rubiés asserts that its reason is “intense curiosity towards the variety of human

customs, religions and systems of government” (Rubiés 2002, p. 250). Travel writers share their knowledge and experience with their readers: they may include realistic account of their travels, present some ironic or critical comments or simply exaggerate different issues with a great degree of fantasy. The description of people, who belong to a different location include comments on their behavior, philosophical issues and explanation of universal human traits (Rubiés 2002, p. 243). These descriptions are related to cultural aspects and analysis of different customs. Getting aware of curious differences between countries readers get information and learn to tolerate and respect other societies and their customs.

Another very important and easily distinguishable feature of travel literature is geography. As Joan Paul Rubiés explains, “learning geography, or cosmography, acted as encyclopedic synthesis for the description of the world” (Rubiés 2002, p. 242). Maps only give the basic geographical information, while travel narratives add more details and additional information related to a certain place and making it easier to imagine. The writer’s relationship to the location and his/her functions in it become important features in “writings about ‘foreign’ and especially ‘exotic’ places in which they have travelled and lived” (Campbell 2002, p. 261). Readers would always like the idea of knowing more about some exotic and interesting places. In addition to this, the real experience and adventures of others contain an important aspect of truth. Travel narratives make readers aware of the people of certain region, country, or culture. The writer observes them and gives his or her point of view. The particularities of this characterization depend on the possible intimacy of conversation the writer can have with the local people (Rubiés 2002, p. 254). If contacts with a particular society or people become close, then the description and analysis of the place and the local people become more reliable.

At present additional features of travel narratives have appeared. Hulme and Youngs explain that “since the late 1970s travel texts have often reflected on contemporary issues” (Hulme and Youngs 2002, p. 9). Most of travel narratives get the readers acknowledged with the most important things of a certain century. Nowadays travel narratives include discussion of contemporary problems of globalization, diaspora and “nomadism” (Campbell 2002, p. 262). Such narratives discuss the problems of residents of certain countries living in other countries and adapting different cultures due to the reasons of immigration. In other words, travel narratives not only introduce other cultures or societies but also present current problems and certain cultural or historical changes. Mary Baine Campbell observes that nowadays “‘travel writing’ provokes certain kinds of essentially literary questions of formulations” (Campbell 2002, p. 263). In other words, travel narratives try to answer some important questions about the identity of people, certain stereotypes, different values, or cultural aspects. Finally, they concern the authorial perspective of the writer (Campbell 2002, p. 263). The author may choose to include some biographical information or include the reader in structuring the narrative. The autobiographical dimension, according to Jerome Bruner (2001, p. 25), contains accounts of the authors’ themselves and may transform the travel narrative into “cultural geography” (Bruner 2001, p. 33).

Concerning the style of the language, Mary Baine Campbell asserts that the writers of travel narratives may “go primitive” (Campbell 2002, p. 268). Thus, the phrases and information given in the narratives are not too complicated, which, probably, explains the reason why readers choose this genre of literature. Despite possible fictional elements that may be present in a travel narrative, Alain De Botton labels it “a kind of essayistic writing” (de Botton in Doloughan 2006, p. 137) and discloses different stages of a journey as represented in the travel narrative: motives, timing, departure and return, the role of landscape and other issues. Travel narratives depend on the authors’ choices about the location and time and degree of personal experience, which is “allowed” to enter the narrative. The motives or purpose of traveling is a significant feature of the narrative, which may influence its structure. Campbell states that travel writing “has had to do with imperial periods of the later eighteenth, nineteenth, and early twentieth centuries, in which the geographical surveying of the globe

[...] produced so much knowledge in the service of so much desire for power and wealth” (Campbell 2002, p. 269). There were authors who were simultaneously travelling and producing narratives in order to gain something: conquer some lands, gain wealth. The situation and the motivation of producing narratives of this genre changed a lot in the twentieth century, after the Second World War. As Peter Hulme and Tim Youngs explain, “travel writing was not usually seen as the basis of literary career before” (Hulme and Youngs 89). Travel writers wrote for pleasure or other reasons not directly related to it as an occupation. During the second half of the twentieth century, more travel writers appeared who started writing travel narratives under the contracts with famous publishing house for commercial reasons meeting the needs of the market. Thus, as Fiona J. Doloughan rightly notices, the motives and the journey itself provide a “temporal framework for a text” (Doloughan 2006, p. 137).

The authors of travel literature often directly address the reader and develop their narrative in the first person, creating very close relationship with the reader. As William H. Sherman asserts, “the narrative voice could be either strongly first-person or strongly third-person, depending on whether the author wanted to emphasize the travels or what they encountered” (Sherman 2002, p. 30). The first-person narrator usually appears when the author is telling about his own experience concentrating on his own point of view. The third-person narrator is often present in descriptive narratives.

Some travel narratives make a considerable use of maps or pictures, a contribution to the realistic paradigm of travel narratives. William H. Sherman asserts that this aspect has been inherited from earlier travel narratives “readers would have expected to see illustrations (of increasingly high quality), not just of harbors and important cities but of native costumes and exotic flora and fauna” (Sherman 2002, p. 31). In other words, people were interested in pictures as it was an opportunity to understand cultural and geographical aspects of other countries such as local people, their native costumes, or the exotic nature surrounding them.

As it has been mentioned above, travel literature records the experiences of the author and may be cross-cultural or transnational in focus. Mainly, cross-cultural issues become important aspects of contemporary literature, which often discusses the problems of people migration. An example of such type of cross-cultural travel narrative may be Peter Mayle’s texts. Peter Mayle (b. 1939) is a contemporary British author, who is known for his so-called Provence books, especially the ones that are considered the trilogy: *A Year in Provence* (1989), *Toujours Provence* (1992), *Encore Provence* (2000). However, most of his popular novels contain French and, in particular, Provence setting. His novels contain many features of travel fiction blended with these of “gourmet novel”, a trait which becomes a significant aspect of his thorough descriptions of Provence. Starting with *A Year in Provence*, Peter Mayle has opened space for countercultural or cross-cultural narratives in contemporary British fiction.

A Year in Provence is written in the form of a diary; the book is divided into twelve chapters, according to the months, and tells the story of a British couple whose aim was to permanently settle in Provence. The humoristic and mildly ironic first-person narrative brings two cultures, British and French, together. The author uses many French words throughout the novel to describe local people and places. Alongside useful suggestions for a traveler, the text provides information on social and ethnic identity and cultures, balancing on the thin boundary between reality and fiction. In addition, the text is loaded with tourist information; however, this information is personalized, so that the attitude of the author remains distinct:

Buoux is barely large enough to be called a village. Hidden in the hills about ten miles from Bonnieux, it has an ancient Maire, a modern telephone kiosk, fifteen or twenty scattered houses and the ‘Auberge de la Loube’, built into the side of the hill with an empty, beautiful valley below it. We had found it with some difficulty in the winter, doubting the map as we went deeper and deeper into the wilderness. (Mayle, 2000, p. 95)

Detailed descriptions of the surroundings and people help the reader visualize the place in different seasons and may encourage them to find the place.

However, the ethnographic dimension becomes another distinct aspect of this book: there is much attention to French food and eating habits that are seen as self-expression of the local people or part of their identity. This, a comparatively new, feature of travel literature, plays a significant role in Peter Mayle's texts and introduces an element of gourmet novel, often labeled "gourmet fiction", in which food, meals, eating process (daily meal rituals, eating rituals, feasts) have a direct influence on the structure of the novel:

It started with home-made pizza – not one, but three: anchovy, mushroom and cheese, and it was obligatory to have a slice of each. Plates were then wiped with pieces torn from the two-foot loaves in the middle of the table, and the next course came out. There were pâtés of rabbit, boar and thrush. There was a chunky, pork-based terrine laced with *marc*. There were tiny *saucissons* spotted with peppercorns. There were tiny sweet onions marinated in a fresh tomato sauce. Plates were wiped once more and duck was brought in. The slivers of *magret* that appear, arranged in fan formation and lapped by an elegant smear of sauce on the refined tables of nouvelle cuisine – these were nowhere to be seen. We had entire breasts, entire legs, covered in dark, savoury gravy and surrounded by wild mushrooms. (Mayle, 2000, p. 14; italic in the original)

In Mayle's text food creates positive associations, describes feelings and emotions or represents close relationship among people, who enjoy this great amount of food.

The author's personal experience is prominent throughout the book; however, the subjective point of view does not hinder the reader's understanding of factual information. Thus, Mayle's description of the places make the readers wish to search out these places; his adventures in Provence invite the readers to experience the same events; vivid descriptions of local people tempt the readers to find these people; detailed descriptions of French food provide much factual information about the French cuisine. Peter Mayle's insight into French customs is an outstanding source for cross-cultural investigations.

To sum up, travel literature is a wide genre sub-divided according to its purpose, type and nature. Firstly, travel narratives include geographical information illustrated with pictures and maps, describe the exotic of travels, analyze cultural aspects, and comment on different psychological issues. They usually describe ethnographical issues such as different customs, traditions, and society and may provide information related to religion and political system of the target country. Furthermore, travel narratives introduce certain racial and cultural stereotypes, nuances of languages, different values or the writer's point of view on many issues. Often travel narratives provide information about different ideologies and art. Being either a record of an escape from reality or an informative source for readers, contrasting the values and self-concept and presenting ethnographic dimension, first of all, contemporary travel narratives demonstrate the author's point of view, which is in accordance with the purpose of traveling, the author's experience and style.

During many centuries travel literature has become a broad and important genre, attracting many readers. Alongside the cross-cultural aspect of this type of writing, it can appear in many forms, which represent the literary tendencies of the period. The analysis of the features of travel literature has demonstrated the main tendencies and types of travel literature. Many new forms and types have appeared, such as travel newspapers and magazines, or travel web sites. In addition, travel narratives have gained new features and discuss different contemporary issues. However, the tendency to personalize travel narratives becomes the most significant feature nowadays.

The analysis of the features of travel narratives in Peter Mayle's novel *A Year in Provence* (1989) has proved the importance of geographical information, exotic of travels, ethnographic and linguistic aspects. In the travel narrative, the author's voice becomes distinct: biographical elements, "self-making and world-making" (Bruner 2001), the author's point of view on different issues, the purpose of traveling, and the intimacy of conversation with the local people are the features in Peter

Mayle's novel that present the cross-cultural perspective on the social systems in France and Great Britain. Moreover, common national temperaments and habits of the French, different psychological issues, a different point of view, and the description of the social system of the country can be a valuable source of information.

References

- BENTLEY, N., 2005. Introduction: mapping the millennium. In *British Fiction of the 1990s*. Eds. N. Bentley. Routledge: London, p. 1-18.
- BRUNER, J., 2001. Self-making and world-making. In Jens Brockmeler and Donald Carbaugh (eds.) *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, p. 25-37.
- BURGESS, H., 2003. Stereotypes/Characterization Frames. October 2003. Accessed 11 April 2010. <http://www.beyondintractability.org/essay/stereotypes/>
- CAMPBELL, M. B., 2002. Travel Writing and its Theory. In *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Eds. Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, p. 261-278.
- CARHART, M., 2010. Travel and Travel Literature. Accessed 19 March 2010. <http://www.encyclopedia.com/doc/1G2-3404901137.html>
- A Conversation with Author Peter Mayle. 2007. Accessed 24 October 2009. http://www.paris-expat.com/interviews/07-04_mayle.html
- DE BOTTON, A., 2003. *The Art of Travel*. London: Penguin.
- DOLOUGHAN, F. J., 2006. Narratives of Travel and the Travelling Concept of Narrative: Genre Blending and the Art of transformation. *COLLEGIUM Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences 1*. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 134-144.
- GOTTWALD, N. K., 2008. Nomadism. In *Jewish Virtual Library*. 2008. Accessed 17 April 2010. http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0015_0_14904.html
- HARDY, S., 2008. *Relations of Place. Aspects of Late 20th Century Fiction and Theory*. Brno: Masarykova univerzita.
- HULME, P.; YOUNGS, T., 2002. Introduction. In *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Eds. Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, p. 1-11.
- IMBODEN, D., 1996. Travel Writing for Pleasure and Profit: Magazines and Newspapers. 1996. Accessed 1 March 2010. http://www.writing.org/html/a_travel_writing_1a.htm
- IMBODEN, D., 1996. Travel Writing for Pleasure and Profit: Web Sites. 1996. Accessed 1 March 2010. http://www.writing.org/html/a_travel_writing_1b.htm
- MAYLE, P., 2000. *A Year in Provence*. London: Penguin Books.
- RUBIÉS, J. P., 2002. Travel Writing and Etngraphy. In *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Eds. Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, p. 242-260.
- SHERMAN, W. H., 2002. Stirrings and Searchings (1500-1720). In *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Eds. Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 17-36.
- STOWE, W. W., 1994. *Going Abroad: European Travel in Nineteenth-century American Culture*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.
- Travel literature. *Encyclopedia Britannica Online*. Accessed 5 April 2010. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/417685/nonfictional-prose/51185/Travel-and-epistolary-literature#ref=ref505246>

Ingrida Eglė Žindžiuvienė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: literatūros komparatyvistikos tyrimai, literatūros teorija, kultūrinės studijos

KELIONIŲ LITERATŪROS RETROSPEKTYVA: TRADICIJOS IR NAUJOS TENDENCIJOS

Santrauka

Kelionių literatūra ar kelionių naratyvai užima svarbią vietą šiuolaikinėje populiariojoje literatūroje, o kelionės tema tapo svarbia humanitarinių ir socialinių mokslų sritimi. Kaip mokslinių tyrinėjimų objektas, tai yra gana nauja sritis, ypač sukėlusį susidomėjimą 20-jo amžiaus pabaigoje. Šiuolaikiniame pasaulyje, įtakojamame globalizacijos bei migracijos veiksnių, kelionių aprašymai vis labiau populiarėja. Straipsnyje glaustai pateikiama istorinė kelionių literatūros apžvalga, pristatomos kelionių literatūros rūšys bei aprašomi kelionių literatūros bruožai. Kaip vienas iš šiuolaikinių

kelionių literatūros pavyzdžių analizuojamas britų rašytojo Peter Mayle romanas “Metai Provance” (1989), kuriame ypač ryškus etnografinis elementas: aprašomi vietinių gyventojų papročiai, elgesys, gyvenimas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: britų literatūra, kelionių romanas, kelionių naratyvas, etnografinė dimensija, populiarusis naratyvas, gurmaniškasis romanas.

LINGVISTINĖ LITERATŪRINIO TEKSTO ANALIZĖ
LINGUISTIC ANALYSIS OF A LITERARY TEXT
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Nadiya Andreychuk

Lviv National Polytechnic University, Ukraine

Stepana Bandery Str. 12, 79013 Lviv, Ukraine

Tel.: 80505496733

E-mail: annadija@yahoo.com

Research interests: communicative linguistics, discourse, lingual cultural codes,

**LINGUAL CULTURAL CODES IN TUDOR ENGLAND RELIGIOUS DISCOURSE:
STRATEGIES OF RESEARCH**

Modern linguistics seems to be so impressed by the qualities of words seen as tools of controlling discourse that they attribute hidden powers to them. The article deals with strategies of discourse research based on discovering these „hidden powers” named lingual cultural codes. In this paper we suggest our definition of discourse, as a repeated functional and semantic unity of systemic features which are communicatively organized and become entrenched in the language space of a certain epoch and which model the cultural and language universe of this epoch in its existential continuum on the basis of the sign function of the language. The semiotic notion of code is treated as a specific formation reflecting correlation between sign, interpreter and object in the conscience of interpreter and is viewed as an effective instrument of discourse studies. The focus of the article expands to consider religious discourse as a subtype of institutional discourse. A code-centered approach to the analysis of Tudor religious discourse allows to discover human-centered character of this discourse.

KEY WORDS: sign, lingual cultural code, institutional discourse, religious discourse, Tudor England

In modern linguistics discourse is viewed as a unit of the peculiar level of linguistic phenomena research. It is treated as a hierarchically organized integral cognitive-communicative system, the study of which allows to explain, on the one hand, (a) the process of communicative activity and generation/reception of texts proceeding from the analysis of cognitive structures generated by communicants and, on the other hand, (b) mechanism of the activation of these structures (conceptualization of the sign-symbolic form of the text under the influence of the communication parameters). In this article the notion of discourse is viewed through the prism of semiotic aspects of language and some strategies of research based on semiotic approach to the discourse analysis are suggested.

About half a century ago R.Jacobson published his famous article “In search of the essence of language” (Якобсон 2001, p.14). For him, the essence of language is its being in the form of a system of signs. Semiotic approach allows us to regard real functioning of the language as a semiosis in which discourse functions as a sign. We owe this idea to L.Hjelmslev who described the sign as the result of semiosis taking place in the process of speech and argued that that the size of the units of its manifestation is not substantial for their definition. In other words, besides minimal signs such as „words”, we can speak about signs-utterances or signs-discoursers (Греймас, Купте 1983).

Treating discourse as a sign, we can single out three different types of information contained in it: 1) information concerning the correlation of substance and expression; 2) information concerning the correlation of sign and signified; 3) information concerning the correlation of sign and other signs in the utterance. These three types of information correlate with the ideas of Ch. Morris who, proceeding from the ancient traditions, singles out three (or four) factors of semiosis: what functions as a sign; what the sign points at; what makes a certain thing a sign for an interpreter. The fourth factor is an interpreter (Моррис 2001). In a way these types of information (factors of semiosis) correlate with the directions of research pertaining to the sign nature of discourse. Three directions can be singled out, namely: 1) qualification of a text as an indissoluble signal in the sign space of culture (Лютман 1996); 2) researches related with the ideas put forward by the French semiotic school (J.-J. Courtine, M. Pêcheux, A. J. Greimas) and dealing with discourse semantics. The latter is treated as the connection between „meanings” of the text and social and historical environment of this text emergence, as well as the components of these meanings (Квадратура смысла 1999). In those works where discourse is studied as a semiosis, the latter is identified with the process of signifying and discourse itself is viewed as a modeling (and, correspondingly, modeled) system, as a unity of systemically organized features formed in the process of information exchange. Treatment of discourse as a semiosis serves as the methodological prerequisite for the modeling of all the components of communication; 3) the third direction is related with the discovering of the field of signifying elements, namely those sense forming elements and principles which provide the identification of discourse as a sign. This approach presupposes the discovery of means and ways of combining “internal elements” into sign unity. Here belong linguists of post structural trend (J. Butler, D. Howarth, E. Laclau, Ch. Mouffe, J. Torfing), who study the “identity of discourse” in the chain of signification through signifiers which perform the structuring role. This direction also includes the ideas of modern discourse theory based on the concept of index. This concept was introduced by Ch. Pierce who singled out three types of meanings based on sign links: symbols (random links between the form and the meaning); icons (recreate one of the referent’s aspects); indices (characterize existential links with the referent) (Пирс 2000). Ch. Pierce contended that the function of the sign is mediation, they serve to bring together items that otherwise might not be connected. In his view, signs do not give rise to a single interpretant but rather to a potentially endless series of interpretants, thus he emphasizes the open-endedness of semiosis.

N. Kravchenko believes that semiotic aspect is only one of six main aspects of discourse defining which include: 1) text aspect (discourse as text), 2) social and institutional aspect (discourse as institutionally modeling and institutionally modeled structure; as a mental creation that generalizes a set of variables; 3) conversational aspect (discourse as oral speech); 4) cultural and semiotic aspect; 5) cognitive aspect; 6) situational aspect in the framework of overall dialogism as the basis of the situational, proceeding and synergetic character of discourse (Кравченко 2006).

In this paper we suggest our definition of discourse, as a repeated functional and semantic unity of systemic features which are communicatively organized and become entrenched in the language space of a certain epoch and which model the cultural and language universe of this epoch in its existential continuum on the basis of the sign function of the language. We attach special importance to the treatment of discourse as a phenomenon which is generated and apprehended within institutionally set frames of social communication. G. Kress remarks that that the notion of discourse indicates the fact that social institutions produce specific modi of speech in reference to certain spheres of life bound with the nature of institutions and their role in society (Kress 1985).

Proceeding from the treatment of discourse as an institutionally set type of communication we should agree that it performs structuring function for different spheres of communication. If we view it as a modeling object that brings logic into the process of communication, we can assume that discourse typology can be based on the idea of “sublanguages” which create their own “pictures of the world” and impose some limitations on the process of communication. We believe that these “pictures” can be of two types: artistic (literary discourse) and limited by the sphere of social communication

(institutional discourse). Institutional discourse is made up of the assumptions, concerns, and vocabularies of members of socially organized settings, and the ways in which they interact (Miller 1994). It reflects the character of social and cultural processes and structures that man is involved in. Society and culture are dialectically bound with discourse - they are formed by discourse at the same time they construct discourse (Тичер et al 2009, p.198).

According to V. I. Karasik, institutional discourse represents itself as a communication in the framework of status relations. He singles out the following institutional types of discourse: political, diplomatic, administrative, legal, pedagogical, religious, mystical, medical, business, sport, scientific, etc. He also indicates that this list can be changed or expanded, as social institutions differ from each other and can not be regarded as a homogeneous phenomenon. Besides that, these types are historically variable, the existing ones may merge with each other and new types can emerge from the established (Карасик 2000). It seems proper to correlate types of institutional discourse with types of social institutions. Social institution can be defined as a relatively stable form of social life organization which ensures the stability of ties and relations within the framework of the society. It performs the following functions: a) creates the possibility for the members of this institution to satisfy their needs and interests; b) regulates activities of the society members within the framework of social relations; c) secures the stability of social life; d) assures the integration of desires, acts and interests of individuals; e) exercises social control (Коростелева 2003) These functions can serve the basis for the classification of social institutions into: a) relational – determine the role structure of the society in the system of relations; b) regulatory – enact the permissible framework of personal acts independent of social norms and punitive measures for those who step outside this framework (mechanisms of social control); c) cultural – related with ideology, religion, art etc.; d) integrative – related with social roles responsible for securing interests of social community as a whole (Коростелева 2003). If we accept the definition of a social institution as an array of roles and statuses intended for satisfying a certain social need, then we can consider family, education, religion economic system and political system as belonging to social institutions (Смелзер 1998). Religion is norm-oriented institution which provides moral and ethic orientation of people and as such it produces a special discourse including different genres.

In this article the religious discourse of Tudor England has been chosen to illustrate the possible approaches to religious discourse studies. The Tudor age refers to the period between 1485 and 1603. It coincides with the rule of the Tudor dynasty in England and is generally regarded as the English Renaissance, which took place approximately 100 years later than on the continent. The period also coincides with the Reformation, and the two eras are mutually related. The House of Tudor took England's throne through victory over Richard III, the last Plantagenet king, at the Battle of Bosworth in 1485. Its founder, the Lancastrian Henry VII laid down the foundations of his dynasty, brought an end to the civil strife of the Wars of the Roses and through his marriage to the Yorkist heiress Elizabeth of York, securely established the Tudors on England's throne. The House of Tudor ruled England for 118 years. Henry VII's son, that best known of English monarchs, the tyrannical and bloodstained Henry VIII (1509-47), is famous for having six wives, executing two of them and bringing about the Reformation in England. The throne of England was inherited by all of his three legitimate children in succession, the boy king, Edward VI (1547-53), Mary I (1553-58), known as „Bloody Mary” for her burning of Protestants and last but by no means least Elizabeth I (1558-1603), highly astute and wily, she survived an appalling childhood and adolescence to emerge as the greatest of her house and lead England to victory over the Spanish, the greatest power of the age. The Tudor dynasty became extinct on the death of Elizabeth without a direct heir in 1603. The crown of England then passed to Henry VII's great-grandson, James VI of Scotland, who became James I of England (Guy 1988).

One invention should be mentioned which had a decisive influence on the epoch. Printing, which began in Holland and Germany in the middle of the fifteenth century, had been introduced into England by Caxton in 1478. It made the distribution of ideas and propaganda possible. It is even

claimed that the great revolutionary movement of the 16th century, the Protestant Reformation, could not have occurred if printing had not been invented (Ridley 1981, p. 128).

Tudor England is most commonly associated with the Reformation and thus religious discourse seems to be an attractive object of the research. Even this extremely short review of the Tudor age abounds in mentioning religious aspects. Actually, the history of this age is inseparable from these aspects as the changes were really dramatic: “ The dissolution of the monasteries, the abandonment of so many great churches, the public display of fraudulently miraculous images, the (to many eyes) sacrilegious attack on relics and shrines, all helped shatter that air of impregnability, of the existing order as something natural, indeed inevitable, in which lay a great part of its strength...” (The Oxford Encyclopedia of Reformation, p. 231).

The hypothesis of this research is that through the analysis of lingual cultural codes we can discover some “hidden powers” which ruled the minds of people in the epoch. Encyclopedia Britannica warns that “it must be always remembered that the religious questions at issue comprised a relatively small part of the whole compass of human aspirations and conduct even to those to whom religion was especially vital, while a large majority of the leaders in literature, art, science and public affairs went their way seemingly almost wholly unaffected by theological problems” (The Encyclopedia Britannica 1926).

Having accepted the association of institutional discourse with a system of interpretations, evaluations, positioning and identification of public entities, relationships and the reality of the objects that are fixed and legitimized by social institutions, we will try to advance the idea that this interpretation is provided by lingual cultural codes which embody a certain perception of the world. To some extent this explication of lingual cultural code correlates with the notion of social code suggested by M. Petrov. He defines this notion as the principal sign realia of culture which maintains the unity of the world of activity and ensures the institutes of communication (Петров .2004, p.39). Conventions of codes represent social dimension of semiotics when treated as the set of practices in the familiar environment with the frame of a certain culture. But the codes are not just „conventions” of communication, but rather procedural systems of interrelated conventions. They organize signs into meaningful systems. Such an extensional approach means that different codes will correspond to a) sign (signifying) systems, b) different sets of coordinating rules of using signs together with the result of this usage. Thus, the function of the code is mediation: it serves to bring together text elements that have been arranged in some order.

Umberto Eco believes that codes are systems of conventions that arise in culture: “Viewed as codes they are not more than fictions but when we view them as intersubjective phenomena enrooted in the history and life of the society we get sure ground to stand on” (Эко 1998, p.336). For information to be transformed into the system of codes as intersubjective phenomena we need communication inside the social system. Actually social information can be realized by means of different semiotics, including non-verbal ones which possess their own codes. Thus, lingual cultural codes present only a particular type of cultural codes and their shaping plays a determinant role in the formation of the national cultural space. They make up the semantic “inventory” of this space which is found in both literary and institutional discourse.

While speaking about the subject matter construed by scientists for the domain of lingual code, it is appropriate to explain that its definition depends upon the choice of a given investigative perspective. In this article the idea that institutional discourse hides a lot behind the information concerning the correlation of substance and expression and the information concerning the correlation of sign and signified will be supported. There are some “hidden” ties between key reference fields of discourse which make up lingual cultural codes.

To discover lingual cultural codes of the religious discourse of Tudor England three sample texts have been chosen for the analysis: *A Necessary Doctrine and Erudition for Any Christian Man; Set Forth by the King's Majesty of England* by Thomas Cranmer (number of words– 844 (Cranmer T.);

A Prologue upon the Epistle of Saint Paul to the Romans by William Tyndale (number of words – 10797 (Tyndale W.); *Sermons Preached Before King Edward the Sixth, The First Sermon* by Hugh Latimer (number of words– 6782) (Latimer H.). The next stage of analysis was applying Tropes software which was developed by Semantic-Knowledge in 1994-2010 with the purpose of text analysis. The aim of the programme is to analyze texts, reducing them as far as possible to their essentials. Having processed the chosen text it has been discovered that: 1) the most important reference fields in all texts are the same (religion, feeling, man, behavior, body); 2) all the reference fields are mutually interconnected; 3) the most essential actants for **Religion** are *feeling, power, law, social organization, state, language, life, behavior, cognition, work, advantage, body, mythology*; 4) the most essential actants for **Feeling** are *religion, cognition, power, man, behavior, advantage, law*; 5) the most essential actants for **Behaviour** are: *religion, man, woman, cognition, nature, work, advantage, body, social organization, language*; 6) the most essential actants for **Body** are *religion, feeling, cognition, work, behavior, social organization*; 6) the most essential actants for **Man** are *religion, behavior, law, work, family, feeling, cognition*. As the texts chosen for the analysis belong to the religious discourse, the leading role played by the words belonging to the reference field **Religion** is intrinsic. What is of special interest and what becomes obvious due to the application of Tropes is the close relation between the five principal fields. More than that, the discovered actants prove special importance of *cognition* as it is encountered as an actant in all reference fields as well as social parameters (law, power, social organization). Detailed analysis of contexts for each chosen reference field, which are easily singled out and systematized with the help of the Tropes, provides additional insights into the language use. In general, the material obtained with the help of this software, can be viewed as the basis for the reconstruction of lingual cultural codes characteristic of the religious discourse of Tudor England.

Thus, the study of discourse in the semiotic aspect and namely the analysis or rules of combining signs in discourse, treated as lingual cultural codes, can provide a new strategy of discourse research and secure the depth of message authentication. In reference to Tudor England religious discourse, it has been proved that the lingual cultural code emphasizes the special character of cognition for the epoch under study and thus testifies to the human-centered character of religious discourse.

References

- ГРЕЙМАС, А. Ж.; КУРТЕ, Ж., 1983. *Семиотика*. Объяснительный словарь теории языка. Семиотика. Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. Москва: Радуга, с. 485-550.
- КАРАСИК, В. И., 2000. Структура институционального дискурса. *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, с. 25 – 33.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*., 1999. Пер. с фр. и португ. Общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; предисл. Ю. С. Степанова. Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 416 с.
- КОРОСТЕЛЕВА, Е. А., 2003. *Социальный институт. Социология*: Энциклопедия. Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск.: Книжный Дом, 1312 с.
- КРАВЧЕНКО, Н. К., 2006. *Интерактивное, жанровое и концептуальное моделирование международно-правового дискурса*. Киев: Реферат, 320 с.
- ЛОТМАН, Ю. М., 1996. *Текст у тексті: Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст.* За ред. М. Зубрицької. Львів: Літопис, с. 428-441.
- МОРРИС, Ч. У., 2001. *Основания теории знаков: Семиотика: Антология*. Сост. Ю. С. Степанов. Изд.2-е, испр. и доп. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, с. 45-97.
- ПЕТРОВ, М. К., 2004. *Язык, знак, культура*. Изд.2-е, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС, 328 с.
- ПИРС, Ч. С., 2000. *Избранные философские произведения*. Пер. с англ. К. Голубович и др. Ред. Л. Макеева и др. Москва: Логос, 411 с.
- СМЕЛЗЕР, Н., 1998. *Социология*. Пер. с англ. Москва: Феникс, 688 с.
- ТИЧЕР, С.; МЕЙЕР, М.; ВОДАК, Р.; ВЕТТЕР, Е., 2009. *Методы анализа текста и дискурса*. Пер с англ. Харьков: изд-во Гуманитарный Центр, 356 с.

ЭКО, У. 1998. Отсутствующая структура. *Введение в семиологию*. Пер. с англ. А. Г. Погоняйло, И. Г. Резник. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 432 с.

ЯКОБСОН, Р., 2001. *В поисках сущности языка: Семиотика: Антология*. Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, с. 111-126.

CRANMER, T. A. *Necessary Doctrine and Erudition for Any Christian Man*; Set Forth by the King's Majesty of England; [Online reference] available at: < <http://www.ccel.org/ccel/cranmer/doctrine/files/doctrine.html>>

GUY, J., 1988. *Tudor England*. New York: Oxford University Press, 582 p.

TYNDALe, W. A. *Prologue upon the Epistle of Saint Paul to the Romans*; [Online reference] available at: < <http://www.bible-researcher.com/romansprologue.html>>

KRESS, G., 1985. Ideological structures in discourse: *Handbook of discourse analysis*. Vol.4. London. p.27-42.

LATIMER, H. *Sermons Preached Before King Edward the Sixth, The Last Sermon*; [Online reference] available at: < <http://anglicanhistory.org/reformation/latimer/sermons/edward8.html>>

MILLER, G., 1994. Towards ethnographies of institutional discourse: *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 23, No. 3. p. 280-306.

RIDLEY, J., 1981. *The history of England*. London: Routledge & Kegan Paul, 331 p.

The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Science, Literature & General Information, 1926. Thirteenth edition, vol.23. London: The Encyclopædia Britannica Company Ltd.; New York: The Encyclopædia Britannica Inc., 1024 p.

The Oxford Encyclopedia of Reformation, 1996. Ed. in chief Hans J. Hillerbrand. In 4 volumes. Vol 2. New York, Oxford: Oxford University Press, 506 p.

Надежда Андрейчук

Национальный университет «Львовская политехника», Украина

Научные интересы: дискурс, коммуникативная лингвистика, языковые культурные коды

ЯЗЫКОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛИЙСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ТЮДОРОВ: СТРАТЕГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Резюме

В статье рассматриваются стратегии изучения дискурса с использованием семиотических подходов. В частности, предлагается новый ракурс рассмотрения семиотического понятия кода как лингвального культурного образования отражающего скрытые соотношения знака, интерпретанты и объекта в сознании интерпретатора. Религиозный дискурс рассматривается как тип институционального дискурса, который является предметом научных исследований, относительно определенных видов общения в процессе коммуникации, которые можно выделить соответственно к социолингвистическим признакам, то есть на изучении общих закономерностей развития и функционирования в обществе, влияния социальных факторов на язык и языка на общество. На материале религиозного дискурса эпохи Тюдоров рассматривается возможность установления линвокультурных кодов через изучение соотношения референтных полей в текстах исследуемых с использованием информационных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: знак, линвокультурный код, институциональный дискурс, религиозный дискурс, Англия Тюдоров.

Елена Галика

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина
ул. Рудакова 25, 84626 Горловка, Донецкая область, Украина

Тел.: +380506027800

Эл. почта: vikatriada@yandex.ru

Научные интересы: лингвистика текста, коммуникативная лингвистика, функциональный анализ языковых единиц.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРКЕРОВ АВТОРСКОЙ РЕЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье анализируются и систематизируются типы авторской речи, используемые в различных композиционно-речевых формах (сказ, описание, размышление). В зависимости от прагматических целей в коммуникативном процессе, воспроизведенном в художественном тексте, можно выделить основные типы авторской речи: объяснительный, используемый для актуализации авторского намерения дать объяснение происходящему; асертивный, основной целью которого является убедить читателя в правильности авторской точки зрения; эмотивный, влияющий на эмоциональное восприятие адресата, авторское обращение, которое побуждает читателя к вербальным или невербальным действиям. Структурно-семантический подход к изучению маркеров авторской речи художественного текста позволяет сделать вывод о том, что независимо от типа авторской речи, речь писателя всегда выступает реализатором текстовых концептов и значительно усиливает оценочно-эстетическое обращение автора к читателю, что способствует активизации композиционно-речевой структуры художественного произведения как целостной единицы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропоцентричность, языковая личность автора, композиционно-речевые формы, типы авторской речи.

Современное языкознание, ориентированное на исследование коммуникативно-прагматического и структурно-семантического аспектов речевой деятельности человека, получает в настоящее время все большее признание. Не подлежит сомнению, что язык как способ общения возникает и развивается только в обществе, поэтому язык следует понимать как средство определения нации, культуры, как средство самоопределения человека. Вместе с тем национальная культура неразрывно связана, с одной стороны, с определенной языковой системой как механизмом сохранения и передачи культурных символов, с другой – языковой системой как способом и целью культурного диалога. Будучи явлением социальным, развитие языка всегда связано с социальными, культурными, экономическими изменениями в обществе, которые тем или другим образом влияют на разные уровни языка, точно так же язык оказывает влияние на общество в целом. Литературно обработанная форма любого языка способствует стабилизации норм его употребления, общему повышению культурного уровня, помогает носителям языка глубже осознать окружающий мир во всех его проявлениях. Проблемы взаимосвязи языка и общества всегда привлекали внимание и вызвали живой интерес не только специалистов в области лингвистики, но и специалистов в области социологии, психологии, философии. Специфику общения исследовали психолог Л. Выготский, еще в начале XX столетия этот языковой феномен как социальное явление изучали советские ученые – В. Виноградов, В. Жирмундский, Е. Поливанов, американский лингвист Э. Сепир и многие другие.

Антропоцентричность проявляется в любой форме духовной культуры, частью которой, безусловно, является художественная литература. Писатель как основное звено между человеком-персонажем и человеком-читателем создает систему образов, направленных на познание человеческой природы. Художественное изображение действительности невозможно без диалога между автором и адресатом, и автор через призму своих ценностных представлений оказывает субъективное влияние на реципиента в зависимости от его

собственного представления картины мира. Актуальность данного исследования обусловлены общей ориентацией современного языкознания на анализ семантических и прагматических особенностей художественного текста как целостной языковой единицы.

С 20-х годов XX века вопросы о языковом сознании автора, речевой структуре образа автора, его словесном мышлении находятся в центре внимания лингвистов. На первый план выходят исследования по изучению человеческого фактора в языке и в художественной литературе как в одном из проявлений языка. Вопрос о роли субъективного фактора в пределах художественного текста затрагивает проблему не только языковой личности, но и языковой личности автора как категории художественного текста. Как отмечал М. М. Бахтин, читатель относится к автору «не как к герою, а как к принципу, которому нужно следовать» (Бахтин 2000, с. 225). Такое понимание категории личности автора поддерживал и Б. О. Корман, отмечая, что «автор есть носитель мироотношения, выражением которого является все произведение или их совокупность» (Корман 1972, с. 56).

Авторская речь (АР) в художественном тексте – это широкая и емкая прагматическая категория, которая включает в себя такие аспекты языка как модальность, темпоральность, эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Структура текста как целостная языковая единица имеет разнообразные системы связей и семантических отношений. Функцию когезии выполняют все элементы текста, поэтому при анализе художественного произведения очень важным является тот фактор, что в прозаическом произведении речь автора чередуется с речью персонажей, и хотя все они – суть творения художника, каждый в своих размышлениях руководствуется собственной точкой зрения (Кухаренко 2004, с. 139). Понятно, что многочисленность точек зрения, представленных в одном произведении, влияет на его художественное разнообразие, полифонизм.

Известный лингвист В. А. Кухаренко выделяет два основных языковых потока художественного текста: авторский (АР) и персонажный (ПР). Присутствие автора в каком-нибудь художественном произведении бесспорно, поэтому следует заметить, что проблема авторского вещания как средства раскрытия образа является одним из актуальных вопросов стилистики и лингвистики в целом.

В. В. Виноградов отмечает, что стилистическая целостность художественного текста наиболее глубоко и ярко проявляется в своеобразии структуры авторской речи (Виноградов 1959, с. 154).

И. В. Арнольд подчеркивает необходимость отличать эпизодическое обращение автора к своему читателю с помощью разных средств от композиционно-языковых форм, написанных от первого лица (Арнольд 1990, с. 117). Так, например, в романе Дж. Селинджера «Над пропастью во ржи» действия описываются центральным персонажем, это именно его восприятие действительности, которое может существенно отличаться от авторского: *I ran all the way to the main gate, and then I waited a second till I got my breath. I have no wind, if you want to know the truth. I'm quite a heavy smoker, for one thing – that is, I used to be. They made cut it out* (J. D. Salinger. *The Catcher in the Ray*. Moscow. Progress Publishers 1979, p. 30).

Заметим, что проблемы связности и интерпретации текста исследовались многими учеными, среди них В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд, В. А. Кухаренко и другие. Взаимодействие, общение, двустороннее влияние на мировосприятие автора и читателя через художественное произведение и является конечной целью литературного процесса как такового. Любое художественное произведение как элемент коммуникативных отношений «Автор – Текст – Читатель» представляет собой образец макро-вещания, что отличается от отдельных речевых актов. Кроме того, специфика литературной коммуникации заключается также в отсутствии конкретного адресата. Автор ориентируется на созданный им коллективный образ читателя. Интерпретация текста от имени читателя происходит в границах, определенных самим автором; он же и контролирует восприятие текста читателем, используя разные лингвистические средства и приемы.

В английском языке наиболее распространенным приемом номинации читателя как участника процесса литературной коммуникации можно считать авторскую идентификацию адресата с помощью местоимения второго лица “you”, которое получает значение «каждый» (everyone).

Использование в тексте местоимения “you” придает произведению вид диалога и помогает автору устанавливать контакт с читателем. Например, в рассказе В. С. Моэма «Джейн» автор вступает в своеобразный диалог с читателем таким образом: *She managed (as so few people do) to look exactly what she was. You could never have thought her anything in the world but the respectable relict of a North-country manufacturer of ample means* (English Reader for Third-Year Students // W.S. Maugham. Jane. Leningrad, 1979, p. 85).

Если автор хочет подчеркнуть, что его точка зрения совпадает с мнением потенциального читателя, он использует местоимение первого лица множественного числа “we” (мы). Таким образом воплощается намерение автора ввести читателя в свой круг, вынудить адресата поддержать авторскую систему отношений и их оценку. В своем произведении «Счастливый человек» В. С. Моэм призывает читателя разделить его взгляды относительно человеческих взаимоотношений следующим образом: *I know little enough of myself: I knew nothing of others. We can only guess at the thoughts and emotions of our neighbours* (English Reader for Third-Year Students // W.S. Maugham. The Happy Man. Leningrad, 1979, p. 106).

И. Р. Гальперин отмечает, что авторское речевое высказывание иногда наделяется значительной степенью предсказуемости, что придает высказыванию дополнительные нюансы значения или оттенков эмоциональной окраски (Galperin 1977, с. 207).

Рассматривая образ автора и способы его идентификации в художественной прозе, В. А. Кухаренко подчеркивает, что концепт произведения реализуется через прямо и опосредствованно выраженные в тексте авторские мысли и оценки действий персонажей. Прямой способ выражения эмоционально-оценочных позиций (эксплицитный), бесспорно, облегчает роль интерпретатора, но в то же время и ограничивает его. Эксплицитный способ воссоздания действий вынуждает читателя разделить авторскую точку зрения. С этой целью автор разными способами повторяет свои оценки, что приводит к упрощению конфликта и образа в эксплицитной манере изложения.

Скрытый (имплицитный) способ является более сдержанным, эмоциональная оценка завуалирована, но нередко она оказывается более важной, чем явно выраженная.

В современной прозе речь автора играет очень важную роль в создании эффекта подлинности событий, но распределение авторского влияния во многом зависит от функционально-смыслового типа изложения. В. В. Виноградовым было положено начало термину **композиционно-речевые формы (КРФ)**, среди которых выделяют сказ, описание, размышление (отступление).

Сказ (повествование) – это композиционно обусловленная автором форма изложения материала, которая в последовательном изменении событий отображает авторскую точку зрения, при этом рассказчик не оценивает события и обиды, не выражает вопросов, сомнений или утверждений. Следовательно, «...по способам оформления мысли сказ – это наименее вариативная композиционно-речевая форма (Кухаренко 2004, с. 150). Основная сюжетная нагрузка приходится на сказ, что делает его многоплановым и динамичным.

Повествование раскрывает тесно связанные между собой события, явления, действия как объективно существующие. Повествование можно считать основной, главной частью авторской монологической речи, оно самым тесным образом связано с пространством и временем. Детерминация места, названия лиц или объектов, обозначение действий являются теми языковыми средствами, с помощью которых ведется повествование. Стилистические функции повествования связаны с индивидуальным стилем, жанром, предметом изображения.

В отличие от сказа **описание** фиксирует признаки объектов и субъектов действий и состояний и поэтому является преимущественно статическим (Кухаренко 2004, с. 141). Наиболее распространенными и традиционными являются портретные и пейзажные описания, в которых акцентируется внимание на внешних признаках персонажей или обстоятельств.

Именно это соединяет портрет и пейзаж, но, в отличие от пейзажа, портретное описание определяет некоторые дополнительные темпоральные и социальные нюансы, например, одежда героя может проинформировать читателя об эпохе, времени года, возрасте и тому подобное. Следует отметить, что в современной литературе вместо развернутого портрета большую популярности приобретает использование портретных штрихов. Приведем пример традиционного портретного описания: *The Pole had one of those difficult Polish names, but they called him Kosti. He was a big fellow, two or three inches taller than me, and heavily built. He had a pale fleshy face with a broad short nose and a big mouth. His eyes were blue and because he hadn't been able to wash the coal dust off his eyebrows and eyelashes he looked as if he was made up. The black lashes made the blue of his eyes almost startling. He was an ugly, uncouth fellow* (W.S. Maugham. *The Razor's Edge*. Pan Books, London 1978, p. 102).

А вот как выглядит описание героини с помощью портретных штрихов, которые постепенно, страница за страницей, накапливаются и создают целостный образ: *"The handsome cattle baroness also wore faded jeans tucked into dusty cowboy boots and a smart alligator-band Western hat"* – это первое описание героини романа Меган Машкини «Ковбой бросает вызов». На следующей странице автор отмечает: *"Hazel McCallum didn't look a day over sixty but the matriarch was well into the next decade"*. Еще через несколько абзацев мы читаем: *"Hazel narrowed her own Prussian-blue eyes as if seeing more than Lyndie wanted her to"*. Анализируя этот пример, мы приходим к выводу, что описание с использованием «портретного вкрапления» (Виноградов 1959, с. 142) имеет более динамичный, а как следствие, и более психологически убедительный характер. Оценочные признаки портретного описания непосредственно указывают на авторские предпочтения, актуализируя категории связности в тексте.

Пейзаж является вторым видом композиционно-речевой формы описания. Следует отметить, что в художественном произведении описание природы не является самоцелью, оно используется автором как средство углубленного раскрытия образа персонажа и выражает либо гармонию героя с природой, либо их антагонизм. Например, в рассказе К. Менсфилд «Дует ветер» (K. Mansfield. *The Wind Blows*) описание природы, а именно осенней непогоды, совпадает с душевным состоянием героини и значительно углубляет ее ужасные предчувствия, подавленное настроение, она не видит будущего и чувствует приближение катастрофы для всей семьи: *Suddenly – dreadfully – she wakes up. What has happened? Something dreadful has happened. No – nothing has happened. It is only the wind shaking the house, rattling the windows, banging a piece of iron on the roof and making her bed tremble. Leaves flutter past the window, up and away; down in the avenue a whole newspaper wags in the air like a lost kite and falls, spiked on a pine tree. It is cold. Summer is over – it is autumn – everything is ugly.* Это описание природы интенсифицирует эмоциональное состояние героини, их тесное единство. Таким образом, описание – это один из самых распространенных компонентов монологической авторской речи и сущность его представляется в изображении целого ряда признаков, явлений, предметов, событий, которые представляют единую картину. Можно выделить статическое описание, которое прерывает развитие событий, и динамическое описание, которое, будучи небольшим по объему, включено в происходящие действия.

Размышление (рассуждение) является статической композиционно-речевой формой, которая предоставляет информацию о причинно-следственных связях между персонажами и событиями, наиболее непосредственно выявляя авторскую позицию. Размышление всегда имеет обобщающий концепт и поэтому может употребляться не только в связи с ситуацией, что его вызывала, но и в связи с другими подобными ситуациями. Эта смысловая универсальность размышления отдаляет его от конкретного сюжета, поэтому автор укрепляет его связь с предыдущим контекстом, используя в начале размышления специальные лексические маркеры. Например: *Many years ago I wrote a novel called The Moon and Sixpence. In that I took a famous painter, Paul Gauguin... In the present book I have attempted to do nothing of the kind... I am writing about is not famous. It may be that he never will be fellow* (W. S. Maugham. *The Razor's Edge*. Pan Books, London, 1978, p. 7). Как правило, рассуждение начинается с

наблюдения автора, которое плавно переходит в общий контекст произведения, затем вводится мысль-сентенция и переход от обобщения к детализации. Вплетаясь в сюжет рассказа, размышление усиливает ведущую тему, которая раскрывается в образах и диалогах. Испытывая потребность в непосредственном высказывании своих принципов, идей, мыслей, писатель может прибегать и к философским, эстетическим отступлениям.

Все композиционно-речевые формы авторской речи отображают точку зрения автора, который может иметь разные прагматические цели в коммуникативном процессе, воспроизведенном в художественном тексте. Можно выделить следующие типы авторской речи:

1. **Объяснительный (explanatory)** используется автором для актуализации авторского намерения объяснить значение высказывания или действия персонажей, их эмоции и мотивы поступков с целью избежать двусмысленности интерпретации сюжета: *He was an Englishman and I had sometimes met him at bohemian parties in London. He was very jovial, very hearty, and laughed a great deal, but you didn't have to be a great judge of character to know that his noisy friendliness was merely cover for a very astute man of business* (W.S. Maugham. The Razor's Edge. Pan Books, London, 1978, p. 20).

2. **Ассертивный (assertive)** тип помогает писателю вынудить читателя поверить в правильность авторской точки зрения. Такая подтвердительная манера характерна для эксплицитной литературы: *Larry has been absorbed, as he wished, into that tumultuous conglomeration of humanity, distracted by so many conflicting interests, so lost in the world's confusion, so wishful of good, so cocksure on the outside, so different within, so kind, so hard, so trustful, and so cagey, so mean and so generous, which is the people of the United States. That is all I can tell of him: I know it is very unsatisfactory; I can't help it* (W.S. Maugham. The Razor's Edge. Pan Books, London, 1978, p. 314).

3. **Эмотивный (emotive)** тип авторской речи влияет на эмоциональное восприятие адресата, расширяя и углубляя его ментальные и эмоциональные процессы, воображение, мотивацию: *You know what these provincials are, they love to poke their long noses in other people's affairs, and the first thing they will ask is: who is Suzanne Rouvier? Well, they will have their answer. She is the distinguished painter...* (W.S. Maugham. The Razor's Edge. Pan Books, London, 1978, p. 310).

4. **Авторское обращение (appealing parentheses)** выполняет функцию побуждения читателя к вербальным или невербальным действиям. Такие тексты могут включать высказывание прямого типа с глаголами в повелительном наклонении или даже риторические вопросы, которые создают эффект прямого обращения автора к читателю, эффект личной заинтересованности автора; функцию побуждения читателя к вербальным или невербальным действиям: *I have always hesitated to give advice, for how can one advise another how to act unless one knows that other as well as one knows himself?* (English Reader for Third-Year Students // W.S. Maugham. The Happy Man. Leningrad 1979, p. 106).

Следует заметить, что для построения художественного произведения, кроме описываемой действительности, привлекается и предыдущий опыт автора. Таким образом, размышление в художественном тексте – это рупор авторских идей, которые не оформлены в образную форму, а непосредственно выражают его мировосприятие и особенно ту сторону последнего, что воплощена в концепте произведения (Кухаренко 2004, с. 141).

Антропоцентричность любого художественного произведения проявляется в первую очередь в стремлении автора познать личность человека, его сознание, мотивацию поступков, используя художественное изображение ряда событий в качестве средства для достижения главной цели – создание целостного образа персонажа, его репрезентации. Сравнительный анализ частотности использования авторских композиционно-речевых форм (КРФ) в художественной прозе XX-XXI века свидетельствует, что самым распространенным типом является повествование (около 70%). Повествование может быть субъективным, авторско-эмоциональным, нейтральным, объективным. Авторское описание составляет около 20%; описания могут относиться к разным семантическим типам: пейзажное описание, портретное,

событийное, ситуативное и др. Следует выделить статическое описание (как правило, оно прерывает развитие событий) и динамическое описание (будучи меньшим по своему объему, оно может быть включено в описание хода событий). Нельзя также не отметить тенденцию к сокращению описания в современной художественной прозе, так как диалог занимает все более значительное место в художественном произведении. В художественной литературе рассуждение как композиционно-речевая форма редко встречается в чистом виде, так как оно представляет собой неразрывную цепь умозаключений на избранную тему и ряд близких тем и составляет всего 10% от общего числа исследуемых нами КРФ. Следовательно, четыре типа авторской речи, рассмотренные нами, выступают реализаторами текстовых концептов и актуализируют оценочно-эстетичную ссылку автора к читателю. Анализируя роль авторской речи в художественном произведении, мы приходим к выводу, что образ автора и его точка зрения, текст, читатель – взаимосвязаны, но не идентичны. Интерпретация текста – достаточно сложный процесс, который делает возможным адекватное восприятие авторской позиции, активизирует композиционно-речевую структуру художественного произведения. Использование тех или иных композиционно-речевых форм авторской речи зависит от индивидуальности стиля писателя.

Литература

- АРНОЛЬД, И. В., 1990. *Стилистика современного английского языка*. Москва: Просвещение.
- БАХТИН, М. М., 2000. *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Азбука.
- ВИНОГРАДОВ, В. В., 1978. *Литературный язык. Избранные труды. История русского литературного языка*. Москва: Просвещение.
- ВИНОГРАДОВ, В. В., 1959. *О языке художественной литературы*. Москва: Наука.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С., 2005. *Мышление и речь*. Москва: Прогресс.
- ЖИМУРСКИЙ, В. М., 1936. *Национальный язык и национальные диалекты*. Ленинград: Госминиздат.
- КОРМАН, Б. О., 1972. *Изучение текста художественного произведения*. Москва: Просвещение.
- КУХАРЕНКО, В. А., 2004. *Интерпретация текста*. Винница: Наука.
- ПОЛИВАНОВ, Е. Д., 1968. *Где лежат причины языковой эволюции. Статьи по общему языкознанию*. Москва: Просвещение.
- GALPERIN, I. R., 1977. *Stylistics: Moscow :Vyshaja shcola*.

Elena Galika

Horlivka State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Ukraine

Research interests: text linguistics, communicative linguistics, functional analyses of language

STRUCTURAL, SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF THE AUTHOR'S SPEECH MARKERS IN A LITERARY WORK

Summary

The types of the author's speech used in various speech-compositional forms have been analyzed and systematized. On the basis of pragmatic aims in the communicative process used in the artistic work we can distinguish four main types of the author's speech: the explanatory, which serves to actualize the author's intention to explain the developments; the assertive aimed at the reader's persuasion; the emotive, which influences the addressee's emotional state; the appealing parentheses resulting in the reader's verbal and nonverbal actions. The structural-semantic approach to the study of the author's speech markers helps to conclude that regardless of the type of the author's speech his voice always promotes the realization of the text concepts and considerably enhances assessive-ethical appeal of the author to his readers; it contributes to the activization of the compositional and speech structure of a literary work as the whole unit.

KEY WORDS: anthropocentricity, the personality of the author's language, speech-compositional forms,, types of the author's speech.

Кирилл Игнатов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия

Ломоносовский пр-т. 31-11, 119192 Москва, Россия

Тел. +7 (495) 734-0080

Эл. почта: kirillign@mtu-net.ru

Научные интересы: стилистика, интертекстуальность, кино и телевидение как тексты массовой коммуникации, филологические исследования экранизаций литературных произведений

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИХ ЭКРАНИЗАЦИЙ

В статье показана важность исследования вербальной составляющей кинематографического текста экранизации литературного произведения. Введено понятие «интертекстуальное словосочетание» и обосновано использование интертекстуальных словосочетаний в качестве характеристики авторского стиля. Показано, что трансформации словосочетаний могут быть объективным критерием, который позволяет судить о характере преобразований литературного текста, а, следовательно, давать оценку близости экранизации к первоисточнику. Теоретические положения подтверждаются результатами практического исследования, проведенного на материале тринадцати англоязычных литературных произведений и их экранизаций. Для полноты исследования подобраны произведения, разнообразные по времени создания, жанру и стилистическим особенностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интертекстуальные словосочетания, экранизации, стилистика.

Литературные экранизации составляют значительный пласт в современном кинематографе. Приведем данные, полученные нами путем анализа архивной информации о наградах на сайте Американской киноакадемии (American Academy of...) и Британской академии кино и телевидения (British Academy of...). Американская академия киноискусства (The Academy of Motion Picture Arts and Sciences) ежегодно, начиная с 1928 года, присуждает награду за лучший фильм. Из 79 фильмов, признававшихся лучшими до 2010 года, 55 – экранизации литературных произведений. Причем из них 35 получили одновременно награду и за лучший киносценарий экранизации. Британская академия кино и телевизионного искусства (The British Academy of Film and Television Arts) ежегодно вручает награды в области кинематографии с 1947 года, однако номинация «Лучший киносценарий литературной адаптации» появилась лишь 1983 году. За 28 лет существования премии 16 лучших фильмов были экранизациями, и 9 из них одновременно получили награду за лучший сценарий экранизации. В 1988 году в США был создан фонд фильмов, признанных национальным культурным достоянием, сохранение которых считается необходимым для укрепления культурного разнообразия американского кинематографа (National Film Registry). Ежегодно этот список увеличивается не более чем на 25 фильмов, причем наряду с игровыми в него включаются и хроникально-документальные фильмы. В настоящее время в список включено 525 фильмов, из них 145 имеют в основе литературный текст (National Film...). Все это говорит о том, что экранизация литературных произведений занимает важнейшее место среди всего многообразия художественных фильмов.

Вопрос о принципах экранизации литературных произведений ставился с первых лет существования кинематографа. Уже в начале века разделились задачи «киноиллюстрации» и «киноинсценировки» (Маневич 1966, с. 53-54). Для первой важно отразить на экране литературное произведение, не перерабатывая его в другую форму, не изменяя его композиции, системы и характеристик героев, содержания экранизируемых частей. Киноинсценировка же представляет собой переработку литературного материала в новую форму, в органическое и самоценное произведение кинодраматургии, близкое к

своему литературному оригиналу и воспроизводящее его сюжет выразительными средствами другого искусства, – кино. Примечательно, что в последнее время в теории кино термин «киноинсценировка» заменяется более сложным, но лучше отражающим суть явления, термином «экранизация-интерпретация» (Михальченко 2001, с. 1-8).

Общепризнано, что далеко не все киноверсии литературных произведений достигают величия своих первоисточников. В золотой фонд киноэкранизаций попадают только те фильмы, «авторы которых сумели напиться из источника, не замутив его» (Маневич 1966, с. 55). Как же оценить экранизацию, выделить те произведения, в которых счастливым авторам фильма удалось насладиться живительной влагой первоисточника и не бросить тень на его создателя?

Сегодня киноведа сходятся в оценках экранизаций и, например, такие картины как «Унесенные ветром» (1939) режиссера В.Флеминга (совместно с Дж.Кьюкором и С.Вудом) по роману М. Митчел, и шекспировские «Гамлет» (1964) и «Король лир» (1971) режиссера Г. М. Козинцева относят к шедеврам кинематографического воплощения литературных произведений. Кроме того, национальными киноакадемиями и жюри международных кинофестивалей регулярно присуждаются премии за лучшую экранизацию художественного текста, то есть существуют некоторые стандарты киноинтерпретации. «Оптимальной» принято считать такую экранизацию, когда целью кинематографистов становится создание экранного эквивалента литературного произведения, «перевод его на язык кино с сохранением содержания, духа и слова» (Кино: Энциклопедический словарь, с. 510). Где же те критерии, которые позволяют судить о верности режиссера литературному первоисточнику, о сохранении «содержания, духа и слова» книги?

Теоретической разработке вопросов экранизации литературных текстов посвящено множество работ. Сразу с появлением полнометражных игровых фильмов исследователи кино и режиссеры пытались понять особенности взаимодействия кино и литературы, в том числе объективные закономерности экранизации литературного произведения. Само количество монографий по этой теме, появившихся в первой половине XX века отражает интерес к данной проблематике, а многие работы Н. Д. Анощенко, Б. Балаша, Л. Деллюка, А. И. Пиотровского, Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, С. М. Эйзенштейна и И. Г. Эренбурга 1920-1930-х годов и сегодня не потеряли теоретической значимости (Книги о кино..., с. 21-24]. В 1948 году французский исследователь А.Базен опубликовал небольшую статью «Адаптация, или кино как дайджест» (Bazin 2000, pp. 19-27), ставшую важным этапом в изучении киноэкранизаций.

Однако во второй половине XX века исследователи больше интересовались анализом отдельных фильмов. Как пишет (Ray 2000, p. 44-45) профессор университета Флориды Роберт Рэй, даже поверхностный просмотр библиографий публикаций по теме «Литература и кино» показывает, что в изучении взаимоотношений литературы и кино доминирует единственный подход: либо анализируется отдельное произведение в сопоставлении с его экранизацией, либо анализируются экранизации различных произведений одного автора. С иронией Р.Рэй замечает, что «исследователи литературы и кино не могут удержаться от бесперспективного вопроса обывателя: «Что лучше, фильм или книга?», и получают столь же бесперспективный ответ: «Книга лучше»».

Если же и предпринимаются попытки теоретически обобщить характеристики экранизации как явления по отношению к исходному художественному произведению, то они основываются на интуитивных ощущениях и исследователи оперируют такими понятиями как «целостность и нетронутость», «уместность», «единство», «зрелость», «тонкость» или «адекватность». Как пишет Robert Stam, известный американский исследователь киноэкранизаций, «the language of criticism dealing with the film adaptation of novels has often been profoundly moralistic, awash in terms such as *infidelity*, *betrayal*, *deformation*, *violation*, *vulgarisation*, and *deseccration*, each accusation carrying its specific charge of outraged negativity» (Stam 2000, p. 54). Исследователь предлагает «to move beyond a moralistic approach to propose specific strategies for the analysis of adaptations».

По нашему мнению, столь нужный современной теории кино научный аппарат анализа, который позволял бы объективно сопоставить литературное произведение и его кинематографическую версию, может быть найден в области стилистики.

Анализируя различные трактовки понятия «стиль» можно сделать вывод, что «содержание, дух и слово» законченного произведения наиболее полно выражается в его стиле. Если речь идет о трансформации одного художественного произведения в другое, то необходимо найти некоторые показатели стиля, несущие элементы, в которых выражаются наиболее характерные свойства индивидуально-авторской манеры, сравнение свойств которых в оригинале и интерпретации может обосновать вывод об их близости.

Говоря о близости двух текстов и измерении ее степени, необходимо отметить существенные достижения исследований А. И. Новикова и Е. И. Ярославцевой (Новиков, Ярославцева 1990). В своих работах авторы развивают идеи организации лингвистических единиц в языке и речи, а также совершенствуют принципы построения лексико-семантических полей. Трактую лексическое поле как модель семантического пространства, авторы разрабатывают формальные методы определения расстояний в таком пространстве, основанные на семантических отношениях между его элементами. Эти отношения придают тексту семантическую связанность, поэтому в нем можно выделить определенную ядерную структуру, группу «смысловых опорных пунктов». Сравнение таких ключевых слов в разных текстах позволяет судить об их сходстве. Исследователями описан алгоритм определения степени близости текстов. В качестве сравниваемых текстов отобраны рефераты разных статей из одной научной области, в текстах которых выделены номинативные группы (именно номинация выбирается за основной критерий предметной связи), внутри которых определены ядра. Подсчитывается вес каждого ядра, зависящий от синтаксических связей внутри номинативной группы, и попарно проводится сравнение ядер номинативных групп в разных текстах. Отсутствие совпадения ядер говорит о нулевой связи, а при совпадении, исходя из веса совпадающих ядер, вычисляется семантическая близость (в предельном случае полного совпадения равная единице). Полученные в результате расчета по алгоритму величины затем сравнивались с оценками экспертов и данные хорошо согласовывались.

Однако описанный метод определения степени сходства текстов неприменим в случае экранизаций, поскольку основан на семантической, а не стилистической близости. Действительно, художественный текст и его экранизация *a priori* содержательно близки. Вместе с тем сам принцип выделения опорных групп, изменения которых при трансформации текста художественного произведения позволяют говорить об изменениях текста как целого, оказывается весьма продуктивным в исследовании индивидуально-авторского стиля, если за единицу исследования принять словосочетание. С одной стороны, выбор словосочетания в качестве показателя авторского стиля объясняется его важностью как такой минимальной единицы, в которой слово может реализовать свое семантическое наполнение и коннотации. Слово, взаимодействуя со своим непосредственным окружением, то есть выступая в качестве словосочетания, становится носителем стиля. С другой стороны, в филологической школе Московского университета разработан метод лексико-фразеологических категорий, позволяющий характеризовать словосочетание по пяти важнейшим категориям: коннотативности, клишированности, идиоматичности, концептуальной и социолингвистической обусловленности (Тер-Минасова 1980; Гвишиани 1979). Система категорий дает полную картину свойств словосочетаний и надежную основу для изучения авторского стиля. Преимущество категориального подхода состоит в том, что все огромное разнообразие словосочетаний исследуется уже не просто в плане их распределения по структурно-семантическим группам или классам, а исходя из степени и характера реализации в каждом из них указанных лексико-фразеологических категорий.

Синтагматический метод успешно использовался в исследованиях индивидуально-авторского стиля самых разных авторов (Микоян, Тер-Минасова 1981). За единицу исследования выбиралось атрибутивное словосочетание, поскольку оно позволяет автору наиболее полно реализовать выразительные возможности языка. Но в случае экранизации

выбор атрибутивного словосочетания за единицу исследования невозможен, поскольку в кино основной текст представляет собой диалоги действующих лиц или монолог голоса за кадром. Поскольку атрибутивные словосочетания чаще всего встречаются в художественном тексте в авторских описаниях, экранизация приводит к потере их большей части.

Выбор в качестве опорных точек тропов и фигур речи, также широко использующийся в исследованиях стиля различных авторов, оказывается неприемлемым в случае ограничения исследования комплекса кино только его вербальной составляющей, так как в кино тропы и фигуры могут реализовываться не только словесно, но и зрительно. Исследователи выразительного языка кино отмечают, что в фильмах широко используются риторические приемы на зрительном уровне (Михалкович 1986, с. 124-127).

Сплошной анализ текстов сценариев и исходных литературных произведений привел к выбору в качестве единицы исследования интертекстуального словосочетания.

Интертекстуальным словосочетанием мы называем словосочетание, значение которого не складывается из словарных значений составляющих слов-элементов, поскольку они отсылают читателя к внетекстовой реальности – фактам литературной, исторической, культурной и политической жизни общества – всего того, что принято называть вертикальным контекстом произведения. Интертекстуальное словосочетание, представляя собой вербальную реализацию аллюзии, может быть понято только на метасемиотическом уровне с привлечением других текстов из вертикального контекста произведения. Например, словосочетание *the toughest gambler on the whole Mississippi* [9.1] (здесь и далее в квадратных скобках цифрами даются ссылки на приводимые в конце статьи книги и фильмы, на которых проводилось практическое исследование) на семантическом уровне говорит о сравнительной характеристике картежников вдоль Миссисипи. Однако поскольку Миссисипи – крупнейшая река в Северной Америке, на метасемиотическом уровне словосочетание просто гиперболически характеризует достижения героя в азартных играх. Синтагматически данное словосочетание является коннотативным, неклишированным, идиоматичным, концептуально и социолингвистически обусловленным.

Реализуемые в словосочетании отсылки и аллюзии значимы как с точки зрения идейно-художественного содержания произведения, так и с точки зрения авторского стиля. Действительно, интертекстуальные словосочетания, содержащие, например, культурные реминисценции, используются писателями неодинаково. Ф. С. Фицджеральд в [4.1] часто пользуется ими в создании художественных образов (*New Haven years, a string of polo ponies from Lake Forest, an absurd resemblance to John D. Rockefeller, several old copies of 'Town Tattle'*). Напротив, А.Пру редко прибегает к подобным отсылкам. Один из редких примеров в [13.1] – *Hamley's saddle catalogue*, используемое для характеристики круга чтения героя рассказа. Для С. Кинга в [10.1] связанные с реалиями интертекстуальные словосочетания служат, прежде всего, способом придания достоверности действию и характеристике его исторического контекста (*the yellowing piles of the Castle Rock 'Call', FDR's alphabet soup agencies, to smuggle Rita Hayworth into the prison*). Во всех приведенных примерах авторы могли выразить то же содержание иначе – путем прямого описания, – но остановили свой выбор на использовании вертикального контекста, что отличает их творческую манеру.

Отметим, что стиль характеризует не просто сам факт аллюзии или ее референт. Важно и то, как построено интертекстуальное словосочетание, поскольку, прибегая к аллюзии, автор не просто демонстрирует широту своего кругозора или пытается усложнить то, что можно было бы высказать прямо, но использует ее для создания художественного образа. Например, при описании масок персонажей в [3.1] встречаются словосочетания *to have Disraeli* и *a poet veck called Peebee Shelley*. Важно не только то, что на романиста V.Disraeli ссылаются без его инициалов, а на поэта P.B.Shelley с инициалами, что общепринято и широко распространено, но важен и тот факт, что инициалы Шелли воспринимаются героем как одно слово.

Способ речевого оформления интертекстуального словосочетания определяет его лексико-фразеологические характеристики. Например, один из персонажей [9.1] использует

в речи словосочетание *to simplify all the work of Freud, Jung and Maxwell Jones*. Оно коннотативно, неидиоматично, неклишировано, концептуально полноценно и социолингвистически обусловлено. В ответе на эту реплику другой герой, не слишком сведущий в психиатрии, использует словосочетание *to talk about Fred Yoong and Maxwell Jones*. Оно уже становится в данном контексте идиоматичным, поскольку *Fred Yoong*, не являясь фразеологической единицей, демонстрирует своеобразную синтаксическую связь «имя» + «фамилия», которая предметно и логически не обусловлена, а построена по аналогии с *Maxwell Jones*. Поскольку содержание *Fred Yoong* не соответствует логически мыслимому содержанию и экстралингвистической ситуации, то словосочетание концептуально недетерминировано. Вместе с тем оно по-прежнему коннотативно и неклишировано.

Представляется очевидным, что интертекстуальным может оказаться и словосочетание, в котором встречаются только нарицательные существительные. Например, *a pension with magic windows opening on the foam of perilous seas in fairyland forlorn* [5.1] – аллюзия к стихотворению Дж. Китса «Ода соловью». С другой стороны, и использование имени собственного вовсе не обязательно делает словосочетание интертекстуальным. Например, выражение *easy-peasy-Japanese*-у из [10.2] никоим образом не связано с Японией и не содержит отсылку к внетекстовой реальности, а используется просто как присказка, оборот речи.

Иногда автор сам выдумывает улицу, предмет быта, книгу или организацию, название которой придает словосочетанию интертекстуальный характер. Такие словосочетания отсылают читателя к объекту внетекстовой реальности, которого в реальности не существует. Можно вспомнить в этой связи эпиграфы к главам из романов Стендаля, в которых писатель, наряду с реальными цитатами из действительно существовавших авторов, многое придумывал сам и подписывал их именами известных мыслителей, производя определенное впечатление на читателя. Использование приема создания «квази» интертекстуальных словосочетаний представляет интерес, как одна из характеристик авторского стиля. Например, встретив словосочетание *midnight showing of 'Deep Throat' and 'The Devil in Miss Jones'* [10.1], вряд ли кто-то из читателей или дотошных комментаторов сможет найти фильмы, о которых идет речь (названия этих фильмов не зарегистрированы в справочниках по кино, но построены по аналогии с подобными). Это и не нужно (sic!). Если не из самих названий, то из контекста романа ясно, что речь идет о порнографических фильмах, и сами референты отсылок не играют существенной роли, но упоминание названий придает повествованию большую достоверность. Именно этим приемом пользуются писатели-фантасты, придавая характер повседневности выдуманной ими реальности. Много примеров таких словосочетаний в романе-антиутопии [3.1].

Анализ художественных текстов выявляет следующие свойства интертекстуальных словосочетаний.

Во-первых, в произведении речи словосочетания выполняют различные функции: создание художественного образа (персонажа, представления и авторского голоса), характеристика исторического и географического места действия, придание достоверности изображению путем детализации, сюжетно-связующую. Так, словосочетание *a copy of 'Simon Called Peter'* [4.1] дает характеристику героини через «сенсационный» роман Роберта Кибла в стиле «открытий» «Кода да Винчи» Джона Брауна, а *a valley of ashes* из [4.1], отсылающее к поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота, создает образ-представление Богом забытого уголка страны. Словосочетания *teenage girls with their Sinatras, Presleys, or Redfords* из [10.1], *to listen to the sounds of a London morning* из [6.1], и многие другие, привязывающие описываемые в романе события к выборам президентов США ([10.1]), футбольному чемпионату ([10.1], [9.1]), первой мировой войне [4.1] характеризуют место и время действия романов. Придание достоверности изображению путем детализации действия можно проиллюстрировать примерами из [10.1], где герои не просто курят сигареты, а *cartons of Luckies*, в библиотеке не просто широкий выбор недорогих изданий книг, а *a lot of recycled Perry Mason stories and Jake Logan Westerns*, действующие лица пьют не просто

пиво, а *to drink Black Label beer*, говорят не просто о презервативах, а о *a load of Trojans*. В подобной детализации заключено и важное выразительное средство: персонаж [10.1] не просто платит за оказанную услугу десять долларов, а *'he pressed a picture of the Hon. Alexander Hamilton into my hand.'* Замена указанного словосочетания на семантически равноценное *a ten-dollar bill* привело бы к потере коннотативности.

Во-вторых, интертекстуальные словосочетания различаются между собой типом референта, к которому они отсылают читателя. По типу референта их можно разбить на следующие группы: географические названия, литературные реминисценции, исторические факты, политические аллюзии, социальные отсылки, культурные реминисценции и аллюзии к бытовым реалиям (Игнатов 2007, с. 44-63).

В-третьих, интертекстуальные словосочетания отличаются степенью аллюзивности. Некоторые отсылки представляются очевидными, как в случае с *to come directly from London* [2.1], поскольку речь идет об известном городе. Словосочетания типа *to think of Cowper and Scott* [2.1] можно отнести к группе со средней аллюзивностью, поскольку для их понимания достаточно обратиться к соответствующему энциклопедическому источнику, содержащему биографии указанных авторов. Словосочетания из следующего отрывка *'Mistrust all enterprises that require new clothes'* [5.1], представляющим собой неточную цитату из книги Г. Д. Торо «Уолден или жизнь в лесу» (в «Уолдене»: *'I say, beware of all enterprises that require new clothes, and not rather a new wearer o cloths'*), служат примером неявной аллюзивности, поскольку уже их выделение, не говоря об атрибуции референта, требуют глубоких фоновых знаний.

Функционирование интертекстуальных словосочетаний в печатном тексте и тексте массовой коммуникации принципиально отличается. В равной степени это относится и к зрителю в кинотеатре, однако сама природа текстов литературных и текстов массовой коммуникации столь же различна, сколь и процесс их восприятия целевой аудиторией, поэтому автор романа и авторы кинотекста не могут использовать вертикальный контекст произведения одинаково. И дело вовсе не в том, что литература – удел интеллектуалов, а кино – ее некоторое коммерчески обусловленное интеллектуальное усреднение, рассчитанное на массовость. Само слово «массовый» в термине «текст массовой коммуникации» не несет никакой оценки адресата текста. Массовость понимается не как ориентация на посредственного и необразованного зрителя, а как доступность кино, его демократичность, стремление охватить самых разных зрителей.

Так, если книгу можно отложить, обдумать прочитанное, обратиться к комментарию и т.д. – а именно такое чтение можно назвать вдумчивым, – то кино изначально предназначено для целостного восприятия. В середине сеанса нельзя выйти из зала, посмотреть что-то непонятное в энциклопедии, а на следующем сеансе вернуться в нужный момент. Поэтому одно и то же интертекстуальное словосочетание, встретившееся в том же контексте литературного произведения и фильма может не только иметь разную степень аллюзивности, но и обладать различной смысловой полнотой и отличаться категориальными признаками.

Приведем один пример. В [4.1] встречается словосочетание *an Adam study* в описании особняка, в котором живет главный герой: *'Finally we came to Gatsby's own apartment, a bedroom and a bath, and an Adam study, where we sat down and drank a glass of some Chartreuse he took from a cupboard in the wall.'* Трудно себе представить такое словосочетание сохраненным в киноэкранизации без изменений, поскольку среди всех возможных ассоциаций с вертикальным контекстом, которые вызывает слово *Adam*, далеко не сразу вспоминается популярный в конце XVIII века стиль, разработанный шотландскими дизайнерами Робертом и Джеймсом Эдамами. Перед сценаристом стоит задача такого изменения исходного текста романа, которое передавало бы его содержание массовой аудитории, сохраняя исходные свойства художественной формы.

Здесь следует сделать важное замечание. Было бы неправильным упрощением сводить анализ авторского стиля только к анализу интертекстуальных отсылок. По меткому замечанию Ю. М. Лотмана, исследователь, не понимающий того, что идейно-

художественное своеобразие произведения выражается во всей художественной структуре и «ищущий идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания» (Лотман 2000, с. 24.). Анализ индивидуального стиля авторов, на произведениях которых строится настоящее исследование, не является целью работы. Мы стремимся найти общий стилистический прием, который по-разному используется авторами. Выделение отсылок в виде интертекстуальных словосочетаний и изучение их свойств важно лишь как один из показателей, носителей индивидуально-авторского стиля, преобразование которого при экранизации позволит судить о сохранении или не сохранении авторского стиля. Подобный прием уже давно применяется в искусствоведении. Например, известный специалист в теории стиля А. Н. Соколов пишет, что в зодчестве элементом структуры произведения искусства, являющимся носителем стиля, можно считать перекрытие: в романском стиле, подчиняясь общей художественной закономерности, оно приобретает форму полуциркулярной арки, в готике – стрельчатой и т.д. (Соколов 1968, с. 68). В живописи стилевая закономерность также выражается в отдельных компонентах произведения: рисунок, колорит, светотень, перспектива и т.д. Сходным образом и в литературном произведении характерные особенности использования интертекстуальных элементов являются элементами стиля, а их преобразования в киносценарии позволяют судить о сохранении авторского стиля.

В процессе данного исследования проведен сплошной анализ исходных литературных текстов и монтажных записей экранизаций. В каждом из них выделялись интертекстуальные словосочетания (их число варьируется от 100 до 800 в зависимости от автора и объема произведения). Затем анализировались сохраненные, отброшенные и добавленные словосочетания. В каждом из них фиксировалось изменение или сохранение пяти лексико-фразеологических категорий, а также сохранение общей семантики.

Преобразования словосочетаний неизбежны не только из-за необходимости сокращения текста литературного произведения, но и из-за типологических различий печатных текстов и текстов массовой коммуникации. Интертекстуальное словосочетание проявляет свои свойства в языке художественной литературы и в языке кино по-разному, и вопрос об эквивалентности словосочетания из кинотекста своему оригиналу в литературном тексте должен решаться с учетом онтологических свойств словосочетаний. Можно сравнить вопрос об эквивалентности интертекстуальных словосочетаний в литературе и кино с вопросом об эквивалентности слов, понятий и реалий в разных языках.

Результаты проведенного исследования показывают следующие изменения, которые претерпевают интертекстуальные словосочетания при трансформации текста.

1) Наиболее очевидный способ обработки текста романа – дословное сохранение словосочетания. Если обычное словосочетание из литературного диалога буквально переносится в текст сценария, то оно, как правило, не меняет своих категориальных свойств. Так, *paralyzed with happiness* из романа [4.1] остается коннотативным, клишированным, неидиоматичным, концептуально неполноценным и социолингвистически необусловленным в обеих экранизациях [4.2] и [4.3]. Иначе обстоит дело с интертекстуальными словосочетаниями. Прежде всего, при буквальном переносе может потеряться смысл словосочетания. Кроме того, могут измениться его категориальные характеристики и выполняемая в тексте функция. Так, например, прямой перенос словосочетания *to adjust to life on an H0 scale* [10.1] привел бы к нарушению семантики: только увлеченный собиратель моделей железных дорог может знать, что H0 представляет собой самый популярный масштаб исполнения моделей игрушечных поездов, «полу-нулевой» (по англ. half-zero). Причем в США аббревиатуру H0 принято читать как две буквы, а в Европе второй элемент читается как цифра. Поэтому, независимо от способа, который выбрал бы актер для озвучивания словосочетания, только часть моделестов-любителей в зрительном зале поняли бы, о чем идет речь, а остальным потребовался бы комментарий. Кстати, иногда формат фильма позволяет режиссеру включить в него и некоторый аналог культуроведческого комментария к тексту романа. Так, например, интертекстуальное словосочетание *a B & E*

convict [10.1] включено в фильм [10.2] в следующем контексте: ‘...on a two-year stretch for *B and E*. That’s breaking and entering to you.’

Помимо нарушения семантического единства, то есть ясности смысла словосочетания для его получателя, буквализм при переносе словосочетаний в киносценарий может привести к изменению их категориальных свойств. Сохранение в [10.2] словосочетания *all you need is the Yellow Pages* для характеристики персонажа не меняет категориальных свойств, в том числе и клишированности, поскольку справочники «Желтые страницы» распространены во всем мире. Однако перенесенные в [4.2] словосочетания романа [4.1] *to take the body West, to like it better down East* и *to rise up to his position in the East* теряют коннотативность, поскольку в фильме не создается противопоставления образов Запада и Востока Соединенных штатов. В [4.3] эти словосочетания опущены.

2) Самым распространенным видом преобразований текста романа при экранизации является опущение, обусловленное суровой необходимостью сократить литературный текст до стандартного двухчасового фильма. В результате такого переустройства словосочетание просто не используется в киносценарии. Однако то, какие из интертекстуальных словосочетаний оказались за рамками киноповествования, а какие вошли в него также является важным для стилистического анализа экранизации. Так, например, отсутствие в [5.2] словосочетаний *to spend a long morning in Santa Croce* или *to stand in the Square of the Annunziata* не влияет на художественную целостность, поскольку они выполняют в [5.1] сюжетно-связующую функцию и функцию детализации действия, которая повторяется в других словосочетаниях. Однако опущение в [12.2] коннотативного словосочетания *to burn the Louvre*, встречающегося в [12.1] дважды, обедняет фильм отсутствием выразительного средства создания художественного образа.

3) Отличие экранизации романа от экранизации пьесы заключается в том, что после сокращения текста сценаристу необходимо самостоятельно создать отдельные отрывки, которые «сшивают» сохраненные фрагменты без нарушения сюжетной линии. Иногда в повествование вносятся и новые эпизоды, которые, по мнению авторов фильма, помогают раскрыть художественное содержание экранизации. На уровне словосочетаний процесс приводит к добавлению новых единиц. На первый взгляд такой прием, как создание новых интертекстуальных словосочетаний может показаться чуждым экранизации, в которой сценарист стремится сохранить авторский стиль оригинала, но это не так. Например, в [10.1] встречается много аллюзий к миру кино. Они используются, в том числе, и для создания образа главного героя романа (*to be Betty Grable, as harmless as Ava Gardner, an English actress, to replace with Jayne Mansfield*). Через эти словосочетания мы представляем себе его как образованного человека, увлекающегося современным кинематографом. В [10.2] большинство этих словосочетаний опущено, прежде всего потому что их аллюзивность весьма низкая: большинство их референтов сегодня неизвестно массовой аудитории. Однако в фильме реплика персонажа ‘Outside these walls, Red, there’s a man that no living soul has ever seen face to face’ меняется на ‘He’s a phantom, an apparition. Second cousin to Harvey the Rabbit’. Через словосочетание *second cousin to Harvey the Rabbit* зритель отсылается к широко известному и до сих пор популярному фильму 1950 года, в котором лучшим другом персонажа становится невидимый кролик. Таким образом сценарист выражает прежнее содержание (*invisible, non-existent man*) новым интертекстуальным словосочетанием, которое по своим характеристикам (тип референта, функция, степень аллюзивности и лексико-фразеологические категории) соответствует тем словосочетаниям, что не вошли в сценарий. Другой пример – диалог доктора и задиристого пациента в [9.2]. В ответ на вопрос о пяти потасовках, в которых принимал участие герой, он возражает: ‘Rocky Marciano’s got 40, and he’s a millionaire.’ В данном случае предполагается, что зритель знает известного американского боксера итальянского происхождения, не проигравшего в своей карьере ни одного боя и послужившего прототипом героя фильма ‘Rocky’ со С.Сталлоне (1976).

4) Помимо опущений и добавлений в интертекстуальных словосочетаниях встречаются замены. В случае, когда одно словосочетание заменяется другим, возможна

генерализация, конкретизация или замена аналогичным словосочетанием. При генерализации словосочетание обобщается. Например, в [10.1] в характеристике главного героя встречаются словосочетания *to do tax returns as well as H & R Block* и *to get H & R Block to tell you how to declare your extortionate income*, когда речь идет о его неофициальной финансовой деятельности. В фильме же [10.2] вместо аллюзий к известной американской компании H&R Block предпринимательство героя характеризуется одним словосочетанием *a regular cottage industry*, то есть вместо конкретного предприятия употребляется обобщенное «свой бизнес». Замена тем более уместна, поскольку американская компания H&R Block специализируется на консультационных услугах для частых лиц в области налогообложения, а в романе [10.1] речь идет о более широких финансовых операциях. Интертекстуальность словосочетания теряется, но сохраняются его функции в тексте и категориальные характеристики, в том числе идиоматичность. При конкретизации вместо родового имени используется видовое. Например, в [10.2] вместо общего описания банков, с которыми приходилось иметь дело герою романа [10.1] приводятся словосочетание с названиями двух банков *Maine National and New England First*. Таких банков не существует, но их названия – типичные названия банков в США. Подобный прием хорошо согласуется с теми функциями, которые выполняют интертекстуальные словосочетания в романе С.Кинга, детализирующие происходящее. При замене-аналогии одно словосочетание заменяется другим. Например, в [10.1] герой, находясь в тюрьме, оказывает помощь персоналу в оформлении налоговых деклараций. В романе встречается словосочетание *to have tax-forms and W-2s*. В фильме оно соответствует словосочетанию *to hand me a stack of 1040s*. Лексический состав словосочетания кардинально изменился, но осталась отсылка к системе налогообложения и сохранились категориальные свойства словосочетания (коннотативное, клишированное, неидиоматичное, концептуально и социолингвистически обусловленное). Кроме того, налоговые формы W-2, в которых указываются выплаты сотруднику, в США заполняются работодателем, то есть предприятием, а не частным лицом. Как следует из текста романа, герой не занимался бухгалтерией исправительного учреждения, а просто помогал сотрудникам пересчитать налог на личные доходы, поэтому имел дело именно с формой 1040s, с которой сталкиваются все американские налогоплательщики. При подобной замене словосочетание сохраняет свою семантику и не меняет категориальные свойства.

5) Кроме того, при преобразовании текста романа возможны самые различные перестановки словосочетаний. Перестановки связаны не только с изменением того места в тексте, где встречается словосочетание, но и перевод, например, слов автора в прямую речь персонажей или передача реплики одного персонажа другому. Например, в [10.1] главный герой использует в разговоре с другом словосочетания *to wipe out all these Rembrandts* и *to lug my Rembrandts out of the path of the hurricane*, отсылающие к известному художнику. Так дается характеристика не только образованию героя, но и широте кругозора его друга, к которому и обращены слова. В [10.2] этот эпизод опущен, но в уста друга вложено обращение к главному герою ‘you are Rembrandt’. Таким образом не только сохраняется референт словосочетания, но и добавляются два важных штриха к образам двух героев, так же как это и было в романе-первоисточнике.

6) При комплексном преобразовании словосочетание как бы «развертывается» во что-то новое. С одной стороны, такое преобразование может стать следствием смыслового развития словосочетания. Например, один из героев [10.1] характеризуется словосочетанием *to have a Bible quote for every occasion*. В фильме [10.2] в его уста вложены прямые цитаты из Библии, то есть словосочетание как бы развертывается в подробную характеристику. С другой стороны целостное преобразование может реализовываться через известный прием визуализации, когда вместо описания показывается то, что можно изобразить. Например, в [10.1] герои курят *cartons of Luckies*, а в фильме [10.2] просто используются легко узнаваемые пачки сигарет ‘Lucky Strike’. Больше всего визуализаций претерпевают словосочетания, которые в исходном тексте выполняли функцию создания культурно-исторического фона действия. Точно также в [5.2] звучит музыка Бетховена и Моцарта, дополняя сохраненные словосочетания, в которых имена композиторов были референтами.

Анализ романов и их экранизаций позволяет выдвинуть критерий сохранения авторского стиля: при транспозиции текста литературного произведения на экран показателем сохранения стиля может служить сохранение семантики интертекстуального словосочетания, его категориальных свойств и выполняемой в тексте функции. Лексический состав словосочетания может меняться, сочетания могут «развертываться» в протяженные отрезки текста, или даже получать развитие на уровне визуального ряда или музыки.

Только в том случае, когда сценарист тщательно переработал весь текст романа исходя из его идейного содержания и стилистических особенностей, о чем свидетельствуют обоснованные преобразования интертекстуальных словосочетаний, и можно говорить о сохранении «содержания, духа и слова» книги. Полученные выводы согласуются с признанными искусствоведческими оценками проанализированных в исследовании экранизаций (Halliwell's ... Guide 2004).

Материал исследования

- 1.1 Austen, Jane. *Pride and Prejudice* (1813)
- 1.2 *Pride and Prejudice* (2005), screenplay by Deborah Moggach, directed by Joe Wright
- 2.1 Austen, Jane. *Sense and Sensibility* (1811)
- 2.2 *Sense and Sensibility* (1995), screenplay by Emma Thompson, directed by Ang Lee
- 3.1 Burgess, Anthony. *A Clockwork Orange* (1962)
- 3.2 *A Clockwork Orange* (1971), screenplay and directed by Stanley Kubrick
- 4.1 Fitzgerald, F. Scott. *The Great Gatsby* (1925)
- 4.2 *The Great Gatsby* (1974), screenplay by Francis Ford Coppola, directed by Jack Clayton
- 4.3 *The Great Gatsby* (2000), screenplay by John McLaughlin, directed by Robert Markowitz
- 5.1 Forster, E.M. *A Room with A View* (1908)
- 5.2 *A Room with A View* (1985), screenplay by Ruth Praver Jhabvala, directed by James Ivory
- 6.1 Forster, E.M. *Howards End* (1910)
- 6.2 *Howards End* (1992), screenplay by Ruth Praver Jhabvala, directed by James Ivory
- 7.1 Harris, Thomas. *The Silence of the Lambs* (1988)
- 7.2 *The Silence of the Lambs* (1990), screenplay by Ted Telly, directed by Jonathan Demme
- 8.1 Highsmith, Patricia. *The Talented Mr Ripley* (1955)
- 8.2 *The Talented Mr Ripley* (1999), screenplay and directed by Anthony Minghella
- 9.1 Kesey, Ken. *One Flew Over the Cuckoo's Nest* (1962)
- 9.2 *One Flew Over the Cuckoo's Nest* (1975), screenplay by Lawrence Hauben and Bo Goldman, directed by Milos Forman
- 10.1 King, Stephen. *Rita Hayworth and Shawshank Redemption* (in *Different Seasons*, 1982)
- 10.2 *Shawshank Redemption* (1994), screenplay and directed by Frank Darabont
- 11.1 Lee, Harper. *To Kill a Mockingbird* (1962)
- 11.2 *To Kill a Mockingbird* (1962), screenplay by Horton Foote, directed by Robert Mulligan
- 12.1 Palahniuk, Chuck. *Fight Club* (1996)
- 12.2 *Fight Club* (1999), screenplay by Jim Uhls, directed by David Fincher
- 13.1 Proulx, Annie. *Brokeback Mountain* (1997)
- 13.2 *Brokeback Mountain* (2005), screenplay by Larry McMurtry and Diana Ossana, directed by Ang Lee

Литература

- ГВИШИАНИ, Н. Б., 1979. *Полифункциональные слова в языке и речи*. Москва: Высшая школа.
- ГЁТЕ, И. В., 1980. Введение в «Пропилеи». *Собрание сочинений в 10 тт.* Т. 10. Москва: Художеств. лит-ра.
- ИГНАТОВ, К. Ю., 2007. Интертекстуальное словосочетание и его референт. *Сборник научных и научно-методических трудов кафедры теории преподавания иностранных языков МГУ*. Под общ. ред. Е. И. Энгель. Вып. 4. Москва: МАКС Пресс
- Кино, 1986. Энциклопедический словарь. Гл. ред. С. И. Юткевич. Москва: Сов. энциклопедия.
- Книги о кино (1917-1960), 1962. Аннотированная библиография. Москва: изд-во восточной литературы.
- ЛОТМАН, Ю. М., 2000. *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство.
- МАНЕВИЧ, И. М., 1966. *Кино и литература*. Москва: Искусство.
- МИКОЯН, А. С., ТЕР-МИНАСОВА, С. Г., 1981. *Малый синтаксис как средство разграничения стилей*. Москва: изд-во Моск. ун-та.
- МИХАЛКОВИЧ, В. И., 1986. *Изобразительный язык средств массовой коммуникации*. Москва: Наука.
- МИХАЛЬЧЕНКО, С. А., 2001. *Экранизация-интерпретация*. Москва: ВГИК.

- НОВИКОВ, А. И.; ЯРОСЛАВЦЕВА, Е. И., 1990 *Семантические расстояния в языке и тексте*. Москва: Наука.
- СОКОЛОВ, А.Н., 1968 *Теория стиля*. Москва: Искусство.
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г., 1980. *Синтагматика речи: онтология и эвристика*. Москва: изд-во Моск. ун-та.
- BAZIN, A., 2000. *Adaptation, or the Cinema as Digest*. Film Adaptation. An Anthology. Edited and with an introduction by James Naremore New Jersey: Rutgers University Press.
- BUCKLAND, W., 2000. *The Cognitive Semiotics of Film*. CUP.
- Filmed books and plays, 1968. *A list of books and plays from which films have been made. 1928-1967*. By A.G.S. Enser. A Grafton book / Andre Deutsch Ltd.
- Filmed books and plays, 1985. *A list of books and plays from which films have been made. 1928-1983*. By A.G.S. Enser. Gower Publishing Company Ltd.
- HALLIWELL'S FILM, VIDEO & DVD GUIDE, 2004. 20th Edition, revised and updated. Edited by John Walker. London: HarperCollins Entertainment.
- RAY, R. B., 2000. *The Field of 'Literature and Film'*. Film Adaptation. An Anthology. Edited and with an introduction by James Naremore. New Jersey: Rutgers University Press.
- STAM, R., 2000. *Beyond Fidelity: The Dialogics of Adaptation*. Film Adaptation. An Anthology. Edited and with an introduction by James Naremore. New Jersey: Rutgers University Press.
- American Academy of Motion Picture Arts and Sciences <http://www.oscars.org>.
- British Academy of Film and Television Arts (BAFTA) <http://www.bafta.org>.
- National Film Register <http://www.loc.gov/film/filmnfr.html>.

Kirill Ignatov

Moscow State Lomonosov University, Russia

Research interests: stylistics, intertextuality, cinema and television as mass communication texts, philological approach to the analysis of screen adaptations of literary works

**INTER-TEXTUAL WORD COMBINATIONS IN THE STYLISTIC ANALYSIS OF LITERARY WORKS
AND THEIR SCREEN ADAPTATIONS**

Summary

The article highlights the importance of research into the verbal component of cinematic text of screen adaptations of literary works. The notion of 'intertextual word combination' is introduced. These word combinations prove to be an important characteristic of the author's style. The transformation of intertextual word combinations in the process of screenwriting are shown to be an indicator of the changes in the author's style. Thus, intertextual word combinations can be used in the evaluation of the 'fidelity' of screen adaptation to the original literary work. Theoretical conclusions are supported with the results of practical research. The practical investigation was carried out on the 12 literary works and their screen adaptations. The novels and stories chosen are different in their genre, the time they were written, and their stylistics features. Such a comprehensive approach upholds the validity of the findings.

KEY WORDS: inter-textual word combinations, screen adaptations, stylistics.

Марина Лебедева

Институт парламентаризма и предпринимательства, Беларусь

ул. Тимирязева 65А, 220035 Минск, Беларусь

Тел. +375297077576

Эл. почта: lebedzeva@open.by

Научные интересы: поэтика русской прозы XX века

ФУНКЦИИ РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ПРЕДМЕТНЫХ ДЕТАЛЕЙ В ПРОЗЕ Д. РУБИНОЙ

В русской литературе XX века актуализация жанра рассказа связана с потенциалом возможностей отражения в нем изменчивых социальных реалий и психологии личности. Поведение человека в его обусловленности сознанием и подсознанием наиболее всесторонне фиксируется в рассказе посредством совокупности художественных деталей и речевых характеристик персонажей. В рассказах Д. Рубиной 1970-1980-х годов предметная деталь выступает в функции психологической и символической; речь персонажей реализуется как диалогическая (особая ее разновидность – диалог с подтекстом) и монологическая (преимущественно в форме диалога). Способ воплощения внутренних и внешних противоречий в произведениях Д. Рубиной связан с углублением психологических характеристик героев, ищущих путей сближения с отчуждаемым миром; в художественной форме находит реализацию философская идея движения от «я» к «другому».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внутренняя и разговорная речь, субъект речи, предметная деталь, диалогизм, концепция личности автора

Для русской литературы последняя треть XX века – время господства в ней таких художественных систем, как реализм, модернизм, постмодернизм и постреализм. Безусловно, эти системы существуют не просто изолированно, а напротив, активно используют потенциал средств выражения и художественных приемов друг друга, характеризуются взаимопроникновением и взаимообогащением. Но если теория реализма, модернизма и постмодернизма на сегодняшний день широко разработана и закреплена практическим анализом соответствующих литературных текстов, то феномен постреализма все еще мало изучен, и восполнить существующие пробелы – задача не только теоретиков литературы, но и литературоведов-практиков.

Термин «постреализм» был введен в литературоведческий обиход Н. Л. Лейдерманом и М. Н. Липовецким. Отталкиваясь от тезиса о видоизменении реалистических принципов отражения мира и указывая на то, что «позиция субъекта, способного «о-смыслить общество» в русском традиционалистском реализме осязательно трансформируется: субъект не создает смысл, а ищет его, исходя из веры в то, что этот смысл («правда») уже существует как первоначальный» (Лейдерман 2001, с. 78), исследователи приходят к определению феномена постреализма, в рамках которого создается «новая «парадигма художественности»», а в ее основе – «универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему» (Лейдерман 2001, с. 97).

Трансформация реалистического видения и отражения окружающей действительности, использование модернистского «инструментария» для создания индивидуально-авторской картины мира и выражение концепции личности средствами постреализма, при котором «ценность свободы подвергается сомнению, и на первый план выдвигается концепция смысла как неперемного условия свободы» (Лейдерман 2001, с. 103), выступают характерными чертами творческого метода Д. Рубиной, оформившегося в ее рассказах 1970-1980-х годов.

Актуализация рассказа в русской литературе XX века в целом связана с потенциалом возможностей отражения в рамках этого жанра переломных моментов эпохи, изменчивых общественно-политических реалий, психологии социума и личности, противоречивой природы

последней, провоцирующей внешний конфликт – конфликт индивида со средой, в которой он находится в силу тех или иных обстоятельств. И поскольку «рассказ (малый прозаический жанр в целом) всегда «демонстрирует» противоречие, т.е. концентрирует, обнажает и сталкивает противоположные начала «в одном мгновении»» (Андреев 1995, с. 50), его ведущая роль в системе жанровых координат русской прозы XX века представляется обусловленным и закономерным. При этом поведение личности, детерминированное ее сознательной и подсознательной природой, а также средой и воспитанием, наиболее всесторонне фиксируется в жанре рассказа посредством совокупности художественных деталей и речевых характеристик персонажей, функции которых в реалистических произведениях весьма разнообразны.

Рассказы Д. Рубиной отличаются повышенной концентрацией речевых характеристик и предметных деталей как компонентов стиля, «работающих» на раскрытие концепции личности и одновременно определяемых ею в рамках эстетической целостности произведения. С учетом того, что «детализация предметного мира в литературе не просто интересна, важна, желательна – она неизбежна; говоря иначе, это не украшение, а суть образа» (Чернец 1999, с. 65), художественный образ, создаваемый Д. Рубиной в рассказах, предельно детализирован. Примечательно, что в своей «Биографии» Д. Рубина признается: «... самая обыкновенная вещь – сценка, случайная тающая фраза в уличной толпе, обиходная деталь быта вдруг высекали во мне сверкающую искру, и я впадала в протрацию» (Рубина 2010). Называясь «человеком деталей» (Рубина 2010), писательница верна себе не только в жизни, но и в литературном творчестве: она разворачивает перед читателем объемную «вещную» картину мира, позволяющую материализуемому в тексте автору давать амбивалентную художественную оценку персонажам и фактам отражаемой действительности. И если критики, признающие у Д. Рубиной «талант двойного зрения» (Басинский 2005), подчеркнуто не стремятся анализировать «как это Рубиной сделано», то задача литературоведа в том и состоит, чтобы «реконструировать» духовную программу, «зашифрованную» в художественном произведении как эстетической целостности посредством образов.

Руководствуясь реалистическими принципами обусловленности поведения героя, писательница воплощает гуманистическую мысль о том, что «человек, однако, не существует «вообще». Обладая набором свойств, общих всем членам человеческого рода, он всегда – индивидуальность, уникальное существо, отличное от кого бы то ни было. Его отличает особое сочетание характера, темперамента, талантов, склонностей так же, как его отличают отпечатки пальцев. Он утверждает свои человеческие возможности, только реализуя свою индивидуальность» (Фромм 1992, с. 27). Именно поэтому личность в прозе Д. Рубиной всегда максимально индивидуализирована и конкретизирована.

В рассказе «По субботам» (1973) внутренний мир героини – четырнадцатилетней девочки – раскрывается посредством ситуации, возраста, деталей, внутренних монологов и столкновения с другими персонажами. Обращает на себя внимание имя девочки – Ева (др.-евр., «живая, жизнь, подательница жизни»), употребляемое в тексте произведения в неофициальной форме «Евка», аккумулирующей в себе и пренебрежительное отношение «бабки», с которой вынуждена жить спасающаяся от одиночества героиня, и одновременно беззащитность оставленного родителями подростка. В семантике этого антропонима заложена идея сильной и волевой натуры; отличающая носителя имени «Ева» сдержанность, уравновешенность, внимательность и настойчивость проецируется на особенности характера персонажа. Горькая ирония связана с тем, что носительница имени «праматери», Ева лишена материнского, родительского тепла. Неслучайно героиня не любит, когда ее в шутку называют «праматерью», «прародительницей», а уменьшительно-ласкательное, звучащее «забавно и щекотно», детское имя «Еванька» (так ее называет мальчик из оркестра, куда она ходит по субботам, оркестра, заменившего девочке дом), напротив вызывает у нее приятные эмоции.

Мотив сна, как бы «окольцовывающий» мир героини, указывает на желание последней уйти в иную жизненную реальность: «А совсем утром ей приснилось, что ее зовут обыкновенным хорошим именем Таня, таким уютным, домашним» (Рубина 2002, с. 24). Авторская речь, таким образом, подчеркивает стремление девочки к уюту и теплу дома, такого,

как у других многочисленных девочек (типичное для поколения имя «Таня» актуализирует сему «быть как все»), к дому, которого героиня лишена по не зависящим от нее причинам.

Показателен первый же диалог в рассказе. «“Ева! – бабка стучала в стенку из кухни. Значит, завтрак готов, пора вставать. – Евка!” – “Ну что ты стучишь, как гестапо!” – сонно пробормотала она, заведомо зная, что бабка не услышит и будет колотить в стенку до тех пор, пока Евка не появится на кухне» (Рубина 2002, с. 24). Сравнение действий бабки с гестапо в реплике героини предопределяют характер взаимоотношений персонажей; на это наслаивается обреченное недовольство, которое испытывает девочка по поводу собственных внешних данных, что, с одной стороны, характерно для ее возраста, а с другой – с учетом того, что героиня обращается к себе как ко второму лицу, – указывает на раздвоенность внутреннего мира ее формирующейся личности, спровоцированную внешними обстоятельствами. Подтверждением тому становится авторская реплика: «Евка привыкла думать о себе как о чужом и не совсем приятном ей человеке» (Рубина 2002, с. 24). Именно поэтому и монолог по своей сути диалогичен: «Папа говорит, что ничего – все девушки к шестнадцати годам расцветают. Что ж, будем надеяться... Но ты, дитя мое, что-то подозрительно долго не расцветаешь! Прости, конечно, но сдается мне, что ты просто-напросто кикимора» (Рубина 2002, с. 24-25). Кроме того, важную нагрузку несет на себе предметная деталь – *зеркало*, отражающее не только и столько саму девочку, сколько ее нежелательного двойника. Все реплики произносятся героиней тихо, на что указывается в речи автора («пробормотала», «сказала полупрошептом», «вполголоса пробормотала», «негромко сказала»), и отдельно подчеркивается, что героиня «вообще была негромким человеком» (Рубина 2002, с. 25). В этом смысле она словно бы противопоставлена неведомым «громким» и успешным людям, которые хотя и не представлены в рассказе, но в окружающем героиню мире потенциально существуют. При этом мотив двойственности особенно осязаем ближе к развязке повествования, в диалоге Евы с Акундиным, который неожиданно пришел к ней в гости: « “Когда свечка зажжена, можно сесть на диван и увидеть в *зеркале* девушку, вот так...” Акундин обернулся и увидел в глубине *зеркала* неясное пятно лица, длинные темные волосы, беспомощные углы плеч... “Это человек, который мне неприятен, - сказала Евка. – Я, знаешь, ее презираю. Вялое и равнодушное существо, которое никому не нужно...”» (Рубина 2002, с. 38).

На ощущение внутренней раздвоенности/двойственности центрального персонажа работает ряд предметных «двойных» деталей, заданных с первой же реплики рассказа и актуализирующихся в ходе повествования: «Под утро к ней приходили *два сна*» (Рубина 2002, с. 23); «Ее *сапоги* стояли рядышком, как *два новобранца* с обнаженными головами» (Рубина 2002, с. 26); «Потом она долго стояла на остановке троллейбуса. Здесь ходили только одиннадцатый и восьмой (*то есть только два троллейбуса – М. Л.*). Евка ждала *одиннадцатый* (*двойственная природа числа 11 – М. Л.*)» (Рубина 2002, с. 26); «Она играла на *фоно*, а иногда, когда не приходил Рюрик, на *клавесете*» (Рубина 2002, с. 27) и т.д.

Своеобразным мерилем внутренних состояний персонажей в рассказе выступает погода, и это вообще характерно для прозы Д. Рубиной. «С утра шел снег... Медленные снежинки оседали на меховой шапочке с козырьком и на воротнике куртки» (Рубина 2002, с. 26). Помимо актуализации «двойных» деталей, здесь задается так называемый «пейзажный фон» психологическому состоянию героини. На эту связь указывается и в реплике последней: «Просто сегодня в связи с погодой у меня разболелось одиночество» (Рубина 2002, с. 30). Неслучайно кульминации рассказа – встрече героини с отцом – предшествует то, что «снег прекратился, но небо оставалось угрюмым и было похоже на старую шинель, тяжелую и плохо греющую, которой накрывался хворающий зимой город» (Рубина 2002, с. 31). Встреча с отцом происходит на троллейбусной остановке (что принципиально, *вне дома*), на которой «стояли всего *двое* – старуха в сером пуховом платке и высокий мужчина в коротком полушубке» (Рубина 2002, с. 31). Нельзя не учитывать, что «деталь – любая – это не просто предмет как таковой или словесный его эквивалент, словесное обозначение “внесловесной” реальности. Важнейшая роль детали заключается в том, что она оказывается опосредующим звеном между людьми. Любая деталь – социально нагружена, она выступает как симптом отношений, связей

личности с другими (или с собой)» (Андреев 1995, с. 60). Предметные детали, которые, глядя на этих двоих на остановке, выделяет героиня, ведомая автором, – пуховый платок и полушубок (эти предметы гардероба люди надевают, *чтобы не было холодно*). Платок старухи – серый (как, судя по негативной речевой оценке «старуха», и вся ее жизнь), полушубок отца – короткий (то есть *недостаточно хорошо согревающий* в холода). Отец, «взволнованно и радостно вглядываясь» в лицо дочери, обращает внимание на то, что девочке «мало *пальто*», обещает, что на днях они купят «новое» (Рубина 2002, с. 33). Важно также и то, что «он говорил, быстро перебивая себя, смеясь и *жадно дыша на озябшие* Евкины руки» (Рубина 2002, с. 33), словно пытаясь согреть ее одинокую душу, ставшую таковой по его вине. Точка наивысшего напряжения в развитии действия в рассказе – момент идиллии, когда отец и дочь «стояли на остановке обнявшись, и им обоим было хорошо» (Рубина 2002, с. 36), когда герои на миг преодолевают движение, суету и раздвоенность жизни, духовно сливаясь в единое целое. Далее намечается спад в развитии действия, «запрограммировавшего» героиню на надежду, и поэтому «домой она шла пешком, не спеша, останавливаясь и поддевая носком падающие с крыш сосульки» (Рубина 2002, с. 36).

Снег и холод в рассказе символизируют отчужденность героев от окружающего мира, что подтверждается рядом деталей и особенно явно прослеживается относительно образа Акундина, с которым героиня встречается по субботам, когда ездит на репетиции оркестра. Первое появление Акундина в рассказе сопровождается портретной характеристикой: «Потом пришел Акундин, весь *белый от снега, с белой бородой и бровями...*» (Рубина 2002, с. 29). И хотя об одиночестве персонажа не говорится прямо, его стремление поддержать героиню, попытка спасти ее от *ее* одиночества – это одновременно и его попытка «согреться» в отчуждающем людей друг от друга мире. «Акундин, *потирая руки от холода*, зашел в ее комнату...» (Рубина 2002, с. 38), «Акундин зажмурился, устало потер ладонями лицо: *он все еще не согрелся...*» (Рубина 2002, с. 39), «*грел озябшие руки о чашку с горячим кофе*» (Рубина 2002, с. 39). Уходя, «Акундин долго надевал *ботинки* и чертыхался, потому что *они были мокрыми и разбухшими от снега*» (Рубина 2002, с. 40), и эта деталь вновь актуализирует мотив одиночества, к которому приходится возвращаться персонажу из тепла и уюта дома.

Появление Акундина у дома героини – это надежда на избавление от одиночества, на что косвенно указывается и в речи автора: «Завернув в свой переулок, Евка удивилась так, как, вероятно, никогда в своей жизни не удивлялась. У ее калитки стоял Акундин, и это событие было как бомба, которую бросил в партер дирижер симфонического оркестра. Акундин стоял у лотка, где обычно продавали падалицу – там на ценнике всегда было написано «Яблоки свежие (загнившие)», – и, *пританцовывая от холода*, смотрел на приближавшуюся Евку» (Рубина 2002, с. 37). Здесь явно выделяется мотив «сближения», выхода из одиночества.

В связи с идеей дома в рассказе обращает на себя внимание такая предметная деталь, как обувь. Это и сапоги девочки, которые сравниваются с двумя новобранцами с обнаженными головами (такое сравнение вызывает ассоциацию с казенным, чужим домом), и вышеупомянутые ботинки Акундина – обувь, в которой человек находится *вне дома*. Вместе с тем в финале рассказа, когда героиня «проводила его до калитки и еще с полминуты глядела вслед, подпрыгивая по снегу в домашних тапочках. То на одной ноге, то на другой» (Рубина 2002, с. 40), есть надежда и на уход от внутренней раздвоенности личности, и на психологическое «воскресение» (которому предшествует *суббота* – время действия в рассказе), и на обретение дома (*домашние тапочки топчут снег «одиночества»* – М. Л.). На это же ощущение надежды настраивает многократно повторяющаяся в финале предметная деталь – огонек свечи.

В рассказе «День уборки» (1980) доминирующей является идея распада семьи, дефицит правды в отношениях между людьми. Мир женщин, каждая из которых по-своему несчастлива, показан через призму восприятия простой женщины Нюры, и относительно ее системы ценностей определяются описываемые в произведении события и персонажи. И хотя повествователем, выступающим в качестве субъекта речи, формально является автор, непосредственно не передоверивший функцию повествования персонажу (оно ведется от 3-го

лица), читатель видит мир именно глазами персонажа. «Двуакцентные и двустильные гибридные конструкции» (Бахтин 1975, с. 117) в произведении позволяют повествователю как бы проникнуть в сознание персонажа; на уровне лингвистики текста это реализуется в форме несобственно-прямой речи. Реплики и внутренние монологи героини построены по принципу имитация устной разговорной речи; именно «речь окончательно материализует и субъектную организацию произведения» (Андреев 1995, с. 60).

По сюжету рассказа героиня занимается уборкой чужих домов, чем, собственно, и зарабатывает на жизнь, но занимается этим не только и не столько из-за денег, сколько ради выполнения определенного круга обязанностей, из которых и состоит ее жизнь. «Как у всякого делового человека» (Рубина 2002, с. 100) – ведь именно она делает настоящее дело, в отличие от тех, у кого она убирает, – у Нюры есть записная книжка с адресами клиентов (писателей, ученых, композиторов и т.д.) и расписанием уборок. В жизни героини нет места переживаниям духовного порядка, неземным чувствам, все в ней по-простому правдиво, четко, прямо, в соответствии с житейской мудростью и практичностью, поэтому «она вообще никогда не пренебрегала благами, которые можно *выколлотить* из жизни» (Рубина 2002, с.101). Причем именно «выколлотить», потому что просто так, легко, ей ничего не дается. Она откладывает деньги («а у меня деньги есть... У меня денег мно-ого!.. Полторы тыщи» (Рубина 2002, с.110)), поскольку осознает свою ответственность за материальное благополучие семьи, в которой три человека – она, ее дочь и сын, семью, в которой нет главы-мужчины, потому что, рассуждает Нюра, «одной-то спокойней... Сама себе я начальник. И все» (Рубина 2002, с. 103). Примечательно, что на уборку в Москву Нюра добирается из Мытищ, и за этим топонимом в контексте рассказа возникает целый ассоциативный ряд, актуализирующий связь со словом «мыть», «мытарствовать» и «мыкаться» – действиями, характеризующими жизненный цикл героини.

Имя «Нюра» представляет собой упрощенную, просторечную, «сниженную» форму имени «Анна» (др.-евр., «благодать»), потому и благодать, которую она приносит окружающим, откровенно земного порядка. Уборка прочитывается как символ очищения, но внешнее очищение лишь заостряет мотив внутреннего опустошения персонажей. Непременное Нюрино условие, призванное совершенно нивелировать потенциальную духовную жизнь, – «чтобы за обедом подносили» (Рубина 2002, с. 98). И хотя «в этом пункте Нюра особенно не кочевряжилась, годилось все: и сухое, если белой в доме не водится, и портвейн, и даже домашняя наливка» (Рубина 2002, с. 98), в «день уборки» ей подносят именно «рябиновку». И это лишь одна из деталей, призванных подчеркнуть горечь ситуации, в которой находится каждый из персонажей.

Время действия в рассказе – осень, переходящая в зиму, «и этот день – мутный с самого утра – был, наверное, последней гирькой на весах природы, клонящихся к *зиме*» (Рубина 2002, с. 100). От пессимистичного пейзажа, осени-зимы как символа отчуждения и холода в отношениях между людьми, Нюра словно бы скрывается под «красивым, с яркими бирюзовыми узорами, зонтиком».

Завязкой действия становится неожиданная встреча с незнакомой «девочкой» в квартире Галины Николаевны, куда Нюра приехала убирать. Галина Николаевна – вдова некогда известного писателя Владимира Федоровича, которого Нюра вспоминала с утра в связи с «днем уборки» и как человека, который «домашнюю делал всегда» (Рубина 2002, с. 98).

Главная жизненная драма Галины Николаевны – одиночество и бездетность. «Сейчас она вспоминала их лучшие с Володей дни, когда Володины пьесы шли во многих театрах страны и, бывало, в месяц у них выходило денег до двух тысяч. И тогда особенно остро хотелось в доме детских голосов, и начиналось бешеное придумывание ненужных трат – и дорогие подарки племянникам, и курорты, и покупка дачи, машины...» (Рубина 2002, с. 110). Весь ряд предметных деталей, характеризующих ее прошлую жизнь, – это атрибуты материальной обеспеченности, наличие которых теряет смысл перед лицом одинокой жизни. Неслучайно еще в начале рассказа говорится: «После его смерти Галина Николаевна и дачу продала, и машину продала. А зачем ей машина. Детей-то у них с Владимиром Федоровичем не

было, единственная дочка еще в младенчестве умерла» (Рубина 2002, с. 98-99). Приезд «молодой приятельницы с юга» оказывается единственным просветом в одиночестве этой героини, которая, с одной стороны, озабочена судьбой Лины, отвергаемой любимым мужчиной и не желающей смотреть в глаза правде («... высоким сильным голосом бывшей актрисы, в котором странно переплетались любовь, страдание и раздражение, Галине Николаевне воскликнула: «Поставьте красивую точку! Андрюшке нужен отец, а не проходимец!..» (Рубина 2002, с. 108)), а с другой – переживает о своем вынужденном одиночестве «Лина, Лина... Вот вы уедете в среду... и опять – такая тоска» (Рубина 2002, с. 121).

Внутренние противоречия, характеризующие Лину, находят отражение в противоречиях ее внешности. Важную функцию выполняет в рассказе портрет героини, который Нюра «в кабинете Владимира Федоровича часто рассматривала... Чистое очень лицо, губы улыбаются, обманывают губы, а глаза вот обмануть никого не могу. И раздор этих улыбающихся губ и тоскливых глаз был на портрете весь как на ладони» (Рубина 2002, с. 99). Визуальное несоответствие внешности Лины ее возрасту, которое подчеркивается в описании сцен общения между Нюрой и Линой, только углубляет мотив противоречия. Примечательно, что имя «Лина» звучит как окончание имени «Галина» (др.-греч., «спокойствие, безмятежность»), но спокойствие и безмятежность героиням не свойственны, поскольку их жизнь нарушена вмешательством извне. Для Галины Николаевны – это смерть мужа, оставившего ее в одиночестве, для Лины – пренебрежение человека, которого она любит. В обоих случаях косвенная вина оказывается за мужчинами.

Драматизм ситуации, в которой находятся героини, в восприятии Нюры наслаивается на ее собственную проблему, постоянно обдумываемую ей в ходе уборки – известием о беременности дочери «Вальки». Многочисленные внутренние монологи с характерными просторечными оборотами, несоблюдением фонетических и морфологических норм создают эффект живой речи: «Конечно, у их папаша – главбух... Они своему Сережке дочку министра хотят, - думала Нюра, и сердце ее заходило от острой жалости к своему ребенку – худенькому, кудрявому, глупому и беззащитному. – Им моя Валька неподходящая... Ниче-о-о... Пусть им ее живот глаза колет, пусть на внука по соседству любят...» (Рубина 2002, с. 112). Для раскрытия концепции личности этого персонажа особенно важна финальная часть рассказа: «На углу, в световой трапедии фонаря, *моросил* мелкий суетливый *снежок*. Почему-то именно здесь, почти дома, возле длинного серого забора, Нюре всегда казалось, что вот она свалится прямо на дороге, свалится, раздавленная грузом целодневной усталости, и останется лежать в блаженном безразличии к проезжающим машинам, к клиентам, записанным на завтра, к собственным детям – Коле, Вальке» (Рубина 2002, с. 122). Чтобы удержаться на плаву жизни, «не упасть», Нюра «глубоко вздохнула, крепче ухватилась за ручки тяжелой хозяйственной сумки...» (Рубина 2002, с. 122). Именно эта деталь – «хозяйственная сумка» – оказывается главным для Нюры связующим звеном между бытием и небытием. И «удержавшись» в бытии, Нюра вдруг обретает надежду: «Чего это я вскинулась, не узнав толком? Может, они по-людски все захотят... Ниче-о, Валька-Валек, ниче-о...» (Рубина 2002, с. 122). В противовес такому финалу для Нюры, Галина Николаевна и Лина продолжают бесконечно и «нервно» спорить, пессимистично глядя в будущее, чему отвечает «кутерьма снежинок за окном» как символ смятения и симптом неразрешимых внутриличностных противоречий персонажей.

В художественном мире Д. Рубиной, таким образом, способ раскрытия концепции личности автора и персонажей связан с актуализацией совокупности предметных деталей и речевых характеристик, посредством которых «иллюзия “как бы жизни” становится максимальной» (Андреев 1995, с. 62). В русле постреалистической поэтики Д. Рубина разрабатывает многоплановые внутренние конфликты, «завязанные» на психологии личности, ищущей путей сближения с отчуждаемым от нее миром, выстраивающей собственный «дом» из хаоса бытия, стремящейся к укреплению отношений с другими, в чем реализует себя художественное воплощение философской идеи движения от «я» к «другому».

Литература:

- АНДРЕЕВ, А. Н., 1995. *Целостный анализ литературного произведения*. Минск: НМЦентр, 144 с.
- БАСИНСКИЙ, П., 2005. И грустно, и смешно. *Литературная газета*. 27 апр.
- БАХТИН, М. М., 1975. Слово в романе. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, с. 72 – 233.
- ЛЕЙДЕРМАН, Н. Л.; ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Н., 2001. *Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986 – 1990-е гг.)*. Москва: Эдиториал УРСС, 160 с.
- РУБИНА, Д., 2002. *Когда выпадет снег: Рассказы. Повести*. Екатеринбург: У-Фактория, 592 с.
- ФРОММ, Э., 1992. *Человек для себя*. Минск: Коллегиум, 253 с.
- ЧЕРНЕЦ, Л. В., 1999. *Деталь. Введение в литературоведение*. Москва: Высшая школа; Издательский центр «Академия», с. 62 – 75.

Marina Lebedzeva

The Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship, Belarus

Research interests: Russian prose of the 20th century

**THE FUNCTIONS OF SPEECH CHARACTERISTICS AND THE DETAILS OF AN OBJECT IN THE PROSE
BY D. RUBINA**

Summary

In Russian Literature of the 20th century the actualization of the genre of short story is connected with the possibilities of reflecting changeable social realities and personality psychology. The behavior of a human being influenced by the consciousness and subconsciousness is fully revealed in short stories by the means of artistic (fictional) details and communicative qualities of characters. In the short stories written by Dina Rubina in the 1970 – 1980s the details of an object perform psychological and symbolic functions; the discourse of characters is realized in both forms as dialogue (with subtext) and monologue (mostly in the dialogical form). Dina Rubina works out multi-level conflicts determined by the sum of contradictory psychological qualities of characters in the stream of poetics of post realism. The personality in the stories by Dina Rubina cooperates with the world which is estranged from her. She builds up her own 'home' made from the chaos of Existence. She strives to establish good relationships with others by which she realizes artistic incarnation of the philosophic idea of movement from 'Ego' to 'the Other'.

KEY WORDS: inner speech and spoken language, the subject of speech, detail of an object, dialogism, concept of author's personality

Татьяна Пивоварова

Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия

ул. Щорса 2- 93, 119620 Москва, Россия

Тел.: моб. 8 916 568 34 38, дом. 934 70 55

Эл. почта: pivovarovat@inbox.ru

Научные интересы: исследования по Канаде, история английского языка

“THEY WERE GOOD RUSSIANS, AND THEY WILL MAKE GOOD CANADIANS”. ДУХОБОРЫ В КАНАДЕ

В статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись первые русские эмигранты в Канаде. Русские духоборы, представители одной из протестантских групп, вынуждены были эмигрировать в Канаду в конце 19-го, начале 20-го века. В статье собраны материалы газетных публикаций, воспоминаний, книг, изданных в начале двадцатого столетия, авторами которых были как простые граждане Канады, так и канадские, американские, английские журналисты и писатели. Их впечатления от посещения поселений духоборов в Канаде нашли отражение в многочисленных публикациях того времени. Авторы этих публикаций подчеркивали гостеприимство русских поселенцев, их трудолюбие и выносливость, толерантность и бескорыстность. Многие принципы, которые лежали в основе следуемой духоборами теории, удивляли канадцев, в частности, принцип непротивления злу насилием. Однако в целом анализ газетных публикаций показывает, насколько единодушны были журналисты и писатели начала двадцатого века в выражении положительного впечатления от посещения русских деревень в Канаде. Именно эти впечатления в большой степени способствовали формированию позитивного стереотипа первых русских эмигрантов в Канаде, которые до сих пор считаются наиболее консолидированной частью русской диаспоры в Северной Америке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иммиграция, иммигранты, эмигранты, журналисты, Канада, первые годы, впечатления, стереотипы, имидж

«Вот она, Канадия!.. Ну, и принимают же хорошо, спаси их господи!», - так описывает Леопольд Антонович Сулержицкий первые впечатления русских духоборов, вынужденных в 1899 году искать прибежище в далекой, малозаселенной и потому всегда нуждающейся в иммигрантах Канаде (Сулержицкий 1905 <http://az.lib.ru/s/sulержицкий>)¹.

Русская община крестьянских протестантов, отвергавших официальное православие и исповедовавших идеи пацифизма и коллективизма, является особенной ветвью русской эмиграции в Канаде. Их переселение в Канаду в конце 19-го, начале 20-го столетия было результатом сложных взаимоотношений с царским правительством и официальной церковью. В 1895 году духоборы Тифлисской губернии в знак протеста против воинской повинности сожгли все имевшееся у них оружие, что и стало поворотным моментом в их истории. Триста человек после сожжения оружия были подвергнуты экзекуции, и порядка четырехсот семейств были расселены по деревням Тифлисской губернии — по три семейства в каждом селении, без земли и с запретом общения между собой.

Вскоре после этого было опубликовано обращение Л. Н. Толстого в защиту духоборов, которое потрясло мировое сообщество и способствовало тому, что, согласно высочайшему

¹ Леопольд Антонович Сулержицкий (1872-1916), русский театральный деятель, сподвижник К. С. Станиславского. Друг семьи Л. Н. Толстого. В 1898—1899 по просьбе Толстого Л. Сулержицкий организовал отправку первого парохода духоборов в Канаду и их обустройство на новом месте. В первом путешествии выполнял обязанности переводчика и переговорщика с властями, трудился бок о бок и прожил в палатках с духоборами почти год.

повелению императрицы Марии Федоровны, духоборам непризывного возраста разрешалось покинуть пределы Российской империи при условии подписания ими документа о невозвращении впредь на территорию России (Сомин . <http://chri-soc.narod.ru/duhobor.htm>).

Вопрос о переселении из России в другую страну был неоднозначным. Лидер духоборов, Петр Веригин, высказывался против, однако большинство на сходке духоборов решило вопрос в пользу переселения, и с 1899 по 1902 год в Канаду прибыли 7631 человек.

Интерес англоязычных канадцев к своим будущим соотечественникам был неподдельным и искренним. Первой партии духоборов был оказан самый радушный прием. Вот как описывает первые дни пребывания духоборов в Канаде Леопольд Сулержицкий: «Канадцы плотной стеной стояли по обеим сторонам дороги от парохода до вагонов. Когда на трапе появился первый духобор – толпой овладел неистовый восторг. Всю дорогу до самого поезда ему махали руками, шапками, кричали на все голоса – так довольны были его сильной фигурой, чистой одеждой, легкостью, с какой он нес свою тяжелую кладь, и чистым лицом — без бороды, которую канадцы считали за признак варварства. «О, это человек! – выделялись голоса. – Блестящая фигура! Про этого не скажешь ничего плохого! Если они все таковы, то никогда еще таких эмигрантов Канада не видела» (Сулержицкий 1905). В провинции Саскачеван духоборам было выделено три большие территории, и практически на голом месте вскоре была построена первая русская деревня, Михайловка. Затем на карте Канады появились и другие населенные пункты – Благосклонное, Калмыково, Ново-Троицкое, Кириллово, Утешение, Вознесение, Терпение, Славянка, Богдановка, Петровка. Первые годы пребывания духоборов в Канаде были крайне затруднительными в силу незнания ими языка, законов новой страны, необходимости зарабатывать при отсутствии инструментов и лошадей. Отношение к ним со стороны будущих соотечественников постепенно менялось. Восторг уступил место любопытному ожиданию. Сулержицкий пишет, что канадцы постоянно приходили в иммиграционные дома, где временно жили духоборы, чтобы просто посмотреть на своих новых сограждан: «Любопытство и бесцеремонность, с которой рассматривали духоборов англичане, были прямо удивительны. Смотрели они так, точно у духоборов на голове росли крылья или приехали они с Марса. Часто можно было видеть англичанина, с таким наивным изумлением дикаря впившегося глазами в кого-нибудь из духоборов, что противно становилось. Рассматриваемый духобор обыкновенно важно стоял, выставив вперед одну ногу, и солидно, несколько свысока поглядывая на своего созерцателя. Постояв молча несколько минут друг против друга, духобор, вздохнув, поворачивался и уходил, а англичанин провожал его своим изумленным, испытующим взглядом» (Сулержицкий 1905).

Предчувствуя трудности, которые ожидали духоборов в первые годы их жизни в Канаде, Лев Сулержицкий, прощаясь с ними, с грустью писал: «...еще раз оглянулся я с пригорка на небольшую кучку людей с серьезными лицами. Такой заброшенной, одинокой, такой жалкой казалась эта маленькая горсточка людей, тесно сбившихся в кучку среди голых пней дикого леса, окруженного со всех сторон снежной пустыней, отрезавшей их от всего мира! Грустно и больно было глядеть на их серьезные неподвижные фигур» (Сулержицкий 1905).

Интерес и любопытство, с которым относились в Канаде к русским духоборам в первые годы их жизни в этой стране, выражался в постоянном потоке посетителей, среди которых были журналисты из Канады, США, Великобритании, путешественники, простые граждане Канады, излагавшие затем на страницах печатных изданий или книг свои впечатления. Что удивляло и привлекало журналистов и англоязычных канадцев в первых переселенцах из России?

Большое изумление вызывала распространенная среди духоборов теория «непротивления злу насилием». Местные жители иногда нарочно раздражали духоборов, чтобы вызвать их реакцию. В своей книге «В Америку с духоборами» Лев Сулержицкий рассказывает о конфликте между духоборами и двумя пьяными англичанами, которые провоцировали стариков, дергая их за бороды, носы, опрокидывая чайник, в то время, как те

мирно пили чай. Появилось немало зрителей, наблюдавших за всем этим и ожидавших реакции духоборов. Однако духоборы никаких действий не предпринимали, считая англичан просто темными людьми. Зрители же воспринимали все происходящее иначе: «Вот дурачье. Дикари, хуже негров. Совсем не могут за себя постоять». Наконец, когда один из англичан плюнул в стакан старику и стукнул его по макушке, один из духоборов – молодой парень – не выдержал: встал, спокойно подошел к одному из англичан и дал в ухо. Силища у духоборов была огромная: они вместо лошадей впрягались в плуг. Нокаут. Товарищи поверженного со словами *that's all right* оттащили его с веранды, а зрители встретили такой разворот событий одобрительными возгласами: мол, ну хоть один из них человек нашелся. Иначе, однако, реагировали духоборы. Они тут же налетели на парнишку и стали его укорять: «Ну это ты напрасно. Ну и к чему это? К чему ты темного человека избил, который по неразумению, по слепоте своей... Эх ты, право». Парень втянул голову в плечи и слабо пытался оправдаться. Но его заклевали вконец.» (Сулержицкий 1905).

Как пишет Л. Сулержицкий, этот случай еще долго обсуждали, но причину «падения» молодого духобора видели в том, что родом он был из слабой духоборской общины. Аналогичный пример, удививший англичан, рассказан и Эдвардом Вильямом Томпсоном, известным канадским журналистом и писателем, посетившим зимой 1903 года деревню Вознесение в провинции Саскачеван. В январе 1904 года в центральной газете Манитобы был опубликован его детальный отчет об этом визите – “*Journey to a Colony of Doukhobours*”. Томпсон отмечает, что всем в округе было известно чувство жалости, характерное для духоборов, и их теория терпимости. Эдвард Вильям Томпсон, рассуждая об этом странном, с его точки зрения, качестве, заключает: “..*They wish never to offend, always to conciliate. They desire to give assurance of kindly feeling by their modulations*”. Один из параграфов его статьи так и называется – “*The Goodness of the people*”. Томпсона удивляет тот факт, что эти русские никогда не сердятся ни на кого, не стыдят никого, надеясь, что человек сам пристыдит себя. “*But they do not look angrily at the man, nor hurl at him one harsh word. He is but doing after his kind, as they after theirs. They think they save him from sin. They hope he may become "shame of himself". Such a hopeful, ignorant [naive] people!*” (Thompson William 1904.).

Одним из первых американских журналистов, посетившем в 1900 году деревню духоборов Терпение в Саскачеване, был Джонатан Роудз. Вскоре после этого посещения была опубликована его книга “*A Day with the Doukhobors*”, а несколько позднее, в 1902 году, статья в центральной газете Манитобы (*Manitoba Morning Free Press*), в которой были изложены его личные впечатления от встречи с духоборами и, в частности, от его посещения дома семьи Ивашиных Джонатана Роудза покорили манеры духоборов и их чувство собственного достоинства. Компаньон по посещению Джонатана Роудза семьи Ивашиных, представитель службы иммиграции, повидавший многих эмигрантов, сравнивал манеры духоборов и французов, известных своей куртуазностью, в пользу русских эмигрантов: “*Talk about French politeness, it's not in it with the courtesy of these people. They raise their hats whenever they meet each other, and differ from Frenchmen in that they are quite as polite to their own people as they are to strangers. I've traveled a great deal, and never saw such genuine simplicity and courtesy*” (Rhoads Jonathan. 1900).

О вежливых, полных достоинства манерах духоборов говорится и в публикации Джозефа Елкинтона, известного американского журналиста из Филадельфии, разделявшего пацифистские взгляды духоборов. Летом 1902 года он посетил несколько деревень, опубликовав в 1903 году книгу “*The Doukhobors: Their History in Russia, Their Migration to Canada*”. В одной из глав он обращает внимание на чрезвычайную вежливость духоборов: “*They all pay their oriental respects ...by bowing most profoundly. These salutations were often quite impressive, and accompanied by much sincere feeling. ... they are considered good settlers*” (Elkinton Joseph. 1902).

Многие североамериканские журналисты, посетившие первые поселения русских эмигрантов в первые годы 20-го века, были под большим впечатлением от **песнопений**

духоборов. Духоборы славились своим песнопением, точнее, пением псалмов, которым сопровождалась их собрания. Пение духоборов, их сосредоточенные лица, слаженность голосов производили на всех сильное впечатление.

Джонатан Роудз посвящает отдельный параграф своей статьи медленному, плавному и слаженному песнопению духоборов, обращая особое внимание на лица исполнителей – спокойные и торжественные. “The women all sang with downcast head, and without any expression whatever, whether facial or musical, but the men seemed to enter much more fully into the spirit of the music, and sang as if they realized the significance of the selections”. На пение духоборов обращает внимание в своей статье “Journey to a Colony of Doukhobors” и Едвард Вильям Томпсон. В ней он, в частности, пишет о пении духоборов: “The Doukhobors have pleasant voices. After the strident tones of the Teutonic, Scandinavian, British, Canadian and American inhabitants of prairie land, these Russian voices fall sweetly on the ear. Perhaps nothing is rarer than to hear from illiterate or common-schooled lips the gentle and suave accents of well-bred people. Doukhobors have that charm from a source analogous to that whence it is derived by the best of good society” (Thompson William.1904).Еще одна особенность русских переселенцев отмечается Джонатаном Роудзом, а позднее и другими публицистами. Их поразила чистоплотность и хозяйственность русских эмигрантов. “It is generally known that the Doukhobors are a scrupulously clean people”. Русская баня (“Communal Bathhouse”) вызывала неподдельный интерес и описывалась с величайшей подробностью. Удивляла Роудза и способность духоборов использовать в хозяйстве все предметы, которые можно было приобрести на рынке. Как пишет Роудз, многие местные торговцы, испытывавшие недоверие к своим новым согражданам, спустя некоторое время выражали надежду, что таких эмигрантов, как русские духоборы, будет в стране больше. “At the towns in which they deal, the merchants are anxious that more of the same class of settlers should come into the country. They say that much opposition was at first manifested at the Doukhobor immigration, but that those who know them best have nothing but praise for them, either as farmers or citizens ”.

Первые переселенцы совершенно не знали ни языка, ни законов Канады. Однако многие современники, посещавшие их, отмечали их желание изучать языки. “They are peaceable, law-abiding, industrious and thrifty, are anxious to learn English speech and desirous of following Canadian customs” [8]. Роудз был приятно впечатлен беседой с хозяином дома, Ивашиным, и тем, что он был осведомлен об устройстве правительства, интересовался образованием. “His conversation showed him to be a man of keen observation and shrewd intelligence. He understood thoroughly the theory of representative government as it exists in Canada, and showed himself familiar with the machinery of municipal government. He took a live interest in the education of his people, and made many enquiries as to how the government proposed to deal with this important question”.

Еда, яркая одежда, сотканная женщинами, приятные манеры – все, безусловно, вызывало положительную реакцию журналистов, посещавших первые поселения русских духоборов. Были и негативные впечатления. Так, Джонатан Роудз был крайне удивлен совершенно иным подходом к оформлению брачных союзов, точнее, нежеланием его новых соотечественников оформлять их. “The registration of marriage is there unknown, and, naturally, when they came to Canada, they continued to marry and be given in marriage without notifying the department of vital statistics, and having their unions registered. They hold that no man and woman should continue to live together as man and wife unless they love and reverence each other”. Однако, как отмечает Роудз со слов Ивашина, несмотря на отсутствие официальной регистрации брака, за последние пятьдесят лет был лишь один случай расставания мужа и жены. Этот факт поразило Роудза, закончившего свой рассказ о понятии брака у духоборов риторическим вопросом вопросом – может ли кто-нибудь на земле похвастаться таким рекордом? Роудз в своей статье называет своих новых соотечественников смелыми, простыми, терпеливыми, упорными и трудолюбивыми людьми “simple, brave, patient ..., tenacious, industrious people”(Rhoads Jonathan 1900).

В апреле 1901 года в одном из майских номеров центральной газеты Манитобы, *Manitoba Morning Free Press*, появляется еще одна публикация, посвященная первым русским иммигрантам в Канаде. Ее автор, Джон Ашворт, путешественник из Манчестера, посетил 11 духоборских деревень на северозападных территориях провинции Саскачеван и сформулировал свои впечатления в статье “*Visit to the Saskatchewan District Doukhobors*”. Ашворт отмечает, что, путешествуя от деревни к деревне, он не встретил ни одного местного жителя, который бы отозвался о новых соотечественниках отрицательно. “*In my journeying through the west so far, I have never found one person who had come in contact with the Doukhobors and was able to speak of them from personal knowledge, who had anything to say to their discredit. They are first-class settlers. You have only to go among them to realize the character of these people*” (Ashworth John. 1901). В октябре того же года в *Manitoba Morning Free Press* печатается еще одна статья, “*Visit to the Doukhobors*”. Ее автором оказался не профессиональный журналист, а простой гражданин Канады, Е. Х. Блоу. На него прежде всего огромное впечатление произвели трудолюбие и миролюбие духоборов. Блоу цитирует одного канадского бизнесмена, по словам которого духоборов лучше оставить в покое до тех пор, пока они не вникнут в порядок совершенно новой для них страны: “*If they will only leave the Doukhobors alone until they get to understand things here. They will make a veritable garden out of this country.*” (Blow 1902).

Полно и с большим количеством интересных деталей описываются первые годы жизни духоборов в Канаде Эльмаром Моодом² в его книге “*A Peculiar People*”, опубликованной в Нью-Йорке в 1904 году. Эльмар Моод прежде всего отмечает их поразительную выносливость, стойкость и готовность к сотрудничеству (“...the endurance, perseverance, and readiness to cooperate shown by the people were remarkable” (Maude Aylmer 1904, p. 180). Автор книги был потрясен трудолюбием духоборов и их выносливостью. Особенно удивляли его русские женщины, которые сеяли, пахали, впрягаясь в плуг – лошадей не было, и строили на голом месте деревни. Не менее выносливости поразила Эльмара Моода честность духоборов. Ведь взятый духоборами у правительства заем был оформлен не на отдельного человека, а на 1000 человек, что означало, что не было конкретного лица, ответственного за возвращение заема. С точки зрения психологии индивидуалиста, совершенно немислимо было представить, что этот коллективный заем на 4 года, оформленный на общину, будет возвращен (Maude Aylmer 1904, p. 182). Однако духоборы не только вернули заем в срок, но и смогли послать 4 тысячи долларов в качестве помощи отбывающим наказание в Сибири.

В книге Эльмара Моода отмечается гостеприимство духоборов, о котором ходили легенды. Ими были построены специальные конюшни для лошадей тех, кто останавливался у них хотя бы на одну ночь. Еда, постель – все предлагалось бесплатно (Maude Aylmer 1904, p. 192). Однако иногда такое гостеприимство приводило к недоразумениям. Так, однажды духоборы заметили двух англичан (канадцев), мужчину и женщину, которые пытались переправить свою повозку с двумя детьми через довольно опасную реку. Удивило окружающих не только желание духоборов помочь семье переправиться через реку. Дело в том, что что ни 2, ни 5, ни 10, ни 20 долларов не были приняты ими в знак благодарности за помощь. Отказ от денежного вознаграждения даже напугал англичан, и успокоились они лишь после того, как переводчик объяснил им разницу культур: “... the Doukhobors had only done what they would have done for any stranger, and that it would be contrary to their customs to take payment for such a service” Как объясняет сам автор книги, сделать меньшее для незнакомца значило бы противоречить гостеприимству, отличающему духоборов: “To have done less for a stranger in need would have been contrary to their laws of hospitality” (Maude Aylmer 1904, p. 198).

Возвращаясь к статье Джонатана Роудза, хотелось бы привести слова, заключающие его публикацию: “For a while we journeyed quietly, each absorbed in the memory of all that we had that day seen and learned of these God-fearing, tenacious, industrious people. And the interpreter

² Эльмар Моод (1858-1938), переводчик с русского на английский язык, издатель и биограф Л. Н. Толстого

voiced my own unspoken thought when he exclaimed: “Well, they were good Russians, and they’ll make good Canadians” («Они были хорошими Русскими, и они станут хорошими канадцами») [8]. Надежду на то, что новые соотечественники станут достойными гражданами Западной Канады, выражал в своей статье и Е. Х. Блоу: “Give him a chance and he will soon evolve into a sturdy, worthy Western Canadian citizen” (Blow 1902).

Оправдались ли надежды североамериканских корреспондентов в отношении первых русских эмигрантов? Стали ли они хорошими Канадцами? Безусловно, если говорить об их удивительной способности принимать любые условия как данность и героически преодолевать те трудности, с которыми они столкнулись в Канаде. В первые пять лет пребывания в Канаде духоборы построили 61 деревенскую общину, мосты и переправы через реки, освоили территории в практически незаселенных провинциях Канады - Саскачеване, Манитобе, Альберте, Британской Колумбии.

Что представляет собой эта община сто лет спустя? Сегодня в Канаде, преимущественно в Саскачеване, Манитобе и Британской Колумбии, проживает около 30 тысяч потомков первых русских эмигрантов, которые, по мнению Аркадия Черксова составляют наиболее (если не единственную) реально сплоченную группу канадцев русского происхождения (Черкасов 2001). Эта группа русских эмигрантов оказалась самой консолидированной в истории русской эмиграции 20-го века. Сегодня в крупнейшем историческом музее Канады в Оттаве (Канадский музей цивилизации) есть постоянная экспозиция, посвященная духоборам в Канаде. Наивно предполагать, что все потомки первых русских эмигрантов хранят верность русскому языку и русской культуре до сих пор. Тем не менее, около пяти тысяч по-прежнему говорят по-русски, делая все для сохранения русской речи и, соответственно, своей национальной идентичности. Проблема сохранения родной речи является самой главной для них, о чем свидетельствуют многие статьи в журнале «Искра», выпускаемом духоборами с 1943 года. При очередной переписи населения потомки первых русских духоборов упорно заявляют о своем русском происхождении, поют в русском хоре, содержат сувенирные магазины с национальными русскими сувенирами, сохраняют традиционные народные промыслы – резьбу по дереву, вышивку русскими узорами, ткачество. Большой популярностью на канадском рынке пользуются знаменитые деревянные ложки с фирменным клеймом «Николай Денисов». Это стремление к сохранению национальной идентичности тем более удивительно, что русская диаспора считается Министерством наследия Канады «чемпионом» ассимиляции среди 20 крупнейших этнокультурных групп страны.

На современной карте Канады в провинциях Саскачеван и Британская Колумбия и сегодня можно увидеть канадские населенные пункты Крестова, Утешение, Архангельское, напоминающие нам о первой массовой волне русских эмигрантов в Канаде. В Британской Колумбии, где сегодня проживает наибольшее количество потомков первой волны русской эмиграции в Канаду, существует музей под открытым небом — Духоборская деревня, где представлены и русская печь, и русская баня, и атрибуты русских национальных костюмов. Там же функционирует и Ресторан Бистро на 50 мест, который специализируется на вегетарианском меню, и в котором в качестве фирменных блюд предлагаются борщ, вареники, пироги (причем предлагается и рецепт борща).

Но более всего наши бывшие соотечественники преуспели в создании положительного имиджа русского человека. Человека трудолюбивого, воспитанного, интересного, аккуратного и гостеприимного, который с уважением относится к себе, другим, своим корням, своей истории, бережно сохраняет русский язык и культуру. Они были первыми и единственными русскими эмигрантами, приезд которых в Канаду так широко освещался в прессе. Все журналисты, писатели, посетившие поселения первых русских духоборов, единодушно отмечали высокие личные качества и нравственные ценности своих новых соотечественников. Эти качества оказали огромное влияние на формирование положительного имиджа русского человека.

Чувство собственного достоинства помогли не только выжить этой группе русских эмигрантов в этнокультурной мозаике Канады, но и оказать большое влияние на ее становление, оставив яркий след в истории Канады.

Литература

- СОМИН, Н., 1908. *Духоборы*. <http://chri-soc.narod.ru/duhobor.htm>
СУЛЕРЖИЦКИЙ, Л. А., 1905. *В Америку с духоборами*. Из записной книжки. Москва: Посредник. http://az.lib.ru/s/sulerzhickij_l_a/text_0070.shtml
ЧЕРКАСОВ, А., 2001. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. *Канадский Паспорт*. № 2-7.
ASHWORTH, J., 1901. *Visit to the Saskatchewan District Doukhobors*. Manitoba Morning Free Press
BLOW, E., 1902. *Visit to the Doukhobors*. Manitoba Morning Free Press
ELKINTON, J., 1902. *Personal Experiences among the Doukhobors in Canada*. Manitoba Morning Free Press.
MAUDE, A., 1904. *A Peculiar People*. New York:
RHOADS, J., 1900. A Day with the Doukhobors. Manitoba Morning Free Press Thompson William. *Journey to a Colony of Doukhobors*, Manitoba Morning Free Press

Tatjana Pivovarova

Lomonosov Moscow State University, Russia

Research interests: research on Canada, history of English

“THEY WERE GOOD RUSSIANS, AND THEY WILL MAKE GOOD CANADIANS”. DOUCHOBORS IN CANADA Summary

The article deals with the first years of Russian Doukhobors in Canada and the problems they faced there. Russian Doukhobors had to immigrate to Canada at the end of the 19-th century due to disagreements with the Russian Government and official Church. After their arrival in Canada, at the very beginning of the 20-th century, numerous journalists from Canada, the USA and Great Britain visited Doukhobors' settlements. Canadian citizens also visited Doukhobors' houses to express their personal opinion about newcomers. All those who communicated with Doukhobors in Canada were highly impressed by their manners, abilities, hospitality and tolerance of new settlers. Our attention is focused on different publications in Canadian newspapers as well as on books in which the authors share their impressions about Doukhobors. The articles and books devoted to new immigrants greatly contributed to forming a positive image of new settlers in Canada. These publications help us better understand the first years of Doukhobors in Canada who are still considered to be the most consolidated group within Russian Diaspora in Canada.

KEY WORDS: immigration, immigrants, Doukhobors, journalists, Canada, first years, impressions, image, stereotype

Алина Романовска

Даугавпилсский университет, Латвия

Vienības iela 13, 322 kab., Latvija

Тел. +37126546608

Эл. почта: alina.romanovska@du.lv

Научные интересы: латышская литература, сравнительное литературоведение

ОБРАЗ РУССКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ ПРОЗЕ

В исследовании рассматривается образ русского в прозе латышских писателей 1995-2005 годов. Русские персонажи наиболее часто действуют в работах ретроспективной направленности, время действия которых – это 1900-1980 годы. Таким образом, проявляется тенденция пересмотреть посттравматические воспоминания и освободиться от предвзятой трактовки исторических событий. Писателям присуще индивидуальное восприятие процессов и национальностей. Образ русского основан на стереотипах нашего времени, но основные особенности русских персонажей связаны с индивидуально личностными характеристиками и общечеловеческими ценностями. На формирование этого образа во многом повлияла культурно-историческая, политическая ситуация советского времени. Образ русского многослоен и неоднозначен, многие характеристики конкретных персонажей русских зависят от особенностей повествования и принадлежности произведения к какому-либо культурному типу. В современной латышской литературе возрастает тенденция размывания границ национальной идентичности, что снова и снова актуализирует попытки ее восстановить и определить хотя бы в рамках одного конкретного произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский, латыш, латышская литература, национальная идентичность, ментальность, политическая и историческая ситуация

Формирование коллективных представлений различных народов друг о друге - продолжительный и сложный процесс, который находится под влиянием древнейшей оппозиции человеческого сознания *свой-чужой*. С представлением о *своем и чужом / о своих и чужих* связаны другие, более конкретные, стереотипы одного народа в сознании другого. *Основная и сохраняющаяся часть представлений народов друг о друге неоднозначна и окрашена не только в белые и черные тона* (Оболенская 1991, с. 160). В литературных произведениях стереотипное коллективное представление тесно связано с индивидуальным авторским, которое формируется в процессе личного жизненного опыта каждого конкретного автора. Поэтому образ русского в современной латышской прозе лишен целостности, он, как мозаика, состоит из отдельных осколков, обрывков воспоминаний и впечатлений.

В произведениях, изданных в период с 1995 по 2005 год, образ русского актуализирован сравнительно редко, он присутствует в основном в произведениях, описывающих события прошлого века, начиная с 1900-х и кончая 1980-ми годами. Чаще всего описаны отношения латышей и русских в советский период, то есть в то время, которое большинство авторов и реципиентов помнят из личного опыта. В произведениях, где время действия – это конец 20-го – начало 21-го века, русские почти не упоминаются, но зато, в соответствии с описываемой реальностью, появляется множество представителей экзотических национальностей: американцы, вьетнамцы, китайцы, норвежцы, ирландцы, шведы, греки, негры и т.д. Наиболее часто и развернуто русские описаны в прозе Г. Репше, П. Банковского, Я. Вевериса.

В основном в рассмотренных произведениях упоминаются и описываются русские, которые живут в Латвии, и лишь в отдельных случаях – русские, живущие в России. Сравнить этих представителей сложно из-за квантитативного различия характеристик, а также из-за различий смысловой направленности и особенностей повествования произведений. Важным кажется то, что российские русские воспринимаются как «настоящие

русские», они представляют собой квинтэссенцию русской ментальности. Русские в Латвии ассимилировались и только частично сохранили свою национальную идентичность.

Образ русского в современной латышской прозе во многом определяет представление о *своих и чужих*, формировавшееся на протяжении нескольких веков. Инстинктивным отталкиванием всего чужого, непонятного обусловлено то, что некоторые особенности русского менталитета изначально, без логического обоснования, воспринимаются как неприемлемые и, соответственно, как этически и эстетически негативные.

На формирование литературных образов русского человека во многом влияют национальные стереотипы, предрассудки и предубеждения, но часто в произведениях проявляется и индивидуальное авторское восприятие. Эти представления – стереотипное, коллективное и индивидуальное – подчеркнуто различны. Иногда авторы сознательно противопоставляют их в одном и том же произведении. Индивидуальное представление о русских формируется в зависимости от уровня образованности, культурного кругозора, сферы интересов, характера персонажа-латыша, с точки зрения которого ведется повествование, а также от таких же конкретных особенностей персонажа-русского – объекта наблюдения и рецепции. Стереотипные образы коллективны, они отражают обобщенное восприятие русских латышами. Стереотип сравнительно стабилен и подсознательно всегда корректирует индивидуальное представление. Наиболее концентрированно стереотип восприятия русских латышами отражен в работе Я. Вевериса *Зеркальное вино* (1995). Действие происходит в 1980-е годы, автор отразил и стереотипы того времени, и более поздние наслоения, так как повествование ретроспективно, но в нем иногда упоминаются реалии 1991-1992 годов. В процессе обретения Латвией государственной независимости образ русского приобрел множество негативных коннотаций, которые повлияли на формирование стереотипов. Главный персонаж К. путешествует по России, но его представление о стране и людях составляют только готовые матрицы и языковые клише. Автор, соблюдая постмодернистскую традицию, иллюстрирует таким образом принцип смерти субъекта, отказывается от индивидуальности, одновременно иронизируя по поводу стереотипного восприятия мира и высмеивая совместную русскую и латышскую советскую реальность, которая развила некоторые негативные качества русского человека. В данном произведении нет индивидуальностей – только продукты социалистической реальности и национальных клише. Я. Веверис акцентирует внимание на российском пейзаже, указывая, что он неразрывно связан с ментальностью. *К. вспрыгивает с кровати и на полпути застывает, глядя на неприятный пейзаж за окном: грязно-серые клочки берез, которые напоминают проспект на сцене, где танцуют гибкие сыны и дочери большого народа, проворно брэнча на жизнерадостных балалайках. Очередные березовые рощи за долом, укутаная, такая же серая деревня с ленивыми полосками дыма, лаем собак, который конечно больше надо допридумать, и грязные лужи вместо улицы. (..) Но деревня за окном исчезла и опять только монотонные, ухабистые поля с кучами соломы и надоедливymi этнографическими клочками берез* (Vēveris 1995, p. 12-13; здесь и далее перевод мой – А. Р.) Веверис, формально описывая российское пространство с точки зрения одного персонажа, отражает сложившийся стереотип, в котором смешивается реальность и фантазия. В основном персонаж даже не видит описываемые объекты, а полагается на заранее сложившееся представление, штамп восприятия: *Интересно, что в этих домах, - думает К. и совсем ясно видит большую скорбь, закоптелую печку и сонные танцы мух от черного, полного скорби портрета отца Леонида до озаренного лика (ланитами) иконы и снова назад, за дверью бочки огурцов и капусты и большую, наполовину выпитую бутылку с мутным самогоном пьесреди стола* (Vēveris 1995, p. 13). Основными атрибутами российского пространства и русской ментальности становятся всеобщая обреченность, бочки соленых огурцов и квашеной капусты, самогон, березовые рощи, грязь в деревнях, балалайка и гармошка как национальные инструменты, семечки, которые автор описывает как философскую категорию, продукт, который получен без применения особых технологий, Москва – *евроазиатская столица*, сам русский народ – большой народ, а также атрибуты

советской реальности – красные звезды и вообще красный цвет, который появляется везде – от красного знамени до лака для ногтей и цвета волос. Перечисленные особенности проявляются также в других произведениях, но не в таком концентрированном виде.

Я. Веверис акцентирует неоднозначность стереотипа восприятия русских, его внутреннюю противоречивость и многослойность: *..богом покинутый народ, который все-таки не только набор поедателей семечек* (Vēveris 1995, p. 18). Однозначная ценность – русская культура, литература, музыка. Поэтому по-разному воспринимаются интеллигенция и остальной народ. Социально бытовая ситуация в России на протяжении многих веков удручающая, в чем Я. Веверис в соответствии с действующим стереотипом обвиняет тоталитарный режим. Этим же объясняется наиболее известная особенность русского народа – пьянство: *Все эти Успенские, все эти Помяловские – они без стакана не могли написать ни строки! Я читал, я знаю! Отчаянно пили! Все честные люди россии! И отчего они пили? – с отчаяния пили! Пили оттого, что честны! Оттого, что не в силах были облегчить участь народа! Народ задыхался в нищете и невежестве, почитайте-ка Дмитрия Писарева! Оттого он и пьет, от невежества своего пьет!* (Vēveris 1995, p. 26) Здесь Я. Веверис почти дословно цитирует отрывок из поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки», и таким образом наслаивает латышское восприятие русской культуры на русское восприятие, придавая своему тексту особую глубину. Одинаковые отрывки из двух произведений, написанных представителями русской и латышской культур, свидетельствуют о том, что основные стереотипы восприятия русских в разных культурах очень схожи.

Описанный Я. Веверисом стереотип образа русского и России в сознании латыша середины 90-х годов 20 века неоднозначен, но все-таки является ярким примером представления о «чужом», непонятном и неприемлемом менталитете и образе жизни. Осознание русских как чужих с негативной коннотацией этого слова усилено политическим фоном советского времени.

Историческая ситуация и политический фон отношений русских и латышей в некоторых произведениях являются основой восприятия русских вообще. В основном это связано с болезненными воспоминаниями о репрессиях. Д. Рукшане пишет:

- Олег.
- Кто? – Санта резко поворачивается и смотрит на меня, как будто потревожена от глубокого сна.
- Олег.
- Кто он?
- Мой инструктор.
- Русский?!- ее глаза превращаются в черные антенны.
- Ну, да...но...
- Он русский?!
- Подожди, пожалуйста, не говори так...
- Ты целовалась с русским?! – Санта кричит на весь дом, и ее лицо покрывается малиновыми пятнами.
- Санта...
- Ну, знаешь что! Мне с тобой больше не о чем говорить! Я думала, что ты нормальная, а оказалось, что...

(..)

Я очень хорошо понимаю Санту. Ее мама была в Сибири. И бабушка. И дедушка. Мне только очень жаль, что снова надо будет сидеть одной (Rukšāne 2003, p. 67-68).

Образ русского в современной латышской прозе – это также способ определения своей национальной идентичности, вопрос о которой регулярно актуализируется. Осознать и определить ее можно, сравнив себя с представителями другой национальности и определив похожие и различные черты друг друга. Русских и латышей сближает соседство, периоды совместной истории и общее культурное поле. Взаимные контакты и столкновения в обыденной жизни, каждодневном общении, контакты в сфере культуры определяют и схожесть мировидения. Логика разума позволяет увидеть множество схожих черт русских и латышей, но древнейшая логика инстинкта, остатки мифического мышления заставляют искать образ чужого. В СССР и в период воссоздания независимого Латвийского государства по понятным политическим причинам самый «удачный чужой» – это русский, здесь важно и то, что с русскими есть постоянный контакт. Но как только в латышской реальности и,

соответственно, в литературе, в какой-то мере отражающей эту реальность, появляются представители других, более экзотичных национальностей, русские становятся близки, так как осознается схожесть мировидения русских и латышей, сформировавшаяся при непосредственных бытовых и культурных контактах и общей культурно-исторической ситуации. В общении с американцами, греками, скандинавами снова актуализируется вопрос латышской национальной самоидентичности и акцентируется чужое, непонятное мировоззрение. В рассказе Г. Репше *Земли Людовика* (2004) действующие лица – латыши, американец и русская. В характеристике русской женщины, которая живет в Латвии, акцентируются только индивидуальные особенности, но в основном ее мировидение похоже на латышское. А приезжий американец воспринимается как «чужой», почти как инопланетянин. Главная героиня, латышка, размышляет: *Нет, Абрам мне не подходит, он американец, никогда не видел стариков в квартирах, только в пансионатах, встречаюсь с ним в гостинице, когда он прилетает по делам. Он возит с собой водную кровать, и это мне кажется достаточно романтичным в пустой интимной жизни. Показать Бабиш двухметрового мужчину, который говорит на чужом и уж не на французском языке, который не знает нот, а только какие-то информации, какие-то там технологии (он информатор?! осведомитель?! стукач, ты хочешь сказать?!) - это было бы насмешкой над хорошей репутацией и памятью всего рода Миндауга* (Repše 2004, p. 16-17).

Одним из основных отличительных признаков русского человека является язык общения – русский язык. Это формальный признак национальной принадлежности, тем не менее он является одним из первых сигналов, запускающих механизм оппозиции *свой – чужой*. Язык дает повод осознавать кого-то как представителя другой национальности с другим менталитетом, в результате чего актуализируются стереотипы восприятия представителей этой национальности. В отдельных произведениях описаны ситуации, когда единственной отличительной чертой русских и латышей является язык, который становится поводом для конфликта. Например, в романе Г. Репше *Крик олова* русская преподавательница в латышской школе учениками изначально воспринимается отрицательно потому, что говорит по-латышски с акцентом. Скрытой подоплекой этого является политическая ситуация – восприятие русских как представителей нежелательной власти (действие романа происходит в 1980-е годы). В современной прозе описаны также ситуации удачной коммуникации на двух языках, когда русские и латыши говорят каждый на своем языке, при этом русский язык передается латинским шрифтом. В некоторых работах фрагменты из документальных текстов на русском языке, написанные кириллицей, использованы как самодостаточная игра в стиле постмодернизма. Одно из наиболее интересных произведений, в которых употребляется русский язык – это роман П. Банковскиса *Секреты* (2003). П. Банковскис, по мнению латышских критиков, единственный современный автор, который не избегает изображать русских. Так как действие почти всех его романов происходит в прошлом, русские являются неотъемлемым компонентом изображаемой реальности. В основном он описывает индивидуальное представление персонажей-латышей о конкретных персонажах-русских. Интересно, что действие романа происходит в староверской деревне в Латгалии, недалеко от российской границы, но русский язык, воспроизведенный кириллицей, использован только в названии работы и во фрагментах инструкций, документов, непосредственно не связанных с действием романа и персонажами, а служащих для характеристики времени. Название на русском языке – по словам самого автора – в первую очередь рекламный трюк. Но оно также отражает интригу романа – секрет рода, а также ассоциируется с детской игрой (секреты), которая была распространена в Латвии, и название которой не переводилось на латышский язык. В романе *Секреты* игра совмещения двух языков является средством выражения идеи невозможности существования какой-либо стабильной национальной идентичности, определяемой набором конкретных особенностей. В своей последней работе – романе *Евроремонт* (2005) – П. Банковскис снова акцентирует эту идею. Действие романа происходит в наше время, персонажи романа – представители разных национальностей – русские, грузины, греки, украинцы, эстонцы и др. Но эти национальности только упомянуты и имеют исключительно формальное значение,

несмотря на то, что само определение национальности включает представление об этой национальности. Национальная принадлежность не характеризует персонажей, важны только их индивидуальные особенности. Похожие мысли высказывают в своих произведениях и другие современные латышские авторы.

Наряду с языком другой формальный, но часто очень важный признак национальной принадлежности – имя. Именно имя персонажей, без дополнительной характеристики, позволяет определить национальность – латышскую или русскую (где традиционно наряду с именем важно отчество). Но иногда имя персонажа является ложным определителем национальности. Вопрос соответствия имени и национальности актуализирован во многих произведениях.

П. Банковскис пишет:

– *Настоящий? Русский человек? Мам, что ты говоришь? Где этот настоящий русский человек?*

– *Например, я.*

– *А Клавс? Что он за птица?*

– *Тише, тише, Нина. Он этого не должен знать.*

– *Как – не должен?*

– *Он русский человек.*

– *Нет, не русский. У какого русского такое имя?*

– *Имя не имеет значения.*

– *Нет, имеет. И отец имеет значение (Bankovskis 2003, 53).*

Таким образом подчеркивается идея гибридизации и размывания границ национальной идентичности.

Несмотря на осознание современного мира как мультинационального и акцентирование космополитических ценностей, писатели нередко пытаются на конкретных примерах выяснить особенности русского менталитета. Это дает возможность непредвзято посмотреть на межкультурное общение русских и латышей и несколько смягчить оппозицию *свой-чужой*. Кроме того, в сравнении с русской постигается и латышская идентичность, которая является важной составной частью самосознания героев. Множество наблюдений над русскими ведет героиня романа Л. Муктупавела *Завет Шампильонов* (2002): *И тогда я стала замечать тех, которые заявляют о себе сами. У одного длинное кожаное пальто. Вообще кожаные пальто. Другие походки, прически и главное – взгляды. Они говорят по-русски. Садятся на вторую половину скамейки. Я слышу все, что русские говорят. Тоже летят в Ригу. Есть такое выражение – представители русской национальности. Это кто-то сказал, думая или сам в своих ушах как будто слыша такой оттенок клички – русский... Ничего они не представляют! Никто им не давал право или задание представительства. Они русские. Также как я латышка или сидящий напротив меня – итальянец. И, если кому-то кажется, что слово русский звучит как кличка, sorry, сам виноват! (Muktupāvela 2002, p. 9).* Наблюдения за русскими в романе всегда граничат с наблюдениями за латышами. Автор описывает, что представители этих двух национальностей столетиями живут рядом на земле балтов, все они балтийцы, но, несмотря на долгую совместную историю, национальные особенности сохранились. Л. Муктупавела описывает современную ситуацию, когда балтийцы (русские, латыши, литовцы) едут за границу выполнять низкоквалифицированную работу – подзаголовок романа *черные балтийцы в кельтах*. Русских и латышей объединяет готовность искать лучшей жизни и стать чернорабочими за границей. Но их поведение различно. Повествователь пытается выяснить, чем оно обусловлено, поэтому ведет нейтральные наблюдения за представителями разных национальностей в разных ситуациях. В этих наблюдениях, также как и в других произведениях данного периода, прослеживаются определенные национальные стереотипы, но в них нет негативной коннотации. Героиня романа – латышка, осознающая свои корни, – сквозь призму национальных особенностей пытается анализировать свое самосознание и нередко приходит к выводу, что хотела бы перенять некоторые качества у русских. Русские в ее восприятии более жизнеспособны и жизнерадостны, особенно ярко эти качества проявляются в сравнении с латышами: *Русские. Молодая русская с высокой прической, которая схвачена такой заколкой на затылке, как будто десять пальцев с обеих сторон головы держат волосы как в тисках. Блондинка, ярко*

крашенная. Ого! Только губы чего стоят, алый грех! В шубе, высоких сапогах, со звенящей бижутерией в ушах, а может золотом, не умею различать эти блестяшки. Смеется и говорит с тремя парнями, Все в кожаных куртках. Ширпотреб Вильнюсского рынка, Ай, что там долго присматриваться, такие одинаковые молодцы типа Ильи Муромца. Они скоморошничают, придуриваются, балуются, одним словом ведут себя громко и беззаботно.

Латыши. Спокойные. Ай, нет, закостенелые. Стоящие у тележек как у окопов. Латыши их себе могут сделать везде и из любого материала. Как я, например. Пью кофе и никому и в голову не придет подойти ко мне и спросить, не чувствую ли я себя одиноко (Muktupāvela 2002, p. 31-32).

В концепции романа Л. Муктупавелы национальные особенности являются основой индивидуальной идентичности, поэтому в любых национальных проявлениях она ищет универсальные ценности. В латышском стереотипе восприятия русских в романе *Завет Шампиньонов* нет однозначной негативной коннотации, есть ирония и даже сарказм, который в равной мере может относиться и к русским, и к латышам.

В заключении можно выделить следующие особенности, характеризующие изображение русских в современной латышской литературе:

- на формирование образа русского во многом повлияла культурно-историческая, политическая ситуация советского времени;
- образ русского многослоен и неоднозначен, многие характеристики конкретных персонажей русских зависят от особенностей повествования и принадлежности произведения к какому-либо культурному типу;
- возрастает тенденция размывания границ национальной идентичности, что снова и снова актуализирует попытки ее восстановить и определить хотя бы в рамках одного конкретного произведения.

Литература

- ОБОЛЕНСКАЯ, С. В., 1991. Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. Человек в истории. *Культурно-антропологическая история сегодня*. Москва: Наука
- BANKOVSKIS, P., 2000. *Padomju Latvijas sievietē*. Rīga: Enigma
- BANKOVSKIS, P., 2002. *Čeka, bumba & rokenrols*. Rīga: Valters un Rapa
- BANKOVSKIS, P., 2005. *Eiromonts*. Rīga: Valters un Rapa
- BANKOVSKIS, P., 2003. *Секреты. Sekretī. Pierobežas romance*. Rīga: Valters un Rapa
- EINFELDS, J., 1999. *Veči*. Rīga: Pētergailis
- EINFELDS, J., 2001. *Pornogrāfisko bildīšu tirgotājs*. Rīga: Pētergailis
- IKSTENA, N., 1998. *Dzīves svinēšana*. Rīga: Atēna
- MUKTUPĀVELA, L., 2002. *Šampinjonu Derība. Melnie balti ķeltos*. Rīga: Daugava
- REPŠE, G., 2000. *Īkstīte*. Rīga: Pētergailis
- REPŠE, G., 2004. *Ludovika zemes*. Rīga: Pētergailis
- RUKŠĀNE, D., 2003. *Kāpēc tu raudāji?* Rīga: Atēna
- VĒVERIS, J., 2000. *Pirmvaloda*. Rīga: Atēna
- VĒVERIS, J., 1995. *Spoguļu vīns*. Rīga: Daugava

Alina Romanovska

Daugavpils University, Latvia

Research interests: Latvian literature, comparative literature

THE IMAGE OF A RUSSIAN IN CONTEMPORARY LATVIAN PROSE

Summary

The present analysis of the image of a Russian in contemporary Latvian prose is based on the literary works published from 1995 to 2005. Russians are most often and extensively described in the prose works by Gundega Repše, Pauls Bankovskis and Jānis Vēveris. Generally, the image of a Russian does not occur frequently; it appears basically in the prose works set in the past, usually since the beginning of the 20th century and up to the 1980s. Most often the relations of Russians and Latvians in the Soviet period are described; this period of time is remembered by the majority of authors and recipients of texts from their own personal experience. The prose works set in the late 20th – early 21st

century almost never refer to Russians. According to the depicted reality, there are many representatives of exotic nationalities: Americans, Vietnamese, Chinese, Norwegians, Irish, Swedes, Greeks, black people, etc.

In general, the selected texts describe Russians living in Latvia and only in some cases those living in Russia. It is rather difficult to compare both of them due to the quantitative divergence of characteristics as well as the differences of the construction of meaning and the narrative peculiarities of the prose works. It seems important that Russians of Russia are perceived as authentic Russians representing the essence of Russian mentality. Russians in Latvia have been assimilated and only partially have preserved their national identity.

It is possible to single out the following peculiarities characteristic of the depiction of Russians in contemporary Latvian literature:

1. The formation of the image of a Russian has been greatly affected by the historico-cultural and political situation of the Soviet epoch;

2. The image of a Russian is multilayered and ambiguous, many characteristics of the particular images of Russians depending on the narrative peculiarities and the culture type that the literary work belongs to;

3. There is a growing tendency of hybridization and blurring the boundaries of national identity that repeatedly emphasizes the importance of the attempts at its reconstruction and determining at least in the framework of a particular work.

KEY WORDS: Russian, Latvian, Latvian literature, national identity, mentality, political and historical situation.

Галина Сюта

Институт украинского языка Национальной академии наук Украины
пр. П. Григоренко, 36а - 95, 02140 Киев, Украина.

Тел.: +38044 573 0897

Эл. почта: syutag@list.ru

Научные интересы: язык современной украинской поэзии, поэтический дискурс украинской диаспоры, когнитивистика, дискурс-анализ, этнолингвистика, этнолингвопоэтика, стилистика, культура речи.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО-ОБРАЗ КАК ЗНАК НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

*В статье рассмотрены вопросы лингвоэстетики художественной речемыслительной практики авторов нью-йоркской группы (В. Вовк, Б. Бойчука, Б. Рубчака, Ю. Тарнавского) как главных репрезентантов современной украиноязычной поэзии западной диаспоры. Методологическую основу прочтения текстов и минимальных контекстов составляет теоретический тезис о вычленении языково-эстетических знаков культуры как аккумулянтов и вербализаторов национально значимой семантики и аксиологии. Показано, что их текстовая актуализация теснейшим образом связана с этнокультурным опытом, личностным позиционированием и национальной самоидентификацией поэтов, творящих вне этнической украиноязычной среды. На примере анализа поэтических слов-образов **язык, речь и земля**, своеобразно синтезирующих традиционную этносемантику и этноконнотацию, автор отвечает на вопрос о том, можно ли через язык поэзии рефлексировать национальную культуру и индивидуальную креативную систему автора.*

***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** поэтический язык диаспоры, языково-эстетический знак национальной культуры, этносемантика, этноконнотация, метафора.*

В украинской лингвостилистике последних десятилетий особенно актуальными стали научные исследования, в которых явления и единицы национального языка интерпретируются в контексте речемыслительной деятельности её носителей, которая теснейшим образом связана с национальной идентичностью, этнокультурным опытом личности. Осмысление языкового знака как аккумулянта национально значимой семантики и аксиологии ученые категоризируют в новых терминах и понятиях – *языково-эстетический знак национальной культуры, знак украинской этнокультуры, этнокультурный концепт, лингвокультурный концепт, этнокультурная лексика, лингвокультурема, культурема, этносимвол, этномифологема, слова с национально-культурным компонентом семантики, национально маркированные языковые единицы*. В совокупности они формируют и существенно обогащают метаязыковой аппарат современной этнолингвистики, этнолингвопоэтики, часто синонимизируются, однако в то же время каждый из них специфично акцентирует внимание на этносемантике и этноконнотации слова как кода культурной памяти, носителя «не только информативности, но и убедительности, образности, то есть совершенства, присущего языку как многовековому достоянию нации» (Ермоленко 2009, с. 3). Заметим, что соответствующий когнитивный постулат о существовании языково-эстетических знаков национальной культуры теснейшим образом связан с тезисом А. А. Потребни об апперцепционной модели текста.

В современной украинской поэзии есть особый сегмент, для которого актуализация языково-эстетических знаков национальной культуры является доминантным дискурсивным, текстообразующим параметром. Это творчество поэтов, волей судьбы оказавшихся за пределами естественной языковой и ментальной украинской среды. Этот сегмент очень неоднороден с точки зрения обстоятельств, из-за которых поэты оказались вне этнокультурной материковой среды, длительности проживания в диаспоре, владения украинским языком, не говоря уже о смысловой насыщенности и культурной ценности

стихотворений, эстетическом совершенстве поэтической речи и др. Но поскольку мировой опыт культурного развития убедительно свидетельствует о том, что необходимым предусловием интеллектуального прогресса нации является осмысление и использование максимального массива историко-культурного наследия, игнорирование этого фрагмента украинского поэтического дискурса могло бы препятствовать объективному восприятию и пониманию целостности украинского духовного пространства, формируемого и в Украине, и за ее пределами. Поэтому материалом для данного исследования мы избрали поэтические тексты авторов нью-йоркской группы – главных репрезентантов современной украиноязычной поэзии западной диаспоры. Как творческие личности они сформировались уже вне Украины, однако позиционируют себя именно как *украинские* поэты, модернизирующие современную украинскую литературу и вписывающие ее в широкий вертикально-горизонтальный контекст мировой культуры. С этой точки зрения исследование семантико-функциональной и аксиологической нагрузки поэтических номинаций, которые в дискурсе авторов нью-йоркской группы актуализируются как выразительные языково-эстетические знаки национальной культуры, представляется чрезвычайно интересным и показательным.

Определяющий признак, по которому мы в первую очередь идентифицируем украинскость диаспорной поэзии – это язык. Как утверждает представитель младшего поколения нью-йоркской группы Мария Ревакович, обращение внематериковых поэтов к украинскому языку как средству личностного и креативного самовыражения, национальной самоидентификации свидетельствует об «определенном чувстве долга против Украины и украинской литературы в частности» (Ревакович 2009). Поэтому естественно, что ключевыми лингвоментальными единицами в поэтической системе ньюйоркцев, используемыми в функции своеобразных лексических маркеров их причастности к духовному пространству национальной культуры и ментальности, являются слова-образы *язык, речь*.

Лексико-семантическое структурирование, профилирование слов-образов *язык, речь* (укр. – *мова*) кроме одноименной ядерной номинации обеспечивают лексемы *говор* (укр. – *говір*), *слово*. Их традиционную позитивную оценочность акцентирует последовательная сочетаемость с эпитетами *родной* (укр. – *рідний*), *сопилковий* (укр. – *сопілковий*), *златоустый* (укр. – *золотоустий*): *Ти передав нам вартості нетлінні! В обряді та золотоустій мові* (В. Вовк); *Люди їх слухали в рідній мові, / в слов'янськiм говорі сопілковім* (В. Вовк); *Зiшли йому співати стиха! Слова від мене сопілкові* (В. Вовк); *А слово рідне буде-перебуде, / Не виміліє, не схитне основ* (Б. Рубчак). Соответствующий тип эстетизации определяет перспективность закрепления приведенных контекстов в национально-языковой памяти.

В негативной оценочной парадигме моделируются метафорические обозначения далекого от эстетического совершенства слова, связанные с неодобрительной характеристикой поэтической речи, авторского способа выражения. К таким относится, например, эпитетное словосочетание *протертые слова*. Опираясь на прямое лексическое значение прилагательного *протертый* («который протерся от длительного ношения, использования»), декодируем содержание метафорического высказывания Б. Рубчака *портреты протертых слов* – «стереотипизированное, неоригинальное, лишенное эмоциональности выражение».

Негативная оценка творчества, поэзии, а через них – и языковой личности творца, поэтa доминирует в осложненных сравнением образах Ю. Тарнавского: *я не поет, / бо мої слова грубі, / як поліна; твої слова / звучать як вода / на твердий камінь*. Своеобразную эстетизацию (точнее, деэстетизацию) этих поэтических словоупотреблений обеспечило индивидуальное нахождение общей основы сравнения: признак 'твердый' относится и к слову, и к камню, признак 'грубый' – и к словам, и к поленьям.

Внутреннее контрастирование окказионального эпитета *квітневоп'яне* и отрицательно-предикативной формы глагола *не оживляло* определяет метафорический

смысл высказывания *Слово квітневоп'яне/ не оживляло жил* (Б. Рубчак). В нем закодирована семантика эмоциональной несостоятельности слова. Сравним, как значение действительности, влиятельности поэтического слова передают метафоры, в которых соответствующая номинация ситуативно сочетается с глаголами *врезатися* (укр. – *врізатися*), *зацвести* (укр. – *зацвісти*), *созреть* (укр. – *дозріти*), *гореть* (укр. – *горіти*), *взорваться* (укр. – *вибухнути*), *дрожать* (укр. – *дрижати*). Ср.: *Та ваше слово зацвіло й дозріло./ Щоб Боже слово між людьми горіло* (В. Вовк); *є багато слів, які тремтять приємно./ уложені в барву веселки./ якими можна наповнити себе* (Ю. Тарнавский); *вибухло слово, гостріше вистрілів* (Б. Рубчак).

В идиостиле Богдана Бойчука наблюдаем последовательное развитие традиционного для украинской поэтики мотива «отсутствие речи, слов – отсутствие жизни, смерть»: *Тоді/ зірвеш листки/ холодних слів/ і зложиш/ на німі уста; І нерухоміють в устах/ слова/, бубнявіє язик; При згасанні слів призабудемо день./ який нахилиться до смерти.*

Конкретно-чувственную выразительность, способность быть ощутимым тактильно, визуально, аудиально, быть постижимым в пространственном измерении приобретают микрообразы *язык, речь, слово* в опредмечивающих метафорах. Например, в индивидуальной речемыслительной практике Богдана Бойчука *слово* представлено как материальная реальность, которую можно отодвинуть (*Боячись розвіяти світле./ відсуваю набік слова*), вымыть (*Вимий слово моє/ від зненависті стухлин/ і злоби*), увидеть ее географические, рельефные параметры (*Зійди до мене схилом слів./ я вимолвив цю мить у доли*).

Художественное содержание многих индивидуальных метафор мотивирует традиционное для украинской национальной поэтики ассоциативно-контекстное отождествление:

- *слово – птица*: *Слова, як птахи, билися об стіни* (В. Вовк); *теплі зграї нехитрих слів* (Б. Рубчак); *Для тебе змайстрував я клітку слів./ Аби тебе як щиглика замкнути* (Б. Рубчак);

- *слово – растение*: *в розмовах, що ростуть мов вишні* (Б. Бойчук); *Але вічність – це чайки святе одиноцтво/ і зелена розмова німих дерев* (Б. Рубчак);

- *слово – боль*: *Нестерпне світло перетяло груди./ і в серце врізалось/ слово* (Б. Бойчук).

Такие авторские контексты ориентируют читателя на сопоставление указанных ассоциаций с типичными для украинской ментальности корреляциями, закрепленными в системе языка. Ср. значение фразеологизма *слово – не горобець, вилетіло – не впіймаєш*, фразеологизированного словосочетания *поранити словом* и др. Безусловно, они свидетельствуют о том, что «мастера слова, имея общий языковой материал, обращаясь к лексическим сокровищам своего народа, выстраивают [...] свой мир языка. Поэзия, проза, драма выстраиваются как языковые образования из общенародных словарных источников» (Ермоленко 2009, с. 12).

Важным стилистическим параметром актуализации образа *язык, речь* как языково-эстетического знака национальной культуры является также сакральное измерение слова – коннектора человека и Бога: *Відкрий уста мої./ щоб слова виходили/ повні і чисті./ як сльози./ обдихані духом/ Твоїм./ Відкрий уста мої./ щоб слова [..] заходили в душі опущених./ наче надія на Тебе; Вложи/ слово своє в душу./ щоби краплею прозорого алмазу/ рухалося площиною свідомості/ і різьбило образ Твій./ Зацепи/ слово своє у серце./ Щоб розвиднилося у нім і прояснило риси Твої./ Закорени/ слово своє у пам'ять./ щоби спомини приходили/ з-за потойбіччя/ і вкладалися у зміст/ Твого імені*). Знаковыми для таких метафорических контекстов являются не только конструкции обращения, которые стилизируют дискурс молитвы, но и непосредственная актуализация в них образа *слово*, грамматически подчиненного глаголам *вложи, укорени* и др. как смысломоделлирующих доминант обращения к Всевышнему (лексико-семантические кореференты этого

центрального агнионима в тексте – *Ты, дух Твой, образ Твой, черты Твои, сущность Твоего имени*).

В кардинально ином стилистическом ракурсе моделирует национально маркированный образ *языка, слова* приверженец современной эстетики Юрий Тарнавский. Одна из самых болевых стилистических точек в творчестве этого автора – проблема языковой идентификации и самоидентификации личности – была и остается актуальной не только для диаспорной, но и для материковой украиноязычной среды. В поэме «У РА НА» эта проблема находит выражение в аксиологической оппозиции «родное – чужое», лексико-семантическое развитие которой имеет индивидуальный характер. Прежде всего это касается общей экспрессивной тональности вербализации *родного* (Ю. Тарнавский отождествляет понятия *родной язык* и *украинский язык*), что, вопреки традиции, не всегда позитивно окрашено. Авторские метафоры этой тематической группы – это в большинстве своем саркастически-обвинительные, инвективные сентенции, лексическое наполнение которых осуществляют разговорные, просторечные, часто вульгаризированные единицы, например: *українські покоління вертаються з нічних **пиятик**, де **пропили** рідну мову (несли її, несли тисячу років, дали вам у руки, а ви, **бездари**, **пропили** її за одну ніч)*. Инвективность таких колоквиализованных метафор усиливают стилистически сниженные глаголы (пропили), номинации человека (*бездари*) и др.

Нетипичную лексико-семантическую парадигму имеет также второй член названной оппозиции – *чужое*. Основными семантическими векторами его реализации применительно к образу *язык* в поэзии Юрия Тарнавского являются эпитеты *русский и английский*, четко отражающие особенности авторского осмысления вторичного статуса украинского языка в соотносительных социокультурных ситуациях – по сравнению с русским (в бывшей УССР) и по сравнению с английским (в западной диаспоре). При этом метафорические инвективы, негативно окрашенные фразеологизированные парафрастические сочетания, включенные в контекст транслитерированные или сохраненные в первичном, «иноязычном» написании слова убедительно свидетельствуют, что основную ответственность за упадок языка поэт возлагает не на общественный порядок или государство, а на человека – носителя языка, хранителя национальных и языковых традиций: *з усіх боків, і вночі, і вдень, чутиметься лиш кумкання: **black, black, black***; *вже ось тисячу років мукаєш за собою, як теля за матір'ю: Хто я? Хто я? Тоді як ти [...] люд радянський, царський, цісарський, королівський, ханський, що ти руський, русин, рутенець, карпаторос, малорос, малополяк (хрунь), мадярон, лемко, козак кубанський [...] і ніколи не українець, тобі байдуже, хто ти, всьо равно*. Воспроизведенный средствами украинской графики россиянизм *всьо равно* в последнем контексте логически завершает предыдущий ампликативный ряд, в котором сконденсирована сущность авторского видения исторической судьбы и настоящего Украины и украинского языка.

Градационно-оценочное завершение в развитии образа *чужого языка* осуществляют эпические минитексты такого типа: *українські діти хотіли б щось сказати, та тільки стогнуть – роти набиті англійською мовою*. Общую негативную тональность повествования усиливают опредмечивающе-вульгаризированная метафора *рот набит языком*; глагол семантики страдания (*стонут*), формы сослагательного наклонения (*хотели бы*) и др.

Составляющие антитезы *украинский – чужой* [язык] Юрий Тарнавский не только не дистанцирует, но и ставит в позицию грамматической зависимости в структурах синтаксического параллелизма (*це не звук мільйона пащек піраній, що себе пожирають, це так говорять українці по-російському*), в глагольных метафорах (*твоя мова вже товпиться неспокійно в устах тих, хто це говорить по-російському*). Декодируя внутреннюю форму и аксиологию таких поэтических словоупотреблений, обратимся к тезису П. П. Кононенко, который отмечает взаимообусловленность понятий *самосознание и язык*, поскольку сознание формируется, проявляется в языке, а язык является «самой универсальной формой и бытия, и сознания человека» (Кононенко 1994, с. 134). Иными

словами, мы имеем все основания утверждать объективное существование украинского языкового сознания, «которое предусматривает: 1) осознание самодостаточности своего языка как средства этнической самоидентификации личности (в данном случае – диаспорных авторов – Г. С.); 2) видение пространственного и временного поля украинского языка как феномена единства, целостности украинского этноса (нации)» (Ермоленко 2009, с. 19).

Таким образом, можно констатировать, что стихотворные тексты Ю. Гарнавского об украинском языке следует рассматривать как способ вербализации доминантной национальной идеи, один из векторов реализации лексико-ассоциативного поля «Украина», что, собственно, и подтверждает стилистическую актуальность слова-образа *язык, речь* как языково-эстетического знака национальной культуры.

Статус языково-эстетического знака этнокультуры, константы национального речемышления в поэтическом языке современных диаспорных поэтов имеет также образ *земля*.

Прежде всего отметим, что показательная для поэтики авторов нью-йоркской группы семантика слова-образа *земля* подтверждает такую этномаркированную черту, как психологическая привязанность украинского народа к земле. Вспомним, как на ней акцентировал внимание Г. Булашев: «к земле украинский народ, как народ прежде всего земледельческий, чувствует глубокое уважение, иногда граничащее с обожествлением» (Булашев 1993, с. 268). Подтверждением этого является позитивная оценочность эпитетной характеристики *святая*, имеющая выразительную этнокультурную коннотацию, ср.: «Землю в своей вере считает наш простой люд за святую» (Лепкий 1895, с. 12).

Поэтическому языку ньюйоркцев эпитетное сочетание *святая земля* не присуще (в отличие от его текстообразовательной активности в хронологически сопоставимых идиостилиях материковых шестидесятников). Однако в одном из ранних стихотворений Веры Вовк фиксируем мотивированное сакрализированным восприятием и чувством земли такое автологически-описательное выражение: *Взяла я грудку землі у жменю,/ перехрестилась, пішла у світ*. Декодирование этого фрагмента отсылает читателя к известному на всей территории Украины и опозитизированному во многих литературных произведениях обычаю: идя на чужбину, брать с собой горсть родной земли и беречь ее, как святыню. Стилистическое развитие этого мотива завершает метафора Богдана Бойчука, в которой синтезированы две акцентированные современными этнофилозофами черты психотипа украинцев – уже упомянутая привязанность к земле и кордоцентризм: *Ішов./ У жмені репаній/ останній клаптик неба,/ у серці/ грудка чорнозему*.

Обнаруживаем также художественное осмысление и отображение архетипного значения земли как источника жизни, кормилицы, матери всего живого, универсального символа плодородия и хлеба насущного: «издавна (еще с языческих времен) землю почитали и обожали как мать, дающую людям все необходимое для жизни» (Жайворонок 2006, с. 243). Окажись авторской рефлексией этого мифопоэтического культа стали акцентированные предикативностью плодородия ассоциативно-образные комплексы Богдана Бойчука: *і в теплих лонах їх жінок/ садити/ як в вогкій землі,/ любов,/ що розцвіла б/ пахучим криком/ немовлят; хто дітям/ наших тіл/ наллє життя/ і сил?/ вона, вона,/ земля!* Сравним презентированное в русле современной поэтической эстетики кардинальную трансформацию семантики плодородия в антитекстовой структуре Юрия Гарнавского: *земле,/ не молоком і медом –/ отрутою й калом/ текуча*.

Этнокультурное содержание имеют инклюзивированные в структуру поэтического текста фразеологические и перифрастические высказывания, связанные с национальной этикой и эстетикой вербализации семантики смерти – *уйти в землю, лечь в землю, земля накрыла глаза*. Только исконная погруженность в украинскую словесную традицию, органическое ощущение смысла и оценочности этих эвфемизированных высказываний и одновременно попытка актуализировать эту семантику в новейшей лингвоэстетической парадигме могла стимулировать оформление индивидуально-авторских метафорических

выражений *руки срослись с землей, натянуть весеннюю землю на лицо, земля лежит на тебе и улыбается*. Например: *а дівчина/ згоряла на землі,/ і синові давала/ свій останній погляд,/ відчувала,/ як врослає в землю,/ як єднаються: трава,/ і сонце,/ вітер,/ і планети –/ у її порожнє тіло* (Б. Бойчук); *вас кинули удвох під шар землі/ вона тепер лежить на тобі/ і усміхається без уст* (Б. Бойчук); *благати б – та руки зрослися з землею* (Б. Бойчук); *Молитвою намочимо вуста/ Почувши,/ як без голосу в гаю/ співають хлопці і дівчата,/ що полягли/ і натягнули землю весняну/ на лиця* (Б. Бойчук).

Номинация *земля* в поэтической практике ньюйоркцев – один из наиболее активно антропоморфизированных компонентов, и это тоже свидетельство их приверженности национальной словесной традиции. В частности, лингвокультурный смысл слова-образа *земля* часто репрезентируется через соматические образы *уста, лицо* (укр. – *обличчя*), *сердце* (укр. – *серце*), *грудь* (укр. – *груди*), *чрево* (укр. – *лоно*), *сосуды* (укр. – *жили*), *кожа* (укр. – *шкіра*), *тело* (укр. – *тіло*) и т. п., грамматически связываясь с ними в структуры генитивной метафоры. Ср.: *Земля/ з худим поморцением/ обличчям,/ пересохлими устами/ і неплідним лоном* (Б. Бойчук); *І моляться йому/ з розірваних грудей землі/ сухими молитвами вітру/ білі кості* (Б. Бойчук); *Ми залишимо тут клунки втоми,/ біля цих відкритих жил землі* (Б. Бойчук); *вас не будять пальці дощу/ на натягнутій шкірі землі* (Ю. Тарнавский); *на теплому тілі землі/ розкрили блакитні руки ріки* (Б. Рубчак).

Акцентуаторами этносемантики являются также звуковые и одоративные характеристики, подчеркивающие конкретно чувственный, эмоционально-оценочный смысл и образа *земля* и его контекстного окружения в целом: *тепер дзвенить землі нова година* (В. Вовк); *земля була повна запаху чорного хліба* (В. Вовк); *Де мій запашний чорнозем, де лимани,/ Що полоскали б моє коріння?* (В. Вовк). Эти метафоры имеют выразительную позитивную психолого-стилистическую нагрузку, поскольку актуализируют привычные для украинцев приятные ощущения, связанные с землей, в частности вербализируют этномаркированные ассоциации *земля – чернозем, земля – хлеб*.

Парадигму конкретно-чувственного и психологического восприятия *земли* в рамках антропоцентрического художественного мышления развивают глагольные метафорические характеристики: *Гарячка дня спалила спекотою землю,/ яка лежить [..] і тяжко дихає* (Б. Бойчук).

В автологической конструкции *устами прижаться к земле* Б. Бойчук выражает показательную для украинцев эмоционально-психологическую привязанность украинцев к земле, неравнодушное к ней отношение: *та я устами хочу/ притулитися до тебе,/ [..] країно чорнозему*. Интенсификатором эмоциональности в этом случае выступает глагол *хочу*.

Этносемантику и этноконнотацию слова-образа *земля* специфично вербализирует семантическая модель «земля – страдальца», ср.: *Земля ридає. Матінко, ридай!* (Б. Рубчак). Ее контекстный смысл мотивирован актуальной не только для диаспорных, но и для материковых идиостилей метафорической темой исторической судьбы Украины, ее сложного пути к государственности, независимости. Поэтическое суммирование этого опыта презентуют разнообразие с точки зрения структурной организации тропеические структуры: *земля плачет, земля рыдает, земля в ранах, земля стона*. Например: *у гіркоті спопелілої пам'яті []/ ридала сива земля* (Б. Бойчук); *дудніла в ранах земля/ котився стогін степами* (В. Вовк); *земле зойку/ тебе засівали/ зерном і потом* (В. Вовк). В приведенных контекстах образно-эстетическую модификацию слова *земля* обеспечивают экспрессымы *рана, боль, стон, горечь*, объединенные семой 'страдание'.

Произведенный на материале поэтического языка главных представителей современной украиноязычной литературы западной диаспоры (В. Вовк, Б. Бойчука, Б. Рубчака, Ю. Тарнавского и др.) анализ номинаций *язык* и *земля* как языково-эстетических знаков национальной культуры акцентирует их стилистическую значимость как вербальных маркеров национального самоощущения и креативного самовыражения. Необходимым условием текстовой актуализации рассматриваемых языковых единиц является

лингвоэстетическая и психоментальная погруженность авторов Нью-Йоркской группы в традиционную украинскую поэтику, а фактором, который обеспечивает их адекватное восприятие и интерпретацию, служит этнокультурный опыт реципиента стихотворного произведения.

Литература

- БУЛАШЕВ, Г., 1993. *Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях*. Київ: Довіра, 414 с.
- ЕРМОЛЕНКО, С. Я., 2009. *Мовно-естетичні знаки української культури*. Київ: Інститут української мови НАН України, 352 с.
- ЖАЙВОРОНОК, В. В., 2006. *Знаки української етнокультури: словник-довідник*. Київ: Довіра, 703 с.
- КОНОНЕНКО, П. П., 1994. *Українознавство*. Київ: Заповіт, 216 с.
- ЛЕПКИЙ, Д., 1895. *Земля в людовій вірі*. Зоря, № 1.
- РЕВАКОВИЧ, М., 2009. *Непоетичні дискурси Нью-Йоркської групи*. Доповідь в НТШ (15 лютого 2009 р.). www.Shevchenko Scientific Society.htm

Galyna Syuta

Institute of the Ukrainian Language of the National Academy of Sciences of Ukraine

Research interests: language of modern Ukrainian poetry, cognitive science, discourse analysis, ethnolinguistics, etnolingvopoetics, stylistics, language culture.

POETIC WORD-IMAGE AS A SIGN OF NATIONAL CULTURE

Summary

The article deals with the problem of lingua-aesthetic and artistic speech practice of the authors of the New York Group (V. Vovk, B. Boychuk, B. Rubchak, Y. Tarnavskiy) as the main representatives of modern Ukrainian poetry in the Western diaspora. The methodological basis for reading and interpretation of their texts and minimal contexts is the theoretical thesis about the isolation of language and aesthetic character of culture as main accumulants and verbalizers of nationally important semantics and axiology. We show that textual actualization of these linguistic signs of culture is closely linked with ethno-cultural experience, personal positioning and national identity of poets, who create outside ethnic Ukrainian-language, mental and cultural environment. For example, on the basis of analysis of poetic nominations *language, speech* (язык, речь) and *earth* (земля), which synthesise traditional ethnosemantics and ethnoconnotation, the author of the article tried to answer the question: is it possible to reflect the national culture and individual creative system of the poet through the language of poetry.

KEY WORDS: poetic language of diaspora, linguistic and aesthetic character of national culture, ethnosemantics, ethnoconnotation, metaphor.

Надежда Шакун

Европейский гуманитарный университет, Литва

Valakiai, 10101 Vilnius, Lietuva

Тел. +37060549968

Эл. почта: nadzeya.shakun@ehu.lt

Научные интересы: палеославистика, стилистика белорусского языка, культурология, современные славянские языки

ТУРОВСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ В ЛИТОВСКИХ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДАХ

В данной статье представлены некоторые результаты исследования древних кирилло-мефодиевских манускриптов. Это канонические Евангелия – Туровского Евангелия (XI в.) , Пинского Евангелия (XIV в.) и Второго Туровского Евангелия (XVI в.), – которые хранятся в отделе манускриптов Библиотеки Литовской Академии наук. Автора интересует аспект их локальной привязки к туровскому этно-культурному региону. В связи с этим в языке исследуемых текстов на лексическом, грамматическом и графико-орфографическом уровнях выявляются черты, которые могут трактоваться как нерегулярные, нетрадиционные и могут диагностировать элементы локального влияния на канонические тексты. Данные манускрипты не исследовались ранее как репрезентанты именно туровской локальной традиции древнеславянского языка. Предварительные результаты анализа языка рукописей показали, что в них последовательно передается древняя традиция, отклонения от стандарта спорадичны и несистемны. Это свидетельствует о консервативном характере туровского локального типа кирилло-мефодиевской языковой традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: палеославистика, Туров (регион), древнеславянский язык, локальная традиция, локальная языковая черта, евангелие, Туровское евангелие, Пинское Евангелие, Второе Туровское Евангелие.

Палеославистические исследования в белорусской лингвистике переживают сейчас не лучшие времена. И одна из важнейших причин – недостаточная разработанность фондов источников для таких исследований.

Невозможно представить себе развитие белорусского современного языкознания без фундаментальных диахронических исследований. Стереотипно особенности языка восточнославянских памятников кирилло-мефодиевской традиции периода XI–XVI вв. изучаются на материале «древнерусского» наследия, иначе говоря – на примере рукописей, которые привязываются своим происхождением к таким крупным кирилло-мефодиевским центрам как Великий Новгород, Киев, Москва. Тем не менее, исторические белорусские земли представляются не менее значимыми центрами распространения христианской византийской традиции. Это Туров, Полоцк, Новогрудок, Супрасль и др.

В данной работе мы обращаемся именно к Турову и Туровскому региону как к региону наименее исследованному в этом отношении. Принято считать, что христианизация туровских земель началась примерно с конца X в., а уже в конце XI века здесь появилась епископия, о чем свидетельствует устав, сохраненный только в копии редакции архимандрита Тризы (1647–1656): «О постановлении Туровской епископии» (был выдан князем Владимиром в 1005 году). Это важный исторический факт, свидетельствующий о том, что туровские земли рано были интегрированы в процесс распространения христианской культуры, а вместе с ней – и славянской письменности.

Итак, поскольку существуют сведения о том, что при Туровской епископии действовал скрипторий, можно предполагать, что уже с конца XI в. или, по крайней мере, с начала XII в. здесь начался процесс переписывания и создания литургических и прочих религиозных книг, а значит должен существовать определенный корпус текстов, которые репрезентируют кирилло-

мефодиевскую традицию. Поэтому чрезвычайно важным представляется поиск и исследование туровских рукописных памятников того периода. В список так называемых «туровских» памятников XI–XV вв. традиционно включают *Туровские листки евангельских чтений (XI в.)*, *Житие Кирилла Туровского*, *Слово о Мартине мниси туровском*.

Этот список можно пополнить еще как минимум двумя евангелиями, которые были найдены на Белорусском Полесье во время археографической экспедиции, проводимой Виленским учебным округом в середине XIX в., и переданы в фонд Виленской Публичной библиотеки. Данные памятники были включены в каталог Ф. Добрянского и сейчас они находятся в отделе манускриптов Библиотеки Литовской академии наук, это Пинское Евангелие XIV в. и так называемое Второе Туровское Евангелие XV–XVI вв.

Упомянутые выше памятники не исследовались раньше как репрезентанты именно туровской локальной традиции древнеславянского языка, однако именно в этом аспекте они представляют наибольший интерес для диахрониста.

В данной работе мы рассмотрим три евангелия, которые сейчас хранятся в литовском библиотечном фонде. Это *Туровское Евангелие*, *Пинское Евангелие* и *Второе Туровское Евангелие*.

Остановимся на каждом памятнике более подробно.

1. 10 сохранных Туровских листков представляют собой часть весьма древнего списка апракосного евангелия, причем именно краткого апракоса. Датируются серединой XI в.

Первое издание отрывка текста евангелия вместе с описанием палеографических и орфографических особенностей рукописи подготовил И. Срезневский в 1867 году (Срезневский 1876, с. 30–33). Хромофотография всего текста евангелия, сделанная И. Бермелеевым, была издана в 1868 году. Однако самым точным в научном обиходе считается более позднее издание Туровских листков, подготовленное П. Гильтебрандтом (Гильтебрандт 1869). В Беларуси Туровские листки были изданы только в 2004 году.

Особенности языка и иллюминации древней рукописи были предметом изучения многих выдающихся славистов таких, как И. Ягич, В. Вондрак, И. Срезневский и др. Однако наиболее глубоким и всесторонним следует считать исследование венгерских ученых И. Тота, Э. Хоргоши, Г. Хорвата, вышедшее в сборнике *Dissertationes Slavicae* в 1977 году (Тот 1977). В данном исследовании были подробно описаны и проанализированы особенности языка древнего манускрипта на графическом, фонетическом, морфологическом, лексическом срезах.

Вернемся, однако, к вопросу локализации и датирования рукописи.

На основании некоторых палеографических и фонетических особенностей Туровских листков И. Срезневский датировал памятник XI веком, причем уточнял, что скорее всего памятник младше Остромирова евангелия, но старше Миней 1096 года. Также, основываясь на такой особенности языка рукописи, как последовательное различие слогов твердых и мягких, И. Срезневский назвал Евангелие памятником несомненно «русского» (*чит.* восточнославянского) происхождения. Позднее в научном обиходе установилось мнение, которое связывало Туровские листки с традицией киевского скриптория. Сторонником «киевского» происхождения рукописи был, в частности, А. Соболевский. И только В. Стасов, на основании данных анализа орнамента букв Туровских листков высказал предположение о «белорусском» происхождении евангелия (Стасов 1887, с. 34). Однако эта гипотеза не была поддержана другими учеными-древниками и не получила дальнейшего развития.

Что же касается датирования Туровских листков, то в конце 90-х XX в. в альманахе «Беларускі гістарычны агляд» было напечатано весьма ценное исследование иллюминации рукописи, представленное В. Пуцко, который, детально изучив особенности декора евангелия в сравнении с оформлением и палеографическими особенностями Остромирова евангелия, кирилловской частью Реймского евангелия, Пандектами Антиоха и Чудовской псалтырью, пришел к следующему выводу: «Дэкор Тураўскага Евангелля, па сутнасці, уяўляе крок у гэтым напрамку (у напрамку да засваення візантыйскага вопыту, да таго ж у канстанцінопальскім

варьянцє – *коммент. Н.Ш.*): почырк з усімі яго каліграфічнымі прыёмам і «затканя» крыжацветамі ініцыялы амаль ушчыльную падводзяць да Атрамірава Евангелля, датаванага 1056–67 гг., аформленага ўжо ў эмальерным стылі з шырокім выкарыстаннем золата. (...) Такім чынам, нават не пашыраючы кола помнікаў кніжнага мастацтва і не кранаючы шэрагу спецыяльных пытанняў эвалюцыі пісьма і ілюмінацыі, можна з поўным правам сцвярджаць верагоднасць выканання Тураўскага Евангелля каля 1050 г. (*курсив Н.Ш.*) і прыпісаць гэта руцэ майстра так ці іначай звязанага з кіеўскім скрыпторыем» (Пуцко 1998, с. 97).

Такім образом, все исследователи отрывка Туровского Евангелия единодушны в связывании его с традицией киевского скриптория, а также в его исключительной древности. В самом деле, дополнительный анализ лексической системы рукописи поддерживает нас в этом мнении. Данные анализа лексики памятника с проекцией на охридскую и преславскую традиции указывают скорее всего на его непосредственную или опосредованную связь со старомacedонским протографом. На уровне графии и морфологии текст памятника демонстрирует преимущественно архаические черты, такие, как, к примеру, последовательное употребление двух редуцированных в сочетании с плавными, наличие всех четырех юсов, написание г на месте праславянского *tj и проч. Однако такие написания, как полногласная форма серебро; рожьство с рефлексом ж' на месте *dj; окончания -ьмь, -ьмь существительных на *ǫ, *jǫ в формах творительного падежа единственного числа и дательного падежа множественного числа, указывают на восточнославянское происхождение манускрипта. Ждать каких-либо ярких локальных проявлений для этого памятника не представляется возможным, поскольку мы имеем дело с Евангелием исключительно древним. Его связь с Туровщиной скорее опирается на экстралингвистические факты. Определенно, что Туровское Евангелие по особенностям грамматики языка и палеографии встраивается в систему памятников, которые были созданы на территории западно-центрального Полесья (центры Киев, Чернигов, Туров, Пинск, Супрасль). Данное утверждение определенным образом перекликается с мыслью И. Ягича, который высказывал предположение о том, что существовала особая литературная школа, географически охватывающая восточную часть южной Славии (условно он называл ее *восточной южно-славянской*), к этой традиции он относил такие памятники, как Супрасльская рукопись, Савина книга, Чудовская псалтырь (Ягич 1884, с. 71). Эту же гипотезу развивает украинский исследователь В. Нимчук, который также отмечает ряд общих для всех этих памятников черт и присоединяет к ним и Туровское Евангелие, называя данный памятник *южно-западно-русским* (Німчук 1994, с. 5).

2. Пинским Евангелием, или Листками Шухова, называют отрывок старинного пергаменного евангелия (полного апракоса). Какое-то время оно сохранялось в Пинске, отсюда и получило своего название. В середине XIX в. учитель пинской гимназии Шухов подарил рукопись Виленской Публичной библиотеке. Отдельно, как часть туровского книжного наследия, Евангелие не исследовалось и не издавалось. Некоторые аспекты, такие, как особенности палеографии, орфографии текста и связанные с этим вопросы датирования и локализации памятника, интересовали Ф. Добрянского, Н. Николаева, А. Турилова. Ф. Добрянский (Добрянский 1882, с. 10), а следом за им и Н. Николаев (Нікалаеў 1993, с. 150) датировали Пинское Евангелие XIV в. А. Турилов (Турилов 1997, с. 118), более детально проанализировав фонетическо-орфографические особенности рукописи, определил время создания евангелия второй половиной – концом XIV в., а также высказал предположение о его «западнорусском» происхождении на основании одной особенности, последовательно отраженной в тексте, – мены, / е.

Мы, со своей стороны, отметим, что на графико-орфографическом уровне текста выделяется ряд черт, которые последовательно отражают тенденцию оформления большинства восточнославянских рукописей этого периода.

На лексическом уровне встречается особая словоформа, которую можно интерпретировать как «локальную». Это лексема *свѣдитель* со вторым *и*. Регулярной, однако, выступает именно форма *свѣдѣтель* (*свидѣтель*), которую и следует считать приоритетной, а употребленную в тексте форму *свѣдитель* рассматривать как отклонение от традиции. Стоит отметить, что поскольку словари старославянского / церковнославянского языка не фиксируют соответствующих форм глагола вроде гипотетических *свѣдѣти* / *свѣдѣти* / *свѣдѣти*, нет оснований считать существительное *свѣдѣтель* производным от глагола с тематическим детерминантом *-и-*. Значит, при интерпретировании данного лексического варианта целесообразно анализировать характер и происхождение суффиксальной фонемы *-и-*. Таким образом, возникает две версии появления данной формы – версия грамматической аналогии и фонетическая версия. Согласно первой версии, форма *свѣдѣтель* могла появиться по аналогии с формами, которые образовались от основ глаголов 3 класса на *-еть* по модели: *видѣти* – *видѣтель*, *повелѣти* – *повелѣтель* (Хохлачева 1974, с. 320). Согласно второй версии, форма *свѣдѣтель* (*свидѣтель*) отражала фонетические изменения, а именно переход [ѣ] в [и] в речи писца. Кстати, про мену в белорусских памятниках *ѣ* и *и* в ударной позиции писал Е. Карский, который объяснял это явление украинским влиянием (Карский 1955, с. 217). Напомним, что для некоторых диалектов полесской зоны действительно характерно суженное произношение [e]. Словоформа *свѣдѣтель* (*свѣдѣтельствовати*) фиксируется также в Словах Кирилла Туровского, в краткой редакции Русской Правды XV в. и в Друцком Евангелии (Срезневский 1912, с. 676-677).

3. Рукопись так называемого Второго Туровского Евангелия сохранилась целиком и представляет собой полный текст четырех евангелистов с содержанием по главам в начале и указанием чтений по дням. Как и Пинское Евангелие, Второе Туровское Евангелие впервые было упомянуто в каталоге-описи Ф. Добрянского. Ученый описал его палеографические и частично орфографические особенности и датировал манускрипт XV в. (Добрянский 1882, с. 38). Однако российский славист Н. Шеломанова, опираясь на данные анализа водяных знаков, определила время создания евангелия серединой – второй половиной XVI в. Также Н. Шеломанова заметила, что текст написан двумя почерками. Действительно, по стилю письма рукопись можно определенно разделить на две части. Одна часть занимает приблизительно 80% от общего объема текста; вторая часть (соответственно 20% текста) выглядит более молодой и явно дописана другой рукой (сс. 9-9а, 12 и от 244 до конца). По водяным знакам и качеству бумаги можно полагать, что она вставлена в текст на 50-70 лет позже и датируется приблизительно первой декадой XVII в.

Ф. Добрянский высказывает следующее мнение: «Евангелие это представляет собой список с оригинала очень старинного и притом болгарского» (там же, с. 39). Делает он такое заключение на основании следующего наблюдения: «Повсюду вместо # употреблено ,: сия авраамл., вставл., емь, хот., аше, въс., къ... (там же)». Однако, по нашему мнению, употребление ,, соответствующего ('а), а также форм с *l*-эпентетиком, вроде *авраамл.,* и мены юсов, могут свидетельствовать не про связь текста со старинным болгарским протографом, а про отображение языковых черт второго южнославянского влияния (Silin 2003, p. 16). Как уже отмечалась, основной текст был переписан в середине – второй половине XVI в., т. е. в период второй централизации, или во время действия так называемого второго южнославянского влияния.

В самом деле, в старшей части на уровне графии текста регулярно фиксируются редуцированные с плавными; оба юса; йотация начального " ("ко); также последовательно отражена одна из самых выразительных черт, характерных для периода второго южнославянского влияния: не йотируется гласный в поствокальном положении в корне слова и в окончаниях существительных, прилагательных и местоимений (так называемое зияние гласных): *покааніе, іwрданскаа, црътвїа, твoа, добраа, из неа* и т.д.; праславянское сочетание **dj* передается как *жд*, но *d* последовательно выносится над строкой.

Наиболее интересной для исследования представляется та часть, которая написана другой рукой приблизительно на 50-70 лет позже основной части, так как в ней выразительно проступает локальное влияние. Так, на уровне графии текста последовательно передаются следующие особенности:

а) написание гласных непереднего ряда после шипящих, некоторых свистящих и *p*, что, без сомнения, может свидетельствовать про то, что в речи писца уже шел процесс отвердения этих согласных звуков: послышаешы, нашъ, оутшъитель, пославшоми, прытчахъ, прышедй, рнчъ, Лазарь / Лазара, воспросыте, оученицы, сырихъ, Сымонъ, сый и т.д. Отмечаются также случаи гиперкорректного написания, что поддерживает эту версию: рибяхъ, слышавше, возридаете и под. Встречаются единичные написания гласных непереднего ряда после *m*, *d*, *v*, *n* и пр.: *o* виноградh, любовъ, Господы, вныйде вонь, смертыю, ненавидытъ, истынны и т.д. Такие черты традиционно трактуются как украинские, но славист В. Аниченко, который специально занимался исследованием сосуществования и взаимовлияния старобелорусской и староукраинской письменных традиций, предлагал в отдельную группу выделять те памятники (прежде всего, это касается белорусских памятников с юго-западной территории Беларуси), которые создавались или переписывались на пограничье – на стыке двух традиций, поскольку данное обстоятельство предопределяло диффузию языковых черт из одной традиции в другую (Анічэнка 1969, с. 194). Напомним, что Туровский регион находится в пограничной зоне;

б) последовательная замена юса большого на ю;

в) написания типа воспросыте, восплачете, возридаете, воставъ *t* вечера, согарает и под. с вокализованным префиксом, что характерно для старобелорусской письменности XVI-XVII вв., причем гласный *o* возникает как на месте ударного, так и безударного редуцированного (там же, с. 240); примечательно, что В. Аниченко подчеркивал: “Што датычыць украінскай пісьменнасці адзначанага перыяду, то там рэдукаваны ь часта захоўваўся без пераходу яго ў *o*...” (там же).

Следует отметить, что лексическая база Второго Туровского Евангелия фиксирует форму *св*дѣтельствуетъ, так же как и в Пинском Евангелии.

Подводя итоги, отметим следующее: все три описанных выше памятника – канонические евангелии, хоть и разного времени создания. А канонические тексты – это тексты, безусловно, традиционные, иначе говоря, созданные согласно определенным стандартам, канонам, клише или стереотипам, что входит в понятие «традиция». В традиционных текстах не следует искать частых отступлений от канона, нарушения стереотипов, а значит, на языковом уровне не будет большого количества ярких «локализмов». Однако сам факт существования представленных выше текстов есть свидетельство усвоения и трансляции кирилло-мефодиевской традиции на Туровщине. А последовательность передачи в них первичной традиции – что выражается в малом количестве отклонений от стандарта – свидетельствует о специфике туровского локального типа как консервативного. Проведенное исследование текстов на предмет поиска локальных черт не является исчерпывающим. Данный материал ждет дальнейшего, более глубокого анализа.

Литература

- АНИЧЭНКА, У. В., 1969. *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- БІРЬЛА, М., 1964. Вынікі пераходу *e* (< *e*, *ь*) у *o* і з’явы, звязаныя з ім, у беларускай мове. *Prace filologiczne*. Т. XVIII. Cz. 2. Warszawa: Wyd. Uniwersitetu Warszawskiego.
- ГИЛЬТЕБРАНДТ, П. А., 1869. *Туровское Евангелие одиннадцатого века*. Ред. текста и объяснения П. А. Гильтебрандта. Вильна: изд-во А. Г. Сыркина.
- ДОБРЯНСКИЙ, Ф., 1882. *Описание рукописей Виленской Публичной, библиотеки, церковнословянских и русских*. Вильна: [б. изд.].
- КАРСКИЙ, Е. Ф., 1955. *Белорусы: язык белорусского народа*. Вып. 1. Москва: изд-во АН СССР.
- ЛАСТОЎСКІ, В., 1926. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. *Спраба паясніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя*. Коўна: Друк. Сакалоўскага і Лана.

- НИКАЛАЕЎ, М., 1993. Палата кнігапісная. *Рукапісная кніга на Беларусі ў X-XVIII стагоддзях*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- НІМЧУК, В. В., 1994. Про походження Супрасльскага рукопісу. *Мовознавство*. № 6, с. 3-12.
- ПУЦКО, В., 1998. Ілюмінацыя Тураўскага евангелля XI ст. *Беларускі гістарычны агляд*. Т.5, Сш. 1, с. 88–102.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И., 1912. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. III. СПб: [б. изд.]
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И., 1876. *Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках*. Т. II. Санкт-Петербург: [б. изд.]
- СТАСОВ, В., 1887. Славянский и восточный орнамент. Санкт-Петербург: [б. изд.]
- ТОТ, И. Х.; ХОРГОШИ, Э.; ХОРВАТ, Г., 1977. Туровские листки. *Dissertationes Slavicae*, XIII, Szeged, с. 181–238.
- ТУРИЛОВ, А. А., 1997. Заметки о кириллических пергаменных рукописях собрания бывшей Виленской публичной библиотеки (ф. 19 БАН Литвы). *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. Том 2. Kraków, с. 113–142.
- Туровское Евангелие одиннадцатого века, 1868. (Литографический список, приготовленный Бермелеевым). Санкт-Петербург [б. изд.]
- ФИЛИН, Ф. П., 1972. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*. Историко-диалектологический очерк. Ленинград: Наука.
- ХОХЛАЧЕВА, В., 1974. Существительные на -тель в русском языке XIV–XVII вв. *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. (К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова). Москва: Наука.
- ЯГИЧ, И. В., 1884. Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 год. Сб. *Отд-ния русского языка и словесности*. Т.33, № 2. Санкт-Петербург: Имп. АН.
- SILIN, L., 2003. К вопросу о южнославянской графико-орфографической традиции в литературно-письменной культуре Руси XVI века (на примере Жития преподобного Александра Свирского). *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XX. Доклады финской делегации на XIII международном съезде славистов. Helsinki, с. 167–190.

Nadzeya Shakun

European Humanities University, Vilnius, Lithuania

Research interests: paleoslavistics, stylistics of the Modern Belarusian language, culturology, modern Slavonic languages

TURAU GOSPELS FROM LITHUANIAN LIBRARY FUNDS

Summary

The article holds some results of a study of old Cyrillo-Methodian manuscripts. The manuscripts under study are canonical Gospels, Turau Gospel from the 11th century, Pinsk Gospel from the 14th century and Second Turau Gospel from the 16th century, which are preserved in the Department of Manuscripts at the Library of Lithuanian Academy of Sciences. The article analyzes how the texts are locally connected with the ethnic-cultural region of Turau. In this context, it is important to determine local features in the texts' language on lexical, grammatical and graphic-orthographical levels. The detected features can be characterized as irregular, unconventional and demonstrating elements of local influence on canonical texts. These manuscripts have never been examined as representatives of the Turau local tradition in the Old Church Slavonic language. Preliminary findings of the analysis of the texts' language illustrate that these manuscripts hand down the ancient tradition, while digressions from the standard are very sporadic and non-systematic. We can interpret it as an evidence of a conservative nature of the Turau local type of the Cyrillo-Methodian language tradition. However, these findings are prelusive and need to be further elaborated.

KEY WORDS: Paleoslavistics, Turau region, Old Church Slavic language, local tradition, feature of local language, Gospel, Turau Gospel, Pinsk Gospel, Second Turau Gospel.

Александра Урбан-Подолан

Зеленогурский университет Институт иностранных языков, Польша

al. Wojska Polskiego 71a, 65-762 Zielona Góra, Poland

Тел.: +48 68 328 31 50

Эл. почта: olaup@rambler.ru

Научные интересы: русская литература 2-ой половины XX века (авторская песня, деревенская проза)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СМЕРТИ В ПРОЗЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА В СВЕТЕ НАРОДНЫХ ПОВЕРИЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

В данной статье анализу подвергается мотив смерти, в частности, персонифицированный образ смерти в прозе Валентина Распутина на материале повестей «Последний срок», «Деньги для Марии» и «Прощание с Матерой», причем конкретно-образные распутинские воплощения смерти рассматриваются в соотношении с народными русскими представлениями о ней.

Анализ произведений показал, что в прозе Распутина сохранилось довольно много народных верований и представлений о смерти (в особенности, в убеждениях сибирских «старух»), причем конкретно-образные ее воплощения, восходящие к языческим представлениям и суевериям, сочетаются с христианской верой в бессмертие души.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Валентин Распутин, мотив смерти, персонификация смерти

Тема смерти проходит красной нитью через все творчество Валентина Распутина. Это обусловлено, главным образом, тем, что героинями многих своих произведений он зачастую делает деревенских «старух», жизнь которых уже на исходе. Среди них, несомненно, выделяется повесть «Последний срок» (1970), полностью посвящена последним часам жизни главной героини – старухи Анны. Однако, о своей кончине размышляют и другие распутинские персонажи, которых он ставит в сложные, порой безвыходные ситуации. Итак, спасения в размышлениях о смерти ищет обвиненная в недостатке главная героиня повести «Деньги для Марии»: «Она плакала, жалея и проклиная себя, и, плача, хотела себе смерти. Когда она думала о смерти, становилось легче [...]» (Распутин Москва 2008, с. 36); в водах Ангары заканчивает жизнь самоубийством доведенная до пределов Настена из повести «Живи и помни»: «Устала она. Знал бы кто, как она устала и как хочется отдохнуть! Не бояться, не стыдиться, не ждать со страхом завтрашнего дня, на веки вечные сделаться вольной» (Распутин 2003, с. 294); предчувствует смерть мифологическое существо – Хозяин затопяемой Матеры: «Хозяин уже не первый раз почуял: здесь, в Матере, и достанет наконец Богодула смерть, что живет он, как и Хозяин, тоже последнее лето» (Распутин Москва 2008, с. 133), и ее же жительницы, собиравшиеся у Дарьи, чтобы рядом с ней «[...] и себя почувствовать тоже смелей и надежней. [...] а паредложи им кто смерть всем в одночасье, друг возле друга, едва ли хоть одна отошла бы задуматься – с последней радостью они бы согласились» (Распутин Москва 2008, с. 133). Смерти матери главной героини и ее тайным похоронам посвящен рассказ «В ту же землю...», «смертью пахнет» в Агафьиной избе из одноименного рассказа, автобиографический герой «Видения» слышит по ночам звон, якобы вызывающий его имя...

Примеры можно бы умножать, однако в виду ограниченных рамок настоящей статьи, мы сосредоточим свое внимание лишь на одном из аспектов смерти в прозе В. Распутина, а именно – на персонифицированных образах ее же в повестях «Деньги для Марии», «Последний срок» и «Прощание с Матерой».

Как пишет Джек Трасиддер в своем словаре: «Аллегорические изображения смерти [...] часто намеренно пугающие. [...] В искусстве наиболее распространено изображение Смерти в

виде скелета-всадника, закутанного в плащ с капюшоном, вооруженного косой, или трезубцем, или мечом, или луком и стрелами. Иногда смерть держит в руках песочные часы, символизирующие отмеренное время жизни. [...] Символы смерти включают скелет, могилу, череп, фигуру, укутанную в черный плащ (как, например, греческий бог Танатос). Смерть изображали также и в виде бьющей в барабан или танцующей фигуры. Более приятным символом была женщина в черной накидке или мусульманский Исафил – ангел Судного дня (Тресиддер 2001, с. 342-343).

В русских же верованиях, отразившихся в крестьянском фольклоре, смерть-существо довольно многолика, так как кроме «человеческих» воплощений, она может превращаться в животных или птиц (сова, голубь, двенадцать белых котиков, три цыпленка и др.). В лубочных картинах она изображалась обычно в виде скелета с косой в правой руке (с факелом в левой), с корзиной за спиной (в корзине – серп, топор, грабли и стрелы). Следующие воплощения смерти – это человек с косой, проходящий по селу в полночь, или дряхлый старичок, который видим лишь умирающему. Однако, как подчеркивает Марина Власова, один из наиболее традиционных, устойчивых «человеческих» образов смерти – женский (женщина, старуха в белом одеянии; в белом саване). Это обусловлено, во-первых, женским родом слова «смерть» в русском языке, во-вторых, «извечными» представлениями о женщине – дарительнице жизни, властной над людскими судьбами. При этом, высокая фигура в белом – наиболее распространенное обличье смерти (предвестье смерти) в быличках и поверьях, бытующих вплоть до последней четверти XX в. (Власова 2000, с. 476-478; Панкеев 1999, с. 518).

Некоторые из народных верований и представлений о смерти сохранились и в прозе Распутина, в особенности, в убеждениях сибирских «старух». Однако, умирающая Анна в своих размышлениях о смерти утверждает: «Это неправда, что на всех людей одна смерть – костлявая, как скелет, злая старуха с косой за плечами. Это кто-то придумал, чтобы пугать ребятишек да дураков» (Распутин Иркутск 2008, с. 160), что обуславливает порой отличное от традиционного изображение смерти в произведениях писателя, где смерть зачастую уподобляется «принадлежащему» ей человеку.

Такое именно уподобление встречаем в первой повести Распутина «Деньги для Марии» (1967). Пожилую старушку, тетку Наталью, просят одолжить деньги для Марии, но та колеблется, так как она копила их, «чтобы на свои помереть»:

– Я уж ей согласие дала, – виновато сказала тетка Наталья, и было ясно, что она говорит о смерти.

Кузьма вздрогнул, боязливо глянул на тетку Наталью.

Смерть всегда, каждую минуту, стоит против человека, но перед теткой Натальей, как перед святой, она отошла чуть в сторонку, пустив ее на порог, который разделяет тот и этот свет. [...] Быть может, случилось это потому, что, бегая всю жизнь, тетка Наталья уморила и свою смерть, и та теперь никак не может отдышаться (Распутин 2008, с. 70).

В данном случае человек и смерть предстоят друг перед другом на равных: смерть не только лишена неподвластной воле людей возможности распоряжаться человеческой жизнью (с Божьего разрешения), но и обнаруживает некоторые физические недостатки. Следует, однако, отметить, что в цитируемом отрывке, все-равно нашли свое отражение крестьянские верования, согласно которым смерть сопровождает человека уже с момента его рождения: «Смерть, по народному слову, у каждого стоит за плечами («за порогом» – по иному разносказу) – пишет А. Коринфский (Цит. по: Панкеев 1999, с. 514). Власова добавляет, что живущая за плечами у каждого человека смерть может тронуть его только «по велению Божию», причем именно с понятием о «Божьей воле» связано покорное ожидание прихода смерти русскими крестьянами (Власова 2000, с. 481), которое характерно, кроме тетки Натальи, и для других распутинских героинь, самым ярким доказательством чего является образ старухи Анны из «Последнего срока» (1970).

Однако, «зримый» образ персонифицированной смерти дается в повести не сразу. Сначала она предстает перед читателем и самими героями незримой, ее присутствие лишь подразумевается. Когда дети собрались у кровати умирающей матери, «[...] казалось, теперь она [смерть – прим. А. У.-П.] заметила всех их в лицо и больше уже не забудет. Страшно было еще и видеть, как это происходит: когданибудь это должно было произойти и с ними, а они считали, что это то самое, и не хотели смотреть, чтобы не помнить о нем постоянно, и все-таки не могли отойти или отвернуться. Еще и потому нельзя было отойти, что она, занятая их матерью, могла остаться этим недовольной, а обращать лишний раз на себя ее внимание никому не хотелось. И они стояли, не двигаясь (Распутин 2008, с. 33-34).

Внимания заслуживает тот факт, что испытываемое детьми чувство страха остается в полном противоречии со спокойным отношением к смерти самой Анны, благодаря чему подчеркивается приверженность умирающей старухи к народной культуре и оторванность от крестьянских корней представителей младшего поколения. Спокойствие Анны основано на крестьянском миропонимании, согласно которому: «Вера в бессмертие души человеческой исстари веков была одним из главных устоев, поддерживающих духовную жизнь народной Руси» (Панкеев 1999, с. 551), смерть же считалась «[...] своеобразным посредником при переходе к иному, но вечнодлющемуся бытию» (Власова 2000, с. 481).

В повести «Последний срок», похоже как в «Деньгах для Марии», мы встречаемся с персонификацией смерти в виде двойника умирающего человека. Согласно представлениям Анны: «[...] у каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь-в-точь похожая на него. Они как двойняшки, сколько ему лет, столько и ей, они пришли в мир в один день и в один день отойдут обратно: смерть, дождавшись человека, примет его в себя, и они уже никому не отдадут друг друга» (Распутин 2008, с. 160). При этом смерть также наделена рядом недостатков: «боязлива и на шум не пойдет», «неопытная в своем деле, часто делает его плохо, ненароком обижая человека мучениями и страхом» (Распутин 2008, с. 160), сама может испугаться открытых глаз покойника и т.д.

Поскольку Анна знает свою смерть «как себя», она пытается так подготовиться к переходу в мир другой, чтобы и самой не страдать, и облегчить задачу Божьей посреднице: «За последние годы они стали подружками, старуха часто разговаривала с ней, а смерть, пристроившись где-нибудь в сторонке, слушала ее рассудительный шепот и понимающе вздыхала. Они договорились, что старуха отойдет ночью: сначала уснет, как все люди, [...] потом та тихонько прижмется, снимет с нее короткий мирской сон и даст ей вечный покой» (Распутин 2008, с. 160); У них было время, чтобы насмотреться, как живут и умирают другие, и им под конец незачем мучить друг друга – да и сил для этого у них не осталось. Старуха не будет сопротивляться, а та, другая, не станет злиться на нее за то, что она так долго водила ее за собой [...]. И если она до поры не звала ее, то и гнать от себя тоже не гнала и больше других жить не собиралась [...]]» (Распутин 2008, с. 161).

Представления старухи Анны о собственной смерти распространяются в ее раздумьях и на момент перехода в тот мир, когда «такая же, как она, худая старуха и протянет руку, в которую она должна будет вручить свою ладонь», а затем «старуха оглянется вокруг себя и увидит, что она одна: та, другая старуха исчезла» (Распутин 2008, с. 164-165). Если, однако, учитывать народные верования о душе, существующей после смерти и повторяющей облик умершего (См.: Власова 2000, с. 392), трудно с точностью определить смысл представлений Анны: либо наступило слияние человека с персонифицированной смертью, либо в свой материальный образ воплотилась именно душа.

Согласно С. Виноградову, «Русский народ [...] придает огромное значение самому процессу смерти. Ему нужно, чтобы она совершилась с торжественностью, соответствующей важности момента, ему нужно, чтоб его отпели, проводили, попрощались с ним перед могилой. Только тогда он чувствует, что умирает как человек, как умирали его отцы и деды [...]]» (Цит по: Власова 2000, с. 392). Распутинская старуха Анна в этом плане не исключение. Она решает

умереть наступающей ночью, пока ее дети не успели разъехаться по домам (хотя и не дождавшись излюбленной Танчоры) и смогут ее как следует проводить. Она делает все по «согласованному» заранее плану, но ее неотлучная спутница медлит. Анна пытается призвать ее, убедить в своей готовности покинуть мир земной, но напрасно. И снова, мысленно персонифицируя смерть, изжившаяся старуха строит ее образ по своему подобию: «Ей стало не по себе, ее охватило недоброе предчувствие. А ну как она умаяла свою смерть до того, что та теперь не в силах сюда добраться? Сколько годов водила ее за собой, даже не водила, а, можно сказать, гоняла [...]. Вдруг правда: смерть не в состоянии достать до старухи, а старуха не в состоянии подтянуться к ней ближе. Значит, ей теперь и смерти не выйдет?», и сразу же сама себя успокаивает: «Нет-нет, так не бывает. [...] Уж со своим-то делом, для которого она существует на свете, смерть найдет как справиться» (Распутин 2008, с. 175).

Ночь, однако, близится к рассвету, а смерть не приходит. Анна чувствует себя обманутой. И каким близким существом она бы ни признавала смерть, какими ласковыми словами о ней ни отзывалась («Думаю, выползу, покажусь матушке-смертыньке, а то она меня потеряла, не видит»), вскоре должно оказаться, что у смерти свои законы и намерения, неподвластные человеческой воле. В них пытается убедить Анну ее соседка Мирониха: «Все мы, старуня, под Богом ходим. Как он захочет, так и выйдет» (Распутин 2008, с. 181), чьи слова являются подтверждением крестьянских верований, связанных с понятием о «Божьей воле» или восприятием смерти как подвластного Богу существа (Власова 2000, с. 481). Итак, умирает старуха следующей ночью, правда, повидавшись с детьми, передав им последние материнские заветы, но по-настоящему не попрощавшись, так как уехали они в убеждении, ошибочно воспринимая невиданную за последнее время активность старушки, что мать поправляется.

Следует отметить, что Анну волнуют вопросы, связанные не только с ее собственной смертью. Примирившись с ней, старуха пытается, однако, понять, почему должны умирать дети: «Старуха не понимала только, почему умирают маленькие. Она считала грехом, когда родителям приходится опускать в могилу своих детей, и грех этот готова была отдать Богу» (Распутин Иркутск 2008, с. 161). Хотя и существуют народные «объяснения» причинам смерти детей: «Жив, так и не тронь, живет; а умер – так Бог прибрал, святая душенька будет» или «Хорошие дети умирают, потому-де хороший ребенок и Богу нужен» (Власова 2000, с. 483), героиня, дождавшаяся старости, но сама потерявшая восьмеро детей (пятеро умерли маленькими, а три сына погибли на войне), не боится делать Богу упреки: «А он-то, Бог-то, где был, куда смотрел?». В своих раздумьях она создает при этом персонифицированный образ детской смерти – отчасти по-крестьянски наивный, соответствующий, однако, ее взглядам на смерть как двойника, сопровождающего человека с момента рождения и, следовательно, сходного с ним по возрасту, облику и психическому складу: «У маленького и смерть такая же маленькая, несмышленная, она заиграется с ним, забудется да по нечаянности и коснется его – и сама не поймет, что натворила» (Распутин 2008, с. 161).

В «Прощании с Матерой», последнем произведении, к которому мы хотели бы обратиться, хотя и преобладает настроение постоянного ожидания конца, гибели, катастрофы, сама смерть остается незримой. Правда, некоторый намек на ее присутствие содержится в словах Дарьи, направленных внуку Симы, Кольке: «Че ты там за мной видишь – смерть мою? Я про нее без тебя знаю» (Распутин 2008, с. 100). Эти слова, кажется, подтверждают упомянутые уже нами, бытующие в народе поверья о смерти, живущей за плечами у людей.

В этой же повести дается также образ действия смерти: «Первая мамка, и ни с чего, ее смерть наскоком взяла. С утра ишо ходила, прибиралась, потом легла на кровать отдохнуть, сколько-то полежала, да как закричит лихоматом: «Ой, смерть, смерть давит!» А сама руками за шею, за грудь ловится. [...] Она прямо на глазах у нас посинела, пятнами пошла, захрипела... [...] На шее следы навроде как остались, где она навроде душила... [...] Тятка после говорил: «Это она на меня метила, я ее звал, да промахнулась, не на того кинулась» (Распутин 2008, с. 117-118). Можно рискнуть предположение, что в цитируемом рассказе Дарьи нашли свое

отражение народные верования о «посечении» смертью умирающего, которое отождествлялось с более или менее тяжкими предсмертными мучениями (См.: Власова 2000, с. 478).

Приведенный в статье материал далеко не исчерпывает заданную проблематику, однако, на его основании можно установить, что в прозе Валентина Распутина находят свое яркое отражение самобытные воображения русского народа о смерти и загробном существовании, сочетающие в себе конкретно-образные ее воплощения, восходящие к языческим представлениям и суевериям (причем в анализированных произведениях писателя смерть персонифицируется, главным образом, в виде двойника умирающего человека) и веру в бессмертие души, благодаря которой смерть воспринимается праведными крестьянами как что-то неизбежное, переход к «иному бытию», к которому религиозный человек готовится в течение жизни земной. Русская пословица говорит: «Человек рождается на смерть, умирает – на жизнь», поэтому, как справедливо отмечает А. Коринфский: «Смерть представляется русскому человеку путешествием в далекий неведомый край: потому-то и говорится вместо ‘умереть’ – ‘отойти (к праотцам)’, а молитва, читаемая над умирающим, зовется ‘отходною’» (Цит. по: Панкеев 1999, с. 325).

Поэтому нельзя не согласиться с Владимиром Бондаренко в том, что «Тема смерти – одна из главных у Валентина Распутина. [...] Целый карнавал смерти, пляска смерти. Но языческий культ деревьев и домашнего очага у Валентина Распутина уже вырастает в христианскую мистику» (Бондаренко 2004, с. 248).

В заключение хотелось бы добавить, что весьма интересный материал для исследования представляет собой языковой образ смерти в прозе Распутина, который, черпая из богатой сокровищницы народной мудрости, наделяет речь своих героев огромным количеством пословиц и поговорок, благодаря которым они в состоянии постигать, осмыслять и отображать в языковом плане сложные иногда процессы и явления окружающей действительности в соответствии с крестьянским мировосприятием. «Смерть не обманешь», «Вперёд смерти не помрешь», «Бог дал, Бог и взял» – те и другие народные изречения цельно и без лишних рассуждений объясняют феномен человеческой жизни и ее свершения.

Литература

- БОНДАРЕНКО, В., 2004. Серебряный век простонародья. *Книга статей о стержневой русской словесности, об окопной правде, о деревенской прозе и тихой лирике*, Москва: ИТРК, с 512.
- ВЛАСОВА, М., 2000. *Русские суеверия*. Санкт-Петербург: издательство «Азбука», с 672.
- КОРИНФСКИЙ, А., 1999. *Народная Русь*. Цит. по: Панкеев И.А., *Обычаи и традиции русского народа*, Москва: Олма-Пресс, с. 541 .
- РАСПУТИН, В., 2008. *Век живи – век люби. Повести, рассказы*, Иркутск: издатель Сапронов, с. 648.
- РАСПУТИН, В., 2008. *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*, Москва: издательство «Русский мир», с. 480.
- ТРЕСИДЦЕР, Д., 2001. *Словарь символов*, Москва: ФАИР-ПРЕСС, с. 448.

Aleksandra Urban-Podolan

University of Zielona Góra, Poland

Research interests: Russian literature of the 2nd half of the 20th century (poet-singers, rural prose)

PERSONIFICATION OF DEATH IN FOLK BELIEFS AS REFLECTED IN VALENTIN RASPUTIN'S PROSE (INTRODUCTORY NOTES)

Summary

This paper analyses the motif of personified death in Valentin Rasputin's works, such as *The Final Stage*, *Money for Maria*, and *Farewell to Matyora*. The folk death imagery is employed to create the specific personifications of death.

Death is a frequent motif in Rasputin's works – probably because many of his protagonists are elderly women whose life draws to a close. One of them is Anna in the *The Final Stage*. Other characters think of the coming death as well, imagining it personified according to folk beliefs. In the above-named works, the personified death often appears as a doppelganger or twin sibling of the dying person – same age, looks, and mental qualities. By mimicking the person, the

death sometimes loses its supernatural powers. One ought to remember, however, that Rasputin's images of death which have their roots in the pagan beliefs and tradition are combined with the Christian dogma of the death's inevitability: death is the door to another world and believers spend all their life preparing to live in it.

KEY WORDS: Valentin Rasputin, motif of death, personification of death

Валентина Зразикова

Институт парламентаризма и предпринимательства, Беларусь

ул. Тимирязева 65 А, Минск, Беларусь

Тел.: (017)2908987

Эл. почта: zrazikova@tut.by

Научные интересы: история белорусского литературного языка, стилистика, лексикология

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена организующей и формирующей роли творческой личности (крупнейших национальных мастеров слова) в начальный период становления нового белорусского литературного языка. Особое внимание уделяется вопросу индивидуального словотворчества как одному из продуктивных и эффективных способов реализации творческой манеры писателя, а также возможному источнику пополнения словаря, расширения номинативных и образно-изобразительных функций слов и выражений. На основе белорусскоязычного материала рассматриваются примеры окказионализмов и авторских неологизмов времени. В статье также раскрывается взаимодействие и взаимосвязь таких понятий, как «язык художественной литературы» и «литературный язык».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: творческая индивидуальность (личность), идеостиль, язык художественной литературы, литературный язык, диалектизм, окказионализм, неологизм времени.

Среди проблем белорусского языкознания особое место занимает вопрос о роли и значении творческой личности в процессе становления и развития белорусского национального языка нового периода (начала XX века). Решение этого вопроса связано с проведением исследований не только языковой, но и социолингвистической тематики. Несмотря на то, что в отечественной филологии есть немало работ, посвященных изучению особенностей языка отдельных писателей, в целом же идеостиль белорусских мастеров слова указанного времени изучен не до конца. Возможно, это объясняется тем, что само по себе исследование идеостиля (совокупности всех языковых средств индивидуального стиля автора) относится к одной из наиболее сложных задач лингвистики, поскольку в произведениях словесного искусства другой реальности, кроме слова, нет, все образное богатство выявляется через язык и в реалиях языка. Являясь материалом произведения и способом художественного выражения, слово выступает в тексте как знак искусства и мотивируется его законами. На современном этапе довольно тяжело детально определить общее и специфическое в языкотворчестве писателей и поэтов того времени. Для этого требуется скрупулезный анализ и сопоставление выявленных языковых характеристик из фактических материалов разных авторов.

В истории каждого литературного языка закономерно действуют две неотъемлемые составляющие его развития: с одной стороны, это стремление к сохранению и аккумуляции существующей в определенную историческую эпоху языковой практики, а с другой – постоянный поиск и освоение нового материала для более совершенного и адекватного отображения реальности. Что касается белорусского литературного языка, то его формирование происходило в условиях отсутствия непосредственных связей с предыдущим периодом развития – старобелорусским языком. Поэтому традиции старого литературного языка не могли существенно влиять на процессы становления нового (современного, национального) языка.

В связи с этим и историческая необходимость в развитии и изменении языковой системы ориентировалась главным образом на новаторский (индивидуальный) подход к отбору и использованию изобразительных средств в различных коммуникационных сферах, особенно в художественном дискурсе. В этот переломный период значительно возросла роль

творческой индивидуальности, а художественная литература представляла собой одну из основных сфер формирования белорусского литературного языка. «Ограниченный главным образом стилями художественной литературы, частично публицистикой, – отмечает Л. М. Шакун, – белорусский литературный язык начала XX века не обладал многими из тех многочисленных и разнообразных средств, которые были необходимы для передачи различных по характеру и содержанию мыслей, связанных с развитием и усовершенствованием общественно-политических отношений, науки, техники, культуры. Да и те стили, в которых развивался белорусский литературный язык, были недостаточно разработанные и гибкие» (Шакун 2001, с. 31).

Все это требовало от крупнейших мастеров слова начала XX (а также 20–30-х гг.) быть не только реформаторами, но и новаторами, создателями нового белорусского языка. Благодаря силе таланта и мастерства белорусских литераторов (М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Горецкого, К. Чорного, Ц. Гартного, М. Зарецкого, З. Бядули, В. Дубовки, В. Ластовского и др.) шлифовалось само понятие «нормы», обновлялись и обогащались средства и способы литературного выражения, раскрывались семантические и стилистические возможности употребления слов.

Безусловно, работа литераторов не прекращается и тогда, когда национальный язык уже сформировался и успешно обслуживает все сферы жизнедеятельности социума. Однако в эпоху его «зарождения» роль писателей заметнее и ответственнее, потому что им приходится закладывать своего рода фундамент для дальнейшего языкового строительства (усовершенствования). На страницах художественных произведений слова проходят своеобразную апробацию на «жизнестойкость» для дальнейшего литературного употребления. Именно творческие поиски писателей во многом помогают находить то, что так необходимо в языке литературном, особенно на лексическом уровне.

Взаимосвязанные между собой, но не тождественные понятия «язык художественной литературы» и «литературный язык» соотносятся как часть и целое. Литературный язык как образцовая, кодифицированная форма общенародного языка, который используют художественная литература, средства массовой информации, культурно-образовательные и иные сферы, считается высшим достоянием национальной языковой культуры и представляет собой результат коллективного творчества. С одной стороны, природа такого сложного и многообразного феномена, как литературный язык, не может быть сведена только к заслугам той или иной творческой индивидуальности, какими бы значительными не были ее достижения. С другой же стороны, именно творчество крупных мастеров слова способствует совершенствованию средств и приемов литературного выражения и языка в целом.

Несмотря на то, что в начале XX века белорусский литературный язык начинает выходить за рамки художественной литературы (появляются первые легальные периодические издания («Наша доля», «Наша ніва»), становятся популярными материалы научной тематики), освоение новых средств, в первую очередь для обозначения отвлеченных понятий и терминологии, происходит с учетом тех закономерностей, что сложились в практике художественной речи. Их суть заключается в том, что все новое так или иначе должно соответствовать принципам и тенденциям развития живого народного языка.

Такая «привязанность» белорусского литературного языка к художественной сфере вызывала определенные сложности с пополнением, по крайней мере лексической и фразеологической систем, теми средствами, которых не было в народных говорах, но которые были необходимы для полноценного использования во многих областях культуры, науки, техники. Сложившийся языковой «вакуум» заполнялся в основном не за счет активизации внутренних ресурсов языка, а более легким способом – заимствованием слов, особенно из русского и польского языков. По мнению исследователей, с точки зрения сохранения национально-языковых особенностей в этом наметился разрыв между художественной литературой (тяготеющей к народным традициям) и языком публицистики, науки, техники, юриспруденции (Шакун 2001).

Как правило, при оценке того, насколько ярко и полно проявила себя творческая индивидуальность, учитываются следующие критерии: во-первых, вклад личности в расширение изобразительных возможностей литературного языка (количественного и качественного обогащения словаря и фразеологии, усовершенствования семантической и образной структуры слов и выражений, развития их системных связей); во-вторых, ее участие в разработке литературных норм и повышении общей культуры литературного языка; в-третьих, ее роль в укреплении общественного престижа языка (Шакун 2001).

Особо следует подчеркнуть тот факт, что белорусские писатели и профессиональные литераторы активно решали насущные лингвистические вопросы (напр., В. Дубовка «Пра нашу літаратурную мову: думкі і нататкі», К. Чорны «Небеларуская мова ў беларускай літаратуры», П. Глебко «Праца над словам»). Поскольку инструментом литературного творчества является язык, а писательская работа как раз и предусматривает хорошее владение литературными нормами, то именно писатели часто выступали в качестве экспертов в решении спорных вопросов словоупотребления, морфологии, синтаксиса и т.д. На наш взгляд, такое направление, как «писательская» лингвистика, выходит за рамки только научных рассуждений и сталкивается с практическими задачами усовершенствования белорусского языка.

Между тем плодотворная научная активность коренным образом отличается от творческой писательской (в значительной степени «иррациональной») деятельности. Поэтому далеко не во всех случаях писатели оказывались достойными аналитиками. Кроме того, в середине и конце 1930-х гг. лингвистика находилась под сильным влиянием политической конъюнктуры, что вынуждало даже хороших знатоков языка делать шаги навстречу потребностям удовлетворения определенных идеологических постулатов (Гісторыя беларускага мовазнаўства 1918 – 1941, 2008).

Белорусские мастера слова не только активно участвовали в нормализации и систематизации литературного языка, но и максимально выразительно использовали экспрессивные возможности слова, создавали оригинальные, неожиданные образы, притягивающие внимание читателя. Индивидуальное словотворчество, безусловно, позволяло полнее передать и собственное мировидение автора.

Поскольку в результате многократного использования в узусе слова теряют свой образный смысл, писатели стремятся обогатить лексический арсенал языка художественных текстов отличительными формами индивидуального выражения. В связи с этим оценка языкотворческой деятельности мастеров слова представляется значительной и актуальной.

Литературно-языковое наследие того времени отразило своеобразный подъем индивидуально-авторского языкотворчества, которое способствовало активизации словообразовательных возможностей художественного слова, стимулировало и расширяло изобразительные средства белорусского языка, обогащало его новыми формами и значениями. Такие единицы стали необходимым в структуре художественного целого смысловым, экспрессивным компонентом, отражающим новаторские, творческие поиски авторов. В первую очередь их необходимо отличать от диалектизмов, которые в соответствии с общими тенденциями развития национального языка писатели широко употребляли в своем творчестве (напр., *куко́біць* (рус. *пестить*), *краплісты* (рус. *падаючий крупными каплями*), а также неологизмов времени. Последние создавались авторами как средства номинации, но в будущем не получили «литературной прописки»: *надпрыродны* (рус. *сверхнатуральный*), *небаскляпенне* (рус. *небосклон*), *спольшчыць* (рус. *ополячить*) и др.

Необходимо отметить, что в начале XX века отношение к процессу индивидуально-авторского словотворчества было неодинаковым. Например, Т. Глыбоцкий утверждал, что ряд неологизмов просто нарушают главную идею образования новых лексем: соответствие формы и внутреннего содержания слова тому названию реальности, которое это слово обозначает. «Больше всего необходимо остерегаться таких бессмысленных новообразований, которые могут пригодиться только как латки в стихах – для ритма, для рифмы» (Глыбоцкий 1928, с. 62). В качестве примера приведены такие окказиональные по своей природе образования, как *ветрасінь*, *зеленацвечень*.

В свою очередь К. Крапива указывал на то, что неологизмы отдельных авторов образованы от самых обыкновенных, известных всем слов, но образованы несмотря ни на какие языковые законы. Такое слово всегда «выпирает рубцом» из предложения, и, читая, на него постоянно спотыкаешься (Крапива 1937, с. 131). А вот В. Дубовка считал желательным включение таких лексем в творческую практику, если при этом они были образованы в соответствии с законами народного языка и тех слов, что уже существовали (Дубовка 1927).

Некоторые авторы пересматривали свои взгляды относительно введения в язык художественных произведений тех или иных окказионализмов. Так, М. Танк в одном из своих стихотворений окказиональный глагол *журавініцца* (от слова *журавіны* – рус. *клюква*) (*Журавініцца сэрца, яе чуючы голас...*) в более поздней редакции заменил на узуальный *іграе* «перен. играет»: *Ажно сэрца іграе, яе чуючы голас*. Интересно отметить, что окказионализм *журавініцца* может быть примером того, как для образования неологизмов авторы выбирали основу, семантически далекую от произведенного деривата. Однако именно в этой основе определенный семантический компонент, находящийся не в центре, а на периферии семантической структуры, рождал авторские ассоциации, в результате которых и появлялось необычное слово: дотронешься до сочной ягоды – она обольется краснотой сока, так и сердце, тронутое девичьей красотой, обольется горячей кровью, застучит.

Исторические условия первой половины XX века, особенно 20-х лет, способствовали формированию национальной языковой базы, что было обусловлено признанием за белорусским языком статуса государственного, расширением его общественно-социальных функций. Это вызвало определенные изменения и в структуре белорусского языка, в первую очередь в области его лексической системы. Появилась необходимость в разработке новых лексических и словообразовательных средств, в выявлении способов их пополнения. Так, в качестве возможных источников пополнения рассматривались различные группы лексем: диалектизмы, или «провинциализмы», неологизмы, заимствованные и устарелые слова. Словарный запас белорусского литературного языка обогащался каждой из названных групп далеко не одинаковым количеством лексических единиц. Известно, что среди неологизмов начального этапа формирования лексической системы различные категории народно-диалектных слов составили, по приблизительным подсчетам, около 33–35%, на словообразовательные неологизмы пришлось около 40%, причем наиболее распространенными были кальки разного типа, а собственно белорусские образования составили только около 10% (Лексікалогія сучаснай беларускай мовы 1994, с. 196). К числу последних принадлежат такие лексемы, как *спадчына* (рус. *наследие*), *практыкаванне* (рус. *упражнение*), *навучэнец* (рус. *учащийся*), *дапаможнік* (рус. *пособие*). Образованные на основе имеющегося языкового материала по существующим словообразовательным моделям, они очень быстро дополнили лексический состав белорусского языка новыми словами.

Практически сразу фактом языка стали и такие предложенные для использования разными авторами неологизмы, как *адлюстроўваць* (рус. *отражать*), *дабрабыт* (рус. *благосостояние*), *жыхар* (рус. *житель*), *мілагучнасць* (рус. *мелодичность*), *святар* (рус. *священнослужитель*). В частности, В. Дубовка обратил внимание на то, что широко используемый глагол *адбіваць* как соответствующий русскому *отражать* подходит не для всех речевых ситуаций (напр., *отражать взгляд* – *адбіваць погляд*). По его словам, в таком случае точнее было бы употребить глагол с прозрачной мотивацией *адлюстроўваць*. По аналогии с этим глаголом-неологизмом было смоделировано и производное от него существительное *адлюстроўвак* (рус. *отражение*).

Создание подобных неологизмов соответствовало внутреннему развитию языка и потребностям языкового коллектива в новых средствах номинации. В целом же на принятие нового слова узусом в первую очередь оказывают влияние функциональная целесообразность (общественная обусловленность) его возникновения и «правильность» структуры, это значит создание неологизма в соответствии с деривационными законами языка. При освоении новообразования учитывается также и его способность вступать во взаимосвязь с другими словами (валентность), и отсутствие литературного варианта (синонима) для наименования

соответствующего предмета или явления, и совокупность экстралингвистических факторов: напр., эстетические представления народа, его культурные традиции и т.д. Однако только языковая практика может окончательно решить, какие новообразования останутся в рамках индивидуального употребления, а какие получают статус общелитературных единиц.

Для поиска необходимых средств номинации в белорусском языке вышеуказанного периода было введено в речевое использование большое количество и так называемых искусственных авторских новообразований (в особенности много их возникало в области терминологической лексики): *аднамы́снасьць* (солидарность), *дапі́шчык* (корреспондент), *дзеяча́с* (эпоха), *камедні́к* (скоморох), *канцаво́ссе* (полюс), *лячо́мніца* (больница), *моўні́ца* (трибуна), *недака́з* (многоточие), *сму́тнагляд* (пессимист), *часані́сьме́нства* (журналистика), *чу́жало́жнік* (прелюбодей) и др. Такие инновации фиксировались лексикографическими источниками и нередко употреблялись в языке художественных произведений.

При отсутствии прочных письменных традиций, недостаточной стабильности нормы существовали благоприятные условия для словесного эксперимента. Как правило, за неологизмами времени, которые не стали общеупотребительными, не выдержали «конкуренции», хотя в 20–30-ые годы и были включены в терминологические и переводные словари, стоят русскоязычные эквиваленты. Возможно, стремление назвать явления, предметы и понятия действительности при помощи собственных языковых средств послужило одной из основных причин возникновения таких слов. Причиной непринятия подобных образований языковой практикой могло стать и сворачивание в 30-е годы пуристических тенденций в развитии белорусского языка.

В это время шел активный поиск не только соответствующих слов и оборотов, но и типов словообразования. Потому нередко возникали авторские варианты, которые в последующем видоизменяли свою словообразовательную структуру, как в случае со словами *засна́вец* – *заснавальнік* (рус. *основатель*), *сачы́сты* – *сакавіты* (рус. *сочный*), *пясчы́сты* – *пясчаны* (рус. *песчаный*). Причиной возникновения авторских новообразований могло служить и стремлением избежать несвойственных белорусскому языку форм употребления тех или иных слов, особенно причастий: *бадзё́рны* (вместо *бадзёрачы* – рус. *бодрящий*), *ве́дны* (вместо *знаючы* – рус. *знающий*), *ёсцьны* (вместо *існуючы* – рус. *существующий*). Дело в том, что в белорусском литературном языке действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*) (в русском языке им соответствуют *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*)) встречаются довольно редко. Это связано с тем, что в мужском роде единственного числа они формально совпадают с деепричастиями настоящего времени, а если относятся к несовершенному виду, то часто переходят в прилагательные, которые могут субстантивироваться: *служачы* (служащий).

Таким образом, деятельность литераторов начала XX в. способствовала решению безотлагательных, имеющих принципиально важное для нормализации белорусского литературного языка, вопросов. Постепенно в практике белорусских писателей оформлялись и унифицировались литературные нормы, все отчетливей определялись ведущие территориальные говоры, происходило дальнейшее усовершенствование грамматической системы национального литературного языка (Шакун 2001, с. 34). Безусловно, далеко не все из предложенного ими было принято и одобрено литературной практикой, большинство авторских новообразований так и не перешло в разряд узуальных, оставшись своеобразным языковым экспериментом по поиску наиболее адекватных и приемлемых средств.

В заключение отметим, что организующая и формирующая роль творческой личности (крупнейших национальных мастеров слова) наиболее полно и ярко проявляется в переломные периоды становления и развития литературного языка. Для белорусского национального языка, история формирования которого не знала преемственности традиций с предыдущей эпохой (старобелорусским языком), таким периодом было начало XX в. Именно художественная литература, где во всем многообразии отразилась творческая, индивидуальная манера автора, стала основной сферой формирования белорусского литературного языка. В таких условиях

творческая индивидуальность оказывала значительное воздействие на общий литературно-языковой процесс, направляла его в новое русло.

В своих произведениях белорусские авторы активно использовали не только богатство живого народного языка, но и пополняли лексико-стилистическую систему новыми изобразительными средствами. Нередко писатели демонстрировали образцы собственного словотворчества как одного из главных способов выражения авторского мировоззрения, а зачастую и источника пополнения словаря, расширения номинативных и образно-изобразительных функций слов и выражений. Самых значительных масштабов своей реализации индивидуально-авторское словотворчество достигло в 20–30-е гг. XX. При этом среди инноваций следует отличать окказионализмы и авторские неологизмы времени, часть из которых стала фактами языка, а часть так и осталась за пределами нормативного употребления.

Литература

Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918 – 1941), 2008. Ч. 2, аўт.-уклад. С. М. Запрудскі, Г. І. Кулеш. Мінск: БДУ, 259 с.

ГЛЫБОЦКІ, Т., 1928. *Пра нашы літаратурныя справы*. Мінск: Белдзяржвыд., 251 с.

ДУБОЎКА, У., 1927. Отражать – адбіваць – адлюстроўваюць: *Лінгвістычныя нататкі*. Узвышша, № 6, с. 193.

КРАПІВА, К., 1934. *Пра перабудову і «недабудову»*. *Полымя рэвалюцыі*, № 9, с. 124–135.

Лексікалогія сучаснай беларускай мовы, 1994. Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск: Навука і тэхніка, 463 с.

ШАКУН, Л. М., 2001. *Карані роднай мовы*. Мінск: БДУ, 205 с.

Valentina Zrazikova

The Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship, Belarus

Research interests: the history of the Belarusian literary language, stylistics, lexicology

THE ROLE OF THE CREATIVE INDIVIDUALITY IN THE DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Summary

The organizing and forming role of the creative personality (the largest national masters of the word) becomes most manifest in the crucial period of the formation and development of the literary language. For the Belarusian national language, the one that didn't have the continuity of the traditions from the previous epoch (Old Belarusian language), this period was the beginning of the 20th century. That is fiction, where the creative, individual style of the author was reflected in all its variety, has become the basic sphere of formation of the Belarusian literary language. At the same time it is necessary to differentiate the concept of "the language of fiction" from the concept "literary language", correlating among themselves as a part and whole.

In their works, Belarusian authors actively used not only the wealth of the live and national language, but also replenished the lexico-stylistic system of the works by new descriptive means. Quite often the writers showed the samples of their own creation of new words, which is highlighted in the article. Creation of new words is one of the main ways of expressing the author's worldview, and often the source of new vocabulary as well as the expansion of nominative and figurative visual features of words and expressions. Thus nonce words should be distinguished from the author's neologisms of the time, part of which has become the fact of the language, and the other part was left outside the normative usage.

KEY WORDS: creative individuality (personality), ideo-style, the language of fiction, literary language, dialecticism, occasionalism, neologism of the time.

LINGVOKULTŪRINIAI TYRIMAI
LINGUACULTURAL RESEARCH
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Хилько

Российский государственный университет им. И. Канта, Россия

ул. А. Невского 14, 236000 Калининград, Россия

Тел. 84012434954

Эл. почта: waifu@mail.ru

Научные интересы: лингвокультурология, межкультурная коммуникация

**КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ**

В статье рассматривается проблема выявления культурного компонента значения, а также производится контрастивный анализ лексических единиц, имеющих культурный компонент значения, с целью установления степени их межъязыковой семантической эквивалентности. Культурный компонент значения находит свое выражение во внешней или внутренней форме слова, в значении или его коннотации, и его выявление становится возможным лишь при сопоставлении текстов оригинала с текстами переводов, что позволяет установить сходства и различия в языковой репрезентации одних и тех же картин действительности. Межъязыковая семантическая эквивалентность понимается нами как сохранение относительного тождества содержательной и функционально-коммуникативной информации, находящейся в сопоставляемых лексических единицах. При этом достижение межъязыковой семантической эквивалентности представляет особые трудности, которые обусловлены усложненной семантикой, экспрессивно-эмоциональной насыщенностью и яркой национальной спецификой единиц, имеющих культурный компонент значения, поэтому при проведении контрастивного анализа данных лексических единиц необходимо учитывать не только их семантическое значение, но и функцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурный компонент значения, межъязыковая семантическая эквивалентность, контрастивный анализ.

В современной лингвистике проблема связи языка и культуры изучается с позиции различных дисциплин, таких как семасиология, лингвокультурология, переводоведение, этнопсихология и др. Для того, чтобы выявить, какими именно компонентами обуславливаются национально-культурные особенности слова, используется анализ структурных компонентов значения. В результате данного анализа был выделен культурный компонент семантики языковой единицы, под которым понимается именно та часть значения слова, которая отражает связь знака и культуры. Таким образом, по мнению Л. А. Спиридовской, культурно-специфическая информация находит свое выражение на формальном и содержательном уровнях, во внешней и/или внутренней форме слова, в значении или его коннотации (Спиридовская 2002, с. 98-102) Принимая во внимания данное положение, а также работы В. Н. Телия и О. Корнилова, посвященные данной проблематике, мы предлагаем выделить две большие группы лексики, имеющей культурный компонент значения:

1) Лексика, в которой культурный компонент значения выражен эксплицитно, т.е. представлен в денотативном аспекте значения. К данной группе относятся реалии традиционного быта, специфические концепты, отсутствующие в других языках, историзмы, имена собственные, обращения, топонимы, фразеологические единицы.

2) Лексика, в которой культурный компонент значения выражен имплицитно, т.е. представлен в коннотативном аспекте значения. К данной группе относятся неспецифические

концепты, имеющие разные прототипы, национально-специфическая лексика, обозначающая абстрактные понятия, культурно-специфические ситуации, фразеологизмы¹, слова, коннотация которых опирается на ассоциации, слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле, слова, в которых культурный компонент придает лексической единице переносно-метафорическое значение.

Выявление культурного компонента значения становится возможным лишь при сопоставлении текстов оригинала с текстами переводов, так как это позволяет установить сходства и различия в языковой репрезентации одних и тех же картин действительности. Это становится возможным благодаря существующему в современной лингвистике пониманию перевода как отношения между единицами разных языков, что, в свою очередь, приводит к мысли о том, что перевод может использоваться в качестве одного из средств при изучении лексической системы того или иного языка. Перевести – это значит, по словам В.Г. Гака и Б. Б. Григорьева, «...адекватно выразить средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка» (Гак 1999, с. 10).

Таким образом, английский художественный текст (текст перевода) служит транслятором культурно-специфической информации русскоязычного текста, создавая представление о русской культуре в английской картине мира. При этом ключевой проблемой будет здесь проблема эквивалентности, которая интересует не только теоретиков и практиков перевода, но и лингвистов, занимающихся вопросами теории языка, сопоставительными исследованиями и вопросами культурологии. При этом разные исследователи используют при выделении и определении эквивалентности языковых единиц различные критерии. Так, в Женевской школе, широко разработавшей учение о функциональной транспозиции, к сопоставляемым единицам предъявлялось требование функциональной эквивалентности (Ш. Балли, А. Сешэ, С. Карцевский, А. Фрей, Р. Годель). В теории трансформаций, основным условием которых считалось сохранение всех лексических единиц и связывающих их синтаксических отношений, требование функциональной эквивалентности заменяется условием семантической эквивалентности (Н. Хомский, А. Швейцер). В современной лингвистике среди критериев эквивалентности выдвигаются различные признаки соотносимых единиц - от общности выражаемой мысли и тождества описываемой ситуации до сугубо лингвистических критериев: функциональной общности, общности грамматического значения, тождества сочетаемости.

Что же касается понятия межъязыковой семантической эквивалентности, то оно получило в лингвистике разную трактовку, в зависимости от того, с какой позиции оно рассматривается. С текстоцентристских позиций межъязыковая семантическая эквивалентность трактуется как функциональное соответствие элементов двух или более языков в пределах данного контекста или как максимально возможная тождественность (идентичность), допускаемая при несовпадении семантических систем исходного и переводного языков в процессе перевода (Комиссаров 1980, с. 24). В лексикоцентристском аспекте межъязыковая эквивалентность предстает как семантико-деривационное развитие лексической единицы в межъязыковом пространстве, в ходе которого она обогащает свой семантический потенциал или же, напротив, утрачивает какие-то из его граней. По выражению Л. Бархударова, «...в одном языке необязательно выражается та разница, которая в другом языке должна быть обязательно выражена» (Бархударов 1980, с. 13). Таким образом, если обобщить эти два подхода, можно сделать вывод о том, что межъязыковая семантическая эквивалентность – это сохранение относительного тождества содержательной и функционально-коммуникативной информации, находящейся в словах сопоставляемых

¹ Необходимо отметить, что принадлежность фразеологизма к той или иной группе культурно-специфической лексики определяется природой культурного компонента значения ключевого слова.

языков. При этом мы, вслед за И. А. Стерниным, допускаем возможность признания межъязыковым эквивалентом не только лексемы, но и словосочетания (Стернин 2007, с. 91).

Основным методом, позволяющим выявить и описать как культурный компонент значения, так и семантическую эквивалентность, является сопоставительный анализ или контрастивный анализ, выделившийся из сопоставительного в отдельный метод в XX в. Как отмечает И. Стернин, между сопоставительной и контрастивной лингвистикой существует ряд различий: «в контрастивной лингвистике, в отличие от сопоставительной: 1) изучаются не любые языки, а только два – родной и изучаемый; 2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках; 3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке; 4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке» (Стернин 2007, с. 24-25).

Составной частью контрастивной лингвистики является контрастивная лексикология, центральным понятием которой считается понятие межъязыкового соответствия. И. А. Стернин определяет межъязыковые соответствия как сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах (Стернин 2007, с. 34).

Таким образом, основным предметом нашего исследования будет являться контрастивная пара, состоящая из двух лексических единиц сравниваемых языков, которая будет рассматриваться на предмет межъязыковой семантической эквивалентности. Для проведения данного исследования представляется возможным воспользоваться формализованными параметрами выявления культурного компонента значения и межъязыковой семантической эквивалентности, применяемыми в ряде исследований последних лет. Для каждого параметра при этом предлагается вычислить соответствующий формальный индекс, который является показателем степени проявления специфики той или иной языковой подсистемы. В диссертации И. П. Зленко «Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках)» (Зленко 2004, с. 76-83) были предложены три количественных показателя степени проявления национальной специфики лексических единиц: 1) индекс безэквивалентности (отношение количества безэквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц), 2) индекс эквивалентности (отношение количества эквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц), 3) индекс национальной специфики – отношение количества единиц с культурным компонентом значения к общему числу исследуемых единиц.

Е. А. Маклакова в своей диссертации «Национальная специфика наименования лиц (на материале русского и английского языков)» (Маклакова 2006, с. 56) предлагает использовать следующие индексы: 1) индекс денотативной национальной специфики (отношение числа контрастивных пар с денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар), 2) индекс коннотативной национальной специфики (отношение контрастивных пар с национально-специфическими оценочными и эмоциональными семами к общему числу контрастивных пар исследуемой лексико-семантической группы), 3) индекс функциональной национальной специфики (отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функциональными семами к общему числу контрастивных пар группы).

Основываясь на данных исследования и принимая во внимание нашу классификацию единиц, имеющих культурный компонент значения, мы предлагаем в группе, где культурный компонент выражен эксплицитно, вычислить индекс денотативной идентичности лексических единиц, под которым понимается отношение денотативных сем, рассчитываемое по

следующей схеме: в случае полного совпадения семы в обоих языках индекс равен единице, при отсутствии совпадения – нулю, при частичном совпадении – 0,5. Кроме того, необходимо также вычислить индекс функциональной идентичности лексем, который равен 1 при совпадении всех функций, реализуемых лексическими единицами в ИТ и ПТ, 0 – при полном несовпадении и 0,5 – при частичном совпадении. Такая же схема анализа, но с выявлением индекса коннотативной идентичности и функциональной идентичности будет применена ко второй группе лексических единиц, где культурный компонент значения выражен имплицитно. Получив индекс денотативной/коннотативной и функциональной идентичности, мы сможем посредством сложения данных чисел установить значение индекса межъязыковой эквивалентности.

Далее рассмотрим несколько примеров.

Обратимся сначала к первой группе нашей классификации, где культурный компонент значения выражен эксплицитно.

«Колобок». Смешная такая история, ужаси. Этот колобок и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от медведя, и от волка...песенки пел веселые: «Я колобок-колобок, по амбару метен, по сусеку скребен, на сметане мешен, на окошке стужен!» (Толстая 2000, с. 96).

“The Gingerbread Man”. What a funny story. The Gingerbread man ran from a husband, ran from a wife, and from a bear and a cow...He ran singing little ditties: “Run, run, as fast as you can, you can’t catch me, I’m the Gingerbread Man” (Gambrell 2003, с. 87).

Лексическая единица исходного текста (ИТ) «Колобок» представляет персонажа одноимённой русской народной сказки, изображаемого в виде небольшого, жёлтого цвета, сферической формы хлеба, принявшего сказочный образ говорящего существа. Обратимся к этимологии данной лексической единицы: колобок — уменьшительное от «колоб», круглый хлебец, хлеб (<http://www.slovopedia.com/1/202/736881.html>), это толстая, круглая лепешка, изготавливаемая в виде хлебного кома, почти шара или разбухающая до формы шара к концу выпечки. Далее обратимся к единице текста перевода (ПТ) „Gingerbread Man” (Пряничный человечек), представляющей героя английской одноименной сказки, имеющего форму человечка с курткой из шоколада, пуговицами из изюма, вишенкой вместо рта (www.wikipedia.com). Сравнивая семантическое значение данных лексических единиц, мы наблюдаем совпадение следующих сем: «сказочное говорящее существо», «существо, сделанное из теста» и «герой, убежавший от своих создателей и встретивший на своем пути сказочных персонажей, представленных животными». Что же касается несовпадающих сем, то среди них мы выделяем отсутствие внешнего сходства и наличие у героя русской сказки дополнительной характеристики – тщеславия, ведь лиса путем обмана, притворившись частично лишённой слуха, ловит Колобка на тщеславии и, воспользовавшись его добротой (выраженной в готовности повторить песенку поближе к уху и рту лисы), съедает. В английской сказке Пряничный человечек также становится жертвой хитрой лисы, которая, пообещав перевезти его через реку, съедает, т.о. на первый план выходит наивность главного героя. По форме сказка Колобок восходит к древнеславянской культуре, высмеивающей низкие пороки души, в то время как английская сказка подобной смысловой нагрузки не несет. Таким образом, индекс денотативной идентичности в данной контрастивной паре будет равен 0,5, т.к. здесь имеет место частичное совпадение сем. Далее обратимся к функции данной лексической единицы в структуре художественного текста. По сюжету романа «Кысь» Т. Толстой «Колобок», наряду с другими узнаваемыми русским читателем произведениями классиков, был на самом деле написан «премудрым» правителем города Федор-Кузьмичск, во что верят все его жители. Имя собственное «Колобок», а также цитаты из одноименной сказки реализуют в тексте локализующую функцию, сигнализируя о конкретной этнокультурной принадлежности данной единицы, читатель с легкостью определяет, что данные строки и образ взяты из русской народной сказки, а не принадлежат перу Федора Кузьмича. В ПТ лексическая единица «Gingerbread Man» хорошо узнаваема английским читателем, т.к. обозначает героя популярной народной сказки, что позволяет ей

сохранить ту же функцию, что и единица ИТ. Таким образом использование переводчиком функционального аналога здесь полностью оправдано, результатом чего является индекс функциональной идентичности, равный 1. Получив значение индексов денотативной и функциональной идентичности, мы вычисляем значение индекса межъязыковой эквивалентности – 1,5.

Рассмотрим следующий пример.

... горьковская ночлежка... (Толстая 2004, с.11).

... Gorky's night shelter for the denizens of the lower depths... (Gambrell 1993, с. 29).

Прежде всего, сравним семантическое значение лексических единиц данной контрастивной пары. Ономастическая реалия ИТ «горьковская ночлежка» состоит из двух компонентов: нарицательного существительного «ночлежка» - ночлежный дом (дом с нарами для спанья, где за низкую плату могла иметь ночлег не имеющая пристанища городская беднота (<http://slovarozhegova.ru/>) и имени прилагательного «горьковская», образованного от имени собственного Горький, принадлежащего известному русскому писателю М. Горькому. Культурный компонент значения данной единицы ИТ содержится в деноте - это словосочетание, ставшее уже нарицательным, является символом нищеты и низкого социального статуса ее обитателей – героев пьесы «На дне» М. Горького. Единица ПТ «shelter» - a building designed to give protection from bad weather, danger or attack (<http://www.oed.com/>)- не имеет в английском языке устойчивой коллокации с лексической единицей «night», имеющей семантику, сходную с единицей ИТ «ночлежка». Вместо этого мы находим такие соответствия как *homeless shelter, emergency shelter - temporary residences for homeless people. Usually located in urban neighborhoods, they are similar to emergency shelters. The primary difference is that homeless shelters are usually open to anyone, without regard to the reason for need* (<http://www.oed.com/>). Существование данных устойчивых сочетаний позволяет совершенно очевидно выделить между единицами ИТ и ПТ совпадающие семы «дом», «место для ночлега», «пристанище для бездомных». Что же касается культурного компонента значения единицы ИТ, заключающегося в «нищете», «тесноте» и «безысходности» данного места, создаваемого при помощи ссылки на автора известного русскому читателю произведения, в ПТ это компенсируется не только использованием имени собственного «Gorky», но и названия самого произведения «The lower depth», что способствует большей узнаваемости читателями ПТ. Таким образом, индекс денотативной идентичности будет равен 1, так как отсутствующие семы при переводе были компенсированы. Что же касается функции единицы ИТ, то можно определить ее как ассоциативную, заключающуюся в возникновении у читателя ИТ образа последнего дна, на которое опустились люди, потерявшие смысл жизни, потерявшие надежду и веру в себя. Благодаря использованному переводчиком приему расширения значения посредством включения названия произведения, в ПТ воспроизводятся те же стереотипные ассоциации, которые существуют у читателя ИТ. Таким образом, индекс функциональной идентичности данной контрастивной пары – 1. Следовательно, индекс межъязыковой эквивалентности будет равен 2.

Далее рассмотрим лексические единицы, в которых культурный компонент значения выражен имплицитно. В качестве следующего примера нами была отобрана единица ИТ, принадлежащая в нашей классификации к словам, коннотация которых опирается на ассоциации, так как установление межъязыковой семантической эквивалентности связано здесь с рядом трудностей в силу того, что в основе ассоциаций, на которые опирается коннотация данных лексических единиц, могут лежать традиционные, социально и исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, понятий как национально-самобытных, а также ассоциации литературного происхождения, зачастую не знакомые и непонятные читателю ПТ. Рассмотрим данное положение на примере:

... Тянете общество назад... Социально вы вредны. **Душок!** (Толстая 2000, с. 102).

...You are dragging the society backward...You're socially pernicious element. **Mysticism!** (Gambrell2003, с. 87).

Начнем контрастивный анализ единиц ИТ «душок» и ПТ «mysticism» со сравнения их семантики. Толковые словари дают следующие определения слова «душок»: 1) Запах от чего-нибудь гнивающего, несвежего; 2) перен. Еле заметное проявление чего-н. (настроений, взглядов) (неодобр.), с душком - ненадежный, опасный, плохой; 3) перен. Намеки, проявления какой-н. идеологии, учения, направления (ирон.). В данном контексте актуализируется второе значение данной лексической единицы. Обратимся теперь к определению единицы ПТ «mysticism»: 1) the experience of mystical union or direct communion with ultimate reality reported by mystics; 2) the belief that direct knowledge of God, spiritual truth, or ultimate reality can be attained through subjective experience (as intuition or insight); 3) vague speculation : a) belief without sound basis b) a theory postulating the possibility of direct and intuitive acquisition of ineffable knowledge or power (<http://www.oed.com/>). Для более полного анализа семантики данных лексических единиц предлагаем обратиться к толкованию словарного эквивалента единицы ПТ «mysticism»: мистицизм - ученье, убеждение, понятия или склонность к таинственному толкованию и обрядливости (<http://vidahl.agava.ru/>). Данное сравнение словарных дефиниций показывает, что совпадение значения данных лексических единиц происходит лишь в компоненте, отражающем еле заметный характер описываемого явления (vague – еле заметный), в то время как ведущая в данном контексте сема «морально-этического и духовного разложения», имеющая негативную оценочную коннотацию, в ПТ утрачивается, соответственно индекс коннотативной идентичности будет равен 0,5. Далее обратимся к функции данной единицы в структуре художественного текста. Коннотация слова «душок» опирается на ассоциации, являясь социально и исторически обусловленной, соответственно реализуя в тексте ассоциативную функцию, направленную на выражение негативного отношения говорящего. Данное переносное значение лексической единицы «душок» развилось во времена Советской власти. Ввиду существовавшего в стране дефицита появилось разделение продуктов питания на продукты первой и второй свежести, т. е. с душком. Данное значение прочно закрепилось в сознании русского человека, позже оно расширилось, и лексическая единица «душок» стала употребляться в отношении чего-то или кого-то ненадежного и плохого. Таким образом, ввиду отсутствия у единицы ПТ «mysticism» подобных коннотаций, она не способна вызвать у читателя ПТ ассоциаций, сходных с теми, что возникают у читателя ИТ. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что автору ПТ не удалось добиться функционального равенства единиц ИТ и ПТ, т.о. индекс функциональной идентичности данной контрастивной пары равен 0, а индекс межъязыковой эквивалентности, следовательно, 0,5.

Проведенное нами исследование единиц, имеющих культурный компонент значения в контексте межъязыковой эквивалентности, при всей ограниченности охваченного на данном этапе практического материала, подтвердило необходимость выявления функции единицы ИТ, т. к. достижение семантической эквивалентности представляет собой особые трудности, которые обусловлены усложненной семантикой, экспрессивно-эмоциональной насыщенностью и яркой национальной спецификой единиц, имеющих культурный компонент значения. Контрастивный анализ дает возможность выявить полные и частичные эквиваленты, а также безэквивалентные единицы, существование которых обусловлено отсутствием в другом языке слов, совпадающих с ними по значению. В этом случае в целях сохранения культурной специфики и адекватной трансляции функции, реализуемой лексической единицей в структуре художественного текста, нередко приходится прибегать к использованию описательных оборотов, словосочетаний, объяснений, где дефиниция может трансформироваться в придаточное предложение или причастный оборот. Использование таких приемов позволяет добиться частичной эквивалентности, сохранив при несовпадении семантического значения функцию данной лексической единицы. Кроме того, необходимо также отметить, что достижение межъязыковой эквивалентности является наиболее сложным в группе лексических единиц, культурный компонент значения в которых выражен имплицитно. По словам Н. Б. Мечковской, ассоциации и смысловые оттенки, создаваемые

внутренней формой языкового знака, обладают большим национально-культурным своеобразием, чем денотативный компонент значения (Мечковская 1996, с. 38). Что же касается культурно-специфической лексики, принадлежащей к первой группе нашей классификации, где культурный компонент значения выражен эксплицитно, она легче для освоения представителями других культур, т.к. часто соответствующие лексические единицы сопровождаются комментарием или разъяснением в ПТ, результатом чего является частичная эквивалентность этих единиц. Нам представляется важным в дальнейшем проанализировать с помощью индекса межъязыковой эквивалентности то, в какой из выделенных нами подгрупп будет зафиксировано наибольшее и наименьшее значение данного индекса, с помощью каких приемов достигается наибольшее значение эквивалентности и как эти приемы меняются в зависимости от принадлежности лексической единицы к той или иной группе и подгруппе классификации.

Содержание безэквивалентных единиц в данной группе велико в силу их уникальности и специфичности для данной культуры, их изучение в контексте межъязыковой эквивалентности предполагает обязательное погружение в культурно-исторический контекст, знакомство с природной и материальной средой соответствующей культуры.

Литература

- БАРХУДАРОВ, Л. С., 1980. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков). *Иностранные языки в школе*, № 5, Москва: Худож. лит-ра.
- ГАК, В. Г.; ГРИГОРЬЕВ, Г. Г., 1999. Теория и практика перевода. *Французский язык*. Москва: Интердиалект.
- ЗЛЕНКО, И. П., 2004. Национальная специфика семантики слова: Контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках. *Дис. кандидата филологических наук*. Воронеж: ВГУ.
- КОМИССАРОВ, В. Н., 1980. *Лингвистика перевода*. Москва: Международные отношения.
- МАКЛАКОВА, Е. А., 2006. Национальная специфика семантики наименований лиц: на материале русского и английского языков. *Дис. кандидата филологических наук*. Воронеж: ВГУ.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б., 1996. Социальная лингвистика. Москва: Аспект-пресс.
- СПИРИДОВСКАЯ, Л. А. 2002. Национально-специфическая лексика как средство идентификации языковой личности. *Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов*. Под ред. Л. И. Гришаевой, Т. Г. Струковой. Воронеж: ВГУ.
- СТЕРНИН, И. А., 2007. Контрастивная лингвистика. Москва: АСТ-Восток-Запад.
- Толковый словарь* В. И. Даля on-line: <http://vidahl.agava.ru/>.
- Толковый словарь* С. И. Ожегова on-line: <http://slovarozhegova.ru/>.
- ТОЛСТАЯ, Т. Н., 2000. *Кысь*. Москва: Подкова, Иностранка.
- ТОЛСТАЯ, Т. Н., 2004. *Река Оккервиль*: Рассказы. Москва: Эксмо.
- GAMBRELL, G., 1993. *Sleepwalker in a fog*. Tatyana Tolstaya. Translated from Russian by Jamey Gambrell. New York: New York review books.
- GAMBRELL, G., 2003. *The Slynx*. Tatyana Tolstaya/ translated from Russian by Jamey Gambrell. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Oxford English dictionary on-line: <http://www.oed.com/>.

Elena Khilko

I. Kant State University, Russia

Research interests: cultural linguistics, intercultural communication.

THE CULTURAL COMPONENT OF MEANING IN THE CONTEXT OF INTERLINGUAL SEMANTIC EQUIVALENCE

Summary

The article considers the problems connected with the cultural component of meaning identification and focuses on the contrastive analysis of lexical units containing this cultural component in their meaning. The aim of such analysis is to establish the degree of their interlingual semantic equivalence. The cultural component of meaning is revealed in the inner or outer form of the world, in its meaning or connotation. The only way to identify this component is to contrast the original text and its translation, which makes it possible to establish similarities and differences in representation of the same concepts. The notion of interlingual semantic equivalence is defined here as relative equality of content and communicative function of the contrasted lexical units. There are special difficulties connected with the

efforts to reach the highest degree of interlingual semantic equivalence, which arise due to the complicated semantics, expressiveness, emotionality and well-marked national specificity of the words with culture-bound meaning. Hence, not only their semantics but also their function should be considered in the course of contrastive analysis.

KEY WORDS: cultural component of meaning, interlingual semantic equivalence, contrastive analysis.

Татьяна Бобко

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

ул. Захарова 21, 220034 Минск, Беларусь

Тел. : (+375 17) 288-25-64

Эл. почта: tatyana1973@tut.by

Научные интересы: языковая картина мира, национально-культурная специфика языка, семантика предложения, наивная лингвистика, метаязык и метатекст, разговорная речь, инновации в языке, нормы языка

К ВОПРОСУ О БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности безличных предложений с глаголом «коснуться», которые являются инновацией современной русской разговорной речи. Эти предложения выражают важные для русской языковой картины мира идеи: пассивность субъекта действия, непознаваемость мира.

Анализ показал, что распространенное разговорное употребление глагола «коснуться» в безличном значении эксплицирует потребность говорящих в такой единице, которая выражала бы значение, промежуточное между значениями ‘случилось’ и ‘обошлось’ и представляла бы действие как происходящее независимо от воли человека, по таинственным причинам. Этот семантический сдвиг в значении глагола «коснуться» позволяет ему стать в один ряд с другими культурно-специфичными русскими глаголами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Безличное предложение, языковая картина мира, субъект действия, объект действия, глагол

Под категорией личности-безличности понимается «универсальная семантико-синтаксическая категория языка, характеризующаяся отнесением субъекта предложения к какому-либо предмету во внешнем мире (референту) и при этом степенью выделенности (отдельности) этого предмета в пространстве или времени. При существовании разных типов личных и безличных синтаксических конструкций наиболее противопоставлены личные предложения с субъектом «я» и безличные предложения, обозначающие неопределенные по пространственно-временным границам явления, чаще всего природные, с невыраженным субъектом (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 272). Как отмечает Н. Б. Мечковская, «безличные предложения формировались на основе древнейших синтаксических форм сообщений о состояниях и действиях нерасчлененных (или недостаточно расчлененных) в субъектно-причинном и субъектно-объектном отношениях. Последующее развитие знания позволяет дать аналитическую картину ситуаций, о которых говорят *Смеркается* или *Тошнит*, но языковое сознание по-прежнему нуждается в формах, которые представляют те или иные процессы как слитно-стихийные, или происходящие сами собой, или вызванные неизвестными или нелокализуемыми факторами. Таким образом, назначение грамматической бессубъектности заключается не в нейтрализации или сглаживании различий между 1-м, 2-м и 3-м лицами, но в том, чтобы представить событие или состояние как стихию (Мечковская 1999, с. 98). В цитируемой статье Н. Б. Мечковской указывается, что появление безличных конструкций в синтаксисе индоевропейских, в частности, славянских языков, вызвано «затрудненностью в указании на субъект-фактор действия или состояния» (Мечковская 1999, с. 108).

Русские безличные предложения и их культурная специфика не раз обсуждались в специальной литературе: начиная с 1990-х г. лингвисты «активно дискутировали о том, какие особенности менталитета русского народа отражают безличные предложения и можно ли говорить о том, что данные конструкции свидетельствуют о крайнем фатализме русского народа, его пациентивной ориентации, непричастности к ходу событий, истинные причины которых неясны и непостижимы» (Устинова 2007, с. 3).

А. Вежбицкая, считая, что национальная специфика языка фиксируется в его ключевых концептах как на уровне слов, так и на уровне синтаксических конструкций, постулирует несколько важнейших характеристик русской языковой картины мира, в том числе иррациональность и неагентивность. Иррациональность – это, по мнению Вежбицкой, «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни». Неагентивность – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» (Вежбицкая 1996).

А. Вежбицкой принадлежит известный вывод о различии русского и западноевропейских языков: «данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации. Агентивный подход [...] означает акцентированное внимание к действию и к акту воли («я делаю», «я хочу»). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на 'бессилии' и пациентивности («я ничего не могу сделать», «разные вещи случаются со мной»)). (Вежбицкая 1996). При этом отмечается, что в русском языке пациентивная ориентация проявляется во все возрастающей роли безличных предложений. Ср. характерные примеры из современной письменной и устной речи:

- *Что делать, если малыша укусило?*
- *Долго еще мультику идти?*
- *Мною было предложено выслать текст договора на ваш e-mail.*
- *В течение года было выступлено на трех конференциях.*
- *Эту тему попрошено удалить с форума.*
- *О пропусках занятий будет особо отмечено дальше.*

В нашем небольшом исследовании рассмотрена интересная инновация современной русской разговорной речи – употребление глагола *касаться/коснуться* в безличных предложениях, обозначающих действие внешней по отношению к человеку и не поддающейся контролю силы. Например:

- *В этом году грипп был страшный, но нас, слава Богу, не коснулось.*
- *Все такие моралисты, пока лично их не коснулось.*

(Примеры были взяты из разговорной речи, рекламных и газетных текстов, Интернет-форумов.)

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указанное значение глагола *касаться/коснуться* не отмечено, не фиксируется оно и в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Толковый словарь Ожегова приводит три значения этого глагола:

- 1) прямое 'дотрагиваться до кого-чего-нибудь';
- 2) переносное 'затрагивать какой-нибудь вопрос в изложении';
- 3) переносное 'иметь отношение к кому-чему-либо', 1 и 2 лицо не употребляется.

При этом в типичных оборотах с глаголом *касаться/коснуться* в третьем значении имеется формальное подлежащее-местоимение (по данным упомянутого словаря сочетаемости):

- *Что касается меня, то...*
- *Это меня не касается.*

На наш взгляд, употребление глагола *касаться/коснуться* в безличном значении развивается под влиянием уже имеющихся значений этого глагола – первого и третьего. Первое значение обуславливает тот факт, что глагол *касаться/коснуться* чаще всего обозначает действие такой силы, которая не захватывает человека целиком, а лишь касается

(т.е. дотрагивается до него) – и идет дальше. Вот типичные примеры такого употребления этого глагола:

- *У нас температура часто поднималась без признаков простуды, но это был не пиелонефрит. Нас, слава Богу, не коснулось.*
- *У нас уволено около 50% сотрудников с начала года. Но меня пока не коснулось и, по слухам, не коснется в ближайшее время.*
- *Он все больше молчал, а когда **коснулось** его жены, взбеленился.*
- *Моя дочка тоже очень хотела в садик, а как коснулось оставаться там без мамы на полдня - все!*

Никакого садика!

Третье значение глагола *касаться/коснуться* позволяет говорящему создавать синтаксические конструкции, которые ближе всего к безличным: допустимо только 3 лицо глагола; чаще всего имеется формальное подлежащее *это* или *что*.

Существуют также конструкции, в которых подлежащее выражено существительным или имеется определительное придаточное (чаще в отрицательных предложениях):

- *Мои проблемы тебя не касаются.*
- *Сколько я трачу, тебя не касается.*

При этом нам представляется любопытным тот факт, что упомянутый словарь сочетаемости вообще не фиксирует такие сочетания, видимо, считая их недостаточно типичными или частотными – в нем приводятся только предложения с формальным подлежащим *это* или *что*.

При высокой частотности в речи упомянутых высказываний с отрицательным значением менее частотны утвердительные высказывания типа:

- Мои проблемы тебя касаются.*
- Сколько я трачу, тебя касается.*

В таких случаях, как правило, имеется эмфатическое выделение глагола или дополнения, а также возможно употребление частиц *и, тоже* и подобных, функция которых – маркировать рему.

Заслуживает внимания и то, что в речи форма глагола *коснуться* в безличных конструкциях употребляется намного чаще, чем *касаться*. Как правило, это контексты с противопоставлением двух глагольных форм:

- *Тебя как-то коснулось, что ли? - Да всех касается, кто не живет в своей норке!*
- *Вроде бы меня совсем не касается, но почему-то коснулось.*
- *Когда не касается тебя, трудно понять человека, зато сразу думаем о законности действий. А когда коснется тебя лично закон уходит на второй план.*

Различная частотность в речи глаголов *касаться/коснуться* связана, как нам кажется, с семантикой глагольного вида. Употребляя этот глагол в безличной конструкции, говорящие хотят выразить следующее значение: действие или уже совершилось в прошлом, или произойдет в будущем, при этом имеется акцент на мгновении действия – это, как уже говорилось, сила, которая только коснулась человека (ненадолго или вообще на мгновение), мимоходом задела его. При этом безличные предложения, в которых глагол *коснуться* употребляется в будущем времени, имеют характер негативного предсказания и выражают мрачные предчувствия говорящего:

- *Конечно, если ничего не случилось, то об этом не задумываешься. Но вот когда коснется, то уже поздно локти кусать...*
- *Хорошо, если все в семье здоровы! И так страшно, когда тебя коснется!*
- *Подумай, как ты заговоришь о наркоманах, когда тебя или твоей семьи коснется!*
- *Когда и тебя коснется, увидишь, как жить на одну пенсию.*

Похожее значение, только смягченное имеется и в конструкциях с сослагательным наклонением:

- *Я укулов боюсь! Но, если б коснулось, пошла бы...*

В безличных конструкциях с глаголом *коснуться* словоформа в родительном падеже, занимающая позицию дополнения, соответствует в глубинном синтаксисе значению пациенса – пассивного участника ситуации, вовлеченного в действие, которое он не контролирует и не исполняет. При этом пациенс может быть и не выраженным в поверхностном синтаксисе:

- *А вы бы что делали, если вдруг температура за 40? Легко рассуждать, пока не коснулось (не дай Бог, конечно).*

- *А вот когда коснётся – тут уже не до развлечений, было бы здоровье только!*

- *Вы тут недавно обсуждали, чем лечить гайморит, а я мимо ушей все пропустила, а теперь вот коснулось.*

В большинстве случаев безличное предложение с глаголом *коснуться* легко превращается в двусоставное. Возможна подстановка подлежащего *это*:

- *Я чужим детям просто так замечаний не делаю. Только если бы (это) коснулось меня или ребенка, я бы сделала замечание.*

- *У нас тут безработица страшная, пока просто эмигрантов (это) не очень коснулось, т.к. русский язык в цене.*

Возможна также подстановка подлежащего-существительного или местоимения:

- *Вот так, а в новостях скажут, что в эпидемии спад начался... А тем временем и школы уже коснулось.* - *Вот так, а в новостях скажут, что в эпидемии спад начался... А тем временем эпидемия (или она) и школы уже коснулась.*

- *Явно ходит ротовирусная инфекция по городу, благо Игоря не коснулось.* - *Явно ходит ротовирусная инфекция по городу, благо Игоря она не коснулась.*

Возможность подобных трансформаций свидетельствует о неполной безличности подобных высказываний (по сравнению с предложениями *Меня тошнит*, *Смеркается* с невыраженным субъектом). Рассматриваемые нами синтаксические конструкции с глаголом *коснуться* не являются абсолютно безличными, хотя и обозначают «внешние по отношению к человеку стихийные процессы с вербализируемым субъектом»: «эта древнейшая индоевропейская модель безличных предложений нередко считается предельно безличной. Однако можно полагать, что это это еще не «полюс стихийности». Силы, вызвавшие соответствующее действие или состояние, - это объективные явления мира, внешние по отношению к говорящему человеку. С их «посторонностью» связана их неизвестность говорящему и потому безличность представления в сказуемом. Однако их объективность означает их потенциальную познаваемость (и возможность экспликации субъекта действия) (Мечковская 1999, с. 120). Ср. известные примеры А. Вежбицкой *Его переехало трамваем*, *Его убило молнией* - *Трамвай переехал его*, *Молния убила его*. При этом в разговорной речи подобные безличные конструкции употребляются чаще личных.

В речи существует также множество высказываний с глаголом *коснуться*, которые по структуре двусоставны:

Сокращение вооружений коснулось и Ирана.

Ледяное дыхание кризиса коснулось Санта Клауса - его дом продается.

Если вас коснулась война – носите георгиевскую ленточку.

Отключение газоснабжения коснулось 150 тысяч жителей Казани

Амнистия коснется около 200 ветеранов войны

Пандемический грипп коснется практически каждого белоруса!

Надейся, что прошлое больше тебя не коснётся.

Когда коснется человека беда, он взывает к Богу.

Казалось бы, ничто не мешает говорящим строить с глаголом *коснуться* «обычные» двусоставные высказывания. Но дело в том, что, выбирая безличные конструкции, носители языка хотят акцентировать значение стихийности, таинственности, неконтролируемости действия, причины которого не поддаются рациональному анализу. Как правило, указание на силу, которая «коснется» говорящего, содержится в контексте или ясно из ситуации общения. Редко используются присоединительные конструкции (именительный темы, реже - парцелляция):

- *Мужская жадность. Как вас коснулось?*

- *Мировой кризис! А Вас как-то коснулось?*

- *Вот и меня коснулось - стук в передней подвеске.*

Значение непознаваемости, таинственности происходящего имеется и во многих других безличных конструкциях русского языка. Так, А. Вежбицкая видит свойственное русскому мироощущению представление о непознаваемости, таинственности происходящих с человеком событий в отсутствии инструмента действия в предложениях типа *Его ранило*, *Его убило* (Вежбицкая 1992, с. 11). Вежбицкая отмечает, что такие предложения могут обозначать не только плохие, но и хорошие события (Вежбицкая 1992, с. 12). Но в собранных нами примерах высказывания, обозначающие положительные, желаемые для говорящего события,

встречаются намного реже, чем те, которые обозначают отрицательные, нежелательные события. По сути, это единичные примеры:

– У официанта также есть возможность стать знатоком мировой кухни и напитков (когда коснется - знаешь, что лучшие для себя или ближнего своего).

– Мы по знакомым нашли лимузины - экономия очень большая. Сначала все возмущались, что дорого, а когда коснулось, то цены вполне реальные.

– Девочки, всегда с интересом читала ваши заявки, но никогда не участвовала в конкурсе вязальщиц. А теперь коснулось и меня...решила попробовать...Может, поддержите?

Так же редко встречаются нейтральные контексты:

– А когда коснулось прививок у малышей, то единомышленников остались единицы.

– Я вот тоже думала, что много нейтральных расцветок, можно выбрать, а как коснулось, то оказалось, что все коляски или розовые, или голубые.

Одна из важнейших идей русской языковой картины мира – представление о том, что события случаются как бы сами собой и не полностью контролируются человеком. По меткому выражению А. Вежбицкой, русский язык дает массу возможностей снять с себя ответственность за свои действия. Семантика глаголов, которые выражают это представление, подробно рассмотрена в сборнике «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005).

В частности, глаголы *удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось* «упорядочены по уменьшению доли ответственности субъекта за конечный результат» и выражают «идею непредсказуемости событий, происходящих с человеком. В ситуацию вовлечено много разных, не зависящих от человека обстоятельств, и именно это порождает неподвластность конечного результата его воле (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, с. 324). Глаголы *образуется – успеется – обойдется* и слово *авось* выражают идею о том, что «если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действия отпадет». При этом «все будет хорошо, и это произойдет в результате естественного хода вещей» (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, с. 320, 334).

На наш взгляд, по своей семантике глагол *коснуться* в безличном употреблении занимает промежуточное положение между словом *случилось* и словом *обошлось* и выражает следующее представление: то, что произошло с человеком, не фатально и, в конце концов, все вернется к привычному ходу вещей; действие какой-то неизвестной, как правило, темной силы могло быть более угрожающим, но в итоге эта сила прошла стороной и лишь *коснулась* человека. (Есть еще один глагол русской разговорной речи – *пронесло*, выражающий, по сути, ту же идею – могло случиться что-то худшее, но не случилось.) В большинстве рассмотренных нами высказываний реализуется именно эта идея. Вот, например, типичные высказывания:

– У нас коснулось всех, хотя пока и не так все страшно. Завод не будет работать с 1 по 10 января, а там посмотрим.

– Гепатит В опасен, да, но при должном лечении не смертелен. Меня коснулось, так что я знаю, о чем говорю.

– Сегодня наблюдал, как у соседа банк машину забрал. Никого больше не коснулось?

В то же время есть и высказывания, в которых реализуется противоположное значение – не обошлось, не пронесло, а все-таки случилось (но таких примеров намного меньше):

– А вот меня коснулось напрямую. Уже почти 10 лет как удалена щитовидка.

– Я никогда не думала, что и нашей семьи коснется, а тут вдруг у отца тяжелый инфаркт.

– Ты про аварии говоришь, что, мол, меня не коснулось... Еще как коснулось осенью 2009 года. Но уже нельзя ничего изменить.

Некоторые высказывания с глаголом *коснуться* допускают его замену, с минимальными трансформациями, на глагол *случилось* (например, в трех приведенных выше примерах), что говорит о семантической близости этих глаголов.

В некоторых случаях возможна также перефразировка с глаголом *столкнуться*, который выражает следующее значение (по словарю Ожегова): ‘встретиться, познакомиться с чем-либо новым, неожиданным’. Но глаголы *коснуться* в безличном значении и *столкнуться*, при наличии общей семы неожиданности действия, представляют само

действие по-разному. В глаголе *столкнуться* отсутствует указание на безличность действия – он употребляется в таких предложениях, где имеется подлежащее, соответствующее в глубинном синтаксисе субъекту действия. В высказываниях с глаголом *столкнуться* отсутствует важное для русского синтаксиса значение субъекта-пациенса, испытывающего действие какой-то внешней силы. Например, можно сказать:

– *Мы тоже столкнулись с финансовым кризисом.*

Но вряд ли возможно в нейтральном контексте выразиться так:

– *Финансовый кризис столкнулся с нами.*

Таким образом, можно сказать, что распространенное разговорное употребление глагола *коснуться* в безличном значении выражает потребность говорящих в такой единице, которая находилась бы между значениями ‘случилось’ и ‘обошлось’ и при этом представляла бы действие как происходящее стихийно, само по себе, независимо от воли человека, по таинственным и непознаваемым причинам. Этот семантический сдвиг в значении глагола *коснуться* позволяет ему стать в один ряд с другими глаголами русского языка, выражающими важные идеи русской языковой картины мира, например, *случилось, сложилось, обошлось, рассосалось* и другими, рассмотренными подробно в сборнике «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005), в котором о подобных семантических сдвигах говорится следующее: «Целый ряд исследований русской языковой картины мира, проведенных за последние годы, позволил обнаружить любопытную тенденцию: многие слова и значения, в высшей степени лингвоспецифичные и воспринимаемые как ключевые для русского видения мира, «русского характера» и русской культуры, появились в языке относительно недавно (*неприкаянный*). Еще чаще бывает так, что слово, существующее в языке с давних пор, подвергаются семантическому сдвигу, в результате которого становится ключевым культурным символом, отражающим тот или иной концепт, характерный именно для русской языковой картины мира (*тоска, попрекнуть*)» (Зализняк, Левонтина, Шмелев. 2005, с. 437).

Отражение в глаголе *коснуться*, употребляемом в безличном значении, национальной специфики русского языка, подтверждается следующим мнением авторов цитируемого сборника: «Национальная специфика языка чаще всего определяется специфичностью присутствующих в нем неявных смыслов; она заключена в тех бесплотных и трудно уловимых смысловых элементах, которые передаются подспудно, как нечто самоочевидное. К таким смыслам в русском языке относится компонент ‘[произошло] как бы само собой’ (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, с. 434).

Для завершения нашего небольшого исследования о семантике глагола *коснуться* в разговорной русской речи лучше всего подходят слова Анны Вежбицкой: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» (Вежбицкая 1996).

Литература

- ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1996. Русский язык. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, с. 33-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl. - Дата доступа: 05.05.2010.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1992. *Семантика грамматики*. Российская АН. Институт научной информации по общественным наукам. Пер. с англ. языка. Москва: Изд-во РАН, 31 с.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А.; ЛЕВОНТИНА, И. Б.; ШМЕЛЕВ, А. Д., 2005. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 540 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990. Под ред. ЯРЦЕВОЙ, В. Н. Москва: Сов. энцикл., 685 с.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б., 1999. Безличность, неопределенность и обобщенность лица в структуре категории персональности. *Personalität und Person..* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, с. 97-124.

УСТИНОВА, Е. В., 2007. *Функционально-семантическое поле агентивности / неагентивности в современном русском литературном языке XX – нач. XXI вв.* Ростов-на Дону: ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», 26 с.

Tatyana Bobko

Minsk State Linguistic University, Belarus

Research interests: cultural specificity of the Russian language, semantics of a sentence, metalanguage and metatext, spoken language, innovations of a language, standards of a language

THE PROBLEM OF IMPERSONALITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE

Summary

The article applies to the semantic and syntactic features of Russian impersonal sentences, which contain the verb «коснуться» (“to concern”) and are a new fact of spoken Russian language. These sentences express some ideas important for Russian culture: passivity of the subject of action, spontaneity of events.

The analysis displays that the verb «коснуться» (“to concern”) has frequency colloquial use in impersonal sentences. This fact conveys speakers’ necessity of a verb which has the specific meaning. This verb is between the verbs «случилось», «произошло» (“it happens”) and the verbs «обошлось», «пронесло» (“the danger is over!”). This specific meaning helps speakers to express some actions and events as independent of man’s will, due to circumstances beyond our control, resulting from a mysterious cause. This semantic change in the meaning of the verb «коснуться» (“to concern”) allows us to rank it with other Russian verbs which have culture-conditioned meanings, such as «удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось» and «образуется – успеется – обойдется – рассосется».

KEY WORDS: Impersonal sentences, cultural specificity of a language, subject of action, object of action, verb.

Лариса Белова

Пермский государственный педагогический университет, Россия

ул. Сибирская.24, 614000 Пермь, Россия

Тел.: 8(342)2-386-322

Эл. почта: lara-belova26@mail.ru

Научные интересы: история русского языка, история русского литературного языка, социолингвистика

РАСКОЛ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛИЯ РОССИИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ I ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА)¹

В статье на материале деловой письменности анализируются формы языкового представления такой социо- и лингвокультурной реалии России XVII–XVIII веков, как раскол русской церкви. Язык официального дискурса I половины XVIII века бесстрастно и подробно фиксирует культурный конфликт эпохи как конфликт приверженцев старых и новых традиций. Языковыми индексами такого противостояния выступают лексические и грамматические средства: императивные конструкции текстов, лексика с семантикой устрашения, номинация раскольников как государственных преступников. У приверженцев старой «правильной» веры свои языковые индексы – в частности, имена собственные, восходящие к ветхозаветному контексту: Рахиль, Авраамий, Иосиф, Иосаф, Иойль и др. Лингвокультурное противостояние старого и нового в петровскую и послепетровскую эпохи выступает как необходимый элемент просвещенной культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раскол, суеверие, ересь; раскольники, преступники; ветхозаветные имена; социальный и культурный индикаторы, культурный и языковой конфликты, старый, новый.

Раскольниковство (старообрядчество, староверчество) как социокультурное явление привлекает внимание не только историков, культурологов, краеведов, интересно оно и лингвистам. Документы эпохи раскола (XVII–XVIII вв.) позволяют рассматривать их как источник изучения языка и культуры определенного региона. Нечасто тексты деловой письменности становятся предметом семиотических или лингвокультурологических исследований, гораздо чаще в этом ключе изучаются художественные или философские тексты. Вместе с тем деловая письменность любой эпохи представляет собой культурно значимую сферу русской истории и истории ее национального языка.

Раскольническое движение возникло в России в середине XVII века. Тогда в результате реформ патриарха Никона произошло отделение от русской православной церкви несогласных с никоновскими нововведениями приверженцев старых обрядов – старообрядцев, именовавшихся в официальном языке раскольниками. Б. А. Успенский, известный своими лингвосемиотическими и историкосемиотическими работами, утверждает, что раскол – самое трагическое событие в истории русской церкви – разделил население Московской Руси на две антагонистические группы: старообрядцев и новообрядцев. По мнению Б. А. Успенского, раскол был вызван не собственно догматическими, а семиотическими и филологическими разногласиями и что в его основе лежит культурный конфликт, поскольку реформы Никона касались прежде всего формы, а не содержания веры, ее постулатов. Вместе с тем эти культурные разногласия воспринимались, в сущности, как разногласия богословские и вызвали очень резкую реакцию, так как форма и содержание в традиционном культурном сознании «принципиально отождествлялись» (Успенский 994, с. 333). Культурный конфликт эпохи предстает как семиотический конфликт: разное

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья».

отношение старообрядцев и новообрядцев к сакральному знаку (обряду, иконе, языку и др.). Старообрядцы опираются на традицию, на мистический опыт предшествующих поколений, включая и святых, которые на протяжении многих веков придерживались этих обрядов и, тем самым, практически доказали их действенность и силу. Для новообрядцев главное – это культурная ориентация: они ориентируются на греков, стремясь привести русские обряды в соответствие с греческими. Новообрядцы в принципе *могут* относиться к обряду как к некоторой принятой условности; старообрядцы же *всегда* исходят из того, что защищаемые ими формы – безусловно правильны (там же, с. 334–335). В актуальном сознании эпохи это противопоставление воспринималось как противопоставление старого и нового, как противопоставление восточной и западной традиции.

В области языка происходят аналогичные процессы. Интересные сведения дают деловые тексты, отражающие борьбу российского правительства с движением раскольников. Рассмотрим языковое представление раскола на материале рукописного памятника местного делового письма первой половины XVIII века, хранящегося в отделе редкой книги Пермского государственного педагогического университета – «Книги секретных дел Главного заводов правления» (1735–1737 гг.). Секретность данной «Книги...» предопределена ее содержанием: *«В сей книге дела о расколниках на 166 листах писанные отданы для содержания с секретными делами в канцелярию Главного заводов правления от тайного советника гдна Татищева при отезде ево из Екатеринбургга в Самару иуня 25 дня 1737 года».*² В собрании документов находятся распоряжения действительного статского советника В.Н.Татищева по указам «Ея Императорского величества самодержицы Всероссийской» о мерах официальных властей по поимке и высылке раскольников, списки пойманных старцев и стариц, их допросы, распоряжения по поводу их дальнейшей судьбы, переписка с подчиненными, а также с монастырями и с высшими церковными чинами – митрополитом Тобольским Антонием (архиереем Сибирским) и с архимандритом Успенского Долматова монастыря Сильвестром.

Следует пояснить, почему дела о расколниках требуют своего содержания в канцелярии Главного заводов правления. К середине XVIII века на Урале открыто много государственных и частных заводов, поэтому действует стройная система органов горнозаводского управления, которые совмещают организационно-технические функции с административно-полицейскими. Отсюда в изучаемом нами собрании деловых документов большое количество распоряжений властей, касающихся раскольников и сочувствующих им. Противники церковной реформы подверглись жестоким репрессиям, казням, пыткам, ссылкам. Спасаясь от преследователей, защитники «старой веры» бежали в глухие места Севера, Поволжья, Сибири, Урала.

Исследователь языка и культуры XVIII века В.В.Живов пишет: «Вовлеченность истории языка в социальные и культурные процессы возникает за счет того, что языковые элементы в сознании пишущих и говорящих существует не как абстрактные средства связи, а как индикаторы социальных и культурных позиций (Живов 1996, с.17). Попробуем обозначить языковые индикаторы в социокультурном восприятии раскола современниками в анализируемых деловых текстах.

Итак, раскол русской церкви – важнейшая черта общественно-политического развития России второй половины XVII – первой половины XVIII века, вылился в борьбу официальной и раскольнической (старообрядческой) церковью. В официальном сознании эпохи раскол осознавался как богопротивное религиозное течение и как антигосударственное явление. Язык официальных документов первой половины XVIII в. толкует раскол как *ересь и суеверие*. В анализируемой переписке неоднократно встречаем тому подтверждение. Так, в письме митрополиту Тобольскому Антонию (Архиерею Сибирскому) от 20 января 1735 года с пометой «секретно» В. Н. Татищев пишет: *«...близ Демидова заводов на реке Сулеме есть пустыня расколническая, в которой корень **оного***

² Цитируемые тексты передаются средствами современной графики с сохранением в них орфографии и пунктуации источника.

суеверия содержится...», далее «...велено: прилежно нам стараться как бы раскольников размножение пресечь и искоренить...из лесов вывезть и поселить при заводах для заводских работ в таких местах где б они сообщения с правоверными не имели и их превращать в свою ересь распространить случая не имели...».

Полный церковно-славянский словарь толкует *ересь* как «противное православию лжеучение» (ПЦСЛ 1998, I, с.176), а *суеверие* – «грех, состоящий в том, что чисто естественным вещам придается значение сверхъестественное. Оно плод невежества и развращения, строго осуждаемое словом Божиим» (ПЦСЛ 1998, II, с. 688). Как видим, в одном ряду стоят обозначение вероучения, отклоняющегося от общепринятого, и того, что неподвластно естественному ходу событий, то есть мистического, таинственного. Поэтому в официальном сознании XVIII в. *раскол* предстает не просто как ложное учение, но прежде всего как то, что противно слову Божию и находится вне категорий веры. Противостояние раскольнической церкви официальной (господствующей) церкви выстраивается в текстах как оппозиция: *пустыня раскольническая, корень оного суеверия, ересь и святая церковь, правоверные, обращение раскольников к церкви святой, безопасные от расколу, в расколе не происходили* и др. В секретном письме Митрополиту Тобольскому Антонию от 12 декабря 1736 г. читаем: *«...повелено раскольников живущих в лесах близ Черноисточенского Демидова завода монахов и монахинь розвесть под караулом по разным монастырям внутрь Сибири... и содержать оных... в особливых кельях в мирском а не в монашеском платье и увещавать к соединению правоверных Святей церкви и которые обратятся постригать вновь а далее церкви за монастыри их не выпускать...а не обратившихся употреблять в работу в тех монастырях...».* Любопытно и замечание в отношении «белцов и белиц»³: *«...а белцов со всеми их пожитками а имянно посадских дворцовых государственных и монастырских крестьян, вывезть из лесов и поселить при заводах для заводских работ, в таких местах где б они сообщения с правоверными не имели...»* [12 декабря 1736 г.].

В контексте церковно-государственных отношений «старая вера» была преследуемой. По указу Петра Первого виновные в распространении раскола лишались всех прав на состояние и наказывались ссылкой. В отношении раскольников правительством принимались крутые меры: ограничения в условиях жизни, аресты, пытки, сыски, ссылки. Так, по указу правительства прикамские староверские скиты в 1725 г. были разгромлены (Страницы истории земли пермской 1997, с. 319). Язык официальных текстов квалифицирует раскол не только как ересь и суеверие, но и как государственное преступление, а раскольников – государственных преступников. В одном из анализируемых распоряжений читаем: *«...и поступать с оными [раскольниками – Л. Б.] так как в инструкциях для воров изображено...».* Лексема *вор* в русском языке XVI – XVIII вв. использовалась для обозначения человека, совершавшего какое-либо противоправное действие. *«А племянник де вора убойца Федьки Скалепина Петрушка как приезжал де к нему Лучке и в тое пору был того ж Степанова Городица у Ивашки Духонина»*, – фиксирует Словарь пермских памятников письменности XVI – начала XVIII века (СПП 1993, 1, с. 101). Вором назывался и человек, совершивший преступление против государства, изменник, бунтовщик: *«За истинную христианскую веру на разорителей нашей христианския веры на польских и на литовских людей и на русских воров с нами стояти готовы»* (там же).

Квалификация действий тех, кто *«подзорен о расколе»* или кто *«потаенно в расколе»* как государственных преступников, находит отражение в императивных конструкциях, называющих карательные меры. Лексическое наполнение таких конструкций призвано актуализировать семантику преступления: *«розвесть под караулом»*, *«содержать секретно»*, *«велеть под смертью подписаться»*, *«заковав в железо»* и т. п. Тем же, кто исполнял надзор за раскольниками, предписывалось *«поступать с крайнею осторожностью и смотрением»*, *«в укрывательстве обличать и объявлять без всякого»*

³ Бельцы (греч.) – люди всякого звания и состояния; противополож. монахам; мирские люди. ПЦСЛ 1998, т. 1. с. 64. Белец и белица – живущий в монастыре, но не постриженный в монашество. ДАЛЬ, В. И., 1995. Словарь живого великорусского языка. Москва: Terra-Terra, т.1, с. 54.

подлогу», понимая серьезность происходящего и «исполнять по указу со всякою прилежностью опасаясь за наималейшее преступление или слабость военного суда». Лексическое наполнение подобных конструкций нацелено на формирование семантики страха перед наказанием за нарушение предписаний, и, следовательно, за совершение преступления у каждого члена общества. Так, в письме от 17 января 1736 года В. Н. Татищев дает следующее распоряжение: «...живущие в лесах расколники старцы и старицы скинув с себя чернеческое платье в некоторых местах скитаются под образом нищих того ради...всем обывателем объявить...под смертную казнью чтоб они...ловя привозили оных суда немедленно...».

Еще одним из индикаторов социального и культурного контекста эпохи можно считать наименования раскольников, функционирующие в деловой, следовательно, официальной переписке I половины XVIII века. В приводимом выше отрывке из письма В.Н.Татищева от 17 января 1736 г. находит отражение типичная модель упоминания о приверженцах старой веры. Сначала в текстах приводится их родовое обозначение – *расколники*, затем одно из видовых – *старцы и старицы, монахи и монахини, чернецы и черницы* (чаще всего *старцы и старицы*). Заметим, что нигде не встречается наименование *старообрядцы*, везде только *раскольники*. Очевидно, что видовые номинации выступают как маркеры социального и профессионального статуса приверженцев старой веры: «...живущие в лесах **расколники старцы и старицы** скинув с себя чернеческое платье в некоторых местах скитаются под образом нищих того ради...всем обывателем объявить...под смертную казнью чтоб они...ловя привозили оных суда немедленно...». Негативное отношение к расколу как оппозиции официальной церкви и власти сохранялось до 1905 г. (СЭС 1989, с. 1280). 17 апреля 1905 г. вышел Именной Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», официально утвержденный в Сенате и в Комитете Министров. Приверженцы старообрядчества, до этого указа официально именовавшиеся в Российской империи раскольниками, стали называться старообрядцами или староверами. Так «язык не только запечатлевает в себе этапы культурной эволюции, но и оказывается одним из основных средств утверждения господствующей культуры, а тем самым и одним из важнейших элементов государственной политики» (Живов 1996, с. 68).

Еще одним языковым индикатором российского социокультурного контекста I половины XVIII века является имя собственное. Имя собственное в понимании старообрядца тоже сакральный знак, языковая форма которого не противопоставляется содержанию, являясь безусловно правильной формой выражения. Для традиционной русской культуры, которая сохраняется в среде старообрядцев, возможно только безусловное (неконвенциональное) восприятие сакрального знака – внеположенное, от нас не зависящее. И здесь конфликт между старообрядцами и новообрядцами в выборе того или иного языкового способа выражения предстает как конфликт между восточной и западной культурной традицией (Успенский 1994, с. 337).

Списки старцев и стариц в «Книге секретных дел Главного заводов правления» 1735–1737 гг. представляют собой обширный антропонимический материал. Изучаемое собрание документов содержит 222 антропонима, из них 109 – антропонимы собственно раскольников, называемых старцами и старицами, (чернецами и черницами, монахами и монахинями); 31 антропоним бельцев (сочувствующих раскольному движению) и 82 антропонима административного состава (статский советник В. Н. Татищев, поручики, писцы, канцеляристы и подканцеляристы, копейцы, майоры, воеводы, солдаты и т.д.). Анализ списков имен показал, что и среди имен выстраивается оппозиция: *раскольники, сочувствующие им* (бельцы) – *административный состав* (противники раскола).

При изучении списков антропонимов старообрядцев становится очевидно, что большая часть их восходит к греко-латинской традиции (*Герина, Феврония, Мавра, Фёкла, Марина, Капитолия, Феодосий, Кирилл, Андрей, Сергей, Антоний* и т.д.), которая преобладает и сегодня. Однако обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из антропонимов восходят к древнееврейскому языку: встречаются такие имена, как *Иона, Иов,*

Иосиф, Иосаф, Иойль, Иоанн, Авраамий, Рахиль. В текстах документов эти имена входят в антропонимическую модель с фамилиями с типично русскими формантами: *Овчинников, Петров, Федоров, Федотов, Филиппов, Козьмин, Мокеева* и др. Примечательно также, что имена *Иоанн* и *Иосиф* у раскольников представлены в своей исконной, церковной форме. Помимо этого, они активно распространены и среди нестарообрядческого населения в своей «обрусевшей» форме – *Иван* и *Осип*. См. в анализируемых реестрах: старец *Иосиф Овчинников* – крестьянин *Осип Панов*; старец *Иоанн* – приказчик *Иван Трубников*; старец *Данил Федоров* – канцелярист *Данило Третьяков* и др. Нередко старцы и старицы упоминаются без «вичей»: только имена и фамилии, старцы – и без фамилий. Аналогичная картина и с именами бельцев: только имена и фамилии, но что характерно – в именнике бельцев нет имен, отсылающих к библейскому контексту.

Конечно, это не случайность, что русским православным раскольникам даются иудейские имена. Они отсылают нас к истокам христианского вероучения. Эти имена оказываются знаковыми для религиозного сознания раскольников, поскольку каждое имя приобретает не просто номинативную функцию, а становится неким знаком, маркером их социального, конфессионального статуса. Антропонимы раскольников отсылают нас к ветхозаветным легендам, к конкретным персонажам. Каждое такое имя обладает своей особенной ценностью, имеет индивидуальное смысловое наполнение и, безусловно, влияет на выбор имени. Так, например, имена – *Иосиф* и *Рахиль* – являются знаковыми в иудейской религии и оказываются знаковыми в православии – у старообрядцев.

Имя *Рахиль* произошло от древнееврейского *rahel*, что значит «*мать-овца, млекопитающая*». В библейских преданиях *Рахиль* – вторая жена патриарха Иакова и мать Иосифа – известна тем, что однажды на нее снизошло божественное провидение: она была наказана бесплодием, однако по прошествии некоторого времени «...Бог отверз утробу ее», и она родила Иакову сына – Иосифа. В связи с этим в Библии имя *Рахили* нередко употребляется как символ праматери израильтян и счастливой и благословенной супруги. После ее смерти Иаков поставил гробницу, которая была хорошо известна многие столетия после того. И до сих пор к ней относятся с большим благоговением как иудеи, так и магометане. Местные арабы собираются сюда для торжественных молитв во время бездождия. Замужние женщины берут отсюда куски камня и носят их во время беременности. Память о *Рахили* сохранилась в ее потомстве и во все последующие времена.

Имя *Иосиф* произошло от древнееврейского *yosef* – «*прибавление, присовокупление*». Наиболее известный библейский *Иосиф* – старший из двух сыновей патриарха Иакова от его жены Рахили. Он был с детства любим родителями за невинность и простосердечие, отец выделял его среди других братьев. Время от времени на *Иосифа* сходило божественное провидение, говорившее ему о том, что его ждет большое будущее. За все это братья невзлюбили его и тайно продали в рабство. После множества перипетий и невзгод *Иосиф* благодаря честности, прямоту и деятельности, а также Божественному промыслу, позволявшему ему мудро разгадывать сновидения, стал правителем Египта. Велика была его вера, которой он руководился всю жизнь; за это он глубоко почитаем иудеями. По мнению отцов церкви, многие обстоятельства из жизни *Иосифа* служили прообразом некоторых событий земной жизни Иисуса Христа.

Библейские легенды обнаруживают, что данные древнееврейские имена принадлежали людям, символизирующим пророческую, творческую, сознательную деятельность. Они связаны с божественным провидением, озарением; их можно назвать «избранными богом». Естественно, такие имена привлекали раскольников не только в своем указании на «богоизбранность» носителя, но и тем, что содержали в себе отсылки к корням старой веры, подчеркивая ее истинность и основательность, *правильность*.

Ветхозаветные имена оказываются знаковыми для религиозного сознания раскольников, поскольку воспринимаются как знак истинной, исконной веры; идеологические истоки христианства связаны с иудейскими, библейскими мотивами. Немаловажно и то обстоятельство, что в данных текстах в реестрах при оформлении

фамилий и имен раскольников, используются графемы кириллицы старого образца – *ук, фита, кси, омега, и десятиричное, ять*.

Как явствует из всей истории послениконовской sprawy, верность греческим формам в языке была внешним выражением верности восточному православию в вере. Грекофильской ориентации церковной культуры противостояла латинофильская ориентация Петра и его приверженцев, прежде всего обнаруживавшая антагонизм по отношению к традиционной культуре и ориентацию на запад. «В графическую основу гражданского шрифта входит... несомненно латинский шрифт антиква» (Шицгал 1985, с. 39–46). Связь гражданского шрифта с латиницей была очевидна современникам и воспринималась именно как заимствование чужестранной модели. Несомненно, что современники воспринимали связь с латинской традицией не только как формальное обстоятельство, но и как непосредственное воплощение культурной политики Петра – его «западничества» и его ненависти к отечественной старине (Живов 1996, с. 81). С петровской эпохи, когда насаждается западная культура, языковой конфликт осмысливается как частный конфликт противопоставления России и Запада, традиций и новаций. Условность языкового знака насаждается сознательно как необходимый элемент просвещенной культуры. Для носителей же традиционной культуры – для старообрядцев прежде всего – условность восприятия языкового знака (то есть изменение его значения в контексте) в принципе не приемлема (Успенский 1994, с. 352).

Таким образом, языковое восприятие раскола в XVIII столетии и в XX–XXI веках различно. В XVIII веке раскол осознается как оппозиционное официальной церкви и власти религиозное течение. Богопротивность и антигосударственность данного явления обуславливают восприятие раскола как ереси и суеверия, поэтому в официальном языке фигурирует именно термин «раскол». В современных исследованиях при изучении данного религиозного течения XVII–XVIII в. используются термины старообрядчество (старообрядцы), староверчество (староверы) и раскол (раскольники). Все они выступают как синонимы, отсылающие друг к другу (см. лексикографическую практику XX–XXI вв.). Заметим также, что старообрядчество в XX веке в оценке историков церкви предстает как религиозно-культурно-бытовое явление, что позволяет изменить понимание данного феномена духовной жизни России только как узко обрядового явления.

Литература

ЖИВОВ, В. М., 1996. *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: школа «Языки русской культуры», 590 с.

Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия архимандрита Никифора, 1891. Санкт-Петербург, 522 с.

ОЖЕГОВ, С. И.; ШВЕДОВА, Н. Ю., 2008. *Толковый словарь русского языка*. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 944 с.

Полный церковно-славянский словарь. 1998. Т. 1-2. (ПЦСЛ), Москва: Терра – Книжный клуб, 560 с.

Словарь пермских памятников письменности XVI – начала XVIII в., 1993–2001. Т.1-6.(СПП). Пермь.

Советский энциклопедический словарь, 1989. Москва: Советская энциклопедия. 1632 с., ил.

Страницы истории земли пермской, 1997. Часть вторая: Прикамье в XVIII – XX вв. Под ред. А. М. Белавина. Пермь: Книжный мир, 174 с.

УСПЕНСКИЙ, Б. А., 1994. *Раскол и культурный конфликт XVII века*. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва: Гнозис, 630 с.

УХТОМСКИЙ, А., 2006. Архиепископ Андрей Уфимский. «Письма о старообрядчестве» (1923–1925 гг.), цитируется по книге Б. П. Кугузова «*Апология старообрядчества*». Взгляд со стороны: старообрядчество глазами нестарообрядцев. Москва, с. 64 – 65.

ШИЦГАЛ, А. Г., 1985. *Русский типографский шрифт*. Москва: Книга, 255 с.

Larisa Belova

Perm State Pedagogical University, Russia

Research interests: history of the Russian language, history of the Russian literary language, sociolinguistics

**DISSIDENCE AS LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON IN THE 18TH CENTURY RUSSIA
(BASED ON BUSINESS CORRESPONDENCE OF THE 1ST HALF OF THE 18TH CENTURY)**

Summary

The article studies the forms of nomination of the Russian Orthodox Church dissidence in the 18th century in business correspondence as a social, linguistic and cultural phenomenon. The official discourse language of the 1st half of the 18th century discloses impartially and with much detail the cultural conflict of the epoch as the conflict between the devotees of the old and new traditions. The language markers of this conflict are specific lexical means and grammar constructions such as the imperative mood forms, words implying threat, naming the dissidents outlaws. The devotees of the old and 'true' religion have their own lexical indexes such as names of people whose origin can be traced to the Old Testament: Rachel, David, Joseph, Abraham, Isaiah, etc. The linguistic and cultural conflict between the old and new traditions is viewed in the article as integral part of the Enlightenment culture of Peter the Great's reign and the subsequent period.

KEY WORDS: dissidence, superstitions, heresy, dissidents, criminals, names from the Old Testament, social and cultural markers, cultural and linguistic conflicts, old, new.

Мария Федурко

*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина
ул. И. Франко 24, 82100 Дрогобыч, Львовская обл., Украина*

Тел.: 0678982290;

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: проблемы словообразовательной морфологии и этнолингвистики

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ

Статья посвящена морфологическому анализу эмоционально маркированной лексики современного украинского языка. Автор, опираясь на сформулированное современными этноцентрическими теориями утверждение о наличии определенных корреляций между структурой национального языка и способами национального мировосприятия и миропонимания, спецификой национального менталитета, устанавливает, как важнейшее свойство украинского национального характера – эмоциональность – отражается в единицах словообразовательного уровня, как морфологические средства языка (чередования гласных и согласных фонем, ударения, количественные преобразования в структуре морфем) поддерживают деривационные потенции словообразовательных морфем в области экспрессивного словообразования. Анализ морфологической структуры эмотивов подтверждает значимость морфологического фактора в формировании словообразовательной структуры этого семантико-стилистического класса лексем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмоциональность, эмоционально-оценочный, экспрессивная лексика, эмотивы, морфология, вокалическое чередование / альтернатива, консонантное чередование / альтернатива, альтернатива ударения, наращивание / усечение морфем.

Детерминированные антропоцентризмом современной науки исследования в области этнопсихологии обосновывают наличие этнически обусловленных нюансов мироосмысления, мироощущения, мирооценки, а в результате – своеобразие национального менталитета и национальной культуры, ср.: «Истинные отличия культуры нации в особом, только ей свойственном наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании и в самобытной их реализации (Костомаров 1999, с. 78). Основной путь постижения этого своеобразия – проникновение в стихию национального языка, ибо «язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении ее к непрерывной культурной традиции соответствующего народа (Морковкин, Морковкина 1997, с. 47-48).

Все исследователи украинского национального характера главнейшей его чертой считают повышенную эмоциональность, хотя по-разному оценивают это свойство украинской души: как позитивное качество, стимулирующее «артистизм украинского духа» (Українська...1992, с. 36), и как свойство отрицательное, препятствующее успешному продвижению этноса по пути общечеловеческого прогресса (Українська ... 1992, с. 37, 56-61). Склоняемся к первой точке зрения, ибо гармоничность человеческой души достигается уравновешиванием в ней рационального и чувственного начал. Не случайно еще Р. Декарт утверждал: «Я – вещь мыслящая, т.е. сомневающаяся, утверждающая, отрицающая, знающая..., любящая, ненавидящая, желающая и нежелающая, представляющая и чувствующая» (Декарт 2000, с. 290). Приняв во внимание утверждение современных лингвокультурологов о наличии системных корреляций между спецификой языка и

особенностями национального мировосприятия, мироощущения, мировидения (Голубовская 2002, с. 47), полагаем, что указанная черта украинского национального характера имеет соответствующее ее статусу представление в национально-языковой картине мира. Многочисленные исследования экспрессивности как семантической суперкатегории подтверждают, что в каждом языке имеются необходимые средства для вербального выражения чувственных интенций носителей языка, связанных с субъективным видением и оценением фрагментов мира, причем значимость эмоционально маркированных единиц языка актуальна только в определенный момент коммуникации, она детерминирована ситуацией речи, интенциями коммуникантов, их взаимоотношениями (Лингвистический ... 1990, с. 591; Бойко 2006, с. 9).

В продолжение всей своей многовековой истории украинский язык выработал многоуровневую систему средств для передачи всевозможнейших оттенков эмоционально-оценочных значений ласкательного и уничижительного спектров. Словообразовательный уровень не представляет в этом плане исключения: множество его аффиксальных морфем, прежде всего суффиксов – это эмоционально маркированные единицы, достаточно полно изученные в аспекте реализации их деривационных потенций (Городенська, Кравченко 1981; Слововір...1979). С участием таких морфем образуются новые лексические единицы в системе всех полнозначных частей речи – имени существительного (*калина – калинонька, трава – травиця, травина, дівчина – дівчинка, дівчинонька, явір – яворонько, син – синок, брат – братик, сонце – сонечко, озеро – озерце, баба – бабище, дід – дідуган*, ср. в предложении: *Розтьохкався соловейко на калиноньці; щось не спиться серед ночі сиротиницьці (П. Грабовський; Хати збігалися до вузенької, мов травина, ріки... (Л. Пономаренко); А ти, старий дідуган, ізгнувся, як дуга... (З пісні)*, имени прилагательного (*синій – синенький, добрий – добрісінський, молодий – молодюсінський, злий – злющий, старий – старезний, чорний – чоренний: Тихесенький вечір на землю спадає (В. Самійленко); Обсяде лихо тебе чоренне – тоді, мій друже, приходь до мене (Р. Лубківський)*), имени числительного (*двоє – двійко: Коло стіни стоять двійко дівчаток (С. Васильченко)*), местоимения (*самий – самісінський, тебе – тебенюк: Опускаюсь на землю, на самісінський глобус капусти (Л.Костенко); Коло тебенюк я, коло тебе (М. Вінграновський)*), наречия (*чисто – чистенько, чистесенько, смирно – смирсенько, смирісінсько, вкупі – вкупці – вкупочці, страшно – страшенно: Як у тебе, бабуся, завжди чистесенько (Є. Кононенко); Ми вкупочці собі росли (Т. Шевченко); Дзвінка страшенно скучила за ним (Н. Зборовська)*). Ласкательные глагольные формы – специфическая черта украинского языка в системе эмотивной лексики (*спати – спатоньки, спатусі, спатусеньки*). В отличие от эмотивов других лексико-грамматических классов, они употребительны в основном в детской речи или в текстах произведений для детей, ср.: *Як доспіє житечко на лану, вийдуть люди жатоньки ярину (О. Олесь)*. Цель нашего исследования – изучить роль морфонологических средств словообразования, то есть средств формальной адаптации деривационных морфем, в языковой репрезентации такой важной черты украинского национального характера, как эмоциональность.

Со времени становления морфонологии как отдельной языковедческой науки «о правилах фонологической реализации структур слова и составляющих его морфем, а также морфов одной морфемы согласно выполняемым морфологическим (грамматическим) функциям» (Кубрякова, Панкрац 1983, с. 10) многократно утверждалось, что морфонологические трансформации – важный посредник на пути продуцирования новых форм: они обеспечивают свободное сцепление морфем в процессах формо- и словообразования (Касевич 1986; Кубрякова, Панкрац 1983; Толстая 1998). Наши наблюдения убеждают: не просто обеспечивают, а делают возможным порождение любого производного слова, которое разрешено семантикой морфем, избранных для деривационного взаимодействия (Федурко 2003, с.).

Морфонологические явления (чередования гласных и согласных фонем, альтернации ударения, количественные преобразования морфем) принадлежат к перечню общеязыковых универсалий, проявляющихся, однако, в каждом из языков своеобразно. В индоевропейских языках, к примеру, чередуются финальные согласные корни / основы, тогда как в африканском языке фула, по наблюдению авторов коллективного труда «Основы африканского языкознания: Морфемика. Морфонология» (Москва, 2000), «не вся морфолого-грамматическая информация располагается от корня: отсутствие префиксации как особого сегментного средства стимулировало функционально значимую систему альтернатив в инициали корня» (Основы ... 2000, с.156). Еще пример. В украинском языке именные основы последовательно консонантны, т. е. содержат в финали согласную морфему или консонантный комплекс – это главная морфонологическая примета всех славянских языков; в языке же питъянтъятра (Австралия) невозможны слова с консонантной основой, поэтому их образование всегда сопряжено с количественным преобразованием основы: она подвергается наращиванию (расширению) за счет присоединения форматива (Лингвистический... 1990, с. 556). Сказанное убеждает: для формирования представления о языке как ключе «к тайнам мыслительного универсума определенной культуры, к познанию способа мышления народа, особенностей менталитета его носителей» (Голубовская 2002, с. 44) важно проследить взаимодействие таких двух языковых универсалий, как категория экспрессивности, с одной стороны, и морфонологическая маркированность форм, – с другой.

Описание морфонологии славянских языков принято начинать с анализа системы вокалических и консонантных альтернатив как активнейшего морфонологического средства. В системе украинского словообразования функционируют вокалические альтернаты двух типов – двучленные: о // і, е // і; і // о, і // е; о // ъ, е // ъ; ъ // о, ъ // е (*дорога – доріжка, береза – берізка; стіл – столик, шість – шестірна; ніготь – нігџтик, нігџтовий, вітер – віџрик, віџрище, віџрисько, віџрило, віџрянний; церкџва – церкџвця, ясџлі – яселка, ясельний*) и многочленные: ъ // е // и // о // і (*бџрати – беру – зџрати – зџір – зџори*) или ъ // о // і // а (*гџнати – гонити – загонити – загін, заганяти*). Первые характеризуют именные корни (основы), вторые – глагольные. В контексте рассматриваемой проблемы важно, что первые (и это последовательно иллюстрируют приведенные примеры) используются экспрессивным словообразованием, а вторые – нет.

Компоненты субстантивной подпарадигмы *ручка, рученька, рученя, ручисько, ручище* I ступени словообразовательного гнезда *рука* (парадигму, напомним, всегда формируют производные одной ступени словообразования от общей основы-мотиватора), позволяют убедиться, что среди субъективно-оценочных суффиксов имеются единицы разного семантического плана: а) с ласкательным и / или уменьшительным значением (деминутивно-мелиоративные) – это, к примеру, *-к-, -ик-, -еньк-, -ок, -очк, -ечк-, -иц(я), -оньк-, -усь, -ус(я), -еньк-, -есеньк-, -юсіньк-, -ісіньк-*; б) с уничижительным и / или увеличительным значением, то есть аугментативно-пейоративные: *-ух, - уг(а), -уган, -иц(е), -иц-, -енн-, -езн-, -елезн-* и др). Доминируют в подпарадигмах производные с деминутивно-мелиоративным значением. Примечательно, что дериваты с указанными суффиксами могут употребляться в противоположной функции – для создания форм с оттенком презрения, уничижения; все зависит как от семантики производящего слова, так и от контекста, в котором употреблено производное слово. Так, семантика слов *вождь, ворог* препятствует соединению их основ с ласкательными суффиксами. Однако в речи такие образования зафиксированы, например: *Цю тему підхопили інші комсомольські вождики і почалося побиття «маленьких грішників» – письменників, робітників журналів «Дніпро» і «Ранок» – 3 газ.; Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці – П. Чубинський*), однако предназначение их в указанных контекстах иное, никак не согласующееся с тем, что предусмотрено системой языка для единиц с деминутивно-мелиоративными суффиксами. Дериваты *вождики, воріженьки* помогают передать

отрицательное отношение говорящего к реалиям, обозначенным указанными эмотивами. В предложении *Вивалені двері лежали геть збоку, на дзвіниці хмарою сиділи дикі голуби і бозна-звідки росла кривенька, худа абрикоса* (Л. Пономаренко) выделенное прилагательное трудно квалифицировать как ласкательное к адъективу *кривий* (Словник 1970, с. 339). С таким толкованием диссонирует семантика последующего прилагательного (*худа*) употребленного, к тому же, в переносном значении – мысль об использовании при определении значения многозначного прилагательного более широкого («в виде целых фраз, синтаксических синтагм, предложений, в которых ключевыми могут быть различные слова») контекста обоснована в труде А. Н. Шрамма (Шрамм 1979, с. 89).

Эмотивные суффиксы – это единицы нетождественной морфонологической структуры, различающиеся составами морфем (единиц, конституирующих морфемы, в противовес фонемам – конститuantам морфов), количеством слогов, акцентологическими свойствами, поэтому производные, образованные с их помощью, морфонологически не всегда совпадают, т.е. компоненты их словообразовательной структуры могут подвергаться нетождественным морфонологическим трансформациям, ср.: *вітер* – *вітерок*, *вітерець* (перемещение ударения с основы на суффикс – схематически А {о-с}) и *вітрик*, *вітронько* (чередование е // ø), *вітрісько*, *вітріще* (чередование е // ø + А {о-с}). Сопоставление словообразовательных пар *брат* – *братик* и *стіл* – *стілик* (і // о) позволяет убедиться в следующем: морфонологическая структура корневых (основных) морфем морфонологически значима, от нее зависит, будут или не будут задействованы в словообразовательном акте механизмы тех или иных преобразований.

Важной характеристикой морфонологических средств украинского словообразования является комплексное их употребление (Федурко 2003, с. 72). При образовании эмотивов чередования гласных, к примеру, могут сочетаться с чередованием ударения: *сестра* – *сестриця* (А {ф-с}) или с чередованием согласных: *жінка* – *жіночка* (ø // о + к // ч); отмечены единицы, структура которых маркирована всеми тремя типами альтернатив – гласных, согласных, ударения: *нога* – *ніжка* (о // і + г // ж + А {ф-о}). Чередование согласных могут самостоятельно маркировать структуру эмотивов: *око* – *очко*, *птаха* – *пташка*, *бідак* – *бідачьо* (*Намучився, бідачьо, набідився зі мною, – що й казати!* – Л. Різник) и во взаимодействии с чередованием ударения: *звір* – *зві[р'у]ка*, *худий* – *ху[д'у]щий* (д // д' + чередование ударения), при этом надо иметь в виду, что характер альтернативы ударения детерминирован типом суффикса – аутоакцентный (*злодій* – *зло[д'у]га*, *ніжний* – *ніжнісенький*, *довгий* – *довжелізний*), преакцентный (*сиротá* – *сирітка*), постацентный (Лингвистический 1990, с. 25). С альтернативой ударения может взаимодействовать трансформация усечения основы производящего слова (*гривня* – *гривák*), иногда в сочетании с чередованием консонантов: *куртка* – *куртяк*.

Для адекватного выражения различных эмоциональных состояний носителей языка нередко используются редуцированные (удвоенные) аффиксы, например: *чобіт* – *чобіток* – *чобіточок*, *сокіл* – *соколик* – *соколичок*, *ягода* – *ягідка* – *ягідонька*, *верба* – *вербичка* – *вербиченька*, *криниця* – *криничка* – *криниченька*, см. в тексте: *І ось легенький, мов пушинки, сніжечок звільна пролітає* (Я. Камінський); *Зелена вербиченька у полі шуміла* (Я. Щоголів). Образование такого типа эмоционально окрашенных дериватов в составе каждой из приведенных словообразовательных цепочек детерминировано некоей стертостью коннотативных признаков в семантической структуре производящих. Оно сопряжено с применением нетождественных морфонологических трансформаций, ибо морфонологические признаки компонентов их словообразовательных структур не совпадают. Так, формирование морфонологической структуры дериватов *чобіточок*, *соколичок*, мотивированных производными лексемами на -ок, происходит путем активирования механизмов

морфонологической позиции переходного смягчения – чередование к // ч морфонологического типа С // Ї (как и в словообразовательных парах *байка – баечка, сміх – смішок, сніг – сніжок*). Напротив, в паре *ягідка – ягідонька* присоединение суффикса *-оньк-* вызывает иной тип морфонологического преобразования – усечение финали основы производящего, точнее суффикса I ступени словообразования *-к-*, то же наблюдаем и при образовании существительных *вербиченька, криниченька* из *вербичка, криничка*.

Однако не всегда элизированный элемент в составе эмоционально окрашенных слов – суффикс. Им может быть часть суффикса или сегмент, в системе украинского языка такого статуса не имеющий. Это касается прежде всего тех случаев, когда в роли производящих выступают иноязычные слова. В разговорном стиле речи, порой в публицистическом, а также в художественных текстах такие производные – довольно активное явление, например: *фізіономія – фізія, професіонал – профі, мерседес – мерс, шампанське – шампано, мажоритарник – мажор* (*Ковзнув поглядом по його фізії – З. Легкий*); *Очевидно, Ігор Кондратюк, заручившись підтримкою нових профі від шоубізнесу, трансформує «Шанс» – Із газети*); *А Петро, сердега, сіпнувся, як ужалений, та мало не відкромсав праве крило шикарного «мерса» із задимленими шибками; І далі не з тим, аби тут знову кретині-аристократи пили шампана, грали фербля чи тарока – Л. Різник*). Усечение может выступать в паре с аффиксацией, например: *банальний – баналюк* (*Не повірить Іван Веселовський, що Юрко Кацаб прийшов плести баналюки – Л. Різник*). Важно подчеркнуть, что приведенные образования (и все с ними сходные) – экспрессивно маркированные единицы, содержащие, наряду с оттенком разговорности, сему уничижительности. Среди них также имеются лексемы редуцированного типа. Например, разговорное *мерсюга*, дериват II ступени (*мерседес – мерс – мерсюга*). Его экспрессивность усиливает суффикс *-уг(а)*, присоединение которого сопровождается морфонологической альтернативой типа С // С', наблюдаемая и перед суффиксами *-ук(а), -ак(а)*: *сатана – сатанюка, скотина – скотиняка, гарбуз – гарбузяка* (*Може, зустрінуть там сатанюку – Д. Павличко*), поскольку твердые консонанты в этой позиции почти невозможны (ср. *пес – псюга, вітер – вітрюга, кабан – кабанюга, кат – катюга, наймит – наймитюга*, но *дід – дідуга*). Согласные, не образующие коррелятивных пар по твердости / мягкости, подвергаются переходному смягчению: *собака – собацюга, кулак – кулацюга, сволоч – сволоцюга, друг – друзяка*. В случае мотивации пейоративов указанного типа словообразовательно вторичными лексемами возможно включение механизмов морфонологической операции усечения, идущей впереди чередования: *п'яниця – п'янюга, бандит – бандюга*. Суффиксы *-уг(а), -ук(а), -ак(а)* – аутоакцентны, поэтому важной составной морфонологического экскорта их словообразовательного употребления выступает альтернатива ударения (*пан – панюга, звір – звірюка, залізо – залізяка*).

Подчас усечение сопряжено с образованием таких производных, которые не должны восприниматься как экспрессивно маркированные, однако они таковыми есть, возможно, в силу необычности того явления, которое называет мотивирующее слово, ср.: *боди-білдинг – бодибілдер* (*Бодибілдер повинен харчуватися п'ять разів на день – Телеканал 1+1, 16.04.03*). Производное *вороности*, маркированное лишь чередованием ударения, – с того же ряда: *Безліч за нами йшло вороности* (*Д. Павличко*).

Экспрессивность свойственна многим сложным словам, в которых сжатость эмотивно-оценочных итогов органически сочетается с семантической многоплановостью, меткостью, свежестью и яркостью выражений. Экспрессивы, образованные путем слово- и основосложения, обнаруживают связи с метафорическими словосочетаниями, трансформированными или свернутыми (т. е. образованными путем компрессии) устойчивыми словосочетаниями – это особенно ярко подтверждают индивидуально-авторские образования, отмеченные в художественной речи. Так, поэтический окказионализм И. Гуцака *новоріч* (*Наче*

цвіт черешні, білий цвіт на кронах нагинає гілля, світить в новоріч. На Різдво Христове в голубих півтонах завітає в сад цей біла, біла ніч) – яркое подтверждение этой мысли. Но интересен он также в морфонолого-словообразовательном плане, ибо его создание – это, с одной стороны, акт реанимации словообразовательной модели «субстантивно-атрибутивное словосочетание → сложное наречие», где процесс сложения основ обеспечивает морфонологическая альтернатива переходного смягчения к // ч (ср. с функционально тождественным чередованием г // ж в словообразовательной паре *босі ноги – босоніж*), а с другой, – подтверждение того факта, что понятие «непродуктивная словообразовательная модель» – относительно и исторически изменчиво: единицы словообразования, как и система языка в целом, «всегда готовы» к удовлетворению всевозможнейших нужд его носителей. Иными словами, даже самые архаичные и непродуктивные словообразовательные модели способны активизировать свои механизмы в ответ на речевые запросы языкового сообщества, и морфонологические средства языка поддерживают эти процессы, если планы выражения накладывают определенные ограничения на сочетание словообразовательных морфем.

Все изложенное позволяет убедиться в том, что словообразовательный уровень языка обладает богатым корпусом средств, прежде всего деривационных аффиксов, для лингвистического выражения чувственности как важнейшего свойства украинского национального характера и что морфонологические трансформации выступают активной составляющей их деривационного взаимодействия со всеми лексико-грамматическими типами основ: в принципе они делают возможной комбинацию любых подходящих друг другу по семантическим признакам словообразовательных морфем.

Литература

- БОЙКО, Н. І., 2006. Українська експресивна лексика: проблеми семантики і функціонування. *Автореф. дис. ... д-ра філол. наук*: 10.02.01. Київ: НАН України. Ін-т укр. мови, 36 с.
- ГОЛУБОВСКАЯ, И. А., 2002. *Этнические особенности языковых картин мира*: Монография. Київ: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 293 с.
- ГОРОДЕНСЬКА, К. Г., КРАВЧЕНКО, М. В., 1981. *Словотвірна структура слова: відіменні деривати*. Київ: Наук. думка, 199 с.
- ДЕКАРТ, Р., 2000. *Метафізичні роздуми*. З. Борисюк, О. Жупанський (пер. з фр.). Київ: МП «Юніверс», 304 с.
- КАСЕВИЧ, В. Б., 1986. *Морфонология*. Ленинград: изд-во ЛГУ, 180 с.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1999. Русский язык в современном диалоге культур. *Русский язык за рубежом*. № 3, с. 77-85.
- КУБРЯКОВА, Е. С.; ПАНКРАЦ, Ю. Г., 1983. *Морфонология в описании языков*. Москва: Наука, 119 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990. Гл. ред. В. И. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 558 с.
- МОРКОВКИН, В. В.; МОРКОВКИНА А. В., 1997. Язык как проводник и носитель знания. *Русский язык за рубежом*. № 1-2, с. 44-53.
- Основы африканского языкознания: морфемика*. Морфонология, 2000. Под ред. В. А. Виноградова. Москва: Восточная литература, 319 с.
- Словник української мови*: В 11 тт, т. 4, 1973. Київ: Наук. думка, 840 с.
- Словотвір сучасної української мови*, 1979. Київ: Наук. думка, 405 с.
- ТОЛСТАЯ, С. М., 1998. *Морфонология в структуре славянских языков*. Москва: ИНДРИК, 318 с.
- Українська душа*, 1992. Київ
- ФЕДУРКО, М. Ю., 2003. *Морфонологія відіменникового словотворення*. Київ-Дрогобич: Вимір, 86 с.
- ШРАММ, А. Н., 1977. *Очерки по семантике качественных прилагательных*. Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та, 134 с.

Maria Fedurko.

Drohobych Pedagogical University named after I. Franko, Ukraine

Research interests: problems of word-building morphonology and ethnolinguistics

**EMOTIONALITY IN THE STRUCTURE OF THE UKRAINIAN NATIONAL CHARACTER
IN THE CONTEXT OF WORD-BUILDING MORPHONOLOGY**

Summary

The article is devoted to the morphological analysis of emotionally marked lexicon in the Ukrainian language. The author, basing the analysis on modern ethnocentric theories of the existence of certain correlations between the structure of the national language and the way of world perception and understanding of the world, establishes emotionality as a specific trait of Ukrainian character. It is reflected in terms of the word-building level, as morphological means of language (the alternation of vowels and consonants, stress, quantitative changes in the structure of morphemes) support the derivational potentialities of word-building morphemes of expressive word-building. The analysis of the morphological structure of emotives confirms the importance of morphological factor in the formation of the structure of this semantic-stylistic class of lexemes.

KEY WORDS: emotionality, emotional evaluative, expressive words, morphology, vowel gradation/alternation, interchange of consonants/alternation, stress, accretion/truncation of morphemes.

Галина Филь, Ирина Патен

Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко

ул. И. Франко 24; 82100 Дрогобыч, Львовская обл., Украина

Тел.: 0982844189;

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: культурно-национальный компонент фразеологических единиц славянских языков; стилистика и конотация украинских фразеологизмов.

КОМПОНЕНТЫ-КВАЛИФИКАТОРЫ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье проанализирована семантика тематических групп фразеологических единиц украинского языка с компонентами-квалификаторами, которые выступают этнокультурными маркерами в языковой картине мира; подчеркнута, что аппарат символов как структурных компонентов устойчивых сочетаний разнообразный; отмечено, что словесная символика фразеологических единиц является носителем этнокультурной информации и отражает материальную и духовную жизнь украинского народа – общественные взаимоотношения прошлых эпох, занятия людей, их производственную деятельность, нравы, обычаи, верования, быт, мораль, семейные отношения, морально-этические оценки, психическое и физическое состояние человека; показано, что фразеологические единицы со словами-символами могут образовывать синонимические ряды, а также вступать в антонимические отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологические единицы, устойчивые сочетания, слова-символы, компоненты-квалификаторы, символическая основа, лексема-компонент, этнокультурные маркеры, структурные компоненты, символическое значение, словесная символика, языковая картина мира.

Теории символа берут начало в античности. Аристотель, например, трактовал символ как знак, смыслом которого является некий знак другого рода или иного языка; этот знак – средство передачи плана выражения (адекватного или метафорического) в план содержания, значения. Эти значения ясны, понятны, поддаются классификации.

Символика, подчеркивает М. Дмитренко, – понятие общечеловеческое и национально-специфическое, этногенетическое. Исследование именно последнего аспекта символики чрезвычайно актуально, особенно – всестороннее изучение первоначальной символической системы и ее эволюции в генетически архаических тысячелетних этносов. Именно такой и является украинская система символического отображения мира. Она принадлежит к древнейшим и богатым системам традиционной культуры на планете (Словарь символов 1997, с.7).

Символы (или квалификаторы, т.е. компоненты, которые усиливают признак, увеличивают интенсивность) толкуют на бытовом, философском, эстетическом, психологическом, а также и на лингвистическом уровне. Понимание символа и символики имеет собственную специфику и во фразеологии.

Именно в компонентах-квалификаторах, которые являются основой фразеологических единиц, отражается материальная и духовная жизнь украинского народа – общественные взаимоотношения прошлых эпох, занятия людей, их производственная деятельность, быт, мораль, семейные отношения, а также естественная среда, в которой жил и живет украинский народ, своеобразие растительного и животного мира (Демский 1994, с. 38).

Фразеологические контексты, отмечает В. Кононенко, открывают значительные возможности для познания взаимодействия символа и метафоры, символического и метафорического значений, а на этой основе и факторов структурирования внутренней формы фразеологических единиц (Кононенко 1991, с. 31).

Образно-символическое содержание приобретают прежде названия для обозначения явлений и предметов повседневной жизни, отражающие предметы окружающей среды, быта, культуры, традиции и обычаи, наконец, и мировоззрение, образ мышления украинцев. Образно-символическое значение передают слова, связанные с народными представлениями о добре и зле, достоинстве и подлости, приличном и неприличном, и другими морально-этическими нормами (Кононенко 2008, с. 171).

В центре нашего исследования фразеологические единицы украинского языка – носители этнокультурной информации. Проанализировав их семантическую структуру, мы выявили в них компоненты-квалификаторы – те языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению особенности того или иного этноса (нравы, обычаи, верования, морально-этические оценки, социальные отношения, психическое и физическое состояние человека) – все, что участвовало и участвует в формировании культурных кодов, что определяет менталитет народа.

Компонентами-квалификаторами в структуре фразеологических единиц украинского языка выступают общеупотребительные слова – названия атмосферных явлений (*дощ, хмара, туман*), названия птиц (*сокіл, голуб, зозуля, орел, беркут, лебідь, сова, сорока*), небесных светил (*місяць, зірка, сонце*), названия растений (*гарбуз, часник, конопля, мак, гречка*), названия деревьев (*дуб, явір, ясен, верба, тополя*), названия животных (*вівця, баран, осел, віл, заєць, вовк, ведмідь*), названия предметов быта (*писанка, рушник*) и др. Согласно этому, украинские фразеологические единицы с компонентами-квалификаторами, которые выступают этнокультурными маркерами в языковой картине мира, условно можно подразделить на тематические группы.

I. Фразеологические единицы с компонентами-квалификаторами, обозначающими предметы.

Лесные и лесостепные районы Украины были удобной базой для развития пчеловодства. Мед натуральный и в переработанном виде играл важную роль в питании и лечении людей, поэтому в семантической структуре значительной части украинских устойчивых сочетаний употребляется лексема *мед (медовий)*, символизирующая нечто «очень приятное, вызывающее удовольствие»: *як медом по губах* «очень приятное что-либо кому-то»: – *Яке ж тут кепкування? Хіба я неправду говорив? Тим більше, що Якиму Івановичу все це мов медом по губах. Для чого ж позбавляти людину того, що її так тішити?* (Ю. Збанацький); *обливати солодким медом* «говорить что-то очень приятное кому-нибудь», *медовий місяць* «начало супружеской жизни», *медовые дни* «счастливое время, лучшее время в чем-то», но нередко с дополнительным наслоением «слишком много сладкого, неискреннего и т.п.»: *с медом на устах* «который неискренне говорит кому-то приятные вещи, льстивый, неискренний»: *Завідуючий був старий лис, з медом на вустах, якого, проте, радили мені стерегтися* (С. Васильченко).

Издавна лексема *рушник* символизировала не только родной дом, доброжелательность, уважение, эстетические вкусы украинцев, но и чистоту чувств, залог счастья, хорошую супружескую жизнь в таких фразеологических единицах *сватати на рушник* «взяти шлюб, одружитися», *вернутися з рушниками* «заст. засватати дівчину», *брати рушники* «заст. сватати, свататися», *готувати рушники, рушники тчуться* «дівчина готується заміж»: *Без любистку, заговорів – силою тільки власного язика вона не раз і не два зводила до купи роз'єднані серденька, становила на рушнику навіть дітей кровних ворогів* (Л. Яновська); *Вернулися люде [люди] з рушниками... Таку кралю висватали. Що хоч за гетьмана, то не сором* (Т. Шевченко); – *Чого ж більше думати? Присилай [Василю] у вівторок, післязавтра, людей, бери рушники* (Г. Квітка-Основ'яненко); – *Он до тебе восени придуть старости. Готуй рушники* (І. Нечуй-Левицький); *Всі на мене залицялись і сватати стали; а у мене, як на тес, й рушники вже ткались* (Т. Шевченко).

Лексема *поріг* вербализирует одну из частей жилья – наряду с другими и связывается с оппозициями «свой / чужой» «внутренний / внешний»: свой (хороший, приемлемый, положительный, желаемый): *батьківські пороги, і на поріг не пускати* «т.е.

не пускати на свій поріг», **показати на поріг** (кому), **не переступити поріг** (мой, наш) – и чужой (плохой, другой, нежелательный, отрицательно окрашенный, социально другой): **высокие пороги** (у кого, чьи), **оббивати пороги** (чьи). **Хата** – символ родины, родной земли, уюта, защиты: **держатися хати, сміття з хати не виносити**, как единица интенсивности воздействия через пространственное измерение: **галасувати на всю хату, чадити на цілу хату; піч** – символ нерушимости семьи, святости, народной обрядности, родного дома: **вигріватися на печі, танцювати від печі; ворота** – символ надежной охраны от зловредных сил: **зачинити ворота, ні в тин ні в ворота**.

В древности дом и все его элементы (окно, ворота, порог, печь, сундук, стол) имели символическое значение (Ужченко 2007, с. 320).

В составе фразеологических единиц образ **вітру** выступает символом глупости, пустоты, неопределенности, расточительства, гибели и т. п., как правило, с отрицательной оценкой: **вітер у голові** (*грає, віє, свище, посвистує*) «про несерйозну людину»: *Ні, такі діти не беруть близько до серця її турбот про рідне гніздо. Одне мале, а друге молоде, ще вітер посвистує в їхніх головах* (М. Стельмах); **кидати слова на вітер** «говорити пусте»; **гроші на вітер пускати** «марно витрачати гроші»; **по вітру тримати носа** «вміти пристосуватися до обставин»; **шукати (доганяти) вітра в полі** «даремна праця»; **за хвіст та на вітер** «засудити, позбавити прав»; **як вітром здуло** «раптово зникнути»; **не тим вітром повіяло** «змінилися обставини»; **од вітру хилитися** «бути слабким»; **піти за вітром (по вітру)** «пропасти»; **пустити за вітром** «спалити, знищити»; **розвіяти з вітром** «спалити» (Кононенко 1991, с. 35).

Символическое значение (символ мужской красоты, достоинства) приобрела и лексема-компонент фразеологических единиц **чуб** (*чуприна*). Образное «видение» **чуба** (*чуприни*), очевидно, связано с обычаем казаков выращивать длинного чуба: **нагріти (погріти) чуба** «тратить много сил и энергии, выполняя тяжелую работу»; **нам'яти чуба** «наказать кого-нибудь»; **рвати на собі чуба** «быть в большом отчаянии»; **аж чуби тріщать** «кого-либо бьют, наказывают, ругают» (Кононенко 1991, с. 34).

Лексема-компонент **ніс** в составе фразеологических единиц украинского языка символизирует человеческую гордость, нескромность, высокомерие: **дерти носа** «надменно вести себя, зазнаваться»; **не бачити далі свого власного носа** «быть эгоистом, беспокоиться только о себе»; **за ніс водити** «обманывать кого-либо, не выполняя обещанного или скрывая что-то»; **втерти носа** «показать или доказать свое превосходство над кем-нибудь».

II. Фразеологические единицы с растительной символикой.

На формирование растительной символики древних украинцев, как отмечает В. Кононенко, повлияли геопсихические факторы, обусловленные проживанием значительной части населения в лесостепной и лесной зонах, что нашло отражение в характерологических чертах, национальном менталитете (Кононенко 2008, с. 173). Так, например, значительную группу в украинском языке составляют фразеологические единицы со словами-символами для обозначения распространенных на Украине растений. Лексема **гарбуз** в составе фразеологических единиц украинского языка символизирует отказ во время сватовства: **давати гарбуза, годувати гарбузами**: *Дівчині вже вісімнадцять минуло, а вона й досі женихів гарбузами годує* (М. Стельмах).

Символом тяжелой, неприятной, плохой (горькой) жизни выступает лексема **осина**. Так называемые «**осиновые**» фразеологические сочетания В. Ужченко объединяет в три тематические группы:

а) различные виды злых пожеланий: **нехай йому осина; нехай йому осичина! на осину б його!;**

б) представленные в литературном языке и диалектах фразеологические единицы, символическая основа которых связана с образом пробитого осиновым колом: **забити осиковий кілок, прибити осиковим кілком, вгатити осиковий кілок** «покончить с чем-нибудь, убить» (когда-то по обычаю пробивали в могиле осиновым колом всех самоубийц,

ведьм, упырей, колдунов, чтобы они не могли подняться): *В наш проект вбили осиковий кілок* (З розмовного);

в) разноструктурные «осиновые» сравнения, передающие особое волнение, робость, испуг: *дрожати як лист на осиці, труситися як осичина, тремтить як осиковий лист, тремтить як лист на осичині, як (мов, ніби) осика на вітрі*: Гнат затремтів увесь, як осика на вітрі (М. Коцюбинський): (причину этого ботаники объясняют просто: осиновые листья имеют длинные хвостики и особую форму, а потому чувствительны к малейшему дуновению ветра; однако народная фантазия соединила этот факт с христианской легендой, будто именно на осине повесился мифический Иуда, и потому дерево дрожит со страху; по другой версии, на осиновом кресте распяли Иисуса – следовательно оно трясется от стыда) (Ужченко 1990, с. 134-135).

Лексема *терен* во фразеологизме *дорога терном поросла* символизирует препятствие, сложность, страдание: *Була я щаслива, але терном поросла моя дорога до того щастя* (І. Нечуй-Левицький). На основе восприятия терна как препятствия, трудностей развилось понятие *тернистий шлях, тернисті стежки* – «сложности в жизни, связанные со значительными препятствиями»: *Твоїми говоритиму устами До всіх народів і до всіх віків, Твоїми я тернистими стежками Вестиму своїх вибраних братів* (І. Франко); *Неможливо повернутися, піти або поїхати куди-небудь чи досягти чогось бажаного. Була я щаслива, але терном поросла моя дорога до того щастя* (І. Нечуй-Левицький); *Поглянь назад. Ти бачиш шлях тернистий* (Л. Забашта); *Трагізм особистого життя часто вплітається в терновий вінок життя народного* (М. Коцюбинський).

Слово-понятие *билина (билинка)* приобретает в устойчивых сочетаниях символ одиночества, хрупкости, оторванности от семьи, родных, любимых. Впечатление от одиночества былины (былинки) усиливается благодаря сочетанию слова с пространственным определением *в поле (як билина в полі)*: *Хазяйка наша була удовиця... Розкажує та й розкажує, та все про своє лихо, що весь рід її звівся, що сама вона в світі зосталась, як билина в полі* (М. Вовчок).

Во фразеологических единицах *проганяти на гречку* «выражать свое недовольство, ругая кого-либо, заставлять делать так, как нужно»; *стрибати (скакати) в гречку* «изменять жене (мужу), иметь внебрачные связи» выражаются действия аморальные (гречку считали признаком бедности и невзгод).

Значительную группу составляют украинские фразеологические единицы, связанные с цветением и приготовлением мака: *вскокочити у мак* «не так, как надо, сказать или сделать что-нибудь», *як мак начетверо* – со сл. *бедный* «употребляется для усиления указанного слова; очень, чрезвычайно», *як маків цвіт* «хороший, красивый», *на макове зерно* «очень мало, немного», *давати дулю з маком* «абсолютно ничего», *з медом та маком* «льстиво, неискренне», *задати перцю з маком* «наносить хлопот, донимать кому-либо», *не з маком* «кому-либо тяжело, плохо», *сісти маком* «попасть в затруднительное, безвыходное положение», *вискочити як козак з маку* «неуместно, несвоевременно сказать что-либо», *як маку, як за гріш маку* «очень много» (Филь 2007, с. 198). Мак, особенно неспелый, воспринимается как символ глупости: *наїстися маку* обозначает «сойти с ума, обалдеть»; *мак росте (цвіте) в голові* «кто-нибудь молодой, неопытный, глупый».

Образ-символ *реп'ях* в сочетании с глаголами *придраться, приставать, придирается* усиливает оттенок недовольства, даже раздражение (*приставати реп'яхом, приставати мов (як, наче) реп'ях, липнути як реп'ях*): *Пізніше, правда, вже не покрикував (інженер), зате чіплявся, як реп'ях до штанів* (М. Тарновський).

III. Фразеологические единицы с орнитологической символикой.

Обращение к миру птиц как источник знаний об окружающей среде относится к временам мифологических представлений о преобразовании птиц в людей. Так, отдельную группу составляют фразеологические единицы со словами-символами на обозначение названий птиц. Лексема *сорока* символизирует болтливость, самопохвальбу в устойчивом выражении *сорока на хвості (на крилі) принесла* «кому-нибудь стало известно о чем-то

(при нежелании сообщать источник информации)»: – *Оце сорока на хвості принесла, що ви збираєтесь переселятись* (М. Стельмах); *як (мов, ніби) сорока на хвості розносить/рознесла* «швидко поширюються якісь чутки»: *По Веселій, мов сорока на хвості розносить щоразу, яка там цього вечора юшка заварювалась... і які клались приправи* (О. Гончар); символом любви выступает лексема *голуб* во фразеологизме *як голубки* – з сл. *жити* «у повній злагоді, дуже дружно»: *А подивись, як Бондаренко панькається тепер з своєю молодогою жінкою. Наче ті голубки живуть* (Л. Яновська).

Слова *комар* или *горобець* выступают квалификаторами чего-то незначительного, малого (малого количества), слабого, низкого, что отражается во многих фразеологических единицах украинского языка, которые возникли на их основе: *як комар наплакав, з комареву ніжечку* «трохи, дуже мало», *з комарів носок, на комариному салі, жарт. «пісний, немащений», горобцеві по коліна* «мілко» або «про низьку на зріст людину»: – *Далі не заходь, туди не забродь, тільки ось тут і хлюпочись на мілкому, де горобцю по коліна...* (О. Гончар).

Древнее символическое значение проявляется в группе фразеологизмов со стержневым компонентом *крило*: *брати під своє крило* «брать кого-то под свою заштиту» (т.е. защищать от злой судьбы); *вирости крила в кого* «кто-то почувствовал прилив сил для больших свершений, т.е. предполагает, что судьба ему улыбнется»; *немов (мов, наче) на крилах* – не только «очень быстро», но и «чувствуя подъем духовных сил», т.е. надеяться на прихильність судьбы; *під крилом* «под заштитой»; *підрізати крила кому* «обессилить кого-либо»; *розправляти крила* «начинать действовать в полную силу, т.е. идти навстречу судьбе».

IV. Фразеологические единицы с анималистической символикой.

На создании языковой картины мира существенно сказались народные представления о перевоплощении людей в животных, обусловленные традиционным сопоставлением поведения человека и животного. Украинский, как и другие индоевропейские языки, усвоив общую систему образов-символов мира природы, одновременно внесли в их интерпретацию собственный национально-культурный компонент, в частности через выявление новых особенностей поведения, характера животных.

Самыми распространенными в национальном видении образы хищных и домашних животных, как отмечает В. Кононенко, становятся фиксированными носителями определенной человеческой черты (преимущественно отрицательной): волк – кровожадности, лиса – хитрости, заяц – трусости, медведь – силы, неповоротливости, вол – терпения, овца – покорности, теленок – наивности и т.д. Именно на основе традиционных взглядов на животных как олицетворение человеческих черт и свойств развились символические значения слов – названий животных, как правило, достаточно широкого семантического набора (Кононенко 2008, с. 194).

Волк издавна служил символом коварства, опасности, неприязни, кровожадности, враждебности: *дивитися / глянути вовком* «проявлять неприязненное, враждебное отношение к кому-либо»: *Тетяна читала про голову там і про кооперацію... Цього вони не подарують. І так вовками дивляться* (А. Головка); *вовчка як не годуй* «оставлять неизменными плохие привычки». Это значение, отмечает В. Кононенко, ослабляется или трансформируется в другие, но при этом не теряется стержневое понятие «жестокость», «враждебность»: *впіймати вовка за хвоста* «обнаружить ловкость», *про вовка промовка, а вовк у хату* «пришел тот, о ком говорили» и т. п. Оценка в основном резко отрицательная. Этот же образ в заимствованных фразеологических единицах может приобретать дополнительные признаки: ср.: *вовк в овечій шкурі* – символ лицемерия, где, однако, сохраняется представление о волке как носителе черт жестокости, кровожадности (Кононенко 1991, с. 36).

Для носителей украинского языка образ *зайця* в устойчивых выражениях *заяча душа, заяче серце* символизирует трусость, страх (во многих народов Африки заяц является

символом мудрости и проворности) (Онкович 1994, с. 31), а лис (лисиця) – хитрость (*старий лис (стара лисиця)* – «пренебр. коварный, злой человек»; *лисом витися (звиватися, крутиться, викручуватися)* «ухаживать за кем-нибудь, т.е. проявлять свою хитрую, коварную удачу»; *дивитися лисицею (а думати вовком)*; *Лис Микита*; *хитрий як лис*; *підшитий лисом* и др.: *В серці її все аж кипіло від гніву. В таку мить цей старий лис... тікає від роботи!* (В. Собко); *Тільки одна Докія бачить та знає Катрине горе, вона єдина може її втішати і заспокоювати. Але вони [чумаки] і на неї вже вовком дивляться* (В. Кучер).

Микрополе с общим значением «домашнее животное» охватывает значительный по объему языковой материал, который довольно часто подвергается символизации, ведь ежедневное наблюдение за поведением лошади, коровы, быка, собаки, свиньи, овцы, барана, ягненка, козы, козла и т.п. и сравнение их с поведением, привычками и особенностями людей открывало возможности для персонификации, а через нее – для постепенного развития в слове-образе символического значения.

Осознание *коня* как боевой силы находим в устойчивых сочетаниях литературного происхождения *бути на коні* «победить, чувствовать себя хорошо» и *бути під конем* «потерпеть поражение, неудачу».

Козел (цап) упрямый, глупый, неуклюжий, прожорливый: *як з козла (цапа) молока* «о чем-то бесполезном, лишнем, каком-то хламе»; *пускати цапа в капусту, пускати цапа город стерегти* – «делать что-то такое, что принесет только беду»: *Як подивлюсь на хист теперішніх людців, На витребеньки їх ... Та що з ними мороки... Яка пожива з їх?.. Як з цапа молока* (П. Гулак-Артемівський).

Образ *барана* во фразеологических единицах *як баран на нові ворота* – со сл. *дивитись* «не понимая, растерянно, удивленно», *як баран в аптеці* – со сл. *розбиратися, розумітися* «употребляется для выражения полного отрицания смысла слова», *стадо баранів* «толпа, слепо, бездумно идет вслед за кем-либо» является символом тупости: *Розбирається, як баран в аптеці (Українське прислів'я)*; – *Геть від мене! – гримнула [Зуйка] на чоловіків. – Чого повитріщалися, як барани на нові ворота? Не бачили мене зроду* (А. Шиян); – *Я хотів запитати, тобто хотів би знати, хто дав право нещасному доповідачеві... називати його [народ] стадом баранів* (І. Вільде).

В устойчивых сочетаниях украинского языка *собака* воспринимается как олицетворение отрицательных черт: *злий, як собака* «очень злой»; *боятися, як скаженого собаки* «очень боятся»; *голодний, як собака* «очень голодный»; *дивитися, як собака на висівки* «смотрит очень внимательно»; *присохне як на собаці* «легко заживет»; *ні за собаку пропасти* «даром пропасть»; *на пси сходити*; *дражнити собак* «раздражать кого-либо»; *вішати собак* «знеславить»; *жити, як кіт із собакою* «враждовать». Собака как носитель черт верности, преданности употребляется (значительно реже) во фразеологизме *як вірний собака* и имеет значение «очень преданный, предупредительный»: *Колісник пихтів, одтихався, а вона як навісна, то одскакувала від його, то прискакуючи, горнулася, мов вірна собака* (П. Мирний).

Компонент-квалификатор *риба* отождествляется с понятиями «вялый», «молчаливый», характеризует человека безвольного и бесхарактерного. Это значение слова рыба нашло отражение в ряде устойчивых сочетаний: *ні риба ні м'ясо* «безвольный, бесхарактерный, никакой»; *мовчати як риба* «не говорит ни слова»: *Тепер я бачу, через що «Правда» притягає до себе все-таки чимало людей, – через те, що на світі ... страх багато тих людей, що мовляли Ви, ні риба, ні м'ясо, а треба ж їм десь подітись* (Л. Українка); *Та що ж тепер казати? Мовчу, як риба* (І. Микитенко).

Гадюка (гадина, змія) воспринимается украинцами прежде всего как символ зла, подлости, коварства, враждебности. Символическое значение этого слова нашло отражение во фразеологизме *гадюку вигодувати (коло серця)* «воспитать злого, неблагодарного человека». Слово-понятие *вуж* обозначает хитрость, унижение и в устойчивом выражении *крутився вужем* употребляется для создания отрицательной оценочной характеристики.

Отрицательное отношение к мухе как к надоедливому, язвительному, неприятному насекомому отразилось во фразеологизме **крутиться як муха в окропі** «сується», **яка муха вкусила; муха сіла на ніс** «кто-либо не в духе, нервничает»; **як (мов, ніби) муха (мухи) в спасівку (спасівчана муха)** «кто-нибудь злой, язвительный»: **мухи в носі грають** «кто-либо надменный, напыщенный»: *І сьогодні з голови Терентія майже цілий день не виходила циганська скрипка. Вона драгувала його, мов спасівчана муха, вона ж і грала йому, наче на весілля* (М. Стельмах).

Слова-символы (*вовк – вівця, вовк – коза, вовк – ягня*) и построенные на их основе фразеологические единицы могут образовывать зоосемические синонимические ряды, а также вступать в антонимические отношения, где первый компонент олицетворяет хищника, а второй – беззащитность, слабость: **жалує як вовк вівцю; боїться як вовк кози; вчепився як вовк до ягнят; і вовки ситі, і кози цілі** (Ужченко 2007, с. 356): *Всі драпіжники аж легше відітхнули, почувши таку царську мову [про конституцію]. Дух у них уступив, хоч і не знали це, як властиво цар [Лев] міркує з тою конституцією поступити, щоб і Вовки були ситі, і Кози цілі* (І. Франко). Как видим, слова-символы, как компоненты фразеологических единиц вступают в системные отношения.

Анализ фразеологического материала свидетельствует, что аппарат символов как структурно-семантических компонентов фразеологических единиц украинского языка является разнообразным, слова-квалификаторы выступают этнокультурными маркерами языковой картины мира.

Литература:

- ДЕМСЬКИЙ, М. 1994. *Українські фраземи й особливості їх творення*. Львів: Просвіта, 62 с.
- КОНОНЕНКО, В. І., 1991. Словесні символи в семантичній структурі фраземи. *Мовознавство*, № 6, с. 30-36.
- КОНОНЕНКО, В., 2008. *Українська лінгвокультурологія*. Київ.: Вища школа., 327 с.
- ОНКОВИЧ, Г., 1994. Фразеологізми як національно-культурний компонент українознавства. *Дивослово*, № 9, с. 12-16.
- Словник символів, 1997. Потапенко О. І., Дмитренко М. К., Кожуховська Л. П. та ін. Київ: Редакція часопису «Народознавство», 155 с.
- ФІЛЬ, Г., 2007. Країнознавча цінність фразеологізмів як мовних знаків національної культури. *Sbornik prispěvku z mezinárodní konference "Přeměně národu slovanských III"*. Ostrava, с. 193-202.
- Фразеологічний словник української мови, 1993. Укладачі В. М. Білоноженко та ін, т.1, Київ: Наукова думка, 528 с.
- Фразеологічний словник української мови, 1993. Укладачі В. М. Білоноженко та ін, т.2, Київ: Наукова думка, 980 с.
- УЖЧЕНКО, В. Д.; АВКСЕНТЬЄВ, Л. Г., 1990. *Українська фразеологія*. Харків: Основа, 167 с.
- УЖЧЕНКО, В. Д.; УЖЧЕНКО, Д. В., 2007. *Фразеологія сучасної української мови*. Київ: Знання., 494 с.

Halyna Fil', Iryna Paten

Drohobych Pedagogical University named after I. Franko, Ukraine

Research interests: cultural and national components of phraseological units in the Slavic languages, stylistics and connotation of Ukrainian phraseological units.

COMPONENTS-QUALIFIERS IN THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS ETHNIC AND CULTURAL MARKERS IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Summary

The article analyses the semantics of thematic groups of phraseological units of the Ukrainian language with the components-qualifiers that serve as ethnic and cultural markers in the linguistic picture of the world. It is stressed that the system of characters as structural components of stable combinations is diverse. It is also noted that verbal symbols of phraseological units are the bearers of ethno-cultural information and reflect material and spiritual life of Ukrainian people – public relations of the past ages, activities of people, as well as their production activities, habits, customs, beliefs, way of life, morality, family relationships, moral and ethical evaluation, mental and physical condition of the person. The analysis shows that phraseological units with words-symbols can form a series of synonyms as well as a series of antonyms.

KEY WORDS: phraseological units, stable combinations, words-symbols, components-qualifiers, symbolic framework, lexeme-component, ethnic and cultural markers, structural components, symbolic and verbal symbols, the linguistic picture of the world.

Жанна Глотова

Российский государственный университет им. И. Канта, Россия

ул. А. Невского 14, 236041 Калининград, Россия

Тел. +79062394791

Эл. почта: glotova_hanna@mail.ru

Научные интересы: проблемы языковой толерантности в мировом пространстве, формирование иноязычной профессиональной компетентности.

ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В заявленном сообщении предметом научного рассмотрения является формирование языковой толерантности в условиях поликультурного пространства. Узловым компонентом выступает термин «толерантность», который по-разному трактуется в различных научных областях. Рассмотрены общефилософские и социокультурные вопросы толерантности, предложены теоретико-методологические подходы к созданию психолого-педагогического анализа этой темы. В настоящей статье мы акцентируем внимание на тех аспектах понятия «толерантность», которые непосредственно характеризуют именно языковую толерантность в поликультурном образовательном пространстве. Подчеркивается актуальность значимости толерантности в мировом образовательном пространстве. Представлена структура языковой толерантности по блокам, описаны структурные составляющие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность, языковая толерантность, образовательное пространство, межкультурное взаимодействие.

На современном этапе развития общества вследствие обострения межнациональных отношений, этнических конфликтов, усиления религиозно-нравственных противоречий остро проявилась необходимость переосмысления взаимоотношений в государственном, социальном, личностном аспектах.

Неспособность вести диалог, отсутствие гибкости, неразвитость толерантного мышления, несовершенство регулятивно-организаторских, управленческих, коммуникативных навыков с позиции толерантного взаимодействия, умений саморегуляции в процессе общения, невладения способами разрешения напряженных, конфликтных ситуаций ведут к снижению эффективности образовательного процесса.

Значимость явления толерантности в обществе привела к провозглашению важнейшей стратегической задачей образования XXI века воспитание толерантности в человеческих отношениях, формирование менталитета толерантности. В современных условиях ускорения ритма жизни, многократного увеличения потока обезличенной, нередко негативной информации, практически повсеместно проявляемого насилия, часто абсолютно не мотивированного, одна из целей образования заключается в способствовании укреплению стабильного жизнеспособного общества, а эта жизнеспособность и стабильность в современную эпоху невозможны без проявления терпимости. Формирование толерантности является необходимым условием в длительном процессе мироздания, которое должно осуществляться, в первую очередь, в сфере образования, так как оно наряду с семьей закладывает фундаментальные основы восприятия мира и окружающей среды личностью и взаимодействия с ними.

В последнее время проблемой толерантности занимаются особенно активно. Рассматриваемая проблема, является животрепещущей не только для нашей российской действительности, но и для всего мира. Феномен толерантности привлекает все чаще внимание философов, социологов, психологов, политиков и, конечно, педагогов. Формирование такого качества, как толерантность не является сегодня роскошью, а скорее

настоятельной необходимостью в коммуникационных процессах на межличностном, межкультурном, межэтническом уровнях.

Неслучайно президентом РФ Дмитрием Медведевым было одобрено предложение о проведении 1 сентября уроков толерантности. Неслучайно уже в начальной школе появились учебники по толерантности, поскольку школа с первого класса должна показать ребенку, что он личность, и что рядом с ним такая же личность.

Сама идея толерантности восходит к истории философской мысли относительно нетерпимости к разным религиозным конфессиям (Дж. Локк, П. Бейль). Корни вопроса ведут к творческому наследию известного просветителя Мари Франсуа Аруэ (Вольтер), который опубликовал в 1763 году трактат, посвященный толерантности. Он разработал парадигму толерантности как разновидности общечеловеческой добродетели, способной сыграть важную роль в борьбе с религиозной нетерпимостью.

Рассматривая философскую основу понятия толерантности, Владислав Лекторский предлагает четыре возможных способа понимания толерантности:

– толерантность как безразличие – подобное понимание он считает исторически первым и классическим. Речь идет о тех мнениях, истинность которых не может быть доказана (религиозные убеждения, мировоззренческие установки, специфические ценности разных культур, этнические верования и т. д.);

– толерантность как невозможность взаимопонимания. Терпимость в данном случае выступает как уважение к другому, которого нельзя понять и с которым нельзя взаимодействовать.

– толерантность как снисхождение. Данное понимание трактует привилегированное положение своей собственной культуры, а все иные оцениваются как слабые. Однако вступать в критическую дискуссию с человеком иных взглядов не имеет смысла.

– терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог. «Согласно этому пониманию существует не только соревнование разных культур и ценностных систем, разных философских взглядов и принципиальных теоретических каркасов, в ходе которого они пытаются показать свои преимущества и сходят со сцены, если не могут это сделать. В действительности каждая культура, ценностная и познавательная система не только вступают в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть опыт другой системы, расширяя тем самым горизонт своего собственного опыта. Этот факт истории культуры и истории познания. Самые интересные идеи в истории философии и науки возникали как раз при столкновении и взаимной критике разных концептуальных каркасов, разных интеллектуальных парадигм» (Лекторский 2000).

В общем, философское понимание толерантности сводится к «качеству, характеризующему отношение к другому человеку как к равнодостоинной личности и выражающемуся в социальном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что ознаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другими, призвание и уважение его прав на отличие» (Степин 2001, с. 75-76).

В более широком смысле – как терпимость и уважение ко всему «инакому» - трактуют толерантность сторонники социокультурного подхода. Относительно различий в культуре С. Г. Тер-Минасова отмечает две простые истины: «во-первых, мы очень разные, мы видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас разные представления о мире и людях, разные системы ценностей, разные нормы поведения, то есть разные культуры; во-вторых, все мы без исключения живем в счастливой уверенности, что только наша культура – единственно правильная, возможная и нормальная. Именно это и называется научно – этноцентризм» (Тер-Минасова 2007, с. 49). В этом автор видит причину невидимости культурного барьера, культурных конфликтов, шоков и войн. И главным советом по вопросу воспитания толерантности к чужим культурам выводит пословицу «О вкусах не спорят», соотнеся это со всеми без исключения аспектами системы ценностей у различных культурных общностей.

Свою интерпретацию проблемы толерантности дает профессор А. Г. Асмолов. Он говорит о том, что «...толерантность заложена в эволюционный процесс как искусство компромисса, как принцип взаимодействия, должно не навредить виду в целом, как (если перейти к социальной среде) искусство понимания иного. Не обязательно бросаться в объятия друг другу, но человек не должен впасть и в ярмо самоуничтожения» (Асмолов 2001, с. 33). Он говорит о необходимости научиться принимать толерантность как обязательную социальную норму.

В качестве обобщающего определения толерантности можно привести трактовку «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 июня 1995 года: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония многообразия».

Особенно актуальна значимость толерантности в образовательном пространстве как идеала межличностного взаимодействия. Сегодня наблюдается некая конфликтность образовательной системы, где толерантность может выступать инструментом предупреждения и разрешения конфликта. С другой стороны, в связи с интеграцией России в мировое образовательное пространство актуализируется важность диалога на основе принятия, уважения и толерантности. Изучение и преподавание иностранного языка и культур различных стран предопределяет нахождение преподавателя иностранного языка в системе двух культур, отражающих особенности мировоззрения и ценностей родной и иноязычной стран, переживание смены перспектив при рассмотрении культуры своей страны с позиции иноязычного общества и наоборот. Так, системы культур перестают существовать в сознании отдельно друг от друга, они взаимопроникают и обогащаются в процессе диалога. Априорная терпимость к иной системе ценностей, основанная на изначальной мотивации к изучению языка и культуры другой страны, лежит в основе формирования языковой толерантности.

Ментальный характер толерантности предопределяет реакции субъектов на определенные ситуации, при этом областями проявления толерантности выступают речь (интонационное оформление – фонетический уровень, подбор слов и грамматических средств для адекватного выражения мысли – лексико-грамматический уровень); отношения (мотивация к тому или иному типу отношений, ценностный характер отношения); поведение (диалогичность, неконфликтность). Вместе с тем, анализ существующих в культуре и обыденном сознании способов видения мира и представлений людей показывает, что практически любая нация ориентирована на приоритетную значимость толерантности и на уровне социума, и на уровне повседневной жизни.

Таким образом, наблюдается существенное множество определений различных аспектов толерантности. Само понятие охватывает практически все стороны жизнедеятельности человека, поскольку общение двух противоположностей не конструктивно без толерантного восприятия «другого». В этом плане важно говорить именно о языковой толерантности. Ведь язык – это доминантный признак этноса; именно через языковую идентичность проецируется осознание принадлежности человека к тому или иному национальному сообществу. В виду первенства языковой составляющей в дихотомии язык – этнос и представляется необходимым говорить о языковой толерантности. Хотя в различного рода исследованиях этот термин приобретает расхожее толкование.

К примеру, в автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Южаковой Ю. В. читаем следующее: «Языковая толерантность является языковым преломлением аналогичных категорий философии, этики, психологии и, следовательно, заимствует их характеристики. ... Языковая толерантность является продуктом взаимодействия негативной или нейтральной интенции адресанта и общего

принципа толерантности (комплекса языковых и речеповеденческих норм, требующего отношения к «чужому» как к «равнодостоинному»).

Иными словами, на глубинном уровне высказывания имеется языковая агрессия адресанта или просто негативная оценка, которая в результате воздействия языковых и речеповеденческих норм трансформируется в высказывание, соответствующее этим нормам. Данные трансформации представляют собой приемы языковой толерантности, т.е. приемы актуализации принципа толерантности средствами языка. Прагматическая задача языковой толерантности заключается в ретушировании инструментальной языковой агрессии или смягчении негативной оценки объекта высказывания (Южакова 2007, с. 13). В данном контексте мы пользуемся интерпретацией языковой толерантности как некоего прикладного механизма выражения нейтральной интенции говорящего по отношению к определенной языковой агрессии.

Сафонова Ю. А. и Лейчик В. М. в несколько другом преломлении дают понятие языковой толерантности в статье «Ошибка ошибке рознь». Рассматривая проблему «чистоты» языка, они актуализируют вопрос не о состоянии русского языка, а вопрос о носителе этого языка. Главной проблемой авторы считают носителя языка, его культуру, в том числе и языковую. В связи с чем и заявляют: «Не настало ли время объявить о языковой толерантности (толерантность для нас – это умение признать точку зрения другого, даже не разделяя ее), перестав бесконечно указывать на языковую несостоятельность тех или иных высказываний. Сегодня едва ли не каждый журнал считает обязательным иметь страничку, на которой публикуются очевидные ляпсусы и языковые ошибки государственных деятелей». Данная точка зрения на природу языковой толерантности уместна в тех случаях, когда речь идет о языковой компетентности носителя одного языка. Рассматривать же билингвизм под таким углом зрения представляется не вполне обоснованным.

В последнем ключе, причем значительно раньше – в 90-х годах XX века, проблему языковой толерантности представил исследователь В. П. Нерознак. В различных работах он дает анализ этноязыковой ситуации в России в постсоветский период. Именно во время так называемого «парада суверенитетов» и реализуется идея саморазвития самобытной культуры народа, его языка. Проблема языковой толерантности становится необходимой установкой. При этом формирование межкультурного и межнационального консенсуса в полиэтничном обществе, по словам В. П. Нерознака, наряду с другими ее видами (идеологическая, религиозная, сословная, классовая), связано с такой категорией этики и культуры как языковая толерантность. Толерантность по отношению к чужому языку, менталитету, иной культуре – не врожденное, а благоприобретенное чувство, порождающееся в результате контактов национальных языков и культур, в преодолении конфликтов, через культурное взаимодействие и культурный компромисс (Нерознак 1991, с. 13). В последующем автор определяет языковую толерантность как высшую степень культурного и языкового самосознания, выражающуюся в таком же высоком уважении к иному языку, как к своему родному (Нерознак 1994, с. 27). Также он отмечает, что «воспитание языковой толерантности в каждом из нас и повсеместное ее распространение в практике межнационального общения – это участие в становлении новой этической категории, обретающей характер и значение глобальной общечеловеческой ценности».

Существует ряд методических разработок и учебных пособий, посвященных изучению механизмов воспитания толерантности. На наш взгляд, при написании подобного рода исследований необходимо исходить из постановки следующих задач формирования языковой толерантности:

- расширение представлений о языковом многообразии в России и в мире, об основах межкультурного диалога;
- воспитание позитивного отношения к языковым различиям, к людям, говорящим на разным языках;
- диагностика личного уровня языковой толерантности и интолерантности, а также коррекция собственного уровня владения тем или иным языком;

- развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия носителями различных языков;
- использование потенциала родного языка в воспитательной работе, а также в процессе изучения другого языка.

Таким образом, конечным результатом реализации подобных программ должны стать личностные преобразования, заключающиеся в толерантном отношении друг к другу. И если исходить из обобщенного понимания толерантности как признания и уважения чего-то или кого-то другого, то трактовка языковой толерантности В. П. Нерознака представляется нам наиболее приемлемой. Именно в правильном понимании состоятельности другого языка во всех сферах его функционирования, в проявлении уважения к другому языку, а через него и к носителю языка, заключается смысловая доминанта понятия «языковая толерантность».

В заключение приведем структуру языковой толерантности по блокам.

Когнитивный компонент	<ul style="list-style-type: none"> – знание о сути толерантности – знания о способах проявления толерантности и их специфике в стране изучаемого иностранного языка – знания стратегий взаимодействия и общения на основе принятия и ненасилия – знания о способах предупреждения конфликтов и эффективных стратегиях выхода их конфликта – удовлетворенность получаемыми знаниями
Ценностно-мотивационный компонент	<ul style="list-style-type: none"> – интерес к общению и взаимодействию на основе принятия и ненасилия – потребность в контактах на основе принятия и ненасилия – потребность в проявлении себя как толерантной личности – принятие идей толерантности как общечеловеческой, личностной ценности – принятие идей языковой толерантности как профессиональной ценности
Поведенческий компонент	<ul style="list-style-type: none"> – умение взаимодействовать – умение сотрудничать – умение проявлять оптимальную коммуникабельность и диалогичность – эмпатийность – умение находить способы предупреждения и разрешения конфликтов

Овладение знаниями о сути толерантности, способах ее проявления и их специфике в стране изучаемого языка составляет первый этап формирования языковой толерантности. Знание стратегий взаимодействия и общения на основе принятия и ненасилия предполагают, что в дальнейшей практической деятельности субъект сможет организовать ситуацию взаимодействия, применяя адекватные приемы общения и реализуя внутренние резервы партнера по общению, что будет способствовать достижению психологического комфорта в общении (умение понять позицию другого, эмпатийность, владение средствами невербального общения, децентрация, владение приемами риторики, использование организаторских приемов воздействия, умение владеть различными ролями как средством предупреждения конфликтов, комплементарность, комплиментарность, получение обратной связи). Знания о способах предупреждения конфликтов и эффективных стратегиях выхода из него способствуют развитию самоанализа и предупреждения развития конфликтных ситуаций, а при необходимости – корректировки своего поведения.

Ценностное отношение человека к миру обусловлено спецификой человеческого сознания, способного противопоставить себе реальность как объект. Значимость ценностного подхода обуславливается не только его содержательной стороной, но и переживанием акта оценивания, когда ценность становится ориентиром жизнедеятельности человека. Принятие идей толерантности как основной общечеловеческой ценности для

реализации прав человека и достижения согласия и трансформация их в личностную ценность в процессе осуществления профессиональной деятельности будут способствовать формированию менталитета толерантности не только на индивидуальном, но и на общественном и даже цивилизационном уровне.

Сотрудничество как принцип толерантного взаимодействия проявляется в виде создания атмосферы положительного эмоционального отношения и восприятия, взаимопонимания, проникновения в духовный мир друг друга, ощущения сопричастности и значимости, в которой каждый имеет право на свою личную гипотезу и возможность критиковать или поддерживать мысль другого, в результате чего преодолеваются инертность и стереотипы, приобретение новых знаний становится активным, эмоционально значимым и ценным.

Стремление к согласованности позиций с целью позитивного решения проблемы, активность диалога, выражение солидарности, соединение целей и задач, коллективный анализ хода и результатов деятельности способствуют достижению отношений сотрудничества и продуктивному решению поставленных совместно задач. Вместе с тем, возникают объективные трудности: в процессе деятельности возникает информационное, когнитивное, эмоциональное, коммуникативное давление, происходит неблагоприятное экстремальное воздействие.

Эмпатийность как способность к проникновению в эмоциональное состояние другого человека основана на эмоциональной чувствительности, гибкости, интуитивности ума. Особыми формами данной способности являются сопереживание, сочувствие. В качестве проникновения эмпатия представляет собой механизм взаимопонимания, через который информация, поступающая от партнера по коммуникации, не только осмысливается, сколько прочувствуется, позволяет создать атмосферу психологического комфорта, доверительности. Что способствует эффективности общения и взаимодействия.

Литература

ЛЕКТОРСКИЙ, В. О., 2000. *О толерантности, плюрализме и критицизме* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infocity-u.com/ru>

Новая философская энциклопедия, 2001. 4 тома, ин-т философии РАН, нац. общ.-науч. фонд; науч.-ред. Совет, Москва: Мысль.

ТЕР-МИНАСОВА, С. Г., 2007. *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики*. Учеб. пособие, гл. 2, Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 268 с.

АСМОЛОВ, А. Г., 2001. Мы обречены на толерантность. *Семья и школа*. № 11-12, с. 32-35.

Декларация принципов толерантности, 1995. Утв. рез. 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru>

ЮЖАКОВА, Ю. В., 2007. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: из-во Челябинского университета, 25 с.

САФОНОВА, Ю. А., ЛЕЙЧИК, В. М., 2007. *Ошибка ошибке рознь* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru>

НЕРОЗНАК, В. П., 1991. Языковая толерантность и культура межнационального общения. *Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР*. Тезисы докладов. Махачкала, с. 12-13.

НЕРОЗНАК, В. П., 1994. Современная этноязыковая ситуация в России. *Известия РАН, серия литературы и языка*, т. 53, № 2, с. 16-28.

Žana Glotova

I. Kant State University of Russia

Research interests: Problems of language tolerance in world space, formation of professional competence speaking another language.

LANGUAGE TOLERANCE IN INTERCULTURAL INTERACTION

Summary

The focus of scientific consideration in this article is the formation of language tolerance in the conditions of polycultural space. The central component is the term "tolerance" which is differently treated in various scientific areas.

The article dwells on philosophical, social and cultural tolerance questions. Theoretical-methodological approaches to the creation of the psychological and pedagogical analysis of this theme are offered. In the present article we focus attention on those aspects of the concept "tolerance" which directly characterize language tolerance in polycultural educational space.

The urgency of the importance of tolerance in global educational space is underlined. The structure of language tolerance is presented in blocks and structural components are described.

Conclusions are drawn on necessity of the formation of language tolerance within the limits of studies, and also in daily situations.

KEY WORDS: tolerance, language tolerance, educational space, intercultural interaction.

Алла Камалова

Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша

ул. Курта Обица 1, Ольштын, Польша

Тел.: 0048896776891

Эл. почта: aaka46@rambler.ru

Научные интересы: лексическая семантика, историческая стилистика, лингвокультурология, лексикография, философия языка.

КТО И ПОЧЕМУ ПЛАЧЕТ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ (лингвокультурологическое исследование)

Лирическая песня выполняет особую функцию: описывает чувства, настроения, характеры стереотипных героев, ей свойственна обобщенность, она отражает эмоциональный опыт народа. Ситуация 'плач' частотна для народной лирической песни. Проведенное исследование выявило стереотипы, характерные для ситуации плача. В народной песне в качестве частотной причины женского плача выступает расставание с любимым, с родителями, одиночество; для мужчины таковыми являются разлука с любимой, оскорбление. Выявлен также фольклорный словарь, вербализующий эмоциональный опыт. Можно говорить о закреплении в лирической песне культурно значимых смыслов со значением 'плач' и их типичную вербализацию. В русской лирической песне субъект плача – имя женщины (76) или мужчины (28). Результаты исследования могут быть полезны для теории и практики этнолингвистики, лингвокультурологии, а также эколлингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, лирическая песня, культура, эмоции, стереотипы.

Фольклорные тексты – один из важнейших источников этнолингвистических и лингвокультурологических знаний. И если обращение к сказкам, поверьям, заговорам, малым фольклорным жанрам стало для лингвистов традиционным, то тексты народной лирической песни привлекаются к исследованию достаточно редко. Русская народная лирическая песня отвечает всем свойствам фольклорного текста, но отличается от других жанров тем, что отражает эмоциональный опыт народа.

«Замечено, – пишет А. Т. Хроленко, – что нет ни одного переживания, которое доступно для одного этноса и недоступно для другого, поскольку эмоции универсальны, а вот словарь эмотивной лексики, вербализующей эмоциональный опыт, в разных языках различен. Это различие обусловлено национальным характером и культурой» (Хроленко 2007). Представляется, однако, что национально обусловленной является не только вербализация эмоций, но также причины и проявление эмоций, а также сам способ выражения. Так, например, замечено, что для русской ментальности характерно именно вербальное выражение эмоций, а «эмоциональная температура» русского текста выше, чем в других славянских языках (Вежицкая 1997, с. 55).

Обратимся к тому, что в русском языке именуется *плач*. На интуитивном уровне плач в сознании носителей языка представляет собой некую стереотипную ситуацию. В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, понимается как ментальный шаблон, который взаимодействует с «наивной картиной мира». По мнению В.А. Масловой, «принадлежность к конкретной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра значения, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому стереотипы считаются прецедентными именами в культуре» (Маслова 2001, с. 110). Таким образом, стереотип – это такое явление языка и речи, которое позволяет хранить и трансформировать некоторые доминантные компоненты данной культуры.

Плач – это ситуация, предполагающая наличие субъекта и определенные сценарные компоненты: причину, вызвавшую соответствующую реакцию, характерные явления и паттерны (специфические звуки, жесты, мимику и под.). Однако нас интересует ситуация

денотативная, т. е. семантическое соответствие реальности (референтов). При этом система денотативных ситуаций конкретного языка может носить идиоэтнический характер, так как тому, что в данном языке предстает как одна ситуация, в другом этому может соответствовать сочетание из двух и более ситуаций.

Цель исследования – описать денотативные ситуации со значением ‘плач’, выявленные в текстах русских народных лирических песен. При этом избирается следующее направление в описании плача: онтология → семантика → ономазиология, а именно: от ситуаций к выявлению значений (смыслов) и далее к описанию их языковых способов выражения в русских народных лирических песнях.

Выбор источника исследования продиктован двумя причинами. Во-первых, русские народные лирические песни национально специфичны, а во-вторых, главное их назначение – не отражение жизненных событий, бытовых сцен и фактов, а передача всевозможных мыслей, чувств и настроений: они предельно эмоциональны. См. также (Пропп 2001, с. 276; Кравцов 1974, с. 7; Лазутин 1990, с. 38). Мы обратились к лирическим песням, которые были собраны в XIX веке П. И. Якушкиным и вошли в первый том Собрания народных песен П. В. Киреевского (Собрание народных песен 1983).

При сборе материала учитывались контексты, в которых функционируют слова с корнем *плач-* и его синонимы или соответствующие ситуации представлены описательно.

Анализ денотативных ситуаций проводится с опорой на приемы и методы, апробированные нами на предикатах состояния (Камалова 1998). Денотативные ситуации со значением ‘плач’ квалифицируются как составные единицы типовых структур – поверхностно-синтаксической, поверхностно-семантической, тематической, повествовательной.

Поверхностно-синтаксической структуре соответствуют, как правило, прототипические ситуации, закрепленные за определенными структурно-синтаксическими конструкциями; конкретные речевые формулы заполняются предикатами, находящимися в концептуальных связях с прототипом.

Анализ поверхностно-семантической структуры выявляет лексемы, «привязанные к действию»: квалификаторы, следствия, цели, попутные эффекты; за счет включения дополнительных смыслов происходит уточнение ситуации, обогащение сцены деталями; это дает возможность слушающему создать образ или представление о теме высказывания. На этом уровне осуществляет «приближение» к действительности.

Тематическая структура связана с топиком и включает разнообразные события (сцены), объединяемые общей темой, позволяет установить ассоциативные связи предикатов на базе сценарных отношений. Тематический фрейм призван обосновать периферийные реляции лексико-семантических групп.

Структура повествования – это скелет формы типичных текстов, позволяющий сконструировать полную тематическую структуру. Структура повествования включают описания событий, ситуаций, намерений и могут быть весьма информативны для установления ассоциативных связей предикатов и выявления фоновых знаний.

Изучение денотативных ситуаций со значением ‘плач’ проводится «шагами», каждый из которых опирается на парадигму – формулу, отражающую знания различного порядка: онтологического, философского, лингвистического.

Шаг 1. На этом этапе выделяется предмет мысли и мысль о предмете. Задача – изучить и проанализировать все произведения Собрания народных песен П.В. Киреевского (том 1) на предмет жанрово-тематической характеристики. Данное собрание включает 616 текстов, из которых 472 – лирические песни. В результате анализа было выявлено 111 песен, включающих 118 контекстов, соотносимых с ситуацией ‘плач’.

Шаг 2. Он выявляет онтологическую основу мыслительных и речемыслительных действий, реальную основу существования вещи и ее свойств в конкретных модусах проявления.

Ситуация 'плач' в свернутом виде содержится в семантике слов *плакать* и *плач*, что отражается в словарных дефинициях, например: «проливать слезы, обычно издавая жалобные голосовые звуки» (см.: Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также Малый толковый словарь русского языка В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной). В физиологии и психологии плач характеризуется как реакция на определенные эмоции, которые сопровождаются специфическими движениями лицевой мускулатуры, особым выражением глаз, характерными позами и движениями конечностей. В соответствии с семантическими компонентами денотата 'плач' слова *плакать* и *плач* развивают следующие ассоциативные связи: (1) *плакать* → *слезы* → *глаза* → *платок*; (2) *плакать* → *звуки* → *рот*; (3) *плакать* → *движения* → *тело (спина, руки, плечи, голова, лицо)*.

Поскольку плач – это реакция на разного рода внешние и внутренние воздействия, данная ситуация является единицей сложного сценария, включающего другие ситуации, которые квалифицируются как психические и физиологические состояния, личные и социальные отношения, различные события. В результате устанавливаются следующие связи 'испытывать боль' – 'плакать', 'горевать' – 'плакать', 'разлука' – 'плакать' и под. Однако плач может пониматься как базовая ситуация по отношению к 'вздрагивать', 'вытирать слезы', 'вздыхать' и под. Эти факты отражаются в языковых структурах. «Языковые структуры не только взаимодействуют друг с другом, но пересекаются и переплетаются со структурами логическими, эмоциональными, эстетическими и т.д. Это получает отражение в вербальных способах передачи знаний о мире» (Камалова 1998, с. 110). Осветить эту проблему позволяет следующий шаг.

Шаг 3. В данном случае выявляются языковые знания, отражающие характерные ситуации со значением 'плач' и зафиксированные в народных лирических песнях способы их выражения и описания. Этот исследовательский шаг направлен на изучение контекстов в соответствии с типовыми структурами, выше обозначенными фреймами.

Поверхностно-синтаксическая структура. Анализ высказываний, содержащих ситуации со значением 'плач', выявил 10 синтаксических конструкций, которые используются в народной лирической песне для описания данной ситуации.

Прямое выражение ситуации фиксируется в следующей конструкции –

(1) X плачет:

*А старый-то душечка заплакал пошел,
А новой-то душечка заорал, засвистал* (с. 42).

В контекстах данная конструкция реализуется с помощью однокоренных глаголов – *плачется, заплакал, восплакал, расплакался, всплакнул, (усплакнул)*, семантическая структура которых включает различные дополнительные компоненты, указывающие на способ действия.

(2) X рыдает.

В контекстах употребляются глаголы *возрыдает, зарыдають*.

А грешные зарыдають (с. 137).

(3) X плачь (не плачь):

– *Поплачь по мне, матушка,
Потужи, сударь-батюшка!* (с. 45);
Ты ня плачь, ня плачь, красная девушка! (с. 206).

Косвенное выражение ситуации опирается на основной атрибут плача – слезы:

(4) X льет слезы.

В конкретных высказываниях предикат выражается устойчивыми глагольно-именными сочетаниями *слезы лить, слезы ронить, слезы проливает, заливаётся слезами, слезами льется, слезами обливает* (что-либо), *утирает слезы*.

Да в ворот – ворот, у воротичках стоит милый друг,

Горючу слезу, слезу льет об сударке своей (с. 60).

(5) У X заплаканы глаза (слезные очи):

С чего в Машеньки заплаканы глаза?

У лебедушки затерты рукава (с. 47).

(6) Слезы льются у X (качаются, выкатываются):

*Мне ни терпица, слезы катютца,
Слезы катютца, замуж хочица* (с. 262).

(7) Что-либо в слезах:

*Биз тебе, мой друг, постеля холодна,
Вазгаловьецо патанула вы слязах* (с. 199).

Следующие конструкции реализуют сценарий, в котором ситуация со значением 'плач' взаимодействует с другими ситуациями, соотносимыми с различными сферами человека и окружающей средой.

(8) X делает что-либо со слезами.

Данная ситуация описывается с помощью сочетаний *молиться со слезами, молвить во слезах* и под:

*Он и так-то молился со слезами,
Умолял он у господа бога* (с. 138).

(9) X стоит плача (совместимые ситуации):

Пиряд ними-то стоить, стоить красная девушка, она слезно плача (с. 206).

(10) X слышит (не слышит) плач.

В песнях в данных конструкциях функционируют существительные *плаканье* и *рыданье*:

*Не услышу тогда ни плаканья, ни рыданья,
Ни зубного скрыжитанья* (с. 234)

Большинство конструкций отражают одну из важных особенностей ситуаций плача – наличие конкретного субъекта. Однако в некоторых контекстах семантический субъект не представлен синтаксически (о безличных конструкциях):

*Мне не терпица, слезы катютца,
Слезы катютца, замуж хочица* (с. 262).
*Выкатайтесь, слезы, с глаз,
Нам топеря не до вас...* (с. 57).

Отметим, что некоторые контексты содержат комплексное описание ситуации плача – используется прямое её выражение и указание на атрибуты плача. Например:

*Тужить, плачить девушка,
Заливацца слизьми* (с. 170);
*Где скончалась, разлучалась, слёзно плакала по нём,
Слёзно плакала, рыдала, со слёз речка протекла* (с. 127).

Таким образом, данный фрейм выявил следующие характерные признаки ситуации: наличие субъекта, компоненты денотативной ситуации 'плач', основные синтаксические формулы выражения состояния и их лексико-семантическую наполняемость.

Поверхностно-семантическая структура.

Как было отмечено выше, для ситуации со значением 'плач' характерно наличие субъекта. Поэтому анализ данной структуры направлен на конкретизацию субъекта: «Кто плачет?».

В качестве субъекта в текстах песен выступают

(1) имя женщины (76 употреблений), в том числе: термины родства – *мать, матушка, дочка, жона, сестрица*; имена, указывающие на социальное положение, – *полковница, генеральша*; имена-характеристики, традиционные для фольклорных текстов, – *красная девушка, красавица, раскрасавушка, молодушка, желтая баба, девчоночка красная*; имена собственные – *Машенька (Маша), Маврушенька, Лукерьюшка, Настасья, Авдотья Ивановна, Параня, Катерина, Палагевна, Танька, Марья, Евга*, например:

*Всплакнула девушка в неволи:
– Выкупи меня, матушка, из неволи!* (с. 66);
*Усплакнула да Настасья,
По новым сеньям ходючи* (с. 77);

(2) имя мужчины (28): термины родства – *сын, брат, батюшка, муж, отец*; имена, указывающие на социальное положение, – *писарь, солдат, князь, казак, сын царев, полковой сержант, царевич*; имена-характеристики – *душечка, добрый молодец, милый друг, молодой юнуш, любезный, миленький, мальчик, зладей, милинькай*; имена собственные – *Викторушка, Орхимиан, Астахвей, Николай, Василий*:

Пошел убогий брат, слезно заплакал (с. 134);

Викторушка в окно смотрит,

Сам слезами льется (с. 74),

(3) имена, называющие группу лиц, – *грешные, чада*:

Начнуть грешныи слезно – горько плакати... (с. 232);

Чада вы мои! Горька восплачите,

Об страшном вы суде помышляйте... (с. 233).

Использование конкретных имен для обозначения субъектов плача встречается в 96-ти песнях из 111-ти; в остальных (15-ти) субъектом плача является сам рассказчик. В этих песнях повествование ведется от первого лица, а субъект обозначается личным местоимением. Отметим, что в ряде случаев восстановление имени субъекта плача возможно из контекста, по смыслу. Например:

Выкатайтесь, слезы, с глаз,

Нам топеря не до вас –

Разлучиться пришел час.

Я у батюшки, у матушки

Одна дочка была... (с. 57)

Поверхностно-семантическая структура позволяет выявить способы конкретизации ситуации со значением 'плач', она осуществляется в двух направлениях.

Во-первых, постоянные эпитеты характеризуют внешнее проявление ситуации – слезы.

(1) *слезно плакать* (из 73-х употреблений глагола *плакать*, в данном сочетании он функционирует 21 раз):

Да удовушкин обычай не дивичий:

Она постелюшку стелит, сама слезно плачет (с. 42);

(2) *слезнешенько плакать* (1):

Да она идет – идет, сама слезнешенько плачет (с. 118).

Отметим, что в семантике глагола *плакать* уже содержится указание на слезы: *плакать* = «проливать слезы». Можно предположить, что употребление эпитетов *слезно* и *слезнешенько* в сочетании с *плакать* используется не только с целью усиления художественного эффекта, но, прежде всего, для описания сцены плача, что способствует переключению внимания с ситуации на ее характеристику, особенности протекания.

Во-вторых, на уровне данной структуры выявляется внутреннее, эмоциональное состояние субъекта, сопровождающее данную ситуацию:

(1) *горько плакать* (2) (иногда – вместе с лексемой *слезно*):

Припануть жа грешныи кы матери – сырой земли,

Начнуть грешныи слезно – горько плакати (с. 232);

(2) *горючие слезы* (8):

Горючу слезу, слезу льет об сударке своей (с. 60);

(3) *горькие слезы* (8):

Она, утереши горькия слезы,

Она на те горы пошла... (с. 153).

Кроме того, характерно употребление лексемы *плакать* в следующих сочетаниях: *плакать, тужить* (19), *плакать, горевать* (5) *плакать, печалиться* (3). Например:

Я котораго дружка любила,

По том плакала, тужила.

Плакала, тужила, горевала,

Только плакала я, горевала, мало ночи спала. (с. 155);

Ты не плачь-ка, не плач, раскрасавушка,

Не плач, не печалься! (с. 118).

В лирических песнях основными эмоциональными состояниями, сопутствующими плачу, являются грусть, печаль, тоска.

Итак, на уровне поверхностно-семантической структуры конкретизируется субъект ситуации со значением 'плач' (имя женщины или имя мужчины) и элементы ситуации (слезы как необходимое составляющее плача и эмоциональное состояние субъекта).

Тематическая структура.

Данная структура объединяет описание событий, фактов, состояний, так или иначе связанных общей темой – «плач».

Плач как некое действие, проявленное состояние обусловлен причинами – для плача необходим повод. Большинство анализируемых контекстов содержат прямое указание на причину плача.

*Похоронили оны братца родимаго,
Похоронемши, они слезно плакали* (с. 144).

Причина ситуации может быть детерминирована субъектом плача. Так, физическая боль выступает в качестве причины исключительно в тех текстах, где субъект – имя женщины (6).

1. Если субъект – имя женщины, то причиной могут быть

(1) разлука (с возлюбленным – 21, братом – 2, Родиной – 1, родителями – 8):

*Ну и как же мне, красной девушке,
Не тужить, не плакать?
Что один-то, один разлюбезный был,
И тот покидает!* (с. 44);

(2) смерть (мужа – 4, брата – 2):

*Помер, помер полковничек своей скорой смертью...
Тело несут, коня ведут, конь голову клонит,
Молодая полковница сама слезы ронить* (с. 132);

(3) одиночество – 9:

*Девчоночка лесом шла, красавица темным шла,
Себе дружка не нашла, заплакала, в лес пошла* (с. 145);

(4) супружеская измена (4):

Вить любил Ваня чужу жону – своя стоит, плача (с. 250);

(6) физическое насилие (избиение мужем – 4, родителями – 1, возлюбленным – 1):

*Породила удова,
За пьяницу отдала...
Он ударил меня раз –
Полилися слезы с глаз* (с. 42 – 43).

2. Если субъект – имя мужчины, то причинами выступают:

(1 – 2) супружеская измена (3) и раскаяние за жестокость по отношению к жене (1);

*Нельзя мужу жену бити,
Нельзя поучити.*

*Уж я бил жену часину,
А плакал неделю!* (с. 46);

(3) разлука (с возлюбленной – 6, отца с сыном – 1):

*– Батюшка Орхимиа-князь,
Ушел твой сын, мой обрученный муж,
Во те земли во турецкие
Богу молиться и трудиться!
Вот он заплакал:
– Ох ты, мое чадо, мое чадо...* (с. 139);

(4) военная служба (2):

*Добрый молодец, казак плакался.
– Да вы здравствуйте да солдатушки!
Вы скажите-ка поклон батюшке,
Челобитьице родной матушке,
Что погиб, пропал добрый молодец...*(с. 154);

(5) смерть (сына – 1, отца – 1, государыни – 1):

*Переставился наш родный батюшка Павел – император...
По правую руку идет гробницы сам сын царев.
Он ни так плачет, младый сын царев, только что река льется* (с. 126);

(6) обида, оскорбление (5):

*Девка парня, девка парня пабарола.
– Красная девица, как тебе ни стыдна –
При всиём мире парня абесчестить!
– Казловы сапожки я магу надети,
А русые кудри магу расчесати,*

А горькие слезы платком утерети (с. 179);

(7) одиночество (1):

Викторушка в окно смотрит,

Сам слезами льется:

– А что же ты, Викторушка,

Давно не женился?

– Мне некого взять,

Никто не по обычью (с. 74).

Отметим, что некоторые контексты не дают однозначного ответа на вопрос «Какова причина плача?». В первую очередь это характерно для песен, в которых звучат религиозные мотивы, поскольку в данном случае плач является частью религиозно-книжной формулы обращения к Богу (*Он и так-то молился со слезами, Умолял он у господа бога...*).

Итак, в песнях называются различные причины плача, однако они остаются в рамках традиций русского фольклора: «практически для всех фольклорных жанров можно отметить общие тенденции в мировосприятии и изображении внутренней жизни человека»; количество причин исчисляемо, поскольку «фольклорный мир замкнут, ограничен,... а человек не выделен из фольклорного социума и лишен индивидуальности» (Никитина 1999, с. 26 – 27).

Тематическая структура выявила также атрибуты плача, которые выражаются лексемами *рыдания* и *рыдать* (10) и *вздохи* и *вздохнуть* (3); обозначенные лексемы функционируют при описании ситуаций, где субъект плача – имя женщины. Например:

Где скончалась, разлучалась, слезно плакала по нем,

Слезно плакала, рыдала, со слез речка протекла (с. 127);

Как матушка плачет,

Тяжело воздыхает (с. 68).

Повествовательная структура

Поскольку анализируемые тексты являются элементами одной культуры – русской и обладают общими жанрово-стилистическими особенностями, представляется возможным рассматривать их как единое семантическое пространство, в рамках которого *плач* – это ситуация, включенная в ряд взаимосвязанных элементов.

Анализ повествовательной структуры проявил особенности образной концептуализации плача, которая достигается в первую очередь использованием символов и сравнений. Образы-символы употребляются при конкретизации субъектов и являются традиционными для фольклорных текстов: девушка – *голубушка*, *кукушечка*, *пташка*; молодец – *голубок*, *лебедин*, *соловей*. По мнению В.Я. Проппа, «принцип иносказания есть один из основных художественных принципов народной лирики» (Пропп 2001, с. 248). Приведем пример иносказания:

Во том садику свила,

Свила пташка гнездышко.

Она вила, не вила,

Заплакала, прочь пошла (с. 89).

Отметим, что сопоставление образов и явлений человеческой жизни с образами и явлениями мира природы характерно для фольклора в целом и лирических песен в частности. «Есть песни, в которых первая половина дает развернутый образ из области природы, вторая – его применение к жизни человека» (Пропп 2001, с. 278). Подобные сопоставления обнаруживаются и в анализируемых нами текстах. Например:

Сгаркнула голубушка в голубни,

Всплакнула девушка в неволи (с. 66).

В качестве сравнений выступают также явления природы:

Он не так плачет –

Что река льется (с. 54).

Этот контекст создает зрительный образ, ассоциативно связывающий реку с основным атрибутом плача – льющимися слезами (всего выявлено 4 употребления). Однако ситуация плача характеризуется и особыми звуковыми эффектами (рыданиями, вздохами), которые сравниваются в песнях с различными явлениями:

Не трубушки трубили рано по заре –

*Катерина плакала на русской косе (с. 217);
Возрыдае, что вална бьетца (с. 259).*

Использование параллелизма и ярких сравнений позволяет представить ситуацию образно. За счет подобных художественных приемов актуализируются потенциальные семантические компоненты.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Выявлен сценарий и типовые характеристики ситуации 'плач': имя женщины как субъекта плача обладает наиболее высокой частотностью употребления по сравнению с именем мужчины (в 2,5 раза). Лексемы *рыдания, рыдать, вздохи* функционируют только в песнях, где субъектом плача является имя женщины, что обусловлено онтологическим фактом – женщины эмоциональнее мужчин. Причины плача детерминированы стереотипными представлениями о социальной роли женщины – матери, жены, хозяйки. «Норма же – семья с мужчиной во главе и с разделением ролей» (Маслова 2001, с. 126). Поэтому представляется возможным предположить, что данный стереотип оказал влияние на то, что в русских народных лирических песнях отсутствие семьи (женщина не замужем) – одна из основных причин плача (схожая причина в песнях о мужчинах выступает в 9 раз реже).

При описании ситуаций со значением 'плач' в русских народных лирических песнях используется лексико-семантические, морфологические и образные средства. Сцены и сценарии, ядром которых являются ситуации со значением 'плач', обусловлены народными нормами социального поведения, в основе которого – оппозиция 'мужской – женский', фундаментальная для человеческой культуры в целом.

Плачи погребальные, рекрутские (солдатские), свадебные – это ритуальное поведение, выражаемое в поэтической форме; русская народная лирическая песня в поэтической форме отражает сведения о субъектах и причинах плача, характеризует ситуации со значением 'плач'. Лирическая песня выполняет особую функцию: как правило, она посвящена семейно-бытовым отношениям, традиционные темы – это тоска по родному дому или по родным и любимым, тяжесть семейной жизни, утрата близких и под. Однако предметный мир лирической песни беден, происходящие события ограничены временными рамками и местом. Главное в лирической песне – описание чувств, настроений, характеров стереотипных героев. Сцены и сценарии, ядром которых являются соответствующие ситуации, обусловлены народными нормами социального поведения. Проведенное исследование выявило стереотипы, характерные для ситуации плача. В народной песне в качестве частотной причины женского плача выступает расставание с любимым, с родителями, одиночество; для мужчины таковыми являются разлука с любимой, оскорбление. В песнях называются различные причины плача, однако они остаются в рамках традиций русского фольклора: «практически для всех фольклорных жанров можно отметить общие тенденции в мировосприятии и изображении внутренней жизни человека»; количество причин исчисляемо, поскольку «фольклорный мир замкнут, ограничен, ... а человек не выделен из фольклорного социума и лишен индивидуальности» (Никитина 1999, с. 26-27); в связи с этим можно говорить о закреплении в лирической песне культурно значимых смыслов.

Культурный потенциал наших наблюдений может приобрести особую значимость при сравнении выявленных фактов с фактами иных культур.

Полагаем также, что результаты нашего исследования могут быть полезны не только для этнолингвистических и лингвокультурологических изысканий, но также для эколоингвистических. В рамках эколоингвистики возможно поставить вопрос о терапевтической функции лирической песни, русская народная лирическая песня может рассматриваться как народный способ терапии души.

Литература

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1997. *Язык. Культура. Познание*. Монография. Москва: Русские словари.

- КРАВЦОВ, Н. И., 1974. *Поэтика русских народных лирических песен*. Ч. I.: Композиция. Москва: Высшая школа.
- ЛАЗУТИН, С. Г., 1990. *Русские народные лирические песни, частушки и пословицы*. Москва: Высшая школа.
- НИКИТИНА, С. Е., 1999. Сердце и душа фольклорного человека. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик, с. 26–39.
- ПРОПП, В. Я., 2001. *Собрание трудов*: Сказка. Эпос. Песня. Москва: Лабиринт.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского*, 1983. Записи П. И. Якушкина. Т. 1. Ленинград: Наука.
- КАМАЛОВА, А. А., 1998. *Семантические типы предикатов состояние в их системном и функциональном аспектах*. Монография. Архангельск: издательство Поморского университета.
- МАСЛОВА, В. А., 2001. *Лингвокультурология*. Москва: Академия.
- ХРОЛЕНКО, А. Т., 2007. Исследование эмоционального опыта этноса средствами кросскультурной лингвофольклористики. *Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера*. Петрозаводск. (Электронный ресурс). Материалы доступа: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin-2007/4_lang/hrolenko.htm

Ala Kamalova

Varminsko-Mazursky University in Olsztyn, Poland

Research interests: lexical semantics, historical stylistics, cognitive linguistics, cultural linguistics, lexicography, philosophy of language.

**WHO CRIES AND WHY IN RUSSIAN NATIONAL LYRICAL SONGS
(LINGUO-CULTUROLOGICAL RESEARCH)**

Summary

Folklore texts are major sources of ethnolinguistic and linguo-culturological knowledge. Russian national lyrical songs have all properties of the folklore text, but they differ from other folklore genres. These songs reflect people's emotional experience. The purpose of research is the description of denotatum situations of 'crying'. Thus the following direction in the description of crying is selected: ontology → semantics → onomasiology.

Situations of 'crying' are qualified and described as compound units of typical structures (superficial-syntactic, superficial-semantic, thematic, narrative). Research has revealed the stereotype characteristics and a primary cause of 'crying' as well as the features of figurative conceptualization of 'crying' in Russian lyrical songs. The subject is a name of the woman (76) or a name of the man (28) in songs. The majority of analyzed contexts contain a direct instruction on the reason for crying. The reasons for crying for women are separation, death, loneliness, unfaithfulness. The reasons for crying for men are insults, death, military service, separation, unfaithfulness. Results of research can be useful to the theory and practice of ethnolinguistics, cultural linguistics and ecological linguistics.

KEY WORDS: folklore, lyrical song, culture, emotions, stereotypes.

Евгения Колосовская

Московский государственный университет Высшая школа экономики. Россия

ул. Мясницкая 20, 101000 Москва, Россия

Тел. (495) 621-79-83

Эл. почта: kolosovets@gmail.com

Научные интересы: проблемы идентичности, различные аспекты межкультурного взаимодействия, психолингвистика, национально-этнические конфликты.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО ЕСТЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ

Культура выступает «социальной наследственностью» человечества, средством формирования определенного типа человеческой личности. Культурные стереотипы усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом. Образ мира есть отражение мира в сознании человека, непосредственно включенное во взаимодействие человека и мира. «Лабораторные» исследования, наблюдения над составом и соотношением фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков могут приблизить к пониманию особенностей видения мира и его оценки национальным языковым сознанием. Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле является фрагментом образа мира данного этноса, отраженного в сознании данной культуры и проявляющегося в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, национально-культурные особенности, культурные стереотипы, образ мира, картина мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативный поле, языковое сознание.

В данной статье рассматриваются национально-культурные особенности восприятия и структурирования образа мира носителями русского и английского языков на примере тематической группы «культура». В качестве метода исследования существующих представлений (образов языкового сознания) респондентов использован психолингвистический анализ ассоциативных полей. Посредством естественной семантической классификации свободных ассоциаций систематизируется и моделируется фрагмент «картины мира» носителя культуры.

Каждая культура насыщена своими собственными значениями. Хлеб и вино в одной культуре могут означать всего лишь питание для тела. В другой они будут подразумевать эмоциональную причастность божеству. На уровне голых фактов это – одно и то же, но место этих фактов в структуре культуры – и, следовательно, их значимость для понимания человеческого поведения меняется.

Анализ имеющихся точек зрения позволяет выделить две четко различающиеся концепции в отношении культуры. Первая из них может быть охарактеризована как «технологическая», трактующая культуру как «универсальную технологию» осуществления специфического способа человеческой деятельности. Данная концепция подходит к системе ценностей как к очень важному компоненту той универсальной технологии, которая способствует осуществлению активности людей в процессе функционирования и развития их общественной жизни (Маркарян 1980, с. 19-23), то есть здесь культура толкуется очень широко и под это понятие могут быть подведены и другие понятия, например, язык/речь, вербальное и невербальное поведение, социум (Сорокин, Марковина 1989, с. 5).

Противоположная точка зрения может быть охарактеризована как «интеллектуальная», рассматривающая культуру в качестве объекта интеллектуального типа. Под этим имеется в виду следующее: культура обладает специфическим аппаратом коллективной памяти и механизмами выработки абсолютно новых идей. Эти качества дают возможность подходить к культуре как к коллективному интеллекту, который структурно вторичен по отношению к индивидуальному и подразумевает его существование (Лотман

1977, с. 4).

Изучение специфики культуры того или иного народа требует обобщения многообразных проявлений культуры, рассмотрение их сквозь призму соответствующих стереотипов, характерных для той или иной этнокультурной традиции. Стереотипы культуры находят свое выражение в нормах поведения, орудиях труда, произведениях искусства и других формах. Культура не имеет никакого отношения к биологической наследственности и передается от поколения к поколению через традицию в широком смысле. Под культурной традицией обычно понимают стереотипы на уровне поведения, которые личность приобретает в жизни в процессе социализации. Согласно Э. С. Маркаряну, культурная традиция есть социально-концентрированное состояние информации, которая является средством организации и воспроизводства деятельности людей (Маркарян 1983, с. 174). Человеческая деятельность, по сути, есть результат многообразной «выучки», приобретаемой в процессе социализации личности, ее приобщение к стереотипам культуры, принятым в обществе. Культурные стереотипы усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом (или группой внутри него) и в полной мере осознавать себя его членом. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть этническая. Локально-неповторимое своеобразие этносов, кристаллизующееся в массивах этнокультурных традиций, выражается понятием «этническая культура». Э. С. Маркарян полагает, что этнические культуры выступают главным источником локального культурного разнообразия человечества. С точки зрения Н.В. Уфимцевой, культура является «источником происхождения знаков (а значит и значений), которыми питается индивидуальное сознание» (Уфимцева 1996, с. 92). Таким образом, что в значениях, которые «производятся обществом», но функционируют в деятельности и сознании конкретного индивида, мы можем искать особенности мироощущения и самооценки (культурные стереотипы, стереотипы поведения) представителя того или иного этноса.

Различие культур в определенной мере влияет на особенности общения, выбор мотивационных стратегий, стили урегулирования конфликтов, личность и ее социальные отношения, восприятие, а также ее глубинные принципы, определяющие ее отношения с природой, социумом, ближайшим окружением и самим собой. В каждой культуре есть свои законы, свои глубоко целесообразные нормы и правила, знание которых помогает быть более компетентным и умелым в общении с представителями других этнических сообществ. Логично было бы предположить, что изучение общения возможно только при наличии определенного представления о социальной структуре и социальной психологии изучаемого этноса.

Конкретной формой, в которой реально происходит осознание людьми окружающего их объективного мира выступает *язык*. Язык – наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре. Для языка и культуры характерны общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, так как субъект коммуникации – это всегда субъект определенной культуры. Язык и его речевое проявление используются людьми для выражения смысла, отражения состояния сознания, проявления психологического содержания внутреннего мира человека - образ осмысливается, смысл воплощается в слове, в образе, в поступке, а действие и образ означиваются. Специфика межкультурного общения при использовании конкретного национального языка, по мнению Е. Ф. Тарасова, состоит «в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка и в специфике образов сознания, отображающих предметы национальной культуры» (Тарасов 1996, с. 8).

Из вышесказанного очевидно, что для совершения успешной коммуникации и, в свою очередь, для достижения адекватного понимания друг друга, коммуниканты должны не только освоить язык общения (лингвограмматический уровень языка), но и овладеть теми же знаниями о мире, заключенными в форме образов национальных сознаний.

Стоит отметить, что значение (и значение слова, в частности) существует в двух формах – языковой/вербальной и предметной (Леонтьев 1983, с. 11-12), причем вербальное значение лишь отсылает к предметному, базирующемуся, в свою очередь, на перцептивном образе, существующем либо как нечто «внешнее» (в языке, в действительности), либо как нечто «внутреннее» (в сознании). Продолжая рассматривать проблему значения слова, А.А. Залевская считает основополагающим тот факт, что оно (значение) формируется в триединстве когнитивного, перцептивного и аффективного опыта и должно рассматриваться в совокупности с процессами его функционирования и с проблемой организации не только внутренней структуры значения, но и всего того, что связано с отдельным словом и с лексиконом в целом, с местом лексикона в речевом механизме человека и в системе познания (Залевская 2000, с. 50). Среди ведущих подходов к изучению значения как достояния индивида она называет ассоциативный, параметрический, признаковый и ситуативный с ключевыми для них понятиями ассоциации, параметра, признака, ситуации.

По мнению авторов работ в данной области (J. Deese, А. Залевская, А. Клименко, А. Леонтьев и др.), результаты исследований свидетельствуют о принципиальном единстве психологической основы ассоциаций и семантических компонентов вербальных значений, что позволяет рассматривать ассоциативные структуры как отражение системы связей между понятиями в сознании носителя языка. Ассоциативный подход основывается, как известно, на анализе ближайшего окружения слова с целью выявления слов, содержащих некоторый общий концептуальный компонент, а через анализ ассоциативно-вербальной сети позволяет обнаруживать группы слов, связанных знанием о происходящем в окружающем нас мире, и одновременно получать данные о силе установленных связей. Исследование вербальных ассоциаций, полученных в результате ассоциативного эксперимента (АЭ), предоставляет возможность сделать некоторые обобщения «позволяющие говорить как о типовых характеристиках усредненной, совокупной языковой личности» носителя языка, так и о типах коммуникативного поведения этой обобщенной личности (Караулов 1996, с. 68).

На основе проведенного нами исследования интересно проследить как проявления личности регулируются тем, как она воспринимает саму себя и окружающих через призму культуры. По результатам проведенного ассоциативного эксперимента был получен и обработан корпус ассоциативных реакций. Содержание ассоциативных полей на заданные стимулы представляет собой фрагмент языкового сознания русских и британских респондентов. Результаты анализа воспроизводимой в ассоциативных нормах ассоциативно-вербальной сети показывают нам картину сочетаемости слов в живой речи носителей того или иного языка, выявляют наиболее частотные словосочетания, их семантические и грамматические отношения и тем самым позволяют понять психофизиологический и собственно языковой закон, который лежит в основе организации ассоциативно вербальной сети. Ассоциативное поле позволяют вскрыть те традиционные модели поведения, которые оказывают влияние на включение слова-стимула в определенную систему связей, свойственных данному социуму. Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле является не только фрагментом вербальной памяти человека, но и фрагментом образа мира данного этноса, отраженного в сознании носителей данной культуры и проявляющегося в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов.

Ассоциативная структура поля выстраивается путем естественной семантической классификации входящих в поле ассоциатов, образующих различные семантические зоны, каждая из которых является характеристикой некоторого существенного признака. С целью проведения анализа структуры и содержания ассоциативных полей, мы воспользовались «местоименными обозначениями семантических зон, способными передавать наиболее общие смыслы» (Шведова 1998, с. 24). Таким образом, нами были выделены следующие зоны: «кто», «что», «какой», «каков», «где», «когда», «делать», «это»:

1. Кто – реакции-обозначения персоналий, ассоциируемых со словом-стимулом: лучший друг, ребенок, человек;
2. Что – предмет или явление, соотносимые со словом стимулом (события, факты,

предметы обстановки): манеры, книга, семья, характер;

3. Какой – постоянные (интегральные) признаки, характеризующие слово-стимул вообще: маленький, светлый, беззаботный;

4. Каков - оценочные характеристики конкретного стимула «изнутри» (дифференциальные признаки), в рамках градуальной шкалы «хороший-плохой»: отличный, плохой, никчемный, глупость;

5. Где – место, ассоциируемое со словом-стимулом: дома, в школе, в моем саду;

6. Когда – время, связанное со стимулом: Рождество, иногда, юность, давно было;

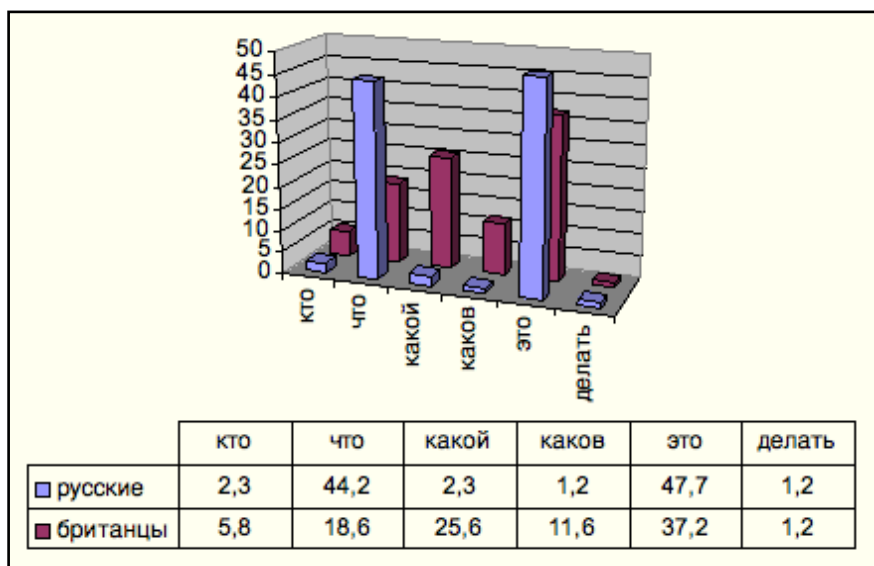
7. Делать – реакции-действия и взаимодействия, связанные со словом-стимулом: играть, читать мораль, вести себя, учиться;

8. Это – квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки: поведение – сущность человека, детство – радость.

В представленном ниже анализе содержательного наполнения каждой семантической зоны приведены реакции-ассоциации носителей русского и английского языков, формирующие данную зону. Ассоциаты располагаются в порядке убывания частоты. Анализ предполагает количественное сравнение, а также выделение (если для этого есть основания) показателей национального своеобразия.

Слово-стимул
Культура:

Самыми частотными реакциями-ассоциациями носителей русского языка на слово-стимул **культура** стали ответы *искусство* (14) и *поведение* (8). Следующие по частотности ассоциации *духовность* (5), *духовные ценности* (3), *жизнь* (2), *достояние* (1) дают представление о преобладании в русском языковом сознании

духовно-нравственного компонента в восприятии культуры. Корпус русских реакций, входящий в семантическую зону «Это», имеет самый высокий процентный коэффициент в сравнении с другими зонами АП стимула **культура** – 47,7%.

Реакции английских испытуемых составляющие зону «Это» также многочисленны – 37,2% от общего количества. Группа английских единичных реакций представлена разнообразным вербальным наполнением: *complex* (1) (*совокупность*), *life* (1) (*жизнь*), *ethnicity* (1) (*этническая принадлежность*), *pattern* (1) (*образец/модель культуры*), *awareness* (1) (*осознание*), *knowledge* (1) (*знание*), а также *instrument* (2) (*инструмент*). По-видимому, последние две ассоциации, полученные от британских реципиентов, говорят о том, что культура может служить ключом (инструментом) в понимании другого народа. Следует отметить совпадение ряда ассоциатов в русском и английском языковом сознании. Так, реакции *искусство* (14), *воспитание* (1) и *влияние* (1) на слово-стимул **культура** обнаруживаются и в английском языке *art* (15) (*искусство*), *arts* (5), *upbringing* (1) (*воспитание*), *influence* (1) (*влияние*). Интересен факт, что для англичан **культура** ассоциируется с *19 th century* (1) (*девятнадцатый век*). Для русского сознания понятие **культура** – это еще и *образование* (3), *наука* (1), *понятие* (1). У русских испытуемых с

культурой связывается *будущее* (1). В английском языковом сознании **культура** – это *way of life* (1) (*стиль жизни*) и *beauty* (1) (*красота*).

В сознании испытуемых – носителей русской культуры также широко представлены реакции отражающие круг явлений ассоциируемых с культурой (44,2%): *семья* (7), *театр* (4), *общество* (4), *традиции* (3), *история* (2), *книги* (2), *музей* (2), *манеры* (2), *литература* (1), *музыка* (1), *мир* (1), *цивилизация* (1), и даже *спорт* (1). Можно предположить, что русский ассоциат *храмы* (2), *отсутствующий среди ответов английских реципиентов отражает следы* влияния православия в сознании носителей русской культуры. Самой частотной реакцией русских на стимул **культура** стало слово *телеканал* (10). Вышеописанная группа ассоциаций представлена в реакциях английских испытуемых (18,6%): *music* (7) (*музыка*), *ballet* (2) (*балет*), *theatre* (2) (*театр*), *museum* (1) (*музей*), *shock* (1) (*шок*). Интересно, что ассоциат *music*(7) (*музыка*), будучи актуальным, в сознании англичан, оказывается не частотным у русских, он встречается лишь в одном случае. Стимулу **culture** в английском языковом сознании противопоставляется *lacking* (3) (*отсутствие/недостаток*). Диаграмма демонстрирует преобладание реакций носителей русской культуры, входящих в данную семантическую зону «Что».

Анализируя ответы британских реципиентов, мы обнаруживаем большое количество ассоциаций характеризующих интегральные признаки «культуры вообще» – 25,6% от общего количества. Самая частотная реакция на слово **культура**, встречающаяся в ответах англичан – *rich* (11) (*богатая*). Ответы британцев содержат ряд эмоциональных характеристик культуры: *fascinating* (1) (*очаровательная*), *exciting* (1) (*волнующая*), *amazing* (1) (*удивительная/поражительная*), *vibrant* (1) (*трепещущая*), *interesting* (1) (*интересная*). **Культура** в сознании британцев может быть *pop* (4) (*поп-культура*), *subjective* (1) (*субъективная*), *new* (1) (*новая*), *diverse* (1) (*другая/иная*). Показательна реакция *british* (2) (*британская*) на стимул **культура**. По количественным показателям рассматриваемая семантическая зона в русском языковом сознании не соизмерима с британской. В качестве постоянного признака культуры носителями русского языка выделяется *народа* (1) и *речи* (1). **Культура** для русских – это также *интересно* (1).

Семантическая зона «Каков» включает следующие оценочные реакции, полученные от британских испытуемых: *high* (4) (*высокая/благородная*), *low* (3) (*низкая/невысокоразвитая*), *poor* (1) (*бедная*), *good* (1) (*хорошая*), *bad* (1) (*плохая*). У русских реципиентов встречаем единичную реакцию *резко снизилась в стране* (1). Таким образом, оценка культуры является более важной для английского языкового сознания.

Зону «действий» составили малочастотные реакции на стимул **культура**: *играть на рояле* (1) в русском языке и *to study* (1) (*изучать/исследовать*) в английском.

Таким образом, в языковом сознании русских и британцев культура в первую очередь единодушно ассоциируется с искусством. Культура для англичан это *инструмент* в познании другого народа. В русском языковом сознании культура связывается с *поведением* (8) и *семьей* (7) и рассматривается как комплекс духовно-нравственных ценностей. Если постоянные характеристики культуры (*rich* 11, *pop* 4, *british* 2) и ее оценка (*high* 4, *low* 3, *good*, *bad*) оказываются значимыми для британских испытуемых, то у русских подобные реакции встречаются только в единичных случаях.

В целом можно сделать вывод о том, что принадлежность к данному народу, одной культуре делает «ядро» АП достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяемыми в данном языке. Ассоциации, являясь овнешнениями неосознаваемых слоев образов сознания, предоставляют возможность моделировать вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что результаты ассоциативного эксперимента (АЭ) помогают выявить круг понятий, наиболее существенных для языкового сознания той или иной лингвокультурной общности. Ограниченное число лексических единиц, выражающих эти концептуальные понятия, составляет ядро языкового сознания данного народа. Анализ данных массового АЭ выявляет то, как человек воспринимает внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание, которое всегда этнически

ориентировано). Образ сознания, полученный в АЭ, репрезентирует феномен массового сознания носителей определенного языка и оказывается способным убедительно и наглядно продемонстрировать этнокультурную специфику исследуемого этноса. Принципиальная сопоставимость результатов ассоциативных экспериментов позволяет использовать получаемые с помощью этой методики сведения в кросс - культурных сопоставлениях.

Литература

- ЗАЛЕВСКАЯ, А. А., 2000. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию. *Языковое сознание и образ мира*. Москва: ИЯ РАН, с. 39-55.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1996. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва: Наука, с. 67-97.
- КЛИМЕНКО, А. П., 1974. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск: Минск: ГПЦИА, с. 191.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. Н., 1983. Образ мира. *Избранные психологические произведения*. Сочинения в двух томах, т. 2. Москва: Педагогика, с. 329 с.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. А., 1993. Языковое сознание и образ мира. *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. Москва: Наука, с. 16-22.
- ЛОТМАН, Ю. М., 1977. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. *Научный совет по комплексной программе «Кибернетика»*. Москва: АН СССР с. 18.
- МАРКАРЯН, Э. С., 1980. Исходные посыпки понимания культуры как специфического способа человеческой деятельности. *Философские проблемы культуры*. Тбилиси: Мецниереба, с. 16-44.
- МАРКАРЯН, Э. С., 1983. Теория культуры и современная наука. Москва: Мысль, 284 с.
- СОРОКИН, Ю. А.; МАРКОВИНА, И. Ю., 1989. Национально-культурная специфика художественного текста. *Конспект лекций*. Москва: МГУ, с. 87.
- ТАРАСОВ, Е. Ф., 1996. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва, с. 7-22.
- УФИМЦЕВА, Н. В., 1996. Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы. *Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков*. Москва: Институт языкознания РАН, с. 90-96.
- ШВЕДОВА, Н. Ю., 1998. Местоимение и смысл. Москва: Азбуковник, 176 с.
- DEESE, J., 1965. The structure of associations in language and thought. Baltimore.

Evgeniya Kolosovskaya

State University Higher School of Economics, Russia

Research interests: Identity problems, various aspects of cross-cultural communication, psycholinguistics, national and ethnic conflicts.

REPRESENTATION OF CULTURE THROUGH NATURAL SEMANTIC CLASSIFICATION OF CHANCE-WORD ASSOCIATION

Summary

The culture plays the role of “social heredity” and acts as a means of formation of a certain type of individuals. Cultural stereotypes are acquired from the time a person begins to identify himself with a certain ethnos. The associative image of the world is a reflection of the world in consciousness of an individual directly included in the interaction between the individual and the world. “Laboratory” researches, observation of a structure and a parity of fragments of associative-verbal networks of different languages can approach the understanding of worldview stereotypes.

It can also help to estimate the similarities and differences in national language consciousness. As a result of the experiment, the chance-word associations form an associative area. This area is considered to be a fragment of the worldview of the given ethnos reflected in consciousness of the given culture and represented in a system of motives, estimations and cultural stereotypes

KEY WORDS: culture, cross-cultural assumptions, cultural stereotypes, worldview, association experiment, chance-word association, association area, language consciousness

Анжелика Кориунова

Красноярский государственный педагогический университет, Россия

ул. А. Лебедевой 89, 660049 Красноярск, Россия

Тел: +7 (3912) 201092

Эл.почта: ankorr@inbox.ru

Научные интересы: теория коммуникации, психолингвистика

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

В последнее время возрастает интерес к изучению процесса рекламной коммуникации. Немаловажную роль в повышении эффективности рекламного воздействия играют лингвистические средства. Одним из инструментов эмоционального воздействия является языковая игра, которая актуализируется на всех уровнях языковой иерархии. Различные отклонения от стандарта, нормы в прагматическом плане только затрудняют понимание, но намеренные аномалии, когда подобное совершается сознательно, играют прямо противоположную роль предельного заострения, уточнения смысла, которое подчас может быть адекватно передано именно средствами языковой игры. В лингвистическом плане языковая игра есть окказиональное расширение семантики языковых знаков. Различные операциональные приемы языковой игры позволяют увеличить возможности функционирования языкового знака и расширяют тем самым границы всего текста в целом, психологически окрашивая текст, способствуя повышению эффективности рекламной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра, рекламный текст, рекламный слоган, операциональные приемы языковой игры.

Каждый день люди общаются при помощи языка, при этом в зависимости от той или иной ситуации они производят тщательный отбор языковых средств, тем самым уже вступая в «игру», имеющую определенные правила (например, знание системы единиц языка, норм их использования и способов творческой интерпретации этих единиц, знание норм речевой коммуникации и т. д.). Любое говорение на языке, при котором обращается внимание на форму речи, «получая эстетическое задание, пусть даже самое скромное», будет являться языковой игрой (Земская, Китайгородская, Розанова 1983, с. 172).

Языковая игра обладает многими признаками, характерными для игры вообще. Как и категория игры, словесная игра создает особую, условную модель действительности. В любом текстовом пространстве условная модель проявляется в двойном языковом коде, которым благодаря словесной игре пользуются и автор, и реципиент, переходя с эксплицитного способа выражения восприятия смысла на имплицитный и, наоборот, что и определяет обоих как Homo ludens (человека играющего). В последнее время также усиливается интерес к изучению закономерностей функционирования единиц рекламной коммуникации. Рекламный текст, будучи креолизованным, или семиотически осложненным, т. е. текстом с иконическим компонентом, в структурировании которого задействованы коды разных семиотических систем, представляет собой единое целое всех его составляющих: изображения, звука, образа, словесной ткани. Все структурные компоненты рекламного сообщения имеют собственное семантическое наполнение и, будучи взаимосвязанными, дополняют и расширяют эффект действия друг друга. Однако лингвистический компонент несет основную смысловую нагрузку, а одним из важнейших элементов рекламного сообщения и любой рекламной кампании является слоган, вместе с фирменным знаком и именем рекламируемого товара обеспечивающий единство формы и содержания рекламной кампании и называемый рекламной константой.

Поиск новых способов подачи материала открывает поле возможностей для различных языковых и стилевых экспериментов. Широкое распространение и активное

применение в рекламе получает языковая игра, а современные рекламные тексты отличает наметившаяся в последние годы тенденция, играя, вовлекать в коммуникационное поле адресата, представляя действительность с позиции языковых игр, в которых ведущим является принцип отклонения от нормы в направлении создания другой нормы. Современные СМК, включая рекламу, эксплуатируют поэтику девиаций в большей степени, чем «формы традиционного искусства, рассчитанные на восприятие узнавания, основанного на схемах перцептивного предвосхищения, обеспечивающих идентификацию объекта» (Арутюнова 1987, с. 17-18).

Как известно, языковая игра является одним из многочисленных вариантов реализации стилистического задания, имеющего целью достижение определенного стилистического эффекта посредством стилистически значимых языковых средств и приемов (так называемый «узуально-стилевой комплекс» – термин Т. Г. Винокур (Винокур 1980, с. 237). Эффект языковой игры основывается на ассоциативном потенциале слова – ассоциативной валентности слова, допускающей варьирование при совмещении его плана выражения и плана содержания и – как результат – различную интерпретацию его значения. В контексте реализуется та или иная частная ассоциативная валентность слова – фонетическая, семантическая, лексическая, словообразовательная, синтаксическая. Каждая из этих частных валентностей выступает как тот или иной операциональный прием языковой игры. Анализ корпуса экспериментального материала показал активное использование приемов, которые Т. А. Гридина относит к «механизмам формально-семантического варьирования» (Гридина 1996, с. 4). К механизмам формально-семантического варьирования можно отнести нарушения фонетического облика слова, разнообразные виды изменения объема лексического значения, изменения в морфодеривационной структуре слов, нарушение системных отношений между знаками и т. п. В зависимости от того, каким образом эксплуатируется языковая и речевая неоднозначность, арсенал языковых средств лингвистического эксперимента традиционно исследуется на разных уровнях языка.

При реализации принципа соотношения экспрессии и стандарта в рекламном слогане языковая игра использует не только принцип противоречия, контрастности, но и другие операциональные механизмы, как то: омонимия с графическим выделением; паронимия с выделением аббревиатур, имен собственных, имен нарицательных и другие приемы графической игры, суть ее состоит в выделении той части слова или фразы, которую необходимо воспринять как наиболее активный компонент. При этом *графическая игра*, сопровождающая высказывание, как бы накладывается на вербальный компонент сообщения, усиливая его. В рекламных текстах, как текстах креолизованных, использующими паралингвистические средства, выразительные возможности последних применяются для повышения образности, будь то игра с цветом, шрифтом, использование макаронических текстов, символов, прописной буквы. Использование этих приемов в слоганах частотно, так как одна из его основных функций – аттрактивная:

5. использование символов: I ♥ La Senza (белье La Senza lingerie), Lux brings out the in you (гель для душа Lux shower gel), Moving forward ► Is it possible to drive with a bunch in your step? (автомобили Toyota Avalon).

В следующих слоганах использование символов мотивировано фонетическим воплощением @ [æt], омофоничным at, а символическое написание указывает и на целевую аудиторию, и на сферу рекламирования: @ your fingertips (компьютерное обеспечение Phoenix) и визуальной аттракцией (по аналогии с паронимической) i и восклицательного знака (!): P.O.V. for men magazine. Chivas Regal. A fall from grace is a small price to pay for !t (виски Chivas Regal whiskey). В последнем примере также использована аббревиатура point of view (точка зрения), размывающая границы между адресатом рекламного сообщения и адресантом, позволяющая идентифицировать себя с определенной социальной группой.

Использование прописной буквы: в данном слогане сочетается корневой повтор и паронимию: RELy on REL for real RELief (анальгетик REL Maryland Pharmaceutical).

Частотны случаи использования псевдоочленения, псевдомотивации, псевдовосстановления производящей основы – все перечисленные термины используются для обозначения одного и того же явления – «графического выделения в структуре слова сегмента, образующего окказиональный фоносемант (слова, тождественного по звуковому составу, но отличающегося от узуального коррелята оттенком значения или наличием ситуативно мотивирующего плана восприятия смысла» (Гридина 1996, с. 119). Следует отметить, что псевдомотивация – один из распространенных типов языковой игры, но псевдомотивация с помощью графического выделения – относительно новый тип ЯИ, получивший распространение в последние годы в газетных и рекламных текстах.

Исследование показало активное использование приемов псевдоочленения узуальных слов графическими средствами, т.е. графического выделения в структуре слова сегмента, образующего окказиональный фоносемант, как то:

- игровая омонимия с графическим выделением: *You're not fully clean until you're Zestfully clean* (мыло *Zest Soap*), где обыгрывается название торговой марки, включенной в наречие *zestfully* со значением «пикантно; интересно, привлекательно»;

- игровая омофония с графическим выделением: *American Forests. Global ReLeaf* (фонд по защите амазонских лесов), актуализирующая и предмет защиты – *leaf* «лист», и результат деятельности – помощь «*relief*», а в слоганах: *Nothing beats a great pair of L'eggs!* (колготки *L'eggs pantyhose*), *The only one good enough to be called ReaLemon* (лимонад *ReaLemon*), данный прием способствует оптимизации восприятия прагматима.

Еще один вид – игровая паронимия с графическим выделением имени собственного с включением в лексему со значением «вызывающий споры» названия напитка: *Be cointreauversal. Sip out of the mainstream* (коктейли на основе французского ликера *Cointreau*).

Как показывает наш материал, паронимия обыгрывается гораздо чаще, нежели омонимия, так как здесь сталкиваются слова, не полностью совпадающие по звучанию, и поле варьирования, несомненно, шире, чем при омонимии.

На **фонетическом уровне** также существуют определенные способы, модели организации звукового потока, т. е. особые сочетания и чередования звуков в их синтагматической последовательности, использование которых в сочетании с другими средствами ведет к созданию тех или иных акустических стилистических эффектов. Здесь ведущими принципами реализации языковой игры являются выдвижение на первый план звуковой организации контекста (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция и т.п.):

- *аллитерация* (консонанс): *Britain's best business bank* (банк *Allied Irish Bank*), *Classics of optical precision* (оптика *Schneider lenses Burleigh Brooks*), *Don't dream it. Drive it* (автомобили *Jaguar*), *Functional... Fashionable... Formidable...* (спортивная экипировка *Fila*), *Pick of the pack, picked at the peak of perfection* (замороженные продукты *Polar frosted Foods*), *What the well-dressed man is wearing this year* (одежда *JOCKEY SHORTS*);

- *ассонанс*: *The name to remember in rainwear* (плащи *Weatherbee Triangle Raincoat Co.*), включая гармонию гласных, т.е. повторение одинаковых ударных гласных: *The prune juice with the fruit juice appeal* (фрукты и соки *Del Monte California Packing Corp.*), *I tease you, you squeeze me, I please you!* (сыр *Hendrix's Cheese*), *The best way of expressing your intelligence* (цифровые технологии *Zenith Data Systems*);

- *звукоподражание*: *Pat it on the face, wop it on the body* (крем *Pat-&Wop Allied Drug Products*), *Snap! Crackle! and Pop!* (хлопья *Kellogg's Rice Krispies*), *Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is!* (анальгетик *Alka-Seltzer*), *So-o soft, so-o smooth, so-o comfortable* (товары для сна *Eclipse Sleep Products Inc.*), *Our results coo, gurgle and giggle for themselves* (средства контроля протекания беременности *ClearPlan Easy Fertility Monitor*).

- *рифма* как позиционный тип паронимии, представляющий созвучие двух слогов, стоящих на конце стиха, в том числе грамматическая, использующая одинаковые суффиксы или флексии: *Nothing fitz like a Ritz* (крекеры *Ritz Crackers*), *Beanz Meanz Heinz* (консервированные бобы *Heinz Baked Beans*).

- На наш взгляд, в отношении рекламы уместнее говорить о рифмовке, т.е. паронимии, приеме ЯИ, использующей рифму и являющейся одним из самых действенных средств запоминания, важного звена в механизме рекламной коммуникации «восприятие – запоминание – вовлечение»: Taking the 'if' out of 'gift' (сеть магазинов Lord & Taylor), If you want to *get ahead, get a hat* (производители шляп Hat Council), A thoroughbred *air* in every pair (перчатки gloves Grewen Fabric Co.), All-weather leather (сумки handbags Dooney & Bourke Inc.), A love of a *glove* (перчатки gloves Acme Glove Corp.), Without the shadow of a *stout* (корсеты Stylish Stout), Unaware of *underwear* (белье P. H. Hanes Knitting Co.), It needn't be *hell* with Nicotinell (средство против курения Nicotinell), The appliance of *science* (бытовая техника Zanussi).

Помимо традиционно выделяемых приемов звуковой организации текста, считаем возможным добавить следующие приемы ЯИ на фонетическом уровне:

- паронимическая аттракция: How to get *further* with *father* (бритвенные приборы Seaforth shaving set), *Apparel* without *parallel* (одежда Ellesse clothing Ellesse U.S.A. Inc.), The *leg of nations*, before the court of the world (men's garters Sidley Co.) < League of nation, American Home has an *edifice complex* (American Home Magazine) < Oedipus complex.

Заметна тенденция обыгрывания прагматима (названия товара) или ассоциирующихся с ним характеристик: You and Betty Crocker can *bake* someone happy (Betty Crocker General Mills Inc.) < make, Do me a *Quaver* (снеки Quavers Snacks) < favour, You'll *Wike* it too (Wike Farms Cheese) < like, Lowering prices forever, that's *Comet* sense (Comet Electrical Stores) < common.

- паронимия, являющаяся основанием для создания макаронического (т.е. использующего разные языки) текста: Our *wurst* is the best (колбаса Mickelherry's sausages), когда сближение звучания *wurst* (нем. «колбаса») и *worst* позволяет, выявить оценочный парадокс; So much to *si* (туристическое агентство Tourism Agency of Spain), где паронимическая аттракция испанского «да» оптимизирует предложение «увидеть» достопримечательности страны; Don't say sunglasses – *say C'Bon* (солнцезащитные очки Polaroid Corp.) – паронимия с французским выражением C'est si bon (Это здорово).

Многочисленны случаи применения таких средств фонетического уровня как:

- омофоническое сближение как способ переразложения морфемной структуры слова с целью парадоксального (оказионального) истолкования последнего, при котором внутрисловные фоносемантические ассоциации используются в коммуникативном акте как средства оптимизации речевого воздействия: Taste. Not *waist* (Weight Watchers Frozen Meals) Cf. *waist* «талиа» и *waste* «отходы», *Heals* everything. *Even heels* (средство для ног Jergens footcare products), обыгрывающее значения слов *heals* «исцеляет» и *heels* «пятки», *See* America at *sea* level (туристическое агентство Amtrac), использующее в игровой функции омофоны увидеть – «see» и море – «sea, Meryl. Open your *I* (одежда Meryl) с использованием омофонии «I» и «eye». Также с использованием омофонии прагматима: You can't keep quiet about a *Wispa* (батончики Cadbury's Wispa Candy), They're *doers* (виски Dewar's Scotch Whisky), *Duz...does* everything (мыло Duz), Nothing runs like a *Deere* (тракторы John Deere Tractors);

- также сближение, основанное на омофоническом переразложении слов в потоке речи: Lyons. The coffee you can *rely on* (кофе Lyons), *Ice cream* for health (ассоциация производителей мороженого National Association of Ice Cream Mfrs.), *I scream* You Scream We All Scream About The *Ice Cream!* (ассоциация производителей мороженого National Association of Ice Cream Mfrs.), Get *Lycos* or get lost (поисковая система www.lycos.com) – Cf. like us с обыгрыванием полисемии обоих элементов противопоставления (Get Lycos: установите поисковую систему Lycos; полюбите нас и get lost: потеряетесь (в сети); *груб*. проваливайте).

Приемы ЯИ на фонетическом уровне способствуют реализации аттрактивной (фасцинативной), смысловыделительной, экспрессивной, эстетической и мнемонической функций, эмоционально вовлекая реципиента информации в процесс коммуникации.

На *морфологическом уровне* в силу типологических особенностей английского языка выявлено относительно немного случаев применения игровых приемов с использованием возможностей морфем и их выдвигания. Бедность системы выразительных средств на морфологическом уровне компенсируется возможностью широкого использования приемов, заключающихся в намеренном сдвиге со сложившейся дистрибуцией единиц речи, в данном случае морфем и словоморфем. Это нарушения привычной сочетаемости морфем в составе слова, т.е. изменения в морфодеривационной структуре слов, в том числе и использование аффиксации в неканоническом деривационном контексте (создание семантически недопустимого, парадоксального сочетания морфем выполняет при этом игровую функцию): *The Uncola* (напиток non-alcoholic drink 7-Up), *The Orangemostest Drink In The World!* (напиток orange drink Fanta); а также нарушение контекстуальной дистрибуции, в результате употребления некой словоформы в несвойственном ей контексте, где она приобретает несвойственное ей значение, т.е. представляет использование слов в чуждой им грамматической категории, при которой экспрессивность актуализируется в результате нарушения привычных грамматических валентностных связей: *Nobody doesn't like...Sara Lee* (продукты Sara Lee Food Products).

Проблема аграмматизма связана с проблемой нормы в рекламе. Сознательное нарушение грамматических правил, которое всегда воспринимается как отклонение от нормы и агрессия, в рекламе является одним из способов создания рекламного образа. Использование приема отклонения от грамматических правил является не только способом привлечения внимания, но и способ увеличения объема информации путем наложения смыслов. В этом случае способ создания стилистического приема на морфологическом уровне состоит в изменениях в морфодеривационной структуре слов, приводящих к образованию окказионализмов (индивидуально-авторских неологизмов, игровых неологизмов). В связи с необычностью сочетания составляющих их морфем окказионализмы не только привлекают внимание к обозначаемому явлению, но и являются самым экономным способом его обозначения: *Guinness isn't good for you* (пиво Guinness), *The toothsome paste* (зубная паста Red Gum Products Co.), *Magnumize your life* (мороженое Magnum ice-cream).

В актуализации языковой игры помимо словообразовательного может участвовать омофонический компонент: *Everywear* (одежда Burton Menswear) – Cf. wear everywhere, *Delightfully sea-worthy* (купальники Jordan swimsuits) – Cf. see-worthy, *Mac-It endurance, your best insurance* (инструменты screws Strong, Carlisle & Hammond Co.) – Cf. make it, *The Worcester Saucerer* (соусы Lea & Perrins Worcester Sauce) – Cf. sorcerer маг, волшебник, кудесник, колдун, чародей, *Come on, you sunners* (купальники Jantzen swimsuit Jantzen Inc.) – Cf. sinner грешник. В слогане: *So many taboos. So little time. Be cointreauversal* (cocktails Cointreau) имеет место обыгрывание прагмонима, включенного в состав окказионального прилагательного, паронимичного кодифицированному *controversial* (противоречивый), а в примере: *You'll find there is no Camparison* (Campari Aperitif) – обыгрывание прагмонима, включенного в состав окказионального существительного, паронимичного кодифицированному *comparison* (сравнение).

В рекламе окказионализмы (игровые неологизмы) – явление новое, но яркое. Как и преднамеренные орфографические ошибки, игровые неологизмы придают рекламному слогану ритмическое и фонетическое единство. В ряде случаев неологизм задает весьма нетривиальные рамки интерпретации, иногда напоминая ребус, эмоционально вовлекая реципиента в разрешение задачи и оптимизируя восприятие и запоминание слогана.

Средства реализации языковой игры на *лексическом уровне* довольно разнообразны. Продуктивным способом реализации языковой игры в рекламе является контаминация, результатом которой является создание инноваций контаминированной структуры и семантики. Контаминации достаточно часто допускают нарушения

орфографической нормы, и графическое выделение в этом случае является единственной возможностью избежать закрепления ненормативного облика слова в памяти носителей языка, так как сама выделенная часть воспринимается как нечто необычное, ненормативное, непривычное в привычном слове. Иначе говоря, нарушение нормы возможно только при условии существования нормы. В последние годы число контаминированных единиц увеличивается, наблюдается процесс их узуализации, но контаминации с графическим выделением как новый тип инноваций появились только в последние годы XX в. и продолжают увеличивать свою продуктивность: Samsung *Diditall*. Everyone's invited < Digital + all; LG. *Digitally yours* (электроника LG electronics) < Digital + all + суффиксаия.

Традиционно выделяют контаминацию словообразовательную и фразеологическую. Примером первой может служить слоган: Swatch. Others just watch (швейцарские часы Swatch), где оптимизация восприятия торговой марки происходит с помощью междусловного наложения названия продукта и производителя торговой марки *Swiss watch*, Cf. также: Shrimply elegant (морепродукты Treasure Isle Inc.) < shrimp + simply.

Интерес представляет обыгрывание в следующем слогане прописной буквы названия продукта в составе окказионализма, представляющего собой контаминированные основы слов *innervation* (иннервация, чувствительность) и *vigor/vigour* (сила, энергия; действительность, законность, легальность): Gordon's & Tonic *innerviGoration* (коктейли на основе джина Gordon's). Cf. также: *Epileather* (сумки Louis Vuitton) < (омофоничное *appeal* + *leather*), *Pure snacking*. *Pure snacktivity* (орешки KP Peanuts) < (*snack* + *activity*), *Chexellent*, or what? (замороженные продукты Frosted Chex) < (*Chex* + *excellent*).

Фразеологическую контаминацию иллюстрируют следующие слоганы: *On the rocks and roll* (ликер Bailey's), где имеет место наложение устойчивого сочетания *on the rocks* «со льдом» и *rock and roll*, кроме обозначения направления в музыке имеющего значение «веселиться», а в слогане: *A Mars a day helps you work, rest and play* (батончики MARS) вместо традиционного для пословицы *an apple* использовано название продукта. Cf. также: *Below skin level shave* (электробритва Packard electric shaver Lektro Products Inc.) – трансформация устойчивого словосочетания *below sea level* с паронимической аттракцией, *It's love at first bite* (ветчина canned ham Spam) и *Gallina Blanka*. *Love at first soup/spoon* (супы Gallina Blanka extracted products) – трансформация фразеологизма (*at first sight*); *It's a Ban New Feeling* (дезодорант Ban Naturals anti-perspirant) < *brand new*; *Thirst come, thirst served* (пиво Goody Root Beer Bottlers Supply & Manufacturing Co.) с паронимической заменой *first*; *One great face deserves another* (часы Bulova watches Bulova Watch Co. Inc.) с обыгрыванием полисемии замены *good turn*; *Save for a sunny day* (банк First National Bank of Boston) с заменой составляющей фразеологизма *rainy* на антоним; *Lux every day keeps old hands away* (мыло Lux soap Lever Bros. Co.) < *An apple a day keeps a doctor away*; *All that glitters is not Pabst* (пиво PABST) < *All that glitters is not gold*; *When it rains it pours* (страховая компания Morton Sault) < *It never rains but it pours* – «пришла беда отворяй ворота; беда не приходит одна» с переводом в положительный контекст посредством полисемии *to pour* – сыпаться; литься; обрушиваться градом (о дивидендах); *An apple a day is Doc Apple's way* (фрукты Pacific Northwest Fruits Inc.).

Использование в качестве слоганов модифицированных пословиц объясняется высокой действенностью эффекта непредсказуемости. Неожиданность появления какого-либо элемента в давно известном высказывании используется как один из основных способов усиления прагматического потенциала языковой единицы.

На лексическом уровне были также обнаружены случаи игровой деаббревиации: *DRC-MF*. *Digital Reality Creation* (запоминающее устройство с произвольной выборкой Dynamic RAM Controller), когда, заменяя компьютерную терминологию более доступным обычному потребителю выражением, она позволяет расширить целевую аудиторию; а в слогане кинокомпании Metro-Goldwyn Mayer: *MGM means great movies* позволяет «освежить» давно известные реалии и привлечь дополнительное внимание к своей

продукции. Cf. также: G.I.V.E. Get Involved. Volunteer. Exceed (одежда Polo Jeans/Ralph Lauren), AEG. Advanced Engineering From Germany (бытовая техника из Германии), LG. Life's Good, LG. Life's Go (электроника LG electronics).

Лексический уровень изобилует тропами: *The Citi never sleeps* (банк Citibank) – метонимия; *Get treatment and yourself* (психотерапевтическая клиника Ellington Psychological Center); *Skin Clinic. Improve your looks and self assurance* (косметический салон Skin Clinic) – зевгма; *Hand-built by robots* (автомобиль Fiat Strada); *University of the night* (дистанционное обучение International Correspondence Schools, Scranton, Pennsylvania); *Save as you spend with Christmas Club Thrifties* (система скидок Christmas Club); *The World's Biggest Little Station KFPM* (радиостанция KFPM); *Say it with pictures* (фотостудия Commercial Photo Service Co.); *Vogue – [for] the overwhelming minority* (журнал VOGUE MAGAZINE) – оксюморон; *Be a Pepper!* (напиток DR. PEPPER) – антономасия; *What the future wears* (одежда OshKosh B'Gosh) – перифраз; *Softest, strongest for your End Zone* (туалетная бумага Charmin Ultra); *Some girls have developed a lot more than just their minds* (купальники ROXANNE SWIMSUITS); *Durex. For a hundred million reasons* (презервативы Durex condoms) – эвфемистический перифраз; *Like sleeping on a cloud* (матрасы Sealy) – симила; *Colour never dies* (краска для волос L'Oreal) – аллюзия на фильм с Джеймсом Бондом “Tomorrow never dies”; *Some of our best men are women* (армия США) – парадокс.

К лексическому уровню мы отнесли и случаи обыгрывания: полисемичных лексем, часто с использованием ассоциируемой с денотатом рекламируемого товара/услуги характеристики: *Show your true colors* (пленка Kodak Gold film Eastman Kodak Co.) < (истинное лицо; реалистичное цветовоспроизведение); *Alarmed? You should be* (охранные системы Moss Security Systems); *Enjoyed for centuries straight* (водка Wyborowa Vodka) < (чистый, неразбавленный; непрерывно, последовательно, кряду); *Join the “regulars” with Kellog's All-Bran* (хлопья The Kellog's Co.) < (постоянный покупатель, посетитель; не имеющий проблем с пищеварением); *Lash out* (тушь L'Oreal mascara Cosmair Inc.); *Enjoy the rest of your life* (подушки Koofloam pillows American Latex Products Corp.); а также псевдоантонимии: *The negative for positive results* (пленка Gevaert film); *Brilliant cleaning starts with Finish* (детергент Finish Detergent), *First name in towels is the last word in sheets* (полотенца Cannon towels & sheets Cannon Mills Co.) – псевдоантонимия, на деле являющаяся синонимией; *First relationships last* (банк First National Bank of Chicago) в сочетании с омонимией; *Life at sea is like nothing on earth* (круизные линии P and O cruising lines); *To feel on top, start at the bottom* (средства для похудения bottom and thigh toning system Flex) в сочетании с полисемией (Cf: bottom – низ, нижняя часть чего-либо; ягоды).

Используемые в составе рекламных слоганов операциональные механизмы ЯИ лексического уровня выполняют номинативную, апеллятивную, информативную, аттрактивную функции, функцию речевого воздействия.

Языковая игра может реализовываться в высказывании с помощью перестройки **синтаксических** связей, когда ключевым инструментом создания нового образа является контекст и создаваемая им потенциальная вариантность семантики слов, словосочетаний, а также смысловых отношений между частями предложения: *Cats like Felix like Felix* (кошачий корм Felix), где обыгрывается сочетание *like Felix* со значением «как Феликс» и «любят “Felix”», Cf. также: *Tetley make teabags make tea* (чай Tetley Tea); *I feel like a Guinness. I wish you were* (пиво Guinness Brewery), где анадиплозис актуализирует не значение «хотел бы, не отказался бы», а «чувствую себя как, подобно» и, наоборот, в слогане: *Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't* (орешки Peter Paul Mounds Almond Joy); в слогане журнала VOGUE magazine, кроме того, игровую функцию поддерживает омонимия прагмонима: *If it wasn't in VOGUE it wasn't in vogue*; Cf. также: «Baby talk» for a good square meal (детское питание «Baby talk» Biolac Borden's Prescription Prods.).

При нарушении привычной логики синтаксического соединения частей предложения, смысловые расхождения между их узуальным и окказиональным

употреблением способствуют повышению экспрессивности. Тому же на синтаксическом уровне служит использование разнообразных фигур, используемых в рекламе для выделения основной мысли, рекламного мотива, или образа, рекламируемого объекта и т. д., основной функцией которых является создание определенного ритма, усиление коммуникативной и экспрессивной значимости высказывания: анафора: *Double your pleasure, double your fun* (жевательная резинка Wrigley's Doublemint), *Make up your mind before you make up your face* (косметика hypo-allergenic cosmetics Almay) в сочетании с полисемией; эпифора: *Look sharp, feel sharp* (лезвия Gillette); антитеза: *It takes a tough man to make tender chicken* (жареные цыплята Perdue chicken); *Stays on till you take it off* (помада Coty 24 Hour lipstick Chas. Pfizer and Co. Inc.); *Women, Stand Up For Your Right To Sit Down At Dinner Time* (готовые ужины Salton Hottray), а также хиазм, основная стилистическая функция которого – придать новое дополнительное содержание высказыванию, зафиксировав внимание адресата на сообщаемом факте, таким образом выделив его: *It is better to have it and not need it than to need it and not have it* (страховая компания Columbia Casualty Co.), *Smoke all you like, like all you smoke* (аксессуары для курения L. & H. Stem Co.); анадиплосис: *Only the brave deserve the fair and the fair deserve JAEGER* (спортивная одежда JAEGER Sportswear); парцелляция: *Anything goes. Except irresponsible drinking* (слабоалкогольный напиток KANLUA RUM-COLA).

На настоящем этапе развития рекламной коммуникации операциональные приемы языковой игры являются наиболее действенным средством для реализации основных функций слогана и инструментом формирования его эмоциональной эффективности на этапах рекламного воздействия. Используемые в рекламе операциональные приемы языковой игры позволяют предельно заострить, уточнить смысл высказывания. Экспрессивность и эмоциональность, а, значит, и эффективность рекламных слоганов, являющихся «боевым кличем» рекламной кампании, повышаются благодаря использованию операциональных приемов ЯИ, образующих парадигму из различных уровней: фонетического, морфемного, лексического, синтаксического и семасиологического. Языковая игра психологически окрашивает текст, а удовольствие, полученное от языковой игры, играет продуктивную функцию: предметы эмоционального возбуждения привлекают внимание, следовательно, упрощают адресату восприятие внутренней организации текста и способствуют закреплению в памяти адресата.

Литература

- АРУТЮНОВА, Н. Д., 1987. Аномалии и язык. (К проблеме языковой картины мира). *Вопросы языкознания*, № 3, Москва: Наука, с. 3-19.
- ВИНОКУР, Т. Г., 1980. *Закономерности использования языковых единиц*. Москва: Наука. 237 с.
- ГРИДИНА, Т. А., 1996. *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: изд-во Урал. гос. пед. ун-та. 214 с.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А., КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. А., РОЗАНОВА, Н. Н., 1983. *Языковая игра. Русская разговорная речь*. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Москва: Высшая школа, с. 172-211.

Angelika Korshunova

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia

Research interests: communication theory, psycholinguistics

VERBAL PLAY IN COMMERCIAL SLOGANS

Summary

Advertising register has recently given a tremendous rise to numerous studies. Linguistic aspect contributes a lot to the effectiveness of the advertising campaign. Verbal play is one of its tools and can be performed at each language level. In pragmatic respect various deviations from the standard or from the norm impede understanding, while intended deviations tend to result in meaning clarification and distinct vividness of the message. Verbal play is frequently the adequate means of it. Linguistically viewed verbal play is an occasional extension of the semantics of linguistic signs. Various operational means performed at all levels of the linguistic hierarchy increase the possibilities of functioning of the linguistic sign. Thus, it allows extending of the text limits on the whole, gives psychological

colouring to the text and eventually contribute to the increase in efficiency of the advertising communication. The analysis of the language of commercials of English and American media gives a clear image of the present day trends in advertising. The trend to entertain is entwined with the pragmatic intention to induce to purchase.

KEY WORDS: verbal play, advertising register, commercial slogans, means of verbal play .

Иван Кутняк

Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина

ул. И. Франко 24, 82100 Дрогобыч, Украина

Тел.: 0673408309

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: социальная философия

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье идет речь о народной фразеологии как предмете лингвокультурологии. Подаются примеры фразеологизмов, которые отображают психолого-этнографические признаки. Фразеология представляет собой выражение национальной самобытности носителей языка. Образы, закрепленные во фразеологическом составе, так или иначе, связаны с материальной, социальной или духовной культурой народа. Во фразеологических единицах заложены понятия и отношения к таким категориям, как труд, лень, правда, ложь, совесть, судьба, жизнь, смерть. Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Таким образом, духовность народа проявляется в структуре языка. Неразрывное единство этих явлений позволяет через анализ языковых культур восстановить лежащие в их основе идеальные сущности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, фразеология, национальный колорит.

Язык – феномен культуры. Именно в языке находит свое отражение культура, и через него она передается от поколения к поколению. В процессе межкультурного общения познание направлено на восприятие ментальности другой нации. Сопоставительное изучение культур становится возможным через рассмотрение национальных ценностей в определенном контексте.

Проблема языкового представления лингвоментальных, когнитивных и духовно-нравственных аспектов личности (и социума) является в настоящее время одной из наиболее значимых и перспективных. Во многом это определяется интересом к способам оязычивания так называемого «человеческого фактора», желанием лингвистов, этнокультурологов, этнопсихологов, социолингвистов, лингвоконцептологов выявить специфику национально-культурного, духовного пространства личности, закрепленного и отраженного в языке (Маслова 2001, с 71).

«Языковая модель лежит в основе мировидения носителей языка, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании и являющиеся результатом всей их духовной активности» (Кубрякова 1991, с. 21).

Таким образом, духовность народа проявляется в структуре языка. Неразрывное единство этих явлений дает возможность через анализ языковых культур восстановить лежащие в их основе идеальные сущности.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса – междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии.

Например, вопросы этнического языкового мышления – это прерогатива лингвистической философии; специфику этнического, социального или группового общения в языковом аспекте изучает психолингвистика и т. д. На основе этой идеи возникла новая наука – лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. (Маслова 2001, с 83).

Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в

виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Говоря об этнолингвистическом направлении, следует помнить, что корни его в Европе идут от В. Гумбольдта, в Америке – от Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа.

Теснейшим образом с лингвокультурологией связана этнопсихолингвистика, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т. д. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент, лингвокультурология же пользуется различными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорах и пословицах) и т. д. (Маслова 2001, с. 85).

Фразеология представляет собой выражение национальной самобытности носителей языка. Образы, закрепленные во фразеологическом составе, так или иначе связаны с материальной, социальной или духовной культурой народа. В фразеологических единицах заложены понятия и отношения к таким категориям, как труд, лень, правда, ложь, совесть, судьба, жизнь, смерть.

Филологи утверждают, что люди усваивают фразеологизмы вместе с языком. Через фразеологию они познают историю народной жизни, приобщаются к общенациональным, социально значимым ценностям, устоям общества. В результате обогащается не только их речь, но и национальное самосознание.

Именно поэтому фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеология составляет фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц.

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Для того чтобы понять, что в таких фразеологизмах является носителем культурной информации, рассмотрим, как вообще возникают эти фразеологические единицы.

Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из фразеологизма, ибо в ней наличествуют «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры (Маслова 2001, с. 89.).

Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т. е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта

информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталоны, символами, стереотипами). Естественно, что наиболее интересными для нас в плане выявления культурно-национальной специфики являются именно эти фразеологизмы, ибо они имеют культурно-обусловленные причины либо культурно-значимые следствия.

Дадим такой пример. Отход жизни, который первобытный человек наблюдал в виде прекращения дыхания и исчезновения тени, натолкнул человеческую мысль на то, что эти явления не исчезают без следа, а где-то находятся. Сложный процесс образования понятия душа происходил путем установления связей между собственной психической деятельностью и наблюдениями за явлениями внешнего мира.

В кристаллизации представлений о единственной душе, по нашему мнению, архаичный человек шел путем дедукции: множественность душ, связанная из дисассоциативностью первобытного сознания и идентификацией себя с окружающей средой, трансформировалась в понятие единственной души человека (*скільки душа забажає, як свою душу, як бальзам на душу, на душі, душа тліє, вилити душу, лізти в душу, по душі, з душі, запастися в душу, стояти перед душею, за велінням душі, брати на свою душу, інженер людських душ*).

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры (например, выносить сор из избы - в значении «разглашать сведения о каких-либо неприятностях, касающихся узкого круга людей»).

Национальный колорит воспроизводят и фразеологизмы-проклятия со словом *бодай*, которое уже само собой несет сильный заряд повышенной экспрессии: *бодай тобі ноги повсихали, бодай би ти не встав, бодай тебе праці з'їли, бодай би він скис, бодай би тебе грім улупив, бодай би воно тобі поухло, а бодай вас усіх лиха година забрала, бодай ти скрутилася і кругом світу пішла*.

Такие высказывания не предусматривают непосредственного осуществления «пожелания», они служат для выражения чувства недовольства, возмущения, досады, удивления, гнева, и основываются на словесном преувеличении.

Значительная часть украинских фразеологизмов отображает социальные отношения: *пасти задніх; натягати на копил; кланятися в ноги; як на сповіді; ні роду ні племені; набивати ціну; гнути спину перед ким; собак дражнити; ламати шапку; на злодієві шапка горить; на всю губу; лишити з носом; жити на віру; загребти як собаку*.

Встречаются также фразеологизмы, которые отображают психолого-этнографические признаки, в частности черты характера, особенности реагирования на разные обстоятельства жизни: *а) душу відкрити; дух ранили; розв'язати очі; потиличниками нагодувати; наскочити на слизьке; скакати в гречку; б) нехай же послухається кия, коли не слухається кива; як собі постелиш, так і вистипиш; не святі горшки ліплять; що з воза впало, то пропало; в) користі, що з бика (цапа) молока; котра корова багато мичить, то мало молока дає*.

К этой группе С. Дидик относит фразеологизмы, которые включают числовые компоненты, «опосредствованные представлением о символическом, мифологизированном характере числа»: *три мішки гречаної вовни (много лишнего); послати під три чорти; три чисниці до смерті; п'яте колесо до воза; бути на сьомому небі; за сімома замками; до сьомого поту; за кусок кишки сім миль (верств) пішки* (Дидик 1991, с. 114).

Следует выделить фразеологизмы, которые отображают своеобразие юмора. Сюда относят этнографические фразеологизмы, построенные на антропонимах, которые распространены в народе и представляют собой юмористический или сатирический каркас: *вискочити (вистрибнути) як Пилип з конопель (сказать несвоевременно); мов Кузьма з маку; казала Феся, що обійдеся; з богом, Парасю; маєш, Гандзю, книш; це вам не з Грицем справа*.

Однако не все фразеологизмы могут стать носителями культурно-национальной информации. В славянских языках много фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание: *смотреть в корень; между двух огней; не вешать нос* и др. Отличие их от подобных единиц в других языках объясняется не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках.

Например, китайские выражения *проточная вода не гниет* (в значении «бесполезность, бесцельность действий») и в *дверной петле червь не заводится* (в значении «надежда на благополучный исход, уверенность в нем») идентичны русским фразеологизмам *как мертвому припарки, как дважды два, комар носу не подточит* и украинским, например – *горбатого і могила не виправить*, т.е. имеют иное образное основание в славянском языковом сознании. Но если учесть, что и эти фразеологизмы основаны на образно-метафорических смыслах, то и они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно-национальном отношении. Отсюда вывод, что, хотя и с некоторой натяжкой, их можно считать носителями культурной информации.

Общечеловеческие знания о мире также присутствуют и в фразеологизмах типа *развязать язык, связать по рукам и ногам*, в которых живет семантика узла, связывания как магического действия, т. е. национальная культура в них представлена через связь с мифологией, которая также является достаточно общей, по крайней мере, для славянских народов.

В частности, в составе многих украинских фразеологизмов встречаются названия растений *верба* и *калина*, что является национальными символами. Например:

як виросте гарбуз на вербі; (що) на вербі груші (ростуть); золоті верби ростуть; вибуяв (вигнав) як верба; закохатися, як (мов, ніби і т.ін.) чорт у стару вербу; причепитися як чорт до сухої верби; вірить як чорт у суху вербу; в'ється як чорт коло сухої верби; червона як калина; гарна як калина; заливається мов соловейко на каліні.

Кроме *верби* и *калини*, часто встречаются фразеологизмы со словом *мак*.

Для украинского народа мак выступает национальным символом. Мак – это растение, которое связано с народным мировоззрением, а лексема *мак* является одним из концептуальных слов языковой картины мира украинцев, в частности становится стержневым словом целого ряда фразеологизмов. Ведь *мак* это – символ девичьей красоты: *як маків цвіт; гарна як мак городній; мак* – символ сна, смерти: *сісти маком– загнуть; спить як (мов, ніби і т. ін) після маківки (маківок, маку)* – крепко, очень хорошо; *мак* – как символ наказания, проблем: *задати перцю з маком; втерти маку; терти мак (на голові); наїстися маку* – сойти с ума.

Для обозначения благосостояния также употребляются фразеологизмы с лексемой *мак*: *як мак на четверо* – бедный; *не з маком* – кому-нибудь тяжело, плохо; *з маком і з маком* – еще не все так плохо.

Следовательно, фразы со словом «мак» отображают разные аспекты человеческой жизни, построенные на народных наблюдениях, и выражают национальную специфику, через которую появляется менталитет.

Анализ мировоззренческих установок украинцев, отраженных во фразеологии сквозь призму хозяйственных взглядов, которая объясняется географическим принципом, то есть наличием степных пастбищ и условий для разведения скота, в частности коней, свидетельствует о том, что казак не был казаком, не имея коня, который означал определенный социальный статус, благосостояние, например: *бути (почувати себе) на коні; як на коня зсадив* – поднять настроение; *як (мов, ніби і т. ін.) на сто коней висадив*.

И абсолютно противоположное содержание имеет образец: *як з коня зсадив* – грубо выругал, что свидетельствует о приоритетном положении человека, который имеет коня.

Кроме социального престижа, конь характеризовался и как рабочее животное, например: *працює як кінь; працює як коняка*.

Трудолюбие человека подчеркивалось и в сравнении его работы с работой некоторых животных. Например, для усиления признака нами употребляются фразеологизмы: *здоровий як віл, працює (робить) як віл, працює як чорний віл; захекався (задихався) як віл у борозні; гнеться як віл у ярмо; впрягти як вола в ярмо; працює як [чорний (той)] віл [у ярмі]; тягне як віл воза; тихий як робочий віл*.

Эмоционально оценочную нагрузку несет группа фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Так, образ свиньи в национальном восприятии украинцев имеет четко

выраженную негативную характеристику. Комичный эффект запрограммирован в некоторых компаративных фразеологизмах, которые передают сугубо украинские установки и ориентиры общества. Например: *личить як свині сідло; личить як свині хомут; гарно як свині під лопухом; пристало як свині наритники.*

Умственные способности обобщались в таком метком высказывании: *дурний як сто свиней.* Поведение человека, которое неадекватно его реальному положению, осуждается в народе, но высказывается это в ироническом плане: *величається як свиня в барлозі; благородна як свиня городна.*

Примеры подтверждают, что фразеологизмы, в состав которых входят зоонимы, имеют выразительно-экспрессивный оттенок – негативный или позитивный.

В украинском языке наблюдается четкая закономерность: определенные зоонимы выступают стержневым компонентом фразеологизмов с негативным значением, другие – только с позитивным, но в обоих случаях такие фразеологизмы носят экспрессивный характер.

Фразеологизмы, в состав которых входят антропонимы, составляют особенно колоритный слой каждой национальной фразеологической системы: *кожен Івась має свій лас; бідному Савці нема долі ні на печі, ні на лавці (на печі печуть, а на лавці січуть); мели Іване, доки вітру стане; пара як Хома та Варвара; як Хима з Єрусалима.*

Эмоционально-оценочный характер антропонимов появляется через форму имени, то есть словообразовательную модель, которая передает фамильярность. Например: *Переливається як Терешко сироваткою; З Богом, Парасю; По Савці свитка; Не зівай, Хомко, на те ярмарок.*

Характерной особенностью антропонимов как компонентов фразеологизмов является их способность обобщать определенные характеристики. Когда собственные имена типизировались под воздействием фольклорных произведений, возникли фразеологизмы, где антропонимы приобрели эмоционально оценочный характер и начали выступать как общие названия. Этот процесс выразительно отражен в именах *Хома, Химка* – неудачник; *Гапка, Феська, Хівря* – недалекие, глуповатые; *Стецько* – дурак; *Солоха, Солоній* – невнимательные.

Значительная часть украинских фразеологизмов отображает социальные отношения: *пасти задніх; натягати на копил; кланятися в ноги; як на сповіді; ні роду ні племені; набивати ціну; гнути спину перед ким; собак дражнити; ламати шапку; на злодієві шапка горить; на всю губу; лишити з носом; жити на віру; загребти як собаку.*

Можно выделить фразеологизмы, которые отображают общественные и правовые взаимоотношения в прошлом: *показати місце кому; знати (розуміти) своє місце; бути на своєму місці; поставити на місце кого, переорати между чюю; воротися в между чюю; наче дідини не поділили.*

Отдельную группу представляют фразеологические структуры, в которых отображены внешний вид человека, его мимика, жесты, психическое и физиологическое состояние: *звісити голову; опустити голову як здохла курка крила; братися за боки; притулити горбатого до стіни; довгоногий як журавель; битися в груди; зашнурувати губи; задер голову на три п'яді догори; і оком не моргнути; скалити зуби; заламувати руки; волочити ноги; махнути рукою.*

Фразеологические единицы могут иметь черты фольклорно-песенного характера: *як чайка при дорозі; видно, хоч голки збирай; нудити світом; ні в казці сказати, ні пером описати; залишити ріжки та ніжки; летіти вище неба, нижче землі; судженого конем не об'їдеши; шукай вітра в полі; хоч з моста та в воду.*

Встречаются фразеологизмы, возникшие на основе игр: *класти на лопатки; хід конем; відкривати свої карти; гратися в піжмурки; мішати карти; остання карта; карти в руки; кинути всі козири; підкласти свиню кому.*

Некоторые фразеологические единицы могут быть охарактеризованы как фразеологизмы социального направления: *зв'язувати кінці з кінцями; в шори взяти; бути зайвим ротом; дві шкури дерти; пустити з торбами; з миру по нитці, бідному (голому) сорочка; тримати за морду; бити по кишнях; жити на широку ногу; покласти зуби на полицю (на клин); не по кишні.*

Как показывает собранный нами материал, многие фразеологизмы связаны с мифологемами и архетипами. Например: *как в воду глядел, как в зеркале*, – у славян зеркало осознается как граница между земным и потусторонним миром, и, следовательно, по функции подобно другим границам – меже, порогу, окну, колодцу и т.д.

Зеркало как реальная вещь появилась в позднее время, но его семантика и символика глубоко архаичны. Зеркало – вещь опасная, запретная, это средство контакта с ним; в зеркало нельзя смотреться невестам, одетым под венец, беременным, новорожденным, ибо они находятся в стадии перехода из одного мира в другой; его занавешивают в обрядах, связанных со смертью, якобы для того, чтобы покойник не мог пройти сквозь зеркало с того света. Зазеркалье – это перевернутый мир живых. Гадания на зеркале связаны с тем, что оно якобы способно отражать не только видимый мир, но и мир невидимый и даже потусторонний. Зеркало – как бы «окно в тот свет», поэтому, по славянским поверьям, ночью нельзя смотреться в зеркало, ибо ночь – это время нечистой силы, человек же в это время особенно уязвим. Подолгу смотреться в зеркало вредно, так как оно способно по частям похищать нашу душу, отправляя ее в мир зазеркалья, где душа гибнет. Зеркало как бы двойник того человека, который отражается в нем. Именно поэтому считается, что разбить зеркало – к беде, поскольку вместе с ним разбивается слепок нашей души.

Таким образом, в языке в большинстве своем закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами. Они как раз и формируют значение фразеологизмов типа *как в зеркале* в значении «очень хорошо видно» (в основе ее значения лежит мифологема «отражает невидимый и даже потусторонний мир»). При этом фразеологизмы сами становятся культурными стереотипами. Уяснение национально-культурной специфики фразеологизмов тесно смыкается с проблемами осознания человеком мира («живого» и в исторической памяти) и отражением этого осознания в языке.

Итак, фразеологизмы прямо или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому фразеологизмы – своего рода «кладесь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению.

Литература

- ДЕМСЬКИЙ, М., 1994. *Українські фраземи й особливості їх творення*. Львів: Просвіта, 62 с.
- ДІДИК, С. С., 1991. Фразеологізми як вияв духовності народу. *Культура мови і культура в мові*. Збірник наукових праць. Київ: НОК ВО, 182 с.
- КУБРЯКОВА, Е. С., 1991. *Человеческий фактор в языке*. Язык и порождение речи. Москва: Просвещение, с. 21.
- МАСЛОВА, В. А., 2001. *Лингвокультурология*. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: издательский центр «Академия», 208 с.
- УЖЧЕНКО, В. Д., АВКСЕНТЬЕВ, Л. Г., 1990. *Українська фразеологія*. Харків: Основа, 167 с.
- ТОЛСТАЯ, С. М., 1994. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах. *Славянский и балканский фольклор*. Москва: Просвещение, с. 111.
- Фразеологічний словник української мови*, 1993. Укладачі В. М. Білоноженко та інші. В 2-ох томах, т. 1, Киев: Наукова думка, 528 с.
- Фразеологічний словник української мови*, 1993. Укладачі В. М. Білоноженко та інші. В 2-ох томах, т. 2, Киев: Наукова думка, 980 с.

Ivan Kutnyak

Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko, Ukraine
Research interests: social philosophy.

FOLK PHRASEOLOGY AS A SUBJECT OF LINGUISTIC CULTUROLOGY

Summary

In the article the focus is on folk phraseology as a subject of linguistic culturology. Examples of phraseological units that depict psychological and ethnographical signs are given. Phraseology is an expression of national originality of transmitters of language. Images fixed in a phraseological composition are in one way or another related to the financial, social or spiritual culture of a nation. In phraseological units concepts and attitudes towards such categories as labour, laziness, truth, lies, conscience, fate, life and death are embedded. In their internal form most phraseological units contain the senses which give them a cultural and national colour. Thus spirituality of a nation becomes apparent in the structure of a language. Indissoluble unity of these phenomena allows via the analysis of linguistic cultures to reestablish ideal essences that form their basis.

KEY WORDS: linguistic culturology, phraseology, national color.

Елена Матушек

Харьковский национальный университет им. В. Каразина, Украина

пр. Героев Сталинграда 23–35, Харьков 61195, Украина

Тел.: +380501716417

Эл. почта: olenam2002@mail.ru

Научные интересы: украинское барокко, славистика.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УКРАИНСКОГО ПРОПОВЕДНИКА XVII ВЕКА

В этой статье исследуется языковая личность украинского проповедника второй половины XVII века. Объектом исследования являются тексты проповедей Иоанникия Галятковского, Антония Радивиловского и Лазаря Барановича. Основным предмет исследования изучается на уровне языка, картины мира, а также прагматических задач и целей, которые ставит перед собой проповедник. В результате мы пришли к выводу, что личность украинского проповедника формировала, с одной стороны, церковь, а с другой, – школа. Знания и установки проповедника обуславливали на уровне содержания церковный канон, а на уровне формы – риторические правила. В текстах украинских проповедников зафиксирована концентрическая картина мира, оформленная с помощью логических категорий и художественных параллелей. Но при этом отчетливо видно, откуда говорит проповедник. Рабочими языками проповедников в это время были как церковнославянский, так и староукраинский языки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, языковая личность, картина мира.

В нашей статье мы рассматриваем проповедь как застывший дискурс, соответственно, образ автора будет прочитан за основной моделью коммуникации «автор-текст-адресат». В рамках используемой нами методологической парадигмы происходит перенесение исследовательского интереса с текста как объекта на механизмы его текстопорождения и рецепции, а в конце концов – на того, кто его вырабатывает и потребляет.

Поскольку проповедь – это речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения (Прохватилова 1999, с. 123), то логично рассматривать подобную коммуникацию как религиозный дискурс. Одним из его компонентов, по наблюдениям В. Карасика, являются участники, которые разделяются на агентов и клиентов (Карасик 2002, с. 221). Первые – те, кто играет активную роль в институциональном общении, другие – те, кто к ним обращается. В дискурсе проповеди агенты – священники и епископы, клиенты – прихожане.

Произносить проповедь имеет право человек с компетенцией на это действие. Это священник или епископ, получивший благодать Святого Духа во время таинства хиротонии.

Проповедник проявляет себя прежде всего через созданные им тексты. Текст проповеди в данном случае выступает как результат текстопорождающей деятельности, коммуникативного события или коммуникативного акта. По определению Т. ван Дейка, этот процесс «является сложным единством языковой формы, значения и действия» (Дейк 1989, с. 121-122), то есть дискурса, при определении которого «нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления» (Дейк 1989, с. 122). Практически парадигма «язык – мир – установки и представления» соответствует структуре языковой личности. Ю. Караулов предлагает исследовать ее на трех уровнях: вербально-семантическом (нормальное владение природным языком), лингвокогнитивном («понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей») и прагматическом (цели, мотивы, интересы и интенциональности) (Караулов 1989, с. 5). Изучение личности украинского проповедника XVIII века по текстам проповедей и составляет задачу нашего исследования.

Язык

Многие исследователи заметили, что язык проповедей Лазаря Барановича «почти чистый славянский» (История проповедничества). В то же время его ученики Радивиловский и Галятовский писали на староукраинском литературном языке (Русанівський 2001, с. 120). На протяжении долгого времени именно церковнославянский, выполняя функции богослужебную и распространения авторитетных текстов, был сакральным языком для многочисленной православной общины (Пиккио 2003, с. 391).

По мнению Н. Толстого, «южно- и восточнославянская <...> письменность может быть схематически представлена как фигура с рядом иерархически подчиненных ярусов, отражающих различные жанры, в которой вслед за каноническими (евангелие, псалтырь и др.) и литургическими текстами следует литература аскетическая, проповедническая («слова» и т. п.), агиографическая, повествовательная (повести, «романы» и т.п.), апокрифическая, историческая (хронографы, летописи), паломническая («хождения» и т.п.), художественно-поэтическая, публицистическая и др.» (Толстой 1961, с. 54). Жанр проповеди очень высоко стоит в этой иерархии, может быть, даже сразу после литургии, поскольку сам является ее частью. Лазарь Баранович как первоиерарх украинской церкви, очевидно, ощущал себя хранителем православной традиции, используя церковнославянский язык в своих проповедях. Кроме того, барочные писатели были склонны все упорядочивать, иерархизировать. Сакральный язык соответствовал высокому месту автора в церковной иерархии, с одной стороны, а с другой, – давал написанному более высокий статус и возможность широкой аудитории.

Картина мира

Знания, установки и представления фиксируются в текстах в виде формул, обусловленных, с одной стороны, канонами и традицией, а с другой, – предписаниями риторики и гомилетики. Соответственно, создаваемая в проповеди картина мира – это нормативный миропорядок. Креативная составляющая дискурса характеризуется интенсивным использованием школьной риторики. Рецептивная составляющая – регулятивная. Она приобщает к готовым верованиям, формирует концептосферу аудитории.

Поэтику таких произведений С. Бройтман характеризует как эйдетическую. По мнению этого исследователя, ощущение авторства в эйдетической поэтике развилось на основе не «автономной причастности» «Я» Богу и миру (Бройтман 2001, с. 143). По С. Бройтману, роль творческой личности заключается в роли посредника между первоосновой и адресатом. В христианстве это посредничество между Богом и людьми, небесным и земным уровнями Церкви. Фома Аквинский советовал священнику всегда тщательно готовиться к проповеди, даже тогда, когда он должен выступить перед простой деревенской общиной. Он должен представить себе, что стоит <...> перед самим Христом (Певницкий 1894, т.1, с. 322). Эразм Роттердамский также указывал на посредническую функцию духовных ораторов, «которые изъясняют законы, обетования и волю верховного Царя Царей» (Певницкий, т. 2, с. 427).

Соответственно, на протяжении истории церкви личность проповедника формируется на духовных ценностях и этических правилах Церкви и Библии как их основы. Этот момент так или иначе прописывался в гомилетиках. Эразм Роттердамский акцентирует на духовности и моральности проповедника и утверждает, что у него должно быть чистое сердце. И тут же советует, как этого достичь: читать Святое Писание и для его глубокого понимания изучать труды церковных учителей, иметь здравое суждение, благоразумие, чистый и мужественный дух. Проповедник, по мнению Эразма, должен избегать всякого греха, любить то, в чем убеждает, быть верующим и рассудительным (Певницкий 1894, т. 2, с. 431-437).

В проповеди на похороны священника Лазарь Баранович тоже акцентирует на учительной и посреднической функции епископа: «подобает епископу быти учительну, оучаше того, что ему подае Дух Святый» (Баранович 1674, с. 318). При этом проповедник должен действовать в соответствии с апостольской директивой: «Проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, запрети, умоли, со всяким долготерпением и оучением; вникай себе и оучению, и пребывай в них» (Баранович 1674, с. 315). Следствием этой деятельности, по Лазарю Барановичу, должно стать спасение как самого пастыря, так и его паствы.

Автор как ритор

Отметим, что в нашей работе термины оратор и ритор не синонимы. Теоретик риторики XV века Д. Тардиф определил эти понятия: ритор – это учитель риторки, творением, а также инструментом которого является язык, оратор – человек, умеющий хорошо говорить (Lichański 1992, s. 264). Соответственно, риторика – общая теория любого текста, а ораторство – только фрагмент этой теории, практическое применение ее указаний (Lichański 1992, s. 266). Охарактеризовать ритора можно на основе курсов, которые он прослушал и преподавал, и текстов, которые он создал. В XVII веке ритора формировала школа. Практически все украинские иерархи прошли через Киево-Могилянскую коллегию. Проверенных данных об учебе там Барановича нет. Исследователь Н. Петров отмечает, что товарищами по школе будущего владыки были Феодосий Софонович и Мелетий Дзык (Петров 1895, с. 595). Иоанникий Галятовский в предисловии к трактату „Stary koschol zahodni” еще в XVII веке писал, что Лазарь Баранович получил образование в академиях и коллегиях Вильно, Калиша и Киева (Галятовский 1678, с. 2, предисл.). Н. Петров повторяет за ним, что черниговский архиепископ закончил свое образование в польско-католических академиях (Петров 1895, с. 595). Очевидно, что это произошло до 1642 года, когда Лазарь Баранович начал преподавать в начальных классах Киево-Братской коллегии.

В иезуитских школах курс риторки был тесно связан с курсом поэтики. Часто их читал один и тот же преподаватель. В его обязанности входило обучение студентов основам теории и дефиниции, риторическим правилам на литературном или историческом материале классиков, общим и частным риторическим вопросам, упражнениям для памяти, искусству *interpretatio* и *concentratio*, имитации классических поэтов и ораторов, искусству описания (на определенную тему) и перевода (с латинского), составлению стихов, подготовке к публичным и театральным выступлениям (Montusiewicz 1984, s. 196). Из теоретических вопросов преподавались правила *inventio*, *dispositio* и *elocutio*, а именно – нахождение темы, разделение ее на части, применение способов изложения содержания, анализ аргументации, особенности стиля, называние риторических фигур, исторические и мифологические экскурсы (Łukaszewicz 1849, s. 236). Польский исследователь Ришард Монтушевич называет наиболее авторитетные книги для риторов того времени. К корпусу классики, который остался неизменным на протяжении всего XVII века, он относит книги: «Retoryka» Аристотеля, «De oratore» і «Partitiones oratoriae» Цицерона, «Institutiones oratoriae» Квинтилиана, «Rhetorica ad Herennium», «Progynasmata», а также сборники греческих и римских риторических трактатов. Из неориторов самым популярным был Киприан Соарес с трудом «De arte rhetorica libri III», а из гомилетов – Николай Коссен, автор «De eloquentia sacra et humana libri XVI» (первое издание 1623) (Montusiewicz 1984, s. 196-197). Вероятно, именно эти книги были основными при формировании Лазаря Барановича как ритора и писателя.

Н. Петров утверждает, что Лазарь Баранович преподавал курс риторки в Киево-Могилянской коллегии в 1646/47 учебном году. К сожалению, этот авторский курс не

сохранился. Известно лишь, что он был написан на латинском и польском языках и законспектирован «в 1647 году воспитанником Киевской коллегии Тимофеем Топоровым» (Петров 1895, с. 599). Н. Петров говорит также, что эта рукопись находилась в библиотеке Иркутской духовной семинарии, и не была найдена по просьбе из Киевской академии. Информация об авторе исчерпывается указанием на то, что в начале рукописи находится портрет Барановича с его гербом, а в конце – примечание «Finis patris Baranowicz», за ним – похвала и выражение уверенности в том, что автор находится на небе, как и его патрон. Соответственно, к сожалению, о Барановиче как риторе мы можем делать выводы только на основании его проповедей.

Проповеди черниговского архиепископа являются образцами церковного ораторского искусства. Часто они составлены «на основании логических категорий Аристотеля («Слово на Воздвижение»), на основании отношений больших понятий к меньшим («Слово на Рождество Богородицы»), на основании аллегорического сближения предметов, на толковании имени и т.п.» (История проповедничества). В начале каждой проповеди автор формулирует тему, которую развивает в проповеди в основном с помощью аргументов, взятых из Святого Писания и трудов Отцов Церкви. Примечательно, что Баранович не пользуется светскими источниками.

Картина мира проповедника Лазаря Барановича

Картина мира определяется исследователями как система образов (и связей между ними) – наглядных представлений о мире и месте человека в нем, сведений о взаимоотношениях человека с действительностью (человека с природой, человека с обществом, человека с другим человеком (а также человека с Богом – Е. М.)) и с самим собой. Кроме того, картину мира составляют порождаемые этой своеобразной конфигурацией образов и сведений жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации и духовные ориентиры (Жидков, Соколов 2003, с. 69).

В предисловии к читателю книги «Трубы словес проповедных» Лазарь Баранович моделирует концентрическую картину мира. Это не индивидуальная модель мира, а коллективная. Как правило, при ее формировании, с одной стороны, существует объективная реальность, а с другой, – ее психическая модель. В культурах средневекового типа – это канонически-традиционалистская модель. Из картины мира, по В. Жидкову и К. Соколову, вытекает все остальное – и ценности, и их иерархия, и парадигмы научного познания, и допустимые способы человеческих действий (там же, с. 70). По мнению Б. Берштейна, картина мира служит интегральной типологической характеристикой культуры (там же, с. 70). На этой основе исследователи употребляют термины «культура» и «картина мира» как синонимы. Соответственно, последняя является сложно организованным текстом.

У Лазаря Барановича он выстраивается на основе учений об эсхатологии и эклезииологии. Мир в предисловии – логически упорядоченная, рациональная конструкция, которую автор подает, с одной стороны, с помощью метафоры книги, а с другой, – структуры церковного календаря. Ключевой образ, от которого отталкивается Баранович, – образ Книги Жизни из Апокалипсиса. Книга Иоанна Богослова не используется при богослужении. Соответственно, нахождение материала для предисловия на его основе делает картину мира автора более целостной с точки зрения презентации книг Библии. Масштабность мышления автора – в направленности в эсхатологическое будущее, во времена последнего суда. Образ книги приобретает разную семантику – это и книга, которую читатель держит в руках, и Книга в руках Агнца, и Дева Богородица. Открытость списка дает шанс присоединения к нему каждого: любой христианин может быть записан в нее при условии праведности. Автор-субъект дает моральные напутствия: «Внимайте апостолу: бывайте другъ ко другу Блази, Милосерды. Прощающе друг друга, яко же и Бог во Христѣ простилъ ест вамъ» (Баранович 1674, предисл., с. 6).

Система образов, очередность их текстовой репрезентации сурово регламентированы структурой небесной иерархии: Иисус Христос, Дева Мария, архангелы, пророки, апостолы, мученики, святители и др. Автор вводит дополнительный эстетический принцип упорядочивания материала – визуально-астрологический. Образ апокалипсической жены с двенадцатью звездами вокруг головы, истолкованный как образ Богородицы, художественно упорядочивает небесный универсум. По тексту двенадцать звезд уподобляются двенадцати знакам зодиака. Между символом зодиакального знака и деятельностью или характеристикой святых автор находит внутреннюю связь: «АПЛИ, сія солнца в знаменіи рыбъ, в приличном рыбаремъ знаменіи, их же сотвори ХС Ловца Человеком» (там же., с.1 об.).

В конце предисловия автор посвящает два свои сборника Восточной Церкви: «Яко МЕЧ, сице сія ТРУБЫ под ЦЕРКВЕ Восточныя Разум прекланяю» (там же, предисл., с. 6).

Таким образом, картина мира Лазаря Барановича соответствует коллективной модели православной церкви. Но для традиционного канонического содержания автор находит оригинальную барочную форму. Он четко позиционирует себя как одного из наиболее влиятельных церковных православных иерархов, что позволяло ему мыслить в масштабах вселенского православия.

Идентичность проповедника

Христианская церковь зафиксировала памятные даты, которые напоминают события из жизни Иисуса Христа и святых. Считается, что церковный календарь вмещает праздники, напоминающие об избавлении человека через Иисуса Христа. Таким образом, повторяющийся годичный цикл «отражает полноту божественной жизни» (Кунцлер 2001, с. 95). В соответствии со схемой православного года уложена вторая книга Лазаря Барановича «Трубы». В нее вошли проповеди на большие, т. е. двенадцатые праздники: Рождество

Богородицы, Воздвижение честного креста, Введение в храм Пресвятой Богородицы, Рождество, Богоявление, Сретение, Благовещение, Святых апостолов Петра и Павла, Успение Пресвятой Богородицы. Книга также включает проповеди на сопроводительные праздники (Собор Богородицы и Собор Иоанна Крестителя) и дни памяти святых (Иоанна Богослова, Косьмы и Дамиана, Варвары, Николая Мирликийского и других). Эти даты задают наиболее универсальные параметры как книге, так и месту пребывания проповедника. Особого внимания в этом плане заслуживают проповеди об украинских святых. Это «слова» на день памяти Алексея, митрополита Киевского, Бориса и Глеба, Феодосия и Антония Печерских, князя Владимира. Именно эти тексты тематически свидетельствуют, откуда говорит проповедник, представителем какой церкви он является. Это тот случай, когда временные показатели становятся географическими.

Координаты места пребывания проповедника будут еще точнее, если обратить внимание на культ святых на определенной территории, а также храмы, находящиеся здесь. При анализе дискурса исследуется совокупность текстов (проповедей или листовок) в том плане, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания (Серио 1999, с. 28). Понятно, что картину мира проповедника формирует канон как свод положений, носящих нормативный характер (Христианство 1994, с. 187). Фактически, это правила, касающиеся вероучения, обрядности и церковной организации, а также постановления Вселенских соборов об упорядочивании церковной жизни и характера религиозности. Но у каждой церкви – своя история и традиции. В XVII веке силы украинской церкви были направлены на самосохранение.

В 20-е годы XVII века произошло возрождение православной иерархии, отстраиваются монастыри, возрождается их роль в качестве культурных центров, организовывается школа для подготовки священников. В это время украинская православная церковь отличается от ближайшего субкультурного контекста некоторыми правилами церковной жизни, формами поклонения святым, обрядностью.

Петр Могила начинает реформу украинской церкви, используя опыт католического богословия в сфере внутрицерковных изменений, организации школы, унификации литургических практик, систематизации православного вероучения. Результаты нововведений были зафиксированы в катехизисах Петра Могилы. «Собраніє короткої науки об артикулах веры» (1645) писало о существовании третьего места (чистилища наряду с раем и адом) в потустороннем мире. Описание обряда крещения было двояким: и через погружение, и через обливание (Корзо 2007, с. 363). Список смертных грехов (гордыня, алчность, прелюбодеяние, зависть, обжорство, гнев и лень) Петр Могила перечислил за Григорием I (*ibid.*, с. 67). Сакраментология украинской церкви во многих моментах зависит от католического учения. Предметом полемики между украинским и российским православием стал момент перевоплощения хлеба и вина на тело и кровь Христовы (проблема эпиклезы). По катехизису 1645 года, это происходит в момент

провозглашения евангельских слов: «И когда они ели. Иисус взял хлеб и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть тело мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мт. 26, 26-28). Московские переводы катехизиса 1649 и 1696 года акцентировали, что перевоплощение происходит в евхаристической молитве. Элементом киевской церковной традиции был мотив избавления Девы Марии первородного греха, который в богословии католической церкви оформился в середине XIX века как догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Обрядовым элементом, отличающим Киевскую митрополию от ближайшего православного контекста, была молитва разрешения священника над раскаявшимся грешником. Все эти черты вошли в разные тексты украинских авторов как тема, мотив, аргумент и т.д. По ним можно было понять, что говорят из Киева.

Все проповедники используют топос самоуничтожения, задачей считают наставление слушателей, но Иоанникий Галятовский среди других выделяет и чисто литературные задания, Антоний Радивиловский – эстетические, Лазарь Баранович – ексклезиологические. В зависимости от заданий каждый автор выбирает свой идеал проповедника. Самым консервативным из всех оказался Лазарь Баранович. Его мысли отличаются масштабностью, что, скорее всего, было связано с его ролью первоиерарха не только Черниговской епархии, но и всей Киевской митрополии.

Таким образом, личность украинского проповедника формировала, с одной стороны церковь, а с другой, - школа. Знания и установки проповедника обуславливали на уровне содержания церковный канон, а на уровне формы – риторические правила. В текстах украинских проповедников зафиксирована концентрическая картина мира, оформленная с помощью логических категорий и художественных параллелей. Но при этом отчетливо видно, откуда говорит проповедник. Рабочими языками проповедников в это время были как церковнославянский, так и староукраинский языки.

Литература

- GALIATOWSKI, J., 1678. *Stary kosciół zachodni*. Новгород-Сіверський: друкарня Лазаря Барановича.
- LICHAŃSKI, J., 1992. *Retoryka od średniowiecza do baroku: teoria i praktyka*. Warszawa: wydawnictwo naukowe PWN.
- ŁUKASZEWICZ, J., 1849. *Historia szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim*. Poznań, 1, s. 236-241.
- MONTUSIEWICZ, R., 1984. *Kultura retoryczna kolegiów w XVII i połowie XVIII wieku. Rekonesans materialowy, in Retoryka a literatura*. Wrocław-Warszawa-Kraków: wydawnictwo PAN, s. 193-210.
- БАРАНОВИЧ, Л., 1674. Трубы словес проповедных. Киев: типография Киево-Печерской Лавры.
- БРОЙТМАН, С, 2001. *Историческая поэтика*. Учебное пособие. Москва: издательский центр РГГУ.
- ДЕЙК, Т. ван., 1989. *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва: Прогресс.

- ЖИДКОВ, В.; СОКОЛОВ, К., 2003. *Искусство и картина мира*. Санкт-Петербург: Алетея.
История проповедничества на Руси, in www.lib.eparhia-saratov.ru
- КАРАСИК, В., 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
- КАРАУЛОВ, Ю., 1989. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения, in *Язык и личность*. Москва: Гнозис.
- КОРЗО, М., 2007. *Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований*. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- КУНЦІЕР, М., 2001. *Літургія церкви*. Львів: Свічадо.
- СЕРИО, П., 1999. Как читают тексты во Франции, in *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Москва: изд. группа «Прогресс», с. 12–53.
- Христианство*, 1994. Словарь. Москва: Республика.
- ПЕВНИЦКИЙ, В., 1894. Гомилетика Эразма Роттердамского, in *Труды Киевской Духовной Академии*, 1– с. 317-342; 2 – с. 426-448.
- ПЕТРОВ, Н., 1895. Киевская Академия во второй половине XVII века, in *Труды Киевской Духовной Академии*, 2, № 8, с. 586 -622.
- ПИККИО, Р., 2003.: Церковнославянский язык, in *Slavia orthodoxa: Литература и язык*. Москва: Знак, с. 363-402.
- ПРОХВАТИЛОВА, О., 1999. *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи*. Волгоград: издательство Волгоградского государственного университета.
- РУСАНІВСЬКИЙ, В., 2001. *Історія української літературної мови*. Київ: Наукова думка.
- ТОЛСТОЙ, Н., 1961. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян, in *Вопросы языкознания*, 1, с. 52-66.

Olena Matushek

V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Research interests: Ukrainian baroque, Slavonic studies

THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE UKRAINIAN PREACHER OF THE 17th CENTURY

Summary

This article investigates the language personality of the Ukrainian preacher of second half of 17th century. The object of this research is the texts of the sermons of Ioannikij Galjatovsky, Antonij Radivilovsky and Lazar Baranovych. The basic object of this research is studied at level of language, world picture and also pragmatological problems and the objectives each preacher sets. As a result, we have come to a conclusion that the personality of the Ukrainian preacher was formed, on the one hand, by church, and on the other, by school. At a level of content, the knowledge of the preacher is determined by church canons, and at a level of form, by rhetorical rules. In the texts of the Ukrainian preachers the concentric picture of the world formed by means of logic categories and parallels in art is fixed. Thus it is clearly visible where the preacher speaks from. At that time the working languages of the preachers were both Church Slavonic, and Old Ukrainian languages.

KEY WORDS: discourse, language personality, world picture

Любовь Пац

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина
ул. Рудакова 25, 84626 Горловка, Донецкая область, Украина

Тел.: +38 050 8243554

Эл. почта: vikatriada@yandex.ru

Научные интересы: лингвокультурология, функциональный синтаксис

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В УКРАИНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

В статье рассматривается специфика отображения национальной языковой картины мира в украинских пословицах и поговорках; влияние национального самосознания, культурной и этно-исторической самобытности украинцев на организацию устойчивых народных словосочетаний вокруг семантических оппозиций, которые характеризуют морально-этические нормы, социальное обустройство общества и сферу материальных взаимоотношений. Своеобразие национальной языковой картины мира определило то, что значительная часть фразеологических оборотов устно-разговорного происхождения группируется в области морально-этических норм вокруг семем 'друг'–'враг', 'добро'–'зло', 'правда'–'несправедливость'; в сфере социальных отношений смысл фразеологических единиц определяется лексемами 'бедный'–'богатый' или своеобразными видами деятельности, имевших место в истории украинского народа, когда значительная часть мужского населения страны была казаками или чумаками. Пословицы и поговорки, которые касаются области материальных взаимоотношений, в большей степени представлены в семантических оппозициях 'давать'–'брать', 'иметь'–'не иметь', 'изобилие'–'недостаток', 'продавать'–'покупать' и других.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная языковая картина мира, пословицы и поговорки, менталитет, концепт, семантическая оппозиция.

Современные процессы глобализации, которые сегодня все больше охватывают мир, никоим образом не противоречат стремлению каждой нации сохранить свой язык, культурную и этно-историческую самобытность и национальное самосознание. Именно языковая картина мира содержит в себе то, что позволяет каждому отдельному человеку идентифицировать себя не только как личность, но и как представителя социума, поскольку «язык – это история и современность, это каждый человек и народ, это инструмент, который помогает человеку в его ежедневной практической деятельности, т. е. является орудием общения, и одновременно это способ проникновения в глубины исторической памяти народа, это сохранение духовного состояния нации грядущим поколениям» (Українці у світовій цивілізації і культурі. 2005, с. 157).

Постановку и решение проблемы проявления специфических для носителей языка представлений об окружающем мире, чем занимается популярное сегодня направление языкознания – когнитивистика, связывают с именами В. фон. Гумбольдта, А. Вежбицкой, Э. Сепира, Д. Лакоффа, М. Джонсона, современных русских лингвистов Е. С. Кубряковой, М. В. Всеволодовой и других. На современном этапе исследование языковой картины мира осуществляется в двух направлениях: с одной стороны, это реконструкция целостной системы представлений, определенных общечеловеческих универсалий, отраженных в языке, с другой – исследование специфических, свойственных конкретному языку концептов, которые являются для него определяющими и которые присутствуют в определенной национальной культуре. В последние годы в отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода. Его целью в украинистике является отображение украинской языковой картины мира на основании комплексного анализа лингвоспецифических концептов украинского языка в межкультурной перспективе (работы И. Голубовской, М. Скаб, М. Вильчицкой и других) (Сидорук 2008, с. 32).

Каждый, кто соприкасался с украинской художественной словесностью, устным народным творчеством, художественной литературой, не мог не обратить внимание на одну из её самых существенных особенностей – органическую связь с историей, судьбой и характером народа. Отследить механизмы самосохранения национально-этнического достоинства в условиях постоянных изменений, характерных для современного общества, в том числе и украинского, представляется возможным благодаря мировоззренческо-методологическому потенциалу ментальности как целостной картины мира (Ригованова. 2008, с. 212), главенствующим компонентом которой является языковая картина.

Одним из главных средств выражения национальной языковой картины мира являются фразеологические и лексические единицы, ибо, как отмечал еще В. фон Гумбольдт, слова и формы слов образуют и определяют понятия, а разные языки по своей сути, по своему влиянию на процесс восприятия и на чувства являются на самом деле различными мировоззрениями (Гумбольдт 1985, с. 370).

В плане изучаемого аспекта фразеологический уровень языковой системы даёт возможность при анализе основных компонентов, определяющих содержание большинства пословиц и поговорок, учитывать не только их словарные интерпретации, но и особенности проявления их синтагматических свойств, собственно их лексического потенциала.

Среди огромнейшего массива фразеологических образований именно пословицы и поговорки являются тем минимальным контекстом, в котором зафиксирован многовековой национальный опыт и отражена своеобразная украинская ментальность. Устойчивые словосочетания устно-разговорного происхождения – это специфический народный кодекс моральных и социальных отношений между членами общества, а поэтому мы осознанно избрали для анализа пословицы и поговорки, касающиеся человеческих взаимоотношений как в духовной, так и материальной сферах.

Своеобразная украинская ментальность определяет национальную языковую картину, что, прежде всего, влияет на выбор лексико-семантических единиц, соотносимых с представлениями украинцев о морально-этических нормах и отношениях между людьми в области духовных, трудовых, социальных и имущественных отношений. Поскольку духовное начало всегда было определяющим в украинской национальной традиции, великое множество пословиц и поговорок касается духовной жизни и группируется вокруг таких понятий, как 'дружба', 'правда', 'добро' и 'воля'.

Так, дружественные отношения свойственно проявлять не только к близким или знакомым тебе людям, но и к любому человеку, оказавшемуся гостем в твоём доме. Издавна наш народ известен во всем мире своим гостеприимством, обычаем встречать гостей хлебом-солью, а гостю оказывать почет и уважение: Гість лави не засидить, ліжка не залежить (Прислів'я та приказки 1991, с. 33); Гостя напої, накорми і спати поклади (там же, с. 34). Стремление человека к добрососедским отношениям определило наличие целого ряда кратких паремийных форм, в основе которых лежит концепт 'дружба': Берись дружно – не буде сутужно (Прислів'я та приказки. 1991, с. 23); Дружба – найбільший скарб (там же, с. 24); Дружба родиться в біді, а гартується в труді (там же). Чтобы противостоять жизненным трудностям, человеку не обойтись без поддержки друзей, чтобы жить в согласии с миром и собой, противодействовать несправедливости, иногда даже враждебности, необходимо выстраивать свои отношения на основании взаимопомощи и поддержки, что во многом определяет организацию анализированных фольклорных единиц вокруг таких семантических оппозиций:

- 'друг' – 'ворог': Як не матимеш друга, то матимеш ворога (Прислів'я та приказки 1991, с. 23); Ліпше мати сто приятелів, чим одного ворога (там же, с. 25); Лагідні слова роблять приятелів, а гострі слова – завзятих ворогів (там же, с. 25);
- 'згода' – 'незгода': Згода буде, а незгода руйнує (там же, с. 54); Де згода панує, там і горе танцює (там же, с. 51); Через незгоду тратять люди свободу (там же).

Народная мудрость регулирует морально-этические нормы в обществе, поведение человека, придавая большое значение единению, добрососедству, взаимопониманию и

осуждая ссоры, несогласие и драки. Значительная часть таких пословиц и поговорок опирается на библейские заповеди: Він тебе каменем, ти його хлібом (Прислів'я та приказки 1991, с. 53); На батозі далеко не пойдеш (там же, с. 52). Но при этом за неправильное или аморальное поведение, нарушение норм общественной жизни, которые ведут свое исчисление еще с древнего права и обрядов, человека всенепременно ожидает наказание: Бий ледачого, бий і положи кий (там же, с. 55); Як є нагорода за добро, то повинна бути і кара за зло (там же, с. 65). Если же ты поступил несправедливо или обидел ближнего, то обязательно должен покаяться: Хто згрішив, нехай кається (там же, с. 67); Буде каяття, та не буде вороття (там же, с. 67).

Основу многих народных устойчивых словосочетаний составляет компонент 'праця', ибо человек всегда оценивается обществом по его трудолюбию: Вставай до сходу сонця, працюй до ночі, то їстимеш калачі (Скарбниця народної мудрості 2009, с. 14); Де працюють, мають густо, а де гайнують, мають пусто (там же). Лень же и неумение работать всегда осуждалось обществом: Отак він діло в руки бере, як свекор пелюшки пере; Б'ють не лежачого, а ледачого (там же, с. 48). Обществу трудолюбию противопоставляются неумение или нежелание работать, высмеиваются результаты поспешного или некачественного труда: Він чоловік майстровий: стук-грюк і п'ятак (Там же, с. 22); Зробили спішно, та коли б воно не вийшло смішно (Там же, с. 21). И хотя лень – один из тех человеческих недостатков, которые наиболее подвергаются высмеиванию, не приветствуются в народе и другие отрицательные черты в характере и поведении:

- зависть: Заздрість здоров'я їсть; На чужій ниві все ліпша пшениця (Скарбниця народної мудрості. 2009, с. 35);
- жадность: У нього не розживешся і серед зими льоду; Бездонної бочки не наллеш (там же, с. 36);
- заносчивость: Нема краще понад мене та понад попову свиню; Хвальби повні торби, а вони порожні (там же, с. 37);
- безразличие: Моє діло півняче: проспівав, а там хоч і не розвидняйся; Не моє просо, не мої горобці, не буду відганяти (там же, с. 42);
- враньє: Як маєш збрехати, то краще змовчати; Присягалися сліпці, що своїми очима бачили (там же, с. 43).

Особенности взаимоотношений между людьми в семейной и общественной жизни нашли своё отображение в семантических оппозициях 'правда'–'кривда'; 'доля'–'недоля'; 'щастя'–'горе'; 'добро'–'біда'; 'воля'–'неволя'. Сложные условия формирования украинской нации и независимого государства не могли не иметь определенного влияния на устное народное творчество, в том числе и на пословицы и поговорки, среди которых единицы с семантическим компонентом 'біда', 'лихо', 'горе' оказались, по нашим наблюдениям, многочисленными: Біда, біда та й ще й лихо (Прислів'я та приказки 1991, с. 140); Біда знайде, хоч і сонце зайде (там же, с. 140); Втікає від горя, а воно іде тобі назустріч (там же, с. 155). Но все же при этом положительное начало и жизненный оптимизм, надежда на лучшее будущее побеждают все негативы, а главным жизненным кредо остается правдивость в отношениях и самых разнообразных сферах бытия, в следствие чего появилось огромное количество устойчивых народных словосочетаний с компонентом 'правда': Без правди

жити – то так як по-вовчому вити (Прислів'я та приказки. 1991, с. 181); Все минає, лиш правда не минеться (там же, с. 181); Краще правда в болоті, як неправда в золоті (там же, с. 183).

Широкая амплитуда значений и масштабность употреблений присуща пословицам и поговоркам, которые содержат прямую оценку конкретных ситуаций общественной жизни или социальные обобщения, среди которых определяющими являются те, которые базируются на оппозициях 'бідний'–'багатий', 'бідність – багатство'. При этом 'бідність' в одном ассоциативном ряду с понятиями 'правда', 'порядність', 'працьовитість', что, по мнению большинства членов обществ, абсолютно не соотносятся с понятием 'багатство': Бідний до всіх рідний, а багатий нікому не радий (Прислів'я та приказки 1991, с. 202); Мужича правда колюча, а панська на всі боки гнуча (там же, с. 207). Чувство юмора, которым сполна обладает

украинский народ, нашло свое отражение в пословицах-оксиморонах, где народ иронизирует над своей бедностью: От розбагатіла: поли дереу та спину латаю (там же, с. 224); Багач – його сусіда чотирма волами оре (там же, с. 219).

Пословицы и поговорки, касающиеся семейных отношений, не только определяют главенствующую роль семьи как основы существования и успешного функционирования общества в целом: Найлучча спілка – чоловік і жінка! (Скарбниця народної мудрості 2009, с. 33); Всяка пташка своє гніздо знає (там же), - но и подчеркивают равенство мужчины и женщины в семейной жизни. Русское «выйти замуж» в украинском языке в дословном переводе отсутствует, а ему отвечают «вони побралися», «вступили до шлюбу». Ярким подтверждением того, что к женщине у украинского народа было особое уважительное отношение, являются устойчивые словосочетания такого типа: Жінка чоловікові подруга, а не прислуга; Чоловік у домі – голова, а жінка – душа; Нема вірнішого приятеля, як добра жінка (там же, с. 33). Семейное благополучие и порядок в доме равно зависят и от мужа, и от жены: Як любя дружина, то любо й в ряднині (там же, с. 33); Жінка за три угли хату держить, а чоловік – за один (там же, с. 34).

Среди пословиц и поговорок, которые касаются общественного строя и социальных взаимоотношений, особое место занимают единицы с опорным компонентом ‘козак’ и ‘чумак’, в которых дается народная оценка тому роду занятий, который хотя и отошел в прошлое, но имел незаурядное значение в истории украинского народа. Существование Запорожской Сечи как феномена социального обустройства положительно влияло на формирование и утверждение национального самосознания, а поэтому в большинстве устойчивых народных выражений наряду с компонентом ‘козак’ употребляются лексемы ‘доля’, ‘слава’, ‘воля’: Козак не без долі, дівка не без щастя (Прислів'я та приказки 1991, с. 262); Де козак, там і слава (там же, с.261); Коли козак у полі, то він на волі (там же, с. 263), а казак – это защитник и покровитель: Зроду-віку козак не був і не буде катом (там же, с. 262).

Чумачество же менее распространенное явление, чем казачество, а поэтому устойчивых выражений о чумаках намного меньше: Доля чумацька гірка і щастя щербате; Віз ламається, чумак ума набирається (Прислів'я та приказки 1991, с. 267).

Украинец всегда ощущал и ощущает себя представителем социума, в следствие чего вокруг понятий ‘спілка’, ‘гурт’, ‘громада’ сгруппировано большое количество паремий, где утверждается приоритетная роль коллектива, а общественное всегда стоит выше личного: Добре там живеться, де гуртом сіється і жнеться (Прислів'я та приказки. 1991, с. 275); Не слухаєш громаду – ідеш сам проти себе; Громада – великий чоловік (там же, с. 276). Украинец всегда думал о том, что будут говорить люди, соседи: Нехай буде, як скажуть люди (там же, с. 277). От взаимоотношений с соседями во многом зависит спокойствие в семье, а поэтому порой ничего нет важнее добрососедства: Близький сусід кращий від далеко брата (там же, с. 27); Добрий сусід – найближча людина (там же, с. 28).

В определенной части пословиц и поговорок акцентируется внимание на взглядах, верованиях, обрядах, которые имеют свои отличия в разных местностях: В чужім краю звичаю не знаю (Прислів'я та приказки 1991, с. 255); Який край, такий і закон (Там же), при этом чувство патриотизма – обязательная черта характера сознательной личности: За своїм краєм серце болить; Лучче на рідній країні кістьми полягти, ніж на чужій слави досягти (там же, с. 255).

Сфера материальных взаимоотношений нашла свое отражение в пословицах и поговорках с широкой амплитудой опорных слов, среди которых наиболее активно проявляют себя оппозиции:

- ‘давати’-‘брати’: В чужім домі не вибирай, що дають тримай (Прислів'я та приказки 1991, с.74); Брав – не питався, верни – не встидайся (там же, с. 81);
- ‘мати’-‘не мати’: Будеш тоді мати, як будеш хати пильнувати; Як не будеш доглядати, не будеш нічого мати (там же, с. 92);
- ‘достаток’-‘недостаток’: Достаток і запас біди не чинять; Недостатки беруть остатки (там же, с. 92);

- ‘знаходити’-‘втрачати’: Знайдеш – не веселися, згубиш – не смутися (там же, с.95); Годі ціну йому знаєш, як втрачаєш (там же, с. 96).

В соответствии с нормами этикета за любые добрые дела, поддержку или помощь нужно обязательно поблагодарить, оказать почтение, а с особым почтением необходимо принимать подарки: Не дорогой подарунок, а дорога увага (Прислів'я та приказки. 1991, с. 80), но при этом, как говорит пословица, необходимо всегда помнить: Хто дарує дарунки, тому відчиняють двері; Легше десятьом подарувати, чим в одного попросити (там же, с. 80).

В области материальных взаимоотношений особо важной является сфера торговли, а отсюда активное использование в роли опорных компонентов лексем ‘продавати’, ‘купувати’, ‘гроші’: Дешево купити, то себе в дурні пошити (Прислів'я та приказки.1991, с. 123); За що продати, то продати, аби свіжа копійка (там же, с. 126). При этом чётко прослеживается власть денег, каким бы не было социальное обустройство общества: Без гроша дурна і наймудріша голова; Без грошей – як без рук (там же, с. 108). Изменение социальных приоритетов в сторону материальных взаимоотношений иногда определяет совсем неожиданные семантические изменения. Так, зафиксированная в рукописях фонда Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН Украины пословица: Поки зелень знайдеш, сам позеленієш (там же, с. 95), датированная серединой прошлого столетия, приобрела совсем иной смысл и сегодня пополнила бы перечень устойчивых словосочетаний не с опорным словом ‘знаходити’, а сместилась бы в рубрику ‘гроші’.

В национальной языковой картине мира каждого народа есть слова, которые приобрели символическое значение. В регистре украинских слов-символов зафиксированы как имена нарицательные, так и собственные. Среди последних преобладают топонимы и гидронимы: Киев, Днепр, Полтава, Дунай, т.е. те, которые наиболее тесно связаны с историческими событиями на Украине или являются визитной карточкой государства: Язык до Києва доведе (Прислів'я та приказки. 1991, с. 280); Дніпро – батько (там же, с. 279); Хто не пив полтавської води, той нічого не вартий (там же, с. 282); Дунаю не перебродити (там же, с. 279).

Активной производительной функцией среди пословиц и поговорок наделен определяющий атрибут многих украинских обычаев и обрядов – зерновые культуры, которые всегда символизировали собой материальное благосостояние и достаток. «В традиционной древней славянской картине мира зерно является не только символом вегетативной силы, зародышем жизни, иконическим символом обновления и возрождения, здоровья, как физического, так и духовного, но ему приписывается и семантика продуцирования и защиты. Кроме того, вместе с другими мелкими сыпучими множественными предметами выступает символом приумножения и состояния, семейного благополучия» (Славянские древности. 1997, с. 324). При этом встречаются устойчивые словосочетания с собирательной лексемой ‘зерно’: Зерно до зерна та й миска повна (Скарбниця народної мудрості 2009, с. 116); Очищали ми зерно, щоб родило і росло (там же), и существует великое множество тех, основу которых составляют наименования самых распространенных на Украине с давних времен зерновых: ‘пшениця’: Пшениця колоситься, життя веселиться (там же, с. 121); ‘овес’: Сій овес у грязь, то будеш князь (там же); ‘жито’: Ти посій жито – васильки вродять самі (там же, с. 120); ‘гречка’: Сій гречку і просо, не будеш ходити боса (там же); ‘горох’: Коли є горох і капуста, то хата не пуста (там же).

Лингвальная интерпретация материального изобилия, с чем всегда ассоциировались злаковые, нашла свое отображение и в земледельческом календаре украинцев: Коли під Новий рік добрий сніг, то сій гречку (Скарбниця народної мудрості 2009, с. 197); На Благовіщення дощ – родиться жито (там же, с. 199); Коли на Єгорія зимно і великий мороз, то бувають і просо, і овес (там же, с. 200).

Даже поверхностный анализ устойчивых словосочетаний еще раз убеждает нас в том, что язык является частью менталитета, а украинский менталитет, как и менталитет любого другого национального единства, специфичен. При этом, как нам кажется, отношение к окружающему миру для украинца определяется наличием двух противоположных тенденций:

с одной стороны – ощущение себя частью общества, социума и желание свои действия и поведение согласовывать с его нормами и требованиями («Щоб люди нічого не сказали»), а с другой – индивидуализм, граничащий с эгоизмом («Моя хата скраю»).

Как видим, языковая палитра пословиц и поговорок при всем своём разнообразии определяется особенностями всего славянского и украинского, как его составной части, менталитета. Исследуя языковую картину мира украинцев сквозь призму пословиц и поговорок, даже с учетом того, что анализу подвергались только определённые опорные компоненты некоторых тематических групп фразеологических единиц, мы приходим к выводу, что именно эти малые фольклорные жанры фиксируют лексемы, которые наиболее выразительно отображают особенности национального характера, мировосприятия и мироощущения, а также культурные традиции народа. При этом необходимо помнить, что язык – это не только способ сохранения и передачи культурного наследия, своеобразное виденье окружающего мира, но и самостоятельная совершенная система, которая претерпевает изменения на фоне развития всех сфер жизнедеятельности и существования общества.

Языковая картина мира – одна из важных составляющих общей концептуальной картины мира. Наиболее употребляемые в пословицах и поговорках лексемы, способом репрезентации которых зачастую выступают семантические оппозиции, ибо противопоставление компонентов лексического значения оппозиционирующих слов способствует более адекватному смысловому их восприятию, напрямую связаны с особенностями национального самосознания, уклада и способа жизни, общепринятыми представлениями определенного социума об окружающем мире.

Литература

- ГУМБОЛЬДТ, В. фон., 1985. *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс.
СИДОРУК, М., 2008. Концепти 'душа' і 'дух' в українській мовній картині світу. *Лінгвістичні студії*. Вип. 16. Донецьк: Дон НУ.
Прислів'я та приказки: взаємини між людьми, 1991. Київ: Наукова думка.
РИГОВАНОВА, В., 2008. Вияв менталітету українців крізь призму прислів'їв та приказок: лінгвокультурний аспект. *Paremie národů slovanských*, Вип. IV., Ostrava: Ostraviensis Universitas.
Скарбниця народної мудрості, 2009. Харків: Фоліо.
Славянские древности: этнолингвистический словарь, 1997. В 5 т., т. 2., Москва: Международные отношения.
Українці у світовій цивілізації і культурі., 2008. Київ: НДІУ.

Lubov Pats

Horlivka State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Ukraine
Research interests: linguocultural studies, functional syntax

NATIONAL LANGUAGE MAPPING OF THE WORLD IN UKRAINIAN PROVERBS AND SAYINGS. Summary

The specific reflection of national language mapping of the world in Ukrainian proverbs and sayings is investigated in the article; the influence of national self-consciousness, cultural and ethnical-historical peculiarities of Ukrainians on the formation of stable folk word combinations about semantic oppositions is determined.

The peculiarity of national language mapping of the world is defined by the fact that considerable part of phraseological units of the orally-colloquial origin groups in a sphere of moral-ethic problems about the sememes 'friend-enemy', 'good-evil', 'truth-injustice'; in the field of social relations the meaning of phraseological units is determined by lexemes 'poor-rich' or specific types of activity that took place in the history of Ukrainian people, when a considerable part of masculine population of the country was cossacks or chumaks.

Material relationships in proverbs and sayings are mostly represented in the semantic oppositions 'to give-to take', 'to have-not to have', 'welfare-poverty,' 'to sell-to buy', etc..

KEY WORDS: national language mapping of the world, proverbs and sayings, mentality, concept, semantic opposition.

Виктория Рыгованова

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина
ул. Рудакова 25, 84626 Горловка, Донецкая область, Украина

Тел.: +38 050 9343947

Эл. почта: vikatriada@yandex.ru

Научные интересы: лингвокультурология, функциональный синтаксис, когнитивная лингвистика

КОГНИТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассмотрены основные мотивы возникновения когнитивной парадигмы исследований. Отмечено, что особенностью современного подхода к изучению языка является интегративность коммуникативного и когнитивного аспектов в научно-исследовательской языковой практике, использование когнитивных методов при анализе языка. Автором описаны значения понятия «когнитивный» с учетом изменений в научных подходах; определены принципы анализа языковой личности в языкознании и психологии с учетом когнитивного подхода; описана теория личностных конструктов Дж.Келли и теория Ю. Н. Караулова в аспекте соотносимости и приложимости этих теорий для описания языковой личности в лингвистике. Автором сделан вывод о коррелятивности изложенных теорий, поскольку обе когнитивные теории опираются на трехуровневое строение личности: семантический уровень (ориентировка), тезаурусный уровень (выбор) и ассоциативный уровень (исполнение).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность, когнитивное направление, теория личностных конструктов.

В последние десятилетия в лингвистике при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности. Обращение к субъективному фактору происходит на фоне существенных изменений в языкознании, переосмысления теории и практики лингвистических исследований. Подобная ситуация приобретает разное означивание: лингвистическая революция, смена парадигм. Особенностью современного подхода к изучению языка является интегративность коммуникативного и когнитивного аспектов в научно-исследовательской языковой практике, использование когнитивных методов при анализе языка. Переориентация языкознания на исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом находит отражение в появлении новых терминов: языковая личность, языковое сознание, языковая/концептуальная картина мира, личностный конструкт и т.д.

Несмотря на постоянное и пристальное внимание лингвистов, психологов, этнографов к проблемам языковой личности, в том числе в аспекте ее лингвоконцептуальных и лингвокультурологических характеристик, они еще не решены с достаточной степенью полноты и конкретности. Отсутствие строго описанной системы таких характеристик языковой личности на разных уровнях реализации не способствует выявлению и осмыслению ее составляющих в каждом конкретном случае. По-видимому, попытки современной теоретической лингвистики решить проблемы языковой личности традиционными грамматическими средствами не перспективны, так как содержательные и аксиологические сущности этой структуры могут быть выявлены только при комплексном их освещении, т. е. с учетом влияния со стороны таких областей знания, как когнитивная психология и когнитивная лингвистика.

Когнитивный подход в языкознании приобрел большую популярность, что привело к использованию атрибута «когнитивный» иногда безосновательно, вызывая критические замечания ведущих языковедов (Кубрякова 2001; Сусов 2006). Оправданием такому

положению дел может служить тот факт, что «сама когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки – когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п.» (Кубрякова 2001, с.4), что у когнитивистов нет сложившейся системы методов и процедур анализа языка и что когнитивная лингвистика является субформацией по отношению к психолингвистике и лингвокультурологии (Самигуллина 2007, с. 11). Так, А. Е. Кибрик констатирует, что «когнитивная лингвистика, при всем многообразии ее современных реализаций и понимания, исходит из представления о языковых единицах и правилах как о конвенционализированных (грамматикализированных) когнитивных структурах и процессах» (Кибрик 2003, с. 51). Следовательно, целью описания языка является установление соответствий между языком и когнитивным представлением, а также изучение языкового сознания и образа мира, существующего в голове человека (Красных 2001, с. 29). В когнитивной лингвистике рассматриваются только те когнитивные структуры и процессы, которые свойственны человеку как *homo loquens*, а именно первоочередным является системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов (Демьянков 1994, с. 21). По мнению же авторов «The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics» когнитивная лингвистика – это результат лингвистических войн между генеративной и интерпретационной семантикой (Handbook 2007, с. 452).

Само слово «когнитивный» коррелятивно значениям «познавательный», «соответствующий познанию» на ранних этапах развития когнитивизма, до развития когнитивной психологии. С созданием последней, с исследованием многих новых аспектов процессов познания (восприятия, запоминания, мышления) термин «когнитивный» заметно обогащается и используется как синоним терминам «ментальный», «внутренний», «интериоризованный», «умственный», «мыслительный». Еще один ряд значений связывает термин «когнитивный» с мотивирующим его источником, а именно существительным «когниция». Под когницией следует понимать познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов восприятия мира, простого наблюдения, служащих обработке и переработке информации, которая поступает к человеку (Кубрякова, Демьянков 1996, с. 81).

Когниция относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая для переработки центральной нервной системой, мозгом, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, фреймов, концептов, конструкторов). Следовательно, когнитивная наука включает как исследование языка, так и «исследование когниции, причем у этих исследований часто появляются как философские, так и чисто инженерные научные аспекты» (Harman 1988, с. 259).

Касательно когнитивной лингвистики, связанной с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и прочих явлений, с другой, можно выделить две группы исследовательских задач. Во-первых, анализ репрезентации собственно языковых знаний в голове человека. В этом случае когнитивная лингвистика соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи. Во-вторых, анализ того, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания, а, следовательно, когнитивная лингвистика вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания.

В любом случае для когнитивной психологии и когнитивной лингвистики объектом пристального внимания является человек, но в первом случае как *homo sapiens*, а во втором – как его разновидность – *homo loquens*. Окном в сознание человека является язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент, как система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. Такая система является объектом и внешним, и внутренним для субъекта. Подобная двойственность языка отличает

его от остальных когнитивных видов деятельности и дает возможность исследователю раскрыть основы понимания и продуцирования речи человеком, определить роль языкового знания в переработке информации, объяснить механизмы категоризации и концептуализации. Поэтому для лингвиста материалом был и остается язык, а для психолога психические процессы и поведение.

Когнитивная психология занимается всеми когнитивными способностями человека и их взаимодействием, а когнитивная лингвистика – только такой когнитивной способностью, как язык, что дает возможность описать интеракцию разных когнитивных способностей в разных типах деятельности человека (прежде всего – в коммуникативной). Поскольку в когнитивной лингвистике на явления языка, особенно на значение и референцию, смотрят через призму когниции человека, лексическая структура языка трактуется как результат взаимодействия когниции человека с семантическими параметрами, присущими данному языку (Демьянков 1994).

Языковая личность представляет собой конкретного носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, выраженная в языке и охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности (Караулов 2002).

Каждая языковая личность выбирает и присваивает именно те языковые средства, которые отражают ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту. В языковом поведении человека, в его речевых поступках, то есть в широком смысле во всех речевых произведениях, создаваемых языковой личностью, опредмечивается духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно избираемых путях их достижения. Анализ языковой личности возможен лишь на основе рассмотрения всех составляющих ее структуры (в том числе и вербально-семантического уровня) с учетом их тесной взаимосвязи. Выбор лексических единиц свидетельствует о коммуникативной компетенции говорящего. В слове проявляются параметры духовного мира личности (эмоциональное состояние говорящего, его цели и т.п.), умение говорящего управлять коммуникативным процессом (предотвратить конфликт, смягчить реакцию собеседников на случившееся), его интеллект и т. п.

На лингво-когнитивном уровне проявляется отношение языковой личности к основополагающим понятиям культуры – концептам. Человек посредством концепта сам входит в культуру, и в тоже время как «творец культурных ценностей» через концепты влияет на национальную культуру и воспитывает окружающих. Особенности реализации основных концептов культуры в речевом произведении обуславливаются своеобразием творческого характера и свидетельствуют о принадлежности автора к национальной культуре. Концептуальная картина позволяет выявить творческое своеобразие говорящего, понять суть его душевного склада, его мировоззрение, осознать глубину текстового содержания.

Е. С. Кубрякова отмечает, что «если семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, коннотативных и сигнификативных значений и приводит к «разъяснению слова», то концептуальный анализ предусматривает поиск общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как когнитивной структуры, что обеспечивает знание о мире. Опираясь на дефиницию концепта, можно построить «концептуальную карту» слова, представляющую собой, во-первых, отражение наиболее употребительных контекстов слова, во-вторых, констатацию всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова и, наконец, рекомендацию к более полному лексикографическому представлению значений слова и так далее» (Кубрякова 1991, с. 97).

Созвучной теории Ю. Н. Караулова о трехуровневой модели языковой личности является теория психолога Джорджа Келли, основанная на теории конструктивного альтернативизма. В когнитивной теории Дж. Келли лежит способ, с помощью которого

индивиды постигают и интерпретируют явления или людей в своем окружении. Назвав свой подход теорией личностных конструктов, исследователь концентрирует внимание на психологических процессах, которые позволяют людям организовать и понять события, происходящие в их жизни.

Человек смотрит на мир сквозь шаблоны (конструкты), которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир. Конструкты можно определить как способ истолкования мира. Это они, по мнению Дж.Келли, дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию поведения – будь она точно сформулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной, согласующейся или расходящейся с другими линиями поведения, разумно аргументированной или почувствованной нутром (Теории личности 2003, с. 434-435). Любой человек стремится совершенствовать свои конструкты, расширяя их набор, внося в них изменения и включая их в системы.

Большое значение в теории альтернативного конструктивизма придается тому, как люди осознают и интерпретируют свой жизненный опыт. Модель личности Дж. Келли основана на аналогии человека как исследователя, ученого, который изучает свою сферу жизни и сферу жизни общества, законы природы и т. д. (Ср.: в лингвистике говорящий как объект и субъект анализа).

Человек судит о своем мире с помощью понятийных систем, или моделей, которые он создает и затем пытается приспособить к объективной действительности. Это приспособление не всегда является удачным. Все же без таких систем мир будет представлять собой нечто настолько недифференцированное и гомогенное, что человек не сможет осмыслить его.

Именно эти «понятийные системы, или модели» Дж. Келли определил как личностные конструкты. Иначе говоря, личностный конструкт — это идея или мысль, которую человек использует, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт. Он представляет собой устойчивый способ, которым человек осмысливает какие-то аспекты действительности в терминах схожести и контраста. Примерами личностных конструктов могут быть «взволнованный – спокойный», «умный – глупый», «мужской – женский», «религиозный – нерелигиозный», «хороший – плохой» и «дружеский – враждебный». Это только несколько примеров бесчисленных конструктов разного уровня абстракции, которые человек использует, чтобы оценить значение явлений своей повседневной жизни. Примером конструкта в действии может выступить факт того, как разные люди могут объяснять одно и то же событие.

Теория личностных конструктов позволяет описание личности комплексно (индивидуально и обобщенно), а процессы в ее поведении неделимо. Так, если игнорируется частная сфера личности, где ее поведение выстраивается в рамках ее собственной правовой системы, то приходится объяснять личность как инертный объект. Если игнорировать существование человека в общественной сфере, то знание об одном человеке не поможет понять других людей. Преодолеть эту проблему возможно следующим путем – в первую очередь необходимо ограничить поведение личности в границах ее сферы, и затем, следует сделать это поведение характеристикой в любом исследовании группы людей. Другими словами, психологическую методику вполне возможно перенести на лингвистический анализ идиолекта, и тем самым получить возможность проанализировать как психологические характеристики языковой личности, так и ее языковые особенности.

Основой теории личностных конструктов является то, что процессы конкретного человека направляются по тем каналам, в русле которых он прогнозирует события путем истолкования их повторений. Создаваемая истолкованием структура является абстрактной. При истолковании, которое может быть как вербальным, так и невербальным личность отмечает признаки, которые характерны для одних элементов и крайне не характерны для других. Тем самым личность создает конструкты подобия и противоположности. И подобие, и противоположность являются неотъемлемой характеристикой каждого конструкта.

Личности можно рассматривать как отличающиеся друг от друга не только вследствие возможных различий в тех событиях, какие они истолковывают, но и вследствие разных подходов к истолкованию одних и тех же событий. Люди прогнозируют как публичные, так и личные события. Нет двух людей, которые могут играть совершенно одинаковую роль в одном и том же событии. Но это не означает, что у людей не может быть никакого совместного опыта, поскольку каждому дана возможность истолковывать сходства и различия между событиями, в которые он сам вовлечен и событиями, в которые, как ему видится, вовлечен другой человек. Поэтому, хотя и существуют индивидуальные различия в истолковании событий, люди в состоянии найти общую основу благодаря использованию опыта других людей вместе со своим собственным. Однако, там, где имеют место различные культурные идентификации или при нежелании одного человека находить общий язык с другими людьми, подобная общая основа может и не быть выявлена.

Подобно магниту, все конструкты имеют два противоположных полюса. То, в чем два элемента считаются похожими или подобными, называется полюсом сходства конструкта; то, в чем они противоположны третьему элементу, называется полюсом контраста конструкта. Следовательно, каждый конструкт обладает двумя полюсами. Цель теории личностного конструкта – объяснить, каким образом люди интерпретируют и прогнозируют свой жизненный опыт с точки зрения сходства и различий.

«Люди отличаются друг от друга тем, как они интерпретируют события» (Теории личности 2003, с. 445). Следовательно, они могут быть похожими друг на друга, если схожим образом интерпретируют свой опыт. Итак, если два человека разделяют взгляды на мир (т.е. схожи в своей интерпретации личного опыта), вероятно, и вести они будут себя похоже. Необходимо заметить, что люди похожи не потому, что они пережили одни и те же события в жизни, и не потому, что их поведение похоже – они похожи потому, что события для них имеют приблизительно одинаковое психологическое значение. Например, выражение соболезнования или сопереживания горю может осуществить только тот человек, который сам когда-либо пережил подобное.

Таким образом, схожесть среди представителей одной культуры, это не только схожесть в поведении. По нашему мнению, люди, принадлежащие к одной культуре, интерпретируют свой опыт почти одинаково (ср.: понятие «национальной языковой личности»), и каждый человек понимает действительность с позиции своего уникального личностного конструкта, а разница между людьми состоит в том, что они интерпретируют события под разным углом зрения. Более того, личностные конструкты организованы в человеке по-разному. Люди организуют свои личностные конструкты иерархически, чтобы свести до минимума несовместимость и несоответствия. Конструкты не теснятся беспорядочно в сознании человека, а имеют определенную организацию: пирамидальную структуру, при этом некоторые конструкты находятся либо в подчиняющей, либо в подчиненной позиции относительно других частей системы. Подчиняющий конструкт включает в себя другие конструкты, а подчиненный конструкт включен в другой (подчиняющий) конструкт. Подчиняющие и подчиненные конструкты в системе одного человека не обязательно занимают такое же положение в системе другого. Дж. Келли предположил, что только если мы знаем, как человек организует конструкты, мы можем правильно судить о его поведении.

Таким образом, способность людей воспринимать мир и по-разному реагировать на происходящие в нем процессы, зависит не только от индивидуальности каждой личности, но и от культурных факторов, которые влияют на этого человека.

Люди имеют несколько конструктов, с помощью которых они интерпретируют события своей жизни. Если человек стоит перед выбором, он выберет то, что наиболее вероятно, либо расширит его понимание мира, либо уточнит конструктивную систему. Другими словами, человек выбирает полюс конструкта, который позволит понять событие более полно – то, что будет полезнее всего для прогностической эффективности конструктивной системы. Дж. Келли назвал это «продуманный выбор». Конструктивная система разрабатывается либо в направлении определения, либо в направлении расширения. Конечно, расширение дает

большой простор для прогностической ошибки, чем определение, так как оно использует конструкты для прогноза события, которое ранее было ему неизвестно. Но оно дает больше информации, чем определение. Очевидно, что люди, уверенные в правильном прогнозе событий и могущие позволить себе риск ошибиться, выберут расширение своей конструктивной системы. А люди, неуверенные в правильном прогнозе событий, выберут определение. Следовательно, в первом случае люди более склонны к риску, а во втором случае – менее.

Мы склоняемся к следующей модели для иллюстрации действий человека перед лицом новой или неопределенной ситуации. Ключевым моментом является цикл ориентировка – выбор – исполнение (Теории личности 2003, с. 448), который состоит в последовательном обдумывании нескольких возможных конструктов и выбора того из них, который окажется лучшим для интерпретации ситуации.

В ориентировочной фазе человек рассматривает несколько конструктов, которые можно использовать для интерпретации данной ситуации, т.е. он намеренно обдумывает различные возможности, которые могут иметь место. Фаза выбора наступает, когда человек ограничивает число альтернативных конструктов до количества, наиболее приемлемого в данной ситуации. И во время фазы исполнения он выбирает направление действий и сопровождающее его поведение.

Конструкт – это тот базис, на котором происходит понимание элементов. Возникает вопрос о том, каким образом конкретный человек истолковывает определенные элементы, чтобы справиться с ними, а не о том, где им случится появиться или где он решает их поместить. Конструкт – это интерпретация ситуации, а не сама ситуация, которую он интерпретирует. Никому не дано выразить словами все, что входит в собственную систему истолкования. Многие наши конструкты не имеют символов, используемых в качестве удобных «словесных ручек» (термин Дж.Келли). Поэтому не только другим трудно «схватить» и категоризовать их внутри своих систем, но и владельцу таких конструктов трудно обращаться с ними и относить их к определенным категориям внутри вербально помеченных частей собственной системы.

Люди, существуя в субъективном мире личностных конструктов, стараются анализировать и интерпретировать внешние события как им хочется. Поэтому объективная реальность всегда видоизменяется в творческом осмыслении человека: реальность – это то, что является субъективной интерпретацией каждого из нас (Теории личности 2003, с. 455). Похожий вывод можно найти в лингвистических исследованиях о языковой картине мира, в которых последняя понимается как творение человека, а язык как звуковая книга, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком (Колшанский 2006, с. 24). Поэтому не язык имеет непосредственное отношение к объективному миру, язык не может сопоставляться с миром в такой же плоскости, в какой сопоставляются мышление и мир. В связи с этим правомерным выглядит отношение язык – мысль – мир, а вернее «языковая мысль – мир» (Колшанский 2006, с. 24).

Показательным в аспекте ментального осмысления языка, содержательной структуры слова является поиск нужного значения для перевода в произведении И. В. Гете «Фауст»:

Я по-немецки все Писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.
(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.)
«В начале было Слово».
С первых строк Загадка.
Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила» - вот в чем суть.
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу» с толку сбит:

Парадоксально, созданное в середине восемнадцатого века произведение четко отображает аспекты анализа языкового знака современного интегративного языкознания: деятельностный подход в изучении языкового сознания, лингвосемантическое изучение языкового знака и т. д.

Таким образом, для изучения языковой личности и ее языковых и психологических особенностей, эффективным является использование совокупности двух когнитивных теорий личности. Первая теория – теория языковой личности Ю. Н. Караулова, которая обеспечивает вербальный аспект исследования. Вторая теория – теория личностных конструктов Джорджа Келли, которая позволяет описать исследуемую личность с точки зрения ее психологических характеристик. Обе теории имеют одну основу – они опираются на трехуровневое строение личности: семантический (ориентировка), тезаурусный (выбор) и ассоциативный (исполнение).

Литература

- ДЕМЬЯНКОВ, В. З., 1994. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. *Вопросы языкознания*. № 4, Москва: издательский дом «Наука»
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 2002. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Едиториал УРСС
- КИБРИК, А. Е., 2003. *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- КОЛШАНСКИЙ, Г. В., 2006. *Объективная картина мира и познание в языке*. Москва: Ком Книга.
- КРАСНЫХ, В. В., 2001. *Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций*. Москва: Гнозис.
- КУБРЯКОВА, Е. С., 2001. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». *Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация*. Вып. 1. Воронеж: изд-во ВГУ.
- КУБРЯКОВА, Е. С., ДЕМЬЯНКОВ, В. З., 1996. Когнитивная лингвистика. В кн.: *Краткий словарь когнитивных терминов*. Сост.: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Москва: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 53–55.
- ПОПОВА З. Д.; СТЕРНИН, И. А., 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ: Восток – Запад
- САМИГУЛЛИНА, А. С., 2007. Когнитивная лингвистика и семиотика. *Вопросы языкознания*. №3. Москва: издательский дом «Наука»
- СУСОВ, А. А.; СУСОВ, И. П., 2006. Размышления о концептах. *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов*. Вип. 49. Харків: ХНУ, с. 14-20.
- Теории личности*, 2003. Сост.: Л. Хьелл, Д. Зиглер. Санкт-Петербург: Питер.
- HARMAN, G., 1988. Cognitive science? In: *The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller*. Cambridge: Cambridge University Press.
- The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, 2007. Ed. by Dirk Geeraets and Hubert Cuyckens. Oxford: Oxford University Press.

Victoria Rygovanova

Horlivka State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Ukraine

Research interests: linguocultural studies, functional syntax, cognitive linguistics

COGNITIVE-PSYCHOLOGICAL AND COGNITIVE-LINGUISTIC ASPECTS OF LANGUAGE PERSONALITY DESCRIPTION

Summary

The basic reasons for the appearance of cognitive approach are examined; the semantic meaning of the concept “cognitive” is described taking into account different scientific approaches. The author points out that the main feature of the modern linguistic studies is its integrativity of the communicative and cognitive aspects in linguistic research practice, the use of cognitive methods in linguistic analysis. In the article the principles of the language personality analysis in linguistics and psychology are determined; the theory of personal construct by G.Kelly and cognitive linguistic theory of language personality by U.Karaulov are described. The author comes to the conclusion on correlativity of the stated theories as both theories are based on the idea of the three-level structure of the language personality: a semantic level (orientation), a thesaurus level (choice) and an associative level (execution).

KEY WORDS: language personality, cognitive approach, the theory of personal construct.

Ольга Шатун

Таганрогский государственный педагогический институт, Россия

ул. Инициативная 48, 347900 Таганрог, Россия

Тел.: (8634) 605463

Эл. почта: shatun_olga@mail.ru

Научные интересы: лингвокультурные взаимодействия в поликультурной среде, использование языка в разных сферах общения, лингвокогнитивное освоение окружающего мира

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ НАУЧНОЙ И НАИВНО-БЫТОВОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ)

Статья намечает подходы к исследованию современного состояния общенаучной лексики. Будучи общепризнанной лексической стратой научного стиля изложения, общенаучная лексика до сих пор не имеет ни четких критериев выделения, ни определения, ни однозначного разграничения внутри страты. Кроме того, анализ семантики, синтагматики и парадигматики данных лексических единиц на базе двух языков способствует выявлению различий значений одного и того же слова в научном стиле речи по сравнению с бытовым, обиходным употреблением, что, в свою очередь, ведет к устранению неточностей при переводе. В качестве конечной цели исследования предусмотрено построение и сопоставление фрагментов научной и наивно-бытовой картин мира на базе двух языков – английского и русского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научный стиль речи, общенаучная лексика, корпусная лингвистика, язык для специальных целей.

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением так называемой картины мира, и, прежде всего, её репрезентации при помощи языковых знаков.

Картина мира формируется в сознании человека в процессе его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром на базе его разнообразных способностей, а также профессиональных и национальных особенностей. По этой причине она состоит из множества отдельных картин мира, воплощающих различия в познавательном отношении человека к миру. Обыденному сознанию противопоставлены сферы общественного сознания, в результате чего появились соответствующие картины мира – обыденная или наивно-бытовая, мифологическая, религиозная, научная. Первые три области познания рассматриваются, в отличие от науки, как вненаучные формы.

У науки особый набор объектов познания и она ориентирована, в конечном счете, на познание сущности предметов и процессов, их объяснение и, наконец, предсказание, прогноз поведения объектов в будущем, что вовсе не свойственно обыденному познанию. В отличие от обыденного познания научное вырабатывает свои методы и формы, свой инструментарий исследования, для него характерна планомерность, системность, логическая организованность, обоснованность результатов исследования. В науке и обыденном познании отличны способы обоснования истинности знаний.

Вместе с тем, общечеловеческий характер познавательной деятельности в совокупности со способностью языка моделировать мир позволяют говорить как о научной, так и о наивно-бытовой языковых картинах мира, причем последняя опирается на уровень бытового сознания.

Этот тип сознания складывается стихийно, в процессе повседневной жизнедеятельности. Это мировоззрение широких слоев общества. Данный уровень мировоззрения важен, хотя он и отличается недостаточной широтой, своеобразным переплетением трезвых положений и установок с примитивными, мистическими,

обывательскими представлениями и предрассудками, а также большой эмоциональной нагрузкой.

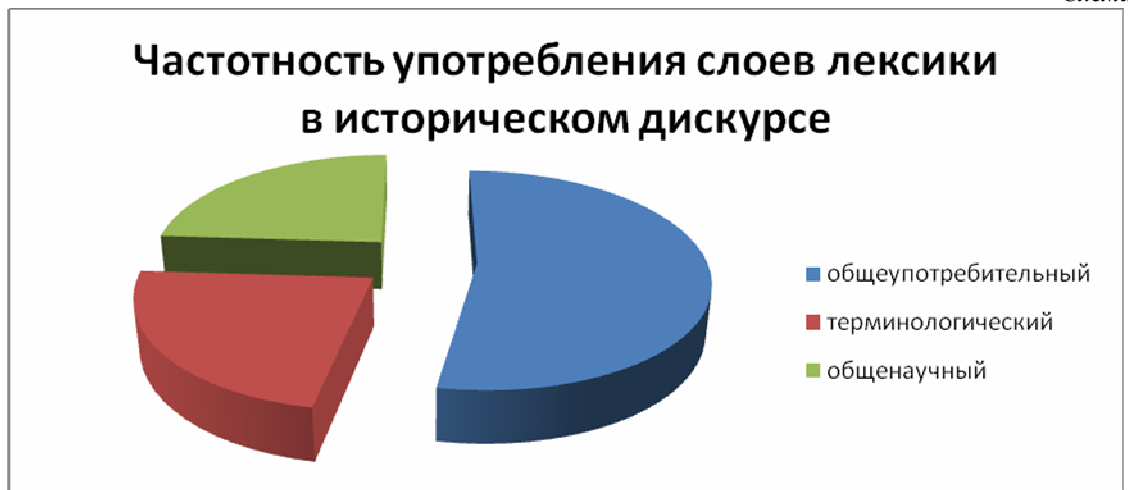
Обыденное сознание пользуется всем массивом языка для вербализации своих представлений. Научное познание требует выработки особого языка науки. В лингвистике изучение языка науки способствовало становлению и развитию нового направления – теории «языка для специальных целей» (Language for Specific Purposes, LSP), т.е. «специфической разновидности языка в целом», которая используется при общении на ту или иную специальную тему» (Комарова 2004, с. 12).

К основным положениям теории языка для специальных целей можно отнести следующие:

- для текстов, составляющих эту разновидность языка, характерны общие особенности языковой организации, которые наблюдаются в любых научных текстах;
- помимо употребления слов, называющих узкоспециальные понятия, в текстах данного регистра ограничиваются морфо-синтаксические и лексико-фразеологические свойства слов, регулярно реализующиеся в текстах иной понятийной направленности;
- «язык для специальных целей» не является чем-то однородным и монолитным, он распадается на функционально-стилистические разновидности, так как содержит тексты, максимально близкие к «повседневному языку», и тексты с минимальной идеоматикой, в связи с чем возникает необходимость разграничения постоянных (инвариантных, связанных с понятийной ориентацией) и переменных (вариативных, формальных, влияющих на усложнение языковой ткани текстов и лишь опосредованно сказывающихся на содержании) языковых признаков (Комарова 2004, с. 12-13).

Но в лингвистике нет единого мнения о характере взаимоотношений языка для специальных целей (LSP) и обыденного языка (LGP). План содержания научной картины мира в основном ограничен объективным миром, наивно-бытовая картина включает в себя все, что только существует в человеческом сознании – субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, мифы и стереотипы. Она влияет на соответствующую научную картину мира, поскольку каждая терминосистема использует выборочно весь лексический массив литературного языка, его словообразовательную систему, модели семантических переносов. Существует и обратное воздействие плана содержания терминосистемы, хотя чаще всего научная точность терминологических обозначений игнорируется в наивно-бытовом употреблении, поскольку точность обыденного значения термина признается достаточной носителями языка.

В составе терминологии ученые выделяют особый лексический пласт – общенаучную лексику (Текстология... 1978, с. 91). Слой общенаучной лексики состоит из слов, которые используются для передачи интеллективной информации, независимо от того, является ли информация строго научной, из области точных или естественных наук, или эта информация связана с определением, наблюдением и обобщением в более широкой сфере познания (Akhmanova; Idzelis 1978, р. 76-77). Этот лексический пласт находится между двумя «крайностями»: с одной стороны – наиболее часто употребляемые слова, составляющие ядро языка, с другой – специальные термины и терминологические словосочетания. В научном тексте эти слои лексики распределены неравномерно. Например, в историческом дискурсе общеупотребительный слой лексики составляет примерно 53 %, терминологический слой – 23 %, общенаучный – 24 % (Миньяр-Белоручева 2001, с. 17). Схематически это можно представить следующим образом: Объем общенаучной лексики сравнительно невелик, однако данный лексический слой достаточно труден для выделения: для общеупотребительной лексики существуют частотные списки, для терминов выработан ряд требований к отбору, а для выявления

общенаучной лексики приходится пользоваться «негативным», или нулевым критерием (Текстология... 1978, с. 92). Сущность нулевого критерия состоит в том, что данные слова не представляют собой минимального общепотребительного словарного фонда и не имеют строгой научной дефиниции в системе понятий науки. Кроме того, общенаучная лексика отделилась от общелитературной сравнительно недавно и близка по значению аналогичным словам общелитературного языка.

Таким образом, вопрос о разработке критериев вычленения общенаучной лексики в сравнении с общепотребительной с одной стороны, и с терминами с другой, остается открытым.

Вместе с тем, значительный интерес представляет исследование общенаучной лексики не только в плане выработки критериев ее выделения, но и сопоставительный анализ общелитературного и общенаучного значений одной и той же словоформы.

Общенаучная лексика является одновременно составляющей процесса познания и ее продуктом. Принципы познания, т. е. способ, каким совершается познание, одинаковы для всех субъектов, поскольку логические связи и отношения согласуются со связями и отношениями реального, объективно существующего. Соответственно, из универсальности понятия как формы мышления вытекает и общечеловеческий характер простого понятия, лежащего в основе общенаучного термина и термина в целом. Поэтому логичным началом анализа собственно языкового материала будет сопоставление словарных дефиниций общенаучной лексики и вычленение семантических различий общенаучного и общелитературного значений.

Иногда в словаре общелитературной лексики стилистически выделяется значение, близкое к общенаучному; например, одно из значений слова *нести* – «быть опорой чему-либо (спец.)» – ср. общенаучное *нести информацию (идею, отпечаток и т.п.)*, т.е. быть знаком чего-либо, и техническое *нести (тяжесть) пролетного строения* (о мостах). Существуют примеры достаточно ясного разделения общенаучных и общелитературных значений. Например, *приниматься* в научном тексте – «исходить из допущений или условий, условно полагать», в общелитературном – «начинать какое-либо дело, приступить к чему-либо», «начинать воздействовать на кого-либо», «пускать корни, прививаться». Но есть немало случаев, когда общенаучное значение слова весьма близко к одному из общелитературных значений и связано с ним как особый вид тропа. Например, *сохраняться* в общелитературном языке значит «сберегаться, оставаться неистраченным», «оставаться в силе, не исчезать», «сохранять свои силы, молоджавую внешность», «пребывать или воспроизводиться без изменения качества», «оставаться неповрежденным» (*дом во время бомбежки сохранился*) и «оставаться в силе, не исчезать» (*сметана в холодильнике сохранилась*). Ср. общенаучное значение: *эти данные сохраняются и при изменении условий наблюдения*, т.е. данные воспроизводятся. Общенаучное значение может развиваться из общелитературного путем специализации значения. Так, при формировании общенаучного

значения у слова *приниматься* происходит специализация значения слова – «начинать какое-либо дело». Кроме того, в специализации значения этого слова учитывается еще и синонимическая связь: *брать* – *принимать*. Значение *приниматься* «условно полагать», по-видимому, содержат особый образ, в котором, однако, трудно установить определенный троп.

Собственно говоря, слова общенаучной лексики становятся дескрипторами (т.е. описывающими словами) при составлении тезаурусов терминов разных наук. Значение дескрипторов объясняет значение терминов, но само не объясняется их значениями. Это показывает, что «общенаучная лексика представляет собой переходное звено от общего языка к языку науки». Поэтому сопоставительный анализ функционирования общенаучной лексики в различных по стилевой принадлежности текстах позволит проследить изменения в семантике единиц этой лексической страты, частотность, а также описать другие особенности, которые могут быть выявлены в ходе исследования.

Как уже отмечалось, общенаучная лексика наиболее близко связана с отражением познавательного процесса и закреплением в языке выработанных в результате такой деятельности понятий. Активный процесс интеграции в науке определяет интенсивное развитие терминов, в том числе и общенаучных. Данная актуализация, вполне определенная в монологическом плане, усиливается межъязыковыми корреляциями, когда билингвизм стал одним из наиболее естественных явлений современной межнациональной коммуникации (Абросимова; Николаев и др. 2009).

Поэтому, не смотря на то, что научная и бытовая картины мира отражают разные виды человеческого сознания, они связаны между собой не только в рамках одного языка. Процесс познания относится к универсальным видам человеческой деятельности, во всех языках мира есть очень значительная интернациональная именованная составляющая, которая и позволяет людям понимать друг друга при переводе с одного языка на другой (а иногда и без этого перевода). Вместе с тем, национальная научная картина мира отражает особенности менталитета каждой нации в той мере, в какой они используют для языкового оформления собственные национальные языки. С другой стороны, доминирующей языковой оболочкой каждой науки является тот национальный язык, чьим представителям принадлежит приоритетная роль в развитии данной отрасли знаний. Национально-языковые коллективы могут использовать чужие языковые формы, а могут на их базе выстраивать собственные национальные терминологии. Необходимым условием создания национальной терминологии становится существование национальной традиции на этом языке в данной области знаний.

Таким образом, следующим исследовательским шагом должна стать параллельная выборка словарных статей в рассматриваемых языках. Однако анализ словарей не всегда позволяет четко разграничить общелитературное и общенаучное значение лексической единицы, и параллельную выборку в русском и английском языках следует считать необходимой, но отнюдь не достаточной при сопоставлении лексики. Во-первых, как уже говорилось, в словарях не всегда дифференцированно рассматриваются искомые значения; во-вторых, даже новые словари не отражают изменения в семантике слова, особенно это касается терминов, наиболее тесно связанных с быстро развивающимся научно-техническим прогрессом, что, в свою очередь, отражается в изменениях в значении.

В современном терминоведении одним из важнейших принципов признается первичность сферы функционирования термина по отношению к сфере фиксации. В сфере функционирования термин существует в виде парадигматических и синтагматических вариантов (Лейчик 2006, с. 148). Анализ парадигматики термина проведен в ряде работ (Адолина 2005; Иконникова 2005; Никулина 2005 и др.). Анализ синтагматики основан на том, что все языковые единицы находятся в зависимости либо от того, что их окружает в потоке речи, либо от тех частей, из которых они сами состоят и поэтому может быть связан либо с изучением сочетаемости единиц, либо с дистрибутивным анализом.

Однако такой анализ с необходимостью проводится на достаточном языковом материале, то есть создается корпус как совокупность естественно порождаемых

текстов, специально отобранных для последующего языкового анализа. Термин «корпус» принадлежит к категориально-понятийному аппарату корпусной лингвистики – дисциплины, ориентированной на изучение языка в действии, а именно на то, как говорящий или пишущий пользуется языковыми ресурсами (Biber 1998, р. 1). В данном исследовании предполагается использование Национального корпуса русского языка, включая параллельный подкорпус, а также Британский национальный корпус (The British National Corpus). Специфика исследования определяет параметры создания пользовательского подкорпуса текстов. Прежде всего, предполагается подборка научных и бытовых текстов в одноязычных подкорпусах; а также разные варианты текстов указанных сфер функционирования на разных языках для сопоставительного анализа.

Создание описанных корпусов позволит перейти непосредственно к качественному и количественному анализу функционирования лексических единиц. Выявление контекстов словоупотребления и выделение на их основе типичных моделей дает возможность составить «когнитивную карту слова» (Кубрякова 2004, с. 376). Значимость изучения типичных контекстов слова заключается в том, что когнитивный подход к анализу лексики опирается не на индивидуальные свидетельства отдельных испытуемых о данной языковой единице, а на опыт всех носителей, закрепленный в языке, а этот опыт проявляется в языковом поведении лексемы, и, прежде всего, в ее «сочетаемых свойствах» (Рахилина 2002, с. 374).

Следует отметить, что для общенаучной лексики характерна тематическая организация лексического материала, что, несомненно, помогает при отборе единиц анализа в ходе исследования. Так, исходя из особенностей научного процесса, лексика, используемая в научном тексте, была разделена на 6 частей: приобретение знаний; предвидение, перспективы; организация и систематизация материала; измерение, верификация, проверка; выводы, заключения; передача знаний, показ, убеждение (Шубова 1972, с. 1-2). Е. Н. Болотова выделяет еще одну группу – рефлексивную, поскольку автор научного текста, работая над собственным исследованием, опирается на уже имеющиеся результаты, критически переосмысливает их, добавляя новое (Болотова 2006, с. 66). Однако сопоставительного исследования тематических групп общенаучной лексики на материале двух языков не проводилось.

Таким образом, основные положения намеченного исследования можно кратко резюмировать в следующем виде. Будучи основой изложения логического хода мысли, общенаучная лексика отличается от общелитературной лексики и представляет собой переходное звено от общего языка к языку конкретной науки. Вместе с тем, неясность внутренней формы слов общенаучной лексики, неизученность способа образования этой внутренней формы слова затрудняет создание дефиниций собственно общенаучной лексики и оставляет открытым вопрос о ее соотношении как с общим словарным фондом естественного языка, так и со словарным фондом языка для специальных целей – с терминами. Анализ общенаучной лексики на базе двух языков позволит сопоставить семантические изменения при переходе от языка для специальных целей к общелитературному языку и выявить закономерности таких изменений в рамках сравнения научной и наивно-бытовой языковых картин мира. Необходимым условием качественного анализа является создание корпуса текстов и составление «когнитивной карты» лексических единиц на базе двух языков.

Литература

- АБРОСИМОВА, Л. С., 2009. О некоторых особенностях развития языковой ситуации в США;
НИКОЛАЕВ, С. Г., 2007. Межъязыковой перенос как полифункциональный прием перевода. *Язык. Дискурс. Текст. Материалы IV международной научной конференции.*, Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 347 с.
БОЛОТОВА, Е. Н., 2006. Лексика гуманитарного дискурса: специфика функционирования общенаучных терминов: *дисс. канд. ... филол. наук.* Москва: из-во МГУ, 256 с.
КОМАРОВА, А. И., 2004. Функциональная стилистика: научная речь. *Язык для специальных целей (LSP)*, Москва: Едиториал УРСС, 192 с.

- КУБРЯКОВА, Е. С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи и когнитивная точка зрения. *Роль языка в познании мира*. Москва: языки славянской культуры, 560 с.
- ЛЕЙЧИК, В. М., 2006. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: КомКнига, 256 с.
- РАХИЛИНА, Е. В., 2002. Основные идеи когнитивной семантики. *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. Москва, с. 370–389.
- Текстология английской научной речи. 1978. Москва: изд-во МГУ, 194 с.
- ШУБОВА, Н. А., 1972. Лексика общенаучного языка (тематическая группа глаголов организации и систематизации материала как стадия научного исследования). *Автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Москва, 19 с.
- АКХМАНОВА, О.; IDZELIS, R. F., 1978. What is the English We Use? *A Course in Practical Stylistics*. Moscow: Moscow University Press, 157 p.
- BIBER, D.; CONRAD, S.; REPPEN, R., 1998. *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: CUP Press, 300 p.

Olga Shatun

Taganrog State Pedagogical Institute, Russia

Research interests: lingvocultural cooperation in multinational society, language for different purposes, language means of cognitive representation of the world

ON THE PROBLEM OF COMPARATIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC AND COMMON-NAÏVE LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD IN ENGLISH AND RUSSIAN (BASED ON COMMON SCIENTIFIC LEXICON)

Summary

The article deals with the approaches to common scientific lexicon investigation at its present state. Being acknowledged as an essential part of language for scientific purposes, common scientific lexicon still had neither criterion for its stratification nor certain definition worked out. More than that, scientists divide the words within the group in quite different ways producing various quantitative and qualitative subgroups. So these problems form the first stage of the investigation. The analysis of the semantics, possible collocations and paradigmatic of these words in the English and Russian languages will reveal the differences in meaning of the same word in language for scientific purposes and general language and result in finding better equivalents, thus eliminating the gaps and misunderstandings while translating between English and Russian. As the final aim of the investigation it is planned to reconstruct the parts of scientific and common-naïve language pictures of the world in comparison based on two languages – Russian and English.

KEY WORDS: academic texts, common scientific lexicon, language for special purposes, corpus linguistics, corpus-based approach.

Вадим Шубин

Российский государственный гуманитарный университет

ул. Миусская площадь 7, 125993 Москва, Россия

Тел. +7 (903) 282-27-39

Эл. почта: shubin.uni@gmail.com

Научные интересы: история и теория перевода, страноведение Германии, психолингвистические аспекты перевода

ПЕРЕВОД КУЛЬТУР – КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА

В своей деятельности переводчик имеет дело не только с двумя разными языками, но и двумя разными культурами. Часто переводчику приходится решать вопрос, как преодолеть культурный барьер и донести до принадлежащего к другой культуре реципиента информацию, заложенную в исходном тексте. От профессионального переводчика ожидается, что он не только на высоком уровне владеет иностранным языком, но и хорошо знает менталитет и культурные традиции его носителей. Без этих фоновых национально-культурных знаний переводчик не сможет успешно выступить в роли посредника и содействовать достижению взаимопонимания. Подразумевается, что он психологически и социально готов принять модели поведения, отличающиеся от его собственных, а также воспринять различные культурные реальности. Обладая знаниями о моделях поведения, принятых в иноязычной культуре, переводчику нередко приходится брать на себя дополнительные функции «культурно-лингвистического имиджмейкера», консультируя работодателя/заказчика, как лучше построить переговоры с иностранным партнером, каким деталям уделить внимание во время беседы с зарубежным гостем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, теория перевода, переводоведение, культура, культурная специфика, коммуникативная теория перевода.

На сегодняшний момент существует огромное количество определений понятия «культура». Одним из первых ученых, который попытался осмыслить феномен культуры и дать ей научную дефиницию был английский этнограф Эдуард Тэйлор. В своем труде «Первобытная культура», опубликованном в 1871 году, он писал: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (Тэйлор 1989, с. 18).

В последующем представители различных научных дисциплин интерпретировали «культуру» под углом зрения своих научных концепций. В своей книге «Социодинамика культуры» французский культуролог Абраам Моль насчитывает более 250 определений «культуры» (Моль 2008, с. 35), как ее понимали культурологи, философы, социологи, историки, антропологи и др. При этом каждый исследователь подходит к изучению культуры со своими методами и способами, препарирует культуру так и хочет найти в ней то, что с его точки зрения кажется ему наиболее существенным и важным.

В поле зрения лингвистики культура попала в 19 веке, когда немецкий филолог Вильгельм фон Гумбольдт обратил внимание на «самобытное мирозерцание» (Гумбольдт 1984, с.80), заложенное в каждом языке. Согласно Гумбольдту, исходным началом, определяющим своеобразие языка, является «исконный уклад национальной самобытности» (Гумбольдт 1984, с. 169), ее характер, т. е. «вся совокупность внутреннего опыта, чувственности и душевного настроения, пронизывающая своими лучами внешний мир и связанная с ним через внешний опыт и ощущение» (Гумбольдт 1984, с. 55). Идеи Гумбольдта получили развитие в гипотезе лингвистической относительности, разработанной американскими лингвистами Эдуардом Сепиром и Бенджаменом Ли Уорфом в 1920 — 1940-е гг. XX в., где культура понимается как «социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни» (Сепир 1993, с.

259).

В наше время историческая традиция проведения исследований культурологических особенностей на базе сопоставительного анализа различных народов и этнических групп была дополнена рассмотрением культурных различий малых социальных групп, принадлежащих к одному национальному/этническому ареалу. Представители одной этнокультуры могут принадлежать к различным социальным группам (субкультурам), сформированным по профессиональной, возрастной, половой и др. принадлежности. Так, например, в последнее время крупные фирмы стали уделять внимание формированию и поддержанию корпоративной культуры, объединяющей работающих в компании сотрудников. Нередки случаи, когда в офисе транснациональной фирмы успешно работают рядом с друг с другом представители различных национальных культур. При этом царящее между ними взаимопонимание может быть нарушено, как только эти контакты выходят за рамки корпоративной культуры.

Концепт культуры исключительно важен для переводоведения, поскольку последнее понимается не как исключительно лингвистическая дисциплина, но занимает пограничное положение между лингвистикой и культурологией, т. к. перевод является актом межъязыкового и межкультурного посредничества. Это подводит нас к такому пониманию культуры, которое утвердилось среди современных отечественных и зарубежных переводоведов. Мы разделяем точку зрения таких специалистов, которые понимают культуру как «совокупность материальных и духовных особенностей народа, определяющих специфику организации его мышления, общественной и повседневной жизни» (Хайрулин 1999, с. 44). Подобных взглядов на культуру придерживаются германский переводовед Э. Фляйшманн, который понимает под культурой «значимые для перевода особенности, закрепленные в знаниях, поведении и действиях людей, а также выраженные в восприятии действительности» (Fleischmann 2004, с. 325). По его мнению эти национальные особенности выражаются в «системе ценностей, языковых единицах и типичных способах их использования» (Fleischmann 2004, р. 325). Похожих взглядов придерживается и другой германский исследователь Г. Малецке: «Культура – это система концептов, убеждений, взглядов, ценностных ориентиров, которые проявляются как в поведении и поступках людей, так и в их материальных и духовных продуктах» (Malezke 1996, с. 16).

Интересно проследить, как изменялось понимание проблем, связанных с передачей культурной специфики, в переводоведении с течением времени. Первоначальное узкое понимание национальной культурной специфики, как закрепленной на уровне лексики, поставило перед переводоведами вопрос о необходимости осмысления и поиска вариантов передачи слов, обозначающих национально-специфические реалии общественной жизни и материального быта. Так, один из основоположников российской школы перевода А.В. Федоров указывал в своей книге «Введение в теорию перевода», вышедшей в 1953 году, касаясь вопроса передачи при переводе слов-реалий, специфичных для определенного народа или страны: «Хотя, казалось бы, речь здесь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение, получающих почти терминологическое выражение на данном языке, при передаче их средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты. Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общезначимости содержания или по своему бытовому характеру слова, служащие названием таких реалий, не имеют терминологическое окраски; они не контрастируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нем стилистически, являясь привычными для языка подлинника и именно поэтому составляют особую трудность при переводе» (Федоров 2002, с. 199).

Придя к пониманию, что проблема лежит не на лингвистическом уровне, а скрывается в экстралингвистических глубинах, лингвисты-переводоведы были вынуждены признать, что правильная передача обозначения культурно-специфических вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, не возможна без знания той действительности, которая изображается в переводимом произведении. За этими знаниями закрепилось определение «фоновых», под которыми понимается «совокупность

представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа» (Федоров 2002, с. 200). В. С. Виноградов предлагал использовать термин «фоновые сведения», куда он относил «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов 1978, с. 87).

Западногерманский теоретик перевода Г. Вотьяк выделяет на лексическом уровне кроме слов-реалий следующие элементы, несущие в себе национально-культурную специфику:

1. значимые семы (например, *коровы* – как священные животные или *свиньи* – как грязные животные в определенных культурах);
2. содержащиеся в семах знания о предмете (например, *ужин* может быть горячим или холодным в различных культурах, *хлеб* может выпекаться из различной муки и иметь различную форму);
3. различное наполнение лексико-семантических полей и различная точность заложенного в слово определения (например, различные названия *снега* в культурах, где различные характеристики снега играют важную роль);
4. различное значение и символика цвета (например, *черный цвет* в европейской христианской культуре является цветом печали, а в других культурах нет);
5. различная точность лексического значения (например, в китайском языке нет слова брат или сестра, а есть лишь младший/старший брат и младшая/старшая сестра) (Wotjak 1993, p. 63).

О доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по таким данным: русские безэквивалентные слова и обороты (сельсовет, воскресник, гармошка, народоволец, бить челом, толстый журнал и т. п.) составляют 6 – 7 % от общепотребительной русской лексики (Верещагин, Костомаров 1976, с. 83); англо-русский лингвострановедческий словарь «Великобритания» (см. Великобритания 1978), далеко не исчерпывающий справочник, толкует 9500 слов и словосочетаний (правда, включая и некоторые знаменитые топонимы).

Переход в конце XX в. от узколингвистической интерпретации перевода к современному пониманию перевода, как акта двуязычной коммуникации объясняет возросшее внимание, которое переводоведы стали уделять социальным аспектам и особенностям взаимодействия различных знаковых систем в реальных актах вербальной коммуникации. Такой макролингвистический подход заставил современных исследователей перевода включить в сферу научного рассмотрения многие факторы, связанные с воздействием на процесс перевода особенностей культуры и менталитета участников коммуникации. Т. к. для проведения исследований в новом ракурсе потребовался новый понятийный аппарат, лингвисты-переводоведы заимствовали его у теории коммуникации. Так в теорию перевода прочно вошли понятия «источник», «сообщение», «рецептор», «обратная связь», «процесс кодирования и декодирования», и утвердилось понимание, что язык – это продукт социального и культурного развития.

Коммуникативные отношения складываются из множества факторов, и языковая составляющая играет здесь зачастую даже не самую главную роль. Нередко попытки представителей различных культур установить отношения (в том числе деловые контакты) заканчивались безуспешно именно из-за культурного «несовпадения». Следует заметить, что зачастую культурные различия, явившиеся причиной неудачной коммуникации, не осознаются взаимодействующими сторонами как серьезный фактор и причина неудач в переговорах. Однако, выстраивая свое коммуникативное поведение при проведении переговоров с участием представителей другой культуры нельзя не учитывать даже таких, на первый взгляд казалось бы, незначительных культурных различий как дистанция между говорящими, динамика переговоров (т. е. как быстро следует переходить непосредственно к обсуждению предмета переговоров), табуизированность отдельных тем и т. п.

Культурную дивергенцию можно хорошо проследить на примере распространенной во многих культурах традиции обмена подарками. Так, многие немецкие предприниматели признаются, что они испытывали неловкость и не знали как реагировать, когда русские партнеры уже при первых контактах вручали им (нередко достаточно дорогие) подарки. Немецкие бизнесмены, как правило, не готовы принимать подарки, тем более при первом контакте, да еще от совершенно незнакомых людей. Чаще всего эти подарки служили основанием для выводов о корыстных мотивах поведения партнеров. На Западе приглашения частного порядка и подарки считаются нежелательным влиянием или даже попыткой подкупа. Западная модель делового поведения строится на строгой и категорической этике. Для русских же участников переговоров, которые строят свое поведение в рамках азиатской коммуникационной культуры, обмен подарками и установление личных отношений в деловых контактах является основой успешных деловых отношений.

Все вышесказанное заставляет посмотреть на профессию переводчика под культурологическим углом. От профессионального переводчика ожидается, что он не только на высоком уровне владеет иностранным языком, но и хорошо знает менталитет и культурные традиции его носителей. Без этих фоновых национально-культурных знаний переводчик не сможет успешно выступить в роли посредника и содействовать достижению взаимопонимания. Подразумевается, что он психологически и социально готов принять модели поведения, отличающиеся от его собственных, а также воспринять различные культурные реальности. Обладая знаниями о моделях поведения, принятых в иноязычной культуре, переводчику нередко приходится брать на себя дополнительные функции «культурно-лингвистического имиджмейкера», консультируя работодателя/заказчика, как лучше построить переговоры с иностранным партнером, каким деталям уделить внимание во время беседы с зарубежным гостем, как вести себя с представителями какой-либо нации. Так, например, будет нелишним, если переводчик в преддверии встречи с японскими партнерами предупредит российских участников о том, что в японской культуре не принято спрашивать собеседника о здоровье.

Представитель лейпцигской переводческой школы Э. Фляйшманн указывает на следующие культурно-специфические знания, которыми должен обладать переводчик (Fleischmann 2004, p. 333):

- *Общие знания:*
- знание реалий: специфические предметы повседневной жизни, обычаи, формы организации совместной жизни;
- знания о специфичных проявлениях бытовой культуры;
- семантические прототипы;
- крылатые слова, лозунги;
- знания о современном мире (люди, события и места);
- базовые знания национальной литературы;
- базовые знания национальной истории;
- знания религии и церкви;
- национальные аллюзии;
- *Знание моделей поведения:*
- застольный этикет во время деловых переговоров: какие блюда и в какой последовательности подаются на стол, роль алкогольных напитков, использование столовых приборов, допустимость «шумного» поедания, ведение разговора, выход из-за стола;
- техники ведения переговоров;
- выражение критики/сомнения/отказа; умение обойти неприятный вопрос, реакция на критические замечания;
- приглашения: на какие мероприятия, за какой срок; неожиданные визиты; подарки;
- правила «незаметного» поведения, избегание запретных тем;

- предпочитаемые формы времяпрепровождения в выходные дни и в отпуске; свободная форма одежды;
- дружба / количество друзей и глубина дружеских отношений;
- поведение в церкви;
- почтительность, дружелюбность и пунктуальность, отношение ко времени;
- встречи: виды и типы приветствия, представление себя;
- *Знания о различиях в ценностных ориентациях:*
- оценка цветов и запахов;
- оценка бережливости/жадности или щедрости;
- знание духовных ценностей
- *Культурно-специфичные специальные знания:*
- знание специфичных структур в политике, экономике, праве и управлении;
- национальные технические нормы;
- различия у технических продуктов и необходимость их адаптации;
- рекомендация каких-либо дополнительных продуктов в руководствах по эксплуатации;
- инструкции к бытовой технике;
- типичные для данной культуры сравнения, используемые в мире техники;
- различия в терминологических системах;
- различный объем научных знаний в обществе.

Обладание указанными выше знаниями должно помочь переводчику выполнить ту роль, которая возложена на него как на межкультурного посредника. Можно выделить следующие функции, которые будут относиться к его компетенции:

1. Информационная функция. В современной науке понятие «информация» трактуется как обмен между людьми различного рода знаниями и сведениями. Играв роль посредника переводчик обеспечивает обмен сообщениями, мнениями, замыслами, решениями, который совершается между коммуникантами. Переводчик выполняет эту функцию, независимо от цели коммуникации:

- достижения какой-то практической цели, решения какой-либо проблемы;
- или
- самого процесса коммуникации, поддержания отношений между людьми.

2. Социальная функция. Реализуя эту функцию переводчик содействует формированию и развитию культурных навыков, мировоззрения у коммуникантов. Он помогает им научиться согласовать свои действия с действиями партнеров по коммуникации, имеющими иной культурный багаж.

3. Экспрессивная функция. Принимая во внимание стремление партнеров по коммуникации выразить и понять эмоциональные переживания друг друга, задача переводчика - помочь установлению эмоционального контакта между коммуникантами. При этом переводчик должен не только помочь участникам общения/переговоров представиться, выбрав для этого стереотипные вербальные высказывания, но внести свой вклад в установление атмосферы дружелюбности (дополнить сообщение необходимой для общения информацией невербальными средствами (улыбка, жесты)). Создание положительного эмоционального настроя очень важно для успешного дальнейшего развития общения/переговоров, и коммуникативное поведение переводчика играет здесь не последнюю роль. Экспрессивная функция проявляется в выражении чувств, эмоций в процессе коммуникации через вербальные и невербальные средства. Они связаны с выбранным стилем речевого общения, используемыми невербальными средствами коммуникации. Экспрессивная функция может значительно усилить или ослабить эффективность общения/переговоров.

4. Интерпретативная функция. Для достижения задачи – помочь коммуникантам понять друг-друга - переводчик зачастую вынужден зачастую прибегать к интерпретации намерений, установок, переживаний, состояний участников общения/переговоров в соответствии с системой культурных ценностей и ориентиров реципиента.

5. Прагматическая функция. Если рассматривать перевод как средство достижения определенной практической цели, поставленной перед переводчиком лицом, оплачивающим его работу (заказчиком или клиентом), то задача переводчика – добиться желаемого воздействия на рецептора перевода: побудить партнера по коммуникации к совершению какого-либо действия, или же наоборот удержать от выполнения определенного поступка. При этом переводчик может вносить в перевод какие-то изменения, чтобы адаптировать его к требованиям рецептора и его культуры. Прагматическая функция перевода подробно анализируется в трудах германских переводоведов Ханса Фермеера и Катарины Райс - авторов скопос-теории, в основе которой лежит идея о том, что прагматическая функция играет первостепенное значение в процессе перевода (Reiss & Vermeer 1986). Следует оговориться, что мы не разделяем мнение данных авторов. Мы считаем, что все указанные выше функции тесно связаны между собой и присутствуют в том или ином сочетании фактически в любом виде коммуникации, независимо от ее типа.

В свете вышесказанного встает вопрос подготовки переводчиков как культурно-языковых посредников. Специфика переводческой деятельности требует иного подхода к обучению соответствующих специалистов, нежели классическое филологическое обучение. Наряду с формированием у студентов языковой компетентности, т.е. суммы знаний о языке и владение всеми его подсистемами, а также речевой компетентности – практического владения языком, умения свободно выражать свои мысли, переводческая компетенция предполагает создание у учащихся фундаментальной культурологической базы, сообщение знаний о традициях и культурных особенностях другого народа, принятых в данной культуре нормах речевого поведения.

Литература

- Великобритания, 1978. *Лингвострановедческий словарь*. Москва: Русский язык.
- ВЕРЕЩАГИН, Е. М.; КОСТОМАРОВ, В. Г., 1976. Язык и культура. *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык.
- ВИНОГРАДОВ, В. С., 1978. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: МГУ.
- ГУМБОЛЬДТ, В., 1984. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Москва: Прогресс.
- МОЛЬ, А., 2008. *Социодинамика культуры*. Пер. с фр. Москва: издательство ЛКИ.
- СЕПИР, Э., 1993. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Пер. с англ. Москва: Прогресс.
- ТАЙЛОР, Э. Б., 1989. *Первобытная культура*. Пер. с англ. Москва: Политиздат.
- ФЕДОРОВ, А. В., 2002. *Основы общей теории перевода*. 5-е изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- ХАЙРУЛИН, В. И., 1999. Культура в парадигме переводоведения. *Тетради переводчика*, № 24. Москва: МГЛУ.
- FLEISCHMAN, E., 2004. Zum Begriff der translatorischen Kulturkompetenz und dem Problem ihrer Vermittlung. *Translationskompetenz. Tagungsberichte der LICTRA*. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH.
- MALETZKE, G., 1996. *Interkulturelle Kommunikation. Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- REISS, K.; VERMEER H., 1984. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- WOTJAK, G., 1993. *Intekulturelles Wissen und Sprachvergleich. Studien zum romanisch-deutschen Sprachvergleich*. Tübingen: Niemeyer.

Vadim Shubin

Russian State University for the Humanities

Research interests: history and theory of translation, German studies, psycholinguistic aspects of translation

TRANSLATION OF CULTURES - CULTURE OF TRANSLATION

Summary

Translation is a kind of activity which inevitably involves two languages and two cultural traditions. As this statement implies, translators are permanently faced with the problem of how to treat the cultural aspects implicit in a source text and of finding the most appropriate technique of successfully conveying these aspects in the target language. These problems may vary in scope depending on the cultural and linguistic gap between the two languages concerned. It is quite reasonable for a qualified professional to have background knowledge of native speakers' cultural

traditions and mentality. Cross-cultural peculiarities play very important role in understanding and interaction of/between people from other countries; without having the ability to recognize implicit nuances a translator can not successfully mediate and assist in mutual understanding. A professional interpreter is supposed to be socially and psychologically prepared to adopt cultural patterns that differ from his own, and accept different realities. There are situations when a translator adopts additional role of "ethno-cultural imagemaker" are not rare. Consulting an employer what the basic details to pay attention to are, and what the best ways of holding negotiations with foreign partners are, is often a routine practice of a highly skilled interpreter.

KEY WORDS: translation, translation theory, science of translation, culture, cultural specificity, communicative translation.

Асия Усманова

Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия

Ломоносовский пр.31/1, Москва, Россия

Тел. +7495 7340080

Эл. почта austanova@gmail.com

Научные интересы: лингвистика, межкультурная коммуникация, культурология

ТАК ЛИ УЖ ОПАСЕН ИНТЕРНЕТ? К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИНТЕРНЕТА НА НОРМЫ ЯЗЫКА И ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы Интернета, связанные с его воздействием на язык и межличностную коммуникацию. Материалом для исследования послужили статьи из средств массовой информации и наблюдения самого автора, проведенные в сети, в частности на форумах, в социальных сетях. Основная цель – показать естественное развитие языковых и коммуникативных норм, развеять мифы об угрозе со стороны Интернета, выявить позитивные аспекты влияния Интернета на человека и общество. Исследование показало, что развитие Интернета – это новый виток, новый этап развития языка и общения, которое происходит закономерно, следуя принципам развития языка и общества, существующими на протяжении всей истории развития человечества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет, язык, языковые нормы, межличностная коммуникация, информация

Интернет – это новый, относительно недавно сформировавшийся канал передачи и получения информации, стремительно развивающийся, затрагивающий и вторгающийся во все сферы нашей жизни, изменяющий привычную схему общения, веками устоявшиеся нормы общения и языка и даже понятия времени и расстояния. Как любое новое явление Интернет порождает бурные дискуссии о положительном и отрицательном влиянии Интернета на человека и общество. Оставив в стороне технические преимущества и проблемы, мы сосредоточимся на двух гуманитарных областях – языке и межличностной коммуникации. Мы считаем целесообразным проводить объективный анализ Интернета с целью последующего выявления закономерностей и тенденций развития Интернет-коммуникации, которые в свою очередь помогут выявить тенденции развития языка, культуры, общества.

Интернет влияет на все стороны жизни человека, рассматривается и как средство массовой информации, и как средство межличностной и межкультурной коммуникации. Можно говорить о появлении глобальной коммуникационной среды, в пределах которой создаются новые потребности человека и возможности их реализации. Возможности предоставлены практически во всех актуальных сферах жизнедеятельности: бытовой – возможность совершать покупки, оплачивать различные услуги, не выходя из дома, управлять своими банковскими счетами; социальной – возможность расширения круга знакомых, друзей по интересам, возможность обучения (участие в виртуальных тренингах, вебинарах, получение дистанционного образования); психологической – возможность выразить свои истинные мысли в дневниках для узкого или широкого круга людей, в комментариях к дневникам, различным публикациям в Интернет-версиях популярных журналов и газет.

С Интернет-коммуникацией связаны такие важные в наше время понятия как информация, информированность и информационное общество. Эти понятия стали особенно актуальны в последней четверти XX века- начале XXI века в связи с увеличением потока информации. Под информационным обществом понимается - концепция постиндустриального общества; новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. Отличительными чертами информационного общества являются:

- увеличение роли информации и знаний в жизни общества;
- возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг;
- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

У современного человека существует потребность в информации, потребность быть информированным, получать и передавать информацию. И не всегда эта потребность навязана кем-либо или чем-либо (например, средствами массовой информации, управляющими органами), эта потребность – естественный путь развития человеческих потребностей, связанный со все более и более ускоряющимся ростом количества информации, что в свою очередь является естественным процессом, обусловленным развитием науки и техники. Так, например, информационный поток в средние века полностью менялся лишь один раз в триста лет, т. е. полная смена информации, касающихся важных для выживания сведений практически полностью изменялась за триста лет. Затем этот процесс начал ускоряться и к началу двадцатого века дошел до двадцати лет на полную смену. К концу же двадцатого века информационный поток стал меняться для индивида ежедневно, а иногда и до нескольких раз в день. Интернет как способ обмена информацией позволяет ускорить процесс получения и передачи информации. Если, скажем, в XIX веке письмо по России могло идти до пункта назначения месяцы, в XX веке – недели, или дни, то сегодня сообщение, переданное посредством Интернета, доходит до адресата за считанные минуты или даже секунды. А быстрый обмен мнениями в письменной форме на форумах, в чатах, блогах, иногда с несколькими людьми, находящимися в тысячах километрах друг от друга, создают эффект общения в реальном времени, что ранее было невозможно, так как сообщение и реакция на него были дистанцированы во времени.

Эффект общения в реальном времени повлиял на стиль и нормы письменной речи. Из-за ускорения обмена информацией письменная речь стала приближаться к нормам устной речи. Это выразилось, прежде всего, в сжатии, или уплотнении информации за счет плана выражения, при сохранении плана содержания. Так, вместо длинных слов употребляются их «усеченные» варианты, например, «естесно» вместо «естественно», или точнее, слово пишется так, как оно употребляется в беглой устной речи. «Пострадали» также и служебные части речи: вместо «как-нибудь», «что-нибудь» имеем «канить», «чонть». Таких примеров можно привести много, причем одно и то же слово может быть сжато по-разному, каких-либо правил не существует, многое зависит от изобретательности общающихся, от уровня их грамотности. Другими словами, налицо – тенденция «пишем, как слышим».

Существует довольно большое количество исследовательской литературы, посвященной языку Интернета (рунета). Ученые анализируют жанровую специфику Интернет-текстов, особенности орфографии, словообразования, грамматики, синтаксиса, пунктуации. Практически все сходятся во мнении, что общение посредством Интернета повлияло на нормы языка, высказываются также опасения относительно целостности русского языка. «Наличие всевозможных проверок грамматики текста, снижает развитие навыков грамотного письма у детей и понижает общий уровень культуры владения письменной речью. Предельное упрощение коммуникации в Интернете ведет к упрощению языковой, а затем и физической (реальной) личности, вызывая необратимые изменения в психике. Визуализация коммуникации приводит к снижению способности вербального выражения и восприятия, что сказывается на общении различных возрастных поколений, снижая его эффективность и взаимопонимание в целом, например, между разными поколениями...». (Горошко 2007)

В средствах массовой информации также обсуждается угроза для русского языка, исходящая со стороны Интернета. «Интернет – неизбежное зло?», «Интернет – зло с которым уже нельзя бороться», «Чем грозит русскому языку Интернет?», «Жаргон Интернет-чатов и блогов вырвался из всемирной паутины в повседневную жизнь»,

«Филологи не знают, что делать: бить тревогу или просто наблюдать за развитием событий».

Не так давно в Интернете появилась мода на преднамеренное искажение орфографии слов (так называемая субкультура «падонкафф»), которая никоим образом не связана с экономией языковых средств, или со стремлением упростить орфографические нормы до произносительных норм. Здесь мы имеем дело с игрой, с желанием подростков выделиться, продемонстрировать свою оригинальность, поэтому «бить тревогу» нецелесообразно, тем более, что эта мода постепенно уходит, а проблема неграмотности среди школьников связана отнюдь не с Интернетом, а с общим уровнем базовых знаний и подготовки в школе. Среди представителей более старшего поколения (30-45 лет) тоже заметно стремление к оригинальности выражения мыслей. Так, например, на форумах в группе МГУ сайта «Одноклассники» можно столкнуться, как и с упрощением орфографии, так и с преднамеренным искажением слов, чаще всего для создания шуточного или ироничного оттенка значения высказывания.

На наш взгляд развитие языка в Интернете – это закономерный и естественный процесс, который не является чем-то принципиально новым. На протяжении всего существования языков происходят изменения – одни грамматические формы исчезают совсем (например, аорист), другие видоизменяются (система склонений русского языка), на уровне фонетики происходит ассимиляция и/или редукция звуков, на уровне лексики заимствование слов из других языков, некоторые из которых приживаются и начинают «новую жизнь» в принимающем языке (т. е. приобретают грамматические и фонетические показатели, характерные для данного языка), другие же, просуществовав короткое время, бесследно исчезают. Исследования в области истории языков приводят к мысли о том, что эволюция языков происходит в направлении сжатия, или компрессии языковых средств. На этот факт указывает Л. В. Златоустова: «Развитие языков мира в последние десятилетия обладает общим свойством – компрессией. Этот феномен связан с социальными причинами: в первую очередь, с убыстрением темпа жизни, расширением сферы языковых контактов и рядом других социальных явлений. Вместе с тем каждый язык осуществляет компрессию средствами, характерными для его грамматического строя, – его семантики, грамматики, лексики, фонетики». (Златоустова 2002). Уместно будет также привести цитату из статьи «Эпистолярный жанр» энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Эпоха расцвета эпистолярной литературы, надо думать, прошла для цивилизованного мира безвозвратно: ускорение темпа жизни, усиление возможности устного общения ведут к падению переписки, которое увеличивается в гигантских размерах, но перестает быть предметом особого внимания и искусства. Деловая простота вытесняет условности стиля; письмо развивается, вместе с языком, по направлению к большей энергии и сжатости выражения мысли, но исчезает как особая литературная форма» (Брокгауз и Ефрон 1904, с. 921). Как видно из приведенной цитаты, тенденции к упрощению стиля, к лаконизации плана содержания наметились еще на рубеже XIX и XX веков. Все сказанное вполне можно отнести и к сегодняшней деловой переписке. Единственное в чем автор оказался не прав – это безвозвратное исчезновение эпистолярного жанра. На рубеже XX и XXI веков эпистолярный жанр возродился благодаря Интернету, так же как и традиция ведения дневников, правда, форма и стиль переписки и дневников претерпели значительные изменения.

Эти изменения связаны не только с компрессией, но и с визуализацией информации. Несмотря на то, что некоторые исследователи объясняют визуальный характер информации обеднением словарного запаса пользователей Интернета, на наш взгляд данная тенденция обусловлена ускорением передачи информации. К визуальным средствам можно отнести фотографии, графики, диаграммы, аватары, смайлики, последние используются преимущественно для выражения различных чувств и эмоциональных состояний. Смайл, или смайлик – пиктограмма, изображающая эмоцию и состоящая из различных символов. Распространение смайлик получил в Интернете и SMS. Автором смайликов считается профессор Скотт Фалман, который в 1982 году придумал смайл как средство выражения

эмоций: при общении посредством компьютера текст выглядел слишком «сухо», смайл был введен с целью «оживить» общение и исключить случаи, при которых шутка могла быть принята за серьезное высказывание. Следует отметить, что такой способ выражения эмоций не является совершенно новым. Например, в XVI и даже в XIX веках некоторые авторы ставили на полях своих книг специальные пометки для обозначения иронии. (Mueske 1959, p. 56). Смайл – универсален и может быть понят носителями разных языков, таким образом, облегчается процесс межкультурной коммуникации в случае, если представители разных культур не владеют общим языком в достаточной степени для того, чтобы выразить эмоции.

В английском языке наблюдаются схожие процессы визуализации информации и компрессии языковых средств. В английском языке компрессия появилась уже более ста лет назад в так называемом телеграфном стиле. Для этого стиля были характерны аббревиатуры, сокращенные написание слов с использованием цифр вместо букв (например, 4U – for you, CU – see you, RU18 – are you 18), усеченные слова. Особенно этот стиль был распространен в американском английском и использовался в объявлениях, рекламе, телеграммах. Постепенно с развитием мобильной связи и Интернет-коммуникации он перешел в язык СМС и чатов.

Интересно отметить, что западные исследователи-лингвисты не видят угрозы для английского языка со стороны Интернета. Так, например, Д. Кристал пишет: «What is truly remarkable is that so many people have learned so quickly to adapt their language to meet the demands of the new situations, and to exploit the potential of the new medium so creatively to form new areas of expression. It has all happened within a few decades... The arrival of Netspeak is showing us homo loquens at its best». (Crystal 2001, p.108). Видимо, это связано с большей терпимостью к неопределенности, а также с тем, что за последние пятьдесят лет английский язык распространился, по всему миру как язык международного общения, появилось много вариантов английского языка там, где английский язык используется как второй официальный или как основной иностранный (Indian English, Nigerian English, Japlish, Spanglish). Эти варианты отклоняются от фонетических, грамматических норм британского или американского английского, и, видимо, поэтому появление еще одного варианта – Интернет-языка – не представляет значимой угрозы.

Современный Интернет предоставляет много возможностей для осуществления и поддержания межличностных контактов: блоги, социальные сети, личные сайты и страницы, дневники, чаты, форумы по интересам, конференции, вебинары и т.д. Межличностная коммуникация в Интернете изучается в основном психологами и социологами. Среди наиболее популярных тем исследований – мотивация для создания межличностных контактов, причины Интернет-зависимости и ее возможные последствия, эмоциональная насыщенность контактов, изменения личности в условиях нового информационного общества, формирование принципиально нового медиа пространства и новых условий информационного воздействия на общество.

Отрицательное воздействие Интернета в сфере межличностной коммуникации связывают прежде всего с зависимостью от Интернета, под которой понимается навязчивое желание постоянно находиться в сети, отслеживать всю поступающую в форумы информацию, неспособность выйти из сети, переключиться на другой вид деятельности. Интернет-зависимые люди могут проводить в Интернете до 18 часов в день, а вынужденный или принудительный отказ вызывает у них тревогу и беспокойство. Человеку кажется, что он пропустит что-то очень важное, психологи рассматривают такое поведение как нарушение обмена информации (видимо по аналогии с нарушением обмена веществ). Официально этот вид зависимости не классифицируется как психическое расстройство, поэтому некоторые психиатры отрицают существование Интернет-зависимости и вреда от него, другие же считают, что Интернет-зависимость в чем-то схожа с увлечением азартными играми. Разработаны специальные тесты, шкалы, которые позволяют определить, зависим ли человек от Интернета или нет, например, шкала Интернет-зависимости А. Жичкиной (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/addiction>). А. Жичкина также подчеркивает, что процент

Интернет-зависимых людей в России не так уж и велик – 2-5%, а причины Интернет-зависимости следует связывать не с Интернетом, а с особенностями личности. «Интернет-зависимые в высокой степени нуждаются в эмоциональной поддержке и считают Интернет такой средой, в которой эту поддержку получить наиболее вероятно.»(Жичкина 2007).

К положительным моментам воздействия Интернета можно отнести возможность самореализации. Многие люди испытывают затруднения в реальном общении ввиду различных комплексов, связанных либо с физическими недостатками, либо с заниженной или, наоборот, завышенной самооценкой. Специфика Интернет-коммуникации такова, что любой человек может до конца высказать свою мысль, его невозможно перебить, или остановить. Конечно, и реакции со стороны Интернет-аудитории могут быть резко отрицательными, но, с другой стороны, и воспринимаются они не так болезненно, как при разговоре в реальной обстановке. Отличительной чертой форумов и социальных сетей является анонимность контактов, что обуславливает большую открытость и психологический комфорт при знакомствах или обмене мнениями. Но анонимность имеет свою оборотную сторону: в виртуальном пространстве малокультурный человек начинает ощущать полную свободу и отсутствие ограничений, и поэтому расслабляется и может вести себя и высказываться так, как он никогда бы не делал в реальной жизни. По словам В.Нестерова: «Бесспорно, реализация комплексов в Сети приносит проблемы и неудобства для других «виртуалов», но реализация их в реальной жизни нанесла бы несравненно больший вред.» (Нестеров 2002). Другим несомненным плюсом установления межличностных контактов в Интернете является расширение круга общения по интересам. У многих людей с годами складывается практически неизменяемая структура контактов: семья – работа – друзья. Эти отношения не всегда развиваются синхронно с развитием интересов и потребностей конкретного человека, поэтому для многих людей Интернет становится своего рода отдушиной, «окном» в новый мир, что несомненно положительно сказывается на всей деятельности человека.

Интернет коренным образом изменил нашу жизнь. Рассуждать о том, хорошо это или плохо, выявлять плюсы и минусы, достоинства и недостатки уже не представляется актуальным, хотя бы потому, что «отменить» Интернет нельзя – он быстро завоевал все стратегически и жизненно важные позиции и стал неотъемлемой частью жизни большинства людей во всем мире, наряду с другими техническими достижениями, такими как телевидение, радио, телефон и т.д. Поэтому можно сказать с уверенностью, что развитие Интернета – это новый виток, новый этап развития языка и общения, которое происходит закономерно, следуя принципам развития языка и общества, существующими на протяжении всей истории развития человечества.

Литература

- ГОРОШКО, Е. И., 2007. *Лингвистика* Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. Интернет публикация. www.textology.ru
- ЗЛАТУСТОВА, Л. В., 2002. Компрессия и ее связь с фонетическим и грамматическим строем языка. *III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. Сборник тезисов, Москва: МАКС Пресс
- Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон*, 1904. Статья «Эпистолярная литература, т. 80, Санкт-Петербург.
- ЖИЧКИНА, А. http://strlife.ru/2007/07/03/anastasija_zhichkina_mify_ob_internetzavisimosti.html
- НЕСТЕРОВ, В. К., 2002. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете, <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>
- MUEСКЕ, D. C., 1969. *The Compass of Irony*. London: Methuen & LTD.,
- CRYSTAL, D., 2001. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press,

Asija Usmanova

Lomonosov Moscow State University, Russia

Research interests: linguistics, intercultural communication, cultural studies

IS THE INTERNET REALLY SO DANGEROUS? THE INTERNET'S INFLUENCE ON COMMUNICATIVE AND LANGUAGE NORMS

Summary

The article deals with the most significant problems of the Internet in the fields of humanities, namely its influence on language and interpersonal communication. The sources of research are articles from mass media and the author's own observations of the language in the Internet – on the forums and in social networks. The main purpose is to show the natural development of language and communication within the Internet, to dispel the myths about its threats and to point out its positive aspects. The thesis statement is the following: the changes which now occur in the language usage and communicative norms within the Internet should not be regarded as a completely new process; similar processes have been taking place throughout the history of the human society, which can be easily proven by extensive research in the field of the history of languages. The research has shown that the development of the Internet is a new stage in the development of the language and community which is going on naturally, in conformity with the general principles of language development and progress of society.

KEY WORDS: Internet, language, language norms, interpersonal communication, information

Ирина Ванда

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, Украина

ул. Пирогова 9, 01601 Киев, Украина

Тел.: +380507604160, +380673838357

Эл. почта : i_vanda@ukr.net

Научные интересы: антропология кино, философия кино, прикладная культурология

КИНО КАК АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ИДИОМА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представленная в статье идиома «человек и кинореальность», рассматривается как антропологическая проблема в философии языка. Сам человек определяется как двойная экзистенция в пространстве языка: человек-символ и человек-знак. Причиной антропологических метаморфоз автор заявляет игру между смыслами, которые структурируются в герменевтическую спираль. Подобный интерпретационный процесс позиционируется как обнаружение уникального языка альтернативного экранного пространства. Его главной особенностью обозначается возможность «сотрудничать» кино с другими феноменами реальности. Таким образом, кинореальность определяется как феномен реальности. Также выделяется ее возможность быть более реальной, чем сама реальность. В данном контексте сущность человека характеризуется как идиоматическая. Предлагается понимание человека как феномена и артефакта одновременно. Именно идеоматический эффект позволяет раскрыть смысловую бесконечность самой реальности, ее феномена – кинореальности и человека, как точку отсчета новых смысловых маршрутов. Аудиовизуальные возможности идиомы углубляют понимание реальности и кинематографической реальности в ней в контексте физического ее восприятия. Это определяется автором как толчок к философско-антропологическому исследованию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, бытие, реальность, феномен, артефакт, язык, идиома, кинематограф, альтернатива, знак, символ.

Современное пространство человека не обусловлено четкими границами, за которыми исчезает его реальность. Разоблачение как внутреннего, так и внешнего человеческого мира происходит в процессе игры. Ей характерны активное, прогрессивное слияние, соединение, взаимодействие двух компонентов реальности: символа и знака, их существование для нашего мышления и сознания. Подобное смысловое взаимодействие систематизирует и структурирует человеческий опыт познания бытия. Так возможно дальнейшее постепенное, естественное постижение истины.

Отмечая кинореальность в структуре самой реальности, в ней обнаруживаются символ и знак.

Сознание, опирающееся на символы, символическое сознание – наиболее ранняя исторически и онтологически, форма сознания. Она связана с еще не обособившимися от реальности, сопричастными ей действиями и переживаниями человека.

Символ всегда выступал и выступает необходимым условием формирования и воспроизводства человеческой культуры на высоте ее творческих возможностей. Он являлся и является средством развития мировоззренческих форм сознания, открывающих человеку масштаб его соизмеримости с универсумом. Символическое сознание предстает нам в своих различных ипостасях: как архаическое, мифологическое, чувственно-эмоциональное, мистическое, поэтическое, внерациональное и прочее.

Различные направления психоанализа и гуманитарной психотерапии апеллируют к укорененности в психике человека внерациональных форм сознания, к символическому сознанию.

Знак, в свою очередь, – есть язык, форма выражения, все, что обуславливает человеческую сущность. Языковую систему условно можно разделить на постоянно взаимодействующие друг с другом секторы. Среди них важно выделить вербальный сектор, сектор цвета, формы, звука, материала, сектор числа и, один из самых многогранных, – сектор искусства, среди которых весомое место занял кинематограф. Число этих секторов бесконечно множится. Причиной тому есть постоянный процесс интерпретации и интеграции смыслов, в поисках которых извечно находится человек. Кроме выявления смыслов, мы ищем формы, которые соответствовали бы им. Этой оболочкой и становится знак, слово в процессе определения их символическим сознанием.

Используя лингвотерминологический подход в философско-антропологических исследованиях рядом с чувственным, психологическим и другими опытами, мы увеличиваем возможности понимания бытия человека. Углубляем свое сознание в постижении смыслов нашей реальности. Значение, которым наделен тот или иной термин, интерпретируется либо же само становится интерпретацией. Таким образом, на основе процессов взаимоинтерпретирования, возникает герменевтическая спираль, в которой смыслы бытия человека раскрываются как бутон цветка, который играет цветом, формой, ароматом.

«Человек – главная тема философии, центральная проблема всех философских школ и направлений, неисчерпаемая в силу своей бесконечной сложности, дающая пищу для самых разнообразных интерпретаций и толкований» (Губин 2004, с.977). Так определяет человека современный исследователь в области философской антропологии В. Д. Губин.

Подобной многогранностью обладает и созданный человеком экранный вид искусства, оригинальная языковая форма – кино. Уникальность его природы не оставляет равнодушными представителей различных областей и направлений философии, науки, искусства и религии. Оно волнует даже тогда, когда его провозгласили «умершим», как это сделал, например, английский кинорежиссер Питер Гринуэй, не отрицая одновременно его перспектив трансформации в иной экранно-технический вид. Сегодня мы уже говорим о кинофильме не просто как об экранной форме, а как о виртуальной или даже альтернативной реальности. Актуальность оригинального вида текста, такого как фильм парадоксально укрепляется в современном обществе. Ведь реальность, которую определяют по Жану Бодрияру как симулякр, кроме своих терапевтически – компенсаторных функций во многом конкурирует с тем, что мы называем настоящим. Интересными для нас остаются как, уже, ставшие историей и классикой кино-работы, так и современные, продуцирующие все новые и новые виды, жанры, стили и т. д. Они не просто идут в ногу со временем, а рождены им, возникли как результат перемен в самом человеке, актуализации его отдельных потребностей и возможностей. Сегодня это роуд-муви (фильм-путешествия, в котором герои постоянно в пути), джалло («желтые» итальянские ужасы с элементами триллера и эротики), экшн (фильмы постоянного действия), слэшер (разновидность ужасов, где психопат убивает подростков) и многие другие, среди которых первыми были гангстерский, авантюрный и прочие.

Киноязык подобен латыни, «мертвой заочно». Она используется в профессиональных областях (науке, медицине, юриспруденции), а ее отдельные выражения иногда встречаются в повседневном обиходе как словесный декор. Не уступает латыни, как и другим языкам, кино. Фильм отснят, прокручен, а образы и их смысловой шлейф остается. Кроме вербального знака, оно имеет и невербальные средства выражения, которые становятся основой кино-образа, оригинальной смысловой структурой.

Проблема киноискусства как реальности актуальна в современной философской антропологии, толерантно относящейся к опыту других теоретических направлений исследования. Подобные тандемы позволяют расширить границы изучения проблемы человека и кино как единого целого, в котором значения каждого из элементов различны и не совпадают со смыслом их союза. Тогда как человек – это биологический вид, о происхождении которого спорят наука и религия, а кинематограф – технически-

художественный вид, созданный человеком, – в процессе их взаимных интенций возникает возможность постижения метафизических смыслов бытия.

Подобное сочетание в лингвистике было определено как идиома (внутриязыковая или межъязыковая) – сочетание языковых единиц. Даная модель фразеологического сращения дает возможность не только попытаться по-новому определить природу кинофильма, но главное, углубить понимание природы самого человека, как одновременно смыслового начала и интерпретатора кино, его виртуального пространства, составляющего их идиоматического союза. Именно в таком сотворчестве раскрывается полифункциональность «седьмого вида искусства», названного так французским кинотеоретиком Ричотто Канудо. Изучение его феномена производится сегодня в искусствоведческом, семиотическом, онтологическом, герменевтическом, феноменологическом, лингвокультурологическом, психологическом, социологическом и многих других аспектах. Синтетизм кино позволяет рассматривать его как уникальную многосложную форму, содействующую с любой знаково-смысловой системой созданной человеком. Каждый из вышеперечисленных секторов языковой системы идентифицируется в нем, проявляет свой смыслотворческий потенциал.

Таким образом, цвет в пространстве кино – это и передача эмоционального состояния, и элемент монтажа времени и пространства, и разоблачение нашей «внутренней генетической мифологии» – образно-смысловой базы подсознания.

Использование, например, синей палитры в фильмах – фантастике аргументируется его аналогией с потусторонним, не реальным, не ведомым нам. И это естественно, ведь, так или иначе, мы понимаем то, что позволяет нам опыт. Этот цвет вызывает ассоциации с морем и его глубиной, порой кажущейся нам бездной или же с небом, которое захватывает дух своей высотой, неуловимостью и переменчивостью. Не зря и метерлинковская «Синяя птица» стала сегодня именем нарицательным, обозначающим недостижимую цель.

Что же касается конкретно кино. Вспомним хотя бы недавнюю премьеру картины Джеймса Кэмерона «Аватар». Нави, жители планеты с аллегорическим названием Пандора, тески мифической обладательницы волшебного ларца со всеми бедами и надеждой, вызывающий столько любопытства у людей, обладали синей окраской. Они имели более глубинные знания, нежели человек, отвлеченный сиюминутным проявлением своих пороков: жадностью, любопытством, жаждой власти и т. д. Проявление жизни человеком подобно пламени огня. Жизнь фантастического народа нави похожа на сон, где все сосуществует в гармонии, где нет белого и черного, где все течет как синяя вода, плывет как облако голубого неба.

Важно отметить, что еще в 70-е годы XX столетия, на экранах уже была показана «синяя реальность» в полнометражном анимационном фильме «Дикая планета» французского режиссера Рене Лалу. Затерянную в космосе планету Игам населяли гигантскими голубые существа с красными глазами – драгами, владеющие искусством медитации, которые правили ею и приручали малорослых потомков людей – омов. Смыслом их существования было познание – постоянное и бесконечное, тогда как потомок человека жил в согласии со своим чувственным миром боли и радости.

Вообще, кинематограф в своем развитии очень логичен и постепенен. Возможно, это и стало одной из причин его стремительной эволюции, основанной на его же «генетике». Если в языковую систему включать искусство, то кино можно считать потомком праязыков, берущих начало с наскальных рисунков, в которых скрыто стремление древнего человека передать опыт своего мира более чем реальным: в цвете и движении. Да и сама синтетичность кинематографа основана на использовании знаковых элементов других видов искусства, имеющих более древнюю историю и причины своего возникновения.

Итак, любое вербальное сочетание, в котором встречается прилагательное синий, обретает значение сакрального характера. Фильм же, в свою очередь, в котором используется синий цвет как кино-слово, в сочетании с каким-либо другим знаком – это идиома, указывающая на метафизический характер виртуального пространства.

Использование цвета в кино, вернее неиспользование его полной палитры, также уподобляется лингвистическому понятию идиома.

Так, например, экранизация булгаковского произведения «Собачье сердце» Владимиром Бортко, заведомо лишена полной цветовой гаммы. Фильм ассоциируется со старой фотографией, которая каждый раз переносит в былое время, далеко уходящее от нас. Но главное в этом идиоматическом приеме – это фантазмагорическое выделение созданной М. Булгаковым реальности. В ней происходят фантастические перевоплощения, о которых может только мечтать человек. Хотя история страны, в которой разворачиваются предложенные автором события, также фантазмагорична для здравомыслящего человека.

К подобному приему обращается и Александр Сокуров в фильме «Молох». Окутанное туманной дымкой изображение, как – будто проросло мхом. Зеленоватые оттенки вызывают ощущение иллюстрации фантазий режиссера и также напоминают о центральном персонаже. Нет, не о Гитлере, в исполнении Леонида Мозгового. О молохе, страшной и ненасытной силе, которая прорастает в своем каменном замке на горе Кельштайнхауз на почве безумия, необузданности, вседозволенности. Автор использует в названии фильма имя божества, символа семейного очага древних народов, в жертву которому приносили новорожденных. Кроме этого молох – это и уникальный вид ящерицы, второе название которому – рогатый дьявол, из-за множества шипов на теле.

Продолжая исследование в кино наличия идиомы, как структурирующего начала, важно обратить внимание и на сектор звука. Для кино характерны неестественные и естественные звуки. К первой группе относятся электронные. Они указывают на природу иного существования представленного мира, как это было сделано в уже упомянутом анимационном фильме «Дикая планета». В другом случае происходит использование повседневных звуков, вызывающих эмоциональный дискомфорт. Для примера можно рассмотреть фильм А. Сокурова «Камень». В нем появление, оживления прежнего хозяина дома А. П. Чехова сопровождается вполне обыденными звуками. Но стучащие капли, вытекающие из крана, ударяясь о металлическую раковину, раздражают, указывая иррациональность всего происходящего.

Другим видом звука, является музыка, сопровождающая ее песня или, как сегодня принято говорить, саундтрек. Благодаря монтажу видеоряда и аудиодорожки, формируется кинослово, настроение фильма, предвещается судьба отдельных героев. Для советского кино были характерны музыкальное сопровождение, вызывающее чувство патриотизма, состояние увеличенной диафрагмы. Вспомним хотя бы песни в исполнении Любви Орловой, Леонида Утесова, Марка Бернеса. Они провозглашали о широте своей страны, о крепком плече военного товарища, о великолепии городов, морей, полей, лесов и т. д.

В индийском кино середины XX века музыкальному сопровождению соответствовали наивно-драматические настроения с желанием подчеркнуть, выделить или даже разделить мир на черный и белый (в европейском понимании) цвет, страдающих невинных жертв и бесчеловечных злодеев.

Современное коммерческое кино существует в шоу-медийном пространстве. Музыкальная композиция вырывается из звуковой дорожки скоротечного времени, той реальности, в которой существует современный человек, не имеющий время на остановку, поглощающий мегабайтами информацию. Так работает режиссер Алексей Балабанов. В первой и второй части фильма «Брат» им были использованы хиты, актуальные в 1990-х. Главной особенностью этих произведений их роковое исполнение. Рок для девяностых в нашей стране – это состояние души и тела, сарказм и глубина чувства ощущения реальности человека живущего на осколках иллюзий империи. Эта музыка доносилась из окон многих домов, ее не слушали под одеялом. Она стала тем, что мы получили в замен на волю, с которой не знаем, что делать.

Уже в 2008-м, в фильме «Морфий» Балабанова, по автобиографическим произведениям М. Булгакова, мы слышим голос Александра Вертинского в его «..бананово - лимонном Сингапуре» доносящийся с играющего громофона и романс «Я ехала домой...»

Марии Пуаре. Именно такое звуковое решение гармонично вводит зрителя в булгаковские времена. В этот период как никогда ощущалось существование человека в межпространственном мире. Он искал свой дом, свое пристанище и находил не в материальной невечности, а в глубоком трансцендентном состоянии наркотической зависимости. В нем и происходило заикливание желания ехать домой, искать его, трансформирующегося в потребность уколоть ввести себе в кровь морфий, вызывающий миражи счастливой и умиротворенной жизни.

Подобно цвету, звук работает и со своим отсутствием. Таким образом, в 60-годы в украинском искусстве появляется такое направление как «поэтическое кино», которое генетически связывают современные исследователи с постмодернистским «немым кино», в котором изображение преобладает над звуком, то есть происходит замена вербального образного ряда на визуальный. Данные процессы прослеживаются скорее в авторском, интеллектуальном, арт-хаусовском кино. В отличие от коммерческого в котором звуковая дорожка переполнена разнообразием звуковых и шумовых эффектов, «другое кино» вырывает человека из повседневной суеты, балагана. Таким образом, мы открываем и новые возможности кино.

Результатом полифункциональных возможностей кино является углубление, расширение нашего сознания. Кинематографу подвластны любые изменения в пространстве и времени. Используя технику и искусство монтажа, слияния двух различных элементов, мы можем побывать как в прошлом, так и в будущем, как под землей, так и над ней, услышать внутренний голос человека, увидеть его сны и воспоминания, пережить процесс перевоплощения, окунуться в хаос повседневности и ощутить его настоящую гармонию. Благодаря этому мир смыслов становится более доступным для нас. В человеческой фантазии возникают образы, которые из пространства реальности переходят в пространство действительности, что разрушает границы, разделяющие их, одновременно соединяя воедино сущность времени и пространства. Когда, например, углубляешься в сюрреалистичное видение бытия раскрытое в кинематографе Л. Бунюеля, Ж. Кокто, Я. Шванкмайера, Д. Линча, Ф. Феллини, К. Муратовой, возникает ощущение смысловой невесомости, когда предложенные аллюзивные символы раскрывают свою необузданную безграничность, за которой таится человеческая сущность. Сумасшедшие, которые становятся героями фильмов, воспринимаются вполне нормальными людьми, но наделенными уникальными способностями сознания. Их фантазии, сны, видения, возникающие в экранной плоскости, первоначально вызывают ощущение дискомфорта. Но приняв *его*, *мы* открываем для себя тот уровень познания бытия, на котором территория нашей обыденности выглядит как частично доступная знаково-смысловая система. Так в фильме Федерико Феллини «8 1/2» используя технику так называемого «потока сознания», автор, не выделяя никак технически, раскрывает перед нами внутренний мир одного героя, мир, который становится парафразом внутреннего мира каждого из нас. Образ режиссера Гвидо Аселми, предложенный Феллини, репрезентован как некое ядро нашего сознания, ищущее сущность своего движения, пытаясь осуществить свою реальность, сделать ее действительностью. Имея желание снять кинофильм о спасении человечества после ядерной катастрофы, Гвидо сам терпит крушение. Разочарование жизнью и любовью приводят к творческому тупику. Источник вдохновения он ищет, погружаясь в детские воспоминания, сюрреалистичные видения и озарения. Таким образом, мы проваливаемся в тоннель между реальностью и действительностью бытия, где время – это условность, придуманная человеком, чтобы систематизировать, обозначить границами опыт познания себя самого.

Итак, под действительностью мы понимаем осуществленную реальность, где реальность, в свою очередь, - это то смысловое пространство, которое существует вне времени, в состоянии фрактальной бесконечности. То есть, безграничность бытийного пространства обеспечивает рефлексивную герменевтическую спираль в тоннеле смыслов, где заданный автором интерпретационный курс дает возможность двигаться в любом

направлении, которое не имеет ни начала, ни конца, так как любое движение постоянно возвращает нас к сущности бытия.

Истолкование пространства как некоей смысловой территории приводит нас к возможности фрагментарного познания повседневности. Коллажность, клиповость экранного изображения, звуковой диссонанс, искусственно созданный аудио ряд определяются как направляющие нашего сознания. Человеческое сознание наделено лишь ограниченными возможностями восприятия действительности. Реальность, о которой осведомлен индивид, является «консенсусной» («реальностью по соглашению»), границы которой совпадают с границами языка. Таким образом, реальность для нас имеет свое начало и конец, одновременно не имея их, по сути. Мы разделяем ее на прошлое, настоящее и будущее; материализуем и вербализуем информацию чувственного опыта, что в дальнейшем дает нам возможность структурно воспринимать полученные знаки и символы как реальность. Кинематограф как одна из экранных форм и родоначальник данного вида за сто лет своего существования в XX веке сумел перевернуть наше представление о бытии и его смыслах. Именно кино одновременно как артефакт и как феномен из многих других видов искусства смогло преодолеть границы между пространством и временем, что и вывело философскую проблему феномена бесконечности как сущности соединения времени и пространства, на качественно новый уровень. В результате анализа или интерпретации, если апеллировать к герменевтической методологии, кино-текста, приходит понимание того, что бытие, как и смыслы не имеют ни начала, ни конца. Сознание воспринимает и осмысляет реальность в рамках способностей, сформированных действительностью, социально и культурно обусловленной.

Осознавая кинематограф как трансцендентную практику, подобную медитации, формы погружения в сущность бытия, и отталкиваясь от истолкования ее индуистами и буддистами, владеющими ею, мы имеем возможность освободиться от иллюзии, определенного сна наяву, гипнотического бодрствования, неведения и получить «просветление», «видение» мира таким, каков он есть на самом деле. То есть, медитация есть методом изменения, расширения сознания, а значит и границ самой реальности в нем через процесс интерпретации, который есть бесконечным: реальность – режиссер – виртуальная реальность – зритель – реальность.

Итак, благодаря смысловой многосложности кино и его интерпретационным возможностям раскрывать мир таким, каков он есть в реальности, время утрачивает свои границы в пространстве, а пространство, в свою очередь, выявляет свою бесконечность как сущность человеческого познания бытия.

Говоря о том, что человек создал альтернативную реальность, которой является кино, важно сформулировать само понимание реальности, которая также не имеет не противоречивых определений сегодня. В философском словаре понятие реальности онтологически поясняется как «... бытие вещей в его сопоставлении с небытием, а также другими формами бытия». (Фролов 1981, с. 445). Одновременно важны и этимологические основы реальности, которые берут свое начало от латинского *realis* как действительный, противоположный возможному.

Возможность философски обосновать понятие реальности предоставляют феноменологические исследования сознания Эдмунда Гуссерля, онтологические исследования Мартина Хайдеггера и герменевтический подход к проблеме понимания Х. Гадамера. Но время стремительно мчится вперед, а за ним и перемены в человеческом пространстве. Поэтому, учитывая опыт философских направлений XX столетия очень важно не упустить появление нового материала в XXI веке, который даст возможность формулировать новые категории для понимания мира и проникновения в смысловую структуру.

В чем же особенность идиомы для философско-антропологических исследований? Прежде всего, в том, что она определяет смыслообразующую форму в человеческой языковой системе. Подобно метафоре или аллегории, она структурирует смысловую

бесконечность в сознании человека. Кроме того, это понятие применимо для исследования бытия человека в тех новых видах реальности (виртуальной, альтернативной, кинореальности), которые человек сам создает и утопает в них. Благодаря кино человек раскрывает себя не только как феномен, но и артефакт. Так как в новой реальности прослеживается формирование нового вида человека, для которого стираются грани между сном, фантазией, иллюзией и настоящим, действительным. Вера в созданные им компьютерные, экранные и другие миры позволяет отыскать для себя альтернативную форму существования и познания самого себя. Поэтому словосочетание реальность кино, трактуется как идиома, раскрывающая особенности существования современного общества.

Литература

- АВЕРИНЦЕВ, С. С., 2001. Символ. *Словарь «София Логос»*. Киев: Дух и Буква, с. 155-161.
БАХТИН, М. М., 1979. К методологии гуманитарных наук. *In Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, с. 361-373, 409-412.
ГУБИН, В. Д., 2004. Человек. *Энциклопедический словарь. Философия*. Ред. А. А. Ивина. Москва: Гардарики, с. 977.
РИКЕР, П., 2008. Конфликт интерпретаций. Москва: Академический проект, 704 с..
ФРОЛОВ, И. Т., 2001. Реальность. *Философский словарь*. Москва: Политиздат, 719. с.

Iryna Vanda

National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

Research interests: anthropology of the cinema, a philosophy of the cinema, applied culturology

CINEMA AS AN AUDIO-VISUAL IDIOM: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The article considers an idiom “man and the reality of the cinema”, which is considered as an anthropological problem in the philosophy of language. Man is defined as a double existence in the linguistic space: the man-symbol and the man-sign. In author’s judgment the reason for the anthropological metamorphoses is a game between meanings which are structured in a hermeneutical spiral. This interpretative process is positioned as a discovery of the unique language of the alternative screen space. Its main feature designates a possibility “to cooperate” cinema with other phenomena of reality. Thereby its ability to be more real as the reality is distinguished. In this context man’s essence as an idiomatic one is defined. It suggests the understanding of man as a phenomenon and an artifact at the same time. Namely, the idiomatic effect lets to discover a sense reality, its phenomenon – the reality of the cinema and man, as a base of new ways of meaning. Audio-visual possibilities of idiom extend the interpretation of the reality and the cinematographic reality in it in the context of its physical perception. It is defined by the Author as a stimulus to a philosophical-anthropological research.

KEY WORDS: man, existence, reality, phenomenon, artifact, language, idiom, cinematograph, alternative, symbol

Николай Васюк

Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина
ул. Пивнична 106а- 9, 32307 Каменец-Подольский, Хмельницкая обл., Украина

Эл. почта: kaf_jurn@kpdu.kp.km.ua

Научные интересы: история народов Балтии, украинская литература

РЕЦЕПЦИЯ БАЛТИИ В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-30-Х ГОДОВ

Автор статьи ведет речь об интенсификации заинтересованности культурой, бытом, ментальностью народов Европы в украинской литературе 1920-30-х годов. Отдельно речь идет о рецепции истории и культуры народов Балтии в литературе того периода, в частности, в произведениях К. Полищука и Я. Олесича, симбиозе национальных и социальных тенденций в художественном трансформировании событий и явлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *компаративистика, литературные взаимосвязи, рецепция, имагология, художественная трансформация реалий.*

Взаимосвязи украинской и западных литератур стали объектом исследований во многих работах отечественных и зарубежных литературоведов-компаративистов. Со временем, однако, выяснилось, что эти исследования были неполными из-за невозможности вести речь о табуированных именах, произведениях, фактах из мира искусства. Особенно это относится к периоду от начала Украинской революции (1917-1920) до первой половины 30-х годов, когда огромный массив украинской литературы оказался недоступным для читателей и исследователей, а соответственно, нельзя было упоминать о тех литературных контактах и типологических схождениях, которые объединяли творцов периода украинской литературы, названного «Расстрелянным Возрождением», с общемировым литературным процессом.

Это не значит, что компаративистика полностью игнорировала этот период в истории украинской литературы. Большое внимание уделялось публикации произведений западных писателей, проблемам перевода, обзорам новых изданий в западных литературах. Также упоминалось и о поездках украинских писателей за границу, публикациях их произведений в переводах на европейские языки (Українська література 1987). Несмотря на определенное количество информации, в этом издании, однако, ни разу не упоминалось, например, о В. Винниченко, его жизни и творчестве за рубежом, заимствовании сюжетов из заграничной действительности или о поездке Н. Хвылевого в Центральную Европу, о его идее «психологической Европы». И таких примеров можно привести множество. Частично эти пробелы заполняло эмиграционное литературоведение (Костюк 1978; Погорілий 1981).

Более существенная проблема – это то, что и раньше, и сейчас почти никто из ученых, если не принимать во внимание статей Н. Сулымы (Сулима Література... 2006; Сулима «Поїдеш...» 2006), не обращал внимания на проблему восприятия украинской литературой 1920-30-х годов Запада, его искусства, ментальности европейских народов, конкретных условий их существования в первые десятилетия после завершения Первой мировой войны. А вопрос этот очень актуален, потому что отечественные литераторы в этот период проявляли огромную заинтересованность жизнью и культурой других народов.

К началу 30-х годов, пока не были установлены жесткие преграды для общения с европейскими странами, которые назывались «вражеским капиталистическим окружением», украинская интеллигенция воспринимала Украину (точнее – Украинскую ССР) неотъемлемой частью общеевропейской цивилизации, а себя – органической составляющей европейского культурного пространства. Внимание к Западу в этот период и немного позже объяснялось еще одним фактором: и государственно-партийные деятели, и многие деятели искусства жили ожиданием мировой революции, которая вот-вот вроде бы должна охватить страны Европы. Именно в таком аспекте воспринимает Юрий Смолыч Соединенные Штаты Америки и Лигу наций в своем первом романе (и одном из первых украинских романов этой

эпохи вообще, если не первом) «Последний Эйджевуд» (Останній Ейджевуд 1925). Значительная часть пролетариата США живет довольно зажиточно и о мировой революции не очень мечтает. Одновременно автор нагромождает ужасы о грандиозных запасах химического оружия в руках американской военщины, о смертельных экспериментах с использованием отравляющих газов над тайно арестованными американскими коммунистами, о массовой гибели советских людей от использования этих газов. Все это должно убедить читателя, что мировая революция неминуема, что даже самый зажиточный американский пролетариат рано или поздно присоединится к ее расширению. Поэтому главный герой Владимир и его американские друзья мечтают о создании в будущем А. М. С. Р. – Ассоциации Мировых Советских Республик (Смолич 1929, с. 34). Провозглашается марксовский принцип: у пролетариев нет родины. «Але пам'ятайте, товариші, що ви не американці, а робітники» (Смолич 1929, с. 24). Это не значит, что с уничтожением «вражеского окружения» отпадет необходимость в насилии. Новый мир будет построен полностью по образу и подобию советским, с диктатурой пролетариата и всеми сопутствующими ему дополнениями. То есть новая форма власти будет ничем не демократичнее предыдущей американской. В этом романе Ю. Смольча видим исключительно одностороннее восприятие многомерного мира – только сквозь призму советской идеологии, без какого-либо учета мировоззрения американского общества, в том числе мировоззрения пролетариев США.

Такое одномерное восприятие Запада было присуще многим произведениям того времени. Исключительно как эксплуататорское государство, с забитым и безвольным народом, воспринимается Румыния в «Прекрасных катастрофах» того же Ю. Смольча. Острое невосприятие польской действительности, да и всей Польши в целом, характеризует роман О. Досвитного «Нас было трое». Отношение к западным демократическим и недемократическим режимам только как к машине угнетения пролетариев значительно усиливается в литературе с начала 30-х годов, когда большинство развитых стран капиталистического мира охватывает Большая депрессия. Поэтому определенный набор утверждений о том, что родиной для рабочего может быть только страна с его родной властью, то есть СССР, о том, что пролетарская революция в этих странах назревает, о явном превосходстве социалистического способа производства и жизненного строя над капиталистическим, загнивающим, встречаем в романах П. Лисового «Гарри Смит, или Янки в степях Украины», Г. Шкурупия «Мисс Адриенна», Д. Бузько «Хрустальный край», Г. Эпика «Петро Ромен», Ю. Шовкопляса «Инженеры», Я. Баша «Горячие чувства», Ю. Смольча «Сорок восемь часов» и др.

Не все авторы и не все их произведения характеризовались такой односторонностью и однозначностью в восприятии западного мира. Одномерными чаще всего были те писатели, которые никогда лично на Западе не были. Но были и те писатели, которые долгие годы провели в эмиграции или побывали в странах Европы с ознакомительными поездками в 20-е годы (Гладкий 1987, с. 154). Так, долгое время в эмиграции провели Дмитрий Бузько и Олесь Досвитний, с органическим чувством того, что уклад жизни в США или Западной Европе значительно демократичнее, чем в Российской империи, поэтому этот период своей жизни, несмотря на оторванность от родной края, они не считали потраченными зря. О. Досвитний еще и принимал активное участие в рабочем европейском и американском движении, соответственно, прекрасно знал настроения западного пролетариата. Поэтому его автобиографические «Американцы», роман «Кто?», а также автобиографический роман Д. Бузько «Чайка» исполнены чувства уважения к взглядам «другого», то есть несоветского пролетария, который ну никак не спешил в революцию.

Экзотизм жизни других народов, который всегда привлекал внимание читателя, тоже способствует обращению писателей к иностранному миру. В основании такого обращения лежат не идеологические, а эстетические факторы, когда захватывающее, четко мотивированное развитие событий выдавалось «сюжетниками» за основу литературного творчества. Образцами служили классические произведения приключенческой литературы

(Э. По, Р. Стивенсона, Р. Киплинга, Д. Конрада и др.). Именно такими привлекательными экзотами представлены западные и незападные страны в романе Майка Йогансена «Приключения Мак-Лейстона, Гарри Руперта и других» и испанцы в украинских степях и на Слобожанщине в его романе «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей прекрасной любовницы Альчесты в Слобожанскую Швейцарию». Таким же экзотически-привлекательным фоном для автора и его читателей становились чужестранные земли, под влиянием западных литературных образцов, в произведениях Юрия Яновского «Мастер корабля» и «Четыре сабли». В значительной мере таким же фоном для развития детективно-авантюрного действия становится Франция в романе Владимира Винниченко «Залежи золота». Экзотизм чужой страны в единстве с высокими стандартами социально-экономической жизни рождает мечту об идеальной жизни украинской коммуны в будущем по образцу прекрасной зелено-канальной Голландии (роман Д. Бузько «Голландия» («Голяндія»)).

Отдельная страница в восприятии западного мира – это образ Германии и немецкой ментальности в украинской литературе 20-30-х годов. К немецкому миру украинские писатели обращались чаще всего, начиная от Фауста в публицистике Н. Хвильового и заканчивая немецкими спецами в «производственных» романах. Вполне очевидно, что писатели или усматривали много общего между ментальностями обоих народов, украинского и немецкого, или стремились рассмотреть в жизни Германии и заимствовать то, чего так остро не хватало украинцам. Как утверждал еще Александр Веселовский, заимствования и влияния не являются хаотичными, в литературе, которая заимствует, должны быть «встречные течения», близкий характер мироощущения, мышления. Со всего массива предлагаемого материала она выбирает только то, в чем испытывает острую необходимость.

Наверное, впервые, и очень мощно, в украинской послереволюционной литературе немецкий мир предстал в романе В. Винниченко «Солнечная машина». В романе поднимались не только исключительно немецкие проблемы, но и проблемы общечеловеческие, утверждались гуманистические идеалы справедливости и необходимости творческого труда как имманентные черты людей любой национальности. К счастью и процветанию можно придти только путем целеустремленного труда и самоусовершенствования, самоотречения ради других, подбирая попутчиков не по классовым, а по морально-этическим принципам. Труд – это то, что объединяло украинцев и немцев, по представлениям романиста. Ежедневный и дисциплинированный труд, на научной основе – это то, что стоило бы позаимствовать из немецкого мира. А еще – рационалистический подход к решению важных вопросов общественной и экономической жизни. Период романтических увлечений и глобальных революционных преобразований прошел, пора переходить к выполнению постоянных обязанностей с чувством их чрезвычайной важности. В этом убеждают не только персонажи и автор «Солнечной машины», это откровенно декларируют главные герои романов Михаила Могилянского «Честь» и Михаила Ивченко «Работные силы».

Магистральный вектор заинтересованности Европой и ее культурой был направлен прямо на запад. Северная Европа, Прибалтика значительно реже попадали в творческую орбиту украинских писателей, но нельзя сказать, что эти регионы не привлекали их внимания совсем. Так, сын выходца из прибалтийских немцев Михаил Гервасиевич Йогансен с целью мистификации и эпатации объявил себя Майком Йогансеном и шведом по происхождению, выучил шведский язык. На территории Полтавской и Херсонской областей были компактные поселения шведов (существуют до сих пор), прежде всего основанные плененными в ходе Полтавской битвы воинами армии Карла XII. Во время так называемой коренизации, иногда не совсем правильно называемой украинизацией, Майк Йогансен в 20-е годы активно занимался возрождением шведской культуры, созданием национальных школ в этих поселениях, обеспечением их учебниками непосредственно из Швеции.

Скандинавия и Прибалтика были непосредственно связаны с биографией Дмитрия Бузько, сбежавшего с каторги 1912 году и длительное время проживавшего в Дании, где он даже успел получить высшее образование (закончил сельскохозяйственный факультет Копенгагенского университета в 1915 году). В 1916 году на территорию тогдашней Курляндии, на фронт Первой мировой, попадает Клим Полищук, демобилизованный в царскую армию. В мае 17-го года он возвращается в родной Житомир, но уже в июне возвращается в Прибалтику, сначала в Ригу, затем – в Валку, где функционировало издательство «Український голос» и где он издал свой сборник стихов «Співи в полях».

Но собственно Прибалтика или Скандинавия в их творчестве особого интереса не вызывают. Так, Д. Бузько начинает роман «Чайка» как раз с того момента, когда он покидает Данию и направляется в революционный Петроград. Воспоминания об эмиграционной жизни почти никак не связаны с этой страной. Создается впечатление, что в Дании эмигранты жили обособленной колонией, почти совсем не интересовались жизнью датчан и чувствовали себя совершенно чужими. Только мимоходом главный герой романа вспоминает отдельные, разрозненные детали жизни в Дании, в которых собственно Дании очень мало. Эти детали относятся к перипетиям личной жизни персонажа, фоном для которой может служить любое другое государство.

Клим Полищук в 1917-18 годах написал несколько произведений, в основу которых легли фронтовые впечатления писателя. Новеллы «Злочинна тьма» («Преступная тьма»), «В нетрах Латвії» («В дебрях Латвии»), «Він кохав сонце» («Он любил солнце»), «За правду», «Цілком випадково (Із записної книжки)» («Совершенно случайно *Из записной книжки*») и другие составили сборник «Серед могил і руїн» («Среди могил и руин», 1918). Часто произведения К. Полищука называют новеллами факта, поскольку основу их сюжетов составляют реальные события и впечатления. Как раз впечатления, саморефлексии, размышления о сущности человеческой природы, ее искажении в ходе жестокой и никому не нужной войны-бойни находятся в центре внимания в сборнике. Поэтому территория, на которой разворачиваются события, местное население чаще всего выполняют роль не более чем фона. В значительной части произведений сборника «Среди могил и руин», если бы нам не были известны факты биографии писателя, невозможно определить место происходящего, персонажи – солдаты и офицеры царской армии, не имеющие ничего общего с местным населением. Только в новелле «Совершенно случайно (*Из записной книжки*)» в первых абзацах упоминается «один осінній вечір на одній із залізничних станцій в Ліфляндії» (Полищук 2008, с. 127), но дальше писателя место событий, местные особенности, в конце концов, местный колорит совершенно не интересуют. Не случайно он, обычно точный в воспроизведении событий, не дает точного названия железнодорожной станции. По замыслу писателя, сюжет новеллы мог бы разворачиваться в любой точке европейской части Российской империи.

Некоторым исключением является новелла К. Полищука «В дебрях Латвии». Некоторым потому, что автора и здесь больше интересуют внутренние рефлексии рассказчика, его размышления над деформацией человеческой морали под влиянием военного быта и мировоззрения, которая затрагивает всех без исключения, даже солдатских «комитетчиков», выступающих против «тирании» и призванных утверждать, вроде бы, новое, гуманистическое мировоззрение. Но в повествование этой новеллы уже активно врывается латвийский мир. Очевидно, автор считал латвийцев значительно моральнее относительно остальной части армии. Рассказчика огорчает чрезмерное падение нравов в солдатской среде, но это уже как бы стало привычным. Но особое недоумение у него вызывает то, что в беспорядочные связи с солдатами вступают местные латышки, «які тут працюють над вимощуванням доріг і живуть на солдатських пайках у старих землянках. Теж дожилися люди. Росте і шириться скрізь розпуста, велика сила поганих хвороб з'явилася [...] Що вже “комітетчики”, найкращі люди в полку, а й ті не стрималися...» («...которые здесь работают над покрытием дорог и живут на солдатских пайках в старых землянках. Тоже дожились люди. Растет и ширится разврат, большая сила плохих болезней объявилась

[...] Что уж «комитетчики», лучшие люди в полку, а и те не удержались...» (Поліщук 2008, с. 110).

Особый трагизм и безысходность от человеческого бездушия и жестокости у рассказчика порождает история сумасшедшей латышки. Ее сына-фронтовика убили еще в 1915 году, от этого известия женщина сходит с ума, более двух лет скитается в прифронтовой зоне, по воинским частям в поисках сына, но почти повсеместно встречает одни насмешки со стороны таких же, как и сын, фронтовиков, которых в любую минуту может постигнуть смерть. Акцентируется внимание на «риезанском» парне Агафонове, который вместе с другими «сміялися аж до сліз» над танцами сумасшедшей, а потом безжалостно «схопив божевільну за карк і вишпурнув її за двері» (Поліщук 2008, с. 113). Война полностью деморализует людей, превращает их в безжалостных эгоистов, когда санитар с набожным лицом «молився Богу за своє життя, а сам добивав других...» (Поліщук 2008, с. 114). Представления о норме и безумии переворачиваются с ног на голову, бесчеловечность в отношении сумасшедшей женщины катализирует бессонные размышления «про становище людини, яка називається ненормальною [...] чим від неї відрізняються люди, що сміють називати себе нормальними через те тільки, що вони можуть серед трунів наповняти свій шлунок, що вміють вивертати окровавлені кишені, гризтися, ненавидіти, фальшувати і реготатися...» И, наконец, итог этих размышлений: «Страшні картини війни і жахливі діла її, але ще страшніше те отупіння і безсердечність, що панує тут... Дивно, як кам'яніють людські серця» (Поліщук 2008, с. 113-114).

Карелия, ее история и культура, прежде всего – события 1917-20 годов пребывают в центре изображения романа Я. Олесича «На озерах огни». Писатель был хорошо знаком с историей и современностью этого края, о чаяниях карелов и вепсов. О Карелии, ее природе и людях он писал очерки, отличное знание ее географии, климата, культуры, языка, а также финских реалий обнаруживается в тексте романа «На озерах огни». Так, Я. Олесич довольно точно описывает улицы, парки, строения Гельсингфорса (Хельсинки), выказывает определенные знания финской литературы, например, детально описывает аллею «Рунеберская экспланада», памятник Рунеберу и даже переводит на украинский язык двистишие из произведений этого поэта: «О краю мій, край тисячі озер... / Тим часом в брунці схований твій цвіт» (Олесич 1933, № 10, с. 27). Здесь важно отметить то, что Я. Олесич выбирает те строки, которые намекают на огромный потенциал финской культуры и потребность ее возрождения.

Когда речь заходит о Карелии и Финляндии, то чаще всего вспоминают войну 1940 года, отмечают ее захватнический характер со стороны Советского Союза и оборонительный – со стороны финнов. До сих пор периодически появляются сообщения о национально-освободительных устремлениях современных карелов и вепсов, несмотря на наличие формальной автономии и почти полной русификации местного населения. Но все узлы тех событий завязывались давно, а гордиевыми узлами они стали после Февральской революции в Российской империи. Для наций и национальностей наступает своеобразная возрожденческая весна. Это было вполне понятным для Финляндии, которая в Российской империи пребывала на особом положении, пользуясь фактически правами автономии, имея определенные институты государственного самоуправления. Но центробежные силы становятся доминирующими в жизни даже тех народов, которые не имели своей интеллигенции, государственной традиции и т. д., поэтому, казалось, и не помышляли о самостоятельности. Именно к таким нациям относятся и карелы.

На сегодняшний день существует огромный массив исторических исследований этого периода, события иногда получают совершенно противоположную идеологическую оценку, но большинство сходится на том, что и финны, и карелы с вепсами захотели воспользоваться своим законным правом на самоопределение. Финляндии удалось стать полноценным государством, Карелии – нет. Она была то автономной республикой в составе РСФСР, то отдельной республикой, то снова автономией, но все это было чисто формальным способом благовидной ассимиляции карелов и ликвидации их устремлений к

независимости. Дабы не впасть в тенденциозность послереволюционной научной литературы, обратимся к словарю Ф. Брокгауза и И. Эфрона, издания дореволюционного. Из него следует, что «карелы – одно из коренных финских племен, первоначально обитавшее в Карелии», они были свободными хозяевами своего края до IX века, пока не начали платить дань то шведам, то русичам. Окончательно карелы потеряли независимость только к концу XIII века, но язык, фольклор, культуру, особенности быта и хозяйствования сохранили до начала XX века. Более того, десятки тысяч карел с XIV в. были переселены, добровольно или принудительно, вглубь России (прежде всего на территорию сегодняшней Тверской области), но и там сохранили национальную самобытность. Поэтому автономистические тенденции среди карел после революции 1917 г. вполне понятны и исторически оправданы.

Я. Олесич оказался как писатель в очень сложной ситуации. С одной стороны, он был прекрасно знаком с возрожденческими настроениями в среде карелов и вепсов. Национально-освободительные политические и культурные тенденции народов Карелии и Финляндии в его восприятии были тождественными соответствующим тенденциям в жизни других постколониальных народов России, прежде всего – украинцев, переживших в 20-30-е годы бурный процесс национально-культурного возрождения. С другой стороны, в 1933 году – году публикации романа Олесича – писатель должен был уже строго следовать требованиям официальной идеологии, а по ее канонам, события 1917-20 гг. в Карелии можно было трактовать только как освободительный поход Красной армии и карельского «пролетариата», бедняков против эксплуататоров в лице местной буржуазии и финских империалистов, прикрывавшихся фальшивыми националистическими лозунгами, чтобы прибрать к рукам природные богатства края. И должен был писатель делать это ради самосохранения, в прямом понимании этого слова. Справедливости ради стоит отметить, что на такое изображение событий могли накладываться и соответствующие национал-коммунистические убеждения самого Я. Олесича, очень популярные в среде украинских писателей 1920-30-х годов. Классово-«марксистское» видение в романе «На озерах огни» по этим причинам явно доминирует в изображении событий 1917-20 гг.

Сюжет романа довольно прост. Карельские предприниматели, собственники лесопилен, торговых предприятий, владельцы земельных, лесных, водных угодий разыгрывают национальную карту, по тексту романа, с единственной целью – и дальше угнетать местных бедняков, не допустить «пролетарской» национализации и перераспределения имущества и природных богатств. Ради достижения этой цели они готовы на все. Ярчайшим воплощением местной буржуазии в романе является Эро Эрихович Вейнманен – сын местного владельца лесопилен и больших угодий, бывший царский офицер, который готов привести любых захватчиков, в частности – финских, чтобы удержать имущество и господствующее положение в крае. В описании Вейнманена и местных карельских предпринимателей неизменно присутствуют только негативные коннотации. Это относится и к представителям финской интеллигенции и государственного руководства. Так, Маннергейм «глистуватий», парламент только тем и занят, что решает, как подавить революционные настроения масс (их обычно представляют деморализованные солдаты и лица «без определенного места проживания», чаще всего и те и другие – не местные и не финны). Попытки финнов поддержать карельские войсковые формирования в надежде выбить большевиков из Карелии подаются как желание после победы просто присоединить этот край к Финляндии. Шпиономания 30-х годов приводит к поиску предателей в среде высшего командования Красной армии, чтобы объяснить поражения на первом этапе столкновения с национально-освободительными войсками. Представители же большевиков, особенно из местных, карельской бедноты неизменно предстают как исключительно положительные типажи. Чтобы придать изображению событий ощущение правдивости, писатель обильно вводит в текст романа документы или их фрагменты (телеграммы, указы, письма, дневники), являющиеся на самом деле результатом писательского вымысла, стилизует наррацию под объективное изложение с помощью телеграфного стиля, называя эти текстовые сегменты «хроникой жизни».

В принципе, ничем особенным в таком подходе к изображению событий роман «На озерах огни» не отличался от абсолютного большинства украинской и общесоветской эпика 30-х годов. Примечателен роман Я. Олесича другим, «национальным» углом зрения, который время от времени, пусть и очень робко, вырывается на поверхность изображения. Интересны также проявления «следов» (термин Ж. Деррида) тоталитарного мышления или его разоблачения, которых не замечал автор и его современники, но которые сегодня неминуемо выносят на поверхность то, что при создании текста предполагалось надежно спрятать.

К примеру, воплощением продажности финской интеллигенции по авторскому замыслу должен был профессор Кеттунен. Но перед нами образ человека, посвятившего все свои научные изыскания и всю деятельность – независимости родины и борьбе со шведами и старофиннами, а особенно с русификацией. И в этом чувствуется авторская симпатия к профессорской деятельности, неприятие писателем имперских русификационных процессов. Поэтому в дальнейшем неубедительными выглядят попытки показать Кеттунена-парламентария как прислужника финской буржуазии. Неприятие может вызывать разве что пропагандируемая им и другими финскими предводителями идея Великой Финляндии, чем отличаются многие постколониальные народы в момент получения независимости.

Неоднозначностью отличается еще один образ романа «На озерах огни» – Юплов, «представник карельского народу», который говорил исключительно на родном, карельском, языке, на этом же языке писал свои обращения и воззвания к соотечественникам. Автор романа включает его в число тех «врагов народа», кто благословляет карелов и финнов в Гельсингфорсе на поход против большевиков. Как противник большевиков он не должен вызывать симпатий ни у писателя, ни у читателей. Но эти симпатии у автора время от времени прорываются. Если же на этого персонажа посмотреть непредубежденными глазами, то он приобретает очень привлекательный вид: он, учитель, «коли прийшла революція, кинув службу і почав агітувати за національне самовизначення. Звичайно, Юплов ніколи не думав про самовизначення таке, як розуміли його більшовики: він мріяв про організацію буржуазної держави з демократичним урядом на чолі. До того ж Карелія повинна мати найкращі взаємини з Фінляндією як із старшою сестрою по національності. Щодо більшовиків, які касують приватню власність, і які занадто, як казав Юплов, соціалістичні, то з ними Карелія повинна воювати» (Олесіч 1933, № 10, с. 22).

По сегодняшним временам, это вполне привлекательная и наиболее последовательная программа. Именно стремление Юптова к полной независимости родного края и народа вызывает симпатии со стороны Я. Олесича, очевидно, под влиянием процесса коренизации (не совсем правильно называемого украинизацией) в Украине. Именно поэтому с Юптовым (через его воспоминания) связаны карельские фольклорные песни-кантели, патриотические стихи из «Карельского листка», безмерная любовь к соплеменникам, поэтому он заявляет в воззвании, что «у нас у Карелії немає панів, генералів та буржуїв. Проти кого ж нам воювати? [...] У нас всі – трудящі. І нас, трудящих, грабують більшовики: вони одбирають останнє зерно, вони хотять голодом знищити карелів» (Олесіч 1933, № 10, с. 23). Такие мысли накладывались на утверждение персонажей, что «в самій Карелії розвивається великий рух за незалежність Карелії, в крайньому разі – за її автономію» (Олесіч 1933, № 8-9, с. 164). Но в духе 30-х априорное неприятие вызывают слова «буржуазное» государство и «демократическое» правительство. Да и зомбированное сознание граждан СССР в 30-е годы не принимало любых выпадов, пусть и справедливых, против большевиков.

О голоде среди карелов, которым в Российской империи постоянно подвозили продукты питания, прежде всего хлебное зерно из-за нехватки собственных запасов, в романе упоминается неоднократно. «[...] хліба кат-ма [...] А тепер і заробити нема де [...] На тартаку теж якусь революцію роблять, бодай їм робило [...] Тартаки стоять... Кругом голод... А вони ото тільки пісень співають... Тернаціональ якийсь...» (Олесіч 1933, № 8-9, с.

147). Картина, имеющая полную аналогию с «Собачьим сердцем» М. Булгакова. Еще одна фраза купца Йогансона, которая должна указывать на его алчность, на самом деле только подтверждает разрушительный характер большевистского хозяйствования: «Там же після більшовиків буде величезний попит на все!» (Олесіч 1933, № 8-9, с. 165). Поэтому непонятно автору и большевикам, но становится понятно непредубежденному читателю, почему «естонці також виступають проти нас» (Олесіч 1933, № 10, с. 63).

Я. Олесич, который хорошо знал Карелию и был, наверное, очевидцем революционных событий, несмотря на большевистскую тенденциозность, как объективный наблюдатель, сохранил в тексте романа, сознательно или несознательно, «следы» справедливой борьбы карелов за независимость и неблагоприятных деяний большевиков в Карелии, и эти «следы» легко воссоздать сегодняшнему читателю.

Демократические государства Прибалтики в 30-е годы становятся местом деятельности украинских политиков и литераторов, исповедующих национальную идеологию. В 1931 году на территории Литвы издавался украинский нелегальный «пропагандистско-революционный» журнал «Сурма», предназначенный для распространения в Польше. Это объясняется тем, что польский шовинизм в 30-е годы был общим врагом для литовцев и украинцев. Эта традиция возродилась в конце 80-х годов, когда украинские национально-патриотические издания печатались в Литве из-за невозможности сделать это на территории Украинской ССР, а освободительные движения и группы установили тесные дружеские отношения с «Саюдисом».

Тема взаимосвязей украинской литературы, культуры со странами Балтии в настоящей статье – только отдельные штрихи, требующие дальнейшей разработки и углубления, но даже эти разрозненные результаты исследования свидетельствуют об огромной заинтересованности в 1920-30-е годы историей и культурой европейских стран, в том числе и стран Балтии.

Литература

ГЛАДКИЙ, В., 1987. Зв'язки української літератури з революційною й антифашистською німецькою літературою 20-30-х років. *Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті*, У 5, т. 2, Київ: Наукова думка, с. 154-171.

КОСТЮК, Г.; ХВИЛЬОВИЙ, М., 1978. Життя, доба, творчість. Твори в п'ятьох томах, т.1, Нью-Йорк-Балтимор-Торонто: Смолоскип, с. 15-106.

ОЛЕСІЧ, Я., 1933. На озерах вогні. *Червоний шлях*. № 8-9, с. 125-188; № 10, с. 11-69; № 11-12, с. 4-37.

ПОГОРЛИЙ, С., 1981. Непубліковані романи Володимира Винниченка. Нью-Йорк: УВАН, 212 с.

ПОЛІЩУК, К., 2008. Вибрані твори. Київ: Смолоскип, 704 с.

СМОЛИЧ, Ю., 1929. Останній Ейджевуд. Київ: Книгоспілка, 184 с.

СУЛИМА, М., 2006. Література і культура Німеччини на сторінках видань українських футуристів. *Книжниця у семи розділах*. Київ: Фенікс, с. 237-242.

СУЛИМА, М., 2006. «Поїдеш далеко, побачиш багато...». *Книжниця у семи розділах*. Київ: Фенікс, с. 190-202.

Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті, 1987. У 5, т. 2, Київ: Наукова думка, 568 с.

Mykola Vaskiv

Kamyanets-Podilskiy Ivan Ohienko National University, Ukraine

Research interests: history of the Baltic people, Ukrainian literature

THE RECEPTION OF THE BALTIC STATES IN THE UKRAINIAN LITERATURE OF THE 1920s-30s

Summary

The author of the article deals with the intensification of the personal interest in the culture, way of life and mentality of Europeans in the Ukrainian literature of the 1920s-1930s. The question about the reception of history and culture of the Baltic people in the literature of that period, especially in the works of K. Polishchuk and Y. Olesych. Symbiosis of national and social tendencies in the artistic transformation of events and phenomena has been certified separately.

KEY WORDS: comparative linguistics, literary intercommunication, reception, image theory, artistic transformation of realities.

ĮVAIRIŲ DISKURSO TIPŲ PRAGMATINIŲ YPATUMŲ TYRIMAI
RESEARCH INTO PRAGMATIC PECULARITIES OF DIFFERENT
TYPES OF DISCOURSE
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

Teresė Aleknavičiūtė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Donelaičio g. 52-603, 44244 Kaunas, Lietuva

Tel. 837 327 845

E-mail: t.aleknaviciute@ukc.vdu.lt

Research interests: academic discourse, comparative linguistics, semantics, intercultural communication

**INTRODUCTION OF A BA THESIS IN ENGLISH AND LITHUANIAN: A
COMPARATIVE GENRE ANALYSIS**

Even though one can distinguish a lot of academic genres, they are not a well researched area from the scholarly point of view; especially this applies to student academic writing. The aim of this article is to analyse and compare BA theses introductions in English and Lithuanian in several aspects: cognitive structuring, linguistic choices and cross-cultural differences. First, the article discusses the main features of academic research papers in English and Lithuanian, focusing on the introduction move structure proposed by Bhatia and the scientific style, as well as the influence of the institution (i.e. the departments in this case) on shaping the genre. Second, the analysis of ten BA theses introductions in English and Lithuanian allows to generalise that despite the same communicative purpose the introductions show noticeable structuring and linguistic differences due to cultural variation and the existing requirements of the departments.

KEYWORDS: academic discourse, BA thesis, genre analysis, intercultural studies

1 INTRODUCTION

Academic writing is a very broad topic, as it involves different kinds of writing by scholars and students. Usually the size is big (eg. books, theses) and this is one of the reasons why academic writing is not a well researched area. Another reason according to Paltridge (2005, p.84-85) is the fact that it is often difficult to get hold of theses in university libraries. The object of this research is a BA thesis introduction in linguistics in English and Lithuanian. The aim is to analyse and compare BA theses introductions in English and Lithuanian in several aspects: cognitive structuring, linguistic choices and cross-cultural differences.

BA theses for the analysis (the theses in linguistics were taken) were randomly chosen from Vytautas Magnus University, the Department of English Philology and the Department of the Lithuanian Language. Ten papers were randomly chosen in each language. Even though a more detailed analysis would require a larger scope, it is, nevertheless, possible to note certain tendencies, both in the structure of the papers and the linguistic expression. Besides, the fact that the theses in English were written by non-native speakers also has to be taken into account.

2 FEATURES OF A BA THESIS AS AN ACADEMIC GENRE

2.1 Main Features of Academic Research Papers

Academic writing may be realized in a variety of genres, such as research articles published in specialised journals, theses, course papers, laboratory reports, dissertations, etc. According to Rienecker and Jorgensen (2003, p. 18), the common feature of academic papers is the research on a

particular problem in a discipline based on adequate concepts and methods. They also point out that the main speech act, which has to be taken into consideration by the people writing academic papers, is to research; even though some other acts may also be necessary, the writer has to know which of them have to be performed in the paper (Rienecker and Jorgensen 2003, p. 20).

Scientific discourse has a long-established practice; however, the analysis of academic papers is not detailed and only a few deeper studies appeared during the recent years. Some authors, nevertheless, generalise the main features of academic writing concerning contents and language. Murray enumerates the following words associated with academic discourse: objective, hierarchical, focused, conservative and neutral (Murray 2005, p. 11). In addition, scientific language, according to Montgomery (1996, p. 2), is also jargon-laden, precise, claiming authority and exclusive, while Rienecker and Jorgensen (2003, p. 37) point out that it has to focus on the addressee, it has to be logically structured and follow genre, as well as style and formal requirements. Concerning content, academic papers have to apply knowledge, show grounding, reasoning, argumentation, evaluation, focus on one main aspect, apply theory and use a certain methodology (Rienecker and Jorgensen 2003, p. 36-37).

2.2 BA Thesis as an Academic Genre

As noted by Askehave and Swales (2001, p. 198), genres fulfill a communicative purpose, which 'shapes the genre and provides it with an internal structure;' therefore, it functions as a primary criterion in distinguishing genres, while difference in the communicative purpose results in a different genre or subgenre. For example, a research article abstract has the purpose of giving the reader an exact and concise knowledge of the full article, while a research article introduction introduces other forms of lengthy discourse; consequently, they function as different genres in academic setting, even though the mode, participant relationships and level of formality are the same (Bhatia 1998, p. 77-79).

Academic setting provides a variety of genres, produced by students and by teachers. In this article the focus is student academic writing, which varies from written assignments, essays, term and exam papers to BA, MA theses and doctoral dissertations. BA thesis is the requirement which has to be fulfilled in order to finish the university and to get a Bachelor of Arts degree. The thesis has to show the student's academic maturity, as well as indicate that he/she is prepared for professional activities or studies at a higher level (Viliūnas, Koženiauskienė 2000, p. 12).

Despite having a clear communicative purpose, BA theses tend to vary interdisciplinary, as the subject fields require specific methods of analysis and, consequently, means of expression. Therefore, the requirements for a BA thesis are usually produced, either in electronic form or in a book, and approved by the department. In order to make broader generalizations, a larger-scale study would have to be made; however, the types of BA theses differ depending on the field. For example, theses in humanities vary from descriptive (eg, presenting folk texts) to analytical, in which a comparatively new aspect in a field is analysed (Viliūnas, Koženiauskienė 2000, p. 12). On the other hand, theses in exact or natural sciences may be theoretical, experimental, applied, analytical or a combination of some former types (Žilinskas 2000, p.17-18). Besides, the requirements set out the choice of the topic, style and formal conventions, as well as the structure of the paper, which may also vary interdisciplinary; however, the basic parts, such as introduction, body, conclusion and list of references are the same.

2.3 Main Features of BA Thesis Introduction in English and Lithuanian

As noted by Bhatia, research article introductions, as well as other forms of discourse, have a cognitive structure, which depends on the communicative purpose of a genre. In the chapter 'Research Genres in Academic Settings' he discusses various kinds of academic discourse, such as research article abstracts, research article introductions and student laboratory report introductions. He also devotes a section for student dissertation introductions, first analysed by Dudley-Evans, who proposes a six-move structure:

Move 1: Introducing the field

- Move 2: Introducing the general topic (within the field)
- Move 3: Introducing the particular topic (within the general topic)
- Move 4: Defining the scope of the particular topic by
 - (i) introducing research parameters
 - (ii) summarizing previous research
- Move 5: Preparing for present research by
 - (i) indicating a gap in previous research
 - (ii) indicating a possible extension of previous research
- Move 6: Introducing present research by
 - (i) stating the aim of the research
 - or
 - (ii) describing briefly the work carried out
 - (iii) justifying the research (Bhatia 1996, p. 97).

The tendency to present more general information and to narrow the focus on the particular research may be noted. However, the requirements for a BA thesis produced by the department also provide the basic aspects, which have to be discussed in the introduction; therefore, the requirements for a BA thesis by Vytautas Magnus University Department of English Philology and Department of the Lithuanian Language will be discussed in greater detail.

The Student Guidelines for Writing a Research Paper in Linguistics was produced by Kalėdaitė, the head of the Department of English Philology, in 2002. First, she states that a thesis may have one or several introductory chapters, which place the thesis in relation to the general topic and other works in the subject area (Kalėdaitė 2002, p. 13 -14). Besides, the necessary parts for the introduction are enumerated: 'Introduction provides an outline of your response to the topic and states your aim and hypotheses. It also informs what aspect(s) you intend to investigate in your work and gives a brief survey of the layout of your paper' (ibid.). Compared to Bhatia's model, the main aspects, such as presentation of the present research, aim, hypothesis, scope and layout of the paper, coincide with the six-move model, but it is, however, more elaborate and detailed.

The requirements for the research papers in the Department of Lithuanian Language were produced by Marcinkevičienė, head of the Department of the Lithuanian Language, in 2002. In this case, ten aspects, which have to be discussed in the introduction, are included: object of the research, aspect, problem(s), hypothesis(es), aim, task, survey of sources, terminology used in the paper, methods and difficulties in their application and structure of the paper (Marcinkevičienė 2002, p. 5). Besides, the following five parts which are not obligatory in the thesis are included: novelty, relevance, theoretical and practical value of the paper and approbation.

2.4 Cross-cultural Variation

As it was mentioned in Chapter 2.2, interdisciplinary differences play an important part in the structuring and organization of the thesis. Intercultural variation also has to be taken into consideration, as 'language is always bearer of culture' (Risager 2006, p. 134). Discourse, even though highly structured, objective and following more or less established patterns (as, for instance, academic genres) tends to vary from culture to culture because, according to Risager, it is 'a mediating concept between language and culture' (Risager 2006, p. 137). Some contemporary studies have focused on several aspects of academic writing, namely, patterns of engagement (Hyland 2005, p. 5), usage of evaluative stance (Hood 2005, p. 24), usage of modal verbs (Gruber 2005, p. 45), negotiating identity (Starfield 2005, p. 66), etc. These and other variables, influencing the structure, as well as the content of discourse, may be analysed in academic writing. Some stylistic difference, which will be discussed in the following section, may be traced from the comparison of scientific style in English and Lithuanian.

2.5 Academic Writing as the Realization of Scientific Style

Scientific style is the key feature of academic writing; the basic ideas about it are presented in style guides and manuals in English, while in Lithuanian the scientific language style is studied as a functional style. Watson (quoted in Kalėdaitė 2002, p. 24-25) defines scholarly prose as being clear, rigorous without needless technicality, understandable by someone outside the subject. Concerning scholarly writing, the focus in English is on editing (change in the structure of sentences, giving emphasis, correct word and article usage, verb tense, punctuation, etc) (Dodd 2005, p.1). It is emphasised that academic prose is characterized by the use of complex structures, passive constructions and word-order variation (Mecham quoted in Kalėdaitė 2002, p. 24), as well as it is focused on correct verb tense: for example, it is claimed that present tense should be used for generalizations, stable conditions and presentation of theory, methods and results are presented in the past tense, while the discussion alternates between the past tense and the present tense (Dodd 2005, p. 2-3). On the whole, the emphasis in English is on correct, unambiguous and precise style, as well as practical suggestions on how to improve it.

Concerning Lithuanian sources, Župerka (1983, p. 102) enumerates the following scientific style features: generalizations, consistency, cohesion, precision, objectivity, clarity. They are realized by using passive constructions, subordinate clauses, parentheses, cohesive phrases, such as *pavyzdžiui, taigi, vadinasi*, etc. (Barzdžiukienė et al 2004, p. 9-10). Besides, nominal constructions, intertextuality, terminology and present verb tense are prevailing in this kind of texts (ibid.). Thus both English and Lithuanian scholars emphasise the same features of scientific style. In recent years, some more research on Lithuanian academic style has appeared: Alaunienė (2005), Bitinienė (2000, 2005, 2007), Linkevičienės, Vilkienės (2005), Petrėnienė (2005), Rivitytė (2008), etc. The scholars discuss the features of structural and grammatical peculiarities in academic discourse: sentence structures, modal verbs, hedging, etc.

4 ANALYSIS OF BA THESES INTRODUCTIONS

4.1 Analysis of BA Theses Introductions in English

Despite the formal subdivision of introductions into two or three subchapters, a closer analysis of the information presented shows that the introductions are structured into several moves, which do not always coincide with formal subdivision. The first move, which may be noted, is the establishing of the general research field, as six out of ten introductions start with some general information establishing the research field. For example, *General extenders (subsequently GEs) first can be seen as empty expressions but they, actually, perform a variety of functions and contribute to the language; Discourse markers (henceforth, DMs) are important discourse elements that can be found in a variety of contexts in both spoken and written discourse.* It can be concluded that in this move, some features, centrality or importance of the topic are mentioned.

Three introductions, on the other hand, start from the topic of the thesis: *The present paper deals with the interjections and their emotional meaning; The present paper analyses the translation of expressive collocations in K. Donelaitis' poem "The Seasons."* Abstract agents are used in all three cases; however, the tense varies (i.e. present simple and future simple). One more instance is to start the introduction with the purpose: *The aim of the Bachelor of Arts Thesis is to compare the prosodies of English and Lithuanian scientific texts through the prism of intonation.* A tendency may be noted to start the introduction with more general information, which serves the purpose of establishing the field of analysis and thus corresponds to moves one and two in Bhatia's model, as well as meets the requirements of the department.

The second or the third move in the introductions is stating the aim. It can be noted that introductions starting with the presentation of more general information narrow the focus by indicating the existing gap (Move 2) and then present the aim of the present research (Move 3), which is connected with the indicated gap. On the other hand, in the introductions, starting with the focus on the present research, the aim is included as Move 2. Nevertheless, the formulation of aim is the same in all introductions, i.e. the infinitive construction is used: eg, *The aim of the present study is to analyse in detail the ways that a female body in women's magazine advertisements is*

constructed through a particular use of language; The aim of this thesis is to analyse grammatical and lexical features of Black English in Rap lyrics, etc. In one introduction the aim is paraphrased for the second time, only in this case it is synonymically referred to as *purpose*.

The structure of the paper is also a common move to all introductions and it is usually presented as a subchapter. In some BA introductions this move is quite short (a paragraph), while in others it is more elaborated (almost a page), as not only the main sections, but also subsections of the thesis are shortly presented. The common features of the language used in this move is abstract agents (eg, *The first chapter discusses; Chapter 2 focuses; all the three sections indicate*) or passive constructions (eg, *The next section in the theoretical part is devoted; the conclusions are drawn*, etc.). This way, impersonal tone is preserved and the usage of the first pronoun singular is avoided. The prevailing tense is present, while in some instances the future tense is used: eg, *the types of advertising will be analysed, a brief concluding paragraph will sum up the obtained data*, etc. Thus in this move only linguistic variation was noted, while the content presented is very similar in all cases.

While most of the introductions move from general information to more specific one and formulate the aim, in two papers the gap in the research field or lack of knowledge is indicated: *The problem concerning the realization of the lexical unit 'well' in both forms of English – written and spoken has not been sufficiently investigated yet; As the study of GEs started quite recently, there are some questions that remain unanswered*. In both cases generalizations are made and this was done by using the passive constructions; however, the usage of a dash in the first case is not typical of scientific English. On the whole, the indication of a gap is not common in BA theses introductions, as the focus is narrowed by approaching a particular topic and stating the aim of the research.

One more common move is the indication of research scope; this move is closely related to the aim and is usually included under the same subheading. Seven out of ten introductions have the scope indicated, which varies from one sentence (eg *the scope of this thesis will be to use a particular material for pointing out the main features of advertising of book blurbs*) to several sentences (*These different DMs were chosen to demonstrate a variety of possible applications that DMs have in discourse. An important task of this paper is to look on how the same DMs behave in spoken and written discourse. First of all, the frequency and syntactic position of six DMs will be analysed. Later, the functions of well, oh, actually, however, therefore and furthermore in different positions will be investigated. Lastly, the frequency of the clusters of DMs and their functions will be examined*). In the first case, the indication of scope is very general and vague, while in the second case all the aspects that will be touched upon in the research are enumerated and joined with linking words, which make the text cohesive and reader-friendly. Again, passives provide the possibility for creating an impersonal and more formal discourse.

The presentation of data and method are the moves which are closely interconnected; as it was already mentioned, in three introductions these moves appear as a separate subchapter in the introduction, while two introductions have only data indicated, three introductions present only method and two have neither of them. In the first case, the description of data is quite elaborate, as not only the sources, which were used in the analysis (eg *British National Corpus*), are indicated, but also their advantages and disadvantages are included, i.e. the data are evaluated (eg *The British National Corpus was chosen to investigate the usage of DMs since this corpus allows the quick and easy search in a variety of contexts*). In other cases, where only the data is presented, its evaluation and justification of the choice is included (eg, *these magazines present good examples of what beauty industry is*); however, in some introductions only the material used is enumerated.. Grammatically, the indication of method varies, as nominal phrases are used, as in the examples presented above, as well as verbal phrases, eg, *This will be achieved by comparing dialect words usage in the first part of the 20th century (till 1950s) and dialect word usage in present-day language*.

As it was mentioned in the *Student Guidelines for Writing a Research Paper in Linguistics*, hypothesis is one of the aspects, which has to be included into the introduction; however, this is done

only in two introductions. The formulation of the hypothesis is also different: in the first thesis the hypothesis is embedded in the sentence, which introduces the aim (*The aim of this thesis is to analyse the frequency of GEs in spoken and written English where, as it is hypothesised, the main differences occur*), while the second thesis enumerates even three hypotheses, which, however, are also embedded in the sentence, presenting the aim (*This work aims to compare the dialect <...> seeking to verify the following hypotheses: Suffolk dialect words are disappearing from the speech; Suffolk dialect is influenced by other dialects and Standard English; The use of Suffolk dialect words is influenced by the factors of occupation and environment*). Thus even though the purpose of a BA thesis is to show academic and professional maturity, the authors of the BA theses draw on the works by the scholars rather than suggest and check their own hypotheses.

Four introductions have the move in which the sources, on which the research is based, either enumerated or shortly discussed. In three introductions the major sources are only mentioned: eg, *The major points on Lithuanian intonation are based on the ideas of the Lithuanian linguist A. Pakerys; The main ideas of discourse analysis advanced by Crystal (2003), Fairclough (2003), Malmkjaer (1991) and Halliday (1985/1994) will be used*. In one thesis, this move covers two pages and precedes other subchapters in the introduction, such as 'The aim and scope of the paper' and 'Organization of the thesis.' Such an elaborate discussion of the main works is atypical in BA theses in English, as the discussion and evaluation of the sources is usually the theoretical part, which provides the background for the analytical part.

As it has been mentioned, scientific style prevails in the theses, however, some informal usages also appear, as for example the topic sentence is formulated as a question; besides, a contraction is used: *Many people wonder, "What's the difference between a language and a dialect?"* Generally, such instances are not common.

What concerns cognitive structuring, the following pattern of the introduction may be noted: establishing the field, focusing on present research, presenting the aim, scope and data/method, outlining the paper. Some other moves, such as gap of knowledge, hypothesis or discussion of sources are also included in some cases but their position varies in the introduction.

4.2 Analysis of BA Theses Introductions in Lithuanian

The first thing that may be noted about the BA theses introductions in Lithuanian is their length, which varies from two pages to more than five pages, while five of them are about four pages long. Second, the title 'Įvadas' is centered, as well as no subchapters are introduced, while the main moves, indicated in the requirements prepared by the department are written in bold and thus distinguished from the text. Third, some additional information (eg, the reference of a quotation) is included in footnotes, while data of the analysis are presented in tables in two introductions. Thus the formal presentation of the thesis is very different from the one in English.

The first move, which may be identified in the introductions, is establishing the research field, which is either general (two introductions) or particular (four introductions); four introductions start with the present research. General research field is established by quoting ("*Kalba – tai žmonių bandravimo priemonė, turinti garsinę ir gramatinę sandarą ir funkcionuojanti kaip sistema*" (Gaivenis et al 1990, p. 96)) or providing some personal insights (*Pastaruoju dešimtmečiu žmonėms, norintiems pailsėti, pažinti šalių ir kultūrų įvairovę ar pasisemti verslo patirties, atsiranda vis daugiau progų pakeliauti*). In the first example, a very popular syntactic pattern in Lithuanian is followed, when a dash is used instead of the omitted verb form *yra*. The second example of establishing the field is quite informal, as the author uses the language more common to an essay, not a scientific paper. A particular research field is established by stating common knowledge (eg, *Jau nuo seno yra žinomos dvi pagrindinės tarmės, kurių pavadinimai siejami su Lietuvos valstybės dalimis: aukštaičiai ir žemaičiai*) or emphasising the problematic area (eg, *Lietuvių kalbos kirčiavimo sistema yra sudėtinga*). The introductions, which start more generally, display the tendency to narrow the focus to the present research thus the topic of the research is approached gradually.

After narrowing the focus, the object of the research is introduced; in other cases this is done after introducing the topic of the research. This move was found in seven introductions; it is formulated by using the SVO pattern: *Darbo objektas yra sakininės kalbos įrašai; Šio darbo objektas yra 2004 metais Kauno rajono civilinės metrikacijos skyriuje užregistruoti naujagimių vardai*. In some cases this move (i.e. one sentence) is one paragraph but it may also be incorporated into a paragraph with other moves.

Usually after introducing the object, the aim of the research is included, even though it may also take initial position in the introduction. This move is realised through an infinitive phrase and appears in all introductions, which may have one or several aims: *Šio darbo tikslas ir yra aprašyti oikonimų kirčiavimą ir nustatyti atskirų vietovardžių grupių kirčiavimo tendencijas Lietuvos regionuose; Darbo tikslas – paanalizuoti veiksmažodžių vartojimą pokalbių metu, t.y. pažiūrėti, kas ir kaip juos renkasi dažniausiai, kaip varijuoja įvairios veiksmažodžio morfologinės kategorijos*. Thus even though the position of this move shows some variation, its linguistic expression is very similar in all cases.

Another move, which is common to nine introductions, is the structure of the paper, which is the last or the penultimate move, usually written as a separate paragraph. In this move, the major parts of the thesis are enumerated and very shortly described. A characteristic feature of this move is language, as passive constructions and very short sentences prevail (eg, *Pirmajame skyriuje analizuojami daugiaskiemieniai oikonimai ir jų kirčiavimas, antrajame – dviskiemeniai. Trečiajame skyriuje pateikiamos išvados. Prieduose pateikiamas oikonimų sudarytas sąrašas.*). This way the authors opt for impersonal and objective style, even though such short sentences are not very common to academic style.

Nine introductions also have the description of methodology, which, in some cases, is very elaborate. However, some works distinguish between the method used in the paper (eg. comparative, descriptive) and methodology, which was adopted in carrying out the research and is described as a procedure, as well as the features of the data are pointed out. In some cases, two separate moves may be distinguished, as even their position in the introduction is different. For example, the method of the research is stated (*Darbe bus naudojamas aprašomasis statistinis metodas*), the tasks of the research are described and then the methodology is provided (*Į diktofoną buvo įrašyti aštuoni skirtingų žmonių pokalbiai, kurių trukmė beveik keturios valandos. <...> Kalbos dalių ir jų gramatinių formų vartojimo tendencijos buvo nustatomos, remiantis kiekybiniais tyrimais, atliktais automatinė CHILDES <...> programa*). A part of the methodology, eg, the participants of the dialogues, their sex and age, is presented in the table.

A remarkable feature of the introductions in Lithuanian is intertextuality, which is not only widely used in the form of quoting but is also realised as a separate move, discussion of the sources, which is common to nine introductions. In some cases this move is quite elaborate because the main sources, which are used in the paper, are enumerated, as well as the major points of the scholars are described (*Lietuvių kalbos balsynas tirtas ir aprašytas įvairiais aspektais (Vaitkevičiūtė: 1960, Svecevičius: 1964, 1974; LKG: 1965; Pakerys: 1966, 1971, 1974, 1982<...>)*). In addition, numerous references to different authors are used, who are quoted and paraphrased (eg, *Žodžių modelių inversiškumas ar neutralumas dažniausiai priklauso nuo sakinio aktualiosios skaidulos (Sirtautas, 1988: 51); Girdenis teigia (2001: 258), kad „Mažeikių rajone kalbama šiaurės žemaičių telšiškių patarme.“*). There is a remarkable tendency to dwell upon the works by scholars and to form a theoretical background of the research in the introduction, which is atypical for the introductions in English.

A common move is the task(s) (uždaviniai), which is included in eight introductions. In most cases this move occurs after the aim, as certain tasks are necessary in order to achieve the aim of the thesis. In most cases the tasks are presented in the list, which is numbered or bulleted; linguistically, the infinitive construction prevail (eg, *Užsibrėžtam tikslui įvykdyti, iškeliamo šiuos uždavinius: 1. Apžvelgti, kokios kalbos dalys yra dažniausiai deminutyvizuojamos. 2. Aptarti morfologiniu aspektu, t.y. priesagų vartojimo dinamiką. 3. Aptarti kalbines situacijas, kuriose buvo pavartoti deminutyvai. 4. Pabandyti nustatyti, kokia yra tikroji deminutyvų vartojimo intencija*).

Some moves are not common for all introductions but they appear in more than a half of them; they are the following: problem(s) of the research, hypothesis(es) and definitions of terms. In order to achieve the aim and to fulfill the task, certain problems arise, which are presented in the form of a list or enumerated in the introduction (eg, *Tyrimo problematiką galėtume nusakyti dvejopai. Pimiausia bandysime patirinti (patvirtinti ar paneigti) išsivyravusį stereotipą, kad žemaičiai nemoka reikšti savo jausmų. <...>Antroji problema siejasi su neva „siauru“ pragmatiniu deminutyvų vartojimo lauku*). In this case the first person plural pronoun is used, which functions as a feature of reader's engagement; in other cases the problems are expressed in clauses without subject (eg, *pasitaikė neįprastų, negirdėtų, vardynuose neaprašytų vardų, sudėtinga būdavo priskirti vardą prie seno ar naujo*, etc.). The formulation of hypothesis is the move common to six introductions; its position, however, varies, as well as some theses have even several hypotheses (*Galima darbe būtų iškelti kelias hipotezes: 1. Per beveik vienerių metų laikotarpį (nuo 0;2 iki 1;1) skiriasi tėvų kalba žodyno požiūriu; 2. Tėvų tarpusavio kalba nėra vienoda skirtingais laikotarpiais; 3. Tėvų kalba su dukra yra skirtinga atskirais vaiko amžiaus periodais. Tyrimo metu šias hipotezes bus bandoma įrodyti arba paneigti*). In one paper the hypothesis is formulated as a question: *Ar deminutyvus varojame nepaisant kalbos akto dalyvių santykių (artimi žmonės, draugai, nepažįstamieji)?* The formulation of hypotheses shows a greater stylistic variation, which is allowed in Lithuanian academic papers. One more move is the definitions of the basic terms used in the BA theses. The terms are defined very succinctly; in the case when several definitions are possible, the source is provided or an explanation is added to justify the choice; besides, the term in another language, for instance, English is provided if the term is taken from non-Lithuanian sources (eg, *arealas – fonetinių, gramatinių ir leksinių kalbos reiškinių išplitimo teritorija; pasak Marcinkevičienės (2004), patronimas – pavardė arba pravardė, sudaryta pagal tėvo vardą, pavardę ar kt. (TŽŽ 2003)*). The terms are written in bold or in italics in some cases in order to distinguish them from the text; on the whole, this move is not very elaborate, as well as no cohesive devices are used.

Some moves, on the other hand, which are not obligatory according to the requirements are included, namely, novelty (four introductions) and relevance (four introductions). In all these moves the author of the thesis evaluates his/her work and its contribution to further research and development of the topic. The main feature of this move is evaluative words, such as *įdomu ir palyginti nauja, šis bakalauro darbas yra labai aktualus, naudingas tolimesniems teksto prozodijos tyrimams*, etc. Besides, first person pronouns are used: *mūsų universitete; tikiuosi, kad šis darbas prisidės prie kitų mokslinių ateities tyrimų*. Thus in this move the choice of vocabulary and syntactic structures is not so strict and formal, as the language is evaluative.

In addition to the moves which are included in the requirements for the BA thesis introductions, some other moves may be found, eg, data description, stages of the research, indicating the gap or the results of the research. Data description in some of the introductions is quite elaborate; for example the computer program CHILDES, which was used for the analysis, is described and evaluated. This information is usually presented in the section of methodology; however, it may be viewed and analysed as a separate move. One introduction indicates the stages of research, which serve the purpose of narrowing the field and preparing for present research. Two introductions also contain the presentation of results, the move which usually occurs in the concluding section; however, in this case it is not very elaborate: *Tiriamoje medžiagoje rastos 546 kirčiavimo klaidos. Nustatyta, kad 58% klaidų sudaro kirčio atitraukimas į priešpaskutinį skiemenį*. It can be concluded that in addition to the required moves, some others may be distinguished, which show greater variation of the moves in Lithuanian introductions.

An indication of variation is also different position of the moves, as there is no single pattern of the structure; only the beginning of some introductions is the same (i.e. more general information is presented and then the present research is focused on), while further on the combination of moves is very different. The tendency only is that such moves as aim, task(s), problem(s) of the research are presented in the first half of the introduction, while definitions of terms, structure of the thesis and relevance of the paper towards the end.

Linguistically, the introductions in Lithuanian also show considerable variation. First, some very short sentences are used (*Darbas parašytas aprašomuoju metodu*), which sometimes form one paragraph; in some cases the paragraph is formed from two or three short sentences. Even though declarative sentences prevail, questions are also used in the discourse (*Kyla klausimas – galbūt lietuvių kalboje netaisyklingai kirčiuojama dėl teksto ritmikos?*). Besides, dashes are commonly used, as the syntactic pattern, when dash is used instead of an omitted word, is very common. Despite the prevalence of terminology, some more figurative words occur (eg *klibinama bendrinės kalbos kirčiavimo sistema*), even though such instances are rare. In addition, in several cases first person plural pronouns were used. Only in one paper the vocabulary, as well as the choice of information is different from the point of view of scientific style. In this introduction, considerable usage of intensifiers is noted (eg *Šie studentai, pakankamai gerai pažįstantys vienas kitą <...> ir labai draugiškai tarpusavyje bendraujantys; ar visi trys japonai stipriai pasiryžę ir vienodai stengiasi išmokti lietuvių kalbą; unikalus atvejis*, etc). Besides, some more figurative and colloquial expressions were used (eg, *nepraleido progos pakeliauti, tad buvo pilnas įspūdžių; apie japonų sunkumus mokantis užsienio kalbą žinių suteikė Edwin O. Reischauer ir Mariaus B. Jansen išleista knyga „Japonai šiandien: permainingas ir tęstinumas,*“ etc). A lot of irrelevant information is also included, such as the living place of the students from Japan, what they were doing before or after the interview, which was being recorded, etc. Thus, this paper may serve as an example, when the student chooses a more informal style; even though all the moves are included, stylistically the language is not formal and scientific.

4.3 Comparison of BA Theses Introductions in English and Lithuanian

The analysis of BA theses introductions in English and Lithuanian shows that despite the same genre the introductions in both languages vary considerably in formal presentation, structuring of the discourse and linguistic expression. The first formal difference is the length of the introductions because introductions in Lithuanian are approximately twice as long as the ones in English. Besides, there is a tendency to subdivide them into two or three subchapters, which are written in bold, in English; in Lithuanian different moves are distinguished by bold in most cases. Finally, tables are included in the introductions in Lithuanian, as well as some additional information is presented in footnotes, while in English there is a tendency to include only the main information necessary to introduce the topic and present the research.

As one might expect, the move structure of the BA introductions in English and Lithuanian is quite different, as in the latter case more moves are included. The average number of the moves in English is five or six, while in Lithuanian it is twelve or thirteen; however, in both languages longer and shorter introductions may be found. The same tendency of presenting more general information at the beginning of the introduction and then focusing on the present research may be noted in both languages; nevertheless, this move is much more elaborate in Lithuanian (it may take up to a page or more, as well as it may occur in any place in the introduction, as pieces of general information tend to be presented inconsistently throughout the paper), while in English it comprises only two or three sentences. Aim and structure of the paper are the moves also common to both languages; their linguistic presentation is very similar as well, as infinitives are used in both languages when the aim is presented, while passive constructions prevail in describing the structure of the paper. Other moves are different because in English such moves as formulation of hypothesis, discussion of sources, scope and methodology of the research are not common to all introductions. On the contrary, sources, for example, are discussed in great detail in all Lithuanian BA theses introductions; this is done by quoting or paraphrasing the main points. While data and methodology in English is presented either as a move in the introduction or as a separate chapter in the thesis, it is an obligatory move in Lithuanian, which occurs in nine theses; in some cases it is also a very elaborate move. Formulation of hypothesis is more common to Lithuanian introductions, too: six theses have this move, while in English it is included only in two introductions. Despite some variation in the presentation of moves in English, the pattern is approximately clear, as the

requirements set up by the department of English philology are followed, while it is not as detailed as the one proposed by Bhatia.

In the Lithuanian introductions, the authors also keep to the requirements of the department; however, some moves are omitted (eg, aspect of the research), while others, which are not included into the requirements, are introduced (eg, stages of the research, indication of results). Such cases, nevertheless, are not numerous but the moves display a considerable variation thus it is not possible to establish a common pattern. Introductions in Lithuanian also show a tendency to follow the model proposed by Bhatia more than the English ones: eg, establishment of the field or focus on the previous research are characteristic to the introductions in Lithuanian, while these moves are elaborate in the model.

Some differences may also be noted in the linguistic realization of the moves, even though scientific style is required in both cases. The vocabulary is formal in both languages; nevertheless, some more figurative or colloquial expressions are found in Lithuanian. The length of sentences varies but in Lithuanian introductions more short sentences, especially ones which form one paragraph, may be found. Some points in Lithuanian were formulated as a question, while this was noted only in one introduction in English. Furthermore, such moves as novelty or relevance, which occur in Lithuanian introductions, require an evaluation of the present work thus more evaluative adjectives are used. One more difference is the avoidance of personal pronouns in English; they, however, occur in Lithuanian introductions, even though such instances are not numerous. As the authors of BA theses in English are non-native speakers, some influence of the Lithuanian language may be traced in the language. For example, dashes occur in several places in English, even though they are not used in scientific English; thus Lithuanian syntactic patterns are followed. Besides, in English only the last name of the author cited is included in the text (eg, Crystal, Halliday); in the Lithuanian language, on the other hand, the first letter of the first name is usually included (eg, K. Donelaitis). Some authors, writing in English, keep to this Lithuanian pattern. Thus despite the requirements to opt for neutral and scientific style, the introductions in Lithuanian show some more variation, as well as some stylistic variations are allowed.

5 CONCLUSION

To sum up, this article analyses BA theses introductions in linguistics in English and Lithuanian as genres in academic research papers, characterised by the same communicative purpose. However, it can be noted that the genres in English and Lithuanian show considerable difference in their cognitive structure and in some cases in linguistic expression due to the requirements, which are proposed by the departments and function as the background, according to which the genre is shaped. Introductions in Lithuanian keep to the model proposed by Bhatia more than the English ones, as there is a strong tendency to establish the field and focus on previous research very elaborately. Such moves as establishing the field, presenting the aim and the structure of the paper are common to the introductions in both languages; however, introductions in Lithuanian have approximately twelve moves, in which not only problems, tasks, methods, etc. of the research are presented but some of them are also very elaborate. The tendency to dwell upon more general information at the beginning of introduction and narrow the focus down may be noted in both languages; in Lithuanian introductions, on the other hand, the variety of presenting the moves is much greater thus it is impossible to establish a regular pattern.

Linguistically, scientific style is used in both languages, which is characterised by such features as passive constructions, abstract agents, terminology, etc. In some cases, however, questions or short sentences are used, which are not typical of scientific style. Lithuanian introductions again tend to show greater variety of style, as, for example, more figurative and evaluative language or very short paragraphs are chosen in some cases or the first person pronouns are used, which are avoided in English. As the students of English are not native speakers, some influence of the Lithuanian language and style may be traced in the English introductions.

References

- ASKEHAVE, I. and SWALES, J. M., 2001. Genre Identification and Communicative Purpose: A Problem and a Possible Solution. *Applied Linguistics* 22/2: 195 – 212. Oxford: Oxford University Press.
- BARZDŽIUKIENĖ, L. D.; CELIEŠIENĖ, V. and KALAUNIENĖ, A., 2004. *Baigiamasis studijų darbas. Kalbininkų patarimai: teorija ir tvarkyba*. Vilnius: Technika.
- BITINIENĖ, A., 2005. Mokslinis stilius ir jo intertekstualumas. *Žmogus ir žodis*. <http://www.ceeol.com/aspx/getdocument.aspx?logid=5&id=07560C22-7630-40C3-8F75-21E4F0448DEB> (4 April 2010)
- BHATIA, V. K., 1996. Research Genres in Academic Setting. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman.
- DODD, J. S (ed.). 2005. *The ACS Style Guide: A Manual for Authors and Editors*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press. <http://www.us.oup.com/us/samplechapters/0841234620> (27 April 2010)
- GRUBER, H., 2005. Scholar or Consultant? Author-roles of Student Writers in German Business Writing. *Analysing Academic Writing: Contextualized Frameworks*. Ed. L. J. Ravelli. London: Continuum.
- HOOD, S., 2005. Managing Attitude in Undergraduate Academic Writing: A Focus on the Introductions to Research Reports. *Analysing Academic Writing: Contextualized Frameworks*. Ed. L. J. Ravelli. London: Continuum.
- HYLAND, K., 2005. Patterns of Engagement: Dialogic Features and L2 Undergraduate Writing. *Analysing Academic Writing: Contextualized Frameworks*. Ed. L. J. Ravelli. London: Continuum.
- KALĖDAITĖ, V., 2002. *Student Guidelines for Writing a Research Paper in Linguistics*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas.
- MARCINKEVIČIENĖ, R., 2002. *Mokslinio darbo dalys*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas.
- MONTGOMERY, S. L., 1996. The Scientific Voice. *The Complete Review*. <http://www.complete-review.com/reviews/montgysl/svoice.htm> (27 April 2010)
- MURRAY, R., 2005. *Writing for Academic Journals*. Berkshire: Open University Press.
- PALTRIDGE, B., 2005. The Exegesis as a Genre: an Ethnographic Examination. *Analysing Academic Writing: Contextualized Frameworks*. Ed. L. J. Ravelli. London: Continuum.
- RIENECKEN, L. and JORGENSEN, P. S., 2003. *Kaip rašyti mokslinį darbą*. Vilnius: Aidai.
- RISAGER, K., 2006. *Language and Culture: Global Flows and Local Complexity*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.
- STARFIELD, S., 2005. Word Power: Negotiating Success in a First-year Sociology Essay. *Analysing Academic Writing: Contextualized Frameworks*. Ed. L. J. Ravelli. London: Continuum.
- Style Points for Scientific Writing, 2007. University of Washington. <http://web.psych.washington.edu/writingcenter/writingguides.html> (27 April 2010)
- VILIŪNAS, G.; KOŽENIAUSKIENĖ, R., 2000. Bakalauro ir magistro darbai. *Lituanistų filologų rašto darbai*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- ŽILINSKAS, P.J., 2000. *Patarimai rengiantiems rašto darbus*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- ŽUPERKA, K., 1983. *Lietuvių kalbos stilistika*. Vilnius: Mokslas.

Teresė Aleknavičiūtė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: akademinis diskursas, lyginamoji kalbotyra, semantika, tarpkultūrinė komunikacija

BAKALAURO DARBO ĮŽANGA ANGLŲ IR LIETUVIŲ KALBOMIS: LYGINAMOJI ŽANRO ANALIZĖ Summary

Nors yra išskiriama daug akademinų žanrų, akademinis diskursas nėra nuodugnai ištyrinėta sritis, ypač tai taikytina akademiniam studentų rašymui. Šio straipsnio tikslas – paanalizuoti ir palyginti bakalauro darbų įžangas anglų ir lietuvių kalbomis (sritis – lingvistika) keliais aspektais: kognityvinės struktūros, lingvistinių pasirinkimų ir tarpkultūriniu požiūriu. Pirmiausia aptariami pagrindiniai akademinų rašto darbų bruožai anglų ir lietuvių kalbomis, akcentuojant Bhatia pasiūlytą kognityvinę struktūrą ir mokslinio stiliaus ypatybes, taip pat institucijos įtaką (šiuo atveju tai – katedrų pateikiami nurodymai studentams). Toliau analizuojamos bakalauro darbų įžangos anglų ir lietuvių kalbomis leidžia apibendrinti, jog darbai turi tą patį komunikacinį tikslą, tačiau pastebima ženklų struktūros ir lingvistinių skirtumų, atsirandančių dėl kultūrinių skirtumų bei egzistuojančių katedrų nurodymų. Struktūriniu požiūriu įžangose lietuvių kalba naudojama daug daugiau žingsnių (moves) ir labiau laikomasi Bhatia modelio. Taip pat lietuviškų įžangų kalba įvairesnė: naudojamas ne tik mokslinis stilius, bet ir emocionalesni, vaizdingesni ar vertinimą išreiškiantys žodžiai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: akademinis diskursas, bakalauro darbas, žanro analizė, tarpkultūrinės studijos

Eglė Alosevičienė

Universität Vilnius Geisteswissenschaftliche Fakultät in Kaunas, Litauen

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel. 8-37-422604

E-mail: eglealoseviciene@gmail.com

Wissenschaftliche Interessen: kontrastive Linguistik, Übersetzungstheorie und -praxis

ZU DEN AUSDRUCKSMITTELN UND STRATEGIEN DER HÖFLICHKEIT IM HECKENBEREICH

Im vorliegenden Beitrag werden die Heckenausdrücke im Deutschen aus kommunikativ-pragmatischer Sicht untersucht. Dabei werden Höflichkeitsstrategien und heckenfunktionale sprachliche Mittel im Deutschen bestimmt, die zum Ausdruck der Höflichkeit dienen, Einsichten aus der Höflichkeits- und Heckentheorie vermittelt sowie Übersicht über heckenfunktionale Ausdrucksmittel und Strategien der Höflichkeit gegeben.

SCHLÜSSELWÖRTER: Heckenausdrücke, positive und negative Höflichkeit, Höflichkeitsmittel, Höflichkeitsstrategien

Wenn man über das Bild der Deutschen im Ausland nachdenkt, fällt sofort ein, dass sie als ordentlich, pünktlich, nicht besonders herzlich, aber höflich charakterisiert werden. Der Höflichkeitsaspekt ist im Allgemeinen mit der Modifizierung einer zu streng empfundenen Aussage verbunden. Zu diesem Zweck verfügt jede Sprachgemeinschaft über bestimmte sprachliche Mittel zur Realisierung von Höflichkeitsstrategien.

Zur Höflichkeitstheorie

Einen bedeutenden Beitrag zur Entwicklung der Höflichkeitstheorie haben 1978 und 1987 die Sprachforscher Brown und Levinson geleistet. Den Ausgangspunkt ihrer Ausführungen bilden die Konversationsmaximen von Grice (1975) und das soziologische Modell von Goffman (1967).

Die von Grice (1975) als „kooperatives Prinzip“ bezeichnete Grundvoraussetzung für ein Gespräch besteht darin, dass die Gesprächspartner sich über gewisse allgemeingültige Konversationsregeln einig sind. Sie haben ein minimales gemeinsames Interesse und eine gemeinsame Sprache sowie gemeinsame kommunikative Werte. Grices Prinzipien der Quantität (ein Gesprächsbeitrag soll möglichst informativ sein), der Qualität (das Gesagte soll wahr sein), der Relevanz (es muss Relevantes gesagt werden) sowie der Modalität (es muss klar gesprochen werden) machen die Kommunikation überhaupt möglich (vgl. Henne/Rehbock 1982, S. 23).

Höflichkeit erweist sich eigentlich als Verletzung von Konversationsmaximen im Sinne von Grice. Viele Formen der negativen Höflichkeit (einschließlich Heckenausdrücke) zeichnen sich durch Indirektheit aus, die die Maxime der Art und Weise verletzen. Diese Maxime besagt, dass man klar und genau sein und sich kurz fassen muss (vgl. Levinson 1990, S. 104), was bei der Realisierung von Höflichkeitsstrategien nicht der Fall ist. Deswegen führt Leech (1983, 80 f.) neben dem Kooperationsprinzip auch ein Höflichkeitsprinzip ein, das ebenso eine Reihe von Maximen beinhaltet. Er gibt mindestens sechs Maximen der Höflichkeit an: Takt, Großzügigkeit, Anerkennung, Bescheidenheit, Übereinstimmung und Sympathie.

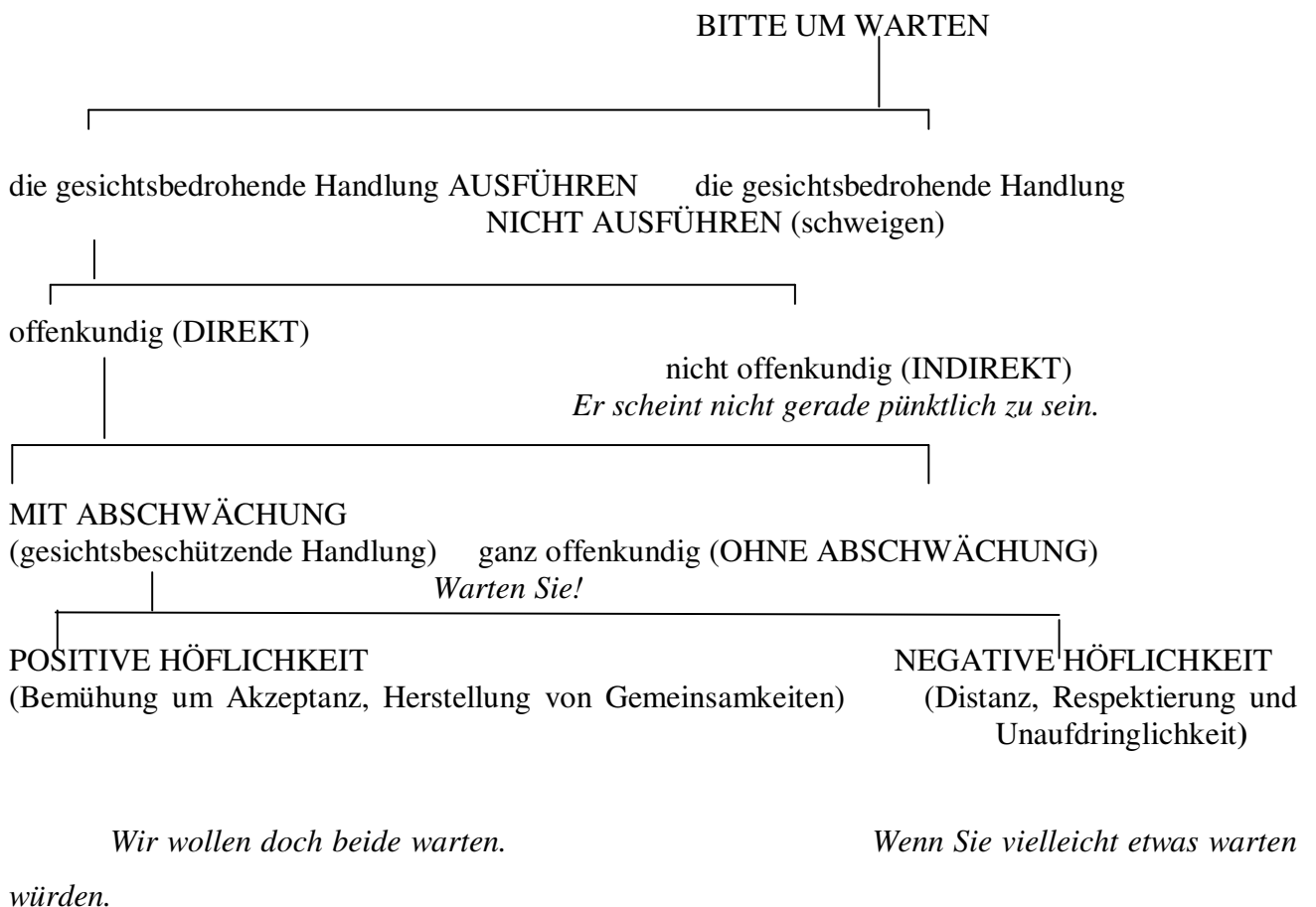
Goffman (1967) war als erster, der sich der Metapher „face“ für die Beschreibung des Höflichkeitsphänomens bedient hat. Das Gesicht („face“) jedes Einzelnen ist nach Goffman etwas Heiliges, das zugleich jeden Menschen zur Verpflichtung zwingt, dafür Sorge zu tragen. Goffman unterscheidet zwischen einem „negativen“ und einem „positiven“ Gesicht¹. In der Kommunikation

¹ Die Begriffe „positiv“ und „negativ“ können im Zusammenhang mit dem Höflichkeitsthema auch irreführend sein. Diese Charakteristika beziehen sich nicht auf moralische Werte, sondern bezeichnen die primäre

müssen beide Seiten des Gesichts gleichzeitig beachtet werden. Das positive Gesicht besteht in dem Bedürfnis, von anderen Mitgliedern der Gemeinschaft akzeptiert und geschätzt zu werden. Das negative Gesicht strebt nach Würde, Unabhängigkeit und Freiheit, also eigener Gesichtswahrung.

Brown/Levinson übernehmen diese Gesichtsauffassung und gehen von der Annahme aus, dass sich die Höflichkeit in der Bemühung zeigt, das eigene Gesicht (im Sinne des öffentlichen Images einer Person) und das Gesicht des anderen zu schützen. Demzufolge postulieren die Autoren die Existenz von negativer und positiver Höflichkeit. Negative Höflichkeit steht in Verbindung mit Respekt und Distanz, positive Höflichkeit – mit Solidarität, die vor allem auf die Betonung der Gemeinsamkeiten abzielt. Demnach kann jede sprachliche Handlung auf verschiedene Weisen realisiert werden, die Brown/Levinson (1987 69, 103 ff.) im folgenden Schema demonstrieren:

Abbildung 1: Arten der Höflichkeit nach Brown/Levinson (1987)

Positive Höflichkeit manifestiert sich in einem Prozess gegenseitiger Bestätigung, Übereinstimmung und Anerkennung, durch die Solidarität und Harmonie zwischen den Gesprächspartnern entsteht. Sprachlich müssen die Gemeinsamkeiten zwischen Sprecher und Hörer hergestellt werden, und man muss sich um die Kooperation zwischen den beiden bemühen. Die gesichtsbedrohenden Handlungen, die das positive Gesicht des Hörers betreffen, sind Kritik, Verachtung, Anklagen, Beschimpfungen, Ausdruck von unkontrollierter Emotion, Erwähnung von Tabus etc. Mögliche Bedrohungen des positiven Gesichts des Sprechers sind Entschuldigungen, Annahme von Komplimenten, Missgeschicke, Eingeständnisse von Schuld oder Verantwortung etc. Negative Höflichkeit ist im Spiel, wenn man dem anderen nicht zu nahe treten will, sein Gesicht durch Einhaltung bestimmter Grenzen wahrt (Takt, Etikette, Respekt, Ehrerbietung, Anstand, Achtung). Die gesichtsbedrohenden Handlungen, die das negative Gesicht betreffen, sind Bitten, Befehle, Vorschläge, Ratschläge, Drohungen an den Hörer sowie Handlungen, die sich auf den Sprecher beziehen und für den Hörer vorteilhaft sind (Angebote, Versprechen, Erlaubnisse etc.)

Brown/Levinson nehmen an, dass das Phänomen der Höflichkeit universell ist. Sie motivieren das damit, dass fast alle Kulturen Gruß- und Abschiedsroutinen kennen sowie Mittel haben, um Respekt, Diplomatie, Diskretion auszudrücken (vgl. Levinson 1990, S. 46), aber ihr Höflichkeitsmodell wurde von vielen kritisiert, und zwar aus der interkulturellen Perspektive (vgl. Strecker 1993, Radden 2001, S. 130). Als Strategie der Konfliktvermeidung ist Höflichkeit universell, weil jede Kultur das Bedürfnis hat, soziale Konfrontationen zu vermeiden, aber die Lösungen verschiedener Kulturgemeinschaften können unterschiedlich sein. Außerdem wurde eingewendet, dass Brown und Levinson die Unhöflichkeit übersehen haben, z. B. Vermeidung einer Antwort, antagonistische Fragen als Kritik und, dass ihr Modell nur für westliche Kulturen anwendbar ist.

Im Rahmen der Höflichkeitsdiskussion ist nicht nur diese einzige Dichotomie von negativer und positiver Höflichkeit bekannt. Es finden sich beispielsweise Vorschläge, die Höflichkeit, ähnlich wie Indirektheit, in konventionelle (Erfüllung gesellschaftlicher Normen) und individuelle (Ausdruck von Respekt oder Wertschätzung) zu untergliedern (vgl. Liedtke 2004, S. 187). Janney und Arndt (1985, 1992 nach Watts 2003, 76 f.) differenzieren zwischen sozialer und interpersonaler Höflichkeit. Die erstere besteht aus Regeln für das angemessene bzw. nicht angemessene Sprachverhalten und hat ihren Platz nicht in der Sprache selbst, sondern in der Gesellschaft. Diese Art der Höflichkeit entspricht dem Konzept des *politischen Verhaltens* („politic behaviour“) von Richard Watts (2003). Die interpersonale Höflichkeit wird dagegen mit Takt assoziiert, die Watts als eigentliches *höfliches Verhalten* („polite behaviour“) versteht.

Watts (2003, S. 19) ordnet die Heckenausdrücke den halb-formelhaften Äußerungen zu, die indirekte Sprechakte gemäß dem *politischen Verhalten* in einer angemessenen Situation ausführen, und betont, dass sie als solche nicht als höfliche Ausdrücke empfunden werden und eher der sozialen Ebene angehören. Anders gesagt, sie lösen beim Hörer/Leser Inferenzen aus, die eine interpersonale Bedeutung tragen. Somit sieht er – im Unterschied zu Brown/Levinson –, dass sprachliche Phänomene der Höflichkeit keine automatisierten und universellen Strukturen sind, sondern dass sie erst auf der Ebene des jeweiligen Diskurses und in einer spezifischen Situation angemessen analysiert werden können. Aufgrund der Analyse von Politikerdebatten kommt Watts zum Schluss, dass die Höflichkeitsstrategien nicht zur Wahrung des Adressatengesichts, sondern zur Wahrung des eigenen Gesichts, des eigenen öffentlichen Images eingesetzt werden. Diesen Ich-bezogenen, im Wesentlichen auf den Selbstschutz gerichteten Aspekt der Höflichkeit betonen auch Leech (1980, S. 19 nach Watts, 2003, S. 50) und Mauranen (1997, S. 122), wobei sie die Höflichkeit als „strategische Konfliktvermeidung“ und die Heckenausdrücke als „strategische Mittel zum Selbstschutz“ definieren, die es dem Sprecher erlauben, mögliche Anschuldigungen, Vorwürfe oder Kritik von sich zu weisen.

Abschließend ist festzustellen, dass Höflichkeit als eine Erscheinungsform der interpersonellen Funktion der Sprache an sich ein wesentlicher Bestandteil der menschlichen Kommunikation ist, wobei man ständig darum bemüht ist, sein eigenes öffentliches Image und das Gesicht der Kommunikationspartner zu wahren. Da die Heckenausdrücke als gut geeignete Mittel der Abschwächungen und Relativierungen gelten, erweisen sie sich als gute Höflichkeitsmarker.

Zur Heckentheorie

Der Begriff *hedging* bzw. *hedge* stammt aus der Logik und Semantik, der in den sechziger Jahren in die Textforschung und etwa zwei Jahrzehnte später in die Pragmatik und Diskursanalyse eingegangen ist. Unter pragmatischer Perspektive werden sprachliche Hecken bzw. Heckenausdrücke als Abschwächungsstrategien, Ausdruck von Subjektivität und Unsicherheit definiert. Gleichzeitig handelt es sich um ein textuelles, oder genauer: **um ein** Diskursphänomen. Die sprachlichen Heckenausdrücke werden erst in der Interaktion zwischen Sprecher und Hörer realisiert, und zwar auf der Grundlage eines Textes, eines Diskurses und einer jeweiligen Kommunikationssituation (vgl. Schröder 1998, S. 274).

In der gängigen Literatur zur Heckenforschung wird Weinreich (1966) als Vorläufer der Heckentheorie bezeichnet, der die Heckenausdrücke als „metasprachliche Operatoren“ definiert hat.

Zahlreiche Sprachwissenschaftler wiesen auf das Heckenphänomen hin, indem sie bestimmte Aspekte hervorhoben, etwa Unschärfe oder Modalisierung, ohne aber den Terminus „Hecke“ zu verwenden². Lakoff (1972, 1975) gilt aber als erster, der abmildernde und intensivierende lexikalische Einheiten als „hedges“ definiert hat. Sein Konzept beruht auf der Theorie der unscharfen Mengen von Zadeh (1965), die auf Erkenntnissen der logischen Semantik und allgemeinen Sprachtheorie basiert.

Zu den heckenfunktionalen Ausdrucksmitteln der Höflichkeit

Brown/Levinson analysieren Hecken als Ausdrucksmittel der negativen Höflichkeit. Im Rahmen der positiven Höflichkeit können sie nur als Ausdrücke des Extrems (z. B. *wunderbar* oder *entsetzlich*) vorkommen. Bei einer genaueren Untersuchung erweist sich, dass die Heckenausdrücke auch als strategische Mittel der negativen Höflichkeit gebraucht werden können. In beiden Fällen werden sie zur Wahrung des Gesichts eingesetzt (entweder des Hörers oder des Sprechers).

Positive Höflichkeit lässt sich nach Brown/Levinson sprachlich durch zwei Gruppen von Strategien erzielen: Herstellung von Gemeinsamkeiten und Vermittlung von Kooperation zwischen Sprecher und Hörer. Bei der Wahrung des positiven Gesichts kann die Vermeidung von Meinungsverschiedenheit durch Verwendung von Modaladverbien als Strategie der distanzierten Unaufdringlichkeit realisiert werden (vgl. Radden 2001, S. 133):

Du solltest dich vielleicht mehr bemühen.

Der neue Film ist ziemlich gut.

Die epistemische Verwendung des Modalverbs *MÜSSEN* als Annahme über die Wünsche des Hörers kann auch als Ausdruck der positiven Höflichkeit betrachtet werden:

Du musst hungrig sein. Willst du was essen?

Im Deutschen werden die Personalpronomina zum Ausdruck von Höflichkeit oder sozialer Nähe bzw. Distanz verwendet, was sich vor allem in der Wahl von Siezen und Duzen zeigt. Innerhalb des Heckenbereichs ist vor allem die erste Person Plural relevant. Mit der Verwendung dieser Form gibt der Sprecher zu erkennen, dass er eindeutige Formulierungen meidet, weil im Deutschen nicht zwischen inklusiver und exklusiver³ Verwendungsweise dieses Pronomens differenziert wird:

Wir tun unser Möglichstes.

Sie sind müde. Machen wir doch mal Pause.

Aus der Tatsache, dass mit dem Pronomen *wir* nicht zwischen exklusiv und inklusiv unterschieden wird, gilt es als weniger höflich, im Gespräch mit Personen, mit denen man nicht in einem Vertrauensverhältnis steht, dieses Pronomen zu gebrauchen oder es kann sogar in einer ironischen Weise nur den Hörer bezeichnen (vgl. Weinrich 1993, S. 108):

Sind wir heute schon wieder einmal zu spät zur Schule gekommen?

Innerhalb des Pronomensystems kann auch die dritte Person Plural als heckenfunktional betrachtet werden, weil man damit eine direkte Behauptung vermeiden kann:

Im Fernsehen haben sie heute gesagt, dass die Arbeitslosenquote stark gesunken ist (anstatt: ich habe gehört, dass....)

In diesem Beispiel können wir auch eine „versteckte“ Hecke finden. Der Ausdruck *im Fernsehen* ist vage in dem Sinne, dass man nicht wissen kann, welche Sendung, welchen Kanal, welchen Journalisten, welchen Politiker der Sprecher meinte, dass man nicht wissen kann, ob das Fernsehen als Autorität oder nicht als Autorität verstanden wird. Die Semantik verwendeter Ausdrücke selbst ist oft vage genug. Aber die Kommunikation gelingt trotzdem, weil die heckenfunktionalen Mittel zur Realisierung einer Höflichkeitsstrategie die Möglichkeit geben (oder ein Sprecher mit ihnen die Möglichkeit schafft), dass das Gespräch, der Diskurs weitergeht.

² Exemplarisch sei hier auf Beiträge von Erben (1994) und Wunderlich (1983) hingewiesen. Plett (1975, S. 272) und Sowinski (1983, S. 115) sprechen auch von bestimmten Vorsichtsformeln bzw. relativierenden Zusätzen.

³ Mit inklusiven *wir*-Formen bezieht der Sprecher sprachlich den Hörer ein, auch wenn die Aussage lediglich einen der beiden betrifft, dagegen Exklusiv-Plural bezeichnet nur den Sprecher.

Heckenfunktionale Mittel sind demzufolge diskursorganisierende Mittel. So könnte man sich vorstellen, dass im Satz mit dem Fernsehen ein zweiter Sprecher fragt, wo, wann und wer das so gesagt hat (Frage-Antwort-Struktur) oder dass der zweite Sprecher seine Zweifel oder seinen Spott dem ersten Sprecher gegenüber äußert, z. B. so: *Du glaubst aber auch alles, was sie im Fernsehen sagen...*

Die unpersönlichen und agensabgewandten Konstruktionen werden als Mittel der Impersonalisierung betrachtet. In der Hecken­theorie dient die Impersonalisierung nicht nur zur Vermeidung von Verantwortung für den Wahrheitsgehalt einer Aussage (Passivsätze, man-Sätze, unpersönliche Konstruktionen), sondern auch als Strategie zur Wahrung des Gesichts des Hörers, also im Rahmen der negativen Höflichkeit (vgl. Luukka/Markkanen 1997, S. 169):

*Man müsse auch die andere Meinung respektieren.
Es lässt sich sagen / es scheint, dass es nicht nur um einfache Differenzen geht.*

Es ist empfehlenswert, diesen Entwurf noch einmal durchzusehen. Die Verwendung des verallgemeinernden Indefinitpronomens *man* steht häufig im Dienst der Höflichkeit, weil man damit am wenigsten der Gefahr ausgesetzt ist, dem Gesprächspartner ungebührlich nahezutreten (vgl. Weinrich 1993, 101 f.):

Man kann davon ausgehen, dass in Ihrem Referat die theoretischen Überlegungen fehlen.

Obwohl der heckenfunktionale Aspekt des Passivs nur als Abschwächung der Verantwortung des Autors hinsichtlich des Wahrheitswerts einer Aussage verstanden wird (vgl. Schröder 1998, s. 264), erscheint es m. E. als durchaus plausibel, im Passiv eine der Formulierungsmöglichkeiten im Rahmen einer Höflichkeitsstrategien zu sehen, wenn man z. B. eine direkte Aufforderung vermeiden möchte:

*Der Rasen muss mal wieder gemäht werden.
Die Bücher können abgeholt werden.*

Levinson (1990, S. 264) geht davon aus, dass die meisten Verwendungen indirekt sind. So wird der Imperativ im Deutschen sehr selten gebraucht, um Aufforderungen und Bitten auszudrücken, weil Imperative jeweils ein verdecktes Subjekt der zweiten Person haben. Stattdessen gebraucht man Sätze, die nur indirekt auffordern, und das ist offensichtlich mit den Höflichkeitsstrategien verbunden:

*Könnten Sie mir das Salz reichen?
Ich wollte nur wissen, ob du mir dein Auto leihen kannst?
Ich möchte Sie nicht stören, aber könnten Sie hier weggehen?*

Fraser (1975, S. 187) hat eine spezielle pragmatische Heckenfunktion von Modalverben festgestellt: wenn die Modalverben mit einer explizit performativen Formel gebraucht werden, so drücken sie nicht mehr Möglichkeit oder Notwendigkeit aus, sondern sie haben auch die Funktion, eine Äußerung abzumildern:

Ich muss Sie auffordern, den Raum zu verlassen.

Die Modalverben drücken im Allgemeinen Sprechereinstellungen aus, und damit ergibt sich ein Aspekt ihrer heckenfunktionalen Verwendung. Innerhalb der Höflichkeitstheorie dienen sie aber primär zum Vollzug von indirekten Sprechakten:

Können / Könnten Sie mir helfen, diesen Koffer hinunterzutragen?

Vielleicht sollten Sie das noch einmal üben.

Darf ich Sie daran erinnern, die Unterlagenkopien beizulegen?

Das dürfte wohl auch ziemlich schwierig sein.

Ich will Sie einen Moment sprechen.

Ich wollte nur sagen, dass die Verhandlung nächste Woche stattfindet.

Wollen Sie hier bitte Platz nehmen! Mögen Sie hier bitte einen Augenblick Platz nehmen?

Ich möchte gerne mal fragen, ob man hier parken darf.

Mithilfe eines Modalverbs werden solche Äußerungen vollzogen, die das bedrohte Gesicht des Gesprächspartners korrigieren und abmildern im Gegensatz zu einer direkten Formulierung. Außerdem wird ein Ausdruck mit einem Modalverb durch seine Restriktivform um eine Nuance höflicher als durch die Formen des Präsens.

Ein anderes Mittel, eine Aussage zu mildern ist die Verwendung von epistemischen Verben, die sprecherseitige Einstellungen ausdrücken. Während z. B. die Verben wie *glauben* oder *meinen* in der dritten Person einen mentalen Zustand bezeichnen, drücken sie in der ersten Person eine Abschwächung aus:

Ich denke / es scheint mir, dass wir einen Kompromiss finden können.

Ich glaube nicht, dass ich Ihnen helfen kann.

Die Verwendung des Konjunktivs II statt des Indikativs kann auch als Abmilderung der Gesichtsbedrohung aufgefasst werden, indem ein von vornherein eingeschränkter Geltungsanspruch aus Diskretion, Vorsicht und Höflichkeit vorgenommen wird. Der Konjunktiv II fügt der Äußerung das zusätzliche Merkmal „eingeschränkte Geltung“ (vgl. Buscha/Zoch 1999, S. 19; Weinrich 1993, S. 248), „bewusste Distanz“ (vgl. Buscha/Zoch 1999, S. 14) hinzu, wenn man dem Gesprächspartner nicht zu nahe tritt und ihn in seinem Handlungsraum nicht zu sehr einengt. Außerdem lässt man dem Hörer die Freiheit, nein zu sagen.

Könntest du mich heute vertreten?

Hätten Sie einen Augenblick Zeit für mich?

Würden Sie mir wohl einen Gefallen tun?

Wäre es Ihnen wohl möglich, diesen Brief für mich in den Briefkasten zu werfen?

Dürfte ich Sie einmal um die Uhrzeit bitten?

Jeder Konjunktiv-Satz verweist auf einen Konditionalsatz (*wenn-dann*). Dabei wird keine Forderung gestellt, sondern eine mögliche Situation entworfen und somit auch die Äußerung abgeschwächt, da man sie auf diese Weise für den Hörer akzeptabler macht. Das sei gerade die Höflichkeitsfunktion bei einer heckenfunktionalen Sprachverwendung.

Zur mehrfachen Heckenmarkierung

Folgende Beispiele enthalten nicht nur ein heckenfunktionales Sprachmittel. Im Deutschen ist gerade „ein Bündel von anfangs angehängten Milderungen“ (Levinson 1990, S. 273) charakteristisch:

Ob es Ihnen vielleicht zufällig möglich wäre, mir etwas Geld zu leihen?

Würde es Ihnen etwas ausmachen, wenn ich sie bäte, das Fenster zu schließen?

Ich wollte fragen, ob es vielleicht möglich wäre, Sie einen Moment zu sprechen.

Ich glaube wirklich, dass es die Stärke der deutschen Wirtschaft ist.

Die EU könnte hier vielleicht einen zentralen Beitrag leisten.

Es kann dabei davon ausgegangen werden, dass die Anhäufung von Heckenausdrücken, seien es Modalisierungen oder Intensivierungen, dazu dient, den persönlichen Beitrag des Sprechers zu markieren, wobei die Aussagen zugleich kommentiert und bewertet werden. Strauss (2004, S. 175) weist zudem darauf hin, dass beim Einsatz von einzelnen Hecken ein Sachverhalt als strittig empfunden wird, Mehrfachhecken sind dagegen Zeichen einer kontroversen Stellungnahme, könnten aber durchaus die so genannten Skriptfunktionen erfüllen, d. h. die Funktion der Rede- bzw.

Dialogsteuerung im metadiskursiven Sinne. Solche Skripte sind also Signale bzw. Interpretationsanweisungen an den Hörer, wie die hinter den eigentlichen Heckenausdrücken transportierte Botschaft aufzuschlüsseln ist.

In anderen Sprachen dagegen würden solche Höflichkeitsformeln bzw. mehrfachen Hecken zu künstlich und zu übertrieben wirken. Man kann beim Gebrauch solcher mehrfacher Höflichkeitsfloskeln sogar Gefahr laufen, unterbrochen und gebeten zu werden, direkter zu formulieren.

Zu den Höflichkeitsstrategien

Höflichkeit ist das Hauptmotiv für die Verwendung indirekter Aufforderungen (vgl. Meibauer 1999, s. 114) und eine der Funktionen von Heckenausdrücken. Höflichkeitsstrategien werden eingesetzt, um eine sonst zu streng empfundene Äußerung abzuschwächen.

Die Hecken, die die Höflichkeitsstrategien realisieren können, konstituieren sich aus einer Reihe von Ausdrucksmitteln. Dazu zählen sprachliche Mittel der Diplomatie, Diskretion, Distanzierung, Abschwächung und Vorsicht. Im Anschluss an Leech geht Watts (2003, S. 68 f.) von unterschiedlichen Diskretionsskalen aus, die unter anderem Indirektheit, Autorität und soziale Distanz umfassen. Es besteht somit eine Korrelation zwischen der Höflichkeit und Indirektheit, Höflichkeit und sozialer Distanz. Eine direkte Äußerung wird weniger höflich empfunden als eine indirekte und ggf. distanzierte. Dennoch ist nicht außer Acht zu lassen, dass in manchen Kulturen Distanz nicht mit Respekt, sondern eher mit Feindschaft und Verfremdung verbunden ist (vgl. hierzu die Untersuchung von Wierzbicka (1985) zur polnischen und englischen Höflichkeit).

In Erwägung des bisher Behaupteten lassen sich folgende Strategien der Höflichkeit im Heckenbereich zusammenfassen:

- *Abmilderung der Gesichtsbedrohung zur Konfliktvermeidung*
- *Persönliche Schutzmaßnahme (Selbstschutz)*
- *Rücksichtnahme auf den Gesprächspartner*
- *Herstellung von Gemeinsamkeiten*
- *Vermittlung von Kooperation zwischen Sprecher und Hörer*
- *Persönliche Distanz (Diskretion, Bescheidenheit, Takt)*
- *Soziale Distanz (konventionelle Erfüllung gesellschaftlicher Normen, Autorität)*

Wie man spricht, unterscheidet sich von Kultur zu Kultur. Auch die Höflichkeitsstrategien sind in verschiedenen Kulturen unterschiedlich. Bestimmte Verhaltensweisen, die innerhalb einer Kultur gelten, können in interkulturellen Begegnungen missverstanden werden. Der Grund, warum Vertreter anderer Kulturgemeinschaft die Höflichkeitsregeln verletzen, liegt in den Schwierigkeiten bei der Erkennung von Inferenzstrategien (vgl. Kasper 1997), und auch die Tatsache, dass man eine fremde Kultur und Sprache mit den Augen der eigenen Höflichkeitskultur als Norm sieht.

Tabelle 1. Zusammenfassung von Ausdrucksmitteln der Höflichkeit im Heckenbereich

POSITIVES GESICHT	NEGATIVES GESICHT
Anerkennung und Einschätzung in der Gesellschaft	Würde, Unabhängigkeit und Freiheit
DIE GESICHTSBEDROHENDEN	HANDLUNGEN
<i>an den Hörer:</i> Kritik, Verachtung, Anklagen, Beschimpfungen, Ausdruck von unkontrollierter Emotion, Erwähnung von Tabus etc. <i>an den Sprecher:</i> Entschuldigungen, Annahme von Komplimenten, Missgeschicke, Eingeständnisse von Schuld oder Verantwortung etc.	<i>an den Hörer:</i> Bitten, Befehle, Vorschläge, Ratschläge, Drohungen etc. <i>an den Sprecher:</i> Angebote, Versprechen, Erlaubnisse etc.

POSITIVE HÖFLICHKEIT	NEGATIVE HÖFLICHKEIT
Herstellung von Gemeinsamkeiten und Vermittlung von Kooperation zwischen Sprecher und Hörer	Impersonalisierung und konventionelle Indirektheit (Takt, Etikette, Respekt, Ehrerbietung, Anstand, Achtung)
HECKENFUNKTIONALE	AUSDRUCKSMITTEL
<p>1. Ausdrücke des Extrems: <i>wunderbar</i> oder <i>entsetzlich</i>.</p> <p>2. Modaladverbien:</p> <p>(1) <i>Du solltest dich <u>vielleicht</u> mehr bemühen.</i></p> <p>(2) <i>Der neue Film ist <u>ziemlich</u> gut.</i></p> <p>3. Modalverben:</p> <p>(3) <i>Du <u>musst</u> hungrig sein. <u>Willst</u> du was essen?</i></p> <p>4. Personalpronomina:</p> <p>(4) <i><u>Wir</u> tun unser Möglichstes. (exklusiv)</i></p> <p>(5) <i><u>Sie</u> sind müde. Machen <u>wir</u> doch mal Pause. (inklusiv)</i></p> <p>(6) <i>Im Fernsehen haben <u>sie</u> heute gesagt, dass die Arbeitslosenquote stark gesunken ist.</i></p>	<p>1. Unpersönliche und agensabgewandte Konstruktionen:</p> <p>(1) <i><u>Man müsse</u> auch die andere Meinung respektieren.</i></p> <p>(2) <i><u>Es lässt sich sagen / es scheint, dass es nicht nur <u>um</u> einfache Differenzen geht.</u></i></p> <p>(3) <i><u>Es ist empfehlenswert, diesen Entwurf noch einmal durchzusehen.</u></i></p> <p>(4) <i>Der Rasen <u>muß</u> mal wieder <u>gemäht werden</u>.</i></p> <p>(5) <i>Die Bücher <u>können</u> abgeholt werden.</i></p> <p>2. Modalverben:</p> <p>(6) <i><u>Ich muss Sie auffordern, den Raum zu verlassen.</u></i></p> <p>(7) <i><u>Können / Könnten Sie mir helfen, diesen Koffer hinunterzutragen?</u></i></p> <p>(8) <i>Vielleicht <u>sollten Sie</u> das noch einmal <u>üben</u>.</i></p> <p>(9) <i><u>Darf ich Sie daran erinnern, die Unterlagenkopien beizulegen?</u></i></p> <p>(10) <i>Das <u>dürfte</u> wohl auch ziemlich <u>schwierig sein</u>.</i></p> <p>(11) <i><u>Ich will Sie einen Moment sprechen</u>.</i></p> <p>(12) <i><u>Ich wollte nur wissen, wann der nächste Zug kommt.</u></i></p> <p>(13) <i><u>Wollen Sie hier bitte Platz nehmen!</u></i></p> <p>(14) <i><u>Mögen Sie hier bitte einen Augenblick Platz nehmen?</u></i></p> <p>(15) <i><u>Ich möchte gerne mal fragen, ob man hier parken darf.</u></i></p> <p>3. Epistemische Verben:</p> <p>(16) <i><u>Ich denke / es scheint mir, dass wir einen</u></i></p>

	<p><i>Kompromiss finden können.</i></p> <p>(17) <u>Ich glaube nicht</u>, dass ich Ihnen helfen kann.</p> <p>4. Konjunktiv- und Konditionalsätze:</p> <p>(18) <u>Könntest du</u> mich heute vertreten?</p> <p>(19) <u>Hätten Sie</u> einen Augenblick Zeit für mich?</p> <p>(20) <u>Würden Sie</u> mir wohl einen Gefallen tun?</p> <p>(21) <u>Ob es Ihnen</u> vielleicht zufällig möglich wäre, mir etwas Geld zu leihen?</p> <p>(22) <u>Würde es Ihnen</u> etwas ausmachen, wenn ich sie bäte, das Fenster zu schließen?</p>
--	---

Literaturverzeichnis

- BROWN P., LEVINSON, S. C., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- BUSCHA, J.; ZOCH, I., 1999. *Der Konjunktiv. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*. Leipzig/Berlin/München: Langenscheidt.
- ERBEN, J., 1994. *Sprachliche Signale zur Markierung der Unsicherheit oder Unschärfe von Aussagen im Neuhochdeutschen*. Berlin: Akademie Verlag.
- FRASER, B., 1975. Hedged Performatives. In: Cole, P., Morgan, J. L. (Hrsg.), *Syntax and Semantics* 3, S. 187-210.
- GOFFMAN, E., 1967. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. Garden City/New York: Anchor Books.
- HENNE, H.; REHBOCK, H., 1982. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin/New York: de Gruyter.
- KASPER, G., 1997. *Can pragmatic competence be taught?* URL: <http://nflrc.hawaii.edu/NetWorks/NW06/default.html>, [28.10.2010]
- LAKOFF, G., 1975. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. In: Hockney, D., Harper, W., Freed, B. (Hrsg.). *Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics*. Dordrecht, Holland: D. Reidel, S. 221-271.
- LEECH, G. N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London/New York: Longman.
- LEVINSON, S. C., 1990. *Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer.
- LIEDTKE, H., 2004. Höflichkeit und Interkulturalität. In: Busch, A.; Stenschke, O. (Hrsg.). *Wissenstransfer und gesellschaftliche Kommunikation. Festschrift für Sigurd Wichter zum 60. Geburtstag*. Frankfurt/Main: Lang, S. 185-196.
- LUUKA, M. R.; MARKKANEN, R., 1997. Impersonalization as a Form of Hedging. In: Markkanen, R., Schröder, H. (Hrsg.). *Hedging and discourse: approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. Berlin/New York: de Gruyter, S. 168-187.
- MAURANEN, A., 1997. Hedging in Language Reviser's Hands. In: Markkanen, R., Schröder, H. (Hrsg.). *Hedging and discourse: approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. Berlin/New York: de Gruyter, S. 115-133.
- MEIBAUER, J., 1999. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen: Narr.
- PLETT, H. F., 1975. *Textwissenschaft und Textanalyse. Semiotik, Linguistik, Rhetorik*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
- RADDEN, G., 2001. *Verhaltensaspekte in der Sprache: „Höflichkeit“ im Englischen*. URL: http://www.sign-lang.uni-hamburg.de/fb07/EnglS/Materialien_Profs/Tiedje-Ring/a-radd.pdf, [27.07.2010].
- SCHRÖDER, H., 1998. "Ich sage das einmal ganz ungeschützt" – Hedging und wissenschaftlicher Diskurs. In: Danneberg, L., Niederhauser, J. (Hrsg.). *Darstellungsformen der Wissenschaften im Kontrast. Aspekte der Methodik, Theorie und Empirie*. Tübingen: Narr, S. 183-197.
- SOWINSKI, B., 1983. *Textlinguistik. Eine Einführung*. Stuttgart: Kohlhammer.
- STRAUSS, C., 2004. Cultural standing in expression of opinion. In: *Language in Society* 33, S. 161–194.
- STRECKER, I., 1993. *Cultural variations in the concept of „face“*. URL: http://www.uni-mainz.de/~ifeas/ethno/kulturanthro_afrika/FACE.html [01.07.2010].
- WATTS, R. J., 2003. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- WEINREICH, U., 1966. On the Semantic Structure of English. In: Greenberg, J. H. *Universals of Language*. Cambridge/Mass/London: MIT, S. 142-217.
- WEINRICH, H., 1993. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Leipzig u.a.O.: Dudenverlag.
- WIERZBICKA, A., 1985. Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English. In: *Journal of Pragmatics* 9 (2), S. 145-178.

WUNDERLICH, D., 1983. Modalisierte Sprechakte. In: Brünner, G., Redder, A. *Studien zur Verwendung der Modalverben*. Tübingen: Narr, S. 226-245.

ZADEH, L., 1965. Fuzzy Sets. In: *Information and Control* 8, S. 338-353.

Eglė Aloševičienė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Moksliniai interesai: lyginamoji kalbotyra, vertimo teorija ir praktika

MANDAGUMO RAIŠKA IR STRATEGIJOS HEDŽINGO PRIEMONĖMIS

Santrauka

Straipsnis nagrinėja mandagumo raišką ir strategijas, kurios vokiečių kalboje realizuojamos *hedžingo* priemonėmis. Straipsnyje aptariama mandagumo teorija ir jos raida, pateikiamos *teigiamo* ir *neigiamo* mandagumo sampratos, pristatoma *hedžingo* reiškinių kilmė ir apibrėžtis, nustatomi mandagumo raiškos būdai *hedžingo* priemonėmis, aptariama daugkartinio žymėjimo *hedžingo* priemonėmis problema ir pateikiama mandagumo strategijų, reiškiamų *hedžingo* priemonėmis apžvalga.

RIEKŠMINIAI ŽODŽIAI: hedžingo priemonės, mandagumas, mandagumo raiška ir strategijos.

Ingrida Balčiūnienė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

K. Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva

Tel. (8 37) 32 79 62

El. paštas: i.balciuniene@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: psicholingvistika, vaikų kalba, komunikacinės kompetencijos įgijimas

KREIPINIŲ FORMA IR FUNKCIJOS ŠNEKAMOJOJE LIETUVIŲ KALBOJE

Straipsnyje aptariamos šnekamojoje lietuvių kalboje vartojamų kreipinių (daiktavardžio šauksmininko formų) leksinės ir morfologinės ypatybės, nustatytos tekstynų lingvistikos metodu analizuojant sakinės lietuvių kalbos duomenis. Atliekant tyrimą, analizuojamieji kreipiniai buvo suskirstyti į keturias grupes pagal kreipinio adresanto ir adresato amžių: a) kreipinius, vartojamus suaugusiųjų ir skirtus suaugusiesiems; b) kreipinius, vartojamus suaugusiųjų ir skirtus vaikams; c) kreipinius, vartojamus vaikų ir skirtus suaugusiesiems, ir d) kreipinius, vartojamus vaikų ir skirtus bendraamžiams. Tokiu būdu siekta išnagrinėti, kaip spontaninėje šnekamojoje kalboje kreipiamės į pašnekovus, vaikai perima ir pritaiko kreipinių vartojimo modelį. Gauti rezultatai rodo, kad visų tiriamųjų grupėse, nepriklausomai nuo jų pašnekovų amžiaus, dominuojanti leksinė semantinė kreipinių grupė yra asmens vardas, palyginti dažnai vartojami giminystės ryšį nurodantys žodžiai. Visose tiriamųjų grupėse nežymėtoji kreipinių forma yra nedeminytinė, išimtį sudaro tik vaikiškojoje kalboje vartojami (mažiems vaikams skirti) kreipiniai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: sakinės kalbos tyrimai, tekstynų lingvistika

Norėdami sėkmingai pradėti pokalbį, pirmiausia turime atkreipti pašnekovo dėmesį: užmegzti akių kontaktą, išarti mandagumo frazę, pašaukti pašnekovą vardu ar pasinaudoti kokiu nors kitu kalbiniu ar nekalbiniu būdu. Manoma, kad efektyviausias dėmesio atkreipimo būdas – tinkamas kreipimasis į būsimą pašnekovą (McTear 1985, p. 43), o tinkamu laikomas toks kreipinys, kuris atitinka pokalbio situaciją, pašnekovo socialinius vaidmenis ir socialinę distanciją, kalbinei visuomenei būdingą mandagumo sampratą bei pašnekovo kalbinę ir komunikacinę kompetenciją. Vienais atvejais kreipiamės į pašnekovą vardu, kitais – nurodome giminystės ryšį (*mama, seneli*), užimamas pareigas (*direktorium, dėstytoja*), demonstruojame teigiamas emocijas ir nuostatas adresato atžvilgiu (*zuiki, širdelė*) ir t. t. Priklausomai nuo pokalbio situacijos, vartojame vienaskaitos (*tu*) ar daugiskaitos (*jūs*) formą, kreipiamės vienu žodžiu arba vartojame įvairias konstrukcijas, renkamės paprastąją arba deminytinę kreipinio formą. Šie gebėjimai išryškėja jau ankstyvoje vaikystėje, ir, nors kai kurie kreipinių vartojimo aspektai, kaip pvz., tinkamas vienaskaitos arba daugiskaitos formos pasirinkimas, vaikams yra sunkiau suvokiami, matyti, kad trejų–ketverių metų vaikai dažniausiai jau geba diferencijuoti pašnekovus pagal socialinius vaidmenis ir tinkamai parinkti kreipinius (Andersen 1978, cituojama iš Foster 1990, p. 127). Vaikai įgyja šių gebėjimų kasdien stebėdami ir patys dalyvaudami įvairiose komunikacinėse situacijose, be to, tėvai dažniausiai paaiškina vaikams, kaip reikėtų ar nereikėtų kreiptis į tam tikrus asmenis, pvz., latvių lingvistė V. Rūķe-Draviņa, aptardama vaikų vartojamas leksemas *mama* ir *tėtis*, nurodo, kad tiriamasis vaikas bandė kreiptis į mamą formaliuodami kreipiniu *motina*, tačiau tėvams rodant akivaizdų nepasitenkinimą netrukus liovėsi (1976, p. 162–163). Žinoma, didžiulę įtaką kreipinių vartojimui vaikystėje daro *vaikiškoji kalba* – ypatinga kalbos atmaina, kurią vartoja suaugusieji, kalbėdami su vaikais: kalbėdami su vaikais, tėvai dažniausiai vadina save ne įvardžiu *aš*, o savęs įvardijimais *mamytė, tėvelis*, tad šį modelį netrukus perima ir vaikas (Savickienė 1999, 2003; Balčiūnienė 2009, p. 46). Taip pat labai svarbi ir šeimos kalbinė aplinka, mandagumo samprata: nors kai kurios šeimos laikosi taisyklės kreiptis į tėvus daugiskaitos forma *jūs*, vis dėlto daugumoje šeimų ir tėvai, ir vaikai kreipiasi vieni į kitus vartodami vienaskaitos formą, o daugiskaitą renkasi kalbėdami su mažiau pažįstamais, vyresniais ir aukštesnį socialinį statusą turinčiais asmenimis.

Veiksnių, lemiančių kreipinių vartojimą, įvairovė paskatino atidžiau pažvelgti, kokius kreipinius lietuviai dažniausiai vartoja kalbėdami su suaugusiais šeimos nariais, kaip jie renkasi kreipinius, skirtus vaikams ir kaip kreipinius įsisavina vaikai. Taigi šio straipsnio t i k s l a s – apžvelgti suaugusiųjų ir vaikų kreipinius, vartojamus bendraujant su suaugusiais pašnekovais ir su vaikais. Atliekant numatytą tyrimą, buvo sudarytos keturios tiriamųjų grupės pagal tai, kam adresuoja kreipinius:

- a) suaugusieji, kalbantys su suaugusiais pašnekovais;
- b) suaugusieji, kalbantys su vaikais;
- c) vaikai, kalbantys su suaugusiais pašnekovais;
- d) vaikai, kalbantys su bendraamžiais vaikais.

Kiekvienos tiriamųjų grupės kalbos duomenys buvo paimti iš atskirų sakininės lietuvių kalbos duomenų bazės dalių:

a) suaugusiųjų, kalbančių su suaugusiais pašnekovais (šeimos nariais) kalbos duomenys imti iš *Sakininės lietuvių kalbos tekstyno*¹ dalies, kurioje sukaupti spontaniškos šnekamosios kalbos (pokalbių, vykstančių privačioje aplinkoje, bendraujant su šeimos nariais, draugais ir pan.) duomenys.

b, c) suaugusiųjų, kalbančių su vaikais, ir vaikų kalbančių su suaugusiais, kalbos duomenys buvo imti iš dviejų lietuvių vaikų, mergaitės ir berniuko, ilgalaikio kalbos raidos stebėjimo tekstyno²;

d) vaikų, kalbančių su vaikais, kalbos duomenys buvo imti iš priešmokyklinio amžiaus vaikų kalbos tekstyno³.

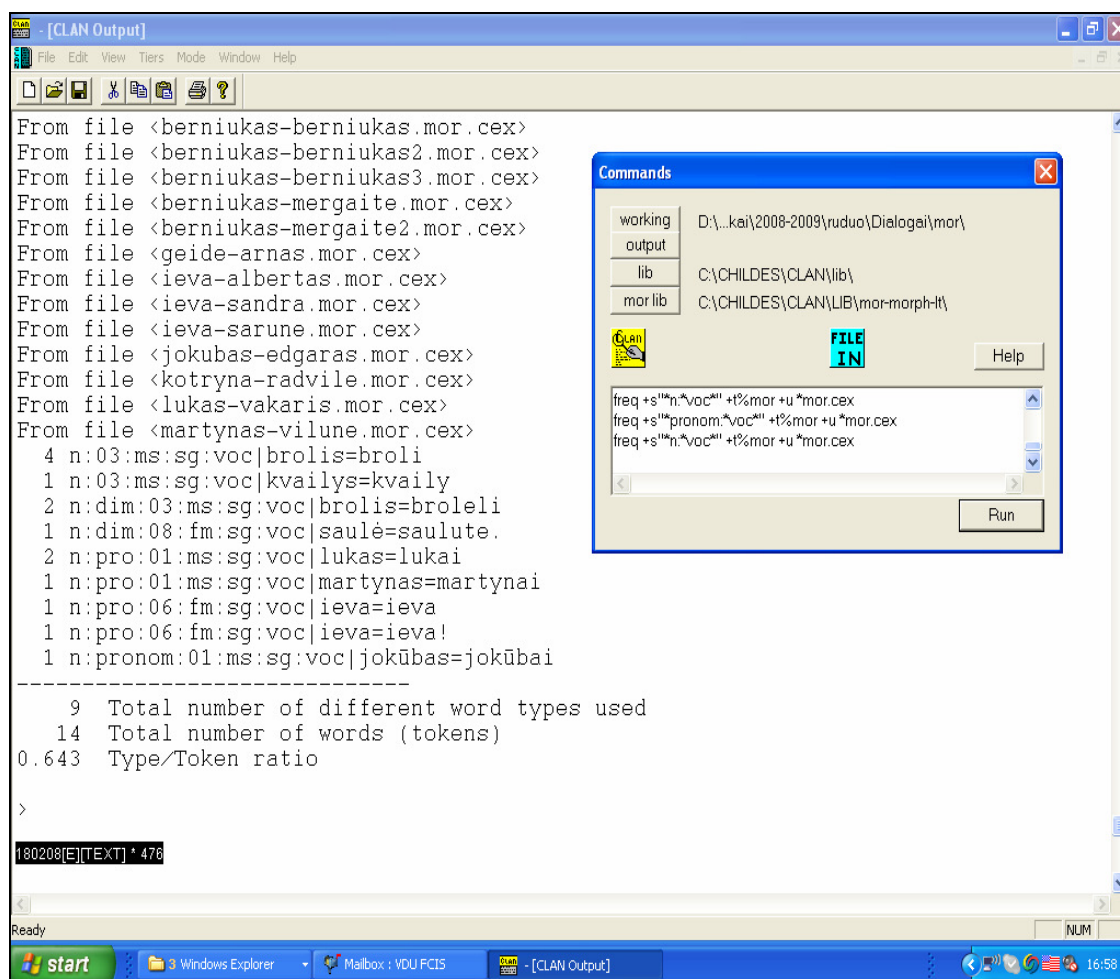
Visi šie kalbos duomenys yra apdoroti laikantis bendros *sakininės kalbos* duomenų kaupimo metodikos (Kamandulytė, Savickienė 2008), naudojant tą pačią CHILDES programą, taigi yra lengvai ir objektyviai palyginami tarpusavyje.

Tyrimo m e d ž i a g a sudarė kiekvienos tiriamųjų grupės pavartoti kreipiniai (šauksmininko formos daiktavardžiai). Programa CHILDES apdorojant ir kalbinei analizei ruošiant kalbos duomenis, visi pokalbiuose pavartoti žodžiai užkoduojami morfologiškai (specialiais ženklais pažymimos visos kiekvieno žodžio gramatinės charakteristikos, kad vėliau programa galėtų jas automatiškai atpažinti, plačiau žr. Kamandulytė, Savickienė 2008, Balčiūnienė 2009), taigi atliekant automatinę analizę programa išrenka visus žodžius ar jų formas, pasižyminčias nurodytomis gramatinėmis charakteristikomis. Tiriamuoju atveju programa automatiškai būdu išrinko visuose tiriamuosiuose pokalbiuose esančius kreipinius (žr. 1 pav.).

¹ *Sakininės lietuvių kalbos tekstynas* sukurtas ir tobulintas Vytauto Didžiojo universitete, kartu su partneriais vykdant projektus „Šnekamosios lietuvių kalbos tekstynas: skaitmeninimas ir gramatinis anotavimas“ (2006), „Sakininės lietuvių kalbos tekstyno kūrimas“ (2007–2008) ir „Leksinės ir gramatinės sakininės kalbos ypatybės: tekstyno analizė“ (2009), finansuotus Lietuvos VMSF. Išsami informacija apie tekstyną ir prieigą prie automatinės kiekybinės analizės priemonių pateikiama Vytauto Didžiojo universiteto internetinėje svetainėje adresu

² Lietuvių vaikų kalbos duomenų kaupimas taikant *ilgalaikio stebėjimo* metodą buvo pradėtas Vytauto Didžiojo universitete 1993 m. Šiuo metu yra sukaupti ir visapusiškai kalbinei analizei paruošti keturių lietuvių vaikų (dviejų berniukų ir dviejų mergaičių) kalbos duomenys, dar dviejų vaikų kalba įrašinėjama ir apdorojama specialiomis kompiuterio programomis. Naudojantis šia duomenų baze, atliekami įvairūs vaikų ir vaikiškosios kalbos natūralios raidos tyrimai: išsamiai išanalizuotas lietuvių kalbos daiktavardžių (Savickienė 1999, 2003), veiksmažodžių (Wójcik 2000) morfologijos, būdvardžio morfosintaksės (Kamandulytė 2010) įsisavinimas, vaiko ir tėvų pokalbio struktūra (Balčiūnienė 2009).

³ Priešmokyklinio amžiaus vaikų kalbos duomenys sukaupti Vytauto Didžiojo universitete vykdant projektą „Lietuvių vaikų kalba: įtakos ir tendencijos“ (2009–2011 m., finansuojamas LMT). Projekto tyrimui sukauptą vaikų kalbos duomenų bazę sudaro Kauno miesto mokyklų ir darželių auklėtinių monologų ir dialogų įrašai. Šiame straipsnyje analizuojama dalis visų turimų įrašų – vaikų dialogai, sukaupti taikant *bendros veiklos* metodą: tiriamieji vaikai sugrupuojami poromis, kiekvienai porai duodamas pieštukų rinkinys, nespaltvotas piešinys ir paprašoma per dešimt minučių kuo gražiau jį kartu nuspalvinti. Vaikai paliekami vieni dešimčiai minučių, jų pokalbis įrašinėjamas diktofonu. Toks duomenų rinkimas leidžia sukaupti natūralios vaikų kalbos, laisvo bendravimo pavyzdžių.

1 paveikslas. CHILDES programa išrinktų kreipinių pavyzdys

Kadangi sakininės kalbos duomenų bazės dalys, iš kurių imta tyrimo medžiaga, yra nelygiavertės duomenų apimtimi, atrinktieji kreipiniai taip pat netolygiai pasiskirsto pagal tiriamųjų grupes (žr. 1 lentelę): didžiausią dalį sudaro vaikų ir tėvų pokalbiuose vartojami kreipiniai, mažiau kreipinių rasta suaugusiųjų tarpusavio pokalbiuose, mažiausiai – vaikų tarpusavio pokalbiuose.

1 lentelė. Tyrimo medžiagos pasiskirstymas pagal tiriamųjų grupes

Tiriamųjų grupė	Pavartotų kreipinių skaičius
Suaugusieji, kalbantys su suaugusiais pašnekovais	371
Suaugusieji, kalbantys su vaikais	1210
Vaikai, kalbantys su suaugusiais pašnekovais	37
Vaikai, kalbantys su vaikais	52

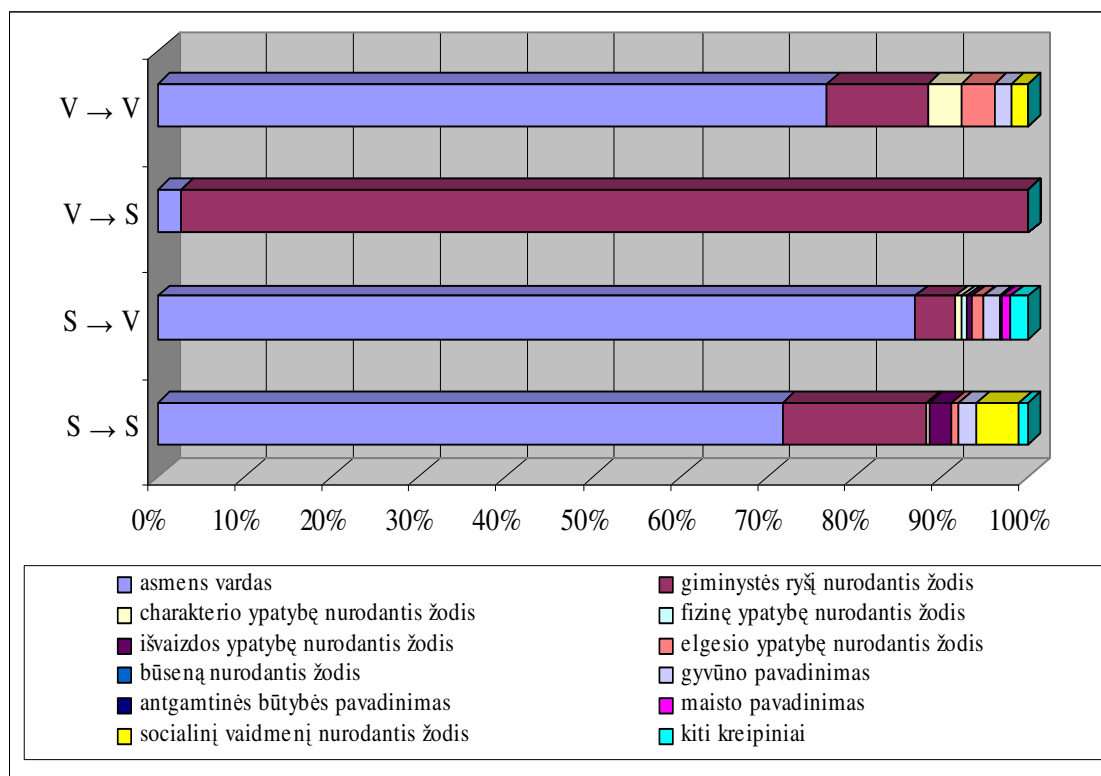
Siekiant objektyviau palyginti skirtingų tiriamųjų grupių vartojamus teiginius, tyrimo rezultatai toliau pateikiami procentine išraiška.

Atrinktųjų kreipinių analizė buvo atlikta dviem aspektais:

- ištirtos leksinės kreipinių ypatybės: nustatyta, kokioms leksinėms grupėms priklauso analizuojami kreipiniai, kokia emocinė konotacija būdinga šių kreipinių leksinei reikšmei;
- ištirtos morfologinės kreipinių ypatybės: nustatytas deminutyvinės ir nedeminutyvinės kreipinių formos dažnumas ir pasiskirstymas tiriamųjų grupėse.

Tokio pobūdžio analizė leido visapusiškai ištirti tiriamųjų vartojamus kreipinius, nustatyti kreipinių formos pasirinkimą priklausomai nuo pašnekovo amžiaus. Remiantis ankstesnių tyrimų rezultatais (Savickienė 1999, 2003, Kamandulytė 2005, Balčiūnienė 2009 ir kt.), galima numanyti, kad tėvai, bendraudami su vaikais, dažnai vartoja deminutyvines kreipinių formas, renkasi teigiamą emocinę konotaciją turinčius žodžius, taip pat natūralu tikėtis, kad šie kreipiniai vyrauja ir mažų vaikų kalboje. Atliktas tyrimas patvirtino daugumą šių teiginių, tačiau atskleidė ir naujų dalykų.

L e k s i n ė k r e i p i n i ų a n a l i z ė rodo, kad visose tiriamųjų grupėse dažniausiai į pašnekovą kreipiamasi vardu (žr. 2 pav.):

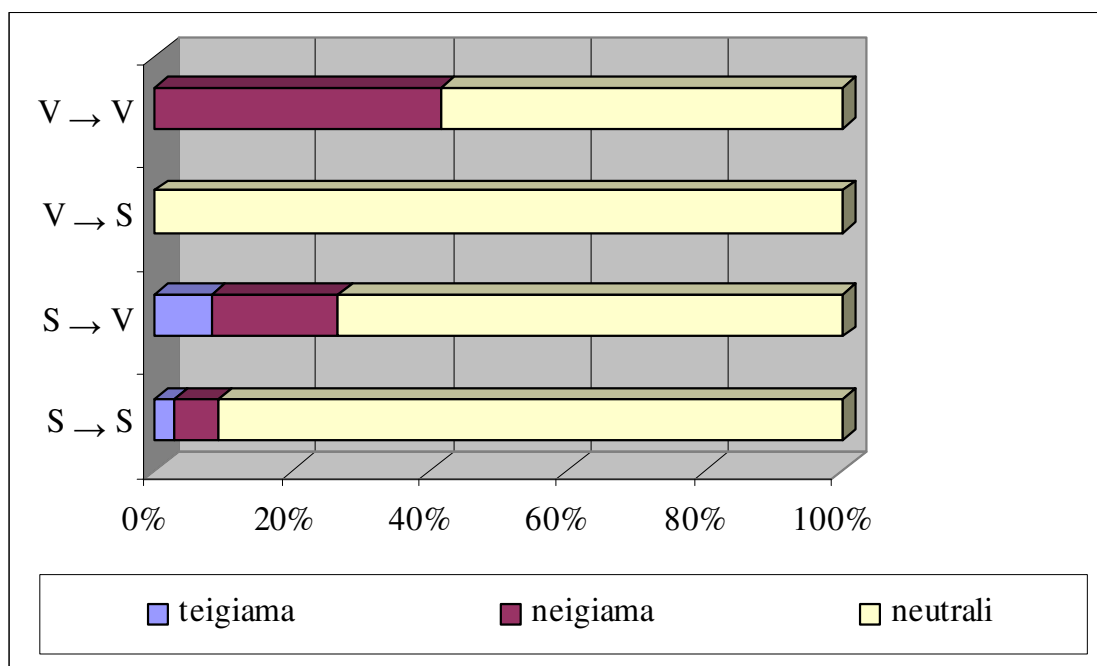
2 paveikslas. Tiriamųjų vartojamų kreipinių leksinės semantinės grupės

Kalbant su suaugusiais pašnekovais, kreipimasis vardu sudaro 68 % visų kreipinių, o kalbant su vaikais – net 83 %. Kadangi ilgalaikio stebėjimo metodu buvo įrašinėjami mažo vaiko (1;8–2;8) pokalbiai su tėvais, tokį dažną vaiko vardo kartojimą galima laikyti priemone papildomai atkreipti ar išlaikyti vaiko dėmesį pokalbio metu. Tikėtina, kad vaikui augant tėvų vartojamų kreipinių pasiskirstymas į leksines semantines grupes turėtų keistis. Suaugusių tiriamųjų kalboje taip pat dažnai vartojami giminystės ryšį nurodantys žodžiai: *mama, sese, vaikelį, babyte* ir kt. Šių kreipinių vartojimą lemia pokalbio situacija: tyrimui buvo pasirinkta *privačių pokalbių* tekstyno dalis, kurią sudaro pokalbiai, įrašyti bendraujant draugams, šeimos nariams, giminaičiams ir pan. Dalį kreipinių sudaro socialinių vaidmenį (socialinį statusą, profesiją ir kt.) nurodantys žodžiai: *ponia, darbininke, mergaitė* ir kt. Reikia paminėti, kad šios grupės kreipiniai dažniausiai vartojami kreipiantis ne į asmenį, o į grupę žmonių: *merginos, vyrai, panos* ir kt. Taigi šiais žodžiais ne tik kreipiamasi į pašnekovus, bet nurodomas jų priklausymas tam tikrai visuomenės grupei. Kalbėdami su vaikais, suaugusieji, kaip jau minėta, dažniausiai kreipiasi vardu arba vartoja giminystės ryšį nurodantį žodį: *vaikė, vaikelį, dukrytė* ir kt. Kalbėdami su vaiku, tėvai dažnai vadina jį įvairių gyvūnų pavadinimais (*varliuk, vabalėli, katinėli*), nurodo pokalbio situacijai būdingą vaiko elgesį (*pamaivėli, besotė*), būseną (*pavargėli*), išvaizdą (*basakoje, veltenuk*), fizinę ypatybę (*šaltaranke, sunkenybe*). Dalį kreipinių sudaro pačių tėvų sugalvoti

ar perkurti žodžiai (*špicbukėli, kukuliuk*), netgi maisto produktų (*šokolade, kukuli*) ar vaisių (*obuolėli*) pavadinimai.

Kalbėdami su vaikais, tiriamieji vaikai taip pat dažniausiai kreipiasi vardais, keletą kartų buvo pavartotas giminystės ryšį nurodantis žodis *broli*. Tiriamieji vaikai nėra giminaičiai – viena tiriamųjų pora buvo berniukai, gimę tą pačią dieną ir dėl to vadinantys save *broliais*, taigi toks kreipinio vartojimas gali būti laikomas žaidimu. Vis dėlto vaikams, matyt, smagu susikurti tapatybę ir atlikti pasirinktąjį vaidmenį. Keletą kartų buvo pavartoti kreipiniai *baile, miegaliau, kiaule* – kadangi, kaip minėta, vaikams buvo skirta užduotis, natūralu, kad stengdamiesi kuo geriau ją įvykdyti vaikai neišvengė konfliktinių situacijų ir nemandagių kreipinių. Vieną kartą buvo pavartotas socialinį vaidmenį nurodantis žodis *kolega*, kurį tikriausiai taip pat reikėtų laikyti tam tikro žaidimo ar vaidmens dalimi: vaikai kartu atlieka užduotį, taigi šioje situacijoje yra *kolegos*. Kalbėdami su suaugusiaisiais, vaikai dažniausiai kreipiasi į juos giminystės ryšį nurodančiais žodžiais *mama, tėti, močiute*. Buvo užfiksuotas vienas bandymas kreiptis į mamą vardu, tačiau šis atvejis priklauso ankstyvajam kalbos įsisavinimo laikotarpiui, taigi galima laikyti jį nesklandumu, kilusiu dėl nepakankamos kalbinės ir komunikacinės kompetencijos.

Tiriant suaugusiųjų ir vaikų vartojamų kreipinių leksinę reikšmę, įdomu paanalizuoti, kokia emocinė konotacija jai būdinga. Natūralu tikėtis, kad siekdami sėkmingos komunikacijos pašnekovai turėtų vartoti mandagius, t. y. neutralius arba teigiamai konotuosius kreipinius, tačiau atliktas tyrimas šį spėjimą patvirtina tik iš dalies (žr. 3 pav.).

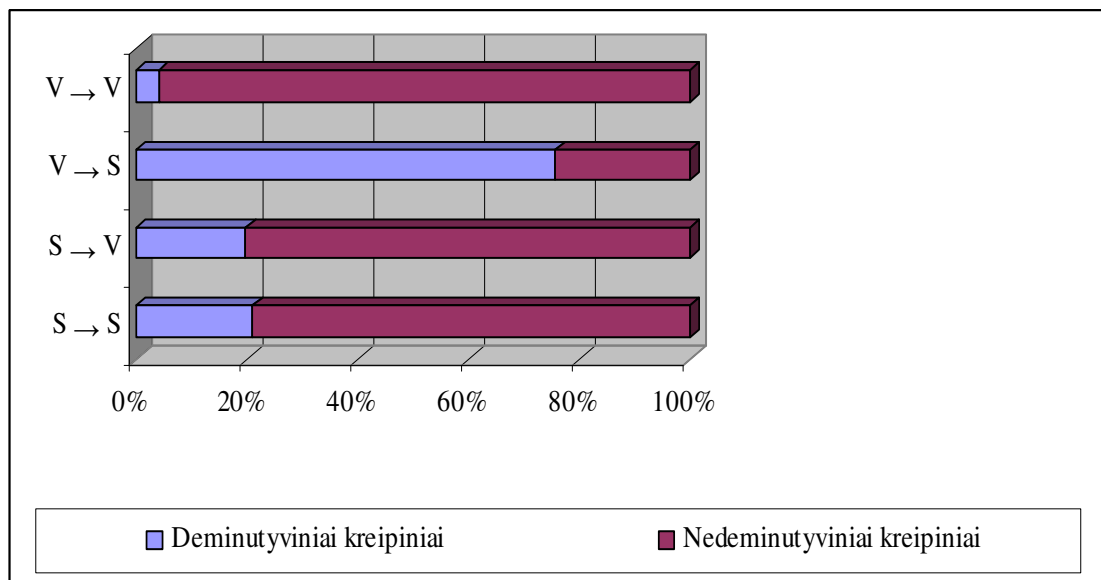

3 paveikslas. Tiriamųjų vartojamų kreipinių (bendrinių daiktavardžių) leksinės reikšmės emocinė konotacija

Kiekybinė kreipinių analizė rodo, kad visose tiriamųjų grupėse dažniausiai vartojami neutralūs (neturintys emocinės konotacijos) kreipiniai, tačiau suskaičiavus vartojamas leksemas paaiškėja, kad suaugusiųjų kalboje, skirtoje vaikams, beveik pusė leksemų yra neigiamos emocinės konotacijos. Tėvai, kalbėdami su vaiku, dažnai vadina jį tokiais žodžiais: *besotė, pamaiva, išdykėlis, zirzalas, seilius, plikšis, vargelis, veltena* ir kt. Tokie rezultatai atrodo netikėti ir nederantys pokalbiui su mažu vaiku, tačiau iš tiesų beveik visi šie žodžiai vartojami ne tik paprastąja, bet ir deminutyvine forma

(*pamaiva* ir *pamaivėli*, *seiliau* ir *seiliuk*, *veltena* ir *veltenuk*), o kai kurie – tik deminutyvines forma (*spurduliuk*, *vargeli*), ir deminutyvinė forma visiškai neutralizuoja neigiamą emocinę konotaciją.

Morfologinė kreipinių analizė parodė, kad beveik visose tiriamųjų grupėse neįdomioji kreipinių forma yra nedeminutyvinė (žr. 4 pav.).

4 paveikslas. Tiriamųjų vartojamų kreipinių deminutyvinių ir nedeminutyvinių formų pasiskirstymas

Kalbėdami su suaugusiais pašnekovais, suaugusieji vartoja žymiai daugiau paprastųjų formų, taip pat elgiasi ir vaikai – tiek kalbėdami su suaugusiais, tiek su bendraamžiais pašnekovais. Deminutyvai gausiau vartojami tik kalbant su mažais vaikais – sudaro 66 % visų kreipinių. Deminutyvines ar nedeminutyvines formas rinkimasis šiek tiek priklauso nuo daiktavardžio rūšies: asmenų vardai žymiai dažniau (84 %) vartojami paprastąja forma, o bendriniai daiktavardžiai dažniau (61 %) deminutyvizuojami. Matyt, tai susiję su jau aptartu reiškiniu – neigiamą emocinę konotaciją turinčių kreipinių vartojimu: kreipiantis į pašnekovą tokiais žodžiais, deminutyvinė forma kai kuriais atvejais yra būtina, kad neutralizuotų neigiamą emocinę konotaciją.

Kalbėdami su suaugusiais (tėvais, seneliais), vaikai žymiai dažniau vartoja deminutyvines kreipinių formas – tikriausiai tai lemia vaikiškosios kalbos įtaka. Tėvai, kalbėdami su vaiku, save dažnai vadina deminutyviniais žodžiais *matytė*, *tėvelis*, taigi šiuos žodžius perima ir vaikas. Tikėtina, kad vaikui augant jo kalboje turėtų dažnėti nedeminutyvines kreipinių formas. Vaikai, kalbantys su bendraamžiais, vartoja beveik vien nedeminutyvines kreipinių formas: jų kalboje neužfiksuota nė vieno tikrinio deminutyvinio daiktavardžio, tik keletą kartų pakartotas kreipinys *broleli*.

Apibendrinant suaugusiųjų ir vaikų vartojamus kreipinius, galima daryti dvi išvadas. Pirma, tyrimų rezultatai rodo, kad vaikų kalboje kreipinių vartojimui didelę įtaką daro kalbinė aplinka: mokymasis tinkamai kreiptis į pašnekovus, vaikas bando pritaikyti kasdien girdimos suaugusiųjų kalbos modelį – kreipiasi į tėvus deminutyvinėmis daiktavardžių formomis, ankstyviausiu laikotarpiu bando vadinti tėvus vardais. Vėliau, vaikui augant, kreipinių forma tikriausiai keičiasi ir artėja prie įprastos suaugusiųjų kalbos. Antra, gauti rezultatai rodo, kad suaugusiųjų kalboje vartojamų kreipinių formai įtakos turi rūšys – priklausymas bendrinių arba tikrinių daiktavardžių grupei. Kreipdamiesi į pašnekovus vardais, suaugę tiriamieji dažniausiai vartoja paprastąją kreipinių formą, vartodami bendrinius daiktavardžius – dažniau juos deminutyvizuodavo. Šią tendenciją galima paaiškinti tuo, kad bendrinių daiktavardžių leksinei semantinei reikšmei neretai būdinga neigiama emocinė konotacija, taigi deminutyvinė forma vartojama, kad sušvelnintų at neutralizuotų šią konotaciją.

Literatūra

- BALČIŪNIENĖ, I., 2009. *Pokalbio struktūros analizė kalbos įsisavinimo požiūriu*. Daktaro disertacija. Kaunas: VDU.
- FOSTER, S. M., 1990. *The communicative competence of young children; a modular approach*. London & New York: Longman.
- KAMANDULYTĖ, L., 2005. *Vaikiškosios kalbos modifikacijos*. Magistro darbas. Kaunas: VDU.
- KAMANDULYTĖ, L.; SAVICKIENĖ, I., 2008. The Corpus of Spoken Lithuanian: Methodology and Development. *Proceedings on the Third Baltic Conference on Human Language Technologies 2007*. Vilnius: LKI. P. 127–134.
- McTEAR, M., 1985. *Children's conversation*. Oxford: Basil Blackwell.
- RŪKE-DRAVIŅA, V., 1976. 'Mama' and 'papa' in child language. *Journal of Child Language*, 1976 (3). P. 157–167.
- SAVICKIENĖ, I., 1999. *Lietuvio vaiko daiktavardžio morfologija*. Daktaro disertacija. Kaunas: VDU.
- SAVICKIENĖ, I., 2003. *The Acquisition of Lithuanian Noun Morphology*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Ingrida Balčiūnienė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: psycholinguistics, child language, acquisition of communicative competence

FORMS AND FUNCTIONS OF VOCATIVES IN SPOKEN LITHUANIAN

Summary

The main morphological and lexical features of the vocatives are presented in the paper. The vocatives were analyzed according to the methodology of corpus linguistics (using Child Language Data Exchange System CLAN tools), and the analysis is based on the data of Lithuanian spoken language. The data were divided into four target groups according to the addresser's and addressee's age: a) vocatives that are used by children and addressed to children; b) vocatives that are used by children and addressed to adults; c) vocatives that are used by adults and addressed to children; and d) vocatives that are used by adults and addressed to adults. The aim of the investigation was to identify the most frequent forms of vocatives that are used in spoken Lithuanian and to compare them between the target groups. Concerning the results, the following statements can be presented: proper names are the most frequently used form of vocatives, as well as kinship terms, irrespective of the addresser and the addressee; non-diminutives are the unmarked form of vocatives in all target groups, except the vocatives that are addressed to young children.

KEY WORDS: spoken language, corpus linguistics.

Ольга Быкова

Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина
пр. Грушевского 44-102, 32300 Каменец-Подольский, Хмельницкая обл., Украина
Тел. 8-097-827-10-14

Эл. почта: *sonce01_84@mail.ru*

Научные интересы: проблемы развития современных информационных жанров журналистики в украинской прессе

ПРОФЕССИЯ РЕПОРТЕР – ПРИЗВАНИЕ, СПОСОБНОСТИ, МАСТЕРСТВО

В статье рассматривается специфика профессии газетного репортера как сочетание двух очень непохожих видов деятельности – сбор новостей и написание материала.

Основной акцент делается на том, что в каждом репортаже должна чувствоваться авторская индивидуальность, его мастерство. Мастерство автора при композиционной разработке текста заключается в том, что из многочисленных средств художественно-образного изображения действительности были подобраны лишь те, которые наиболее полно и наиболее ярко изобразят конкретное явление, событие или ситуацию.

Особенное внимание в статье уделяется литературным способностям журналиста, которые проявляются в умении удачно использовать в своем материале яркие метафоры, неожиданные ассоциации, сюжетные ходы, широко применять языковое богатство.

Отдельно речь идет о том, что работа газетного репортера – одна из самых тяжелых, поскольку сама специфика их труда требует личного присутствия в экстремальных ситуациях. Автор статьи придерживается мысли, что репортерами не становятся в результате высокопрофессионального образования, а репортерами рождаются. Ведь каким бы качественным не было профессиональное образование, оно не может заставить человека добровольно работать в режиме ненормированного рабочего дня, осознано подвергать себя опасности, рисковать своей жизнью и здоровьем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репортер, репортаж, газета, мастерство, призвание, способности.

Журналист, который работает в жанре репортаж или в своей деятельности использует репортажные методы, называется репортером. Сам термин «репортер» (от. англ. reporter – информирую, сообщаю), по мнению составителей энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, возник, когда специальные группы журналистов в Англии в XIX веке стали освещать ход событий в английском парламенте и суде на страницах британских газет (Брокгауз, Ефрон 1899, с. 601). Но эта версия не раз пересматривалась. В частности, украинскому исследователю М. Василенку более вероятной и такой, которая отвечает специфике репортерского труда, выдается другая теория. Он отмечает: «Репортерство как массовая профессия возникло одновременно в промышленно развитых странах Западной Европы и в США во второй половине XIX ст. со временем «подавления» промышленной революции и ее составляющей части – резкого роста тиражей печатных изданий. Репортеры стали освещать ход всех событий, которые происходили в тогдашнем обществе. Причем, в этом случае от них требовали минимум аналитики, лишь умение быстро и четко, выразительно и ярко передавать события, свидетелем которых становился сам репортер» (Василенко 2006, с. 119).

Особенного развития репортерство достигло в США в период гражданской войны Севера и Юга (1861-1865 гг.). Репортер становится самым заметным лицом в журналистике, от его оперативности и умения добывать интересные материалы зависит успех издания. Именно американские репортеры в 1880-х гг. положили начало так называемой «новой

журналистике». Как раз в это время на страницах американских газет начали печататься сенсационные и остросоциальные материалы. Лидерами тогдашней американской прессы были такие издания, как «The New York Journal» (владелец Вильям Рендольф Херст) и «The New York World» (владелец Джозеф Пулитцер). На страницах «New York World» часто печатались «динамические репортажи», неотъемлемые от «детективного» аспекта освещения материала, написание которых требовало от репортеров едва не сверхчеловеческих усилий. Так, первая женщина-репортер Нелли Блай (настоящее имя Элизабет Кокрейн), притворяясь безумной, попала в нью-йоркскую психиатрическую больницу. За десять дней пребывания в сумасшедшем доме журналистка много чего увидела: персонал больницы пьянствовал, санитары били больных, а за неповиновение бросали их в карцер, медикаментов на лечение не хватало, а те, что закупались, тут же разворовывались. Выйдя из больницы, Нелли Блай опубликовала репортаж, в котором сообщалось о том, что больные живут в нечеловеческих условиях – холод и грязь в палатах, невыносимая вонь, скудное питание, постоянные издевательства медперсонала. Репортаж оказался чрезвычайно эффективным – наиболее одиозных лиц уволили, полностью сменили штат охраны, за госпиталем был усилен надзор общественных организаций и попечительских обществ, на улучшение условий содержания больных выделили целых три миллиона долларов.

Репортеры изданий «New York World» и «New York Journal» сформировали собственную школу журналистского мастерства, где каждому журналисту были присущи такие классические черты репортерства, как умение всегда своевременно успевать на место события, оперативно описывать факт, быть настойчивым и, если нужно, безапелляционным, когда речь идет о корпоративных интересах (Михайлов 2004, с. 174-175).

Современный репортер в газете – фигура самая заметная. Ведь именно от качества и оперативности его работы во многом зависит то, какими новостями будет насыщен очередной выпуск издания. Благодаря репортерам читатель может из первых рук получить самую важную и социальнозначимую информацию, узнать о наиболее интересных событиях, наконец, познакомиться с первыми откликами и мнениями по поводу тех или иных происшествий или мероприятий.

Часто люди, не связанные с журналистикой, ошибочно полагают, что репортеру прежде всего необходимо умение хорошо писать. На самом деле, литературное мастерство далеко не наибольшая часть его работы. Ведь профессия газетного репортера – это сочетание двух очень непохожих видов деятельности – сбор новостей и написание материала. Часть этой работы осуществляется на улице, часть — в редакции. За письменным столом в редакции журналист занимается литературным трудом – пишет репортаж. На улице же репортер – неутомимый охотник за фактами, из которых потом ему нужно будет составить рассказ о событии.

Задание современных репортеров в печатных СМИ – узнавать. Репортеров интересует все, что вокруг происходит: они первыми появляются на месте события, первыми пытаются разобраться в том, что произошло, чтоб первыми донести информацию к своей аудитории.

Репортеры газеты, выходя на поиски информации, уподобляются сыщикам. Они расследуют каждый «ключ» содержащийся в самой первоначальной наколке и каждый «ключ» открытый ими самими в ходе расследования. Они расследуют каждый факт, пока не появится достаточная уверенность, что раскручен весь клубок. Может оказаться, что результат такого расследования не стоит упоминания о нем в газете, или же он может заслуживать места на первой полосе, но и в том, и в другом случае репортер должен разузнать о событии всё. Репортер всегда должен держать ухо востро, чтобы не пропустить информацию о каком-то неожиданном событии, и либо сам разузнать о нем все, либо немедленно сообщить о интересном факте редактору. Именно так газете удается получить фору перед своими конкурентами, сообщив о событии раньше, чем о нем узнали в других редакциях.

Итак, хотя сбор информации и ее изложение на бумаге тесно между собой переплетены, для каждого из этого вида деятельности нужны свои способности, каждому нужно отдельно учиться.

Основные навыки, которыми должен обладать репортер, – это те, что помогают докопаться до наилучшей из возможных версий правды. Как отмечал британский журналист Дэвид Рэндалл, «чтобы стать хорошим репортером, требуется немало умений и навыков выяснять нечто и должным образом это фиксировать. Сверх того, необходимо кое-какое техническое оборудование и немалая духовная культура. И наконец, чтобы стать хорошим репортером, нужно иметь подходящий характер» (Рендолл 2007, с. 12).

Практически каждый человек при желании может стать неплохим репортером. Но чтобы подняться над этим уровнем, чтобы стать хорошим или превосходным репортером, нужно обладать подлинным талантом и склонностью к расследованиям и их изложению на бумаге. Кроме того, репортер должен обладать коммуникативными, интеллектуальными и литературными способностями.

Основной способностей служит интеллект, обуславливающий усвоение репортером знаний и опыта, их сохранение, использование в практике. Работа репортера в периодическом издании ориентирована на познание быстро изменяющейся социальной реальности. Поэтому журналист должен уметь мгновенно оценивать значимость тех или иных фактов, на ходу анализировать ситуацию, которая динамично разворачивается на его глазах, принимать правильные решения, с максимальной оперативностью собирать и обрабатывать информацию. Репортер должен обладать всесторонними знаниями, постоянно работать над их расширением и обогащением.

Репортер должен обладать нестандартностью мышления. Он должен уметь найти оригинальный подход к освещению событий, преодолевать ограничения, связанные со спецификой определенной ситуации, воспитать уважение не только к факту, но и к точному теоретическому знанию, раскрывающему глубинное содержание этого факта.

Репортер приобретает профессиональный опыт, повседневно овладевая искусством общения, ведь большую часть своего времени он тратит на общение с героями своих будущих произведений. Репортеру приходится играть различные коммуникативные роли. Так, например, журналист газеты «Информатор» Руслан Оруджев выступал в качестве продавца на рынке, нищего, просящего милостыню, могильщика-землекопа. Подобного рода перевоплощения, как отмечает М. Ким, «возможны только в том случае, если репортер хорошо изучил повадки и язык своих социальных типажей, характерные особенности образа их жизни, их жизненные стратегии... Все эти знания способствуют развитию коммуникативных способностей журналиста» (Ким 2005, с. 6).

Многочисленные контакты, разнообразие круга общения обогащают жизненные впечатления журналиста и делают насыщенной профессиональную биографию. Повседневное общение с различными людьми также многому учит, увеличивает эффективность общения. Нарастает потенциал понимания других людей, вырабатываются навыки снятия напряжения и отрабатываются способы принятия другого человека, увеличиваются уровни контроля над ситуацией и влияния на ее исход.

Литературные способности – это высокий уровень развития эстетичных чувств, образная память, образное мышление, наблюдательность, чувство языка, богатая фантазия, глубокий интерес к психологии людей, потребность в самовыражении. Отношение аудитории к тексту, а следовательно к газете и журналу, на чьих страницах он появится, во многом обусловлено речевой культурой репортера. Язык и стиль автора, умение изложить свою мысль и раскрыть позицию другого, способность точно и ярко рассказать о событии, передать факт, оценить и объяснить его – важнейшие составляющие профессионализма. Совершенное владение словом для журналиста обязательно. Особенно сегодня, когда в украинскую речь вторгается поток иноязычной лексики, когда она засоряется сленговыми и инвективными элементами, что вынуждает лингвистов говорить о феномене «антиграмотности».

Репортаж требует от журналиста владения литературными навыками письма, языкового мастерства. Часто работа репортера в печатном издании соотносится с литературным трудом. Репортерская профессия, которая по своей природе предполагает выявление авторской индивидуальности, помогла многим людям стать известными писателями. Вспомним хотя бы репортажи Д. Рида, М. Твена, Р. Киплинга, Ч. Диккенса, Е. Хемингуэя, Ю. Фучика, Е. Киша, Ж. Сименона, Г. Г. Маркеса. Использование сугубо литературных приемов: ярких метафор, неожиданных ассоциаций, сюжетных ходов, образности, языкового богатства – выводили писателей в ряды лучших репортеров. Итак, дар слова является одним из самых необходимых для профессионала.

Основные требования к репортеру такие:

- *«особенный нюх» на новости.*

Репортеру необходимо уметь отыскивать интересную, актуальную и полезную для читателей информацию, видеть факты, из которых можно построить потенциальный материал, устанавливая связи между разрозненными на первый взгляд данными, которые в действительности являются частями одного целого. Репортер должен уметь отыскивать скрытые от широкой общественности факты, пользоваться методами интервью, чтобы донести эти факты к читателю, находить источники информации, создавать сеть информаторов. Репортер должен часто задавать себе вопросы: Насколько интересной может быть эта история? Насколько ценным будет материал, если я раздобуду всю нужную информацию?;

- *беспрекословная точность.*

Газета должна рассказать о событии с одной единственной точки зрения – беспристрастного наблюдателя. Поэтому репортер должен расспросить десяток людей, сделать поправку на их возбужденное состояние, исключив из их рассказов возможные преувеличения и неточности, свести воедино противоречивые сведения и выбрать из этой смеси точные, по его мнению, факты.

Репортер должен подавать события, явления, предметы именно такими, какими они есть в действительности, рассказывать в своем материале лишь о том, что ему известно наверняка, без украшений и перекручиваний. Репортер должен писать только о том, что знает, а не о том, о чем предполагает. Журналист обязан фиксировать и тщательным образом воспроизводить слова людей (фразы, прямая речь, диалоги). Факты, цифры, названия документов, фамилии, имена, должности стоит приводить только после личной проверки. Репортеру никогда не следует бояться переспросить, обратиться за объяснением к компетентному человеку. Ведь репортаж — это ювелирная точность в воссоздании событий. Другими словами — целостное и четкое изображение того, что случилось. Событие, изложенное журналистом, должно быть написано так, чтобы читатель почувствовал причастность к нему, как будто сам был его свидетелем. Репортер должен быть особенно точным еще и потому, что у него очень мало времени на изучение дела, ведь его материал является немедленным отзывом на событие;

- *ко всем источникам относиться с подозрением.*

Здоровый скептицизм – самое ценное качество репортера, поскольку очень часто ситуация оказывается совсем не такой, какой она казалась на первый взгляд. Репортер не может безоговорочно полагаться на слова собеседников, прежде всего он должен поставить себе такие вопросы: Почему этот человек говорит мне это все? Каковы его мотивы? Откуда ему это известно? При возможности, репортер должен спросить в источники информации, существуют ли документы, которые могли бы подтвердить его слова.

Когда сбор информации завершен или по крайней мере близок к публикации, репортер должен рассортировать беспорядочную кучу собранных фактов (точнее, явных фактов), отбросить незначительные и не имеющие отношения к данному вопросу, свести все оставшееся в четкий рассказ-изложение и представить материал в редакцию в нужный срок. При всем этом журналист никогда не должен забывать о том, что самое главное качество опубликованного материала — его достоверность.;

- *как можно детальнее выучить материал, который связан с темой, вникнуть в суть дела.*

Как отмечает украинский теоретик журналистики И. Прокопенко, «написание репортажа – очень сложный и ответственный творческий труд, который требует от журналиста серьезной предыдущей подготовки, всестороннего ознакомления с темой» (Прокопенко 1959, с. 47). Репортер не может писать материал, если он имеет приблизительное представление о деле. Но журналист не может знать абсолютно все, потому ему необходимо непрерывно, в процессе повседневной работы, компенсировать недостаток знаний. Репортеру необходимо много читать художественной литературы, книжек из истории, политологии, психологии, экономики, социологии, правоведения, математики. Кроме того, журналист должен постоянно наблюдать за жизнью людей, учиться замечать наименьшие детали, которые помогут перенести воображение читателя на место события;

- *ощущение сенсации.*

Газеты хотят получать от репортеров эксклюзивные материалы, свежайшую и самую достоверную информацию об удивительнейших фактах, которые случаются в повседневной жизни. Журналисту очень повезет, если он первым встретит интересного человека, от которого узнает самую полную информацию относительно какого-то необычного события, выявит какие-то неожиданные взаимосвязи в каком-либо явлении, первым раскопает некий удивительный факт. Без этого извечного стремления журналистов чем-то удивить или поразить своих читателей, то есть без неустанного поиска сенсационных фактов и событий, журналистика представляла бы скучнейший и однообразный свод общественно значимых сведений, лишенных человеческих эмоций и страстей. Как метко отмечает российский теоретик журналистики М. Ким, «сенсация, являясь неизменной спутницей репортерства, придает данной профессии тот неповторимый романтизм, без которого она просто немыслима» (Ким 2005, с. 109);

- *ориентация на читателей.*

Чтобы новость заинтересовала многих читателей, репортер должен учитывать, для кого он пишет. Читатель должен понять то, что хотел сказать репортер в своем материале. Потому журналист не имеет права писать о том, чего сам не понял.

Великий английский писатель, публицист и редактор Даниэль Дефо считал совершенным литературным стилем тот, с помощью которого автор, обращающийся к сотням читателей (различным по своим способностям и положению в обществе), может быть понят всеми. Способность создавать текст, понятный аудитории, – один из критериев профессионализма. Это невозможно без понимания того, чем живет аудитория, и без применения особых усилий по созданию рапорта для своих читателей, без заботы по преодолению так называемого коммуникативного диссонанса. Необходимо не только уметь отбирать факты, но и переводить информацию о них на адекватный язык общения.

При написании репортажа нужно использовать простые слова и конструкции предложений, избегая специальных терминов, чтобы любой заинтересованный читатель мог понять материал. Хорошо написанный репортаж — ясный, легко читаемый, в нем используется незамысловатый язык, он поучает и развлекает. Ведь люди читают репортаж для того, чтобы получить ясное и понятное представление о сути события.

Работа газетного репортера – одна из самых тяжелых. Сама специфика их труда требует личного присутствия в экстремальных ситуациях – при землетрясениях, пожарах и наводнениях, в зонах активных боевых действий во время военных конфликтов или противостояний, в местах стихийных бедствий и проявлений социального напряжения, во время катастроф, демонстраций, забастовок, акций протеста. По физическим и психологическим нагрузкам ни одна другая профессия несравнима с профессией репортера. Все это приводит к тому, что, по данным ЮНЕСКО, по продолжительности жизни журналисты занимают второе место после шахтеров. Согласно статистике ЮНЕСКО, в мире ежегодно погибает или пропадает без вести от трехсот до трехсот пятидесяти журналистов.

По данным международной правозащитной организации «Репортеры без границ», в 2009 году 76 журналистов разных стран мира были убиты при выполнении служебных обязанностей. Это на 16 человек больше, чем в предыдущем году.

Репортер – это человек, который делает то, чего читатель при здравом смысле не сделает никогда. Именно поэтому репортерами не становятся в результате высокопрофессионального образования, репортерами рождаются. Каким бы качественным не было профессиональное образование, оно не может заставить человека добровольно работать в режиме ненормированного рабочего дня, осознано подвергать себя опасности, рисковать своей жизнью и здоровьем ради одного единственного материала, быть готовым в любой момент отправиться на задание.

Сами репортерские функции формируют у журналиста такие качества характера, как настойчивость, целенаправленность, честность, любопытство, умение по любой цене достичь цели. Иначе как объяснить поступки многих репортеров, которые для получения информации используют метод «смены маски», перевоплощаясь у представителей разных прослоек общества, или едут в «горячие точки» планеты, чтоб передавать свои репортажи из эпицентра вооруженного конфликта? На подобного рода поступки способны только люди, для которых профессия больше чем профессия.

Журналист должен решить для себя, насколько данная сфера приложения творческих усилий является для него важной и определяющей, насколько соответствует тип его характера типу данной деятельности, наконец насколько его профессиональные притязания и амбиции могут быть реализованы в ходе решения стоящих перед ним задач. Только в этом случае репортер может воспринимать свою профессию не как набор определенных служебных обязанностей, а как деятельность по призванию, от которой он получает не только внешний результат (в виде опубликованного материала), но и чувство внутреннего удовлетворения от самого процесса работы.

Литература

- БРОКГАУЗ, Ф.; ЕФРОН, И., 1899. Энциклопедический словарь. Т. 52, Петербург: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), Фонтанка, с. 601.
- ВАСИЛЕНКО, М., 2006. Динаміка розвитку інформаційних та аналітичних жанрів в українській пресі. Київ: Вид-во Інституту журналістики КНУ імені Тараса Шевченка, 236 с.
- КИМ, М., 2005. Новостная журналистика. Санкт-Петербург: изд-во Михайлова В. А., 352 с.
- КИМ, М., 2005. Репортаж: технология жанра. Санкт-Петербург: изд-во Михайлова В. А., 224 с.
- МИХАЙЛОВ С., 2004. Журналистика Соединенных Штатов Америки. Санкт-Петербург: изд-во Михайлова В. А., 448 с.
- ПРОКОПЕНКО, І., 1959. Репортаж в газеті. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 157 с.
- РЕНДОЛ, Д., 2007. Універсальний журналіст. Київ: «К.І.С.», 288 с.
- ЯХНО, В., 2007. Профессия – репортер. *Совершенно секретно*. № 12 (223), с. 4-35.
- The World Book Encyclopedia, 1994 – World Book, Inc.

Olga Bykova

Kamyanets-Podil'skiy Ivan Ohienko National University, Ukraine

Research interests: problems of development of modern informative genres of journalism in the Ukrainian press.

REPORTER'S PROFESSION: CALLING, CAPABILITIES, MASTERY

Summary

In the article the author examines the particularities of newspaper reporter's profession, which is viewed as a combination of two very different types of activity: collection of news and writing.

It is accentuated that author's individuality, his mastery, must be felt in every report. Excellence in the development of composition is demonstrated when out of numerous means of artistic images of reality the author chooses only those that represent a definite phenomenon, event or situation most vividly.

Special attention in the article is spared to literary capabilities of a journalist. Another issue is that work of a newspaper reporter is one of the most difficult professions, as it requires personal presence in extreme conditions. The author of the article adheres to the idea that one cannot become a reporter as a result of professional education,

reporters are born.. High-quality education cannot compel one to voluntarily work more than office hours, or put one's life and health in danger.

KEY WORDS: reporter, report, newspaper, mastety, calling, capabilities.

Людмила Боярова

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

пл. Свободы 4, 61077 Харьков, Украина

Тел. +38 (057)7075458

Эл. почта: more2@meta.ua

Научные интересы: терминология, социолингвистика

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

В статье обобщается развитие украинской терминологии за определенный отрезок времени (20-е гг. XX ст. – начало XXI ст.). Рассматривается влияние языковой политики на языковое планирование в терминологии и на основные тенденции ее развития. Выделяются три периода в развитии украинской терминологии на основании нескольких взаимосвязанных факторов: языковой политики в Украине, целей языкового планирования в терминологии, критериев нормативности терминологических единиц. Каждый проанализированный период развития национальной терминологии логически соотносится с определенным этапом истории украинского народа и зависит от языковой политики в государстве, которая определяет не только сферы употребления языка, но и материальные формы его существования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: украинская терминология, языковая политика, языковое планирование, критерий нормативности.

В последние годы в украинском языкознании появилось довольно много научных работ, в которых проанализирована языковая политика в Украине в самых разных аспектах, в частности ее влияние на состояние украинского языка (Куць 2004; Лазаренко 2003; Масенко 2004; Масенко 2005; Тараненко 2003 и др.). В этих работах развитие национальных терминосистем не является объектом отдельного анализа, а характеризуются процессы, общие для всех составляющих общелитературного языка. Так, изменения на лексическом уровне, в моделях словообразования, в правописании, которые начались в украинском литературном языке с 90-х гг. XX ст., имеют место и в одной из его подсистем – национальной терминологии. Можно назвать только некоторых ученых, которые акцентируют внимание именно на формировании и функционировании национальных терминосистем в зависимости от определенных теоретических директив и практических действий в обществе относительно языка. Т. Кияк очерчивает в своих работах программу единой языковой политики в Украинском государстве, реализация которой дала бы возможность нормировать современные национальные терминосистемы и выработать принципы стандартизации, собственные стандарты украинских терминов. Заслуживает внимания мысль ученого, что «... роль терминологии, терминосистем, а таким образом, и терминологов на этапах реализации языковой политики является неоспоримой и ответственной» (Кияк 2004, с. 9). Г. Наконечная, анализируя историю и современное состояние украинской научно-технической терминологии, последовательно устанавливает зависимость ее развития от общественно-политических факторов, которые действовали в Украине, в частности от определенной языковой политики (Наконечна 1999). Отдельные замечания ученых относительно проблемы «украинская терминология и языковая политика» и научные труды, посвященные теоретическому и практическому ее решению, являются основанием для дальнейшего синтезированного исследования этой проблемы.

Цель данной статьи – обобщить развитие украинской терминологии в Украине за достаточно большой отрезок времени (20-е гг. XX ст. – начало XXI ст.) в зависимости от языковой политики в Украине.

В научной литературе не всегда различают термины «языковая политика» и «языковое планирование». Мы разграничиваем эти два понятия и «языковую политику»

понимаем как «совокупность идеологических постулатов и практических действий, направленных на регулирование языковых отношений в стране или на развитие языковой системы в определенном направлении» (Українська мова 2004, с. 357), а «языковое планирование» – как разные способы сознательного влияния человека на язык, а также как заранее запланированные изменения его средств и форм. В украинском языкознании издавна господствовало мнение, что языковые процессы можно регулировать, и эту теоретическую установку ученые воплощали в конкретной нормализаторской деятельности относительно украинского языка, в частности его терминологического фонда. «Языковая политика создает предпосылки для того, чтобы языковое планирование могло реализоваться полноценно» (Кияк 2004, с. 8), поэтому «языковое планирование – это конкретное применение языковой политики (Лазаренко 2003, с. 6). Таким образом, «языковая политика» и «языковое планирование» тесно взаимосвязаны, и при анализе национальной терминологии в заданном аспекте их необходимо рассматривать вместе.

В развитии украинской терминологии с 20-х гг. XX ст. мы выделяем три периода на основании следующих взаимосвязанных факторов: 1) языковая политика в Украине, которая определенным образом направляет развитие национальных терминосистем; 2) цели языкового планирования в терминологии; 3) критерии нормативности терминологических единиц, на которые ориентируются субъекты языкового планирования. При анализе поднятой проблемы принимаем во внимание сферу функционирования (устная речь специалистов, научные тексты) и сферу фиксирования терминов (словари, справочная литература). Обе эти сферы значительны для программирования и утверждения качественных изменений в украинской терминологии и тем самым для реализации определенной языковой политики в обществе.

20-е гг. XX ст. – 1933 г. В этот период прослеживается связь основных тенденций развития национальной терминологии с началом украинизации в Украине, которая сформировалась как государственная политика уже к 1925 г. и была обусловлена рядом международных и внутрипартийных событий как в ВКП(б), так и в КП(б)У. «Украинизация не была движением украинцев против Москвы, а, в большей мере, дальнейшим закручиванием кремлевской политики» (Шевельов 1987, с. 137). Влияние украинизации на состояние украинского языка и на отношение к нему было неоднозначным, поскольку осуществлялась эта политика непоследовательно и «сверху»: на государственном уровне было провозглашено о сохранении и развитии украинской культуры, в частности национального языка. «Такую политику большевистского руководства ... на Украине, очевидно, надо рассматривать прежде всего как своеобразный временный «идеологический нэп», как вынужденное тактическое отступление от политики «военного коммунизма» и революционной «чрезвычайщины» в национальном вопросе и переход к реформистским либеральным внешне методам» (Цвілюк 2004, с. 13). И все же во время украинизации украинский язык начали употреблять почти во всех сферах общественно-политической жизни Украины, он стал языком законодательства, науки и образования, частично армии, значительно увеличилось количество украинских изданий. В условиях возрождения украинской нации и украинской культуры особенно возросла потребность в развитой научной терминологии, что не могло не активизировать терминологическую работу в Украине.

В анализированный период было издано много терминологических словарей из разных областей знаний, преимущественно русско-украинских. Терминотворческая практика этих лет сориентирована на национальные термины, созданные в соответствии с системными возможностями украинского языка, что является целью языкового планирования. Основными критериями нормативности языковых форм в терминологии были системный и национальный. Анализ словарей этих лет позволяет выделить следующие концептуальные положения, на которые ориентировались лексикографы: основу каждой украинской терминосистемы должны составлять национальные слова; иностранные термины надо заимствовать непосредственно из языка-производителя без прямого влияния

какого-либо языка-посредника; в терминах должно быть соблюдено оптимальное соотношение между принятым названием и понятийным содержанием, вложенным в этот термин.

Во время украинизации сфера функционирования национальной терминологии и сфера ее фиксирования взаимодополняли одна другую, и это было основанием для качественного программирования развития украинских терминосистем. Отметим, что лексикографические работы этого периода содержат ограниченное количество терминов, заимствованных через русский язык или скалькированных с него, но этот процесс уже начинался.

1933 г. – 80-е гг. XX ст. В ноябре 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК КП (б)У, который можно рассматривать как формальный конец украинизации, однако наступление на украинскую культуру началось задолго до этого пленума. Так, в апреле 1933 г. состоялось совещание в ЦК КП(б)У, посвященное национальной политике, на котором с докладом о вопросе «языкового фронта» выступил первый заместитель наркома образования А. Хвиля. На основании этого доклада Комиссия Народного комиссариата образования приняла ряд известных резолюций (Кубайчук 2004, с. 147-158), в которых были изложены основные положения дальнейшей языковой политики в советской Украине, что на много лет определило развитие национальной терминологии: «Надо развернуть широкую работу относительно окончательного изобличения и искоренения националистических искривлений на языковом участке, а именно – раскритиковать и изъять вредную продукцию...» (Кубайчук 2004, с. 149); «Дальнейшие пути развития украинской терминологии и всей словарной деятельности необходимо полностью построить на основе марксоленинской методологии, на основе ленинской национальной политики ... Термин должен соответствовать общей языковой политике советской власти» (Кубайчук 2004, с. 153). После 1933 г. организуются репрессии в отношении тех языковедов, которых обвинили в буржуазном национализме, среди них было много лексикографов, поэтому их словари изымались из употребления. При таких обстоятельствах терминологическая работа в Украине почти остановилась, и активизируется она только в 50-е – 60-е гг., но уже совсем в других условиях, под большим влиянием русского языка. В это время языковую политику в Советском Союзе определяла теория «слияния наций и их языков», что позволяет квалифицировать такую политику как ассимилятивную. Именно по этой теории должны были нивелироваться национальные особенности народов СССР, в частности языковые отличия, что и является целью языкового планирования в украинской терминологии в анализированный период. Вследствие такого «языкового строительства» (термин советского языкознания) в Украине разрушалась система украинского языка, а само это понятие становилось все более расплывчатым. По нашему убеждению, есть все основания утверждать, что в Украине известная теория «слияния наций и их языков» негативно отразилась прежде всего на украинской научной терминологии, то есть национальный терминологический фонд стал искусственно разрушаться. «Новым в этот период было то, что наступление на украинский язык внешне, русификаторское давление на носителя языка, теперь сочеталось с наступлением на язык из середины: саму структуру, основу беззащитного литературного языка открыто российским влияниям и заимствованиям, а ее диалектную основу сдвинуто на восток» (Шевельов 2008, с. 215). Основная тенденция развития национальной терминологии – ориентирование на русскую терминологию во всех сферах использования специального языка, а продуктивный способ терминообразования в украинском научном языке – калькирование. Советская языковая политика определяла как сферу функционирования терминов, так и сферу их фиксирования, что обусловило максимальное сближение украинской научной терминологии с русской. Возросла роль русского языка не только как языка-источника, но и как языка-посредника для освоения иностранных терминов: «Подсчитано, что в большинстве языков советских народов 70-80 процентов научно-технических, общественно-политических, учебно-педагогических

терминов составляют заимствования из русского языка и – при ее посредничестве – из других языков» (Русанівський 1973, с. 59).

В этот период основными критериями для определения нормы в национальной терминологии были статистический и критерий соответствия системе русского языка. Относительно первого критерия заметим: распространению того или иного термина в профессиональной речи специалистов и в научной литературе способствовали в основном внеязыковые факторы. Вторым критерием официально не был озвучен, однако материал терминологических и других словарей, а также теоретические установки ученых разрешают считать его актуальным в указанный период (Гнатюк 1961, с. 109; Ілленко 1971, с. 159; Русанівський 1982, с. 8-9). Попытки предложить для активного употребления термины, созданные в соответствии с системными возможностями украинского языка, вызывали отрицательную реакцию в украинском советском языкознании (например, Білодід 1974, с. 38-39). Определенная часть ученых оправдывала и одобрительно воспринимала распространение в украинском языке слов, скалькированных с русского (Їжакевич 1969, с. 184-222; Черторизька 1982, с. 7 и др.). Терминотворческую же деятельность лексикографов предыдущих лет, сориентированную на создание национальных терминов по продуктивным моделям украинского языка и на заимствование иностранных терминов непосредственно с языка-продукта, в языкознании тех лет не только игнорировали, но и рассматривали как утратившую уже свое научно-практическое значение и являющуюся методологически неправильной (Білодід 1974, с. 7-8). Деятельность лексикографов «золотого десятилетия» надлежащим образом оценена только в 90-е гг. XX ст.

90-е гг. XX ст. – нач. XXI ст. Восстановление украинской идентичности терминов, которые не должны противоречить системе украинского литературного языка, можно определить как цель языкового планирования в терминологии в этот период, достижение которой должна обеспечить языковая политика в государстве. Основные направления языковой политики в независимой Украине отражены в действующей Конституции (Конституція 1996), в «Декларації прав національностей України» (Декларація 1991) и в нескольких законах Украины. Для современного развития национальной терминологии определяющим является то, что украинский язык приобрел статус государственного, поскольку язык раскрывает свои возможности тогда, когда его постоянно употребляют в основных областях жизни общества – образовании, науке, культуре, делопроизводстве и т.д.

В современном национальном языкознании нормативность языковой единицы определяется ее соответствием продуктивным словообразовательным, морфологическим, синтаксическим и другим моделям украинского языка. Основными критериями нормативности терминов на этом этапе развития национальной терминологии являются системный и национальный. Отметим, что указанные критерии нормативности были основными для субъектов языкового планирования в 20-х гг. XX ст. Их теоретическое наследие активно используется в современном украинском терминообразовании. «... Во многих языках бывшего Советского Союза и стран Центральной Европы наблюдается возвращение к таким лингвистическим формам, которые существовали до начала коммунистического языкового планирования» (Круглов 2003, с. 60).

Сфера функционирования терминов имеет большое значение для формирования терминологической нормы, то есть профессиональная речь и научные тексты должны быть базовыми для специальных словарей и справочной литературы. Однако вначале 90-х годов сфера функционирования украинской терминологии не могла быть ведущей, поскольку в Украине долгое время по внеязыковым причинам отдавалось предпочтение русскому языку во всех областях общественной жизни, что обусловило появление большого количества скалькированных из этого языка терминологических единиц в научном и профессиональном общении украинцев. Словари разного типа предлагали специалистам много терминов, которые противоречили системе украинского языка и тем самым углубляли процесс разрушения терминофонда народа. Поэтому вначале последнего десятилетия прошлого столетия у терминологов не было оснований считать распространенность термина в сфере

функционирования и включение его в словари показателем нормативности этой языковой единицы. Чтобы утвердить определенные языковые образцы в терминологии (то есть нормировать ее), ученым пришлось сначала разрабатывать обусловленные системой украинского языка рекомендации относительно использования терминов, отражать это в определенных правилах и фиксировать предлагаемые единицы в словарях (то есть кодифицировать их). С 90-х гг. при условии наличия в сфере функционирования национальной терминологии большого количества ненормативных единиц сфера фиксации становится, собственно, определяющей для утверждения терминологической нормы и распространения ее в языке специалистов по всей территории Украины. Из терминосистем было изъято большое количество скалькированных из русского языка терминологических единиц, дублирующих исконные термины. Наибольшую роль в утверждении новых норм в сфере фиксации терминологии сыграли в этот период русско-украинские терминологические словари. В лексикографических работах последних лет зафиксировано уже намного больше изменений, которые произошли в теоретическом осмыслении норм украинского терминообразования и терминопотребления. Анализ этих словарей свидетельствует о том, что в них значительно уменьшилось количество синонимов, а также вариантных терминологических единиц за счет устранения многих русских калек и введения исконных украинских терминов. Таким образом, произошло обновление сферы фиксации украинской терминологии. Мы считаем, что процесс дерусификации является необратимым в национальной терминологии и что и в дальнейшем из словарей будут устраняться языковые единицы, созданные не по продуктивным моделям украинского языка, прежде всего словообразовательным.

Хотя с начала 90-х гг. XX ст. сделано достаточно много для сферы фиксации терминов, и этому способствует языковая политика в современной Украине, сфера функционирования терминологии (а именно – устная речь специалистов) не скорректирована на надлежащем уровне. До сих пор достаточно много терминов-калек, дублирующих исконные терминологические единицы, употребляется в профессиональной речи украинцев в Центральной и Восточной Украине как единственный вариант номинации специального понятия. В этой ситуации нормализаторская работа в терминологии, которая осуществляется общими усилиями ученых, работающих в разных областях науки и техники, приобретает особенное значение. Надо отметить, что все процессы в Украине, направленные на расширение функционирования украинского языка в национальном варианте, замедлены. «Языковую политику Украины на общегосударственном уровне в общем можно охарактеризовать как умеренно-осторожную и недостаточно последовательную со стремлением избегать радикальных мер» (Тараненко 2003, с. 40).

Развитие современной украинской терминологии зависит не только от процесса восстановления ее национальной идентичности, но и от интеграционных процессов в информационном мировом пространстве, которые начались в эпоху глобализации. «Речь идет не только о соперничестве между медиа-концернами, но и между национальными языками. На функциональную нишу русского языка в Украине все больше претендует не только украинский, но и английский язык» (Ажнюк 2002, с. 144). Перед украинскими терминологами стоят новые задачи, в частности разработка стратегии дальнейшего развития национального терминофонда в эпоху глобализации и защиты его от экспансии «глобального» английского языка, что должно стать частью языковой политики в государстве.

Выводы:

1. Языковые вопросы для Украины были и являются в настоящее время вопросами политическими, поскольку официальный статус языка в государстве определяет не только сферы реализации языка, но и материальные формы его существования.

2. Каждый проанализированный период развития национальной терминологии логически соотносится с определенным этапом истории украинского народа и зависит от языковой политики в государстве.

3. На современном этапе развития национальной терминологии сфера ее фиксирования является основанием для ожидаемых изменений в сфере функционирования.

4. В Украине должна быть выработана более четкая и эффективная стратегия языковой политики соответственно требованиям времени, что ускорит процесс нормализации украинской терминологии, восстановление ее аутентичности как в сфере фиксирования, так и в сфере функционирования.

Литература

АЖНЮК, Б., 2002. Лінгвістичні аспекти глобалізації в Україні. *Мовні конфлікти і гармонізація суспільства: Матеріали наукової конференції: 28-25 травня 2001 року*. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», с. 144—150.

БІЛОДІД, І., 1974. *Мова і ідеологічна боротьба*. Київ: Наукова думка, 84 с.

ГНАТЮК, Г., 1961. Видання російсько-українських термінологічних галузевих словників. *Лексикографічний бюлетень*. Вип. 8, с. 107-110.

ДЕКЛАРАЦІЯ, 1991. Декларація прав національностей України. *Відомості Верховної Ради України*. № 53, с. 1554-1555.

Закон, 1996. Закон України «Про освіту». *Відомості Верховної Ради України*. № 21, с. 253-278.

ІЛЛЕНКО, І., 1971. Мова і єдність національних та інтернаціональних інтересів трудящих. *В. І. Ленін і розвиток національних мов*. Київ: Наукова думка, с. 150-164.

ЇЖАКЕВИЧ, Г., 1962. *Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу*. Київ: Наукова думка, 304 с.

КИЯК, Т., 2004. Мовна політика і термінознавство. *Вісник: Проблеми української термінології*. Львів: Національний університет «Львівська політехніка». № 503, с. 8-14.

Конституція, 1996. Конституція України. *Відомості Верховної Ради України*. № 30, с. 381-417.

КРУГЛОВ, О., 2003. Деякі аспекти мовного планування в Україні. *Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації українців. Мовознавство. Збірник наукових статей*. Чернівці, с. 60-64.

КУБАЙЧУК, В., 2004. *Хронологія мовних подій в Україні: зовнішня історія української мови*. Київ: «К.І.С.», 168 с.

КУЦЬ, О., 2004. *Мовна політика в державотворчих процесах України*. Навчальний посібник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 275 с.

ЛАЗАРЕНКО, Л., 2003. Досвід мовних політик світу й українська перспектива (інформаційно-аналітичний огляд). *Українська мова*, № 4, с. 3-22.

МАСЕНКО, Л., 1999. *Мова і політика*. Київ: Соняшник, 100 с.

МАСЕНКО, Л., 2004. *Мова і суспільство*. Постколоніальний вимір. Київ: Вид. дім «КМ Академія», 163 с.

МАСЕНКО, Л., 2005. Мовна політика в УРСР: історія лінгвоциду. *Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду: Док. і матеріали. Упоряд.: Л. Масенко та ін.* Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська акад.», с. 5-36.

НАКОНЕЧНА, Г., 1999. Українська науково-технічна термінологія. *Історія і сьогодення*. Львів: Кальварія, 110 с.

РУСАНІВСЬКИЙ, В., 1973. Розквіт і взаємозбагачення мов соціалістичних націй. *Комуніст України*, № 3, с. 53-63.

РУСАНІВСЬКИЙ, В., 1982. У сім'ї єдиній. *Мовознавство*. № 6, с. 3-11.

ТАРАНЕНКО, О., 2003. Мовна ситуація та мовна політика в сучасній Україні (на загальнослов'янському тлі). *Мовознавство*. № 2-3, с. 30-55.

Українська мова, 2004. *Енциклопедія*. Редкол.: Русанівський В.М. (співголова), Тараненко О.О. (співголова), М. П. Зяблюк та ін. – 2-ге вид., випр. і доп. Київ: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М.П. Бажана, 824с.

ЦВІЛЮК, С., 2004. Українізація України: тернистий шлях національно-культурного відродження за доби сталінізму. Одеса: Маяк, 200 с.

ЧЕРТОРИЗЬКА, Т., 1982. Динаміка взаємодії і взаємозбагачення української і російської мов. *Мовознавство*, № 3, с. 3-9.

ШЕВЕЛЬОВ, Ю., 2008. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941): Стан і статус. *Вибрані праці: У 2 кн. Кн. I. Мовознавство. Упоряд. Л. Масенко*. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», с. 26-279.

Ljudmyla Boyarova

V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Research interests: terminology, sociolinguistics

(BASED ON THE UKRAINIAN LANGUAGE)

Summary

The paper overviews the development of Ukrainian terminology during a definite period of time (the 1920s–the beginning of the 21st century). The impact of language policy on language planning on terminology and on the major trends of its development is considered. Three periods of the development of Ukrainian terminology are distinguished as based on the following interrelated factors: language policy in Ukraine, the targets of language planning in terminology, criteria of the normativity of terminology units. Each of the analyzed periods of the national terminology development corresponds to a certain period of Ukrainian nation's history and is dependant on the state language policy, which defines not only the fields of the language application, but also material forms of its existence. The article addresses the matter, that a clearer and more effective strategy of the language policy should be developed in modern Ukraine, which will streamline the process of Ukrainian terminology normalization, as well as the reconstruction of its authenticity both in the field of fixation and in the realm of functioning.

KEY WORDS: Ukrainian terminology, language policy, language planning, normativity criterion.

Анна Цепкова

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия
ул. Виллюйская 28, 630126 Новосибирск, Россия

Эл. почта: a_tsepkova@mail.ru

Научные интересы: ономастика, ономаσιология, лингвокультурология, психоллингвистика, социоллингвистика, когнитивная лингвистика, литературоведение

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗВИЩ-АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье функционально-прагматический потенциал рассматривается в связи с типом дискурса, в котором используется прозвище. В зависимости от типа дискурса и сферы функционирования прозвища могут выполнять идентифицирующую, характеризующую, концептуализирующую, эмотивно-экспрессивную, оценочную, конативную, интегрирующую, дифференцирующую, развлекательную и пропагандистскую функции. Полифункциональность прозвищ может стать причиной наличия множества характеризующих имен у одного человека (полионимии), что делает данный разряд антропонимов плодотворным материалом для исследования концептуализации личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматика, прозвище, функция, дискурс, контекст, коммуникация.

Прагматическая маркированность входит в типологические свойства прозвищ как вторичных, неофициальных наименований в отличие от официального антропонимикона. Прагматический потенциал прозвищ выражается в их функциональных особенностях, варьирующихся в зависимости от сферы употребления.

Косвенным доказательством полифункциональности прозвищ является многообразие способов их языкового выражения. При этом акт номинации прагматичен по своей сути, так как связан с необходимостью выбора подходящего именованного из множества вариантов, предлагаемых языковой системой. В связи с этим можно говорить о доминирующей роли прагматического фактора в выборе языкового знака в качестве дополнительного неофициального или полуофициального имени человека.

Рассматривая прагматический аспект языковой единицы, большинство ученых подчеркивают доминирующее значение коммуникативной функции над номинативной: «При таком взгляде слово должно изучаться в коммуникативном аспекте, т.е. в составе сообщения, предложения (Чернобров 2006, с. 157). В связи с этим прагматика функционирования прозвищ заключается в их принадлежности не столько языку, сколько речи, определенному типу дискурса. Особенно это касается прозвищ, производных от апеллятивов или омонимичных им. В языке как системе такие прозвища существуют *in potentia*, сохраняя способность выполнять апеллятивную функцию классификации. Поэтому только в коммуникации прозвища могут реализовать свойства собственных имен. Приведенные ниже примеры иллюстрируют функционирование лексемы *shorty / shortie* в качестве оценочного апеллятива (примеры 1, 2, 3) и в качестве характеристического прозвища (примеры 4, 5, 6):

1) (*informal*) a person who is shorter than average (Oxford 2005, с. 1408);

2) used as an insulting name for someone who is not very tall (Longman 2003, с. 1522);

3) *impolite* a short person (McMillan 2002, с. 1317);

4) Shorty is an inevitable nickname of (...) short men in general (Partridge 1984, с. 1060);

5) I'm guessing that the trumpeter (Milton M. Rogers) was called "Shorty" because of his stature (Jazz Nicknames);

6) The planters were both whole-souled fellows; but, in other respects, as unlike as possible. One was a tall, robust Yankee, born in the backwoods of Maine, sallow, and with a long face; the other was a short_little Cockney, who had first clapped his eyes on the Monument. The

voice of Zeke, the Yankee, had a twang like a cracked viol; and Shorty (as his comrade called him) clipped the aspirate from every word beginning with one (Melville 2003, с. 243).

Примеры второй группы отражают основные виды прозвищных контекстов, представляющие собой способы существования прозвищ:

1) в системе языка (пример 4), при этом прозвище включено в словарную статью, толкующую его узуальное значение;

2) в разных типах дискурса (примеры 5, 6). В данных примерах отражены основные типы референции, прямая и косвенная, отражающие базовые функции прозвищ: «the nicknames are used to refer to or to address» (Morgan, O'Neill, Harre 1979, с. 143). Прямая референция предполагает использование прозвища как обращения по отношению ко второму лицу. Косвенная референция предполагает именование третьего лица, т.е. человека в его отсутствие. Учет приведенных параметров очень важен при анализе оценочной составляющей, которая уточняет функционально-прагматические характеристики прозвища в дискурсе и объясняет отношения между участниками номинации. Например, использование уничижительных прозвищ в качестве вокатива менее типично, поэтому чаще они употребляются «за глаза» в качестве секретного кода группы: «These nicknames are restricted to small groups outside the earshot of the namebearer, and their use is also a unifying device showing group membership» (Crozier 2002, с. 133).

Итак, прагматический аспект может отражать:

1) отношения между номинантом (именуемым) и номинатором (автором имени);

2) отношения между номинантом (именуемым) и лицом именуемым, но не являющимся автором имени;

3) отношения между именуемыми;

4) самооценку номинанта, основанную на его отношении к имени.

Приведенные выше примеры также отражают основные формы прозвищных дискурсивных контекстов (Дранникова 2004, с. 274), представляющие собой комментарий, касающийся мотивировки прозвища, его оценки, условий появления и употребления и принадлежащий лицу, придумавшему, использующему или носящему данное прозвище. Мотивирующий контекст может носить невербальный характер, когда внутренняя форма прозвища недвусмысленно объясняется красноречивой внешней характеристикой именуемого.

Таким образом, мотивирующий контекст может сопутствовать прозвищам в речи в момент их создания, а затем в ситуациях, когда третье лицо интересуется мотивировкой непонятого ему прозвища, либо когда сам носитель случайно или намеренно оправдывает свое прозвище. Это свидетельствует о том, что большинство прозвищ возникает и в дальнейшем функционирует в рамках устного дискурса. Письменный дискурс включает специализированные словари, периодические издания, документальную и художественную литературу. Фиксация в письменном дискурсе способствует переходу прозвищ из микросоциума в макросоциум. Промежуточным типом дискурса, в котором функционируют прозвища, являются Интернет-форумы, участники которых делятся известными им прозвищами (своими или чужими) и обсуждают их особенности. Интернет-форум является очень важным источником исследования прозвищ, так как сохраняет черты устной речи и отражает рефлексию носителей языка над тем или иным языковым явлением.

Анализируя функции прозвищ в зависимости от типа дискурса, т.е. в зависимости от прагматической ситуации, в которой реализуется прозвище, важно подчеркнуть, что большинство функций выходят за рамки собственно лингвистики, но при этом играют определяющую роль в выборе номинативных средств.

Прозвища как прагматически маркированные номинативные единицы могут выполнять ряд функций:

1) *идентифицирующая (различительная)*, придающая прозвищам статус собственного имени, способного выступать в качестве дополнительного личностного идентификатора в

большом и малом социуме (Денисова 2007, с. 4). Выбор способа идентификации объекта прагматически обусловлен. Данная функция всегда реализуется прозвищами в дискурсе;

2) *характеризующая (характерологическая, характеристическая)*, сближающая прозвища с апеллятивами. Многие исследователи считают данную функцию основной (Данилина 1979, с. 294), (Лавыгина 2005, с. 74), упуская из вида отантропонимические прозвища, неспособные характеризовать, но составляющие значительную часть в корпусе этих наименований (например, в британской и американской лингвокультурах прозвища этой группы составляют 23 / 19,7 % соответственно);

3) *концептуализирующая*, выполняя которую, прозвища участвуют в формировании концепта личности;

4) *эмотивно-экспрессивная и оценочная*, выражающие эмоциональное отношение к именуемому и его оценку (симпатию, антипатию);

5) *конативная*, направленная на получение реакции адресата, поэтому прозвища в этой функции употребляются в качестве обращений и несут прагматический заряд, соответствующий интенции именующего (выразить симпатию или антипатию);

б) *социальные функции*, включающие:

а) *фатическую (контактоустанавливающую)* функцию, осуществляющую установление, демонстрацию, поддержание близких, дружеских, интимных, неформальных отношений между участниками номинации. Через эту функцию могут косвенно проявляться доминирующие ценности общества в целом. Приводимый ниже пример характеризует американскую лингвокультуру: «nicknames are more suitable when one attempts to project an image of friendliness, playfulness, good sense of humor along with an image of health, vitality, confidence, and assertiveness» (Mehrabian 2001, с. 67).

В британской лингвокультуре проявление ценностей через фатическую функцию прозвищ находим в книге К. Фокс «Наблюдая за англичанами» на примере правил общения и поведения завсегдатаев английских пабов: «in the pub, names are used rather more often than is strictly necessary, as though to emphasize the familiarity and personal connections between members of this small 'tribe'. This is particularly striking as a contrast to 'mainstream' English conversation codes, in which names are used significantly *less* than in other cultures, and where over-use of names is frowned upon as cloyingly American. The bonding effect among pub regulars is further reinforced by the use of nicknames – pubs are always full of people called 'Shorty', 'Yorkshire', 'Doc', 'Lofty', etc. » (Fox 2004, с. 98 – 99).

Таким образом, фатические прозвища направлены на начало и продолжение коммуникации (Дранникова 2004, с. 57), определяют атмосферу общения и передают отношения к собеседнику. В этом смысле можно говорить о прозвищах как о единицах субъективной модальности;

б) *интегрирующую (интегративную)* и *дифференцирующую*, определяющие грань между «своими» и «чужими», когда «слова становятся символами, позволяющими определить «своего» и чужого» (Дранникова 2004, с. 48). Интегрирующая функция способствует осознанию группой своей солидарности, единства через посвящение в систему языковых средств, символизирующих отношения внутри группы и за ее пределами, ценности, статусные роли: «Прозвище – пароль, обозначающий не только принадлежность ребенка к детскому коллективу, но и указывающий на его место в этом коллективе» (Гаврикова 2005, с. 20).

Производной от интегрирующей и дифференцирующей можно считать функцию социальной *адаптации*, когда объекты из сферы «чужое», представляющие угрозу или вызывающие отрицательные эмоции, подвергаются прозвищному *осмеянию*. Благодаря функции осмеяния прозвища могут выступать как самозащита в ситуациях прямой и косвенной референции.

Категория «чужого», дифференциация «чужих» – один из основных мотивов возникновения прозвищ как социолингвистической категории. Аномальность,

несоответствие норме – проявление категории «чужого» в картине мира того или иного сообщества.

Изучая социальное функционирование прозвищ в закрытых школах Великобритании, Дж. Морган, Ч. О'Нил, Р. Харрэ сравнивают прозвища с барометром социального климата внутри группы и приходят к выводу о том, что данные именованья играют очень важную роль в организации детьми собственного мира, автономного от мира взрослых: «the nicknaming system allows for the double division of children: into those with nicknames and those without (the non-people). Those with nicknames are more finely sub-divided into the acceptable and the stigmatised, the scapegoats» (Morgan, O'Neill, Harre 1979, с. 47).

Таким образом, через интегрирующую и дифференцирующую функции прозвища осуществляют *установление статуса* всех лиц, вовлеченных в номинацию. При этом они выступают как средство подчеркивания равенства или неравенства ролей, иерархии в группе и между группами, а также самоидентификации и самооценки личности в группе;

7) *пропагандистская*, заключающаяся во влиянии на общественное мнение. Через прозвища это осуществляется благодаря их способности формировать концепт личности, в частности известной; при этом пропагандистская функция вносит в оценочную составляющую требуемые коррективы;

8) *эстетическая* (развлекательная, орнаментальная), предполагающая использование прозвищ ради дружеской шутки, забавы.

Функционально-прагматический потенциал прозвищ конкретизируется в зависимости от типа дискурса. При этом важными параметрами анализа являются сфера бытования прозвища, степень официальности и цель коммуникации, характеристики коммуникантов (пол, возраст, социальный и профессиональный статус), отношения между ними.

Анализ типов прозвищного дискурса позволяет разделить сферы функционирования прозвищ на уровни микросоциума и макросоциума.

Уровень микросоциума подразумевает неофициальную коммуникацию (устную или посредством Интернета) и включает сферы «семья», «школа», «двор», «студенческий коллектив», «профессиональный коллектив», «военная сфера», «криминальный мир». Выделенные сферы универсальны для британской и американской лингвокультур. Уникальной для британской лингвокультуры можно считать сферу «pub society».

Сфера «семья» характеризуется настроением на позитивные отношения, так как участники коммуникации – это в первую очередь родители и дети, а также братья и сестры, муж и жена. Такие прозвища редко характеризуют, чаще всего их цель – выразить симпатию, любовь, иногда пошутить, и вызвать ответные чувства у адресата: *Munchkin, Munchkin bunchkin, Monkerous Monkey, Flower, Sweet pie, Sweetpea, Chicken Pie, Pickle, Mumblechops, Popsicle, Sausage, Jelly Bean, Beanie, Pudding, Princess, Scooby*.

Упомянутые прагматические особенности свойственны также прозвищам в кругу друзей и между влюбленными: *Movie Star, Super Star, Honey, Big Guy, Cuddly Bear, Honey Bear, Hot Chocolate, Tiger, Stud, Sugar Daddy, Bumblebee* (ласковые прозвища мужчин); *Honey, Honey Bunch, Lovely, Lover girl, Sugar, Angel (Baby, Bear, Bunny, But, Eyes, Face, Girl, Heart), Baby Doll, Baby Face, Baboo, Flower, Flower Power, Ever Girl, Geisha, Indian Princess, Queen Bee, Cookie Crumb, Lil Biscuit, Pancake, Cherry, Little Miss Perfection* (ласковые прозвища девушек). Т. Т. Денисова отмечает сходство прозвищ возлюбленных с табуированными обозначениями, которые тщательно скрываются от других и употребляются только наедине (Денисова 2007, с. 16).

Сферы «школа» и «двор» предоставляют самый богатый материал для исследования прозвищ в разнообразных аспектах. Британские исследователи подчеркивают, что именно эти именованья можно считать собственно прозвищами. Прозвища, придумываемые детьми школьного возраста, могут быть адресованы сверстникам, а также взрослым (учителям). В этом проявляются интегрирующая и дифференцирующая функции прозвищ. Поэтому данные прозвища чаще всего представляют собой характеристики (истинные или ложные) или

необычные трансформации с собственными именами. В зависимости от того, к какой группе («свои» или «чужие») причисляется именуемый, его прозвище может быть положительным, доброжелательным, шутливым, ироническим, насмешливым, уничижительным. Очевидно, что прозвища учителей употребляются только в актах косвенной референции независимо от характера оценки: *Mr. Negativity* (he has a negative attitude about everything), *Frau Hitler* (a mean German teacher), *Killer Rogers* (psycho PE teacher); *Ma, Old Ma Tebbs, Happy Jack* (A very jovial science teacher), *Granny* (for a stern but much respected remedial teacher).

В школьном возрасте дети впервые без помощи родителей вынуждены выстраивать межличностные отношения. Многие из опрошенных нами информантов из Великобритании и США в возрасте от 35 до 70 лет свидетельствуют, что в их школьные годы прозвища были более разнообразны в оценочном аспекте, при этом отрицательных прозвищ была намного больше, чем теперь. Это связано с влиянием политкорректности, которое выражается на уровне школ во введении соответствующих правил поведения ('anti-bullying policies' (Crozier, Skliopidou 2002, с. 121)). Причем в Великобритании эти процессы начались позже, чем в США, что связано с большим количеством закрытых учреждений и менее активным участием английских родителей в жизни школы.

Прозвища в студенческой среде чаще всего образуются и функционируют по инерции, заданной школой. Сохраняя большинство характеристик школьных прозвищ, студенческие уступают им количественно, а также по степени экспрессивности и категоричности оценки.

В сфере «профессиональный коллектив» прозвища не являются закономерным явлением из-за несовместимости неофициального характера прозвищ и официальной манерой общения, доминирующей среди коллег, хотя данный показатель окончательно регулируется личностными характеристиками коммуникантов, родом профессиональной деятельности, возрастом и статусом. Приводимый ниже пример из рассказа О. Генри «Елка с сюрпризом» иронически характеризует особенности номинативной системы в среде золотоискателей, подчеркивая большую ценность прозвищ по сравнению с официальными именами: «The name of the father of Yellowhammer was given him by the gold hunters in accordance with their popular system of nomenclature. It was not necessary for a citizen to exhibit his baptismal certificate in order to acquire a cognomen. A man's name was his personal property. For convenience in calling him up to the bar and in designating him among other blue-shirted bipeds, a temporary appellation, title, or epithet was conferred upon him by the public. Personal peculiarities formed the source of the majority of such informal baptisms. Many were easily dubbed geographically from the regions from which they confessed to have hailed. Some announced themselves to be "Thompsons," and "Adamses," and the like, with a brazenness and loudness that cast a cloud upon their titles. A few vaingloriously and shamelessly uncovered their proper and indisputable names. This was held to be unduly arrogant, and did not win popularity. One man who said he was Chesterton L. C. Belmont, and proved it by letters, was given till sundown to leave the town. Such names as "Shorty," "Bow-legs," "Texas," "Lazy Bill," "Thirsty Rogers," "Limping Riley," "The Judge," and "California Ed" were in favour».

Популярность прозвищ в армии, а особенно на флоте, в конце XIX века в Великобритании привела к распространению так называемых «неизбежных» прозвищ ('inevitable' nicknames), многие из которых образовывались по ассоциации с фамилией: *Chalky White, Chippy Carpenter, Pincher Martin, Lefty Wright* (Partridge 1984, с. 1388 – 1389). Приведенные выше примеры давно утратили свою актуальность и оригинальность, но сами прозвища в военной сфере по-прежнему очень частотны и по прагматическим особенностям близки к школьным. Для функционирования прозвищ очень важной оказывается половая принадлежность коллектива: больше всего прозвищ придумываются и употребляются представителями мужского пола, при этом доминирующими вновь оказываются интегрирующая и дифференцирующая функции, функция определения статуса – то есть те функции, которые предполагают реализацию лидерских качеств.

Многие из только что упомянутых характеристик свойственны прозвищам, функционирующим в криминальном мире. При этом усиление идет по линии интегрирующей и дифференцирующей функций, что выражается в доминировании парольной функции прозвищ. Кроме того, прозвища в криминальной сфере часто принимают статус основных имен, вытесняя официальные.

‘Pub society’ демонстрирует на первый взгляд парадоксальные черты в национальном характере англичан. Преобладание официального тона в межличностном общении резко контрастирует с неформальной атмосферой, царящей в пабах. Поэтому прозвища здесь являются частью обязательного ритуала, сохраняющего эту уникальную для Англии атмосферу. Доминирующими в данном случае являются фатическая и интегрирующая функции: «To call someone by a nickname universally indicates a high degree of familiarity. Normally, only family and close friends use nicknames. The frequent use of nicknames between regulars, publican and bar staff gives them a sense of belonging – and gives us a helpful insight into the nature of social relations in English pubs. It is worth noting in this context that some regular pubgoers have a ‘pub-nickname’ which is not used by their friends and family outside the pub, and may not even be known to these groups» (Fox 2004, с. 98 – 99).

Уровень макросоциума формируется на базе микросоциума и подразумевает неофициальную и полуофициальную коммуникацию (устную и письменную посредством СМИ, в том числе Интернет) и распространяется на сферы «политика», «спорт», «шоу-бизнес».

В сфере «политика» прозвища выполняют характеризующую, оценочную, концептуализирующую функции. Особенностью политического дискурса США являются полуофициальные прозвища американских президентов, ставшие их традиционными визитными карточками. Эти прозвища различаются в оценочном аспекте, что объясняется причинами и источником их возникновения. Американцы очень внимательны и критичны по отношению к деятельности политиков. При этом через прозвища СМИ могут поддерживать сформировавшееся мнение о политическом деятеле, либо сформировать его предварительно накануне важного политического события, например выборов. Так, во время избирательной кампании Дуайта Д. Эйзенхауэра, известного под прозвищем *Ike*, был использован слоган “*I like Ike*”, с которым он дважды победил на президентских выборах. Данное прозвище интересно еще и тем, что представляет собой упрощение собственного имени (фамилии). Такая практика трансформации имени или фамилии направлена на снижение формальности и сокращение дистанции между политиком и избирателями. Частое использование в СМИ характеризующего прозвища с положительной коннотацией носит характер скрытой пропаганды деловых качеств политика. В этом отношении интересно вспомнить историю появления и дальнейшего функционирования знаменитого прозвища Маргарет Тэтчер *the Iron Lady*: «a label that was first applied as an insult has been subsequently adopted by a person so described. Margaret Thatcher was happy to accept the title Iron Lady bestowed on her by the Soviet press» (Delahunty 2003, с. ix). Данный пример показывает, что оценка в прозвище может быть биполярной: возникая как отрицательно окрашенная языковая единица, прозвище сохраняет подобную оценку в коллективе, его придумавшем, но в то же время может демонстрировать зависимость оценочности от отношения к нему носителя.

Прозвища в сферах «спорт» и «шоу-бизнес» отражают объекты пристального внимания и повышенного интереса, особенно это свойственно американской лингвокультуре. Практически все знаменитые спортсмены (баскетбол, бейсбол, гольф, футбол) и музыканты (джаз) получают остроумные оценочные характеристики, символизирующие признание их таланта: *Sparky Anderson*, *Prime Time*, *Megawatt*, *Digital* (спорт), *Hot Lips*, *Satchmo*, *The Voice*, *The Velvet Fog* (шоу-бизнес). Кроме того, прозвища этих групп выполняют интегрирующую функцию, очень важную в престижных профессиональных сообществах.

Прагматика функционирования прозвищ также проявляет себя в номинативной плотности или полионимии, позволяющей отражать объект номинации во всем разнообразии его свойств, которые участвуют в концептуализации личности и отдельных ее свойств.

Создаваемый концепт может отличаться в зависимости от вхождения его в разные сферы и по-разному осознаваться и репрезентироваться в разных культурах, даже генетически близких.

Таким образом, прагматический аспект является неотъемлемой характеристикой языковой единицы, очень значимой и информативной, предполагающей учет лингвистических особенностей в их связи с социальными, психологическими и культурными контекстами этноса.

Литература

- ГАВРИКОВА, Э. О., 2005. Формирование антропонимии в детском речевом сознании: *Автореф. дис. ... канд. филол. наук*; Тюмень: ТГУ.
- ДАНИЛИНА, Е. Ф., 1979. Прозвища в современном русском языке. *Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования*. Москва: Наука, с. 281 – 297.
- ДЕНИСОВА, Т. Т., 2007. *Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук; Смоленск: СГУ.
- ДРАННИКОВА, Н. В., 2004. *Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика*. Архангельск: Помор. ун-т.
- ЛАВЫГИНА, Н. В., 2005. Французские фамилии-прозвища. *Актуальные проблемы описания языковых единиц*. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, с. 73 – 76.
- ЧЕРНОБРОВ, А. А., 2006. *Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура)*. Новосибирск: изд-во «Свиныйн и сыновья».
- CROZIER, W. R., 2002. Donkeys and Dragons: recollections of schoolteachers' nicknames. *Educational Psychology*. Vol. 28, № 2, Carfax Publishing, Taylor & Francis Group, p. 134 – 142.
- CROZIER, W. R.; SKLIOPIDOU E., 2002. Adult Recollections of Name-calling at School. *Educational Psychology*. Vol. 22, № 1, Carfax Publishing, Taylor & Francis Group, p. 113 – 124.
- DELAHUNTY, A., 2003. *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford: Oxford University Press.
- FOX, K., 2004. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton.
- HENRY, O., *Christmas by Injunction* [электронный ресурс] / [http://www.online-literature.com/donne/1008/].
- Jazz Nicknames* [электронный ресурс] / [http://www.allaboutjazz.com/php/article.php?id=1403].
- Longman Dictionary of Contemporary English*, 2003. Pearson Education Limited.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, 2002. Macmillan Publishers Limited.
- MEHRABIAN, A., 2001. Characteristics Attributed to Individuals on the Basis of Their First Names. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. 127 (1), p. 59 – 88.
- MELVILLE, H., 2003. *Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature*. Москва: ООО «ДиректМедиа Паблишинг», 2003.
- MORGAN, J., O'NEILL, CH., HARRE, R., 1979. *Nicknames. Their Origins and Social Consequences*. London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*, 2005. Oxford: Oxford University Press.
- PARTRIDGE, E., 1984. *A Dictionary of Slang and Unconventional English. Colloquialisms and Catch-phrases. Solecisms and Catachreses. Nicknames and Vulgarisms*. New York: Macmillan Publishing Company.

Anna Tsepikova

Novosibirsk State Pedagogical University

Research interests: onomastics, onomasiology, linguoculturology, psycholinguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, literary criticism

NICKNAMES OF PERSONS, THEIR FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL (ON THE EXAMPLE OF BRITISH AND AMERICAN NICKNAMES)

Summary

The pragmatic aspect of nicknames is realized in their functions in different types of discourse. Nicknames are used to identify, characterize, conceptualize, evaluate, transfer and generate emotions, address, integrate, differentiate, entertain or influence the public opinion.

The nicknaming function can be performed by a word mainly in speech whereas in language as a system nicknames exist only in potentia. The majority of nicknames on the level of micro-society are used in oral speech in such spheres as family, friends, school, playground, students, colleagues, soldiers, criminals. Nicknames used on the

level of macro-society name famous people from the spheres of politics, sport and show-business and belong to written discourse (different types of mass media including Internet) which makes these nicknames well-known and wide-spread.

Thus the functions of nicknames as well as their pragmatic peculiarities are determined by the sphere in which a nickname exists.

Polyfunctional nature of nicknames results in name density which contributes to constructing a personality concept.

KEY WORDS: pragmatics, nickname, function, discourse, context, communication.

Olesya Cherkhava

Lviv National Polytechnic University, Ukraine

Stepana Bandery Str. 12, 79013 Lviv, Ukraine

Tel.:00380676720941

E-mail: olesya_marchenko@yahoo.com

Research interests: discourse, communicative linguistics, semantics

PROPHETIC DISCOURSE AS THE INTEGRAL CATEGORY OF THE INTERPERSONAL COMMUNICATION

The article is the investigation of prophetic discourse. The mechanism of the development of prophetic discourse, modeling of prophetic communication, purpose, communicative strategy, semantic space and the way the organisation of a prophetic text, the peculiarity of prophetic dialogue, step coordination of its participants, the particular rules within speaking which help to prophesy the prophetic are established. The model of prophetic communication is exemplified on Bible Prophecy. Pragmatic marker plays the role of an instructor concerning the procedure of correct (given by the intention of the speaker) interpretation of the information by the hearer: it directs the process and limits the number of admitted interpretations of the utterance. The classification of such type of markers is established according to its functioning at the level of the transition of speech acts (action structure) and the transition of the participants of communication (participation framework). Transition is understood as the explicit sequence of the participants in the prophetic communication through the mechanism of recurrence which is provided by pragmatic markers of messenger, commission and delivery.

KEY WORDS: prophetic discourse, prophetic communication, transition, pragmatic marker

A wide range of researches in the field of discourse demonstrates the significance of this term and its interdisciplinary character (N. Arutyunova, B. Zil'bert, J. Stepanov, V. Borbot'ko, E. Kubryakova, G. Pocheptsov, V. Karasyk, M. Makarov, K. Kusko, I. Bekhta). Modern linguistic science continues to develop new approaches to the analysis of different types of discourse. The theory of F. Batsevych has acquired special popularity; according to it, discourse is the category of communication and the process of organizing linguistic code. Among the important questions there are: the constituent parts of a discourse, their relation to each other, the nature of the constituents, the way they are differentiated from each other, and the types of sentences or other units used in different kinds of constituents.

In communication, speech genres are established as fixed models of speech actions within one discourse, accepted in certain situations, the aim of which is to reflect particular content, the typical methods of communication construction, the models of interpersonal conversation.

The mechanism of the development of prophetic discourse is explored only partly by N. Mechkovs'ka and European investigator B. Zhmygorod'ska. However, the prophetic conception of the world, its purpose, communicative strategy, semantic space, model of communication and the way of the organization of a prophetic text has remained unexplored by researches what reflects **the aim** of this investigation.

By discourse we mean "a type of communicative activity, interactive (and transactive) phenomenon which has different forms of display (verbal, written, internal, paralingual), takes place within the limits of concrete channel of communication, is regulated by strategies and tactics of participants of communication, shows by itself the difficult synthesis of cognitive, linguistic and extralinguistic (social, psychical and psychological and others like that) factors which are determined by the concrete circle "forms of life" (in understanding of M. Bakhtin, V. Voloshynov), which are dependent, foremost, on the subject of communication, result in forming various registers and speech genres" (Бахтин 1986, с. 255). We share F. Batsevich's point of view

that the communicative essence of a speech genre depends on the general structure of speaking, and judging from that - is discursive oriented (Бацевич 2004, с. 57).

Prophetic discourse is based on the concept *prophetism* - spiritual phenomenon which includes realization of prophetic intention of man to overcoming time; it is seeing-knowledge of future events; the notion is quite different from such concepts as *eschatologie*, *futurism*, *millenarism*, *messianism*, *intuitionism*, *mysticism*, *fideism*.

Having taken into account constitutional, semantic, formal structural and genre-stylistic criteria, we determine prophetic discourse *as an aggregate of texts (utterances) and comments which have the relation to the future, include the samples of behavior which should form a particular stereotypes in addressee, ideas about his fate, ideals, assertions, standards, necessity to repente. Its major features are an appeal to the future, duality of profane and sacred, fascination, high symbolic intensiveness, rich in content recursiveness and firm formal fixing.* The purpose of this discourse is to influence the life of people who are its participants. Such understanding of prophetic discourse is correlated with the interpretation of H. Kusse, who determines it as "an aggregate of perspective initiative texts" as they represent ideal life of man (Kycce 2008, с. 35).

Communication does not take place in a vacuum; rather, the communication situation is complex, involving many kinds of information. Fleming (1978), following a stratification model, includes such features as Culture, Language, Social setting, Social relationships, Referential realm (incidents, referents, time, place), Communicator (intent, attitudes, beliefs, interest), Mediator, Audience (intent, attitudes, beliefs, interest), and Communication (encode, decode). For example, social relationships are an important factor in effective communication; who speaks to whom and what the social relationships between the communicator and audience are affect phonological, grammatical, and lexical choices in the whole discourse. The same thing can be said of the communicator's intent, world view, and any other of the features Fleming mentions. Much of recent sociolinguistic research has been concerned with identifying some correlations between social characteristics of speakers and linguistic features of their speech (cf., for example, Trudgill 1974, с. 59-60).

The speaker monitors what he or she is communicating and how his or her message is being processed by the hearer, and modifies his subsequent text accordingly. For example, if the speaker thinks that the message is not understood by a hearer, the speaker tries to give an example to make the point clear, or states the point again in paraphrase.

This area is included by Pike and Pike in their referential hierarchy. They state:

Study of the referential hierarchy analyzes the content of what the speaker "wants to say" about some unit, element, situation, action; or speaker's or hearer's attitude, emotion, presupposition, theoretical considerations, evaluation, or belief that is communicated (intentionally or unintentionally) by the speaker about that statement or content of that statement, or that is elicited from the hearer about that statement (Pike 1982, с. 320-321).

The presence of so many factors in the communication situation affecting the form of a text is exactly the reason for the need for exegesis that takes account these factors as well as the formal features of a text. It is important to know, for example, who wrote a letter, to whom it was written, what the purpose of writing was, what the situation was, and so on. It is true of any text in any culture, in any time, in any place, and in any language. It is inevitable that we need help from other disciplines, such as sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive studies, and others. But one thing is clear: we cannot analyze a text in itself. We need to bring the entire communication situation into the study of discourse.

In the process of producing a discourse, speakers and writers must decide what it is that they want to say and how to present it effectively. They are capable of disregarding information in their large body of knowledge about the world which is not specific to the task at hand and they manage to integrate pertinent information into a coherent unit. They determine how to start the discourse appropriately, how to sequence its elements and how to close it.

Communication in prophetic discourse includes interpersonal relations of man with something transcendent in the context of *profane* (where she can act without fear, but her activity

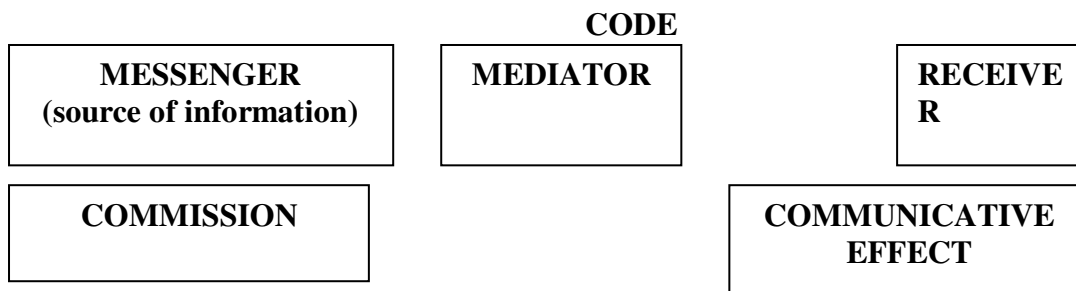
touches the exteriority of personality only) and *sacred* (appears as a category of sensuality which fills believer with the feeling of certain respect and guards his faith in something transcendent from the awareness of mind). The duality of the presence of sacrum in profanum , the past in modern, eternal in concrete, unique and general in partial, transsedent in phenomenal are the basic features of prophetic discourse.

Longacre's model of discourse recognizes a distinction between notional (deep) and surface structures, the two being poles of a continuum, on each level of the grammatical hierarchy. The discourse level has the notional types of discourse and the surface types of discourse. Surface structure levels are: stem, word, phrase, clause, sentence, paragraph, and discourse.

Prophetic conception of the world foresees the presence of two mutually supplemented human spheres: first, where it can operate without fear and shaking, but where its activity touches exteriority of personality only, and the second, where a sense of internal dependence restrains zeal. The sacred and profane worlds are strictly determined only by each other. Sacrum in prophetic discourse appears as the category of sensuality which fills the believer with the feeling of certain respect and guards his faith in something transcendent against a strong belief in the power of mind.

Indeed, from sacred the believer expects help with misfortunes which threaten him, the victim of which he is, successes which he wants or which fall out on his fate.

The *communicative model* in prophetic discourse foresees the presence of the sender (smth. transcendent), the mediator and the addressee (a man, a group of people).

The peculiarity of this dialogue is in its free form of exchanging remarks and reflections (instead of question-answer). A sender, applying through a mediator to the addressee and not expecting an answer, answers by himself, comments, specifies and, as a result, communication goes like a monologue, however, the internal presence of the addressee does not allow to cast the dialogue aside. Every discourse consists of communicative items which organize its structure and communicative process. Dialogue is a communicative event involving two or more communicators. The units of dialogue are: utterance, exchange, dialogue paragraph, and dialogue. Dialogue and monologue are two autonomous structures, but dialogue can include a monologue and monologue can include a dialogue. The implicate function of the mediator and the absence of explicate receiver's reaction transforms a dialogue into a monologue (single-source).

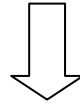
One of the most essential problems of prophetic communication is step coordination of its participants, which requires recurrent regulation of the communicative system. The particular rules of speaking help to prophesy the dialogue DIVINITY- PERSON, where each step of the communicative process is caused by the particular aim, and controls it. The obligatory feature of dialogue is the existence of communicative steps and the shifts in communicative roles.

Communicative steps in the prophetic discourse are joined into a particular net of a communicative sequence – *transition*. We analyze *transition* as an explicit sequence of the participants in the prophetic communication through the mechanism of recurrence which is provided by *pragmatic markers of messenger, commission and delivery*. The pragmatic marker plays the role of an instructor concerning the procedure of prophetic communication (given by the intention of the speaker) and directs the process of communicative steps. The above-mentioned markers define the character of transition of the participants in every prophetic genre which can be reflected in some models of communicative process (main, transformed, model of reversed

communication). For example, in a prophetic speech genre Bible Prophecy, such a model will be applied:

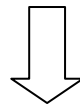
MARKER OF MESSENGER (Mmess)

*The word of God came unto me/ Jeremiah/ Isaiah/Ezekiel, saying/
And God said unto me (Thus said/says God)*

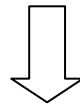

MARKER OF COMMISSION (Mcomm.)

*(Go, and) prophesy/proclaim/ say/tell + Address
or
Take (the roll) and write*

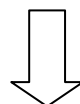

MAIN UTTERANCE

MARKER OF DELIVERY (Mdel.)

*(And/So) I (Jeremiah/Isaiah/Ezekiel) went/took(the roll) and said/wrote
or
A-T heard Jeremiah/Isaiah/Ezekiel speaking these words*

THE REPETITION OF MAIN UTTERANCE

Jeremiah 26: 1-24

In the beginning of the reign of Jehoiakim the son of Josiah, king of Judah, came this word from God, saying,(1) Thus saith God: Stand in the court of God's house, and speak unto all the cities of Judah, which come to worship in God's house, all the words that I command thee to speak unto them; diminish not a word(2). It may be they will hearken, and turn every man from his evil way; that I may repent me of the evil which I purpose to do unto them because of the evil of their doings(3). And thou shalt say unto them, Thus saith God: If ye will not hearken to me, to walk in my law, which I have set before you(4), to hearken to the words of my servants the prophets, whom I send unto you, even rising up early and sending them, but ye have not hearkened;(5) then will I make this house like Shiloh, and will make this city a curse to all the nations of the earth(6). And the priests and the prophets and all the people heard Jeremiah speaking these words in the house of God (7)

According to the theory of Barbara J. Grosz, a discourse structure is composed of three separate but interrelated components: a structure of the sequence of utterances (called the linguistic structure), a structure of purposes (called the intentional structure), and the state of the focus of attention (called the attention state). The linguistic structure consists of the segments of the

discourse into which the utterances naturally aggregate. The intentional structure captures the discourse-relevant purposes, expressed in each linguistic segment as well as relationships among them. The attention state is an abstraction of the focus of attention of the participants as the discourse unfolds. The attention state, being dynamic, records the objects, properties, and relations that are salient at each point of the discourse. The distinction among these components is essential to provide an adequate explanation of such discourse phenomena as cue phrases, referring expressions, and interruptions. The theory of attention, intention, and aggregation of utterances is illustrated in the paper with a number of example discourses. Various properties of discourse are described, and explanations for the behaviour of cue phrases, referring expressions, and interruptions are explored. This theory provides a framework for describing the processing of utterances in a discourse. Discourse processing requires recognizing how the utterances of the discourse aggregate into segments, recognizing the intentions expressed in the discourse and the relationships among intentions, and tracking the discourse through the operation of the mechanisms associated with the attention state. This processing description specifies in these recognition tasks the role of information from the discourse and from the participants' knowledge of the domain (Grosz 1986, c. 175 - 204).

The *purpose* of prophetic discourse is to take for the reality that what is transcendent (that what is out of scopes of life). For this purpose, it would be proper to call prophetic discourse telic, that means, which belongs to the reality which is outside single subjective experience and the objective reality of the empiric world (we mean "unsubjectiveness" instead of pointlessness). Typical is a special dialogue form of communication and an asymmetrical status in the prophetic discourse caused by role of the inequality of the participants of communication. *Communicative strategy* of prophetic discourse is reflected in the fact that the sender does not report directly about the intentions, he only gives hints to cause in the addressee some associations directing him to set certain cause-conclusion sequences. The recipient should decode certain signs and make numerous conclusions on the basis of background knowledge.

Semantic space of prophetic discourse is presented by one or a few "thematic groups", which come forward as the concept kernel of the concentrated abstraction of the common content of a prophetic text which is expressed verbally, and also appears as a logical semantic structure of a semantic complex. Each group contains accompanying ones.

Discourse is not developed "flat"; rather it has an uphill curve, peak, and downhill curve. Spectrum has to do with the kinds of information in the discourse. Some information is more foregrounded than other information. The types of information in discourse can be divided into a foregrounded event-line and supportive material. Longacre's claim, however, is that a foregrounded event-line and supportive material are not a simple dichotomy, but rather are located in a continuum. This continuum goes from the most powerful and dynamic information to the least powerful and more static information, and correlates with different kinds of verb forms, such as tense, aspect, mode, and voice, and some other grammatical devices. The above scale can also be termed *transitivity* (related to, but different from, that of Hopper and Thompson, 1980).

The way of the organisation of a prophetic text foresees the presence of two flatnesses - horizontal and vertical. To the horizontal flatness, we relate certain compositional elements, which represent structural following and provide the compositional integrity of a text - an entry, a basic part and an ending. The construction of a vertical structure foresees the establishment of the functional peculiarity of these texts, its distinctive, optional statements, and also means of their realization. This structure is represented by the basic part, which presents a set of speech blocks, acts. The specific correlation of vertical and horizontal structures enables to define and build the structural model of every prophetic speech genre.

The classification of discourse genres is one of the main features of discourse analysis. Genre specification is traced in a number of prophetic speech genres, each of which contains its own varieties. *The classification of prophetic genres* is provided on the basis of such differential features as appearance in the structure of the communicative model the mediator; the state of the mediator while taking the message over from the sender (transcendent); a method of the

transmission of the utterance; chronotopos; the pragmatic orientation of a speech genre; the structure and amount of speech acts; the use of a communicative strategy in communication and the variety of prophetic speech subgenres. As a result of the research, five basic speech genres are selected - Prophecy, Christian Prophecy and Divination are complex prophetic genres with a complicated structure, a great number of speech acts, the use of sacrum polysemantic utterances (*equivocal expressions*), *puzzling animas* (as linguistic embodiment of prophetic utterances) whereas Horoscope (Predictive astrology) and Superstition are perceived as somehow simplified, usually as utterances-remarks, which include one or a few speech acts and the use of frequent references to the *esoteric signs* (the one which hides internal, secret, sense) sent by the transcendent force (*zoomorphic, floromorphic, naturomorphic, numerological*).

Longacre subdivided discourse into narrative — characterized by plus contingent temporal succession and plus agent orientation(in Eastern Bontoc this includes traditional narratives, first person stories, stories about others, and the origin stories of a village, clan, and so on); procedural (also plus contingent temporal succession, but minus agent orientation)- this is how to do it, how it was done, and how it takes place, the steps of a procedure are ordered and attention is on what is done or made, not on who (agent) does it; behavioral — plus agent orientation, but minus contingent temporal succession (includes exhortation, rebuke, and praise); expository – minus contingent temporal succession and minus agent orientation (Longacre 1983, c. 135-136).

We examine *prophetic discourse, as a subtype of institutional discourse* (selected on the basis of sociolinguistic signs, that means, on the study of general regular development and functioning in the society, the influence of social factors on the language and the language on the society), determine as an aggregate of texts (utterances) and comments which have the relation to the future, include the samples of behavior which should form particular stereotypes in the addressee, the ideas about his fate, ideals, assertions, standards, necessity to repent. Its major features are an appeal to the future, the duality of profane and sacred, fascination, high symbolic intensiveness, rich in content recorrosiveness and firm formal fixing.

Literature

- БАХТИН, М. М., 1986. Проблема речевых жанров. *Эстетика словесного творчества*. Москва: изд-во Моск. ун-та, с. 250-296.
- БАЦЕВИЧ, Ф. С., 2004. Основи комунікативної лінгвістики: *Підручник*. Киев: Академія, с. 342-344.
- КУСЦЕ, Х., 2008. Вехи как метадискурс. *Лингвофилософские замечания*. Екатеринбург: изд-во Урал.ун-та., с.40-42
- GEE, J. P., 2005. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London: Routledge.
- HARRIS, ZELLIG, S. 1991. *A Theory of Language and Information: A mathematical approach*. Oxford & New York: Clarendon Press, XII, 428 pp.; illustr.
- JOHNSTONE, B., 2002. *Discourse analysis*. Oxford: Blackwell.
- MISCOIU, S.; CRACIUN O.; COLOPELNIC, N., 2008. *Radicalism, Populism, Interventionism. Three Approaches Based on Discourse Theory*. Cluj-Napoca: Efes.
- RENKEMA, J., 2004. *Introduction to discourse studies*. Amsterdam: Benjamins.
- SAGER, NAOMI; NGÔ THANH NHÂN., 2002. The computability of strings, transformations, and sublanguage. *The Legacy of Zellig Harris: Language and information into the 21st Century*, Vol. 2: Computability of language and computer applications, ed. by Bruce Nevin, John Benjamins, pp. 79-120.
- SCHIFFRIN, D.; HAMILTON, H. E. (eds.), 2001. *Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell.
- TEUN, A. VAN DIJK (ed), 1997. *Discourse Studies. 2 vols*. London: Sage.
- POTTER, J.; WETHERALL, M., 1987. *Discourse and Social Psychology: Beyond attitudes and behaviour*. London: SAGE.

Олеся Черхава

Национальный университет «Львовская политехника», Украина
Научные интересы: дискурс, коммуникативная лингвистика, семантика

ПРОФЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЦЕЛОСНАЯ КАТЕГОРИЯ МЕЖЛИЧНОСНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Резюме

Статья продолжает исследование профетического дискурса. Анализируется механизм развития профетического дискурса, моделирование профетической коммуникации, цель, коммуникативная стратегия, семантическое пространство, текстовая организация. Исследуем особенности профетического диалога, координацию коммуникативных шагов ее участников. Прагматический маркер функционирует как инструктор процедуры правильного восприятия информации слушателем. Классификация такого типа маркеров идентифицируется в соответствии их функционирования на уровне транзитивности речевых актов (action structure) и транзитивности участников коммуникации (participation framework). Представляем транзитивность как эксплицитную связь (переход) участников профетической коммуникации, через механизм рекуррентности (повторяемости), которую идентифицируют особенные маркеры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профетический дискурс, профетическая коммуникация транзитивность, прагматический маркер

Дмитрий Доценко

Филиал Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева в г. Железногорске, Россия

ул. Молодежная 7, Железногорск, Красноярский край, Россия

Тел.: 8(39197)24926

Эл. почта: dmitchina@gmail.com

Научные интересы: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, история английского языка, преподавание китайского языка

ГЕШТАЛЬТНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО КОНЦЕПТА «ВЕРА»

В статье представлено исследование сегмента лингвокультурного концепта с помощью метода гештальтного анализа, в ходе которого выделяются имплицитные признаки данного концепта. Работы в области древних языков исключают возможность проведения полного концептуального анализа, в частности, эксперимента. Таким образом, метод буквального прочтения значения сочетаемости имен играет исключительно важную роль в определении признаков структуры ментального конструкта. Именно с помощью гештальтного метода оказывается возможным выявить не идеологическую составляющую сознания средневекового человека, нашедшую отражение в научных и церковно-богословских трактатах, но то мироощущение, восприятие человеком самого себя и мира, которое неосознанно запечатлелось в языке и поэтому не определяется социальным статусом человека в средневековом обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвокультурный концепт, концептуальный анализ, гештальтный анализ, имплицитный признак

На современном этапе развития научного гуманитарного направления в сферу интересов исследователей прочно вошло изучение проблематики знания и познания, результатов восприятия действительности и познавательной деятельности человека (Алиференко 2005, с. 174).

Языкознание, в частности, явилось свидетелем резко возросшего интереса к изучению самого человека и общества как носителей определенной духовной, ментальной базы, определяющей характер взаимодействия индивида с окружающей объективной действительностью, его понимание мира и себя самого. Если современный мир предоставляет обширный и разнородный материал для исследователей психологии человека, его культуры и социальных отношений, то для лингвиста ключом к пониманию человека и его сознания является именно язык на разных этапах истории человечества. Именно язык формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира, которая в разных культурах моделируется, естественно, по-разному (Вендина 2002, с.6).

С позиций когнитивной лингвистики язык предстает системой, обладающей своей структурой, перерабатывающей внешние для сознания впечатления в смыслы, которые находят свое выражение и закрепляются в знаковой среде. Речь и речевая деятельность рассматриваются в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса. Кроме того, они также исследуются с точки зрения этнопсихологической детерминированности языкового сознания и коммуникации. Каждый язык отражает в своей структуре и семантике основные параметры мира (время и пространство), восприятие окружающего мира, его оценку, - т.е. универсальные свойства модели мира. Наряду с этим национальную картину мира отличает степень отражения основополагающих категорий бытия. Н. Д. Арутюнова включает в число существенных компонентов ключевые концепты культуры: понятия духовной сферы, оценок, стихийных состояний человека (Арутюнова 1980).

Язык, будучи сложным феноменом, помогает концептуальному осмыслению категорий культуры как раз в силу своей универсальности (Кругликова 2004, с. 148). К сожалению, на современном этапе развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии проблема концептов как единиц этносознания далека от окончательного решения. Невыясненным остается вопрос о соотношении статического и динамического в характере концептуальных образований. Е. С. Кубрякова определяет концептуальную систему как динамическое образование, которое «постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности. Она постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации, причем информации, получаемой по разным каналам, а также в результате ее усвоения и переработки мыслящим человеком» (Кубрякова 1988, с. 169). В свою очередь, Е. Я. Режабек требует учета того фактора, что «в поведении общественного человека традиция перевешивает инновацию», указывая на то, что «коллективный опыт может быть только прошлым по отношению к использованию его индивидом» (Режабек 2003, с. 25). Особый интерес представляет развитие конкретных концептуальных единиц, отражающее борьбу мировоззренческих установок, которые затрагивают самые глубинные уровни духовной жизни человека и социума, к примеру, смена религиозной общественной парадигмы.

Средневековый человек неизбежно жил и развивался в языковой среде, определяя характер отражения мира смыслов, ценностей и идеалов в языке. Особый интерес вызывает не идеологическая составляющая сознания средневекового человека, то есть набор осознанных регуляторов поведения, нашедших отражение в научных и церковно-богословских трактатах, но то мироощущение, восприятие человеком самого себя и мира, которое неосознанно запечатлелось в языке, и поэтому не определяется социальным статусом человека в средневековом обществе.

Сознание средневекового человека по структуре находится как бы на переходе от первобытного мышления с его мифологической составляющей к современному логическому, понятийному мышлению. «Вся история мифа – это история «редукции» фидейного сознания под натиском рационально-логического мышления» (Никитин 1996, с. 57). Интеллект древнего человека оперирует сознательно создаваемыми иллюзиями, риторическими фигурами, иллюзиями. Мифологическое мышление представляется особым видом мироощущения, которое включает в себя чувственное, образное понимание природных феноменов и фактов общественной жизни. Именно с помощью воображения человек творит иную действительность, подменяющую собой объективную основу. «Диалектика мифа состоит именно в том, что человек как бы «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении; вместе с тем это овладение силами природы (пусть в фантазии) означает начало истории «духа» и конец чисто животного бытия» (Маковский 1996, с. 15).

Усвоение новой религиозной и культурной традиции, которую представляло собой христианство, не могло не привести к изменению традиционной для североевропейского региона языческой мировоззренческой парадигмы. Это включало пересмотр системы ценностей, этических норм и поведенческих стереотипов. Логично предположить, что данный сложный процесс должен был занять много времени, и целые поколения людей жили в обстановке параллельного сосуществования и взаимодействия мировоззренческих установок язычества и христианства. Характер данного взаимодействия следует искать в зафиксированном в письменных памятниках корпусе языческой лексики, репрезентирующей «старые» концепты. Исследования указывают на то, что в эпоху христианизации происходит вытеснение из языка многих исконных слов, связанных с реалиями языческого культа. Тем не менее, многое из старого сакрального и мировоззренческого словника стало частью новой терминологической системы, подвергшись переосмыслению (Ганина 2001, с. 5).

Для древнего мышления было характерно отсутствие понятия отвлеченности. Это, в частности, характеризует и семантическую структуру древнего слова. В специфической

природе многозначности древнего слова отразилась основная черта средневекового сознания: конкретное и абстрактное не разграничивалось, или, во всяком случае, грани между ними были нечеткими (Феоктистова 1984, с. 19). Ю.С. Степанов называет диффузными такие древние значения, в которых «современные представлены в слитном виде и не противопоставлены друг другу» (Степанов 1975, с. 338).

Согласно точке зрения Ю. С. Степанова, внутренняя форма слова не осознается, будучи, однако, запечатлена во внешней, словесной форме (Степанов 2001, с. 47). По сути, внутренняя форма представляется совокупностью мотивирующих признаков, определяющих собственно формирование и дальнейшее развитие концепта.

По данным «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковского, слова со значением «верить», «вера» соотносятся со словами, имеющими разнообразную семантику. Автор словаря исходит из теории множественной этимологии, разработанной В. Н. Топоровым. Согласно данной теории, конкретные результаты этимологического развития являются различными степенями приближения к «матрице этимологической относительности» (цит. по Маковский 1996, с. 6). Установка делается на то, что переходы значений слов, независимо от того, в каком члене языковой группы они представлены, в полной мере отражают обычаи, верования и способы мышления древнего человека. Так, форма древневерхненемецкого глагола *gilouban* «верить» является родственной латышскому существительному *luops* «скот» и албанскому *lope* «корова». Рогатый бог присутствует во многих индоевропейских мифологических системах, в частности, кельтской, где зафиксирован бог Цернунн, чьи изображения и латинский эпитет *Cernunnos* «Рогатый» указывают на бога-быка как объект поклонения. С другой стороны, корень того же глагола фонетически связан с общеиндоевропейским корнем **lub-* «гнуть, вязать, связывать», к примеру, животное перед жертвоприношением.

Кроме того, значение «вера» соотносится со значениями «дерево», «мировое дерево» и «гореть, огонь» (готское *galaubjan* «верить» и латышское *lipt* «гореть»), что также можно отнести к идее сжигания жертв при обращении к божеству. Дополнительно выделяется связь «вера» – «высота, небосвод» через второе значение корня **lub-* «верх, высота» (готское *galaubjan* и русское *лоб*). Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в основе осмысления и, соответственно, номинации данного явления древним мышлением лежит физическое действие, а именно, принесение жертвы объекту поклонения, в качестве которого выступает то или иное сверхъестественное существо.

На современном этапе развития английского языка основными репрезентантами концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW являются лексемы *belief*, *faith*, *trust*. Данные имена обладают различным по характеру семантическим объемом и, соответственно, по-разному выражают сам концепт (Янова 2005, с. 18).

Современная лексема *belief* определяется как восходящая к древнеанглийскому префиксальному *geleafa* от общегерманского корня **laub-* со значением «дорогой, милый сердцу». Данный вербальный репрезентант концепта относят к древнему слою общегерманской лексики. От этого корня зафиксировано, к примеру, древнесаксонское *lubig* «любящий», древневерхненемецкое *gilob* «драгоценный» и древнорвежское *lof* «похвала». Так, с точки зрения этимологии, современная английская лексема *belief* оказывается родственна лексеме *love*. Таким образом, традиционный тип этимологических словарей английского языка фиксирует субъективный эмоционально-аффективный признак как единственный, лежащий в основе номинации концепта BELIEF.

Лежащие в основе номинации признаки отражают первичные представления о познаваемом объекте. Принимая во внимание выводы, содержащиеся в работе М. М. Маковского, а также данные лексикографических источников, можно констатировать, что в эпоху общегерманской общности и ранний период пребывания союза западногерманских племен в Британии вера, воспринимаемая как сложный эмоционально окрашенный этический феномен (телеономный концепт по С. Г. Воркачеву), в котором смешиваются

субъективные и объективные черты, осмысливалась в первую очередь через связанные с ней ритуальные действия, которые представляется возможным обозначить как физические манифестации веры.

Дальнейшее развитие комплекса признаков, лежащих в основе номинации концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW, определяется столкновением между первоначальным языческим комплексом мировоззренческих установок и христианской религиозной парадигмой, а также и латинской ученостью, благодаря которой оказалось возможным письменно зафиксировать англосаксонскую устную традицию. Кроме того, большинство произведений, сохранившихся до настоящего времени, были созданы как раз в этот переломный период, представляя собой выражение уникального сплава древних языческих представлений и новой веры. Так, Дж. Р. Р. Толкин в эссе «Беовульф»: чудовища и литературоведы» определяет автора поэмы как «ученого мужа, который пишет о былых временах, который оборачивается назад, смотрит на героизм и печаль и находит в них нечто непреходящее и нечто символическое. Его нельзя считать наполовину язычником – исторически это маловероятно для подобного человека того времени. Воплощая свой замысел, он опирался в первую очередь на христианскую поэзию, в основном на ту, что восходит к традиции Кэдмона и, в особенности, «Бытия» (Толкин 2004, с. 48).

Основным методом исследований в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является концептуальный анализ, предполагающий многоступенчатый, комплексный подход: гештальтный анализ применяется наряду с контекстуальным, дефиниционным и сравнительным методами. В общем смысле под концептуальным анализом понимается способ исследования, фиксирования и объяснения представлений и понятий носителя языка. Это метод формализации того, «что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии, т.е. речью» (Чернейко 1996, с. 187). Цель концептуального анализа заключается в раскрытии всех знаний (представлений, образов, гештальтов), характерных для конкретной культуры. Собственно гештальтный анализ представляет собой буквальное прочтение семантической сочетаемости имен, в ходе которого вычленяются имплицитные признаки в концептуальном содержании ментальных конструкторов (концептов).

Центральная роль субстантивных лексем в наименовании концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW подтверждается как зафиксированной частотой их употреблений и сочетаемостью, так и наличием большого количества производных лексем, формирующих основную часть лексико-семантического поля «вера» в древнеанглийский период.

Лексема *geleafa* употреблялось в следующих значениях:

1a) the mental action, condition, or habit of trusting to a person or thing, trust, faith (мысленное \ умственное действие, состояние или привычка \ склонность полагаться на кого-либо \ что-либо, доверие, вера): *Gif wé willaþ on Drihten gelyfan . . . wé sceolon þone geleáfan mid góðum dæligdum gefyllan* (если мы желаем верить в Господа, ... мы должны веру ту благом каждый день наполнять). В данном контексте вера предстает сосудом, который необходимо наполнить. Таким образом, элементом содержания концепта является вещественный признак – контейнер. Вещественность как имплицитный признак концепта усиливается употреблением лексемы *geleafa* с глаголом *habban* (иметь, обладать): *Ne hí on gewitnesse hæfdon on hiora fyrhðe fæstne geleáfan* (не имели они свидетельств в твердой вере их духа), а также употреблением при имени концепта прилагательного *fæst* (крепкий, прочный, постоянный).

1b) belief in God, Christian faith (вера в христианского Бога): *Þám þe ic lífes ofonn, leóhtes geleáfan* (тому, кому я отказал в жизни, в светлой вере). *Se rihta geleafa us tæcþ, ðæt we sceolon gelyfan on ðone Halgan Gast* (истинная вера учит нас, что мы должны уверовать в Духа Святого). В данном контексте актуализируется имплицитный признак одушевленности концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW. По метонимическому переносу концепт наделяется свойствами самостоятельно действующей сущности, наставляющей и инструктирующей человека. Специфическим проявлением этого признака можно считать

наделение концепта солярными характеристиками: *Dæges ór onwóc leóhtes geleáfan* (начало восстало светлой веры). Связь между светом и красотой отмечали многие исследователи средневековой культуры. В частности, Ле Гофф писал: «В средневековом сознании всё красивое насыщено светом» (Ле Гофф 2008, с. 124). Наличие в данном контексте слова *leoht*, актуализирующего признак светлый, позволяет говорить об аттракции древнеанглийских концептов ВЕРА, СВЕТ и КРАСОТА, и о собственно вере как носителе определенных признаков последних. Кроме того, наряду с выделяемым признаком контейнер, в контекстах, описывающих внутренний мир человека, актуализируется имплицитный концептуальный признак содержимое: *Eom ic leóhte geleáfan fægre gefylled* (светлой веры исполнен я).

2) mental acceptance of a statement or fact (мысленное принятие \ согласие с фактом или утверждением): *Ic hæbbe me fæstne geleáfan up to ðam ælmihtegan Gode* (я имею твердую веру во всемогущего Бога на небесах). При данном употреблении лексемы *geleafa* также присутствует определение *fæst*, что актуализирует вещественный признак концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW. Также фиксируется сочетание лексемы *geleafa* с глаголом *habban* во многих контекстах, к примеру: *Pá men pá þe Godes ríces geleáfan habbað* (те, кто веруют в Царствие Небесное). В другом контексте представлено сочетание существительного *geleáfa* и глагола *niman*: *Neó geleáfan nó m þæt hé pá bysene from Gode brungen hæfde* (поверила она; букв. «взяла веру», что он повеления от Бога принес). Вера, будучи результатом сложной психоэмоциональной деятельности человека, осмысливается древним сознанием через физические действия. Как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая, анализируя древние наименования, «имена чувств древнеанглийского и древнеисландского эпосов были гораздо менее приспособлены для обозначения собственно психических состояний, чем их современные переводные эквиваленты» (Гвоздецкая 1991, с. 138).

3) what is believed, the proposition or set of propositions held true; the doctrines of a religious system (то, чему верят, предположение или набор предположений, считающихся истинными; религиозная доктрина): *Nú we wyllaþ secgan eow ðone geleáfan ðe on ðam créðan stent* (теперь расскажем мы тебе о вере, что есть в том учении). Буквальный перевод содержал бы информацию о вере, которая «*stoum (stent)* в данном учении». Наряду с другими контекстами данный пример иллюстрирует тенденцию представления веры, которая, являясь «феноменом духовной жизни» (по Ю. С. Степанову) метафорически осмысливается древним сознанием через обыденные действия. В указанном значении лексема сочетается с эмоционально-оценочными определениями *sóþ* (истинный): *Ne gelyfe ic nó hit geweorþan mihte . . . and ic nó ne wearþ of þám sóþan geleáfan* (не верю я, что это произойти могло... и я не приобщился к той истинной вере) и *án* (единый, единственный): *Án is geleáfa, án is fulwiht, án fæder éce* (одна вера, одно крещение, один Отец Вечный).

4) a formal statement of doctrines believed, a creed (формальное воплощение религиозной доктрины, символ веры): *geleafa* and *gebed* ... *Pater Noster on Englisc*; (вероучение и молитва... Отче Наш на английском).

Лексема *geleaffulness* с вариантами написания на *-ness, -nys, -nyss* со значением «faithfulness, belief, trust» (верность, вера, доверие) была зафиксирована как глосса для латинских лексем *fidelitas* и *credulitas*: *we scedan andettan ða soðan geleaffulness on urne Drihten* (мы должны исповедовать истинную веру в Господа нашего). Небольшая частотность употребления самой лексемы, наличие в ее составе производных аффиксов, а также использование данной лексемы в качестве глоссы к латинским первоисточникам исключительно христианского религиозного характера предполагает вторичность обозначаемого ею концепта GELEAFFULNES по отношению к концепту GELEAFA/LEAFA/TREOW.

Концепт, обозначенный композитой *geleafhlystend*, также имеет вполне определенную включенность в относительно новую для англосаксов того периода христианскую религиозную сферу, обозначая того, кто получает наставление перед обрядом крещения (*hlystend* – «слушающий, слушатель»). С другой стороны, внутренняя

форма концепта GELEAFHLYSTEND актуализирует признак вещественности ядерного концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW, а именно, *geleafhlystend* – «внимающий, слушающий веру».

Особый интерес представляет отмеченный в словаре пример употребления составного существительного *geleáfnes-word*, зафиксированное в эпической поэме «Беовульф»: No her cuðlicor cuman ongunnon lindhæbbende // ne *geleáfnesword* guðfremmdra gearwe ne wisson // maga gemedu; No aliens ever at ease thus bore them, linden-wielders: yet word-of-leave clearly ye lack from clansmen here, my folk's agreement. Данная составная лексема, переведенная в словаре Босворта-Толлера как «password» (пароль), а в художественном переводе как «word-of-leave», является одним из немногих зафиксированных в лексикографических источниках примеров слов ЛСП «вера» англосаксонского языка, производных от существительного *geleáfa*, не входящих в круг лексических единиц с ярко выраженной религиозной семантикой. Признаковая структура концепта GELEAFNES-WORD содержит представление о вере как доверии между субъектами, основанном на предварительной договоренности, соответственно актуализируя идентичный признак ядерного концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW.

Лексема *geleáfleásness(-ness,-nys,-nyss)* «incredulity, want of belief» (маловерие, отсутствие веры) относится к числу лексем с отрицательным значением. Производный характер имени концепта GE-LEAFLEASNESS подчеркивает его второстепенную роль по отношению к ядерному. Анализ контекстов употребления также указывает на использование данной лексемы исключительно в текстах христианской тематики. С другой стороны, ряд контекстов актуализирует способность быть познанным как имплицитный признак концепта GELEAFLEASNESS, а соответственно, и ядерного концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW: On þám dæge wæs haeligra Judéiscra manna geleáfleásnys *gewiten fram mannum and riht geleáfa ásprang* onmang Godes gelaðunge (в тот день познал слабый народ иудеев безбожие от человека, и правая вера исчезла (букв. «отпрыгнула, удалилась») в Божьей церкви / церковной общине). Данный контекст дополнительно актуализирует имплицитный признак одушевленность ядерного концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW.

Существительное *geleáfleást(-leaflyst)* со значением «want of faith, unbelief, infidelity, unfaithfulness» (отсутствие веры, маловерие, неверность), зафиксированное также как глосса к латинским словам *infidelitas* и *incredulitas*, относится к группе лексем с отрицательным значением: Nú sind adwæscede ealle geleáflýstu (теперь все измены (неверие) искоренены, букв. «потушены»). Данный контекст актуализирует имплицитный признак огненная стихия, входящий в структуру концепта GELEAFLEAST. Необходимо отметить, что появление признака огонь для концепта GELEAFLEAST неслучайно. Исследования собственно концепта ОГОНЬ показывают, что на базе сегмента «огонь конца света» в древнеанглийском языке в христианский период образуется новый когнитивный слой – «огонь для наказания за грехи в аду», что придает древнеанглийскому концепту ОГОНЬ негативную оценочную окраску (Протасова 2004, с. 3).

Противопоставление веры и неверия как комплексов особых психологических модусов находит подтверждение и в других контекстах: Láriówas út *gewitun of Angla lande for þære geleáfléste þe him þá onsaege gewearþ* (ученые люди ушли из земли англов по причине их (англов) неожиданно случившегося неверия, букв. «напавшего»). В отличие от веры, основанной на логическом, осознанном принятии «условий игры», то есть определенной поведенческой модели, что выводится из анализа контекстов употребления имен концепта в англосаксонских источниках, неверие предстает силой активной, но при этом стихийной, случайной, не поддающейся контролю. При этом неверие ни в коей мере не подразумевает атеизм. Последний, будучи феноменом Нового времени, глубоко чужд средневековому фидейному (по М. В. Никитину) мышлению. Под отсутствием веры, безбожием, в прецедентных текстах подразумевается вера в Дьявола или почитание старых языческих богов, что в условиях новой религиозной парадигмы рассматривается авторами (преимущественно христианами-монахами) как явления одного порядка. Глубоко

отрицательное отношение к такому «отсутствию» веры подтверждается многочисленными случаями употребления сочетания *deófles geleáfa* («дьявольское, дьяволово неверие»): *Nele úre heofonlica Fæder ús syllan þæs deófles geleáflaeste, gif wé hine biddað þæt hé ús sylle sóðne geleáfan* (не ввергнет нас Отец Небесный в дьявольское безверие, если мы ему молиться будем о том, чтобы он внушил нам истинную веру).

В число отрицательных существительных также включаются образования с префиксом *un-*: *ungeleafa*, *ungeleaffulnes(-ness,-nys,-nyss)*, *ungeleafsumness*. Существительное *ungeleafa* со значением «unbelief» (неверие) выступает основным антонимом к центральной элементу ЛСП «вера» д. а. периода (ср. гот. *ungalaubeins*), выступая глоссой к латинскому *incredulus*: *He wundrode for heora ungeleáfan* (он удивлялся их неверию).

Лексема *ungeleáffulnes* с вариантами написания на *-ness,-nys,-nyss*, помимо первого значения «unbelief» (неверие, безбожие), обладает более узким значением «incredulity» (недоверие, недоверчивость): *Hé taelde hyra ungeleáffulnesse, for ðam ðe hí ne gelýfdon ðám ðe hine gesáwon of deáþe árisan* (он обвинил их в неверии, так как не поверили они, увидев, что воскрес он). В структуре концепта *UNGELEAFFULNESS*, как и в структуре центрального по отношению к нему концепта *GELEAFA* смешиваются представления о вере как религиозном чувстве и вере как явлении полагания чего-либо истинным.

Лексемы *ungeleáffulnes* и *ungelífness* «unbelief, infidelity, heathenism» (неверие, неверность, язычество) объединяют в своей семантике «отрицание собственно христианской веры как таковой» и «приверженность ложным богам, идолопоклонство», к примеру: *Monige on Angelðeóde, mid ðý hí ðá gyta on ungeleáffulnyssse* (многие из англов, тех, кто все еще пребывал в неверии). К этой группировке слов также примыкает лексема *ungelífend* «unbeliever» (неверующий, отступник). Анализ примеров с указанными отрицательными лексемами позволяет предположить второстепенную роль концептов, репрезентируемых данными единицами, в рамках семантического поля *vera* в древнеанглийский период. Это подтверждается производностью имен концептов, созданных средствами собственно англосаксонского языка. Данные концепты появляются как элементы картины мира, уже подвергшейся изменению под влиянием процесса христианизации. Помимо этого, ограниченность сферы употребления данных лексем-репрезентантов только произведениями христианской религиозной тематики указывает на их периферийное положение в концептосфере «ВЕРА» древнеанглийского периода.

Литература

- АЛИФЕРЕНКО, Н. Ф., 2005. *Современные проблемы науки о языке*. Учеб. пособие. Москва: Флинта, Наука.
- АРУТЮНОВА, Н. Д., 1980. К проблеме функциональных типов лексического значения. *Аспекты семантических исследований*. Москва: Наука.
- ВЕНДИНА, Т. И., 2001. *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва: Индрик.
- ГАНИНА, Т. А., 2001. *Готская языческая лексика*. Москва: изд-во МГУ.
- ГВОЗДЕЦКАЯ, Н. Ю., 1991. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды»). *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва: Наука.
- КРУГЛИКОВА, Т. М., 2004. К проблеме современной парадигмы изучения языка и речи. *Язык и время*. Материалы межвузовской конференции. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева.
- КУБРЯКОВА, Е. С., 1988. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. Москва: Высшая школа.
- ЛЕ ГОФФ, Ж.; ТРЮОН, Н., 2008. История тела в средние века (пер. Е. Лебедевой). Москва: Текст.
- МАКОВСКИЙ, М. М., 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. *Образ мира и миры образов*. Москва: Гуманитарный исследовательский центр «Владос».
- НИКИТИН, М. В., 1996. *Курс лингвистической семантики*. Санкт-Петербург: научн. центр проблем диалога.
- ПРОТАСОВА, А. К., 2004. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках. *Автореф. на соиск. ст. канд. филол. наук*. Томск: изд-во Томского гос.пед. уни-та.
- РЕЖАБЕК, Е. Я., 2003. *Мифомышление (когнитивный анализ)*. Москва: Едиториал УРСС.

- СТЕПАНОВ, Ю. С., 1975. Методы и принципы современной лингвистики. Москва: Наука.
- СТЕПАНОВ, Ю. С., 2001. Константы. *Словарь русской культуры*: Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект.
- ТОЛКИН, Дж. Р. Р., 2004. *Профессор и чудовища*. Эссе. Пер с англ., лат., др.-исл. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- ФЕОКТИСТОВА, Н. В., 1984. *Формирование семантической структуры отвлеченного имени*. Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та.
- ЧЕРЕЙКО, Л. О.; ДОЛИНСКИЙ, В. А., 1996. Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа. *Вестник МГУ*, сер. 9, Филология, № 6. Москва: изд-во Московского государственного университета
- ЯНОВА, О. В., 2005. Концепт BELIETH / TRUTH / FAITH: структура и репрезентация в современном английском языке. *Автореф. на соиск. ст. канд. фил. наук*. Санкт-Петербург: изд-во Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- BOSWORT, H. J., 1898. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*, ed. by T.N. Toller. Oxford: Oxford University Press.

Dmitry Dotsenko

The affiliate of Astafyev's Krasnoyarsk Pedagogical University in Zheleznogorsk, Russia

Research interests: cognitive linguistics, linguistic culture science, history of the English language, the issues of the Chinese language teaching

GESTALT ANALYSIS OF ANGLO-SAXON CONCEPT "BELIEF"

Summary

The article represents a research of an element of a linguistic-cultural concept by means of gestalt analysis aimed at distinguishing implicit features of the concept. Works in the sphere of ancient and dead languages cannot apply a full conceptual analysis, for example, an experimental method. It is a gestalt analysis that is able to distinguish conceptual features. It can be described as a "word-by-word" consideration and analysis of lexical combinations in particular utterances and texts. It is this method that contributes to defining true and real sets of behavioral characteristics that affected a person of the Middle Ages and is not confused or altered in Christian religious works.

KEY WORDS: cognitive linguistics, linguistic culture science, linguistic-cultural concept, conceptual analysis, gestalt analysis, implicit feature

Татьяна Дробышева

Российский государственный университет им. И. Канта, Россия

ул. А. Невского, 14, 236041 Калининград, Россия

Тел.: 8-4012-514196

Эл. почта: ivandrob@yandex.ru

Научные интересы: культурология, этнокультурология, культурная антропология, философия.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Представлен сравнительный анализ в трактовке данного феномена, где можно отметить две традиции: западноевропейскую и российскую. Так впервые понятие толерантность появляется в латинском языке, в котором имеются два глагола со значением «терпеть». Что касается российской традиции, то термин «толерантность» стал употребляться в русском языке сравнительно недавно. В истории русской философии можно обнаружить несколько религиозно-философских и светских подходов к решению проблем терпимости. В статье рассматриваются подходы к решению этого понятия в творчестве философов русского зарубежья Н. С. Трубецкого, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева и др. Сегодня идея толерантности все чаще привлекает внимание политиков, философов, психологов и других ученых

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терпимость, толерантность, самобытность, познание чужого, терпеливость, выносливость, патриотизм, национализм

В рамках антропологии всегда доминировала идеология межкультурной толерантности. Интерес ее представителей к иным народам, и бесписьменным обществам, к тем, чей образ жизни существенно отличался от европейского, обуславливал стремление понять социокультурную жизнь других, а значит, принять ее самобытность как данное и самоценное.

Проблемы самобытности русской культуры, её роли в развитии мировой культуры явились предметом обсуждений многих русских мыслителей XIX-нач.XX вв.. Разумеется, русские философы и социологи по-разному отвечали на вопрос о самобытности русской культуры. Н. Я. Данилевский, как известно, гипертрофировал самобытность, уникальность русской культуры, он полагал, что с общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по становлению; напротив, ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую самостоятельную культурную границу, или лишиться всякого культурно-исторического значения.

В понимании феномена «толерантность» можно отметить две традиции: западноевропейскую и российскую.

Впервые понятие толерантности появляется в латинском языке, в котором имеются два глагола со значением «терпеть» - “pati” и “tolerantia”. Глагол “tolerantia” трактуется не просто как смиренное терпение, а как устойчивая активная позиция человека, добровольное и стойкое перенесение страданий, боли, зла. Древнегреческий философ Сократ связывал терпение с интеллектуальным аскетизмом, и рассматривал его как предпосылку духовного и социального сплочения людей. Платон считал, что для создания гражданского общества необходимо придерживаться принципа терпимости в отношении друг друга. Аристотель под терпимостью понимал возможность равноценного существования людей и вещей.

Толерантность в западной политической философии описывается самыми разными способами. М. Б. Хомяков отмечает, что существуют два вида определения этого понятия: слабое и сильное. В слабом под толерантностью понимается вообще любое ненасильственное допущение существования Другого, от уважения до принятия. Между терпимостью и толерантностью имеется существенное различие. Толерантность имеет

оттенок терпения, но терпения активного, принципиального, что отличает его от пассивного безразличия, так и от безоговорочного принятия и уважения (Хомяков 2003, с. 39).

М. Б. Хомяков считает, что толерантность не выступает благом в любых условиях, в ее проявлении необходимо подразумевать представление о ее границах или пределах. Во-первых, толерантность ограничивается вредом, наносимым человеком обществу или другому человеку. В случае терроризма вред для общества очевиден, потому толерантность к нему недопустима. Во-вторых, пределы толерантности заданы соблюдением прав человека. Все кто нарушают права человека, не могут рассчитывать на толерантное к ним отношение. Если нарушений прав человека не наблюдается, то допускается толерантное отношение к любому отклонению от нормы. Границы толерантности разнятся в зависимости от типов культуры и общества, а потому, видимо, невозможно найти «истинную» толерантность, приемлемую для любого общества (Хомяков 2003, с. 40).

Таким образом, человека можно назвать толерантным, если он отказывается от употребления силы воздействия на существование морально неприемлемого для него отклонения. Причем такой отказ признается морально верным, достойным деянием.

Что касается российской традиции, то термин «толерантность» стал употребляться в русском языке сравнительно недавно. В истории русской философии можно обнаружить несколько религиозно-философских и светских подходов к решению проблем терпимости. Русские философы Н. С. Трубецкой, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев обращали внимание на то, что каждый народ отличается самобытностью, познание и понимание которой приводит к постижению собственной сущности и сущности других людей. Путем самопознания народ приходит к осознанию равноценности всех народов, проживающих на земле.

Особое внимание к пониманию терпимости проявлял В. С. Соловьев. Он посвятил данной проблеме целый раздел в своей книге «Оправдание добра». Понятие «терпеливость» и «терпимость» с его точки зрения, имеют разное значение. Под «терпеливостью» Соловьев понимал оправдательную сторону того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется «великодушие» или «духовное мужество». Понятие «терпимость» же близко понятию «невозмутимость». По мнению философа, терпеливость, великодушие, мужество имеют очень тонкие, чаще всего субъективные оттенки толкования.

Так, философия Соловьева исходит из утверждения ценности свободной личности и ее достоинства. Он при этом подчеркивает, что свобода не освобождает никого от обязанностей перед людьми, а напротив, предполагает выполнение человеком своих социальных обязанностей. Человеческая личность самоценна, поэтому свобода одного определена свободой другого, однако человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту». Он находит в государственной деятельности важнейшее условие культурного прогресса человечества, основанного на сложном сотрудничестве многих сил. Именно оно определяет отношение людей друг к другу непосредственно. Так, нравственная политика реализуется как в отношении отдельного человека посредством обеспечения государством его достойного существования, так и на международном уровне: нравственный закон един и для индивидуума, и для народа в целом. Так, в частности, в международной жизни, выступая против любых проявлений национализма, он призывал, по христианской заповеди, «любить все другие народы, как свой собственный». И хотя сослагательное наклонение в истории у многих вызывает неприятие, нетрудно представить себе, насколько сохраннее и богаче была бы наша культура, победы в ней не разрушительные силы большевизма, а заветы Соловьева и его последователей, объединенных так называемой философией всеединства и стремившихся не к расколу, а к сплочению русского общества, и всех народов мира. «Великий нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей (как и народность не существует вне отдельных людей) и эта связь сделалась уже нравственной, внутренней, а не физической

только, то прямой логический вывод отсюда есть тот, что мы должны любить все народы как свою собственную народность». Соловьев полагал, что христианство не упраздняет национальностей, но только в свершении великого дела – создании всечеловечества – народ сохраняет свою душу. Тема России, ее истории ее судьбы – главный центр его творческого наследия. Само понятие «русская идея», выдвинутое еще Вл.Соловьевым стало центральным пунктом философского творчества ряда оказавшихся в эмиграции русских философов. Содержание этого многопланового понятия включает в себя и вопрос о месте русского народа в мировой истории, и споры западников и славянофилов, и нравственные искания русской классической литературы, и культурно-этнические особенности русской нации, и многое другое.

В. С. Соловьев считал, что если Запад и Восток, в сущности, уже исчерпали себя, то третья сила – славянство и народ русский – полны жизни и в состоянии дать жизнь и обновление двум первым, причем на путях не борьбы с ними, а примирения их обоих. Будут ли сохранены культурное наследие русского народа, его тысячелетние традиции, выработанные в результате тесного взаимодействия с другими национальными культурами? На этот вопрос Г. П. Федотов дал вполне положительный ответ. Он рассматривал Россию как живой исторически выросший и культурно оправдавшийся организм.

Основная мысль многих российских мыслителей того времени сводилась к тому, что Россия способна к великому духовному подъему. Необходимо противостоять попыткам Запада растворить русскую культуру в культуре европейской. Только овладев собственной духовной культурой, Россия способна в полной мере раскрыть свои потенциальные возможности. Однако в 20-е годы получили распространение идеи евразийства, в основе которых лежит тезис о том, что Россия – это Евразия, это Запад-Восток. Авторы евразийства признают, что Россия – это особый мир. Её история – это история развития уникальной мировой культуры, отличающейся от культур Запада и Востока. Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начало.

Важнейшие идеи евразийства содержатся в работе Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Основной мотив его книги – критика абсолютизации преимуществ европейской культуры. Он писал, что «та культура, которую поднесли... под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов». В ходе европеизации происходит потеря культурной самостоятельности европеизируемых народов. Из-за неравного характера процесса культурного взаимодействия импорт ценностей западной культуры всегда превышает экспорт ценностей европеизируемого народа.

Принципиальной особенностью евразийцев была корреляция культурных, психологических и географических особенностей жизни тех или иных народов. Для евразийцев Россия – это не Запад и не Восток, а именно Евразия – особый географический и культурный мир с ее специфическим субъектом – симфонической личностью. Из этого следовал вывод о преимуществе духовной культуры России – Евразии. Ее особое место среди славянских культур подчеркивалось указанием на то обстоятельство, что единственным звеном связующим славянские и русские культуры, является язык. Россия-Евразия унаследовала не только византийские культурные традиции. Важным культурным фактором оказалась и «восточная волна» Монголии. Евразийство ставило задачу выявить соотношение народности и территории, для решения которой должны были приниматься в расчет давление и сопротивление, оказываемые друг на друга культурами Евразии, а равно и степень вовлеченности каждой из них в сложный оборот европейской культурной политической и экономической жизни при наличии, с одной стороны, сложных групповых и классовых противоречий, а с другой – «сил центростремительных и культурнообразующих». На теоретическом уровне эта задача формировалась как проблема взаимодействия различных субкультур.

Особую значимость для русской философии XX века представляет творчество Ивана Александровича Ильина – оригинального ученого, внесшего большой вклад в развитие русской философской правовой мысли и идей толерантности. В 1922 году он был выслан в Германию и там принял участие в создании центра русской культуры. В творчестве Ильина всестороннее и глубокое освещение получает проблема противостояния злу. Решая ее, он критикует теорию «непротivления злу насилieм» Л. Толстого, полагая, что непротivление есть потворство злу. Согласно Ильину, «добро есть любящая сила духа, зло – слепая сила ненависти». Поэтому в борьбе со злом нужно использовать прежде всего, душевно-духовное воздействие на человека. И если этого воздействия недостаточно или оно неосуществимо, тогда только можно прибегнуть к физическому воздействию, к «заставлению», которое позитивно ориентировано на заставляемого человека и на его душевно-духовный мир. Цель его состоит в том, чтобы направить другого (себя) на путь истинный, искоренить в душе зло. Духовное единство людей может возникнуть только тогда, когда каждый отдельный человек духовно и религиозно самостоятелен и индивидуален, имеет в себе источник духовного опыта и является субъектом нормального правосознания. Для Ильина национализм – это любовь к духу своего народа, к его духовному своеобразию, защитная реакция нации на извращение начал национального духа и бытия, а патриотизм – это чувство любви к Родине. У него понятие «национализм» отличается от современной трактовки, где под национализмом понимается идеология и политика, которая проповедует национальную обособленность народа, разжигание межнациональной вражды, недоверие к другим народам. У И. А. Ильина понятие «национализм» близко к понятию «патриотизм», но это более частное понятие. Национализм, по Ильину, это составная часть патриотизма с положительным значением для формирования личности. По И. А. Ильину, Россия не могла и не должна была стать культурной баррикадой между Европой и Азией, Западом и Востоком, Севером и Югом. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру. Перед нами задачи творить русскую самобытную духовную культуру из русского сердца русским созерцанием в русской свободе, раскрывая русскую предметность, отмечал он.

Итак, в начале XXI века все больше сторонников, поддерживают точку зрения, что Россия, населенная в большинстве своем русскими, - это не Восток и не Запад. Исторический опыт, а также анализ современной ситуации в России показывает, что на русской национальной почве не могут прижиться индивидуалистические социокультурные идеалы и ценности. Причина этого состоит в том, что русская нация, как и вся российская многонациональная общность, сформировалась в условиях самых разнообразных евроазиатских связей и противоречий, в тесном взаимодействии со многими европейскими и азиатскими народами. Поэтому русская культура (в широком смысле, в том числе и в своем экономическом и политическом аспекте) – это не европейская индивидуалистическая и не азиатская коллективная культура, а самобытная национальная культура, обогащенная включением в нее элементов культур тех различных европейских и азиатских народов, с которыми на протяжении многих веков сосуществовали русские.

В заключении рассмотрения российской традиции проблем толерантности следует отметить, что русская философия всесторонне проявила себя как феномен многонациональной духовной культуры России. Общей темой русской мысли являются проблемы человека и мира, общества и истории, нравственности и справедливости. Все они решались в русской философии с гуманистических и нравственных позиций защиты интересов человека в контексте общества, народа. Гуманизм русской философии тесно связан с ее «всемирной отзывчивостью» и способностью к усвоению духовных ценностей и обычаев других народов.

Сегодня идея толерантности все чаще привлекает внимание политиков, философов, психологов и других ученых. Современный словарь философских терминов определяет толерантность как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку,

принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности.

Толерантность не сводится к простой терпимости, а подчеркивает способ отношения к неприятным или неприемлимым объектам – снисходительное их допущение или вынужденное терпение без применения насилия. В отличие от терпимости толерантность подчеркивает право личности на сохранение автономии. Как социально-психологический феномен толерантность предполагает настроенность личности на паритетный диалог, познание нового, «чужого» (Словарь философских терминов, 2004).

Идеал толерантности выглядит красиво (есть соответствующий документ ЮНЕСКО – Декларация принципов толерантности, – подписанный 16 ноября 1995 г. В Париже 185 государствами, включая Россию) – «уважение многообразия культур..., отказ от догматизма и абсолютизации истин и норм..., гармония политических, этнических групп...». Понятно, что декларируемой толерантности противопоставлена интолерантность, т. е. нечто противоположное общечеловеческим идеалам и ценностям. Гармонии, о достижимости которых дискутировали ещё с античности: (Сократ, Платон, Аристотель) если идеал – нечто запредельное, никогда и никем не реализуемое, то с чего бы вдруг обижаться на отступление от него, поскольку отступить можно только от чего-то существующего, если все же достигим и его, реализованный, можно обнаружить в жизни, то он, как сама жизнь, преходящ – один идеал сменяется ему наследующим, т. е. толерантность исторически конкретна, а время истории на часах разных народов принципиально не одно и то же. Так что нет толерантности как достижимой победы.

Вывод: толерантность – не идеал, а некий политически актуальный символ, содержание которого непрерывно дискутируется, особенно в последние годы. Не думать о содержании и смысле символа возможно в двух случаях, – либо общество и государство наконец-то обретут давно желаемую силу действовать по своим представлениям, без оглядки по сторонам («что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?»), вот тогда и перестанут нуждаться в подпорках типа «Ребята, давайте жить дружно!»; – либо настолько обострятся социальные противоречия в обществе, что даже мысль о возможности уважительного, с легким оттенком душевной гармонизации, отношения, скажем, к образу жизни толстосума и к нему самому покажется отвратительной, противоестественной, пошлой.

Скепсис на уровне абстрагирования подталкивает к более осторожным рассуждениям. Предположим, что толерантность не актуальный политический символ, а все же некоторая современная и необходимая нам характеристика жизни общества и поведения индивидов. Иначе говоря, толерантность в той же мере реальна, как реальны любовь и жестокость, добро и зло. И у нее есть своя, ее отрицающая пара – интолерантность.

Вместе с тем нельзя не заметить, что представления о любви и ненависти, славе и бесславии, добре и зле более всеобщы и в большей мере вечны, чем представления о толерантности/интолерантности. Хотя тоже подвластны неумолимым часам истории. Тоже, но не так же – в этом их принципиальное отличие. Надо оговориться: в этом контексте мы говорим о толерантности, не выходя за пределы российской культуры. В противном случае утонем в языковой разноголосице дефиниций. Потому что общее понятие толерантности не исключает того, что в разных языках, в зависимости от исторического опыта народов, оно находит различные смысловые оттенки. У англичан толерантность – «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь», у французов – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов». Для китайцев быть толерантным – значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других». В арабских культурах толерантность – «прощение, снисходительность, мягкость, сострадание, благосклонность, терпение...», расположенность к «другим» в культуре Ирана – «терпение, терпимость, выносливость, готовность к примирению».

Толерантность, социальна и ее проявления в конкретных ситуациях межличностных и межгрупповых отношений различны; в качестве особого аспекта она присутствует при анализе различных сторон деятельности человека и развития общества. Вспомним, как ярко проявилась толерантность в эпоху Возрождения, уже тогда понимаемая как уважительное отношение к человеку вообще, к мнению другого, к чужим обычаям. В политический словарь понятие толерантность вошло в век Просвещения, философы которого отстаивали права «примиряющей добродетели» (Д. Дидро). Такое толкование полярно по отношению к расхожим представлениям о терпимости в качестве содержания толерантности.

Писатель А. Мелихов подметил, что термины «толерантность», «терпимость» неизменно порождают ощущение разнеженности, тогда как по-настоящему толерантными могут быть только сильные: для снижения уровня нетерпимости необходимо снижать долю граждан, ощущающих себя побежденными» (Мелихов 2007). Или перестать быть замкнутыми в своем доме. По данным ФОМ, за последние три года число тех, кто хотя бы раз побывал за границами СНГ, не превысило 5 %. Мы остаемся во многом замкнутой страной. Где люди по большей части живут всю жизнь, не выезжая за пределы привычного мира. Почти всеобщее невладение иностранными языками (таких до 95 %) дополняет картину отрезанности от современных потоков отнюдь не лишней информации.

Толерантность без границ не только возможна, пишет А. Мелихов, но и опасна. И поэтому разумную толерантность определяет в сократовском духе – как знание, чего следует и чего не следует бояться.

При любых типах отношений культурной единицы с другими культурами, вплоть до силового навязывания ей извне определенных черт, паттернов, тем, включаются механизмы охраны ее культурной самобытности. Речь идет о том, что при контактах с другими специально презентуются или демонстрируются те стилевые особенности, которые наиболее отчетливо представляют ее ядро. И чем сильнее становится внешнее давление, тем в большей степени люди отстаивают самобытность собственной культуры.

В этом контексте поле межкультурных контактов представляется в виде сосуществующих целостных и самобытных культурных единиц, сохраняющих идентичность вне зависимости от частоты и интенсивности контактов. Такое положение дел обозначается как культурный плюрализм, если подчеркивается множественность, разнородность и несводимость друг к другу специфичных проявлений, характерных для каждой из сторон межкультурных отношений. Если же хотят подчеркнуть право каждой из культурных единиц на сохранение самобытности, их самобытность и самодостаточность в региональном или глобальном масштабе, употребляют понятие мультикультурализм. Механизмом поддержания такого положения дел считается толерантность. Это понятие означает взаимную терпимость представителей различных культур и проявлением их самобытности, к сохранению их идентичности в условиях неизбежности сосуществования и контактов.

Именно толерантность и подобные ей позиции представителей различных культур в отношении друг к другу, такие как интерес, любознательность, стремление к подражанию и т. п. делают возможными межкультурные обмены. Речь идет о том, что контакты между культурными единицами, так или иначе приводят к взаимопроникновению определенных артефактов, черт, паттернов, которые в данном случае могут быть названы культурными образцами. Обмен культурными образцами принято называть культурной диффузией.

Сегодня в мире почти не осталось непроницаемых перегородок, глобализация свое дело сделала – понятия «мы» и «они», стали, или становятся, условностью. Что происходит «там», то может случиться и «здесь».

Литература

МЕЛИХОВ, А., 2007. *Толерантность – норма или добродетель?* Дружба народов, № 3, Москва: Русский язык, 174 с.

ХОМЯКОВ, М. Б., 2003. *Толерантность: парадоксальная ценность. Пределы толерантности в современном обществе*. Под. ред. И. Л. Первой, В. В. Козловского. Санкт-Петербург: Каро, 146 с.

Tatjana Drobyshyva

I.Kant State University of Russia, Russia

Research interests: cultural science, ethnocultural science, cultural anthropology, philosophy.

THE PROBLEM OF TOLERANCE IN RUSSIAN OVERSEAS TERRITORIES

Summary

The comparative analysis in the investigation of the given phenomenon where it is possible to note two traditions – West European and Russian – is presented. For the first time the concept of tolerance appears in the Latin language in which there are two verbs with value to "suffer". As to the Russian tradition, the term "tolerance" began to be used in Russian rather recently.

In the history of Russian philosophy it is possible to find out some religious-philosophical and secular approaches to the problems of tolerance. In the paper the author considers approaches to this concept proposed in the works of the philosophers of Russian overseas N.S.Trubetskoy, I.A.Ilin, N.A.Berdjaev.

Today the idea of tolerance even more often draws attention of politicians, philosophers, psychologists and other scientists.

KEY WORDS: tolerance, originality, knowledge of the stranger, patience, endurance, patriotism, nationalism

Eglė Gabrėnaitė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Muitinės g. 12, 3000 Kaunas, Lietuva

Tel. (+370 37) 42 26 04

El. paštas. egle.gabrenaite@gmail.com

Moksliniai interesai: reklamos retorika, lingvistinė diskurso analizė, etc.

RETORINĖS POREIKIŲ TOPIKOS RAIŠKA REKLAMOS DISKURSE

Straipsnyje analizuojama retorinės poreikių topikos raiška rašytinės (regimosios) reklamos diskurse. Siekiama išskirti būdingiausius retorinius poreikių topikos modelius, išanalizuoti jų struktūrą, nustatyti funkcionavimo dėsnį. Topai tiriami kaip retoriniai argumentai, universalūs argumentacijos kodai.

Tyrimas atskleidžia, jog pagrindinė poreikių topikos funkcija — įteigti adresatui, esant reklamos objektas atitinka jo poreikius. Poreikius aktualizuojantys topai — viena iš priemonių, padedančių reklamoms kūrėjams įtraukti adresatą į reklamos kuriamą pasaulėvaizdį.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: reklamos diskursas, retorinė argumentacija, topika.

Įvadinės pastabos. Reklama – menas kurti įtikinėjamuosius diskursus. Siekdama atkreipti adresato dėmesį, paveikti pažiūras, daryti įtaką elgesiui, reklama disponuoja gausiais retorinės persvajijos instrumentų išteklių. Vieni iš jų – universalūs argumentacijos kodai, vadinamieji topai (gr. *topoi*, lot. *loci*).

Reklama yra specifinio pobūdžio komunikacija. Jos kūrėjai palyginti retai remiasi logine argumentacija. Loginiams argumentams reklamoje dažnai pristinga poveikio, įtikimumo. Nors atrodo, kad „logika ir racionalumas turėtų būti vertinama kur kas labiau nei adresanto įvaizdis ar apeliavimas į adresato emocijas, tačiau formalus samprotavimas adresatui dažniausiai yra nepriimtinas (sunkus ir nuobodus), todėl tenka pasikliauti retoriniais samprotavimo tipais“ (žr. Nauckūnaitė 2007, p. 95). Retoriniai argumentai ne tokie tiesioginiai ir akivaizdūs, tačiau gali būti nemažiau poveikūs; nors ir „neteikia medžiagos loginiam pagrindimui, bet emociškai sustiprina jau esamus įrodymus“ (žr. Koženiausienė 2001, p. 132). Reklama yra toks diskursas, kuriame dėl laiko, erdvės apribojimų parankesnė ir poveikesnė retorinė argumentacija, ypač retorinė topika.

Reklamos kūrėjai naudojami daugybe įvairiausio turinio bei formos topų, kuriuos galima skirstyti į įvairias klases ir poklasių. Tačiau dėl topams būdingo intencionalumo bet kuri jų klasifikacija yra sąlygiška – retorinio topo reikšmė yra apibrėžta konkreto konteksto. Net ir tos pačios rūšies topų struktūra skirtinguose kontekstuose nėra identiška.

Straipsnyje analizuojama retorinės *poreikių topikos* raiška rašytinės (regimosios) reklamos diskurse. Siekiama išskirti būdingiausius retorinius poreikių topikos modelius, iširti jų struktūrą, nustatyti funkcionavimo dėsnį.

Tiriamąją medžiagą sudaro spausdintos reklamos, publikuotos žurnaluose „Stilius“, „Žmonės“ (2006–2008 m.). Siekiama nustatyti retorinę topiką reprezentuojančius bendruosius lingvistinius reklamos požymius, todėl tiriamų pavyzdžių imtis sudaryta vadovaujantis pasikartojimo bei dažnumo kriterijais: orientuotasi į skaitomiausiuose leidiniuose publikuotą ir tipiškam vartotojui, nepriklausomai nuo jo socialinių ir intelektinių charakteristikų, skirtą reklamą.

Reklamos pavyzdžiai analizuoti taikant retorinės topikos kategorijas ir retorinės bei kontentinės (turinio) analizės metodus.

Topai – retoriniai argumentai. Topika yra viena iš pagrindinių invencijos¹ kategorijų, siauresne reikšme suprantama kaip sudėtinė argumentacijos dalis, platesne – kaip invencinės medžiagos šaltinis, „argumentų sandėlis“, plačiausia — kaip standartizuoti bet kurios temos analizės aspektai (žr. Korolko 1998, p. 60). Topai pripažįstami teisingais ir nereikalauja papildomų įrodymų, todėl jais paremtas konkretus įrodymas taip pat laikomas teisingu: „Topai — tai vienokie ar kitokie gyvenimo faktai ir mintys, gebantys padaryti mūsų silogizmą įtikinamą, nežiūrint į jo nevykėliškumą ar painumą“ (žr. Волков 2001, p. 87).

Vienas iš retorinės topikos reklamos diskurse tikslų – atsakyti į adresatui aktualų klausimą, kitaip tariant, svarbios auditorijai problemos sprendimas: *Ar tikrai šviežias? Būkite ramūs – tikrai* (Žm 2007, p. 12); *Kamuoja stresas? Stress B. Suvaldykite stresą* (Žm 2006, p. 28). Problema vadinamas konkretus klausimas, prieštaravimas, konfliktas, kurio sprendimu suinteresuotas adresatas. Tai realus retorinio diskurso objektas, todėl svarbu, kad problema būtų tiksliai įvardyta, pasiūlyti tinkamiausi, taip pat pagrįsti ir aiškūs jos sprendimo būdai, kuriuos adresatas apsvarsto, įvertina ir sąmoningai priima

Pagrindinis topų pasirinkimo kriterijus – jų tinkamumas ir funkcionalumas konkrečiame kontekste. Reklamoje stengiamasi naudoti kuo paveikesnius ir ryškesnius topus: siekdami, kad adresatas kuo geriau išsimintų reklamą, jos kūrėjai akcentuoja vieną kurį nors reklamos objekto aspektą – ryškiausią ypatybę, išskirtines aplinkybes, būsimą naudą. Tinkamų topų pasirinkimui itin svarbios tikslinės auditorijos, kuriai skirta reklama, ypatybės: adresato intelektualinės charakteristikos, amžius, lytis, socialinis statusas. Kuo tiksliau apibrėžta tikslinė auditorija, tuo ryškesnė topinė argumentacija pasirenkama.

Poreikių topikos raiška reklamoje. Į argumentaciją reklamoje derėtų žvelgti kaip į objektyvių ir subjektyvių nuomonių vienovę: „<...> objektyvių, nes kalbama apie daikto savybes, informaciją apie jas; subjektyvių, nes ta informacija turi orientuotis į subjekto — reklamos skaitytojo – interesus, poreikius ir pirkimo motyvus“ (žr. Čereška 2004, p. 137). Nustatyti adresato poreikius ir motyvus nėra paprasta, reklamos poveikimo būdų ir auditorijos poreikių ryšį tyrinėja psichologai, sociologai, antropologai. Neretai teigiama, jog motyvų šaltinis yra norai – subjektyvios vartotojo būsenos. Vis dėlto dažniau laikomasi nuomonės, jog pagrindinės motyvų prielaidos yra žmogaus poreikiai bei interesai – tam tikri objektyvūs faktai, susiję su žmogaus psichofiziologine prigimtimi (poreikiais) ir vieta socialiniame pasaulyje (interesais). Poreikis skatina ieškoti būdų jį patenkinti, veikti, taigi tampa tam tikro elgesio motyvu, skatina kryptingą veiklą ir yra neatsiejamas nuo veiksmų, sąmoningo elgesio, kuriuo siekiama konkrečių tikslų (žr. Norkus 2004, p. 8).

Poreikio sąvoka reklamoje itin svarbi. Adresato motyvaciją išgyti reklamos objektą gali nulemti tiek vidiniai, tiek išoriniai veiksniai, tačiau svarbiausia paskatinimo priemone išlieka vartotojo poreikiai, kuriuos reklama dar labiau sustiprina (žr. Čereška 2004, p. 136). „Poreikis – individuali būseną, nervinę psichinę įtampą, kurią sukelia jo egzistavimui būtinų dalykų stygius, trūkumas. Įtampa, emocinis nepasitenkinimas pašalinami tik patenkinus poreikį. Poreikis yra bet kokio aktyvumo, veiklos akstinas“ (žr. Psichologijos žodynas 1993, p. 215).

Reklama vadinama noro ir svajonės kūrimo technologija, pateikianti selektyvius, teigiamus aspektus akcentuojančius vaizdus (žr. Berger 2003, p. 150). Ji vilioja adresatą, kurdama romantikos, seksualumo, malonumo, draugystės, socialumo, laisvalaikio, nepriklausomybės viziją. Taigi poreikis reklamoje visų pirma suvokiamas kaip psichologinio poveikio metodų pagrindas.

Poreikis atitinka Aristotelio „pirminio noro“ supratimą: „<...> jeigu kažko norime, tai norime

¹ Invencija (lot. *inventio* (*in* + *venio* — užteiti, rasti, užtikti, gauti, įsigyti, sužinoti, susekti, atskleisti sugalvoti, išrasti, sukurti) — atradimas, sumanymas išradinumas, išmonė) vadinamas ikitekstinis — minčių tvarkymo — etapas, apimantis mąstymo procesų, susijusių su diskurso turinio planavimu, visumą.

to kažkokiam tikslui pasiekti. Tačiau tą tikslą pasiekti mums reikia dar kažkam, tai savo ruožtu suteikia galimybę pasiekti kažkokį tolimesnį tikslą“. Toks galutinis tikslas (noras) ir vadinamas poreikiu (žr. Justickis 2003, p. 277). Aristotelis „Retorikoje“ kaip pagrindinius žmogaus veiklos stimulus nurodo troškimus, kuriuos skiria į *igimtus*, t. y. suvokiamus pasąmonėje, fiziologinius poreikius: maitinimosi, klausos, regos, lytėjimo, ir *racionalius*, kylančius iš aplinkos. Pastaruosius Aristotelis apibūdina kaip malonumo, laimės, kuri yra gėrėjimasis maksimaliu malonumo kiekiu, siekį. Žmogaus laimę lemiantys veiksniai, pasak Aristotelio, yra kilmė, draugai, laiminga senatvė, turtas, šeima, sveikata, grožis, fizinė jėga, geras vardas, sėkmė, dora (žr. Aristotelis 2005, p. 20–28).

Šiuolaikinės poreikių teorijos akcentuoja veiksnius, susijusius su asmens stimulais, atlikimu ir neveiklumu. Žinomiausios yra A. H. Maslow, C. Alderfer, D. J. McClelland, H. A. Murray, F. Herzberg teorijos, kurios apibrėžia specifinius poreikius, motyvuojančius žmones. Bene populiariausią psichofiziologinių poreikių hierarchijos teoriją sukūrė amerikiečių psichologas A. H. Maslow. Jo teorija paremta šiomis prielaidomis: 1. Individas yra linkęs kurti, kad patenkintų asmeninius poreikius. Negalėdamas poreikių patenkinti, individas linkęs juos mažinti. Patenkintas poreikis praranda motyvuojančią jėgą. 2. Visiems individams būdingi tokie patys poreikiai (plačiau žr. Maslow 2006). A. H. Maslow teigia, jog motyvacija yra penkių pagrindinių poreikių — fiziologinių, saugumo, socialinių, pagarbos, saviraiškos – funkcija. Šios penkios poreikių kategorijos sujungiamos į hierarchinę poreikių piramidę. Poreikiai atsiranda pakopa po pakopos, patenkinius fiziologinius, atsiranda saugumo poreikis, vėliau – socialiniai poreikiai ir t. t.

A. H. Maslow poreikių hierarchija (piramidė)

Pagrindinis reklamos kūrėjų uždavinys – pasirinkti ir aktualizuoti tuos poreikius, kurie adresatui darytų didžiausią įtaką. Tačiau poreikiai neegzistuoja atskirai vienas nuo kito, jie glaudžiai susiję, todėl neretai reklamos objektas pateikiamas tarsi utilitarinių ir simbolinių vertybių rinkinys, skirtas funkciniais, socialiniais, psichologiniams, ekonominiais bei kitokiems adresato poreikiams tenkinti (žr. Čereška 2004, p. 73, p. 137).

Reklamos objektas charakterizuojamas ne tik vartojamąja verte, gerokai didesnė yra ženklo vertė, kuri perteikia tam tikrą įvaizdį, stilių, prestižą. Naudodami poreikių topus, reklamos kūrėjai akcentuoja su reklamos objektu siejamas tam tikras vertybes: profesinę ir asmeninę sėkmę, puikią išvaizdą bei savijautą, pripažinimą ir t. t. Reklama siūlo produktą kaip priemonę, padedančią pasiekti tikslą, kuri vadinama malonumu: *Patirk malonumą visais savo pojūčiais!* (St 2006, p. 19); *Malonumas, dėl kurio verta trumpam palikti namus...* (St 2007, p. 34).

Vienas iš dažniausiai reklamoje aktualizuojamų poreikių yra saugumas. Asmuo jaučiasi saugus gyvendamas taikioje, sklandžiai funkcionuojančioje, stabilioje, pozityvioje visuomenėje, kuri gali apsaugoti individą nuo galimų grėsmių. Saugumo poreikis, kaip motyvuojantis veiksnys, tampa

aktualus, atsiradus troškimui turėti pastovų darbą, nuolatinės pajamas, įsigyti koki nors draudimą, taip pat užsitęsęs nepalankioms aplinkybėms, ligos atveju (žr. Maslow 2006, p. 72–73). Dažniausiai saugumo topai aktualizuojami reklamose, kurių objektas susijęs su fizine adresato sveikata. Tai vaistų, maisto papildų, kosmetikos, higienos priemonių reklamos: *Dabar natūrali mano odos apsauga sustiprinta* (St 2006, 19); *Matai ir žinai, kad esi saugoma* (Žm 2006, 11); *Dar niekada nebuvote taip gerai apsaugotos* (Žm 2006, p. 7); *Daugiau saugumo Jūsų kūdikiui!* (Žm 2006, 9); *Jūsų sveikata — geroje rankose* (Žm 2006, p. 11); *Gyvenk saugiau ir ilgiau!* (Žm 2006, 11); *Neįveikiama Jūsų organizmo apsauga!* (Žm 2006, p. 11). Taip pat saugumo poreikio topika būdinga automobilių reklamoms: *Saugumo negali būti per daug. Juk daugelis mūsų iš prigimties nėra ralio vairuotojai. Štai kodėl į standartinę naujojo GS 300 įrangą įtraukta integruota automobilio dinamikos kontrolės (VDIM) sistema, priimanti daviklių, esančių ant automobilio kėbulo, duomenis ir pasitelkia juos tikrindama kitas sistemas, užtikrinančias saugumą ir stabilumą* (St 2008, p. 11); banko paslaugų reklamoms: *Tai ne tik kortelė. Tai saugumas, kuris keliauja su jumis po visą pasaulį* (St 2007, p. 39); draudimo paslaugų reklamoms: *Didesnė alga leidžia rinktis: 10 kg saldinių arba saugesnė jūsų ir jūsų vaikų ateitis* (Žm 2006, 26); maisto produktų reklamoms: *Apsaugok save su Gefilus!* (St 2006, p. 45); *Saugokis sausros! Kasdien išgerk 2 litrus negazuoto „Vichy Qlassique“* (St 2007, p. 29).

Ne mažiau populiarūs reklamoje pripažinimo poreikio topai. „Visi žmonės mūsų visuomenėje (išskyrus negausius patologinius atvejus) jaučia pastovaus, tvirtai pagrįsto, paprastai aukšto jų vertinimo poreikį ar troškimą, taip pat savigarbos, savęs vertinimo bei kitų rodomos pagarbos poreikį“ (žr. Maslow 2006, p. 76). Pripažinimo poreikiai patenkinami sulaukus iš aplinkinių pagarbos ar įvertinimo. Su prestižu glaudžiai susijęs įvaizdis, grindžiamas socialiniu – psichologiniu supratimu, gausybe psichofiziologinių charakteristikų, kurios kaip papildomos sąlygos lemia tiek įvaizdžio formavimo efektyvumą, tiek jo išlaikymo pastovumą. Reklamoje dažniau aktualizuojami ne meistriškumo ar kompetencijos, bet reputacijos, statuso, garbės, dominavimo ir pripažinimo topai.

Stipriai išreikšta lyderystės topika. Įsigijęs siūlomą reklamos objektą adresatas tarsi įsilieja į lyderių gretas: *Laimi pasirinkę planą „Bitė tarp mūsų“!* (Žm 2008, p. 12); *Viskas, ką turi žinoti išsilavinęs žmogus* (St 2006, p. 14); *Būk pirmas arba nebūk visai* (Žm 2008, 14); *Čempionų pusryčiams!* (St 2006, p. 19).

Neretai eksplikuojamas atvirksčias modelis: reklamos objektas pristatomas kaip savo rūšies gaminių lyderis: *Rinkis lyderį!* (Žm 2006, p. 49); *Nauja superžvaigždė* (Žm 2008, p. 32); *Automobilis, nepaliekantis kitiems jokių šansų* (St 2006, 41); *Nugalėtojo proporcijos* (St 2006, p. 48). Adresatui tarsi peršama išvada, kad išskirtinis gaminys pakels ir jo paties socialinę vertę.

Adresatas raginamas patvirtinti aplinkiniams neva išskirtinį savo statusą: *Kotryna. Vaikų karalystė. Tikrai žinai, kad Tavo dukrelė princesė, sūnus karalaitis. Ir, be abejo, norėtum šią tiesą išreikšti. Kad niekam nekiltų nė menkiausias abejonės!* (St 2006, 34); *Prabanga jausti, kad pasirenki geriausią* (St 2008, p. 37); *Mėgaukis maksimaliu komfortu* (Žm 2006, 21); *Idealiai dera prie Jūsų gyvenimo...* (Žm 2006, p. 24).

Reklama nurodo, kokių pranašumų adresatas įgis, paklusei reklamos raginimui, siūlo pripažinimą ir galią: *BMW klubas. Jūsų vieta tarp išrinktųjų* (St 2007, p. 18); *Tai ne tik atostogos. Tai laikas, kai gali pats spręsti, kada ir ką daryti* (St 2007, p. 41). Reklama kreipiasi ne į šiaip eilinį vartotoją, bet į lyderį, taip suponuodama adresato troškimą tokiu tapti: *Galvojame apie tuos, kurių ambicijos didesnės negu galimybės* (St 2006, p. 42); *Tiems, kurie tikisi daugiau...* (Žm 2008, p. 35); *Turintiems savų poreikių* (St 2006, p. 12); *Vertinantiesiems komfortą...* (St 2006, p. 12). Tai savirealizacijos, kurią A. H. Maslow apibūdina kaip žmogaus „polinkį aktualizuoti tai, kas jis potencialiai yra“ (žr. Maslow 2006, p. 78), topika, aktualizuojanti potencialių adresato galimybių panaudojimo ir tapatinimosi su tam tikra elitine grupe būtinybę, kuri yra esminė, norint išsaugoti pasitikėjimą savimi, orumą, išdidumą.

Poreikių topai – priemonė įtaigiai pristatyti gaminius, kurie patys savaime suvokiami kaip žalingi. „Nėra jokių priežasčių, dėl kurių blogi daiktai būtų mažiau geidžiami nei geri... <...> Tas, kas

susijęs su malonumu, yra labiau pageidautinas, nei nesuteikiantis malonumo“ (žr. ристотель 1978, p. 64, 117a). Tokia įtaigos strategija naudojama alkoholinių gėrimų reklamose. Reklama „gundo naudoti laiką bei išteklius tenkinti norams, kurie mums patiems nepatinka – yra nepriimtini mūsų pačių vertybių (metapirmenybių) šviesoje“ (žr. George 2001, p. 201). Alkoholio reklamose akcentuojamas malonumas, prestižas kurį gali suteikti šių išskirtinių gėrimų vartojimas: *Prabanga, kurią gali sau leisti* (Žm 2006, 11); *Brendis Grand Cavalier yra aristokratiško skonio* (St 2006, p. 14); *Tobuliems dalykams laiko negaila...* (Žm 2007, 11); *Karališkojo gimtadienio viskis* (Žm 2006, p. 26).

Baigiamosios pastabos. Apibendrinant reklamos diskurse funkcionuojančią retorinę poreikių topiką, galima konstatuoti, jog pagrindinė topų funkcija — įteigti adresatui, esą reklamos objektas atitinka jo poreikius. Topais stengiamasi išskirti ir pabrėžti tai, kuo ypatingas reklamos objektas (ir / arba su juo susijusios aplinkybės), kitaip sakant, aptikti tas ypatybes, kurios jį išskiria iš kitų tos grupės objektų, o aptikus — aktualizuoti įtaigiausia ir adresatui priimtinausia forma. Topai reklamos diskurse funkcionuoja kaip argumentacijos elementai, jie ne tik sutvirtina iškeltą tezę, bet ir inspiruodami tam tikrus tikrovės suvokimo ir vertinimo pokyčius, koreguoja adresato elgseną. Reklama siekia atverti „potencialių vartotojų jausmus ir valią“ (žr. Лассан, 2001, p. 91), tampa vertybių, prasmės formavimo praktika. Poreikius aktualizuojantys topai – viena iš priemonių, padedančių reklamos kūrėjams įtraukti adresatą į reklamos kuriamą pasaulėvaizdį.

Literatūra

- АРИСТОТЕЛЬ, 2005. *Риторика. Поэтика*. Москва: Лабиринт.
- ARYSTOTELES, 1978. Topiki. *O dowodach sofistycznych* [rzekł., wstęp i komentarze K. Leśniak]. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe.
- BERGER, A. A., 2003. Kelionių reklama: vaizdai ir kalba. *Respectus Philologicus*, 3 (8), p. 145–153.
- ČEREŠKA, B., 2004. *Reklama: teorija ir praktika*. Vilnius: Homo liber.
- GEORGE, D., 2001. *Preference Pollution: How Markets Create the Desires We Dislike*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- JUSTICKIS, V., 2003. *Bendroji ir teisės psichologija*. Vilnius: Lietuvos teisės universiteto Leidybos centras.
- KOROLKO, M., 1998. *Sztuka retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- KOŽENIAUSKIENĖ, R., 2001. *Retorika: iškalbos stilistika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- ЛАСАН, Э., 2001. Осторожно: риторика! (несколько слов о перераспределении акцентов в преподавании риторики). *Мир русского слова*, № 3, с. 91–94.
- MASLOW, H. A., 2006. *Motyvacija ir asmenybė*. Vilnius: Apostrofa.
- NAUCKŪNAITĖ, Z., 2007. Argumentacija: įrodymo ir įtikinimo santykis. *Žmogus ir žodis: didaktinė lingvistika*. Mokslo darbai. T. 9. Vilnius: VPU leidykla, 1, 94–100.
- NORKUS Z., 2004. Ar galime gyventi geriau? Velfarizmas ir jo alternatyvos. *Politologija*, 4 (36), p. 3–39.
- Psichologijos žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993.
- ВОЛКОВ, А. А., 2001. *Курс русской риторики*, Москва: Издательство храма св. муч. Татианы.

Šaltiniai

Stilius. ISSN 1392–7159. — 2006–2008.

Žmonės. ISSN 1648–0597. — 2006–2008.

Eglė Gabrėnaitė

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Research interests: rhetoric of advertising, linguistic analysis of discourse, etc.

RHETORICAL TOPIC OF NEED IN A DISCOURSE OF ADVERTISING

Summary

The article discusses the use of universal tools of persuasion — rhetorical topic of need in a discourse of advertising. The toposes represent one of the means that help advertisers to involve the addressee into the worldview being created by advertising. Realization of toposes in advertising includes particular notional models that function as arguments

or presumptions for arguments. Advertising is conveying the worldview it creates through idealized images that inculcate vision of the perfect world.

Motivation of the addressee to acquire the object of advertisement may be determined by both internal and external factors, however user's needs remain the most important persuaders that can be even more enhanced by advertising. Function of the *toposes of need satisfaction* is to actualize needs that are considered to be the key stimulus for the addressee, as well as to offer images and concepts that reflect expectations of the addressee. In advertising, a need is understood as a basis for psychological persuaders. Typically toposes such as safety, reputation, status, respect, predomination, recognition are emphasized.

KEY WORDS: discourse of advertising; rhetorical argumentation, topic.

Audronė Gedžiūtė, Jadvyga Krūminienė

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel: +37067790525

E-mail: gedziute@gmail.com

Research interests: mythology, culture, literature, etymology

RECONSTRUCTION OF MYTHICAL DISCOURSE: SEMIOTIC APPROACH

The article deals with the semiotic reconstruction of ancient pagan mythical systems. It represents myth as a multifunctional and diverse phenomenon which reflects peculiarities of human consciousness and aspects of cultural life of a particular community. However, ancient pagan mythical systems that come to a contemporary mythologist have already lost their initial form. Information is affected by the intervention of other cultures, mostly Christianity; hence a researcher striving for the reconstruction of a mythical system faces a crucial problem, i. e. the collection of valid data. The paper suggests taking into consideration various forms of mythical manifestation and their possible development in the course of time. The semiotic method would provide a possibility to support the reconstruction with folklore or linguistic data as well as literature works that may manifest patterns of mythical consciousness.

KEY WORDS: *myth, semiotic method, reconstruction, folklore.*

Introduction

Myth is a very multifunctional and diverse phenomenon that raises many challenges for a researcher. Mythical discourse may manifest itself as a literary genre, for instance, texts, songs, minor folklore, or it may acquire somatic expression conceived of and established by the means of body movements in case of rituals. Myth covers a huge part of life in any society; it reflects the peculiarities of thought, therefore, in order to know some culture one must explore its mythical system.

From the semiotic perspective, myth is a highly complex structure of significance the roots of which lies within the human consciousness, hence it stands for the principles of human existence. On the other hand, the genre of myth has a very rich figurative expression that may change in accordance with the cultural environment. Yet, a considerable number of mythologists acknowledge that variable nature is peculiar to only surface layers of mythical discourse while the deep meaning remains stable under whatever cultural changes as it is targeted at the revelation of human place in the Universe. Therefore it is possible to assume that myth is a tool to contemplate the existence of the world and human being and manifest that contemplation in the terms of symbols and images. Due to the fact that the planes of mythical content and expression are closely interrelated and cannot exist without each other the reconstruction of any myth must be based on both, namely, the units of significance, i.e. concepts typical of human consciousness, and figures that work on the level of perception and thus lead to the understanding of the deep structures of significance. However, any attempt at the reconstruction of myths faces crucial problem – the lack of objective data.

Contemporary mythologists get only some pieces and shreds of ancient pagan mythical systems. It often happens so that the data of ancient cultures come from secondary sources and for that very reason it is hard to avoid distortion of information. System of pagan values presented through the prism of Christianity acquires new meanings; re-grouping of the elements of significance following new cultural canons leads to the formation of new structures of significance and pushes aside ancient conceptions which in the course of time loose their mythical significance.

However, as a product of human consciousness myth cannot retrieve from active life without leaving any trace of its previous existence. Despite the circumstances that incite the changes of

cultural environment (e.g. military invasion or natural changes of political systems) some signs of ancient traditions, such as monuments of architecture, burial places, literary works, etc evidence the existence of earlier culture. It is important to decipher semantic meanings of these mythical elements and inscribe them into a unitary structure so that it would enable the reconstruction of the whole mythical discourse that reveals the peculiarities of pagan thought.

The Origins of Myth

Many scholars who have been studying myths agree that myth is an extremely complex structure that is difficult to describe for many reasons. Firstly, as Edmund Leach states, also expressing a similar opinion to that of Lévi-Strauss, one of the main difficulties in mythological research is the “diachronic distance” between the ones who created it, the ones who turned it into a written text and those who try to analyse it (Leach in Greimas 1996, 78). The complications is made by the fact that a mythologist has no exact and sufficient data about a particular ancient culture, thought, language, etc. and has to rely on the fragmentary bits of information and thus construct at his/her best at least only a hypothetical model of the analysed myth. This problem, in its turn, causes another difficulty, namely, that a scholar who has no direct access to the data, i.e. does not know a particular ancient language, and hence becomes dependent on the versions of myths remodeled by translators. It happens so when, for instance, one attempts at the reconstruction of ancient myths and has to rely on the texts written down by Christian monks who inserted the Christian traces into mythical discourses¹. As a result, the lost direct connection to the ancient cultures encourages the scholars to look for other possible means in explaining and rebuilding the ancient mythical systems.

It should be stressed that the essence of myths lies in their origin. Despite the fact that most of myths have reached the contemporary times in the form of language, they cannot be kept within strict textual frames. Lévi-Strauss claims that “myth is both linguistic and non-linguistic phenomenon” (Lévi-Strauss, cited in Greimas 1996, 53). Indeed, myth is a structure of significance and thus its linguistic form makes only one part of the whole structure, i.e. mode of expression, the realm of the *signifier*. But the generation of meaning should necessarily involve the *signified* – an abstract idea, the germ of meaning, which originates not from language, but from human consciousness. Greimas accepts Lévi-Strauss’s idea that myths come from human thought and hence they are “dimensions following which people do contemplate on their culture”² (Greimas 1990, p. 11). Yet, he maintains that while myths are bound to their power, they are more likely to be expressed not linguistically, but by means of rituals which figuratively express the collective experience.

Myth as a product of human consciousness is viewed by another semiotician, a representative of Moscow-Tartu School of Semiotics, Jurij Lotman (1922-1993). He points out that myth is “a phenomenon of consciousness”³ (Lotman 2004, p. 232). According to him, if myth ‘crosses’ the boundaries of human consciousness, it is at least partially *desemantized*, i.e. it has lost its initial function. On the other hand, any form of the manifestation of myth does not have a great impact on it because despite the *surface*, i.e. a figurative frame and differences in expression, an internal, deep structure of myth remains unaltered. Jesper Sørensen supports this idea and claims that the construction of myths is initiated by the common cognitive principles that organize an internal structure of myths as well as their figurative expression (cf. Sørensen 2007, 10). The approach to myth as a result of human consciousness explains the fact why in many unrelated cultures of the

¹ On the other hand, the fact that one mythical system may portray the elements of another one which clearly depict themselves as foreigners in that mythical discourse suggests that myth is not only a linguistic phenomenon, but rather the result of human consciousness activity expressed by linguistic means or rituals.

² This and other translations of Greimas’ texts (from Greimas, A. J. (1990). *Tautos atminties beieškant. Apie dievus ir žmones*. Vilnius: Mokslo leidykla) are mine (A. G.)

³ This and other translations of Lotman’s texts are mine (A. G.)

world mythical systems expose similar motives, raise the same problems and suggest similar solutions. It happens so because myths are produced by the mechanism of human consciousness, which operates according to the same laws despite the cultural environment which may influence no more than the figurative design of myths.

In other words, culture determines a figurative expression but it cannot affect their deep meaning; it engenders a number of narrative projections of the same myth, but only their *figurative level* differs while the *deep* one remains stable in all the cases. Therefore, as Greimas asserts, “similarities and differences of the expression plane should be treated as the surface ones and of secondary importance, if it is possible to depict the semantic identities [of several variants of the same myth]” (Greimas 1990, p.18). It becomes clear that, first of all, it is obligatory to distinguish between myth as such and mythical narratives. The former is a stable semantic structure, while the latter may vary in figurativeness yet originate from the former. Then it should be acknowledged that none of a number of the mythical narratives that reflect a single myth is erroneous or distorted. That is, all the versions of a particular myth are right, and there is no, or should not be any privileged narrative. As Lévi-Strauss assumes, “all variants belong to myth” because and reveal its different aspects (Lévi-Strauss in Greimas 1996, p. 63). Accordingly, a mythologist who attempts at the reconstruction of a particular myth has to take into account all its versions – this is the only way to draw a complete picture of the initial source of the analysed mythical narratives.

Nevertheless, as it has already been noted, myth turns into linguistic discourse only when it begins to retreat from the active life thus losing its initial functions. Sometimes it happens so that a mythical narrative appears because someone in the community needs some explanation about particular things, i.e. when the members of a community demonstrate the lack of internal belief, hence some additional means emerge to ensure the existence of the myth. Mythical narratives with their elaborated figurative expression as well as rituals serve as tools to re-establish myth because they supplement and explain each other. Then it is possible to arrive at the conclusion that the manifestation of myth is testified not only by mythical narratives, but also by mythical actions, i.e. rituals and customs which depict the life of a particular community not through the linguistic but rather through somatic expression (cf. Greimas 1990, p. 13).

Myth is inseparable from ritual. As Joseph Campbell claims, “[by] participating in a ritual, you are participating in a myth” (Campbell 1991, p. 103). It is not surprising then that the ancient cultures give not only the mythical plots but also the remnants of customs and traditions which reflect the mythical culture of ancient people. In fact, in the course of time, a great number of them have undergone the process of *desemantization*, i.e. turned into new linguistic or ritual constructs, acquired new functions, but some traits still betray the mythical origin of these entities of meaning.

It should be born in mind that myth is not an individual construct of significance, but rather the product of the collective consciousness which reflects the experience of a particular community. So it usually enters all the spheres of life and has many possibilities to remain in these spheres even if some changes in the cultural life (which may erase the earlier mythical system and pave the way for a new one) occur. As Greimas puts it, “mythology is not a collection of myths, but an ideological structure that can display itself in any ‘literary’ form” (Greimas 1990, 10). Myth is a construct of common consciousness born deep in the mind of man, and no cultural changes may erase it without leaving any trace which would give a hint about the existence of myth. Even though due to some reasons, e.g. a changed economical or political situation, myth cannot exist in the active life, it exposes itself in other forms. For instance, the mythical narratives that used to have mythical power on certain occasions, i.e. they were extended during particular events, could get transformed into the so-called folk tales; for instance, hymns could turn into folk songs, charms into riddles or proverbs, rituals into games, etc.

The *desemantization* of myth and various forms of its enactment are found in both semantic and pragmatic data. For instance, the etymological records imply that some songs might have derived

from incantations because the word ‘incantation’ suggests something sung or chanted, while in some Indo-European traditions, this word is related with spells (cf. West 2007, 326f.). The common origin of songs and incantations is testified by certain features of folk songs or, for example, the usage of now meaningless utterances: “Il-e-o-lay and a lullay gay” or “Fal the dal the di do”⁴, the constant repetitions of some elements and so on. All these characteristics are typical of the magical formulae as well. Archaic and strange words, ungrammatical constructions come out as specific features of ancient spells (cf. Sørensen 2007, p. 89). The words that do not belong to standard language and unclear murmuring were conceived as a means of communication with gods in the imitation of their divine language that is not understandable for the mortals, while the constant repetition of certain formulae was believed to reinforce the possibility for the gods to hear the enchanter. As it may be seen, similar features are transferred to folk songs; therefore a mythologist should investigate folklore and see if it gives any hints of the encoded ancient mythical system.

Minor folklore may contribute to the general understanding of the ancient cultures as well. Proverbs, riddles, sayings are said to “in origin reveal a culture’s traditions, norms and mores⁵ <...> often their each word carries cultural information” (Lambdin 2002, p. 337). It has been discussed that a figurative expression of myth is very closely related with the culture in which that myth thrives. Thus, myth is a construct of the collective consciousness which projects and organizes the values of a particular community. It is not surprising then that minor folklore may open deep treasure-troves of mythological information. Yet, one should look not for formal literal but rather qualitative links between the values articulated in minor folklore and the ones established in a particular mythical system. In other words, the later sources, i.e. songs, proverbs, etc, could lose their archaic form, but they still may expose the conceptual structure maintained by the ancient beliefs. For that reason, a mythologist who strives for the reconstruction of a myth and relies on the folklore sources must pay special attention to the deep meaning and structure of these sources, decipher the distribution of the semantic elements and their interrelations as well as compare how these elements extracted from folklore may be inscribed into the semantic structure of the analysed mythical system.

Another important field of investigation that may significantly supplement the reconstruction of any extinct mythical system is language itself. As it is known, language comes from human mind as well as myth, i.e. they have common roots and therefore are interdependent. Language is the means to express human thought; it is the *signifier* which leads to the perception of the *signified*. It follows from this that all the concepts that are relevant in a particular community are somehow marked in a linguistic form. As the understanding of the world changes, some concepts lose their importance or some of them are re-organized, the language also changes – new words are introduced, the old ones lose their meaning or acquire some new semantic aspects. For that very reason etymological analysis may provide a huge amount of mythical information because it exposes the interrelation of concepts and their split or merge.

It is obvious now that mythical data may be found in various forms of manifestation. Therefore, mythical narratives are only one of the possible sources which may help to reconstruct a particular mythical system. It encourages undertaking the study of myths even if there are not enough mythical narratives, because the analysis of any elements of the ancient culture may fill in the information gaps if a scholar takes into consideration not the external form but rather the semantic charge found within these elements. Hence a mythologist should treat the mythical narratives, folk songs, proverbs and other genres of minor folklore as equally significant.

Semiotic Structuring of Mythical Discourse

⁴ <http://www.contemplator.com/child/mother.html>

⁵ Customs and behaviour that are considered typical of a particular social group or community.

As it has been discussed, myth derives from human consciousness and exposes itself in any linguistic form, ritual or tradition. It is the product of the collective consciousness which as any other structure of significance embraces the planes of the *signifier* and the *signified*. Now it is necessary to review the features which distinguish myth from other collectively created discourses, depict the peculiarities of how the meaning is generated in mythical discourse in comparison with other types of discourse and discern the general functions of myth as such.

In this paper, considerable attention is given to myth as a written text, i.e. the type of mythical narrative, because it is one of the most informative sources concerning the knowledge about ancient thought. This part will discuss the features of myth as a linguistic discourse which individualizes myth as a sovereign phenomenon. It is worth remembering Greimas' theory on the three levels of the grasp of meaning: the *deep*, *narrative* and *discursive* ones, because the internal organization of mythical narratives differs from that of other discourses, e.g. folk tales, etc.

Semioticians as well as mythologists and scholars who have touched upon the issue of the mythical systems emphasize an extremely complex nature of mythical discourse. As Lotman maintains, "the mythological world is extremely hierarchical from the perspective of meanings and values; it is indivisible into separate features, but very easily divisible into parts" (Lotman 2004, 233). In other words, the essential elements that define myth and constitute its essence are not the figures of the *discursive level*, i.e. features and the distribution of semantic components. Thus, the discussion turns to the *deep level* where the essential values that underlie the whole discourse are established.

Greimas keeps to the same idea as Lotman does and notes that "if one reads myth horizontally, it appears as a clear but meaningless tale; whereas if one reads it vertically and retraces recurring semantic elements, myth becomes an unclear, hardly decipherable yet meaningful text" (Greimas 1990, 11). Both semioticians point to the discrepancy which occurs between the *deep* and the *discursive* levels. Moreover, they both stress that the meaning of myth resides not in its expression but in the deep internal structures, and on the abstract level. For that reason, the horizontal, or syntagmatic, reading of a myth does not allow for catching its meaning; such a reading touches only the surface discourse levels and leaves its significance aside. Meanwhile, the vertical-paradigmatic reading forces to look for semantic units and re-organize them into a new system where the components identical in their semantic charge may substitute each other in the logical structure of discourse and thus reveal the internal distribution of values.

It is noteworthy that mythical structuring always exposes the opposition or *contrariness* of two values. As Leach notices in his article *Genesis as Myth*, "a very noticeable characteristic of mythical stories is their markedly binary aspect; myth is constantly setting up opposing categories" (Leach, cited in Middleton 1967, 2). That is, two contrary values, e.g. life and death, are established on the *deep* of mythical discourse. As it is known, they engender two supplementary categories non-life and non-death. Each of these categories is composed of the nets of *isotopies* or, to put it in another way, every value is represented by particular concepts featuring their complex internal structure of *sememes* and *classemes* which depend on the context. From this it follows that myth is a strictly hierarchically structured discourse where every element is of crucial importance for the meaning of the overall system of significance. In other words, the internal organization of myth is based on metonymic relations, thus a separate part of the mythical structure represents the whole system. Indeed, Lotman asserts that "a part does not characterize the totality [of mythical discourse] but self-identifies with it" (Lotman 2004, 233). Namely this peculiarity, according to the scholar, distinguishes myth from any purely descriptive discourses. The powerful mechanism of the metonymic relations forms the particular mythical images that acquire an emblematic character. To illustrate, the image of the ocean is usually associated with a journey and communication; the image of the raven implies the context of death, etc. Particular images that are regularly found in similar contexts gradually become the 'label' of that context, i.e. its emblem which brings a sufficiently wide and deep semantic charge and it is not necessary to explain the discourse in detail anymore.

The metonymic relations perfectly explain both the connection of the *signifier* and the *signified* and the relations between the *deep* and the *surface* levels of discourse. However, beside metonymy, the process of the production of mythical discourse involves metaphorical relations, namely, the association-based choice of a certain *signifier*, which acts as a particular figure on the discursive level, for the *signified*, which represents the meaning laid out on the *deep level*. In other words, particular images are chosen according to their similarities to the concepts being represented by them. For example, death in many cultures is associated with the black colour. Hence black animals or things often come to symbolize death; mist does not allow to see things in the objective reality, thus in the mythical thought it stands for uncertainty, disorientation, etc. In such a way, metaphoric or poetic thinking serves as an intermediary link which helps to transfer the simple language used to describe the world and things to the level of mythical discourse which expresses human reasoning about the world and things.

To summarize, it appears that the construction of meaning begins in human consciousness and follows the principles of binary structuring. That is to say, all the structures of significance, starting with the simplest oppositions and finishing with complex mythical discourses are based on the comparison of two objects. The relationship of the two objects produces meanings which, in their turn, on the basis of similarities and differences, are united into larger systems till finally they form a tremendous construct of significance, i.e. mythical discourse. Thus, myth perfectly echoes both the elementary structures of significance and a complex organization of discourse. In other words, mythical discourse is a perfect soil to test the validity of the semiotic theory which attempts to overview all the stages of the meaning articulation.

Concluding remarks

Not all mythologies of the world gain equal attention from scholars. And the later this awareness is raised about one or another mythical system, the greater information losses it suffers because time erases entire cultures irreversibly. Hence in order to reconstruct at least a satisfactory picture of a particular mythical system a researcher has to clutch any possible means and rely on the data extracted not only from the narratives acknowledged as mythical, but also from the so-called secondary sources, such as minor folklore, or other scientific fields.

The semiotic method elaborated by A. J. Greimas seems to be a useful tool to examine the selected data and evaluate its relevance regarding particular mythical universe. The scholar treats mythical discourse as a hierarchical structure of significance that may be described in three levels: the *deep*, *narrative* and *discursive* ones. On the first level, the particular values are established; the second level concerns the distribution of the semantic contents, whereas on the third level the meanings are manifested by means of the images taken from the objective reality. It is a convenient method for the reconstruction of poorly known mythical systems because it allows for the collection of data from various scholarly fields and its organization into a semantic universe. The semiotic method also helps to solve the main problems that a mythologist faces due to the temporal distance, i.e. the lack of direct data or contradictory information provided in secondary sources.

The search of semantic-mythical units may be carried out not only in the field of the so-called mythical narratives, but also songs, games, proverbs, other sources of minor folklore as these appear to be possible remnants of ancient pagan beliefs and traditions. Another important sphere to be explored is that of language as language involves and reflects in itself cultural patterns and modes of thought. Special attention should be paid to the etymological analysis as it reveals the smooth change, split or connection of concepts. Yet, semiotic evaluation of the semantic charge and interaction of separate units of significance leads to the composition of a logical mythical structure. And even though every myth reconstruction is more or less hypothetical, still the sketched mythical structure may draw new paths for future investigations.

References

- CAMPBELL, J., 1991. *The Power of Myth*. New York: Apostrophe S Productions Inc.
Ed. LAMBDIN, R. T., 2002. *Companion to Old and Middle English Literature*. Westport: Greenwood Publishing Group, Inc.
Ed. MIDDLETON, J., 1967. *Myth and Cosmos*. New York: Garden City.
SØRENSEN, J., 2007. *A Cognitive Theory of Magic*. Lanham: AltaMira Press
WEST, M. L., 2007. *Indo-European Poetry and Myth*. New York: Oxford University Press.
LOTMAN, J., 2004. *Kultūros semiotika*. Vilnius: Baltos lankos.
GREIMAS, A. J., 1990. *Tautos atminties beieškant. Apie dievus ir žmones*. Vilnius: Mokslo leidykla.
GREIMAS, A. J., 1989. *Semiotika. Darbų rinktinė*. Vilnius: Mintis.
GREIMAS, A. J., 1996. *Mitologija šiandien*. Vilnius: Atviros Lietuvos fondas
<http://www.contemplator.com/child/mother.html>

Sources

- GREIMAS, A. J., 1983. *Structural Semantics. An Attempt at the Method*. Nebraska: University of Nebraska Press.
GREIMAS, A. J., 2005. *Struktūrinė semantika*. Vilnius: Baltos lankos.

Audronė Gedžiūtė, Jagvyga Krūminiene

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Moksliniai interesai: mitologija, kultūrologija, literatūra, etimologija

SEMIOTINĖ MITINIO DISKURSO REKONSTRUKCIJA

Santrauka

Senosios pagoniškosios mitinės sistemos šiandienos mitologą pasiekia jau praradusios savo pirminį pavidalą. Dažnai žinios apie senąsias kultūras ateina per antrinius šaltinius, pvz., krikščionių vienuolių rankraščius, todėl informacijos iškraipymo beveik neįmanoma išvengti. Pagoniškoji vertybių sistema, pateikta per krikščionybės prizmę įgyja visiškai kitą prasmę, reikšminių elementų pergrupavimas pagal naujus kultūrinius kanonus sukuria naujas prasmės struktūras ir nustumia į nuošalę senuosius pasaulėžiūros modelius, kurie ilgainiui visiškai desemantizuojami ir praranda savo mitinę reikšmę.

Tačiau, būdamas žmogiškosios sąmonės produktas, mitas negali pasitraukti iš aktyvaus visuomenės gyvenimo nepalikdamas jokio pėdsako apie savo egzistavimą. Nepriklausomai nuo aplinkybių, lemiančių kultūrinės aplinkos kaitą (karinės invazijos ar natūralūs politinės sistemos pokyčiai), lieka tam tikrų senosios kultūros rudimentų: architektūros paminklų, kapaviečių, liudijančių tuometes tradicijas, literatūros kūrinių ir pan. Iššifravus šių mitinių elementų semantines reikšmes ir surašius jas į bendrą struktūrą, įmanoma atkurti vientisą mitinį diskursą, atskleidžiantį pagoniškojo mąstymo ypatumus.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: mitas, semiotinis metodas, rekonstrukcija, tautosaka.

Елена Глиос

Сибирский филиал Некоммерческого образовательного учреждения «Корпоративный центр подготовки персонала, институт аэронавигации», Россия

ул. Взлетная 59, 660022 Красноярск, Россия

Тел. +7(391)2526841

Эл. почта: gliosels@mail.ru

Научные интересы: прагматика, когнитивистика. социолингвистика.

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАВНОПРАВИА ЧЕЛОВЕКА И ОКРУЖАЮЩЕГО ЕГО МИРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

*Политическая корректность представляет собой, в первую очередь, способ избежать вербальной агрессии, так как первостепенное значение в основе мотивов политической корректности имеет гуманное отношение к человеку, стремление противостоять различным проявлениям расизма, обусловленные уровнем социального развития, культуры. Например, политически корректный эвфемизм *children with self-paced cognitive ability* (дети со своей собственной, специфичной когнитивной способностью/способностью к обучению) «наделяет» его способностями к когнитивной деятельности. Лингвисты выделяют еще одну разновидность дискриминации, связанную с проблемой равноправия человека и окружающего его мира, которая обозначается термином «*speciesism*», исследование посвящено этой специфичной для западного общества проблеме. Дискриминация с тематической принадлежностью «*speciesism*» обозначает весьма распространенное мнение о мнимом превосходстве человека над животным и растительным миром, а также жестокое обращение с животными.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая корректность, дискриминация, равноправие.

С одной стороны существование межкультурных, межнациональных, межэтнических проблем, а с другой – культ индивидуализма в западных странах, способствовали возникновению феномена политической корректности, что неоднократно подчеркивается зарубежными исследователями: Axtell R. E., Bolinger D., BurrIDGE K. Политическая корректность представляет собой, в первую очередь, способ избежать вербальной агрессии, так как первостепенное значение в основе мотивов политической корректности имеет гуманное отношение к человеку, стремление противостоять различным проявлениям расизма, обусловленные уровнем социального развития, культуры. В языковой системе существуют действенные средства для смягчения и маскировки нелицеприятных явлений и сфер жизни социума - эвфемизмы. Э. Патридж (A. Partridge) считает, что «эвфемизмы – это выражения, которые призваны минимизировать неприятное впечатление на слушателя, или возможные последствия для говорящего, если последний хочет произвести благоприятное впечатление» (Partridge 1964, с.110). Д. Болинджер (D. Bolinger) считает, что эвфемизмы относятся к классу слов с дополнительной смысловой нагрузкой («loaded words»), при помощи которых «скромный будет возвышен, а ужасный преобразен» (Bolinger 1984, с. 73).

В английском языке существует понятие «*doublespeak*», или «*newspeak*», которое связывают со стремлением скрыть коммуникативное намерение с целью осуществления языковой манипуляции. Термин «*newspeak*» впервые использован писателем Дж. Оруэллом в романе-антиутопии «1984», изданном в 1948г. У. Лутц (W. Lutz) выделяет четыре вида «*doublespeak*», первым из которых является эвфемизм. По мнению исследователя, эвфемизм является разновидностью *doublespeak*. По мнению исследователя, «эвфемизм является не обидным или позитивным словом или выражением, которые используются для того, чтобы

избежать резкой, неприятной или обидной, болезненной реальности»¹ («inoffensive or positive word or phrase used to avoid a harsh, unpleasant, or distasteful reality») (Lutz 1989, с.2). Исследователь приводит следующие примеры эвфемизмов: на улицах больше нет бродяг (bums), они теперь называются non-goal oriented members of society, лексическую единицу «poor» заменил благопристойный субститут fiscal underachievers, а пациенты в больнице могут умереть не из-за врачебной ошибки, а из-за несчастного случая, связанного с диагностикой – «diagnostic misadventure of a high magnitude» (Lutz 1989, с. 1-3).

Исследователи подчеркивают, что политическая корректность представляет собой поведенческое и языковое явление, которое по сути своей выражает желание носителей языка преодолеть существующую в обществе дискриминацию, расизм, а также стремление создать общество всеобщего равенства, независимо от цвета кожи, пола, возраста, национально-религиозных особенностей, состояния здоровья, внешнего вида и т.д. (С. В. Силюнский, Н. А. Купина, О. А. Михайлова, В. В. Панин, С. Г. Тер-Минасова, и др.). На сегодняшний день понимание явления «расизм» выходит за рамки ограниченного, традиционного набора представлений о расизме. Понятие «расизм» предполагает значительно более широкий спектр, включающий в себя половую и возрастную принадлежность, различия во внешнем виде, личностные характеристики и др., – все то, что является прерогативой культурно-поведенческой и языковой тенденции и практики – политической корректности.

У. Лутц (W. Lutz) подчеркивает, что «Language is a tool, just like any of the tools human beings have invented. Like any tool – a knife, a screwdriver, a computer, a space satellite – language is used to do something, to achieve a goal. ... Language can be used to write the Constitution of the United States or to write the laws of apartheid; to write King Lear or pornography; ... The fault lies not in the language but in us, the creators and users of language» (Lutz 1989, с. 12). («Язык является таким же инструментом как и любой другой инструмент, изобретенный человеком: нож, отвертка, компьютер, спутник, так и язык используется для достижения цели. ... При помощи языка можно написать конституцию Соединенных Штатов или законы апартеида; можно написать Короля Лира или порнографию. ... Винить нужно не язык, а нас - его создателей и пользователей»).

Многоаспектность и разноплановость феномена политической корректности, затрагивающего политические, культурные, нравственные, морально-этические вопросы, и широкий спектр употребления самого термина в СМИ привело к отсутствию единства в толковании понятия «политическая корректность». Несмотря на наличие всевозможных трактовок явления политической корректности, очевидным остается тот факт, что политическая корректность связана со стремлением не обидеть, не задеть чувства и достоинство человека. Хотя первопричину политической корректности следует искать в идеологической сфере как в системе, выражающей идеи, интересы социальных групп. Джеффри Хьюгз (Geoffrey Hughes) подчеркивает, что эвфемизм является лингвистическим индикатором различных видов табу, являясь отражением табу, эвфемизм особенно тесно связан с такими «социально-чувствительными» сферами как секс, расовая принадлежность, болезни, финансы, бедность, различные виды умственных недостатков, смерть, экскреторные функции, богохульства (Hughes 1989, с. 15).

Приведем пример, детей с задержкой умственного развития, плохо поддающихся обучению эвфемистично именовали children with leaning disability. Этот пример можно назвать «хрестоматийным» в силу частотности его упоминания в исследованиях по эвфемии и политической корректности. Исследование выявило политически корректный эвфемизм children with self-paced cognitive ability (дети со своей собственной, специфичной когнитивной способностью/способностью к обучению), который пришел на смену

¹ Здесь и далее, переведено нами. Е. Г.

предыдущему. Наличие в составе эвфемизма компонента *cognitive ability*, на наш взгляд, способствует трансформации значения всего наименования, не лишает индивидуума, а «наделяет» его способностями к когнитивной деятельности, при этом акцентируется внимание на специфичности, «уникальности» процесса познания. А уникальность, исключительность, как известно, воспринимаются как позитивные характеристики. Таким образом, включается «механизм» положительного ассоциативного ряда. Лингвисты выделяют еще одну разновидность дискриминации, связанную с проблемой равноправия человека и окружающего его мира, которая обозначается термином «*speciesism*». Дискриминация данного типа обозначает весьма распространенное мнение о мнимом превосходстве человека над животным и растительным миром, а также жестокое обращение с животными. По мнению Фримана Виклунда (Freeman Wicklund), американского активиста и борца за права животных (Animal Liberation League), первым ввел термин «*speciesism*» британский защитник прав животных Ричард Райдер (Richard Rider). Термин «*speciesism*» обозначает предрассудки или отношение, которые можно охарактеризовать, с одной стороны, как необъективные, отражающие интересы представителей своего собственного вида, а с другой – как предвзятые по отношению к другим видам («*speciesism* is a prejudice or attitude of bias in favor of the interest of members of one's own species and against those of members of other species») (1).

Многочисленные коалиции, организации, движения за права животных борются с проявлением различных форм и видов дискриминации. В требования активистов данных организаций входят требования отказа от употребления в пищу мясомолочных продуктов, ношение одежды из кожи, меха, шелка. Игнорирование всевозможных развлекательных представлений с участием животных, например, цирка, зоопарков, дельфинариев является одной из форм борьбы против дискриминации животного мира. Жестокое обращение с животными подразумевает и отказ от проведения лабораторных опытов над животными. На наш взгляд, именно этот вид дискриминации *speciesism* является очень специфичным и одновременно типичным для западных стран. Неудивительно, что все происходящее в жизни западного общества находит свое выражение в языке англоязычных стран. Например, Фриман Виклунд (Freeman Wicklund), вероятно, по аналогии со словом *human being* использует слова *nonhumans*, *nonhuman animals* (2) для обозначения животных, тем самым, уравнивая человека и животное. Почти «хрестоматийным» стал пример, который приводят многие исследователи: вместо слова *pet* употребляется выражение *animal companion*. Например, «*Animal activists typically prefer the term "animal companion" over "pet" as it better describes the relationship between a human and a domestic animal, and fully encompasses the role that such animals play in people's lives. Likewise, the term "animal guardian" is preferred over "owner" based on the property connotations associated with the term "owner"*») (3) (Активисты, отстаивающие права животных, обычно предпочитают термин «животное-компаньон», в отличие «домашние животное/питомец», так как «животное-компаньон» наилучшим образом отражает отношения между человеком и домашним животным, а также полностью отображает ту роль, которую домашние животные играют в жизни людей. По мнению защитников животных, активистов борьбы за права животных, термин «опекун/попечитель/защитник животного» является более предпочтительным по сравнению с термином «собственник/хозяин» из-за собственнических коннотаций, присущих этому слову).

Исследование выявило ряд политически корректных эвфемизмов с тематической принадлежностью «*speciesism*», которые используются различными компаниями и производителями на Интернет-сайтах, рекламирующих свою продукцию. Многие производители проверяют свою продукцию на животных, и дабы не вызвать гнев сторонников борьбы за права животных, они нередко используют политически корректные термины. В качестве примера рассмотрим рекламные сообщения компаний Jams и P&G. В рекламных сообщениях данных компаний животных для лабораторных опытов именуют не иначе, как *four-footed research associates* (четвероногие «младшие научные» сотрудники), on-

staff pets (домашние животные на службе/в штате). «We then feed diets to our four-footed research associates to ensure the nutrition and taste of the food meets or exceeds our expectations – and the expectations of our on-staff pets» (4). «И затем мы осуществляем кормление наших четвероногих «младших научных» сотрудников на основе диет, чтобы убедиться в том, что наша еда отвечает нашим ожиданиям или превосходит их, а также ожидания наших домашних животных на службе». Следующий красноречивый пример: «Kersee, a 9-year old golden retriever with honorary title of ‘vice president of canine communication’, her duties include sampling Eukanuba and Jams products and giving firm paw shakes to Jams employees and guests. Niles and Clawdia, both American shorthair cats, retired Jams taste-testers, also maintain offices in the company’s Dayton offices» (5) (Кирси, 9-летний золотистый ретривер, имеющий почетный титул «вице-президент собачьего общения», в чьи обязанности входит вкусовые пробы продуктов компаний Экуба и Джемс, а также рукопожатие пушистой лапой работникам и гостям компании Джемс. Нил и Клавдия, американские короткошерстные коты, дегустаторы продуктов, ушедшие в отставку в компании Джемс, имеют свои офисы в компании «Дейтон»).

С. Г. Тер-Минасова выделяет «коммерческий интерес к человеку как потенциальному клиенту» в качестве фактора, детерминирующего «повышенную корректность английского языка» (Тер-Минасова 2004, с. 295-296). Производители товаров и услуг, рекламные компании, обрушивают на современного человека потоки рекламной информации, призывающие приобрести колоссальное множество разнообразных товаров и воспользоваться различными видами услуг, при этом стремятся к соблюдению политически корректного обращения с потенциальными клиентами. Многие изменения в социальной жизни общества, происходящие под влиянием идей политической корректности, вызывают изменения в лексической системе языка. Например, обычное слово *kennel* (псарня) переименовано в *animal-testing facility* (учреждение для проверки животных), которое имеет соответствующие подразделения, такие как *sanctuary* (приют) и *retirement facility* (приют после отставки).

Как показывает проведенное исследование, политическая корректность, обусловленная коммерческим интересом, находит свое отражение в области проблем, связанных с равноправием человека и окружающего его мира (*speciesism*). Например, в рекламе, рассчитанной на покупателей еды для домашних животных, последние именуется как *four-legged consumers* (четвероногие покупатели), *furry family members* (6) («пушистые» члены семьи), идет расчет на привлечение внимания покупателей путем повышения «статуса» домашних животных в семье.

В многочисленных журналах, посвященных рыбной ловле, охоте, упрочилось использование слова *harvest* вместо лексической единицы «kill», например, «*hunters “harvested” a record number of deer*» (7) (охотники «собрали рекордный урожай» оленей). По всей видимости, ассоциативно нейтральная лексическая единица «*harvest*», не связанная со значением слова *kill*, воспринимается в данном контексте как мягкая замена стигматичной лексической единицы, меняя практически полностью восприятие смысло-содержательной части фразы. Результаты исследования выявили еще ряд политически корректных эвфемизмов, которые являются заменой наименований, связанных с охотой и добычей. Например, *bag limit* (8) (the number of animals that hunters are allowed to kill over a given period of time when they go hunting) – разрешенное количество убитой дичи для охотника во время охотничьего сезона и *bag game* (shoot down) – отстреливать дичь, *wildlife resource* (any animal shot or trapped by the hunter) – ресурс живой природы, *wildlife related activities* (sport hunting or trapping) – различные виды деятельности и мероприятия, связанные с живой природой.

Политически корректные эвфемизмы с тематической принадлежностью *speciesism* представляют собой социально приемлемую лексику, направленную на исключение возможных манифестаций различных видов дискриминации, основанной на мнимом превосходстве человека над всеми остальными биологическими видами. Нежелательность

наименования данной тематической группы обусловлена, в первую очередь, соображениями морально-этического плана относительно владельцев и любителей домашних животных, защитников природы, борцов за равноправие животного и растительного мира, активистов, выступающих против дискриминации, основанной на мнимом превосходстве человека над животным и растительным миром, во-вторых, коммерческим мотивом как средством привлечения потенциальных клиентов: владельцев домашних животных, любителей природы. Анализ практического материала электронных СМИ выявил, что политически корректная лексика с тематической принадлежностью *speciesism* настолько прочно вошла в жизнь англоязычных стран, что вызывает соответствующие изменения в составе словарного запаса языка. Политически корректные эвфемизмы являются одним из средств решения проблемы равноправия человека и окружающего его мира в англоязычных странах, в рамках борьбы различных организаций, движений, партий за права животных (*People for Ethical Treatment of Animals, Animal Rights Group, Animal Lovers*), особенно в связи с проявлением различных форм жестокого обращения с животными. На наш взгляд, именно этот вид дискриминации *speciesism* является очень специфичным для западного общества. Возросшее число политически корректных эвфемизмов в рамках *speciesism* является показателем стремительного развития одного из видов словотворчества, когда в качестве обозначений многих предметов и явлений в языке формируются наименования, состав которых, «утяжелен», «перегружен» терминами.

Приведем ряд примеров, так организации занимающиеся истреблением бродячих животных эвфемистично именуются *humane societies and animal control facilities* (9) (гуманные общества и учреждения по контролю над животными), они усыпляют животных *put animals to sleep*, практикуют «гуманную смерть - эвтаназию» - *humane death: euthanasia*. В случае если животных истребляют в приютах для животных, то речь идет о приютах, где «рационализируют» истребление – *rationalize the killing*. В таком случае речь идет о животных «неподлежащих усыновлению» – *unadoptable animals*, или это животные с асоциальным поведением – *animal with unsocial behaviour, unfriendly animals (biting, scratching animals)*.

Проведенный анализ фактического материала выявил наличие разнообразных политически корректных слов и выражений, предназначенных если не для решения, то хотя бы смягчения проблемы превосходства и равноправия человека и окружающей его среды. Приведем ряд характерных примеров, Департамент леса в США (*the U.S. Forest Service*) использует эвфемистические слова и выражения, обозначающие вырубку леса и ее последствия: *mechanical treat (log)* – механическая обработка, *actively manage land (log)* – активное управление землей, *management-caused vegetation change (log)* – управление, вызывающее смену растительного покрова, *working landscapes (logged areas)* – рабочие ландшафты, *sanitation thinning (log young and old trees on same site)* – санитарное прореживание деревьев, *rehabilitate a forest (log)* – реабилитация леса, *forest restoration (log)* – восстановление/реставрация леса (10).

Для эвфемистического наименования чистки лесных площадей используются следующие политически корректные термины: *minimum green tree retention (clearcut)* – минимальное сохранение зеленых насаждений, *visual diversity area (clearcut)* – визуально разнообразная территория, *provide a deeper view into the forest (clearcut)* – обеспечение более глубокого вида в лес, *temporary wildlife opening (clearcut)* – временное открытие живой природы, *temporary meadows (clearcut)* – временные луга, *birthing scene (clearcut)* – место рождения. Примечательны следующие эвфемистические выражения *wildlife travel corridor (logging road)* – коридор для перемещения животного мира/природы, *unmanaged land (land not yet logged)* – территория, которой еще не управляют/возделывают (11).

Самыми высокочастотными компонентами, входящими в состав многосоставных эвфемистических наименований, образованных на основе принципов культурно-поведенческой и языковой практики – политической корректности, являются *wildlife, management, harvest*. Лексические единицы, которые входят в состав многосоставных

политически корректных эвфемизмов, употребляются с несколько модифицированной семантикой. Наиболее актуализированным значением таких лексических единиц на сегодняшний день в политически корректном словоупотреблении является «некая отстраненность от происходящего и подчеркнуто умелое управление природными ресурсами». Положительная оценочная номинация осуществляет «возвышение» наименования, придавая положительную направленность всему составному наименованию. Таким образом, сферы применения эвфемизмов, специфика их формирования и функционирования в рамках идей политической корректности с тематической принадлежностью *speciesism* наглядно иллюстрируют реализацию эвфемистического потенциала и основных функций эвфемизмов: смягчения, функцию соблюдения морально-этических норм для поддержания бесконфликтного общения и функцию маскировки.

Литература

КУПИНА, Н. А., МИХАЙЛОВА, О. А., 2001. Лингвистические проблемы толерантности. *Толерантность в современной цивилизации: материалы международной конференции: Екатеринбург, 14-19 мая 2001 г.* Екатеринбург: изд. Екатеринбургского ун-та, с. 50-69.

ПАНИН, В. В., 2004. Политическая корректность культурно-поведенческая и языковая категория: *Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Тюмень: из-во Тюменского университета, 24 с.

СИЛИНСКИЙ, С. В., 2003. Эвфемизмы в современной американской прессе. *Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Антропоцентризм в языке и речи.* Вып. 8. Санкт-Петербург: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, с. 168-174.

ТЕР-МИНАСОВА, С. Г., 2004. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. 2-е изд., дораб. – Москва: изд-во МГУ, 352 с.

AXTELL, R. E., 1995. *Do's and Taboos of Using English Around the World.* New York: Wiley, 206 p.

BOLINGER, D., 1984. *Language: The loaded Weapon. The Use and the Abuse of the Language Today.* London: Longman, 214 p.

BURRIDGE, K., 1996. Political Correctness: Euphemism with Attitude. *English Today.* Vol. 12, No.3. pp. 42-49.

HUGHES, G., 1989. *Words in Time: A Social History of the English Vocabulary.* Oxford: Blackwell, 270 p.

LUTZ, W., 1989. *Doublespeak: From "Revenue Enhancement" to "Terminal Living": How Government, Business, Advertisers and others Use Language to Deceive You.* New York: Harper&Row, 290 p.

PARTRIDGE, A., 1964. *Usage and Abuse.* New York: Citadel Press, 379 p.

Электронный ресурс

WICKLUND F. Articles [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.freemanwicklund.org/articles/>

Источники материала

1. Режим доступа: http://www.articles.animalconcerns.org/ar_voices/archive/ar_ukhtml.
2. Режим доступа: http://www.articles.animalconcerns.org/ar_voices/archive/ar_ukhtml.
1. Режим доступа: <http://www.animallaw.info/articles/arus25uhawaii/rev481.htm>.
2. Режим доступа: <http://www.peta.org/feat/jams/htm>.
3. Режим доступа: <http://www.animallaw.info/articles/arus25uhawaii/rev481.htm>.
4. Режим доступа: <http://www.animallaw.info/articles/arus25uhawaii/rev481.htm>.
5. Режим доступа: <http://www.animallaw.info/articles/arus25uhawaii/rev481.htm>.
6. Режим доступа: <http://www.canadageese.org/eu.html>.
7. Режим доступа: <http://www.nokilladvocacycenter.org>.
8. Режим доступа: http://www.peer.org/docs/fs/fs_ephemisms.pdf.
9. Режим доступа: http://www.peer.org/docs/fs/fs_ephemisms.pdf.

Elena Glios

Siberian Branch of the Institute of Airnavigation, Russia

Research interests: pragmatics, sociolinguistics, cognitivism.

POLITICALLY CORRECT EUPHEMISMS AS A MEANS OF SOLUTION TO THE EQUALITY PROBLEM BETWEEN MAN AND THE SURROUNDING WORLD OF ANIMALS AND PLANTS IN THE ENGLISH LANGUAGE SPEAKING SOCIETY

Summary

People try to avoid using words and expressions that sound inappropriate, unpleasant or embarrassing both to them and people who they are speaking to. In general, people use euphemisms to express what is difficult to express within society in direct terms (e. g. 'children with self-paced cognitive ability' is used instead of 'retarded children'). The use of a great number of euphemisms is closely related to the phenomenon of political correctness. Political correctness is of great importance in society nowadays; people have to be careful not hurt other people's feelings by means of words. This phenomenon has been under discussion, as it seems to have gone too far in its ideas and policies – not to hurt anyone's feelings. Nevertheless, it is important to people not to feel insulted or discriminated by means of language; so politically correct terms serve the needs for equality in society to a certain extent. The current use of different euphemisms linked to *speciesism*, i.e., the equality between man and the surrounding world of animals and plants. The words and expressions we use to soften the reality in terms of speciesism will be discussed in this paper.

KEY WORDS: ephemisms, political correctness, speciesism, discrimination, equality.

Saulė Juzelėnienė

Kauno technologijos universitetas, Lietuva

Rita Baranauskienė, Ilona Mickienė

Vilniaus universitetas, Lietuva

Muitinės g. 8, 44240 Kaunas, Lietuva

Tel. 8-37-422604

El. paštas: baranauskiene.rita@gmail.com, saule.j@airnet.lt, Ilona.mickiene@gmail.com

Moksliniai interesai: kognityvinė lingvistika, konceptualioji metafora, semantika, sintaksinė semantika, semantinės funkcijos, funkcinė gramatika, leksikologija, terminologija, onomastika.

DĖL LINGVISTINĖS ANALIZĖS METODŲ

Iki šiol lietuvių lingvistikoje ypač trūksta apžvalginio pobūdžio darbų, kuriuose būtų nagrinėjami lingvistinio tyrimo metodai. Visi moksliniai metodai paprastai skirstomi į du pagrindinius opozicinius tipus – indukcinius ir dedukcinius, atspindinčius priešingus mąstymo būdus. Šiame straipsnyje pasirinkta apžvelgti hipotetinio dedukcinio metodo principus. Daugiau dėmesio kreipiamas į sinchroninės lingvistikos šakų: gramatikos, leksikologijos, semantikos tyrimo būdus. Straipsnyje analizuojami dažniausiai taikomi lingvistinio tyrimo metodai (opozicijų, gretinamasis, distribucinės, valentingumo ir komponentinės analizės), pagrindiniai jų taikymo principai, su metodu susijusi terminija. Iš atlikto tyrimo turėtų būti aišku, kad šiuolaikinėje mokslinėje analizėje neapsieinama naudojant tik vieną kurį mokslinį metodą. Neretai pasitelkiami keli metodai visapusei lingvistinei analizei atlikti.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: hipotetinis dedukcinis metodas, opozicijų metodas, distribucinė analizė, valentingumo analizė, komponentinė analizė, gretinamasis metodas.

Įvadas

Lingvistikos tikslas yra mokslinis kalbos tyrimas ir pažinimas. Siekiant moksliškai tirti kalbą, būtina skirti metodologiją, metodiką ir metodą. **Metodologija** galima apibrėžti kaip teoriją, kuri nagrinėja mokslinio pažinimo procesą (bendroji metodologija) ir jo principus (bendramokslinė metodologija) bei mokslinio tyrimo metodus ir techniką (mokslų kryties metodologija) (Kardelis 2007, p. 88). Taigi kurio nors mokslų metodologija yra plačiau suprantamų to mokslų metodų <...> visuma. **Metodas** – tai medžiagos tyrimo būdas, jos sisteminimas ir teorinis pagrindimas (teorija). Plačiau suprantamas metodas yra tikrovės reiškinių pažinimo ir aiškinimo būdas. Siaurąja prasme – tai mokslinis tyrimo būdas, leidžiantis tirti objektą tam tikru požiūriu. Moksliniai metodai yra objektyvūs, analitiniai¹, kai visuma skaidoma į dalis ir mėginama rasti bendrąją taisyklę (Čermak 1999, p. 237). **Metodika** – tai vieno ar kito tyrimo būdo (metodo) pasitelkimas reikiamai analizei atlikti, t. y. tiriamojo objekto stebėjimo, eksperimento ir aprašymo būdai.

Lingvistikos metodologija susijusi su kuria nors lingvistikos sritimi (diachronija, sinchronija) ar šaka (fonologija, gramatika, leksikologija, semantika). Šiame straipsnyje daugiau dėmesio kreipiamas į sinchroninės lingvistikos šakų: gramatikos, leksikologijos, semantikos tyrimo principus.

Lingvistikos tyrimo metodika susijusi su tam tikru metodu ir lingvistine teorija, pavyzdžiui, stilistikos mokslui būdingas stilistinės analizės metodas. Pirmuose stilistikos darbuose remtasi įprastais kalbos tyrimo metodais, todėl stilistinės ypatybės buvo grupuojamos binarinių opozicijų principu (konkretumas – abstraktumas) <...>. Vėliau stilistinės ypatybės imta grupuoti į specifines (pirmines) ir nespecifines (išvestines) ar net mažai reikšmingas, epizodiškas, kurios gali sudaryti funkcinio stiliaus ypatybių lauką, tiksliau dominantę (plg. Bitinienė 2007, p. 9). Semantikai tirti

¹ Kartais ne visai tiksliai prie lingvistinio tyrimo metodų skiriamas analitinis metodas. Tačiau jis nėra susijęs su kuria nors viena lingvistikos tyrimo sritimi, o apibūdina mokslinį tyrimą apskritai, todėl negali būti laikomas atskiru lingvistinio tyrimo metodu.

taikomi *semantinės analizės metodai*: komponentinė, valentingumo analizė ir kt. Pragmatinėje lingvistikoje pasitelkiama *pragmatinė analizė*, susijusi su šnekos aktu, deiksės, referencijos, presupozicijų, kalbinio implikavimo mechanizmo, mandagumo, vertinimo teorijomis.

Lingvistinio metodo pasirinkimas priklauso nuo tyrimo tikslo, uždavinių ir tiriamojo objekto. Kiekvienam metodui būdinga tam tikra tyrimo metodika, t. y. kaip vadovaujantis tam tikru metodu turi būti nagrinėjama medžiaga. Todėl prieš pradėdant tyrimą, būtina gerai išstudijuoti visą mokslinį metodą liečiančią teorinę literatūrą, išsiaiškinti pagrindinius metodo taikymo principus, įsisavinti su metodu susijusią terminiją. Tikslių tyrimo rezultatų galima pasiekti tik nuosekliai ir tinkamai taikant pasirinktuosius metodus.

2. Mokslinių metodų tipai

Visus mokslinius metodus galima suskirstyti į du pagrindinius opozicinius tipus – indukcinis ir deducinius, atspindinčius priešingus mąstymo būdus.

Indukcija suprantama kaip tyrimo kelias nuo to, kas atskira ir ypatinga, link to, kas bendra ir dėsninga, t. y. apibendrinimas, *dedukcija* – nuo to, kas bendra, link to, kas atskira, t.y. išvedimas. Indukcionizmas, kaip mokslinė kryptis, vyravo XIX a. ir buvo susitelkęs į faktų kaupimą, nepateikiant visumos. XX a. nuo ankstesnių indukcinio būdų pakrypsta į deducinius, ypač į *hipotetinį deducinį metodą*. Tai – vienas iš pagrindinių lingvistinio tyrimo metodų, todėl šiame straipsnyje **siekama** atskleisti šio metodo principus.

Galima skirti keletą hipotetinio deducinio metodo etapų:

- 1) pasirinkus tyrimo objektą renkama faktinė medžiaga iš įvairių šaltinių: grožinės, specialiosios literatūros, žodynų ar informantų apklausa;
- 2) surinkta kalbinė medžiaga indukciskai apibendrinama ir keliami hipotezė kaip tam tikra idėja, galinti paaiškinti analizuojamą reiškinį;
- 3) dedukcijos etape tikrinama hipotezė, taikant teoriją gaunami pirminiai tyrimo rezultatai;
- 4) galiausiai verifikuojami (tikrinami) tyrimo rezultatai, t.y. patvirtinama arba paneigiama hipotezė. Hipotezės neatitinkantys duomenys tiriami papildomai.

Hipotetinį deducinį metodą papildo *opozicijų metodas*, *distribucinė analizė*, *valentingumo analizė*, *komponentinė analizė*, *gretinamasis metodas*. Šis metodų sąrašas nėra baigtinis. Jį būtų galima dar pildyti, nes daugeliui šiuolaikinių tyrimų būdinga kompleksinė metodika, t. y. taikomi kelių metodų deriniai.

2. 1. Opozicijų metodas

Šis metodas remiasi rusų kalbininko N. S. Trubeckojaus opozicijų teorija („Grundzuge der Phonologie“ 1939 m.) ir R. Jakobsono binariškumo (dichotomijos) teoriniais principais („Zur Struktur des russischen Verbums“ 1932 m.). Opozicijų metodas pirmiausia taikytas fonologijoje, vėliau ir kitiems kalbos lygmenims tirti.

Pažymėtina, kad ne visos skirtybės laikytinos opozicijomis. Opozicija galima tarp tų kalbos narių, kurie turi ne tik skirtingų, bet ir bendrų požymių. Bendrieji požymiai sudaro lyginimo pagrindą, o skiriamieji vadinami distinktyviaisiais požymiais. Taigi opozicija – tai relevantiškas skirtumas pagal vieną kurį požymį, kai kiti sutampa.

Kalba esanti sistema ženklų, tarp savęs susijusių taip, jog vieno ženklo reikšmė priklauso nuo kitų, taigi kalbos sistema iš esmės remiasi opozicijomis, t. y. kalbinių ženklų tarpusavio priešprieša (plg. Ivič 1973, p. 129). Trubeckojus skiria opozicijų tipus pagal santykį su kalbos sistema ir santykį tarp opozicijos narių.

1. Pagal santykį tarp opozicijos narių galima skirti *binarines*, *gradualines*, *ekvipolentines* opozicijas.

Binarines opozicijas Trubeckojus laikė svarbiausiomis. Tai tokios opozicijos, kurių vienam elementui būdingas distinktyvusis požymis, o kitam ne. Lietuvių kalboje pagal distinktyvųjų kriterijų skiriami kietieji ir minkštieji priebalsiai: b / b`, p / p` ir kt. Nagrinėdamas binarines opozicijas, Trubeckojus išskyrė *žymėtojo* opozicijos nario santykį su *nežymėtoju*, pavyzdžiui, priešpriešos pagal skardumą atveju (b / p) abu nariai turi tą pačią fonetinę charakteristiką, o

žymėtasis (b) dar ir viena specifine žyme (skardumu) daugiau; pastarosios žymės neturi nežymėtasis narys (Ivič 1973, p. 140). Morfologijos kategorijos taip pat susijusios binariškumo principu, pavyzdžiui, būtasis laikas yra žymėtoji kategorija esamojo laiko atžvilgiu, nes esamasis laikas gali būti vartojamas ne tik dabarčiai, bet ir praeičiai reikšti, o būtasis laikas siejamas tik su praeitimi. Šis teorinis principas apie žymėtojo / nežymėtojo nario santykį reikšmingas daugeliui šiuolaikinės lingvistikos metodologijų.

Gradualinės opozicijos elementai vienas nuo kito skiriasi skirtingu tam tikro požymio laipsniu, pavyzdžiui, dezideratyviniai veiksmažodžiai *norėti* ir *trokšti* skiriasi intensyvumo laipsniu.

Ekvipolentinės opozicijos elementams būdingi kokybiniai skirtumai, pavyzdžiui, prie leksinės ekvipolentinės opozicijos gali būti priskiriami sinonimai: *mergina*, *mergšė*, *mergaitė*. Šiuo atveju opozicijos pagrindas yra bendra denotatinė reikšmė *jauna moteriškosios lyties būtybė*, o konotacinė reikšmė suprantama kaip diferencinis požymis.

2. Pagal santykį su kalbos sistema Trubeckojus skiria *proporcines*, *izoliuotąsias* ir *daugialypes* opozicijas.

Proporcinės opozicijos atveju opozicijos santykis tarp narių proporcingas santykiui tarp kitos opozicijos narių. Tokia opozicijos narių koreliacija atskleidžia kalbos sistemos dėsningumus, pavyzdžiui, būdvardžiai su priešdėliu *ne-* reiškia požymio nebuvimą:

gražus = *geras* = *aiškus*
negražus *negeras* *neaiškus*

Jei kalbos sistemoje nėra kitos poros, kurios nariai būtų susiję tokiu pačiu santykiu, analizuojamoji opozicija laikoma *izoliuotąja*, pavyzdžiui, daiktavardžiai *muštinės* ir *supynės* yra sudaryti iš veiksmažodžių *mušti* ir *supti* su priesaga *-ynės*, bet jų reikšmė skirtinga. *Muštinės* reiškia veiksmo, o *supynės* – daikto pavadinimą, todėl šie priesagos *-ynės* vediniai nėra susiję tokiu pačiu santykiu ir laikomi izoliuotųjų opozicijų nariais.

Daugialypėmis Trubeckojus vadino opozicijas, kurios nesiriboja viena kuria opozicijos pora, o nagrinėjamos visoje kalbos sistemoje, pavyzdžiui, vietos reikšmę turi ne tik priesagos *-ykla* (*skaitykla*), bet ir kitų priesagų vediniai: *-ynas* (*beržynas*, *ažuolynas*), *-ynė* (*karklynė*) ir kt..

Opozicijų metodas dažnai naudojamas kartu su kitais lingvistiniais metodais: distribucine ir komponentine analize.

2. 2. Distribucinė analizė

Ši analizė yra suprantama kaip eksperimentinis metodas, ypač ištobulintas L. Blumfildo, S. Hariso ir kitų deskriptyvinės gramatikos kūrėjų.

Distribucinė analizė susijusi su amerikiečių plėtotu struktūralizmu XX a. 3-iajame, 4-ajame ir 5-ajame dešimtmetyje. Nors šiuolaikinėje lingvistikoje struktūralizmo teorija nebeplėtojama, jos tyrimo principai taikomi kai kurioms kitoms lingvistikos kryptims.

Distribucija (lot. *distributio* – „paskirstymas“) – tai kalbinio vieneto galimų pozicijų kitų vienetų atžvilgiu visuma (LKE 1999, p. 165).

Distribucija nustatoma substitucijos eksperimentu: tiriamąjį vienetą tam tikrame kontekste pakeičiant kitu žinomu vienetu; jeigu toks pakeitimas galimas nepakeitus konteksto, tai abu vienetai priskiriami tai pačiai klasei, t. y. laikomi turinčiais tokias pačias pagrindines ypatybes, pavyzdžiui, žodžiai *programa* ir *žmogus* priklauso tai pačiai daiktavardžių klasei, nes jie vienodai gerai gali būti vartojami toje pačioje konteksto vietoje: *ta, tas ... mane apvylė*) (plg. Ivič 1973, p. 162–163). Distribucinėje analizėje žodžių klasės žymimos sutartiniais ženklais, simboliais, pavyzdžiui, N žymi daiktavardį ir daiktavardiškai vartojamus žodžius, t. y. tokius, kurie sakinyje pavadoja daiktavardį, V – veiksmažodį. Smulkesnės veiksmažodžių, vardažodžių rūšys žymimos indeksais, pavyzdžiui, V_{tr} – tranzityvinis veiksmažodis, V_{intr} – intranzityvinis veiksmažodis, N_{abstr} – abstraktusis daiktavardis. Iš simbolių ir indeksų sudaromos distribucinės formulės. Koduojant visus žodžius, išskyrus tiriamąjį, gaunama jo distribucinė formulė.

Naudojant distribucines formules, patogų klasifikuoti tiriamąją medžiagą. Taip atskleidžiamas žodžio vartosenos variantiškumas, pavyzdžiui, galima sudaryti keletą anglų kalbos veiksmažodžio *make* vartosenos formulių:

make + N (*make a coat / a decision*),

make + (the) + N + V (*make the machine go*),
make + A (*make sure*),
make + A + N + for + N (*make a good wife for him*) (Арнольд 1991, p. 40).

Distribucinėje analizėje be formulių naudojami ir modeliai, kurie apibūdinami kaip konstrukcija, atspindinti gramatinį žodžio junglumą, t. y. kokios žodžių klasės gali būti siejamos su tiriamu žodžiu, kokie žodžių junginiai gali būti sudaromi. Visos modelį sudarančios žodžių klasės (ir tiriamasis žodis) rašomos simboliais. Kiekvieno žodžio vartosenos galimybes rodo modelių rinkinys, pavyzdžiui, to paties anglų kalbos veiksmažodžio *make* galima skirti kelis modelius:

VN (*make a coat / a decision*),
VNV (*make the machine go*),
VA (*make sure*).

Distribucinės formulės taikomos leksikografijoje, siekiant atskleisti tiriamojo žodžio vartoseną ir junglumą. Modelius su formulėmis pirmieji naudojo taikomosios kalbotyros atstovai, pavyzdžiui, G. Palmeris juos taikė mokydamas japonus anglų kalbos. Šis metodas išlieka svarbus ir šiuolaikinėje lingvistikoje, ypač praktinėje leksikografijoje.

2. 3. Valentingumo analizė

Valentingumo analizė susijusi su distribucine analize, tik nesiriboja vien gramatinių formų nagrinėjimu, o tiria ir leksinės, ir loginės semantikos dalykus. Valentingumas – žodžių ir jų formų gebėjimas sakinyje jungtis su kitomis žodžių formomis (LKE 1999, p. 682).

Sakinio sandarai reikšmingiausias yra veiksmažodžių valentingumas, nes nuo veiksmažodžio reikšmės ir jo gramatinių ypatybių ir priklauso sakinio sandara.

Veiksmažodžio valentingumu laikoma jo reikšmės lemiama ypatybė atverti tam tikrą skaičių laisvų vietų, kurias sakinyje užima tam tikros reikšmės žodžiai bei jų formos arba atitikmenys (Sližienė 1994, p. 16).

Šiuolaikinėje lingvistikoje skiriami trys valentingumo tipai: *sintaksinis*, *leksinis* ir *semantinis* (loginis). Semantinis valentingumas susijęs su loginės semantikos lygmeniu, leksinis – su leksinės semantikos, sintaksinis – su sintaksės.

Sintaksinio valentingumo tikslas – nustatyti, kiek predikatinis žodis (pavyzdžiui, veiksmažodis) turi aktantų² ir kokiomis sintaksinėmis konstrukcijomis (ar gramatinėmis formulėmis) jie reiškiami.

Pagal reikalaujamų aktantų skaičių veiksmažodžiai skirstomi į vienvalenčius, divalenčius, trivalenčius ir t.t. Vienvalenčiai veiksmažodžiai reikalauja vieno aktanto, paprastai reiškiamo vardininko linksniu, pavyzdžiui, *Miškas ošia*. Divalenčiai – dviejų, pavyzdžiui, *Mergaitė valgo obuolį*. Trivalenčiais laikomi tie veiksmažodžiai, kurie turi tris aktantus, pavyzdžiui, *Studentė paskolino draugei knygą*. Beasmeniai veiksmažodžiai, nereikalaujantys aktantų, vadinami avalenčiais, arba nevalentingaisiais, pavyzdžiui, *Sninga. Lyja. Aušta*.

Veiksmažodžio sintaksinis valentingumas žymimas tam tikra formule, pavyzdžiui, veiksmažodžio *žaišti* (*vaikai žaidžia kvadrata*) sintaksinio valentingumo struktūra užrašoma formule: SinVS [Nom Acc], kur Sin reiškia sintaksinė, VS – valentingumo struktūra, Nom – vardininko linksnis, Acc – galininko linksnis³.

Reikšmėms tirti taikoma semantinio ir leksinio valentingumo analizė.

Leksinis valentingumas suprantamas kaip veiksmažodžio galėjimas jungtis su tam tikromis leksemomis, arba jų tarpusavio semantinio derinimosi su kitais žodžiais galimybės. Žodžiai yra suderinami semantiškai, jeigu jų reikšmės turi sutampančių ar bent panašių semantinių požymių, pavyzdžiui veiksmažodis *loti* ir daiktavardis *šuo* yra semantiškai suderinami, todėl veiksmažodžio *loti* reikšmei apibrėžti būtinas daiktavardis *šuo*.

Veiksmažodžių leksinis valentingumas užrašomas simboliais, žyminčiais semantines žodžių klases: asmenis (*vaikas, mergaitė, Ona, draugai*) [Hum], gyvas būtybes (*šuo, katė,*

² Aktantais (valentiniais palydovais) vadinamos veiksmažodžio reikalaujamos ir sakinio branduolį sudarančios žodžių formos.

³ Visi valentingumo analizėje naudojami simboliai apibūdinami N. SLIŽIENĖS, 1994. Lietuvių kalbos veiksmažodžių junglumo žodyne, t.1.

paukščiai) [+Anim], daiktus (*automobilis, akmuo, obuolys*) [-Anim], abstrakčius dalykus (*laimė, aukštis, laikas, spalva*) [Abstr]. Pavyzdžiui, veiksmažodžio *žaisti* (*vaikai žaidžia kvadrata*) leksinio valentingumo struktūra užrašoma formule: [Hum Abstr].

Daugiareikšmio žodžio leksinio valentingumo struktūros skiriasi, ir tai rodo skirtingas jo reikšmes, pavyzdžiui, veiksmažodis *eiti* reikšme „judėti iš vietos į vietą pėsčiomis, žingsniu“ semantiškai dera su asmenis įvardijančiais žodžiais: *vyras, moteris, vaikas* [Hum] *ėjo*, o reikšme „judėti (apie laiką)“ su laiką žyminčiais žodžiais: *dienos, mėnesiai* [Abstr] *eina*.

Skirtingose kalbose tie patys žodžiai gali turėti skirtingą semantinę dermę su kitais žodžiais, pavyzdžiui, anglų kalbos veiksmažodis *wash* semantiškai dera su įvairių daiktų ir gyvų būtybių pavadinimais: *to wash a car, a face, a child, a window, hair, clothes, dishes*. Lietuvių kalboje valymą vandeniu nusako keli veiksmažodžiai: *prausti (s) veidą, skalbti drabužius, plauti indus, trinkti plaukus*. Iš šių pavyzdžių matyti, kad anglų ir lietuvių kalbos panašią reikšmę turinčių veiksmažodžių semantinis junglumas netapatų, tai rodo ir jų reikšmės skirtumą. Veiksmažodžio *trinkti* reikšmei apibrėžti būtinas daiktavardis *plaukai*, o anglų kalbos *wash* reikšmė platesnė ir siejama su visais daiktais, kuriuos galima valyti vandeniu.

Analizuojant **semantinį valentingumą**, svarbu nustatyti predikatinio žodžio atveriamų vietų skaičių ir tas vietas užimančių aktantų semantines funkcijas (semantinius vaidmenis, gilumos linksnius). Iki šiol semantinių funkcijų skaičius (nuo 6 iki 25) ir ribos skirtingų autorių darbuose įvairuoja. Tipiškiausios skiriamos šios funkcijos: agentas [A], patientas [P], beneficentas [B], percipientas [Pcp], kontentyvas [Con], lokatyvas [L], rezultatas [R], instrumentas [I] ir kt.⁴

Semantinis valentingumas žymimas tam tikra formule, pavyzdžiui, veiksmažodžio *valgyti* semantinio valentingumo struktūra sakinyje *Vaikas valgo obuolį* užrašoma taip: SemVS [A P].

Galima skirti keletą valentingumo analizės etapų: formuluojamas tyrimo tikslas, pasirenkamas tyrimo šaltinis, sudaromas valentingumo požiūriu tiriamų žodžių sąrašas, nustatoma tiriamosios medžiagos imtis, pagal tyrimo tikslą ir uždavinius pasirenkamas vienas, du ar visi valentingumo analizės tipai: sintaksinis, leksinis, semantinis valentingumas.

Valentingumo analizė gali būti taikoma įvairiose srityse. Ši metodika tinkama tirti ir žodžio reikšmės denotatiniams ir konotaciniams komponentams. Rusų lingvistas V. I. Šachovskis (В. И. Шаховский⁵) analizuoja emocinį valentingumą, kurį supranta kaip lingvistinio vieneto gebėjimą jungtis su kitu lingvistiniu vienetu, turinčiu eksplicitiškai ar implicitiškai išreikštą emosumą. Tokiu emociniu santykiu susijusiems lingvistiniams vienetams būdinga emocinė funkcija.

Valentingumo analizė susijusi su distribucine, komponentine analize.

2. 4. Komponentinė analizė

Distribucinė ir valentingumo analizė yra susijusios su sintagminiais žodžių santykiais, o komponentinė analizė remiasi paradigminiais ryšiais.

Komponentinė analizė naudojama kaip metodas, leidžiantis atskleisti žodžio semantiką. Šis metodas taikytas ir kitose lingvistikos srityse: fonologijoje ir sintaksėje. Komponentinės analizės metu žodžio leksinė reikšmė skaidoma į sudedamuosius elementus, t. y. semantinius komponentus, arba semas (semantinius požymius). Semantiniai komponentai, arba semos, identifikuojami semantiniame lygmenyje ir materialiai žodyje nereiškiami. Skiriamos *bendrosios*, arba integralinės, ir *skiriamosios*, arba diferencinės, *semos*. Sema dažnai laikoma mažiausiu prasminiu vienetu, nedalomu į smulkesnes dalis. Tačiau toks apibūdinimas nepagrįstas ir netikslus, nes kai kurios semos gali būti dar segmentuojamos smulčiau, pavyzdžiui, galima skirti „lytiškumo“ semos smulkesnę semą „gyva būtybė“. Taigi žodžio reikšmės skaidymo į semas ribos priklauso nuo tyrimo uždavinių.

Komponentinėje analizėje daugiausia remiamasi aiškinamųjų ir ideografinių žodynų definicijomis. Žodynus naudoti lingvistiniams, psichologiniams, kultūrologiniams tyrimams dar 1903 m. yra siūlęs Boduenas de Kurtenė.

⁴ Plačiau apie semantines funkcijas žr. SLIŽIENĖS, N., 1994. Lietuvių kalbos veiksmažodžių junglumo žodyną, t. 1.

⁵ ШАХОВСКИЙ, В. И., 1984. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. *Вопр. Языкознания*, № 6, с. 97–103 (cituojama iš: Арнольд 1991, p. 45).

Komponentinėje analizėje remiantis žodyninėmis definicijomis ir loginėmis operacijomis apibūdinama leksinė reikšmė. Pirmiausia nustatoma *bendroji sema*, t. y. gimininė sąvoka, (tiriamojo objekto grupė, kuriai priklauso tiriamasis objektas). Paskui nurodomos *skiriamosios semos*, t. y. rūšinės sąvokos (skiriamieji požymiai, išskiriantys daiktą iš kitų tos pačios klasės daiktų), pavyzdžiui, žodžių grupės *ežeras, jūra, tvenkinys, vandenynas* bendroji sema yra „vandens plotas“. Toliau viena su kita gretinamos rūšinės sąvokos ir ieškoma, kuo jos viena nuo kitos skiriasi: dydžiu, atsiradimo būdu, vandens kokybe. Taip nustatomos skiriamosios semos: „didelis“, „labai didelis“, „sūrus“, „gėlas“ ir kt. Į reikšmės aiškinimą įtraukiami bendrieji ir svarbiausi skiriamieji tai pačiai grupei priklausančių sąvokų požymiai, pavyzdžiui, *jūra* „didelis sūraus vandens plotas, susisiekiantis su vandenynais“, *vandenynas* „labai didelis vandens plotas tarp žemynų“, *ežeras* „gėlo vandens plotas natūralioje lomoje“ (plg. Jakaitienė 2005, p. 83-84; plačiau žr. Jakaitienė 2005, p. 79-101).

Pagal perteikiamos informacijos pobūdį gali būti skiriamos *denotatinės* ir *konotacinės* reikšmės *semos*. Pastarosios susijusios su pragmatiniais komunikacijos akto aspektais: adresanto emociniu nusiteikimu, vertinimu, poveikiu adresatui, šnekos akto aplinkybėmis, lemiančiomis šnekos akto funkcinę stilistinę aplinką. *Denotatinės* reikšmės *semos* atspindi dalykinę realiąją informaciją apie pavadinamąjį dalyką, pavyzdžiui, žodžių junginiuose *juodas varnas, juodi plaukai, drabužiai, juoda žemė* paprastai aktualizuojama žodžio *juodas* denotatinė sema „visiškai tamsus, kaip anglis“. Tačiau priklausomai pragmatinių komunikacijos akto aspektų, gali būti realizuojamos žodžio *juodas* konotacinės semos „liūdnas, niūrus“, pavyzdžiui, *juodos valandos*, „skurdus, vargingas“, pavyzdžiui, *juodas gyvenimas*, „nedoras“, pavyzdžiui, *juodos mintys*, „sunkus“, pavyzdžiui, *juodas darbas* ir kt.

Komponentinės analizės metodą tikslinga taikyti pragmatinėje lingvistikoje, leksikologijoje, leksikografijoje. Vienas iš sudėtingiausių leksikografijos uždavinių yra nustatyti, kiek ir kokių žodžių pavadinamo dalyko požymių reikia įtraukti į patikimą reikšmės aiškinimą ir kaip juos reikia tame aiškinyje išdėstyti <...>. Žodynininkai bent jau turėtų stengtis, kad tai pačiai leksinei semantinei grupei priklausantys žodžiai būtų aiškinami nuosekliai laikantis tų pačių semantinių reikšmės komponentų skyrimo ir komplektavimo principų (Jakaitienė 2005, p. 83).

2. 5. Gretinamasis metodas

Tai yra toks metodas, kai tiriamos bei aiškinamos dviejų ar net kelių kalbų (tiek giminių, tiek negiminių) struktūros bendrybės ir skirtybės. Gretinamoji kalbotyra susiformavo tik XX a. antroje pusėje, o kaip savarankiškos tyrimo krypties pradžia sietina su Prahos lingvistine mokykla (V. Matezijus, B. Skalička) bei amerikiečių mokslininko R. Lado darbais. Gretinimo principo esmė – gretinamieji vienetai turi būti aprašyti pagal tuos pačius principus ir taisykles (plg. Gudavičius 2007, p. 217). Gretinamųjų tyrimų aktualumą lemia tai, kad gretinant akivaizdžiai išryškėja kiekvienos gretinamos kalbos esminės ypatybės. Be to, pažymėtinas gretinamųjų tyrimų taikomasis pobūdis. Pavyzdžiui, mokantis ir mokant svetimų kalbų, labai svarbu išmanyti tų kalbų ypatybes, ypač jų specifiką palyginti su gimtąja kalba. Tai palengvina sąmoningai mokytis kurios nors iš gretinamųjų kalbų, taip pat versti iš vienos kalbos į kitą (Palionis 1999, p. 269). Gretinamoji kalbotyra apima keletą lingvistinių disciplinų, orientuotų į skirtingus kalbos lygmenis: gretinamąją fonetiką ir fonologiją, gretinamąją morfologiją, gretinamąją stilistiką, gretinamąją semantiką ir t. t. <...>. Pastaraisiais dešimtmečiais pagal bendrą šiuolaikinės kalbotyros tendenciją gretinamuosiuose tyrinėjimuose neapsiribojama tik kalbos sistemos dalykais, o vis daugiau dėmesio kreipiama funkciniam aspektui – šnekos aktams, tekstui, funkciinių kalbų ekvivalentų funkcionavimui tose pačiose ar panašiose komunikacinėse situacijose (plg. Gudavičius 2007, p. 9, 11). Gretinamuosiuose tyrinėjimuose negalima apsiriboti vien tik skirtumų nustatymu, svarbu nustatyti ir tai, kas bendra, sutampa, ir tai, kas skirtinga.

3. Apibendrinimas

Straipsnyje aptarti ne visi lingvistinės analizės metodai. Orientuotasi į tuos metodus, kurie dažniausiai pasirenkami kalbos semantikai, gramatikai ir leksikai tirti: hipotetinis dedukcinis metodas, opozicijų metodas, distribucinė analizė, valentingumo analizė, komponentinė analizė,

gretinamasis metodas. Metodo pasirinkimą dažniausiai lemia tyrimo tikslas ir tiriamasis objektas. Iš praktikos matyti, kad geriausių tyrimo rezultatų pasiekama tada, kai pasitelkiami keli tyrimo metodai, leidžiantys tikslinti ir papildyti analizę. Opozicijų metodas dažnai naudojamas kartu su distribucine ir komponentine analize. Distribucinė analizė susijusi su valentingumo analize, tik taikoma daugiau praktinėje leksikografijoje, siekiant atskleisti tiriamojo žodžio vartoseną ir junglumą, o valentingumo analizė taikoma leksinėje ir sintaksinėje semantikoje, tiriant predikacinių žodžių sintaksinį, leksinį ir semantinį valentingumą, taip pat nustatant žodžio reikšmės denotacinius ir konotacinius komponentus. Valentingumo ir distribucinė analizė remiasi sintagminiais žodžių santykiais, o komponentinė analizė – paradigminkiniais ryšiais ir padeda atskleisti žodžio semantiką, todėl taikytina pragmatinėje lingvistikoje, leksikologijoje, leksikografijoje. Gretinamasis metodas šiuolaikinėje kalbotyroje pasitelktinas tirti šnekos aktams, tekstui, funkcinių kalbų ekvivalentų funkcionavimui komunikacinėse situacijose.

Literatūra

- BITINIENĖ, A., 2007. *Publicistinis stilius*. Vilnius: VPU leidykla.
ČERMAK, F., 1999. Kalbos tyrimo metodai. *Darbai ir dienos*, 10(9). 233—276.
GUDAVIČIUS, A., 2007. *Gretinamoji semantika*. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.
IVIČ, M., 1973. *Lingvistikos kryptys*. Vilnius: Mintis.
JAKAITIENĖ, E., 2005. *Leksikografija*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
KARDELIS, K., 2007. *Mokslinių tyrimų metodologija ir metodai*. Šiauliai: Lucilijus.
LKE, 1999. *Lietuvių kalbos enciklopedija*, red. V. AMBRAZAS, A. GIRDENIS, K. MORKŪNAS ir kt. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
PALIONIS, J., 1999. *Kalbos mokslo pradmenys*. Vilnius: Jandrija.
SLIŽIENĖ, N., 1994. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių junglumo žodynas 1*, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
АРХОЛЬД, И. В., 1991. *Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие*. Москва: Высш. шк.

Saulė Juzelėnienė, Rita Baranauskienė, Ilona Mickienė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, conceptual metaphor, semantics, syntactic semantics, functional grammar, terminology, onomastics

ON THE METHODS OF LINGUISTIC RESEARCH

Summary

Basically all linguistic research methods are divided into two main opposition types - inductive and deductive, reflecting the divergent ways of thinking. This article aims to review the principles of the hypothetical deductive method, putting more emphasis on the research principles of the synchronic linguistics disciplines: grammar, lexicology, semantics. Thus there are a few methods that attracted our attention, mainly the hypothetical deductive method, the method of oppositions, a distributive analysis, analysis of valence, componential analysis, method of comparative analysis. Practice shows that the best test results are obtained when multiple methods are applied to the analysis. It is important that before starting any research and choosing the methods to be involved in the study, one needs to carefully study the theoretical literature, to identify the basic principles and related terminology of the method. Precise results of the research can only be achieved by consistent and proper use of the main principles suggested by particular linguistic research methods.

KEY WORDS: hypothetical deductive method, distributive analysis, comparative method.

Анастасия Панькова

Белорусский государственный университет, Беларусь

ул. Академическая 25, 220072 Минск, Беларусь

Тел. +375 17 284 00 14

Эл. почта: panioko@yandex.ru

Научные интересы: японский язык, иероглифика, лингвистика

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ СЛОВА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена вопросу о границах слова в японском языке. Известно, что слово признаётся большинством лингвистов основной единицей языка. Существует огромное количество определений слова, но ни одно из них не может быть признано универсальным. Поэтому некоторые языковеды предлагают определять слово применительно к каждому конкретному национальному языку или группе родственных языков. Исходя из этого принципа, в статье рассматриваются уже существующие определения понятия «слово» в японском языке, а также, принимая во внимание особенности грамматического и лексического строя японского языка, вводится понятие номинативной единицы и знака алфавита синтаксиса для определения слова и выделения его границ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слово, двухкомпонентная единица, модификатор, актуализатор, номинативная единица, свертка двухкомпонентной единицы, знаки алфавита синтаксиса

Одним из главных понятий в европейской лингвистике является понятие слова. Важность этой единицы языка неоднократно отмечалась многими учёными. Так, к примеру, П. С. Кузнецов писал, что «слово представляет собой едва ли не единственную единицу, представление о которой имеет любой говорящий», чего нельзя сказать о других единицах языка, больших или меньших слова.

Слово не случайно признается большинством языковедов центральной единицей языка. Это положение слова обеспечивается его внешнеязыковыми и внутриязыковыми свойствами. С внешнеязыковой точки зрения слово служит основным номинативным элементом языка, т. е. по своей природе предназначено для названия как конкретных предметов, явлений, признаков окружающей нас действительности, так и для номинации абстрактных сущностей, созданных человеческим со знанием на основании обобщенного отражения свойств внешнего мира. С внутриязыковой точки зрения слово представляет, собой такую единицу, посредством которой характеризуются все остальные единицы языка. Более мелкие, чем слово, единицы языка – фонемы и морфемы – рассматриваются обычно как элементы, или части, слова. Более крупные, чем слово, языковые единицы – словосочетания и предложения – определяются как совокупности слов.

Несмотря на очевидность слова и его четкую вычленимость из состава языка, лингвистам не удается сформулировать общепринятое теоретическое определение слова как в силу противоречивости, сложности и качественно неоднородного содержания этой единицы, так и в силу национальной специфики слова. Это обстоятельство приводит к тому, что некоторые языковеды предлагают определять слово по-разному, применительно к каждому конкретному национальному языку или группе родственных языков.

Существует две исходные концепции слова. Согласно одной концепции, слово представляет собой сложную единицу, которая может рассматриваться в разных аспектах. Т.е. слово определяется как двусторонняя самостоятельная центральная языковая и основная номинативная единица, обладающая системой словоформ, различающихся частными грамматическими значениями, но объединенных общим вещественным значением, функционирующая в сочетании с подобными себе единицами, реализуя синтагматические и парадигматические потенции в их единстве.

Согласно другой концепции, слово не едино и распадается на такие единицы, как фонетическое слово, синтаксическое слово (или синтаксема), грамматическое слово, лексическое (лексикологическое) слово.

С нашей точки зрения, вышеперечисленные концепции вполне применимы и могут быть использованы для ряда европейских языков, но что касается японского языка, то в предложенных концепциях слабо отражена специфика данного языка.

Прежде всего следует отметить, что японская письменность состоит из трёх частей: кандзи (иероглифы, заимствованные из Китая) и двух слоговых азбук – каны, созданных в Японии на основе кандзи – катаканы и хираганы.

Большинство слов японского языка записываются иероглифами: числительные, существительные, глаголы, прилагательные, наречия и некоторые местоимения. Хирагана используется преимущественно для записи служебных частей речи. Ввиду особенностей письменности, слова могут состоять из одного иероглифа – 木 (*ки*¹, дерево), двух – 教員 (*кё:ин*, учитель), трёх – 新幹線 (*синкансэн*, японская скоростная железная дорога) и даже четырёх – 高等数学 (*ко:то:су:гаку*, высшая математика) иероглифов. Научные и технические термины могут содержать даже большее количество знаков: 熱原子核反応 (*нэцугэнсикакуханно:*, термоядерная реакция).

Помимо служебных частей речи, хирагана используется для записи суффиксов слов. Некоторые слова японского происхождения, не имеющие иероглифического написания, также записываются хираганой: в основном это вспомогательные части речи: □ (*я*, *и*), □□ (*мада*, ещё), также большая часть местоимений: これ (*корэ*, это). Кроме того, существует группа слов, имеющих иероглифическое написание, но традиционно записываемых хираганой: おいしい (*оисий*, вкусный, в иероглифах — 美味しい), ありがとう (*аригато:*, спасибо, в иероглифах — 有難う).

На практике используется «смешанное письмо» (漢字かな交じり文 *кандзи-кана-мадзирибун*, что можно перевести как «письменность из иероглифов с примесью каны»), которое является нормой современного японского письма, где основное место принадлежит иероглифам.

Так как все японские иероглифы были заимствованы из китайского языка, в японском сохранились подобия китайским чтениям иероглифов на момент заимствования — онные чтения иероглифов. С другой стороны, за иероглифами одновременно закрепились и кунные чтения, то есть «исконно» японское произношение соответствующих слов. Как правило, иероглифы, представляющие самостоятельные слова, читаются кунными чтениями, в то время как в сложных словах иероглифам присущи преимущественно онные чтения. Исконно японские слова, не заимствованные из китайского языка составляют группу слов *ваго* (和語), в то время как заимствованные слова из онных чтений составляют группу слов *канго* (漢語).

Слова из группы ваго, как правило, имеют один иероглифический корень: □ (*сара*, тарелка), 美しい (*уцукусий*, красивый), 見える (*миэру*, виднеться). Однако могут представлять и сочетания иероглифов, читающихся в кунном чтении: 花火 (*ханаби*, фейерверк).

Слова из группы канго, как правило, многокоренные (состоят из двух и более корней), хотя есть и одиночные иероглифы, за которыми закрепились только онные чтения: 本 (*хон*, книга), 書 (*сё*, почерк, книга), 禁じる (*киндзиру*, запрещать). Некоторые сложные слова в

¹ В статье для русской транскрипции японских слов используется система записи Е.Д. Поливанова. Согласно этой системе транскрипций, разработанной в 1917г., в японском языке гласные различаются по долготе, которая обозначается чёрточкой над гласной или двоеточием после неё. Такое обозначение используется только в научных работах, учебниках и словарях. В изданиях для массового читателя не употребляется, хотя в редких случаях она встречается и там и передаётся удвоенной гласной (Сусаноо - 'бог ветра', Оокуни - 'женское имя').

китайском и японском языках записываются одинаково и имеют сходные значения: 教室 (*кэ:сицу*, кит. *jìdōoshì/цзяошэи*, аудитория), 同志 (*до:си*, кит. *tóngzhì/тунчжи*, товарищ), 学生 (*гакусэй*, кит. *xuésheng/сюэшэн*, студент).

Только учитывая перечисленные выше особенности японского языка и японской письменности, можно говорить о слове и его границах. Японские учёные, такие как Хасимото Синкити, Токиэда Мотоки, Цурута Цунэкичи, Сакума Канаэ, Миками Акира и др. за минимальную единицу грамматики признавали «простое го²».

Если исследовать, какие единицы рассматриваются в качестве «простых го», то можно заметить, что эта единица может соответствовать морфеме (корни имён и наречий, некоторые служебные элементы) или быть больше морфемы (корни глаголов и так называемых прилагательных, сходные с ними элементы). То есть это и не морфема, и не словоформа. Тем не менее, понятие «простого го» по своей сути близко к понятию морфемы, а расхождения между ними обусловлены тем, что исконно японская традиция минимальной единицей языка считала слог. И, несмотря на некоторые случаи явного прохождения морфемной границы внутри слога (напр.: *тор-у*, *тор-и*), считается, что, поскольку японская традиция исходила из неразложимости слога, данные последовательности не делятся на значимые части, а связаны между собой отношением, аналогичным отношению разных ступеней чередования. Поэтому *тору*, *тори* считаются вариантами некоторого инварианта. В русской японистике эти варианты называют «основами» глагола. Данные основы можно выделить как у глаголов, так и у предикативных прилагательных, где корень всегда заканчивается на гласный. Из соображений системности японские учёные также распространили понятие «основа» на предикативные прилагательные, поэтому и здесь «простое го» оказывается больше морфемы. Хасимото Синкити и его последователи выделили «основы» в непредикативных прилагательных, где одной из основ соответствует сочетание прилагательного со связкой. Такие сочетания учёный также рассматривал как «простое го», хотя европейские японисты выделяют в данном случае два слова. В современной японистике уже появилось понятие, соответствующее понятию фонемы в европейской науке, но исследователи по-прежнему сохраняют в своём языкознании «простое го» в прежнем виде, что, вероятно, связано и с тем, что эти единицы чётко осознаются носителями языка (Алпатов 1975, с 27).

Наряду с «простыми го» выделяли «сложные го». Они представляют собой сочетания знаменательного «простого го» с деривационными аффиксами, а также сочетания корней и «основ» при словосложении. «Простое го» и «сложное го» объединялись в понятии «танго» (слово).

Отдельным словом 単語 (*танго*) в грамматике Киэда Масуити называется наименьшая единица, которую можно выделить по значению и по функции. Другими словами, это предельная единица, которой можно достичь при делении языка с грамматической точки зрения. Так, например, предложение 雨降る (*амэ фуру* «идёт дождь» с точки зрения мысли представляет одну единицу, но с точки зрения грамматики, оно состоит из двух отдельных слов: *амэ* «дождь» и *фуру* «идёт». При дальнейшем членении слов мы получим четыре единицы *а мэ фу ру*, не имеющие никакого значения и никакой функции, вследствие чего они не могут считаться единицей в грамматическом смысле. Именно поэтому словом называется то, что не может быть подвергнуто дальнейшему делению без утраты значения.

В зависимости от структуры все 単語 (*танго*) можно разделить на простые слова и сложные.

Простое слово (単純語 *тандзюнго*) – это слово, которое не может быть разделено на два и более знаменательных слова. Среди простых слов выделяют: аффиксальные (初花 *хацухана* «первые цветы», お月さん *оцукисан* «луна») и безаффиксальные (水 *мидзу* «вода», 日 *хи* «солнце», 空 *сора* «небо»).

² 語 (го) - с японского языка дословно переводится, как «слово». Однако данный перевод не совсем адекватно отражает специфику японской лингвистики. Поэтому в статье приводится употребление термина без перевода.

Сложное слово (複合語 *фукуго:го*) – это одно слово, которое может быть разделено на два и более знаменательных слова. Полученные в результате такого деления элементы, несомненно, являются словами, но с точки зрения функции и грамматического значения они отличаются от элементов сложного слова, каковыми были до расчленения (Киэда 2004, с. 57). Следует отметить, что, когда два и более слова соединяются, образуя новое сложное слово, то меняется произношение, которое является внешней формой слова, и лексическое значение слова, т.е. слово приобретает новый смысл, выходящий за рамки значений составляющих его знаменательных слов. Для сложных слов используются разные модели, наиболее распространенные из которых:

- определение + определяемое: 石炭 (*сэкитан*, каменный уголь, от 石, *сэки* – иероглиф со смыслом камень и 炭, *тан* – уголь), 鉄道 (*тэцудо:*, железная дорога, от 鉄, *тэцу* – железо и 道, *до:* – дорога), 戦場 (*сэндзэ:*, поле битвы, от 戦, *сэн* – сражение и 場, *дзэ:* – место);
- действие + объект: 製図 (*сэйдзу*, черчение, от 製, *сэй* – изготавливать и 図, *дзу* – схема, график), 帰国 (*кикоку*, возвращение на родину, от 帰, *ки* – возвращаться и 国, *коку* – страна, родина);
- сложение синонимичных корней: 製造 (*сэйдзо:*, изготовление, от 製, *сэй* – изготавливать и 造, *дзо:* – изготавливать)
- сложение антонимичных корней: 長短 (*тё:тан*, длина, от 長, *тё:* – длинный и 短, *тан* – короткий).

К имеющимся словам могут так же присоединяться аффиксы для образования новых слов. Например, 学 (-*гаку*), для названий наук: 言語 (*гэнго*, язык) – 言語学 (*гэнгогаку*, лингвистика), 地理 (*тири*, Земной шар) – 地理学 (*тиригаку*, география); 計 (-*кэй*), для названий измерительных приборов: 気圧 (*киацу*, атмосферное давление) — 気圧計 (*киацукэй*, барометр); 所 (-*сэ*, -*дзэ*), для названий учреждений: 裁判 (*сайбан*, суд(процесс)) – 裁判所 (*сайбансэ*, суд (учреждение)).

Приведённая выше классификация достаточно полно отражает традиционные представления японских лингвистов о понятии слова. Она строится на основе трёх критериев – значения, формы и функции. Учитывая эти критерии, обозначение границ простых слов обычно не вызывает трудностей, иначе дело обстоит со сложными словами. Например, как рассматривать сложносокращённые слова, где проводить границу: 海幕 (*кайбаку*, штаб ВМС) от 海上幕僚監部 (*кайдзэ:бакурё:камбу*).

Мы считаем, что, так как одно понятие может передаваться не одним словом, а группой слов, то центральным элементом языка следует признать **номинативную единицу**, а само слово рассматривать, как свёрнутую номинативную единицу (Гордей 1998, с. 33). Понятие номинативной единицы поможет глубже раскрыть структуру сложного слова в японском языке и позволит рассмотреть его как двухкомпонентную единицу, где один компонент (модификатор) определяет другой компонент (актуализатор). Определение двухкомпонентного характера единицы языка на уровне знаков представляет большие трудности, но если перед нами действительно знак, то его всегда можно свести к такого рода сочетанию модификатора и знака. Ведь если любой новый знак возникает в результате присоединения модификатора к старому знаку, то любой знак вообще должен, в конечном счёте, восходить к какому-то породившему его знаку, снабжённому модификатором (Мартынов 2001, с. 57). Основными признаками номинативной единицы являются:

- 1) репродуктивность: 製図 *сэйдзу*, черчение (досл.: «изготавливать схему»);
- 2) затемнённость внутренней формы: 長短 *тё:тан*, длина (досл.: «длинный и короткий»);
- 3) наличие свёртки в пользу модификатора: 東京大学 *то:кё:дайгаку* → 東大 *то:дай* – Токийский университет.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать однокомпонентные единицы лексики *ваго* и *канго* как свёрнутые номинативные единицы (слова), а все двухкомпонентные структуры – как номинативные единицы.

Характерной чертой японского языка можно считать неясность границы слова. В науке же по этому вопросу существуют диаметрально противоположные взгляды. Традиционная японская лингвистика не выработала четкого понятия слова как грамматической единицы и не проводит различия между аффиксами словоизменения и служебными словами, однако четко отличает их от единиц лексики. Европейские, американские и некоторые японские лингвисты выделяют слова, однако в отношении границ слов существуют различные точки зрения. Особенно спорным является вопрос о так называемых падежных показателях: западные японисты, как правило, считают их служебными словами, эта точка зрения распространена и у ряда японских (Киндайти Харухико) и отечественных (И. Ф. Вардуль, И. В. Головнин) ученых, но некоторые учёные, считая падежные показатели аффиксами, включают их в состав слова или номинативной единицы.

Остановимся подробнее на этой проблеме. С точки зрения комбинаторной семантики³ падежные показатели, предлоги, послелогии, союзы, частицы и т.п. элементы следует рассматривать как **знаки алфавита синтаксиса** – вспомогательные средства синтаксиса, служащие для соединения составных частей языковых структур. Эти знаки принадлежат метаязыку, так как обозначают не факты модели мира, а факты языка (Гордей А. 2005, с.35). Рассмотрим следующий пример:

彼はバスで大学へ行く。

(Он на автобусе едет в университет.)

彼 (*карэ*) – он, *バス* (*басу*) – автобус, *大学* (*дайгаку*) – университет, *行く* (*ику*) – ехать; *は* (*ва*), *で* (*дэ*), *へ* (*э*) – это падежные показатели, за каждым из которых закреплена своя функция: *は* (*ва*) в данном случае оформляет субъект действия, *で* (*дэ*) используется для оформления средства передвижения (*инструменталь*), а *へ* (*э*) указывает на направление движения и место прибытия (*локатив*). Если структуру предложения попытаться привести в соответствие со структурой модели мира, то получится «Человек перемещает себя посредством автобуса в университет». Предлог «на» исчез. Это свидетельствует о том, что знаки алфавита синтаксиса не играют самостоятельных ролей в предложении и не являются членами предложения. Но они помогают обозначить границы слов в предложении. Для их записи в японском языке используется хирагана. Таким образом, падежные показатели не должны включаться в состав слова и рассматриваться как его часть.

Что касается самих границ слова в японском языке, то они могут быть семантическими (омонимы, синонимы, идиомы, супплетивы), формальными (слово как последовательность фонем) и формально-семантическими.

Следует уделить больше внимания рассмотрению формально-семантических границ слова, которые позволяют дифференцировать слова и их формы, а соответственно аффиксы словообразования и словоформобразования, служебные слова и аффиксы. Среди формально-семантических границ слова выделяют синтагматические, парадигматические и иерархические границы.

Синтагматические границы слова как последовательности морфем определяются с помощью критерия граничных морфем, т.е. критериев вставки и перестановки. В ряде случаев эти критерии не действуют. В частности, применительно к дистантным словам, части которых могут отделяться, следует говорить о прерывности синтагматических границ. Единство и «целостность» таких слов поддерживается за счет семантической взаимообусловленности раздельно существующих компонентов или за счет единой парадигмы изменения.

Парадигматические границы слова определяются системой противопоставленных взаимозаменяемых словоформ (парадигмой). Парадигма объединяет в рамках одного слова

³ Комбинаторная семантика – это лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира, в отличие от философии, призванной изучать отношение модели мира к миру.

словоформы двух видов: синтетические (равные одному синтагматическому слову) и аналитические (состоящие из более, чем из одного синтагматического слова). Парадигма изменения слова позволяет также дифференцировать аффиксы словоизменения и словообразования.

Иерархические границы слова условно делятся на нижние и верхние. Отдельные морфемы или группировки морфем, не обладающие самостоятельностью, стоят на ранг ниже слов. Словосочетания принадлежат уровню слов, но являются количественной границей сложных слов. Более высокий уровень образуют предложения, которые являются верхней качественной границей слов, так как предложение может быть сведено к одному слову (слово - потенциальный минимум предложения), в то время как словосочетание не может быть сведено к одному слову (Солнцев 1986, с. 9).

Таким образом, с точки зрения графики, определить границы слов в японском языке помогают наличие иероглифической письменности и слоговой азбуки хираганы. Большинство знаменательных частей речи японского языка записываются иероглифами, а хирагана используется преимущественно для записи служебных частей речи. Наличие же двух слоёв лексики *ваго* и *канго* позволяет лучше разобраться в структуре слова и его семантике. Мы предлагаем рассматривать однокомпонентные единицы лексики *ваго* и *канго* как свёрнутые номинативные единицы (слова), а все двухкомпонентные структуры – как номинативные единицы. Обозначить границы слов и номинативных единиц в японском предложении помогают так называемые знаки алфавита синтаксиса, которые не играют самостоятельной роли в предложении, но служат для соединения составных частей языковых структур и поэтому не могут включаться в состав слова.

Литература

АЛПАТОВ, В. М., 1975. О выделении единиц грамматики в японском языке. *Вопросы японской филологии*, № 3, Москва, МГУ, 103с.

ГОРДЕЙ, А. Н., 2005. Основания комбинаторной семантики. *Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. тр. по лексикографии, отв. ред. Л. В. Рычкова и др. Гродно: издательство Гродненского университета, 251с.

ГОРДЕЙ, А. Н., 1998. *Принципы исчисления семантики предметных областей*. Минск: Белгосуниверситет, 156 с.

КИЭДА, М., 2004. *Грамматика японского языка*. Пер. с яп. Лаврентьева Б. П. и др. Москва: Едиториал УРСС, 675с.

МАРТЫНОВ, В. В., 2001г. *Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний*, Мн.: ЕГУ, 140с.

ПОЛИВАНОВ, Е. Д., 1991. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 624с.

СОЛНЦЕВ, А. В., 1986. *Аффиксы в современном японском языке*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва: МГУ, 20 с.

Anastassia Pankova

Belorussian State University, Belarus

Research interests: Japanese language, hieroglyphics, linguistics

ABOUT WORD DEFINITION IN THE JAPANESE LANGUAGE

Summary

The article deals with the problem of analysis of word definition in the Japanese language. It is a well known fact that by majority of linguists “word” is admitted as the basic unit of language. There is a huge quantity of definitions of a word, but none of them can be recognized universal. Therefore, some philologists suggest to define a “word” with reference to each concrete national language or group of related languages. After brief research on the most basic conceptions of the relevant theme the author suggests a new approach that is based on the theoretical basis of combinatorial linguistics. Taking into consideration specific features of grammatical and lexical structure of Japanese, the concept of nominative unit and sign on the alphabet of syntax for definition of a word and allocation of its borders is entered. These units are considered to be helpful in word definition in the Japanese language. To prove our point of view, we give some examples from Japanese and analyze them using such definitions of combinatorial linguistics as, bi-element structure, modifier, actualizator, bi-element structure’s compression.

KEY WORDS: word, bi-element structure, modifier, actualizator, nominative unit, bi-element structure's compression, signs of the alphabet of syntax

Ольга Прохорова

Сибирский федеральный университет, Россия

пр. Свободный 82, 660041 Красноярск, Россия

Тел.: +7(391)249-79-51

Эл. почта: olgaprokhорова@mail.ru

Научные интересы: прагматика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация.

ИНФОРМАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования категории информативности в древнеанглийских юридических текстах. В соответствии с основной коммуникативной целеустановкой автор относит данные тексты к директивному типу текстов. Выделяются два подтипа древнеанглийских юридических текстов: текст – свод законов (нормирующий подтип) и грамоты (прескриптивный подтип). Автор выявляет основные информативные стратегии, характерные для исследуемых текстов, а также языковые средства, служащие для репрезентации данной категории. К общим информативным стратегиям можно отнести следующие: директивный характер информации, наличие содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, информации эмоционального и когнитивного характера. Но имеется и ряд дистинктивных признаков: вариативность прагматической целеустановки, различие в способе подачи информации, различная информационная насыщенность предложений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридический текст, информативные стратегии, виды информации, прагматика.

Информативность относится к обязательным критериям текста, так как основная цель любого текста – сообщение информации, а задача адресата – извлечь информацию с наименьшими потерями. Практически между информацией выраженной и информацией, возникшей в сознании адресата, устанавливается большее или меньшее сходство. И чем больше это сходство, тем полнее и лучше осуществлены коммуникативные цели. «...Информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели, и с точки зрения отправителя она всегда существенна, релевантна, должна изменить поведение воспринимающего и в известном смысле рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата» (Кубрякова 2001, с. 73).

Информативность в юридических текстах имеет ряд особенностей: во-первых, носит ярко выраженный императивный характер, т.е. прямо руководит действиями адресата; во-вторых, направлена, как правило, не на конкретных людей и не на конкретные пространственно-временные значения, а на социальные группы людей и некоторый относительно неопределенный пространственно-временной континуум. Задача адресанта в данных текстах – выбрать такие информативные стратегии организации текста, чтобы информация дошла до адресата в неискаженном виде.

Юридические памятники являются источниками исторических, литературных и лингвистических сведений. Каждый памятник предстает как совокупность определенных информативных, композиционных и лингвистических данных, свойственных тому или иному виду. Древние тексты имеют непреходящую ценность в силу того, что их эстетико-познавательное и научное значение всегда остается в сокровищнице человеческой культуры. Они служат постоянным источником нового, связывающим несколько культур, и поэтому они всегда информативны. Можно сказать, что они обладают избыточной информацией, так как их главная задача – передача информации во времени и пространстве. Однако степень информативности древнего текста зависит во многом от фоновых знаний адресанта, от его кругозора в области сведений о прошлом народа, на языке которого написан текст. Поэтому

для исследователя древнего текста особый интерес представляет проблема поиска средств, помогающих ему как реципиенту понять этот текст, т. е. извлечь достаточную и необходимую информацию, полностью понять его смысл, реконструировать чужую культуру.

Обращаясь к прошлому, мы видим в нем не только объект музейного любопытства – оно интересует нас с позиций проблем, актуальных для нас сегодня. Так, в современных условиях, когда в нашем обществе совершенствуется законодательная система, для нас представляет интерес ретроспективное изучение юридических документов различных эпох и культур.

Древний период развития английского языка характеризуется непрерывным законодательным действием, что представляет уникальное явление в системе других германских языков, так как законы Этельберта, хотя они и не являются самыми древними в германской юридической письменности, опережают все подобные памятники в употреблении германского языка для записи официально-деловых документов. Самые ранние письменные юридические памятники датируются началом седьмого столетия. Так, по свидетельству Ф. Мейтленда: «... самый ранний документ, отражающий социальный строй английского общества, – законы Этельберта, короля Кента, – датируются VII веком» (Maitland 1921, p. 274).

Грамоты принадлежат к более поздним (по сравнению с законами) юридическим документам. Самый ранний период их развития, 600-750 гг. нашей эры, представлен 40 грамотами.

Грамоты появились как письменное свидетельство юридического факта передачи определенного земельного участка или каких-либо привилегий церкви и церковнослужителям. Если ранние грамоты существуют лишь как церковный документ, то уже к VIII веку появляются признаки того, что грамоты служат инструментом светского, а не только церковного общения. Свидетельством этого является тот факт, что уже в грамотах VIII – начала IX веков мы находим большое разнообразие тематики: они фиксируют земельный дар не только церкви или монастырю, но и частным лицам; освобождают подданных от некоторых обязанностей; даруют эрлам юридические права (разрешение учредить местный суд для подданных какого-либо графства и оставлять полагающийся за это налог); регулируют рыночную торговлю и устанавливают воинские обязанности. В течение пяти столетий – со времени возникновения до XII столетия, когда почти все функции грамот перейдут к судебным приказам и предписаниям, – они будут выполнять обе задачи: церковного и светского общения.

Исходя из основной прагматической целеустановки, побуждение адресата к (не) совершению определенного действия, древнеанглийские юридические тексты относятся к директивному типу текста, но к разным его подтипам. Текст – свод законов представляет собой перечень социальных норм, которых адресат должен придерживаться в своих действиях и которые носят обязательный характер (нормирующий подтип). Грамота-предписание и договоры определяют действия, которые обязательно должен совершить адресат и предусматривают условия совершения дара, аренды и т.д. (прескриптивный подтип). Информативные стратегии варьируются в зависимости от подтипа директивного текста.

Информативность древнеанглийских юридических текстов комплексна, выражается в совокупности двух видов информации – содержательно-фактуальной информации (СФИ) и содержательно-концептуальной (СКИ) и полным отсутствием подтекстовой информации, что определяется интенцией автора предельно ясно донести содержание текста до адресата. Кроме этого, наличие двух видов информации в данных текстах обусловлено тем, что юридические законодательные тексты формируют «...действительность особого рода – законодательную действительность. Континуум этой действительности в процессе взаимодействия с миром реальных вещей вносит в него социально необходимые коррективы, а с другой стороны, испытывает воздействие со стороны мира

действительности» (Руберт 1996, с. 18).

Законодательный текст (свод законов – нормирующий подтип) характеризуется наличием первых признаков цикличности подачи информации. Цикличность представлена в виде информационных частей, выполняющих определенную информативную функцию: введение (преамбула) – ориентирующую, заголовок – репрезентирующую и юридические статьи – собственно-информативную.

Во введение входят религиозное предисловие и обращение короля к народу, которое может быть определено как преамбула, т. е. «вводная, разъясняющая часть закона, международного договора или иного правового акта» (Ожегов, Шведова 1994, с. 568).

Например, в преамбуле свода законов короля Альфреда перечислены Божии принципы общественной жизни. Данная преамбула как бы сообщает адресату, что в основу сводов законов короля Альфреда положены Божии принципы. И она может расцениваться здесь как содержащая основную пропозицию информации. В данном случае пропозиция обладает непреходящей ценностью, поскольку она обнаруживает вневременные и внепространственные общечеловеческие законы бытия.

Далее следует заголовок, а затем собственно юридическая статья, обозначенная цифрами.

BE GEFONGENUM DEOFUM

XII. Gif þeof sie gefongen swelte he deaðe oððe his lif be his were man aliese

О ПОИМКЕ ВОРА

12. Если вор будет пойман с поличным, пусть умрет он или выкупят его жизнь вергельдом (The Laws of king Ine)

Директивный характер информации содержится в юридических статьях и может быть выражен общей формулой, состоящей из двух предикативных единиц, первая из них вводит возможное условие, при котором нарушается социальная норма, а вторая определяет штраф или наказание за такое нарушение.

Содержательно-концептуальная информация выражается посредством ввода в текст закона эмоционально-оценочных конструкций. Например, в выражении *fracodlice ficunga and fule forliga* – позорный обман и грязная измена – адресант с помощью экспрессивных элементов (эпитетов) передает свое негативное отношение (эмоциональное) к действию адресата.

В качестве примера употребления субъективно-оценочных структур в законах можно привести фрагмент из юридической статьи «О присягах и обетах» из свода законов короля Альфреда (870).

At ærestan we lærað þæt mæst ðearf is þæt ægh welc mon his að ond his wed wærlice.

«Прежде всего, мы учим тому, что больше всего необходимо, чтобы каждый искренне соблюдал свою присягу и обет».

... selle mid eaðmedum his wæpn ond his æhta his freondum to gehealdanne ond beo feorwertig nihta on carcarne on cyninges tune...

«...пусть он смирненно отдаст свое оружие и свое имущество на сохранение своим близким и отправится на 40 дней в королевскую темницу...»

Информация эмоционального характера в тексте законов используется для оказания субъективно-духовного воздействия на адресата, т.к. в древний период данные тексты в силу своей специфики реализуют одновременно директивную и содержательно-поэтическую функции.

Когнитивный характер информации, содержащейся в тексте законов, проявляется в присутствии юридической терминологии. В законодательных текстах это группа терминов, связанная с понятиями: преступление, преступник (*ðeof* – вор, *banweoga*, *folcleasung*, *mansliht* – убийство, *wund* – ранение, *hamsocne* – нападение на человека в его доме); наказание (*bōt* – компенсация за преступление, *eagan-bōt* – компенсация за ранение глаза, *leodgeld* – плата за убийство человека); штраф (*fyhwite* – штраф за драку, *blod-wite* – штраф за кровопролитие). В грамотах-предписаниях и договорах условно можно выделить три

информативных части. Первая часть – религиозное предисловие, выполняющее эстетическую функцию, основу содержания которой, как правило, составляет обращение к Богу. Вторая часть является собственно информативно-директивной, третья – формальная (дата и свидетели написания документа). Тексты – грамоты характеризуются неразвитостью объемно-прагматического членения, отсутствием деления на абзацы. Приведем пример грамоты, содержащей все три информативных блока.

XVIII. LEASE OF LAND BY WERFRITH, BISHOP OF WORCESTER, TO WULFSIGE

Первый информативный блок – вводный.

Rixiendum on ecnisse ussum drihtne hælende Criste seðe all ðing gemetegað ge on heofenum ge on eorðan þæs inflæscnisse ðu gere agen wæs dcccc wintra III winter ðu .VII. gebongere

In the everlasting reign of our Lord the Savior Christ who governs all things both in the heaven and on earth in the year 904 of his incarnation and the seventh Indiction

Второй блок – собственно информативный, в которой реализуется директивная целеустановка данного текста.

Ic Uuerfrid biscop mid arwerðan heorodes geðafungca leafe on Weogernaceastre sylle Wulfsige minum gerefan wið his holdum mægene eadmodre hernesne anes hides lond on Easttune swa swa Herred hit hæfde on ðreora monna dæg all ðæt Innlond beligeð an dic utane þonne ofer ðreora monna deg agefe monn eft ðæt lond butan elcon wiðer cwide Innto Weogernaceastre

I, Bishop Werfrith, with the permission and leave of my honourable community in Worcester, grant to Wulfsige, my reeve, for his loyal efficiency and humble obedience, one hide of land at Aston as Herred held it, for three lives – and all the demesne land is surrounded by a dyke outside – and then after three lives the estate shall be given back without any controversy to Worcester

Третий информативный блок – формальный.

ðis seondan ðara monna noman ðe ðæt geðafedon mid Criste rode tacne gefætnedon (Robertson 1956, p. 34)

And these are the names of the men who permitted it and confirmed it with the symbol of the cross of Christ

Для текстов-грамот также характерно наличие содержательно-концептуальной информации, которая выражается в использовании субъективно-оценочной лексики.

Например, в договоре между Кеолредом, аббатом Петербера, и Вулфредом находим пример высказывания, содержащего субъективно-окрашенные элементы:

And hi sion symle in allum here life eadmode and hearsume and underþeodde and ofer here tuega deg, þonne agefe hio þet land into þere cirician to Medeshamstede mid freodome...(Robertson 1956, p. 12)

«... И всегда всю жизнь они (Вулфред и его жена) будут скромными, послушными и смиренными, и после смерти их обоих поместье будет добровольно возвращено церкви в Медесхэмстеде...»

В данном тексте субъективно-оценочные прилагательные eadmode, hearsume, underþeodde включены в условия договора. Посредством их адресант выражает свое субъективное мнение, каким должно быть поведение человека, заключившего договор.

Еще один пример из дарственной короля Эдгара:

ðyses ic geann Apelgare abbode and þam hirede into niwan mynstre for his gecwemre gehyrsumnesse...(Robertson 1956, p. 104).

«Это (землю) я дарю аббату Этелгару за его услужливое послушание...»

Посредством прилагательного gecwemre адресант дает свою собственную оценку поведения адресата, называя манеру его поведения как одну из причин заключения договора о дарении.

В грамоте-предписании короля Эдгара (вольная) употреблена следующая оценочная структура:

Ic fæstlice bebeode, þe hine nænig minra æfterfyligendra eft ne onwende ne on nænigum dælum læssum ne on marum hyne ne onwyrdon... (Robertson 1956, p. 222).

«Я строго приказываю, что ни один из моих наследников после не изменит или препятствует этому в любом виде, ни в маленьком, ни в большом...»

В данном случае в предписании за счет субъективной оценки fæstlice идет усиление каузации адресата.

О когнитивном характере информации свидетельствует употребление юридической терминологии в грамотах: термины, связанные с земельной собственностью (*land-hæbende*, *land-agend* – землевладелец, *land-gica* – крупный землевладелец-собственник, *land-hlaford* – господин-землевладелец, *bos-land* – земельное владение, дарованное грамотой, *folc-land* – земля, которой владеют на основе народного права, обычая, *gafol-land* – земля, за использование которой несут повинность); термины, обозначающие привилегии, которые могут быть дарованы королем или лордом (*sac and socn* – право учредить собственный суд на территории графства и получать полагающийся королю судебный налог, *toll and team* – право контролировать продажу скота на территории графства, *fole-frig* – привилегии полноправного гражданина).

Для грамот характерна информационная насыщенность, которая проявляется в тяжеловесности синтаксиса, который в полном объеме должен эксплицировать все логические связи законодательной и физической действительности. В синтаксисе данных текстов преобладают сложные многокомпонентные структуры с сочинением и подчинением.

Denewulf bisceop and þa hywan on Witanceastre Ænlaenað ÆlfrEDE his deg xl hida landes æt Alresforda æfter þære læna þe Tunbryht bisceop ær alende his ylðran and agan wes on ðæt gerað þet he gesylle ælce geare to hærfestes emnihte ðreo pund to gafole and cyresceattas and cyresceatweorc and þenne þæs nuð bið his men beon gearuwe ge to ripe ge to huntode und efter his dege gange seo ðar umbeflitan inco sce Petre (Denewulf) (Robertson 1956, p. 28).

«Епископ Денелвульф и община Винчестера отдает Альфреду в пожизненную аренду 40 наделов земли в Алресфорде, в соответствии с арендой, которую епископ Тинбрихт подарил своим родителям и которая истекла, на условии, что он будет платить в осеннее равноденствие три фунта ренты и церковные сборы и выполнять работу, связанную с церковными сборами, и когда появится необходимость, его люди будут готовы для сбора урожая и охоты, и после его смерти собственность безоговорочно перейдет к Св. Петру».

Информативная часть данного договора представляет собой в плане синтаксической организации одно сложное предложение, которое охватывает все композиционные части договора и фактически состоит из ряда предложений, образующих единое целое. Сама форма такого договора информативна, она подчеркивает равнозначность темы и ремы длинного предложения, и это дает возможность сосредоточить внимание на второстепенных, с точки зрения синтаксиса, частях, таким образом, здесь заключена следующая информация: 1) представлены лица, заключающие данное соглашение; 2) описание земельного владения; 3) условия сдачи земли в аренду; 4) определение привилегий и обязанностей, которые даруются вместе с землей.

Итак, ведущими информативными стратегиями древнеанглийского законодательного текста (текст – свод законов) являются: директивный характер информации, определяемый основной прагматической установкой директивного типа текста (нормирующий подтип); цикличность подачи информации; наличие информации когнитивного и эмоционального характера.

Директивно-нормирующий характер информации объясняется тем, что законодательный текст предполагает обязательность выполнения действия, т.е. обязательное исполнение норм и их несоблюдение влечет за собой наказание, которое оговаривается в юридических статьях.

Цикличность в текстах-законах представлена в трех информационных частях (преамбула, заголовок, юридическая статья), выполняющих определенную функцию: ориентирующую, репрезентирующую, собственно информативную.

Необходимо также отметить, что в отличие от древнеанглийских грамот, древнеанглийские своды законов жестко структурированы, основными единицами объемно-прагматического членения являются юридические статьи, выделяемые графическими средствами. «...При всей неразвитости графических приемов членения текста в англосаксонский период в законодательстве с самого начала его письменного «существования» каждый текст четко оформлялся новой строкой, заглавной буквой с орнаментальными элементами. Кроме того, каждому закону присваивался номер» (Руберт 1996, с. 37). Несомненно, такое членение текста способствовало более успешному извлечению информации адресатами.

Основными информативными стратегиями древнеанглийских грамот являются: директивный характер информации (прескриптивный подтип), наличие информации когнитивного и эмоционального характера, а также, информационная насыщенность предложений.

Когнитивный характер информации объясняется наличием правовой терминологии в обоих подтипах древнеанглийского юридического текста, а об эмоциональном характере информации свидетельствует использование адресантами эмоционально-окрашенной лексики, как в сводах законов, так и в грамотах.

Для всех подтипов древнеанглийского юридического текста характерно наличие двух видов информации – содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной.

Литература:

КУБРЯКОВА, Е. С., 2001. О тексте и критериях его определения. *Текст: структура и семантика*. Докл. VIII международной конференции 3-5 апреля 2001 г. МГОПУ им. М. А. Шолохова. Москва: изд-во СпортАкадемПресс, с. 72 – 81.

ОЖЕГОВ, С. И.; ШВЕДОВА, Н. Ю., 1994. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 907 с.

РУБЕРТ, И. Б., 1996. Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурные, семантические, прагматические аспекты): *Автореф. дис. ... доктора филол. наук*. Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского университета, 46 с.

MAITLAND, F, 1921. *Domesday Book and Beyond. Three Essays in the Early History of England*. Cambridge: Univ.Press, 527 p.

ROBERTSON, A. J., 1956. *Anglo-Saxon charters*. Cambridge: Univ. Press, 555 p.

Olga Prokhorova

Siberian Federal University, Russia

Research interests: pragmatics, text linguistics, cognitive linguistics, cross cultural communication.

THE INFORMATIVE STRATEGIES OF THE OLD-ENGLISH LEGAL TEXTS

Summary

The article studies the main informative strategies in the Old-English legal texts. According to the main pragmatic intention the given texts belong to the directive type of texts. The main function of these texts is to get someone to do something and thus the speaker attempts to make the world fit the words. The author distinguishes two subtypes of the Old-English legal texts: laws of kings (regulation subtype) and charters (a prescriptive subtype). Having analyzed the peculiarities of the category of information in these texts, the author reveals some features of the category of information, typical for different subtypes of the given texts, points out linguistic means representing this category. The common informative strategies are the following: the directive character of the information, the presence of the factual and conceptual information, and the information of the emotional and cognitive character. But there are some distinctive features: the variability of the pragmatic intention, the distinction between the ways of presenting the information in the text, a different concentration of information in the sentences.

KEY WORDS: legal text, informative strategies, types of information, pragmatics.

Елена Ремчукова

Российский университет дружбы народов, Россия,

ул. Миклухо-Маклая 6, 117198 Москва, Россия

Тел.: 84954337022

Эл. почта: remchukova@pochta.ru

Научные интересы: креативная лингвистика, языковая игра, речевое воздействие.

НЕКОТОРЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕАТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СМИ

В статье рассматривается тенденция современных СМИ к лингвокреативности. Креативные феномены в текстах масс-медиа оцениваются не только с собственно лингвистической, но и с этической точки зрения. Феномен актуализации семантической неоднозначности высказывания в таких малоформатных жанрах, как заголовок и слоган, анализируется как важный ресурс речевого воздействия, с одной стороны, и стилистический прием, с другой; показана его роль в социальной рекламе, в выстраивании рекламных стратегий известных компаний, в рекламных слоганах и заголовках. В его основе лежит ассоциативный потенциал слова – актуализация омонимии или полисемии лексемы, что обуславливает интерпретационную неоднозначность высказывания. С точки зрения интерпретационного потенциала рассматривается и семантическая трансформация фразеологизмов – одна из распространенных в современных СМИ форм языковой игры, а также каламбур и амфиболия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокреативность, смысловая неоднозначность, омонимия, полисемия, языковая игра, речевое воздействие.

Увлечение современной русистики феноменом речевого воздействия вполне объяснимо тем, что он связан не только с изменением ценностного значения объектов, с формированием эмоционального настроения, но и с перестройкой категориальной структуры индивидуального сознания. Сегодня именно функция воздействия обуславливает выстраивание лингвистических стратегий современных СМИ, рассчитанных на формирование комплексных реакций, которые включают и эмоциональный фон, и коннотации, и в самом широком смысле – коррекцию мира, существующую в сознании адресата, – читателя газеты или потребителя рекламной продукции.

Современные медиа-тексты, конкурирующие между собой в борьбе за внимание адресата, достаточно изобретательны в создании лингвокреативных феноменов, что обусловлено необходимостью постоянного поиска экспрессивных, эмоциональных и образных средств. Выполнение главной коммуникативной задачи – информировать «читателя-потребителя», осложняется необходимостью воздействовать на него: журналисты и копирайтеры ищут такие средств выражения, которые обеспечивали бы информационную и эмоционально-экспрессивную насыщенность медиа-текстов. Именно этим объясняется увлечение их авторов языковой игрой, неологизмами и окказионализмами, стилистическим разнообразием, трансформацией фразеологизмов, иноязычными вкраплениями разной степени адаптированности, прецедентными феноменами – тем, что сегодня определяет лингвистические пристрастия СМИ.

Интересно отметить, что эти лингвокреативные составляющие в равной степени характерны как для желтой, так и для «нежелтой» прессы (журналы «Огонек», «Итоги», «Власть», «Профиль», газеты «Коммерсантъ», «Новая газета», «Независимая»). В то же время их качество, безусловно, является дифференцирующим признаком и во многом определяет не только качество самих текстов, но и в конечном счете – имидж издания или рекламодателя. Так, качество языковой игры может стать объектом критики со стороны «наивного говорящего», особенно в случае нарушения языковой нормы, и объектом пристального внимания лингвиста, понимающего, что само понятие «норма» в аспекте языкового творчества является условным. Динамика нормы в СМИ, полноценная реализация системного потенциала языковой системы в современных медиа-текстах, тот интерес, который они представляют с точки зрения изучения

теории и практики речевого воздействия – все это обеспечивает постоянное внимание русистики к этой сфере коммуникации.

Креативные феномены в СМИ представляют интерес не только с собственно лингвистической, но и с этической точки зрения. Нарушение не только эстетических, но и этических норм, к сожалению, типично для рекламного слогана, реализующего в первую очередь функцию воздействия: «Если реклама «не продает», то рекламный текст бесполезен» (Репьев, <http://repiev.ru>). Так, некоторые рекламные сообщения, в основе которых лежит актуализация смысловой неоднозначности высказывания, нельзя считать удачными, так как один из актуализируемых смыслов нарушает этические каноны: «*Я так низко пала. Пользуйся! Твоя цена*», «*Отдамся за копейки. Твоя цена*» (реклама магазина «Эльдорадо»).

Это нарушение вполне осознанно и лежит в основе выстраивания рекламной стратегии крупной сети магазинов, торгующих бытовой техникой. Очевидно, что рекламодатель отдает себе отчет в возможности неоднозначного прочтения и «закладывает» эту возможность в рекламную стратегию, основанную на принципе серийности, – ведь однажды найденный игровой прием повторяется. Так, в первом слогане актуализируются разные лексико-семантические варианты многозначного глагола *пасть*: «*уронить себя в глазах окружающих, утратить доброе имя из-за предосудительного поведения (перен.)*» и «*понижаться, уменьшаться (напр., цены на товары падают)*». Кроме того, контекст указывает на троп олицетворения, акцентирующий грамматический женский род доступной для потребителя *цены*. Ассоциативный план включает и оценочные компоненты многозначного прилагательного «дешевый», развивающего своеобразную оценочную энантиосемию (ср. разные оценочные коннотации: *дешевый* товар (плюс) и *дешевая* женщина (минус)). С лингвистической точки зрения этот слоган интересен, но этически сомнителен, рассчитан на «дешевого» покупателя.

Во втором слогане (*Отдамся за копейки...*) актуализируется то значение глагола *отдать* («*продать, как правило, по небольшой цене (напр., отдать вещь за бесценок)*»), которое не может быть возвратным. Образую потенциальный возвратный глагол «*отдаться*», копирайтер актуализирует и значение нормативного возвратного глагола-омонима *отдаться* («*о женщине: вступить в половую связь с кем-нибудь*»). Каждый слоган заканчивается приметой эпистолярного стиля – фразой «*твоя цена*», акцентирующей «мотив» продажной любви. В русской культуре тема секса традиционно считается не предназначенной для открытого обсуждения: в стремлении быть прежде всего запоминающейся реклама часто этим пренебрегает, привлекая реципиента сексуализацией темы слогана или его объекта. Результат – тексты не столько безнравственные (учитывая весьма расплывчатые современные моральные ориентиры), сколько пошлые, что может раздражать более требовательного потенциального потребителя.

Игровой прием *актуализации смысловой неоднозначности высказывания*, в основе которого, как правило, лежит актуализация многоплановости слова или устойчивого выражения, является одним из наиболее востребованных и «модных» приемов в современных медиа-текстах (Михеева; Ремчукова. 2009). Он мотивирован антиномией асимметричности языкового знака: означаемое и означающее всегда находятся в состоянии конфликта: означаемое (значение) стремится к приобретению новых, более точных средств выражения (новых знаков для обозначения), а означающее (знак) – расширить круг своих значений, приобрести новые значения. Следовательно, знак и значение обычно не покрывают друг друга полностью, так как один и тот же знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная», а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (accouples), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» (Карцевский 1965). Динамика современных языковых процессов обостряет эту антиномию [см. об этом в (Валгина 2003, с. 23-24)], а настрой общества на лингвокреативную деятельность в разных типах и жанрах речи [см. об этом в (Ремчукова 2005)] обеспечивает ее разнообразные проявления.

В основе намеренной речевой неоднозначности лежит ассоциативное наложение, которое «моделирует такой тип ассоциативного контекста, в котором один ассоциант воспринимается на фоне другого, что создает интерпретационную неоднозначность восприятия слова в высказывании» (Гридина 1996, с. 20). Ассоциативный потенциал лексемы актуализируется посредством смыслового объединения в одном контексте или разных значений одного слова (полисемия), или слов, совпадающих по звучанию при имеющемся смысловом различии (омонимия). Представляется возможным использовать при анализе таких случаев термин «полисемантика» [см. об этом подробно в (Михеева; Ремчукова 2009)], позволяющий не противопоставлять, как это обычно принято (в частности в лексикографии), полисемию и омонимию, а, напротив, объединять их в рамках игровой стратегии. Ср.:

1) *Полисемия*

А). *Заголовок: Депутаты теряют голос*

Статья о Зюганове, который в буквальном смысле *потерял голос*, охрип на заседании Думы, и о потере *голосов* партией коммунистов – «переключка» прямого и переносного значения существительного «голос»;

Б). Социальный *слоган* Российского канала: *Сломай* сигарету – не дай ей *сломать* твою жизнь (переключка прямого и переносного значений глагола «сломать»).

Обратим внимание на то, что в первом случае «полисемантика» является имплицитной, а во втором эксплицитной, семантически и стилистически усиленной лексическим повтором и контрастом. В первом случае ее нужно «расшифровать», во втором она представлена «наглядно»: *сломать – сломай*.

2) *Омонимия*

А). *Заголовок: Правый поворот* (парламентские выборы в Венгрии обещают историческое поражение левых сил и либералов). Такое «двусмысленное» употребление прилагательного «правый» («расположенный в той стороне, которая противоположна левой» и «справедливый, содержащий правду») является широко известным «политическим» штампом (см. название партии «Союз правых сил»);

Б). *Реклама* каминов и зубной пасты: *Живи с огоньком! Зубная паста Колгейт с облепихой – здоровые десны от природы* – функциональные омонимы (существительное «природа» с предлогом и результат адвербиализации – наречие «от природы» (т.е. изначально, от рождения).

Востребованность этого приема в СМИ вполне объяснима коммуникативными задачами медиа-текста: он позволяет не только привлечь внимание к сообщению, но и в контексте одного высказывания компактно и емко выразить несколько смыслов. Не случайно, основная зона его распространения – малоформатные жанры – рекламный слоган и заголовок или заголовочный комплекс, которые обладают целым рядом общих структурных и функционально-семантических особенностей. Их отличает лаконичность, сжатая информативность, выразительность, подчеркнутая экспрессивность и часто гиперэкспрессивность – комбинаторика нескольких экспрессивных средств в пространстве мини-текста [см. об этом подробнее в (Крылова; Ремчукова 2002)].

Интересно, что «полисемантику» как игровой прием используют в рекламной кампании сами СМИ – газеты, журналы и радиостанции: *Подписываемся под каждым словом. Подпишитесь и вы* (журнал «Огонек»); *Наши страницы могут пожелтеть только от времени* («Независимая газета»); *Слушание по делу* (Радио «Коммерсантъ»); общественные организации (Московская организация писателей и ozon.ru): *Заполни пробелы. Читай книги* (пробел: «незаполненное место в тексте» и «(перен.) недостаток, упущение»). Эффект «обманутого ожидания», который часто сопровождает высказывания с «полисемантикой», обусловлен в последнем случае тем, что глагол «заполнить» указывает на прямое значение существительного (ср. *заполнить пробелы, пропуски и восполнить пробелы в образовании*), а следующее предложение (с синтаксической точки зрения здесь парцелляция) – на переносное.

Именно с помощью «полисемантики» (актуализация лексемы «*просто*» в значении частицы и в значении наречия) выстраивает свою рекламную кампанию «Мегафон»: *Простозвони* (prostozvoni.ru), рекламный бренд «*Просто для общения*», «*Просто мобильная связь*». Приведем текст рекламного телеролика: *Здравствуйте. Это просто реклама. А это просто мобильная связь. Ничего лишнего, только главное. Просто Звонки и СМС. Всего по 5 копеек. Просто для общения.* См. также рекламу МТС (московская телефонная сеть): *Персональное ВИП-обслуживание, ВИП-тариф. Эксклюзив: Мы пользуемся одними и теми же словами. Но кто-то с их помощью расскажет историю, а кто-то изменит историю. Кто-то предскажет будущее, а кто-то построит его. Сила слов зависит от людей, которые их произносят. Сколько силы в Вашем слове?*

Чрезвычайно продуктивен этот прием в рамках фразеологизма. Сегодня один из креативных феноменов не только в СМИ, но и в разговорной речи — полностью или частично трансформированный фразеологизм [об использовании таких фразеологизмов в стилистических целях см. в (Дубровина 2005)]. Типы трансформаций разнообразны и направлены на форму и семантику фразеологизма: один из удачных, на наш взгляд, примеров такого рода — название рубрики в журнале «Итоги» (еженедельный общественно-политический журнал) «*Что в Итоге*».

В рекламном слогане службы знакомств «*Поможем выйти замуж за милую душу*» актуализируются одновременно несколько значений устойчивого адвербиализированного словосочетания *за милую душу*: *с большим удовольствием, желанием, весьма охотно; не задумываясь, без долгих размышлений; вне всякого сомнения, наверняка.* Но, кроме того, актуализируется и самостоятельное значение одного из компонентов фразеологизма — существительного *душа* («*то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами*»), что приводит к дестабилизации устойчивой единицы — фразеологического сращения. «Освобожденное» существительное выходит на первый план, а значение фразеологизма (легко, с удовольствием и наверняка) — на второй (*замуж (за кого?) за милую душу и замуж (как?) за милую душу*): служба знакомств гарантирует, что сможет выдать вас замуж за «милого» хорошего человека и сделает это легко и быстро. Очевидно, что в ассоциативный игровой потенциал включаются и устойчивые словосочетания «*родная душа*», «*родственные души*», с одной стороны, и фразеологизм «*жить душа в душу*» — с другой: служба знакомств гарантирует, что в минимальный срок сделает для вас то, на что подчас уходит целая жизнь: найдет человека не только хорошего, но и близкого вам по духу. Нам кажется, что ни с лингвистической, ни с этической точки зрения этот слоган не вызывает негативных эмоций.

Приведем несколько аналогичных примеров, но в заголовочных комплексах, для которых типична семантическая «переключка» заголовка и подзаголовка: «*Кончай базар!*» (История челноков заканчивается: новые таможенные правила ставят в ней точку. Кем стали и кем станут пионеры российского капитализма); «*Орбиту зачистят*» (о предложении создать новую службу — космическое ГАИ-которая должна будет следить за мусором на орбите и предотвращать его столкновение с МКС или космическими кораблями); «*Право без порядка*» (70 % граждан России не доверяют правоохранительным органам, согласно опросу, проведенному «Левада-центром» в рамках исследовательских программ фонда «Общественный вердикт») и т. п.

Интересно отметить высокую концентрацию таких заголовков: это заголовки одного номера (журнал «Огонек» 2006). См. также: «*Михалков на высоте*» (Известия, 18 октября 2008) — о съемках фильма «Утомленные солнцем — 2», где герои берут **высоту** — крепость, построенную для съемок фильма; «*Поворотный момент*» — статья о том, что «в борьбе за потребителя производители делают из различных технических устройств настоящие трансформеры» (Огонек 2006); «*Последний шаг*» (Эстония отказалась от советского строевого шага: на параде эстонские солдаты впервые продемонстрировали новый строевой шаг) (Огонек, 2008) и т. п.

Со стилистической точки зрения это явление представляет собой *амфиболию* — синкретический риторический прием (паралогический и стилистический), который в

художественном тексте является важным средством конструирования метафорических образов и многозначных определений. Амфиболия – двусмысленность, конструктивным принципом которой является нарушение тождества семантики слова посредством помещения его в такой контекст, в котором одновременно реализуется два разных значения; используется и термин «амфиболический каламбур».

Однако сам термин «каламбур» (разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которого составляют стилистические фигуры, опирающиеся на полисемию, омонимию, паронимию и др.) традиционно связывается с ярко выраженной комической функцией, которая в проанализированных нами случаях или не является самоцелью, или далеко не очевидна, или просто отсутствует. Это показывает сопоставительный анализ «полисемантики» в малоформатных жанрах и в жанре «языкового» анекдота: подобный анекдот можно рассматривать как специфическое воплощение языковой игры, построенной на разнообразных лингвистических эффектах (логико-смысловых, лексических, грамматических и т.п.) с ярко выраженным комическим эффектом.

Примером такого анекдота с эффектом «полисемантики» служит серия всем известных рассказов «про Штирлица»: *Штирлиц дрался с огоньком. Огонек дрался, как мог;*

Штирлиц стрелял из двух автоматов по очереди. Очередь заметно редела и т.п. Иногда адвербиализованное предложно-падежное сочетание, допускающее возможность двойкой интерпретации, играет роль не основного, а дополнительного средства создания комического эффекта при ключевом компоненте: *Погода ночью была мерзкая. Штирлиц шел по направлению к станции, с трудом разбирая дорогу в тумане. Наутро Мюллеру доложили, что дорога разобрана на протяжении шести километров.* Языковая игра строится на полисемантичности глагола *разбирать* (деепричастие *разбирая*), который в контексте завязки, включающей наречие *с трудом*, существующее в современном русском языке наряду с адвербиальными *едва*, *насилу* и синонимичное им, наиболее естественно воспринимать в значении «различать зрением». Однако именно в этом значении *разбирать* как глагол чувства не способен образовывать страдательный залог. Следовательно, страдательное причастие прошедшего времени *разобрана* в развязке анекдота заставляет искать другой лексико-семантический вариант, а именно – «разъединять на части с целью разрушения», при котором данная история также имеет смысл. В этом случае лексема «труд» подразумевает конкретное физическое усилие и «с трудом» выступает не как наречие, а, скорее, как сочетание существительного с предлогом.

Очевидно, что в комическом жанре все языковые средства подчинены именно комической функции. В заголовке же один из смыслов может служить только яркой «упаковкой», задача которой – привлечь внимание читателя. При помощи полисемантики в заголовке «*Михалков на высоте*» создается эффект «обманутого ожидания»: идиома «*быть на высоте*» имеет оценочный характер, но в статье речь идет о том, как идут съемки: снимается военный эпизод, в котором герои берут *высоту*. Впрочем, в вынесении идиомы в заголовок можно усмотреть и косвенный способ выражения авторской позиции: деятельность Михалкова-режиссера оценивается журналистом высоко, а, возможно, здесь, напротив, присутствует легкая авторская ирония — неоднозначность высказывания разрешается не до конца.

Слово повторяется в статье в другом, но не контрастирующем значении, следовательно, перед нами *диафора* – разновидность *антанаклазы*, которая объединяет стилистические фигуры, связанные с употреблением в контексте одного и того же слова в разных значениях. См. также *Ферри с глицерином – жиру пора смываться!* («сойти, исчезнуть от мытья» и «уйти незаметно, исчезнуть») – экспрессивность слогана усиливается за счет «внедрения» в его структуру просторечия *смываться*.

Как нам представляется, анализ феномена «актуализация семантической неоднозначности», или «полисемантика», в современных медиа-текстах еще раз подтверждает то, что и в эпоху всеобщего «креатива» (см., например, претенциозное название

маленькой московской парикмахерской – «Креативная зона») чередование экспрессии и стандарта, борьба между ними остаются важнейшей, стилообразующей чертой масс-медиа. Подлинно креативная по своей сути «полисемантика» превращается в навязываемое, стандартизированное средство речевого воздействия – сам прием как определенная разновидность языковой игры становится общим местом, своеобразным штампом. Однако нельзя не заметить и то, что тяготение не просто к «креативу», а именно к творчеству проявляется в лексическом наполнении высказываний такого типа, в их стилистическом разнообразии, в достаточно «затейливой» комбинаторике этого средства с другими средствами выразительности и экспрессии. Это обуславливает востребованность этого игрового приема не только в рекламном слогане, но и в жанре социальной рекламы, ориентированной не на то, чтобы продать, а на то, чтобы донести до определенной аудитории общественно значимую информацию, в заголовках «качественных» СМИ, в рекламных брендах известных компаний.

Литература

- ВАЛГИНА, Н. С., 2003. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- ГРИДИНА, Т. А., 1996. *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т.
- ДУБРОВИНА, К. Н., 2005. *Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике*. Вестник РУДН, серия «Лингвистика», № 7, с. 100-118.
- КАРЦЕВСКИЙ, С. О., 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. *Звезинцев В.А. История языкознания XIX - XX вв. в очерках и извлечениях*. Москва: Просвещение.
- КРЫЛОВА, О. А.; РЕМЧУКОВА, Е. Н., 2002. Гиперэкспрессия и комбинаторика грамматических средств. *Тезисы докладов и выступлений Международной научно-методической конференции «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания» 22-23 марта 2002*. Будапешт, с. 33 – 34.
- Культура русской речи, 2003. *Энциклопедический словарь-справочник*. Москва: Флинта.
- ЛОПАТИН, В. В.; ЛОПАТИНА, Л. Е., 2004. *Русский толковый словарь*. Москва: Эксмо.
- МИХЕЕВА, Е. С.; РЕМЧУКОВА, Е. Н., 2009. Феномен смысловой двуплановости слова как креативная составляющая заголовков в современных СМИ. *Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методика их изучения*. II Новиковские чтения. Материалы международной конференции. Москва: РУДН, с. 344 – 346.
- РЕМЧУКОВА, Е. Н., 2005. *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва: РУДН.
- РЕПЬЕВ, А. П. *Язык рекламы*. Часть I. <http://repiev.ru>.

Elena Remchukova

Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Research interests: Linguistic creativeness, language game, linguistic manipulation.

SOME COMMUNICATIVE AND STYLISTIC PECULIARITIES OF CREATIVE PHENOMENON IN MASS MEDIA Summary

The tendency of the contemporary mass media towards the linguistic creativeness is considered in the article. The phenomenon of the semantic ambiguity (double-meaning) of the statement in such small-sized genres as a headline and a slogan is analysed as an important resource of linguistic manipulation on the one hand and a stylistic device on the other hand. Its role in social advertisements, in creation of the advertising strategies of well-known companies, in advertising slogans and headlines is revealed. An associative potential of a word (actualization of a lexeme's homonymy or polysemy) is the basis of this phenomenon, and it leads to an ambiguous interpretation of an utterance. A semantic transformation of phraseological units as one of a widely-distributed forms of the linguistic game in the contemporary media, puns and amphibology are considered from the point of view of an interpretative potential.

KEY WORDS: linguistic creativeness, semantic double-meaning, homonymy, polysemy, language game, linguistic manipulation.

Danguolė Satkauskaitė

Geisteswissenschaftliche Fakultät Kaunas der Universität Vilnius

Muitinės g. 12, 44280 Kaunas, Litauen

Tel. +370 686 38720

E-mail: satkauskaite@gmail.com

Wissenschaftliche Interessen: Translationswissenschaft, Linguistische Semantik und Pragmatik, Korpuslinguistik.

ZU HÖRVERSTEHENSPROBLEMEN BEI DEN DOLMETSCHÜBUNGEN (AM BEISPIEL DER LITAUISCHEN DEUTSCHLERNER)

Das Hörverstehen ist eine hochkomplexe, aus Teilvorgängen bestehende Tätigkeit, die für Philologen und besonders für angehende Übersetzer und Dolmetscher intensiv geübt werden sollte. Im Beitrag werden Übersetzungen der Hörtexte analysiert, die von Studierenden der deutschen Philologie angefertigt wurden. Einen großen Teil der fehlerhaften, auf Hörverstehensdefizite basierenden Probleme bilden Segmentierungsfehler. Zwar wird dabei die Silbenzahl richtig erkannt, doch die Zuordnung der Silben zu erscheint in vielen Fällen problematisch. Schwierigkeiten bereiten auch ähnlich klingende Wörter. Die häufigsten Ursachen von Hörverstehensschwierigkeiten sind unzureichendes sprachliches, kulturelles und Kontextwissen.

SCHLÜSSELWÖRTER: Hörverstehen, Dolmetschübungen, Hörverstehensprobleme, Übersetzungsprobleme, Segmentierung

1. Einleitung

Von den vier Hauptfähigkeiten, die beim Fremdsprachenlernen geschult werden, ist das Hören besonders wichtig, denn zeitlich gemessen nimmt das Hören über 40% in der Alltagskommunikation (Barker zit. n. Solmecke 2001, S. 893). Jedoch wird dem Hörverstehen bis heute noch nicht so viel Aufmerksamkeit geschenkt im Vergleich zum Beispiel mit dem Lesen oder Sprechen. Für den eingehenden Dolmetscher stellt das Hörverstehen eine unabdingbare Bedingung für seine Tätigkeit und muss daher besonders intensiv geübt werden. Umsomehr, dass die Hörverstehenskompetenz im Vergleich mit anderen Fertigkeiten bei Studierenden häufig lückenhaft ist, weil sie oft nur begrenzte Kommunikationsmöglichkeiten mit Muttersprachlern haben (Leube 2002, S. 139).

Die Notwendigkeit und Bedeutung der Untersuchungen von Hörverstehensproblemen in einer Fremdsprache zeigt auch die Feststellung Solmecke's, dass „[man] über das Hörverstehen in einer Fremdsprache bis heute noch nicht sehr viel [weiß]“ (Solmecke 2001, S. 896). Er weist in diesem Zusammenhang darauf hin, dass die bisherigen Informationen über das Hörverstehen in einer Fremdsprache entweder aus den Forschungen des muttersprachlichen Hörverstehens oder aus dem fremdsprachlichen Leseverstehen übernommen worden sind und daher keine Beweiskraft haben, sondern eher Annahmen und mögliche Arbeitsfragen sind. Die Untersuchungen des Hörverstehens werden auch dadurch erschwert, dass man weder den Verstehensprozess noch das Verständnis direkt verfolgen kann (Grotjahn 2005, S. 116).

Über die Hörverstehensprobleme der litauischen Deutschlerner (und der potentiellen Übersetzer und Dolmetscher) gibt es bisher meines Wissens keine Untersuchungen, daher sollte der vorliegende Aufsatz einen Beitrag dazu leisten, diese Hörverstehensprobleme zu differenzieren und ihre möglichen Ursachen zu finden.

2. Methodik

Den Untersuchungskorpus bilden die Übersetzungen der Studierenden der deutschen Philologie. Von den Übersetzungen und nicht von Verdolmetschungen spricht man in diesem Zusammenhang aus zwei Gründen: Erstens handelt es sich um wiederholbare Texte, d. h. die Hörtexte, obwohl mündlich, lagen den Studierenden als mp3-Dateien vor und konnten daher

beliebig viele Male gehört werden. Zweitens sollten die Ergebnisse in schriftlicher Form vorgelegt werden. Streng genommen sollte also die Tätigkeit als Übersetzung betrachtet werden, aber da die Ausgangstexte als Audiomaterial vorlagen, war zunächst das Hörverstehen gefordert. Von den zahlreichen Fehlern, die in den Übersetzungen von Studierenden vorkamen, lässt sich ein Großteil gerade auf die Probleme des Hörverstehens zurückführen. Daher setzt sich die Autorin im Folgenden ausschließlich mit diesen Problemen ausführlicher auseinander.

3. Der Vorgang des Hörverstehens

Der Vorgang des Hörverstehens ist hoch komplex und besteht laut Solmecke (2001, S. 894) aus vier hierarchisch gegliederten Teilvorgängen: 1. Wiedererkennen; 2. Verstehen; 3. Analytisches Verstehen; 4. Evaluation.

Aus der Fehleranalyse der untersuchten Übersetzungen der Hörtexte kann man schließen, dass gerade die erste Stufe, nämlich das Wiedererkennen der sprachlichen Laute und Lautkombinationen, die größten Schwierigkeiten den Studierenden bereitet. Damit die Laute, Lautketten, Worte und Wortgruppen erkannt werden, müssen sie dem Rezipienten bekannt sein. Anderenfalls werden sie als sinnlose Geräusche wahrgenommen, denen man keine Bedeutung zuordnen kann. Die Bekanntheit der lautlichen Elemente ist also die Grundbedingung dafür, dass der Hörer sie erkennen, identifizieren, von anderen Geräuschen (auch Lärm und anderen nicht sprachlichen Hintergrundgeräuschen) unterscheiden und ihnen eine Bedeutung zuweisen kann.

Von besonderer Bedeutung ist in der Stufe des Wiedererkennens die Segmentierung, denn der Hörer muss zuerst den „vom Sprecher produzierten ununterbrochenen Lautstrom“ (Solmecke 2001, S. 894) zunächst in sprachliche Elemente segmentieren, um Wörter, Wortgruppen, Sätze usw. wahrzunehmen und sie zu verstehen.

Unter den fehlerhaften Übersetzungen, die im Rahmen dieses Beitrags analysiert wurden, findet sich eine große Zahl solcher, die aufgrund von falscher Segmentierung entstanden sind. Sie werden im folgenden Abschnitt ausführlicher behandelt.

4. Segmentierungsfehler

Bei den Segmentierungsfehlern fällt zunächst auf, dass die erste Stufe der Segmentierung, und zwar das Erkennen der Silben, meistens erfolgreich bewältigt wird. Davon zeugt die Silbenzahl, die im Ausgangstext und im inkorrekt gehörten Text in den meisten Fällen die selbe ist. Einige misshörte Wörter wurden sogar in fehlerhaften Formen angegeben, wichtig ist nur, dass sie eine gewisse Klangähnlichkeit und die selbe Silbenzahl wie das korrekte ausgangssprachliche Wort enthalten, z. B.:

AS: [...] *jeder andere eueren Namen, euer Alter, euere Hobbys und euere **Schulnoten** sehen kann*
(gehört: **Schulenort**)

ZT: [...] *visi kiti gali matyti jūsų vardą, amžiu, hobius arba jūsų mokymosi vietą.*

In diesem Fall wurde das Kompositum *Schulnoten* als *Schulenort* misshört. Das Wort wurde als ein dreisilbiges zusammengesetztes Substantiv erkannt und auch die erste Komponente ist richtig verstanden worden. Die drei Silben wurden mit Hilfe von Fugenelement als *Schulenort* rekonstruiert. In dem angegebenen und in vielen anderen Beispielen spielt der Kontext eine wichtige Rolle. Mit dem Hörtext, von dem das angeführte Beispiel stammt, wendet man sich an Schüler (daher auch die familiäre Anredeform *ihr*) und erklärt, wie man seine persönlichen Daten schützen soll. In diesem Zusammenhang könnte also durchaus vom Schulort die Rede sein. Die Übersetzung scheint kohärent zu sein, also gibt es keinen Grund, warum man dem Gehörten misstrauen sollte.

Als zweite Stufe der Segmentierung könnte man die Zuweisung der Silben bestimmten sinntragenden Wörtern nennen. Hier kommen erst die Probleme auf, denn besonders beim schnellen Sprechen werden „die Grenzen zwischen den Lautfolgen“ undeutlich und bereiten dem fremdsprachlichen Hörer erhebliche Schwierigkeiten (vgl. Kautz 2002, S. 299).

Nach der Vorgehensweise könnte man die Segmentierungsfehler in einige Gruppen einteilen:

- die Verschmelzung von zwei oder mehr selbständigen Wörtern zu einem;
- die Trennung eines meist zusammengesetzten Wortes in zwei oder mehr selbständige Wörter;
- die Beibehaltung der gleichen Wörterzahl, aber die Verschiebung der Wortgrenze um eine oder mehrere Silben.

Diese drei Gruppen sollen nun anhand von Beispielen erläutert werden.

4. 1. Verschmelzung selbständiger Wörter

Aus dem untersuchten Korpus ist ersichtlich, dass die erste Gruppe der Segmentierungsfehler die umfangreichste ist. Ein anschauliches Beispiel für die Verschmelzung selbständiger Wörter könnte folgendes sein:

AT: „Können Sie mir sagen, was Ihnen zu Europa einfällt?
„Zu Europa? Vielleicht **die vielen Sprachen und Kulturen** in Europa.“
Gehört: „Vielleicht **gefielen Sprachmulkulturen** in Europa.“
ZT: „Galbūt patiko tai, kad Europoje yra tarmių.“

In diesem Fall wurde erstens der Artikel *die* und das Adjektiv *vielen* zu dem Verb *gefielen* verschmolzen und zweitens die Substantivgruppe *Sprachen und Kulturen* zu einer (fraglichen) Zusammensetzung *Sprachmulkulturen*. Der erste Verhörer wurde auch von der syntaktischen Kompetenz unterstützt, denn der Rezipient hat gemäß den deutschen Satzbauregeln an der zweiten Stelle ein Prädikat erwartet und aus der aufgenommenen Lautsequenz hat er das Verb im Perfekt *gefielen* rekonstruiert. Die sprachliche Kompetenz, genau wie das Kontextwissen, ist beim Verstehensprozess des Gehörten enorm wichtig, denn sie macht bestimmte Formulierungen und Inhalte wahrscheinlicher als andere und „das ist gleichermaßen Voraussetzung und Hilfe für das Verstehen“ (Storch 2008, S. 141).

Eine weitere Hörpassage, die den Studierenden Schwierigkeiten bereitete, ist folgende:

AT: Und das ist nun ganz schön komisches Gefühl, wenn man noch gar nichts **im Schilde führt**.
Gehört 1: ... wenn man noch gar nichts **unschuldig fühlt**
ZT 1: Ir tai yra visiškai juokingas jausmas, kai visgi niekas nesijaučia nekaltas.
Gehört 2: ... wenn man noch gar nichts **Schildenfeld**.
ZT 2: ...kai esi niekuo nenusikaltes.

Der aus drei Wörtern bestehende Phraseologismus *im Schilde führt* wurde in der ersten angeführten Variante zu zwei Wörtern *unschuldig fühlt*, in der zweiten Variante zu einem Kompositum verbunden. Man muss erwähnen, dass diese Stelle von vielen Studierenden als problematisch bezeichnet wurde, denn die Wendung *etwas im Schilde führen* ist nicht so verbreitet und den Studierenden wahrscheinlich nicht bekannt.

Beim letztgenannten Beispiel soll angemerkt werden, dass es Studierende gab, die den Ausgangstext (fast) richtig gehört haben, ihn aber trotzdem falsch übersetzten. Dies liegt aber weniger an den Hörverstehensproblemen, sondern vielmehr an mangelnder Sprach- und Übersetzungskompetenz, vgl.:

AT: Und das **es nur** ganz schön komisches Gefühl, wenn man noch gar **nicht** im Schilde **fuhr**.
ZT: Tai juokinga, kol neatsitinka nieko blogo.

Die Übersetzung ist trotz relativ guter Aufnahme des Ausgangstextes nicht zufriedenstellend.

4.2. Trennung eines Wortes

Für die zweite Gruppe der Segmentierungsfehler, nämlich die Trennung eines Wortes, gibt es ebenfalls zahlreiche Beispiele aus dem untersuchten Korpus der Übersetzungen von Hörtexten:

AT: Die Sportler sollen **sich ausziehen** und an die Startlinie treten.
Gehört: Die Sportler sollen **sich aus Szene** und an die Startringen treten.
ZT: Sportininkai privalo **nuo scenos išsirikiuoti į starto vietas**.

Das präfigierte Verb *ausziehen* wurde als zwei Wörter, nämlich die Präposition *aus* und das Substantiv *Szene* gehört. In diesem Fall fehlte dem Studierenden die sprachliche und kontextuelle Kompetenz. Defizite auf der sprachlichen Ebene kommen dadurch zum Ausdruck, dass in der gehörten Variante das Reflexivpronomen *sich* kein Bezugswort und die Konjunktion *und* keine Verbindungselemente mehr aufweisen. Auf der kontextuellen Ebene äußert sich unzureichendes Wissen in der fehlenden Verknüpfung des vorher Gesagten mit den Inhalten des Beispielsatzes. Der davor gehende Satz lautet:

Und damit sich auch bestimmt keine Frau dazwischen mogeln konnte, mussten die Männer nackt laufen.

Daraus kann man doch schließen, dass sich die Sportler ausziehen mussten.

Ein weiteres Beispiel für die Trennung eines Wortes, das vielen Studierenden Probleme bereitete, ist folgendes:

AT: In der Schule haben wir gerade eine **Projektwoche** zum Thema Europa gemacht.

Sogar 6 Studierende von 16 haben das Kompositum *Projektwoche* als zwei Wörter *Projekt vorher* gehört und entsprechend übersetzt:

ZT 1: **Anksčiau** mokykloje darėme **projektą** tema – Europa.

ZT 2: Mes kaip tik **prieš tai** mokykloje parengėme **projektą**, kurio tema buvo „Europa“.

Eine weitere fehlerhafte Übersetzung resultierte wiederum aus dem falsch segmentierten Kompositum *Projektwoche*, das diesmal als Wortgruppe *ein Projekt für heute* gehört wurde:

ZT 3: Mokykloje mes turėjome **šiandien** paruošti **projektą** apie Europą.

An der undeutlichen Aussprache und Nebengeräuschen im Hörtext könnte es kaum gelegen haben, denn gerade bei diesem Hörtext handelt es sich um ein didaktisiertes DaF-Audiomaterial. Höchstwahrscheinlich ist das Misshören und -verstehen mit der durch das Kompositum *Projektwoche* bezeichnenden Unternehmung verbunden, die in Litauen als solche wenig verbreitet ist. Hier hat man also weniger mit sprachlichem, als vielmehr mit kulturbedingtem (im weitesten Sinne) Sachwissen zu tun.

4.3. Verschiebung der Wortgrenze

Als dritte Gruppe der Segmentierungsfehler wurde ja die Beibehaltung der gleichen Wörterzahl, aber die Verschiebung der Wortgrenze um eine oder mehrere Silben genannt. Hierfür kann man aus dem analysierten Korpus der Übersetzungen ebenfalls einige Beispiele nennen:

AT: Befristet angestellte Lehrkräfte sind bei monatlicher Entlohnung nicht schlechter gestellt.
Gehört: ...**schlecht dargestellt**...

ZT 1: Terminuotam laikui pasamdyti mokytojai nėra **blogai pavaizduoti**.

ZT 2: Terminuotai įdarbinti dėstytojai, gaudami mėnesinį užmokestį, nėra **blogai apibūdinami**.

Wie eingangs schon erwähnt, stimmt die Silbenzahl des Ausgangstextes und des inkorrekt gehörten Textes meistens überein. Auch in diesem Satz ist es der Fall: Sowohl die Wortgruppe

schlechter gestellt, als auch *schlecht dargestellt* bilden je 4 Silben, verschoben ist nur die Wortgrenze. Die Ursachen dieses Hörfehlers sind schlecht zu erkennen; eine davon könnte wohl die größere Bekanntheit der Kollokation *schlecht dargestellt* sein (obwohl die Google-Suche ähnliche Gebrauchsfrequenz der beiden Wortgruppen ergeben hat).

Unter den Übersetzungen des oben angeführten ausgangssprachlichen Satzes gab es auch andere nicht akzeptable Varianten, z. B.:

ZT 3: *Terminuotai įdarbintos darbo jėgos laikomos neprastesnėmis mokant mėnesinį užmokestį.*

Wie man aber aus der wörtlichen Übersetzung sehen kann, hatte der/die Studierende keine akustische Probleme. Die fehlerhafte Wiedergabe resultiert vielmehr aus unzureichendem Inhaltsverstehen des Ausgangstextes und der mangelnder Ausdrucksfähigkeit in der Muttersprache. Jedoch werden solche Fälle im Rahmen dieses Beitrags nicht näher analysiert, denn die Probleme liegen hier nicht im Hörverstehen.

In den Dolmetschübungen kommt es durch das Misshören mitunter zu absurden Lösungsvorschlägen des Zieltextes. Besonders amüsante Übersetzungen ergeben sich aus dem Misshören von Eigennamen, z. B.:

AT: Frau **Waldenzweig** arbeitet als Lehrerin in einer allgemein bildenden Schule.

ZT: Ponia **Walden prievarta** dirba bendrojo lavinimo mokykloje.

In diesem Beispiel wurde der Eigenname *Waldenzweig* nicht als ein Wort verstanden, sondern als zwei. Für das angebliche zweite Teilsegment hat man nach einer passenden Übersetzung gesucht. Die angeführte Übersetzungsvariante wurde wohl aufgrund der Klangähnlichkeit der Wörter *Zweig* und *Zwang* gewählt.

5. Klangähnlichkeit der Wörter

Neben den Segmentierungsfehlern bilden die ähnlich klingenden Wörter einen umfangreichen Fehlerbereich. Nur in wenigen Fällen handelt es sich um echte Homophone. Die häufigste Ursache für solche Fehler ist die geringe Bekanntheit der im Ausgangstext verwendeten Wörter. Für manche Autoren, wie z. B. Kelly (1991, z. n. Grotjahn 2005, 124), „[sind] unzureichende lexikalische Kenntnisse [...] bei fortgeschrittenen Fremdsprachenlernern sogar die primäre Ursache unzureichenden Hörverstehens“. Das ist leicht nachzuvollziehen, denn nicht bekannte Segmente sind auch in der Muttersprache schwieriger akustisch zu identifizieren, geschweige schon von fremdsprachlichen Audiotexten.

Eine Passage aus den untersuchten Übersetzungen, die den meisten Studierenden Schwierigkeiten bereitete, ist folgende:

AT: [...] suchen sich die Tiere einen sicheren wärmenden Unterschlupf: eine Höhle, **einen hohlen Baum** oder einen Laubhaufen.

ZT: [...] gyvūnai susiranda saugų ir šiltą prieglobstį – urvą, **aukštą medį** ar lapų krūvą.

Von insgesamt 31 Studierenden, die diesen Hörtext übersetzt haben, nur 10 haben *einen hohlen Baum* als *medžio drevę* übersetzt, aber sogar 12 Personen haben statt des Adjektivs *hohl* das ähnlich klingende *hoch* gehört und die Wortgruppe entsprechend als *aukštą medį* übersetzt. Drei Personen waren sich wahrscheinlich nicht ganz sicher und haben das Adjektiv weggelassen und die Wortverbindung einfach als *medį* wiedergegeben. Andere Übersetzungslösungen:

Tuščiavidurį medį, urvo medyje, aptręšusio medžio, nuvirtusio medžio, nukirsto medžio, medžio viršune.

Das extrem niedrige Wiedererkennungsprozent der Kollokation kann durch ihre geringe Bekanntheit erklärt werden. Eine einfache Google-Suche zeigt, dass die Wortverbindung *hohen Baum* drei mal öfter als *hohlen Baum* vorkommt (97.300 zu 33.200). Betrachtet man nur die

Adjektive *hoch* und *hohl*, so sind die Unterschiede noch viel gravierender (37 Mio. zu 1 Mio. Verwendungen). Außerdem wird bei fast allen diesen Übersetzungslösungen die Kohärenz des Zieltextes aufbewahrt, daher besteht seitens der Studierenden kein Grund, ihre Übersetzungslösungen in Frage zu stellen und nochmals zu überprüfen.

Auch folgende Stelle aus dem untersuchten Korpus könnte durch unzureichendes lexikalisches Wissen erklärt werden:

AT: *Ich will kein Wort mehr hören. Vielleicht haben wir sie überfordert.*

ZT 1: *Mums neberekia jūsu paslaugu. Tačiau galbūt jūs nuogąstaujate. (gehört: sie befürchten)*

ZT 2: *Aš nenoriu daugiau klausyti įtūžio. Galbūt mes peršėrėm jus. (gehört: überfüttert)*

Tatsächlich ist das Verb *überfordern* weniger verbreitet als das Verb *befürchten* (in der Google-Suche ist das Verhältnis etwa 750.000 zu 6 Mio.), die Wahl des Verbs *überfüttern/überfüttern* kann jedoch nicht mit Verwendungshäufigkeit begründet werden (die Google-Suche ergab nur ca. 50.000 Fälle).

Im Unterschied zum Beispiel *hohler/hoher Baum*, ist die Kohärenz dieser Übersetzungsvarianten in Frage zu stellen, vor allem Zietext 2. Der Beleg entstammt einem Hörspiel, in dem ein Telefongespräch zwischen einem Mitarbeiter und seinem Chef geführt wird, infolgedessen die im ZT 2 wiedergegebene Situation als wenig wahrscheinlich erscheint. Das heißt, in diesem Fall liegt Nichtbeachtung des Kontextes vor. Wie R. Willett (1991, S. 94) treffend bemerkt, ist das Verstehen „nicht passives Aufnehmen, sondern Aktivierung alles dessen, was zum Verständnis der neu hinzugekommenen Information beitragen kann“. Aber diese Strategien, die beim Hören muttersprachlicher Texte selbstverständlich angewandt werden, müssen bei Fremdsprachenlernern noch geschult werden.

6. Schlussfolgerungen

Die Analyse der fehlerhaften Übersetzungen von Hörtexten hat ergeben, dass ein Großteil der Fehler gerade auf unzureichendes Hörverstehen zurückzuführen ist. Hervorzuheben sind zunächst die Segmentierungsprobleme, die sich nach der Vorgehensweise in drei Gruppen einteilen lassen:

- die Verschmelzung von zwei oder mehr selbständigen Wörtern zu einem;
- die Trennung eines meist zusammengesetzten Wortes in zwei oder mehr selbständige Wörter;
- die Beibehaltung der gleichen Wörterzahl, aber die Verschiebung der Wortgrenze um eine oder mehrere Silben.

Einen weiteren Fehlerbereich bilden ähnlich klingende Wörter.

Von den Ursachen der Hörverstehensfehler sind vor allem unzureichende lexikalische Kenntnisse, kulturelle Kompetenz sowie fehlendes Kontextwissen zu nennen.

Um Hörverstehenskompetenz zu erweitern und dadurch bessere Dolmetschleistungen der Studierenden zu erzielen, müssen gezielte Übungen im Unterricht eingesetzt werden. Storch (2008, s. 141-150) schlägt z. B. Übungen zum Atzipieren, zur Erweiterung der Hörmerkspanne oder zur Informationsreduktion vor.

Abkürzungen

AT – Ausgangstext

ZT – Zietext

Quellen der Hörtexte

Der schönste Tag. Aural Tension Hörspiel. http://www.hoerspielchen.de/1_hoerspiele.php?id=2 [Zugriff am 10.01.2008]

Deutschlandradio Kultur: Mahlzeit! Ewig leben dank gesundem Lebensstil. <http://www.dradio.de/rss/podcast/sendungen/mahlzeit/> [Zugriff am 15.08.2008]

Funk, h. (Hrsg.): Studio d: Deutsch als Fremdsprache. B1. Lerner-CD Hörtexte der Übungen. Verlag: Cornelsen. Track 46 und 49.

MDR Info. Urteile der Woche vom 05.01.2008. <http://www.mdr.de/mdr-info/podcast/urteile> [Zugriff am 20.01.2008]

MDR Info. Urteile der Woche vom 6.12.2008. . <http://www.mdr.de/mdr-info/podcast/urteile> [Zugriff am 17.12.2008]

WDR5: Liliputz. Erklär mal: Warum ist Datenschutz wichtig? Vom 07.07.2008. <http://www.wdr5.de/sendungen/lilipuz.html> [Zugriff am 11.08.2008]

Literaturverzeichnis

GROTHJAHN, R., 2005. Testen und Bewerten des Hörverstehens. In: *Dúill, M. Ó., Zahn, R., Höppner, K.D.C. (Hrsg.): Zusammenarbeiten. Eine Festschrift für Bernd Voss.* Bochum, S. 115-144.

KAUTZ, U., 2002. *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens.* München: Iudicium.

LEUBE, K., 2002. Die Rolle der Fremdsprachenkompetenz in der Übersetzer- und Dolmetscherausbildung. In: *Best, J., Kalina, S. (Hrsg.): Übersetzen und Dolmetschen.* Tübingen, Basel: Francke, S. 134-147.

SOLMECKE, G., 2001. Hörverstehen. In: Helbig, G.; Götz, L. et al. (Hrsg.). *Deutsch als Fremdsprache – ein internationales Handbuch.* Berlin; New York. Band 2, S. 893-900.

STORCH, G., 2008. *Deutsch als Fremdsprache – eine Didaktik.* Paderborn.

WILLET, R., 1991. Die Ausbildung zum Konferenzdolmetscher. In: *Kapp, V. (Hrsg.): Übersetzer und Dolmetscher. Theoretische Grundlagen, Ausbildung, Berufspraxis.* Tübingen: Francke, S. 87-108.

Danguolė Satkauskaitė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Moksliniai interesai: vertimas raštu ir žodžiu, lingvistinė semantika ir pragmatika, tekstynų lingvistika.

KLAUSYMO SUVOKIMO PROBLEMOS VERTIMO ŽODŽIU PRATYBOSE (LIETUVIŲ, BESIMOKANČIŲ VOKIEČIŲ KALBOS, PAVYZDYS)

Santrauka

Klausymo suvokimas – sudėtinga veikla, kurią būtina lavinti filologams, o ypač būsimiems vertėjams. Straipsnyje analizuojami klausymo tekstų vertimai, kuriuos atliko Vokiečių filologijos studentai. Didelė dalis klaidingų vertimų susijusi būtent su klausymo suvokimo problemomis. Pirmiausia išskirtinas segmentavimas. Nors studentai beveik visada teisingai išgirsta skiemenų skaičių, visgi priskirdami skiemenis žodžiams, jie kartais suklysta. Pagal strategijų pobūdį segmentavimo klaidas galima klasifikuoti į skiemenų jungimą, skiemenų išskyrimą bei žodžio ribų perkėlimą. Taip pat nemažai sunkumų kelia ir panašiai skambantys žodžiai. Svarbiausios klausymo suvokimo priežastys – nepakankamos kalbos (fonetikos, morfologijos, leksikos) žinios, kultūrinė kompetencija bei konteksto nepaisymas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: klausymo suvokimas, vertimas žodžiu, vertimo problemos, segmentavimas.

Dalia Senvaitytė, Rasa Gražytė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

K. Donelaičio 52, 44248 Kaunas, Lietuva

Tel.: 837-327832

El. paštas: d.senvaityte@hmf.vdu.lt, r.grazyte@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: kultūrinė antropologija, senoji baltų religija ir mitologija

SENAJĄ LIETUVIŲ RELIGIJĄ NUSAKANTI TERMINIJA BEI JOS KONTEKSTAS ELEKTRONINĖJE LIETUVOS ŽINIASKLAIDOJE

(Tyrimą rėmė Lietuvos mokslo taryba)

Straipsnyje, pasitelkus tikslią duomenų atranką, nagrinėjamas senosios ikikrikščioniškos lietuvių religijos vaizdavimas internete. Aiškinamasi, kiek ir kokio pobūdžio informacijos apie senąją lietuvių religiją galima rasti internete bendrai bei 2008-2010 m. internetiniuose naujienų portaluose atskirai. Nagrinėjama, kokie senąją lietuvių religiją nusakantys terminai internete ir internetinėje žiniasklaidoje dažniausiai vartojami, analizuojama, kokiame kontekste, kokiose pagrindinėse siužetinėse linijose kalbama apie senąją lietuvių religiją ir mitologiją. Naudojami duomenų rinkimo ir analizės metodai: turinio analizė, aprašomasis ir interpretacinis metodai. Tyrimo rezultatai rodo, jog apie senąją ikikrikščionišką lietuvių religiją populiariau kalbėti informaciniuose tinklapiuose, mokslinius darbus pristatančiuose, parduodančiuose portaluose, skirtingo pobūdžio forumuose, jaunimo bloguose. Internetinių naujienų portalai nepasižymi straipsnių, tiesiogiai nagrinėjančių senosios lietuvių religijos temą, gausa, atitinkama terminija dažniausiai tik paminima pristatant kitas temas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: *senoji lietuvių religija, žiniasklaida, internetas.*

Įvadas

Žmonių domėjimasis senąja lietuvių religija ir mitologija, senąja lietuvių pasaulėžiūra, tradicijomis šiuo metu labai populiarius. Informacija renkama įvairias būdais: studijuojama atitinkamos srities mokslinė literatūra, dalyvaujama įvairiose šventėse, kuriose vienaip ar kitaip aktualizuojami senosios kultūros elementai, skaitoma spauda. Be abejo, atitinkamos informacijos dažnai ieškoma ir internete. Todėl mitologijos tyrėjams svarbu žinoti, kokia ta informacija internetinės žiniasklaidos vartotojui yra pasiekiamo, koks ir, kokiame kontekste, senosios lietuvių religijos vaizdas ten pateikiamas.

Šiame straipsnyje pristatomo tyrimo *objektas* – šiuolaikinė senąją lietuvių religiją nusakanti terminija bei jos vartojimo kontekstas internetinėje Lietuvos žiniasklaidoje ir internete apskritai. Darbo *tikslas* – išanalizuoti, koks senosios lietuvių religijos vaizdas konstruojamas internete. Keliami *uždaviniai*: išsiaiškinti, kiek informacijos apie senąją lietuvių religiją galima rasti internete, kokie senąją lietuvių religiją nusakantys terminai čia dažniausiai vartojami, išanalizuoti, kokiame kontekste, kokiose pagrindinėse siužetinėse linijose internete ir internetinėje žiniasklaidoje kalbama apie senąją lietuvių religiją ir mitologiją. Duomenų rinkimo ir analizės *metodai*: turinio analizė, dokumentų analizė, aprašomasis ir analitinis interpretacinis analizės metodai. Tyrimui pasirinkta tiksli duomenų atranka.

Bendras informacijos kiekis ir pobūdis apie senąją lietuvių religiją internete

Ieškant informacijos apie senąją lietuvių religiją internete buvo naudojama populiariausia šiuo metu *Google* informacijos paieškos sistema. Atliekant paiešką, buvo derinti šie raktiniai žodžiai:

<ul style="list-style-type: none"> • Senovės • Senoji (-asis) • Senoviška (-as) • Baltiškoji (-asis) • Pagoniška/-oji (-as/ -asis) • Ikikrikščioniška/-oji (-as/ -asis) 	<ul style="list-style-type: none"> • Lietuvių • Baltų • Protėvių 	<ul style="list-style-type: none"> • Mitologija • Religija • Tikėjimas /-
	<ul style="list-style-type: none"> • Lietuvių 	<ul style="list-style-type: none"> • Pagonybė

2010 m. kovo 14 d. užklausiai *senovės lietuvių religija* Google paieškos sistema pateikė 366.000 nuorodų, užklausiai *senoji lietuvių religija* – 143.000, *senasis lietuvių tikėjimas* – 167.000 nuorodas. Užklausiai *senovės lietuvių tikėjimas* buvo pateiktos 128.000 nuorodos, *senovės lietuvių mitologija* – 124.000, *senoji lietuvių mitologija* – 53.100, *lietuvių pagonybė* – 27.500, *senoji lietuvių religija ir mitologija* - 7990, *ikikrikščioniška lietuvių religija* – 2160. Kiti paieškoje naudoti senąją lietuvių religiją nusakantys raktinių žodžių variantai pateikė ženkliai mažiau nuorodų į puslapius, susijusius su senąją lietuvių religija.

Siekiant išsiaiškinti pateikiamų nuorodų pobūdį, analizuotos dešimties pirmųjų paieškos rezultatų puslapių nuorodos.

Reikia pastebėti, kad nors paieškos sistemoje ir buvo naudojami šiek tiek skirtingi senąją lietuvių religiją nusakantys terminai, Google paieškos sistema dažniausiai nukreipdavo į tuos pačius puslapius. Taip yra, todėl, jog dažnai su senosios religijos ir mitologijos tematika vienaip ar kitaip susijusiuose puslapiuose pavartojami keli senąją lietuvių religiją nusakantys terminai – sinonimai. Kitais atvejais atitinkamas rezultatas yra ir dėl to, kad raktinių žodžių šaknys dažnai yra vienodos. Taigi, tie patys puslapiai randami skirtingų raktažodžių paieškos rezultatuose.

Tiesa, pasitaiko ir priešingų atvejų, kai paieškos sistema randa tik tam tikrą specifinę raktažodžiui būdingų nuorodų grupę. Pavyzdžiui, *senovės lietuvių tikėjimas* paieškos rezultatuose išsiskiria atskira tematinė grupė – nuorodos į vardų žodynus, vardų reikšmę aiškinančius tinklapius (dažniausiai aiškinama Austėjos vardo reikšmė¹), tuo tarpu kitų ieškant kitų terminų, nusakančių senąją lietuvių religiją, paieškos sistema nepateikė nė vienos tokio tipo nuorodos.

Visų minėtų raktinių žodžių paieškos rezultatų pirmuose puslapiuose – *wikipedios*, *wapedios* straipsniai (pirmuosiuose 10 paieškos puslapių - viso 28 atitinkamos nuorodos).

Gausiausių nuorodų grupę sudaro nuorodos į pavienius senajai lietuvių religijai ir mitologijai nagrinėti skirtus mokslinius ar populiarius straipsnius bei kitokios tematikos publikacijas, informacinius naujienų portalus, kuriose pavartota religinė mitologinė terminija. Pavyzdžiui, M. Gimbutienės straipsnis „Senoji lietuvių religija“², R. Kairaičio straipsnis „Senovės lietuvių tikėjimas“³, „Vorutoje“ publikuotas A. Patacko straipsnis „Senoji Lietuvių religija“⁴, D. Steponavičienės straipsnis „Bitės įvaizdis lietuvių mitologijoje ir tautosakoje“⁵, Linos Žižliauskaitės straipsnis „Mirties ir laidotuvių kultūra senojoje lietuvių pasaulėžiūroje“⁶ ir kt. Pirmuose dešimt paieškos puslapių rasta apie 300 tokio tipo nuorodų.

Didelę dalį atitinkamos paieškos rezultatų sudaro nuorodos į senosios lietuvių religijos ir mitologijos temomis parengtus kurso darbus, referatus, kurie įkelti į elektroninius tam skirtus portalus (pvz., mokslai.lt, e-referatai.lt, speros.lt, studijos.lt, moku.lt, nemoku.lt, studijoms.lt, vadovelis.lt, pirmunas.lt ir kt). Viso rastos net 104 tokio tipo nuorodos.

Gana dažnos nuorodos į diskusijų forumus, kuriuose diskutuojama ir apie senąją lietuvių religiją. Pavyzdžiui, Lietuvos istorijos diskusijų tinklapis⁷, Lietuvos.net forumas⁸, Baltiško tikėjimo ir kultūros forumas⁹, religija.lt forumas¹⁰ ir kt. Viso rastos 96 atitinkamo pobūdžio nuorodos.

¹ pvz., <http://www.mama.lt/vardas/Austeja>

² http://www.homosanus.lt/lt/Animizmas/turinys/homo_sapiens_istorija/Senoji_lietuviu_religija

³ <http://www.spauda.lt/mitai/lietuva/ltbaba.htm>

⁴ <http://www.voruta.lt/archyvas/134/3230>

⁵ http://www.antiqua.lt/bite_Austeja.htm

⁶ <http://ausis.gf.vu.lt/mg/nr/2002/04/04mir.html>

⁷ <http://forum.istorija.net>

⁸ <http://www.lietuvos.org/forumas/viewtopic.php?t=299>

Analizuotuose internetinės paieškos rezultatuose yra ir 51 nuoroda į prekybinio pobūdžio portalus, kuriuose galima įsigyti veikalus religine mitologine tematika. Pavyzdžiui, tinklapiu patogupirkti.lt¹¹, super.lt¹², manoknyga.lt¹³ ir kt.

Pasitaiko ir nuorodos į jaunimo *blogus*, kuriuose publikuojamas bent vienas įrašas mitologine tema, ar tiesiog pavartoti religiniai mitologiniai terminai (pavyzdžiui, „Justo blogas“¹⁴, „V. B. Blogas“¹⁵, „Valento rašliava“¹⁶ ir kt.). Viso rasta 14 tokio tipo nuorodų.

Pirmuose paieškos pateikiamuose puslapiuose taip pat galima rasti nuorodas į senąją baltų religiją praktikuojančios *Romuvos* bendruomenės tinklapį (romuva.lt) (viso 13 nuorodų), vieną nuorodą į šios bendruomenės puslapį *Facebook* socialiniame tinklapyje¹⁷, taip pat nuorodą į informacinę religijos ir naujųjų religinių judėjimų tinklapį - religija.lt (kviečiant diskutuoti šiame forume).

Dar viena (tiesa, negausi) nuorodų grupė – į aukštosiose mokyklose dėstomas programas. Randamos 6 nuorodos į Vytauto Didžiojo universiteto Etnologijos ir folkloristikos katedroje dėstomą mitologijos dalyką¹⁸, 4 nuorodos į Mykolo Romerio universiteto religijotyros dalyką¹⁹, 4 – į Lietuvos žemės ūkio universitete dėstomą etnologijos dalyką²⁰, 3 – į Vilniaus universitete dėstomą baltų religijos ir mitologijos dalyką²¹, po vieną – į Lietuvos karo akademijos religijų istorijos²² ir kultūros istorijos²³ dalykus. Taip pat, randamos ir kelios nuorodos į bendrosios mokykloje dėstomų dalykų programas: tikybos (katalikų) bendroji programa²⁴, etikos programa²⁵.

Senosios lietuvių religijos minėjimas elektroniniuose naujienų portaluose

Nagrinėjant senosios lietuvių religijos pristatymą virtualioje Lietuvos žiniasklaidoje, nagrinėti vieni skaitomiausių elektroninių naujienų portalų Lietuvoje – *Lietuvos ryto*²⁶, *DELFI*²⁷, *Kauno dienos*²⁸. Analizuota 2008 m. – 2010 m. pirmo ketvirčio medžiaga.

Kalbant apie senąją lietuvių religiją nusakančios terminijos vartojimo rodiklius minėtuose naujienų portaluose („Lietuvos rytas“, DELFI, „Kauno diena“), matyti, kad dažniausiai vartojami šie terminai: *Senoji lietuvių religija* (875), *Baltų religija* (844), *Senovės lietuvių religija* (608), *Senovės baltų tikėjimas/-ai* (353), *Protėvių religija* (317).

Palyginus elektroninius minėtų dienraščių portalų informaciją tarpusavyje, matyti, kad senoji lietuvių religija dažniausiai buvo minima „Kauno dienos“ straipsniuose (čia senąją lietuvių religiją nusakančys terminai minėtu laikotarpiu pavartoti net 4308 kartus). Atitinkamai DELFI tinklapyje – 340, „Lietuvos ryto“ tinklapyje – 190 kartų.

⁹ <http://www.baltai.lt/phpBB/viewtopic.php?f=68&t=1456>

¹⁰ http://www.religija.lt/component/option,com_joomlaboard/Itemid,75/func,view/id,4779/catid,16/limit,6/limitstart,6/

¹¹ <http://www.patogupirkti.lt/book/book.asp?isbn=9785420016176>

¹² <http://super.balsas.lt/product/11192/lietuviu-senosios-religijos-kelias>

¹³ <http://www.manoknyga.lt/knyga/lietuviu-religija-ir-mitologija-2.html>

¹⁴ <http://blog.lrytas.lt/justoblogas/2009/02/07/senovės-baltu-tikejimas/>

¹⁵ <http://vimpautas.wordpress.com/2009/12/16/senovės-lietuviu-religija-ir-mitologija/>

¹⁶ <http://sagana.blogas.lt/lietuviu-liaudies-paprociai-pagonybes-laikais-12.html>

¹⁷ <http://www.facebook.com/pages/Romuva-Lietuva/82540222697>

¹⁸ http://vaidila.vdu.lt/~etnologija/hf02_09.html

¹⁹ www.mruni.eu/mru_lt_dokumentai/.../religijotyros_programa_2009.doc

²⁰ www.lzuu.lt/file.doc?Id=18047

²¹ http://www.vu.lt/site_files/DRS/DOKTORANTUROS_STUDIJU_PROGRAMOS_IR_SANDAI/HUMANITARINIAI_MOKSLAI_H_000/FILOLOGIJA_04_H/H_5903_lietuviu_literatura/Balt___religija_ir_mitologija.pdf

²² <http://www.lka.lt/index.php/lt/129947/>

²³ <http://www.lka.lt/index.php/lt/129936/>

²⁴ [www.smm.lt/teisine_baze/docs/.../2006-07-13-ISAK-1484\(2\).doc](http://www.smm.lt/teisine_baze/docs/.../2006-07-13-ISAK-1484(2).doc)

²⁵ <http://www.pedagogika.lt/puslapis/BP%20projektai%202007-05-23/Pradine%202007-05-23/Etikos%20pradinis%20ugdymas%2005-23.pdf>

²⁶ <http://www.lrytas.lt>

²⁷ <http://www.delfi.lt>

²⁸ <http://kauno.diena.lt>

„Kauno dienos“ naujienų portale vyraujantis atitinkamos srities terminas – *senoji lietuvių religija*, tuo tarpu *Delfi* ir „Lietuvos ryto“ portaluose populiariausiais vartojamas terminas – *lietuvių mitologija*.

Kalbant apie bendrą senosios lietuvių religijos paminėjimo kontekstą spaudoje, terminų, apibrėžiančių senovės lietuvių religiją ir mitologiją, vartojimas dažniausiai neatsiejamas nuo straipsnių, kuriuose minimi su mitologijos mokslu susiję veikalai (moksliniai kūriniai, darbų ciklai) arba tam tikri asmenys (dažniausiai - šios srities tyrėjai).

Analizuotų naujienų portalų straipsniuose, susijusiuose su senąja lietuvių religija, dažniausiai minimi šie asmenys: G. Beresnevičius²⁹, M. Eliadė³⁰, N. Vėlius³¹, A. J. Greimas³², P. Dundulienė³³ ir kt. Dauguma jų – puikiai žinomi mokslininkai, nusipelnę mitologijos tyrinėjimo srityje, parašę ne vieną mokslinį darbą religine mitologine tema. Vienuose straipsniuose tiesiog užsimenama apie tyrėjus, kituose remiamasi jų veikalais, tad pristatant ar supažindinant skaitytoją su galbūt dar nežinomais autoriais ar kūriniais, neišvengiamai paminimas *lietuvių religijos ir mitologijos* terminas arba jo sinonimai. Internetiniuose naujienų tinklapiuose minimas N. Vėliaus parengtas šaltinių rinkinys „Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai“³⁴, P. Dundulienės studija „Senovės lietuvių mitologija ir religija“³⁵, S. Matulevičienės straipsnis „Iš baltų religijos ir mitologijos tyrimų istorijos“³⁶, G. Beresnevičiaus straipsnis „Japonų šintoizmas ir baltų religijos“³⁷ ir kt.

Atskirai galima išskirti internetinių tinklapių straipsnius, nagrinėjančius žymaus lietuvių religijotyrininko, mitologijos tyrinėtojo G. Beresnevičiaus gyvenimą ir veiklą, kurių minėtuose portaluose tikrai gausu (daugiau nei dvidešimt). Atitinkamuose straipsniuose neretai minimos dvi autoriaus studijos „Religijotyra ir senovės baltų mitologija“ ir „Lietuvių religija ir mitologija“³⁸. Straipsnių apie G. Beresnevičių tematika įvairi: vienuose rašoma apie išpūdingas naujo jo knygos leidimo iliustracijas, su jomis susijusias parodas, publikuojami interviu su iliustracijų dailininku, kituose – apie G. Beresnevičiaus mirtį ir jos aplinkybes ar atminimą bei darbų įvertinimą. Kita straipsnių grupė orientuojama į mitologijos tyrinėtojo idėjas, pavyzdžiui, pasiūlymą sukurti Lietuvos imperiją ir atgaivinti LDK³⁹. Autorius ir jo pasiekimai taip pat minimi Lietuvos mokslo premijų laureatų sąrašuose, kūriniais remiamasi kalbant apie įvairius šiandienos klausimus, pavyzdžiui, moters padėtį visuomenėje. Taigi, tyrėjas (ir kiti tyrėjai ar jų veikalai) nebūtinai yra pagrindinis straipsnio objektas - paliečiamos ir kitokio pobūdžio temos.

Su senąja lietuvių religija susijusi terminija vartojama ir straipsniuose apie kitus žmones (ne tyrėjus), pavyzdžiui, dailininkę G. Didelytę, kuriai artimos senosios vertybės ir baltų tikėjimas⁴⁰, audinių dažymu užsiimančią L. Peleniūtę, kurią žavi senoji baltų kultūra ir mitologija⁴¹, Panevėžio kolegijos psichologijos dėstytoją L. Vasilevičių, taip pat jaučiantį trauką senajai lietuvių religijai⁴², Briuselio valdininką P. Kuprį, dvejus metus laisvalaikiu vertusį M. Yorko knygą „Pagoniškoji teologija“ ir save laikantį senosios baltų religijos išpažinėju⁴³, spalvingą praėjusio šimtmečio asmenybę – J. G. Beržanskį - Klausutį, kurio pase puikavosi užrašas „Senovės lietuvių

²⁹ pvz., <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=3752417>

³⁰ pvz., <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=23000519>

³¹ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/susidraugavusi-su-vaidualiais-ir-giltine-3402>

³² pvz., <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12288000901226782297>

³³ pvz., <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/susidraugavusi-su-vaidualiais-ir-giltine-3402>

³⁴ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=11973035821195406023>

³⁵ http://gatve.delfi.lt/news/po_pamoku/nuo-pietu-su-velemis-iki-halovino.d?id=14861168

³⁶ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12410275811239754743>

³⁷ <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=6254899>

³⁸ pvz., <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12230407981221502311>

³⁹ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12468036961246654965>

⁴⁰ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=11900381791188480756>

⁴¹ <http://gyvenimas.delfi.lt/archive/print.php?id=12571583>

⁴² <http://whatson.delfi.lt/archive/print.php?id=10119150>

⁴³ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/ivairenybes/briuselio-valdininkas-ispazista-pagoniu-dievas-108842>

tikėjimo pasekėjas”⁴⁴ ir kt. Visus šiuos asmenis sieja jų individualus asmeninis ryšys su lietuvių religija ir mitologija.

Kaip jau minėta, lietuvių religiją nusakantys terminai vartojami ir su mitologija ar religija tiesiogiai nesusijusiuose straipsniuose, pavyzdžiui, M. Baužienės straipsnyje „Narutis“ skaičiuoja šimtametę istoriją”⁴⁵, kuriame pasakojama vieno populiariausių Vilniaus viešbučių istorija ir paminimas pastate gyvenusio rašytojo J. I. Kraševskio domėjimasis lietuvių mitologija. Pagrindiniai straipsnio objektai – statinys, jo gyventojai, tad *lietuvių mitologijos* terminas čia atlieka antraeilį vaidmenį.

Analogiškas „Lietuvos ryto“ straipsnis „Mirusiųjų skolos slegia gyvuosius“⁴⁶, orientuotas į mirusių žmonių giminaičius slegiančią paskolų apmokėjimo našą. Kitas tokio pobūdžio pavyzdys – „Kauno dienos“ straipsnis „Gražiausios Kauno sodybos šeimininkai svajoja apie žydintį miestą“⁴⁷, kuriame pasakojama apie Danutės ir Vydo Kunčių sodybos gyvenimą ir sodininkystę. Užsiminus apie tai, jog Danutė kalbasi su medžiais, paminimi kalbėjimo su medžiais galimybę patvirtinę žmonės, studijuojantys *senąjį baltų tikėjimą*.

Visuose šiuose tekstuose mitologinės temos visiškai neplėtojamos, tad minėti terminai vartojami kaip straipsnio tematinę šaką (minėtais atvejais – „Naručio“ viešbučio gyventojų istorijas, mirusiųjų artimųjų pastangas padengti paskolas arba kalbėjimąsi su medžiais) papildanti detalė.

Senovės lietuvių religijos ir mitologijos terminologija sutinkama ir kultūrinio pobūdžio straipsniuose. Vienuose jų pristatomos knygos: pavyzdžiui, E. Kurklietytės knyga „Šešėlių verpėja“, kurioje galima rasti pagoniško tikėjimo atšvaitų⁴⁸, siaubo pasakų knyga suaugusiems, paremta senovės lietuvių mitologija⁴⁹, albumas „Kazys Šimonis“, skirtas vienam populiariausių lietuvių dailininkų ir taip pat paminintis jo individualią pasaulėjautą, susijusią su archajiška lietuviška mitologija⁵⁰ ir kt.

Kituose straipsniuose aprašomos parodos - pavyzdžiui, tarptautinė paroda „Nikolajaus ir Sviatoslavo Rerichų tapyba“ Lietuvos dailės muziejuje⁵¹, meno paroda „Baltų mitologijos“ Prahos bienalėje⁵², G. Didelytės paroda jos memorialinėje sodyboje⁵³ ir kt.

Dar kituose straipsniuose aptariami įvykė ar numatomi renginiai, pavyzdžiui, filmo „Raganos burtai“, kuriame gausu lietuvių mitologijos motyvų, peržiūra „Pravda 1 minutė“ filmų festivalyje⁵⁴, A. Stonio filmo „Keturi žingsniai“, skatinančio susimąstyti apie senuosius vestuvių papročius ir dabartinės komercinės vestuves, peržiūra⁵⁵, „Amiens“ tarptautinis kino festivalis⁵⁶ ir kt.

Visuose šio tipo straipsniuose naudojami termino *senoji lietuvių religija ar mitologija* sinonimai, vienaip ar kitaip susiję su kultūrinio straipsnio objektu – knyga, paroda, renginiu ir pan.

Kalbant apie muzikinės tematikos straipsnius, kuriuose vartojami atitinkami terminai, vyrauja šios temos: šiuolaikinės muzikos ir baltiškiosios kultūros festivalis „Mėnuo Juodaragis“⁵⁷, folkloro festivalis „Tek saulužė ant maračių“⁵⁸, roko opera „Jūratė ir Kastytis“⁵⁹ ir kt. Straipsniuose nurodomas renginių pobūdis, programos, pristatomos naujovės ir pokyčiai, supažindinama su

⁴⁴ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/aukuro-neuzgesino-permainu-vejai-2711>

⁴⁵ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12223212871221648385>

⁴⁶ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12100132081209910699>

⁴⁷ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/graziausios-kauno-sodybos-seimininkai-svajoja-apie-zydinti-miesta-22528>

⁴⁸ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12644316591262693788>

⁴⁹ <http://whatson.delfi.lt/news/culture/article.php?id=12232286>

⁵⁰ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=11696375631168884517>

⁵¹ <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=4331466>

⁵² <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=13454427>

⁵³ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=11900381791188480756>

⁵⁴ <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=20914369>

⁵⁵ <http://klaipeda.diena.lt/naujienos/ivairenybes/a-stonys-kviecia-prisiminti-vestuviu-tradicijas-187330>

⁵⁶ <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=14599397>

⁵⁷ <http://www.klubas.lt/archive/article.php?id=17905141>

⁵⁸ <http://kauno.diena.lt/naujienos/laisvalaikis/neringoje-sels-folkloro-festivalis-tek-sauluze-ant-maraciu-225130>

⁵⁹ <http://whatson.delfi.lt/archive/article.php?id=10083103>

muzikiniais kūriniais, kūrybinio proceso etapais, naujais atlikėjų sumanymais. Tiek minimiems festivaliams, tiek muzikiniams albumams būdinga baltų mitologijos simbolika. Galima pastebėti ir tai, jog senosios lietuvių religijos terminai vartojami ne tik su senąja archajiška lietuvių kultūra, atliekama muzika, folkloru, bet ir moderniais, naujais projektais, reiškiniais susijusiuose straipsniuose.

Kita plati religinių mitologinių terminų vartojimu pasižyminti tematinė grupė – šventės. Minėtuose šaltiniuose yra straipsnių apie Kūčių nakties burtus, Kalėdų eglutės istoriją, Užgavėnių mitiškumą, Vėlinių tikėjimus, ganiavos pradžia – Jurgines, gamtos žadinimo šventę – Pusiaužiemį, taip pat Motinos dieną, Derliaus šventę ar net Heloviną. Tų straipsnių tikslas yra supažindinti skaitytojus su švenčių kilme ir joms būdingais papročiais. Pristatant šventes, neišvengiamai remiamasi senovės lietuvių tikėjimais ir mitologija, minimi senosios lietuvių religijos ir mitologijos terminai. Nepaisant to, kad Motinos diena, Derliaus šventė, Helovinas – modernių laikų šventės Lietuvoje, aiškinant jų kilme, taip pat ieškoma sąsajų su senovės tradicija. Teigiama, jog Motinos diena, pradėta švęsti XX a. pradžioje, tačiau žinoma dar nuo senų senovės, kai pavasarį mama, gimdytoja, gyvybės nešėja imta tapatinti su žeme, duodančia derlių it vaikus⁶⁰. Primenamas ir senoliams būdingas moteriškųjų dievybių garbinimas. Derliaus diena, Lietuvoje minima nuo 2001-ųjų, priartinama prie senovės šventės tikslu – prisiminti senąją lietuvių mitologiją, padėkoti žemdirbiams ir kaimo žmonėms už gausias gėrybes⁶¹. Straipsnyje „Nuo pietų su vėlėmis iki Halovino“, Halovino šventė kildinama iš keltų ugnies šventės, turinčios nemažai sąsajų su lietuviškosiomis Ilgėmis⁶². Taigi, straipsniai apie šventes pobūdžiu panašūs į muzikinės tematikos straipsnius: per praeities prizmę pažvelgiama tiek į tradicinius, tiek modernius reiškinius.

Nedidelė dalis straipsnių, vienaip ar kitaip susijusių su senosios lietuvių religijos paminėjimu, aprašo įdomias lankytinas vietas. Štai, pavyzdžiui, straipsnis „Velnio duobė tebesaugo savo paslaptį“⁶³ kviečia apsilankyti netoli nuo Trakų rajono Aukštadvario miestelio esančioje Velnio duobėje. Atskleidžiant šios vietos paslaptį, prisimenama *lietuvių mitologija*, taigi vartojamas ir šis terminas. Straipsnyje „Kelionė po baltišką Rusijos žemę“⁶⁴ pasakojama apie L. Vasilevičiaus išpūdzius iš Protvos Galindos, kur galima rasti Dzūkijos atitikmenų, pavyzdžiui – ten kryžiai, prie kurių meldžiamasi ir aukojama, rengiami baltais marškiniais, O Dzūkijoje - apjuosiami prijuostėmis. Minima Protvos Galindos kraštui būdinga žalčio, Perkūno, velnio simbolika, analogiška lietuviškajai. Kalbant apie mūsų protėviams būdingą velnio suvokimą, taip pat pavartojamas *lietuvių mitologijos* terminas. Straipsniuose „Pagonys raganų nebijo“⁶⁵, „Jėgų šaltinis trykšta iš gamtos“⁶⁶ pasakojama apie Žemaitijos centre, netoli Skaudvilės, įkurtą *baltų tikėjimo* šventovę, pavadintą Ožnugario romuva ir jos įkūrėją Kęstutį Juškį.

Terminų senajai lietuvių religijai apibūdinti vartojimas neatsiejamas nuo naujų religinių judėjimų temos. Puikus to pavyzdys - *Delfi* portalo straipsnis atitinkamu pavadinimu „Naujieji religiniai judėjimai: atskirti pelus nuo grūdų“⁶⁷. Čia pristatomos įvairios religinės grupės: Suvienijimo judėjimas, Krišnos sąmonės judėjimas, okultinės praktikos atstovai – parapsichologai, ekstrasensai, bioenergetikai, Jehovos liudytojai, islamo, judaizmo pasekėjai ir, žinoma, neopagoniškasis judėjimas. Pastarojo judėjimo priešakyje, kaip ir daugumoje straipsnių apie pagoniškų tikėjimų gaivinimą, galima išvysti „Romuvos“ religinės bendruomenės pavadinimą. Štai „Kauno dienos“ portalo naujienoje „Dievai gyvena ir internete“⁶⁸ pasakojama apie religines bendruomenes, savo veiklą skelbiančias elektroninėje erdvėje. Senovės baltų tikėjimo

⁶⁰ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=21938438>

⁶¹ <http://kauno.diena.lt/naujienos/lietuva/utena-svencia-derliaus-svente-ir-gimtadieni-141920>

⁶² <http://gatve.delfi.lt/archive/article.php?id=14861168>

⁶³ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=16155355>

⁶⁴ <http://gyvenimas.delfi.lt/archive/print.php?id=26932853>

⁶⁵ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/jegu-saltinis-tryksta-is-gamtos-40211>

⁶⁶ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/pagonys-raganu-nebijo-29260>

⁶⁷ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=7229094>

⁶⁸ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/dievai-gyvena-ir-internete-11762>

bendruomenę čia atstovauja būtent „Romuva“. Ši organizacija dažnai minima ir straipsniuose apie Gedimino kapą su pagonių aukuru, nes prie jo švęsti įvairias šventes susirenka „Romuvos“ nariai⁶⁹.

Straipsniuose apie „Romuvą“ minimas ir vyriausiasis bendrijos krivis J. Trinkūnas arba, atvirkščiai, – straipsniuose, kuriuose pagrindinę poziciją užima J. Trinkūnas, paminima ir „Romuva“ bei jos veiklos pobūdis. Štai straipsnyje „Romuvos krivis: krizė gali atnešti labai daug gero“⁷⁰ nekalbama apie naująją religinę bendruomenę, o pateikiami asmeniniai J. Trinkūno samprotavimai apie ekonominio sunkmečio privalumus, tačiau asmuo pristatomas pavartojant „Romuvos“ ir kartu *senojo lietuvių tikėjimo* terminą. Publikuojami ir gana griežti, kritiški J. Trinkūno pasisakymai tikėjimo tema. Straipsnyje „Romuvos krivis: krikščionybė lietuvius padarė dviveidžius“⁷¹ teigiama, jog krikščionybė teatnešė pavojų visos tautos išlikimui.

Taigi, nemaža straipsnių grupė atspindi senovės lietuvių religijos (kurią dabar atstovauja neopagoniškasis judėjimas) ir krikščionybės konfliktą. Štai *Delfi* portalo straipsnyje „Katalikai neišsileidžia pagoniškų tuoktuvių į Valdovų rūmus“⁷² akivaizdi dviejų tikėjimų priešprieša. Minėtas „Romuvos“ bendruomenės krivis J. Trinkūnas skundžiasi negalintis gauti patalpų senovinėms santuokų apeigoms atlikti dėl įtakingų priešiška nusiteikusių katalikų. Šiuo atveju būtent senasis tikėjimas pateikiamas aukos vietoje. Kitame straipsnyje – „Krikščionybės išbandymai šių dienų Europoje“ liuteronų vyskupas M. Sabutis, katalikų kunigas R. Doveika, evangelikų reformatų kunigas T. Šernas, stačiatikių kunigas V. Mockus pasakoja apie krikščioniškosios kultūros saulėlydį, taigi nuskriaustos aukos vietoje vaizduojama krikščionybė. R. Doveika prilygina senąjį tikėjimą ir jo simboliką (velnio įvaizdį) šiuolaikiniams pseudomoksams (chiromantijai, astrologijai): *Šeimose žmonės atsisako lytiškai santykiuoti, jei kažkas išbūrė, kad sueitis bus nekokybiška, nes ne taip žvaigždės išsidėstė. Žmonės nebepasirašo verslo sutarčių. Grįžtame iš švenčių ir parsinešame raganų, velniukų. Dovanojame juos draugams ir kaimynams, pastatome į garbingiausias vietas: prie židinių, namų prieangyje. Atrodo, greičiau su buldozeriais nuversime Kryžių kalną prie Šiaulių, jei ateityje šis ims žėisti kienu nors religinius jausmus, nei uždarysime Velnų muziejų Kaune*⁷³.

Tiesioginis krikščionių ir senosios religijos atstovų susirėmimas atsispindi J. Vaiškūno straipsnyje „Veliuoną vėl puola kryžiuočiai?“⁷⁴.

Vietomis senąją lietuvių religiją nusakantys terminai pavartojami ironiškame kontekste. Pavyzdžiui, pramoginio pobūdžio O. Lapino straipsnyje „Kaip išlaikyti vyrą?“⁷⁵ senoji pagoniškoji religija ironiškai įvardijama kaip apsiginklavimo priemonė, kurios moteris griebiasi norėdama įrodyti vyrui, jog gali apsieti be jo. Šiuo pobūdžio straipsniuose terminas *pagoniškoji lietuvių religija* atsiduria bendrame sąraše kartu su šamanizmu, raganavimu, Kastaneda ir kitomis praktikomis.

Vaizdingame G. Grajausko straipsnyje „Kiauliašunis“⁷⁶ – panaši situacija. Paminėjęs *Lietuvos mitologijos* terminą, autorius teigia, kad Lietuvoje knibždėte knibžda pagoniškų žynių ir šamanų. Tai esą lenkų tautos požiūris į mūsų žemę.

Ironijos neišvengiama ir aprašant senųjų tradicinių švenčių minėjimo ypatumus. Pavyzdžiui, A. Vaitoškaitės straipsnyje „Tradicinės Užgavėnės Rumšiškėse – girtų lietuvių fiesta“⁷⁷ pašaipiai komentuojamos šventės detalės: nesiliaujantys automobilių garso signalai spūstyje, grūmojančių vairuotojų kumščiai, eisimą reguliuojančių patrulių susireikšminę veidai, susimokėjimas už malonumą patekti vidun, „Lietuviškas“ Užgavėnių meniu, siūlantis šašlykus, dešrainius, kebabus, eilės prie WC, lietuvių gebėjimas net nenusiėmus Užgavėnių kaukių mauti

⁶⁹ <http://whatson.delfi.lt/archive/print.php?id=4381953>

⁷⁰ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=22528976>

⁷¹ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=22404008>

⁷² <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=26870155>

⁷³ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=28099387>

⁷⁴ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=28364089>

⁷⁵ <http://gyvenimas.delfi.lt/archive/print.php?id=13349984>

⁷⁶ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=11748345>

⁷⁷ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=11718966381170774350>

brendį ir t.t. Kriškaitis teigiama, jog šventė glaudžiai susijusi su senovės baltų mitologija ir yra tradicinės kultūros dalis, tačiau tai minėtose šventės detalėse neatsispindi.

Nenuostabu, jog ironijos ar net sarkazmo randama ir straipsniuose apie naujus religinius judėjimus. Pavyzdžiui, V. Troščenkos straipsnyje „Baltų tikėjimas“⁷⁸ aprašomas pokalbis su „ultra modernistiniu jaunuoliu“, išpažįstančiu pagonybę. Straipsnio autorius ironizuodamas siūlo jaunuoliui pasisemti patirties iš kitų tautų, išpažįstančių pagonių tikėjimus. Be patarimo apsilankyti pas jų šamanus ir guru, duodami štai tokie pasiūlymai: *reikia tiksliai sužinoti, kaip šlovinti savo pagoniškus dievus – ar šokti aplink laužą, ar apsinuoginus kratyti ir stūgauti, ar šlovinimo metu reikia kokiais lapais prisidengti ar ir be jų gerai? Taip pat reikėtų pas tikėjimo brolius sužinoti jų ritualinės aprangos subtilybes - kokių palmių lapai geriausiai tinka šventei, kokie geriau tinka ritualiniams šokiams? Taip pat reikėtų žinoti, kur ir kaip auskarus įvėrinėti – kokius į nosį, o kokius – į ausis, bambas, antakius, užpakalius ar dar ten kur nors?.* Senąją religiją išpažįstantis jaunuolis straipsnyje vadinamas *neopagoniuku* arba *infantišku kvailiuku*, o jo palikuonių ateities prognozės štai tokios: *jų vaikai arba anūkai, susėdę aplink laužą, tikrai grauš sumedžiotos lapės kaulus.* Taigi, senasis tikėjimas V. Troščenkos straipsnyje kaip ir anksčiau minėtuose taip pat asocijuojamas su šamanizmu ir įgauna neigiamą atspalvį.

Viena retesnių temų, kurią aptariant paminima senoji lietuvių religija – moteriškumo klausimai, problemos, susijusios su moteriškąja lytimi. Pavyzdžiui, straipsnyje „Kardą dažniausiai pirmas pakelia vyras“⁷⁹, remiantis M. Gimbutiene, prisimenama, jog priešindoeuropietiška baltų mitologijos dievų panteone egzistavo tik moteriškos prigimties deivės, o šiandien Lietuvos politikoje vėl imama „grįžti prie šaknų“ – reitingų lentelių viršūnėse atsiranda būtent moterys. Kitame panašaus pobūdžio O. Lapino straipsnyje „Moterys - motinos, raganos ir deivės“⁸⁰ sprendžiamas motinystės ir asmens realizacijos suderinimo klausimas. Čia vėl prisimenamas matriachato dievybių kultas. O štai straipsnyje „Moterų pavardžių klausimas iškelė gilia, pūliuojančią visuomenės problemą“⁸¹, kuriame kalbama apie dabar plintančias moters pavardes su galūne „-ė“, pateikiamas G. Beresnevičiaus teiginys, jog lietuvių religija buvo panaši į kitas senąsias indoeuropietiškas mitologijas, kuriose vyravo dievų ketveriukė – trys vyriškos lyties dievai ir viena moteris. Taigi, iki krikščionybės laikotarpio moteris buvo garbinama lygiai su vyrais. Moteriškų dievybių garbinimas minimas ir jau minėtame straipsnyje apie Motinos dienos šventę⁸². Čia taip pat pabrėžiama, jog paplitus krikščionybei, moteriškų deivių kultas pasibaigė, tačiau pradėta garbinti Jėzaus motina Marija. Straipsnyje apie moterų pavardes, šis procesas vertinamas neigiamai – esą moterys tapo itin nuolankios ir pasiaukojančios. Nepaisant nedidelių autorių nuomonių skirtumų, šie straipsniai įrodo, jog nagrinėjant moters padėties temą dažnai prisimenama senovės baltų mitologija.

Kai kada senoji lietuvių religija prisimenama ir straipsniuose mirties tema. Pavyzdžiui, *Delfi* portalas straipsnyje „Kunigas: mintys apie mirtį padeda aiškiau vertinti dabartį“⁸³ mirties tema nagrinėjama psichologiniu, religiniu, filosofiniu atžvilgiu. Primenamas anapilio įvaizdis, esą, pasak senosios lietuvių religijos, reiškiantis mirusiųjų karalystę. „Kauno dienos“ portalas straipsnyje „Mirusiųjų karalystėje“⁸⁴ kalbama apie įvairių Lietuvoje gyvenančių tautų skirtingą laidojimo ir kapinių priežiūros kultūrą. Paminimas *pagoniškas tikėjimas*, kurio elementai atsispindi liuteronų-evangelikų kapinių paminkluose. Mirties tema taipogi neatsiejama nuo straipsnio apie Vėlinių šventę⁸⁵, kuriame teigiama, jog, remiantis *lietuvių tikėjimu*, mirštant nuo žmogaus kūno atsiskiria vėlė. Daug mitologinės medžiagos apie mirtį pateikiama straipsnyje „Susidraugavusi su vaiduliais

⁷⁸ <http://www.lrytas.lt/print.asp?data=&k=news&id=12659696261264392205>

⁷⁹ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/karda-dazniausiai-pirmas-pakelia-vyras-21274>

⁸⁰ <http://gyvenimas.delfi.lt/stories/article.php?id=11550226>

⁸¹ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=22036184>

⁸² <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=21938438>

⁸³ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=25234099>

⁸⁴ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/mirusiuju-karalysteje-31606>

⁸⁵ <http://www.delfi.lt/archive/print.php?id=3093856>

ir Giltine⁸⁶, pasakojančiame apie jauną mokslininkę Radvilę Racėnaite, analizuojančią požiūrį į mirtį lietuvių tradicinėje kultūroje.

Pasitaiko ir straipsnių, kuriuose senoji lietuvių religija ir mitologija prisimenama kalbant apie lietuvių etnografiją ir tautosaką. Pavyzdžiui, straipsnyje „Keiksmų lobyno paslaptys“⁸⁷ pasakojama apie mokslų daktaro E. Zaikausko surinktą gausią keiksmų kolekciją – nuo archajiškiausių laikų iki originaliųjų šiuolaikinių keiksmų formuluočių. Straipsnyje „Magiškos žodžių ir skaičių formulės tebeveikia“⁸⁸ skaitytojams pristatomas specifinis lietuvių folkloro žanras – užkalbėjimai, straipsnyje „Gamtos vaistinė atidaryta“⁸⁹ supažindina su lietuvių liaudies medicina – gydymu žolelėmis.

Išvados

Paieškos sistemos *Google*, internetinių naujienų portalų – „Lietuvos rytas“, „Kauno diena“, *Delfi* – paieškos rezultatai parodė, jog internete bei elektroninėje žiniasklaidoje dažniau vartojama senąją lietuvių religiją nusakanti terminija, apibrėžta žodžiais *religija*, *tikėjimas*, rečiau – terminu *mitologija*. Dažniau vartojamas terminas *Lietuvių religija*, nei terminas *Baltų religija*. Pasitaiko ir terminas *Protėvių religija ir mitologija*, nenusakantis etninės priklausomybės – žodis *protėvių* čia atlieka žodelių „senovės“, „senoji (-asis)“, „senoviška (-as)“ sinonimo funkciją. Pastarieji terminuose svarbūs tuo, jog nusako laiką – „senovę“. Kai kuriuose terminuose be šių žodelių nebūtų galima suprasti, jog kalbama būtent apie archajiškus laikus, pavyzdžiui, terminas lietuvių religija be žodžių „senovės“, „senoji“, „senoviška“ reikštų dabartinę vyraujančią religiją – krikščionybę. Rečiausiai „laiką“ nusakantis žodis minimas atitinkamuose terminuose – ikikrikščioniška/-oji (-as/ -asis) religija.

Paieška visame internete rodo, jog apie senąją lietuvių religiją populiariau kalbėti informaciniuose tinklapiuose, mokslinius darbus talpinančiuose, pristatančiuose, parduodančiuose portaluose, įvairaus pobūdžio forumuose, jaunimo bloguose.

Tačiau internetinių naujienų portalai nepasižymi straipsnių, tiesiogiai nagrinėjančių senosios lietuvių religijos temą, gausa. Atitinkami terminai čia minimi įvairiame kontekste – pristatant mitologijos mokslo autorius ir veikalus, įdomius, mitologija besidominčius žmones, kultūros ir meno reiškinius, šventes, lankytinas vietas, religinę problematiką, etnografinį, tautosakinį paveldą, siauresnio pobūdžio temas – moters padėtį visuomenėje, mirties temą ir kitas.

Straipsnių tematinė grupė kartais nulemia ir vartojamą terminą, pavyzdžiui, terminai, kuriuose naudojamas žodis *religija* arba *tikėjimas* dažniau sutinkamas straipsniuose, nagrinėjančiuose religines temas – krikščionybės padėtį ankščiau ir dabar, naujuosius religinius judėjimus, visuomenės religingumą ir pan., tuo tarpu *mitologijos* terminas vartojamas kalbant apie mitologijos mokslą, tyrėjus, aiškinant reiškinius remiantis lietuvių mitologijos žiniomis.

Straipsnių kontekstą akivaizdžiai galima dalinti į dvi grupes – tiesiogiai susijusį su senąja lietuvių religija ir mitologija arba ne. Pirmojo tipo straipsniuose skaitytojams suteikiama informacijos apie senąją lietuvių religiją ir mitologiją, antrojo tipo straipsniuose kalbama beveik nieko bendro su mitologija ar religija neturinčiomis temomis, taigi senoji lietuvių religija ir mitologija atlieka antraeilį vaidmenį, yra tik papildanti detalė. Šio pobūdžio straipsniuose vyrauja platus temų spektras. Išskirtina ir ironiško tipo straipsnių grupė, kur atitinkami terminai vartojamas pašiepiant, jo prasmė iškreipta.

Šaltinių sąrašas

Delfi.lt

Google.lt

Kaunodiena.lt

Lrytas.lt

⁸⁶ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/susidraugavusi-su-vaidualiais-ir-giltine-3402>

⁸⁷ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/keiksmu-lobyno-paslaptys-17694>

⁸⁸ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/menas-ir-pramogos/magiskos-zodziu-ir-skaiciu-formules-tebeveikia-255214>

⁸⁹ <http://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/gamtos-vaistine-atidaryta-48218>

Dalia Senvaitytė, Rasa Gražytė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: cultural anthropology, ancient Baltic religion and mythology.

TERMINOLOGY THAT DEFINES ANCIENT LITHUANIAN RELIGION AND ITS CONTEXT IN THE ELECTRONIC MEDIA OF LITHUANIA

Summary

The article presents the analysis of the information concerning the ancient pre-Christian Lithuanian religion and mythology that is found in the internet. Authors seek to examine the general amount of the information and to study its character in the internet, in common as well as in the most popular internet media separately (from 2008 to 2010). The research pursues to find out the most popular terms that define the ancient Lithuanian religion in the internet and to explore the context of the object. The methods of the content analysis as well as the description and the interpretation are used. It is supposed that the research will help to clarify the construct of the religion that is presented for the internet users. The results show that Lithuanian ancient religion is usually discussed in information portals, commercial portals (selling scientific papers), different forums and blogs of young people. However, portals of internet mass-media do not make a note of abundance concerning the ancient Lithuanian religion. The appropriate terminology usually appears in the context of different topics.

KEY WORDS: ancient Lithuanian religion, media, internet.

Богдан Сюта

*Национальная музыкальная академия Украины им. П. Чайковского, Украина
ул. Генерала Наумова, 19-92, 02140 Киев, Украина.*

Тел.: +38044 573 0897

Эл. почта: bsyuta@list.ru

Научные интересы: современное музыкальное творчество и исполнительство, музыкальная украинистика и полонистика, музыкальный дискурс-анализ, проблемы музыкальной коммуникации, художественной целостности в музыке, парамузыковедение.

ПАРАМУЗЫКАЛЬНОРЕЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье рассмотрены парамузыкальноречевые параметры современного музыкального дискурса, особенности ситуации существования и функционирования интердискурсивности в музыке. Обращено внимание на условия и особенности музыкальной коммуникации, акцентирована эмоциональная окрашенность всех знаковых выразительных средств в музыке. Анализируется специфика музыкального общения, основанного на триаде «композитор – исполнитель – слушатель», а также постоянное уменьшение роли первого из них в процессе коммуникации. Проанализировано соотношение музыкальных и парамузыкальных средств коммуникации, их важнейшие функции, роль конституации в парамузыкальном речевом акте, возможные причины коммуникативных и культурных девиаций. Рассмотрена структура типичных актов музыкальной коммуникации с анализом использования различных парамузыкальноречевых средств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, значение, парамузыкальные средства, конституация, музыкальная коммуникация, общение.

Современный музыкальный дискурс как один из типов коммуникативной умственно-речевой деятельности интериоризируется в виде конкретного коммуникативного события, интерактивного явления. Он может иметь различные формы выражения (устную, письменную либо смешанную) и всегда является последовательностью высказываний.

Очень важным фактором функционирования дискурса является существование известных условий таких высказываний, а также связанный с этим круг избранных стратегий и тактик участников коммуникативного акта, которым собственно и является процесс исполнения и восприятия музыкального произведения. Вне таких условий и «правил» общения дискурс размывается.

Дискурс безусловно влияет на формирование социального мира с помощью продуцированных и потребляемых значений. В музыке, вследствие ограниченной определённости семантики знаков используемого языка, этот процесс до известной степени завуалирован и не столь конкретен. Но и в музыке дискурс исторически и социально обусловлен.

Конечно, всегда нужно принимать во внимание, что одновременно существует целый ряд дискурсов, которые либо находятся на различных иерархических уровнях, либо конкурируют между собой. Это особенно важно при изучении современных условий развития музыки (сегодня реально сосуществуют музыка барокко и классицизма, музыкальные романтика и классицизм, авангард и джаз, поп- и рок-музыка и т. д.). Функционирование различных дискурсов даёт субъекту различные, иногда противоречивые позиции для высказываний. Таким образом, версия реальности, которой придерживается один из участников коммуникации, принципиально не лучше и не хуже какой-либо другой, её можно скорректировать, изменить либо даже полностью отбросить в процессе конкурирования дискурсов как в рамках конкретного вида искусства (в данном случае музыки), так и в социокультурной сфере в целом.

Исходя из сказанного выше, *музыку* можно рассматривать как *один из многих других дискурсов, которым свойственно продуцирование значений особым способом на основании определённых правил* (чаще всего правила определяются избранной научно-творческой парадигмой [См. об этом: (Сюта 2008-В, с. 40-50)]). Таким образом, участник музыкальной коммуникации должен определить, как именно он понимает мир. При этом средний участник музыкальной коммуникации (например, исполнитель или слушатель) хотя и придерживается некоторой избранной им теории, но, в противоположность исследователю, не обязан дистанцироваться от так называемого повседневного взгляда на материал коммуникации. Мало того, последние полстолетия музыкальные дискурсы, репрезентирующие повседневное знание (поп-музыка, музыка настроения, клубная музыка и т. п.), стремятся превратиться в сознании слушателя в равноправные с традиционными академическими музыкальными дискурсами (академическая музыка, духовная музыка, лёгкая музыка и т.п.). Нередко им удаётся занять доминирующую позицию [См.: (Сюта 2007, с. 4-17); (Сюта 2009, с. 19-24)]. Поэтому с каждым годом всё популярнее становятся такие методологические установки, которые создают благоприятные условия для обмена знаниями и значениями между различными дискурсами, в том числе и исключительно музыкальными. В то же время каждый участник музыкального общения стратегически позиционирует себя в известном месте, рассматривая получаемую социокультурную информацию соответственно избранной цели.

Таким образом, участник музыкальной коммуникации репрезентирует отображаемый в звуках мир либо его фрагмент посредством продуцируемых им текстов, которым придаются некоторые значения. И в этом процессе некоторые знаки (звуки, интонации, парамузыкальные и экстрамузыкальные средства) оказываются более привилегированными, чем другие. Нашей задачей является попытка проследить то, каким образом в процессе фиксации значений (чем фактически является дискурс) коммуникантами избираются те или иные привилегированные музыкально-языковые средства и почему избираются именно такие средства.

Каким образом осуществляется типичный акт музыкальной коммуникации? Это стандартная процедура, состоящая из процессов воссоздания текста некоторого музыкального произведения и восприятия этого воссозданного текста. Как правило, произведение сочиняется композитором, который сам исполнителем не является. Поэтому очень важной составляющей музыкального общения является процесс воссоздания и ретрансляции текста исполнителем. Именно исполнительская версия произведения, а она *всегда* более или менее отличается от авторской, становится основой процесса музыкальной коммуникации (эта лема сохраняет свою действенность и для ситуации прослушивания аудиозаписей). Нередки, конечно, случаи совмещения функций композитора и исполнителя в одном лице. Это случается в двух случаях. Во-первых, когда автор сам исполняет ранее написанное им же произведение (либо является одним из исполнителей, например, дирижёром оркестра). И, во-вторых, когда автор, исполняя, одновременно сочиняет это произведение (импровизация). Только в последнем, очень ограниченном по частотности, случае слушатель получает возможность непосредственно воспринимать неизменённый в процессе коммуникации авторский текст. Даже исполнение композитором ранее написанного им же произведения является частичным изменением текста последнего, а в ситуации музыкальной коммуникации исполняющий произведение композитор всё равно будет воспринят в первую очередь как исполнитель, со всеми вытекающими из этого последствиями. Здесь мы имеем дело с простым совмещением функций автора и исполнителя, последняя из которых оказывается доминирующей. Действительно, по большому счёту, слушателю всё равно, кто дирижирует оркестром, исполняющим «Карпатский концерт» М. Скорика – сам автор или иной дирижёр. Слушатель воспринимает информацию, предлагаемую ему *исполнителями*. В каждом конкретном случае он получит лишь одну из версий концерта, вне которых произведение для слушателя вообще не существует.

Существует лишь один возможный случай элиминирования из процесса музыкального общения такого звена как исполнитель. Это «прослушивание» сочинения внутренним слухом по нотам, «про себя». Но и в этом случае слушатель получает лишь одну из версий сочинения, правда виртуальную, реализуемую только в сознании определённого реципиента благодаря активизации ранее усвоенных знаний и полученных впечатлений. Здесь тоже речь идёт о совмещении функций: исполнителя и слушателя. Обе функции реализуются в виртуальном виде. Действенным ограничительным фактором при этом является именно объём ранее усвоенных слуховых впечатлений. При недостатке таковых (например, если речь идёт о совершенно новаторском, авангардном сочинении) воспроизвести произведение по нотам в уме окажется невыполнимым заданием. Что-то похожее имеет место в случае исполнения произведения на каком-то инструменте «для себя». При таком исполнении слушатель выступает одновременно в роли исполнителя. Но в результате он всё равно воспринимает лишь данную конкретную версию исполняемого произведения.

Таким образом, мы видим, что музыкальная коммуникация имеет некоторые особенности реализации, которые делают необходимым привлечение к процессу общения, кроме сугубо музыкально-речевых, также экстрамузыкальных и парамузыкальных языковых средств. Это делается, во-первых, для уточнения дискурсов автора и исполнителя, их согласования и приведения к одному более-менее целому впечатлению. Во-вторых, в силу специфики форм музыкального общения, в каждом конкретном случае необходима конкретизация дискурсивных особенностей предлагаемой версии исполняемого произведения.

Музыкальный язык является достаточным средством выражения музыкального мышления, которое обеспечивает полноценное музыкальное общение. Но, как следует из вышеизложенного, стандартность музыкально-речевых ситуаций, которая возникает на базе общих закономерностей коммуникации, содействует образованию относительно устойчивого взаимодействия некоторых музыкально-речевых образцов с парамузыкальными средствами, которые их сопровождают, и которые являются специфическими для каждого вида музыкального языка (европейская профессиональная музыка, иранская монодия, индийская рага, японская придворная музыка, гамелан и др.) либо для музыкального языка какого-либо вида музыкальной культуры или субкультуры (массовая музыкальная культура, хард-рок, прогрессивный джаз и др.).

Совершенно ясно, что все экстрамузыкальные факторы играют в музыкальном общении вспомогательную роль, музыкальный язык – главную. Но также и каждое проявление речевой активности включает в себя все интра- и экстралингвальные, контекстуальные и конситуативные аспекты [См. об этом: (Колшанский 2008); (Лайонз 2003 с.с. 47-60, 275-359); (Bavelas and Chovil 2000, pp. 163-194); (Slama-Cazacu 1976, pp. 217-227)]. Разделить их практически невозможно.

Сосредоточим своё внимание на парамузыкальном компоненте музыкально-речевой деятельности субъекта. Под *парамузыкальными* (от *пара...*(гр.) – смежный, отклонённый, перемещённый, идущий рядом, и *музыкальный*) понимаем *немузыкально-речевые факторы, сопровождающие музыкально-речевое общение (исполнение и восприятие музыки) и принимающие участие в передаче и приёме музыкальной информации с целью её дополнения и уточнения.*

Экстрамузыкальные факторы, как правило, не включаются в структуру музыкального языка, ведь он в принципе функционирует независимо от внешних факторов (даже тех, с которыми связан генетически). Но когда при условии возможной избыточности музыкального языка некоторая часть имманентно-музыкальных средств изымается из процесса коммуникации, одновременно привлекаются парамузыкальные средства с целью усилить однозначность, усилить эмоциональность музыкальной речи, или акцентировать некую деталь музыкально-речевого акта. То есть в некоторых случаях парамузыкальные средства служат компенсирующим фактором музыкального языка.

Разъединять два типа невербальных языковых средств – музыкальные и парамузыкальные – не имеет смысла (это также невозможно практически). Музыкальная коммуникация осуществляется в процессе обмена, где коммуниканты находятся в пространстве, в котором их тела двигаются, взаимодействуют и осуществляют известную жестикуляцию, а их движения не случайны и наделены определённым значением. Прибавим сюда весь комплекс кинетических и фонических явлений, физиогномику, мимику, конситуацию каждого конкретного коммуникативного акта, его психологический и социокультурный контекст. Следует также заметить, что парамузыкальные средства могут быть осознанными и неосознанными, объективными и субъективными, индивидуальными и социальными, естественными и конвенциализированными, произвольными и непроизвольными.

Кроме того все парамузыкально-речевые средства условно разделяются на две большие группы: те, которые обусловлены самим высказыванием, и те, которые характеризуют эмоциональные и психические состояния [Более детальная систематика парамузыкально-речевых средств изложена в: (Сюта 2008-А, с. 4-42)]. Большинство названных средств используется не только в музыке и обладает возможностью изменять либо уточнять свои значения в зависимости от социокультурного контекста, конситуации, языковых структур, принимающих участие в общении.

С каждым годом дискурсивная панорама музыкального общения усложняется. Почти повсеместно в современной музыкальной коммуникации используются ресурсы интердискурсивности. Сама же коммуникация является довольно сложным интерактивным процессом, развивающимся в не менее сложном социокультурном контексте. Именно поэтому роль парамузыкальных речевых средств в процессе музыкального общения постоянно возрастает.

В отдельных случаях уточнение производимых в процессе коммуникации значений оказывается возможным только благодаря использованию парамузыкальных средств. Это относится не только к общению в границах привычного классически-академического музыкального дискурса, но также и дискурса джазового, лёгкой музыки, массовой культуры, музыки кино и др. Каким же образом используются эти средства?

Так, в условиях привычного филармонического концерта позиция одного из коммуникантов (исполнителя или исполнителей) всегда имеет видимое преимущество относительно другого (слушателя). Но именно от реакции, понимания и оценочного суждения последнего зависит успешность коммуникативного акта (даже если исполняются такие известные произведения как, например, 9-я симфония Л. Бетховена или 12-й, «Революционный» этюд Ф. Шопена). Каким образом осуществляется интерактивная коммуникация между слушателем и исполнителем и каким образом используются в этом процессе парамузыкально-речевые средства?

В интерактивном процессе музыкальной коммуникации происходит одновременный обмен информацией между слушателем (слушателями) и исполнителем (исполнителями) и, наоборот, исполнителями (между собой), слушателями (между собой), исполнителями и, частично, слушателями с композитором-автором произведения, которое исполняется. При этом в роли слушателя (слушателей) могут выступить все без исключения субъекты, которые тем или иным образом причастны к ситуации музыкального общения (например, работники зала филармонии, закрывающие дверь во время вступительного слова лектора, сам лектор, произносящий это слово, мастер по свету, меняющий во время концерта светофильтры на осветительных прожекторах и др.). Все действия, этих субъектов, осуществлённые во время, либо непосредственно до или после исполнения, воспринимаются окружающими как элементы парамузыкального языка. Звуки упавшего на пол театрального бинокля, сдавленного кашля или разворачиваемой где-то в зале конфетной обёртки тоже будут восприняты в аналогичной конситуации таким же образом: все они являются составляющими музыкальной коммуникации.

Позиция сидящих в рядах слушателей тоже не является пассивной до момента начала аплодисментов. Их ответная реакция на исполняемое произведение прекрасно улавливается исполнителем и нужным образом оценивается и тут же учитывается в процессе исполнения музыки. В данной ситуации исполнитель может использовать и музыкальные, и парамузыкальные средства, слушатель – только парамузыкальные. Чаще всего из арсенала парамузыкальных невербальных средств обеими сторонами используются взгляды, мимика, жесты, поза и движения тела. Это самые действенные парамузыкально-речевые средства. Но достаточно действенно воспринимаются также элементы одежды, причёски, запахи, цветовая гамма помещения, мера и способ его освещённости, вербальное общение между собой слушателей, танцевание и подпевание (особенно на концертах рок-музыки). Может иметь место вербальное общение исполнителя (исполнителей) и публики во время акта музыкальной коммуникации (например, фронтмэн рок-группы периодически обращается к собравшимся на стадионе слушателям, чтобы получить от них знаки одобрения – издаваемые массой синхронные крики, топанье ногами, синхронизированные танцевальные движения, просто визжание и т. п.). Джимми Хендрикс, например, использовал для общения во время концертов очень действенное парамузыкальное средство – воспламеняющуюся в руках электрогитару, сэр Элтон Джон – игру на рояле ногами, экзотические костюмы и красочные цветные очки, Элвис Пресли – пожимание рук слушателям и дарение им элементов и украшений своей одежды.

Очень часто парамузыкальное общение предваряет собственно музыкальное, становясь фактически его частью. Случается также практически полная элиминация музыкальной составляющей коммуникации при сохранении ситуации музыкального общения. Вот, например, ситуация начала филармонического концерта. Дверь зала закрылась, слушатели сидят на своих местах. Но на сцене стоят только стулья, пульта, дирижёрский подиум и несколько больших оркестровых инструментов (рояль, арфа, литавры, контрабасы). Освещение зала слегка приглушено. Слушатели ждут начала. Музыкальное общение *уже началось*: всем известна программа концерта, и все представляют, что и как может быть сыграно. Иногда соседи тихо переговариваются между собой. Предметная ситуация и конситуация установлены. Но они могут измениться: в зал вбегают несколько опоздавших слушателей и делают попытку сесть на места, указанные в билетах. Внимание слушателей рассеивается, они возмущены и начинают влиять на опоздавших всеми доступными средствами. Наконец на сцену выходит конферансье. После его слов появляются музыканты и занимают свои места. Начинается предконцертная настройка инструментов. После того, как всё смолкло, из-за кулис выходит дирижёр. Его проход сквозь оркестр к подиуму сопровождают аплодисменты собравшихся. Наконец он становится на подиуме, раскрывает партитуру, берёт в руки дирижёрскую палочку и... стоит, ожидая тишины. И только после ауфтакта дирижёра начинается собственно музыкальная коммуникация. Всё, происходившее в зале до этого, касается парамузыкального общения. Оно имеет смысл только в связи с этим концертом и не имеет никакого смысла вне ожидания исполняемой музыки. Смысл общения не будет утрачен (лишь изменится его результат), если программа по каким-либо причинам будет неполной, либо изменённой, либо совершенно другой. Слушатели всё равно думают об исполняемых (или не исполняемых, но запланированных к исполнению в этот вечер) произведениях, сравнивают их между собой, сравнивают известные им исполнительские версии этих сочинений, предполагают, какой может оказаться данная версия. В их представлении уже развёрнуты некоторые фрагменты пока не услышанных произведений, «прокручены» кадры уже знакомых других выступлений этого коллектива либо этого дирижёра. Активизированы процессы музыкальной дистинкции. Даже если дирижёр, выйдя на сцену, вдруг оповестит всех, что сегодня он выступить не сможет и концерт не состоится, музыкальное общение не исчезнет, а будет продолжено (демонстрация слушателями возмущения и неудовольствия) и доведено до соответствующего завершения (общение на околomuзыкальные темы, так или иначе касающиеся несостоявшегося концерта).

Этот ряд примеров можно продолжать до бесконечности, в чём, собственно, нет необходимости. Но обязательно нужно отметить, что значительная часть знаков парамузыкальной речи не имеет *точно закреплённых* значений. То есть, их значения определены и закреплены в процессе реализации определённой дискурсивной практики лишь в общих чертах и во многом зависят от конституации и других факторов. Так, например, знаком одобрения и поддержки исполнителя на концертах и академической, и джазовой музыки являются аплодисменты. Но при исполнении джаза с этой же целью принято свистеть, орать и топтать ногами, причём даже во время исполнения, что совсем не поощряется и иначе оценивается на филармонических концертах. Приходить в филармонию принято в вечерней одежде, а вот на рок-концерт можно одеться в потёртые шорты с майкой «Polo» и кроссовками «Adidas». Различное значение имеет и передвижение по залу во время исполнения музыки. Одно значение будет фиксироваться, когда по залу следует к своему месту благодарная слушательница, только что вручившая любимому пианисту букет роз, и совершенно другое, когда, не дождавшись нескольких тактов до окончания «Скифской сюиты», сочинённой студентом консерватории С. Прокофьевым, зал филармонии, демонстрируя полное неприятие исполняемой музыки, покидает директор этой же консерватории А. Глазунов.

Конечно же важнейшими средствами парамузыкально-речевого общения являются взгляды, избранная поза, положения и движения тела. Осознанные и неосознанные кивки и движения головы во время исполнения используются музыкантами повсеместно и воспринимаются слушателями должным образом. Так же действенно воспринимаются закрытые глаза и устремлённое вверх лицо исполнителя во время интерпретации очень важных по смыслу фрагментов, прерывистое дыхание, мерные пошатывания корпуса, закусывание губ и т. п. Но, например, закрытые глаза и лёгкое похрапывание лишь одного из слушателей может кардинально изменить течение всего процесса музыкального общения, проходящего в данном зале. Таким же действенным средством парамузыкального общения является вербальная речь, используемая во время исполнения музыкального произведения (или до и после него). Так, например, светский разговор о новых дамских сумочках или о предстоящем разводе известной поп-певицы, ведущийся двумя соседками по ряду во время исполнения симфонии Г. Малера, во-первых, свидетельствует о полной коммуникативной девиации при восприятии симфонии этими слушательницами, и, во-вторых, служит раздражающим либо привлекающим фактором для других участников общения, что, безусловно, отражается на результате общения. Худшим вариантом может оказаться полное переориентирование внимания группы слушателей от музыкальной коммуникации на коммуникацию вербальную. При этом музыкальное общение фактически не прекращается (уши всё равно слышат музыку), но художественный результат его окажется близким к нулевой отметке. А эмоциональное обсуждение в перерыве концерта прослушанной в первом отделении музыки наоборот является продолжением музыкального общения посредством использования наиболее уместных в данном случае парамузыкально-речевых средств (такими средствами в этом контексте являются знаковая система вербального языка совместно с паралингвальными невербальными средствами – активной жестикуляцией, выразительными интонациями голоса и эмоциональной мимикой).

Не нужно думать, что музыканты, выступающие в роли исполнителей, пользуются только средствами собственно музыкального языка. Самым ярким примером использования одним из исполнителей *только* парамузыкальных средств может служить фигура дирижёра. Этот исполнитель-руководитель для организации работы оркестра, хора или ансамбля в качестве парамузыкальных речевых средств использует условный язык жестов (в основном жесты рук), движения тела, мимику, взгляды и движения глаз, а также вербальную речь. В результате реализации его интенций и предстаёт звуковая реализация музыкального произведения.

К парамузыкально-речевым средствам относятся также все виды передвижений исполнителей по сцене (даже выход их на сцену и уход с неё может существенно повлиять

на конечный результат музыкального общения), движения их тел, мимика, жесты, взгляды во время исполнения (вспомним хотя бы такую важную комбинацию жестов, движений и взгляда как кивок лидера ансамбля, дающего знак начинать, или, например, выразительные жесты рук певца-солиста), способы освещения сцены или концертной площадки, причёска музыкантов, одежда и способы её ношения (об этом очень хорошо говорится практически во всех рецензиях на концерты рок-музыки). Немалое значение имеет также психологический настрой исполнителя и его афiliation: исполнение, скажем, простой и весёлой детской песенки с выражением грусти или невыносимого страдания на лице однозначно приведёт к коммуникативной и художественной девиации.

Элементами парамузыкальной речи выступают и мерные движения артистов хора или вокального ансамбля, помогающие синхронизировать исполнение и эмоционально объединить поющих, и вытирание пианистом пота носовичком в перерыве между второй и третьей частями исполняемой сонаты, и непроизвольная улыбка, адресованная скрипачём оркестра своему соседу по дому, замеченному им в одном из первых рядов зала, и потягивание через трубочку коктейля «маргарита» слушателями, сидящими за столиками бара с «живой» джазовой музыкой, и визжание юных фанаток, издаваемое в кульминационных моментах рок-композиции, исполняемой в данный момент их музыкальным кумиром.

К сожалению, парамузыкальные реалии, вес которых в музыкальной коммуникации с каждым годом всё более возрастает, до сих пор остаются практически вне внимания музыковедов, а парамузыкальный язык фрагментарно исследуется в психологии, лингвистике, теории коммуникации, но в музыковедении состояние его изученности более чем недостаточно. Наши работы фактически остаются единственным источником сведений об этой области коммуникативного музыковедения (единичными музыкологическими трудами, затрагивающими некоторые вопросы парамузыковедения, являются исследования профессора музыкологии Шеффилдского университета Мевина Дж. Виллина (Willin 2005, pp. 112-309), ассоциированного профессора Амстердамского университета Вима ван дер Меера (Meer van der 2005, pp. 57-71), которые разрабатывают данную проблематику в русле этномузыкологии, а также работы известнейшего специалиста в области массовой культуры и популярной музыки, профессора Монреальского университета Ф. Тэгга (Tagg 1992, pp. 369-378). Надеемся, что нашим усилиям по привлечению внимания музыковедов к непростой проблематике парамузыкально-речевой коммуникации и средств парамузыкального языка удастся возбудить больший интерес исследователей к затронутым проблемам.

Литература

- КОЛШАНСКИЙ, Г. В., 2008. *Паралингвистика*. Москва: издательство ЛКИ, 96 с.
- ЛАЙОНЗ, Дж., 2003. *Лингвистическая семантика: Введение*. Москва: Языки славянской культуры, 400 с.
- СЮТА, Б., 2007. *Глобалізаційні параметри сучасної музики*. Музыка третього тисячоліття: перспективи і тенденції. Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П. І. Чайковського. Випуск 56, Київ: [без издательства], с. 4-17.
- СЮТА, Б., 2008-А. *Основи парамузикознавства*. Київ: [без издательства], 44 с.;
- СЮТА, Б., 2009. *Особливості реценції академічної музики в умовах глобалізації*. Науковий вісник НМАУ ім. П. І. Чайковського. Вип. 75. Композитор і сучасне соціокультурне середовище. Київ, [без издательства], с. 19-24.
- СЮТА, Б., 2008-В. *Трансформація науково-творчих парадигм у сучасній музиці України як чинник музикознавчої дистинкції*. Музична україністика: сучасний вимір. – Випуск 2. – Збірник наукових статей на пошану доктора мистецтвознавства, професора, члена-кореспондента Академії Мистецтв України Алли Терещенко. – Київ–Івано-Франківськ: [без издательства], с. 40-50.
- BAVELAS, J. V. and CHOVIL, N., 2000. *Visible acts of meaning: an integrated message model of language in face-to-face dialogue*. In: *Journal of Language and Social Psychology*. № 19, pp. 163-194.
- MEER, van der W., 2005. *The Location of Music: Towards a Hybrid Musicology*. In: *Tijdschrift*. № 10., pp. 57-71.

SLAMA-CAZACU, T., 1976. *Nonverbal components in message sequence: "Mixed syntax"*. In: W. C. McCormack & S. A. Wurm (Eds.), *Language and man: Anthropological issues*. The Hague, Mouton, pp. 217-227.

TAGG, PH., 1992. *Towards a Sign Typology of Music*. In: *Secondo convegno europeo di analisi musicale*, ed. R. Dalmonte & M. Baroni. Trento: Univesita degli studi di Trento, pp. 369-378.

WILLIN, J. M., 2005. *Music, Witchcraft and the Paranormal*. Cambridgeshire: Melrose Books, pp. 315.

Bogdan Siuta

National P. Tchaikovsky Musical Academy of Ukraine

Research interests: contemporary music and music performance, musical ukrainistic and polonistic, musical discourse analysis, the problems of musical communication, artistic whole in music, paramusicology.

PARAMUSICAL-LANGUAGE PARAMETERS OF MODERN MUSICAL DISCOURSE

Summary

This article describes paramusical speech options of modern musical discourse, especially in the situation of existence and functioning of interdiscursivity. Attention is paid to the conditions and characteristics of musical communication, accentuated by the emotional coloring of all means of symbolic expression and signs in music. The specific character of musical communication, based on a triad of "composer – performer – listener", as well as a permanent reduction in the role of the first of them in the process of communication is investigated. The paper presents the analysis of the ratio of musical and paramusical means of communication, their most important functions, the role of consituation in paramusical speech event, the possible causes of communicative and cultural deviancy. It touches on the peculiarities of paramusical-language means in the discourse of mass culture. The structure of typical acts of musical communication in terms of mixed syntax with the analysis and most general classification of various paramusical speech means and their socio-cultural conditioning is considered.

KEY WORDS: discourse, meaning, paramusical means, consituation, musical communication, intercourse.

Дарья Тер-Минасова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
пр. Вернадского 76, 119454 Москва, Россия

Тел. +79166074088

Эл. почта: dariter-minasova@mail.ru

Научные интересы: история и культура Великобритании, культурология, межкультурная коммуникация.

ИМИДЖ МОНАРХИИ В КАРИКАТУРЕ

Карикатура является материалом, призванным оказать воздействие на человека и формировать его восприятие действительности. Помимо этого она передает настроение своего времени и потому является значимым источником информации об общественном сознании. Служа своеобразной энциклопедией современности, карикатура быстро и остро выявляет все недостатки, пороки и ошибки, влияет на сознание общества, тем самым формируя актуальный на тот или иной момент времени имидж. Влияя на различные органы восприятия одновременно, карикатуры наглядно объясняют, что менялось в восприятии монархии, а что оставалось неизменным. Карикатура бесспорно является историческим документом, с помощью которого можно восстанавливать и изучать идеи прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карикатура, воздействие, общественное сознание, имидж, монархия

«Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке, всякое сочинение, озаглавленное успехом, подпадает под пародию», – А. С. Пушкин.

Карикатура (итал. caricatura, от caricare – нагружать, преувеличивать) представляет собой намеренно искаженное, пародийное, подчеркнуто комическое изображение лица или события с преувеличением и заострением характерных черт. В карикатуре, являющейся специфической областью проявления комического в изобразительном искусстве, сатира и юмор служат для критики, разоблачения, осмеяния каких-либо социальных, общественно-политических или бытовых явлений. В широком смысле слова под ней понимают всякое изображение, где сознательно создаётся комический эффект, соединяются реальное и фантастическое, делается акцент на черты фигуры, лица, костюма, манеры поведения людей с целью их осмеяния, используются неожиданные сопоставления и уподобления. Важной отличительной чертой карикатурного жанра является необходимость сходства изображения с пародируемым объектом или предметом.

По своей природе карикатура больше всего связана с настоящим моментом, вследствие чего со временем она утрачивает свою актуальность, а порой и понятность. С другой стороны, карикатура, во-первых, является своего рода пропагандистским материалом, призванным оказать воздействие на индивида и формировать его восприятие действительности. Во-вторых, она помимо прочего отражает уже существующее в обществе восприятие и потому является значимым источником информации об общественном сознании.

Нет оснований связывать развитие карикатуры в XVIII веке только с Англией, но именно здесь она расцвела пышнее всего. Здесь художники и журналисты могли относительно свободно высмеивать королевскую семью, чему способствовало отсутствие цензурных условий, с одной стороны, и продолжительное культивирование карикатуры – с другой. Среди самых известных карикатуристов XVIII – XIX веков можно выделить Уильяма Хогарта / William Hogarth, Джеймса Гиллрея / James Gillray, Джорджа Тауншенда / George Townshend и Джорджа Круикшенка / George Cruikshank, чьи карикатуры отличались ясностью и четкостью замысла, а также остротой насмешки, часто доходившей

до грубости. Благодаря их успеху, английская карикатура на много лет стала также образцом для карикатуристов всего мира.

Расцвет карикатуры обычно связан с периодами крупных общественных конфликтов. 1780-1800-е годы, приходящиеся на расцвет этого жанра, были насыщены важнейшими историческими событиями, в число которых входят отделение от Англии американских колоний, промышленный переворот, война Англии с революционной Францией, обострение классово-борьбы. Помимо этого следует учитывать специфику английского общества того времени: во главе государства стоял Георг III, не обладавший почти никакой властью, а фактическим правителем страны был лидер партии Тори премьер-министр Уильям Питт Младший. Бунтарские, порой революционные настроения, волновавшие в то время англичан, находили своеобразный выход в карикатуре, служащей формой протеста.

Неудивительно, что за более чем два века было создано и ежедневно продолжает появляться огромное количество карикатур. В рамках этой работы мы остановимся на тех из них, которые дают наиболее емкое представление об имидже английской монархии.

Итак, первые карикатуры на монархию появились в Великобритании в начале XVIII века, когда во главе английского общества стояла самая непопулярная в народе династия Ганноверов. Одной из первых английских политических карикатур стала гравюра У. Хогарта «Королевская власть, церковь и закон», датируемая 1724 годом, где вместо лиц короля, епископа и судьи изображены следующие неодушевленные предметы – монета, ключи и молоток. Предположительно, таким способом У. Хогарт обличил продажность и жадность королевской власти.

Известно, что в 1820 году один из основоположников английской карикатуры Дж. Круикшенк получил «королевскую взятку» в размере ста фунтов за обещание не изображать Его Величество [короля Георга III] в аморальном виде. В карикатурах других художников того времени обличались порочные пристрастия короля, среди которых пьянство, карты, жадность, праздность и чрезмерное увлечение модой, что противоречило общепринятому имиджу правителя.

Известен лист Гиллрея под названием «Пороки, не предусмотренные в новой прокламации», то есть в королевской прокламации против «изменнических соборщ и вредных писаний» (Некрасова 1935, с. 20). Лист бумаги разделен на четыре части, в каждой из которых представлен один из пороков, незапрещенных прокламацией взамен опасной привычки размышлять, говорить или писать, запрещенной правительством. Все пороки воплощены в образе какого-либо члена королевской семьи. На карикатуре «Скупость» король Георг III и королева Шарлотта нежно обнимают мешки с деньгами. «Пьянство» воплощено в образе завсегдатая всех питейных заведений Лондона наследного принца Уэльского. В «Игре» страстный игрок герцог Йоркский в неистовстве на проигрыш бьет кулаком по столу. «Разврат» запечатлел похождения одного из сыновей короля, герцога Кларенс, известного своими дебошами и скандальными связями

Независимо от конкретной личности, находящейся на троне, народ никогда не переставал смеяться над властью. Цари, короли, императоры, с одной стороны считающиеся заместителями Бога на земле, часто представляли в неприглядном виде, а их поступки высмеивались. В статье „God Save the Pen”, опубликованной в Time International 3 июня 1996, анализируется связь, сложившаяся между английским институтом монархии и художниками-карикатуристами. Автор статьи говорит, что, несмотря на то, что монархи практически бессменно царствуют уже на протяжении нескольких веков, на самом деле у власти находятся карикатуристы. По мнению Кеннета Бэйкера, члена Британского Парламента, «целью карикатуры не является ослабление монархии, а карикатурист всего лишь передает настроение своего времени». Данное утверждение представляется убедительным, потому что карикатура основывается и запечатлевает реальные события и является их следствием. Иначе говоря, она действительно передает общественное мнение о предмете, что представляет большую ценность для исследования имиджа монархии.

Анализ карикатур, сделанных в разные временные промежутки начиная с конца XVIII века, показывает, что наиболее жестко и оскорбительно карикатуристы обходятся с наследниками престола.

Будучи Принцем Уэльским, будущий король Георг IV (1762 - 1830) прослыл заядлым дебоширом, не отказывающим себе ни в каких удовольствиях, а двор обсуждал бесчисленное число его фавориток. Все постыдные и низменные стороны жизни принца нашли свое отражение в карикатурах. Например, карикатура, посвященная будущему королю Георгу IV, состоит из трех частей. Первая часть имитирует парадный портрет принца. Вторая показывает его в разгар утех: заметно потолстевший пьяный принц сидит на коленях у куртизанки в окружении своих друзей. В третьей части разжиревший принц-регент восседает на кровати в окружении множества бутылок. Подпись под этой карикатурой очень лаконична, но и в ней без лишних слов чувствуется крайне отрицательное отношение народа к своему будущему правителю: “Gent, No Gent, Re Gent”! В этой фразе наблюдается игра слов «gent» – сокращенный разговорный вариант слова ‘gentleman’ (джентльмен), “regent”, которое на русский язык переводится как «регент» или «правитель», и “re gent”, где “re” в переводе с латыни значит «относительно». Учитывая раздельное написание фразы “re gent”, можно предположить, что в данном случае имеется в виду значение «относительный джентльмен».

Некоторым монархам удавалось избежать проявления интереса со стороны карикатуристов. Так, вместо мягкого и вежливого короля Георга VI их внимание было направлено на У. Черчилля. Елизавета II, ставшая королевой в 1952 году, была настолько популярна и любима своим народом, что карикатуристы «испытывали благоговейный трепет перед своей королевой» (Time International, 1996) и не решались сделать ее предметом насмешек. Однако к концу XX века отношение к королеве и ее семье стало меняться, что и привело к большому количеству карикатур, появившемуся в английском обществе.

Принимая во внимание, что к жанру сатиры относятся не только карикатуры (невербальный имидж), но и анекдоты (вербальный имидж), нас заинтересовал выбор тем для подобных произведений. Посредством карикатур и анекдотов мы попытались выяснить совпадает ли критика института монархии в этих двух проявлениях одного и того же жанра? В большинстве случаев ответ оказался положительным. Основные темы, которые поднимаются как в карикатуре, так и в анекдоте, можно определить как: королевские браки, заключаемые по политическим причинам с соблюдением всех традиций и религиозных догм, королевские фаворитки, «вечная» монархия.

В последнее время все больше карикатур посвящается теме «вечной» монархии, следствием которой является тот факт, что в некоторых случаях наследным принцам приходится ждать власти слишком долго, в результате чего некоторые становятся монархами, будучи уже в преклонном возрасте. Король Эдуард VII вступил на престол в возрасте шестидесяти лет, принцу Чарльзу уже исполнилось шестьдесят два года, из которых пятьдесят восемь лет он является наследником королевского престола. На одной из карикатур, посвященных этой теме, принц Уэльский пытается стащить свою августейшую мать с трона; Елизавета II, в свою очередь, крепко держится за него со словами «Я никогда не отрекусь от трона!».

Тема разводов в английской королевской семье начала волновать карикатуристов еще в начале XIX века. Одна из наиболее удачных карикатур Дж. Круикшенка датируется 1813 годом, когда принц-регент усиленно думал о разводе, пытаясь найти соответствующий прецедент в истории. В сопровождении археологов принц изучает гробницы своих предков. С правой стороны от будущего короля Георга III вскрыт гроб Генриха VIII. Карлик-ученый предлагает вниманию принца «этого монарха, который никогда не щадил мужчин в своей ненависти и женщин в своей похоти. У него был особый способ разделяться со своими женами, посему его необходимо пристально изучить». С

левой стороны открыта гробница Карла I. Археолог держит в руках отрубленную голову короля. Принц в ужасе отшатывается от этого зрелища.

Карикатуристы также отмечают традицию монархов иметь фавориток и фаворитов. Карикатуры на эту тему достаточно часто появляются в английских печатных изданиях, а также в сети интернет. Считалось, что затянувшийся траур королевы Виктории по своему супругу принцу Альберту мешает королеве исполнять свой долг по отношению к стране. Именно тогда подданным стало известно о любимом слуге королевы Виктории Джоне Брауне. Со временем их отношения стали настолько близкими, что не только в Англии, но и в Европе королеву стали называть «миссис Браун» по имени ее слуги-фаворита. На многочисленных карикатурах того времени верного слугу изображают рядом с Викторией.

Камилла Паркер-Боулз и принц Чарльз также часто становились объектами насмешек со стороны карикатуристов. В 2001 году, еще до бракосочетания принца Чарльза и Камиллы, на первой полосе английского журнала *The Spectator* была опубликована следующая карикатура: молодожены стоят на балконе Букингемского дворца, приветствуя народ. Карикатура явно указывает на существовавшую до недавних пор и нарушенную самим принцем традицию королевского двора, согласно которой особы королевской крови не могли брать в жены разведенных женщин. В случае нарушения этой традиции монарх был вынужден отречься от права наследования трона, что уже однажды произошло в 1936 году с отречением короля Эдуарда VIII, женившегося на разведенной американке Уоллисс Симпсон. Карикатурист изобразил принца Чарльза очень грустным, как если бы он только что совершил необдуманый поступок, о котором теперь раскаивается. Камилла Паркер-Боулз, в свою очередь, запечатлена очень довольной, с широкой американской улыбкой. Таким образом карикатурист стремился передать сходство положения Камиллы с Уоллисс Симпсон и напомнить обществу о том, какое событие имело место в 1936 году. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что эта карикатура осуждает подобное отношение принца к многовековым традициям своего королевства и не способствует укреплению положительного имиджа монархии. Это явление обсуждается во многих других карикатурах. На одной из них принц Чарльз заявляет, что, несмотря ни на какие обстоятельства, он женится на Камилле. Однако, после намека Елизаветы II, что из принца Эндрю тоже выйдет неплохой король, Чарльз отказывается от своих первоначальных намерений. Безусловно, карикатуристы живо отреагировали на свадьбу принца Чарльза и Камиллы Паркер Боулз, состоявшуюся 9 апреля 2005 года, представив ее в виде реалити-шоу.

В современных карикатурах монархия все чаще рассматривается как некий выдуманный нереальный мир. В связи с тем, что в последнее время в английском обществе возникает вопрос о целесообразности монархии, представляет интерес карикатура, появившаяся в издании «Монархия или Республика?» На ней изображены двое туристов, идущих вдоль ограды Букингемского дворца. Они с удивлением узнают, что дворец сменил свое название на «Королевский тематический парк», а вывеска «Букингемский дворец» выброшена в мусорный бак. Смысл этой карикатуры наилучшим образом может быть прокомментирован цитатой из романа Дж. Барнса «Англия, Англия»: «Два года назад некая группа компаний, работающих в сфере досуга, открыла на острове неподалеку от южного побережья Англии новый суперкомплекс... Букингемский дворец в классический весенний день... Решетку осаждают толпа взволнованных зевак, надеющихся хоть одним глазком увидеть Короля и Королеву Великобритании. Ровно в 11 утра распахиваются высокие балконные окна с двойными стеклами, и появляются всеобщие любимцы – монаршая чета. Их величества, улыбаясь, машут толпе. Стекла содрогаются от торжественного залпа десяти ружей. Гвардейцы берут на караул, фотоаппараты бешено щелкают, как старомодные турникеты в метро. Спустя четверть часа, ровно в 11.15, высокие окна вновь закрываются до следующего дня. Однако реальность здесь неуловимо разбавлена иллюзией. Толпы и фотоаппараты – настоящие... Зато ... Букингемский дворец – копия в половинную величину, а оружейный салют оцифрован и воспроизведен электронными

устройствами. По слухам, даже их величества не подлинные, ибо контракт, подписанный ими два года назад с группой «Питко», ... освобождает их от этого ежедневного ритуала. Наши источники в «Питко» подтверждают наличие в контракте с монархами статьи о «сачковании», заверяя, однако, что король и королева не склонны отказываться от гонораров, которые полагаются за каждое появление в окне. Итак, балаган?» (Барнс 2002, с. 235)

Показателен карикатурный имидж современной монархии. В период обострения ситуации внутри королевской семьи, снижения популярности королевы Елизаветы II и, как следствие, возникновения вопроса о целесообразности института монархии в традиционной форме появилась следующая карикатура на Елизавету II. Королева в короне, горностаевой мантии, со скипетром и державой в руках с невозмутимым видом едет на велосипеде по улицам Лондона. Подпись звучит следующим образом: «Рано или поздно это должно было произойти. Теперь и у нас есть «велосипедная монархия!»» Начиная с 1992 года, возможность изменения монархии на менее традиционный скандинавский тип бурно обсуждалась в обществе. По материалам социологических опросов 1997 года, на вопрос «какой вы бы хотели видеть английскую монархию» многие респонденты выбрали ответ «как в Голландии» («велосипедная монархия»), где монархи ведут обычную повседневную жизнь.

В 1995 году, в год развода принца Чарльза и принцессы Дианы, появилась карикатура, напоминающая о способе короля Генриха VIII расправляться с неудобными ему женами. Как известно, две из них были казнены по его приказу. Карикатура воспроизводит сцену из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и обыгрывает выражение «Off with her head» (Отрубить ей голову). В новом варианте оно звучит как «Orff with her ring!» (Снять с нее <обручальное> кольцо). В тот же год журнал Private Eye помещает на первую полосу коллаж фотографии с достаточно жестким подтекстом: Елизавета II, целясь из автомата, говорит принцу Чарльзу, что ей кажется, что для решения проблемы, появившейся во взаимоотношениях между Чарльзом и Дианой, развод не понадобится. Принимая во внимание, что впоследствии одной из неофициальных версий смерти принцессы Дианы был заказ Букингемского дворца, можно провести параллель между подписью к карикатуре «Orff with her ring», репликой в коллаже „I don't think a divorce will be necessary”, реальными событиями, имевшими место в период с 1992 по 1997 год и отношением английского общества ко всему происходящему.

Позже, во время скандала с другой невесткой Елизаветы II, Софи Риз-Джонс, в Daily Mail появляется карикатура на известную не только на Западе, но и в России игру «Слабое звено». Уже в самом названии игры можно почувствовать отношение двора к происходящему. На карикатуре ведущая (Елизавета II) провожает выбывающего игрока (Софи) со словами: «Вы – самое слабое звено, прощайте». В «игре» принимают участие королева-мать, принц Чарльз, принц Филипп, принцесса Анна и принц Эдвард. За спиной Софи стоят два хранителя Тауэра, чтобы предположительно отвести ее в эту крепость, некогда служившую тюрьмой, где, помимо прочих, содержались и особы королевской крови.

Подводя итоги вышесказанного, хочется заметить, что карикатура служит своеобразной энциклопедией современности. От карикатуристов не укрывается ни один из аспектов жизни королевской семьи. Она быстро и остро выявляет все недостатки, пороки и ошибки монархов, влияет на сознание общества, тем самым формируя актуальный на тот или иной момент времени имидж института монархии. Собранные воедино, карикатуры объясняют, что менялось в восприятии монархии, а что оставалось неизменным. Карикатура, в особенности политическая, бесспорно является историческим документом, с помощью которого можно восстанавливать и изучать идеи прошлого.

В отношении Британской монархии карикатуры помогают увидеть, что жадность, скупость, различные пороки во все времена присущи членам королевской фамилии. Основными объектами для нападок карикатуристов на протяжении двух веков непременно

становятся наследные принцы, что указывает на их непопулярность у народа. Особой темой остаются фавориты монархов. Причем в конце XX начале XXI веков карикатуры на эту тему становятся более жесткими, следовательно, и имидж монархии становится менее позитивным. После длительного перерыва карикатуристы нарушили негласное правило не изображать королеву Елизавету II, что повлекло за собой всплеск карикатур на действующего монарха, что тоже свидетельствует о появлении негативного неконтролируемого имиджа. В связи с тем, что цель карикатуры – передать настроение своего времени, видно, что на имидж британской монархии крайне негативно влияют события, происходящие в королевской семье с середины XX века и по настоящее время. Не смотря на то, что именно англичане вошли в историю как хранители и почитатели своих традиций, среди которых монархия занимает лидирующее место, в конце XX века все чаще стали звучать призывы модернизировать монархию.

Литература

- БАРНС, Д., 2002. *Англия, Англия*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
- НЕКРАСОВА, Е., 1935. *Очерки по истории английской карикатуры конца XVIII и начала XIX веков*. Ленинград: государственное издательство изобразительных искусств.
- Новый словарь иностранных слов*. 2003. Москва: Азбуковник.
- ШЕСТАКОВ, В. П., 2004. *Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры*. Москва: РГГУ.
- DONNELLAN, C., ed., 1998. *Monarchy or Republic?* Cambridge: Educational Publishers
- Time International*, 1996. God Save the Pen, June 3.

Daria Ter-Minasova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Research interests: culture studies, history and culture of Great Britain, intercultural relations

IMAGE OF THE MONARCHY AS PRESENTED IN CARTOONS

Summary

There is an opinion that together with mass media it is the cartoons that rule the world and win the attention and trust of the public. The aim of cartoons is to make an impact on a person and form his perception of reality. They reflect the mood of the time thus becoming one of the most powerful sources of information about public opinion. An encyclopedia of 'today', always connected to a certain event, cartoons in a quick and sharp way reveal every drawback, affect people's minds and form an up-to-date image of the institute in question. Humour and satire consciously criticize, mock and disclose any social, political or everyday life events. Affecting various senses simultaneously, cartoons vividly explain what remained the same and what changed in the attitude to the monarchy in British society. Taking into account the importance of resembling the object/event in question, cartoons, especially political ones, are to be viewed as a mirror, a historical document which can help in studying and analyzing the past.

KEY WORDS: cartoons, impact, public opinion, image, monarchy

Дмитрий Тихазе

Российский университет дружбы народов, Россия

ул. Миклухо-Маклая 6, 117198 Москва, Россия

Тел.: + 7 (495) 433-20-22

Эл. почта: megaelvis@yandex.ru

Научные интересы: социология традиционных обществ, социология языка, социология потребления

ТАТУИРОВКА КАК ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА: ОПЫТ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В данной работе сделана попытка представить татуировку в качестве языковой системы. Предпринята попытка выделения различных составляющих языка татуировки и установления основных правил их сочетаемости. Татуировка представлена в качестве дисплея с различными возможностями прочтения. При рассмотрении татуировки как долговременного дисплея отмечено, что татуировка выступает фактом, модифицирующим общение, что проиллюстрировано примером русских тюремных татуировок, несущих определенную информацию об их обладателях. Примеры тюремных татуировок иллюстрируют тот факт, что мировоззрение людей, пользующихся этим языком, напрямую связано с принятым в их среде тату-языком. В России советская тюремная татуировка теряет былую актуальность вследствие произошедших социально-политических изменений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татуировка, семиотика, язык, тело, культура, тюрьма.

Принцип уровневой организации языка татуировки

Язык татуировки, как и естественный язык, это модель иерархии: большее включает меньшее как составную часть, меньшее проявляет свои функции в большем. Тату-язык может быть представлен как имеющий уровневую структуру.

«В живописи, как и в словесном языке, можно выделить единицы первого членения, носители значений, которые могут быть уподоблены монемам, а на втором уровне членения выделяются эквиваленты фонем – формы и цвета, носители дифференциальных признаков, лишенные собственного значения» (Эко 1998, с. 146). Вероятно, в языке тату, так же как в естественном языке, минимальной единицей следует считать фонему/графему (зд. графему), однако, в отличие от естественного языка, мы не можем разделить уровни морфем и графем из-за общей специфичности языка тату. Уровень графем в языке тату включает в себя первоначальные линии, штрихи и т. д., и они должны быть единицами однолинейными (т. е. единицами, данными лишь в выражении), и над ними по иерархии должны будут идти более сложные, данные как в плане выражения, так и в плане содержания.

Здесь возникает определенное противоречие, так как в принципе именно на уровне графем в тату-языке определяется стилистическое своеобразие (жанр, направление) будущего рисунка-знака на теле человека. В естественном языке подобное не наблюдается, т. е., написав одну букву или половину иероглифа, мы не сможем сказать, к какому стилю и жанру будет относиться будущее произведение. В татуировке толщина и цвета линии уже есть определенное выражение. Здесь целое, а именно, «мундир из татуировок» (Балдаев Д. 2006), находится в очень тесной зависимости с его частями (составляющими). Мундир как целое почти постоянно скрыт, в повседневной жизни мы видим лишь какие-то его составляющие на открытых участках тела. Если под «целым» мы подразумеваем «любой класс, набор или совокупность элементов», то «часть» может означать «либо любой подходящий подкласс исходного множества, либо любой элемент этого множества» (Якобсон 1985, с. 301). Любой даже самый незначительный элемент татуировки – это уже ее определенное выражение, нам достаточно увидеть хотя бы часть татуировки, и этого будет вполне достаточно для того, чтобы понять, что перед нами, не вдаваясь в стилистические особенности и сами символы.

Как было отмечено ранее, сам цвет и толщина линии нанесения татуировки уже могут дать информацию о ее происхождении (зеленый цвет и толстая расплывчатая линия – армия, тюрьма, непрофессиональная кустарная работа; четкая линия, насыщенные разнообразные цвета – профессиональная работа, не имеющая отношения ни к армии, ни к тюрьме). В тату-языке – особенно ярко это видно на примере тюремных татуировок – действует механизм коммутации, то есть все наносимые на тело знаки подчинены определенным правилам, и со сменой одного элемента языковой формы меняется и значение другого элемента.

Символы и их значения в тюремной татуировке, как правило, не нарушают определенную логическую структуру и не выходят за рамки принятых значений. Сочетаются знаки, которые находятся и приняты в этой системе, они также зависимы в своем употреблении от соглашения между их пользователями.

Тату-язык, как и все остальные языки, существует на пересечении синтагматической и парадигматической осей, которые графически обычно изображают как взаимно перпендикулярные: парадигматика – вертикальная стрела вниз, синтагматика – горизонтальная стрела слева направо.

Специфика бытования единиц языка тату на синтагматической оси состоит в том, что рисунок на тело наносится один за другим на протяжении жизни, то есть человек в условиях тюремного заключения не может просто так покрыть себя с ног до головы татуировками – это процесс постепенный и длящийся иногда всю жизнь. Татуировка начинается с определенных мест на теле (рук, плеч) и в дальнейшем разрастается в конгломераты, заполняя собой все новые участки человеческого тела. Места и порядок нанесения подчинены определенным правилам и законам. То, какие символы по их статусно-биографическому значению выбирают при нанесении, относится к парадигматической оси.

Для контроля над правилами сочетаемости становится необходимым привлечение диспетчера в лице человека, обладающего культурной компетентностью, который бы производил селекцию не/сочетаемых знаков.

Чтение татуировки

Чтение татуировки – весьма неоднозначный процесс, ведь сама татуировка при ее демонстрации на открытых участках тела подразумевает визуальный контакт с ней широкого круга читателей. Многоуровневость текста татуировки и то, что с ним взаимодействует ряд читателей, приводит к тому, что может считываться один или несколько слоев смыслов. К примеру, на груди у определенного субъекта можно увидеть татуировку, изображающую восьмиконечную звезду и мордочку кота в центре, что означает принадлежность к высшей тюремной иерархии и читается как «коренной обитатель тюрьмы». Для простого обывателя этот кот может означать что угодно: от членства в клубе любителей кошек до индивидуальных особенностей характера данного субъекта, и здесь он начинает играть роль своеобразного лже-адресата, который пусть и неадекватно, но все-таки трактует увиденное.

Сам акт рассматривания татуировки на теле и попытки декодировки – это уже своего рода удовольствие, так как специфика изображения призвана провоцировать повышенное внимание, а также является инструментом вызова и эпатажа. Также важно отметить, что внимание к татуировке гарантируется тем, что в ней (в большинстве случаев) отражается наиболее важная информация (своего рода авторитетность источника) из-за специфики (болевого) нанесения и конечности «холста»-тела.

Смысл неизбежно окажется различным: а) для самого действующего лица; б) для взаимодействующего с ним партнера, с которым он имеет общий набор целей и релевантностей; в) для наблюдателя, не включенного в это отношение (Щюц 1988).

Весьма сложным также видится разделение в языке тату синтагматического и лексического уровней. Многое здесь зависит от расположения на теле и стилистических связей, и лучше всего опять же иллюстрируется языком тюремных татуировок. И вообще, как определить границы между различными синтагмами? Синтагмы образуются конгломератами символов на теле, и границы этих своеобразных высказываний проще всего очерчиваются нетронутыми участками кожи. К примеру, можно представить себе две синтагмы: условно,

татуировки, нанесенные на спину и руку, между собой имеют пространственные границы в виде нетронутой кожи, а их дополнение и расширение реализуется путем присоединения к ним новых единиц. Это представляет собой определенную модель сочетаемости единиц тату-языка; важно отметить, что в синтагматические отношения могут вступать отнюдь не любые единицы языка, но лишь единицы относительно одинаковой степени сложности (относительно одноуровневые единицы). Так, например, в линейной последовательности графемы не сочетаются со словами, но только с другими графемами, слова сочетаются только с другими словами, но не с предложениями и не со словосочетаниями.

От "тату-речи" к "тату-языку": синтагматические цепочки У. Эко

В связи со сложностью уровневой структуры языка тату мы можем сослаться на тезис У. Эко: «Небезопасная склонность объявлять “необъяснимым” все то, что не поддается моментальному объяснению общепринятым способом, привела к забавной ситуации, некоторые системы коммуникации не признаются языком на том основании, что у них нет двойного членения, конституирующего словесный язык. Факт существования более слабых, чем словесный язык, кодов убедил некоторых, что это не коды, а факт существования целых блоков означаемых, например, тех, что соответствуют иконическим изображениям, побудил принять два противоположных решения с одной стороны, отказать им как не поддающимся анализу в принадлежности знакам, с другой, попытаться во что бы то ни стало отыскать в них тот же тип членения, что и в словесном языке» (Эко 1998, с. 145).

Можно рассмотреть специфические примеры в языке тюремных татуировок, например, представить каждый отдельный мундир из татуировок как своеобразный код, который, в свою очередь, подчиняется специфическому пракоду, принятому в этой языковой системе и обслуживающий конкретно ее. К примеру, неприемлемо применять пракод тюремных татуировок на традиционные японские или суперновые течения типа биомеханического направления в тату.

Уместным здесь будет провести рассмотрение языка тюремных тату сквозь призму примера с французской колодой из пятидесяти трех карт У. Эко, только роль карт у нас будут выполнять знаки-элементы тату-языка, и их, естественно, больше, чем 52 карты плюс джокер; и использовать их все на теле человека не представляется возможным, даже исходя из статусно-биографических норм сочетания. И естественно, что с их помощью мы не наносим один и тот же определенный мундир. Их комбинаторные возможности исчерпываются кодом, использованным в этом конкретном мундире, который, вообще-то говоря, является субкодом, позволяющим создать неограниченное количество этих своеобразных статусно-биографических мундиров.

Другой субкод, перестраивающий артикуляцию элементов, складывающихся из отдельных знаков-символов, позволяет им образовывать новые комбинации с иными значениями, т. е. новые статусно-биографические тату-мундиры. Очевидно, что код того или иного мундира из татуировок (мундир условно авторитетного уголовника или так называемого опущенного) использует только некоторые возможные комбинации знаков-символов, и ошибся бы тот, кто счел бы, что этим кодом исчерпываются комбинаторные возможности всех принятых в тату-языке знаков-символов. И действительно, совокупность знаков-символов уже есть результат членения, выбора в континууме позициональных значений – так это и со звуками звукоряда. И конечно, на основе этого кода могут быть образованы разнообразные субкоды. Также очевидно, что существуют различные мундиры, нуждающиеся в разном количестве «карт в колоде» – одни символы и правила комбинации для одной социальной группы, другие – для другой.

«Кроме того, в зависимости от типа игры некоторые карты изымаются как лишние оппозиционального значения, например, при игре в покер от двоек до шестерок Тарокки, напротив, увеличивают колоду за счет “kozyрей”» (Эко 1998, с. 147). Так и в языке тюремных татуировок для мундиров каждой социальной группы заключенных из общего количества символов изымаются или добавляются свои карты. Например, перстень с крестом – воровской крест, перстень с короной – знак авторитета, перстень с полностью закрашенным

прямоугольником – отсидел полный срок; различного рода «погоны», т. е. татуировки, наносимые на плечи, которые свидетельствуют о принадлежности к авторитетам; различные «звезды», наносимые на грудь, в центре которых мы можем видеть свастику, что будет означать принадлежность к группе заключенных-блатных, придерживающихся воровских обычаев, не соблюдающих правила внутреннего распорядка и режим содержания. Или, к примеру, звезда, в центре которой располагается изображение Николая Второго, читаемая как «За Русь святую, единую и неделимую! Да здравствует монархия!», свидетельствует о политической ориентации ее носителя. Вышеописанные примеры-значения в определенной ситуации и выступают в роли этих самых козырей, если мы играем в тюремных авторитетов, а для игры в условно «опущенных» мы уберем эти «козыри» и сократим общее количество знаков-символов до подходящего для нашей «игры».

«Главный код всех карточных игр представляет собой комбинаторную матрицу (набор возможных комбинаций), описываемую и изучаемую теорией игр (и не мешало бы музыковедам заняться изучением комбинаторных матриц, порождающих различные системы...)» (Эко 1998, с. 148) – то же самое и в языке тюремных татуировок, комбинаторные особенности которых изучались в основном криминалистами.

Помимо всего прочего, пример с картами сталкивает нас с весьма важной для нашего исследования проблемой. Есть ли у карточного кода и тату-кода двойное членение? Лексикод определенного тату-мундира образуется путем приписывания значения определенному расположению татуировок на теле (три туза разной масти значат «трис», четыре – «покер»), к примеру, так называемые «перстни», татуировки на пальцах рук заключенных с нанесенными на них шестью точками – «шестерка», в сочетании, к примеру, с перевернутым и полностью закрашенным внутри ромбом будет означать, что перед нами «опущенный», испытывающий на себе сексуальное насилие со стороны сокамерников, а две шестиконечные звезды на груди заключенного будут означать «блатной». Эти комбинации вполне могут сойти за полноправные «слова», тогда как отдельные знаки-символы окажутся единицами второго членения.

Знаковая система языка тюремных татуировок и ее роль нормативно-иерархического регулятора

Знаковая система русских тюремных татуировок была чрезвычайно сложной отчасти в силу присущей ее единицам полисемии. При этом охватываемый (или выхватываемый) массивом единиц языка тюремной татуировки фрагмент окружающего мира или образуемое совокупностью его знаков семантическое поле весьма специфичны.

Означаемые этих тату-знаков не поддаются прямому соотношению с привычными западными категориями, зафиксированными в татуировках. И в самом деле, советский тюремный мир был отделён от западной системы ценностей. Спрос на то или иное изображение или шаблон, может рассматриваться как мера ценности татуировки, если под «ценностью» понимать просто популярность.

Говоря о тюремных татуировках, мы имеем дело не столько с фиксированием определенных фактов и событий и сообщением их окружающим, а скорее с определенным руководством к действию и координацией взаимодействия. Важно также отметить, что здесь важную роль начинают играть специфические особенности и правила, принятые в данной семиотической системе, и нанесение татуировки не становится исключением, а подчиняется структуре «конститутивных правил», благодаря которым и возможно приписывание тех или иных свойств различным изображениям и дальнейшее регулирование взаимодействия. «Конститутивное правило делает, в понимании Серля, возможным коллективное (посредством коллективной интенциональности) присвоение некоторой функции Y объекту X, функции, выполнимой в ситуации C; при этом предполагается, что объект X в силу своей физической природы функции Y имплицитно не предусматривает. Тем самым объект X получает новый, знаково-символический статус» (Шмерлина 2005, с. 37).

В контексте исследования татуировки уместным будет привести ряд заключений Т. Томаса по вопросам распространения информации в тоталитарных обществах. Например,

тоталитарное общество обладало достаточно определенной моделью мира. И поскольку единственным источником информации было государство, эта модель мира ни с кем не вступала в конкурентные отношения. Любые другие сообщения не могли иметь того же уровня и возможностей распространения, что и исходящие из государственных источников (тоталитаризм в государстве = тоталитаризм в татуировке).

«Как нам представляется, термин «информационное превосходство» должен быть заменен на набор более детальных вариантов, характеризующих информационное взаимодействие. В их числе могут быть названы следующие типы:

- информационное доминирование, представляющее собой действия по недопущению использования информационного пространства противником/оппонентом. Собственно говоря, именно так действовал и бывший Советский Союз в своем внутреннем информационном пространстве, когда существовала только официальная точка зрения на все события;

- информационное давление, которое направлено на то, чтобы вынудить противника/оппонента на те или иные действия;

- информационное торможение, или действия по приостановлению распространения нежелательной информации;

- информационное ускорение, или действия по увеличению скорости распространения нужной информации, охвата все более широкой аудитории» (Почепцов 2001, [http](http://)).

Здесь сразу возникает аналогия как с тюремными, так и субкультурными татуировками из-за общей направленности на противодействие (ведение своего рода партизанской войны) государству. Татуировка в этом случае есть своего рода рекламное сообщение (перманентная агитационная листовка), призванное передать определенную информацию одним, а у других вызвать интерес и множество интерпретаций.

Тюремная татуировка всегда представляла собой актуальный вызов существующей власти, метод информационной борьбы, а главное, представляла собой ключевой элемент тоталитарной иерархии властвующих «элит». Тюремная татуировка, в силу ряда особенностей, представляет собой фильтр и гарантию того, что ее не смогут нанести люди, не обладающие соответствующими качествами, она надежно отсекает «элиты» от «не-элит».

Трансформация и отмирание института тюремной татуировки

Татуировка являлась важным элементом нормативной регуляции внутри определенного общества (тюремного), но, будучи помещенной в другие социальные условия и будучи долговременным дисплеем, начинала играть абсолютно иную роль в сознании новых адресатов.

Сама специфика нанесения татуировки является доказательством лояльности ее обладателя к определенной группе, системе статусов и ролей внутри нее, так как словесное утверждение или, наоборот, опровержение своей принадлежности – это одно, а совсем другое – письменное, обладающее большей степенью авторитетности (выстраданности), и именно из-за этой подчеркнутой лояльности к одной группе возникают противоречия и недоверие при попытке адаптации и интеграции в другие. Она становится меткой инициации, которая уже пройдена и не оставляет пути назад к доинициативному состоянию. Тюремная татуировка, будучи увиденной, может перечеркнуть все попытки интегрироваться в новую социальную систему.

Так что же явилось причиной столь резкой и стремительной гибели языка советских тюремных татуировок? Главный фактор – вызов прежней семиотической реальности с абсолютно иной стороны – людей, уже имеющих татуировки до заключения, что было невозможно при советской власти и стало возможным с начала 1990-х годов. Еще один немаловажный фактор – это пропагандистский аспект тюремных татуировок, которые за редким исключением представляли собой материал критикующий, уничижающий существующий режим и политический строй, если мы говорим о единицах тату-языка, то

большинство из них несли на себе фольклорно-сатирический отпечаток. Советская тюремная татуировка представляла собой своего рода переплетение форм и значений. С одной стороны, это иерархические знаки отличия, с другой – сатирическая и провокационная карикатура на существующий режим. Последняя, в свою очередь, также работает на усиление впечатления от знаков иерархического отличия из-за постоянного вызова власти и режиму, который исходит как из действий, так и визуально от представителей «криминальной элиты».

Смена политического режима полностью свела на нет актуальность и значение подавляющего числа советских тюремных татуировок именно из-за сатирической направленности большинства из них. Полная смена всей атрибутики власти (герб, флаг и т. д.) нанесла сокрушительный удар по весьма закостенелой и консервативной системе тюремных татуировок, которые, будучи всегда в оппозиции к любой власти (советской), стали актуальны и даже в определенной мере угодны власти новой России. Так, романовский орел (весьма частая тема для татуировок т. н. воров в законе) стал не вызовом, а декларацией существующей власти. Широко распространенная религиозная тематика, которая подчеркивала оппозицию к массово насаждаемой в советском обществе атеистической парадигме, также из вызова превратилась в декларацию ценностей новой власти.

«Социетальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация. Так, семейные ячейки, деловые фирмы, церкви, правительственные учреждения, учебные заведения и т. п. отделены друг от друга. А каждый такой тип коллектива состоит из множества конкретных коллективов, например из множества семей, каждая из которых насчитывает несколько человек, и из многих локальных сообществ» (Парсонс 1998, [http](http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/parsons.htm)). Тюремная же составляющая и любые связи с ней полностью выпадают из этой «благополучной» системы, являясь фактором угрозы и риска. Здесь также важно сказать о различных культурах коммуникации и противоречиях, возникающих при их столкновении, когда коммуникативная функция некоторых элементов (татуировка) для успешной коммуникации должна быть скрыта и искусственно замкнута.

Определенную роль сыграло и быстрое распространение на постсоветском пространстве ВИЧ, риск заражения которым огромен при нанесении татуировки в тюремных условиях в отсутствие элементарных норм гигиены. Нельзя не упомянуть и тот факт, что с конца восьмидесятых годов смягчились меры наказания по очень многим статьям, а главное, возросла степень социальной мобильности: если раньше почти для всех, кто находился в заключении, дороги к нормальной работе и качественной жизни были закрыты и формировался своего рода образ жизни с весьма стереотипным сценарием, то с начала 1990-х годов многие люди, попавшие в места заключения, уже не хотели нести на себе какой-либо «визуальный отпечаток», свидетельствующий о принадлежности к бывшим заключенным.

Литература

БАЛДАЕВ, Д. С., 2006 *.Татуировки заключенных: скопированные и собранные ветераном МВД СССР Балдаевым Д. С. с 1948 по 2000 г.* Санкт-Петербург: Лимбус Пресс.

ПАРСОНС, Т., 1998. Системы действия и социальные системы. *Социология: классические и современные парадигмы*. Хрестоматия. Сост. С. А. Кравченко, М. О. Мнацаканян. М.: АНКЦИЛ, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/parsons.htm>.

ПОЧЕПЦОВ, Г. Г., 2001. *Теория коммуникации*. Москва: Рефл-бук, [Электронный ресурс]. URL: http://www.polbu.ru/pochepcov_communications/ch08_all.html.

ШМЕРЛИНА, И. А., 2005 «Натуралистический подход» Дж. Серля к проблеме институциональной реальности. *Социологический журнал*, № 2, с. 37-67.

ЩЮЦ, А., 1988. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*, № 2, с. 129-137.

ЭКО, У., 1998. Отсутствующая структура. *Введение в семиологию*. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис»,

ЯКОБСОН, Р., 1985. Избранные работы. Москва: Прогресс.

Dmitry Tikhaze

Peoples' Friendship University of Russia

Research interests: sociology of traditional societies, sociology of consumer society, sociology of language

TATTOO AS A LINGUISTIC PHENOMENON

Summary

This paper deals with the tattoo as a linguistic phenomenon possessing its specific linguistic features. This paper attempts to set out the possibilities of writing and reading tattoo texts in order to enhance sociological understanding of tattoo and illustrates the processes of communication with the examples of Russian prison tattoos. The author observes the tattoo language in close connection with natural language. He also projects the linguistic levels of natural language to the tattoo language. In this article the author pays close attention to the phenomenon of Russian prison tattoos. He analyses the visual images that reflect the totalitarian regime in the country during the soviet era. After the collapse of the soviet regime the language of Russian prison tattoos became weak. Russian prison tattoos lost their previous meanings because most of the images were connected with symbols that were in opposition to generally accepted soviet propaganda (symbols of Russian Orthodox Church, symbols of the czarist era and other oppositional symbols). The key idea is that these old images became a symbolic declaration of new Russia.

KEY WORDS: semiotics, language, tattoo, culture, body practices, community, prison.

Дмитрий Тихазе, Анастасия Курилова

Российский университет дружбы народов, Россия

ул. Миклухо-Маклая 6, 117198 Москва, Россия

Тел.: + 7 (495) 433-20-22

Эл. почта: megaelvis@yandex.ru

Научные интересы: социология традиционных обществ, социология языка, социология потребления

ЯЗЫК ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЕЩИ

Данная работа представляет собой попытку показать, насколько увеличилась важность роли и места вещи в современном обществе потребления. Сегодня главным становится не удовлетворение чисто практической потребности, а желание с помощью вещи влиться в культурный диалог, наладить и постоянно поддерживать коммуникацию с внешним миром. Современное общество потребления не имеет аналогов в мировой истории. Если раньше главным в вещи была ее утилитарная функция, то теперь на первый план выходит ее знаковая функция. Авторы рассматривают своеобразный язык вещей как на макро-, так и на микроуровне, проецируя на него нормы и правила естественного языка. Так, рассматривая современные вещи, авторы выделяют уровень графем - элементов, способных дать целостную картину вещи. Несмотря на иллюзию изобилия товаров в обществе потребления, люди не свободны в выборе, использовании и комбинации вещей, так как структура языка общества потребления (как и естественного языка) определяет структуру мышления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество потребления, вещь, коммуникация, идеология, дизайн.

В социологии одной из доминирующих концепций современного общества является взгляд, фокусирующийся на «роли и месте индивидуального потребления в процессах формирования социальных структур» (Ильин 2005, с. 3), т. е. концепция общества потребления. В обществе потребления «основные стимулы людей и основные маркеры социальной дифференциации сосредоточены уже не вокруг процесса труда и прав собственности на производственные активы, а притягиваются к процессу потребления, где сама идентичность человека все более связывается с потребительскими практиками» (Радаев 2005, с. 14). Во второй половине XX века социологи начинают использовать семиотические методы для анализа различных аспектов жизни общества, в том числе материальной культуры. Перспективным видится рассмотрение социального пространства, актуализированного через вещи, в качестве текста (Топоров 1983; Dant 2007; Layton 2006). В этом подходе акцентируется внимание на том, что вещи означают, какие мысли вызывают; интерпретируются смыслы, которые обретают вещи в разных контекстах для разных людей (Olsen 2006). В данной работе основное внимание будет уделено рассмотрению современного общества потребления как системы со своим языком, где главными единицами будут выступать вещи.

Современное общество потребления не имеет аналогов в мировой истории. Если раньше главным в вещи была ее утилитарная функция, то теперь на первый план выходит ее знаковая функция. В досовременном обществе существовал набор вещей, имевших ярко выраженную символическую функцию (ритуальные, статусные вещи), но он был ограничен, и, в принципе, любой человек, будь то представитель знати или простой крестьянин, мог удовлетворить все свои потребности при помощи определенного комплекта вещей. В современном же обществе этого насыщения не происходит, так как вещи играют здесь абсолютно иную роль: они предстают в виде единиц культурного обмена, несут в себе не утилитарную, а знаковую функцию. Главным становится не удовлетворение чисто

практической потребности, а желание с помощью вещи влиться в культурный диалог, наладить и постоянно поддерживать коммуникацию с внешним миром. Как писал французский социолог Жан Бодрийяр, автор термина «общество потребления»: «Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это *виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*» (Бодрийяр 2001, с. 101).

Общество потребления сложилось именно в XX веке, так как именно тогда оформились процессы массового производства, стандартизации и удешевления массовых товаров и услуг (Радаев 2005). Производство и потребление массовых стандартных деиндивидуализированных товаров породило универсализацию «вещественного кода». Мы вступаем в коммуникацию с миром при помощи созданных без нашего участия вещей-знаков, по аналогии с естественным языком, где наша роль ограничивается комбинаторикой уже существующих элементов, подчиняющихся существующим кодам. Современное массовое промышленное производство старается не допускать в свой дискурс элементы иного порядка (к примеру, ремесленные товары). Например, трудно представить современный автомобиль с самодельным деревянным колесом не только потому, что оно элементарно не выдержит нагрузки, но и потому, что этот элемент не будет входить в диктуемый массовым производством код.

Ж. Бодрийяр указывал, что «фундаментальный лексикон» общества потребления «внесинтаксичен»: «Различные марки размещаются последовательно или параллельно, сменяют друг друга во времени, но между ними не происходит ни сочленения, ни взаимоперехода» (Бодрийяр 2001, с. 98). Однако, на наш взгляд, сложно утверждать, что общество потребления полностью лишено синтаксиса. Особенно ярко демонстрирует это пример «вещей-коллекторов». «Вещь-коллектор» – это вещь, для наиболее полного функционирования которой требуются другие вещи, специально для нее изготовленные (т. н. аксессуары). Например, профессиональный фотоаппарат, который требует дополнительных аксессуаров, таких как: объективы, батарейные блоки, светофильтры, штативы, вспышки, зонты, кофры и прочие вещи – спутники профессиональных фотографов. Без этих аксессуаров невозможно добиться полной производительности фотоаппарата. В дизайне фотоаппарата заложена стилистическая незавершенность в виде пазов и креплений на корпусе. Законченный вид фотоаппарат приобретает, когда мы заполняем пустоты пазов и креплений аксессуарами. Таким образом фотоаппарат с аксессуарами образует сложноподчиненную структуру.

На протяжении истории человечества объекты материальной культуры всегда являлись трансляторами опыта предыдущих поколений, отражали культурные и технические достижения. То есть определенная коммуникативная функция была свойственна вещам всегда. В обществе потребления роль коммуникативной функции вещи возрастает, увеличивается потребность и зависимость от вещи как медиатора коммуникации между людьми: «В обществе вычленяются категориальные секторы или “статусные группы”, опознающие себя через тот или иной набор вещей. При этом иерархизированные гаммы вещей и товаров играют точно ту же самую роль, которую прежде играли различительные наборы ценностных установок: на них зиждется групповая мораль» (Бодрийяр 2001, с. 97).

Более того, в современном обществе на вещь налагается функция транслятора идеологии. Потребление в XX веке становится не только новым двигателем экономики, но и социальным стабилизатором, так как доступные взгляду каждого прилавки общества потребления демонстрируют возможности, которые предоставляет нам современное общество. У всех, как бы говорят они, равные права, и если вы захотите иметь эти вещи, то система не будет вам мешать пытаться на них заработать (законными, конечно, способами).

Ж. Бодрийяр писал, что вещи и реклама обращаются к нам с текстом: «Смотрите: целое общество занято тем, что приспособляется к вам и к вашим желаниям. Следовательно, и для вас разумно было бы интегрироваться в это общество». Внушение происходит незаметно, но целью его является не столько «побуждение» к покупке и порабощение человека вещами, сколько подсказываемое таким дискурсом приобщение к социальному консенсусу: вещь – это род службы на благо общества, особое личностное отношение между ним и вами» (Бодрийяр 2001, с. 89). Таким образом, через возросшую роль вещи как инструмента коммуникации общество делегирует вещам функции социализации и социальной интеграции.

Одной из функций языка является мировоззренческая. Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа гласит, что «структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Грамматика языка – формирователь идей, она формирует и направляет умственную активность индивида, его анализ восприятий и умственных образований. Формулирование вовсе не независимый, строго рациональный процесс, а продукт данной грамматики» (Соколов 2002, с. 80). Если мы согласимся с данной гипотезой и если мы рассматриваем общество потребления как систему со своим языком, то окажется, что мы общаемся с внешним миром в соответствии с правилами грамматики общества потребления, т. е. как с миром, где все продается и покупается, ведь с самого раннего детства процесс социализации связан с потреблением и усвоением норм товарно-денежных отношений. Например, раньше вещи старались беречь, сохранить для следующих поколений; теперь же подобное поведение гораздо менее распространено, так как диктуемое обществом потребление мировоззрение склоняется в пользу быстрого потребления, насыщения и утилизации вещи без всяких сожалений и ностальгических чувств.

Контактная функция вещи в современном обществе находит выражение в таком феномене, как объединение людей в сообщества на основе обладания какой-либо вещью (часто определенной марки или модели). Члены «вещных» сообществ заинтересованы в общении с обладателями таких же, как у них, вещей. Представители своего сообщества являются важнейшей референтной группой. Поклонники и владельцы определенных вещей, которые являются завсегдатями того или иного форума или клуба, посвященного конкретным вещам, часто имеют схожие мировоззренческие установки. Так, к примеру, мнения и установки любителей предметов военной истории будут преимущественно консервативными, в то время как любители скейтбордов и модной одежды будут иметь либеральные убеждения; дух форумов филателистов пронизан размеренностью, вежливостью, спокойствием и конформизмом, тогда как форум мотоциклистов дышит анархической свободой. Ключевым фактором вхождения и полноценного участия в жизни группы (другими словами, членства) становится наличие вещи, вокруг которой существует группа. Лишение предмета равноценно лишению членства, исключению из группы до той поры, пока вещь вновь не будет обретена. Лишившись вещи, человек остается в группе в том случае, если он намерен вскоре ее вновь приобрести, если же такой возможности или желания нет, то он, как правило, покидает группу. Таким образом, социальные связи, формируемые в таких группах, недостаточно прочны.

Знаковая природа современных вещей позволяет нам использовать их в качестве инструментов для самовыражения и идентификации с группой. Мы учимся идентифицировать себя и других в социальном пространстве через заданные и общепринятые «вещественные» коды; стараемся следовать им, чтобы чувствовать себя полноценными членами общества и избежать социальной эксклюзии. Вышесказанное отсылает нас к гофмановскому понятию исполнения (*performance*), которое обозначает «все проявления активности индивида или «команды» индивидов за время их непрерывного присутствия перед конкретными зрителями (какой-то житейской «аудиторией»». Первоначально все эти проявления деятельности, охватываемые термином «исполнение», ориентированы на реализацию чисто рабочих задач. Но дальше начинает действовать диалектика всякого социального взаимодействия, приводящая в конце концов к

частичному или полному превращению «нормальной» рабочей деятельности в деятельность представительскую, ориентированную на задачи коммуникации и наиболее эффективного самовыражения» (Ковалев, <http>). Сам акт перформанса и особенности его исполнения будут во многом зависеть как от самой личности, так и от выбранных ею для перформанса вещей-помощников. Вещи упрощают процесс перформанса. Они первыми вступают в коммуникацию с окружающими, представляя нас и формируя первичный образ: «В мире, где ежедневно встречаются миллионы незнакомых друг с другом людей, код «стэндинга» удовлетворяет их жизненную потребность знать, с кем имеешь дело, а тем самым выполняет важнейшую социальную функцию» (Бодрийяр 2001, с. 100). Именно об этом говорит русская народная пословица: «Встречают по одежке, а провожают по уму». Во многом от того, насколько умело мы выбираем «реквизит» в соответствии с ситуацией и преследуемыми целями, будет зависеть успех перформанса. Так, в современных глянцевах журналах читателю предлагается набор вещей для каждодневных (и более редких) ситуаций, например, комплекты вещей для свиданий, деловых встреч, отдыха. Вход в большинство престижных клубов невозможен без хорошо подобранных дорогих стильных вещей и аксессуаров как гарантов желаемого социального статуса посетителя. Идентификация индивида с группой, особенно это касается молодежной среды, будет затруднена, если первый не маркирует себя вещами, которые принято носить и использовать в этой группе. Смысловая нагруженность таких вещей релевантна принятым в этих группах социальным ориентирам и ценностям.

В процессе коммуникации люди используют вещи в качестве инструментов для достижения определенных целей. В данном контексте уместно обратиться к классификации функций сообщения, предложенной Р. Якобсоном. Сообщение может принимать одну или несколько из следующих функций:

а) референтивную: сообщение обозначает реальные вещи, включая культурные явления; следовательно, референтивным будет такое сообщение: «Это стол»;

б) эмотивную: сообщение имеет целью вызвать эмоциональную реакцию. Например: «Внимание!», «Дурак!», «Я тебя люблю»;

в) повелительную: сообщение представляет собой приказ, повеление: «Сделай это!»;

г) фатическую: кажется, что сообщение выражает или вызывает какие-то чувства, но на самом деле оно стремится подтвердить, удостоверить сам факт коммуникации. Таковы реплики «Хорошо», «Верно», которые мы произносим в телефонном разговоре, а также большая часть формул этикета, приветствий и пожеланий;

д) металингвистическую: предметом сообщения является другое сообщение. Например: «Сообщение «Как дела?» – это сообщение с фатической функцией»;

е) эстетическую: сообщение обретает эстетическую функцию, когда оно построено так, что оказывается неоднозначным и направлено на самое себя, т. е. стремится привлечь внимание адресата к тому, как оно построено.

Все эти функции могут сосуществовать в одном сообщении, и обычно в повседневном языке все они переплетаются, при том что какая-то одна оказывается доминирующей» (Эко 1998, с. 78-79).

Вещи, которые мы носим, используем или которыми окружаем себя в домашних/рабочих условиях, ровно так же принимают на себя одну или несколько из вышеперечисленных функций. Предметы могут как усиливать желаемый эффект заложенного в них сообщения, так и, напротив, ослаблять. Решающими здесь становятся компетентность индивида в области манипулирования общепринятыми знаками; соответствие выбранных знаков ситуации коммуникации и референтной группе.

Язык вещей может быть представлен как имеющий уровневую структуру. Наименьшей единицей этой структуры будет выступать графема. К примеру, представим себе небольшой фрагмент одежды: ткань со строчкой. Уже по одной этой детали мы зачастую можем сделать вывод о том, как выглядит вещь в целом, дорога, качественна она или нет. Также в качестве графем в современном обществе потребления выступают лейблы,

по которым мы определяем престижность вещи или к какому стилю, образу жизни она отсылает. Знаменитый крокодил «Лакост» как иконический знак не имеет ничего общего с пальмами, пляжами, дорогими курортами и роскошной жизнью богачей, часто появляющихся в рубашках этой фирмы. Однако образы, рождающиеся в умах аудитории, именно таковы. Вещь-подделку мы можем опознать уже по лейбл-графеме. И тогда весь перформанс, направленный на достижение эффекта престижа и элитарности, не удастся, а зачастую и даст обратный эффект. Естественно, графемы это не только ткань и лейблы. В современном обществе потребления с его явным дефицитом качественных материалов почти любой фрагмент поверхности отдельно взятой вещи может сказать о том, насколько эта вещь качественна, каков ресурс ее использования. Например, если мы сравним фрагменты поверхностей профессионального и полупрофессионального фотоаппаратов, то поймем, что магниевая, покрытая устойчивой к царапинам шероховатой краской деталь как бы сообщает о том, что вещь в целом рассчитана на большие нагрузки и частое использование в экстремальных условиях. Тогда как та же деталь простого фотоаппарата, сделанная из пластика, вряд ли вызовет у нас подобные ощущения.

Теперь обратимся к уровню синтагм. В одежде на синтагматическом уровне могут выступать сочетания ее элементов друг с другом. Важную роль здесь, безусловно, играют графемы, определяющие уместность того или иного сочетания. Современные коды общества потребления диктуют нормы этих сочетаний, а расхождение с ними ведет за собой санкции (общественное неодобрение). Так, на уровне лейблов сегодня существуют определенные нормы комбинаторики. К примеру, вышеупомянутый «Лакост», как правило, подразумевает сочетание с таким же или схожим по смысловой нагруженности лейблом, создавая своеобразную, легко читаемую окружающими синтагматическую цепочку и целостный законченный образ. То же правило распространяется на технику, мебель, автомобили (в этих случаях главным фактором сочетаемости выступает цена: дорогое сочетают с дорогим).

Во всех вышеуказанных примерах уровневой организации языка решающим фактором является визуальное и тактильное восприятие этих объектов реципиентом. При этом следует упомянуть о том, что существует масса вещей, вступающих с нами в коммуникацию также и через слуховое восприятие. Мы часто можем слышать фразу о «породистом» звучании мотора дорогой машины, многие автолюбители могут определить марку автомобиля по звуку двигателя. Наше слуховое восприятие также становится мерилom качества аудиотехники, для которой визуальная сторона является второстепенной по отношению к производимым звукам.

Вещь выступает посредником между обществом и человеком. Потребляя и коммуницируя с товарами массового производства, мы опосредованно вступаем в диалог с некоторым количеством социальных субъектов: группами дизайнеров, маркетологов, психологов, социологов, в общем, с целым штатом людей, работавших над созданием вещи, а также с обществом в целом. Вещь как продукт конкретного общества является носителем заложенных этим обществом смыслов, норм и даже идеологии. Через потребление вещей мы усваиваем соответствующую идеологию. Общественная жизнь находит отражение в жизни каждого отдельного человека в том числе и в виде предметов, которыми люди пользуются в быту, работе, досуге. Каждой общественно-экономической формации, каждой идеологии соответствует определенная система вещей, которыми оперируют люди. Например, в наши дни наиболее популярной формой вещей является округлая. Особенно явно это видно на примере современных автомобилей, форма которых всегда плавна и закруглена. Если мы увидим на улице машину рубленой формы, с острыми углами, значит, она была спроектирована не позднее 1980-х – начала 1990-х годов. Даже большие джипы, которым реклама и общественное мнение часто приписывают агрессивность, обладают сглаженными углами. Исключение составляют российский автопром, модель Defender английской фирмы Land Rover и Mercedes G-класса. Оформление современных операционных систем для компьютеров также выполнено с использованием округлых форм рамок на экране. Это

объясняется тем, что интерфейс должен быть дружелюбным, а дружелюбие ассоциируется с округлостью.

Итак, в современном обществе потребления значимость коммуникативной функции вещи сложно переоценить. Вещи становятся важнейшим элементом коммуникации как на макро-, так и на микроуровне и неотъемлемым спутником и инструментом в таких важных общественных процессах и явлениях, как социализация, адаптация, коммуникация, иерархизация.

Литература

- БОДРИЙЯР, Ж., 2001. *Система вещей*. Москва: Рудомино.
- ИЛЬИН, В. И., 2005. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России*, № 2, с. 3-40.
- КОВАЛЕВ, А., 2001.. Книга Ирвинга Гоффмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция [Электронный ресурс]. URL: http://www.socioline.ru/_seminar/library/misc/psd_001.php.
- РАДАЕВ, В. В., 2005. Социология потребления: основные подходы. *Социологические исследования*, № 1, с. 5-18.
- СОКОЛОВ, А. В., 2002. Общая теория социальной коммуникации. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В. А.
- ТОПОРОВ, В. Н., 1983. Пространство и текст. *Текст: семантика и структура*. Москва: Наука.
- ЭКО, У., 1998. Отсутствующая структура. *Введение в семиологию*. Москва: ТОО ТК «Петрополис».
- DANT, T., 2007. The “pragmatics” of material interaction. *Journal of consumer culture*. Vol. 8, p. 11-33.
- LAYTON, R., 2006. Structuralism and semiotics. *Handbook of material culture*. SAGE Publications
- OLSEN, B., 2006. Scenes from a troubled engagement: post-structuralism and material culture studies. *Handbook of material culture*. SAGE Publications.

Dmitry Tikhaze, Anastassia Kurilova

Peoples' Friendship University of Russia

Research interests: sociology of traditional societies, sociology of consumer society, sociology of language

THE LANGUAGE OF CONSUMER SOCIETY: COMMUNICATIVE ROLE OF A THING

Summary

This paper deals with the phenomenon of consumer society with its specific language that is objectified in everyday consumer practices. The main idea of consumption today lies not in satisfying material needs, but in desire to establish and maintain cultural exchange. Things in modern society are considered to be a new instrument of communication with its specific norms and codes. This paper will argue that communicative role of things has increased within social contexts. People use things, brands and brand attributes to communicate with people, social groups and society in general. Authors pay close attention to the problem of choice and combination of things. In spite of the total illusion of abundance of goods in consumer society people are not free to use their own ideas how to combine and use things. Consumer society sets specific patterns of norms and codes of its language. This paper reveals the smallest parts of the language of things (grapheme of natural language) with the examples of small parts of things that can give the whole information about the thing. Brands are playing a constituent role in the processes of choosing, buying and assembling things together.

KEY WORDS: consumer society, things, language, ideology, design, communication.

Алексей Тымбай

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД
России

пр. Вернадского 76, 119454 Москва, Россия

Тел. +7(495)434-93-79

Эл. почта: tymbay@inbox.ru

Научные интересы: коммуникативная фонетика, лингвистическая прагматика

МЕНА РОЛИ В ДИАЛОГЕ КАК ОСНОВА ЕГО СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В докладе отражены существующие современные методики анализа комплексной структуры диалога. На основе предлагаемых отечественных и зарубежных подходов выдвигаются различные модели диалогического устройства. В целом мена ролей в диалоге рассматривается как сложная система, обусловленная совокупностью языковых и речевых факторов. Важнейшую роль в структуре диалога играет речевая интонация. Варьирование интонационных моделей участниками диалогического общения является отражением применяемых ими стратегий и тактик ведения диалога. На основе просодического анализа звучащего диалогического текста может быть сделан вывод о доминирующем в данном речевом акте типе мены роли как отражении коммуникативных намерений и задач его участников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалог, структура диалога, мена ролей в диалоге, стратегии ведения диалога.

Многочисленные исследования речевого общения доказали, что диалог является сложным коммуникативным процессом, однако определение принципов диалогического взаимодействия остается задачей, еще до конца не решенной в современной лингвистике. Развитие современных исследований разговорной речи, в частности, диалогического общения протекает по нескольким направлениям. Во-первых, это анализ содержательной составляющей высказывания, куда, помимо сугубо тематических блоков и единиц их выражающих, входят вопросы координации усилий партнеров. Диалог, несомненно, представляет собой продукт умственной и коммуникативной деятельности двух человек. Руководствуясь деятельностным подходом в лингвистике мы можем выделить цели, намерения и установки участников. Понять же взаимосвязь и взаимозависимость лингвистических и экстралингвистических факторов помогают исследования в области структуры диалога. Данное направление рассматривает вопросы, связанные с выявлением и описанием структурных единиц разговорной коммуникации таких как диалогические единства, диктемы, сверхфразовые и интонационные группы. Помимо этого ведется работа над установлением их иерархии, а также решаются проблемы построения и мены коммуникативных ролей в ходе диалогического общения. Как видим на современном этапе, зародившийся в недрах коммуникативной грамматики, структурный анализ диалога очень тесно переплетается с анализом его тематико-содержательной составляющей.

Нельзя отрицать, что между реальным речевым воплощением диалога и сделанной на его основе текстовой записью существует непреодолимое различие. Статика текста, передавая лишь смысловое содержание беседы, неспособна обозначить эмоциональный настрой ее участников, лишь частично воспроизводит их коммуникативные задачи и полностью игнорирует стратегические способы их достижения, включая, например, невербальные средства общения. В то же самое время, проводить изучение диалога исключительно на основе звукозаписи, оставаясь при этом в рамках коммуникативной фонетики, предметом исследования которой и является устная речь, достаточно проблематично. Как любая многоуровневая структура, диалог предполагает обязательное включение в область исследования ролевых и психологических факторов, таких как цель и предмет

высказывания, взаимоотношения партнеров, их отношение к предмету разговора, обстановка протекания диалога и др.

В общем виде диалог как форма речевой коммуникации представляет собой общение двух субъектов посредством языка, когда реплика сменяется ответной фразой и происходит постоянная мена ролей. Таким образом, мена коммуникативных ролей «говорящий – слушающий» является основной определяющей характеристикой диалогического общения.

В результате под термином «диалог» в современной лингвистике подразумевается сложное речевое явление, состоящее из текста реплик, экстралингвистических составляющих, включающих цели языковой личности, социальные, статусные и психологические особенности коммуникантов.

Сложность состоит в том, что диалог формируется как процесс и продукт речевой деятельности двух коммуникантов, включающий как знания говорящего, его мнения, установки, намерения, так и учет таких знаний, мнений и т. п. у адресата. Отсюда следует закономерный вопрос: как в условиях столкновения целей, намерений и задач коммуникантов не возникает вербального хаоса? Ведь в подавляющем большинстве диалогов коммуниканты последовательно сменяют друг друга, и при этом не происходит наложения реплик и не образуются длительные паузы.

Исследование внутреннего устройства диалога имеет достаточно долгую историю. Стоит рассмотреть несколько основных подходов, каждый из которых предлагает собственную модель, объясняющую соотношение ролей во внутренней структуре диалога.

Суть «сигнальной» модели диалога (Duncan 1972; Schank, Schwitalla 1980) состоит в том, что каждая реплика обязательно сопровождается набором сигналов, которые выполняют функцию маркеров, побуждающих реакцию со стороны слушающего. Шесть сигнальных параметров, где основными являются компоненты интонации и невербальные средства общения, были определены Дунканом как конверсационные события, маркирующие различные аспекты мены коммуникативных ролей, при этом процедура речевого взаимодействия заложена в когнитивном поле человека. Основу механизма репликовых обменов образуют два типа сигналов: сигнал передачи роли говорящего (turn-yielding signal), состоящий из одного или нескольких сигнальных параметров, и сигнал сохранения роли говорящего (attempt suppressing signal).

Следует, однако, отметить, что в рассматриваемых концепциях анализ языковых средств производился без соотнесения с контекстом диалога и личностью, которая пользуется этими знаками и структурами для выражения своих коммуникативных намерений. Это отчасти объясняется стремлением исследователей к объективности оценки вербальных и невербальных сигналов. Тем не менее, данная нацеленность на сохранение объективности исследовательской задачи представляется существенным недостатком сигнальной модели, что становится очевидным при обращении к реальному, социально привязанному дискурсу. Поэтому существование непосредственной связи между сигналами передачи роли и собственно меной ролей остается спорным.

Исследователи, разработавшие «последовательную» модель диалога (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974), считают возможным выделение целого ряда правил чередования реплик в диалоге. В своих работах, посвященных смене ролей в диалоге, они подчеркивают социальную обусловленность природы диалога. Одну из важнейших характеристик последовательной модели ее авторы видят в потенциальной применимости к любого рода диалогам, отмечая при этом возможность ее адаптации, в зависимости от конкретного социально-культурного контекста.

Условные правила организации чередования реплик в диалоге управляют очередностью таким образом, чтобы минимизировать паузы и наложения. В рамках последовательной модели указывается на наличие в реплике места, наиболее приемлемого для передачи роли («положенного места мены роли», от англ. «transition-relevance place»), начало

которого должен предугадать собеседник. Авторы последовательной модели, однако, не уточняют, какими именно средствами это достигается.

Ответ на поставленный вопрос может быть найден в исследованиях, посвященных феномену речевого прогнозирования, который позволяет слушающему предугадывать ход высказывания говорящего (Grosjean 1983, Caspers 2003). Важнейшим источником информации для прогнозирования является просодия. Ф. Гросджин считает основными просодическими параметрами, способствующими языковому предсказыванию, диапазон изменения ЧОТ и длительность произнесения терминального тона. Просодическая информация может содержать сигнал о предстоящем завершении реплики или, напротив, о том, что высказывание будет продолжено.

Среди аспектов функционального использования феномена языкового прогнозирования можно выделить фокусирование внимания слушающего, увеличение скорости восприятия языкового материала посредством маркирования границ высказывания, предоставление слушающему возможности подготовить ответ. Каждый из приведенных аспектов имеет непосредственное отношение к диалогу и играет важную роль в процессе смены ролей. Однако исследований, рассматривающих феномен речевого прогнозирования в спонтанной речи и непосредственно в диалогическом общении, не производилось. Тем не менее, представляется совершенно очевидным, что слушающий способен спрогнозировать место возможной смены роли в диалоге, основываясь именно на просодической информации.

Особенность рассмотрения речевого прогнозирования в рамках процесса смены ролей состоит в том, что данный феномен одновременно является составной частью сразу нескольких моделей смены роли и отчасти объединяет их.

Выделяемая рядом исследователей «инициативная» модель диалога (Palmer 1986, Иссерс 2003), объясняет порядок смены ролей перераспределением инициативы. Под «инициативой» в данном случае понимается ведущая роль в коммуникативной деятельности на определенном этапе диалога. Таким образом, инициатива оказывается одним из средств воздействия на собеседника и осуществления стратегических замыслов коммуникантов, что позволяет интерпретировать контроль над ней как тип речевой стратегии говорящего.

Инициативная модель смены ролей коренным образом отличается от моделей, описанных выше. Это отличие состоит, прежде всего, в том, что исследователи, работающие в рамках этого направления, почти полностью находятся в границах прагматики. Данное направление, как никакое другое, учитывает личностно-ролевые характеристики коммуникантов, их цели, задачи, коммуникативную перспективу диалога.

Современные исследования диалога чаще всего рассматривают смену ролей комплексно: как серию решений говорящего. Большинство таких решений принимаются неосознанно, автоматически, однако ряд ситуаций требует осознанного поиска. В таких случаях информация о коммуникативном намерении участника диалога удержать или передать роль является одним из наиболее важных моментов для анализа его речевого поведения. Формируемые на основе этого намерения коммуникативные стратегии могут быть результатом индивидуального коммуникативного сценария говорящего, но для осуществления своего коммуникативного замысла он также может использовать готовые образы, сложившиеся в речи. Выбор одного из вариантов (лексического, просодического, грамматического и т. д.) в большинстве случаев не бывает случайным и определяется стратегической задачей. Так как этапы диалога не могут быть запланированы во всех деталях заранее, потому что неизвестно, что скажет партнер на каждой из стадий развития беседы, решение поставленной коммуникативной задачи вариативно.

Речевой реализацией коммуникативных стратегий и тактик ведения диалога является их воплощение в коммуникативных структурах высказываний. Рема как основная составляющая коммуникативной структуры предложения является носителем так называемого модифицирующего компонента, функцией которого, в свою очередь, является передача или удержание коммуникативной роли в структуре диалога. Таким образом, механизм смены роли, выражаемый посредством этого модифицирующего компонента, тесно

связан с ремой предложения. Иначе говоря, слушающий угадывает наступление места мены роли, основываясь на информации о просодическом оформлении фокуса высказывания, а параметры просодического оформления финальной, рематической части высказывания являются основным средством, ответственным за выделение положенного места мены роли в структуре диалога.

Учитывая все плюсы и минусы существующих подходов, мы сделали попытку найти то общее, что объединяло бы существующие подходы и давало бы ключ к исследованию внутренней структуры диалога, где принимались во внимание как речевая реализация тактик и стратегий участников диалога, так и просодические маркеры положенного места мены роли.

В рамках исследования мены роли основную оппозицию составила так называемая гладкая и негладкая мена роли.

Гладкой меной считается смена говорящего, протекающая без прерываний партнера, то есть говорящие не перебивают друг друга, а дают возможность закончить мысль, при этом в момент мены не образуется длительная пауза. Например:

He is taking it to heart but he is not doing it.

– They are not doing it at the moment.

К **негладкой** мене роли можно отнести 16 % от общего числа мены реплик. Большинство из них составили прерванные реплики. Характерной чертой этих реплик является отсутствие рематического компонента, что в сущности не позволяет рассматривать их как состоявшиеся, полноценные высказывания. В подобных случаях мена роли происходит вопреки желанию говорящего.

Например:

– You know, I'm...

The system is rotten and basically nothing will make it any better.

Ключевую роль в различии между гладким и негладким переходом от реплики к реплике играет уже упомянутое понятие «положенного места мены роли», представляющее собой отрезок высказывания, где начало вторым участником новой реплики не будет расцениваться как прерывание, а напротив, будет воспринято как ожидаемое (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974).

Существует множество определений положенного места мены роли, рассматривающих его с позиций синтаксиса, семантики и прагматики. Предполагается наличие данного отрезка диалога в точках завершения фраз, высказываний или односложных конструкций. Однако, принимая во внимание тот факт, что любой диалог представляет собой, прежде всего, звучащий текст, легко прийти к следующему выводу: важнейшая роль в определении положенного места мены роли принадлежит интонации. Следовательно, речевая интонация либо сигнализирует возможный конец высказывания, либо препятствует смене коммуникативной роли. В частности, в английском языке желание уступить роль передается падением мелодического контура на последнем полноударном слоге, который является наиболее информативным в передаче значения завершенности. И наоборот: использование говорящим ровного мелодического контура является средством, препятствующим смене роли.

Однако остается вопрос о том, что же является основополагающим фактором, определяющим, каким будет переход от реплики к реплике. Уже упоминалось, что в любом диалоге всегда важны все составляющие экстралингвистической ситуации, в том числе статусно-ролевые характеристики говорящих, и все-таки определяющими здесь являются:

– принципы кооперации;

– общие стратегии ведения диалога.

В большинстве аутентичных диалогов изначально предполагается, что участники по возможности придерживаются правил кооперативного общения, целью которого является совместное продвижение в плане речевого взаимодействия. Между тем языковое общение не всегда однородно. Количество прерываний в диалогах некооперативных типов, например, конфликтных, может достигать 80% и увеличиваться с повышением скорости протекания акта коммуникации. Тем не менее, наличие большого числа прерванных реплик далеко не всегда подразумевает отрицание правил кооперативного общения. В целом ряде случаев прерывание

партнеров по диалогу может быть объяснено феноменом «речевого прогнозирования» - сложным процессом, обусловленным комплексной структурой и правилами языка. Находясь в общем языковом контексте, участники диалога зачастую могут предсказать слово или фразу задолго до ее произнесения. В подобных ситуациях допускается прерывание партнера с целью сокращения времени, затрачиваемого говорящими на достижение коммуникативной цели.

В большинстве остальных случаев мы имеем дело с сознательным прерыванием говорящего с целью реализовать ту или иную диалогическую стратегию, включающую в себя цель (убедить, разубедить, заставить, уйти от ответа), а также возможные способы ее достижения. В естественной языковой среде трудно представить себе ситуацию, когда поставленную задачу можно было бы решить с помощью одного обращения к собеседнику. Решение, как правило, состоит из серии последовательно выстроенных речевых ходов, представленных репликами-высказываниями. По ходу диалога участники корректируют собственные действия и выбирают языковые средства выражения в зависимости от сложившейся ситуации, контекстных последствий предыдущих ходов и доступных речевых ресурсов для проведения последующих.

Простейшим примером применения речевой стратегии в диалоге является желание участников повлиять на ход повествовательной линии. При гладкой смене роли коммуникант, как правило, согласен с предлагаемой информацией. Реплика собеседника, начатая в положенном месте, продолжает естественное течение диалога, не нарушая его структуру. В то же самое время любое высказывание, не отвечающее данному условию, будет расцениваться как прерывание, вызванное желанием скорректировать ход повествовательной линии. Здесь необходимо отметить, что разного рода прерывания и «захваты» коммуникативной инициативы являются мощнейшим инструментом воздействия на собеседника.

Для наглядности сказанного хотелось бы проиллюстрировать некоторые из числа возможных диалогических тактик примерами из диалогов. Эти варианты, безусловно, не являются единственно верными, однако их анализ может существенным образом упростить понимание сути коммуникативных стратегий.

1). **Тактика корректировки хода мысли собеседника** встречается, по нашим данным, в 40 % случаев от общего числа прерываний собеседников. При использовании данной тактики слушающий прерывает говорящего короткой репликой-вопросом, причем грамматический тип вопроса не принципиален и может варьироваться от случая к случаю. Для данной тактики не характерно использование прерывающих высказываний сложной структуры, имеющих в своем составе более одной интонационной группы. Реплики, как правило, носят характер комментария и связаны с рематическим или тематическим компонентом предыдущего высказывания.

– *Well, I... I agree very much with your promise that America's an important potential ally in promoting human rights around the world. It has probably done more...*

– *It's a biggest ally, isn't it?*

2). **Тактика продолжения собственной, начатой ранее, мысли** при игнорировании высказывания собеседника характеризует 17 % прерываний. Данная тактика имеет, как правило, сложную структуру, распространяющуюся на несколько реплик. В общем виде ее можно охарактеризовать следующим образом: говорящий завершает реплику А, слушающий, воспользовавшись предоставленным местом смены роли, начинает реплику В, однако не имеет возможности ее закончить, поскольку первый говорящий, игнорируя ее содержание, прерывает ее, произнося реплику С, являющуюся логическим продолжением реплики А. При этом реплика В, несмотря на то, что она была инициирована в положенном для смены месте, редко имеет хотя бы одну завершённую интонационную группу.

You are trying to represent some of the Britons. A

Right, there've been of course... B

Are they in the hope of that? C

3). **Тактика навязывания собственного мнения относительно обсуждаемой темы** при игнорировании позиции собеседника (14,5 %), как и предыдущая, имеет тенденцию к более сложной, нежели двухрепликовое образование, структурной организации, хотя могут

быть отмечены и упрощенные схемы. В большинстве случаев ее использование выглядит как подведение итога в вопросе, вызвавшем несогласие коммуникантов друг с другом. При этом, прерывая реплику для итогового заключения, говорящий использует коммуникативную инициативу исключительно для декларирования собственной позиции, достигая тем самым поставленную им цель убеждения.

There is a discussion. Again... this is...

But it's not at least open.

This is... well...

It's not on the agenda. The Pope doesn't want even to discuss these issues.

В естественной языковой среде, мы склонны не замечать подобных прерываний, однако в диалоге на иностранном языке или при обучении такому диалогу, необходимо уметь правильно воспринимать и адекватно реагировать на возможные форматы протекания диалога в зависимости от социо-культурного контекста, в котором мы находимся. Имитация подобных стратегий, правильно выбранные цели и установки могут существенным образом нивелировать различия между учебными и аутентичными диалогами, а значит – стать еще одним шагом в достижении языковой компетентности.

В заключение хотелось бы ещё раз отметить, что мена ролей является важнейшей характеристикой диалогического общения. Анализ механизмов мены роли в диалоге предполагает привлечение отдельных факторов речевой ситуации, которые и определяют разнообразие существующих типов мены роли. В результате механизм чередования ролей представляет собой сложное целое, объединяющее статусно-ролевые характеристики партнеров по речевой деятельности, их цели и намерения, другие параметры ситуации диалогического общения и лингвистические способы их выражения. Это предполагает многоаспектное рассмотрение диалогических реплик: как с точки зрения их смысловой и структурной взаимозависимости, так и с точки зрения воплощения в них коммуникативных тактик и стратегий коммуникантов.

Литература

- ИСЦЕРС, О. С., 2003. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Едиториал УРСС, 286 с.
- CASPERS, J., 2003. Local speech melody as a limiting factor in the turn-taking system in Dutch. *Journal of Phonetics*. Vol. 31, p. 251-256.
- DUNCAN, J., 1972. Explorations in applied linguistics. *Foundations of Language*, Vol. 4, p. 105 - 132. .
- GROSJEAN, F., 1983. Prediction and prosody. *Linguistics*. Vol. 21, p. 501 - 527.
- PALMER, M. T., 1986. Controlling conversation: turns, topics and interpersonal control. *Communication Monographs*, Vol.56, p. 2-18.
- SACKS, H., SCHEGLOFF, E.A., JEFFERSON, G., 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*. Vol. 50, p. 696 - 735.
- SCHANK, G., SCHWITALLA, J., 1980. Gesprochene Sprache und Gesprächsanalyse. *Lexikon der Germanistischen Linguistik*, S. 7 - 56.

Alexey Tymbay

Moscow State University of International Relations (MGIMO)

Research interests: linguistics for communication, linguistic pragmatics

TURN-TAKING AS A STRUCTURAL BASIS OF A DIALOGUE

Summary

The report describes the main contemporary approaches to the analysis of turn-taking in a dialogue. On the basis of these linguistic approaches various models of structure of a dialogue are suggested. As a result turn-taking in general is viewed as a complex phenomenon dependent on a number of language factors. Dialogue as a whole is seen as a realisation of speaker's communicative goals, which are expressed by versatile language means, mainly intonation. Speech intonation, therefore, is viewed as a key factor enabling us to conduct a linguistic analysis of a speech intercourse, the main opposition being formed between smooth and non-smooth transition from one turn to another.

KEY WORDS: dialogue, turn-taking, dialogue strategies

Роман Трифонов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина

пл. Свободы 4, 61077 Харьков, Украина

Тел. 38 057 707 54 58

Эл. почта: tryfonov@yahoo.com

Научные интересы: прагматика, когнитивная лингвистика, языковая личность

НЕКОТОРЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗВИНЕНИЙ ЗА ПАФОС В БЛОГОСФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

На материале украинского, русского, белорусского и польского языков рассматриваются отобранные из персональных блогов контексты, в которых авторы сообщений сопровождают высказывание метаязыковым комментарием – извинением за пафос. Выделяются два типа таких контекстов в зависимости от того, что исследуемые комментарии могут быть обусловлены либо стилистически, либо концептуально. В первом случае речь идет об уровне экспрессии, который, по мнению автора, требует специальных утверждений об уместности и оправданности по отношению к предмету речи; во втором – об актуализации концептов, связанных с общественным долгом, гражданской позицией, верой, что требует языковых средств, ассоциирующихся у адресанта и адресата с пафосом как особой дискурсивной категорией. Подчеркивается роль рассматриваемых комментариев в стремлении адресанта избежать коммуникативного отчуждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пафос, язык блогов, экспрессия, концептуализация, метаязык, прагматика.

Человек, комментирующий собственную речь или же рефлектирующий в ходе речи по поводу отдельных элементов языковой системы, таким образом ориентируется в пространстве языка сам и ориентирует в нем тех, с кем пребывает в коммуникации. Но такого рода речевые единицы служат не только этой ориентации самой по себе, а и – во многих случаях – целенаправленному самопозиционированию языковой личности. Два этих аспекта – ориентацию и самопрезентацию – отражает метаязыковая функция языка. Наблюдение и осмысление метаязыковых и метаречевых комментариев может многое сказать о подборе человеком нужной языковой единицы и в то же время об осуществляемом им поиске своего места в дискурсе. Именно в таком измерении рассматриваю в этом исследовании своеобразный тип комментариев говорящего к собственным словам – извинения за пафос. Появившиеся в последнее время работы затрагивают проблемы подобной рефлексии: «отрицательную оценку высокого слова», в том числе того, которое говорящий называет пафосным, отмечает как явление постсоветской метаязыковой рефлексии Ирина Вепрева, объясняющая такое оценочное отношение следующим образом: «Неприятно пафосной лексики способствует предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался расхождением между официальным и неофициальным языком. Официальный язык советской эпохи со своим набором речевых стереотипов, использующих высокую лексику, занял нишу высокого стиля. <...> Отторжение официального языка как языка лжи автоматически отторгает и пафосную лексику. Вымывание высокого стиля – это своеобразная реакция на советский официоз, лжевысокий стиль тоталитарного времени» (Вепрева 2005, с. 158, 159). Итак, в этой монографии рассуждения о пафосе введены в категорию метаязыковых рефлексивов и показаны среди иных замечаний такого рода, но эпизодически. В интереснейшей работе австрийской исследовательницы Ренате Ратмайр среди разных типов извинений выделены извинения метакоммуникативные, относящиеся «не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого высказывания», причем отмечена очень высокая частота такого употребления извинений, а также подчеркнуты некоторые их важные черты, синтаксические и интонационные особенности. Отметим, в частности, что «такие извинения не требуют никакой вербальной

реакции от адресата», «в фокусе метакоммуникативных извинений находится побочное перлокутивное воздействие высказываний», «в подавляющем большинстве случаев извинения за описанные языковые промахи являются превентивными» (Ратмайр 2003, с. 138, 139). Однако извинения за пафос не стали предметом специального рассмотрения в этой книге, хотя прагматически ориентированный подход Р. Ратмайр к языковой материи позволяет раскрывать свойства и функции подобных единиц.

Поскольку рефлексивность языка, по справедливому утверждению Нины Мечковской, является семиотической (лингвистической) универсалией (Мечковская 2000, с. 21), рассмотрим такого рода комментарии на материале четырех славянских языков: украинского, русского, белорусского, польского. Извинения за пафос с заметной частотой встречаются в современных дискурсивных практиках прежде всего в средствах массовой коммуникации: в прессе, на радио, телевидении, в интернете. Последний из названных типов дискурса и стал объектом моего исследования, а конкретно внимание привлекли блоги, размещенные главным образом на ресурсе livejournal.com, а также на некоторых других собраниях индивидуальных интернет-дневников.

Эта проблема тем более интересна, что языковые признаки понятия «пафос» как дискурсивной категории в научной литературе на сегодня прослежены на уровне, весьма далеком от той детализации, которую разработали в лингвистике для одноуровневого с пафосом (хотя часто жестко противопоставляемого ему) понятия «ирония» и в целом средств комизма. Даже сама семантика (вместе с коннотемным наполнением) слова *пафос* / *пафас* (*patas*) / *patos* в таких метаязыковых рефлексивах тоже требует прояснения. Извинения свидетельствуют о коннотированности лексемы, которая должна обозначать нечто нежелательное, оцениваемое отрицательно (в целом или в определенных коммуникативных условиях, в определенной конситуации). Примем во внимание не только то, что «референтом таких метадискурсивных элементов всегда является собственное высказывание» (Ратмайр 2003, с. 138), но и то, что это высказывание не совсем спонтанное, ведь речь идет о письменной коммуникации. Итак, говорящий сознательно выбирает определенные номинативные средства, хоть и ощущает необходимость сопроводить их метаязыковым комментарием. Таким образом, извинения за пафос – это языковые единицы со своеобразной сложной прагматикой. По моим наблюдениям, обобщение случаев введения таких комментариев позволяет говорить о двух типах контекстов, которые их актуализируют.

К первому типу принадлежат те высказывания, в которых извинения за пафос связаны со степенью экспрессивности. Этот тип употребления рассматриваемых комментариев можно назвать **стилистически обусловленным**. Например, представление о некоторой чрезмерности в выражении эмоций, своего отношения к предмету может заставить ввести исследуемый оборот. В таких случаях комментарий сопровождает прилагательные и другие языковые единицы (фразеологизмы, метафоры, целые предложения и т. д.) с семантикой наивысшей меры выражения признака, качества – то есть максимально экспрессивные по этому параметру из некоторого синонимического ряда оценочных квалификаторов: «*Antonio Pinto, "Warlord". Я вже ставив в підсумках року цю композицію на перше місце, і досі часто її слухаю і насолоджуюся. Так і хочеться, вибачте за пафос, назвати її "геніальною"*» [roman-sharp.livejournal.com] (NB: все примеры привожу без изменений, сохраняя языковые, орфографические, пунктуационные особенности); «*не думаю, що хтось є, хто б Джима [Моррисона – Р. Т.] перевершив... даруйте за пафос*»))» [nika_greknio: a-stelmah.livejournal.com]; «*Гениальное кино. Режиссер Шахназаров, по-моему, превзошел самого себя. Эпитет «крепкий» вполне подходил к нему раньше. Благодаря этому фильму он вышел в высшую лигу! Ильин бесподобен. Снимаю шляпу и аплодирую... Извините за пафос. Музыка навеяла...*» [garconn3: xlarina.livejournal.com]; «*Посмотрели Ghost in the Shell и Innocense (aka GiSh 2). Если первое – классика, для своего времени замечательное и достаточно «глубокое» аниме с великолепной прорисовкой, то второй фильм, на мой взгляд, почти что шедеврлен (извините за пафос ^_^)*» [teodorix.livejournal.com]; «*Олег, Ваши*

передачі глоток свіжого повітря. На умних людей дивитися і слухати ні з чим неспівиме задоволення. У мене немає слів, щоб висловити вдячність за те, що Ви такої (вибачте за пафос))» [benena: olegtinkov.livejournal.com]. Аналогічну семантику мають і конструкції со специфічним синтаксисом, характерним для рейтингових кваліфікацій дійсності: «Вечерина місяця, вибачте за пафос» [staskarabas.livejournal.com]. Привлекає увагу, що всі приведені приклади стосуються музики, кіно, телебачення, клубної життя – то є об'єктів, пов'язаних з публічною сферою; сюди ж, по всій ймовірності, слід віднести і помітні громадські події («"Я б'юся, тому що я б'юся", прості слова напівкомічного мушкетера Портоса містять ледь не найглибше, що можна сказати про сенс існування. Зміст життя – у боротьбі, а боротьба тоді була найтоншого, найнебезпечнішого татунку. Даруйте за пафос, день сьогодні такий:») (мова йде про річницю Помаранчевої революції в Україні – Р. Т.) [pravdalive.livejournal.com]), і просто проблеми громадського масштабу, хвилюючі значительну кількість людей («...люди воліють не помічати саму реальну і страшну загрозу, яка зараз існує для кожної людини (вибачте за пафос) – глобальне потепління» [devrand.livejournal.com]). Однак можливі і ситуації, в яких мова йде про особисті стосунки, описувані в блогах: «...Wtedy właśnie zadzwonił A. Nie referuję tu tej rozmowy, bo to już zrobiło się zbyt poważne, zbyt – przepraszam za patos, ale nie umiem tego inaczej określić – święte, żeby nie miało zostać tylko między nami. Boże, Boże! Świat mi zawirował, kolana się pode mną ugięły i wszystko wybuchło, jak fajerwerki» [kochanka-mimo-woli.blog.pl].

Чрезмерність – це, природно, оціночна категорія, тому виникає питання про суб'єкта оцінки. Справа в тому, що, як уже було сказано, говорячий, незважаючи на вибачення, вибирає все-таки саме ці, а не інші мовні засоби. Відповідно, суб'єктом, в оцінці якого, по представленню говорячого, присутнює чрезмерність, є він сам, а потенційний адресат. Автор висловлювання вибачається за те, що у реципієнта може скластися враження чрезмерності, повідомляє, що потенційно розділяє таке сприйняття (сигналізує цим: «Я свій»), і закладає один з двох іллокутивних значень: або «В цьому випадку використання такого мовного знаку мені не здається чрезмерним», або «В цьому випадку використання такого мовного знаку мені теж здається чрезмерним, але з усіх можливих цей знак найбільш доречно». В будь-якому випадку головним тут є те, що імпліцитно адресат прагне уникнути відчуження – небажаного перлокутивного ефекту.

Тут ж слід згадати одиниці, які мають «всюхоплюючу» референцію: «...я людина і мені належить весь світ, вибачте за пафос, чого це мені має цікавити, вигідно комусь моя присутність чи ні, якщо я не роблю суспільної шкоди» [saved_child: mavchenia.livejournal.com]. Блогери усвідомлюють, що наявність мовних одиниць з абсолютною семантикою може актуалізувати уявлення не тільки про чрезмерність, але і про нещирість, тому досить часто змушені, крім вибачень, вводити спеціальний коментарій для підтвердження своїх почуттів: «Аж серце стискається, коли подумаєш, що більше НІКОЛИ не побачиш цих хлопців з іншої частини світу, які спробували зрозуміти країну, в якій я живу і буду гордо жити до кінця своїх днів. Вибачте за пафос, але так я це відчуваю...» [ajvazovska.livejournal.com].

Очевидно, на почуття «чрезмерності», згадані в цих випадках *пафосом*, говорячий звертає увагу в цілому тоді, коли з ряду можливих синонімічних засобів вибирає найбільш виразний – йде про мову про громадську сферу (1) або про особисте життя (2): 1) «Перепрошую за пафос, розумію що б'ю по самолюбству автора, але як батько трьох дітей ви маєте мене зрозуміти... Вахтанг. У порівнянні з тим що мінздрав сьогодні жбурнув Україну на грань гуманітарної катастрофи те, що вас і всіх глядачів, авторів і учасників «Великих Українців» «розвели як лохів» – це просто викликає іронію» [galimsky: vaxo.livejournal.com]; 2) «Людей які свідомо хочуть зачепити і образити, коли твоя душа навиворіть (вибач за пафос) тре делітати із свого життя» [tsilyk.livejournal.com]; „Nie wiem jakimi słowami wytłumaczyć Ci jak bardzo Cię kocham i wstyd

mi za to co zrobitem, ale bez Ciebie nie będę umiał żyć. [Przepraszam za lament i patos w słowach.]» [jonatan03.blog.pl]. Такая экспрессия может достигать максимального уровня в апелляции к концепту ЖИЗНЬ, как в последнем из приведенных примеров, и именно в этой апелляции подчеркивается пафос: „Korzystając z okazji, chciałam napisać, Pani Magdo, że koncert „Zielono mi”, który wyreżyserowała Pani w 1997 roku jest najcudowniejszym jaki kiedykolwiek powstał na ziemi. Przynajmniej raz na tydzień sięgam po DVD z jego zapisem, przeżywając każdy dźwięk i słowo na nowo. Myślę że, niejednokrotnie uratował mi on życie (przepraszam za patos)» [chlip-hop.blog.pl].

Экспрессивность в высказываниях можно проследить и в динамике: возрастание ее уровня вербализируется в градации и в конце концов требует соответствующих комментариев: *«Все це гарні справи варті боротьби, самовідданості активістів та навіть певного героїзму, даруйте за пафос» [community.livejournal.com/journalism_ua].*

Кроме эмоциональной и выразительной чрезмерности, среди коммуникативных мотивов извинений за пафос можно отметить категорию уместности, играющую важную роль в свете известных постулатов общения. В ходе рассмотрения этой категории на стилистическом уровне стоит отметить, что комментарий о пафосе, мотивированный именно так, появляется в тех случаях, когда используется книжная лексика, не характерная в целом для общения в блогосфере или для индивидуального дискурса адресанта: *«Рекомендую в следующий раз обратить внимание на улыбку ГМСа. <...> У Суркиса это отражение его, извините за пафос, генетической памяти» [oles-dzyga.livejournal.com]; «Если бы не кофе, мы с бойфрендом, наверное, давно бы уже стали безработными. Какой еще напиток обладает таким, извините за пафос, энергетическим потенциалом?» [daniil-goodwin.livejournal.com].*

Важной и неоднозначной проблемой является связь уровня художественной выразительности высказывания с пафосом: *«наче сірій Лондонський туман все окутав, і валить гидкий готичний дощ) ну шось таке я собі кажу коли прокидаюсь, ги)(знову пафос(зосталось лише дописати – коли прокидаюсь шоби взяти ключі від лічного даху, і посидіти там у кутку :D)» [lizarge: so-crevedous.livejournal.com]. По существу, в последнем случае можем говорить о крайней форме представления – тождестве образности и пафоса, неразличении этих понятий (пафос = «сказать красиво»). Итак, личность даже в случае образной речи на всякий случай декларирует собственную непафосность, а следовательно, видит в последней одно из условий успешной коммуникации. Кроме того, очевидно, к замечаниям о пафосе в таких случаях говорящего подталкивает и наличие узуальных пафосных сравнений, метафор и тому подобного (*«Что плохого может быть в вере? Только то, что она покрыта ржавчиной фарисейства: благодарю тебя, что я не такой, как этот мытарь. Только то, что она может быть не путеводной звездой (вот вам еще одна знатная червоточина – пафос. О, сколько их/нас упало в эту бездну!) а костью, заменителем собственных сил» [andrey-perla.livejournal.com]).**

Что касается *путеводной звезды* и подобных языковых средств, то здесь необходимо отметить постоянные апелляции к пафосу при употреблении стандартных словосочетаний, фразеологизмов (клише) прежде всего из набора публицистических, некогда экспрессивных единиц, поскольку в этих случаях особенно велик риск квалификации высказывания не только как неискреннего, но и как неоригинального, и отчуждение весьма вероятно: *«Легендарны і, на має меркаваньне, лепшы расейскі панк-гурт "НАИВ" узнавіў сваю дзейнасць, хаця яшчэ ў лістападзе-сьнежні мінулага году музыкі аб'явілі аб сваім сыходзе ў безтэрміновы адпачынак. <...> Гурт па-ранейшаму зьбірае поўныя залі. <...> Хочыцца верыць, што Чача сапраўды ўжо адпачыў і кінуўся да любімай справы, без якой, яму проста як без паветра. прабачце за пафас» [buzzika.livejournal.com]; «Если честно, то после двух часов просмотра лично я начал уставать. Да, хорошие актеры. Да, хорошо играют. Но ощущения прикосновения к искусству, простите за пафос, после просмотра не возникает» [daniil-goodwin.livejournal.com]; «І насправді, це трагедія будь-якої війни – коли, перепрошую за пафос, брат іде на брата» [trina-ka.livejournal.com]; «Будь-яке творіння рук людських*

(сори за непотрібний пафос)стає витвором мистецтва лише в контексті людського сприйняття» [doctor-juta.livejournal.com]. В таких случаях говорящий употреблением подчеркивает наличие нужной ему экспрессии, а метаязыковым комментарием – возможность неоднозначного толкования этой экспрессии.

Второй тип контекстов, детерминирующих извинения за пафос со стороны говорящего, назовем **концептуально обусловленным**. В таких случаях речь идет уже не о природе и характеристиках используемых языковых средств, но о концептах, актуализируемых в речи.

Среди них прежде всего следует назвать концепт РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО. Он может быть вербализован словом – именем концепта («Я не прагну виїхати. Кажу ж: виїхав би, та не можу з багатьох причин. Я тут народився ще за Радянського Союзу, і завжди пишався своєю країною. Бо то моя Батьківщина (вибачайте за пафос!)» [sabeloff.livejournal.com]), а также хоронимами – названиями родной страны говорящего. Причем в контексте обращение к концепту может быть окрашено эмоционально, но это условие не обязательно, как и усиление вербализации на чисто языковом уровне экспрессивными единицами: «Я, простите за пафос, верю в Россию» [arxivov.livejournal.com] (1); «И проблема именно не в том, что "понаехали черножопые", а в том, что они понаехали на место, которое мы с вами сами не культивируем, не обустроиваем, не любим, не ухаживаем, не заботимся. Это место зовется Россия, извините за пафос» [abstract2001.livejournal.com] (2); «Чым нас болей, тым лягчэй будзе астатнім! Кожны з беларускамоўных – гэта чарговы цвѣк у труну рэжыму, гэта крок на шляху да Беларусі. Прабачце за пафас, вырвалася ;)))» [chris-gomel.livejournal.com] (3); «Tak patrzę sobie na to, co dzieje się w kolejce do Pałacu Prezydenckiego gdzie ludzie stojąc po kilkanaście godzin rozmawiają – przeproszam za patos – o Rzeczpospolitej» [www.fronda.pl/gromit/blog] (4); «A jeszcze ważniejsze, że – tam nadzieję – chodzi im o (przeproszam za patos) Polskę» [anna1.salon24.pl] (5). Если фрагменты 1–3 содержат эмоциональную, оценочную лексику, метафорику (хотя все же определяющими в упоминании пафоса они тут, на мой взгляд, не являются, а лишь подкрепляют его), то в 4 и 5 отсылка к пафосу мотивирована исключительно концептуальным уровнем. Таким же вербализатором названного концепта становится этноним, но не в номинативной функции – совершенно очевидно, что в приводимом ниже контексте в этнониме вытесняется сема «национальная принадлежность» семой «национальное сознание», и именно это делает возможным комментарий о пафосе: «Некалі ён [LJ] мне быў проста неабходны, проста, каб зразумець, што ёсць людзі, што ёсць (даруйце патас) беларусы» [razsonca.livejournal.com]. Здесь также стоит обратить внимание, что никаких признаков чисто стилистической экспрессии в отрывке, содержащем метаязыковой комментарий, не наблюдается – причины апелляции к пафосу тут раскрываются в максимально «очищенном» виде.

Подобными комментариями сопровождается и вербализация иных концептов, связанных с общественным долгом («Наконт таго: а ці так важна, што менавіта ТЫ прыйдзеш на Плошчу. ТАК !!! Бо пачуццё свабоды не пачынаецца ніадкуль, і калі ты не разумееш, што ты – гэта свабода, то як ты можаш патрабаваць гэтага ад іншых людзей. Калі ты, раз на год не можаш зрабіць УЧЫНАК, то як ты можаш нават жадаць пра лепшае жыццё, пардон за пафас» [chegor.livejournal.com]), общественными правами («Спрэчка датычыць, даруйце за патас, права чалавека на пошукі праўды» [proczobut.livejournal.com]), гражданской позицией («Свое отношение к Ельцину я – без особого восторга – должна диагностировать, как двойственное. Когда глубоко личностная, человеческая составляющая, безусловно, позитивна. Иными словами, я по-прежнему, с большой симпатией отношусь к Ельцину. Иное дело, если совершенно абстрагироваться от личного, и занять – уж простите за пафос – исключительно гражданскую позицию...» [marina-yudenich.livejournal.com]), подвигом («Респект и уважуха! Вот такие вещи и называются Гражданским Подвигом, простите за пафос»

[shoora_vatman: alxsinelnikov.livejournal.com]). При расширенном извинении (с мотивацией) именно вербализация концепта ПАТРИОТИЗМ служит объяснением выбора языковых средств, маркированных и для адресанта, и для адресата, на которого он рассчитывает: *«przepraszam za ten patos i nadużywanie caps look'a :):) ... ale cóż, uderzając w nitę patriotyczną – po prostu nie potrafię inaczej»* [ebiniecki.blog.pl].

Своеобразный пример, связанный с вербализацией концептов НЕЗАВИСИМОСТЬ, ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ, обнаружен на одном из белорусских блогов: *«...Каб высветліць сваю пазіцыю зазначу што АБСАЛЮТНА не звязваю апазіцыю з незалежнасцю, а свой удзел у любых мерапрыемствах з асобамі іх арганізатараў. Кожны сам выбірае сабе цацкі, прабачце за пафас :)»* [chegor.livejournal.com]. Смайлик маркирует нетипично шутливое употребление рефлексива, и значение вводной конструкции приближается к антифразисному: говорящий осознает, что первое высказывание соотносится с вышеназванными концептами, и принимает меры вначале на уровне переключения стилевого регистра, а потом уже и на метаязыковом уровне. Комментарий в неадекватной позиции становится шуткой, разряжающей пафос еще эффективнее, чем само по себе извинение. А сам адресант презентует себя как языковую личность одновременно на двух уровнях: языковом (полистилистика) и метаязыковом (рефлексия), что раскрывает его коммуникативную многогранность и гибкость.

Концептуально мотивированными обозначениями пафоса нужно считать и обращения к концепту БОГ как к сущности вселенского масштаба (*«Вибачте за, можливо, зайвий пафос, любі читальники але саме тоді здавалося, що Господь тихо і сумно плаче над Україною»* [nikolauskass.livejournal.com]; *«Забагато зараз акцентується на самовираженні автора, а я вважаю, що художник має бути в першу чергу інструментом Творця, Всесвіту (вибачте за пафос)»* [olena-nekora.livejournal.com]) либо как к воплощению совершенства (*«...Просто це любов. Це як Ісус любив людей. Щиро і безкорисно. вибач за пафос...»* [hotpes.livejournal.com]). Характерна и подобная маркировка обращения к концепту ВЕРА: *«...Вокалист Гера Алексеев ухитряется писать неожиданно интересные тексты, порой не без доброй иронии, и всегда эмоционально открытые и наполненные, извините за пафос, искренней верой (некоторые вещи Дружков – это как раз тот редкий случай, когда мне не противно слушать песни о любви на русском языке)»* [ashtray-user.livejournal.com]; *«Мы должны были не соглашаться на конюшню и настаивать, чтобы нам все-таки возвращали здание нашей церкви, за которую погибли люди – наши святые, извините за пафос»* [sangria-s.livejournal.com].

Таким же «пафосно маркированным» концептом в картине мира может оказаться ДОБРО; думаю, в рассматриваемом случае маркированность все-таки связана с общественной семантикой существительного – имени концепта: *«Polska jest dziwnym krajem. Zamiast inwestować w dobro – przepraszam za patos – inwestuje w draństwo»* [janostrzyca.blog.pl]. В целом следует говорить о желании говорящих вводить комментарий о пафосе также там, где речь идет о сфере морали, о человеческих качествах и адресант делает некоторое обобщение: *«А чего там душка мой Боря какой ориентации – меня не свербит. Он честно и добросовестно делает своё актёрское дело на сцене. Ему радуются люди! А радость, честность, благодарность – ведь это так важно в жизни. Извините за пафос»* [lena-turina.livejournal.com]; *«И, что еще большая редкость – «правильное» использование этого таланта. Не для простого зарабатывания «бабла», а для того, чтобы люди становились лучше и разностороннее (уж извините за пафос :)»* [sidhk.livejournal.com].

Встречаются такие же метаязыковые рефлексивы и в случаях вербализации некоторых иных концептов: МЕЧТА (*«Божественный голод – голод человека по мечте, простите за пафос. Голод по воплощенному в жизнь идеалу»* [shakty.livejournal.com]), ВЕЧНОСТЬ (*«...Основной пафос романа все-таки устремлен (простите за пафос) в вечность»* [wild-boris.livejournal.com]) — их более-менее полный список выходит за пределы данного исследования.

Извинения за пафос любопытны также тем, что появляются в ситуации, когда

говорящий переходит по определенным причинам от неких конкретных, «осязаемых» категорий к абстрактным. Несмотря на то что такая логика развития мысли и ее вербализации его устраивает и воспринимается как адекватная, адресанту приходится учитывать возможный побочный эффект высказывания и регулировать его. Так, начав обсуждение в интернет-сообществе community.livejournal.com/by_mova вопроса «Як бы вы перадалі на беларускай слова «движуха»?»; инициатор gwlan в какой-то момент аргументирует свою позицию: «Я наўмысна напісаў не перакласьці, а перадаць: проста ўявіце, што беларускі слэнг ё, толькі дужа бедны (а так, відаць, і ёсьць), трэба ж яго разьвіваць. Пагатоў, двіжуха – ня нейкая расейская рэалія, незнаёмая беларусам. У нас яна таксама жыве ды буяе. Дык што рабіць беларускамоўнаму чалавеку, калі яму хочацца назваць гэта па-беларуску? Не для таго толькі, каб усё абы не па-руску, а таму што гэтага патрабуе нутраная нават ня лёгіка, а проста сам дух мовы – пастаяннае задзейнічаньне ўласных, так бы мовіць, творчых сілаў для мовы ё неабходная ўмова існаваньня (даруйце за лішні патас)».

Концептуальную природу имеют рассматриваемые метаязыковые комментарии к тем высказываниям, в которых извинения за пафос сопровождают апелляцию к прецедентным феноменам, текстам: «можна поумнічаць?) а зьвідкі ці народьоти вийшли? ти думаеш, вони слухають сьому симфонію баха (і звіні за пафос)» [batiarka.livejournal.com]; «...Што тычыцца прыгажосці – яна асляпляе, яна ўзвышае (зноў і зноў – я люблю вачыма), аднак, гэта як адзенне, па ім сустракаюць. А жывуць жа не з адзеннем :) Зноў жа такі прыгажосць у кожнага і для кожнага свая; гэтаксама як і яе значнасьць (на памяць прыходзіць Толстой, героі «Войны і Мира» Мікалай Растоў і Марыя Балконская – перапрашаю за пафас)» [[eskrimador: mara-ja.livejournal.com](http://eskrimador.mara-ja.livejournal.com)]. С одной стороны, как известно, прецедентные тексты формируют концепты, с другой, они сами входят в состав концептов как их потенциальные актуализаторы. Итак, подобный речевой материал ставит перед нами проблему пафосности прецедентных имен, скажем, тех же героев «Войны и мира». На мой взгляд, здесь для говорящего пафосность определяется именно апелляцией к той части концепта КРАСОТА, которая содержит знания о прецедентных феноменах, в то время как многие коммуниканты могли бы в таких случаях обойтись в вербализации концепта без этого уровня, ограничившись декларативными знаниями (собственно, все высказывание, кроме примера в скобках, так и построено) либо – максимум – отсылкой к неким сценариям, почерпнутым из собственного или чьего-то опыта. Точно так же маркируется отсылка к философским знаниям в ходе вербализации того же концепта: «Марлен Дитрих – одна из самых красивых женщин. Её красота совершенно культурна, в ней мало витальной сексапильности, много бисексуального эротизма – почти платоновского, уж извините за пафос» [poli-kolozaridi.livejournal.com] (кроме имени философа, тут важнейшую роль играет лексика с коннотациями научно-рационального осмысления действительности, что приближает пример и к первой группе контекстов – привлечение книжной лексики). Последнее свидетельствует о наличии промежуточных феноменов, а точнее, объединяющих признаки обеих групп: «Когда Бог кладет вам на порог чужое горе, вы можете сделать из него СВОЕ СЧАСТЬЕ. От этого покривившаяся от наших грехов земная ось (простите за пафос) может слегка выпрямиться» [vespro.livejournal.com] (сфера морали, концепт БОГ + экспрессивная нестертая метафора).

В завершение стоит отметить, что частота и специфические коммуникативные условия извинений за пафос обращают на себя внимание в том числе и самих блогеров: «Современные люди (среди моих знакомых таких много) испытывают активную идиосинкразию к пафосу любого рода. У них на него аллергия, проявляющаяся немедленно в мурашках на спине, покраснению кожных покровов, фырканью изо рта, вспышкам цинизма и словесному поносу. Что хочется сказать... Хочется, во-первых, в очередной раз повторить слова Дарта Вейдера: «Мне не нравится ваш цинизм» (русск.) / "I find your lack of faith disturbing" (англ.), а во-вторых с прискорбием констатировать, что, благодаря этому заболеванию, многие высокие движения человеческой души (простите за пафос... Ой,

у вас мурашки побежали!) остаются для этих аллергиков непознанными и недоступными. Стоит ли об этом переживать? Вряд ли. Нам, романтикам, больше достанется. :)» [zahar.livejournal.com]; «Якщо з вас сміються, це зовсім не означає, що ви неправі. Висміювати неважко. Висміяти можна все, ніхто від цього не застрахований, ніщо від цього не убезпечено. Тим паче в епоху *postpostmoderну*. У Всесвітній мережі, на форумах і блогах ходячою фразою стало сором'язливе «перепрошую за пафос». Авжеж, говорити про серйозне – ніяково. Це нам так *десакралізація і переоцінка цінностей відбльовується*» [http://blog.meta.ua/~lucinissima]. В этих случаях авторы сообщений целенаправленно «снимают» со слова *пафос* отрицательные коннотемы, накопившиеся в дискурсивных практиках, и таким образом тоже позиционируют себя как языковую личность с собственным тезаурусом. Можно считать извинения за пафос тенденцией персонализированного интернет-дискурса современности, принимаемой либо отклоняемой личностью, в этом пространстве пребывающей.

Контексты, в которых появляются извинения за пафос, как показывает материал, могут быть весьма разнообразными по своей природе в зависимости от того, как понимает слово *пафос* говорящий и, что еще важнее, какого понимания он ожидает от адресата. Но в любом случае прагматической доминантой такого метаязыкового комментария является стремление адресанта избежать отчуждения, которое гипотетически может быть вызвано выбором языковых средств в ХОДЕ коммуникации.

Литература

- БЕПРЕВА, И., 2005. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 384 с.
МЕЧКОВСКАЯ, Н., 2000. *Социальная лингвистика*. Москва: Аспект Пресс, 208 с.
РАТМАЙР, Р., 2003. *Прагматика извинения*. Москва: Языки славянской культуры, 272 с.

Roman Tryfonov

V. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Research interests: pragmatics, cognitive linguistics, language personality

SOME PRAGMATIC PECULIARITIES OF APOLOGIES FOR PATHOS IN THE BLOGOSPHERE (ON THE MATERIAL OF SLAVONIC LANGUAGES)

Summary

On the material of the Ukrainian, Russian, Byelorussian and Polish languages, the contexts from personal blogs are considered, in which the authors accompany their statements with metalingual commentary — an apology for pathos. Two types of such contexts are marked out, according to either their stylistic or conceptual determinancy. In the first case, the author regards the expressivity level as the one requiring special remarks on its relevance and appropriateness to the subject. In the second case, the issue is actualization of the concepts connected with public duty, civil position or faith — the situation requiring language means which the addresser and the addressee associate with pathos as a special discourse category. The role of these kinds of metalingual commentaries in the addresser's desire to avoid communicative alienation is accentuated.

KEY WORDS: pathos, language of blogs, expression, conceptualization, metalanguage, pragmatics.

Jeļena Zaščerinska

University of Latvia

Jūrmalas gatve 74/76, Rīga 1083, Latvia

Tel.: +371 29435142

E-mail.: knezna@inbox.lv

Research interests: language education, language education in engineering and business education

COMMUNICATIVE COMPETENCE: EXISTING CONCEPTS AND PROSPECTS FOR FURTHER DEVELOPMENT

Communicative competence is set out to be one of the eight key competences which individuals need for personal fulfilment and development, active citizenship, social inclusion and employment (European Commission 2004, p. 3). The success of the sustainable development of communicative competence requires existing concepts of communicative competence and prospects for further development to be considered. The aim of the following paper is to analyze existing concepts of communicative competence and to elaborate hypothesis for further studies. The findings of the research allow putting forth the following hypothesis on the prospects of the development of the concept of competence and innovation in education (Lifelong Learning for Creativity and Innovation 2008, p. 4): the extended concept of competence includes the ability to innovate knowledge – the creation, dissemination and application of knowledge that allows using the term innovation competence while the communicative competence remains the overall concept.

KEY WORDS: competence, communicative competence, communicative language competence, communication competence, innovation competence

Introduction

Communicative competence that involves language (Druviete 2007, p. 12) is set out to be one of the eight key competences which individuals need for personal fulfilment and development, active citizenship, social inclusion and employment (European Commission 2004, p. 3).

The term *communicative competence* is comprised of two words, the combination of which means *competence to communicate* with the central word *competence* (Bagarić, Djigunović 2007, p. 94).

The concepts of communicative competence have been constantly changed and accompanied by a change in the originally used terms, namely, language proficiency, communicative proficiency, communicative language ability, communicative language competence etc. (Bagarić, Djigunović 2007, p. 99) and communication competence (Zaščerinska 2008, p. 1-8) understood as “competence in communication” (McCroskey 1984, p. 259).

The term communicative competence is employed by a number of researchers in the Baltic region and other countries:

- communicative competence (Briede 1996; Игнатъева 1999; Kramiņa 2000; Барышева, 2004; Lūka 2006; Stanionis, Kilivuniene 2008; Skrinda 2008) and

- language competence (Фролова 2002; Kramiņš 2004; Laiveniece 2004; Lūka 2008);

- research on communication competence in the United States of America emphasises the psychological approach (Almeida 2002; McDowell 2000; Keyton and Strawn 1999; Hugenberg and Yoder 1994; Schaller and DeWine 1993) and the intercultural approach (Bradford, Allen and Beisser 1998; Savignon 1976);

- the research on communication competence in China has tended to focus on Chinese communication behaviours where confucianism is generally identified as the foundation of Chinese culture and tradition (Chon 1993);

- the definitions of the communication in the mother tongue competence and the communication in a foreign language competence (European Commission 2004, p. 7);

- the research on *Peculiarities of Novice Educators' and Students Trainees' Communication Competence* in Lithuania (Stankeviciene, Kraujeliene, 2008).

The aim of the following paper is to analyze existing concepts of communicative competence and to elaborate hypothesis for further studies. The search for the prospects of the further development of communicative competence involves a process of analyzing the meaning of key concepts, namely, *competence*, *communicative competence*, *communicative language competence*, *communication competence* and *innovation competence*. The study would show a potential model for development indicating how the steps of the process are related following a logical chain: competence → communicative competence → communicative language competence → communication competence → innovation competence.

The remaining part of this article is organized as follows: The introductory state-of-the-art section demonstrates the author’s position on the topic of the research. The following part of the paper introduces the historical perspective on existing concepts of communicative competence in linguistics. Finally, some concluding remarks are provided.

State-of-the-art

The modern issues of global developmental trends emphasize “a prime importance in sustainable development that is to meet the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs” (Zimmermann 2003, p. 9). Thus, sustainable personality is a person who sees relationships and inter-relationships between nature, society and the economy (Rohweder 2007, p. 24). In other words, this is a person who is able to develop the system of external and internal perspectives, and in turn this development of the system of external and internal perspectives becomes the main condition for the sustainable personality to develop. For instance, the concern of the European Union, namely, to become “the most competitive and dynamic knowledge-based economy in the world capable of sustainable economic growth with more and better jobs and greater social cohesion” (European Commission, 2004, p. 2) and Latvia, namely, to increase its welfare whereas the most valuable resources of a government are its population’s dreams and expectations (Volkova 2006, p. 1) for the creative economics, demonstrates the significance of developing the system of external and internal perspectives for the development of humans, institutions and society because the more diverse humans are, the wiser is mankind (Maslo 2006a, p. 16) where everyone is responsible for the world and history, for his/her own unique fate and for the fate of nature and culture (Паюв 2007, p. 140).

Thus, the life necessity to develop the system of two perspectives, namely, external and internal, determines the research methodology of communicative competence as depicted in Figure 1 by Ahrens and Zašcerinska (2010, p. 180):

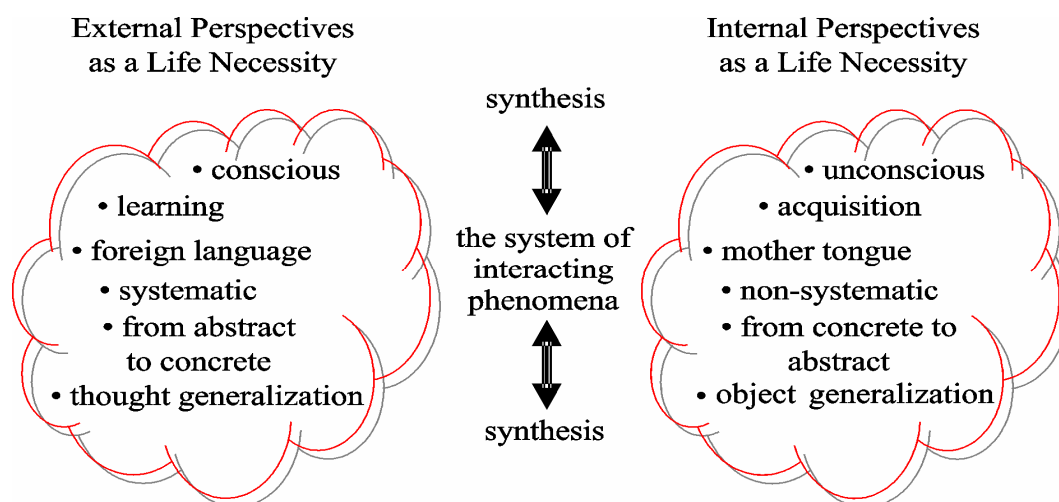

Figure 1: Developing the system of external and internal perspectives as a life necessity

However, in real life sustainable personality is often perceived from one of the perspectives: from the internal perspective accentuating cognition, from the external perspective

accentuating social interaction and finding a balance between the external and internal perspectives (Surikova 2007, p. 29).

The methodological foundation of the present research on communicative competence within a multicultural environment is formed by the System-Constructivist Theory based on (Maslo 2006b, p. 39; Homiča 2009 p. 46) Parson's system theory (1976, p. 9-30) where any activity is considered as a system, Luhmann's theory (1988, p. 1-14) which emphasizes communication as a system, theory of symbolic interactionism (Mead 1973; Goffman 1977) and theory of subjectivism (Groeben 1986).

Thus, the System-Constructivist Theory and, consequently, the system-constructivist approach to learning introduced by Reich (2005) emphasizes that a human being's point of view depends on the subjective aspect: everyone has his/her own system of external and internal perspectives (See Figure 1) that is a complex open system (Rudzinska 2008, p. 366) and experience plays the central role in a construction process (Maslo 2007, p. 39).

Thus, four approaches to the communicative competence within a multicultural environment are revealed: from the internal perspective accentuating cognition, from the external perspective accentuating social interaction, finding a balance between the external and internal perspectives and developing the system of the external and internal perspectives.

The fourth approach is considered to be applicable to the present research on the communicative competence within a multicultural environment.

Moreover, the author's position on the topic of the present research, namely, developing the system of the external and internal perspectives, is reflected in the principles of mutual sustainability and mutual complementarity based on the methodology of the present research. The principle of mutual sustainability means to provide a complex of possibilities that allows for everyone (both student and teacher in the context of the present research) to learn (Панов 2007 p. 72). And the reflected principle of complementarity points that opposite things (principles in the context of the present research) supplement each other for finding the truth (Grabovska 2006, p. 21-22).

Thus, the present research is a social product (Ольшанский 2000, p. 7) where the prerequisite is dialogue (Ольшанский 2000, p. 6).

A historical perspective on existing concepts of communicative competence in linguistics

The present part of the research focuses on the historical perspective of the development of the concept *competence* in the linguistic discourse.

Competence as a scientific category was first mentioned in Chomsky's linguistic theory (1965) as an analytical category to explain the language as a phenomenon.

Chomsky considers that "linguistic theory is concerned primarily with the ideal speaker-listener, in a completely homogeneous speech-community, who knows its language perfectly and is unaffected by such grammatically irrelevant conditions as memory limitations, distractions, shifts of attention and interest, and errors (random or characteristic) in applying his knowledge of the language in actual performance" (Chomsky 1965, p. 3-4). Thus, he makes "a fundamental distinction between *competence* (the speaker-hearer's knowledge of his language) and *performance* (the actual use of language in concrete situations)" (Chomsky 1965, p. 4) addressing the concept of language not as merely a systematic inventory of items but "to Humboldtian conception of underlying competence as a system of generative processes" (Chomsky 1965, p. 4).

Hence, Chomsky's linguistic theory relates competence to monolingual native speakers and defines *competence* as the knowledge of the language (Karapetjana 2007, p. 15).

Then, the theory of context of the anthropologist Malinowski is emphasized for the further development of the concept *competence* (Karapetjana 2007, p. 15): the concepts of the context of the situation (the environment of the text) and the context of culture have been created where the context of culture is the environment of the linguistic system and is of importance on the level of language use and interpretation. Malinowski's concept of the context of the situation that includes

the participants of the situation, their verbal and non-verbal actions, the effects of these actions, and other relevant features, objects, and events was generalized (Karapetjana 2007, p. 15).

Then, the concept *communicative competence* proposed by Hymes meant an ability to use the language in a social context (Karapetjana 2007, p. 16): Hymes considers competence to be the most general concept for the capabilities of a person that is dependent upon (tacit) knowledge and (ability for) use (Hymes 1971, p. 50). Thus, Hymes refers to an individual's ability to use speech appropriately in a variety of social contexts (Karapetjana 2007, p. 16): the scholar seems to be concerned with the social and cultural knowledge that speakers need in order to communicate successfully by understanding and using linguistic means (Hymes 1971, p. 282).

Thus, the concept *competence* has been extended to include the ability to use it (Karapetjana 2007, p. 16) as highlighted in Table 1.

Table 1. Two phases of the development of the concept competence

Phase	Name of the competence	Definition	Theoretical background
1.	competence	the speaker-hearer's knowledge of his language	Chomsky's linguistic theory (Chomsky 1965, p. 4)
2.	communicative competence	capabilities of a person dependent upon (tacit) knowledge and (ability for) use	The concept of <i>communicative competence</i> by Hymes (Hymes 1971, p. 50).

Common European Framework is consistent with the earlier work in communicative competence (Savignon 1983, 2000; Canale and Swain 1980, etc) and seems to have provided the most comprehensive description of communicative language competences (Karapetjana 2007 p. 14-17): the ability to use a language communicatively entails both knowledge in the language and the ability of using it (Council of Europe 2001, p. 9).

Thus, the concept *competence* has been extended to include both the knowledge and the ability to use it (Karapetjana 2007, p. 16) (See Table 2) that can be illustrated by the following example: communicative competence is the ability in real life situations to use a language both receptively and productively (Lūka 2006, p. 221).

Table 2. Three phases of the development of the concept competence

Phase	Name of the competence	Definition	Theoretical background
1.	competence	the speaker-hearer's knowledge of his language	Chomsky's linguistic theory (Chomsky 1965, p. 4)
2.	communicative competence	capabilities of a person dependent upon (tacit) knowledge and (ability for) use	The concept of <i>communicative competence</i> by Hymes (Hymes 1971, p. 50).
3.	communicative language competence	the ability to use a language communicatively entails both knowledge in the language and the ability of using it	Council of Europe (2001, p. 9)

The *communicative competence* concepts as the basis of developing the system of external and internal perspectives involves the components highlighted in Table 3.

Table,3. Communicative competence as developing the system of external and internal perspectives

External Perspective	Developing the System,	Internal Perspective
meaning	Regulating Dissonance	sense
denotation	schemas	personal meaning
scientific	chunks	spontaneous
whole	gambits	part
	concept system	connotation
	grammar	
	new type of function	

Thus, the concept *competence* has been extended to include the knowledge, the ability to use it and the ability to create knowledge (Zaščerinska 2009, p. 3; Reeves 2009, p. 1) that allows using the term *communication competence* in the frame of the present research while the communicative competence remains the overall concept (See Table 4).

Table 4. Four phases of the development of the concept competence

Phase	Name of the competence	Definition	Theoretical background
1.	competence	the speaker-hearer's knowledge of his language	Chomsky's linguistic theory (Chomsky 1965, p. 4)
2.	communicative competence	capabilities of a person dependent upon (tacit) knowledge and (ability for) use	The concept of <i>communicative competence</i> by Hymes (1971, p. 50).
3.	communicative language competence	the ability to use a language communicatively entails both knowledge in the language and the ability of using it	Council of Europe (2001, p. 9)
4.	communication competence	- the knowledge, the ability to use it and the ability to create knowledge; - knowledge usage, exchange and creation	The overall concept <i>communicative competence</i> on the basis of System-Constructivist Theory (Zaščerinska 2009, p. 3); the practice-based master programme's activity which uses a hybrid pedagogy combining both schooling and developmental strategies (Reeves 2009, p. 1)

Conclusion

The findings of the research allow putting forth the following hypothesis on the prospects of the development of *competence* concept and innovation in education (Lifelong Learning for Creativity and Innovation 2008, p. 4) (See Table 5): the extended concept *competence* includes the ability to innovate knowledge – the creation, dissemination and application of knowledge that allows using the term *innovation competence* in the frame of the present research while the *communicative competence* remains the overall concept.

Table 5. Five phases of the development of the concept competence

Phase	Name of the competence	Definition	Theoretical background
1.	competence	the speaker-hearer's knowledge of his language	Chomsky's linguistic theory (Chomsky 1965, p. 4)
2.	communicative competence	capabilities of a person dependent upon (tacit) knowledge and (ability for) use	The concept of <i>communicative competence</i> by Hymes (Hymes 1971, p. 50).
3.	communicative language competence	the ability to use a language communicatively entails both knowledge in the language and the ability of using it	Council of Europe (2001, p. 9)
4.	communication competence	- the knowledge, the ability to use it and the ability to create knowledge; - knowledge usage, exchange and creation	The overall concept <i>communicative competence</i> on the basis of System-Constructivist Theory (Zaščerinska 2009, p. 3); the practice-based master's programme's activity which uses a hybrid pedagogy combining both schooling and developmental strategies (Reeves 2009, p. 1)
5.	innovation competence	the ability to innovate knowledge – the creation, dissemination and application of knowledge	Lifelong Learning for Creativity and Innovation, 2008, p. 4

It might be stressed that the emphasis of the System-Constructivist Theory on the subjective aspect of human being's point of view and experience that plays the central role in a construction process does not allow analyzing the concept *competence* objectively: human beings do not always realize their experience and their wants in the use of communicative competence.

References

- AHRENS, A.; ZAŠČERINSKA, J., 2010. Social Dimension of Web 2.0 in Student Teacher Professional Development. Issue of Association for Teacher Education in Europe Spring Conference 2010: *Teacher of the 21st Century: Quality Education for Quality Teaching*, Riga, Latvia, 7-8 May 2010, Publisher: Pedagogicka fakulta Univerzity Karlovy v Praze, M.D. Rettigove 4, 11639, Praha 1, www.pdf.cuni.cz, pp. 179-186 (ISBN 978-9984-49-027-4).
- ALMEIDA, E. P., 2002. *A Discourse Analysis of Student Perceptions of Their Communication Competence*. Paper presented at Annual Meeting of the Southern States Communication Association (Winston-Salem, NC, April 3-7, 2002), Publisher: the Southern States Communication Association, p. 20.
- BAGARIC, V.; DJIGUNOVIC, J. M. 2007. Defining Communicative Competence. Publisher: *Metodika* Vol. 8, br. 1, 2007, pp. 94-103.
- BRADFORD, L.; ALLEN, M.; BEISSER, K., 1998. *An Evaluation and Meta-Analysis of Intercultural Communication Competence Research*. Research. Publisher: University of Wisconsin-Milwaukee, the USA. pp. 46.
- BRIEDE, B., 1996. *Studentu komunikatīvo prasmju līmeņa paaugstināšanas pedagoģiski psiholoģiski līdzekļi*. Promocijas darbs. Publisher: Latvijas Universitāte, Rīgā, Latvijā. pp. 173.
- CANALE, M. and SWAIN, M., 1980. 'Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing', Publisher: *Applied Linguistics* 1980 I(1): 1-47; doi:10.1093/applin/I.1.1.
- CHOMSKY, N., 1965. *Aspects of the Theory of Syntax*. Publisher: the Massachusetts Institute of Technology, pp. 236.

- CHON, G., 1993. *A Chinese Perspective of Communication Competence*. Annual Meeting of the Speech Communication Association (79th, Miami, FL, November 18-21, 1993). Publisher: the Speech Communication Association.
- Council of Europe, 2001. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Publisher: Cambridge University Press. pp. 264. Retrieved 28/04/2008 from http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/CADRE_EN.asp.
- DRUVIETE, I., 2007. Identity, Language Diversity, Multilingualism: Challenges for the 21st Century Education Systems. Publisher: International Nordic-Baltic Region Conference of FIPLV *Innovations in Language Teaching and Learning in the Multicultural Context* 15-16th June, 2007, Riga, Latvia, pp. 11-19.
- European Commission Directorate-General For Education And Culture., 2004. *Implementation of "Education and Training 2010" Work Programme. Working Group B "Key Competences". Key Competences for Lifelong Learning*. A European Reference Framework November 2004. Publisher: European Commission Directorate-General for Education and Culture, pp. 20.
- GOFFMAN, E., 1977. *Rahmen-Analyse*. Ein Versuch über die Organisation von Alltagserfahrungen. Publisher: Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1977, p. 377 [KZfSS/SH34/Rucht/337]
- GRABOVSKA, R., 2006. *Ilgspējības principa īstenošana skolotāju izglītībā*. Promocijas darbs. Publisher: Daugavpils Universitāte, Latvijā. pp. 139.
- GROEBEN, N., 1986. *Handeln, Tun, Verhalten als Einheiten einer verstehend-erklärenden Psychologie*. Publisher: Tübingen: Francke. ISBN 10: 3772017770, 3772017932, 1986, p. 477
- HOMIČA, A., 2009. *The Approach of Constructivism in the Improvement of the Competence of Professional Physical Preparedness of the Students of Police Academy of Latvia*. Synopsis of unpublished doctoral dissertation. Publisher: Latvia's Academy of Sport Education, Riga, Latvia. pp. 1-68. Retrieved January 3, 2010 from [http://www.lspa.lv/html/lv/aktualitates/2009/promocijas_darbi/1/Disertacijas%20kopsavilkums%20\(A.Homicha\).pdf](http://www.lspa.lv/html/lv/aktualitates/2009/promocijas_darbi/1/Disertacijas%20kopsavilkums%20(A.Homicha).pdf)
- HUGENBERG, L.; YODER, D., 1994. *Communication Competence: A Reaction to the „Competent Speaker Speech Evaluation Form”*. Paper presented at Annual Meeting of the Eastern Communication Association (Washington, DC, April 28 – May1, 1994). Publisher: the Eastern Communication Association, pp. 19.
- HYMES, D., 1971. On Communicative Competence. In: V. Lee (Ed). *Language Development*. Publisher: The Open University 1979. pp. 36-63.
- KARAPETJANA, I., 2007. *Language in Bachelor Papers as a Result of the Development of Lingua-Functional Research Competence*. Doctoral Thesis. Publisher: University of Latvia Faculty of Modern Languages, Riga, Latvia. pp. 195.
- KEYTON, J.; STRAWN, D., 1999. *Evaluating Communication Competence: A Comparison of Majors and Non-Majors*. Paper presented at Annual Meeting of the National Communication Association (85th, Chicago, IL, November 4-7, 1999). Publisher: the National Communication Association, pp. 21.
- KRAMIŅA, I., 2000. *Lingo – Didactic Theories Underlying Multi – Purpose Language Acquisition*. Monograph. Publisher: University of Latvia, Riga, Latvia, pp.223.
- KRAMIŅŠ, E., 2004. *Studentu runas prasmju pilnveidošanās saziņas procesā*. Promocijas darbs. Publisher: Latvijas Universitāte, Rīgā, Latvijā. pp. 306.
- LAIVENIECE, D., 2004. *Latviešu (dzimtās) valodas mācību modelis pusaudžu vecuma skolēniem*. Promocijas darbs. Publisher: Latvijas Universitāte, Rīgā, Latvijā. pp. 391.
- Lifelong Learning For Creativity And Innovation, 2008. *Lifelong Learning for Creativity and Innovation. A Background Paper*. February 2008. Publisher: Lifelong Learning for Creativity and Innovation, pp. 19. Retrieved 10/04/2009 from <http://www.sac.smm.lt/images/12%20Vertimas%20SAC%20Creativity%20and%20innovation%20-%20SI%20Presidency%20paper%20anglu%20k.pdf>.
- LUHMAN, N., 1988. Erkenntnis als Konstruktion. Bern: Benteli. pp. 1-14.
- LŪKA, I., 2006. *Developing Communicative Competence in Teaching English for Students of the Tourism Industry*. Publisher: Latvijas Universitātes raksti. 2006. 700. sēj. Pedagoģija un skolotāju izglītība, pp. 217-228.
- LŪKA, I., 2008. *Development of Students' ESP Competence and Educator's Professional Activity in Tertiary Level Tourism Studies*. Publisher: ATEE Spring University Conference *Teacher of the 21st Century: Quality Education for Quality Teaching* University of Latvia, May 2-3, 2008, Riga, Latvia. Pp. 689-697. Retrieved 28/04/2008 from http://www.lu.lv/materiali/apgads/izdevumi/konferences/atee_spring_university/ATEE_08-session.pdf.
- MASLO, E., 2007. *Transformative Learning Space for Life-Long Foreign Languages Learning*. Publisher: International Nordic-Baltic Region Conference of FIPLV *Innovations in Language Teaching and Learning in the Multicultural Context* 15-16th June, 2007, Riga, Latvia, pp. 38-46.
- MASLO, I., 2006a. Introduction. In: *No zināšanām uz kompetentu darbību*. Publisher: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, pp.13-19.
- MASLO, I., 2006b. Skolotāju sociālintegrējošās darbības modelēšana. In: *No zināšanām uz kompetentu darbību*. Publisher: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, pp. 35-44.
- McCROSKEY, J. C., 1984. Communication competence. The elusive construct. In N. Bostrom (Ed.) *Competence in communication: A multidisciplinary approach*. Publisher: Beverly Hills, CA: SAGE Publications. pp. 259-268.
- McDOWELL, E. E., 2000. *An Investigation of High School Students' Perceptions of Reticence and Cognitive Communication Competence*. Research. Publisher: University of Minnesota, the USA. Pp. 20.

- MEAD, G. H., 1973. *Geist, Identitat, und Gessellschaft*. Publisher: Frankfurt. A. M. pp. 298.
- PARSON, T., 1976. *Theorie sozialer Systeme*. Publisher: Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 9-30.
- REEVES, J., 2009. *Developing Competence: knowledge usage and creation on a practice-based master's programme*. Publisher: European Educational Research Association's conference "Theory and Evidence in European Educational Research" Vienna, Austria, 25-30 September 2009.
- REICH, K., 2005. *Systemisch-konstruktivistische Pädagogik*. Publisher: Weinheim u.a. (Beltz), 2005, pp. 299.
- ROHWEDER, L., 2007. *What kind of Sustainable Development do we talk about?* In: Kaivola, T., & Rohweder, L (Eds) *Towards Sustainable Development in Higher Education – Reflections. Ministry of Education in Finland*. Publisher: Joint Seminar by the national ESD-Resource Centre & the UniPID-Network "Dialogues on Sustainable Paths for the Future: Ethics, Welfare and Responsibility", 7–8 May 2007, pp. 22-27. Retrieved 13/06/2009 from <http://www.minedu.fi/export/sites/default/OPM/Julkaisut/2007/liitteet/opm06.pdf?lang=e>.
- RUDZINSKA, I. 2008. *The Quality of Aim Setting and Achieved Results in English for Specific Purposes-Study Course in Lecturers and Students' Opinion*. Publisher: the ATEE Spring University Conference *Teacher of the 21st Century: Quality Education for Quality Teaching*. University of Latvia, Riga, Latvia, 2008, ISBN 978-9984-825-51-9, p. 366-373. Retrieved 30/04/2008 from http://www.ppf.lu.lv/pn/dalibnieki-results_ab.php.
- SAVIGNON, S. J. (Ed), 2000. *Interpreting communicative language teaching*. In S. J. Savignon (Ed.). *Interpreting Communicative Language Teaching*. Publisher: London: Yale University Press, pp. 1-27.
- SAVIGNON, S. J., 1976. *Communicative Competence: An Experiment in Foreign Language Teaching*. Philadelphia: Publisher: Centre for CurriculumNewbury House (second edition, 1976). Pp. 23.
- SAVIGNON, S. J., 1983. *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice*. Publisher: copyright by Addison-Wesley Publishing Company, Inc. pp. 322.
- SCHALLER, K.; DeWINE, S., 1993. *The Development of a Communication-Based Model of Teacher Efficacy*. Paper presented at Annual Meeting of the Speech Communication Association (79th, Miami, FL, November 18-21, 1993). Publisher: the Speech Communication Association, pp. 33.
- SKRINDA, A., 2008. *Studentu komunikatīvās kompetences attīstība angļu leksikas apguvē*. Promocijas darbs. Publisher: Daugavpils Universitāte, Latvijā, pp. 121.
- STANIONIS, R.; KILIVUIENE, D., 2008. *Developing Communicative Competence in the Process of English Language Teaching in Lithuanian Secondary Schools*. Publisher: ATEE Spring University Conference *Teacher of the 21st Century: Quality Education for Quality Teaching*. University of Latvia, May 2-3, 2008, Riga, Latvia. pp. 272-280. Retrieved 01/05/2010 from http://www.lu.lv/materiali/apgads/izdevumi/konferences/atee_spring_university/ATEE_03-session.pdf.
- STANKEVICIENE, K., KRAUJELIENE, A. 2008. *Peculiarities of Novice Educators' and Students Trainees' Communication Competence*. Publisher: ATEE Spring University Conference *Teacher of the 21st Century: Quality Education for Quality Teaching*. University of Latvia, May 2-3, 2008, Riga, Latvia. Retrieved 30/04/2008 from http://www.ppf.lu.lv/pn/dalibnieki-results_ab.php.
- SURIKOVA, S., 2007. *Model of Developing Pupils' Social Competence and Its Algorithm of Introducing in the Primary School Teaching/Learning Process*. Publisher: ATEE Spring University 2007, 2. *Changing Education in a Changing Society*. May 3-6, 2007, Klaipeda University, Lithuania, pp. 253-263.
- VOLKOVA, T., 2006. *Radošā ekonomika Latvijas labklājības virzītājspēks*. Publisher: 11. starptautiskā kreativitātes konference "Kreativiāte kā process" Rīgas Pedagoģijas un izglītības vadības augstskola 2006. gada 10.-11. novembrī, Rīga, Latvijā.
- ZAŠCERINSKA, J., 2008. *Defining Communication Competence*. Publisher: the 1st International Conference on *Engineering and Business Education* at the European Centre for Engineering and Business Education of the Hochschule Wismar, University of Technology, Business and Design, the 14th-17th September 2008 Wismar, Germany.
- ZAŠCERINSKA, J., 2009. *Organisation of English for Academic Purposes Activity for Developing Communicative Competence*. Publisher: Journal of International Scientific Publications: *Language, Individual & Society*, Volume 3, pp. 140-173. ISSN: 1313 2547, Retrieved 02/05/2010 from <http://www.science-journals.eu/lis/JISP-Language-Individual-Society-3-2009.swf>.
- ZIMMERMANN, B. 2003. *Education for Sustainable Development – Baltic 21. An Agenda 21 for the Baltic Sea Region*. Publisher: Danish Ministry of Education. Retrieved 13/06/2007 from <http://pub.uvm.dk/2003/learnersguide/>.
- БАРЫШЕВА, С., 2004. *Формирование коммуникативной компетенции в системе обучения иноязычной речевой деятельности студентов медицинских вузов*. Дис. канд. пед. наук. <http://www.aist.agni-age.net/index.php?action=dissertations>.
- ИГНАТЬЕВА, Л., 1999. *Развитие коммуникативной компетенции старшеклассника в процессе обучения риторике*. Рига: из-во Латвийского университета.
- ОЛЬШАНСКИЙ, Д., 2000. *Диалогический принцип Михаила Бахтина как отражение гносеологической парадигмы русской мысли и лингвистических проблем неклассической философии*. *Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии*, № 1/2000, София: Общество ревнителей русской философии., Филос. фак. Урал. гос. ун-та; ред. Б. В. Емельянов. – Екатеринбург: Б. с. 1–10. on-line. <http://www.eunnet.net/sofia/01-2000/text/0110.html>.

ПАНОВ, В. И., 2007. *Психодидактика образовательных систем. Теория и практика*. Санкт-Петербург: ПИТЕР, с. 1-347.

ФРОЛОВА, Н., 2002. *Психолого-педагогические условия формирования языковой компетенции будущих военных специалистов в вузе*. Дис. канд. пед. Наук. <http://www.pavelobraztsov.narod.ru/theseses.htm>.

Елена Защеринская

Латвийский университет, Латвия

Научные интересы: языковое образование, языковое образование в инженерном образовании

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Резюме

Образование на основе развития компетенций дает новые знания в рамке «треугольника знаний» образования, научных исследований и инноваций. Коммуникативная компетенция, включающая в себя язык, имеет наибольшее значение из восьми ключевых компетенций необходимых для личностной самореализации и развития, активной гражданской позиции, социальной интеграции и трудоустройства (Европейская рамочная конвенция, 2001, р. 3). Современные учителя должны стать более осведомленными и более чутко реагировать на возникающие потребности на рынке образовательных услуг, чтобы внести решающий вклад в устойчивое развитие коммуникативной компетенции учащихся. Успех устойчивого развития коммуникативной компетенции студентов требует проанализировать существующие концепции коммуникативной компетенции и перспективы их дальнейшего развития. Целью работы является анализ существующих концепций коммуникативной компетенции и гипотеза для дальнейших исследований. Заключение показывает, что концепции коммуникативной компетенции постоянно меняются и сопровождаются изменениями в терминологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникативная языковая компетенция, коммуникационная компетенция, инновационная компетенция

Анастасия Земскова

Самарский филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

ул. Ново-Вокзальная 213, Самара 443084, Россия

Эл. почта: stasia20z@mail.ru

Научные интересы: когнитивная лингвистика.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются лингвокультурные и лингвосемиотические параметры англоязычного дискурса гастрономии / глuttonии. Изучается также презентационная специфика и структура англоязычного гастрономического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *гастрономия, дискурс, концепт, языковая личность*

Гастрономический дискурс личностно ориентирован и представляет собой знаковую систему, лингвосемиотическое пространство которой организовано в соответствии с такими параметрами, как специфические знаки национальной культуры и самоидентификации этноса, социальные и гендерные характеристики, а также прочие факторы, оказывающие воздействие на потребителя. Конститутивными признаками данного типа дискурса являются своеобразная коммуникативная среда; мотивы, цели, стратегии, особый механизм развертывания общения; канал, режим, тональность, стиль и жанры общения; специфические тексты с невербальными включениями.

В структуре гастрономического дискурса выделяются *участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы*. Участниками являются: *агент*, то есть человек, обладающий большим опытом, навыками, умениями, знаниями в области глuttonии, или служащий заведения общественного питания (например, *waiter*), и *клиент*, то есть человек, намеревающийся что-либо приготовить, или посетитель заведения общественного питания (*client*).

Хронотопом гастрономического дискурса является: *время (хронос)*, закрепленное за кулинарным производственным процессом и обслуживанием посетителей любого заведения общественного питания, и *место (топос)*, где происходит соответствующая работа по приготовлению пищи и обслуживанию посетителей. В качестве *целей* гастрономического дискурса выделены: передача опыта или обучение, ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, оценка какого-либо рецепта на основании своего опыта, формирование пищевых предпочтений и пищевых доминант (столовый этикет, правила поведения за столом и т.д.). *Ценности* гастрономического дискурса, сконцентрированные в отношении к процессу приготовления пищи (прагматическое, ритуальное, эстетическое), выражаются в воспитании этических и эстетических норм поведения потребителей, а также в классовых различиях потребителей пищи. *Стратегией* данного вида дискурса является задача как можно более профессионально, с учетом всех требований обслужить участника коммуникации (клиента, посетителя). В качестве *прецедентных текстов* используются путеводители и материалы англоязычных журналов, книг, веб-страниц, посвященных кулинарной тематике, представляющие собой феномен лингвовизуальной коммуникации и выступающие средством отражения информации о самоидентификации народов, проживающих на территории Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Участники гастрономического дискурса в англоязычной лингвокультуре номинированы следующими англоязычными лексическими средствами:

1) *waiter, waitress, server* (AmE), *waitperson* (AmE) – официант;

2) *barista; barman; barmaid; bartender* – официант/ официантка/ в баре, пивной; бармен, буфетчица;

3) *bus boy* (AmE) – помощник официанта;

4) *maitre d'* (сокр. от *maitre d'hôtel*) – метрдотель (разг.); *captain, host/hostess* (AmE) – метрдотель, старший официант;

5) *sommelier/wine steward* – сомелье;

6) *guest* – гость (в английском языке человек, посещающий любое заведение общественного питания, обозначается словом *guest*, имеющим два значения: «гость, человек, пришедший в гости» и «посетитель»);

7) *caller, comer, goer, visitor, haunter* – посетитель, гость, визитер; *regular* – постоянный посетитель; *casual* – случайный посетитель.

При анализе языковой личности «англоязычного официанта», характеризующегося определенными лингвосемиотическими параметрами в глуттонической коммуникации, появляется возможность получить более точное представление об англоязычной картине мира и преодолеть стереотипы, которые неизбежно возникают в изучении национального характера того или иного народа.

Коммуникативная стратегия англоязычного официанта, агента гастрономического дискурса, заключатся в задаче как можно профессиональнее, с учетом всех требований, предъявляемых к работнику данной сферы, обслужить посетителя и, используя все приемы воздействия на клиента, извлечь из этого процесса прибыль, поскольку целью или стратегией клиента, посещающего данное заведение, является получение удовольствия от еды, питья и общения и как результат – самоутверждение: *The goals of a restaurant organization are to satisfy the guests and make a profit* (Dahmer 2009, p. 8).

В этикетном кодексе '*Restaurant Service Basics*' зафиксированы коммуникативные и семиотические маркеры языковой личности англоязычного официанта: работник должен быть доброжелательным и приветливым, обязательно улыбаться и желать «приятного аппетита», ненавязчиво интересоваться тем, вкусно ли приготовлены блюда, он должен обладать целым рядом качеств, в частности, честностью, трудолюбием и пунктуальностью, кроме того, иметь приятную внешность. Коммуникативная стратегия требует вести разговор через совет, при этом нельзя «навязывать» что-нибудь гостю, а также быть назойливым и настойчивым. Например: “*Would you like to begin your meal with our crispy tostada appetizers topped with roast pulled pork, cilantro, lime, and onions?*”, “*May I suggest our wonderful signature dessert, coconut cream pie with brûléed bananas and caramel?*”, “*Our roast pork is made of the finest choice pork tenderloin with a maple fig demi glace*” (ibid., p. 72). Официант подает меню клиенту со словами: “*My name is ... I will be your server tonight. Today we have a couple of specials...*”, “*May I recommend you...?*”, “*I take great satisfaction in recommending...*” (ibid., p. 65). Если клиент спрашивает, что лучше всего заказать сегодня, то вместо обычного “*Everything is good*” можно ответить “*Everything is good here, but my personal recommendation for today is ...*” (ibid., p. 72).

Если клиент остался недоволен качеством блюда или обслуживанием, заявил претензию (*This is not what I ordered; I asked for...; Could I change this?; The meat is overdone/ underdone/ tough; I don't like this; The food is cold; This is not fresh and so on*) (ibid., p. 89), тогда от официанта требуется понимание и терпение, невзирая на то, справедлива претензия или нет. При этом в разговоре официанту необходимо избегать следующих формулировок: “*This is out of question*”, “*I thought you said...*”, “*You're mistaken*”, “*That's news to us!*”. Поскольку «клиент всегда прав», лучше сказать “*Thank you for bringing that up*” (ibid., p. 90).

Реализация коммуникативной стратегии англоязычного официанта тесно связана с такой характеристикой, как презентационность, направленная на ритуализацию и самоидентификацию соответствующих этнокультур и проявляющаяся в массово-информационном дискурсе как комплекс средств воздействия на общество. Она формирует культурные доминанты, потребностные предпочтения и глуттонические стереотипы поведения разных слоев населения англоязычных стран. В сфере исследования

гастрономического дискурса, на наш взгляд, представляют огромный интерес прецедентные тексты (путеводители, рецепты, меню, материалы англоязычных кулинарных журналов и т.д.) и презентации различного вида – как невербального (физического), так и полувербального (неконтактного) воздействия, применяемые субъектом.

В материале нашего исследования, например, авторизованных путеводителях, где их авторы выступают в роли гидов, презентационная функция поддерживается целым комплексом вербальных инструментов: широко используются безличные и неопределенно-личные предложения, конструкции *there is / are*, реже – личные местоимения 1-го лица множественного числа, иногда – модальные глаголы:

There are seating areas where you can escape the hordes (Sydney) (Womersley 2006, p. 68); *There is always a line at this no-reservations restaurant, but for good reason* (Miami) (Kennedy 2005, p. 59); *It's a really great place for a cup of whatever warm liquid you favor, and to just sit and people-watch or dip into one of the city's free weekly papers* (San Francisco) (Kennedy 2006, p. 64); *Book ahead – the restaurant serves more than 1,800 meals a week and it may be difficult to get your hands on one* (Dublin) (Phillimore 2005, p. 48); *We are always open to suggestions...* (London) (Williams 2006, p. 76).

В англоязычных путеводителях, где гастрономический дискурс представлен информацией хронотопного порядка в ее аттрактивной функции (гостя приглашают насладиться превосходной кухней), попытка заставить клиента восхищаться запахом и вкусом того или иного блюда достигается за счет использования густальной («вкус») и scentальной («запах») презентем:

Chef Michael Schlow blends multiple flavors for a single, clear taste fusion in his own version of New American cuisine. You'd think seared Maine scallops might get lost when combined with wild mushrooms, potato puree, leeks, and a truffle emulsion, but the woodsy flavors just enhance the sweet, salty taste of the sea (Boston) (Harris 2005, p. 41). *The food, a combination of British dishes with a subtle dash of exotic Eastern flavours, keeps them coming back* (Dublin) (Phillimore 2005, p. 48).

Кухня англоязычных стран позитивно («вкусная») характеризуется при помощи густальных дескриптивов:

– прилагательных и причастий с оценочной семой «вкус» (*tasty, savoury, mouth(-)watering, yummy, delicious, appetizing tender*):

The grand, lavishly appointed Oak Room is known for its unfalteringly tender steaks (London) (Williams R. 2006, p. 93); *Delicious lobscouse, black Mike, fricassee, boula, and dozens of other American dishes will fill you up for next to nothing at this spot* (Chicago) (Glusac 2006, p. 103); *Serving an appetizing blend of classic Scottish dishes and the best of modern Irish cooking (with the emphasis on seafood, game, and Irish beef and lamb)* (Dublin) (Phillimore 2005, p. 85); *The cuisine is mouthwatering Americana, but in very creative ways* (San Francisco) (Kennedy 2006, p. 113); *This Australian Club serves yummy but lethal wine* (Sydney) (Womersley S. 2006, p. 62);

– глаголов в аттрактивной функции (*to indulge, to give a treat, to treat, to take the time for, to relish, to marvel, to titillate, to sip and etc.*):

Regulars nurse micro-brewed beers or their favorite coffee, and indulge in great pastries (San Francisco) (Kennedy 2006, p. 65); *When you want to give yourself a treat, make a reservation here and prepare to be pampered with the very best food and wines* (San Francisco) (Kennedy 2006, p. 62); *Treat your eyes and palate to dinner at Canlis* (San Francisco) (National Restaurant Association, www); *Take the time for lavish offerings such as lamb tagine or cumin-dusted sea scallops* (San Francisco) (National Restaurant Association, www); *To marvel at the unusual foods and amazing packaging of Australian groceries, visit Anegawa Enterprises Pty Ltd.* (Sydney) (Womersley 2006, p. 62); *Presentation is at its artful best at this exquisite restaurant, where beauty matches flavor to titillate all the senses* (New York) (Berman 2006, p. 79); *It's posh, it's civilized, and it's expensive. Relax in a brocade chair, sip a single malt, and light up a cigar without the high-octane haze found elsewhere downtown* (Boston) (Harris 2005, p. 102).

Презентационно маркированные лексемы *home, homemade, homey, lavish, sophisticated, sumptuous, magnificent, distinctive, luxurious, enticing, gourmet, fresh, light, healthy, wholesome, organic*, выполняющие функцию аттракции, часто встречаются в англоязычных путеводителях:

*Cheap and cheerful cottage-style restaurant that looks and feels like an English tearoom. Generous portions of reliable home cooking (Dublin) (Phillimore 2005, p. 77); This aristocratic room at Dromoland Castle is the perfect place for a lavish lunch or dinner after a day on the adjoining golf course (Dublin) (Phillimore 2005, p. 97); You **SHOULD** try sophisticated and sumptuous New Zealand cuisine **HERE** (Wellington) (National Restaurant Association, www); This stylish spot is ideal for a luxurious meal (Sydney) (Womersley 2006, p. 58); ...magnificent Welsh cuisine unlike any you've tasted before (Cardiff) (National Restaurant Association, www); Enticing menu items include spinach with... (Miami) (Kennedy 2005, p. 125); This pond-side restaurant ... serves up American gourmet cuisine (Chicago) (Glusac 2006, p. 91); Serving wonderful modern Australian food often made with ingredients from its own organic garden (Sydney) (Womersley 2006, p. 129); The draw here is the fresh and healthy Californian cuisine... (Orlando) (Gula 2006, p. 71); This attractive dining room at the Museum of Fine Arts focuses on light and healthy cuisine like crisp salads and pastas tossed with fresh vegetables (Boston) (Harris 2005, p. 117).*

Прилагательные, обладающие презентационным потенциалом, содержащие сему оценки и сопровождающиеся ярко выраженной положительной эмоциональной оценкой описания кухни, декора, ингредиентов, атмосферы и т.д. любого города или региона, а также словосочетания с атрибутивными характеристиками существительных в англоязычном путеводителе служат для привлечения потенциальных клиентов:

Set in a gracious townhouse, lit by candles, and staffed by impeccable waiters and brilliant cooks, romantic chef serves Boston's finest contemporary American cuisine (Boston) (Harris 2005, p. 103); Stop in to enjoy the bohemian charm of this busy café-cum-meeting spot, but expect haphazard service (Sydney) (Womersley 2006, p. 85); Perhaps the best Guinness in Ireland: try a pint and cast your vote (Dublin) (Phillimore 2005, p. 42); The freshest seafood is on offer in comfortable surroundings (Las Vegas) (Emerson 2005, p. 70); Danny Meyer's first restaurant has been one of New York's most popular since 1985 (New York) (Berman 2006, p. 68); With its Art Nouveau detailing, cozy leather banquettes, and dark woods, Ambria is among the city's most romantic dining options (Chicago) (Glusac 2006, p. 40); A chic environment in which to enjoy some of the city's best cuisine and wines (London) (Williams 2006, p. 76); A cheerful, boisterous place with excellent, satisfying, Canadian fare and a family atmosphere (Toronto) (Johnson 2005, p. 95), etc.

Для передачи эмоционального состояния читателю, побуждения собеседника к действию (посетить заведение, попробовать блюдо) в англоязычных путеводителях очень часто используются различные тропы – метафоры, сравнения, метонимии, гиперболы:

The beef is a crowd-pleaser (Chicago) (Glusac 2006, p. 75); This swank dessert bar transports you to a candy land, where light fixtures resemble honeycomb and bar stools are like hard candy (Chicago) (Glusac 2006, p. 44); Chic and very laid-back looking spot with rattan chairs and natural fabrics (Dublin) (Phillimore 2005, p. 58); Our coffee doesn't taste like an old man has been heated to render out the earwax (Wellington) (National Restaurant Association, www).

В качестве инструмента эмотивизации воздействия на читателя нередко применяются аллюзии:

Grab a seat on the outdoor patio and indulge yourself, just as Cameron Diaz, Antonio Banderas, and Johnny Depp have before you, in gawking at the SoBe procession and partaking of the American-style delectables (Miami) (Kennedy 2005, p. 78); This classic Southie dive immortalized in the film Good Will Hunting has gained a certain fame from the movie but retains its insular South Boston crustiness and ultra-conservative political viewpoint (Boston) (Harris 2005, p. 130).

Презентационная функция реализуется и в тексте англоязычного кулинарного рецепта как особого коммуникативного средства, способствующего взаимодействию его автора с потребителем кулинарного знания. Лингвосомиотическая специфика данного текста заключается в использовании особой терминологии, профессионально ориентированных знаков технологического процесса приготовления пищи. Учитывая социально-культурный контекст, постоянные изменения в способах приготовления блюд, гастрономический дискурс можно определить как «общение + текст кулинарного рецепта + контекст». Анализ фактического материала показывает, что рецепт обладает рядом структурных, морфологических, синтаксических и прагматических характеристик.

Структурная характеристика определяется стереотипностью построения кулинарного рецепта, который состоит из интродуктивного и основного блоков, списка ингредиентов, иногда фотографии и объяснения. Обязательными компонентами являются название (заголовок), указание количества ингредиентов и описание процесса приготовления блюда. Объяснение выступает в качестве комментария к фотографии или серии рецептов по одному виду продуктов, объединенных одной темой:

“If you prefer to use uncooked frozen prawns, defrost thoroughly, then pat dry with kitchen paper. Stir into ragout, then cover and cook for 3-4 min until the prawns have turned evenly pink” (Secret Recipes, www).

Заголовок кулинарного рецепта реализует презентационную функцию как рекламную задачу установления контакта с клиентом гастрономического дискурса. В заключительном блоке рецепта (*Extra-Tip*) дается совет, что нужно сделать, чтобы блюдо было более вкусным:

“Tender and Juicy Lamb and Limes” – “If you want to add extras to make your dish more delicious, slice lemons and limes, and mix a batch sangria, martinis or another cocktail that’s easy to serve” (Gourmet 03/12/2008, p. 24).

Средством презентационной коммуникации в тексте кулинарного рецепта, выполняющим аттрактивную, информативную, экспрессивную и эстетическую функции, является изображение, которое привлекает внимание адресата, воздействует на чувства и на эмоции адресата, вызывает желание попробовать, приготовить то или иное блюдо. Структурно-семантическая специфика кулинарного рецепта обеспечивается использованием глаголов в форме повелительного наклонения и безличных конструкций, например: *Place in a bowl; Mix together, etc.*

Прагматическая характеристика текста англоязычного кулинарного рецепта отмечается в случае его использования в средствах массовой информации – в кулинарных рубриках англоязычных газет, журналов, на сайтах СМИ и собственно на кулинарных сайтах в сети Интернет. Обычно рецепты сгруппированы тематически по ключевому слову рецепта, виду продукта (*Pizzas, Pasta, Rice, Meat, Duck, etc.*), блюда (*Puddings, Cakes, Cookies, etc.*), социальной событийности (*Christmas Recipes, Easter Recipes, New Year Menu, etc.*). Некоторые рецепты в журналах гастрономической направленности тематически ориентированы (например, меню ко Дню Святого Валентина) и даны под общим названием (*‘Chocolate Desserts For Valentine’s Day’*). Приведем пример комментария автора в меню ко Дню Святого Патрика под названием *‘Eat Your Green: 12 St. Patrick’s Day Recipes’*, в котором реализованы презентационная и прагматическая функции кулинарных рецептов *‘Shaved Brussels Sprout Salad with Fresh Walnuts and Pecorino’*, *‘Green Tea Ice Cream’*, *‘Cold Avocado Corn Soup with Cilantro Oil’*:

“Of course we love classic dishes like colcannon and Irish soda bread (and anything with Guinness). But if you want something different this year, look no further than our collection of verdant and decidedly nontraditional St. Patrick’s Day recipes” (Gourmet 03/12/2008, p. 23).

Анализ материала показывает, насколько сильна гедонистическая составляющая воздействия образа еды для представителей той или иной группы: в текстах рецептов семиотизирована стратегия «потакать, доставлять удовольствие» (*‘indulge yourself’*) не

только себе, но прежде всего друзьям, семье, что отражает особенности отношения к действительности:

“Chef Brad Smoilak makes these no-fail treats for customers and friends” (Delicious 2009 (05), p. 31); Who says stew isn't for company? And what rule book says you can't serve soup to friends as a main course? In the winter, after they shake the snow off their parkas and doff the clunky boots, they'll be delighted to cozy around a table laden with steaming bowls of hearty inter fare. Here are some winter comfort recipe, easy enough for a weekday meal, to warm you and your friends” (Food for Thought 2008 (2), p. 49).

Одним из важных проявлений презентационной функции в гастрономическом дискурсе является эстетическая демонстрационность кулинарного текста, детализирующего операции над продуктом, – украшение блюд, особый способ его подачи и т.п.:

“This four-layer stunner may just render all your other chocolate-cake recipes obsolete. A generous amount of sour cream keeps the cake layers tender, and the frosting is a glossy triumph. It's a natural fit for practically any get-together – from a simple family birthday celebration to an elaborate dinner party” (Gourmet 02/03/2009, p. 27).

В лингвосемиотическое пространство англоязычного гастрономического дискурса широко вовлечены также паремии, выполняющие коммуникативно-аксиологическую функцию рефлексии ценностей англоязычных этносов, фиксации качеств соответствующего социума:

to teach one's grandmother to suck eggs; to have eggs on the spit; there is reason in roasting eggs; to tread upon eggs; to lay an egg; to lick the trencher; good /stout, valiant/ trencher-man; to be a hearty /heavy/ trencher-man; to be a poor trencher-man; to be nothing of a trencher-man; coach potato; hot potato: meat-and-potatoes; potatoes and point; small potatoes; the (clean) potato; quite the potato; cakes and ale; life is not all cakes and ale (beer and skittles); clever cookie; tough cookie; it is dollars to doughnuts; muffin-face; a sandwich of good and bad; one sandwich short of a picnic; to ride [to sit] sandwich; a pink tea; tea party; etc.

В целом, проведенное исследование показало, что концепт “Food”, отражающий национально-культурную специфику представлений о пище, является многомерным ментальным образованием, которое актуализируется через различные языковые средства.

Литература

- BERMAN, E., 2006. *New York. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
DAHMER, S. J., 2009. *Restaurant Service Basics*. Hoboken, N.J.
DELICIOUS, 2009. *May*.
EMERSON, C., 2005. *Las Vegas. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
Food For Thought. 2009. *Spring*.
GLUSAC, E., 2006. *Chicago. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
GOURMET, 2009. *03 February*.
GOURMET, 2008. *12 March*.
GRULA, R., 2006. *Orlando. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
HARRIS, P., 2005. *Boston. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
JOHNSON, L., 2005. *Toronto. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
KENNEDY, J., 2005. *Miami & the Keys. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
KENNEDY, J., 2006. *San Francisco. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
National restaurant association // www.restaurant.org
PHILLIMORE, P., 2005. *Dublin. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.
SECRET RECIPES // <http://www.abc.net.au/secretrecipes>.
WILLIAMS, R., 2006. *London. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N. Y.: DK.
WONERSLEY, S., 2006. *Sydney. DK Eyewitness Top 10 Travel Guides*. London, N.Y.: DK.

Anastasiya Zemskova

The Samara Branch of Moscow City Pedagogical University, Russia

Research interests: cognitive linguistics.

The article highlights major parameters of English gastronomic discourse, such as lingucultural and linguasemiotic. Presentational peculiarities and the structure of English gastronomic discourse is also under the author's consideration.

KEY WORDS: gastronomy, discourse, concept, lingua personae.

**KALBOS MOKYMO PROBLEMOS IR KITI DIDAKTINIAI
TYRIMAI**
**PROBLEMS IN LANGUAGE TEACHING AND OTHER DIDACTIC
RESEARCH**
**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ И ДРУГИЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Lina Bikeliene

Vilniaus universitetas, Lietuva

Universiteto g. 5, 01131 Vilnius, Lietuva

Tel. +370 651-77771

El. paštas: l.bikeliene@gmail.com

Moksliniai interesai: tekstynų lingvistika, diskurso analizė, besimokančiųjų kalba.

**APIBENDRINIMO ŽYMĖJIMAS KONEKTORIAIS BESIMOKANČIŲ ANGLŲ
KALBOS IR ANGLAKALBIŲ STUDENTŲ RAŠTO DARBUOSE**

Tinkamai pateikti apibendrinimai yra svarbi kiekvieno rišlaus rašto darbo savybė. Šiuo kiekybiniu tyrimu siekiama nustatyti konektorių svarbą apibendrinimo reiškimui besimokančių anglų, kaip svetimosios kalbos (ASK), ir anglakalbių studentų rašto darbuose. Tyrimui naudota medžiaga paimta iš dviejų pagal analogiškus kriterijus sudarytų tekstynų: tarptautinio besimokančių anglų kalbos tekstyno (ICLE) lietuviško potekstynio LICLE ir anglų gimtakalbių tekstyno LOCNESS. Kontrastyviosios analizės būdu gauti duomenys atskleidžia lietuvių studentų polinkį reikšmingai per dažnai apibendrinimą atvirai ženklinti konektoriais. Tyrimo duomenys patvirtina kitų autorių pastebėjimus apie šios semantinės grupės konektorių vartojimą besimokančių ASK darbuose.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: apibendrinimo konektoriai, besimokančiųjų tekstynai, LICLE, LOCNESS, interkalba.

Įvadas

Besimokančių kalbos, dar vadinamos interkalba¹ (angl. *interlanguage*), tyrimai nėra nauji. Tačiau tik pradėjus kurti besimokančių tekstynus (angl. *learner corpus*) atsirado galimybė analizuoti didelius empirinės originalios medžiagos kiekius, taip užkertant kelią globaliems apibendrinimams paremtiems intuicija (Granger 2003, p. 18).

Interkalbos tyrėjų darbuose (Milton & Tsang 1993, Granger & Tyson 1996, Altenberg & Tapper 1998, Bolton 2002, Tankó 2004, Narita *et al.* 2004, Leńko-Szymańska 2007, Shea 2009 *etc.*). nemažas dėmesys skiriamas konektorių, kaip vienos iš priemonių, padedančių užtikrinti teksto rišlumą, vartojimo analizei. Buvo pastebėta, kad neteisingas, nekompetentingas konektorių vartojimas yra beveik universalus net ir pažengusiųjų lygio anglų kaip svetimosios kalbos (ASK) studentų rašto darbų bruožas (Crewe 1990, p. 318, Granger 1999, p.192).

Lietuvių autorių darbuose teksto rišlumą užtikrinančios priemonės daugiausia buvo tirtos analizuojant lietuvių kalbą (Holvoet & Pajėdienė 2005, Ramonienė *et al.* 2003, Sirtautas & Grenda 1988, Ulvydas 2000, Valiulytė 1998, Murinienė 2005, Bitinienė 2009, Bielinskienė 2009 *etc.*) ar skirtinguose anglų kalbos žanruose (Verikaitė 2005). Lietuvių ASK studentų konektorių

¹ Čia vartojamas Savickienės (2006, p. 123) vertimas.

vartojimas yra svarbi, bet dar beveik netyrinėta sritis (Burneikaitė 2007, 2008, Bikelienė 2008, 2009).

Tyrimo tikslas

Kontrastyviosios analizės būdu atliktame kiekybiniame tyrime siekiama nustatyti konektorių svarbą apibendrinimo reiškimui lietuvių ASK studentų ir anglakalbių studentų rašiniuose. Ypatingas dėmesys skiriamas tiesioginiam apibendrinimo žymėjimui konektoriais ir konektorių vietai sakinyje bei tekste.

Tyrimo objektas

Šio tyrimo objektas yra apibendrinimo konektoriai, vartojami pažengusiųjų lygio anglų kalbos studentų samprotaujamuosiuose rašiniuose. Lingvistinėje literatūroje nėra nusistovėjusio termino šioms paviršinių teksto rišlumą užtikrinančioms priemonėms žymėti (plg. angliškai: „discourse markers“ ‘diskurso žymekliai’ (Swan 2005, p. 138), „linking signals“ ‘jungiamieji ženklai’ (Parrott 2001, p. 303), „cohesion ties“ ‘rišlumo saitai’ (Halliday & Hasan 1976, p. 13), „half-conjunction“ ‘pusiau jungtukas’ (Henry Sweet 1891 cituota iš Dixon 2009, p. 41), „connectives“ ‘jungiamieji žodžiai’ (Crewe 1990, p. 316), „connectors“ ‘konektoriai’ (Altenberg & Tapper 1998, p. 81), „semantic conjuncts“ ‘semantiniai konjunktai’ (Quirk et al. 1985), „linkers“ ‘jungtys’ (Dudley-Evans & St. John 2007, p. xv) etc.; lietuviškai: „teksto jungimo priemonės“ (Užsienio kalbos (anglų, prancūzų, rusų, vokiečių) valstybinio brandos egzamino programa 2009), „teksto junglumo priemonės“ (Matonienė 2004), „diskurso žymikliai“, „diskurso jungtukai“, (Bielinskienė, 2009), „teksto jungtys“, „siejimo priemonės“, „ryšio priemonės“, „metakalbos žymenys“ Verikaitė (2005), „teksto konektoriai“ (Urbanavičius n.d.), „konektoriai“ (Holvoet & Pajėdienė 2005, p. 94), Juzelėnienė & Baranauskienė 2008, p. 114) etc. Neatsitiktinai tiek lietuvių, tiek užsienio tyrėjai (Sanz 2003, Fraser 1999, Dixon 2005, 2009) pastebi skirtingą to paties koncepto vartojimą, terminų persipynimą. Pavyzdžiui, kai Sirtautas ir Grenda (1988, p. 189) konektorius supranta kaip plačią sąvoką, apimančią ne tikrieveiksmius, bet ir skaitvardžius, modalinius žodžius etc., Holvoet ir Pajėdienė (2005, p. 94) šį terminą vartoja tik jungiamiesiemsrieveiksmiams (angl. connecting adverbs) apibrėžti. Terminų gausa atspindi ne tik skirtingus tyrėjų interesus ir analitines kategorijas, bet ir sunkumus siekiant adekvačiai juos paaiškinti naudojant teorinius terminus (Fung & Carter 2007, p. 411). Šiame darbe apibendrinimo konektorių semantinė kategorija suprantama kaip apibendrinanti ankstesniame diskurse pateiktą informaciją (Biber et al 1999, p. 876, Quirk et al. (1991, p. 635).

Medžiaga

Tyrimui buvo naudojama Tarptautinio besimokančiųjų anglų kalbos tekstyno (*ICLE*) lietuviškojo potekstyno (*LICLE*) dalis kaupiama VU Anglų filologijos katedroje. Tyrimo metu *LICLE* sudarė pažengusių lygio ASK studentų 268 rašiniai (154 992 žodžiai).

Konektorių vartojimas labai priklauso nuo diskurso tipo (žr. Granger 1996, p. 45), todėl lyginimui buvo pasirinktos pagal analogiškus kriterijus Liuvene (Louvain-la-Neuve), Belgijoje, sudaryto gimtakalbių tekstyno *LOCNESS* dalys:

- (1) *LOCNESS-BR* - britų studentų rašto darbai (95 695 žodžiai),
- (2) *LOCNESS-US* - amerikiečių studentų rašto darbai (168 231 žodis),
- (3) *LOCNESS-A* - britų mokinių rašiniai (15 432 žodžiai).

Tyrimo *LICLE* duomenys daugiausiai lyginami su *LOCNESS-BR* dalimi. Kadangi Europos švietimo sistemoje vyrauja britų anglų kalba (žr. Ferguson 2006, p. 171), o straipsnyje koncentruojamasi į lietuvių ASK trečio – ketvirto kurso studentų kalbą, tikėtinas didžiausias būtent šių tekstynų lyginimo rezultatų pritaikomumas kuriant anglų kalbos mokymo priemones, orientuotas į Lietuvos studentus.

Metodas

Šiam darbui naudota medžiaga yra iš gana nedidelės apimties specializuotų tekstynų. Kaip teigia Sinclair (2001, p. xii), lyginimas atskleidžia skirtumus beveik neatsižvelgiant į tekstyno dydį. Dėl šios priežasties tyrimui buvo pasirinktas kontrastyviosios analizės metodas (Connor *et al.* 2004, Willems *et al.* 2004, Aijmer & Simon-Vandenberg 2006).

Darbui su tekstynais buvo naudota AntConc 3.2.1w programinė įranga (Anthony, 2007). Kadangi tirti tekstynai yra nevienodo dydžio, pastebėtų skirtumų statistinio reikšmingumo ($p < 0,01$, kritinė reikšmė = 6,63) patikrinimui buvo naudojamas logaritminės tikimybės (*LL*) skaičiuotuvas (Rayson 2004). Kai apskaičiuota vertė viršija kritinę reikšmę, galima teigti, kad skirtumas yra statistiškai reikšmingas. *LL* vertė visada yra teigiama, tačiau siekiant didesnio aiškumo, kai konektoriai vartojami per retai, yra pridamas minuso, o kai vartojami per dažnai, pliuso ženklas.

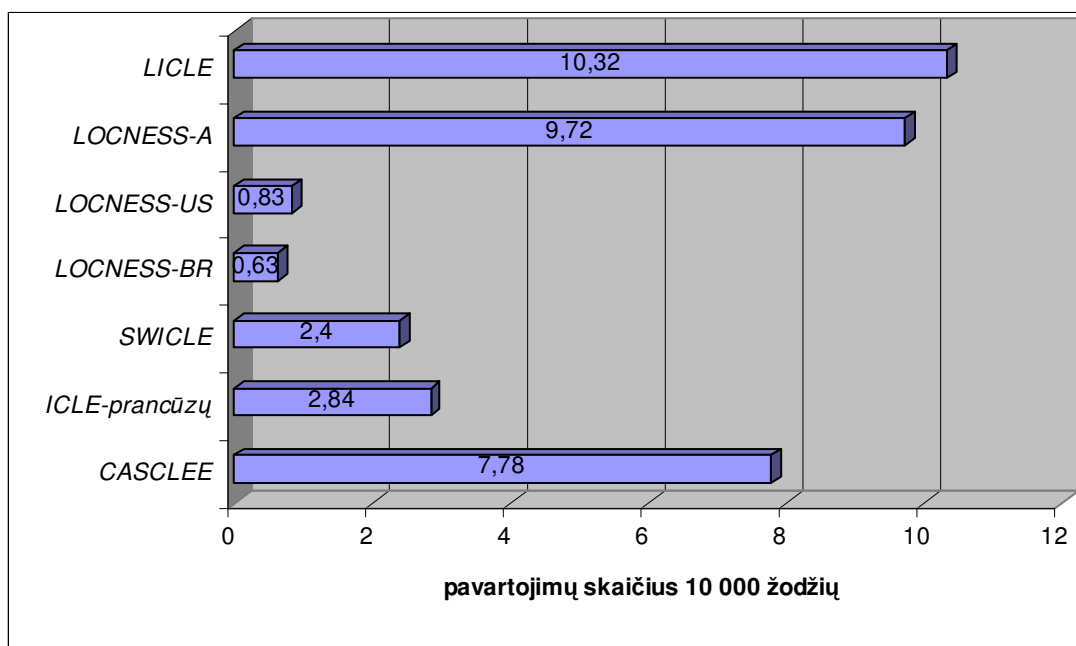
Rezultatai

Apibendrinimo konektorių semantinė kategorija nepatenka tarp dažniausiai vartojamų konektorių kategorijų. *LICLE* tekстыne ji eina po išskaičiavimo, priešpriešos, priežastinių ir pridėjimo kategorijų ir užima penktą vietą pagal vartojimo dažnumą. *LOCNESS-BR* tekстыne pagal vartojimo dažnumą apibendrinimo konektoriai yra paskutinėje, septintoje vietoje. Šie duomenys parodo, kad lietuvių ASK studentai statistiškai reikšmingai per dažnai ($LL + 113,80$) apibendrinimą atvirai ženklina konektoriais (1 lentelė).

	<i>LICLE</i>	<i>LOCNESS-BR</i>	<i>LL</i>
Apibendrinimo konektorių skaičius tekстыne	160	6	+113,80
Apibendrinimo konektorių skaičius 10 000 žodžių	10,32	0,63	

1 lentelė. Apibendrinimo konektorių *LICLE* ir *LOCNESS-BR* tekstynuose.

Lygindami skirtingų kalbinių grupių besimokančių ASK ir skirtingų gimtakalbių grupių duomenis pastebime, kad tarp visų besimokančių atviras apibendrinimo ženklimas konektoriais yra būdingiausias lietuvių studentams (1 paveikslas²).

1 paveikslas. Apibendrinimo konektorių kiekis besimokančių ir anglakalbių tekstynuose (10 000 žodžių)

Pažymėtina, kad nors *LICLE* tekstyno duomenys reikšmingai skiriasi tiek nuo *LOCNESS-BR*, tiek ir nuo *LOCNESS-US*, yra gana artimi britų mokinių tekstyno (*LOCNESS-A*) duomenims. Tokią atviro ženklavimo konektoriais tendenciją būtų galima aiškinti kalbos meistriškumo

² *ICLE-prancūzų* ir *CASCLEE* (Kinų mokslo akademijos besimokančių anglų kalbos rašinių tekstynas) tekstynų duomenys paimti iš Ai ir Peng (2006).

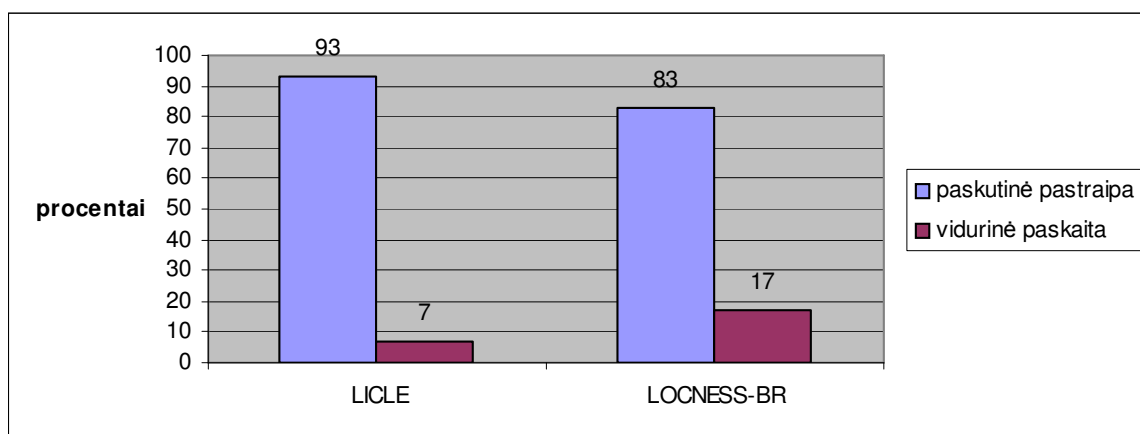
SWICLE (švediškas *ICLE* potekstynis) duomenys paimti iš Altenberg ir Tapper (1998, p. 85).

įvaldymu. Lietuvos abiturientams dar stinga įgūdžių tinkamai apibendrinti rašant gimtąja kalba (Sirutavičiūtė *et al* 2005), tad natūralu, kad tokie sunkumai pastebimi ir užsienio kalba rašytuose darbuose. Stebėtinai didelis konektorių skaičius britų mokinių tekстыne patvirtina tiesioginės priklausomybės tarp kalbos meistriškumo ir paviršinio rišlumo užtikrinimo hipotezę. Britų mokiniai, nors yra gimtakalbiai, argumentavimo techniką yra įvaldę prasčiau nei gimtakalbiai studentai.

Kadangi kalba yra kultūrinis fenomenas su savomis retorinėmis konvencijomis (Connor 1996, p. 5), o konektorių vartojimas skirtingose kalbose ir kultūrose skiriasi (Altenberg & Tapper 1998, 81), pastebimi akivaizdūs vartojimo skirtumai tarp atskirų interkalbos variantų. Žinodami istoriškai susiklosčiusius anglų ir prancūzų kalbų ryšius bei turėdami omeny švedų ir anglų kalbų priklausymą tai pačiai kalbinei grupei galime bandyti paaiškinti šių dviejų tekstynų duomenų panašumą į gimtakalbių studentų tekstynų duomenis.

Nors 1 paveiksle pateikti duomenys rodo per dažno apibendrinimo konektorių vartojimo interkalboje tendenciją, būtų rizikinga daryti apibendrinimus apie tiriamųjų konektorių vartojimą anglų interkalboje apskritai. Yaochen (2006, p. 43), tirdamas kinų, Tang ir Ng (1995, p. 112) – Hong Kongo studentų rašinius, Pastor (2006, p. 6) – ispanakalbių ASK rašytus darbus pastebi priešingą anksčiau pastebėtai tendenciją tiriamuosius konektorių interkalboje vartoti per retai. Kadangi šiame darbe bandoma apžvelgti kiekybinį apibendrinimo konektorių vartojimą, gilinimasis į skirtingų kalbinių grupių vartojimo skirtumų priežastis bus atskiro darbo tema.

Apibendrinimo atviras ženklėjimas skiriasi, tačiau pavartotų konektorių pasiskirstymas tekste *LICLE* ir *LOCNESS-BR* tekstynuose yra panašus (2 pav.)

2 paveikslas. Apibendrinimo konektorių pasiskirstymas tekste

Kadangi šios semantinės kategorijos konektorių paskirtis „žymėti argumento ar teksto pabaigą“ (Lenk 2010, p. 221), tirtuose tekstynuose jie dažniausiai buvo vartojami paskutinėje pastraipoje, signalizuodami skaitytojui apie teksto pabaigą. Tiek *ICLE*, tiek *LOCNESS-BR* pasitaikantys konektorių pavartojimo teksto dėstymo dalyje atvejai yra pavieniai. Jie gali signalizuoti silpną rašančiojo gebėjimą glaustai apibendrinti. 1 pavyzdyje matome, kad nors formaliai konektorių priklauso teksto dėstymui, iš tiesų jis signalizuoja fragmentiškos pabaigos pradžią:

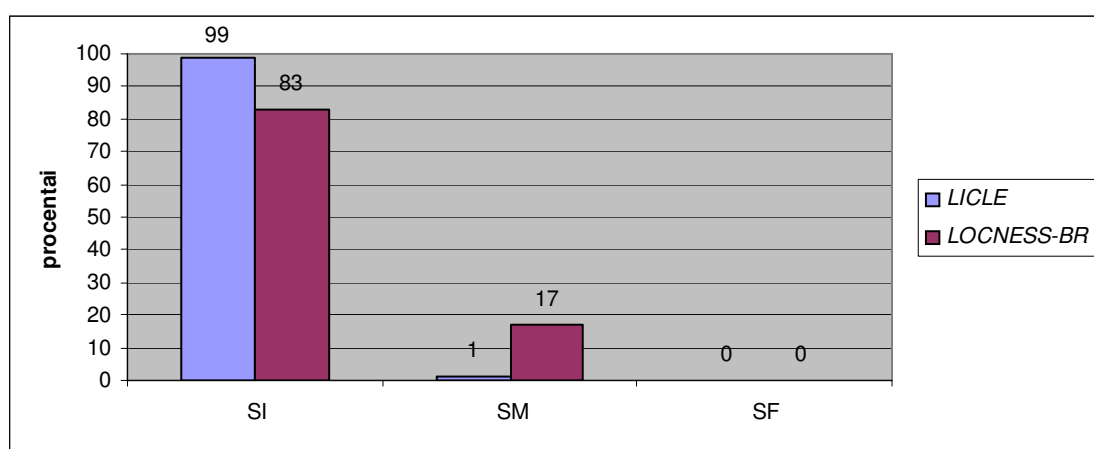
(1) **To conclude**, there are more differences between modernism and postmodernism than similarities. Modernists stress artificiality of language, they experiment with stream-of-consciousness and internal monologues (Faulkner, O'Neil), they make the form important (E. Pound, G. Stein), as well as they employ psychological theories (Freud, Jung, Bergson) and myths to express their attitudes.

Postmodernists concentrate on the reader as a part of narrative, on historiographic metafiction to represent the past events and hyperreality as well as double-coding. (historiographic metafiction: Ondaatje, Laurence, Doctorow, Kogawa). The reader is involved in the story and can make his/her own interpretation and judgements (Laurence, Atwood, etc.)

Similarities between modernism and postmodernism concern similar heroes and some kinds of overlapping of voices (Faulkner, Morrison, Laurence) in some cases. (ICLE-LT-VI-0042.1)

Pastebėtina, kad abiejų kalbinių grupių studentai apibendrinimus dažniausiai pradeda atskiroje pastraipoje. Atitinkamai net devyniasdešimt ir aštuoniasdešimt trys procentai visų šios kategorijos konektorių *LICLE* ir *LOCNESS-BR* rašiniuose buvo vartojami pastraipos pirmajame sakinyje. *LICLE* tekstyno ypatumu galime laikyti lietuvių besimokančių ASK polinkį rašinius užbaigti vieno sakinio pastraipa. Devyni procentai pirmame pastraipos sakinyje buvusių konektorių buvo vieninteliai pastraipos sakiniai. Tokių atvejų nebuvo rasta nei viename gimtakalbių anglų studentų tekстыne.

Tirdami kitų semantinių kategorijų konektorių vietą sakinyje, autoriai *SI* (sakinio pradžios) poziciją dažnai priskiria interkalbos bruožams (Narita *et al.* 2004, Tankó 2004 *etc.*), kaip pirmenybinę gimtakalbių kalboje nurodydami sakinio vidurio (*SM*) poziciją. Apibendrinimo konektoriai šiuo atžvilgiu sudaro ypatingą grupę. Abiejuose tirtuose tekstynuose, *LICLE* ir *LOCNESS-BR*, jie dažniausiai yra vartojami sakinio pradžioje (3 pav.).

SI- sakinio pradžia, SM – sakinio vidurys, SF – sakinio pabaiga
3 paveikslas. Apibendrinimo konektorių pasiskirstymas sakinyje

Lyginant atskirus apibendrinimo konektorius pastebima ta pati lietuvių ASK studentų tendencija šios klasės konektorius vartoti per dažnai. Keturių konektorių atveju šis vartojimo skirtumas yra statistiškai reikšmingas (2 lentelė). Du konektoriai (*in sum* ‘apskritai imant, iš esmės, trumpai tariant’ ir *overall* ‘apskritai, apibendrinant’) nebuvo pavartoti nei viename tekстыne.

	<i>LL</i> <i>LICLE/ LOCNESS-BR</i>
<i>in conclusion</i> ‘(už)baigiant’	+44,78
<i>to conclude</i> ‘reziumuojant, baigiant’	+35,06
<i>to sum up</i> ‘apibendrinant, reziumuojant’	+24,04
<i>(all) in all</i> ‘apskritai, apibendrinant’	+9,71
<i>altogether</i> ‘apskritai, apibendrinant’	+1,92
<i>to summarize/-ise</i> ‘apibendrinant, reziumuojant’	+0,31
<i>in sum</i> ‘apskritai imant, iš esmės, trumpai tariant’	-
<i>overall</i> ‘apskritai, apibendrinant’	-

2 lentelė. Atskirų apibendrinimo konektorių vartojimo *LICLE* ir *LOCNESS-BR* tekstynuose.

Norint atlikti šio darbo rezultatų įvertinimą reikėtų atlikti kokybinę analizę, bet tai tolimesnio tyrimo tema.

Apibendrinimai

Šiame darbe buvo siekiama kiekybiniu aspektu apžvelgti apibendrinimo konektorių vartojimą *LICLE* ir *LOCNESS-BR* tekstynuose. Gauti rezultatai atskleidė statistiškai reikšmingus skirtumus tarp lietuvių ASK studentų ir gimtakalbių naudojamų modelių apibendrinimui reikšti. Šie rezultatai yra tik preliminarūs, kadangi reikalinga išsami kokybinė analizė galinti paaikškinti pastebėtus skirtumus. Nepaisant tyrimo ribotumo, gauti duomenys gali būti reikšmingi, siekiant pagerinti anglų kalbos mokymo medžiagą ją geriau pritaikant tikslinei Lietuvos studentų auditorijai.

Literatūra

- AI, H. & PENG, G., 2006. A Corpus-Based Study of Connectors. Available at: <http://call2006.fltrp.com/PPT/1/E-1%20Ai%20Haiyang.ppt>. [Accessed: 5 September 2009].
- AIJMER, K. W. & SIMON-VANDENBERGEN A.-M. eds., 2006. Pragmatic Markers in Contrast. Vol. 2. Studies in Pragmatics. Amsterdam: Elsevier Science.
- ALTENBERG, B. & TAPPER M., 1998. The Use of Adverbial Connectors in Advanced Swedish Learners' Written English. In S. Granger, ed. *Learner English on Computer*. London: Longman, 1998, pp. 80-93.
- ANTHONY, L., 2007. AntConc 3.2.1w (Windows). Available at: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html>. [Accessed: 8 October 2009].
- BIBER, D., JOHANSSON, S., LEECH, G., CONRAD, S. & FINEGAN, E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.
- BIELINSKIENĖ, A., 2009. Relevancijos teorija ir diskurso jungtukų ir jungiamųjų žodžių pragmatika. *Kalbų studijos*, 15, pp. 53-62.
- BIKELIENĖ, L., 2008. Resultive Connectors in Advanced Lithuanian Learners' English Writing. *Kalbotyra*, 59(3), pp. 30-37.
- BIKELIENĖ, L., 2009. Priešpriešos konektorių vartojimas besimokančių anglų kalbos ir anglakalbių studentų rašto darbuose. *Kalbotyra*, 61(3), pp. 21-35.
- BOLTON, K., 2002. A Corpus-based Study of Connectors in student writing. *International Journal of Corpus Linguistics*, 7(2), pp. 165-182.
- BURNEIKAITĖ, N., 2007. Discourse Labels in MA Theses in English L1 and L2. *Kalbų mokymas ir mokymasis daugiakultūrinėje ir daugiakalbėje Europoje. Mokslinių straipsnių rinkinys*. pp. 53-61.
- BURNEIKAITĖ, N., 2008. Metadiscourse in Linguistics Master's Theses in English L1 and L2. *Kalbotyra*, 59(3), pp. 38-47.
- CONNOR, U., 1996. *Contrastive rhetoric: Cross-cultural aspects of second language writing*. New York: Cambridge University Press.
- CONNOR, U. & UPTON, TH.A., 2004. *Discourse in the Professions. Perspective from Corpus Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- CREWE, W. J., 1990. The Illogic of Logical Connectives. *ELT Journal*, 44, pp. 316-325.
- DIXON, R.M.W., 2005. *A Semantic Approach to English Grammar*. New York: Oxford University Press.
- DIXON, R.M.W., 2009. The Semantics of Clause Linking Typological Perspective. In R.M.W. Dixon & A.Y. Aikhenvald eds. *The Semantics of Clause Linking. A Cross-linguistic Typology*. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 1-55.
- DUDLEY-EVANS, T.; ST. JOHN, M. J., 2007. *Developments in ESP: a multi-disciplinary approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- FERGUSON, G., 2006. *Language Planning and Education*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- FRASER, B., 1999. What are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 31(1991), pp. 931-952.
- FUNG, L.; CARTER, R., 2007. Discourse Markers and Spoken English: Native and Learner Use in Pedagogic Settings. *Applied Linguistics*, 28/3, pp. 410-439.
- GRANGER, S., 1996. From CA to CIA and back: An integrated approach to computerized bilingual and learner corpora. In K. Aijmer, B. Altenberg & M. Johansson eds. *Languages in Contrast. Papers from a Symposium on Text-based Cross-linguistic Studies. Lund 4-5 March 1994. Lund Studies in English 88*. Lund: Lund University Press, 1996, pp. 37-51.
- GRANGER, S., 1999. Use of Tenses by Advanced EFL Learners: Evidence from an Error-tagged Computer Corpus. In H. Hasselgård & S. Oksefjell eds. *Out of Corpora - Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam & Atlanta: Rodopi, 1999, pp.191-202.
- GRANGER, S., 2003. The Corpus Approach: A Common Way Forward for Contrastive Linguistics and Translation Studies. In S. Granger, J. Lerot & S. Petch-Tyson eds. *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies*. Amsterdam & Atlanta: Rodopi, 2003, pp. 17-29.
- GRANGER, S.; TYSON, S., 1996. Connector Usage in the English Essay Writing of Native and Non-native EFL Speakers of English. *World Englishes*, 15(1), pp. 17-27.
- HALIDAY, M.A.K.; HASAN, R., 1976. *Cohesion in English*. London: Longman.

- HOLVOET, A.; PAJĖDIENĖ, J., 2005. Aplinkybės ir jų tipai. A. Holvoet & R. Mikulskas red. *Gramatinių funkcijų tyrimai: straipsnių rinkinys*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005, pp. 93-116.
- YAOCHEN, D., 2006. *Use of Adverbial Connectors in Chinese EFL Learners' Argumentative Writing*. 20 July 2008. Available at: <http://www.celea.org.cn/teic/70/70-32.pdf>. [Accessed: 6 October 2009].
- JUZELĖNIENĖ, S.; BARANAUSKIENĖ, R., 2008. Lingvistinių diskurso tyrimų raida. *Respectus Pholologicus*, 13(18)A, pp. 110-116.
- LENK, U., 2010. *Argument and Rhetoric – Adverbial Connectors in the History of English*. Berlin/ New York: Walter de Gruyter.
- LENKO-SZYMAŃSKA, A., 2007. Different Cultures or Different Skills? Cohesive Devices in Native and Foreign Language Learners' Texts. Paper Presented at PALC 2007, Lodz University, Poland.
- MATONIENĖ, R., 2004. 2004 m. prancūzų kalbos valstybinio brandos egzamino rezultatų kokybinė analizė. Internetė: http://www.egzaminai.lt/failai/452_rez_analize_2004_VBE_statistine_prancuzu.pdf. [Žiūrėta 2009 rugsėjo 05].
- MILTON J. & TSANG E., 1993 A corpus-based study of logical connectors in EFL students' writing. In R. Pemberton & E. Tsang eds. *Studies in Lexis*. Hong Kong: Hong Kong University of Science and Technology, 1993, pp. 215-246.
- MURINIENĖ, L., 2005. Jungtukų ir jungiamųjų žodžių vartojimo dažnis sakytinėje kalboje. *Kalbos kultūra*, 78, pp. 162-170.
- NARITA, M., SATO, C. & SUGIURA, M., 2004. Connector Usage in the English Essay Writing of Japanese EFL Learners. *Proceedings of 4th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2004)*, pp. 1171-1174.
- PARROTT, M., 2001. *Grammar for English Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- PASTOR, L. C., 2006. The Use of Connectors in Scientific Articles by Native and Non-Native Writers. *English for Specific Purposes. Online Journal for Teachers*, 2(13) vol. 5. Available at: http://www.esp-world.info/Articles_13/Connectors.htm. [Accessed: 12 August 2009].
- QUIRK, R.; GREENBAUM, S.; LEECH, G.; SVARTVIK, J., 1991. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. New York: Longman.
- RAYSON, P., 2004. *Log-likelihood calculator*. Available at: <http://ucrel.lancs.ac.uk/llwizard.html>. [Accessed: 22 April 2010].
- RAMONIENĖ, M.; PRIBUŠAUSKAITĖ, J., 2003. *Praktinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Baltos lankos.
- SANZ, L. R., 2003. The translation of tourist literature: The case of connectors. *Multilingua*, 22, pp. 291-308.
- SAVICKIENĖ, I., 2006. Linksnio kategorijos įsisavinimas: lietuvių kalba kaip gimtoji ir svetimoji. *Kalbotyra*, 56(3), pp. 122-129.
- SCHMIED, J., 2009. Contrastive Corpus Studies. In A. Lüdeling & M. Kytö eds. *Corpus Linguistics: an International Handbook. vol.2*. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 2009, pp. 1140-1159.
- SHEA, M., 2009. A Corpus-based Study of Adverbial Connectors in Learner Text. *MSU Working Papers in SLS*, 1(1), pp. 1-13. Available online: <http://sls.msu.edu/soslap/journal/index.php/sls/article/view/4/2>. [Accessed: 2 May 2009].
- SINCLAIR, J., 2001. Preface. In M. Ghadessy, A. Henry & R. Roseberry eds. *Small corpus studies and ELT: theory and practice*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001, pp. vii-xv.
- SIRTAUTAS, V.; GREŅDA, Č., 1988. *Lietuvių kalbos sintaksė*. Vilnius: Mokslo.
- SIRUTAVIČIŪTĖ, A.; ŠVENTICKIENĖ, A.; JARIENĖ, R.; SALIENĖ, V., 2005. 2005m. lietuvių gimtosios kalbos valstybinių brandos egzaminų rezultatų kokybinė analizė. Internetė: http://www.egzaminai.lt/failai/402_rez_analize_2005_VBE_kokybine_lietuviu_gimtoji.pdf [Žiūrėta 2010 gegužės 01].
- SWAN, M., 2005. *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press.
- TANG, E.; NG, C., 1995. A Study on the Use of Connectives in ESL Student's Writing. *Perspectives Working Papers*, 5(1), pp. 38-45.
- TANKÓ, G., 2004. The Use of Adverbial Connectors in Hungarian University Students' Argumentative Essays. In J. Sinclair ed. *How to Use Corpora in Language Teaching*. Amsterdam: John Benjamins, 2004, pp.157-181.
- ULVYDAS, K., 2000. *Lietuvių kalbos prieveiksmiai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- URBANAVIČIUS, A., n.d. *Gerbkime žodį*. Internetė: http://ualgiman.dtiltas.lt/teksto_sintakse.html. [Žiūrėta 2009 rugsėjo 05].
- Užsienio kalbos (anglų, prancūzų, rusų, vokiečių) valstybinio brandos egzamino programa*. 2009. Internetė: http://www.egzaminai.lt/failai/1261_programa_uzsienio_kalbos.pdf. [Žiūrėta: 2009 spalio 6].
- VALIULYTĖ, E., 1998. *Dabartinės lietuvių kalbos sintaksiniai sinonimai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- VERIKAITĖ, D., 2005. Variation of Conjunctive Discourse Markers across Different Genres. *Žmogus ir žodis*, 7(3), pp.68-75.

Vilnius University, Lithuania

Research interests: corpus linguistics, discourse analysis, learner language

**SUMMATIVE CONNECTORS IN LITHUANIAN LEARNERS' AND NATIVE SPEAKERS' ENGLISH
ESSAYS**
Summary

An adequately presented conclusion is an important part of every coherent text. The aim of the present article is to define the role of connectors in summation in *EFL* learners' and native English speakers' essays. For the purpose of the study the Lithuanian subcorpus of the International Corpus of Learner English (LICLE) and the native speakers' corpus (LOCNESS-BR) were used. The results achieved by applying contrastive analysis method indicate a tendency for significant overuse of the semantic category of summative connectors by the Lithuanian learners. The study reveals some similarities shared by the Lithuanian learners and learners from other mother tongue backgrounds as well as native speakers. However, some differences in the use of summative connectors by the Lithuanian learners can also be noticed.

KEY WORDS: summative connectors, learner corpora, LICLE, LOCNESS, interlanguage.

Ирина Филькина

Латвийский университет Факультет педагогики и психологии

Юрмалес гатве 74/76, 1083 Рига, Латвия

Тел. 29853579

Эл. почта: irina.filkina@gmail.com

Научные интересы: освоение второго языка в дошкольном возрасте, билингвальное образование, значение игры в развитии второго языка

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИГРЫ В ДЕТСКОМ САДУ ДЛЯ УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА

В статье раскрыты и теоретически обоснованы особенности организации игры в освоении второго языка, актуализированы условия, которые способствуют наиболее эффективному освоению второго языка в дошкольном возрасте. Теоретическое обоснование опирается на положения об игре как ведущем виде деятельности ребёнка (Выготский 2004; Эльконин 2001), на методологию и организацию игры в детском саду (Сорокина 1982; Бондаренко 1991; Сорокина 2009), на тезисы об освоении второго языка детьми дошкольного возраста (Legutke, Muller-Hartmann, Schocker-v.Ditfurth 2009; McCafferty, Iddings 2006; Протасова, Родина 2005), и о коммуникативном подходе (Legutke, Muller-Hartmann, Schocker-v.Ditfurth 2009, Пассов 1991). Во второй части данного исследования анализированы мнения педагогов дошкольного образования о значении игры в освоении второго языка, о ее организации. Дается характеристика динамики развития речи детей 5-6 лет после внедрения в педагогический процесс игр, отобранных автором. Игры проводились в течение дня как на занятиях, так и в свободной деятельности детей во время всех режимных моментов. Данные исследования позволили установить, что от удачной или не совсем удачной организации игры зависит качество освоения второго языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: игра, организация игры, освоение второго языка, педагогический процесс в детском саду, коммуникативный подход.

Введение

В Латвии владение латышским языком как вторым необходимо каждому представителю национальных меньшинств. Оно стало актуальным с момента провозглашения государственной независимости и присвоения латышскому языку статуса единственного государственного языка. Латышский язык – это «один из 23 официальных языков Европейского Союза, поощряется освоение латышского языка в среде представителей других национальностей, внесены изменения в систему образования национальных меньшинств для того, чтобы представители национальных меньшинств освоили латышский язык на высоком уровне уже в школе» (Pociņa 2009, 11.p). Условием для успешного освоения латышского языка в школе становится его целенаправленное и продуманное освоение уже с детства, поэтому поощряется освоение латышского языка уже в учреждениях дошкольного образования. В связи с этим, представляется актуальным вопрос о разработке форм успешного освоения второго языка, происходит поиск и совершенствование методов развития латышского языка как второго в дошкольных учреждениях национальных меньшинств.

Принимая во внимание особенности и специфику дошкольного возраста, которые выражаются в самобытном виде познания мира и игре, как ведущем виде деятельности, актуализируется ценность игры, её преимущества и условия организации в освоении второго языка. Эффективность игры очевидна в рамках различных моделей билингвального обучения в системе дошкольного образования, в целенаправленно организованной деятельности на втором языке в дошкольных учреждениях национальных меньшинств, в общении детей с носителями второго языка.

В дошкольном возрасте одной из главных задач является развитие инициативы и творчества ребенка, а также «...поощрение самостоятельного развития, которое обеспечивает разнообразная эмоциональная, когнитивная и коммуникативная активность ребёнка» (Протасова, Родина 2005, с. 175). Таким образом, без активности невозможно развитие, к тому же активность должна быть организована целенаправленно. Игры обеспечивают как целенаправленность, так и реализацию эмоциональной, когнитивной и коммуникативной активности. Они служат наиболее подходящей формой организации деятельности ребёнка на втором языке, а также средством инициации коммуникации на втором языке и интересным, приятным и в то же время полным смысла занятием, что полностью отвечает положению дошкольной дидактики о том, что «развитие ребёнка можем считать полноценным только в том случае, если деятельность интересна и важна самому ребёнку» (Šernova 2009).

Каковы условия и особенности игры для успешного овладения вторым языком в детском саду? Как создавать среду для реализации коммуникативного подхода в педагогическом процессе вообще? Эти вопросы также рассматриваются в статье. Цель исследования – выделить особенности организации игры для успешного освоения второго языка в детском саду.

Освоение второго языка в детском саду: коммуникативный подход

Для дошкольного возраста характерна особенная чувствительность к освоению второго языка, «формирование речевых умений и навыков в процессе раннего обучения языку требует от ребёнка меньших усилий и происходит быстрее, чем на последующих возрастных ступенях». Раннее освоение второго языка «...даже распространяется на физиологическую базу способностей к освоению второго языка» (Цытович, Баумане 1983, с.1). От раннего освоения второго языка позднее зависят также успехи в изучении языков взрослыми, так как «языковая способность образуется из синергии между ранним развитием интеллектуальных способностей и языковым опытом; и она находится под серьезной угрозой в том случае, когда язык не был «пережит» на раннем жизненном этапе» (Lust 2006, p. 96.). Если в дошкольном возрасте ребёнок осваивает второй язык также как родной, то в школе совершенно иначе, и закономерности, так хорошо исследованные в развитии родного языка, не повторяется при изучении иностранного языка школьниками (Vigotskis 2002, p. 207).

Признано, что чем меньше дети, тем у них более позитивное отношение к освоению второго и иностранного языка и большая мотивация. Эту мотивацию можно объяснить тем, что «...методология преподавания, которую используют в детском саду и начальной школе больше фокусируется на коммуникативные навыки, чем на формальные языковые структуры» (Mauro, Maria del Pilar Garcia 2003, p.79).

Что такое коммуникативный подход? Главным в коммуникативном подходе является постепенное формирование коммуникативной компетенции, умения эффективно использовать язык в повседневном общении. Речь говорящего должна быть понятна для других, ее правильность второстепенна (Pogida 2009, p. 62). Если преподавание языка опирается на филологию, то коммуникативное изучение языка – на теорию прикладной лингвистики, которая предполагает, что язык, во-первых, является межличностной коммуникацией и информацией, которой обмениваются. В центре освоения второго языка выступает коммуникативный аспект.

Коммуникативный подход в освоении второго языка обеспечивает деятельность ребенка в «в зоне ближайшего развития» (Rumprite 1998, p. 137). По мнению Л. С. Выготского, общение является источником развития личности и источником развития изучаемого языка, оно – основа для коммуникативной и кооперативной деятельности, общению присущ творческий характер (Rumprite 1998, p.138.lpp).

Коммуникативный подход предполагает достижение определенного результата в общении. Ребёнок сначала слушает, воспринимает единицы речи на слух, затем начинает их репродуцировать и использовать в своей речи. Акцент ставится на разговорный язык, «фокус на лексические знания, ... на идиоматические фразы, беглость речи, способность поддержать разговор» (Kramsh 2008, p. 8). Ценность представляет беглость языка, а не только его правильность.

Коммуникативная методика выравнивает трещину между естественными и искусственными обстоятельствами в освоении языка, она «старается максимально приблизиться к обстоятельствам реального общения» (Pogića 2009, p.23). Коммуникативный подход предусматривает формирование общения, отношений между детьми и учителем как личностями (Пассов 1991, с.11).

Как коммуникативный подход реализовать на практике? Каковы общие условия для успешного освоения второго языка в дошкольном возрасте? В статье актуализируются самые существенные из них:

- соблюдение принципа «один человек - один язык», т.е. взрослому нельзя смешивать языки;
- участие в играх и в других видах деятельности должно быть добровольным, а не по принуждению;
- для настоящей коммуникации необходима цель коммуникации, разрешение какой-либо специфической коммуникационной проблемы (Mitchell, Myles 2004, p.105);
- детям обеспечивается возможность слушать и общаться с людьми – носителями второго языка;
- язык служит средством коммуникации;
- работа детей в парах и группах, нацеленная на решение общих, связанных с реальной жизнью задач (Kramsh 2008, p. 9);
- условием инициации разговора служит создание ситуации, содержание которой действительно интересует детей (Legutke, Müller-Hartmann, Schocker-von Ditfurth 2009, p. 55; Rumpfite 1998, p. 137; Амоношвили 1983, с. 85; Пассов 1991, с. 11);
- каждая активность должна быть мотивирована, в ней должен быть какой-то вызов для потенциального участника разговора. Отбирать нужно только такую лексику, которая необходима в повседневной жизни;
- в основе успешного освоения второго языка лежит создание благоприятной атмосферы, которая позволяет ребёнку использовать изучаемый язык разными способами, применять некоторые слова родного языка, также ошибаться, в свою очередь учитель в процессе дальнейшей коммуникации правильно использует слово-эквивалент (Legutke, Müller-Hartmann Schocker-von Ditfurth 2009, p.56);
- взаимная зависимость детей, распределенная ответственность в процессе общения на втором языке;
- важно, чтобы у детей по возможности скорее появилось чувство, что они понимают речь на втором языке, что они могут на нем общаться, что говорить на втором языке не трудно. Это ощущение «...укрепит их веру в свои силы, будет поощрять желание учить язык» (Амоношвили 1983, с. 83). Таким образом, использование коммуникативной методики необходимо уже с самого начала знакомства со вторым языком, так как часто, на начальном этапе освоения языка, детям предлагается только имитировать, повторять, репродуцировать, упражняться в формировании предложений определенной конструкции. Такой подход может вызвать равнодушное отношение ко второму языку и к его изучению, служит причиной возникновения неспособности использовать язык в целях общения в дальнейшем;

- чтобы развить коммуникативную компетенцию учеников, учитель последовательно уменьшает время, когда на втором языке говорит он, и увеличивает время общения, высказываний детей (Legutke, Müller-Hartmann, Schocker-von Ditzfurth 2009, p. 36);

- постепенность в процессе введения новых слов и выражений;

- принцип частоты использования слов и выражений, что позволяет ребёнку использовать определенное слово в разных контекстах, в разных конструкциях предложений;

- чтобы все дети в группе были активными участниками изучения языка, чтобы разнообразное освоение языка было доступно всем, чтобы у каждого ребёнка была возможность расти, копить опыт использования второго языка. Диалог и целенаправленные интеракции у дошкольников являются предпосылкой для достижений в освоении второго языка, так как в них «знания становятся полными смысла, важными и интересными» (McCafferty S., Jacobs G., Iddings A 2006, p. 59).

В дошкольном возрасте игры являются одним из наиболее подходящих средств для естественного и последовательного соблюдения перечисленных принципов.

Игра как ведущий вид деятельности ребёнка в дошкольном возрасте

Каждому возрасту как особенному, качественно отличающемуся периоду в жизни человека соответствует определенный вид ведущей деятельности. Его перемены характеризуют перемену возрастов, готовят ребёнка к новой, более высокой ступени развития. В дошкольном возрасте ведущим видом деятельности является игра, поэтому это – естественный и наиболее соответствующий дошкольному возрасту вид деятельности, стимулирующий все области развития, включая также освоение второго языка.

Как выражается игра как ведущий вид деятельности? Подобно тому, как учение способствует развитию ученика, также и игра в дошкольном возрасте способствует, ведет развитие ребёнка. Игре принадлежит решающая роль в развитии личности ребёнка, его социализации, в ней ребёнок моделирует отношения между людьми. В сюжетно-ролевых играх происходит ориентация ребёнка в познании мотивов, смыслов видов деятельности человека, у него формируется стремление к общественно важной и общественно оцениваемой деятельности, что выступает главным показателем готовности начать школьное обучение (Эльконин 2001). Игра приводит к переменам в сознании и потребностях ребёнка, она есть «источник развития и создает зону ближайшего развития. Действие в воображаемом поле, в мнимой ситуации, создание произвольного намерения, образование жизненного плана, волевых мотивов – все это возникает в игре и ставит ее на высший уровень развития, возносит на гребень волны, делает ее девятым валом развития дошкольного возраста... По существу, через игровую деятельность и движется ребенок. Только в этом смысле игра может быть названа деятельностью ведущей, т.е. определяющей развитие ребёнка» (Выготский 2004, с. 220-221). Продуманное использование игры в дошкольном возрасте раскрывает большие возможности также в освоении второго языка, но развивающий эффект игры возможен только в случае продуманной и методически правильной организации игры.

Условия использования игры в освоении второго языка

Коммуникативный подход является способствующим фактором в освоении второго языка, он очень успешно реализуется в играх, так как они по сути отличаются коммуникативным характером, отражают специфику дошкольного возраста (Протасова, Родина 2005, с. 30). Опора на игру обеспечивает естественную мотивацию для общения на втором языке, даже самые простые выражения становятся осмысленными. Привлекательное

взаимодействие в игре позволяет детям ненамеренно осваивать слова, принципы построения предложений.

Особенное место в освоении второго языка принадлежит дидактическим играм. Дидактическая игра уникальна тем, что она одновременно является как обучающей, так и развивающей, коммуникативной, социализирующей и развлекающей. В дидактической игре «...задачи развития ребёнку выдвигаются не намеренно, а в «замаскированном» виде. У ребёнка нет цели учиться через игру, но в ходе игры он что-либо осваивает. Обучение в игре происходит как будто случайно» (Šernova 2009), освоению знаний в игре принадлежит «побочный» эффект.

Дидактическая игра развивает самостоятельное мышление ребёнка, использование освоенных представлений в разных обстоятельствах, условиях в соответствии с возрастом (Бондаренко 1991, с. 7). Это позволяет успешно соблюсти принцип частоты использования слов на втором языке. В дидактической игре у ребёнка есть возможность конструировать свою деятельность, быть самостоятельным.

Цель дидактических игр в освоении второго языка – речевое общение, развитие понимания и знакомство с новой культурой, а также формирование мотивов и причин для разговора на втором языке. Хотя бы одно из этих обстоятельств достаточно для проведения игры (Протасова, Родина 2005, с. 236).

Чтобы использование дидактических игр было эффективно для развития второго языка, педагогу необходимо знать сущность и природу дидактической игры, которые выражаются в схожести данного вида игр с учебной деятельностью. Нужно осознавать необходимость определять цель игры и подчинять ей игровую деятельность (в освоении второго языка доминируют цели, связанные с развитием разных областей второго языка).

Педагог должен знать общие условия проведения игр вообще, и дидактических игр в частности:

- выразительность проведения игры, что обеспечивает интерес ребёнка и желание слушать и участвовать в игре. Важна также выразительность речи педагога и её правильность;
- участие в игре педагога;
- необходимость оптимально соединить обучение и увлекательность. При проведении игры педагог должен постоянно помнить, что он даёт детям сложные учебные задания, но в игру их превращает форма проведения - эмоциональность, лёгкость, непринужденность;
- средства и приемы, повышающие эмоциональное отношение ребёнка к игре, нужно рассматривать не как самоцель, но как пути которые ведут к выполнению дидактических задач;
- в взаимоотношениях педагога и детей должна господствовать атмосфера взаимоуважения, взаимопонимания, доверия и сопереживания;
- наглядные материалы, используемые в игре, должны быть простыми и содержательными (Карпова 1997, с. 20).

В дидактических играх активизируется и обогащается словарный запас детей, развивается правильное произношение, монологическая речь, умение формировать фразы и составлять рассказы на определённую тему. Дидактические игры часто побуждают детей многократно повторять определённые звуки и слова. Это способствует развитию артикуляционного аппарата через восприятие и воспроизведение звуков второго языка, что позволяет естественно реализовывать принцип частоты многообразного использования осваиваемых слов и фраз. В разнообразных ситуациях используется одно и то же слово, форма слова, сочетание звуков, тип интонации, фраза, предложение, реплики. Ребёнок их воспроизводит, самостоятельно конструирует. Каждую новую ситуацию осмысливает на втором языке. После определённого количества повторений ребёнок самостоятельно стремится повторить, сказать, обыграть то, что запомнил.

Игра должна способствовать развитию ребёнка, чего можно достичь только таким выбором игровых задач, которые позволяют ребёнку действовать в зоне ближайшего развития.

Анализ мнений дошкольных педагогов о возможных наиболее подходящих формах освоения латышского языка как второго в дошкольном возрасте

Чтобы найти формы, которые позволили успешнее осуществлять освоение латышского языка как второго в детском саду, были проанализированы мнения дошкольных педагогов. Далее рассматриваются некоторые из них:

1. Назовите, на Ваш взгляд, самые эффективные методы и формы организации освоения второго языка в дошкольном возрасте:

- *Билингвальное образование, метод погружения в языковую среду, коммуникативный подход.*
- *Дидактические, театрализованные игры, пальчиковые игры, использование стихов, песен, народного фольклора, разнообразного наглядного материала.*
- *Использование языка в семье, быту, погружение в среду второго языка на большую часть дня, просмотр мультимедийных фильмов.*
- *Словесные методы (объяснения, рассказ учителя, беседы, чтение литературных произведений), наглядные методы (демонстрация предметов и картинок, движений, использование дидактических материалов), игровые методы (игровые упражнения, действия с игрушками, загадки, игры с элементами соревнования), практические методы, проблемные методы (решение проблем), исследовательские методы (в модели билингвального образования).*
- *Проведение занятий в форме игры, использование фраз и предложений в течение дня в режимных моментах, использование некоторых фраз, выражений, команд на занятиях по спорту, в драматизации сказок, ежедневное повторение некоторых фраз, например, определение дня недели, рассказ о погоде. Необходима среда, в которой у ребёнка есть возможность слышать и использовать второй язык (например, кружки по интересам, секции и т.д.)*

2. Как, на Ваш взгляд, лучше всего в освоении второго языка использовать коммуникативный подход? (коммуникативный подход рассматривает язык как средство общения):

- *Организация режимных моментов, активное использование латышского языка на музыкальных занятиях, организация игровой деятельности на изучаемом языке.*
- *Количество детей в группе не должно превышать 8-10 человек, что позволяет организовывать различные коллективные задания. Общение во время занятия по возможности должно осуществляться на втором языке. Важно обеспечить речевую самостоятельность детей, предоставляя им возможность исправлять друг друга – так они получают дополнительную возможность проявить речевую активность на втором языке.*
- *Общаться на втором языке в повседневной жизни и играть на нем.*
- *Ободрить ребенка и вовлечь его в диалог, предложить ему что-то реальное для общения (выбрать близкие ребенку темы), использовать игру как средство развития коммуникативных способностей.*
- *Постепенное включение слов, фраз, предложений (в зависимости от возраста ребенка) во время режимных моментов в течение дня, на занятиях (совершенствование диалогической речи).*

3. Каково, на Ваш взгляд, значение игры в процессе освоения второго языка в дошкольном возрасте ?

- *Определяющее;*
- *Естественно ведущее значение;*
- *Так как дошкольники учатся играя, роль игры в освоении второго языка огромно. Играя, дети незаметно и без принуждения осваивают новые слова и понятия;*

- *Игра раскрывает огромные возможности в том, чтобы заинтересовать детей освоить второй язык. Но нужно обращать внимание на тщательный отбор игр, чтобы игра соответствовала цели и задачам освоения второго языка;*
- *Ребенок в форме игры легче запоминает, затем применяет в играх с детьми (по наблюдению) простые слова и фразы. Игра способствует взаимному общению детей, созданию дружеской обстановки, формированию доброжелательных отношений между детьми. В игре дети переживают определенные роли, строят отношения, даже если они не всегда правильно говорят, нет страха, смущения говорить на втором языке. Игра предотвращает языковой барьер, широко распространенный среди взрослых.*

4. Назовите и опишите принципы организации игры, способствующие освоению второго языка:

- *Тематика игр должна быть близка и ясна детям. Необходима ротация игр на занятиях, использование игр различных видов, вовлечение всех детей в процесс игры, необходимость поддерживать позитивный эмоциональный фон.*
- *Лаконичность (строго определенное содержание речи), доступность (соответствие возрасту), последовательность (содержание расширяется и углубляется), коллективность (в игре участвуют все дети и педагог);*
- *Игра должна быть простой, ясной и интересной, с часто повторяющимися действиями, что способствует запоминанию;*
- *Чтобы учитель мог выбрать игру, больше всего подходящую ребенку для освоения второго языка, надо знать уровень развития ребенка, накопленный опыт, словарный запас, интересы и коммуникативные способности детей данной группы. Педагог обязательно должен играть с детьми. Игры необходимо организовывать так, чтобы ребенок сразу был способен усвоить новое, или закрепить ранее пройденное;*
- *В старшем дошкольном возрасте необходимо знакомить детей с целью, задачами игры, распределить роли, ознакомить с правилами. Организация игры должна быть ясная, продуманная, необходимо планирование, что обеспечит целенаправленность игры, постепенность введения нового содержания на втором языке.*

Анализ мнений дошкольных педагогов позволяет сделать вывод о том, что успешнее всего освоение второго языка в дошкольном образовательном учреждении национального меньшинства происходит в рамках билингвального образования, применяя коммуникативный подход. Эффективными методами считаются беседы, вопросы и ответы, рассказы по картинкам, использование языка в быту и т.д. Был упомянут также принцип повторения освоенных слов, создание среды, побуждающей говорить на втором языке.

Но, главное, по мнению дошкольных педагогов, коммуникативный подход успешнее всего осуществляется в игровой деятельности и режимных моментах, коммуникации на втором языке способствуют близкие детям темы.

Игры являются важным средством в освоении второго языка: в них ребенок как будто незаметно осваивает язык, но необходимо уделять внимание тщательному отбору игр.

При организации игры нужно уделять внимание ее тематике, содержанию, которое должно постоянно усложняться. Игра должна соответствовать уровню развития ребенка, она должна быть интересной. Важно, чтобы в игре у ребенка была возможность повторить ранее освоенное.

Обобщение мнений указывает на необходимость планирования в использовании игр, актуализирует значение игры в развитии второго языка в дошкольном возрасте. Многие особенности организации игры, на которые указывают учителя, совпадают с особенностями, определенными в ходе исследования, например: соответствие игры особенностям и интересам ребенка, направленность игр на развитие и совершенствование языка, доброжелательность во взаимоотношениях между участниками игр на втором языке, разнообразие в использовании игр и т. д.

Описание развития речи на латышском языке детей 5-6 лет

Исследование проводилось в период с сентября 2008 года до мая 2009 года, до и после внедрения тщательно отобранных игр как на занятиях, так и в свободное время детей 5-6 лет. Наблюдения показывают, что игры, деятельность в них способствует речи на втором языке, дети в ситуации игры не боятся допустить ошибки, в центре внимания игровая задача, а не формирование речи на втором языке и ее правильность. Игры способствовали как успешному освоению основ речи, так и совершенствованию речи детей интересным, непринужденным образом. Расширился словарный запас детей, в конце года дети уже могли варьировать слова, грамматические конструкции в предложениях, что свидетельствует о понимании принципов построения предложений на втором языке, самостоятельно организовывали знакомые игры, вносили разнообразие в их содержание. Дети могли услышать ошибки в речи других ребят, исправляли их. Было установлено, что в случае, когда в освоении латышского языка доминируют упражнения, а использование игр непродуманно и эпизодично, дети знают только отдельные определенные слова, их умение подключиться к диалогу, рассказывать, общаться весьма ограничена или не развита вообще, дети не умеют использовать освоенное в других ситуациях, воспроизводят только известное, не появляется элемент творчества, пройденное быстро забывается, так как его освоение не было осмыслено. В свою очередь в игре реакция ребенка на происходящее, на новые слова и фразы эмоциональна, представления, навыки на втором языке, которые приобретены в игре, становятся прочными, естественными, дети могут использовать их в быту, в ежедневном общении.

Выводы

Игра – это ведущий вид деятельности в дошкольном возрасте, поэтому она является наиболее подходящим средством развития второго языка. В игре развиваются все виды речевой деятельности ребенка. Кроме того, игры универсальны, часто они отвечают разнообразным задачам развития ребенка. В процессе изучения второго языка они помогают постоянно активизировать освоенные слова, конструкции предложений, в них успешно осуществляется принцип частоты, обеспечение активности всех детей и обеспечение взаимного сотрудничества. В игре у детей есть возможность удовлетворить свои коммуникационные потребности.

В играх коммуникативный подход реализуется естественно. Этот подход является условием освоения второго языка, основой освоения второго языка в дошкольных учреждениях национальных меньшинств. В игре осуществляется использование языка как средства общения. Коммуникативный подход позволяет максимально приблизить речь на втором языке к естественным условиям. Условиями успешного освоения второго языка являются: добровольное участие детей в предложенных активностях, решение реальных, близких детям коммуникационных проблем, доброжелательная атмосфера, мотивация детей говорить на втором языке, использование коммуникативного подхода с самого начала освоения второго языка, не допуская на начальном этапе только имитацию, повторение и воспроизведение, постепенность во внедрении новых слов, фраз, соблюдение принципа частоты при ознакомлении с новыми словами и выражениями. Освоению второго языка также способствует участие каждого ребенка и обеспечение осмысленной деятельности на втором языке.

В статье уточнены особенности организации игры детей 5-6 лет для успешного освоения второго языка (определение цели игры, выразительность ее проведения, участие в игре педагога, соответствие игры уровню развития второго языка ребенка, личностным особенностям. Содержание игры должно быть близким и интересным детям, в играх нужно соблюдать принцип частоты).

Мнения учителей позволяют сделать вывод о том, что игры, коммуникативный подход, в них осуществляемый, наиболее эффективно способствует освоению второго языка в дошкольном возрасте. Если учитель не владеет методологией игры, если не соблюдаются принципы организации игры, освоение второго языка может замедляться. Одним из условий развития речи на втором языке является продуманная организация игр.

Литература

- ČERNOVA, E., 2009. Rotaļspēles darbības metodoloģija pirmsskolā. *Sabiedrība, integrācija, izglītība*. Starptautiskā zinātniska konference. Rēzekne: RA izdevniecība, 296-302. lpp.
- KRAMSH, C., 2008. Applied Linguistic Theory and Second/Foreign Language Education, *Encyclopedia of Language and Education. Second edition. Second and Foreign Language Education*, Vol.4 New York: Sprenger, pp.3-15.
- LEGUTKE, M. K.; MÜLLER-HARTMANN, A., 2009. Schocker-von Ditfurth M. *Teaching English in the Primary School*. Stuttgart: Klett, 168 p.
- LUST, B., 2006. *Child Language. Acquisition and Growth*. Cambridge University Press, 389p.
- MAYO, Maria del Pilar Garcia, 2003. *Age and the Acquisition of English as a Foreign Language*, 209 p.
- MCCAFFERTY, S.; JACOBS, G.; IDDINGS, A., 2006. *Cooperative Learning and Second Language Teaching*. Cambridge University Press, 223 p.
- MITCHELL, R.; MYLES, F., 2004. *Second Language Learning Theories*. London: Arnold.
- PORIŅA, V., 2009. *Valsts valoda daudzveidīgajā sabiedrībā: individuālais un sociālais bilingvisms Latvijā*.- Rīga: LU Latviešu valodas institūts. 208 lpp.
- RUMPĪTE, D., 1998. Ļ. Vigotska idejas svešvalodu apguvē. *Starptautiskās konferences „Žana Piažē un Ļ. Vigotska mantojums un mūsdienu psiholoģiskās prakses. Bērna intelektuālā un emocionālā attīstība” materiālu krājums*. Rīga: RaKa, 136.-140.lpp.
- VIGOTSKIS, Ļ., 2002. *Domāšana un runa*. Rīga: EVE, 391 lpp.
- АМОНОШВИЛИ, Ш А., 1983. *Здравствуйте, дети!* Москва: Просвещение, 208 с.
- БОНДАРЕНКО, А. К., 1991. *Дидактические игры в детском саду*. Москва: Просвещение, 160 с.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С., 2004. *Психология развития ребенка*. Москва: изд-во Смысл, изд-во Эксмо, 512 с.
- КАРПОВА, Е. В., 1997. *Дидактические игры в начальный период обучения*. Ярославль: «Академия развития», 240 с.
- ПАССОВ, Е. И., 1991. *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*. Москва: Просвещение, 223 с.
- ПРОТАСОВА, Е. Ю.; РОДИНА, Н. М., 2005. *Многоязычие в детском возрасте*. Санкт-Петербург: Златоуст, 276 с.
- ЦЫТОВИЧ, В. Н.; БАУМАНЕ, Дз.В., 1983. *Занятия по русскому языку с шестилетними детьми*. Рига, 128 с.
- ЭЛЬКОНИН, Д. Б., 2001. *Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды*. Москва: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 416 с.

Irina Filkina

Latvian University

Research interests: second language acquisition at preschool age, bilingual education, importance of play in the development of second language

FEATURES OF GAME ORGANIZATION IN SUCCESSFUL ACQUISITION OF THE SECOND LANGUAGE IN KINDERGARTENS

Summary

This article describes and gives theoretical background of game structure in second language acquisition process, explains the conditions for effective language acquisition in pre-school age children. Theoretical background relies on the status of a game as a leading type of activity in preschool age children (Выготский, 2004; Эльконин, 2001), methodology and organization of a game in preschool (Сорокина 1982; Бондаренко, 1991; Černova, 2009), second language acquisition in preschool (Legutke, Muller-Hartmann, Schocker-v.Ditfurth, 2009; McCafferty, Iddings, 2006; Протасова, Родина 2005), and communication (Legutke, Muller-Hartmann, Schocker-v.Ditfurth 2009, Пассов 1991). The second part of the article analyzes teachers' opinions about the importance of using games in second language acquisition, their structure, and describes the dynamics of language acquisition 5 – 6 years later after using the games selected by the author in the learning process both in the learning environment and children's free time. The results show that the quality of a game organization affects the quality of second language acquisition.

KEY WORDS: game, game structure, second language acquisition, pedagogical process in preschool (learning environment in preschool), communication

Rolandas Vitalius Idzelis

Vilniaus universitetas Užsienio kalbų institutas, Lietuva

Universiteto g. 5, 2734 Vilnius, Lietuva

Tel.: 852446286

El. paštas: Rolandas-Vitalius.Idzelis@uki.vu.lt

Moksliniai interesai : lingvistika ir semiotika; kalbų politika ir planavimas; anglų kalbos kaip tarptautinės kalbos funkcionavimo ypatumų tyrimas

BENDROJI LINGVODIDAKTIKA (KALBOS KULTŪRA) KALBOS TEORIJOS KURSE

Straipsnyje siekiama parodyti lingvodidaktikos, arba kalbos kultūros, vietą ir svarbą kalbotyros įvado kurse. Pagrindžiama būtinybė, susiformavus naujai geopolitinei erdvei, kalbotyros pradmenų kurse atskleisti kalbos ortologijos, normos susidarymo, bendrinės kalbos norminimo, kalbos ugdomųjų priemonių kūrimo bei taikymo ištakas ir raidą, parodyti įvairių kalbotyros disciplinų vidines sąsajas, atskleisti atskirų bendrosios ar dalinės kalbotyros teorinių klausimų kaitos bei realizacijos būdus svetimų kalbų mokymo praktikoje ir išryškinti bendrosios, dalinės ir taikomosios kalbotyros vienybę. Pabrėžiama kalbos normos, ortologijos sąvokų svarba Europos Tarybos kalbos politikai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: bendroji lingvodidaktika, kalbos kultūra, kalbos norma, kalbos ortologija, taikomoji kalbotyra

Įvadas

Straipsnio tikslas – parodyti kalbos didaktikos, arba lingvodidaktikos kaip vienos iš taikomųjų sociolingvistikos kryptių, kuri nagrinėja įvairius kalbos funkcionavimo atvejus, vietą ir svarbą kalbos teorijos (kalbotyros įvado) kurse. Straipsnyje keliamas klausimas aktualus dar ir tuo, kad taikomosios kalbotyros problemos leidžia parodyti įvairių kalbotyros disciplinų vidines sąsajas, atskirų teorinių klausimų kitimo ir taikymo būdus svetimų kalbų mokymo(si) praktikoje ir pabrėžti bendrosios ir taikomosios kalbotyros vienybę. Lingvodidaktika kalbos faktus aiškina ir pateikia kaip taisyklių sistemą, kuriomis naudojama tam, kad taisyklingai kalbėtume, bet taisyklinga kalbos vartoseną bei pati taisyklingumo samprata priklauso nuo **kalbos normos**, kurią lingvodidaktika įtvirtina. Kalbos *ortologijos*, taisyklingumo bei normos klausimai ypač aktualūs dabar, susiformavus naujai geopolitinei erdvei, todėl kalbotyros įvado kursas gali ir turi atskleisti kalbos normos susidarymo, bendrinės kalbos norminimo, kalbos ugdomųjų priemonių kūrimo bei taikymo ištakas ir raidą, juo labiau kad kalbotyros pradmenų kurse nagrinėjamų tokių temų, kaip kalbos esmė ir vaidmuo pasaulio pažinimo procese, “natūralaus” ir “dirbtinio” santykis kalboje, kalbos ir mąstymo santykis, kalbos ortologijos, kalbos normos, kalbos taisyklingumo problemos, ženklinės žodžio prigimties teorijos, kalbos kilmės ir evoliucijos aiškinimo šaknys glūdi antikos kalbos teorijose, kurios anuomet atsirado ne nagrinėjant kokią nors atskirą problemą, bet svarstant vieną iš svarbiausių filosofijos klausimų – koks yra daikto, minties ir žodžio santykis.

Pagal tyrimo paskirtį skiriama teorinė, arba fundamentinė kalbotyra ir taikomoji (praktinė) kalbotyra. Autoritetingas žurnalas “*Applied Linguistics*” teigia, kad taikomajai kalbotyrai (lingvistikai) rūpi ne tik ryšis tarp teorijos ir praktikos, bet ir kalbos problemų bei su kalba susijusių klausimų nagrinėjimas specifinėse situacijose, kuriose žmonės vartoja kalbą bei jos mokosi. Todėl taikomoji kalbotyra domisi pirmos ir antros kalbos mokymu bei mokymusi, diskurso (teksto) analize, edukologinėmis gimtosios ir svetimų kalbų problemomis (*language in education*), kalbos planavimo (*language planning*), testavimo (*language testing*), leksikografijos dalykais, daugiakalbyste (*multilingualism*) ir daugiakalbiu švietimu (*multilingual education*), t.y. mokant daugiau nei vienos svetimės kalbos, stilistika ir retorika (*stylistics and rhetoric*) ir vertimu (*translation*).

Bendroji kalbos didaktika arba lingvodidaktika

Straipsnyje svarstomas klausimas yra vienas iš kalbotyros įvado kurse nagrinėjamos platesnės temos “Kalba ir visuomenė” aspektų, kuris rūpi sociolingvistikai ir tai jos kryptiniai, kuri nagrinėja įvairius taikomąjį pobūdį turinčius kalbos funkcionavimo atvejus. Viena iš sociolingvistikos sudėtinių dalių, kuri rūpinasi kalbinių žinių ir gebėjimų sklaida, yra kalbos didaktika, arba lingvodidaktika. Ji yra glaudžiai susijusi su pedagogika, metodika bei psichologija (Рождественский 1990).

Lingvodidaktika aprašo kalbą, turėdama tikslą jos mokyti ir ugdyti kalbinius gebėjimus. Kartais kalbos didaktikos tyrinėjimo medžiaga yra arba mažesnės, arba didesnės apimties nei kalbos norma. Kai kalbos mokosi kurios nors srities specialistai, kalbos didaktika tarytum praplečia kalbos normą tai specialybei. Ryškiausias tokio praplėtimo pavyzdys – specialiosios, dalykinės kalbos. Tai, kas vokiškai vadinama *Fachsprache*, angliškai – *Language for Specific Purposes* (LSP) yra viena iš taikomosios kalbotyros sričių, kuri sparčiai vystėsi per pastaruosius tris dešimtmečius ir yra labai svarbi svetimų kalbų mokymo metodikos dalis (Idzelis 1989, p. 6-29).

Iš to, kas pasakyta, turėtų būti aišku, kad kalbos didaktika būtinai remiasi kalbos norma, bet aprašo kalbą taip, kaip vieno ar kito dėstomo dalyko apimtį apibrėžia pedagogika, nes kalbos didaktinį aprašymą visada sąlygoja metodiniai reikalavimai. Pagal paskirtį didaktiniai aprašymai skirstomi į mokomuosius, informacinius ir mokomuosius–informacinius. Pagal auditorijos ir dalyko pobūdį skiriamos šios kalbinės didaktikos: bendroji, mokyklinė ir profesinė (Рождественский 1990). Istoriskai bendroji kalbinė didaktika išsirutuliojo iš mokyklinės, bet pastaruoju metu bendroji didaktika sąlygoja kitų dviejų didaktikų sandarą. Aišku, kad kalbotyros pradmenų kurse mums visų pirma rūpės bendroji lingvodidaktika, kuri, beje, turi dar ir kitą pavadinimą – **kalbos kultūra** (ribota straipsnio apimtis neleidžia paliesti kitų dviejų – mokyklinės ir profesinės). Nepaisant įvairių nuomonių dėl to, ar bendroji lingvodidaktika laikytina atskira kalbotyros šaka, ji palengva formuojasi, stengdamasi apibrėžti savo tyrimo objektą ir tyrinėjimo metodus.

Kalbos kultūrą A. Pupkis apibrėžia kaip kalbotyros šaką, kuri rūpinasi bendrinės kalbos norminimu ir tos kalbos ugdomųjų priemonių kūrimu bei taikymu. Ji (kalbos kultūra) susideda iš dviejų dalių: paties norminamojo proceso ir kalbos ugdomųjų (poveikio) priemonių kūrimo. Šios dvi dalys sudaro vienybę ir viena be kitos egzistuoti negali (Pupkis 1980). Kalbos kultūra garantuoja retorinių ir stilistinių bendravimo problemų sprendimą; ji teikia ir diegia kalbos normas bei vertina kalbos reiškinius. Kalbos kultūra turi pasakyti, kas bendrinėje kalboje taisyklinga ir kas nesakoma; griežtai sakant, ji operuoja sąvokomis galima – negalima, o stilistika – sąvokomis geriau – prasčiau. Nemaža mokslininkų kalbos kultūrą vis dar tapatina su stilistika, nors mintį atskirti kalbos kultūrą ir stilistiką dar 1930 metais aiškiai suformulavo rusų kalbininkas G. Vinokūras knygoje «*Культура речи*» (Винокур 1959, c. 235).

Norėdama tiksliau nusakyti kalbos kultūros objektą ir pabrėžti, kad jis yra kalbos normos įdiegimas, O. Achmanova įvedė į lingvodidaktiką ortologijos terminą (gr. *orthos* “tiesus, taisyklingas” + *logos* “žodis, mokslas”, kuriuo nusakoma norminė, taisyklinga kalbos elementų vartoseną). (Ахманова 1965).

Kalbos ortologijos, normos, taisyklingumo ištakos

Antikos kalbos teorijų tyrinėtojai pažymi, kad jos atsirado siekiant išspręsti vieną iš itin svarbių pagrindinės filosofijos problemų – klausimą koks yra daikto, minties ir žodžio tarpusavio santykis. “*Visą sofistų epochos problematiką, - rašo garsus antikos tyrinėtojas I. Tronskis, - persmelkia priešprieša “iš prigimties” (φύσει) – “iš susitarimo” (τέθει).* *Visais socialiniais klausimais ir, dar plačiau, sąmonės turinio klausimais buvo keliamas pagrindinis klausimas: ar jie egzistuoja “iš prigimties” kaip neatskiriama ankstyvojo, mitologinio pasaulio suvokimo objektų savybė, mitologinio pasaulio suvokimo vaizdo prasme (Weltanschauung), ar “iš susitarimo”, kaip žmonių nuomonės ir jų susitarimo rezultatas? Į šios problematikos sferą taip pat įtraukiama ir kalba”* (Тронский 1936, c. 7-28). Apie tai rašo ir kitas antikos kalbos ir stilių tyrinėtojas I. Perel’ muteris: “*Pagrindine kalbos reiškinių problema, jaudinusi graikų mąstytojus V*

a. prieš Kr., buvo klausimas, koks yra ryšys tarp žodžio ir juo reiškiamo daikto; ginčas vyko tarp tų, kurie siekė pateikti racionalų paaiškinimą kaip alternatyvą tradiciniam požiūriui, pasak kurio ryšys tarp daikto ir jo pavadinimo nusistoja “iš prigimties”, teigdami, kad šis ryšys remiasi “susitarimu” (Перельмутер 1980, c. 113-124). Tos pačios problemos, kaip parodė V. Ivanovas, savo darbe sugretinęs graikų ir indų kalbos tradicijas atspindinčius mitus, jaudino ir senovės indų mąstytojus (Иванов 1964, c. 85-94).

Taigi onomastikos, arba vardų įvardijimo teorijos centre buvo sugebėjimas duoti “teisingą, taisyklingą” vardą. Teisingas, taisyklingas vardas reiškė daikto vidines savybes, kurias vardas žymėjo, parodė. Štai kodėl, anot N. Abramiano, ženklinio (semiotinio) kalbos pobūdžio problema, kurioje susikoncentruoja daugelis šiuolaikinės lingvistikos, semiotikos ir filosofijos klausimų, galima laikyti įvairiais šios daugiapusės, įvairialypės problemos aspektais, o ginčą dėl vardų “teisingumo, taisyklingumo” istorine jos pateikimo, išdėstymo forma (Абрамян, 1981, c. 152).

Bandymuose suvokti vardo “teisingumo” prasmę galima aptikti kalbos *normos* teorijos daigus. “Kai Protagoras kalba apie žodžių taisyklingumą ir taisyklingą šneką,- rašo I. Perel'muteris, – jis turėjo galvoje praktines oratorinio meno problemas. Jis tikriausiai pirmą kartą graikų kultūros istorijoje iškelia kalbos normos problemą, šnekos taisyklių, tinkamų išsimokslinusiame, išsilavinusiame žmogui, sukūrimo problemą” (Перельмутер 1980, c. 124).

Daugelyje kitų darbų pažymima, jog antikos kalbos teorijas iš esmės sudaro tai, kad jos pateikia kalbos vartojimo taisykles, kurios susidarė kaip anksčiau atlikto daiktų įvardijimo, taisyklingų vardų davimo rezultatas, kuris nulėmė žmonių kalbos sandarą. Todėl pagrindinis antikos gramatikos meno klausimas buvo šnekos *taisyklingumo* problema. Aprašant kalbos sistemą, ryškiai išsiskyrė dvi drauge gyvavusios tendencijos: 1) pateikti kalbos formas taip, kad jos atspindėtų jų vartoseną, t.y. pagal galimybes pateikti būdingų kalbos žodžių ir jų formų vartojimo atvejus visiems skirtingiems dialektams ir vartojimo sferoms, 2) aprašyti kalbos formas taip, kad jos atspindėtų *taisyklingos šnekos sudarymo taisykles* ir tuo pačiu parodytų, remiantis tam tikrais principais, *neteiktiną, netaisyklingą* žodžių ir formų vartojimą.

Pirmoji tendencija gavo **anomalijos** principo vardą, antroji – **analogijos**. Antikos filologija neteikė pirmenybės nei vienai iš šių dviejų kraštutinių požiūrių, ir kalbos praktikoje ieškojo kompromisinio sprendimo. Pripažindama būtinumą norminti graikų ir lotynų literatūrinę kalbą ir įvesti vieningą standartą, arba normą antikos filologai kūrė tą standartą, naudodamiesi analogija, bet kiek galima priartindami ją prie “iš prigimties”, “įpročio”, “papratimo”, t.y. prie realios vartosenos (Амирова, Ольховиков, Рождественский (1975, c. 109).

Tuo būdu jau graikų ir romėnų pasaulyje buvo suformuluoti bendros rašomosios kalbos **taisyklingumo kriterijai**. Jie buvo suvokiami: a) kaip bendrieji kalbos sistemos sandaros principai, duoti gramatikos menui (*ars grammatica*) iš šalies, ir b) kaip tekstų vertinimai, sankcionuoti, įteisinti autoriteto. Šie gramatiškai taisyklingos šnekos kriterijai ir nulėmė bendruosius gramatikos meno principus. Jie buvo **sąmoningas** kalbos išraiškos priemonių taikymo **įvertinimas**, atsižvelgiant į toje aplinkoje visuomenės sąmonėje egzistuojantį kalbos vartojimo **idealą**. Tikriausiai, būtų pravartu neužmiršti šios senos antikos išminties: **jei nėra idealo, nėra ir atskaitos taško vertybių skalėje ar sistemoje**.

Iš to kas pasakyta, turėtų būti aišku, kad kalbos/šnekos taisyklingumo sąvoka yra **istorinė** kategorija, kuri kinta kartu su visuomenėje vykstančiais pokyčiais. Nėra jokių abejonių, kad gilesnei šio klausimo analizei gali pasitarnauti ta medžiaga, kuri parodo, kaip kuriame nors vienos ar kitos tautos vystymosi etape **mokė kalbos**, remdamiesi tuo metu egzistavusia jos taisyklingumo samprata bei taikydami įvairius kalbos vartojimo atvejus atitinkančias normas. Pavyzdžiui, pastaruoju metu Europos tautų sąmonėje tokiu idealu svetimųjų kalbų mokymo praktikoje tapo Bendrasis Europos kalbų mokymo ir mokymosi aprašas (Idzelis 2006). Beje, Vinokūras teigė, kad tam tikro kalbos idealo turinio ir iš idealo išplaukiančių konkrečių reikalavimų nustatymu turėtų rūpintis atskira disciplina, nagrinėjanti lingvistinių stilių istoriją (“*историю лингвистических вкусов*”). Taigi “*lingvistinių stilių/skonių istorija įgauna visuomeniškai-auklėjamąjį, praktinį–*

pedagoginį taikymą. Su ja glaudžiai susijusi ir iš jos išsirutulioja ta praktinė disciplina, kurią kartais vadina "rašymo menu", arba normine stilistika" (Винокур 1959, c. 235).

Iširus antikos valstybiniais dariniais ir perėjus į naują visuomeninę ekonominę formaciją, vėl labai aiškiai išryškėjo kalbų skirtumai, išsiskyrė dvi kalbų sferos: 1) kanoninių ir klasikinių kalbų sfera, t.y. senųjų civilizacijų kalbos, kurios visuomenės sąmonėje ir kalbos teorijoje buvo suvokiamos ir laikomos "taisyklingomis" kalbomis, ir 2) vulgarių, arba barbarų kalbų sfera, kurios visuomenės sąmonėje ir kalbos teorijoje buvo suvokiamos ir laikomos "netaisyklingomis" kalbomis (į šią sferą, beje, pakliuvo visos neturinčios rašto kalbos ir jau turinčios savąją raštiją kalbos).

Daugelis kalbos tyrinėtojų pažymi, kad "taisyklingų" ir "netaisyklingų" kalbų egzistavimas konkrečiomis istorinėmis sąlygomis (viduramžiais) buvo natūralus ir neišvengiamas reiškinys. Dar daugiau, klasikinių kalbų egzistavimas suvaidino teigiamą vaidmenį. Siekiant išsaugoti ideologinių, dorovinių–estetinių ir istorinių–kultūrinių tekstų prasminę vienybę, jie buvo kanonizuojami. Viduramžiais kalbos teorija savo pagrindiniu uždaviniu laikė įveikti stichiškai atsiradusią kanoninių tekstų kalbos diferenciacijos tendenciją: naujieji rašytiniai tekstai buvo derinami, tikslinami su senaisiais rašytiniais kanoniniais tekstais, šalinami skirtumai, atsiradę įvairių tekstų perrašytojų mokyklose, svarbiausių tekstų turinys turėjo paaiškinimus, komentarus. Žinios apie tekstus – **hermeneutika** ir **egzegezė** -- sudarė, kaip teigia senųjų kultūrų tyrinėtojas N.Konradas, pagrindinį žinių apie kalbą turinį (Конрад 1966).

Tuo pat metu vystėsi ir "netaisyklingos" kalbos: buvo tvarkoma ir norminama jomis rašomų raštų kalba, į jas verčiami kanoniniai tekstai ir rengiami jų gramatikos aprašai, padedantys jomis atkurti kanoninius tekstus. Įdomu, kad "taisyklingųjų" kalbų gramatikos tapo "netaisyklingų" kalbų gramatikų rengimo etalonu. Reikėtų dar pridurti, kad viduramžių Europoje, formuojantis naujoms literatūrinėms kalboms, didžiulį vaidmenį, vaidino **vertėjai** (Верещагин 1972, c. 8). Ir dabar Europoje vykstančių (ir būsimų) Lietuvai svarbių permainų kontekste vertėjų vaidmuo yra išskirtinis: jų požiūris į skolinių vartojimą, kodifikavimą bei lietuviškų atitikmenų parinkimo kriterijus ir nuosekliai taikomas **nuosaikiojo purizmo** principas neleis izoliuoti lietuvių kalbos nuo labai reikšmingo tarptautinės leksikos fondo ir, kita vertus, nepakenks nacionaliniam kalbos savitumui ir raidai (Palionis 1985.). Taigi "taisyklingų" ir "netaisyklingų" kalbų skyrimas viduramžiais suvaidino teigiamą vaidmenį: "taisyklingos" kalbos tarnavo mokslo ir kultūros žinioms skleisti, saugojo jas ir buvo puikus instrumentas naujoms žinioms kurti. Viena iš tokių kalbų Europoje buvo klasikinė **lotynų** kalba. Būdama unifikuota, sunorminta ir vartojama didelėje teritorijoje, ji puikiai tiko tarptautiniam kultūriniam ir moksliniam bendravimui (Idzelis 1998).

Nacijų ir tautinės savimonės formavimosi metu, kai buvo pradėtos spausdinti knygos, plito švietimas, susikūrė naujos mokslo šakos ir naujos filosofijos, priešinimasis lotynų kalbos vyravimui Vakarų Europoje buvo suvokiamas kaip kova už tautinių kalbų lygybę. Kartu su kanoninėmis kalbomis buvo plėtojamos tautinės literatūrinės kalbos, kurios buvo vartojamos ne tik bažnytiniais, bet ir pasaulietiškiems tekstams kurti. Anot Z.Gukovskajos, "vulgarios", "netaisyklingos" kalbos, kuri vėliau tapo bendrine kalba, rungtyniavimo su lotynų kalba dialektika pasireiškė tuo, kad pamažu išstumdama lotynų kalbą iš jos vartojimo sferų, jauna literatūrinė kalba buvo tvarkoma ir vertinama tos pačios lotynų kalbos, lotynų gramatikos ir retorikos kategorijomis" (Гуковская 1940, c. 11). Tą pačią tendenciją pastebi ir Robinsas (Robins 1979).

Tokios nacionalinės (literatūrinės) kalbos visuomeninės kalbinės praktikos ir kalbos teorijos buvo įteisintos kaip tam tikra norma. Šis procesas, **normos** susidarymo procesas buvo ilgas ir sudėtingas, jį lėmė netolygi, skirtinga įvairių tautų kultūrinė ir istorinė raida, naujų filosofinių požiūrių gausa ir tuo pat metu vis dar besitęsianti viduramžių filosofijos įtaka. Visa tai, be abejonės, atsispindi gana prieštaringose kalbos teorijose, nes įvairių tautų literatūrinės kalbos formavosi skirtingomis sąlygomis, be to, įvairiai buvo suprantamas "taisyklingumo", racionalumo ir tradicijos santykis, įvairiai buvo vertinamas kolektyvo ir individo vaidmuo, jos įtakos mastas bei pobūdis kalbos kūrybos procesuose, nevienodai buvo žiūrima į skolinimosi iš kanoninių graikų ir lotynų kalbų galimybę ir ribas ir nevienodai sprendžiama daugelis kitų klausimų, kurie, beje, iki šiol lieka svarbūs.

Visus šiuos klausimus pateikė visuomeninė kalbos praktika, arba kalbos vartoseną ir ji pati juos sprendė, beje, vėl gi įvairiai: pavyzdžiui, prancūzų literatūrinės kalbos norma susidarė suartinus kanceliarinės ir beletristinės kalbos praktiką ir apmaščius, įvertinus ją estetinės ir poetinės bei lingvistinės tradicijos požiūriu. Vokiečių nacionalinė literatūrinė kalba susiformavo kaip tam tikra virš dialektų esanti kalbos atmaina, tam tikra *koinė*, t.y. bendra tarpdialektinio bendravimo forma, bet ne šnekamosios, sakytinės, o rašomosios literatūrinės kalbos normos pagrindu. Ispanų bendrinė kalba susidarė Kastilijos tarmės pagrindu, anglų literatūrinė kalba formavosi Londono dialekto pagrindu. Lietuvių bendrinės rašomosios kalbos formavimosi pradžia – 1547 m., kai Martynas Mažvydas išleido pirmąją lietuvišką knygą. Mažojoje Lietuvoje išgalėjo rašto kalba, kuri rėmėsi šio krašto vakarų aukštaičių tarme. Tos kalbos norminimui didelę reikšmę turėjo D. Kleino gramatikos (1653, 1654) (Palionis 1985).

Vis dėl to bendrinės kalbos formavimasis, nepaisant didelės įvairovės, turi vieną bendrą bruožą: visuotinai privalomą kalbos **normą** lydi **kalbos funkcinis universalumas**, t.y. literatūrinės (bendrinės) kalbos vartojimas visose tos visuomenės gyvenimo sferose, visoje jos vartojimo teritorijoje. Kitas svarbus bruožas – **stilistinė kalbos diferenciacija**. Nacionalinės literatūrinės (bendrinės) kalbos normos formavimosi procese išskyla ir tampa ypač aktualus “natūralaus”, “iš prigimties” (“φύσει”) ir “dirbtinio”, “iš susitarimo” (“τέθει”) santykio klausimas (Idzelis 1998). Šiame kontekste būtina pabrėžti ir metalingvistinį problemos aspektą: kadangi kalba yra susijusi su istorinėmis žmonių bendruomenės formomis (gentis, genčių sąjunga, tautybė, tauta, arba nacija), reikėtų atkreipti akis į terminologinį skirtumą, kurį subrandino rusų kalbotyra. Būtent rusų kalbininkai pirmą kartą atskyrė dvi sąvokas: **literatūrinė kalba** ir **nacionalinė literatūrinė (bendrinė) kalba**. Tai leido išryškinti įvairių epochų literatūrinių kalbų ypatumus ir, nagrinėjant literatūrinių kalbų problemą, pagrindė būtinumą griežtai laikytis **istorizmo** principo.

Nacionalinė literatūrinė (bendrinė) kalba susiformuoja kapitalizmo išgalėjimo epochoje, kai vyksta sparti ekonominio, politinio ir kultūrinio gyvenimo koncentracija, kai kalba tampa normine ir tenkina visos nacijos atstovų bendravimo ir kultūrinio gyvenimo poreikius. Pirmoji kapitalizmo subrandinta nacija buvo italai, davę pasauliui genialųjį dainių Dantę, 1292 m. parašiusį eilėraščių rinkinį “Naujas gyvenimas” ne lotynų, bet italų kalba. Įkandin italams susikūrė olandų nacija, o kiek vėliau - ir prancūzų bei anglų. Tiesa, visuomenės vystymosi netolygumai, kuriuos ką tik minėjome, pasireiškė tuo, kad Italijoje kapitalizmo vystymasis sulėtėjo, ją šiuo aspektu gerokai aplenkė Anglija.

Prancūzų kalbą savo bendrine kalba prancūzai oficialiai paskelbė 1539 m., nors jau prieš kelis šimtmečius teisiniai aktai buvo rašomi prancūziškai. Tais metais karaliaus Pranciškaus I išleistas ordonansas (įsakas) įpareigojo vartoti *il-de-France* tarmę. Karaliaus įsakas buvo nukreiptas prieš tris kliuvinius, trukdžiusius vieningos prancūzų kalbos išgalėjimui: lotynų kalbą, tarmes ir svetimas kalbas (visų pirma prieš italų kalbos įtaką). Kovoje už nacionalinės kalbos išsitvirtinimą, didžiulis nuopelnas tenka prancūzų rašytojams, susibūrusiems į “Plejados” grupę, kuri parodė kalbos turtinimo ir vystymosi kryptį. Kova vyko dviem frontais – prieš lotynų kalbą ir tarmes. Ypač daug buvo diskutuojama dėl kalbos turtinimo būdų: skolinių panaudojimo, archaizmų prikėlimo naujam gyvenimui, neologizmų kūrimo ir t.t. Visa tai puikiai parodė Rable savo romane “Gargantua ir Pantagriuelis”. Iš tiesų nacionalinės literatūrinės (bendrinės) kalbos kūrimosi procese didžiulę įtaką jos *normai* susiformuoti turi iškilūs kultūros veikėjai, ypač rašytojai, kurių įtaka tada būna labiau kryptingesnė, negu kitais kalbos istorinės raidos tarpsniais, kai jų sąmoninga veikla nepasiekia tikslingo, racionalaus kalbos reguliavimo lygio.

Apskritai, šiuolaikinė Prancūzijos vyriausybė prancūzų kalbą laiko naciją vienijančia priemone ir siekia visokeriopai ją stiprinti. 1992 m. birželio 25 d. įsaku prancūzų kalba oficialiai paskelbta Prancūzijos respublikos kalba (“*La langue de la Republique est la française*”). Pirmą kartą Prancūzijos istorijoje šie žodžiai įrašomi į Respublikos konstituciją. Istorikai į prancūzų valstybės sudėtį įeinančių septynių tautinių mažumų kalbos (okcitaniečių, italų Korsikoje, katalonų, vokiečių Elzase ir Lotaringijos dalyje, nyderlandų Prancūzijoje, bretonų ir baskų) bei didesnių imigrantų grupių kalbos (arabų-magribų, čigonų, vakarų armėnų ir kt.) – iš viso 25 kalbos – laikomos nacionaliniu turtu (“*patrimoine national*”). Prancūzų kalbos politika

(“*aménagement linguistique*”) tautinių mažumų kalbų atžvilgiu labai aiški: visas tas kalbas reikia palaikyti ir globoti, bet jos negali turėti oficialaus ar administracinio statuso, nes tai prieštarautų šalies konstitucijai. Prancūzija skelbiasi esanti kultūrų įvairovės (polikultūrine) šalimi, bet turinti vieną bendrą nacionalinę kalbą (Гак 2002).

Nacionalinės bendrinės kalbos problemos buvo svarbios ir Anglijoje. Įžymi germanistė V. Jarceva, apibūdindama anglų literatūrinės kalbos formavimąsi XV–XVI a., pažymi, kad gimtosios kalbos kultūros klausimai tapo gramatikų, literatūros teoretikų, rašytojų dėmesio ir diskusijų objektu. Vienas iš anglų literatūrinės kalbos pradininkų ir puoselėtojų prozininkas R. Ešemas (kaip, beje, T. Vilsonas, Dž. Čikas ir daugelis kitų rašytojų) laikėsi **puristinės** nuostatos dėl anglų kalbos leksikos turtinimo šaltinių. Ešemui ir jo pasekėjams prieštaravo poetai, siekę praturtinti leksiką senųjų anglų-saksų kamienų pagrindu (pavyzdžiui, E Spenseris) arba skolindamiesi iš prancūzų bei klasikinių kalbų (Ярцева 1969).

Tačiau rašytojų, akademijų, kalbininkų, politinių veikėjų vyraujantis vaidmuo normos susidarymo procese nepaneigia ir nesumenkina lemiamos visuomenės įtakos kai formuojasi nacionalinė literatūrinė (bendrinė) kalba. Beje, šiuo laikotarpiu atsiranda įsitikinimas, kad galima **kryptingai, sąmoningai reguliuoti, įtakoti, tobulinti kalbą**. Tokia idėja išsikristalizavo italų kalbos teorijoje; vėliau mintį apie sąmoningą, kryptingą žmogaus įtaką kalbai perėmė prancūzų lingvistinė tradicija, kuri ją perdavė, paskleidė Europos bei kitų žemynų kalbotyrose (Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975, c. 185).

XVII a. antrojoje pusėje kalbos teorijoje pamažu formuojasi nauja tradicija, kuri į kalbotyros istoriją įėjo kaip **universalizmo principas**, t.y. visuotinės, bendros pasaulinės kalbos idėja. Ji nebuvo siejama su kokios nors atskiros kalbos aiškinimu, bet rėmėsi medžiaga, kuri buvo sukaupia analizuojant daugelį kalbų. Štai čia ir yra įsitikinimo, kad būtina ieškoti būdų, kaip sukonstruoti kalbą, kuri tenkintų tarptautinio mokslinio ir kultūrinio bendravimo poreikius, ištakos (Idzelis 1989, p. 80-103). Savaimė suprantama, kad buvo peržiūrėti taisyklingumo kriterijai, nes mintis apie galimybę sukurti universalią, filosofinę kalbą suteikė naują pagrindą kalbos norminimui: racionalizmo atstovai laikė universalųjį loginį pradą kalbos taisyklingumo kriterijumi. Kitas žingsnis - bandymas atskleisti visoms kalboms būdingą bendrumą ir tipologinę atskirų kalbų specifiką. Universaliosios gramatikos praskynė kelią lyginamajai kalbotyrai; kalbos teorijoje įvyksta mokslinės paradigmos kaita ir vertybių, t.y. kalbinės realybės naujas įvertinimas, perkainojimas. Lyginamoji kalbotyra – tai jau nebe gramatikos menas, o mokslas apie kalbą: dabar jos tikslas – aprašyti dėsnius, kurie objektyviai egzistuoja kalboje ir nepriklauso nuo žmonių valios. “*Antikos gramatikos meno, – rašo J. Stepanovas, - “taisyklingumo” kriterijai, kurie sąlygojo bendrus kalbos sistemos aprašymo principus, buvo randami už kalbos sistemos, o mokslinėje kalbotyroje kalbos sistemos aprašymo principai kildinami, išvedami tiktai iš stebimų ir aprašomų kalbos faktų lyginimo*”. Nesunku pastebėti, kad susiformavus kalbotyrai kaip savarankiškam mokslui, įvyksta savotiškas jos tyrinėjimo objekto sudvejinimas: kalba apmąstoma teoriškai kaip neatskiriama žmogaus savybė (tai – bendrosios kalbotyros nagrinėjamas dalykas) ir taip pat tyrinėjama kaip atskira, konkreti nacionalinė kalba (Степанов 1974).

Kitais žodžiais tariant, XIX a. susiformavus lyginamajai istorinei kalbotyrai, tyrinėtojų dėmesio centre atsidūrė kalbos raidos ir funkcionavimo dėsnių nagrinėjimas. Tai paskatino ne tik atriboti, atskirti grynai mokslinius ir norminamuosius kalbos aprašymus ir tyrinėjimus, bet ir juos supriešinti, o vėliau apskritai neigti galimybę vienaip ar kitaip daryti poveikį kalbai, jos funkcionavimui. Tokios sąvokos kaip **mokslinis** ir **norminis** kai kurių lingvistų buvo laikomos nesuderinamomis; buvo teigiama, kad ten, kur lingvistai siekia reglamentuoti kalbą, nėra jokio mokslo, vadinasi, moksliniai gali būti tik aprašomojo pobūdžio darbai, nevaržomi jokių rekomendacijų ar kitų norminių tikslų. R. Hall’o knygos pavadinimas labai iškalbingas – “*Leave Your Language Alone!*”.

Toks požiūris, anot R. Budagovo, klaidingas, nes šiuolaikinėje kalbotyroje tokia priešprieša ir alternatyva – arba kalbos tyrinėjimai, remiantis objektyviais jos funkcionavimo dėsniais, arba žmogaus poveikio kalbai formų nagrinėjimas – negalima, nes iš tiesų viena kryptis nėra niekam neprieštaraujanti. Dar daugiau, kalba, objektyviai funkcionuodama, tuo pat metu ir

nepriklauso, ir priklauso nuo ja kalbančių žmonių veiklos. Todėl kalbos tyrinėjimai gali būti tuo pat metu ir objektyvūs, aprašomieji, ir norminiai (Будагов, 1980). Tą teiginį patvirtina daugybė konkrečių faktų. Šiame kontekste reikėtų prisiminti žymų sociolingvistikos specialistą L. Jakubinskį, įtikinamai parodžiusį F. Sosiūro teorijos, neigusios kalbos politikos galimybę, nepagrįstumą (Якубинский 1986). Prieš “norminio” ir “aprašomojo” kalbos tyrinėjimo supriešinimą pasisakė ir S. Gynbaumas, vienas iš garsiosios akademinės anglų kalbos gramatikos bendraautorių, Britų nacionalinio tekstyno (“British National Corpus”) projekto, tapusio pagrindu *Cobuild (Computer Build)* žodynų serijai, kūrėjas.

Taigi sąmoninga, kryptinga žmonių įtaka kalbai visai neprieštarauja pačios kalbos objektyviam vystymuisi. Būtina tik neišleisti iš akių svarbiausio dalyko: visuomenės įtakos kalbai formos ir tipai yra įvairūs, jie (ypač bendrinės kalbos normai) turi savo ribas (Idzelis 1998).

Tikriausiai, iš viso to, kas, remiantis kalbotyros istorijos faktais buvo pasakyta, galima tvirtinti, kad nelieka jokių abejonių dėl kalbos normos realumo: kalbos norma yra būtina kiekvienos bendrinės kalbos egzistavimo sąlyga. Pastaruoju metu taikomojoje kalbotyroje normos sąvoka vėl tapo aštrių ginčų objektu. Juos įplieskė būtinumas suderinti Europos Tarybos skatinamą kultūrų lygybės ir kalbų įvairovės principą su globaliai paplitusia anglų kalba bei Europoje besiformuojančia *Euro-English* kalbos atmaina (Idzelis 2005). Klausimas keliamas taip: ar turi anglų kalbos mokymo praktika remtis kalbos norma, vadinamąja “*standard English*”, ar reikėtų, nuosekliai įgyvendinant liberalizmo ideologijos nuostatas, įteisinti “*liberation linguistics*” principus, siūlančius įteisinti, kodifikuoti ir mokyti vietinių anglų kalbos atmainų (“variantų”)? Kitaip sakant, normos sąvoka siejama su kalbos statuso ir kalbos teisių klausimais, kurie yra itin aktualūs kalbos planavimo ir politikos diskurse išplieskusiai diskusijai dėl įvairių anglų kalbos atmainų („world englishes“) ir anglų kalbos kaip *lingua franca* (tarptautinio bendravimo kalbos) statuso, funkcionavimo ypatumų ir tikslingo įdiegimo aprėpties („*inclusion*“) ir atskirties („*exclusion*“) požiūriu (Idzelis 2007, p. 74-86).

Kalbos norma yra taip pat labai svarbi planuojant ir vykdant valstybinės kalbos politiką kalbų mokymąsi ir kalbų įvairovę skatinančios ET kalbų politikos kontekste bei formuojant aiškiai apibrėžtą kalbų mokymo politiką, nustatančią sąsajas tarp valstybinės kalbos, gimtosios kalbos ir užsienio kalbų (Idzelis 2010, p. 66-78).

Iš tiesų kalbos normos reikšmė yra išskirtinė: globalizmo sąlygomis nacionalinės (bendrinės) kalbos puoselėjimas, jos normų paisymas yra svarbus ginklas, leidžiantis besimokančius svetimos kalbos supažindinti su pasipriešinimo, apsigynimo nuo kultūrinės agresijos ir kultūrinės asimiliacijos būdais. Pagrindinis sociokultūrinio/kultūrologinio ugdymo didaktinis modelis turi būti kuriamas kontrastiniu-gretinamuoju kultūrų/civilizacijų pagrindu, jų tiesioginės ir netiesioginės istorinės kultūrinės sąveikos kontekste, pabrėžiant **etninės dominantės** kaip kultūros analizės pagrindo ir tyrimų krypties pradžios, svarbą (Idzelis 2004, p. 281-284). **Neturint idealo, atskaitos taško vertybių skalėje, - normos – to padaryti neįmanoma.**

Išvados.

1. Taikomosios kalbotyros problemų nagrinėjimas kalbotyros įvado kurse leidžia parodyti įvairių kalbotyros disciplinų vidines sąsajas, supažindinti studentus su stilistikos, leksikologijos, morfologijos, leksikografijos ir kitų kursų problematika, su svarbiausiomis teorinėmis kategorijomis ir kalbotyros terminais, atskleisti bendrosios ar dalinės kalbotyros teorinių klausimų kaitos bei realizacijos (įgyvendinimo) būdus svetimų kalbų mokymo praktikoje ir pabrėžti bendrosios, dalinės ir taikomosios kalbotyros vienybę.

2. Lingvodidaktika kaip viena iš sociolingvistikos krypčių, kuriai rūpi kalbos normų įdiegimo, taisyklingos vartosenos bei normos klausimų nagrinėjimas, yra ypač aktuali dabar, susiformavus naujai geopolitinei erdvei, todėl kalbotyros įvado kursas gali ir turi atskleisti kalbos normos susidarymo, bendrinės kalbos norminimo, kalbos ugdomųjų priemonių kūrimo bei taikymo ištakas ir raidą.

3. Kalbos normos, ortologijos sąvokos išlieka aktualios Europos Tarybos kalbos politikai, siekiančiai suderinti jos postuluojamą kultūrų lygybės ir kalbų įvairovės principą, su globaliai paplitusia anglų kalba ir Europoje besiformuojančia *Euro-English* kalbos atmaina bei adekvačiai reaguoti į išryškėjusias įtampas planuojant ir vykdant valstybinės kalbos politiką kalbų mokymąsi ir kalbų įvairovę skatinančios ET kalbų politikos kontekste.

Literatūra

IDZELIS, R. V., 1998. The Interplay of Spontaneous (“Natural”) and Deliberate (“Artificial”) in the Study of International English. *Kalbotyra*, 47 (3). Vilnius: VUL, p. 22-38.

IDZELIS, R. V., 2004. Kai kurie svetimųjų kalbų mokymo lingvistiniai ir kultūriniai integracijos aspektai globalizmo ir bendrosios kalbotyros kontekste. *Dvasinės vertybės žinių visuomenėje*. Kaunas: Akademija.

IDZELIS, R. V., 2005. Europinis identitetas, kalbos „variantai“, norma („Standard English“) ir Euro-English. *Innovation and Tradition in Contemporary Language Studies*. Vilnius: VUP.

IDZELIS, R. V., 2006. Kalbos ir visuomenės sąsajų socialiniai aspektai. (Mokomoji priemonė). Vilnius: ISBN 9986-19-909-3. <http://www.nsc.vu.lt>

IDZELIS, R. V., 2007. Kalbinės žmogaus teisės („Linguistic Human Rights“) kalbos planavimo ir politikos diskurse. *Kalbų mokymas ir mokymasis daugiakultūroje ir daugiakalbėje Europoje*. Vilnius: VUL.

IDZELIS, R. V., 2010. Europos švietimo ir aukštojo mokslo erdvė kalbų planavimo ir politikos kontekste. *Language and Culture: New Challenges for the Teachers of Europe*. Vilnius: VUL.

PALIONIS, J., 1985. *Kalbos mokslo pradmenys*. Vilnius: Mokslas.

PUPKIS, A., 1980. *Kalbos kultūros pagrindai*. Vilnius: Mokslas.

ROBINS, R. H., 1979. *A Short History of Linguistics*. London- New York.: Longman.

АХМАНОВА, О. С., 1965. Об основном понятии «нормы речи». *Филологические науки*, № 4. Москва: МГУ.

АБРАМЯН, Н. Л., 1981. Несколько замечаний о «правильности» имен. *Семиотика и проблемы коммуникации*. Ереван.: издательство Ереванского университета.

АМИРОВА, Т. А.; ОЛЬХОВИКОВ, Б. А.; РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю. В., 1975. *Очерки по истории лингвистики*. Москва: Наука.

БУДАГОВ, Р. А., 1980. *Филология и культура*. Москва: издательство Московского университета.

ВИНОКУР, Г. О., 1959. Об изучении языка литературных произведений. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз.

ГАК, В. Г., 2002. Французский язык в современном мире. *Иностранные языки в школе*, № 2, Москва: Наука, с. 72-80.

ГУКОВСКАЯ, З. В., 1940. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения. (Теория языка у «Плеяды») Ленинград: издательство Ленинградского Государственного университета.

ИВАНОВ, В. С., 1964. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. *Индия в древности*. Москва: Наука.

КОНРАД, Н. И., 1966. Запад и восток. Москва-Ленинград: издательство АН.

ПЕРЕЛЬМУТЕР, И. А., 1980. Греческие мыслители V в. До н.э. Платон. *История лингвистических учений Древний мир*. Ленинград: Наука .

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю. В., 1990. Лекции по общему языкознанию. Москва: Высшая школа.

СТЕПАНОВ, Ю. С., 1974. БСЭ. *Языкознание*. Т. 30, Москва: Советская энциклопедия.

ТРОНСКИЙ, И., 1936. Проблема языка в античной науке. *Античные теории языка и стиля*. Москва-Ленинград.: Ленинградский государственный университет.

ЯКУБИНСКИЙ, Л. П., 1986. Избранные работы. Москва: Наука.

ЯРЦЕВА, В. Н., 1969. Развитие национального литературного английского языка. Москва: Наука.

Rolandas Vitalius Idzelis

Vilnius University Institute of Foreign Languages, Lithuania

Research interests: linguistics and semiotics; language policy and planning; the functioning of English as a lingua franca;

LINGUODIDACTICS (GLOTODIDACTICS) IN THE COURSE OF GENERAL LINGUISTICS

Summary

The paper argues that linguistic didactics or glotodidactics as part of sociolinguistics, which is concerned with the issues of orthology, correct usage and the established norm, should be assured a place in the introductory course in linguistics, because the problems of general linguodidactics and the fundamental questions discussed in the course “Introduction to Linguistics” such as the origins of language, language and thinking, linguistic sign theories, the interplay of “natural” and “artificial” in language have the same origins which are firmly rooted in the ancient

Greek linguistic tradition. The approach adopted enables to demonstrate the interrelation of different parts of linguistics as well as modes of realization of complicated theoretical questions in connection with FL teaching methodology, acquaint the students with the metalanguage, the basic terms of linguistics and general linguodidactics, and emphasize the internal unity of general and applied linguistics.

KEY WORDS: linguistic didactics, applied linguistics, linguistic norm, orthology, semiotics

Daiva Jakavonytė-Staškuvienė

Vilniaus pedagoginis universitetas Ugdymo plėtotės centras,

M. Katkaus g. 44, Vilnius. Lietuva

El. paštas: daiva.jakavonyte@gmail.com, daiva.jakavonyte@upc.smm.lt

Tel.

Moksliniai interesai: pedagogika, dėstymo metodika

MOKYMASIS BENDRADARBIUJANT – VIENA IŠ SVARBIAUSIŲ IV KLASĖS MOKINIŲ TEKSTO ANALIZĖS STRATEGIJŲ

Straipsnyje aptariama, kaip galima konstruktyviai ugdyti IV klasės mokinių teksto analizės gebėjimus taikant mokymosi bendradarbiaujant strategiją. Aprašomos dvi praktinės veiklos, aptariami mokinių pasiekimai, kai dirbdami porose ir nedidelėse grupėse analizavo grožinius ir negrožinius tekstus, perdavė ir priėmė informaciją apie skaitytą kūrinį, apmąstė veiklą. Mokslinės literatūros ir empirinio tyrimo duomenų analizė atskleidė, kad siekiant veiksmingai taikyti mokymosi bendradarbiaujant strategiją analizuojant tekstus, mokiniams reikia pateikti tikslingų, įdomių, prasmingų, teigiamas emocijas keliančių užduočių. Išsakyti kūrinio pagrindines idėjas ketvirtos klasės mokiniams sunkiai sekasi net pasitarus su suolo draugu. Dažniausiai ketvirtokai linkę atpasakoti kūrinio siužetą, matydami pavienes detales, o neįžvelgdami gilios prasmės ir reikšmės. IV klasės mokiniai labai teigiamai vertina galimybę rinktis tekstą.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: mokymosi bendradarbiaujant strategija, teksto analizė, mokinių pasiekimai.

Tyrimo objektas: IV klasės mokinių teksto analizės pasiekimai taikant mokymosi bendradarbiaujant strategiją.

Tyrimo tikslas: remiantis pedagoginio eksperimento rezultatais, atskleisti IV klasės mokinių teksto analizės pasiekimus taikant mokymosi bendradarbiaujant strategiją.

Tyrimo uždaviniai:

- Aptarti mokslinę literatūrą mokymosi bendradarbiaujant strategijos taikymo analizuojant tekstus klausimu.
- Aprašyti IV klasės mokinių teksto analizės pasiekimus taikant mokymosi bendradarbiaujant strategiją.
- Atskleisti veiksnius darančius įtaką konstruktyviam mokymosi bendradarbiaujant strategijos taikymui ir IV klasės mokinių teksto analizės pasiekimams.

Metodai – pedagoginis eksperimentas, mokinių darbų analizė. Tyrimo duomenys analizuojami naudojantis statistiniu paketu SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Tyrimo organizavimas. Pedagoginis eksperimentas vykdytas 2007 metų sausio – gegužės mėnesiais penkiose Lietuvos mokyklose, septyniose ketvirtokų klasėse. Pedagoginio eksperimento bazė buvo parinkta skirtingose vietovėse (1 didžiojo miesto mokykla, 2 rajono centro mokyklos ir 2 kaimo mokyklos). Pedagoginiame eksperimente dalyvavo 135 mokiniai. Pedagoginio eksperimento metu pagal sukurtą programą buvo ugdomi mokinių teksto analizės gebėjimai, tikslingai taikant įvairias aktyvų skaitymą skatinančias strategijas. Šiame straipsnyje analizuojami dviejų veiklų, kurių metu taikyta mokymosi bendradarbiaujant strategija, mokinių rezultatai. Vienos veiklos metu mokiny, tardamasis su suolo draugu, analizavo grožinį kūrinį (rinkosi vieną iš keturių lietuvių sakmių („Turėk saiką“, „Skolinti pinigai“, „Kaip atsirado gegutė“ ir „Skirtingi grūdai“). Kitos veiklos metu ketvirtos klasės mokiny analizavo negrožinį kūrinį (rinkosi vieną iš trijų tekstų apie esamą ir buvusias Lietuvos sostines), t. y. atsakęs į teksto supratimo klausimus, planavo informacijos perdavimą klasės draugams, skaičiusiems kitus tekstus, veiklos pabaigoje apmąstė visą darbo eigą ir įvertino gautą rezultatą.

Mokymosi bendradarbiaujant strategijos taikymo analizuojant tekstus teorinis aspektas. Tikslingas ir kryptingas mokymosi bendradarbiaujant strategijos parinkimas turi didelę įtaką mokinių teksto analizės gebėjimų ugdymui. Lotynų kalbos žodis *strategia* reiškia vadovavimą.

Strategija – nuo susiklosčiusių aplinkybių priklausomą veiksmų varianto pasirinkimą nustatančių taisyklių visuma (TŽŽ 2004, 1002). M. Ramonienė, J. Brazauskienė, N. Burneikaitė ir kt. (2005) vartoja *skaitymo strategijos* sąvoką, kuri reiškia skaitymo būdą siekiant kuo geriau suprasti skaitomą tekstą. Skaitymo strategija pasirenkama atsižvelgiant į skaitymo tikslą.

Mokymosi bendradarbiaujant ir teksto analizės sąsajos aptartos UNESCO dokumente (2004). Šiame dokumente pabrėžiama, kad vienas iš kokybiško skaitymo būdų – aktyvus knygų skaitymas ir analizavimas. Knygų skaitymas tampa kokybiškas, kai mokiniams sudaromos sąlygos diskutuoti, įvertinti knygą pasitariant su kitais mokiniais. Visa tai mokiniai gali daryti klausinėdami vienas kito, planuodami, ieškodami sprendimų, dalydamiesi informacija ir medžiaga, aptardami perskaitytas knygas. Knygų turinys turėtų būti vaikams įdomus, suprantamas, priimtinas, atitinkantis jų amžiaus tarpsnio ypatumus. Aktyviai skaitydamas knygas mokinys turtina žodyną, mokosi bendrauti, pasakoti, argumentuoti, interpretuoti. H. Ragnarsdóttir (2005) nuomone, aktyvus skaitymas – mokymosi bendradarbiaujant pagrindas, kontekstas. Turėtų būti kartu mokomasi skaityti ir kalbėti, nes šie procesai priklauso vienas nuo kito. Pradinių klasių mokinį reikia skatinti skaityti įvairius tekstus ir apie tai kalbėti(s). Šiuo klausimu labai panašiai mąsto mokslininkai R. J. Marzanas (2005), J. Kilyon (2005), V. Smith (2009), kurie pabrėžia metakognityvaus mąstymo svarbą skaitymo procesui: perskaityto teksto supratimas priklauso nuo to, ką skaitantysis žino apie knygas ir skaitymą. Skaitymo susiejimas su kita veikla didina šio proceso tikslingumą. Jeigu mokinys žinos, kad perskaityęs tekstą apie tai kalbės, diskutuos, atsakinės į klausimus, tai skaitymo procesas bus kokybiškesnis, vaikas skaitys atidžiau. Jeigu suprasime tai, ką skaitome, – tikriausiai norėsime skaityti toliau. Būtinai reikia organizuoti veiklą, kuri skatintų mokinius skaityti, domėtis knygomis. Gali būti organizuojamos diskusijos, skaitymas poromis arba grupėmis, įvairi kūrybinė su skaitymu susijusi veikla. J. Kilyon (2005) nuomone, pokalbiai apie skaitytą kūrinių ir išsakytų minčių vertinimas skatina vaikų domėjimąsi knygomis. Veikla turėtų būti siejama su skaitytojų patirtimi ir organizuojama taip, kad vaikai laisvai reikštų savo mintis, emocijas, nuomonę. M. Clay (2002) ir V. Smith (2009) kokybišką skaitymą, poreikį skaityti sieja su įvairiais mokiniais patraukliais grožiniais ir negrožiniais kūriniais. „Mokytojo darbas – užtikrinti, kad vaikai išmoktų daugybę įvairių skaitymo pamokų, padedant jiems pažinti labai įvairius tekstus“ (Smith 2009, p. 25). Reikia mokiniams sudaryti galimybę rinktis iš gausios, įvairios, aktualios, vizualiai patrauklios, prasmingos literatūros. Domėjimasis skaitymu priklauso nuo įdomių knygų pasirinkimo ir įdomios, aktyvios veiklos perskaičius knygą (pavyzdžiui: stengiamasi knyga sudominti klasės draugus, rengiamos knygų reklamos, jų aptarimai, skatinama aprašyti, iliustruoti perskaitytas knygas). Atlikdami šiuos darbus mokiniai mokosi bendrauti ir bendradarbiauti. Į įvairių tekstų (grožinių ir negrožinių) analizę bei galimybę pasirinkti atsižvelgta organizuojant pedagoginį eksperimentą, kurio duomenys aptarti empirinėje šio straipsnio dalyje.

Bendradarbiavimas padeda ugdyti problemų sprendimo įgūdžius, kurių labai reikia šiandieniniame gyvenime. G. Butkienė, A. Kepalaitė (1996), V. Lepeškienė (1996) pabrėžia, kad bendradarbiavimo gebėjimų, t. y. individualių poreikių derinimo su grupės interesais, reikia mokytis. Mokymosi bendradarbiaujant tikslas – ugdyti kiekvieno nario asmenybę. Toks mokymasis grįstas situacijomis, kai mokiniai, siekdami pažintinių tikslų, kartu ugdomi bendravimo įgūdžius. Mokymosi bendradarbiaujant strategija leidžia vienu metu siekti daugelio ugdymo tikslų. Kalbėjimas(is) apie perskaitytą tekstą padeda vaikui suprasti, kas yra skaitymas ir kaip skaito kiti žmonės. Kai mokiniai tekstus skaito bendradarbiaudami, kartu mokosi diskutuoti kalbėdamiesi apie perskaitytą kūrinių temą, pagrindines idėjas, siužetą, motyvus, veiksmo laiką, erdvę, veikėjus, aplinkybes ir pan. Mokymuisi bendradarbiaujant skirtos užduotys turi skatinti mokinių tarpusavio sąveiką. P. Sahlberg (2002) rengiant užduotį rekomenduoja atsižvelgti į šias sąlygas:

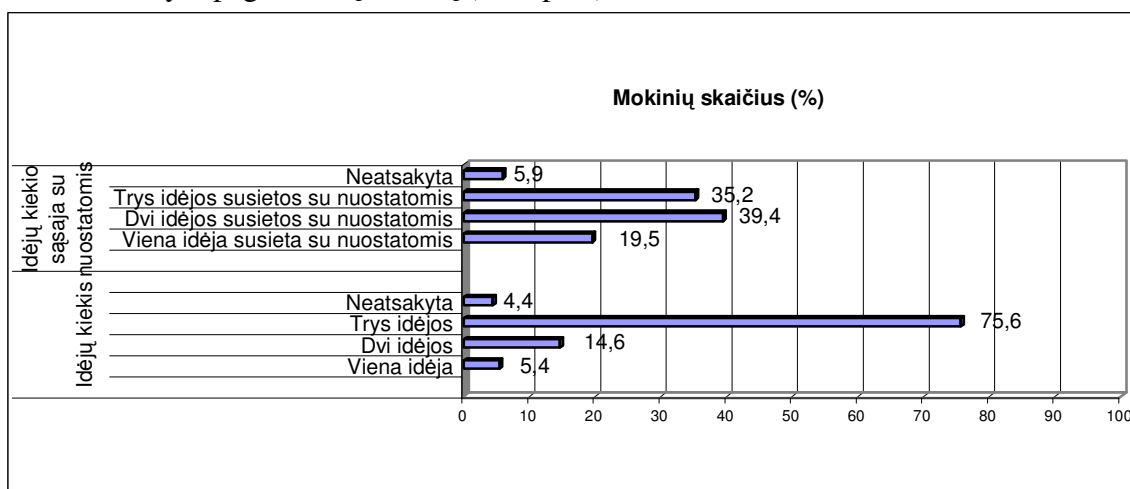
- visi grupės nariai turi turėti priežasčių, dėl ko norėtų dalyvauti, t. y. bendrauti, bendradarbiauti, sąveikauti;
- užduotis turi teikti galimybę visiems grupės nariams išsakyti savo nuomonę;
- grupės nariai būtinai turi dirbti visi kartu diskutuodami, priimdami sprendimus.

Užduotys turi mokinius dominti, būti susijusios su mokinių gyvenimu. Kokybiška užduotis yra tokia, kuriai reikia skirtingų požiūrių, nuomonių. Labai svarbi galimybė kalbėtis. P. Sahlberg

(2002) teigimu, kuo daugiau mokiniai kalbasi apie tai, ko mokosi, tuo daugiau išmoksta. Esminis interaktyvios užduoties bruožas – mokiniams suteikiama proga pasikalbėti apie dalykus, kurių mokomasi. Užduotis, kuri skatina kalbėtis, padeda mokiniams dalytis mintimis, keistis informacija, spręsti, rinktis, mąstyti.

Empirinio tyrimo duomenų analizė

I veiklos analizė. Palankiausia pradinių klasių mokinius mokyti bendradarbiauti dirbant poroje. Pedagoginio eksperimento metu mokiniai rinkosi vieną iš keturių rekomenduojamų sakmių, jas skaitė ir tardamiesi su suolo draugu atsakė į teksto supratimo klausimus. Vadinasi, vienas vaikas skaitė ir analizavo dvi sakmes (savo ir suolo draugo). Atsakius į penkis klausimus, susijusius su tekstu, buvo paprašyta mokinių pasitarti su draugu ir parašyti tris pagrindines kūrinio idėjas (mintis). Detaliau paanalizuosime, kaip sekėsi tyrimo dalyviams išskirti kūrinio idėjas. Domėtasi, kiek mokiniai išskyrė pagrindinių minčių (žr. 1 pav.):

1 pav. Mokinių atsakymų pasiskirstymas (%) pagal išsakytų idėjų kiekį ir jų sąsają su nuostatomis

Mokinių buvo prašoma parašyti tris pagrindines kūrinio idėjas, tačiau tai padaryti nepavyko daugiau nei penktadaliui tiriamųjų, nes jie parašė mažiau idėjų. Mokiniai skaitė sakmes, kuriose akivaizdus didaktinis aspektas, netiesiogiai nusakyta prasmė, gyvenimiškos tiesos, atskleidžiamos nuostatos. 1 paveiksle pateikti duomenys, iš kurių matoma, kiek mokinių kūrinio idėjas susiejo su nuostatomis. Visas kūrinio idėjas susieti su nuostatomis pavyko tik trečdaliui tiriamųjų. Penktadalis tyrimo dalyvių su nuostatomis susiejo tik vieną parašytą idėją. Dažniausiai (63%) tiriamieji vietoj pagrindinių idėjų perpasakojo tiesioginį kūrinio siužetą arba rašė planą.

Pasitarus su draugu tik penktadaliui mokinių (21%) pavyko išvelgti kūrinio potekstę susietą su nuostatomis. Detaliau paanalizuosime šiuos konkrečius mokinių atsakymus. Perskaite sakmę „*Kaip atsirado gegutė*“, kai kurie mokiniai sugebėjo įvertinti kūrinio turinį pavyzdžiui, *Blogai padarė, kad pamiršo tėvą ir motiną, todėl jos motina ir numirė*. Kiti tiriamieji pateikė labai apibendrintą, tačiau taikliai teksto esmę apibūdinančią, išvadą – *Su svetimais niekur neik arba Jei tu graži, nereiškia, kad gerai gyvensi*. Du didžiojo miesto mokyklos berniukai išvelgė labai gilia šios sakmės prasmę ir pateikė net tris pagrindines idėjas: *Nereikia tekėti už turtingų. Tėvų meilė amžina. Nereikia klausyti pirmo pasitaikiusio žmogaus*. Kitiems ketvirtos klasės mokiniams pavyko išvelgti vertybinį aspektą, pavyzdžiui, *nesvarbu, kokios kilmės tavo žmona – ūkininkė ar dama, ją reikia mylėti tokią, kokia ji yra; nesvarbu, ar žmogus turtingas, svarbu, kad jis doras; neužmiršk savo tėvų*. Skaičiusieji sakmę „*Turėk saiką*“ dažniausiai akcentavo godumo ar gobšumo padarinius, pavyzdžiui, *Nereikia būti gobšiam, nes tada gali būti blogai. Nebūk godus. Jei godus – gerai negyvensi. Negalima daug prašyti, reikia sugyventi draugiškai. Reikia turėti saiką*. Viena didžiojo miesto mokykloje besimokanti mergaitė taikliai išsakė visas tris pagrindines kūrinio mintis, t. y. *Nebūk godus. Neimk kitų pinigų. Būk geras žmogus*. Perskaite sakmę „*Skolinti pinigai*“ kaimo mokyklos ugdytinis labai taikliai išvelgė giliają prasmę, išsakydamas visas tris mintis, t. y. *Nereikia*

būti gobšiam, bet kam pardavinėti sielos dėl pinigų. Negalima visais pasitikėti. Nereikia tikėti visais praeiviais. Rajono centro mokyklos mokinys taip pat išsakė vieną labai gilią, apibendrintą mintį: *Reikia savo galva galvoti.* Įdomias mintis atskleidė didžiojo miesto berniukas ir mergaitė (aiškus vertinamasis aspektas): *Su velniu geriau neprasidėti. Vargšai kartais būna gudresni negu turtuoliai.* Mažiausiai mokinių skaitė sakmę „Skirtingi grūdai“. Taip nutiko galbūt dėl šiandienos ketvirtokui nepatrauklaus sakmės pavadinimo. Rajono centro mokyklos mokinė šios sakmės prasmę susiejo su savo patirtimi: *Žiemą būna labai šalta ir niekas laukuose neauga.* Rajono centro berniuko darbe ryškus vertybinis aspektas, nors išsakytas konkretus turinys: *Aviža nepaliko savo vaikų.*

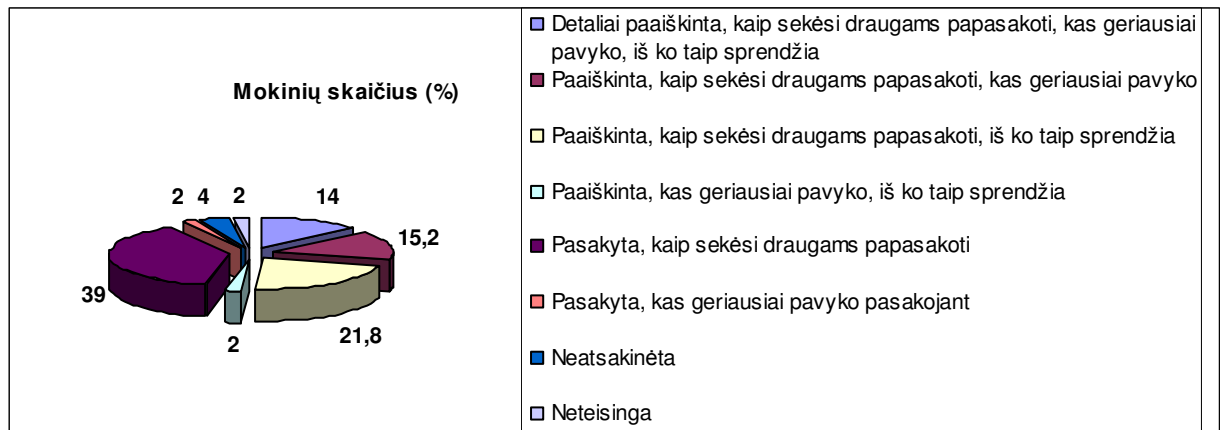
Apibendrinant I veiklos rezultatus, galima teigti, kad net pasitarus su suolu draugu ketvirtos klasės mokiniams sunkiai sekasi išsakyti pagrindines kūrinio idėjas. Dažniausiai ketvirtokai linę atpasakoti kūrinio siužetą, matydami pavienes detales, o neižvelgdami gilios prasmės ir reikšmės. Norint siekti geresnių rezultatų, reikėtų sudaryti sąlygas mokiniams dažniau skaityti, analizuoti, vertinti kūrinius tarantis su klasės draugu arba draugais. Šie tyrimo duomenys artimi mokslininkės V. Smith (2009) nuomonei, kad susidūrę su kalbėjimusi apie perskaitytą kūrinį, kurio tikslas tyrinėti ir apsvaistinti tekstus, mokiniai patys mokosi kalbėti. Vaikams reikia skirti pakankamai laiko ir erdvės, kad galėtų kalbėtis apie tekstus ir klausytis kitų kalbančiųjų.

II veiklos analizė. Perskaitytą vieną iš pasirinktųjų negrožinių tekstų apie esamą ar buvusias Lietuvos sostines (Vilnių, Trakus, Kernavę) ir atsakę į teksto supratimo klausimus, mokiniai vertino kūrinius. Visi mokiniai vienbalsiai teigė, kad patiko skaityti pasirinktus kūrinius. Detaliau paanalizuosime išsakytus mokinių argumentus. Dažniausiai tiriamieji (net 48%) pabrėžė tekstų informacinį aspektą, pavyzdžiui, *buvo įdomu apie Vilnių daugiau sužinoti; labai norėjau sužinoti apie Vilnių; kai ką sužinojau apie Kernavę; sužinojau, ko dar nebuvau sužinojusi; visko daug sužinojau; šis kūrinys yra susipažinimas su Kernave; sužinojau labai daug apie Trakus ir Trakų pilį ir pan.* Kiti mokiniai argumentuodami išskyrė konkrečius objektus, kartais juos siedami su savo patirtimi, pavyzdžiui, *sužinojau, kad 1996 m., kai aš gimiau, buvo atidengtas paminklas ir iš kur kilęs Vilniaus pavadinimas; sužinojau, kad viena iš senamiesčio gatvių yra vadinama trimis vardais: Pilies, Didžioji, Aušros vartų; sužinojau, kad kiekvienas lietuvis jaučia pareigą bent kartą užlipti į Gedimino kalną; pasakojo apie senamiestį, o senamiestis mano mėgstamiausia Vilniaus vieta; yra didelių piliakalnių; patiko pasakojimas apie kunigaikštį; aprašyta apie pilį ir pan.* Dažnai ketvirtokų argumentai buvo labai apibendrinti, pavyzdžiui, *nes jis apie Lietuvos sostinę; čia visi svarbiausi dalykai surašyti; tai išskirtinis miestas; čia daug kas aprašyta ir pan.* Kiti mokiniai paminėjo emocinį kūrinio aspektą, pavyzdžiui, *labai šauniai aprašytas Vilniaus miestas, net nežinau, kaip apsaityti; labai gerai aprašyta; kai skaitau, jaučiuosi būdama Kernavėje; kai jį skaitai jautiesi, kad pats ten būtum; buvo nuostabus rašinėlis; sukėlė didelį susidomėjimą; labai nuostabus kūrinys ir įdomus, nes ten pasakojama apie labai gražų miestą; šį kūrinį buvo labai gera skaityti ir, be abejo, jis buvo labai įdomus ir pan.* Dalis tiriamųjų (9%) minėjo istorinį aspektą, pavyzdžiui, *gali sužinoti apie Vilniaus istoriją; šis kūrinys yra istorinis; kai kur susieta su senovės karais; žinosiu apie Trakų istoriją daugiau.* Kiti mokiniai minėjo susidomėjimą kūriniumi, teigdami, kad *buvo įdomu; apie Kernavę pasakojama labai įdomiai ir pan.* Du mokiniai vertindami kūrinį paminėjo teksto kokybę, t. y., *labai suprantamai ir išsamiai pasakojama apie Kernavę; jame viskas buvo smulkiai parašyta.*

Apibendrinant galima teigti, kad galimybių sudarymas pasirinkti kūrinį laidavo mokinių teigiamą požiūrį, nes visi pozityviai vertino perskaitytą tekstą, o tai ypač reikšminga skatinant mokinių bendravimą ir bendradarbiavimą. Detaliai paanalizavus mokinių atsakymus, paaiškėjo, kad dažniausiai buvo apibendrintai įvardyta, jog tekste daug ką sužinojo. Pozityvu tai, jog nemažai ketvirtokų geba išsakyti ir labai konkrečius, dažnai su kūrinio turiniu ir su patirtimi susijusius argumentus. Šie tyrimo rezultatai liudija, kad V. Smith (2009) išsakyta mintis, jog kalbėdamiesi vaikai vieni kitiems pateikia daugiau įvairaus mąstymo pavyzdžių, kuriais galima pasinaudoti ieškant teksto prasmės, yra teisinga.

Apmąstę perskaitytą kūrinį, tiriamieji mėgino klasės draugus sudominti skaitytu tekstu, apie jį pasakodami nedidelėse grupėse (po tris mokinius) kitus kūrinius skaičiusiems. Analogišką veiklą rekomenduoja mokslininkai V. Smith (2009), C. King ir J. Briggs (2009), teigdami, kad

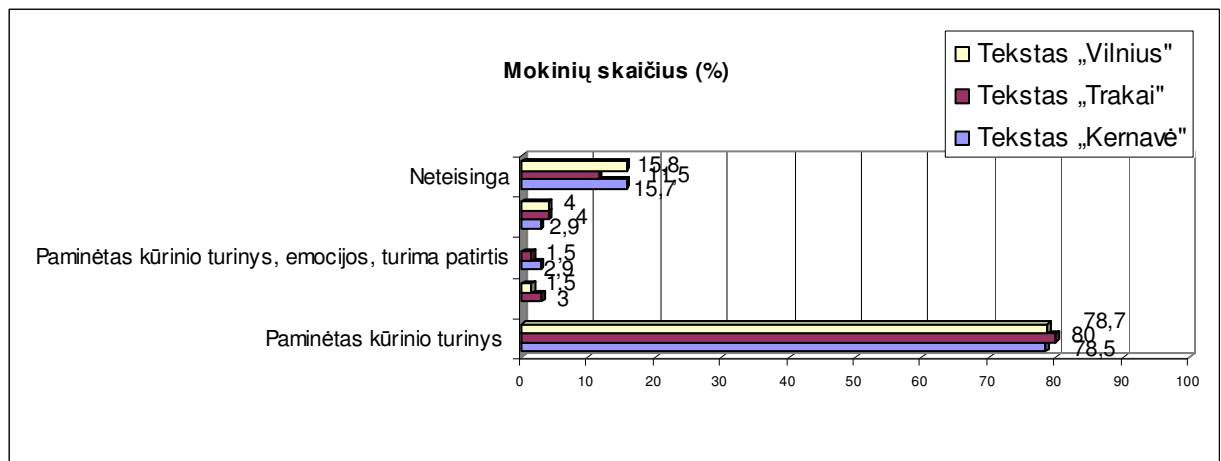
vaikai skaitydami tekstus ir jais keisdami, tampa žinovų ratelio nariais, pasirengusiais lyginti tekstus, priešpriešinti juos, diskutuoti apie juos ir apie tai, kas juose labiausiai patinka. Po diskusijos kiekvienas mokinys pildė savo darbo įšivertinimo anketą. Domėtasi, kaip mokiniui sekėsi klasės draugams papasakoti apie skaitytą kūrinį. Ugdytinių nuomonės atskleistos 2 paveiksle:

2 pav. Mokinių atsakymų pasiskirstymas (%) pagal tai, kaip sekėsi klasės draugams perduoti informaciją

Analizuodami 2 paveiksle pateiktus duomenis galime pastebėti, kad net 39% mokinių pasakė, kaip jiems sekėsi draugams papasakoti, tačiau savo nuomonės nedetalizavo ir neargumentavo. Dažniausiai tai buvo vienintelis žodis *gerai*, *normaliai* ir pan. Penktadalis tiriamųjų išsakydami savo nuomonę pagrindė, iš ko taip sprendžia, pavyzdžiui, *gerai sekėsi papasakoti, nes atsakiau į visus draugų klausimus; draugai klausėsi susidomėję* ir pan. Detaliai paaiškinti, kaip sekėsi draugams perduoti informaciją apie skaitytą kūrinį, kas geriausiai pavyko ir iš ko taip sprendžia sugebėjo tik 14% tiriamųjų. Vadinasi, argumentuotai įšivertinti savo darbą ketvirtos klasės mokiniui yra pakankamai sudėtinga.

Tyrimo metu taip pat domėtasi, kaip pavyko mokiniams priimti informaciją iš klasės draugų, todėl buvo klausta, ką ketvirtokams pavyko sužinoti iš klasės draugų apie kitus du kūrinius, kurių jie neskaitė. Mokinių atsakymų pasiskirstymas į šį klausimą matomas 3 paveiksle:

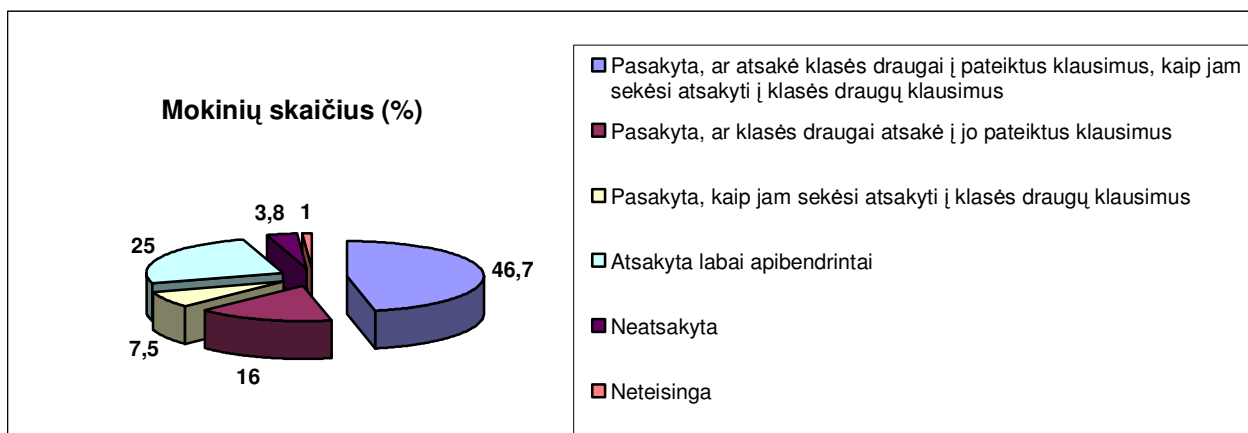

3 pav. Mokinių atsakymų pasiskirstymas (%) pagal tai, ką iš klasės draugo sužinojo apie neskaitytus kūrinius

Analizuodami 3 paveiksle pateiktus duomenis, matome, kad dauguma mokinių (net 80%) paminėjo neskaityto kūrinio turinį, išsakė jiems patikusias įdomias detales, kurias sužinojo iš draugo pasakojimo apie vieną ar kitą miestą. Šie tyrimo duomenys artimi mokslininkų C. King ir J. Briggs (2009) teiginiui, kad mokymasis bendradarbiaujant padeda skatinti pozityvų požiūrį į skaitymą ir norą skaityti naujus tekstus. Tačiau pakankamai nemažai mokinių (net penktadalis) pateikė klaidingą informaciją arba neatsakė į šiuos anketos klausimus. Vadinasi, jie neteisingai suprato tai, ką sakė klasės draugas arba draugas perdavė klaidingą informaciją. Iš to galima spręsti, kad

tikslingas informacijos pasikeitimas (šiuo atveju, pokalbis apie skirtingus skaitytus kūrinius) yra nelengva veikla, kuriai reikia skirti pakankamai dėmesio pradinėse klasėse.

Kadangi mokiniai planuodami informacijos perdavimą ir priėmimą tikslingai ruošėsi pokalbiui su klasės draugais, rašė kryptingus klausimus, ką norėtų sužinoti apie neskaitytus kūrinius, todėl norėdami sužinoti, kaip jiems sekėsi išgirsti atsakymus ir patiems atsakyti, mokinių apie tai teiravomės anketoje. Tiriamųjų nuomonės pasiskirstymas matomas 4 paveiksle:

4 pav. Mokinių atsakymų pasiskirstymas (%) pagal tai, kaip atsakinėjo į draugų klausimus ir kaip draugai atsakė į jų klausimus

Beveik pusė tiriamųjų gebėjo detalai išsakyti savo nuomonę, t. y. įvertinti tiek savo atsakymus į draugų klausimus, tiek draugų atsakymus į jų klausimus. Dažniausiai ketvirtokai buvo teigiami tiek savo, tiek draugų atžvilgiu, tačiau pasitaikė ir savikritiškų mokinių, kurie teigė, kad jiems nepavyko atsakyti į visus draugų klausimus. Susirūpinimą kelia ketvirtadalio mokinių atsakymai, kurie buvo labai apibendrinti, atsakyta vienu žodžiu, pavyzdžiui, *gerai* arba *puikiai*. Manytina, kad šie tiriamieji negeba iš esmės analizuoti savo darbo. Norint, kad mokymosi bendradarbiaujant procesas būtų sėkmingas, panašių užduočių reikėtų skirti dažnai, kad mokiniai galėtų pamąstyti apie savo bei draugų indėlį į bendrą darbą. Kad būtų galima tikslingai į(si)vertinti rezultata, apie jį mokiniai turi būti informuoti dar prieš darbo pradžią. Taip buvo padaryta ir šiuo atveju, nes prieš pokalbį su klasės draugais mokiniai rašė planą, ką perduos klasės draugams bei klausimus, ką norėtų sužinoti apie neskaitytus tekstus.

Apibendrinant galima teigti, kad diskusija grupėje yra svarbi mokymosi strategija pradinėse klasių mokiniams. Tikslinga diskusija padeda ugdytiniams suprasti teksto prasmę. Skaitydami ir aptardami tai, ką perskaitė, mokiniai mokosi numatyti, spėti, įsivaizduoti, palyginti, įvertinti tai, ką sužinojo.

Išvados

1. Siekiant veiksmingai taikyti mokymosi bendradarbiaujant strategiją analizuojant tekstus, mokiniams reikia pateikti tikslingų, įdomių, prasmingų, teigiamas emocijas keliančių užduočių. Rekomenduojama pasirinkti vaikams įdomius, daugiasluoksnius (daugiaprasmius), įvairius tekstus. Mokymasis bendradarbiaujant ugdo mokinių aktyvumą, iniciatyvą, kūrybinį mąstymą, savarankiškumą, socialinius įgūdžius.

2. Išsakyti kūrinio pagrindines idėjas ketvirtos klasės mokiniams sunkiai sekasi net pasitarus su suolu draugu. Dažniausiai ketvirtokai linkę atpasakoti kūrinio siužetą, matydami pavienes detales, o neįžvelgdami gilios prasmės ir reikšmės. Norint siekti geresnių rezultatų, reikėtų sudaryti sąlygas mokiniams dažniau skaityti, analizuoti, vertinti kūrinius tariantis su klasės draugu arba draugais. Klausantis kitų yra daugiau galimybių kurti teksto prasmę, pasitikrinti savo nuomonės teisingumą.

3. IV klasės mokiniai labai teigiamai vertina galimybę rinktis tekstą, nes visi pozityviai vertino perskaitytą kūrinį, kurį patys išsirinko. Detalai paanalizavus mokinių atsakymus, paaiškėjo, kad dažniausiai buvo apibendrintai įvardinta, jog tekste daug ką sužinojo. Pozityvu tai, jog nemažai

ketvirtokų geba išsakyti ir labai konkrečius, dažnai su kūrinio turiniu ir su patirtimi susijusius argumentus.

4. Mokymosi bendradarbiaujant strategija yra tinkamas būdas tirti, kaip vaikai supranta tekstą, tobulinti jų skaitymo įgūdžius, skatinti pozityvų požiūrį į skaitymą, bendravimą ir bendradarbiavimą. Kalbėdamiesi apie perskaitytą tekstą mokiniai remiasi savo gyvenimo patirtimi, įprasmina išgyvenimus juos siedami su kūrinio turiniu. Diskusija grupėje ragina mokinius užduoti naujų klausimų, domėtis ir sieti tekstą su savo ir kitų grupės narių patirtimi, ugdyti kritinį požiūrį į skaitomą kūrinį. Mokymosi bendradarbiaujant procesas bus sėkmingas, kai mokiniai apmąstys savo ir draugų indėlį į bendrą darbą.

Literatūra

- BUTKIENĖ, G., KEPALAITĖ, A., 1996. *Mokymasis ir asmenybės brendimas*. Vilnius: Margi raštai.
- CLAY, M., 2002. *An Observation of Early Literacy Achievement*. Portsmouth, NH: Heinemann.
- KILYON, J., 2005. Jaunimo sudominimas skaitymu, taikant kūrybingą požiūrį. *Tarptautinės konferencijos Skaitymo skatinimas ir kalbos įgūdžių ugdymas medžiaga*. Vilnius: LRS.
- KING, C.; BRIGGS, J., 2009. *Literatūros būreliai: idėjos gimsta kalbant*. Vilnius: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka.
- LEPEŠKIENĖ, V., 1996. *Humanistinis ugdymas mokykloje*. Vilnius: Valstybinis leidybos centras.
- Lietuvių padavimai, legendos ir sakmės. 2002. Kaunas: Vaiga.
- MARZANO, R. J., 2005. *Naujoji ugdymo tikslų taksonomija*. Vilnius: Žara.
- RAGNARSDÓTTIR, H., 2005. Skaitymo įtaka vaikų ir jaunimo kalbos įgūdžių ugdymui. *Tarptautinės konferencijos Skaitymo skatinimas ir kalbos įgūdžių ugdymas medžiaga*. Vilnius: LRS.
- RAMONIENĖ, M.; BRAZAUSKIENĖ, J.; BURNEIKAITĖ, N.; DAUGMAUDYTĖ, J. ir kt., 2005. *Lingvodidaktikos ir taikomosios lingvistikos terminų žodynas*. Vilnius. (rankraštis).
- SAHLBERG, P., 2002. *Grupinis tyrimas. MTP mokymų medžiaga*. Helsinkis. (rankraštis).
- SAHLBERG, P., 2002. Kaip suprantamas mokymasis. *MTP mokymų medžiaga*. Helsinkis. (rankraštis).
- SAHLBERG, P., 2002. *Mokymosi bendradarbiaujant principai. MTP mokymų medžiaga*. Helsinkis. (rankraštis).
- SEMAŠKA, A., 2004. *Pasižvalgymai po Lietuvą*. Vilnius: Algimantas.
- SMITH, V., 2009. *Kaip skaitymą padaryti prasmingą*. Vilnius: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka.
- Tarptautinių žodžių žodynas*. 2004. Vilnius: leidykla Žodynas.
- UNESCO, 2004. Changing teaching practice using curriculum differentiation to respond to student's diversity. Unesco.

Daiva Jakavonytė-Staškuvienė

Vilnius Pedagogical University, Lithuania

Research interests: pedagogy, teaching methods

LEARNING IN COOPERATION AS ONE OF THE MOST IMPORTANT FOURTH-FORMERS' TEXT ANALYSIS STRATEGIES

Summary

This article discusses the issues of the possible ways to constructively develop the fourth-formers' text analysis abilities when applying the strategy of learning in cooperation. The article describes two practical activities and discusses pupils' achievements they attained while analyzing fiction and non-fiction texts, rendering and accepting information about the text and reflecting on their activity in pairs and in small groups.

The aim of the research: to reveal the fourth-formers' text analysis achievements when applying the strategy of learning in cooperation on the basis of the results of pedagogical experiment.

Conclusions:

1. In order to successfully apply the strategy of learning in cooperation while analyzing a text, pupils should be supplied with purposeful, interesting and expedient tasks, which raise positive emotions. It is recommended to choose interesting multi-layered (poly-semantic) and diverse texts. Learning in cooperation develops pupils' activeness, initiative, creative thinking, independence and social skills.

2. Fourth-formers find it hard to tell the main ideas of a text even after being consulted by their desk-mate. Pupils usually tend to retell the plot of a piece of writing indicating separate details without pointing out the depth of its sense and meaning. In order to achieve better results, it is suggested to afford pupils to read, analyze, and evaluate writings in cooperation with a friend or a group of friends. Listening to others helps to create the meaning of a text, to check the rightness of personal opinion.

3. Fourth-formers have a positive attitude towards the possibility to choose a text, because the respondents were well disposed towards the text they have read. After the detailed analysis of pupils' answers it became clear that in most cases pupils indicated that they had learnt a lot from the text. A positive remark is that many fourth-formers are able to tell very concrete arguments related to the content and experience.

4. The strategy of learning in cooperation is an appropriate way to study the way pupils understand a text and to develop their reading skills as well as to encourage a positive attitude towards reading. When talking about the text, that has been read, pupils base their position on their life experience; give a meaning to their feelings and emotions in relation to content. Discussion in a group encourages pupils to ask new questions, be interested in a text and relate it with their personal and group members' experience, develop critical attitude towards the text being read. The process of learning in cooperation will be successful when pupils learn to reflect on their personal and their group-mates' contribution to joint work.

KEY WORDS: strategy of learning in cooperation, text analysis, pupils' achievements

Danguolė Kalesnikienė, Agnė Saylik

Vilniaus pedagoginis universitetas, Lietuva

Studentų g. 39, 08106 Vilnius, Lietuva

Tel. 85 2790042

El. paštas: *danguole.kalesnikiene@upc.smm.lt; agne.saylik@gmail.com*

Moksliniai interesai: *pradinis ugdymas, ugdymo diagnostika, lietuvių (gimtosios) kalbos problemos, pedagogikos istorija, informacinės ir komunikacinės technologijos pradinėje mokykloje.*

LIETUVIŲ KALBA PRADINĖJE MOKYKLOJE: RAŠYMO GEBĖJIMŲ UGDYMAS

Lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinį sudaro santykinai atskiros, bet ugdymo procese integruojamos veiklos sritys: klausymas ir kalbėjimas, skaitymas, rašymas. Lietuvos bendrojo lavinimo mokyklose dirbama pagal Pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrąsias programas (2008), kuriose ir reglamentuojamas lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinys ir numatomi šios srities mokinių pasiekimai. Rašymas apima rašymo technikos ir teksto kūrimo mokymą. Siektini mokinių mokymosi rezultatai, orientuoti į kompetencijų ugdymą, yra atskleisti per žinių ir supratimo, gebėjimų bei nuostatų sandus. Šiame kontekste rašymo gebėjimai traktuojami kaip būtina mokymo ir mokymosi sąlyga. Jie padeda plėtotis mokinių mokymosi mokyti ir komunikavimo kompetencijoms.

Straipsnyje atskleidžiama rašymo pradinėje mokykloje reikšmė ugdymo(si) procese, atlikta dokumentų, reglamentuojančių rašymo mokymą pradinėje mokykloje, analizė bei aptartos rašymo gebėjimų ugdymo problemos Lietuvos pradinėje mokykloje.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: *lietuvių kalba, pradinė klasių mokiniai, rašymo gebėjimai, rašymo gebėjimų ugdymas, komunikavimo kompetencija, mokymosi mokyti kompetencija.*

Įvadas

Rašymo problema yra viena seniausių ir aktualiausių ugdymo problemų, kuriai daug dėmesio pasaulyje skiria ugdymo teorija ir praktika. Gebėjimas rašyti – vienas iš pagrindinių veiksnių, nusakančių valstybėje funkcionuojančios švietimo sistemos padėtį, rezultatyvumą ir visuomenės poreikių tenkinimą. Gebėjimo rašyti dėka žmogus komunikuoja, o jo lavinimasis įgyja permanentinį, mokymosi visą gyvenimą pobūdį.

Rašymo gebėjimų ugdymas itin svarbus pradinės mokyklos uždavinys, kurio realizavimas padeda plėtoti mokinio komunikavimo ir mokymosi mokyti kompetencijas, tarnauja asmenybės brandai.

Apie rašymo mokymą rašyta jau J. Budzinskio, P. Naujokaičio ir J. Martynaičio (1960), L. Jakubauskienės (1966) lietuvių kalbos mokymo pradinėse klasėse metodikose. 2003, 2005 ir 2007 metais Lietuvoje vykdytuose nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimuose buvo tirti ir pradinės mokyklos 4 klasės mokinių rašymo pasiekimai. Lietuvių kalbos srities rašymo ugdymo klausimai nagrinėti įvairių Lietuvos mokslininkų. Mokinių dialoginės kalbos vartojimas rašiniuose tirtas V. Plentaitės ir D. Jakavonytės (2003), pedagogų pasirinktų IV klasės lietuvių kalbos mokymo priemonių įtaka mokinių pasiekimams analizuota D. Jakavonytės, D. Kalesnikienės, V. Plentaitės (2005). Lietuvos pradinės mokyklos mokinių rašymo pasiekimai aptarti D. Jakavonytės, D. Kalesnikienės, D. Kiliuvienės (2005), rašymo pasiekimai kaip mokymosi mokyti ir komunikavimo gimtąja kalba kompetencijų formavimosi prielaida nagrinėti D. Kalesnikienės (2006). Tačiau išsamių tyrimų, skirtų pradinės mokyklos rašymo gebėjimų ugdymui, aptikti nepavyko.

Tyrimo objektas – rašymo gebėjimai pradinėje mokykloje.

Šio straipsnio **tikslas** – aptarti pradinė klasių mokinių rašymo gebėjimų ugdymą.

Tyrimo uždaviniai:

1. Atskleisti rašymo pradinėje mokykloje reikšmę ugdymo procesui.
2. Išanalizuoti dokumentus, reglamentuojančius rašymo mokymą pradinėje mokykloje.
3. Aptarti rašymo gebėjimų ugdymo problemas pradinėje mokykloje.

Tyrimo metodai – literatūros ir 2003, 2005 ir 2007 metų nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų duomenų analizė.

„Rašymas yra daugiau nei kalbos vertimas rašto simboliais, - tai mąstymas, reikalaujantis didelių intelekto pastangų. Rašyti – tai ne tik taikyti lingvistines ar retorikos taisykles. Rašymas – tai problemos sprendimas, įtraukiantis idėjų generavimą, „balso“, kuriuo turiu rašyti, paieškas, planavimą, tikslo nustatymą, radimą, kas turi būti rašoma, kalbos atitikimą norimai kurti reikšmei.“ (Nauckūnaitė 2002, p. 11). Rašymas apibrėžiamas kaip gebėjimas bendrauti bei kurti įvairaus pobūdžio tekstus raštu reiškiant mintis. Gerai išugdyti rašymo gebėjimai – tai rišlios, logiškos, taisyklingos, tikslios ir turtingos rašytinės kalbos kūrimas.

Lietuvos pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrosiose programose (2008) (toliau – *Bendrosios programos*) reglamentuojamas lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinys ir numatomi šios srities mokinių gebėjimai. *Bendrosiose programose* pabrėžiama kalbinių gebėjimų ir įgūdžių reikšmė mokinio komunikacinės kultūros ugdymui (-si) ir asmenybės brandai. Lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinį sudaro santykinai atskiros, bet pradinio ugdymo procese integruojamos veiklos sritys: klausymas ir kalbėjimas, skaitymas, rašymas. Rašymas apima rašymo technikos ir teksto kūrimo, remiantis įgytomis elementariomis kalbos sandaros ir rašybos, skyrybos žiniomis bei jų supratimu, mokymą.

Pradinėje mokykloje mokiniai mokosi *rašymo technikos*: rašyti taisyklingai ir įskaitomai bei tvarkingai, pratinasi pereiti prie greitesnio rašymo tempo (1 lentelė). Pradinių klasių mokiniai išmoka rašyti diktuojant, mokosi raštu atpasakoti. *Bendrosiose programose* aprašant lietuvių kalbos sritį išskirta rašymo technika būdinga tik pradinei mokyklai ir būtina visų kitų dalykų mokymosi procese bei sėkmingam ugdymuisi.

1 lentelė. Rašymo technikos gebėjimai

Rašymo technika

Gebėti rašyti standartines raides, jungti jas į žodį, žodžius - į sakinį, sakinius - į tekstą.

Gebėti rašyti smulkesniu šriftu, stengtis ugdytis įskaitomą, estetišką, individualią rašyseną.

Tačiau svarbiausi pradinių klasių mokinių mokymosi uždaviniai yra susiję su *teksto kūrimu*, remiantis įgytomis elementariomis kalbos sandaros, rašybos, skyrybos žiniomis ir jų supratimu. Gebėjimų aprašas *Bendrosiose programose* nurodo, ką dauguma mokinių turi mokėti baigę pradinės mokyklos pirmąjį koncentrą (1-2 klases) ir antrąjį koncentrą (3-4 klases). Remiantis šiais aprašais straipsnio autorių sudarytas esminių rašymo gebėjimų, kuriuos turėtų įgyti pradinę mokyklą baigę mokiniai, aprašas pateiktas 2 lentelėje.

2 lentelė. Teksto kūrimo gebėjimai

Teksto kūrimas

Kūrybinis darbas	Kalbos turtingumas	Kalbos taisyklingumas
Gebėti kurti asmenine patirtimi pagrįstą bei pramanytą pasakojamąjį tekstą: <ul style="list-style-type: none">- pagal paveikslėlių seriją;- pagal mokytojo pateiktą, kolektyviai, savarankiškai sudarytą planą;- pagal pateiktą pasakojimo pradžią ir (ar) pabaigą;- pagal perskaityto literatūros kūrinio pavyzdį. Gebėti kurti aprašymą, tikslingai įterpti gyvūno, daikto aprašymą į pasakojimą. Gebėti kurti: laišką, skelbimą, žinutę, kvietimą, sveikinimą.	Tinkamai rašant vartoti: žodžių sinonimus, antonimus, frazeologizmus (be šio termino), perkeltinės reikšmės žodžius, įvairių rūšių sakinius (klausiamuosius, šaukiamuosius, skatinamuosius), dialogo intarpus.	Taisyklingai rašyti išmokus žodžius, dėti reikiamus skyrybos ženklus sakinyje bei sakinio gale.

Esminiai rašymo gebėjimai svarbūs ne tik lietuvių kalbos, bet ir kitoms sritims. Pradinėje mokykloje mokantis rašyti plėtojamas mokinių kūrybiškumas. Ugdant rašymo gebėjimus siekiama pradinių klasių mokinių **mokymosi mokytis kompetencijos** plėtotės. Tobulinami bendrieji

gebėjimai: išsikeliamas mokymosi (šiuo atveju – rašymo) tikslas, numatomi konkretūs rašymo uždaviniai, susiplanuojama rašymo veikla, kryptingai veikiama siekiant išsikeltų mokymosi (rašymo) uždavinių, reflektuojama mokymosi veikla ir rezultatai - įsivertinama, kaip sekėsi rašyti, kaip pavyko kūrybinis darbas. Ugdydamasis savo rašymo gebėjimus, mokinys tobulina bendruosius mokymosi mokyti gebėjimus. Taip mokinys pažįsta savo mokymosi stipriąsias ir silpnąsias puses, atranda savo mėgstamus mokymosi metodus ir būdus, suvokia kūrybinių darbų tobulinimo galimybes.

Siektini pradinį klasių mokinių mokymosi rezultatai, orientuoti į kompetencijų ugdymą, yra atskleisti per žinių ir supratimo, gebėjimų bei nuostatų sandus. Rašymo gebėjimai labiausiai sietini su **komunikavimo kompetencijos** sritimi.

Europos Parlamento ir Tarybos rekomendacijoje dėl esminių visą gyvenimą trunkančio mokymosi kompetencijų tarp aštuonių esminių kompetencijų išskirta ir komunikavimo gimtąja kalba kompetencija. Komunikavimo gimtąja kalba kompetencija šiame dokumente apibūdinama kaip gebėjimas žodžiu ir raštu reikšti bei interpretuoti sąvokas, mintis, jausmus, faktus ir nuomones (klausymas, kalbėjimas, skaitymas ir rašymas), tinkamai bei kūrybiškai bendrauti įvairiuose socialiniuose ir kultūriniuose kontekstuose. Šiame kontekste rašymo gebėjimai taip pat yra traktuotini kaip būtina mokymo ir mokymosi sąlyga (2006).

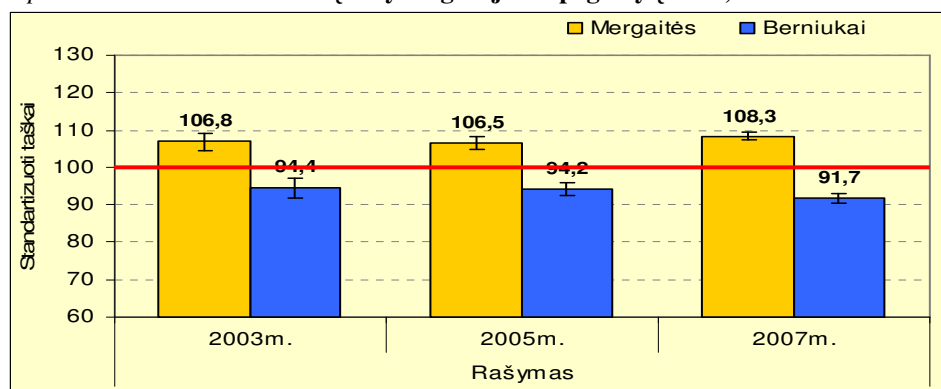
Realizuojant aktualią bendrųjų kompetencijų ugdymo idėją ir pritaikant Lietuvoje Europos Sąjungos siūlomas esmines kompetencijas, *Bendrosiose programose* tarp kitų taip pat išskirta komunikavimo kompetencija. Komunikavimo kompetencija - tai gebėjimas žodžiu ir raštu reikšti mintis, jausmus, nuomonę, tinkamai bei kūrybingai bendrauti socialinėje ir kultūrinėje aplinkoje, atsižvelgiant į tikslą, adresatą, situaciją, gebėti rasti, kritiškai vertinti, apibendrinti informaciją ir tinkamai ją pateikti kitiems. Kad įgytų gebėjimą komunikuoti, asmuo turi turtinti aktyvųjų ir pasyvųjų žodyną, mokyti rašybos, skyrybos, skaityti grožinius ir negrožinius tekstus, žodžiu ir raštu komunikuoti esant įvairioms skirtingoms aplinkybėms. Mokymasis skaityti ir suprasti tai, ką perskaitė, rašyti, bendrauti (mokyti išklausti kalbantįjį, išsakyti savo nuomonę) su bendraamžiais bei kitais žmonėmis, yra pradinio ugdymo ir tolesnio mokymosi visą gyvenimą pagrindas. Kad mokiniai susiformuotų komunikavimo kompetencijos pamatus, gerai įsisavintų reikiamas žinias, pradinėje mokykloje daug dėmesio turėtų būti skiriama kalbėjimui, klausymui, skaitymui ir sunkiausiai įgyjamiems rašymo gebėjimams.

Rašymo gebėjimų ugdymo problemos Lietuvos pradinėje mokykloje

Įžvalgas apie rašymo gebėjimų ugdymo problemas galima pateikti išanalizavus nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų dalykines ataskaitas (2003, 2005, 2007). Analizuojant 4 klasės mokinių pasiekimų tyrimų duomenis matomos tam tikros lietuvių kalbos ugdymo tendencijos.

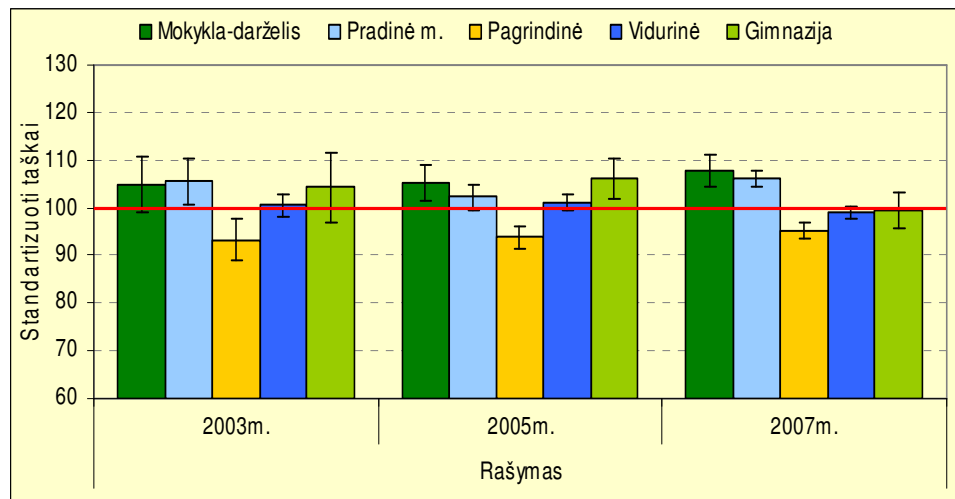
Lyginant 2003, 2005 ir 2007 metų 4 klasės mokinių lietuvių kalbos pasiekimų tyrimo rezultatus galima išvelgti 4 klasės mokinių rašymo gebėjimų skirtumus lyties atžvilgiu (1 pav.). Rašymo srities berniukų ir mergaičių rezultatų skirtumas akivaizdus 2003, 2005, 2007 metų tyrimuose - visų trijų tyrimų duomenimis berniukų rašymo gebėjimai žemesni už mergaičių, o kartu ir už nacionalinį vidurkį.

1 paveikslas. 4 klasės mokinių rašymo gebėjimai pagal lytį 2003, 2005 ir 2007 metais

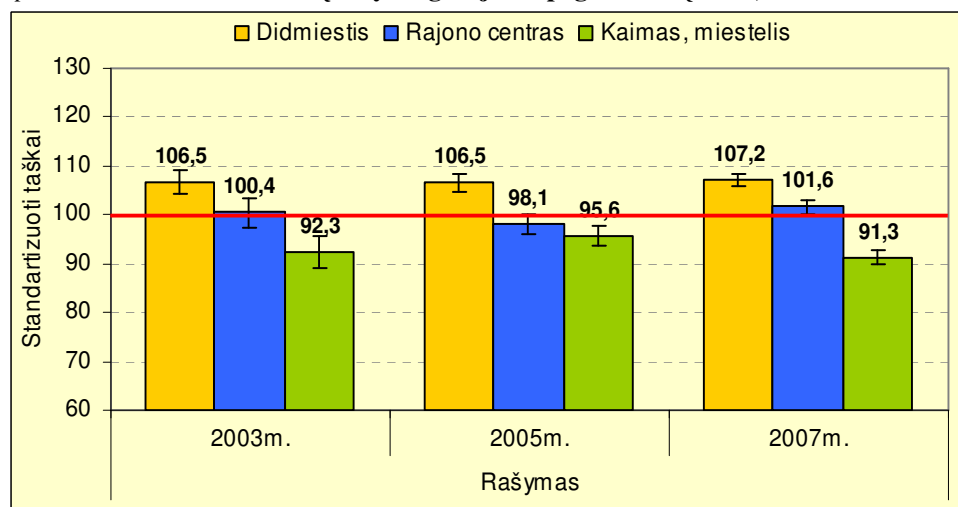
Analizuojant 4 klasės mokinių rašymo gebėjimus pagal mokyklos tipą pastebėta, jog geriausi mokinių rašymo gebėjimai yra pradinėse mokyklose ir mokyklose-darželiuose (2 pav.). 2007 metais pagrindinėse mokyklose besimokančiųjų 4 klasės mokinių rašymo pasiekimai prastesni nei kitų tipų mokyklų mokinių, tačiau lyginant su 2003 ir 2005 metų tyrimų duomenis jie pagerėjo. Pastebima mokyklose-darželiuose bei pradinėse mokyklose besimokančiųjų mokinių rašymo gebėjimų skalės augimo tendencija, nes 4 klasės mokinių, kurie mokosi šiose mokyklose, rašymo gebėjimų skalė aukštesnė už nacionalinį vidurkį (2 pav.).

2 paveikslas. 4 klasės mokinių rašymo gebėjimai pagal mokyklos tipą 2003, 2005 ir 2007 metais

Nacionaliniai mokinių pasiekimų tyrimai atskleidė, kad skiriasi didmiesčių, rajonų centrų ir miestelių/kaimų mokyklose besimokančiųjų mokinių rašymo gebėjimai. Lyginant 2003, 2005 ir 2007 metų mokinių rašymo gebėjimus išvengiama tendencija, jog didmiesčio mokinių jie geresni nei rajono centro ir miestelio/kaimo mokinių (3 pav.). 2007 metais atotrūkis tarp didmiesčio ir miestelio/kaimo mokinių rašymo gebėjimų dar didesnis, nes didmiesčiuose besimokančiųjų rezultatai išaugo, o miestelių/kaimų mokinių dar nukrito. Palyginus 2003, 2005 ir 2007 metų kaimų/miestelių ir didmiesčių mokinių rašymo gebėjimus, pastebima, kad didmiesčiuose besimokančiųjų rezultatai aukštesni, o kaimuose/miesteliuose – žemesni už nacionalinį vidurkį.

3 paveikslas. 4 klasės mokinių rašymo gebėjimai pagal vietovę 2003, 2005 ir 2007 metais

Išanalizavus visų nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų ataskaitas, jas apibendrinus, išskirtinos rašymo mokymo problemos (3 lentelė).

3 lentelė. Rašymo mokymo problemos 2003, 2005 ir 2007 metais

2003	2005	2007
<ul style="list-style-type: none"> • Nepagrįstai daug dėmesio skiriant kuriai nors vienai lietuvių kalbos sričiai, pakankamai neišplėtojami mokinių gebėjimai kitoje srityje: perdėtai siekiant elementariojo raštingumo žinių rašymas netampa viena iš vaiko bendravimo, saviraiškos priemonių, bijomasi reikšti savo mintis raštu. • Nustatyti ryškūs 4 klasės mergaičių ir berniukų rašymo pasiekimų skirtumai (berniukų pasiekimai žemesni). 	<ul style="list-style-type: none"> • Išanalizavus kūrybinius mokinių darbus galima teigti, kad 4 klasės mokinių elementarusis raštingumas gana dažnai neatitinka <i>Išsilavinimo standartų</i> reikalavimų, nes trūksta rašybos įgūdžių. • Berniukų pasiekimai žemesni nei mergaičių. 	<ul style="list-style-type: none"> • Sumažėjo mokinių, gebančių nuosekliai ir logiškai rašyti. • Mokinių kūrybinių darbų analizė leidžia teigti, jog mokinių elementarusis raštingumas yra gana žemas. • Penktadalis tiriamųjų neskyrė sakinio ribų. • Įžvelgiami vis didėjantys pasiekimų skirtumai tarp berniukų ir mergaičių lietuvių kalbos gebėjimų, kuriuos sumažinti galėtų padėti rašymo užduočių parinkimas pagal mokinio poreikius ir polinkius.
<ul style="list-style-type: none"> • Kūrybinių darbų temas reikėtų leisti pasirinkti iš kelių temų arba skirti ar leisti pasirinkti temą, aktualią konkrečiam mokiniui. • Rašinėlio savo pasirinkta tema niekada nerašė net 12,2% mokinių. • Mokymo procese daugiau dėmesio reikėtų skirti ne formaliojo raštingumo, bet kūrybinėms užduotims. • Mokiniai dažniausiai rašo diktantus (kartą per savaitę diktantą rašo – 60%, kūrybinį darbą - 35%). Atlikdami kūrybinius darbus, rašydami jiems aktualiomis temomis mokiniai mokytusi reikšti mintis, jausmus, individualią patirtį. • Plečiant mokinių kalbos žodyną reikėtų siekti, kad jie naudotųsi žodynais, žinynais, enciklopedijomis (žodynais niekada nesinaudoja net 40,5% mokinių). • Derėtų mokyti mokinius redaguoti savo kūrybinius darbus (po svarstymo su mokytoju savo rašinėlio niekada netobulina net 37% mokinių). 	<ul style="list-style-type: none"> • Kūrybiniai darbai, leidžiant pasirinkti temą parašomi geriau, todėl rekomenduojama suteikti mokiniams daugiau galimybių rinktis jiems aktualią temą. • Reikėtų mokinius mokyti sklandžiai, nuosekliai reikšti mintis rašant kūrybinius darbus. Prieš rašant aptarti rašymo tikslą, žanro, struktūros reikalavimus, darbo vertinimo kriterijus. • Geresni teksto kūrimo rezultatai tų mokinių, kurie naudojami žodynais bei kurių mokytojai skatina įvairiais būdais „publikuoti“ jų sukurtus tekstus. • Mokiniais kūrybiniai darbai turėtų būti skiriami ne per dažnai, paliekant pakankamai laiko mokytis tobulinti darbą. • Tiriamieji mažiausiai taškų surinko už teksto redagavimą. 	<ul style="list-style-type: none"> • Nepakankamas įvairių mokymo(-si) strategijų taikymas lemia prastą rašymo kokybę. • Reikėtų siekti įvairesnės, įdomesnės aktyvios mokymosi veiklos, tinkančios skirtingų mokymosi stilių mokiniams. • Siekiant aukštesnių mokinių pasiekimų, reikėtų konkrečios, mokiniui skirtos veiklos ir/ar užduoties įprasminimo bei tobulinimo (<i>kodėl, kas, kaip atliekama, kodėl, ką ir kaip reikėtų tobulinti konkrečiame kūrybiniame darbe</i>). • Tyrimo metu išaiškėjo, jog daug problemų iškyla laikantis kūrybinio darbo struktūros reikalavimų, nes tik pusė tiriamųjų gebėjo rašyti pastraipomis. Penktadalis tiriamųjų neskyrė sakinio ribų.
<ul style="list-style-type: none"> • Svarbu mokyti mokinius vertinti kūrybinius darbus (niekada savo rašinėlio draugams neskaitė net 22%, neskaitė ir nevertino draugų rašinių net 24% mokinių). 		

Išvados

- Išanalizavus 2003, 2005 ir 2007 metų nacionalinių tyrimų duomenis nustatyta 4 klasės mokinių lietuvių kalbos srities rašymo gebėjimų kaitos tendencija – rašymo gebėjimai prastėja.
- Išlaikoma tendencija, jog geresni yra mergaičių nei berniukų rašymo gebėjimai, berniukų rašymo gebėjimai kiekvienais metais yra vis žemesni.
- Skiriasi 4 klasės mokinių rašymo gebėjimai pagal vietovę ir mokyklos tipą. Tai rodo švietimo struktūrinių pokyčių svarbą bei pradinėse klasių mokinių lygių galimybių užtikrinimo įvairiose Lietuvos mokyklose klausimo aktualumą.
- Išanalizavus 2008 metais patvirtintų *Bendrujų programų* lietuvių kalbos dalies rašymo sritį galima teigti, jog atnaujinant ugdymo turinį buvo atsižvelgta į 2003, 2005 ir 2007 m. Nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų rezultatus.
- Naujos *Bendrosios programos*, nuo 2008 metų reglamentuojančios ugdymą pradinėse klasėse, sudarė prielaidas mokinių rašymo gebėjimų ugdymo tobulinimui.

Literatūra

- BUDZINSKIS, J.; MARTINAITIS, J.; NAUJOKAITIS, P. 1960. *Lietuvių kalbos dėstymas pradinėse klasėse*. II dalis. Kaunas: Valstybinė literatūros leidykla.
- Recommendation of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 on key competences for lifelong learning (2006/962/EC). Official Journal of the European Union.
- JAKAVONYTĖ, D.; KALESNIKIENĖ, D.; KILIUVIENĖ, D., 2005. Analysis of the results on fourth formers' reading and writing achievements in Lithuanian. Spring University: *Changing education in a changing society*, Nr. 2, p. 77-83.
- JAKAVONYTĖ, D.; KALESNIKIENĖ, D.; PLENTAITĖ, V. S., 2005. Pedagogų pasirinktų IV klasės lietuvių kalbos mokymo priemonių įtaka moksleivių pasiekimams. *Pedagogika: mokslo darbai*, 77, p. 10-14. Vilnius: VPU leidykla.
- JAKUBAUSKIENĖ, L. 1966. Lietuviško rašymo mokymo pagrindai pradinėse klasėse. *Metodinė medžiaga*. Vilnius: Mokyklų mokslinio tyrimo institutas.
- KALESNIKIENĖ, D., 2006. Reading and writing achievements as an assumption of the formation of competences of learning to learn and communicating in the mother tongue. *Pedagoģija: teorija un prakse: zinātnisko rakstu krājums*, IV, p. 88-96.
- Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2003. Dalykinė ataskaita. 4 klasė. Vilnius: Saulės spektras.
- Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2005. Dalykinė ataskaita. 4 klasė. Vilnius: Petro ofsetas.
- Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2007. Dalykinės ataskaitos rankraštis. 4 klasė. Vilnius.
- NAUCKŪNAITĖ, Z., 2002. *Teksto komponavimas: rašymo procesas ir tekstų tipai*. Vilnius: Gimtasis žodis.
- PLENTAITĖ, V. S.; JAKAVONYTĖ, D., 2003. III-IV klasių moksleivių išgalės vartoti dialoginę kalbą rašiniuose. *Pedagogika: mokslo darbai*, 67, 104-109 Vilnius: VPU leidykla.
- Pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrosios programos, 2009. Vilnius: Švietimo aprūpinimo centras.

Danguolė Kalesnikienė, Agnė Saylik

Vilnius Pedagogical University, Lithuania

Research interests: primary education, educational diagnostics, ICT in primary schools, problems and issues of native language, history of pedagogy.

THE LITHUANIAN LANGUAGE IN PRIMARY SCHOOL: ENHANCEMENT OF WRITING ABILITIES

Summary

The curriculum of Lithuanian (native) language comprises the fields of activities which are relatively distinct, but integrated in the educational process – listening and speaking, reading and writing. Lithuanian schools work according to the Primary and Basic Education General Programmes (2008), which define the curriculum of Lithuanian (native) language and describe pupils' achievements in this area. Writing includes teaching of writing techniques and teaching the creation of text. Target results of primary school pupils' learning achievements, which are oriented towards the education of competences, are revealed by components of knowledge and understanding, abilities and attitudes. In this context writing abilities are treated as a necessary condition for teaching and learning. They help to develop pupils' learning to learn and communication competences.

The article reveals the importance of writing in primary schools, analyses the documents which regulate teaching of writing in primary schools and discusses the problems of writing abilities' education in Lithuanian primary schools.

KEY WORDS: the Lithuanian language, pupils of primary school, writing abilities, education of writing abilities, communication competence, competence of learning to learn.

Владимир Ковальчук

Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина
ул. И. Франко 24; 82100 Дрогобыч, Львовская обл., Украина

Тел. 0677133513

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: модернизация современного педагогического образования; педагогические условия формирования профессионально-педагогической культуры учителя начальных классов; психолого-педагогические основы индивидуализации учебного процесса младших школьников с разными математическими достижениями.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

В статье определены основные направления формирования и развития личностных характеристик современного учителя; подчеркивается, что модернизация общества, утверждение демократических ценностей требуют существенных изменений мировоззрения, самооценки, самосознания учителя современной школы; определена научно-технократическая парадигма образования, определяющая практику современной украинской школы; доказано, что современное образование должно формировать демократически мыслящего, информированного и компетентного учителя, знакомого с новыми достижениями, научными и педагогическими дискуссиями на национальном и мировом уровнях; раскрыты основные идеи и принципы гуманистической парадигмы образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личностные характеристики, модернизация общества, демократические ценности, мировоззрение, самосознание, самореализация, современное образование, образовательная парадигма, демократизация образования, профессиональное развитие.

Образование относится к таким институциям, от качества и степени развития которых напрямую зависят прогресс общества в целом и человеческой личности в частности. В последнее десятилетие в Украине в этой отрасли действительно сделано немало. Практически сформирована нормативно-правовая база образования; подготовлено новое поколение учебников для общеобразовательной школы; нормой становится обязательное приобретение общего среднего образования; осуществляется переход к многоступенчатой системе обучения в высшей школе; трансформируется гуманитарное образование; начался переход к 12-летнему сроку обучения и прогрессивной модели оценки знаний учащихся. Образование Украины все больше выкристаллизовывается как целостная система, развивается в соответствии с потребностями государства, национальными интересами, европейским и мировым опытом (Андрущенко 2001, с. 183; Руденко 1996, с. 8-9).

Во всех документах, касающихся сферы образования, подчеркивается, что главным ее звеном был и остается учитель. Сегодняшний учитель, несмотря на целый ряд различных проблем – от школьных до общеобщественных – сеет разумное, доброе, вечное. Но современный учитель устал бороться с отсутствием перспективы, с обязанностью воплощать в различных мероприятиях руководящие указания. По данным разных опросов, от 80 до 95% учителей готовы хоть завтра поменять профессию. Поэтому неудивительно, что у многих учителей пропал интерес к работе, к профессиональному совершенствованию. Конечно, среди учительского корпуса есть много ярко одаренных личностей, которые любят свой предмет и работу с детьми. Но эти учителя в основном работают в привилегированных учебных заведениях (лицеях, гимназиях, где учатся дети обеспеченных родителей и есть возможность заработать больше и раскрыть свой талант).

В основе процесса формирования и развития личностных характеристик современного учителя должно находиться совершенствование его мировоззрения, которое обязательно должно опираться на научную основу. Ведь именно научное мировоззрение выполняет жизненно важные функции – познавательную, практическую, методологическую и др. Именно оно оказывается основой и важным цементирующим фактором умственного, нравственного, эстетического развития личности, способствует реализации гуманистических идеалов. К сожалению, педагоги в 90-е годы прошлого века не обращали внимания на проблему углубления и расширения собственного мировоззрения, а некоторые «ученые» (прежде всего те, кто критически относился к марксистско-ленинскому мировоззрению как к научному) даже отрицали необходимость формирования именно научного мировоззрения, мотивируя это тем, что в этом смысле как будто имеет место «слияния науки с идеологией».

В наше время исправить сложившуюся ситуацию каждый учитель может путем самосовершенствования собственного мировоззрения. Ведь научное мировоззрение является системой научных знаний человека, его взглядов, убеждений и идеалов, в которых выражается его отношение к развитию природы, общества, сознания и определяющих его общественно-политических, морально-этических позиций и поведение в различных сферах жизни. Поэтому в формировании мировоззрения современного учителя важное значение принадлежит выполнению условий, которые помогают переводить научные знания в систему взглядов и убеждений. Прежде всего – это глубокое осмысление информации. Чем глубже проникает мысль учителя в сущность научных идей, понятий, законов, тем шире становятся возможности формирование его взглядов и убеждений. В частности, для перевода знаний во взгляды и убеждения надлежащее внимание должно быть уделено научному доказательству, обоснованию, выяснению причинно-следственных связей, умению убеждать, используя педагогическую технику и новейшие технологии.

Всестороннее развитие современного учителя предусматривает формирование общечеловеческих норм жизнедеятельности, а также добра, красоты, истины, свободы и совести, уважения и любви. По этим показателям, то есть с позиций общечеловеческой морали, в повседневной жизни оценивается воспитанность каждого субъекта, но учителя – прежде всего. Ведь именно он должен воспитывать эти достоинства в детей, обязательно сравнивать все сказанное им с поведением самого себя.

В процессе формирования и развития личностных характеристик современного учителя необходимо учитывать и то, что система моральных ценностей украинского сформировалась давно с учетом таких черт национальной ментальности как кордоцентризм, естественный демократизм, склонность к интроверсии и др. На их основании в течение веков у нашего народа культивировались гуманизм и любовь к родной земле, патриотизм и гражданский долг, свободолюбие и самоотверженность в борьбе за независимость, высокую человеческую совесть и уважительное отношение к родителям. Поиск путей к целостному, гармоничному миру и человеческому бытию не может не затрагивать проблемы образования и воспитания современного учителя. Сегодня не только педагогические, но и глобальные проблемы (демографические, экономические кризисы, кризис урбанизации, экологические катастрофы, обострение межнациональных противоречий и конфликтов, кризис культуры и морали и т. д.) обуславливают возрождения гуманистических идей в обществе. Поэтому углубление научного мировоззрения учителя связано со становлением новой парадигмы в философии и теории образования. Новое мировосприятие и мироощущение вызывают изменение в образовательных взглядах на развитие и формирование личности, определяют возможности, задачи, цели и средства образования. Построение новой образовательной модели предусматривает теоретическое переосмысление и практическую ориентацию на новый идеал современного учителя (Горбатенко 1999, с. 183).

Модернизация общества, утверждение демократических ценностей требуют существенных изменений мировоззрения, самооценки, самосознания учителя. В

значительной мере это зависит от учебного заведения, который призван не только способствовать формированию мировоззрения будущего педагога, усвоению им ценностей культуры, но и воспитание в нем умения самостоятельно учиться и критически мыслить, способности к самопознанию и самореализации.

Чтобы реализовать задачу саморазвития, учителю необходимо акцентировать внимание на таких аспектах этого процесса, как:

- содействие самосовершенствованию, самореализации личности;
- внутренними стимулами развития личности являются ее потребности, мотивы, интересы и установки;
- основой формирования потребностей, мотивов, интересов и установок личности являются внутренние противоречия, которые стимулируют активность личности, способствуют ее саморазвитию;
- внешними факторами саморазвития личности является воздействия среды и целенаправленное воспитание;
- внешние условия влияют на развитие личности не непосредственно, не прямо, а лишь проходя через ее внутреннюю сферу и порождая у нее соответствующие потребности, что обуславливает разнообразие и неповторимость личностного развития каждого человека, его индивидуальную самобытность;
- саморазвитие личности – это не самовольный, спонтанный, а целенаправленный процесс;
- идея саморазвития личности должна стать ведущей в практической деятельности школы и педагога (Дурминенко, Кормиш 1996, с.15).

Основой образовательной деятельности является усвоение научных знаний, интеллектуальное развитие, формирование умений и навыков личности. Конечно же, и усвоение знаний, формирование умений и навыков остаются в центре внимания педагога. Но “изменение образовательной парадигмы требует от учителя поиска новых идей, преодоления устоявшихся стереотипов, профессионального саморазвития и самоопределения. Учитель имеет возможность выбора новых форм и методов обучения, новых технологий и инновационных подходов. Выбор собственной профессиональной позиции определяет всю дальнейшую судьбу учителя, поэтому очень важно, чтобы он был сделан сознательно на основе личностной и профессиональной рефлексии. Решающая роль в осуществлении осознанного выбора принадлежит личностным качествам учителя” (Гальцева 2001, с. 19).

Многочисленные публикации по проблемам образования, анкетирование и опросы свидетельствуют о том, что самым сложным и необходимым процессом в деле подготовки учителя является ликвидация устоявшихся стереотипов деятельности, мышления и поведения, сложившиеся в условиях однообразной, идеологизированной системы образования и авторитарных методов обучения, которые господствовали долгое время в прошлом в отечественной школе (Алексюк 1997, с. 58-77).

Современное образование должно формировать демократически мыслящего, информированного и компетентного учителя, знакомого с новыми достижениями, научными и педагогическими дискуссиями на национальном и мировом уровнях. Ни одна профессия не требует от человека такого постоянного самосовершенствования, как от педагога. Изменилась не только сумма знаний, необходимая современному человеку, еще большие изменения произошли в способах изучения нового. Профессиональные качества учителей стали жизненно важным аспектом в процессе инноваций. Качество образования в большей степени стало определяться компетенциями учителей и возможностями их использования в образовательной практике. Профессиональные и личные качества педагога оказались в начале XXI века важнейшим условием и залогом успешного развития системы образования. Поэтому, не убегая от иррациональной проблематики, а благоразумно интерпретируя ее в контексте научно определенного знания, современный учитель должен формировать рациональное мышление и культуру, формировать научные знания о человеке, природе и

социальном мире, раскрывать его значение для личности, воспитывать в нем чувство своей личной причастности к миру не только как объекту социальных влияний, но и как их активного субъекта. Учитель должен постоянно быть уверенным в том, что для каждого человека важно участвовать в жизни коллектива, общества, выражать себя через свое творчество (Андрущенко 2001, с. 185).

Существенными чертами реформированного образования должны быть:

- отказ от претензии на формирование единого мировоззрения (выработка мировоззрения – это дело личностных усилий каждого человека);
- установка на равенство различных форм опыта (интеллектуально-познавательного, религиозно-мистического, нравственного, эстетического, практически-технического и др.);
- преодоление в педагогике псевдонаучной позиции абсолютного субъекта, когда педагог, на основе того, что он якобы обладает истиной, считает себя уполномоченным принимать решения за ученика и навязывать ему свою позицию;
- освоение учителями новой образовательной парадигмы, в которой учитель занимает позицию посредника между учеником и культурой;
- репрезентация науки в процессе обучения, с одной стороны, как одной из форм бытия культуры, а с другой – как полирациональной дисциплины, основанной на классической, неклассической и постклассической рациональности;
- рассмотрение культуры как полисистемного образования, которое аккумулирует в себе разногласия эпох, народов, мировоззрений, каждый из которых имеет свою уникальную ценность для современной цивилизации (Романенко 1998, с. 42-44).

Следовательно, в условиях модернизации современного общества одним из элементов социальных преобразований в Украине должна стать ориентация на информационное общество как модель социальной организации. Вместе с тем, процессы социальной модернизации и национально-государственного строительства могут осуществляться только на основе радикальных изменений культуры общества, его ценностных ориентиров и мотивов деятельности. В самом общем аспекте эти изменения относительно формирования и развития личностных характеристик современного учителя можно определить как форму принципиально нового типа его связи с обществом, культурой, в результате чего формируется новая социокультурная среда деятельности педагога. На первый план выходят процессы самодетерминации, самоопределения им собственных ценностных ориентиров на основе непосредственной интериоризации культурных ценностей, приобретают характер этического измерения индивидуального и социального бытия. «Именно такой тип детерминации поведения человека наиболее соответствует динамическим параметрам того социокультурного проекта, который сейчас реализуется в Украине в результате синтеза модернизационных и национально-государственных процессов» (Романенко 1998, с. 35).

Для современной общеобразовательной школы Украины, переживающей основательное реформирование, это может найти свое отражение в обновленных стандартах содержания образования национального и общеевропейского компонентов с учетом тенденции европейского и мирового развития. Поэтому повышение общей культуры учителя основывается на общих педагогических и дидактических принципах, основными из которых являются: гуманизм, демократичность, научность, практическая направленность, преемственность и непрерывность, поликультурность, интегрированность (Стельмахович 2002, с. 137-140).

Сейчас выделяют несколько образовательных или педагогических парадигм, в основе которых – мировосприятие и миропонимание учителей. Среди них: научно-технократическая, гуманистическая и эзотерическая (Колесникова 1995, с. 17-18; Перспективні освітні технології 2000, с. 30-31). Формирование новой парадигмы начинается в условиях, когда возникают проблемы, которые не могут быть решены и объяснены в

рамках существующей парадигмы. Переход от одной парадигмы к другой может длиться десятки лет. Это время падения авторитетов, моделей, методологий, теорий, мировоззрений, образов мира.

В основе научно-технократической парадигмы образования, которая определяет практику современной украинской школы, лежат:

- представление об истине как основе обучения, истине, которая доказана конкретным, научно обоснованным знанием. Достижение успеха искусственно лимитировано только для немногих «победителей». Все остальные обречены считать себя и результаты своей работы чем-то посредственным или менее стоимостным. Девиз этой парадигмы – «Знание – сила»;
- соревнования: результат оценивается в системе «да – нет», «знает – не знает», «воспитан – не воспитан», «владеет – не владеет» и т.п. Здесь всегда существует эталон, норматив, по которому сверяют уровень подготовки, образованности, воспитанности. Ценность конкретного индивида определяется по принципу «больше – меньше», «лучше – хуже», «сильнее – слабее», что и порождает атмосферу конкурентной борьбы, а выбор делается, как правило, в пользу сильного;
- линейный характер обучения: преподавание дисциплин напоминает подъем вверх без возможности вернуться назад и рассмотреть ту же проблему, но на более высоком уровне;
- ориентация на результат: все внимание фокусируется исключительно на результатах без учета их кратковременности. Оценки и рейтинги самоцель. Обучение имеет ценность только при условии, что вы добиваетесь определенных успехов. Процесс достижения результатов не имеет никакого значения и должен быть сокращен настолько это возможно, чтобы результаты были достигнуты как можно быстрее. Оценки не используются для прогнозирования и предвидения достижений (Перспективні освітні технології 2000, с. 60-62, с. 303-307).

Учителя, которые стремятся к самоактуализации, с энтузиазмом относятся к преподаванию своего предмета, могут пробудить к нему живой интерес, верят в возможности своих учеников, тепло относятся к людям, искренни в эмоциональных проявлениях и способны к сопереживанию, умеют укреплять в других чувства самоуважения, им присутствует чувство юмора. Направляясь к самоактуализации, они воспринимают процесс обучения как стимуляцию внутреннего роста, как условие духовного развития личности. Личность самоактуализируется, имеет свободную волю, способна сделать сознательный выбор. Поэтому каждый учитель, который стремится к самоактуализации, должен культивировать осознание себя субъектом выбора, ответственным за собственное поведение, эмоции, взгляды и т.д. Он должен научиться воспринимать себя как человека, который обладает адекватным потенциалом и берет на себя ответственность постоянно делать выбор, касающийся целей в жизни. Роль учителя предполагает создание особой атмосферы, способствующей свободному выбору и интеллектуальному развитию (Луговий 1995, с. 42-43).

Строя современную рыночную социально ориентированную экономику, создавая демократическое общество с мощным культурным потенциалом, государство неизбежно должно реформировать украинское учительство на принципах гуманитарной парадигмы образования. Поэтому в государственной национальной программе «Образование (Украина XXI века)» отмечается, что образование Украины следует вывести на уровень образования развитых стран мира через коренное реформирование ее концептуальных, структурных, организационных принципов; преодоление монопольного положения государства в образовательной сфере. Программа декларирует демократизацию образования, переход к государственно-общественной системе управления ею, открытость системы, интеграцию в мировые структуры, вариативность образования, а значит и переход к новой –

гуманистической парадигме образования (Державна національна програма «Освіта» 1994, с. 23).

Для гуманистической парадигмы образования характерны такие основные идеи и принципы:

- признание первостепенности процесса познания, т. е. процесса нахождения каждым истины. Важно привлечь ученика к процессу поиска. Целью школы и общества является неограниченное, постоянное совершенствование и достижения успеха. Девиз этой парадигмы – «Познание – сила». Особое значение приобретает индивидуализированное, субъективное знание, у которого всегда есть собственный автор;
- ценность сотрудничества: педагогический процесс строится как диалог или полилог и является богатым на импровизации;
- ориентация на процесс: результаты являются важными, но процесс достижения этих результатов не менее важен;
- любовь к ребенку становится атрибутом профессионализма. Она порождает веру в творческие возможности ребенка. В отличие от старой парадигмы, в которой все постоянно сравнивается, новая парадигма предлагает равенство и доверие к познавательным возможностям всех детей. Здесь отсутствуют рейтинги, стандарты образования и экзамены. Важным является то, что созданы условия для успешного развития ребенка;
- характерной чертой образования является новая модель управления образовательным процессом за счет помощи и обеспечения лидерства и предусмотрительности, позволяющий учителям и ученикам гордиться их общей работой и чувствовать радость в процессе этого постоянного совершенствования, в отличие от технократической парадигмы, где управление осуществляется за счет угодливости, контроля и команд, где существует авторитаризм и иерархия;
- школьное обучение не ограничивается учебными программами, оно рассматривается как основа для трехмерного обучения: такого, которое характеризуется широким мировоззрением, глубиной знаний и постоянным их обновлением;
- образование существует для того, чтобы породить все новые и новые знания, а не для того, чтобы знать правильные ответы и запоминать информацию. Ученики черпают знания от учителей, от общества и из других источников;
- в отличие от технократической модели, где родители не доверяют школе, в гуманистической парадигме родители являются партнерами школы, оказывают образованию материальную и моральную поддержку. Они составляют с учениками единое целое в их движении. Еще одним материальным и моральным фактором выступает бизнес. Он становится партнером, не имея в виду прямой коммерческой выгоды. Общество в рамках новой парадигмы заинтересовано в школе и не жалеет ни времени, ни средств на улучшение образования в целом;
- ученики являются продуктом своей собственной деятельности, постоянно расширяют круг своих интересов, развивают свои способности и характер, добиваются их ежедневного совершенствования и помогают другим делать то же;
- различаются между собой преподавание и обучение. В новой модели образования учитель выступает лидером, а ученик – работником, занимая при этом активную позицию. Среда обучения является гибким как по времени, так и по месту. Гибким является и формирование групп. Различные предметы учащиеся могут изучать с разными группами учащихся. Обучение распространяется на все аспекты жизни. Предметы изучаются в их тесной взаимосвязи. Часто обучение проходит по индивидуальным программам;
- методы оценки знаний обучающихся разные и допускают право выбора их самими учащимися. Анализируя системы, делают упор на «умеет сделать», в

отличие от существующей модели образования, в которой подчеркивается «не умеет сделать»;

- оценка способностей проводится постоянно и коллегиально с учетом профессионального развития. Считается, что каждый может и будет учиться, в то время как в существующей модели образования придерживаются мнения, что не каждый может учиться;
- оценка производится по совокупности выпускных стандартов, а не по шкале стандартных тестов (Беланова 2001, с. 169).

Но какими бы идеальными не были замыслы, реализовывать их будет учитель. От его совести, профессионализма, желания, сознания зависит все: и личностно ориентированное обучение, и «субъект-субъектные» отношения, и воспитание в духе демократии и для демократии и др.

Анализируя личность учителя, А. Маслоу отмечал, что эффективными являются те учителя, которые отличаются тенденцией к самоактуализации как процесса, в котором творческое «Я» желает реализовать себя, постоянно стремится к росту собственных возможностей и повышения качества своей деятельности. Личность, самоактуализируется, по мнению А. Маслоу, имеет большую «свободу воли» и менее детерминирована извне. Она способна адекватно оценить собственные силы и возможности, осуществить выбор целей и задач, которые решает на высоком качественном уровне. У нее отсутствует неоправданная тревога при выборе и реализации целей. Она способна самостоятельно ставить новые цели и изменять их, если изменились условия деятельности (Анциферова 1973, с. 176).

Образование, безусловно, является одним из самых влиятельных среди внутренних и внешних факторов формирования политической и моральной культуры не только учителя, но и всех граждан Украины. Педагогические учебные заведения имеют широкое поле деятельности по формированию общего уровня культуры современного учителя. Среди агентов влияния здесь можно отметить общие курсы политологии, специальные курсы для студентов, студенческое самоуправление, студенческие и молодежные организации, средства коммуникации, к которым относятся и студенческие издания, вузовские административные единицы (деканаты по работе со студентами, наблюдательные комиссии, воспитатели, кураторы), профсоюзы и, конечно, преподаватели. Именно они должны прежде всего обеспечить надлежащий уровень формирования и развития личностных характеристик современного учителя. Если государство и общество стремятся иметь сознательного образованного учителя, они должны позаботиться об этом заранее, еще в годы обучения будущих учителей в высших учебных заведениях страны. Учитывая это современное педагогическое образование должно стать той отраслью социокультурной жизнедеятельности, где происходит становление духовно зрелой, свободной личности, способной отвечать за судьбу цивилизации и культуры, защищать общечеловеческие ценности, творить целостный гуманный мир.

Приоритетным направлением обновления содержания учебно-воспитательного процесса является гуманизация образования, основанная на гуманистических ценностях. Поэтому в современных учебных заведениях Украины авторитарно-дисциплинарные модели обучения меняются на личностно-ориентированные. Внедрение последних обеспечивает создание условий для творчества, саморазвития и самовыражения учителя, выработку в них желания и умения всегда быть необходимым, полезным ученикам, своему народу, Родине. Следовательно, прежде всего надо внедрять личностно-ориентированный подход к педагогу, чтобы он был и всегда оставался профессионалом, способным обучать и воспитывать других. Ведь личностно-ориентированное образование – это изменение мировоззрения учителя и одновременно особая методика преподавания и воспитания. Кроме того, это еще и новая педагогическая этика, которая опирается на взаимопонимание, взаимоуважение, творческое сотрудничество (Підласий 2000, с. 23-25).

Современный учитель должен постоянно совершенствовать собственное педагогическое мастерство еще и для того, чтобы владеть новейшими педагогическими

технологіями, методиками і теоретически-практическими знаннями. Следує підчеркнути, що сучасне стання обування в висших учесних заведеннях оснвується переважно на використанні теоретических положення педагогіки середньої і висшої школи. Совершенствование педагогіческого мастрства по своєї специфіці являється процесом обування учаселів, імеючих спеціальне обування. Целю такого усосершенствования являється перестройка устаресших стереотипів діяльносці, консервативних взглядов, позицій спеціаліста, уже получивших спеціальне обування. Вмесє с тем підвищення педагогіческого мастрства в условиях розвитку української школи должно бить направлено на расширение інтелектуальної осведомленности, обновление і сущесвенне доповнення ранес полученних знанья психолого-педагогіческого цикла, изучение нових технологій організації педагогіческого взаємодія, обобщение і внедрение передового педагогіческого опыта.

Вот почему задача сучасного педагога заключається в том, чтобы расвить в себе эту грань отношений к собсвенной личности, оснванную на самооценке. Самоотношение являється центральною ссоставляюсцей эмоціоноальной сферы личности. Учитель должен помнить о том, что его важным качесством являється самоуважение – личное ценностное суждение о себе. Самоуважение формируется на основе отношения окружаюсщих к личности, і как таковая являється основой чувсва собсвенного достоинсва.

Следовательно, основная роль в підвищенні моральної культури учителя принадлежит решению вопроса о выборе им моральных норм і ценностей. Ведь только в таком случае личность несет ответственность за свою діяльносць, активносць, направленную на собсвенное самососершенствование. Важным условием саморазвита являється расвертывание сущностных характеристик учителя, выход за пределы імеюсщихся ценностей, возможностей, идеалов. Его поведение возможно при условии методологіческой рефлексии, выступаюсщей как средство організації і регулірования учебно-воспитательной діяльносці учителя (Бодня 2003, с. 123).

Культура і обування являються теми сферами, через которые осущесвляется процесс развития і становления личности. Для того чтобы бить высокообразованным спеціалістом, учителю необходимо постоянно підвищать уровень не только политической і моральной культуры, но і эстетической. Ведь выход из кризисной ситуации, в которой оказался сучасный учитель, предусматривает развитие духовности, художественного вкуса личности. Конечно, следує підвищать вцелом культуру любого спеціаліста, а не только учителя. Но культура последнего – прежде всего. Ведь он являється не только спеціалістом, но і человеком, который призван формировать духовный мир других членов общества. Учсывая это, сейчас главной задачей обування являється воспитания эстетического вкуса, чувсва меры, умение творчески мыслить, ценить прекрасное.

Литература:

АЛЕКСЮК, А., 1997. Концепція вихідних засад демократизації навчального процесу в освітніх закладах України. Концептуальні засади демократизації та реформування освіти в Україні. *Педагогічні концепції*. Киев: Вища школа, с. 58-77.

АНДРУЩЕНКО, В. П., 2001. Реальність освіти: проблема де міфологізації. *Практична філософія*. №1 (2), Київ: Наукова думка, с. 183, 185.

АНИЦИФЕРОВА, Л. И., 1973. Психология самоктуализирующей личности в работах Абрахама Маслоу. *Вопросы психологии*. , № 4, Москва, Просвещение, с. 176.

БСЛАНОВА, Р. А., 2001. Гуманізація та гуманітаризація освіти в класичних університетах (Україна – США). Монографія. Киев: універс. в-во “Пульсари”, с. 169.

БОДНЯ В., 2003. Художня творчість і тенденції соціокультурного руху сучасності до проблеми нових форм художньої освіти в реаліях сучасності. *Творчість у контексті розвитку людини*: Тези наук. конф. Київ, Вища школа, с.123.

ГАЛЬЦЕВА, Т. О., 2001. Історична свідомість як мета історичної освіти. *Нива знань*, № 4, Київ: Вища школа, с. 19.

ГОРБАТЕНКО, В. П., 1999. Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть. Киев: Академія, с. 183.

- Державна національна програма "Освіта" (Україна ХХІ століття), 1994. Київ Райдуга, 61 с.
- ДУРМИНЕНКО, Є. А.; КОРМИШ, Л. І., 1996. Саморозвиток як творення особистості. *Педагогічний пошук*, № 12. Київ: Академія, с. 15.
- КОЛЕСНИКОВА, И. А., 1995. Педагогические цивилизации и их парадигмы. *Педагогика*, № 6, Москва: Просвещение, с. 27-28.
- ЛУГОВИЙ, В. І., 1995. Тенденції розвитку педагогічної освіти в Україні: *Автореферат дис. д-ра пед. наук*. Київ: АПН України, 42 с.
- Перспективні освітні технології, 2000. *Наук.-метод. посіб.* /за ред. Г. С. Сазоненко. Київ: Гопак, 560 с.
- ПІДЛАСИЙ, І., ПІДЛАСИЙ А., 2000. Педагогічні інновації. *Рідна школа*. № 12, Київ: Рідна школа, с. 23-25.
- РОМАНЕНКО, М. І., 1998. Освіта як об'єкт соціально-філософського аналізу. Донецьк: Промінь, с. 35; 42-44.
- РУДЕНКО, Ю, 1996. Концепція формування світогляду громадянина України: Проект. *Освіта*. 20 листопада, Київ: Освіта, с. 8-9.
- СТЕЛЬМАХОВИЧ, М., 2002. Українська родинна педагогіка . *Українські новини*. 6 вересня. Київ: Освіта, с. 137-140.

Volodymyr Kovalchuk

Drohobych Teacher Training University named after I. Franko, Ukraine

Research interests: the modernization of contemporary teacher education, pedagogical conditions of professional and pedagogical culture of primary school teachers, psychological and pedagogical foundations of individualization of the learning process of junior school students with different mathematical achievements

THE MAIN DIRECTIONS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE MODERN TEACHER

Summary

In the article basic directions of formation and development of personal characteristics of the modern teacher are defined. It is pointed out that the modernization of society and assertion of democratic values require significant changes in the outlook, self-estimation and self-consciousness of a modern school teacher. The scientific and technocratic paradigm of education that defines the practice of modern Ukrainian school is defined. It is proved that modern education should form a democratically-minded, well-informed and competent teacher who is familiar with new achievements, scientific and educational discussions on national and global levels. Basic ideas and principles of the humanistic education paradigm are disclosed.

KEY WORDS: personal characteristics, the modernization of society, democratic values, worldview, self-awareness, self-realization, modern education, educational paradigm, democratization of education, professional development

Roma Kriaučiūnienė

Vilniaus Universiteto Užsienio kalbų institutas, Lietuva

Universiteto g. 5, 01513 Vilnius, Lietuva

El. paštas: roma.kriauciuniene@tvm.vu.lt

Moksliniai interesai: *būsimųjų užsienio kalbų mokytojų dorinių nuostatų ugdymo galimybės universitete, optimalus užsienio kalbų mokymo/si proceso panaudojimas asmenybės ugdymui.*

STUDENTŲ KRITINIO MĄSTYMO GEBĖJIMŲ UGDYMO ASPEKTAI ANGLŲ KALBOS MOKYMO(SI) PROCESO METU

Straipsnyje aptariami kai kurie užsienio kalbų studentų kritinio mąstymo ugdymo galimybių aspektai anglų kalbos mokymo(si) proceso metu. Straipsnis grindžiamas ugdymo projekto, atlikto remiantis būsimųjų užsienio kalbų mokytojų dorinių nuostatų diagnostinio tyrimo rezultatų analize, duomenimis. Ugdymo projekto tikslas – atskleisti ir eksperimentiškai patikrinti būsimųjų užsienio kalbų mokytojų dorinės nuostatos ugdymo edukacines prielaidas universitete. Tyrimo rezultatų analizė leido nustatyti, jog viena iš prielaidų yra - būsimųjų užsienio kalbų mokytojų gebėjimų priimti moralinius sprendimus plėtojimas, glaudžiai siejamas su studentų kritinio mąstymo gebėjimų ugdymu.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: *būsimieji užsienio kalbų mokytojai, kritinis mąstymas, dorovinės vertybės, moraliniai sprendimai*

Įžanga.

Žinių visuomenės plėtra ir su ja susijusi kalbų svarba naudojantis informacija ir moksliniais ištekliais, skatina užsienio kalbai priskirti komunikacinę, t.y. informacijos priėmimo ir perdavimo funkciją, tačiau reformuojant Lietuvos mokyklos ugdymo turinį, vis didesnę svarbą įgauna ir užsienio kalbos, kaip asmenybės ugdymo, funkcija. Pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrojoje programoje (2008) vienu svarbiausių ugdymo tikslų laikomas mokinių dorinių nuostatų, grindžiamų asmens orumu ir pagarba kiekvienam asmeniui, plėtojimas ne tik per dorinę, bet ir kalbinę (gimtosios, valstybinės, užsienio kalbos), socialinę, gamtamokslinę, matematinę ir kitas ugdymo sritis. LR Valstybinėse švietimo strategijos 2003 – 2012 (2003) metams nuostatose teigiama, kad mokyklos reforma išryškino užsienio kalbų mokymosi ir mokėjimo svarbą asmenybės brandai, dalijantis informacija bei sociokultūrinėmis vertybėmis su kitais žmonėmis. „Kalbų mokymo politikos apraše“ (2006) pažymima, kad kalbų mokymas yra ta sritis, per kurią gali būti plėtojami tarpkultūrinio demokratinio gyvenimo įgūdžiai, glaudžiai sietini su asmens kritinio mąstymo ir gebėjimų priimti moralinius sprendimus plėtote.

Dublino apraše (2004), kuriame apibūdinami kvalifikacijos standartai, taip pat pabrėžiama, kad būtina plėtoti universiteto absolventų gebėjimą priimti sprendimus, kritiškai mąstyti ir integruoti žinias, priisiimant socialinę ir etinę atsakomybę už savo sprendimus profesinėje aplinkoje. Todėl rengiant būsimuosius užsienio kalbų mokytojus būtina pratinti juos reflektuoti, kritiškai mąstyti, ieškoti galutinio sprendimo varianto, atsižvelgiant į vertybes kaip esminį vertinimo kriterijų (Bailey 1997; Mergler 2008; Farrel 1998; Lange 1990). Teigiama, jog mokytojai, kurie savo veiklą apmąsto kritiškai, keičia savo nuostatas ir suvokimą, yra profesionaliesni ir jų santykiai su studentais humaniškesni (Richards 2008). Atsižvelgiant į tai, labai svarbu universitete tinkamai panaudoti organizuojamą kalbinę veiklą – puoselėti užsienio kalbų studentų ne tik komunikacinę, lingvistinę, kultūrinę kompetenciją, bet taip pat ir plėtoti kritinio mąstymo gebėjimus, kaip būtiną moralinių sprendimų priėmimo prielaidą.

Kritinis mąstymas, kaip teigia S. Hurtado, M. J. Mayhew, M. E. Enberg (2003), įgalina išvelgti moralinių problemų esmę. Gebėjimas kritiškai mąstyti – būtina sąlyga formuoti brandžiai, mąstančiai, savarankiškai asmenybei šiuolaikinėje kintančioje visuomenėje (Duoblienė 2007;

Rimienė 2006). Tokį mąstymą linkstama apibūdinti kaip pagrįstą, refleksyvią mąstymą, apsisprendžiant kuo tikėti ir kaip elgtis (Ennis 2000), kaip tikslingą savireguliacinį sprendimų priėmimo procesą, kuris reiškiasi interpretuojant, analizuojant, vertinant, darant išvadas, grindžiant sprendimą argumentais, orientuojantis į universalias (teisingumo, sąžiningumo, pagarbos) vertybes (Facione 1990; Elder 2007). Šiam mąstymui būtini įgūdžiai (problemų identifikavimo, interpretacijos, analizės, vertinimo, išvadų darymo, paaiškinimo, savireguliacijos, galimų sprendimų bei pasekmių numatymo, vertybinių sprendimų priėmimo) ir dispozicija – nuolatinė vidinė motyvacija spręsti problemas pritaikant kritinio mąstymo įgūdžius. R. H. Ennis išskiria šias pagrindines kritinio mąstymo dispozicijas: tiesos siekimą, sąžiningą ir aišką savo pozicijos išdėstymą, orumo ir pagarbos vertybių laikymąsi, rūpinimąsi kitų gerove, kiti autoriai (Facione 1997) – tiesos siekimą, nešališkumą, analitiškumą, sistemingumą, pasitikėjimą savimi, smalsumą, brandumą. Teigiama, kad taip mąstantis žmogus ne tik turi visus būtinus kritinio mąstymo įgūdžius, bet ir pasižymi nuolatinė vidine motyvacija juos naudoti. Tokie gebėjimai ir dispozicijos turi būti ugdomi ir taikomi ne tik kritinio mąstymo kursų metu, bet nuolatos integruojami į kitas disciplinas (Ennis 2000), nes kritinis mąstymas taikytinas visose srityse sprendžiant įvairias problemas ir glaudžiai siejamas su kitomis mąstymo rūšimis: moksliniu, istoriniu, matematiniu, ekonominiu, antropologiniu, filosofiniu ir moraliniu.

Lyginant su kitomis disciplinomis, išskirtines užsienio kalbų galimybes plėtoti ne tik komunikacinę, lingvistinę, kultūrinę kompetencijas, bet ir ugdyti besimokančiųjų gebėjimą kritiškai mąstyti ir priimti moralinius sprendimus pabrėžia daugelis šiuolaikinių užsienio šalių edukologų (Pappenheim 2006; Popovici 2006; Fenner, Newby 2006 ir kt.). Užsienio kalbos refleksyvaus mokymosi metu besimokantieji praplečia ne tik užsienio kalbos žinias, bet praturtina save kaip asmenybes: reflektuojant apie savo ir kitų kultūrų vertybes plėtojami kritinio mąstymo gebėjimai, žadinamos prasmingos emocijos, keičiami požiūriai, įsitikinimai. Refleksyvaus mokymo(si) metu atrandamos naujos prasmės, kitokia savęs interpretacija, kitaip tariant, hermeneutinės refleksijos ar refleksyvios hermeneutikos metu vyksta *savojo aš* ir prasmės kūrimas (Pollard 2006; Ricoeur 1992, cit. Fenner 2006). Tačiau toks meta lygmens užsienio kalbos mokymasis nėra plačiai taikomas, nes prioritetas dažniausiai teikiamas tik kalbinių gebėjimų ugdymui. Atsižvelgiant į tai **tyrimo objektu** buvo pasirinkta būsimųjų užsienio kalbų mokytojų moraliniai sprendimai ir jų ugdymo galimybės universitete. **Šio straipsnio tikslas** - atskleisti užsienio kalbų mokymo/si proceso galimybes plėtoti užsienio kalbų studentų kritinio mąstymo gebėjimus pratinant juos priimti moralinius sprendimus. Šis tikslas konkretizuojamas tokiais **uždaviniais**: 1) apžvelgti moralinių sprendimų plėtojimo galimybes ir būtinybę šiuolaikiniame universitete; 2) aptarti ugdymo projekto paskirtį, kūrimą ir rezultatus.

Tyrimo taikyti metodai:

1. *Teoriniai*: mokslinės literatūros apie dorinių nuostatų ugdymą analizė, lyginimas ir vertinimas.

2. *Ugdymo projektas*: ilgalaikis tiesioginis stebėjimas, rašinys, pokalbis, diskusija.

Numatant ugdymo projekto programą buvo pasiremta šiomis **metodologinėmis nuostatomis**:

Humanistinės psichologijos ir pedagogikos nuostatomis, pagal kurias žmogaus (kokį turime) esybė yra jo pastangų, kurias lemia individualios savybės ir ugdymo bei aplinkos sąveikos rezultatas. Ugdymas ir saviugda – svarbiausieji žmogaus tapsmo veiksniai; ugdant skatinamos žmogaus pastangos tobulėti, vertinant ugdytinį kaip asmenybę, jį pripažįstant, juo tikint ir pasitikint, sukuriama palankios sąlygos jų asmenybės savirealizacijai, aukščiausiųjų vertybių pasirinkimui.

Kognityvios psichologijos idėjomis apie asmenybės kognityvios ir moralinės raidos stadijų paralelizmą, kognityvių procesų svarbą sprendžiant moralines dilemas, apie pažinimo gebėjimus apsprendžiančius loginio mąstymo charakteristikas: samprotavimą, abstrahavimą, konceptualizavimą, konstruktyvios vaizduotės galias, kurių pagrindu konstruojami praktinę veiklą numatantys argumentai.

Neokognityvios teorijos atstovų požiūriu į moralinį sprendimą kaip praktinę nuostatos išraišką, kurios pagrindu vyksta asmens esamų ir menamų galimybių vertinimas; kad moralinis sprendimas yra vertinamasis sprendimas, kad asmuo, priimdamas vertinamuosius sprendimus, išreiškia savo nuostatas.

Konstruktivizmo teorija teigiančia, kad kiekviena asmenybė yra savitai sukonstruota individualybė, negalinti egzistuoti atskirai, tad žmonių elgesio intencijos yra kolektyvinės savo turiniu, tokiu būdu socialinė realybė visų palaikoma. Grupės nariai savo socialinį vaidmenį atlieka santykiyje su kitais, todėl reikalavimas gerbti orumą ir gerbūvį reguliuoja ne tik individo, bet taip pat ir grupės gyvenimą. Priimant sprendimus, siūloma vadovautis bendruoju gėrio principu, tokiu būdu apsaugant kiekvieno individo orumą ir pliuralistinių bendruomenių sąžiningumą.

Kalbinės veiklos teorija, apimančia kalbos žinių, mokėjimų, įgūdžių, filologinės ir kultūrinės besimokančiojo patirties nuolatinę harmoningą jungtį, siekiant viso (žodžiu ir raštu) suvokimo, minčių taisyklingos ekspresijos, raiškos; užtikrinančios kalbinės veiklos pažinimo vidinių ir išorinių ypatumų darną, t. y. nuo racionalaus loginio – prie emocinio, intuityvaus, sielos lygio pažinimo (mintys, jausmai, valia, vaizduotė) ir pagaliau – prie dvasinio bendravimo (vertybių, siekių).

Gebėjimų priimti moralinius sprendimus plėtojimas

Moralinis sprendimas išreiškia asmens dorines nuostatas, atskleidžia, ar asmuo sprendimo priėmimo metu geba vadovautis dorovinėmis vertybėmis, ar numato jo asmenines ir socialines pasekmes, ar prognozuoja ir modeliuoja savo veiklą atsižvelgdamas į dorovines vertybes. Psichologijos žodyne (1993) sprendimas apibūdinamas kaip mintinių operacijų, mažinančių pradinį probleminės situacijos neaiškumą, atlikimas ir jo procese skiriamos trys stadijos: sprendimo ieškojimo, sprendimo priėmimo ir sprendimo realizavimo. Sprendimo priėmimas įvardijamas kaip pasirinkimo situacijoje vykstantis valingas nuoseklių veiksmų formavimas, pagrįstas turimos informacijos pertvarkymu ir kreipiantis į tikslą. L. Jovaiša (2007) pabrėžia, jog sprendimas priimamas vadovaujantis koku nors kriterijumi, kuriuo gali būti poreikis, nauda, aspiracijų lygis ar dorovės norma ir pan.

Remiantis daugelio autorių (Jovaiša 2007; Farrel 1998; Lange 1990; Bailey 1997; Mergler 2008; Hurtado, Mayhew, Enberg 2003) mintimis, pedagogai bet kokioje sudėtingoje situacijoje turi mokėti pagrįsti klasėje priimamus sprendimus, pateikti argumentus, grindžiamus moralės principais ir normomis. Todėl siekiant plėtoti mokytojų moralinių sprendimų ieškojimo ir priėmimo gebėjimus, visų pirma būtinos žinios apie dorovines vertybes, nes tik jas įsisavinus ir pasiekus internalizacijos kognityvų lygmenį, įmanomas moralinių sprendimų priėmimas (Lind, 1985, 2001, 2005; Naylor 1998). Tačiau vien tik žinių neužtenka, nes būtinas gebėjimas jas pritaikyti moralinio sprendimo priėmimo metu, o toks gebėjimas pasiekiamas kritiškai apmąstant savo patirtį, vertinant savo santykius su kitais, vertybes ir kt.

Lavinant asmens moralinių sprendimų gebėjimus reikalingos ilgos ir intensyvios studijos bei tam tinkami metodai (Narvaez 2001). Pagrindiniais laikomi aktyvūs mokymo(si) metodai: diskusijos, rolių atlikimas, moralinių dilemų svarstymas, panaudojant mokymo turinį moralinėms problemoms spręsti, kurie taip pat yra palankūs ir asmens kalbinių gebėjimų plėtočiai. Manoma, kad geriausia būdas suaugusiems žmonėms mokytis užsienio kalbos – sprendimų autentiškoms gyvenimiškoms situacijoms paieška. Tokiu būdu didinama studentų motyvacija, plėtojami užsienio kalbos bei kritinio mąstymo įgūdžiai, žadinamos emocijos (Cotton, Falvey, Kent, 2008).

Kognityviosios moralinio asmens vystymo strategijos požiūriu (Berkowitz 1997; Huitt 2004), studentai, sprenddami moralines dilemas, gali pasiekti aukštesnį moralinio samprotavimo lygmenį. Pagal šią strategiją ugdymo procese orientuojamasi į universaliuosius moralės principus (sąžiningumo, teisingumo, orumo). Tuo pačiu pripažįstama, kad vertybės gali būti reliatyvios, sąlygojamos tam tikro situacijos konteksto, bet individo pritaikomos, priklausomai nuo jo kognityviojo lygmens. Ši strategija skatina studentus argumentuoti savo vertybinį pasirinkimą, pasiekti aukštesnį asmens moralinio samprotavimo lygmenį.

Moralinių sprendimų strategijos turi aiškius kriterijus: empatiškumo (kad asmuo suvoktų, jog jo veiksmai daro įtaką kitiems); priešasčių-pasekmės ryšio (tai padeda stiprinti moralinę motyvaciją), prioriteto teikimo dorovinėms, o ne personalinėms vertybėms (Benninga 2003). Manoma, jog šie kriterijai padeda įpratinti asmenis spręsti dilemas atsižvelgiant į kitų žmonių interesus, pasekmes, vertybių konfliktus, išpareigojimus (Bebeau, Pimple, Muskavich, Borden, Smith 1995). Todėl pratinant studentus priimti moralinius sprendimus, mokymo(si) procese būtina stimuliuoti studentų moralinę vaizduotę, skatinant juos apmąstyti, kaip vieni ar kiti jų sprendimai paveiktų suinteresuotas puses, kokias pasekmes jie turėtų kitiems žmonėms.

Ugdymo projekto paskirtis ir kūrimas

Ugdymo projekto programa buvo kuriama ir įgyvendinama remiantis būsimųjų užsienio kalbų mokytojų diagnostinio tyrimo, kurio metu buvo siekta atskleisti dorinės nuostatos (kognityviojo-prasminio, emocinio-vertinamojo ir konatyviojo) komponentų lygmenis bei respondentų požiūrį į užsienio kalbų studijas universitete bei į mokytojo kompetencijas, rezultatų analize. Būsimųjų užsienio kalbų mokytojų požiūrio į užsienio kalbų mokymo procesą universitete tyrimo duomenys parodė, kokie mokymo metodai¹ yra dažniausiai naudojami užsienio kalbų studijų metu. Pirmoje vietoje būsimųjų užsienio kalbų mokytojų požiūriu plačiausiai (beveik trečdalis tą nurodė) naudojami monologo metodai. Suprantama, jog šio pasyvaus metodo pagalba mokymo dalyviai įgyja žinių, tačiau patys procese dalyvauja tik kaip informacijos gavėjai (Teresevičienė, Gedvilienė, Zuzevičiūtė 2006). Antroje vietoje – bendradarbiavimo (diskusija, debatai, grupinis mokymasis, darbas poromis), arba aktyvaus mokymo(si) metodai, kuriais užsienio kalbų mokymo(si) metu paprastai siekiama įtvirtinti gautas žinias, formuoti kalbinius gebėjimus. Tyrimas taip pat parodė, jog trečioje vietoje iš klasikinių mokymosi metodų dažniausiai užsienio kalbų studentų buvo išskiriami percepciniai ir mneminiai bei praktiniai operaciniai metodai; ketvirtoje – atgaminamieji (atpasakojimas, kartojimo/tikrinimo pokalbis, atgaminamojo tipo rašiniai) metodai, sudarantys apie dešimtadalį visų kitų išvardintų metodų. Studentų kritinį mąstymą lavinantiems probleminiams (probleminio dėstymo, probleminio pokalbio, kūrybinių rašinių) metodams universitete skiriama labai mažai dėmesio. Dėstymo metodų svarbą metakognityviems įgūdžiams skatinti mokantis užsienio kalbų akcentuoja J. Suchanova (2006), ypač pabrėždama refleksijos bei problemų sprendimo metodų taikymą. Teigiama, kad svarstant moralines problemas ugdomas asmens kritinis mąstymas, žadinami emociniai išgyvenimai bei lavinama vaizduotė. Refleksijos metodo taikymas yra būtinas nuolatiniam mokytojų mokymosi procese kvestionuojant, racionalizuojant savo įsitikinimus ir nuostatas. Kiti tyrėjai (Zuzevičiūtė 2004) taip pat atkreipia dėmesį į tai, kad aukštojoje mokykloje turi būti sudarytos sąlygos aktyviam mokymuisi – informacijos transformavimui į žinias, vertybes ir įsitikinimus. Atsižvelgiant į minėtųjų mokslininkų nuomonę bei diagnostinio tyrimo rezultatus nuspręsta ugdymo projekto metu dažniau taikyti į studento veiklą orientuotus mokymo(si) metodus (bendradarbiavimo, probleminius, refleksijos, dilemų sprendimo), skatinančius studijuojančiųjų raišką metakognityviu, kognityviu, emociniu lygmenimis ir sudarančius galimybę lavinti studentų kritinio mąstymo gebėjimus kaip būtiną moralinių sprendimų priėmimo prielaidą.

Diagnostinis tyrimas taip pat atskleidė, kad, darydami sprendimus, būsimieji užsienio kalbų mokytojai nėra linkę orientuotis į dorovines vertybes ir jomis remdamiesi svarstyti galimų veiksmų asmenines ir socialines pasekmes (vyrauja žemo arba vidutinio lygmens sprendimai)². Nors

¹ Grupuojant tiriamųjų išskirtus užsienio kalbų mokymo metodus, remtasi klasikine mokymo ir mokymosi metodų klasifikacija (Jovaiša, Vaitkevičius, 1989; Jovaiša, 1994, 2007), orientuojama į asmens *savarankiškumo* ir *kūrybiškumo* ugdymą o taip pat *metodais, daugiau orientuotais į mokinių veiklą* (L. Šiaučiukėnienė, O. Visockėnė, P. Taliūnienė, 2006) ir tinkančiais užsienio kalbų mokymuisi – skaitymo, rašymo, klausinėjimo, bendradarbiavimo ir kt.

² Plačiau skaitykite: Kriauciūnienė, R. (2008). Būsimųjų užsienio kalbų mokytojų moraliniai sprendimai, kaip dorinės nuostatos išraiška. *Mokytojų ugdymas*. ISSN 1822-119X. Nr. 11 (2). Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla, p. 56–70.

tiriamieji ir linę orientuoti į pokonvencinį L. Kohlberg'o moralinio samprotavimo lygmenį (penktąją ir šeštąją stadijas), tačiau sprenddami moralines dilemas nesugeba nuosekliai taikyti moralės principų bei normų. Todėl buvo nuspręsta, kad ugdymo projekto metu tikslinga įtraukti moralinius sprendimus į projekto turinį, studentams sudarant galimybes įprasti dažniau spęsti moralines dilemas, grindžiamas dorovinėmis vertybėmis. Koreliacinė diagnostinio tyrimo duomenų analizė išryškino sąsajas tarp moralinių sprendimų ir dorovinių vertybių svarbumo įprasminimo, todėl manyta, jog projekto metu būtų tikslinga skirti daugiau laiko gilesniam dorovinių vertybių prasmės atskleidimui, kaip potencialiai moralinių sprendimų tobulinimo prielaidai.

Ugdymo projekto programos išėities tašku buvo laikomas pratinimas ieškoti optimalių sprendimo variantų ir juos priimti, tam pasitelkiant ne tik anglų kalbos mokymo turinį, bet ir aktyvius mokymo(si) metodus, suponuojančius prasmingą interakciją akademinėje grupėje. Taip pat buvo siekiama lavinti ne tik studentų kalbinės komunikacijos, bet ir kritinio mąstymo gebėjimus, kaip būtiną moralinių sprendimų priėmimo sąlygą.

Ugdymo projekto dalyviais buvo pasirinkti 30 diagnostiniame tyrime dalyvavusių VU Užsienio kalbų instituto anglų kalbos ir anglų kalbos mokymo programos antro kurso studentų. Ugdymo projekto trukmė – trys mėnesiai – 2007 metų gruodžio, 2008 metų vasario ir birželio mėnesiai.

Ugdymo projekto programos elementais laikyta: projekto *tikslas*, *uždaviniai*, *turinys*, *metodai ir principai*.

Šio projekto pagalba siekta apibręsti ir praktiškai patikrinti kai kurias būsimųjų užsienio kalbų mokytojų dorinių nuostatų ugdymo prielaidas universitete. Tad ir ugdymo projekto *tikslas* buvo – atskleisti ir eksperimentiškai patikrinti būsimųjų užsienio kalbų mokytojų dorinės nuostatos ugdymo edukacines prielaidas universitete. Šiame straipsnyje pateikiamas vienas ugdymo projekto etapas, kurio *tikslas* buvo: plėtoti projekto dalyvių gebėjimus priimti moralinius sprendimus, o šiam tikslui pasiekti buvo keliami šie uždaviniai: 1) padėti projekto dalyviams įsisąmoninti dorovinių vertybių reikšmę ieškant tarpasmeninių problemų sprendimų; 2) skatinti studentus ieškoti moralinio sprendimo variantų; 3) pratinti priimti optimalius moralinius sprendimus. Šių uždavinių įgyvendinimui buvo nagrinėtos *temos*: „*Tarpasmeninių problemų sprendimų paieška*“ ir „*Sprendimų priėmimas – tarpasmeninių santykių reguliavimo sąlyga*“. Įgyvendinant pirmąjį uždavinį - padėti projekto dalyviams įsisąmoninti dorovinių vertybių reikšmę ieškant tarpasmeninių problemų sprendimų, buvo pasirinkta „*Tarpasmeninių problemų sprendimo paieška*“ tema, kuria siekta skatinti projekto dalyvių orientaciją į dorovines vertybes (sąžiningumo, atsakingumo, jautrumo, pakantumo) ir sykiu plėtoti studentų praktinius kalbinius gebėjimus. Remiantis daugelio anglų kalbos mokymo(si) vadovėlių autoriumi D. Cotton'u, geriausias būdas išmokti kalbą – sukurti realias gyvenimiškas, aktualias situacijas, kuriose asmuo galėtų pritaikyti ne tik kalbines žinias, bet ir savo gyvenimišką patirtį, studentai buvo supažindinti su scenarijaus metodu, padedančiu praktiškai spęsti įvairias kasdieninio gyvenimo dilemas. Taip pat buvo akcentuota, kad neįmanoma pasirengti, kaip priimti sprendimus visais gyvenimiškais atvejais, tačiau galima pamėginti susidaryti tvirtesnius teisingų sprendimų paieškos įgūdžius bei įsisąvinti tokių sprendimų priėmimo principus.

Todėl paskaitų mokomoji medžiaga daugiausiai buvo siejama su realiomis gyvenimiškomis situacijomis, su kuriomis studentai susiduria savo aplinkoje arba mato visuomenėje ir turinčiomis ryšį su teigiamais arba neigiamais tarpusavio santykiais, verčiančiais juos kritiškai vertinti ir ieškoti adekvačių sprendimų.

Antrąją temą „*Sprendimų priėmimas – tarpasmeninių santykių reguliavimo sąlyga*“ buvo siekta pratinti studentus, sprendžiant moralines dilemas, kritiškai mąstyti, atsižvelgti į galimas pasekmes, orientuoti į moralinę argumentų kokybę, pasirinkimo situacijoje kritiškai vertinti prieštarungus argumentus, vadovautis moralinių sprendimų vertinimo kriterijais: teisingumo, sąžiningumo, atsakingumo bei jautrumo vertybėmis.

Numatant ugdymo projekto *turinį* buvo panaudota ši literatūra: R. Gibson (2002). *Intercultural Business Communication*; J. C. Richards, T. S. Rodgers (2003). *Approaches and*

Methods in Language Teaching; D. Cotton, D. Falvey, S. Kent (2008). Language Leader; L. G. Kirszner, S. R. Mandell (1998). Patterns for College Writing; J. A. Stanford (1995). Developing Connections; J. S. Warnwer, J. Hilliard, V. Piro (1992). Visions Across the America. Atsižvelgta į Vilniaus Universiteto Užsienio kalbų instituto nuosekliųjų studijų bakalauro pirmosios pakopos „Anglų kalbos ir anglų kalbos mokymo“ (2000) programos reikalavimus, keliamus kalbinei kompetencijai ugdyti. Taip pat pasiremta turiniu pagrįsta užsienio kalbų mokymo(si) teorija, kalbą traktuojančia kaip prasmingo turinio įsisavinimo priemonę, orientuotą į besimokantįjį, į jo individualų mokymosi stilių, ankstesnę patirtį ir žinias, skatinančią metakognityvią, kognityvią, emocinę raišką, pagrindžiančią ne tik kalbinių gebėjimų (kalbėjimo, skaitymo, rašymo, klausymo) tobulinimo, bet ir kritinio mąstymo lavinimo dermę. Atsižvelgiant į šiuolaikinių aukštojo mokslo didaktų (Kovak, Coppola 1997; Lee 2004; Lauter 2000) požiūrį apie būtinybę aukštojoje mokykloje mokymo turinį sieti su vertybių mokymu, projekto turinys buvo papildytas dorine tematika. Įtraukiant konkrečias temas į turinį, atsižvelgta į atskirų projekto etapų uždavinius.

Ugdymo projekto tikslai ir uždaviniai nulėmė ir mokymo *metodų* pasirinkimą. Daugiausiai buvo remtasi didaktų (Jovaišos 2007; Šiaučiukėnienės, Visockienės, Talijūnienės 2006; Popovici 2006, Petty 2006) mokymosi metodais, skatinančiais ugdytinių savarankiškumą, kūrybiškumą, įtraukiančiais į aktyvią ugdytinių veiklą. Be to, remtasi jau minėta turiniu pagrįsta užsienio kalbos mokymosi teorija (Snow 1991; Oxford 1990; Richard-Amato 1996; Murray 2005), skatinančia (meta)kognityvinę, socialinę, kultūrinę, kalbinę kompetencijas bei darančią teigiamą įtaką besimokančiųjų dorinėms nuostatoms. Taip pat vadovautasi G.Lind'o Konstanz'os moralinių dilemų diskusijos metodu, orientuotu į asmens moralinės kompetencijos ugdymą. Ugdymo projekto metu buvo siekiama minėtųjų mokymo(si) metodų dermės:

- *Skaitymo* (autentiškos grožinės, publicistinės, pedagoginės literatūros skaitymas anglų kalba, orientuotas į žmogaus orumo, pagarbos, sąžiningumo bei kitas dorovines vertybes ir skatinantis laipsnišką šių vertybių internalizaciją).
- *Klausymo* (audio/video įrašų klausymas anglų kalba, padedančių plėtoti kalbos suvokimo gebėjimus).
 - *Diskusijos* (kalbinės kompetencijos plėtotė, analizuojant gyvenimiškas problemas, situacijas, įžvelgiant socialinių reiškinių sudėtingumą).
 - *Scenarijaus* (kalbinės kompetencijos ugdymas tam tikros temos kontekste, padedant įsisavinti jai būdingą leksiką bei kalbines-gramatines struktūras, aptariant gyvenimiškas situacijas, atliekant tos situacijos veikėjų roles).
 - *Dilemų sprendimo* (kalbinės kompetencijos plėtotė sprendžiant hipotetines dilemas, įsigilinant į moralinę jų esmę, sužadinant dilemos diskusijų dalyvių emocijas bei pasitelkiant jų kognityvines galias, iš dorovinių vertybių perspektyvos analizuojant, kritiškai įvertinant kitų žmonių elgesį, oponuojant kitų nuomonei).
 - *Simuliacinių žaidimų* (skirtingų vaidmenų atlikimas Gilesniam situacijos, problemos suvokimui, lavinantis kritinį mąstymą, mokėjimą dirbti bendradarbiaujant, nevaržomoje aplinkoje ugdant kalbinę komunikaciją).
 - *Analizės* (literatūros kūrinių, video ir kino filmų aptarimas, interpretavimas; sudėtingų socialinių reiškinių, faktų, žvelgiant iš įvairių perspektyvų, lavinant rašytinę ir sakytinę komunikaciją anglų kalba analizavimas).
 - *Refleksijos* (įvairiomis komunikacinėmis intencijomis anglų kalba kritinį mąstymą skatinantis, doroviniu atžvilgiu prieštarų klausimų bei savo patirties apmąstymas, vertinimas ir aptarimas, padedantis giliau suvokti dorovinių vertybių sąsajas su gyvenimu).
 - *Kūrybinių rašinių* (refleksija raštu dorovinėmis temomis, skirta rašytinei komunikacijai anglų kalba plėtoti).

Organizuojant ugdymo projektą, remtasi šiais **principais**, parinktais vadovaujantis psichologų (Rogers 2005; Maslow 2006) bei edukologų (Richards, Rodgers 2003; Fenner 2006; Popovici 2006; Jovaišos 2007; Bitino 2004; Mačianskienės 2004) ir kitų autorių nuomone:

- *Atsižvelgimo į dorinės nuostatos komponentų raiškos tendencijas.* Organizuojant kalbinę veiklą (klausymą, skaitymą, kalbėjimą, rašymą), atsižvelgiama į jos poveikį besimokančiųjų dorinėms nuostatomis.

- *Kalbinės veiklos asmeninio ir socialinio prasmingumo.* Siekiant pabrėžti asmeninį ir socialinį aptariamų dorovinių vertybių prasmingumą ir tokiu būdu skatinti studentų dorinių nuostatų kognityviojo-prasminio lygmens pokyčius.

- *Kalbinės veiklos (užduočių) aktualumo.* Parenkant socialiai reikšmingą ir aktualią, besimokančiųjų interesus, problemas bei kalbinės kompetencijos galimybes atitinkančią užduočių tematiką.

- *Taisyklingo užsienio kalbos vartojimo.* Siekiant, kad kalbinės veiklos metu besimokantieji naudotų taisyklingą anglų (rašomąją ir sakomąją) kalbą.

- *Komunikabilumo.* Patenkinant bendravimo ir bendradarbiavimo poreikį, skatinama teigiama tarpusavio pasitikėjimu pagrįsta mokymosi atmosfera klasėje, sukuriama sąlyga besimokantiems mokytis bendradarbiaujant, komunikacijos metu, perimti vertybes, keisti nuostatas.

- *Asmens autonomiškumo.* Kiekvienam besimokančiajam suteikiant galimybę kritiškai apmąstyti savo kalbinę veiklą, išvystyti savo silpnąsias bei stipriąsias puses, savarankiškai priimti sprendimus, susijusius su kalbinės veiklos ir savo kaip asmenybės tobulinimu.

- *Asmeninės patirties apmąstymo.* Kiekvienam suteikiant galimybę įvertinti savo praeitį, asmeninės patirties pagrindu daryti išvadas, numatyti tolimesnę veiklą orientuojantis į dorovinių vertybių reikalavimus.

- *Įvairių kultūrų pažinimo ir pripažinimo.* Pateikiant užduotis, skatinančias studentus išsakyti, analizuoti ir netgi keisti savo nuostatas, tokiu būdu geriau pažinti save ir kitus.

- *Demokratiškumo.* Skatinant laisvą, demokratišką besimokančiųjų nuomonės reiškimą, refleksiją.

- *Humaniškumo.* Kalbinės veiklos metu rodant pagarbą kiekvienam studentui, tikint kiekvieno besimokančiojo gebėjimais, skatinant maksimalų jų galimybių įprasminimą dorovines vertybes panaudojimą, rūpinantis šiltos, saugios emocinės mokymosi aplinkos sukūrimu.

Aptariant ugdymo projekto rezultatus galima pasakyti, kad ugdymo projekto metu jo dalyviams buvo sudarytos galimybės ieškoti optimalių tarpasmeninių problemų sprendimo variantų, skatinant juos kritiškai mąstyti bei siekiant atkreipti jų dėmesį į dorovinių vertybių reikšmę ieškant sprendimų. Pratybų metu projekto dalyviams buvo pateikiamos atvejo analizės, jie buvo kviečiami pamąstyti, su kokiomis problemomis gali susidurti aptariamų situacijų veikėjai. Kiekviena situacija buvo analizuojama laikantis tam tikros loginės sekos: visų pirma, studentams buvo pateikiamas žodynas, susijęs su problemų nusakymu ir sprendimų paieška, tam tikrų kalbinių intencijų (galimybės, tikimybės bei tikrumo ir kt.) raiška anglų kalboje. Antra, paskirsčius situacijos veikėjų roles, paskaitos dalyvių buvo prašoma numatyti jų elgesį, primenama, kad prognozuojant veikėjų veiksmus būtina stengtis nepažeisti dorovinių vertybių (pagarbos, orumo, pakantumo ir kt.) reikalavimų. Numačius galimus situacijų sprendimus atskirose grupelėse, vėliau bendrai buvo vertinama visų nuomonė: projekto dalyviai kartu aptarė galimus situacijos veikėjų elgesio variantus, svarstė galimas pasekmes, ieškojo geriausio, visų situacijų veikėjų interesus atitinkančio teisingo sprendimo, grindžiamo pakantumu, pagarba bei kitomis vertybėmis.

Pagrindiniu analizės tikslu laikyta optimalių moralinių sprendimų būdų paieška, skatinant studentus įvertinti situacijos veikėjų interesus ir jų siūlomų sprendimų pasekmes. Atsižvelgiant į psichologinėje literatūroje (Gensler, Spurgin, Swindal 2004) keliamą mintį apie būtinybę išmokti objektyviai vertinti, išvengiant šališkumo ir pasiekti kuo didesnę moralinių sprendimų patikimumą, situacijų analizės metu stengiasi, kad studentai neprimestų vieni kitiems savo požiūrio, bet, priešingai, būtų dėmesingi vieni kitų nuomonėms ir įsijungtų į atvirą paieškų dialogą. Todėl paskaitų metu vyravo draugiška atmosfera, buvo leidžiama studentams laisvai reikšti mintis, gerbiant kiekvieno asmens pateikiamus argumentus galutiniam moraliniam sprendimui priimti. Taip pat norėta praturtinti anglų kalbos žodyną, išreiškiantį sutikimą/nesutikimą su kitų nuomone, problemų nusakymu, sprendimų bei pasiūlymų teikimu.

Norint mokomąją medžiagą glaudžiau susieti su projekto dalyvių gyvenimu, padedant lengviau išgyventi į nagrinėjamų problemų svarstymą ir taip geriau išsąmoninti dorovinių vertybių, kaip vertinimo kriterijų svarbą priimant moralinius sprendimus, šalia kitų temų buvo parinktos diagnostinio tyrimo analizės metu išryškėjusios studentų – dėstytojų ir studentų tarpusavio santykių universitete problemos. Taikant refleksijos žodžiu metodą, paskaitos dalyvių buvo prašoma atrinkti pačias sudėtingiausias problemas ir nusakyti šių problemų priežasčių – pasekmių ryšius. Pati sudėtingiausia problema, jų nuomone, buvo studentų ir dėstytojų santykiai („*Vyrauja autoritarinis dėstytojų stilius, dėstytojas – viskas, o studentas – niekas. Dėstytojai griežti, arogantiški, kartais ciniški, kelia įtampą, nerimą, baimę tarp studentų. Kai kurie dėstytojai netgi žemina studentus. Vertinimas taip pat nėra objektyvus. Kaip vieni dėstytojai įvertina studentą studijų pradžioje, taip ir kiti tęsia toliau tokį pat vertinimą. Dažnai vertina pagal asmenybę, o ne pagal žinias. Dėstytojai nesirūpina studentais. Tai ne tie žmonės, į kuriuos galėtum kreiptis turėdamas problemą.*“). Studentams visiškai neblogai sekėsi nusakyti galimas šios problemos kilimo priežastis (finansines, dėstytojų profesionalumo, studentų motyvacijos skatinimo stokos ir kt.) („*Gali būti ekonominės problemos, per maži atlyginimai, todėl nejaučia motyvacijos dirbti; nemėgsta savo darbo; nepasirengę ir nežino, kaip sudominti studentus savo dėstomu dalyku; dėstytojai nepasirengę dirbti pedagoginio darbo, netinkami žmonės, netinkamoje vietoje.*“)

Nagrinėjant prastus studentų tarpusavio santykius („*Vyrauja nuožmi konkurencija tarp studentų, apsimestinis, netikras, nenuoširdus bendravimas. Nėra jokios kalbos apie grupės vieningumą. Visi savanaudiški, net baisu eiti į paskaitas*“), projekto dalyviai gana greitai nurodė šios problemos priežastis („*dėl vertybių devalvacijos žmonės tapę abejingi vieni kitiems, nepagarbūs; iš mokyklų ateina mokiniai, neturintys bendravimo įgūdžių, neįdiegtos dorovinės vertybės, išlikusi tik orientacija į rinką ir materialinius dalykus*“). Paskaitų praleidinėjimą paskaitos dalyviai grindė prielaida, kad greičiausiai dėstytojai nemotyvuoja studentų, tuomet pastarieji jų nelanko, o tai menkina dėstytojų norą gerai pasiruošti paskaitoms. Paskaitos dalyviai buvo linkę manyti, kad padažnėjusius nusirašinėjimo atvejus universitete lėmė plačios technologinės galimybės bei maža tikimybė būti sugautiems, nes dėstytojai stokoja laiko tikrinti internete plagijavimu įtariamus studentų darbus. Tačiau svarbiausia įprastinio nesąžiningo studentų elgesio priežastimi jie laikė nesusimąstymą apie vertybes.

Išnagrinėjus problemų priežastis, studentams buvo skirta dar viena užduotis – universiteto valdybos tarybos narių vaidmuo – ieškoti visoms anksčiau aptartoms problemoms adekvačių sprendimų. Studentams buvo pateikti būdingi anglų kalbos posakiai, išreiškiantys prieštaravimą, pritarimą, abejojimą. Paskaitos dalyviai pripažino santykių su dėstytojais svarbą, tačiau studentams nesisekė ieškoti dėstytojų ir studentų tarpusavio santykių problemų sprendimo, o juo labiau pasekmių prognozavimo („*Stebėti dėstytojų paskaitas, rengti su jais susirinkimus, atvirai kalbėti apie problemas, nesusitvarkantiems dėstytojams – išeiti iš darbo. Gal įkurti socialinio darbuotojo/ psichologo etatą, pas kurį galėtų ateiti studentai dėl savo problemų?. Dėstytojai turi prisimti atsakomybę. Gal įtraukti bendravimą su studentais, kaip privalomą dalyką?.*“). Taigi kai kurių studentų atsakymai rodo, jog dėstytojai, kaip teigia M. Teresevičienė, G. Gedvilienė, V. Zuzevičiūtė (2006), privalo turėti ne tik dalykinę, bet ir asmeninę kompetenciją, pasireiškiančią nuoširdžiu bendravimu su studentais, domėjimusi jais kaip asmenybėmis.

Projekto dalyviai taip pat pateikė nemažai pasiūlymų, kaip pagerinti *studentų tarpusavio santykius*: organizuoti įvairius renginius po paskaitų (konkursus, projektus), į šią veiklą įtraukiant ir dėstytojus. Manyta, kad studentų bendravimą turi skatinti ir patys dėstytojai. Studentai pritarė, kad universitetuose turi vykti ne tik žinių perteikimo, bet ir studentų asmenybės ugdymo procesas, kuriam, be jokios abejonės, didelės įtakos turi humaniški dėstytojų ir studentų tarpusavio santykiai. Tyrimais įrodyta (Groves, Wallace, Loudon 2001), kad dėstytojų nuoširdumas, draugiškumas, rūpestingumas sukuria emociškai palankią užsiėmimų atmosferą, reikšmingą humanistinio bendravimo stiliaus sąlygą. Vadovaujantis humanistinės pedagogikos principais, su projekto dalyviais ir buvo siekiama palaikyti santykius, grindžiamus pagarba, empatija, tarpusavio supratimu ir pasitikėjimu. Laikytasi požiūrio, kad reikšminga tokių santykių palaikymo sąlyga –

laisvas, nevaržomas pasikeitimas nuomonėmis, galintis turėti įtakos vieni kitų mintims, jausmams, elgesiui (Legauskas 2008).

Tyrimais įrodyta (Hurtado, Mayhew, Enberg 2003), jog labai svarbu studentams suteikti galimybę išmokti apmąstyti problemas, išgyventi į kitų žmonių rolę, išivaizduoti, kaip situacijos veikėjai turėtų jaustis, kokias emocijas išgyventi. Pedagoginėje literatūroje pabrėžiama, jog moralinis asmenybės ugdymas turi būti pagrįstas emocinių-konatyviųjų asmens galių stiprinimu (Podolskyj 2005), ypatingą reikšmę skiriant emocijoms. Todėl projekto dalyviams buvo pateikiamos prieštaringos gyvenimiškos situacijos, kuriomis buvo siekiama atsklesiti sprendimų priėmimo sunkumus ir skatinti projekto dalyvių empatiškumą. Buvo pateikta informacija apie dilemų prasmės specifiką (bet kokį dilemos sprendimą priimant, jis vis tiek bus nepalankus vienai ar kitai pusei). Pavyzdžiui vienoje iš paskaitų studentams buvo pateiktos trys autentiškos situacijos apie britų karališkojo teismo sprendimus. Spręsdami šias dilemas poromis, studentai turėjo atlikti prokuroro arba advokato, o auditorija – prisiekusiųjų vaidmenį. Buvo siekiama, kad projekto dalyviai rastų visus įmanomus argumentus ir kaltinimui, ir gynybai pagrįsti, kritiškai vertindami vieni kitų pasisakymus ir paisydami dorovinių vertinimo kriterijų (teisingumo, jautrumo, atsakomybės). IšklaUSDami abiejų pusių argumentus, studentai išsakydavo savo nuomonę ir kartu nutardavo, kokį sprendimą (apkaltos ar išsteisinimo) dera priimti konkrečios situacijos atžvilgiu. Šalia to, susipažinę su britų karališkojo teismo sistema ir ją palyginę su lietuviškąja, paskaitos dalyviai įtvirtino žinomus teisinius terminus bei susipažino su naujais žodžiais.

Šių situacijų analizė dar kartą parodė, kad asmens vaizduotė sprendimų paieškos metu atlieka itin svarbų vaidmenį: išivaizduodamas save aptariamų situacijų veikėjų vaidmenyje, geriau supranta save, nagrinėjamą problemą, lengviau įsijungia į sprendimų modeliavimo vyksmą. Kartu paaiškėjo, kad sudėtingiausia studentams buvo atlikti kaltintojo rolę, nes jiems buvo sudėtinga prieštarauti savo nuomonei, o daug lengvesnė pasirodė gynyba. Tačiau taip pat pastebėta, kad kartais studentams pritrūkdavo jautrumo, tad, greičiausiai, todėl jie pasirodė daug griežtesni nei britų karališkojo teismo prisiekusieji. Taip netiesioginiu būdu studentams buvo mėginta atskleisti, kad priimant bet kokį sprendimą, būtina vertinti abiejų suinteresuotų grupių situacijas, vadovaujantis dorovinėmis vertybėmis, atsižvelgiant ne tik į visų teises, bet ir į pareigas.

Remiantis kai kurių autorių (Derryberry, Snyder, Wilson, Barger 2006; Lind 2005) mintimis, kad ypatingai itin reikšmingi sprendimai yra tuomet, kai jie susiję su daugelio žmonių interesų bei poreikių tenkinimu, todėl buvo nevengiama nagrinėti socialinių problemų. (*Studentams buvo pateikta vienos lignoninės išlikimo dilema: pelno siekimas, arba tolimesnis šios lignoninės ikūrėjo misijos tęsima – tarnystė neturtingiems žmonėms*). Siekiant padėti pagilinti atsakomybės suvokimo prasmę priimant sprendimus ir vertinant jų priėmimo galimybes, susijusias su daugelio žmonių interesais, planuojant šią užduotį buvo atsižvelgta į psichologų (Myers 2000) tyrimų rezultatus – asmens atliekamas vaidmuo veikia nuostatas, iš pradžių prasidėjęs kaip vaidinimas, ilgainiui tampa asmens savastimi. Tikėtasi, kad trumpalaikis sprendimo galią turinčio asmens vaidmens atlikimas teigiamai veiks studentų dorinių nuostatų raišką, t. y. jų sprendimų priėmimus, vadovaujantis sąžiningumo, atsakingumo, teisingumo, jautrumo vertybėmis.

Studentai buvo suskirstyti grupelėmis ir atlikdami lignoninės valdybos narių vaidmenį, turėjo priimti sprendimą dėl lignoninės išlikimo: apsvarstyti visas galimas lėšų panaudojimo (ekonominės, finansinės, socialinės, dorovinės) pasekmes, kurių svarbiausia – kiekvieno sprendimo reikšmingumas ir vertė žmonėms. Visi studentai bendrai turėjo pagrįsti savo nuomonę, kodėl teikė prioritetą vienam ar kitam pasiūlymui ir pamėginti įtikinti kitus bei sulaukti jų pritarimo. Sudėtingiausia priimant sprendimą šioje situacijoje buvo tai, kad daugumai studentų svarbesnė atrodė materialinė pasiūlymų nauda, pamirštant lignoninės misiją – teikti paslaugas neturtingiesiems regiono gyventojams. Buvo stengtasi, kad studentai diskutuotų apie socialinę atsakomybę apie moralinę lignoninės įsipareigojimą bendruomenei, susimąstytų apie galimas netinkamo pasiūlymo pasekmes. Studentai vis dėlto patys padarė išvadą, kad žmonėms pritrūksta atsakomybės prieš visuomenę priimant svarbius sprendimus ir dažniau orientuojamasi į mažumos naudą, neatsižvelgiant į daugumos žmonių poreikius ir interesus. Taigi galima teigti, kad nors diskusijos metu studentai ne visada rėmėsi altruizmo, jautrumo vertybėmis, bet ją baigdami vis

dėlto buvo linkę sutikti, kad jų sprendimas reikšmingas neturtingiems žmonėms. Tad galima teigti, kad studentai suvokė savo priimamo sprendimo socialinę prasmę.

Apibendrinant ugdymo projekto rezultatus, galima daryti šias **išvadas**:

Siekiant plėtoti studentų moralinių sprendimų paieškos gebėjimus svarbu:

- Padėti išsąmoninti dorovinių vertybių, kaip vertinimo kriterijaus, reikšmę, skiriant daugiau laiko platesniam dorovinių vertybių prasmės atskleidimui, kaip moralinių sprendimų tobulinimo prielaidai.
- Sprendimo paieškos procese svarbu pratinti studentus atsižvelgti į dorovinių vertybių reikalavimus, kritiškai mąstyti prognozuoti sprendimo asmenines ir socialines pasekmes, atsižvelgiant į kitų poreikius ir interesus, prasilenkimo su dorovinėmis vertybėmis atstatymo galimybes.
- Pratinant priimti moralinius sprendimus, patartina naudoti gyvenimiškas, studentams aktualias, susidomėjamą skatinančias situacijas, kurių metu būtų žadinamas studentų empatiškumas ir moralinė vaizduotė, ugdomi ne tik kalbiniai, bet ir kritinio mąstymo, kaip moralinių sprendimų priėmimo sąlygos, gebėjimai.

Literatūra

- BAILEY, K. M., 1997. Reflective Teaching: Situating Our Stories. *Asian Journal of English Language Teaching*. CUHK English Language Teaching Unit. Vol. 7, p. 1–19. Prieiga per internetą: <http://www.cuhk.edu.hk/ajelt/vol7/art1.htm>
- BEBEAU, M. J.; PIMPLE, K. D.; MUSKAVICH, K. M. T.; BORDEN, S. L.; SMITH, D. H., 1995. *Moral Reasoning in Scientific Research*. [žr.: 2008 10 25]. Prieiga per internetą: <http://poynter.indiana.edu/>
- BENNINGA, J. S., 2003. Moral and Ethical Issues in Teacher Education. Eric Digest. ERIC Clearinghouse on Teaching and Teacher Education. [žr.: 2008 10 05]. Prieiga per internetą: <http://www.ericdigests.org/2004-4/moral.htm>
- BERKOWITZ, M. W., 1997. Integrating Structure and Content in Moral Education. Paper presented on Nucci (Chair), Developmental perspectives and approaches to character education. Symposium conducted at the meeting of the American Educational Research Association, Chicago, March 1997. [žr.: 2007 11 15] Prieiga per internetą: <http://tigger.uic.edu/~lnucci/MoralEd/artcles/berkowitzintegrating.html>
- BITINAS, B., 2004. *Auklėjimo teorija ir technologija*. Vilnius: Kronta.
- DERRYBERRY, W. P.; SNYDER, H.; WILSON, T.; BARGER, B., 2006. Moral Judgement Differences in Education and Liberal Arts Majors: Cause for Concern? *Journal of College and Character*. Vol VII, No. 4. [žr.: 2006 12 06]. Prieiga per internetą: <http://www.collegevalues.org/pdfs/Moral%20Judgement.pdf>
- DUOBLIENĖ, L., 2007. Dorinio ugdymo Lietuvos bendrojo lavinimo mokyklose metodologiniai orientyrai. *Acta Paedagogica Vilnensia*. T 18. Vilnius: VU leidykla, p. 25–34.
- ENNIS, R., 2000. An Outline of Goals for Critical Thinking Curriculum and its Assessment. [žr.: 2009 08 03]. Prieiga per internetą: <http://www.criticalthinking.net/goals.html>
- ELDER, L., 2007. Defining Critical Thinking. *The Critical Thinking Community*. [žr.: 2009 08 03]. Prieiga per internetą: http://www.criticalthinking.org/about/CT/define_critical_thinking_cfm
- FACIONE, P. A., 1990. *Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction*. Millbrae: California Academic Press.
- FARREL, T., 1998. Reflective Teaching. The principles and practices. [žr.: 2008 09 28]. Prieiga per internetą: <http://exchanges.state.gov/forum/vols/vol36/no4/p10.htm>
- FENNER, A.; NEWBY, D., 2006. Coherence of Principles, Cohesion of Competences. Exploring theories and designing materials for teacher education. European Centre for Modern Languages: Council of Europe Publishing.
- HUITT, W., 2004. Moral and Character Development. Educational Psychology Interactive. Valdosta, GA: Valdosta State University. Prieiga per internetą: <http://chiron.valdosta.edu/whuitt/col/morchr/morchr.html>
- HURTADO, S.; MAYHEW, M. J.; ENGBERG, M. E., 2003. Diversity in the Classroom and Moral Reasoning. Paper prepared for the Association for the Study of Higher Education, Portland, OR: November 12–16.
- GENSLER, H. J.; SPURGIN, E. W.; SWINDAL, J. S., 2004. *Ethics Contemporary Readings*. New York and London: Routledge.
- GROVES, R.; WALLACE, J.; LOUDEN, W., 2001. Teaching Standards and Moral Dispositions: Can We Have One Without the Other? Prieiga per internetą: <http://www.aare.edu.au/01pap/gro01456.htm>
- Joint Quality Initiative informal group. Dublin descriptors as used in The Framework for Qualifications of EHEA compared to the descriptors as used in the EU Commission staff working document “Towards a European Qualifications Framework for Lifelong Learning”. 2004. [žiūrėta 2008 m. vasario 29 d.]. [žr.: 2010 02 22]. Prieiga per internetą: http://bologna.hrdc.bg/pdf/sem/01_06/supporting/DUBLIN%20DESCRIPTORS.pdf
- JOVAIŠA, L., 2007. *Enciklopedinis edukologijos žodynas*. Vilnius: Gimtasis žodis.

- Kalbų mokymo politikos aprašas. Lietuva. Kalbų politikos skyrius Strasbūre, Lietuvos Respublikos Švietimo ir mokslo ministerija. 2004 – 2006. (2006). Vilnius: Švietimo aprūpinimo centras.
- KOVAC, J.; COPPOLA, B. P., 1997. Universities as Moral Communities. *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. Prieiga per internetą: <http://www.hyle.org/journal/issues/7/coppola.htm> (žr.: 2007 02 25).
- LANGE, D., 1990. A blueprint for a teacher development program. In *Second Language Teacher Education*. Eds. J. Richards and D. Nunan. New York: Cambridge University Press.
- LAUTER, C. F., 2000. Values as Verbs. Prieiga per internetą: <http://www.lawrence.edu/news/bubs/lt/fall00/values.shtml> (žr.: 2006 02 02).
- LEE, J., 2001. Values Education in the Two-Year Colleges. ERIC Digest. Prieiga per internetą: <http://www.ericdigest.org/2001-1/values.html> (žr.: 2006 02 02).
- Lietuvos bendrojo lavinimo mokyklos bendrosios programos ir bendrojo išsilavinimo standartai. XI – XII klasės, 2002. Vilnius: Švietimo plėtotės centras.
- LEGKAUSKAS, V., 2008. Socialinė psichologija. Vilnius: Vaga.
- LIND, G., 2001. From Practice to Theory. *Redefining the Role of Practice in Teacher Education. Psychology of Morality & Democracy and Education*. [žr.: 2006 06 02]. Prieiga per internetą: www.uni-konstanz.de/ag-moral/b-publik.htm.
- LIND, G., 1985. Growth and Regression in Cognitive – Moral development. (Ed. C. G. Harding). Precedent Inc. Chicago, Illinois.
- LIND, G., 2005. Moral Dilemma Discussion Revisited – The Konstanz Method. [žr.: 2006 06 02]. Prieiga per internetą: <http://www.uni-konstanz.de/ag-moral>.
- MACIANSKIENĖ, N., 2004. Užsienio kalbų mokymosi strategijos. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universiteto leidykla.
- MASLOW, A. H., 2006. Motyvacija ir asmenybė. Vilnius: Apostrofa
- MERGLER, A., 2008. Making the Implicit Explicit: Values and Morals in Queensland Teacher Education. *Australian Journal of Teacher Education*. Vol.33, 4. [žr.: 2008 10 05]. Prieiga per internetą: <http://ajte.education.ecu.edu.au/issues/PDF/334/mergelr.pdf>
- MURRAY, D., 1982. Learning by teaching: Selected articles on writing and teaching. Upper Montclair, NY: Boynton Cook.
- MYERS, D. G., 2000. Psichologija. Kaunas: Poligrafija ir informatika.
- NAYLOR, M., 1988. Vocational Education and the Work Ethic in a Changing Workplace. Eric Digest No.78. [žr.: 2007 12 02]. Prieiga per internetą: http://eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/1c/fb/5b.pdf.
- NARVAEZ, D., 2001. Moral Text Comprehension: implications for education and research. *Journal of Moral Education*. Vol. 30, No. 1. [žr. 2007 01 11]. Prieiga per internetą: <http://www.nd.edu/~dnarvaez/documents/Narvaeztext01.pdf>
- OXFORD, R., 1990. Language learning strategies: What every teacher should know. New York: Newbury House/Harper Row.
- PAPPENHEIM, R., 2006. Social and Cultural Awareness as Overruling Goals of Foreign Language Courses. *Coherence of Principles, Cohesion of Competences. Exploring theories and designing materials for teacher education*. European Centre for Modern Languages: Council of Europe Publishing. P. 69 - 78 .
- PETTY, R. E.; CACIOPPO, J. T., 1986. Communication and Persuasion: Central and peripheral routes to attitude change. New York: Springer.
- PODOLSKYJ, O., 2005. Investigating New Ways to Study Adolescent Moral Competence. *Europe's Journal of Psychology*, November 11. Prieiga per internetą: http://www.ejop.org/archives/2005/11/investigating_n-l.html (žr. 2007 01 04).
- POPOVICI, R., 2006. Integration of Citizenship, human rights and Language Education. *Coherence of Principles, Cohesion of Competences. Exploring theories and designing materials for teacher education*. European Centre for Modern Languages: Council of Europe Publishing. P. 59–69 .
- Pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrosios programos, 2008. Prieiga per internetą: <http://www.pedagogika.lt/index.php?-469374926> (žr. 2009 02 26).
- Psichologijos žodynas, 1993. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- RICHARD-AMATO, P. A., 1996. Making it happen: Interaction in the second language classroom (2nd ed.). White Plains, NY: Longman.
- RICHARDS, J. C., 2008. Towards Reflective Teaching. *The Teacher Trainer*. [žr.: 2008 10 14]. Prieiga per internetą: <http://www.tttjournal.co.uk>
- RIMIENĖ, V., 2006. Studentų kritinio mąstymo dispozicijų ir igūdžių kaitos galimybės. *Acta Paedagogica Vilnensia*. T 17. Vilnius: VU leidykla. P. 78–85 .
- ROGERS, C. R., 1969. Freedom to Learn. Columbus, Ohio: Charles E. Merrill Publishing Company.
- SNOW, A. M., 1991. Teaching Language through Content. *Teaching English as a Second or Foreign Language*. (Second edition). University of California: Heinle & Heinle Publishers, p. 315–328
- SUCHANOVA, J., 2006. The Relevance of Metacognitive Skills to Autonomous Language Enrichment. *Acta Paedagogica Vilnensia*. T 17. Vilnius: VU leidykla. P. 147–157 .

ŠIAČIUKĖNIENĖ, L.; VIŠOCKIENĖ, O.; TALIJŪNIENĖ, P., 2006. Šiuolaikinės didaktikos pagrindai. Kaunas: Technologija.

TERESEVIČIENĖ, M.; GEDVILIENĖ, G.; ZUZEVIČIŪTĖ, V., 2006. Andragogika.. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla.

ZUZEVIČIŪTĖ, V., 2005. Metakognityvinių strategijų modeliavimas universitetinėse studijose.[Rankraštis]: Daktaro disertacija. Kaunas: VDU.

Roma Kriaučiušienė

Vilnius University Institute of Foreign Languages, Lithuania

Research interests: possibilities of the development of future foreign language teachers' moral attitudes, optimal use of English language teaching/learning process for the development of the personality

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' CRITICAL THINKING SKILLS IN THE PROCESS OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING/ LEARNING PROCESS

Summary

The article overviews some aspects of the development of students' critical thinking skills in the English language teaching/ learning process. The article is based on the presentation of the results of educational project which was carried out after the analysis of the results of diagnostic research into future foreign language teachers' moral attitudes had been made. While preparing the educational project attention has been paid to the respondents' views on foreign language teaching/ learning process at universities as well as their views on teachers' competencies.

The aim of the project is to reveal and to experimentally verify educational prerequisites of the development of future foreign language teachers' moral attitudes. The analysis of the research data revealed that one of the prerequisites is the development of future foreign language teachers' ability to make moral judgments, which is closely related with the development of their critical thinking skills.

The article presents one stage of the educational project that aimed at accustoming students to search for and make optimal judgments exploiting the possibilities of English language teaching content as well as teaching methods thus providing favourable conditions for meaningful interaction within academic groups, development of students' linguistic competence and their critical thinking skills as the necessary precondition of moral judgment making. The use was made of learner-oriented content-based foreign language teaching/ learning approach, according to which language is viewed as the means of meaningful content uptake taking into consideration students' individual learning styles, previous experience and knowledge, stimulating learners' meta-cognitive, cognitive and emotional expression as well as providing the possibility for the improvement of their foreign language (speaking, reading, writing, listening) and critical thinking skills. The conclusion is made that in order to accustom students to moral judgment making it is necessary to develop their critical thinking abilities as the significant precondition of making judgments, thus providing favourable conditions for the analysis and evaluation of dilemmas and presentation of consistent arguments with the focus on moral values as the criteria of evaluation.

KEY WORDS: future foreign language teachers, critical thinking, moral values, moral judgments

Светлана Луцив

*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина
ул. И. Франко 24, 82100 Дрогобыч, Украина*

Тел. 0982345418

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: педагогика, история педагогики, методика преподавания украинского языка

ШКОЛЬНАЯ ДРАМА КАК МЕТОД ГАРМОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена характеристике такого метода обучения и воспитания как школьная драма; подчеркивается влияние школьной драмы на гармоническое развитие личности; подается краткая история становления школьной драмы в Украине, раскрывается эффективность использования этого метода в современной школе. Она влияет на разные области жизни украинцев: образование, религию, культуру, искусство. Драматическое искусство оригинально объединяет в себе драматическое действие, художественное слово, пантомиму, живопись, скульптуру, музыку и поэтому упражняет и одновременно развивает речь, интуицию, внимание, наблюдательность, память, ассоциативные способности, воображение, чувство ритма и пластики в движении, ряд технических и конструктивных способностей. Драматизацию можно рассматривать как один из методов преподавания, который обеспечивает активное творческое воспроизведение знаний учащимися.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школьная драма, драма, драматизация, школьный театр, роль, игра, ролевые игры, игровые действия, личность, метод, развитие, гармония.

Будущее общества связано с решением проблем воспитания подрастающего поколения с позиций основ современного образования. Они исходят из уникальности, самоценности, целостности человека, из активной тенденции развития самого себя, своих возможностей. В соответствии с этой задачей школы является не формирование каких-либо позитивных качеств личности, а создание условий для ее целостного развертывания, формирование у молодых людей адекватных ценностей жизни на основе гармоничного развития их внутренних возможностей.

Как показывает анализ психолого-педагогической литературы, в современной образовательной системе под видом реформирования вводятся «новшества», направленные на одностороннее развитие личности детей. Это, в частности, проявляется в ослаблении внимания в педагогической деятельности школы воспитательной работе, приоритетности в воспитательной деятельности отдельных школ или художественного воспитания, или спортивной деятельности в ущерб другим направлениям работы и т. д. (Горностаи 2005, с. 391).

Гуманистическое воспитание имеет своей целью гармоническое развитие личности воспитуемого, которое предполагает гуманный характер взаимоотношений учитель-ученик как участников, субъектов педагогического процесса. Именно поэтому сегодня основным принципом педагогической деятельности становится личностно-ориентированный подход предполагающий глубокое изучение и знание педагогом всех сторон личности воспитанника, его возможностей, особенностей, его идеалов, потребностей, мотивов деятельности, а главное – создание гуманистической образовательно-воспитательной среды, условий, обеспечивающих это гармоническое развитие.

В научной литературе подтверждается, что гармоническое развитие личности включает в себя два компонента.

Первый из компонентов касается склонностей, творческих задатков и способностей личности. Ими обладает каждый здоровый человек, и обязанность школы – выявлять и

развивать их, формировать у учащихся индивидуальную красоту, личностное своеобразие, творческий подход к выполнению любого дела.

Второй компонент относится к производительному труду и его большой роли в формировании личности. Только он позволяет преодолевать односторонность личностного развития человека, создавать предпосылки для его полноценного физического формирования, стимулировать умственное и нравственно-эстетическое совершенствование (Лейтц 1994, с. 68).

Таким образом, в качестве составных частей всестороннего развития личности выступают: умственное воспитание, техническое (политехническое) образование, физическое воспитание, нравственное воспитание, эстетическое воспитание, которые необходимо сочетать с развитием творческих способностей и задатков учащихся и вовлечением последних в посильную трудовую деятельность.

Но всестороннее развитие должно носить гармонический характер. Это значит, что полноценное воспитание должно основываться на одновременном и взаимосвязанном развитии всех указанных выше сторон личности. Если та или иная сторона, например физическое или нравственное развитие, осуществляется с определенными издержками, это неизбежно будет негативно сказываться на формировании личности в целом.

Характеристика личностно ориентированной ситуации позволяет утверждать, что одним из важных условий ее реализации на уроке является использование учителем специфичных методов обучения, которые в современной психолого-педагогической литературе порой называют нетрадиционными. Некоторые из них постепенно осваиваются педагогами, однако не со всеми методами учителя знакомы в достаточной степени. Для создания личностно ориентированных ситуаций на уроке рекомендуется применять такие методы обучения с помощью которых учитель может возбудить самостоятельность учащихся, стимулировать их активность на уроке, подтолкнуть к актуализации их творческие силы.

Ролевая самореализация, то есть презентация себя в социальнопсихологических ролях, проявлениях ролевой идентичности, есть основной составляющей развития личности. Ролевое поведение является одним из самых важных форм социального поведения человека и проявляется во всех социально значимых ситуациях жизнедеятельности. В условиях современности личность постоянно сталкивается с необходимостью выступать в новых ролях.

Ролевая самореализация – это многоаспектное ролевое функционирование личности, в котором собственно самореализация имеет ведущее значение, рядом с другими сторонами раскрытия всех граней личностного потенциала. Мы включаем в это понятие любые проявления развития и саморазвития личности, которые базируются на ролевой или драматургической модели. Ролевая самореализация включает в себя такие основные аспекты: ролевое развитие, развитие творческого потенциала, развитие жизненных ролей.

Возможность альтернативных подходов к организации учебы и воспитанию детей заинтересовывает и активизирует людей, почетных ко всему делу. Именно такой альтернативой является – театральная педагогика (Выготский 1997, с. 20).

Л. С. Выготский подчеркнул, что театральная педагогика является общественной техникой, с помощью которой оно привлекает к социальной жизни. Из всех видов искусства детское театральное творчество или драматизация «наиболее близко и непосредственно связывает художественное творчество с «личными переживаниями ребенка» (Выготский 1997, с. 30).

Проблема использования элементов театрального искусства как дидактичного средства имеет давнюю историю и достигает во времена эмпирического введения в школьную практику XVII-XVIII ст. ученических драм. В начале XX ст. М. Тичер, С. Русова и некоторые другие научные работники указывали на возможность применения элементов театрального искусства в изучении учебных курсов: литературы, истории, географии (Тичер 1910, с. 643-665).

В основании школьного театра лежала школьная драма, сочиненная по определенным правилам поэтики. Она опиралась, прежде всего, на «правила» христианского учения о мире и человеке, о добре и зле, на строгие церковные догматы и вечные библейские и евангельские «сюжеты». Очень часто сами пьесы являлись практическим приложением к школьной пиитике: их писали преподаватели, ученые монахи для летних рекреаций (каникул).

Львовскую братскую школу можно рассматривать как колыбель украинского театрального искусства. Именно ученики школы впервые ставили мистерии, интермедии и интерлюдии. Школьный театр выполнял несколько важных функций: во-первых, образовательную (предполагавшую освоение религиозных сюжетов, способов их интерпретации и символического (образного) восприятия и публичного представления; составление самих текстов, как правило в поэтической форме), во-вторых, религиозно-полемическую (в условиях насаждения католицизма в Речи Посполитой театрализованные представления, в основе которых были религиозные сюжеты, выполняли роль популяризации православной церкви) (Софронова 1991, с. 198.).

Опыт школьной драмы был заимствованным. В XVI в. в Речи Посполитой и других странах Западной Европы школьный театр находился на подъеме. Особенных успехов на этом поприще добился Орден иезуитов. Именно в многочисленных иезуитских школах театральное искусство находилось на подъеме. Воспитание театром, донесение в первую очередь религиозных, догматических постулатов до сознания юных воспитанников рассматривалось иезуитами как одна из приоритетных задач.

Школьный театр также был популярен и в протестантских школах, где школьная драма рассматривалась как важный элемент образовательной модели.

Важное место в учебно-воспитательном процессе в школах Украины отводилось драме (мистерии, вертепу), которая стала важным элементом аутентичной украинской педагогики. Она влияла на разные области жизни украинцев: образование, религию, культуру, искусство. Среди творцов школьной драмы были известны религиозные деятели, педагоги, писатели Ф. Прокопиевич, Л. Горка, Д. Ростовский, С. Полоцкий, М. Козачинский, М. Довгалевский, Г. Кониский и много других.

Очевидно, что и в современной школе драма не потеряла своего учебно-воспитательного потенциалу при воспитании подрастающего поколения, особенно те ее составляющие, которые представляют украинскую традицию.

Анализ научной литературы засвидетельствовал определенную диспропорцию в исследованиях, посвященных историко-педагогическим аспектам становления и развития школьной драмы в Украине. Интенсивнее эти исследования были в дореволюционный период в трудах М. Галагана, М. Петрова, В. Резанова, И. Стещенко, М. Драгоманова, И. Франка. Современные исследования являются в большей степени опосредствованными к отмеченной проблеме через научные труды М. Возняка, Я. Исаевича, В. Манкивского, М. Поповича.

Национальные признаки школьной драмы, из которой зародился театр можно отследить в трудах Д. Антоновича, Н. Виноградова, М. Гриця, О. Кисля, Л. Корнея, А. Махновец, Г. Пилипчака, П. Рулина, Л. Сафроновой, И. Федаса, С. Чорния и др.

Весомым источником обогащения содержания учебы и воспитания в современной школе является исследование исторического опыта в организации школ в Украине в разные периоды исторического развития. В частности это касается и наиболее распространенных форм, методов, средств учебы и воспитания молодежи. Особенный интерес для исследователей истории педагогики составляет период XVII – XVIII ст., когда образование в Украине приобретало четко организационные, смысловые и системные черты и развивалась в единственном восточно-европейском измерении (братские школы, коллегиумы, Острогзьяка академия, Киево-Могилянская академия).

Киевская-Могилянская академия была устроена по латинопольскому образцу. Основанная Петром Могилой, она была слепком с иезуитских коллегий. В школе преподавали языки славянский, греческий, латинский, нотное пение, катехизис, арифметику,

поэзию, риторику, философию, богословие. Ученики делились на 8 классов. Каждую субботу они упражнялись в диспутах.

Школьная драма представляла собой нравоучительную аллегория и считалась, прежде всего «практическим упражнением». Согласно установленным правилам школьная драма имела следующие части:

1. Общий пролог, в котором излагалось содержание пьесы в целом
2. Каждому новому акту пьесы предшествовал свой отдельный пролог.
3. Драма состояла из нескольких актов, в каждый из которых входило одинаковое число сцен.
4. Каждый акт завершался хором. Хор же разъяснял зрителям нравственный смысл увиденного.
5. Эпилог занимал место последнего хора, или же, напротив, хор был эпилогом всей драмы. Хор школьной драмы подражал античному. Содержание драмы бралось из Ветхого и Нового Завета, из деяний апостолов, житий святых (Софронова 1991, с. 202).

Библейская история соединялась с героями античной мифологии. Иногда сюжеты драм брались из грекоримской истории. В школьных панегирических драмах прославлялись государственные события и победы, отмечались ими события из жизни знатных лиц. Школьную драму пытались приспособить и к некоторым злободневным событиям. Согласно поэтике школьной драмы ее героями были и отдельные государства – Украина, Россия, Швеция; в ней как действующие лица выходили на сцену Церковь и мифологические личности, языческие божества, фигуры Мудрости, Совести, Прелести и т.д.

Одним из наиболее известных воспитанников Киевской Могилынской академии был монах Симеон Полоцкий. Симеон Полоцкий (1623—1680) был первым, кто ввел жанр школьной драмы.

Известны две его комедии: «О Навуходоносоре, о теле злате и трех Отроках, в печи сожженных» и комедия-притча «О блудном сыне». Комедия «О блудном сыне» (1672) была нацелена на нравоучение. Собственно на развитие действия в школьном театре мало обращали внимания. Актеры «действовали из Библии». Но были в комедии Полоцкого уже некоторые признаки того, что пьеса игралась на сцене. Возле главного героя группировались остальные лица. Не было аллегорических фигур. Основная мысль комедии-притчи состояла в том, что необходимы наука и образование, которое «одно только и может сдерживать своевольные порывы юности и направлять ее стремления на разумный путь». С другой стороны, эта школьная драма содержала в себе и проповедь мягкого и добродушного отношения старших «к ошибкам неопытной юности».

Школьный театр приобрел все черты, свойственные обрядовые, поскольку сам не избирал ни место, ни время действия. Традиция, хотя и заимствованная, определяла собственный круг: пасхальная драма – рождественская – моралите на Масляное воскресенье. Иногда сюда врывалась дидактичная пьеса по случаю конца учебного года. Сценическое пространство, как и в обряде, было специализировано – школа (однако, в церкви также отыгрывались действия, о чем речь позже). Это было «стационарное искусство» без гастролей и переездов, которое не зависело от вкусов зрителя. В такой ограниченности, связанности с церковным обрядом, этот «бедный театр» не смог вытворить собственного художественного пространства, но и не смог отобразить храмного пространства.

На втором плане в украинском школьном театре стояло начало смеха, воплощенное в интермедиях (интерлюдиях), словом, украинская тогдашняя сцена вобрала у себя все знаменательное для европейской культуры с ее осознанием, что «все действительно большое должно включать у себя элемент смеха» (Еремев 1995, с. 167).

Комедийный элемент, присутствующий в интермедиях, на какое-то мгновение превращал школьный театр в театр светский, отводил его от обряда, однако и в этих образцах, созданных благодаря фольклорным сюжетам, были точки столкновения с обрядом.

Интермедии соотносились с серьезной частью школьной драмы, и были как будто нижним ярусом Божьего Царства (то есть царства Сатаны, где господствует человеческий

смех, с его демоническим началом, смех человека, который потерял божественную благодать). Таким образом, создавалась завершенная модель мира, который от своих начал существует в этом извечном дуализме. Смех становился органической частью мировой мистерии, а не развлечением, репризой, отдыхом, от высокой мистерии.

Известно, что школьники всех возрастов с успехом и весьма охотно выполняют многие учебные задания театральной «школы». Театральная деятельность для школьников оказалась возможной не только во внеурочное время, но и в рамках урока, на котором о постановке спектакля и речи не было.

Многие театральные задания могут быть приспособлены к условиям урока и обстановке школьного класса. Начались поиски и отработка доступных для учителей-предметников общеобразовательной школы форм подачи, проведения и оценки различных упражнений на внимание, память, воображение, волю, традиционно используемых на первом курсе обучения в профессиональной актерской «школе».

Проигрывая какую-то ситуацию, которая, возможно, до сих пор «загонялась внутрь», человек освобождается от нее, а затем творчески перерабатывает и закрепляет.

Из театра спонтанности берут свое начало психодрама и социодрама, ролевые и импровизационные игры. Это методы, основанные на импровизации: люди спонтанно, «здесь и сейчас», разыгрывают события из своей личной или общественной жизни. Это могут быть, например, сцены из прошлого, которые после проигрывания переосмысливаются: по словам Морено, «хороший второй раз освобождает от плохого первого». Это может быть разговор с умершим, перед которым чувствуешь вину. Это могут быть сцены из будущего: так называемый «тест на реальность», когда человек проверяет – и проверяет действием! – стоит ли совершать тот или иной шаг и к каким последствиям этот шаг приведет.

Получить полное представление о том, что такое психодрама и социодрама, не участвуя в них, очень трудно: это методы действия, и не случайно ведущие обучаются психодраме «на себе», будучи участниками игры. Морено писал, что психо- и социодраматические сеансы «должны стать совместным опытом как зрителя, так и актера...это как раз то «мы», которое нельзя вставить в статью» (Лейтц Грета 1994, с 68).

Огромна познавательная и нравственная роль «театрального» воспитания в развитии фантазии и наблюдательности, памяти и внимания, ассоциативного мышления, культуры чувств, пластики и речи, моделирования жизненных ситуаций.

Драматизацию в учебных целях использовали и американские психологи, педагоги. Достоинство метода драматизации Г. Ф. Джонсон видела в формировании навыков учебного труда, в приобщении к искусству: «Красота родной речи глубоко западет в души маленьких актеров, станет стержнем их дальнейшего развития» (Джонсон 1918, с.25).

В драматической игре дети непринужденно усваивают материал; самостоятельно «оживляют» литературные, исторические, географические сюжеты.

Сходные наблюдения найдем и в книге американского педагога и философа Дж. Дьюи «Школы будущего». Разыгрывая пьесы, школьники делали «уроки истории или родного языка более реальными», полнее переживали содержание произведения (Дьюи 1918, с. 72).

«Первичный синкретизм детского творчества» вскрыл Л. С. Выготский. Воображение питает игру, из нее «произрастает» творчество. «Стремление к действию, к воплощению, к реализации, которое заложено в самом процессе воображения, здесь находит свое полное осуществление» (Выготский 1997, с. 61). Когда дети «сочиняют или импровизируют», «инсценируют готовый литературный материал», драматическая форма силою воображения открывает «устное словесное творчество» (Выготский 1997, с. 61).

Одним из средств формирования музыкально-творческих способностей детей может быть музыкально-игровая драматизация. Она может использоваться при условии достаточно развитого восприятия музыки и наличия в активе школьников как двигательных, так и специальных навыков, таких, как мимика, сценическая игра, характерная интонация, чтобы на этой базе найти свой способ реализации творческого замысла.

Драматизация очень близка ребенку, так как основана на действии. Именно в драматизации проявляется с наибольшей ясностью полный круг воображения. Стремление к действию, воплощение реальности, которое заложено в самом процессе воображения, в драматизации находит свое полное осуществление. Кроме того, всякая драматизация связана с игрой. Игра рассматривается как творческая драматизация формы, в которой проявляются и техническое, и декоративно-изобразительное, и словесное, и драматическое, и музыкальное творчество.

Организуя игровые действия, можно использовать идеи Морено по психодраме, а также элементы театра спонтанности именно в обучении детей переходного возраста, а также во внеклассной работе. При этом социодрама дала возможность открытого общения, позволила учителю и ученику встать на позиции друг друга, проиграть роль и отделить себя от нее. Но это не менее важно и для любого урока.

Драматическое искусство оригинально объединяет в себе драматическое действие, художественное слово, пантомиму, живопись, скульптуру, музыку и поэтому упражняет и одновременно развивает речь, интуицию, внимание, наблюдательность, память, ассоциативные способности, воображение, чувство ритма и пластики в движении, ряд технических и конструктивных способностей. В силу этого, драматизацию можно рассматривать как один из методов преподавания, который обеспечивает активное творческое воспроизведение знаний учащимися.

Очень важно заметить, что современная педагогическая мысль вводит на место устарелого и узкого понятия школьного театра новый термин, более отвечающий существу дела и связанный с понятием драматического искусства исторически и филологически.

Если основной сущностью драматического искусства является действие, воспроизведение того или иного образа или сюжета через материал живой личности человека, то под драматизацией в школе следует понимать все виды воспроизведения в лицах – от драматических игр до подлинного художественно-сценического действия, с одной стороны, и от импровизации до разыгрывания готовой пьесы – с другой.

Таким образом, драматизация определенно подразумевает не только то, что обыкновенно связывается с представлением о школьном театре, то есть тщательно подготовленный спектакль со сценой, декорациями, бутафорией, костюмами, гримом, но и такие воспроизведения, которые происходят не преднамеренно, без всякой подготовки, в которых дети-участники могут свободно, творчески передавать данный текст; которые происходят где угодно (в свободном от парт уголке класса, во дворе, в коридоре, на лужайке, в лесу и т.д.) и без помощи внешних средств, способствующих сценической иллюзии (без декораций, сцены, костюмов и т.д.).

Литература

- ГОРНОСТАЙ, П. П., 2005. Рольова теорія особистості: теоретичні аспекти та практичні аплікації *Наукові записки Ін-ту психології ім. Г.С.Костюка АПН України*. В. 26, в 4-х т., т. 1, Київ: Главник, с. 391-395.
- ЛЕЙТЦ, Г., 1994. Классическая психодрама Я. Л. Морено. Москва: Прогресс; с. 68.
- ЕФРЕМОВ, С. О., 1995. Історія українського письменства. Київ: Femina, с.м 167.
- ДЖОНСОН, Г. Ф., 1918. Драматизация как метод преподавания. Москва: Наука, 139 с.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С., 1991. Воображение и творчество в детском возрасте. Москва: Просвещение, 93 с.
- ДЬЮИ, ДЖ., 1918. Школы будущего. Москва: Народное образование, 104 с.
- СОФРОНОВА, Л., 1991. Український театр барокко та християнські культурні традиції. *Українське барокко та європейський контекст*. Київ: Наукова думка, с. 198-203.
- ТИЧЕР, Н., 1910. Драматизация как метод современной школы. *Народное образование*, Киев: Народное образование, с. 498-521.

Svitlana Lutsiv

Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko

Research interests: pedagogics, history of pedagogics, methods of teaching the Ukrainian language

Summary

The article is devoted to the description of such method of teaching and education as school drama. The influence of school drama on harmonious personality development is emphasized; short-story history of school drama formation in Ukraine is given, efficiency of the use of this method at a modern school is revealed. Drama influences different spheres of life of the Ukrainians such as education, religion, culture, art, etc. Dramatics originally unites in itself a dramatic action, artistic word, pantomime, painting, sculpture, music that is why it exercises and simultaneously develops speech, intuition, attention, observation, memory, associative capabilities, imagination, sense of rhythm and plastic arts, a number of technical and constructive capabilities. Dramatization can be examined as one of the methods of teaching, which provides the active creative knowledge reproduction by students.

KEY WORDS: school drama, drama, dramatization, school theatre, role, game, role games, playing actions, personality, method, development, harmony.

Юрий Маиошин

Даугавпилсский Университет, Латвия

ул. Парадес 1, Даугавпилс, Латвия

Тел. (+371) 29580033

Эл. почта: jurima@inbox.lv

Научные интересы: дидактика, психология, право

СВЯЗЬ СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ С УСПЕШНОСТЬЮ УЧЕБЫ

Статья посвящена исследованию связи различных доминантных (доминирующих) состояний студентов (аустресса, дистресса, тревоги, напряжения, ригидности), вызванных стрессорами учебной деятельности, с ее успешностью. Требуемое регулирование уровня эмоционального и физиологического стресса осуществляется путем правильной организации преподавания, использования интерактивных методов. Автор приходит к выводу, что характер стрессовых состояний существенно зависит от вида конкретной деятельности и включает не только количественные параметры но и качественные характеристики учебного процесса. Гипотеза подтверждена эмпирическими данными. Создание спокойной обстановки, использование нестрессовых форм экзаменов способствуют нейтрализации негативных моментов, присутствующих в обучении, сохранению психического здоровья студентов и, тем самым, содействуют успешности учебы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аустресс, дистресс, учебная деятельность, депрессия, ригидность, напряженность, стрессор, стрессовое состояние, успешность учебы.

Психическое состояние, в котором осуществляется деятельность человека, всегда оказывает положительное или отрицательное влияние на ее успешность. Учебная деятельность студентов не является в этом смысле исключением и имеет свои особенности. Актуальность исследования влияния стрессовых состояний на успешность учебы обусловлена психическими и психосоматическими заболеваниями студентов, снижением их адаптивных функций, вызываемых действием различных стрессоров, сопровождающих учебу. Понятие «стресс» ввел в 1936 году Ганс Селье для обозначения неспецифической реакции организма в ответ на любое неблагоприятное воздействие (Селье 1960, с. 18). Интенсивное воздействие различных факторов (социальных, информационных) учебного процесса нередко вызывает негативные эмоции, перенапряжение физиологических и психических функций студентов. Наиболее неприятным психическим состоянием, развивающимся под влиянием негативных факторов, является психологический стресс (Бодров 2004, с. 10). Он проявляется в стрессовых состояниях, оказывающих заметное влияние на успешность учебной деятельности: аустресс, тревога, напряжение, ригидность. Эти состояния, различные по интенсивности, ничто иное как проявление разных уровней стресса.

В деятельности студента основное внимание привлекает проблема воздействия доминантного психического состояния на процесс его функциональной активности, на результативность работы. Симптомами начинающихся стрессовых состояний служат показатели неуспешности учебной деятельности: появление ошибок, отказы от ответов, пропуски занятий, конфликты с коллегами и преподавателями.

Причины возникновения стрессовых состояний у студентов связаны с негативными воздействиями организационных и иных факторов учебной деятельности. Отрицательная эмоциональность и высокий уровень личностной тревожности также предрасполагают к дистрессу. Внутренние беспокойства очень часто усиливаются «плохими» предчувствиями, которые могут создавать больший стресс, чем фактическая неудача. Когда человек психически напряжен, не нужно какого-либо серьезного внешнего воздействия для наступления стрессового состояния. Внутреннее напряжение может проявиться как в по-

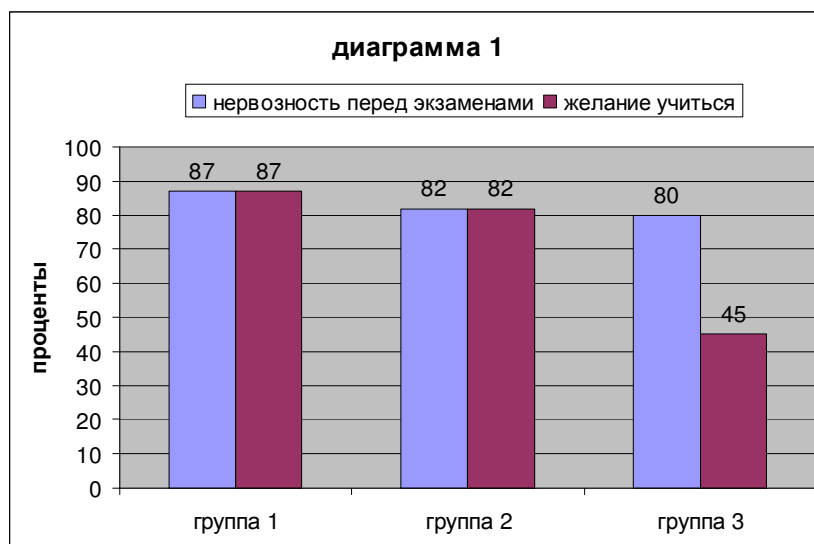
стоянных пререканиях и ссорах, так и в более активных и необдуманных, девиантных действиях. Поэтому при анализе стрессовых состояний необходимо уделять повышенное внимание внутриличностным стрессорам.

В рамках изучения данной проблемы автором было проведено анкетирование студентов второго курса бакалавриата очного отделения и первого курса магистратуры Даугавпилсского университета, обучающихся по специальности «правоведение». В опрашиваемую группу вошли 35 студентов дневного отделения и 30 магистрантов. Из них 49 девушек и 16 юношей. Исследование проводилось между сессиями в условиях учебной аудитории.

Все опрашиваемые были мотивированы на ответственное заполнение анкет. В анкетах было предусмотрено 10 вопросов, на основании ответов на которые, был проведен многофакторный анализ. Исполненные анкеты студентов были разделены по нескольким основаниям. В первую очередь деление производилось на группы в зависимости от успешности учебы по результатам последней сессии: 1 группа – со средним баллом 8,5 и выше (23 человека); 2 группа – 8,0 баллов (22 человека); 3 – 7,5 баллов и ниже (20 человек).

Проведенный опрос позволил собрать эмпирические данные для следующих предположительных выводов:

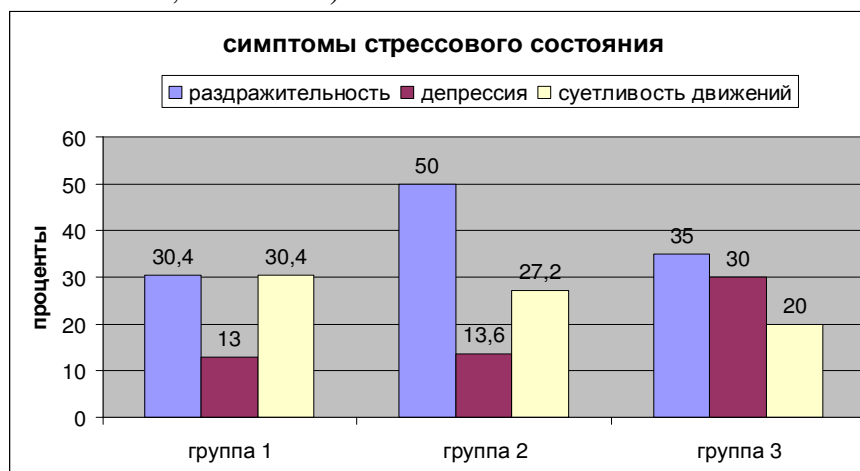
1. Студенты первой группы (наиболее успешные учащиеся) перед экзаменами нервничают сильнее своих более слабых коллег из 2 и 3 группы: соответственно 87%, 82% и 80 %, что может быть объяснено более поверхностным отношением последних к процессу и результатам учебы (см. диаграмма 1). Этот вывод подтверждается данными ответа на вопрос о степени желания учиться. Оно значительно сильнее выражено у студентов первой группы (87 %), чем у второй (82 %) и, тем более, третьей (45 %). Студентов, волевые качества которых позволяют им не нервничать перед экзаменами - 11 человек (16,9 %). Из них 6 девушек (12,2 % их общего числа) и 5 юношей (31,2 %). Однако тот факт, что лишь 4 человека (36,6 %) из нервничающих выбрали как наилучшую форму экзамена устный ответ, заставляет несколько усомниться в искренности остальных. В свою очередь, из 17 наиболее нервничающих – 100% - девушки. Из нервничающих студентов 2 (18 %) имеют среднее желание учиться (из особо нервничающих – 29,4 %), остальные – высокое.

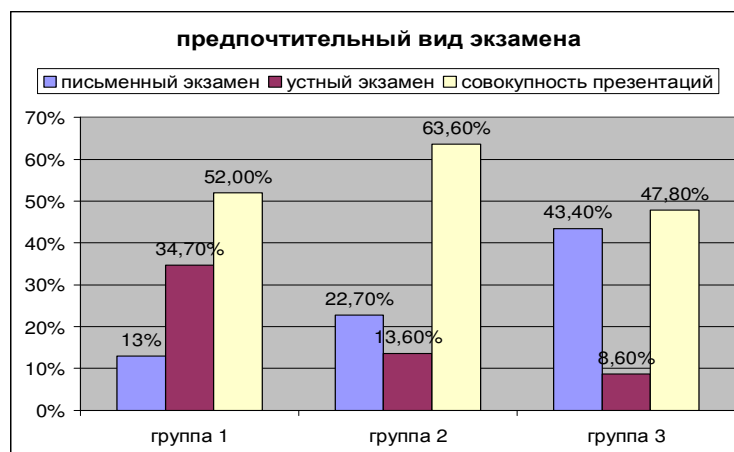
2. Интересным является факт почти двухкратного преобладания раздражительности, как проявления стрессового состояния, у студентов второй (средней) группы над первой и третьей (соответственно 50 %, 30,4 % и 35 %). Что объяснимо более выраженной у представителей данной группы борьбой учебных и неучебных мотивов поведения. В свою очередь, внутренняя неудовлетворенность результатами учебы приводит к более частым

случаям депрессии представителей третьей группы, чем у первой и второй: 30 %, 13,0 %; 13,6 %.

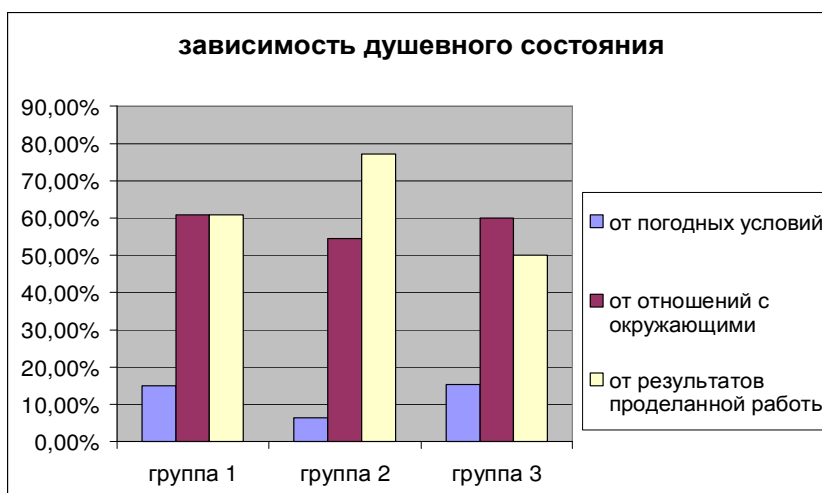
3. Суетливость движений и действий, как признак стрессового состояния, оказалась более выраженной у студентов – отличников (30,4 %), что может свидетельствовать о более развитой у них вегетатики и ее связи с ЦНС по сравнению с более слабыми учащимися (соответственно 27,2 % и 20 %).

4. Весьма наглядны ответы на шестой вопрос анкеты, позволившие обнаружить взаимосвязь между тревожностью, желанием держать ситуацию под контролем и попытками избежать стрессовых ситуаций. Тревожность студентов вызвана ожиданием стрессовой ситуации, каковой, безусловно, является процесс экзамена. Она, как показали ответы на вопрос о состоянии студентов перед экзаменами, выше у студентов – отличников, чем у остальных групп учащихся (см. п.1). В то же время данная группа меньше, чем остальные доверяет письменной форме экзамена, хотя она менее психологически болезненная, чем устная (показатели по группам, соответственно 13,0 %; 22,7 %; 43,4 %). Очевидно, отличников больше устраивает непосредственный разговор с преподавателем, чем ожидание оценки за письменную работу. Данный факт можно объяснить, во-первых, достаточной уверенностью в своих силах, а, во-вторых, возможно большей психологической нагруженностью процесса ожидания оценки за письменную работу, в сравнении с «живым разговором» с преподавателем, ответами на его вопросы. Желание такого разговора значительно более выражено у представителей первой группы (34,7 %), чем у второй (13,6 %) и тем более у третьей, чьи 8,6 % такого «желания» более, чем красноречивы. К тому же и возможность «списать» при письменной форме экзамена, как правило, выше, что не может не радовать нерадивых студентов. Контрольным в данном вопросе являлся вариант «с» о возможности сдачи экзамена посредством совокупности оценок за презентации. Он наиболее трудоемок по сравнению с первыми двумя вариантами, т.к. не дает возможности студентам расслабиться на протяжении всего времени изучения учебного курса вместо того, чтобы напрячься непосредственно перед экзаменом, как это происходит при традиционных экзаменационных формах. Однако, взамен своей трудоемкости он обеспечивает студентам учебу без гарантированного («планового») крупного стресса в виде встречи с преподавателем во время экзамена. Нежелание стрессовой ситуации в виде такой встречи наглядно продемонстрировали представители всех трех групп (соответственно 52,2 %; 63,6 %; 47,8 %).

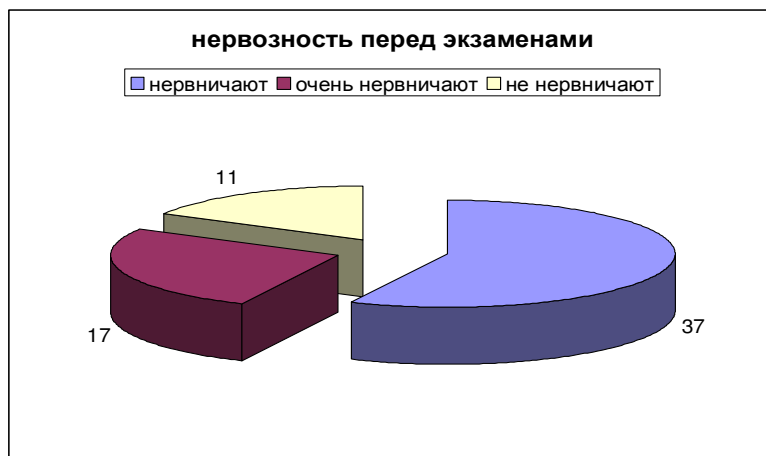

5. Ответ на вопрос о зависимости душевного состояния студента от различных причин показал их разнообразие и комплексность, что нашло свое отражение в указании студентами сразу нескольких, а то и всего комплекса указанных в анкете влияющих факторов. В этом весьма наглядно проявляется многообразие и сложность проблемы сохранения душевного равновесия учащихся не смотря на влияние различных факторов. Так, на свою душевную уязвимость от погодных условий указали 15,1 % студентов первой группы и 15,4 % третьей. Более «погодостойкими» оказались представители второй группы («лишь» 6,4 %), что объяснимо, на взгляд автора, их большей постоянной раздражительностью (см. п.2 выводов), на наличие и степень проявления которой такие «мелочи» как погода влияния не оказывают (с лихвой хватает и других). Представители всех трех групп отметили важность хороших отношений с другими людьми (60,9 %; 54,5 %; 60,0 %) и результатов проделанной работы, хотя, справедливости ради, надо признать, что «среднячков» результаты их работы волнуют несколько ниже, чем «хорошистов» и «отличников» (соответственно 2 группа – 77,2 %; 1 – 60,9 %; 3 – 50,0 %).

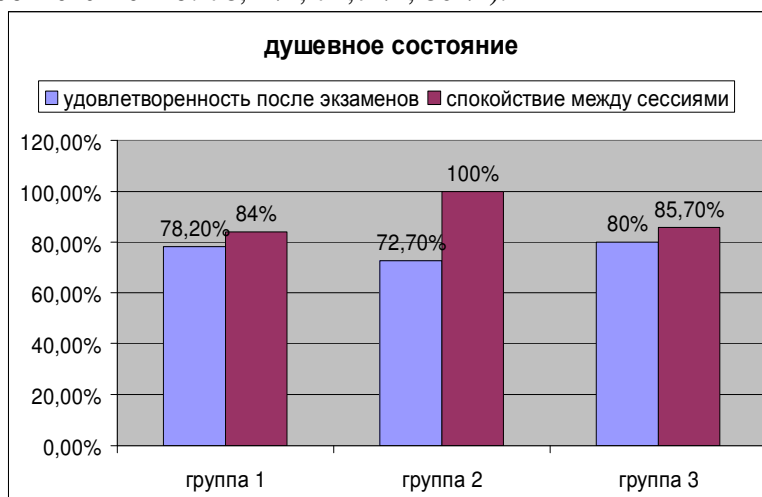

6. Ответ студентов на восьмой вопрос позволил коснуться проблем дистресса и аустресса. В виду их важности, кроме обычного анализа со стороны успешности учебы, автор использовал и гендерный подход, давший возможность произвести сравнение влияния аустресса и дистресса на представителей обоих полов. Как выяснилось, вне зависимости от успешности учебы, все три группы респондентов к стрессу в учебе относятся весьма отрицательно (соответственно: 60,9 %; 59 %; 65 %), из-за того, что он им в учебе мешает. Тех, кому он помогает собраться, оказалось меньшинство. Это говорит о том, что студенты в большинстве своем не умеют использовать те положительные моменты, которые представляет им стресс, внутреннее напряжение и видят в них лишь отрицательные

дистрессовые моменты, что и вызывает у них различные деструктивные процессы (см. п.п.2 и 3 выводов). Что касается отличий в этом вопросе по полу, то они достаточно сильны. Из 49 девушек, принимавших участие в опросе, стресс в учебе помогает собраться 15 (30,6 %), а мешает соответственно 34 (69,4 %). У юношей картина иная: из 16, участвовавших в опросе, девятерым стресс помогает собраться (56,25 %), а 7 (43,75 %) ответили, что он им мешает. Это коррелирует с данными о большей эмоциональной уязвимости женщин, которые лучше мужчин работают в спокойной обстановке и наоборот. Факт этого подтверждается в данном исследовании и следующими результатами: среди девушек - отличниц стресс умеют использовать в свою пользу 35 %, а среди юношей – отличников, пользующихся преимуществами аустресса – 66 %, причем характерно, что несколько юношей прямо ответили, что стресс «повышает им уровень адреналина в крови».

7. Девятый вопрос анкеты носил характер контрольного. Он подтвердил наличие у студентов – респондентов достаточно высокой мотивации к учебе, их удовлетворенности от процесса получения знаний и повышения своей компетенции. Об этом свидетельствует наиболее частый выбор варианта «с» ответа на данный вопрос – чувство удовлетворения после последнего сданного экзамена намного превалирует над чувством усталости у всех групп респондентов (соответственно: 78,2 %; 72,7 %; 80 %).

8. Наличие высокого среднего балла учебы у подавляющего большинства опрошенных респондентов подтверждает гипотезу исследования о необходимости создания спокойной обстановки учебы для обеспечения ее успешности, что в целом удалось добиться в процессе учебы рассмотренных категорий студентов Даугавпилсского университета. Сомнений в этом не оставляют ответы, полученные на десятый вопрос анкеты о доминирующем душевном состоянии студентов между сессиями. На спокойствие и душевный подъем указало подавляющее число респондентов каждой группы

(соответственно 84 %; 100 %; 85,7 %). И лишь 6 человек (9,2 %) из всех опрошенных студентов указали на наличие у них в межсессионный период тревожности и напряженности. Четверо из этих учащихся при ответе на третий вопрос указали, что они очень нервничают непосредственно перед экзаменами, а двое – нервничают. Этот факт показывает коррелят тревожности и эмоционально отрицательного напряжения. Чем выше показатели личностной и ситуативно-реактивной тревожности, тем выше уровень тревоги. Кроме того, всем шестерым «тревожным» студентам, стресс, разумеется, не помогает в учебе, а мешает, двое из них указали сразу на совокупность факторов, от которых зависит их душевное состояние. Любопытно, что среди тревожных и напряженных личностей представителей «хорошистов» нет: 3 – отличники и 3 – «среднячки».

Анализ основных причин развития стрессовых состояний у студентов в учебной деятельности позволяет сделать ряд выводов:

1. Общими причинами возникновения и развития стрессовых состояний могут послужить неблагоприятные факторы в организации, содержании, средствах и условиях учебной деятельности, их воздействие на конкретного индивида, несоответствие между его функциональными возможностями, представлениями и установками преодолеть эти неожиданные, интенсивные и длительные негативные воздействия.

2. Непосредственной причиной того или иного стрессового состояния можно считать событие, прямым следствием которого является развитие депрессии, тревожности, ригидности или агрессии: например, сложность задания, возникновение проблемной ситуации, связанной с угрозой неуспешности, дефицит времени, конфликт с преподавателем и др. Чаще всего непосредственные причины бывают связаны с экстремальностью содержания и условий деятельности (экзамен).

3. Главной причиной возникновения стрессовых состояний в учебной деятельности являются индивидуальные (психологические, физиологические, социальные) особенности студента, т.к. данные факторы определяют организацию его психического и физического состояния, степень устойчивости к воздействию общих и непосредственных причин стресса, наличие возможностей к преодолению стрессового состояния.

4. Возникновение стрессов не определяется лишь взаимосвязью личности и условий учебы, поскольку даже их деловое соответствие не гарантирует устойчивость к стрессовым состояниям, т. к. есть множество других детерминирующих этот процесс факторов. Следует также учитывать, что условия учебы и некоторые характеристики личности довольно изменчивы, что нарушает их исходное соответствие.

5. Не смотря на высокую значимость в развитии стрессовых состояний факторов, связанных с особенностями современной технологии учебной работы, однако дистресс и его вредное воздействие являются очень индивидуальным процессом и значение тех или иных рабочих обстоятельств на человека существенно различается даже в относительно однородной учебной группе.

6. Характер стрессовых состояний существенно зависит от вида конкретной деятельности и включает не только количественные параметры учебного процесса (объем заданий, интенсивность учебной работы), но и качественные характеристики, такие как сложность заданий, степень значимости результата, новизну учебной ситуации.

Литература

- БОДРОВ, В., 2004. Информационный стресс. Москва: ПЕР СЭ.
БЛАГОДИР Б., Стресс - болезнь цивилизации? ([http://www.medicus.ru/wellness/pats/?cont=article&art_id=5279&toprint./\[3 февраля 2008\]](http://www.medicus.ru/wellness/pats/?cont=article&art_id=5279&toprint./[3 февраля 2008]))
СЕЛЬЕ Г., 1960. Очерки об адаптационном синдроме. Москва: Медицина.
ТАКМАН Б., 2004. Педагогическая психология. Москва: Прогресс.
ЦУКИНА Е., 1998. Эмоциональная неустойчивость как ведущий фактор формирования дезадаптивного поведения студентов. *Автореф. дисс. канд. психол. наук*. Москва: Институт психологии РАН.

THE RELATION BETWEEN STRESSFUL SITUATIONS AND ACADEMIC SUCCESS

Summary

This article is devoted to understanding the effects of stress on successful training of students. A theoretical analysis of the problems of stress showed that a feature of training is a recurrent problem, and the emergence of complex situations and the impact of unfavorable factors, which lead to the development of students' mental tension, stiffness and other stressful conditions.

It is necessary to make judgments on the individual requirements of the situation, emotions, anxiety level, ability to control one's behavior in extreme situations. The required regulation of psychological stress is provided by activation processes that shape not only personality but emotional and cognitive reflection in consciousness.

The hypothesis was confirmed by empirical data. The creation of a calm environment in the learning process, involvement of not stressful examination forms contribute to the neutralization of the factors leading to the negative mental health of students and improve academic success.

KEY WORDS: austress, distress, learning activities, depression, stiffness, tension, stressor, stress, academic success

Лариса Павловская

Лиенпайский университет, Латвия

Lielā iela 14, Liepāja 3401, Latvija

Тел. +371 26374209

Эл. почта: larisa.pavlovska@inbox.lv

Научные интересы: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русская фразеология и фонетика, методика русского языка как иностранного.

ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

В статье идёт речь о работе над произношением при обучении русскому языку как иностранному. Автор обращает внимание на неразрывную связь перцептивных и артикуляционных умений и навыков в методике обучения произношению. Основой формирования и развития перцептивной и артикуляционной базы русского языка являются тексты современных песен разнообразных жанров в различном исполнении. В статье отмечается, что песня – это не только материал для фонетической работы, но и лингвокультурологический феномен, играющий важную роль в обучении иностранному языку. Автор приводит примеры фонетических заданий и упражнений (постановочных, переходных к речевым, речевых) с актуализацией конкретных фонетических законов и орфоэтических правил, иллюстрируя это отдельными фрагментами текстов песен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перцептивная база и артикуляционная база русского языка, фонетические задания и упражнения (постановочные, переходные к речевым, речевые).

Работа над произношением – чрезвычайно важный элемент обучения русскому языку как иностранному. Под влиянием артикуляционной и перцептивной базы родного языка в речи говорящих на неродном языке возникает акцент – система устойчивых навыков неправильного произношения. Акцент зависит не только от того, что обучаемый не в состоянии произнести тот или иной звук, а прежде всего от того, что он неверно судит об этом звуке, то есть слышит то, что позволяет перцептивная база родного языка. Развивая фонематический слух учащихся (студентов), мы «подтягиваем» артикуляцию, а корректируя артикуляцию отдельных трудных звуков и звукосочетаний, совершенствуем перцептивные умения и навыки. Таким образом, акустико-артикуляционные упражнения неразрывно связаны и взаимообусловлены как физиологически, так и лингводидактически.

При усвоении иностранного языка и, в частности, его фонетики эффективным приёмом является использование песен, поскольку

- ритмика, интонация, звукопроизношение многократно (а главное ненавязчиво) повторяются;
- текст по объёму сравнительно небольшой и поэтому легко запоминающийся;
- эмоционально-экспрессивная (чаще всего положительная) окраска также способствует непринуждённому запоминанию;
- аутентичность текста является основой последующей лингвокультурологической работы (как на занятии в аудитории, так и во внеаудиторное время).

Песня как лингводидактический феномен рассматривается исследователями в различных ракурсах: культурологическом; лингвистическом, аспектном: фонетика, лексика, фразеология; дидактическом, как элемент игровой методики. Особенно много публикаций об использовании песни на уроках иностранного языка, в частности, английского и немецкого (Абрамова И. В., Измайлова Е. В., Михайлова Е. А., Синькевич Г. С., Szewel A., Watras L., Zajdel В. И., Hołda М. и др.). Интерес исследователей к проблеме использования песни в обучении иностранному языку не ослабевает именно в силу многогранности и

полифункциональности её не только на занятиях, но и в повседневной жизни вообще: вряд ли найдётся человек, абсолютно равнодушный к песне.

На начальном этапе обучения иностранному языку (в рамках коммуникативной методики) определённые трудности обуславливаются ограниченным лексическим запасом учащихся и оторванностью изученной лексики от конкретной речевой ситуации, языкового контекста. В связи с этим для акустико-артикуляционной работы в условиях аудиторных занятий предпочтительны тексты именно небольшого объёма, с повторяющимися лексемами. Примерами часто встречающихся в различных песнях лексем на соблюдение фонетических законов являются, например, такие: **любовь**, **берег**, **первый раз**, **вдруг**, **вокруг**, **друг** – закон абсолютного конца слова; **сердце**, **солнце**, **здравствуй** (здравствуйте) – закон упрощения групп согласных; **всегда**, **всё**, **в** первый раз, **в** последний раз, **улыбка** – закон ассимиляции согласных по глухости; **счастье**, **что**, **потому что** – частные случаи орфоэпии.

Тексты современных популярных песен чрезвычайно разнообразны как в жанрово-стилистическом отношении, так и с точки зрения представленности в них интересного лингвистического (не только фонетического, но и лексико-грамматического) материала. Каждая песня может служить основой коррекции слухо-произносительных умений и навыков; при этом основные лингводидактические требования к тексту песни, на наш взгляд, следующие: 1) частотность слов в обыденной, повседневной речи; 2) простота синтаксических конструкций; 3) наличие повторов (обычно – припев).

На первых занятиях в центре внимания только качественная редукция гласных (сначала после твёрдых согласных – «аканье», затем – после мягких согласных – «иканье»). Функциональное правило сообщается учащимся на родном языке. Как свидетельствует наш опыт, многочисленные фонетические упражнения (на основе функционального правила) менее эффективны, чем прослушивание хотя бы фрагмента песни, иллюстрирующего определённый фонетический закон или правило; с последующим пением или проговариванием учащихся//студентов.

Редукция гласных после твёрдых согласных не представляет особой лингводидактической проблемы; поэтому, учитывая интерференцию и допуская аппроксимацию, постепенно, в соответствии с орфоэпическими трудностями песенного текста, можно переходить к фонетическим законам в области согласных (упрощение, абсолютный конец слова, ассимиляция).

Консонантный характер звуковой системы русского языка усваивается непременно с опорой на родной язык учащихся. Лингвистически звук речи представляет собой реализацию конкретной фонемы. Сопоставительный анализ фонем родного и русского языка присутствует в обучении имплицитно, позволяя сосредоточивать внимание именно на явлениях интерференции, особенно в области согласных. И здесь для каждой национальной аудитории свои трудные звуки, например, для латышских студентов: непарные твёрдые [ж], [ш]; аффриката [ч']; звукосочетание [зв]; для польских студентов: аффрикаты [ч'] и [ц]; смычно-проходной боковой [л], [л'] и другие звуки.

Учёт (как имплицитный, так и эксплицитный) родного языка учащихся обуславливает лингвистическое содержание фонетических упражнений, которые можно разделить на три основные группы:

- постановочные (звук//слог);
- переходные к речевым (слог//слово);
- речевые (слово//словосочетание//фраза).

Фонетическая работа осуществляется не изолированно, а в тесной связи с лексико-грамматической, при этом совершенствуются все виды речевой деятельности: слушание, чтение, говорение и письмо. Иллюстрацией может служить текст песни «А он мне нравится» (автор текста – А.Жигарев, композитор – В.Шаинский) – фрагмент:

Мне говорят: «Он маленького роста».

Мне говорят: «Одет он слишком просто».

Мне говорят: «Поверь, что этот парень

Тебе не пара, совсем не пара».

Припев:
А он мне нравится, нравится, нравится,
И для меня на свете друга лучше нет.
А он мне нравится, нравится, нравится,
И это всё, что я могу сказать в ответ.

В приведённом тексте мы встречаемся с различными языковыми явлениями:

- на фонетическом уровне - ассимиляция по глухости: **Всё** [**фс'о**]; орфоэпические

явления: -оГо [в], **Что** [ш], **ТС** [ц];

- на лексико-фразеологическом уровне текст позволяет отработать *антонимы*: большой//маленький, высокий//низкий; *синонимы*: маленького роста, небольшого роста; *устойчивые словосочетания*: выбор не из лучших, солнце в (его) оконце, не пара, объясниться в любви, краснеет как девушка;

- на синтаксическом уровне – готовые разговорные конструкции: твой выбор не из лучших; поверь, что.... (этот парень – тебе не пара); и это всё, что я могу сказать в ответ; признаться..., сама не понимаю.

В плане развития связной речи можно охарактеризовать «этого парня» не только по внешнему виду, но и по некоторым чертам характера (с использованием фразеологизмов, пословиц и поговорок), например: маленького роста - мал да удал; скромный, невзрачный - встречаются по одежке, а провожают по уму; робкий, застенчивый - скромность украшает человека; одинаковые, похожие - одного поля ягоды.

В ходе занятия песня может использоваться на любом его этапе, как средство презентации нового материала, закрепления изученного, контроля, релаксации на уроке, как основа домашнего задания.

При использовании песни в аудитории, следует учитывать также эмоционально-эстетический аспект; и хотя «о вкусах не спорят», всегда можно подобрать песню, соответствующую различным симпатиям и пристрастиям слушателей (студентов).

С психолингвистической точки зрения важна презентация песни, особенно ранее незнакомой учащимся. Здесь можно использовать видеоклипы, иллюстрацию песни слайдами в программе Power Point, сравнение двух различных фонограмм одной и той же песни, фрагмент мультфильма или художественного фильма, в котором звучит данная песня. Главное – чем-либо удивить, заинтересовать учащихся и на основе этого строить дальнейшую фонетическую работу.

Песню можно использовать целиком или же фрагментарно, как уже отмечалось, повторяя её целенаправленно несколько занятий подряд или же время от времени.

Для презентации немаловажным моментом является выбор исполнителя. В частности, вышеупомянутая песня «А он мне нравится» может прозвучать в исполнении Анны Герман или Валентины Легкоступовой. Сравнение фонограмм одной и той же песни в разных исполнениях – один из приёмов ненавязчивого повторения песни в учебных целях. Примером этого может служить романс «Гори, гори, моя звезда» (текст – В.Чуевский, музыка – П.Булахов); выбор исполнителей очень широкий: Жанна Бичевская, Владимир Высоцкий, Анна Герман, Александр Градский, рок-группа «ДДТ», Иван Козловский, Альберт Ленский, Александр Малинин, Олег Погудин, Андрей Тернов, Дмитрий Хворостовский и многие другие.

Наш опыт показывает, что студентам нравятся песни

- отдельных популярных исполнителей: Олега Газманова («Есаул»), Ольги Зарубиной («На теплоходе музыка играет»), Михаила Боярского («Всё пройдёт», «Зеленоглазое такси»), Александра Малинина («Гори, гори, моя звезда»), Профессора Лебединского («Комарики»), Леонида Агутина и Анжелики Варум («Февраль»)...

- «детские песни» – песни в исполнении детей, или для детей, или о детях, например: «Прекрасное далёко», «Крылатые качели», «Облака – белогривые лошадки», «Дважды два четыре», «Когда мои друзья со мной»...

- песни из популярных фильмов, сериалов, мультфильмов: «Александра» из художественного кинофильма «Москва слезам не верит», «Прекрасное далёко» из художественного кинофильма «Гостя из будущего»; «Голубой вагон», «Песенка об улыбке» из мультипликационного фильма «Крокодил Гена и его друзья», «Песенка о почтальоне» из мультипликационного фильма «Почтовая рыбка»...

- бардовские песни: Б. Ш. Окуджавы, В. В. Высоцкого, дуэта Никитиных, А. Градского и других.

С точки зрения фонетической работы, тексты песен, используемых на занятии, можно разделить на две большие группы: песни,

- 1) развивающие аудирование (слушание с пониманием) – предназначенные исключительно для прослушивания;
- 2) развивающие собственно артикуляционные умения и навыки – песни, которые студенты не только слушают, но и затем поют, подпевают, скандируют, – различным образом проговаривают сами.

Прослушивание песен первого типа направлено на вычленение (нахождение) фонетических законов и частных правил орфоэпии, поиск рифмующихся слов, самостоятельный подбор рифмы к отдельным словам с последующим выполнением акустико-артикуляционных упражнений. При выполнении фонетических упражнений (хоровое и индивидуальное проговаривание отдельных слов, словосочетаний, связного текста) студенты внимательно слушают и оценивают произношение друг друга: самоконтроль и взаимоконтроль намного эффективнее, чем контроль со стороны преподавателя. Это приучает к осознанному отношению к произносительной стороне речи. Возможно также выполнение письменных заданий в процессе орфоэпической работы, нацеленное на преодоление «буквопроизносительных» ошибок («ну и что ж такоГо?»; «И хотя нам прошлоГо немного жаль, Лучшее, конеЧНО, впереди!»; «Как же так получаеТСя, Всё так быстро кончаеТСя!»). Это закрепляет слоговой принцип русской графики («всю жИзнь», «кто с песней по жИзни шагает»; «часто простое кажется сложным») и совершенствует культуру речи. Приведём несколько примеров фонетических заданий.

Задание 1: прослушайте фрагмент песни, обратите внимание на законы произношения согласных. (На первых порах эта работа проводится обязательно с опорой на печатный текст, а позже – исключительно на слух).

Задание 2: прослушайте фрагмент песни, обращая внимание на законы произношения согласных. Назовите встречающиеся законы произношения согласных в данной фонограмме. (На первых порах эта работа проводится обязательно с опорой на печатный текст, а позже – исключительно на слух). – Например:

А деревья поутру

Будто шепчут на ветру: – (ассимиляция по глухости)

Всё нормально, всё в порядке, всё отлично. – (ассимиляция по глухости)

Тот кто весел и здоров,

Целый мир обнять готов. – (абсолютный конец слова) –

из м/ф «Поликлиника кота Леопольда» (слова А. Хайта, музыка Б. Савельева).

Задание 3: прослушайте фрагмент песни, обратите внимание на законы произношения согласных. (На первых порах эта работа проводится с опорой на печатный текст, а позже – исключительно на слух).

- Из м/ф «Лето кота Леопольда» (слова А.Хайта, музыка Б.Савельева):

Я иду и пою обо всём хорошем – (ассимиляция по глухости)

И улыбку свою я дарю прохожим. – (ассимиляция по глухости)

Если в сердце чужом не найду ответа, – (ассимиляция по глухости, упрощение согласных)

Неприятность эту мы переживём, Между прочим, это мы переживём.

В небесах высоко ярко солнце светит, – (упрощение согласных)

До чего ж хорошо жить на белом свете, – (абсолютный конец слова).

Если вдруг грянет гром в середине лета – (абсолютный конец слова, ассимиляция по глухости).

Неприятность эту мы переживём, Между прочим, это мы переживём.

Эти же тексты можно использовать и для артикуляционных упражнений, в перерыве между отдельными упражнениями прослушивая фрагменты песен, содержащие отработываемый звук, звукосочетание, закон произношения гласного или согласного. В частности, на звук [ш] (а заодно и [ж], поскольку они представляют одинаковую трудность для изучающих русский язык как иностранный) можно использовать, например, «Песенку об улыбке» (слова М. Пляцковского, музыка В.Шаинского). Это вроде бы «отдых», но преподаватель даёт установку: обратите внимание на слова со звуком [ш] (или другим отработываемым звуком). В данном случае нас интересуют такие слова: ти**Ш**ина, ладо**Ш**и, запля**Ш**ут, (дру**Ж**ба)...

Задание 4: смотрите и читайте (хором, в группах, индивидуально).

Обручальное кольцо - не простое украшение,
Двух сердец одно решенье - обручальное кольцо.
Обручальное кольцо - не простое украшение
Двух сердец одно решенье - обручальное кольцо.

«Обручальное кольцо» (слова М. Рябинина, музыка В.Шаинского).

Задание 5: подпевайте (громкость звучания фонограммы регулируется, варьируется преподавателем). – «Чему учат в школе» (слова М. Пляцковского, музыка В. Шаинского).

Задание 6: давайте споём! Это может быть а) первый куплет, б) только припев, в) один куплет (по выбору студентов), г) вся песня.

Задание 7: поём караоке.

Со временем преподаватель может предложить студентам самим выбрать песню для фонетического занятия. Разумеется, преподаватель предварительно обрабатывает методически весь текст песни, обращая внимание не только на фонетический аспект, но и различные лингвистические феномены, а также на культурологическую информацию, содержащуюся в выбранной студентами песне, придерживаясь комплексной работы, о которой упоминалось выше. Иногда в песнях встречаются досадные ошибки, и если всё же эта песня интересует учащихся, то требуется комментарий преподавателя, например:

а) паронимия: «полной грудью **вздохну** воздух этих полей» вместо правильного «**вдохну**» («По высокой траве» в исполнении группы «Любэ»);

б) просторечное «нету» вместо литературного «нет» («Комарики» в исполнении Профессора Лебединского и группы «Жуки»);

в) московский и ленинградский вариант произношения «дождь» в исполнении различных певцов, частности: [дош'ш'], [д Лж'ж'и] – Кристина Орбакайте, Владимир Кузьмин; [дошт'], [дЛжд'и] – Анжелика Варум, Олег Газманов, группа «Любэ» и другие.

Музыка, песня – одно из наиболее эффективных средств воздействия на эмоции слушателей (учащихся); именно поэтому их надо шире использовать в трудной, кропотливой работе по овладению иностранным языком, его произношением. Но фонетическая работа не должна сводиться только к заучиванию и прослушиванию песен, она выводит студентов, в конце концов, в «живую», спонтанную речь на изучаемом иностранном (русском) языке, способствуя совершенствованию всех видов речевой деятельности. Как свидетельствуют экспериментальные данные, «тексты песен выводятся из долговременной в оперативную память быстрее и легче, чем собственно поэтические тексты...».(Потапенко, с. 124). И эти фонетически отработанные тексты служат основой для совершенствования иноязычного произношения.

Литература:

АБРАМОВА, И. В., 2007. Игры на уроках немецкого языка. Иностранные языки в школе. Москва: Московский городской педагогический университет, № 1, с. 42-47.

ИЗМАЙЛОВА, Е. В., 2005. Песни и стихи на уроках английского языка в III классе. Иностранные языки в школе. Москва: Московский городской педагогический университет, № 3, с. 34-36.

МИХАЙЛОВА, Е. А., 2006. Работа над песней на уроке английского языка. Иностранные языки в школе. Москва: Московский городской педагогический университет, № 1, с. 37 – 39.

ПОТАПЕНКО, Т. А., 2008. Цитирование по памяти поэзии в аспекте изучения русской языковой личности. *Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве*. Том I. Часть 2. Санкт-Петербург: МИРС, с. 121-128.

РЕЙМЕР, Р. В., 2007. Использование песен на уроках немецкого языка. *Иностранные языки в школе*. Москва: Московский городской педагогический университет, № 2, с. 40- 44.

СИНКЕВИЧ, Г. С., 2002. Песня на уроке английского языка. *Иностранные языки в школе*. Москва: Московский городской педагогический университет, № 1, с. 50 – 53.

SZEWEL, A.; WATRAS, L.; ZAJDEL, B., 2004. Song Lyrics for EFL Teaching Purposes (intermediate-advanced). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2004.

HOŁDA, M., 2004. Angielski w hip-hopie – Ay yo trip! *Języki Obce w Szkole*. Warszawa: Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli (jednostka budżetowa Ministerstwa Edukacji Narodowej), №2, с.131-138.

Larisa Pavlovskaja

Liepaja University, Latvija

Research interests: linguistic-cultural links, cross-cultural communication, Russian phraseology and phonetics, methods of teaching Russian as a foreign language

**SOUND ARTICULATION AND CORRECTION AT THE INITIAL STAGE
OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Summary

The article discusses the issue of teaching pronunciation in the course of Russian language studies as a foreign language. The author focuses on indissoluble links between perceptive and articulatory skills and abilities in teaching pronunciation. The basis for providing formation and development of perceptive and articulatory basis of the Russian language are lyrics from modern songs of different genres and in different presentation. It is emphasised that the song is not only material for phonetic exercises but also a linguistic-cultural phenomenon performing a significant role in teaching/learning a foreign language. The author gives samples of phonetic assignments and exercises with the aim of revising particular phonetic and orthoepic rules and illustrates them by using separate pieces from the lyrics.

KEY WORDS: perceptive and articulatory basis of the Russian language, phonetic assignments and exercises

Dalia Pinkevičienė

Institute of Foreign Languages Vilnius University, Lithuania

Universiteto g. 3, 01513 Vilnius, Lietuva

Tel.: +37069833034

E-mail: daliaona@gmail.com

Research interests: applied linguistics, discourse analysis, phonetics and phonology

TRIADIC DIALOGUE IN EFL CLASSROOM: POSSIBLE VARIATIONS

Students learn languages through talking and there is a documented need for more student talk in the classroom. Through talk we learn not only structural components of a language but also the communicative application of it. Do standard classroom speaking strategies, embodied in typical predictable patterns, can successfully serve these functions? And to which extent those traditional patterns should allow predictability and control in managing classroom interaction? In this article the focus is driven towards the ways the teacher can orchestrate and support a kind of classroom discourse that engenders more active student talk. A particular emphasis is put on the use of the Triadic Dialogue, known as IRF (initiation – response - follow-up) pattern, the value of which has been debated in writings on language education. It has attracted criticism for being ritualistic and restrictive, although recent research has pointed to the range of functions that may be fulfilled by the follow-up move. The paper examines the constituents and possible sub-genres of the three-part classroom exchange and aims to prove that a certain degree of freedom is possible within the constraints of the Triadic Dialogue. Drawing on recorded episodes of teacher-students interaction in adult EFL classroom, the paper will show that the three-part pattern allows spontaneous variations and extensions initiated both by teachers and students. The variety of forms that the basic IRF structure can take enriches the linguistic repertoire of choices in the co-constructed classroom reality.

KEYWORDS: classroom discourse; discourse analysis (DA); conversation analysis (CA); open and close discourse; Triadic Dialogue or IRF (initiation - response - follow-up) pattern

Introduction

It is now generally accepted that proficiency in another language requires more than knowledge of a linguistic code (grammatical competence) (e.g. Cazden 2003, Thornbury 2005, McCarthy 1991, not to mention the CEFR 2001). It includes the ability to say the appropriate thing in a certain social situation (sociolinguistic competence); the ability to start, enter, contribute to, and end a conversation, and the ability to do this in a consistent and coherent manner (discourse competence); the ability to communicate effectively and repair problems caused by communication breakdowns (strategic competence); and the ability to convey and understand communicative intent (actional competence) (Boyd & Miller 2000).

To build such communicative language competence the learner needs to do more than supply one-word answers in the target language or recite isolated sentences. The learner needs to be actively engaged in constructing and clarifying meaning. Students can learn about the target language and through the target language by producing it.

This is to happen in a very particular setting, the classroom context, which is recently viewed as defined by two sets of major constraints. On the one hand, as in any institutional discourse setting, verbal behaviour of the participants in the classroom is goal-oriented and governed by certain rules. The rights and obligations of the participants, as well as their role relationships, are culturally accepted and pre-specified by instructional goals stated in the curriculum and determined by other requirements of formal educational contexts. In typical classroom communication, the teacher is in control of turn-taking and topic management, and usually follows a plan of actions that aims to achieve certain instructional objectives.

On the other hand, language teaching is a relatively unpredictable phenomenon, co-constructed and defined by the participants. Language teachers work with people in specific

situations at a given point of time. Institutional rules and restrictions do influence the reality of teaching but they are not full reality, they are simply elements of the complex dynamics of teaching and learning (Tudor 2001, p. 9). In this view, learners are treated as active agents who, along with their teachers, engage in a form of conversational discourse that aims for the enhancement of understanding rather than the one-way transmission of teacher-directed instructional talk (Wells 2005).

To combine the ritualistic and the spontaneous features of classroom discourse, the term “instructional conversation” has been coined (Wells 2005). As a notion, IC “*contains a paradox: ‘Instruction’ and ‘Conversation’ appear contrary, the one implying authority and planning, the other equality and responsiveness*” (Tharp & Gallimore 1988 quoted in Wells 2005). The questions to be addressed here are: Can this paradox be resolved? And, If so, under which conditions? Can the evolved with time structural patterns such as IRE that were used mainly for instruction allow enough flexibility for conversational purposes? Is it overall realistic to expect conversation to take place in the classroom?

Literature overview

The IRE cycle is a teacher-led, three-part (Initiation, Response, Evaluation) sequence that begins with the teacher asking a student a question or introducing a topic for the purpose of finding out whether the student knows the answer. In the IRE pattern, the student answer is evaluated by the teacher. Then the interaction ends. The pattern was first identified by Sinclair and Coulthard at the University of Birmingham (1975). Here is an example from Sinclair and Coulthard’s analysis of an interaction within a lesson (Coulthard 1992, p. 2):

- 1 Teacher (initiates): Can you tell me why do you eat all that food? Yes.
2 Pupil (responds): To keep you strong.
3 Teacher (evaluates): To keep you strong. Yes. To keep you strong. Why do you want to be strong?

Sinclair and Coulthard (1975) analyse this part as an eliciting exchange, since its primary function is to elicit information. The exchange is made up of moves: the first utterance in line 1 by the teacher is an initiating move; the pupil then makes a responding move in line 2; and the teacher then makes a follow-up move in line 3, when s/he repeats the pupil's utterance to confirm that this was the answer s/he wanted. S/he then goes on to make another initiating move.

This rigid pattern is valid in traditional, teacher-fronted classrooms where teachers and students speak according to very fixed perceptions of their roles. Conversation in this case is very one-sided, with the teacher asking all the questions and the students answering them. Moreover, the teacher questions are most of the time display (known information) questions. Such questions usually require only short answers and do not generate adequate language output by students. The spontaneous, two-way interactional and interpersonal features of conversation are almost totally absent from this kind of classroom discourse. Thornbury (2005, p. 80) though marks that *this does not disqualify it as form of discourse of its own right: this kind of ‘teacher talk’ has a long tradition and serves a very useful pedagogical purpose. But it can no way be considered a valid model for – or practice of – casual conversation.*

Likewise, White (2003) notes that a less rigid, discussion oriented classroom setting creates difficulties in applying the IRE model. He observes that in small language classes with relaxed perception of teacher/student roles, the turn-taking becomes free and results in an excess of student/ teacher exchanges without a new initiating move made by the teacher, i.e. the structure then follows the pattern of IRFRF or IRFRFRF.

Nunn (2001), on the other hand, argues that teacher-fronted classroom discourse, as opposed to communicative language teaching, is sometimes devalued. He agrees that due to its highly repetitive structuring in the flow of discourse teacher-fronted language is a ‘ritual’ antithetical to classroom discussion, but in his opinion, rituals are necessary and useful, and can serve as ‘framing devices’ to embody ‘a repertoire of choices.’ Thus Nunn allows ‘*spontaneous improvisations on basic patterns of interaction*’, taking the IRF model (where F stands for ‘follow-

up’, as the function of this move can be not only evaluative) as a pattern. He enriches the IRF structure with a new element called ‘negotiation’ and marks it as N resulting in elaborations of the model like INR, IRNRF, INNRR and so on. He claims that teacher-fronted classroom rituals do not exclude negotiated choices and that they are ‘potentially useful and flexible educational tool.’

Nassaji and Wells (2000) question assumptions that the prototypical function of the third turn in the IRE sequence is primarily evaluative of the preceding student turn, arguing that a wider range of options is available to teachers. They point out that in this way teachers may extend the sequence with ‘dependent exchanges’ until the sequence is completed with an acceptable answer. They discuss the variations of the third move to promote open dialogic classroom interaction, as opposed to using Triadic Dialogue as an instrument of control in the discourse.

These freer interpretations of the three-part pattern let us understand the IRF approach as a contrast to the IRE pattern defined above. Thus in this paper I will stick to the following: IRF structure is a sequence that begins with either the teacher or student asking a question or introducing a topic. After a response is given, the initiator then uses the response to move the conversation forward. This conversation can continue for as long as the participants wish to talk about the subject, and may include contributions from many people in class (Byram 2001).

Teachers and learners adjust their use of language according to the task they are involved in. While certain classroom activities (for example, grammar explanations, checking episodes, teaching content-based subjects) may involve very little learner participation and greater portions of traditional teacher-centered talk, others (like eliciting learner responses, discussions) may result in more active learner participation and more complex teacher-learner interaction. The important point is to be aware of the particular goal at a given moment and to be able to match the pedagogic purpose to the language in use.

Thus, instead of labeling teacher monopolized discourse as ‘negative’ and more symmetrical teacher-student interaction as necessarily ‘positive’, I would prefer to stick to more neutral categories such as ‘close discourse’ and ‘open discourse’. Close discourses are defined as those associated with teacher control and with predominance of teacher talk. Open discourses are characterized as those associated with progressively more student involvement and progressively less teacher talk (Henning 2004). This continuum is summarized in Table 1.

Table 1. Participant frameworks in close and open discourse

	Close	----->	Open
Questions	Display questions		Referential questions Follow-up questions
	Convergent student responses		Divergent student answers
Teacher responses	Confirm/reject		Repeat Elaborate Reformulate Comment
Results in	More teacher talk Primarily teacher to student interaction IRE		Few questions Very divergent student answers Make a statement Give a signal Provide for a student question Maintain silence More student talk More student to student interaction Student-initiated IRF/ no IRF

Both teacher and student variations on the three-part pattern, and student-initiated IRFs are under-explored, let alone in Lithuanian educational context. The aim of this paper is to examine possibilities of how to extend and vary the Triadic Dialogue. Therefore I am going to locate my investigation in the realms of mid-open and open discourse depicted in the continuum in Table 1. This study builds on an earlier study (Pinkevičienė 2010).

Data and methodology

Eight teachers of EFL (most of them were from an international language school in Vilnius) agreed to take part in this study. Each was asked to make audio recordings of one of their lessons.

The students were EFL learners of various ages (young adults, university students and secondary school graduates) and of different previous experience in learning English, at levels of English instruction ranging from pre-intermediate to intermediate. From the total of approximately seven hours of recorded lessons, extracts containing sequences of more intensive teacher-student interaction (discussions, role-plays, dialogues) were transcribed and then qualitatively analyzed using Discourse Analysis (DA) and Conversation Analysis (CA). The data is sufficient for only a small-scale qualitative study, the same classroom transcripts were used for the previous study of mine referred to earlier in this paper.

Discourse Analysis is concerned with what the participants actually do with words within contexts (their functional value) and aims to create '*a separate set of labels*' used to describe functional units of discourse (McCarthy 1991, 8). It is a 'top down', highly theoretical approach that seeks, if possible, to create '*an analytic grid to slot items of discourse into*' (Coulthard 1977). One of the first and most apparent framing mechanisms of classroom discourse discovered by DA analysts was the above-mentioned IRE pattern. Conversation Analysis (CA), which by some authors is seen as just a branch of DA (McCarthy 1991), on the contrary, is claimed to be a 'bottom-up' empirical study which describes conversation in terms of turn-taking, sequences and repair practices, and observes how people orient to the demands of a particular speech event. In contrast to DA, Conversation Analysis does not attempt to 'fit' the data to preconceived notions. The classroom context, under a CA methodology, is viewed as being dynamic, changing from one stage of a lesson to another according to the goals of the participants.

Nunn in his article 'A Dual Approach to Classroom Discourse' (2003) shares his experience in using both discourse and turn-taking analysis to analyze the same data. He claims that together they provide insights which neither approach can provide alone. In my opinion, this is the attitude to share and to adopt – the analyst should feel free to choose the most suitable approach or a combination of approaches. After all, what matters is not which particular method of analysis we use to describe or structure elements of discourse, what matters is the function they perform.

Results and discussion

From the analysis of the recorded data, it becomes obvious that some teachers, whether knowingly or instinctively, consistently create opportunities for learner involvement. Out of the eight recorded lesson extracts provided by eight different teachers, one was noticeably more successful than the others from the point of view of the amount and quality of student contributions. This extract can serve as a model for self-reflection and application for other teachers. Most of the examples provided in the discussion that follows have been taken from this particular extract.

In this part of the paper, I will first comment on the constituents of the extended Triadic Dialogue and then provide examples of the sub-genres of extended or student-initiated IRF found in the data. For simplicity and economy, only very short chunks of the transcripts have been selected to illustrate certain features of expanded IRF structures.

1. Constituents of an extended IRF

The study confirms that the main prerequisites for an expanded teacher-led IRF pattern (Triadic Dialogue) constitute the following: initial mostly referential teacher questions that inspire divergent student answers, follow-up questions, and multifunctional follow-up moves. In Table 2 I illustrate them with examples from my own data.

Initiating move is obligatory in any kind of IRF sequence and signals the beginning of it. It proposes an issue for discussion and requires the students to contribute to the issue in response. Certainly, the choice of initiating question has an important influence on the way in which the sequence develops. Referential (new information) questions - questions for which teachers are not seeking one particular answer - are more likely than known information questions to elicit substantive student contributions.

By follow-up questions (or further questions) in the topically related set of moves started with an initial question teachers usually check for confirmation or ask for clarification. Follow-up

questions are essential for the teacher's ability to use what students have to say and to 'build' the further discussion on it. By asking a follow-up question (e.g. 'Why is that?' or 'Can you support your answer with examples?') the teacher invites the student to extend or qualify the initial contribution, and simultaneously keeps a subtle control on the topic.

Table 2. Prerequisites for an expanded IRF pattern (examples)

Questions	Initial questions (referential questions)	132. T: now a question to everyone – I believe that any international company would have some kind of INHOUSE MAGAZINE – <u>to what extent do you believe information that is published there is relevant to the employees within the company? – like - would you expect people to hold their breath waiting for another issue of the magazine to arrive?</u> 133. S4: I can say from my personal experience - that I don't care so much...
	Follow-up questions	70. S: so there must be penalties and we won't have from what to pay cause we have no profit 71. T: amm - <u>what do you mean by penalties from customers?</u>
Follow-up moves	Comment	46 S2: and the problem is that this magazine is only for you and for one sort of all our employees 47. T: <u>I guess the employers are getting cheeky now!</u> (laughs)
	Repeating	8. S1: so I think Ramunas must know very well 9. T: <u>right - so he would be the person to know</u>
	Reformulation	112.S4: and just click – maybe three – ok or four – four languages 113.T: <u>so you're saying – you're saying we should aspire to make some savings – allocate the money differently</u>
	Back-channeling Deliberate silence	'uh-huh', 'mmm', 'right', 'OK', 'aha', 'right' student/student interaction

Apart from a follow-up question, the teacher may choose to add a comment on the student's contribution. In the context of promoting natural and conversational language use, spontaneous comments and personal (often humorous) reactions create an atmosphere in the classroom which is conducive to learning and likely to promote learner involvement.

Repetition of a student's contribution confirms, emphasizes student responses and incorporates them into the following discourse. When the teacher alters student utterances (reformulation), it serves a purpose of greater clarity, more complex conceptualization, elaboration, animation or a more specialized register.

One-word remarks, such as 'uh-huh', 'mmm', 'right', 'OK', 'aha', known as back-channeling, mean that the teacher is attending to the message but not actually taking a turn. Like in a natural conversation, they indicate the interest, comprehension and minute-by-minute attention to what students have to say.

In classroom contexts where the stated aim is to increase oral fluency, deliberate appreciative silence, or extended wait-time, which many teachers might consider to be a sign of weakness, or a sign of not being able 'to do their job', is actually desirable and leads to more complex learner answers or an increase in student/student interaction.

2. Sub-genres of an extended IRF

This paper does not aim to put forward a taxonomy of the sub-genres of Triadic Dialogue. It will only describe three most open variations of the pattern that were found in the recorded data and present excerpts from the transcript to exemplify the three issues.

Negotiations of meaning

Ex 1

53. T: We have a very humble person sitting at the other end of the table there – assistant to the communications manager - what is your perspective right? – the President please include the person in discussion

54. S1: so I think Darius as assistant to communication manager – must know – umm - he’s the person who knows very well how to communicate with the people – to - I don’t know - about what the communication manager just – communication manager can do few things
55. T: uh-huh
56. S1: communicate like PR
57. T: could be
58. S1: yeah and
59. T: [and within the company right?]
60. S1: and within the company- so
61. T: so what scope of responsibilities do you have?
62. S1: [yeah]
63. S4: It’s not written here what responsibilities
64. T: (whispers) after w heading
65. S4: ok
66. [laughter]
67. I’m assistant for communication manager INSIDE the company
68. T: OK –[now he said it straight - right (laughter)]

This lesson segment is a part of a role-play based on the material in the course book which the class had to read at home. The students are supposed to play a team of executives of an international company having a meeting to discuss some problems connected to their company’s inside magazine. The simulated discussion is to be led by the President of the company (S1).

Turns 53 to 68 (Ex 1 show an extended IRF pattern that contains a piece of negotiation between S1, S4 and the teacher about the meaning of ‘communication manager’. The pattern is started with a teacher-initiated initial question (‘What is your perspective right?’) which is posed in a very friendly informal manner and in which she also encourages the President (S1) to perform her ‘duties’ (Turn 53). It is important that the negotiation about the meaning is initiated by S1 who is not sure what responsibilities the position of ‘communication manager’ includes. The student does not actually ask a question, she just starts thinking loudly whether it might include this or that and the teacher helps her by supporting her opinion (Turn 57) and suggesting other possibilities (Turn 58) until S1 completes the utterance (Turn 59). The teacher does not give a ready answer, she turns to S4 with a question instead thus involving him into the ‘search’ for the meaning. She tactfully (in whisper) guides him to where to find the necessary information in the book and greets the desired answer with affirmative ‘ok’ and a joke (Turn 68).

The whole structure could be viewed as a traditional IRF as it starts with an initial teacher question and ends with an evaluative teacher follow-up move, were it not for the element of negotiation in between which so very much resembles a naturally occurring conversation.

Student-asked questions (in turn 292 Ex 2)

Ex 2

292. S3: teacher do you have a pet?
293. T: oh yeah! – I mean – in my life I had all kinds of pets that you can think of – at least in Lithuania (laughter) –...– but now I have really good pedigree dogs – two of them – beautiful
1. S3: PEDIGREE dogs?
295. T: pedigree means you know –[like – umm]
297. T: yeah yeah something like that – AHA – SO – next time...

Student asked question seldom happen in the data used for this paper. It shows that Lithuanian classrooms, as perhaps most classrooms in the world, tend to be teacher-led. This particular question (Turn 292) appears after a series of questions (which could be viewed as a series of IRF structures extended with teacher follow-up questions) the teacher asked a few students in turn about their pets. Students were telling the teacher stories based on their personal experiences and then one of them asked the teacher to share something from his own life. As it is seen from the transcript, the teacher answers the question willingly thus creating a more dialogic and more equal mode of participation in the classroom.

The only other case of student asked questions and also some student/student interaction in my data could be observed in the context of university environment after student-given

presentations. When one or more students are presenting to the rest of the class, the role of the ‘manager’ of the discussion is sometimes handed over to a student.

Student-suggested sub-topics (topic shifts)

Ex 3

154. T: so Ramunas would you be really interested in such reading – or you’d rather search on the Internet for the information and see what’s going on up today
155. S2: [you know in previous workplace] - and previous employees where I worked – they had such magazine which was published every two weeks– and – it was in PDF format and in in Internet
156. T: uh-huh
157. S2: and there was news about Lithuania and about local market and about local employees – and everything related to our work
158. T: right
159. S2: so it was very useful
160. T: I understand – would you say it was more beneficial – no paper involved – just a click of a mouse away?
161. S2: you know – it’s – I don’t think – umm
162. T: does it really make any difference?
163. S2: NO
164. T: if that’s a conventional magazine or that’s something in a form of a PDF file – whatever it might be
165. S2: we just put it in the Internet we just printed it and read
166. T: ok – I understand – so still you are saying it is useful and people should go ahead with that
167. S2: so everyday we were waiting for this magazine – it was very interesting
168. T: [AMAZING]– amazing thank you – Tomas how do you feel about the magazine?...

The given episode starts with an open teacher question about an internal magazine in the company. Then it turns into a freer teacher-student interaction as the teacher allows the student to develop the topic of the discussion and to shift it slightly to a sub-topic of a company magazine as a PDF file (Turns 155 to 164). She develops the sub-topic introduced by S2 by asking more questions about it (follow-up questions) and shows her agreement and approval by providing frequent back-channeling (Turns 157, 159). At the end of the extended IRF structure, she gives very positive feedback (‘Amazing, thank you’, Turn 169), which not only encourages the student but also shows the teacher’s genuine interest in the newly introduced sub-topic.

It is most important to allow students some interactional space – as long as the discussion is more or less within the scope of the main topic, students may talk about issues that *they* find intriguing and that are related to *their* personal life experiences. To promote this epistemic student talk, the teacher explicitly builds on what the student has introduced and extends the IRF pattern. This leads to more content-driven teacher-student interaction, more conversation-like atmosphere in the classroom, and hence more learner involvement.

Implications

1. If we aim to teach our students conversation, it is important to expose them to more open classroom discourse, i. e. to involve learners in classroom activities that will generate output as close as possible to naturally occurring talk. The reality of classroom context, however, is predetermined by two sets of constraints: academic or institutional tasks and social participation of learners and teachers. Complete naturalness is therefore hardly possible in the classroom. Classroom environment can provide only simulations of real life talk which aim to practice conversation and, in many respects, resemble a conversation.

2. The IRF classroom discourse sequence (Triadic Dialogue) is a valued and traditional classroom language pattern which continues to be dominant in Lithuanian EFL classrooms. Depending on the openness of discourse required for the pedagogic purpose, this format can be applied for a wide variety of tasks, ranging from checking episodes where the classic IRE structure is sufficient to more open and more conversation-like extended IRF structures that allow embedded elements such as negotiation, student-initiation and student-induced sub-topics. Thus the extended IRF pattern can be considered as a mid-point between a ritual and spontaneity.

3. In case of successfully applied conversation-like IRF structures, the teacher is no longer a ‘primary knower’, the teacher then makes moves that enable both students and teacher to contribute and co-construct understanding of an issue for which there is no one single correct answer and in

which the goal is to arrive at a consensus after considering a variety of alternatives; i.e. the teacher then supports student utterances by playing roles of 'initiator', 'affirmer', 'clarifier', 'questioner', and 'summarizer'. At the same time the teacher remains a 'manager' responsible for the discussion and for the ensuring that time in the classroom is well spent.

4. Much could be done by individual teachers themselves to improve their understanding of the relationship between teacher talk, interaction and learning opportunity. Teachers need to be conscious of the need to use language appropriate to their teaching aim. They can find out about their language in classroom by making audio- and video- recordings of their lessons which they can analyze with the help of either methods of Discourse Analysis or Conversation Analysis, or the combination of both. An increased understanding of classroom discourse can result in more measured and controlled use of classroom language.

References

- BYRAM, M. (ed.), 2001. *Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning*. London: Routledge
- BOYD, M. and Miller, V., 2000. How Teachers Can Build on Student-Proposed Intertextual Links to Facilitate Student. (Liedykla)Talk in the ESL Classroom, in Hall, J. (ed.) *Second and Foreign Language Learning through Classroom Interaction*. Lawrence Erlbaum Associates, NJ
- CAZDEN, C. B. and S. W. Beck. 2003. Classroom Discourse, in Graesser C., M.A. Gernsbacher and S. R. Goldman (eds). *Handbook of Discourse Processes*. NJ.
- COULTHARD, M. 1977. *An Introduction to Discourse Analysis*. Longman
- GEWEHR, W. et al. 1998. *Aspects of Modern Language Teaching in Europe*. London: Routledge
- HENNING, J. E. 2004. The "BOW TIE" A Conceptual Tool for Opening Up Classroom Discourse. *Curriculum and Teaching Dialogue*. Vol.6, No.1
- McCARTHY, M. 1991. *Discourse Analysis for Language Teachers*. CUP.
- NASSAJI, H. and Wells, G. 2000. What's the use of 'triadic dialogue'? An investigation of teacher-student interaction. *Applied Linguistics*, 21(3), pp. 376-406.
- NUNN, R. 2001. Language Learning Across Boundaries. Negotiating Classroom Rituals, *Teaching English as a Second Foreign Language*, 5/2.
- NUNN, R. 2003. A Dual Approach to Classroom Discourse. Killing One Bird with Two Stones? *Research Reports of Kochi University*, Vol.5, pp.:123-130
- PINKEVIČIENĖ, D. 2010. Coaching Talk in EFL Classroom. *Language and Culture: New Challenges for the Teacher of Europe*, VUL. ISBN 978-9955-33-521-4
- SINCLAIR, J. M. and Coulthard. R. M.. 1975. *Towards an Analysis of discourse: the English used by teachers and pupils*. London: Oxford University Press.
- THORNBURY. S., 2005. *Beyond The Sentence*. Macmillan.
- TUDOR, I., 2001. *The Dynamics of the Language Classroom*. Cambridge University Press.
- WELLS, G. and HANEDA, M., 2005 Extending the instructional conversation. In C.R. O'Donnell & L. Yamauchi (Eds.) *Culture and context in human behavior and change: Theory, research, and applications* (pp. 151-178), New York: Peter Lang.
- WHITE, A., 2003. The Application of Sinclair and Coulthard's IRF Structure to a Classroom Lesson: Analysis and Discussion. University of Birmingham.

Dalia Pinkevičienė

Vilniaus universitetas, Užsienio kalbų institutas, Lietuva

Moksliniai interesai: taikomoji lingvistika, diskurso analizė, fonetika ir fonologija

TRIADINĖ POKALBIO ANGLŲ KALBOS PAMOKOJE SĄRANGA: GALIMYBĖS VARIJUOTI

Summary

Šiame darbe nagrinėjama viena dažniausiai pasitaikančių mokytojo kalbėjimo su mokiniais/ studentais struktūrų – taip vadinamoji triadinė struktūra arba trijų dalių seka, kurią paprastai sudaro mokytojo klausimas, mokinio/studento atsakymas ir mokytojo įvertinimas arba kitokia replika. Metodinėje kalbų mokymo literatūroje triadinė struktūra yra vertinama prieštaringai. Neretai pabrėžiama, kad ši tradicinė, beveik ritualistinė seka yra sustabarėjusi, nenatūrali, tinkama tik gramatinėms žinioms įvertinti, o ne mokyti bendrauti užsienio kalba. Remiantis suaugusiųjų kalbų mokykloje ir universitete įrašytais autentiškais pamokų epizodais, šiame tyrime teigiama, kad triadinė pokalbio struktūra yra gana lanksti ir gali būti sėkmingai pritaikyta įvairiems mokymo(si) tikslams, ypač kai tinkamai panaudojami skirtingi mokytojo inicijavimo, klausymosi ir replikavimo būdai. Tyrimas taip pat parodė, kad pokalbio iniciatyvą – tiesa, gana retai – perima ir mokiniai/studentai. Darbe pateikiami trys konkretūs išplėto triadinio

dialogo pavyzdžiai, kurie, tikimasi, paskatins užsienio kalbų mokytojus naujai pažvelgti į savo kalbą ir galbūt keisti kai kuriuos savo kalbėjimo klasėje įpročius.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: diskurso analizė, pokalbio analizė, triadinė pokalbio sąranga, atviras ir uždaras diskursas

Virginija Jūratė Pukevičiūtė

VU Užsienio kalbų institutas, Vokiečių kalbos katedra, Lietuva

Universiteto g. 5, Vilnius, Lietuva

El. paštas: virginija.jura@gmail.com

Moksliniai interesai: užsienio kalbų dėstymo metodika

MOKINIŲ IR STUDENTŲ POŽIŪRIS Į ĮSIMINIMO STRATEGIJAS MOKANTIS UŽSIENIO KALBŲ

Straipsnyje tyrinėjami mokinių ir studentų prioritetai, teikiami įsiminimo strategijoms, kurias renkasi aukštesniųjų klasių mokiniai ir pirmo kurso studentai, mokydami užsienio kalbų. Visų pirma, apibrėžiama įsiminimo strategijų plotmė bei apibendrinami tyrimai, aprašyti užsienio šalių ir Lietuvos mokslo šaltiniuose. Antra, tyrinėjama respondentų įsiminimo strategijų taikymo raiška. Trečia, nustatyti statistiškai reikšmingi skirtumai tyrimo dalyvių požiūryje į įsiminimo strategijas.

Išryškėjo, kad mokiniai ir studentai daugiausia veiksmingai mokosi užsienio kalbų, kai sudaro klausomo ar skaitomo teksto santraukas, struktūruoja mokomąją medžiagą, braižo minčių žemėlapius, domisi sugestijos technikomis, rengia aktyvaus žodyno kartotekas, nors daugumai šių strategijų neteikiami aukščiausi respondentų vertinimai.

Nustatyta, kad lytis yra reikšmingas veiksnys pasirenkant įsiminimo strategijas. Moterys dažniau sudarinėja klausomo ar skaitomo teksto santraukas, naudoja asociacijos strategijas, stengiasi prasmingai mokytis.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: *įsiminimo strategijos, požiūris, mokiniai, studentai, užsienio kalbos, skirtumai pagal lytį*

Mokymuisi prielaidas sukuria įvairūs veiksniai, kuriuos mokslininkai (Piaget 1970; Edmondson House, 2000; Helbig ir kt., 2001; Dörnyei, Skehan, 2003) skirsto į **vidinius** (neurobiologinius, kognityvius, afektinius), mokslinėje literatūroje dar vadinamus *individualiais skirtumais*, bei **išorinius** (socialinę aplinką, supančią besimokantįjį). Išorinių veiksnių įtaka vidinėms individo struktūroms, pasak J. Piaget (1970, p. 721), gali pagreitinti arba sulėtinti individo vystymąsi, bet negali pakeisti vystymosi pakopų eiliškumo, o rusų psichologo L. S. Vygotskio (Выготский 2006) nuomone, dėl pastovios vidinio ir išorinio pasaulio sąveikos susiformuoja vidinių ir išorinių veiksnių dinamika, sukurianti prielaidas žmogaus kognityvių galių vystymuisi.

Remiantis konstruktyvistine pažinimo teorija kiekvieno individo mokymuisi didelę įtaką daro *neurobiologiniai veiksniai*, susiję su individo vystymosi pakopomis, ir *kognityvūs procesai*, be kurių nebūtų įmanoma bet kokia mokymosi veikla, yra individualūs (Riemer 2001; Grotjahn 2003). Kognityviosios teorijos atsiradimas XX a. antroje pusėje skatino kitaip pažvelgti į mokymo(si) procesą. Buvo teigiama, kad žmogus ir jo mąstymas yra aktyvūs, kūrybingi ir orientuoti į tikslą perimant, apdorojant ir išsaugant žinias ir informaciją. Yra pastebėta (Leitner 1998; Jensen 1999; Spitzer 2002; Birkenbihl 2005; Petty 2006; Солсо 2006), kad ne visa išgirsta, perskaityta ar išmokta informacija yra efektyviai įsimenama. Tai nulemia *atmintis*, gebanti priimti, išsaugoti ir atgaminti informaciją. Kadangi žmogui yra vertingos tik tos žinios, kuriomis jis gali disponuoti, todėl mokantis svarbu atkreipti dėmesį į veiksnius, skatinančius ar stabdančius įsiminimą, t. y. dėmesio stoka, nepakankamą susikoncentravimą, medžiagos įdomumą, aktualumą, atsirandančias neigiamas emocijas, stresines situacijas, kai baiminamasi gauti blogą pažymį, neišlaikyti įskaitos ar egzamino, ar nuovargį, netinkamą mokymosi aplinką.

Sėkmingas mokymasis siejamas su *strateginiais gebėjimais*. Jau daugelį metų psichologijos ir edukologijos mokslų atstovai įvairiuose kontekstuose, įvairiais aspektais intensyviai tyrinėja mokymosi strategijas bei pateikė įvairių mokymosi strategijų taksonomijų (Danserau 1985; O'Malley Chamot 1990; Oxford 1990; Friedrich Mandl 1992; Wild Schiefele 1993; Wild 2000; Bimmel Rampillon 2004). Mokymosi strategijų ir efektyvaus išmokimo problemos mokantis užsienio kalbų domina ir Lietuvos mokslininkus. N. Mačianskienė (2004)

atliko teorinį ir empirinį studentų mokymosi strategijų tyrimą, D. Jatautaitė (2005), analizuodama intensyvius anglų kalbos mokymosi metodus, įrodė netradicinių metodų efektyvumą lavinant atmintį, greitinant žodžių išmokimą. G. Ilčiukienė (2008), nagrinėdama kalbos ir muzikos sąsajas, akcentavo muzikos elementų (dainelių, ritminių skanduočių) poveikį užsienio kalbų mokymuisi pradinėse klasėse.

Akivaizdu, kad mokslo šaltiniuose pastebimas domėjimasis mokymosi strategijomis, kurių tarpe įsiminimo strategijos mokantis užsienio kalbų vaidina svarbų vaidmenį. Manoma, jog paprastai mokantis mokiniai ir studentai renkasi įprastas, jiems žinomas strategijas, todėl tyrimo **problema** būtų galima išreikšti klausimu, kokioms įsiminimo strategijoms teikia prioritetus aukštesniųjų klasių mokiniai ir pirmo kurso studentai bei kiek jos yra veiksmingos mokantis užsienio kalbų.

Tyrimo objektas – mokinių ir studentų įsiminimo strategijų taikymas.

Tyrimo tikslas – iširti mokinių ir studentų įsiminimo strategijų raišką mokantis užsienio kalbų.

Tyrimo uždaviniai: 1) nustatyti mokinių ir studentų prioritetus pasirenkant įsiminimo strategijas; 2) išanalizuoti pasirenkamų įsiminimo strategijų mokantis užsienio kalbų sąsajas; 3) atskleisti respondentų požiūrio į įsiminimo strategijas skirtumus pagal lytį ir amžių.

Tyrimo **metodologija.** Tyrimas grindžiamas konstruktyvistiniu požiūriu į mokymąsi, kuris traktuojamas kaip aktyvus, savireguliuojantis, konstruktyvus, socialinis, nuo situacijos priklausantis bei patirtimi paremtas procesas.

Tyrime taikyta:

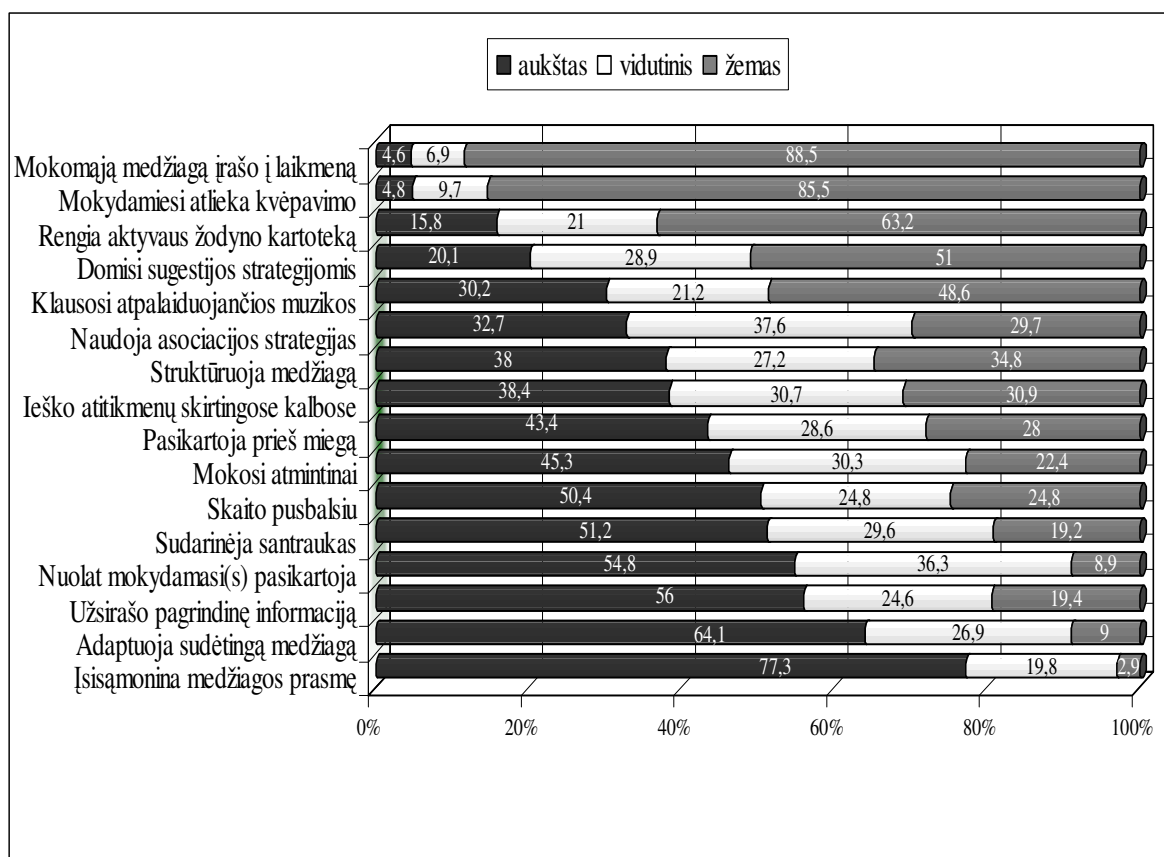
- Mokslinės literatūros šaltinių lyginamoji analizė, interpretavimas, išvadų formulavimas.
- Kiekybinio tyrimo metodas, t. y. *uždaro tipo anketa*, sudaryta remiantis autorės (Pukevičiūtė 2009, p. 85–87) parengtu mokymosi mokyti kompetencijos teoriniu–empiriniu modeliu, kuriuo siekta analizuoti ir empiriškai pagrįsti mokinių ir studentų mokymosi mokyti kompetencijos raišką.
- *Statistinės analizės metodai:* aprašomosios statistikos *procentiniai dažniai*; *Pearsono tiesinės koreliacijos* tarp atskirų kintamųjų *koeficientas* (r) nustatant statistiškai reikšmingus ryšius tarp kintamųjų ir šių ryšių stiprumą; *Chi kvadrato kriterijus* (χ^2), tikrinant skirtumus tarp atskirų kintamųjų. Tyrimo duomenys apdoroti SPSS programos 17.0 versija.

Tyrimo metu apklausti 356 penkių Lietuvos universitetų pirmo kurso (antro semestro) studentai (52 %) ir įvairių Lietuvos miestų ir miestelių mokyklų 333 (48 %) aukštesniųjų klasių mokiniai, iš viso 689 respondentai.

Mokinių ir studentų prioritetai pasirenkant įsiminimo strategijas

Įsiminimo strategijos priskiriamos kognityvių mokymosi strategijų grupei, kuriomis, pasak P. Bimmelio ir U. Rampillon (2004), apdorojama nauja informacija, išsaugojama atmintyje restruktūruojant ir automatizuojant jau esamas žinias. Remiantis konstruktyvizmo idėjomis suprantama ir išmokstama tik tai, ką galima susieti su jau esamomis patirtimis. Mokantis užsienio kalbų įsiminimo strategijos vaidina svarbų vaidmenį, juolab kad kiekvienas yra unikalus ir individualiai mokosi ir išmoksta. Todėl mokymosi procese turi būti pateikiama įvairių strategijų.

Mokinių ir studentų požiūrio į įsiminimo strategijų naudojimą kriterijumi laikyti gebėjimai veiksmingai taikyti įvairias įsiminimo strategijas. Tyrimo duomenys suskirstyti į tris lygius: aukštas – efektyviai įsiminti ir pasikartoti mokomajai medžiagai taikomos įvairios strategijos; vidutinis – ne visuomet pavyksta parinkti paveikią įsiminimo strategiją, trūksta įgūdžių atrinkti ir išsaugoti atmintyje reikiamą informaciją; žemas – neturima žinių apie strategijas, pagreitinančias informacijos įsiminimą, linkstama mokyti taikant jau žinomas įsiminimo strategijas, dažnai mokomasi atmintinai (1 paveikslas).

1 pav. Mokinių ir studentų požiūrio į išimimo strategijų taikymą mokantis sklaida

Duomenys rodo, kad išimindami mokomąją medžiagą mokiniai ir studentai teikia pirmenybę informacijos apdorojimo strategijoms: jie struktūruoja, skaido medžiagą, užsirašo atrامينius žodžius ar žodžių grupes. Kaip rodo praktika, šios strategijos yra populiaros ne vien tik mokantis užsienio kalbų, bet ir kitų dalykų. Taigi dažniausia tyrimo dalyviai (77,3 %) *stengiasi suprasti medžiagos, kurią reikia išiminti, prasmę ir paskirtį*, beveik du trečdaliai respondentų (64,1 %) bando *papasakoti sudėtingą informaciją savais žodžiais, užsirašo skaitomo ar klausomo teksto pagrindinę informaciją* (56 %) bei *sudarinėja mokomosios medžiagos santraukas* (51,2 %). Pažymėtina, kad vos ne pusė besimokančiųjų (45,3 %) paprastai naują medžiagą išimena *mokydami atmintinai*. Tai reiškia mokantis dominuoja tradicinės informacijos apdorojimo ir išimimo strategijos.

Paaikškėjo, jog per trečdalį mokinių ir studentų išimindami mokomąją medžiagą taiko įvairias asociacines strategijas, vaizdines ir garsines priemones. Nustatyta (Buzan 1971, 1986), kad smegenys žinias išsaugoja asociacijų ir sąryšių forma, todėl strategijos, stimuliuojančios dešinią ir kairią smegenų pusrutulius, padeda veiksmingai išiminti informaciją ir optimaliai išnaudoti smegenų galias. Daugelis efektyvių inovatyvių išimimo strategijų žinomos pasaulyje jau beveik keturis dešimtmečius, tačiau, atrodo, nėra paplitę mūsų (aukštosiose) mokyklose. Duomenys atskleidžia, kad šiek tiek daugiau nei pusė tyrimo dalyvių (51 %) *nesidomi informacijos išimimo strategijomis*, o per ketvirtadalį (28,9 %) retai apie tai galvoja. Tik per šeštadalį (15,8 %) *sudarinėja aktyvaus žodyno kartoteką*, dar rečiau taikomos *kvėpavimo ir atsipalaidavimo strategijos*, nors beveik trečdalis respondentų (30,2 %) teigė klausantys atpalaiduojančios muzikos, kurios efektyvumą yra įrodęs bulgarų psichologas G. Lozanovas (1978) ir kt., Lietuvoje šias metodikas tyrė edukologė D. Jatautaitė (2005).

Įšimimo strategijų mokantis užsienio kalbų sąsajos

Koreliacinė priklausomybės analizė atskleidė stipriausias empirinių požymių tarpusavio sąsajas, pateikiamas 1 lentelėje.

1 lentelė Respondentų požiūrio į informacijos apdorojimo, išiminimo ir atgaminimo strategijų pasirinkimą mokantis ryškiausių sąsajų skirstinys

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	1	,310 **		,268 **					,217 **	,287 **	,297 **			
2	,310 **	1	,422 **		,255 **		,210 **	,214 **				,311 **		
3		,422 **	1		,294 **		,216 **					,264 **		,230 **
4	,268 **			1	,291 **				,206 **	,294 **		,242 **		
5		,255 **	,294 **	,291 **	1		,268 **	,224 **		,202 **	,209 **	,289 **		,253 **
6						1	,320 **	,251 **	,264 **	,235 **	,326 **	,318 **	,266 **	
7		,210 **	,216 **		,268 **	,320 **	1	,341 **	,209 **	218 **	,229 **	,343 **		,208 **
8		,214 **			,224 **	,251 **	,341 **	1			,200 **			,291 **
9	,217 **			,206 **		,264 **	,209 **		1	,330 **	,243 **	,212 **	,433 **	
10	,287 **			,294 **	,202 **	,235 **	,218 **		,330 **	1	,300 **	,256 **	,221 **	
11	,297 **				,209 **	,326 **	,229 **	,200 **	,243 **	,300 **	1	,365 **		
12		,311 **	,264 **	,242 **	,289 **	,318 **	,343 **		,212 **	,256 **	,365 **	1		,444 **
13						,266 **			,433 **	,221 **			1	
14			,230 **		,253 **		,208 **	,291 **				,444 **		1

** p = ,000

1. Naudoja asociacijos strategijas, 2. Adaptuoja sudėtingą medžiagą, 3. Įsisąmonina mokomosios medžiagos prasmę, 4. Ieško atitikmenų kalbose, 5. Planingai kartoja mokomąją medžiagą, 6. Rengia aktyvaus žodyno kartoteką, 7. Medžiagą kartoja prieš miegą, 8. Skaito pusbalsiu, 9. Atlieka kvėpavimo pratimus, 10. Domisi sugestijos strategijomis, 11. Struktūruoja medžiagą piešdami paveikslus, grafikus, 12. Sudarinėja santraukas, 13. Mokomąją medžiagą įrašo į laikmeną, 14. Užsirašo pagrindinę informaciją.

Matyti, kad daugiausiai koreliacijų atskleidė informacijos apdorojimo strategijos, pasitelkiamos struktūruojant, skaidant medžiagą, užsirašant pagrindinę informaciją, kurioms mokiniai ir studentai teikia bene aukščiausius vertinimus. Daugiausia išsiskiria savo sąlyčio taškų gausa ir stiprumu respondentų polinkis *sudarinėti mokomosios medžiagos santraukas*, saistomu su *mokėjimu užsirašyti skaitomo ar klausomo teksto esminę informaciją* ($r = ,444$, $p = ,000$), *sudarinėti minčių žemėlapius* ($r = ,365$, $p = ,000$), *pasikartoti mokomąją medžiagą prieš miegą* ($r = ,343$, $p = ,000$). Akivaizdu, kad šie respondentai linksta taip pat *rengti aktyvaus žodyno kartoteką* ($r = ,318$, $p = ,000$). Be to, rastos stiprios jungtys tarp mokinių ir studentų pamėgtų išiminimo strategijų: respondentai, linkstantys *suprasti medžiagos, kurią reikia išiminti, prasmę ir paskirti*, taip pat dažniau *atpasakoja sudėtingą informaciją savais žodžiais* ($r = ,422$, $p = ,000$).

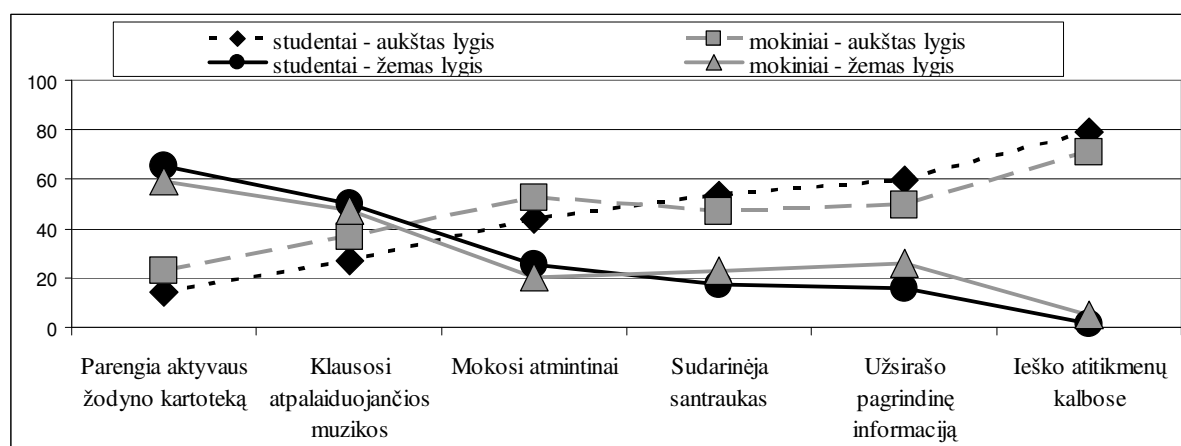
Tyrimo rezultatai atskleidė ir tikslingo bei reguliaraus mokomosios medžiagos pasikartojimo reikšmę, nes esama svarių jungčių su kitais empiriniais požymiais. Šiuo atveju minėtinas mokinių ir studentų pomėgis jau *išmoktą medžiagą pasikartoti prieš miegą*, juolab, kad vos ne pusė tyrimo dalyvių (43,4 proc.) teigia tai darantys nuolat, o daugiau nei ketvirtadalis (28,6

proc.) rešykiais. Svarbu, jog šie respondentai linkę mokymuisi taikyti įvairias informacijos išimimo strategijas.

Atrodo, kad pakankamai svariomis yra ir išimimo strategijos, turinčios žemiausius reitingus. Tai dažniausiai netradicinės strategijos, apie kurias besimokantieji, matyt, neturi pakankamai informacijos. Tačiau svarbu, jog respondentai, išmokę naujų mokymosi būdų, sėkmingai mokymuisi taiko įvairias, tiek tradicines, tiek netradicines strategijas. Mokiniai ir studentai, igudę daryti *kvėpavimo ir atsipalaidavimo pratimus*, mėgsta naujus žodžius *įrašyti į laikmeną ir klausydami įrašo pasikartoti* ($r = ,433$, $p = ,000$), *domisi inovatyviomis išimimo strategijomis* ($r = ,330$, $p = ,000$), *rengia aktyvaus žodyno kartoteką* ($r = ,264$, $p = ,000$).

Respondentų požiūrio į išimimo strategijas skirtumus pagal amžių ir lytį

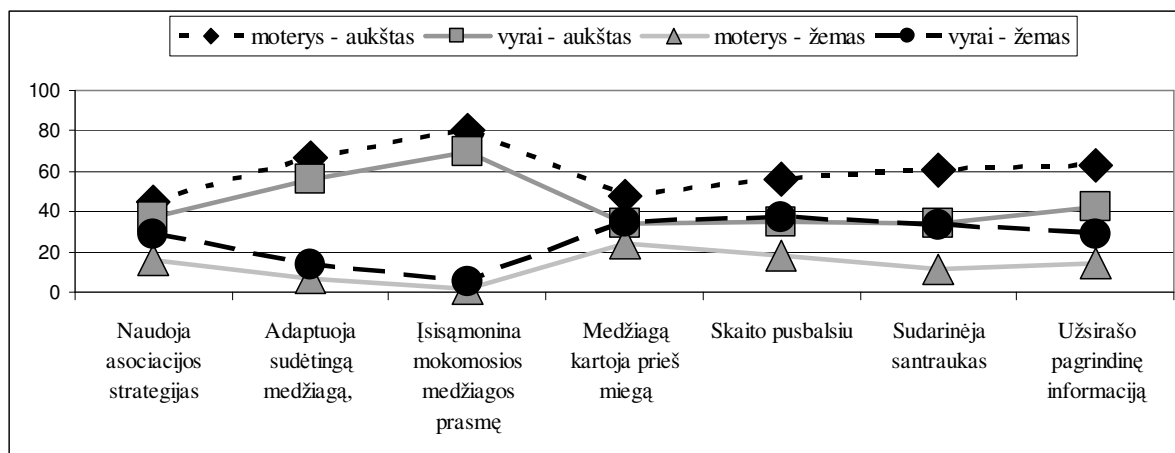
Tyrimo metu siekta išsiaiškinti, kokioms išimimo strategijoms teikia pirmenybę abiejų grupių respondentai. Duomenys pateikiami 2 pav.

2 pav. Mokinių ir studentų požiūrio į kompetencijos pasirinkti išimimo strategijas raišką skirstinys

Analizuojant išimimo strategijų taikymo rezultatus paaiškėjo, kad **studentai** dažniau naudoja asociacijos strategijas, *tai reiškia ieško atitikmenų kalbose, kurias mokosi* ($\chi^2 = 11,742$, $p = ,019$), linksta transformuoti, struktūruoti sudėtingą mokomąją medžiagą, *sudarinėja mokomosios medžiagos santraukas* ($\chi^2 = 10,319$, $p = ,035$), *pažiūri skaitomo ar klausomo teksto pagrindinę informaciją* ($\chi^2 = 12,784$, $p = ,012$). Reikėtų pažymėti, kad šios strategijos, kurioms teikia pirmenybę studentai, yra tradicinės išimimo strategijos. **Mokiniai** mini dažniau rengiantys *mokomąsias, aktyvaus žodyno kartotekas* ($\chi^2 = 11,704$, $p = ,018$), mokymuisi *klausosi atpalaiduojančios muzikos* ($\chi^2 = 17,015$, $p = ,002$). Vadinasi, jie renkasi išimimo strategijas, kurios nėra dažnos mokantis užsienio kalbų, bet kurių veiksmingumą įrodė anksčiau minėti ir užsienio, ir Lietuvos tyrėjai. Tačiau reikėtų pripažinti, kad taip pat ryškėja mokinių polinkis *mokytis atmintinai* ($\chi^2 = 10,674$, $p = ,028$).

Toliau aiškintasi, kaip pasiskirstė tyrimo dalyvių nuomonės apie išimimo strategijas pagal lytį. Duomenys pateikiami 3 pav.

3 pav. Mokinių ir studentų požiūrio į įsiminimo strategijų vartojimą, skirstinys pagal lytį

Analizuojant rezultatus išryškėjo moterų pranašumai požiūryje į įsiminimo strategijų pasirinkimą pagal lytį. Didžiausi skirtumai nustatyti kalbant apie **merginų** pomėgį taikyti kalbinės medžiagos transformavimo būdus, tai reiškia sudaryti skaitomo ar klausomo teksto santraukas ($\chi^2 = 59,727$, $p = ,000$) ir skaityti pusbalsiu ($\chi^2 = 43,665$, $p = ,000$). Paaiškėjo, kad moterys dažniau *naudoja asociacijos strategijas* ($\chi^2 = 23,170$, $p = ,000$) ar bando įsivaizduoti situacijas, kuriose tą informaciją galėtų išgirsti, *adaptuoja sudėtingą medžiagą* ($\chi^2 = 18,844$, $p = ,001$), tai reiškia, pasipasakoja sudėtingą informaciją, *įsisąmonina mokomosios medžiagos prasmę* ($\chi^2 = 23,119$, $p = ,000$), t. y. stengiasi perprasti įsimenamos medžiagos prasmę ir paskirti.

Akivaizdu, kad skirtumai, išryškėję respondentų požiūryje į įsiminimo strategijų taikymą pagal lytį, daugiau orientuoti į tradicines, jiems žinomas strategijas. Tačiau nepastebėta statistiškai reikšmingų skirtumų kalbant apie polinkį rinktis dažniau netradicines įsiminimo strategijas, domėtis naujomis sugestijos technikomis, t. y. rengti mokomasias kartotekas, taikyti atsipalaidavimo technikas, padedančias efektyviau įsiminti, išrašyti mokomąją medžiagą į laikmeną ar struktūruoti medžiagą braižant minčių žemėlapius.

Reikia pripažinti, kad vis dėlto dominuoja įprasti mokymosi būdai, nors jokių būdų, kaip minėta, negalima teigti, jog vieni esą geri, o kiti blogi. Tačiau respondentai, besidomintys įsiminimo strategijomis, mokydami dažniau naudoja įvairias, ir tradicines, ir netradicines įsiminimo strategijas. Duomenys rodo, jog visos strategijos yra pakankamai veiksmingos, todėl kiekvienas besimokantysis turėtų pasirinkti sau geriausiai tinkantį būdą, strategiją.

Išvados

- Mokiniai ir studentai pirmenybę teikia tradicinėms strategijoms, dominuoja įprasti mokymosi būdai. Dažnai tyrimo dalyviai (77,3 %) stengiasi perprasti medžiagos, kurią reikia įsiminti, prasmę ir paskirti, papasakoti sudėtingą informaciją savais žodžiais (64,1 %), užsirašyti skaitomo ar klausomo teksto pagrindines mintis (56 %), vadinasi, mokyti sąmoningai. Tačiau vos ne pusė (45,3 %) paprastai naują medžiagą įsimena mokydami atmintinai.

- Išryškėjo, kad mokiniai ir studentai daugiausia veiksmingai mokosi užsienio kalbų kai sudaro klausomo ar skaitomo teksto santraukas, struktūruoja mokomąją medžiagą braižydami minčių žemėlapius, domisi sugestijos technikomis, rengia aktyvaus žodyno kartotekas, nors daugumai šių strategijų neteikiami aukščiausi respondentų vertinimai. Pabrėžtina, jog mokymasis mintinai yra mažai veiksmingas, nes nerasta jokių korelacijų su kitais įsiminimo kompetencijos komponentais.

- Nustatyta, kad lytis yra reikšmingas veiksnys pasirenkant įsiminimo strategijas. Moterys dažniau sudarinėja klausomo ar skaitomo teksto santraukas, naudoja asociacijos strategijas, stengiasi prasmingai įsiminti mokomąją medžiagą. Tačiau nenustatyta statistiškai reikšmingų skirtumų kalbant apie netradicines sugestijos technikas, kuriomis mažai domisi ir vienos, ir kitos grupės respondentai.

Literatūra

- BIMMEL, P.; RAMPILLON, U., 2004. *Lernerautonomie und Lernstrategien*. Fernstudieneinheit 23. Berlin: Langenscheidt.
- BIRKENBIHL, W. F., 2005. *Stroh im Kopf?: Vom Gehirn-Besitzer zum Gehirn-Benutzer*. 45.-Aufl. Offenbach: GABAL.
- BUZAN, T., 1971. *Speed Memory*. London: Sphere books limited.
- BUZAN, T., 1986. *Use Your Memory*. London: Guil Publishing.
- DANSERAU, D. F., 1985. Learning strategy research. In: J. W. Segal, S.F. Chipman, & R. Glaser (Eds.). *Thinking and learning skills* (Vol 1.). Hillsdale, NJ: Erlbaum, p. 209–239.
- DÖRNYEI, Z.; SKEHAN, P., 2003. Individual Differences in Second Language Learning. In: Doughty, Catherine J.; Long Michael H. (Eds) 2003. *The Handbook of Second Language Acquisition*, Malden, Oxford, Victoria: Blackwell, S. 588–630.
- EDMONDSON, W. J.; HOUSE, J., 2002. *Einführung in die Sprachlehrforschung*. Tübingen, Basel: Francke.
- FRIEDRICH, H. F.; MANDL, H., 1992. Lern- und Denkstrategien. Ein Problemaufriss. In: H. Mandl & H.F. Friedrich (1992). (Hrsg.). *Lern- und Denkstrategien. Analyse und Intervention*. Göttingen, Toronto, Zürich: Hogrefe, S. 3–54.
- GROTJAHN, R., 2003. Konzepte für die Erforschung des Lehrens und Lernens fremder Sprachen: Forschungsmethodologischer Überblick. In: Bausch K. R.; Christ H.; Krumm H. J. (Hrsg.). *Handbuch Fremdsprachenunterricht*, Tübingen: Francke (UTB). S. 493–499.
- HELBIG, G., GÖTZE, L., HENRICI, G. (Hrsg.), 2001. *Deutsch als Fremdsprache (HSK). Ein internationales Handbuch*. Berlin u.a. Walter de Gruyter.
- ILČIUKIENĖ, G., 2008. *Muzikos elementų naudojimas mokant anglų kalbos pradiniam etape*. Daktaro disertacija. Vilnius: VPU.
- JATAUTAITĖ, D., 2005. *Intensyvus Lietuvos karių standartinio anglų kalbos kurso mokymas*. Daktaro disertacija. Vilnius: VU.
- JENSEN, E., 1999. *Tobulas mokymas*. Vilnius: AB OVO.
- LOZANOV, G., 1978. *Suggestology and Outlines of Suggestopedya*. New York: Gordon and Breach, p. 16–19
- MAČIANSKIENĖ, N., 2004. *Užsienio kalbos mokymosi strategijos*. Kaunas: VDU.
- O'MALLEY, J. M., CHAMOT, A. U., 1990. *Learning strategies in second language acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- OXFORD, R. L., 1990. *Language learning strategies. What every teacher should know*. New York: Newbury.
- PETTY, G., 2006. *Šiuolaikinis mokymas*. Vilnius: Tyto alba.
- PIAGET, J., 1970. Piaget's theory. In Paul H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology*. Volume 1 (3rd edition). New York: Wiley, p. 703–732.
- PUKEVIČIŪTĖ, V. J., 2009. *Mokinių ir studentų mokymosi mokyti kompetencijos raiška ir ugdymo strategijos užsienio kalbos pagrindu*. Daktaro disertacija. Klaipėda: KU leidykla.
- RIEMER, C., 2001. Zur Rolle der Motivation beim Fremdsprachenlernen. In: C. Finkbeiner & G. Schnaitmann. (eds), *Lehren und Lernen im Kontext empirischer Forschung und Fachdidaktik*. Donauwörth: Ludwig Auer, S. 376–398.
- SPITZER, M., 2002. *Lernen. Gehirnforschung und die Schule des Lebens*. Heidelberg: Spektrum Akademischer Verlag.
- WILD, K.-P., 2000. *Lernstrategien im Studium*. Strukturen und Bedingungen. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann.
- WILD, K.-P., SCHIEFELE, U., 1994. Lernstrategien im Studium: Ergebnisse zur Faktorenstruktur und Reliabilität eines neuen Fragebogens. *Zeitschrift für Differentielle und Diagnostische Psychologie*, 15, S. 185–200.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С., 2006. *Психология развития человека*. Москва: Смысл, Эксмо.
- СОЛСКО, Р., 2006. *Когнитивная психология*. Москва, Санкт-Петербург: Питер.

Virginija Jūratė Pukevičiūtė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: methodology of teaching foreign language

SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS' ATTITUDE TOWARDS THE MEMORY STRATEGIES IN THEIR FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Summary

The article deals with higher-grade schoolchildren and first-year students' attitude towards memory strategies that they use in foreign language learning. It is obvious that the respondents give priority to traditional learning strategies, with the common learning methods being domineering. The schoolchildren and students try to understand

the essence and the meaning of the text read or heard and put down the main ideas of it. But almost half of the respondents surveyed usually learn mostly by heart.

It became clear that the respondents effectively learn foreign languages, if they write summaries of the texts, structure the learning material, make mind maps or learning cards of the active vocabulary, although these strategies are not highly estimated.

It was assessed that the gender is important in the selection of strategies. Women make summaries of the read or heard texts more often than men and use association strategies, try to learn more meaningfully.

KEY WORDS: memory strategies, attitude, schoolchildren, students, foreign language, differences by gender

Ieva Rudzinska

The University of Latvia, Latvian Academy of Sport Education, Latvia

Brivibas iela 333, LV-1006 Riga, Latvia

E-mail: Ieva.Rudzinska@lspa.lv

Tel. +371 29581654

Research interests: quality management in foreign language courses

EVALUATING QUALITY OF ESP COURSES WITH THE HELP OF QUALITY MODELS

The quality of one study course – ESP – is evaluated taking into account the ideas expressed in 3 Quality models: 1) Lasnier model (2003), consisting of design, process and results/satisfaction of ESP course and stakeholders involved; 2) Huts model (2007), paying attention to external factors influencing the quality of the study course; 3) Iske and Meder model (2009), attributing course quality not to the course itself, but to the relations of the student with learning incentives, language study process, feedback and results of study process. New model and instrument for quality evaluation in ESP study course (IQE ESP) is developed, consisting of 7 blocks (Aims, Language learning activities, Intellectual activities, Microclimate, Pedagogic activities, Assessment and Results), as well as 6 criteria (Clarity, Adequacy, Individual work, Cooperation, Deep approach and Variety). The sample consists of 210 students, 68 lecturers, representing all 4 types of Latvian higher education institutions. Wilcoxon Signed ranks test showed that Pedagogic activities have higher quality than Assessment and Language learning activities, in their turn, Variety and Cooperation are more developed than Deep approach and Individual work. These results imply that lecturers are more pedagogues than student learning managers, who are more concerned with giving information about specific terms in foreign language than encouraging individual aim setting, practicing authentic language learning activities, fostering student individual and deep learning, carrying out performance assessment of foreign language skills and competencies.

KEY WORDS: language skills and competencies, HEIs (higher education institutions), ESP (English for Special Purposes), quality assurance models (for assuring quality in 1 study course).

Introduction

Quality assurance is a decisive factor in the existence of higher education institutions, since it helps to evaluate strong and weak sides of HEIs, study Programs and study courses, among them, ESP courses, and suggest the ways of further improvement. Nevertheless, quality assurance models should be used in education carefully, because education is mainly concerned with human factor, with people life-long development, therefore quality management should be based on quality principles, securing wholesome development of the personality. Foreign language courses, and among them ESP courses, are directly concerned with affective course management, caring for well-being of involved parties. Models and instruments for assessing the quality in separate study courses could help the lecturers better understand their role in quality management of a single study course, identify the space for improvement and eventually help the lecturers to run effective and qualitative courses.

Theoretical foundations

The framework for the developed quality assessment IQA ESP instrument (Instrument for Quality Assessment in English for Specific Purposes courses) is based on EFQM model (On EFQM model based..., 1999), worked out for the evaluation of the quality of the whole institution or Programs. In the model are integrated principles, characterizing qualitative foreign language acquisition. Literature studies allowed identifying the following **principles**, characterizing qualitative modern language learning: clarity, adequacy, reliability, deep learning, cooperation, individual work, and variety.

Clarity or transparency implies clarity of aims, clarity of presentation, clarity of achievement and clarity of pedagogic methods and language learning approaches used. Transparency is central

aspect TQM, where it means that the client should be best informed about the characteristics of service. Similarly, transparency is key issue in language learning courses. Transparency is also topical in all forms of reflective teaching and learning (Richards and Lockhart 1994).

Adequacy is appropriateness in terms of needs, objectives and purposes of users, taking into account social, cultural and educational characteristics of learners. The adjustment of services to needs of clients is essential in TQM philosophy (George and Weimerskirch 2002). Orientation towards learner needs in language learning has a long tradition and refers to individual, as well as cultural issues (Tarone and Yule 1989, Reeves and Wright 1996). Adequacy comprises adequate quality control procedures, adequate materials; adequate teaching and learning methods; adequate practice and assessment. It is based on needs analysis (Kennedy and Bolitho 1990).

Individualization (taking into account learning styles) refers to type of activities and exercises, allowing the learner to determine their own pace (Horwitz and Young 1991, Ehrman 1996, Tomlinson 1998). If the learners are not at an appropriate level of proficiency, the task can lead to overload of students' processing capacity, which will inhibit processing (Skehan 1993).

Deep learning (Biggs 2003) is concerned with transferability of strategies, skills and contents to different contexts in and outside learning environment, reflection for raising learner's awareness about learning. Main theoretical sources are cognitive theories of learning, cognitive learning objectives (Anderson and Kratwohl 2001, Bloom 1984, Craig 2001, Liberman 2001) as applied to language learning (O'Malley and Chamot 1990, Byrne 1991, Kramsch 1993, Carter and McCarthy 1997, Buck 2001).

Ability to *cooperate*, develop empathy, intercultural awareness and competence characterize the development of social skills, which are "added value to language study process, the development of additional skills beyond language competencies". In recent years more emphasis is put on sociocultural than cognitive theories of learning (Lantolf 2000). Partnership implies providing possibility to make choices and share responsibility. Affective dimension supports the storage and retrieval of information (Goleman 1995). Partnership is the first step in the direction of autonomy: *individual work*, in the centre of which is an individual responsible for her own learning.

Variety contributes to learner's motivation. Attractiveness of the study course is connected with client led TQM approach (George and Weimerskirch 2002). The language study interpretation of this issue is influenced by motivational theories of learning, autonomous learning environment, as well as affective approaches, which have been partly taken over by communicatively oriented approaches (Framework 1996). In ESP courses roles of lecturers and students, the emphasis of the classes, the degree of centeredness, etc. undergo continuous variation (Littlewood 1991, Nunan 1991, Hutchinson and Waters 1994).

Several groups of authors have put forward specific models and instruments for assessing the quality of separate study courses (Lasnier 2003; Huts a.o. 2008; Iske and Meder 2009). The model, developed by **Lasnier** (Lasnier 2003); is meant for foreign language courses, and it is mostly concerned with the evaluation of teacher work, the facilities and study materials, but pays less attention to student learning at the level of cognitive and social processes involved. All in all, it is more static than dynamic and at present is used for evaluating the quality of textbooks. The model, developed by **Huts** (Huts a.o. 2008) is meant for evaluating the quality of the courses of Physical education in Flemish secondary schools, with the help of it can be evaluated not only the product, but also the process, it pays considerable attention to such factors as internal and external communication, human resources management, facilities and equipment, strategic planning and organizational structure.

New development in the quality management and evaluation in the framework of 1 study course is the **relation** model, developed by **Iske and Meder** (Iske and Meder 2009), in which quality is an attribute not of the study course, but of relations between study course and student. Study course is analyzed as learning promoting environment, a possibility of learning possibilities, characterized by 4 dimensions: learning incentives, learning process, learning support and feedback about results. The model is based on the principles of general didactics. Learning process comprises strategies (from simple to complicated, from definite to abstract, inductive, deductive, dialectic,

a.o.), methods (learning is based on some theory, example, exercise, problem, task, etc.), fundamental operations (remembering, analysis, synthesis, comparing, etc.).

IQE ESP quality assurance model and instrument (Instrument for Quality Evaluation in an ESP study course), developed by the author, is based on the framework of EFQM model, integrating criteria, concerning qualitative foreign language acquisition, summarized in Lasnier model (Lasnier 2003); broader view at quality assurance in 1 study course by taking into account as much external factors as possible emphasized in Huts model (Huts a.o. 2008), and the idea about the importance of the relations between study course and student, put forward by Iske and Meder (Iske and Meder 2009).

IQE ESP quality assurance instrument and model consists of 3 Parts.

Parts of IQE ESP quality assurance model are as follows:

1. Aims.
2. Process.
3. Results.

Parts of the **Process** in IQE ESP quality assurance model are as follows:

1. Language learning activities (LLA)
2. Cognitive and social learning activities (INT)
3. Pedagogical activities (PED)
4. Microclimate in study process (MIC)
5. Assessment (ASS)

Quality **criteria** in IQE ESP quality assurance model are as follows:

1. Clarity (CLA)
2. Adequacy (ADE)
3. Individual work (IND)
4. Cooperation (COO)
5. Deep approach (DEA)
6. Variety (VAR)

In **AIM** block are used the following quality criteria:

- CLA: are the students and lecturers aware about the aims of the course and can describe them;
- ADE: are the aims of the study course adequate with those in the Program of the course;
- DEA: are the aims also foreign language skills and competencies, not only knowledge about professional foreign language;
- IND: do the students set their individual aims for the study course, do they monitor and check their fulfillment;
- COO: is the professional sphere involved in setting the aims of the study course.
- VAR: are the aims many-faceted.

In **LLA** block are used the following quality criteria:

- CLA: is it clear to lecturers and students, what they should do in every activity;
- ADE: correspondence of language learning activities to the aims of the course;
- DEA: practicing language skill and competence development activities;
- IND: individual activities in developing different language use skills;
- COO: students cooperate, working in pairs and small groups;
- VAR: different speaking, listening, writing and reading activities.

In **INT** block are used the following quality criteria:

- CLA: is it clear to lecturers and students, what cognitive and social activities are involved in performing language learning activities;

- ADE: correspondence of cognitive and social activities to the aims of the study course and language learning activities
- COO: student cooperation in the process of developing professional foreign language skills and competences;
- IND: the use of individual cognitive activities;
- DEA: the use of higher cognitive processes in learning;
- VAR: learning as the use of different level cognitive and social activities.

In **PED** block are used the following quality criteria:

- CLA: explaining and interpreting of new information; lecturer awareness what pedagogic and student learning management activities they use;
- ADE: correspondence of pedagogic and student learning management activities to the aims of the study course, language learning activities and cognitive and social activities involved in performing them;
- DEA: encouraging students to solve problems, cope with difficult tasks;
- COO: teacher team work in the provision of the course;
- IND: tutorials and other forms of individual work;
- VAR: use of different foreign language study methods.

In **MIC** block are used the following quality criteria:

- CLA: are the students aware of their emotions during the class;
- ADE: task correspondence to student levels of foreign language proficiency and learning styles;
- DEA: do language learning activities foster student deep involvement in study process;
- IND: are student individual needs catered for;
- COO: is student cooperation promoted;
- VAR: the use of different forms of the organization of student work.

In **ASS** block are used the following quality criteria:

- CLA: student and lecturer awareness what the students should do in each form of assessment;
- ADE: the correspondence of control works to the aims of the study course, professional foreign language skills and competences developing activities, cognitive activities, involved in solving them.
- DEA: assessing not only knowledge, but also skills and competences;
- IND: individual forms of control of study results, regular feedback about study results;
- COO: assessing the results of student group work;
- VAR: the use of different kinds of control works.

In **RES** block are used the following quality criteria:

- CLA: stakeholder awareness about the results of the study course;
- ADE: correspondence of the results to the aims of the study course, satisfaction with provision of the study course and lecturer work on the course;
- DEA: results of the study course in the form of not only knowledge, but also skills and competences;
- IND: satisfaction with individual progress made;
- COO: cooperation with professional sphere and foreign language teaching specialists;
- VAR: involvement of different stakeholders in evaluating the results of the course and their satisfaction with it.

Sample

The sample consists of 210 students, 68 lecturers, representing 3 main types of Latvian higher education institutions: state universities, state not university type higher education institutions, private not university type higher education institutions.

Data processing

Data were analyzed descriptively by means of the statistical package for the Social Sciences SPSS17.0. Frequency and percentage were calculated per quality indicator (elements of quality blocks and criteria), while mean, median minimum and maximum scores were figured out for quality blocks and criteria. Mean values of quality blocks and criteria characterize the development or level of corresponding quality blocks and criteria.

Wilcoxon Signed ranks test is used to find statistically significant differences between quality blocs and quality criteria.

Results and conclusions

Related Samples Wilcoxon Signed ranks test revealed that: the hypothesis “The median of differences between Pedagogical activities and Language learning activities equals 0 should be rejected ($p < 0.05$, $n = 54$, respondents: lecturers)”, therefore there exists statistically significant difference between the development of Pedagogical activities (Md of Pedagogical activities is 100) and Language learning activities (Md of Language learning activities is 67). Related Samples Wilcoxon Signed ranks test revealed also that in the opinion of respondents-students Cooperation is more developed than Individual work: Md of Pedagogical activities is 100, Md of Assessment is 83 ($p < 0.05$, $n = 54$).

The results in quality blocks and criteria are visualized in Figure 1.

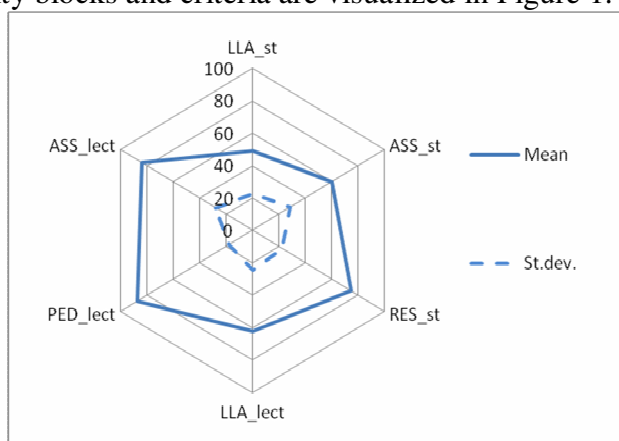

Figure 1. The quality of ESP courses (according to quality blocks).

LLA_st: language learning activities in the opinion of students, LLA_lect: language learning activities in the opinion of lecturers, PED_lect: pedagogical activities in the opinion of lecturers, ASS_st: assessment in the opinion of students, RES_st: results in the opinion of students.

The highest quality characterizes Pedagogical activities in the opinion of lecturers and Results in the opinion of students. Language learning activities have the lowest mean value due to rare practicing of such activities as reading long texts (more than 5 pages), authentic writing in, e.g., student made magazines and especially rare practicing of activities as lecturer and student produced authentic listening recordings. Only speaking activities are practiced frequently, almost all respondents admitted that they practice discussions. Although the lecturers consider that assessment activities are widely practiced (more than 80%), the students consider their practicing being considerably lower (about 60%).

The quality of ESP courses in the quality criteria is shown in Figure 2.

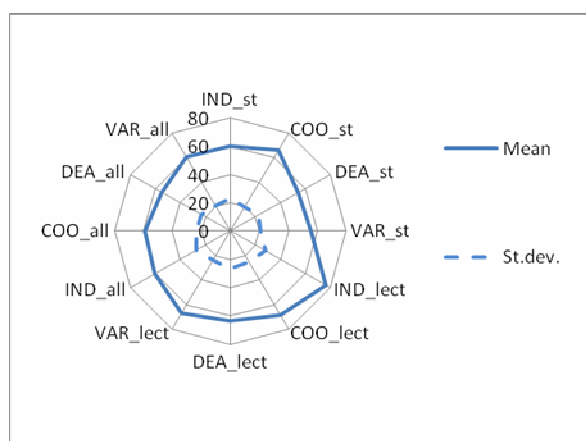

Figure 2. The quality of ESP courses (according to quality criteria).

IND_st: individual work in the opinion of students, IND_lect: individual work in the opinion of lecturers, COO_st: cooperation in the opinion of students, COO_all: cooperation in the opinion of all respondents, DEA_st: deep approach in the opinion of students, DEA_lect: deep approach in the opinion of lecturers; DEA_all: deep approach in the opinion of all respondents, VAR_st: variety in the opinion of all respondents, VAR_lect: variety in the opinion of lecturers, VAR_all: variety in the opinion of all respondents.

Related Samples Wilcoxon Signed ranks test revealed that the hypothesis “The median of differences between Deep approach and Variety equals 0 should be rejected ($p < 0.05$, $n = 264$)”, therefore there exists statistically significant difference between Deep approach (Md of Deep approach is 63) and Variety (Md of Variety is 72). Related Samples Wilcoxon Signed ranks test revealed also that in the opinion of respondents-students Cooperation is more developed than Individual work (Md of Cooperation is 75, Md of Individual work is 67; $p < 0.05$, $n = 210$)

The results, concerning quality blocks, imply that lecturers are good pedagogues, who use broad variety of pedagogic methods, not paying so much attention to the management of students learning by raising awareness about the aims of ESP study course, to organizing, facilitating and monitoring student individual work and student work according to their abilities, interests, etc., and finally assessing student performance, testifying the development of language skills and competencies.

The results about weaker development of Deep approach and Individual work implies that less are practiced authentic language learning activities, asking for deep involvement in study process, and the application of higher intellectual processes (synthesis, analysis, hypothesizing and critical thinking). Finally, deeper insights about the quality of professional foreign language courses can be obtained, directly investigating the relations between quality blocks and criteria. At present the aspect of relations between parts of quality model is characterized only by the means of the criterion of Adequacy, which does not include the relations between blocks in an explicit way. Raising awareness about relations between quality blocks will strengthen quality model itself, make more reliable the conclusions drawn from the results obtained with the help of it.

Literature

- ANDERSON, L. W.; KRATWOHL, D. R. (Eds.), 2001. *A taxonomy for learning, teaching and assessing. A revision of Bloom's Taxonomy of educational objectives*. New York: Longman.
- BIGGS, J., 2003. *Teaching for quality learning at university*. Maidenhead: Open University Press.
- BLOOM, B. S., 1984. *Taxonomy of Educational Objectives. Cognitive Domain*. New York: Longman.
- BUCK, G., 2001. *Assessing Listening*. Cambridge: Cambridge University Press.
- CARTER R.; McCARTHY, M., 1997. *Vocabulary and language teaching*. New York: Longman.
- CRAIG, Ch., 2001. Reform in the Intermediary Zone: Change Agent Among Change Agents, *In: Guiding School Change, The Role and Work of Change Agents, Teacher's College, Columbia University*. p. 12-136.
- EHRMAN, M. E., 1996. *Understanding Second Language Difficulties*. Thousand Oak CA.
- GEORGE, S.; WEIMERSKIRCH, A., 2002. *TQM Total Quality Management*, translation into Russian, St Petersburg: Viktorija Plus.
- GOLEMAN, D., 1995. *Emotional intelligence*, New York [etc.]: Bantam Books.

- HORWITZ, E.; YOUNG, D., 1991. *Language Learning Anxiety: from Theory Research to Classroom Implication*, London: Englewood Cliffs, NJ.
- HUTCHINSON, T.; WATERS, A., 1994. *English for Specific Purposes*, London: Cambridge University Press.
- HUTS, K.; Van HOECKE, J.; THEEBOOM, M.; De KNOP, P., 2008. *Preliminary analysis of the quality of physical education in Flemish Secondary Schools*, EERA: Network Sessions at ECER, http://www.eera-ecer.eu/publication/database/conference/2008/.../educational_effectiveness_and_quality_assurance..., accessed: 10.11.2008.
- ISKE, S.; MEDER, N., 2009. *Evaluating the Quality of Online-Courses based on the Relational Quality Criteria Catalogue (RQCC)*, EERA: Network Sessions at ECER 2009, http://www.eera-ecer.eu/publication/database/conference/2009/.../educational_effectiveness_and_quality_assurance..., accessed: 10.12.2009.
- KENNEDY, C.; BOLITHO, R., 1990. *English for Specific Purposes*, New York: Macmillan Publishers.
- KRAMSCH, C., 1993. *Context and Culture in Language Teaching*, Oxford: Oxford OUP.
- LANTOLF, J. (ed.), 2000. *Sociocultural theory and Second Language Learning*, Oxford: Oxford OUP.
- LASNIER, J. C., 2003. *Quality, Version 2003*, <http://www.quiltnetwork.org>, accessed: 5.05.2007.
- LIBERMAN, A., 2001. The Professional Lives of Change Agents; What They Do and What They Know, , In: *Guiding School Change, Teacher's College, Bogota: Columbia University*, p. 78-102.
- LITTLEWOOD, W., 1991. *Communicative Language Teaching*, London: Cambridge University Press.
- NUNAN, D., 1991. *The Learner-centered Curriculum: a study in second language teaching*, London: Cambridge University Press.
- O'MALLEY, J. and CHAMOT, A., 1990. *Learning Strategies in Second language Acquisition*.
- On EFQM model based method of improving the quality of higher education (in Latvian), 1999, <http://www.aic.lv/eqfm/default.htm>, accessed: 1.06.2007.
- RICHARDS, J.; LOCKHART, C., 1994. *Reflective Teaching in Second language Classroom*, CUP.
- SKEHAN P., Second language Acquisition and Task-based learning, 1993. In: *M.Bygate and E.Williams (eds.) Grammar in the L2 Classroom*, NY: Prentice-Hall.
- TARONE, E.; YULE, G., 1989. *Focus on the Language Learner*, OUP.
- TOMLINSON, B. (ed.), 1998. *Material Development in Language Teaching*, London: Cambridge University Press.

Иева Рудзинска

Латвийский университет Латвийская академия спортивного образования, Латвия

Научные интересы: управление качеством в курсах иностранного языка

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА КУРСА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ» С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛЕЙ КАЧЕСТВА

Резюме

Качество курса «Английский Язык в Специальных Целях» оценено, принимая во внимание идеи, выраженные в 3 моделях качества: 1) модель Ласниэ (2003), 2) модель Хутса (2007), где обращено внимание также на внешние факторы, влияющие на качество курса; 3) модель Мэдэра и Иске (2009), рассматривая качество курса не как характеристику курса, а как характеристику взаимоотношений между курсом и студентом.

Новая модель и инструмент для оценки качества в курсе «Английский Язык в Специальных Целях» состоит из 7 блоков (Цели курса, Упражнения для развития навыков речи, Интеллектуальные действия, Микроклимат, Педагогические действия, Проверка достижений и Результаты), и 6 критериев (Ясность, Адекватность, Индивидуальная работа, Сотрудничество, Глубокий подход и Разнообразие).

Качество курса Английского Языка в Специальных Целях было оценено, допрашивая 210 студентов и 68 преподавателей латвийских учреждений высшего образования, представляющих все типы латвийских учреждений высшего образования. Тест Уилкоксона показал, что использование Педагогические методов более развито, чем Проверка достижений и Упражнения для развития навыков речи, а Разнообразие и Сотрудничество более развиты, чем Глубокий подход и Индивидуальная работа. Эти результаты подразумевают, что преподаватели более педагоги, чем руководители работы студентов, способствующие глубокому, индивидуализированному изучению Английского Языка в Специальных Целях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иностранный язык в специальных целях, развитие навыков и компетенций речи, модели управление качеством в 1 курсе.

Галина Токарева

*Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, Россия
ул. Рабфаковская 34, корпус Б, 153003 Иваново, Россия*

Тел.: (4932) 327243

Эл. почта: office@ispi.ru

Научные интересы: русский язык и культура речи, риторика, современные образовательные технологии

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КОНТЕКСТНОГО И КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается эффективность использования принципов контекстного и компетентностного обучения при формировании у студентов технического вуза коммуникативных умений, важных для будущего специалиста на современном рынке труда. Для автора принципиальной является мысль о том, что компетентностная модель обучения, помимо традиционных знаний, умений и навыков, включает опыт деятельности по их использованию на практике. Опыт деятельности рассматривается в статье как цементирующая основа формирования компетенции «способен к публичному выступлению» у студентов технического вуза. В работе описывается технология формирования данной компетенции на основе опыта преподавания и организации самостоятельной работы студентов Ивановского государственного энергетического университета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепция контекстного обучения, профессиональные компетенции, компетентностная модель обучения, компетенция «способен к публичному выступлению».

Как известно, концепция контекстного обучения была разработана научно-педагогической школой профессора А. А.Вербицкого. Это форма активного обучения предназначена для применения в высшей школе. Она ориентирована на профессиональную подготовку студентов и реализуется посредством системного использования профессионального контекста. Основная цель контекстного обучения – формирование в рамках учебной деятельности целостной, внутренне мотивированной профессиональной деятельности будущего специалиста (Вербицкий 1991, с. 10-15).

К профессиональной компетенции выпускника высшей школы сегодня предъявляются высокие требования. Проведенное в 2006-2007 гг. группой европейских исследователей анкетирование выпускников вузов Европы, Японии и России показало, что знания по специальности не рассматриваются ими как единственно значимые. Более того, эти знания оказались лишь на двенадцатом месте из девятнадцати в рейтинге профессиональных компетенций. Самые высокие коэффициенты значимости получили навыки общения, способность к аналитическому мышлению, а также умение работать с информацией, вести переговоры, работать в стрессовой ситуации, эффективно использовать рабочее время, работать в команде, грамотно выражать свои мысли, владеть навыками презентации (Быданова 2008, с. 141-142). Понимая профессиональную деятельность как набор определенных компетенций, среди которых велика роль коммуникативных умений, мы рассматриваем формирование этих умений у студентов как проявление принципов контекстного обучения.

В данной статье речь идет о технологии формирования компетенции «способен к публичному выступлению» в условиях преподавания курса «Русский язык и культура речи» в Ивановском государственном энергетическом университете. Данная компетенция рассматривается нами как важнейшая в ряду профессиональных компетенций будущих инженеров-энергетиков.

Отметим, что компетентностная модель обучения положена в основу разработки федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения (Матушкин, Столбова 2009, с. 24). В отличие от предметно-содержательной модели обучения, результат обучения в этой инновационной модели видится в формировании компетенций обучающегося. Цели и результаты образовательной деятельности вуза описываются на языке компетенций, обосновывается технология формирования компетенций, разрабатываются методики оценки результатов и качества подготовки выпускника. Компетентностная модель, помимо знаний, умений и навыков, включает опыт деятельности по их использованию на практике, то есть формирование способности и готовности выпускника актуализировать данную компетенцию и ее компоненты в определенных ситуациях.

Знания и умения, являющиеся основой компетенции «способен к публичному выступлению», формируются в рамках курса «Русский язык и культура речи» на двух лекциях («Условия эффективной речевой коммуникации» и «Основы публичной речи») и практических занятиях. Владения (навыки и опыт деятельности) приобретаются в условиях внеаудиторной работы, конкретно – в условиях вузовского студенческого конкурса ораторов «Золотое слово». Именно такой опыт деятельности, в нашем понимании, является цементирующей основой процесса формирования названной компетенции.

При подготовке к практическим занятиям огромное внимание уделяется самостоятельной работе студентов. Отметим, что в организации самостоятельной работы, направленной на формирование коммуникативных умений, большую роль играет электронная версия авторского учебника «Русский язык и культура речи» коллектива кафедры (авторы Токарева Г. В., Фалина В. А., Коровина А. В.). В этом учебнике, кроме лекций, имеется большое количество как обязательных заданий, так и заданий по выбору.

Так, при подготовке к практическому занятию «Условия эффективной речевой коммуникации» студентам предлагается в условиях домашней работы выполнить по выбору ряд личностно-ориентированных заданий, позволяющих определить свой канал восприятия информации, выполнить тесты, устанавливающих соответствие канала восприятия информации психологическим особенностям личности. Такого рода задания, с одной стороны, углубляют самопознание, с другой – учат понимать других и эффективно общаться.

Студентам предлагается, опираясь на материал лекций, определить, какие характерные черты личности присущи, например, кинестетику, выполнив приведенный ниже тест и сделав правильный выбор:

А. Читая книги, он интересуется динамичным сюжетом, но пропускает диалоги и красочные описания природы. Часто говорит о том, что разговоров много, а дел мало. Имеет развитую интуицию. Не любит планировать, а сразу переходит к делу. Может бросать одно дело ради другого. Тяжело переносит стрессы, дискомфортные ситуации. Часто извиняется. Чтобы выйти из стресса берет вину на себя. Ему трудно сказать «Нет» другому человеку. Ему легче научиться кататься на велосипеде и плавать, чем решать интегралы, запомнить новый номер телефона. Медленно обрабатывает информацию. У него плохой почерк. На занятиях садится ближе к преподавателю. Выбирает мебель мягкую и удобную. Готов годами носить старую, но удобную одежду.

Б. Живет в разговорах, звуках, мелодиях, ритмах. В детстве, читая, шевелит губами. Любит участвовать в диалогах, диспутах, читать вслух. Многословен. При разговоре часто поворачивается боком к собеседнику. Не любит брать на себя ответственность за что-либо и употреблять местоимение «я».

В. При стрессах свержрационален. Может сказать: «Я это полюбил, когда понял, как это полезно».

Г. Наблюдателен. Обращает внимание на внешний вид собеседников. Не любит быть ниже ростом своего собеседника. Выбирает одежду эффектную, яркую, модную и не всегда удобную. На занятиях садится напротив преподавателя. Предпочитает читать сам, а

не слушать. Упражнения из учебника старается делать письменно. Красиво пишет. Любит полную ясность. Часто жестикулирует, показывая руками размер предмета. Выбирая мебель, обращает внимание на цвет, форму. При стрессе, в диалогах выбирает обвинительную тактику.

Заметим, что подобные задания имеют значимость не только для самопознания, но и для профессиональной подготовки будущего специалиста. Например, понимание того, какой канал восприятия информации является ведущим у потенциального или постоянного потребителя, позволит эффективно выстроить профессиональное общение с клиентом, вести с ним диалог на его канале восприятия. Так, знание будущими специалистами того обстоятельства, что русская и американская культуры по преимуществу относятся к визуально-кинестетическому типу, в отличие, например, от аудиально-визуальной английской культуры, могут помочь им в разработке стратегии делового общения с носителями культуры другого типа. Даже не имея точного «портрета» своей будущей аудитории, студент, знающий законы эффективного общения, будет осознавать, что в ситуации неопределенности желательно задействовать все каналы восприятия информации.

В ряде заданий от студента требуется обосновать, как умение определить канал восприятия может быть использовано в практике профессионального общения, в работе с потенциальными потребителями. На это направлены, например, задания такого характера:

Ответьте на вопрос: какую тактику для презентации и почему вы предпочтете, если ваш постоянный клиент дигитал?

А. Предложите рассмотреть красочный проспект с рисунками и фотографиями, диаграммами, покажете саму продукцию, отметите великолепный дизайн.

Б. Покажете, как удобна продукция в эксплуатации, предложите самому клиенту попробовать продукцию в работе.

В. Будете долго рассказывать выразительным голосом о продукции, отмечая бесшумность в работе.

Г. Покажете справки, документы, инструкции, технические характеристики. Подчеркнете функциональность и пользу продукции.

Определяя свой ведущий канал восприятия информации, студенты пришли к выводу, что в аудитории первокурсников больше всего визуалов и кинестетиков. Эти наблюдения затем реализовались ими в практике подготовки публичного выступления перед однокурсниками, когда отмечалась важность использования таких приемов передачи информации, как визуализация, обращение не только к рациональной, но и к эмоциональной составляющей публичной речи.

При формировании компетенции «способен к публичному выступлению» также уделяется большое внимание навыкам эффективного невербального общения. Очевидно, что при таком небольшом количестве часов, которое отводится на изучение курса «Русский язык и культура речи» (в целом 34 часа), самое большее, что мы можем реально сделать, – актуализировать понимание важности невербального общения, убедить в возможности и необходимости корректировки своего невербального общения для позитивной самоподачи и адекватного восприятия себя другими людьми. Так, опираясь на метод самонаблюдения, студенты выполняют письменную работу «Описание особенностей использования мною компонентов невербального общения», отвечая письменно на следующие вопросы: «как я использую свою улыбку», «как я жестикулирую», «какие положительные и отрицательные сигналы использую при слушании» и др. Приведу фрагмент студенческой работы на данную тему: «Как я использую свою улыбку? Я улыбаюсь, когда вижу хорошо знакомых мне людей, к которым я испытываю симпатию. Также я улыбаюсь, когда мне предстоит знакомство с новыми людьми: улыбка в этом случае символизирует открытость и желание общаться. При прощании я снова улыбаюсь, тем самым показывая, что все будет отлично и мы снова обязательно встретимся». Через самонаблюдение студенты приходят к пониманию важности невербального языка в личностном и профессиональном общении.

Знание особенностей невербального общения студенты затем активно реализуют при подготовке публичного выступления перед группой. Продумывание своего невербального общения во время публичного выступления помогает определиться с выбором жестов, мимики, интонации, дистанции на этапе произнесения речи.

При формировании компетенции «способен к публичному выступлению», на наш взгляд, эффективно использовать видеотехнологии. Студенты-энергеты имеют возможность на сайте ИГЭУ просмотреть и проанализировать видеofilмы выступлений первокурсников на университетском конкурсе ораторов «Золотое слово» и выбрать лучшую, с их точки зрения, публичную речь, опираясь на указанные на сайте критерии оценивания публичного выступления. Подобное задание, с одной стороны, позволяет студентам ориентироваться на лучшие образцы реальных студенческих речей, а с другой стороны, дает возможность познакомиться с критериями оценивания публичной речи, которым должна соответствовать их собственная речь. Отметим, что оценивание предлагается осуществлять по следующим критериям:

1. Содержание речи (соответствие содержания названию выступления, актуальность содержания для студенческой аудитории, соответствие содержания указанному виду публичной речи по цели, например убеждающей речи).

2. Структура речи (наличие трёхчастной композиции, соответствие каждой части речи своей цели).

3. Навыки презентации (контакт с аудиторией, манера держаться, эффективность использования невербальных средств общения, соблюдение техники речи, владение нормами современного русского литературного языка, личностный подход к разработке темы речи, эмоциональность).

Для студентов огромную сложность представляет произнесение публичной речи «без бумажки» с сохранением интонации живой разговорной речи. Поэтому сначала они создают текст выступления, соблюдая законы письменной формы речи, а затем трансформируют его с учетом особенностей устной формы речи. Для того чтобы сформировать эти умения, на занятиях выполняются задания, цель которых заключается в определении принципиальных различий устной и письменной форм речи. Например, студенты записывают дословно текст устного выступления по телевидению известной личности, а затем редактируют его с учетом особенностей письменной формы речи. Итогом этой работы является ответ на вопрос, что и почему изменилось в данном тексте после редактирования.

Кроме того, для понимания особенностей устной речи используются своего рода «провокационные» задания. Приведем пример одного из них. Студентам предлагается прослушать довольно сложный по содержанию научный текст о зависимости стиля изучения языка и особенностей развития левого и правого полушарий головного мозга человека. При этом текст не имеет названия, в нем отсутствуют вступление и заключение. Приведу данный текст: «Учебные стили основаны на доминировании правого или левого полушария головного мозга. Студенты с доминированием правого полушария, с лабильной нервной системой относятся к коммуникативному, или рационально-логическому, стилю изучения языка: они часто зависят от контекста, у них лучше развита произвольная и аудитивная память, они быстро запоминают материал на слух, но быстро его и забывают. Им часто нужен музыкальный фон, они не могут работать в полной тишине, не могут заучивать списки слов: им нужно включать их в рассказ. Они с удовольствием составляют диалоги в ролевых играх, но не контролируют правильность своей речи, поэтому у них больше ошибок. Студенты с доминированием левого полушария, с инертной нервной системой относятся к некоммунитивному, или аналитическому, типу изучения языка. У них лучше развита произвольная и визуальная память, они должны увидеть новые слова, работают медленно, но зато на более длительное время запоминают материал. Они могут работать в полной тишине, лучше заучивают списки слов, тяготеют к логико-грамматическим аспектам языка: им нужно обязательно выучить правило, для них все

нужно писать на доске. Они не любят составлять диалоги в ролевых играх, любят больше выполнять письменные работы, слишком контролируют свою речь, поэтому у них меньше ошибок в речи. Преподавателю трудно вовлечь их в свободную беседу, особенно на первых этапах обучения». После одного прослушивания этого текста студентам было предложено сформулировать его тему, тезис, охарактеризовать его структуру. Как и предполагалось, никто из студентов не смог верно выполнить задание, предложенное преподавателем. Некоторые попытались записать тезис, формулировка которого не отличалась точностью. Приведу некоторые из них: «В этом тексте речь идет о студентах с различным типом языка», «В этом тексте идет речь о способности людей к восприятию новой информации», «В тексте говорится о различном восприятии информации мозгом человека». Отвечая на вопрос, почему это задание оказалось трудновыполнимым, первокурсники пришли к выводу, что для прослушивания им был предложен текст, относящийся к письменной форме научного стиля речи, в то время как для слушания его следовало трансформировать по законам устного текста, а именно: внести изменения в содержание и структуру, использовать соответствующие лексические и грамматические средства связи, характерные для устной речи, убрать из текста сложные для понимания термины, заимствованные слова или прокомментировать их значение, то есть соблюдать коммуникативные качества речи.

На докоммуникативном этапе работы над публичной речью студенты также учатся различать публичные выступления по цели, особое внимание уделяя информативной и убеждающей речам. Например, от них требуется классифицировать предложенные преподавателем темы речей на убеждающие и информационные. Приведем некоторые примеры:

1. Компьютерный жаргон в речи студентов.
2. Имеем ли мы право быть бедными в богатой стране?
3. Нужен ли контроль за средствами массовой информации?
4. Какими качествами должен обладать лидер?
5. Семь чудес света.
6. Традиции Китая.
7. С чего начинается взрослость?
8. Пути обогащений русского языка.
9. Современное понимание патриотизма.
10. Легко ли быть студентом?
11. Что такое НЛП?
12. Высшее образование – это гарантия успешной карьеры?
13. Терроризм: как он изменил мир?
14. Какой день в истории Вы хотели бы прожить?
15. Нужно ли уметь прощать?

При работе над информационной речью с точки зрения эффективности себя зарекомендовали задания такого рода:

1. *Расскажи о себе интересно.* Отметим, что данное задание выполняется на первом практическом занятии по рекомендациям и моделям, предложенным преподавателем в электронном учебнике. Приведу фрагмент студенческой речи «Рассказ о себе»:

«Меня зовут Пётр. Так меня называли в честь Петра I. В компании старых знакомых я – Петя, для более старших товарищей я – Пётр. Называют так – значит уважают.

Я родился в доме, которому уже больше 200 лет. Он стоит в центре города Иванова на улице Станко. Когда-то эта улица называлась Панская, так как на ней проживали поляки. Мой прапрадед, Лебедев Дмитрий Тимофеевич, построивший наш деревянный дом, был регентом Крестовоздвиженской церкви и уважаемым гражданином города Иваново-Вознесенска. Там, где была эта церковь, сейчас находится памятник борцам революции. Из семейных преданий известно, что погостить в дом моих предков заходил Михаил Васильевич Фрунзе – первый губернатор Ивановской области и выдающийся военачальник.

Мой папа – добрейшей души человек. От него, думаю, я и унаследовал логическое мышление и организаторские способности. Моя мама – композитор. От нее я унаследовал творческие способности, такие как музыкальный слух, любовь к музыке и чувство прекрасного.

В людях я ценю добросердечность, отзывчивость, ответственность и настойчивость. Мне приятно общаться с такими людьми, и я сам стараюсь быть таким.

Я не люблю врунов, подлецов и предателей: с ними жить опасно. Не люблю неряшливых людей: смотреть противно. Я люблю вкусные обеды, горький шоколад, кислые лимоны, фантастические рассказы, захватывающие с первых страниц, умные книжки, хороших и добрых людей, люблю делать чудеса своими руками и дарить радость людям».

2. *Перечислите, какие вопросы (тезисы) могут рассматриваться в вашем информационном выступлении*, если оно называется «Преимущества и недостатки интернет-общения» (или «Перспективы развития компьютерных игр»).

3. *Выделите лучший с точки зрения мастерства информационной публичной речи курс лекций*, который вы слушаете в этом семестре. Аргументируйте свой ответ. Сформулируйте критерии эффективности лекции как жанра академической информационной публичной речи.

Интересно то, что в результате выполнения этого задания, на первое место студенты поставили критерий доступности (ясности, понятности) лекционного материала. При этом они высоко оценили готовность преподавателя во время лекции чертить на доске схемы, отчетливо записывать новые термины. На втором месте оказался критерий доброжелательного отношения преподавателей к своим слушателям. По мнению студентов, благодаря этому гораздо легче усваивается новая и сложная информация.

При работе над убеждающей речью особое внимание уделяется видам аргументов, особенностям аргументации. При этом анализируются тексты, значимые для студентов по содержанию. Так, им предлагается прочитать рекламную статью группы компаний «Формоза» под названием «Будь современным – вступай в новую эру с компьютером FORMOZA!» и ответить на следующие вопросы: 1) какие виды аргументов и типы аргументации использует автор в тексте; 2) как в тексте учитываются особенности адресанта и адресата.

Следует отметить, что при формировании навыков аргументации нами успешно используются обучающие игры. Приведем пример командной игры. Ведущий предлагает тезисы или антитезисы, а команды по очереди приводят аргументы в их защиту. Побеждает та команда, которая предложит последний аргумент.

Для игры могут быть предложены следующие тезисы (или антитезисы):

1. Студентам технических вузов необходимо изучать русский язык и культуру речи. Студентам технических вузов не нужно изучать русский язык и культуру речи.

2. Студенты должны подрабатывать в свободное от учебы время. Студенты не должны подрабатывать в свободное от учебы время.

3. Российское образование – лучшее в мире. Российское образование далеко не лучшее в мире.

Большую популярность среди студентов имеют игры, в которых им предлагается выступить в роли рекламодателя, например:

1) напишите текст двухминутного рекламного выступления, побуждающего слушателей совершить покупку рекламируемого товара или воспользоваться услугами фирмы;

2) подберите аргументы и определите их вид.

Приведу примеры, на наш взгляд, удачных тем рекламных речей, предложенных студентами для выступлений перед группой:

1. Покупайте шампунь от перхоти «Веник»!

2. Вашему компьютеру необходим домик для мышки!

Заметим, что разработка рекламных выступлений представляет собой эффективную форму самостоятельной работы студентов прежде всего потому, что эта разновидность речи представляет собой синтез информационной и убеждающей речи.

В качестве самостоятельной работы студентам предлагаются творческие задания, позволяющие развивать умения по написанию не только информационной и убеждающей речи, но и протольно-этикетной. Отмечу, что особой популярностью у студентов

пользуются такие задания: «Напишите текст: 1) поздравления однокурснику с днем рождения; 2) приветствия участникам вузовского конкурса ораторов; 3) представления однокурсникам иностранного студента». Уточним, что при написании протоколно-этикетной речи первокурсники используют рекомендации и модели, представленные в электронном учебнике по курсу,

Докоммуникативный этап работы над убеждающей публичной речью завершается выбором темы будущего выступления перед одноклассниками и письменной разработкой его замысла: формулировкой ключевого понятия, названия, цели, тезиса, аргументов, концепции.

На коммуникативном этапе (выступление в группе со своей публичной речью) студенты приобретают опыт деятельности, чрезвычайно важный при формировании компетенции «способен к публичному выступлению».

Следующие этапы совершенствования этого опыта – участие первокурсников в ежегодном вузовском конкурсе ораторов «Золотое слово», в интернет-конкурсе публичных выступлений, представленных на сайте ИГЭУ, и в Областном студенческом конкурсе ораторов.

Подводя итог, следует сказать, что данная технология формирования компетенции «способен к публичному выступлению» в техническом вузе в рамках изучения курса «Русский язык и культура речи» позволяет студентам познакомиться с особенностями устной публичной речи, с современной классификацией публичных речей по цели, сформировать умения по разработке замысла публичной речи, овладеть навыками ее презентации и, что особенно важно, приобрести опыт реального публичного выступления в группе, а при желании – в вузовском и Областном конкурсах ораторов. Данная технология ориентирована на профессиональную подготовку студентов, на формирование в рамках учебной деятельности внутренне мотивированной профессиональной деятельности будущего специалиста, что позволяет говорить об эффективности использования контекстного и компетентностного подходов к обучению в условиях современной высшей школы.

Литература

БЫДАНОВА, Е. Н., 2008. Анализ компетенций выпускников российских вузов. *Социологические исследования*, № 5, Москва: Наука, с. 140-142.

ВЕРБИЦКИЙ, А. А., 1991. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. Москва: Высшая школа, с. 10-15.

МАТУШКИН, Н. Н.; СТОЛБОВА, И. Д., 2009. Методологические аспекты разработки структуры компетентностной модели выпускника высшей школы. *Высшее образование сегодня*, № 5, Москва: Логос, с. 24.

Galina Tokareva

Ivanovo State Power Engineering University, Russia

Research interests: Russian language and culture of speech, rhetoric, modern education

ABOUT CONTEXT AND COMPETENCE APPROACH PRINCIPLES IN TEACHING “RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE” COURSE AT TECHNICAL UNIVERSITY

Summary

The article deals with the effective use of contextual and competence training in developing students' communication skills which are particularly important to future engineers on the present-day job market. It is crucial that the competence model includes practical experience as well as traditional knowledge and skills. Practical experience is treated here as providing a solid basis for acquiring public speaking skills by the students of technical university.

The article describes the way of mastering these skills based on the author's teaching experience and organizing students' individual work at Ivanovo State Power Engineering University.

The article discusses the effectiveness of context and competence approach in academic teaching to meet modern requirement for graduate quality training; the methodology of *public speaking competence* development in technical university is considered.

KEY WORDS: context approach principles, professional competence, competence development learning model, public speaking competence

Алла Зимильдинова, Любовь Скалыч

*Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко, Украина
ул. И. Франко 24, 82100 Дрогобыч, Львовская обл., Украина*

Тел.: (03244-3-35-37)

Эл. почта: fillgalja@rambler.ru

Научные интересы: развитие связной речи младших школьников и подготовка студентов к работе в начальной школе.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматриваются дидактические условия, соблюдение которых приведет к развитию речи младших школьников. К ним относится учет содержательного, мотивационного и операционного компонента процесса обучения в начальной школе. Развитие речи учащихся начальных классов возможно осуществлять путем использования системы упражнений интегрированного характера при выделении этапов формирования речевых умений с применением наглядной и вербальной опоры. Это подтверждает правильность предположения о возможности эффективного развития речи учащихся младшего школьного возраста как составного компонента развития общеучебных умений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: условия, дидактические, развитие, речь, младший школьник, содержательные, мотивационные, операционный, процессуальный, компонент, процессе, обучение, система, упражнение, интегрированный, общеучебные, речевые, речеvedческие, знания, умения.

Начальное общее образование в Украине изменяет свою сущность, идет процесс его обновления, что неразрывно связано с привлечением детей шестилетнего возраста к обучению в четырехлетней начальной школе, как структурному звену двенадцатилетней в соответствии, с реализацией Закона Украины «Об общем среднем образовании» (Закон Украины «Об общем среднем образовании» 1999, с. 3). Создается целостная система нового содержания школьного образования, которое отображает действительно гуманистическую культуру демократического общества, что приведет к изменению менталитета нации и поможет младшим школьникам качественно овладеть родным языком (Концепция общего среднего образования (12-летняя школа) 2002, с. 2-3).

Умение связно высказываться необходимо каждому человеку независимо от его профессии. Владение словом дает возможность делиться своими знаниями, собственными мыслями и впечатлениями, отстаивать свои убеждения, избегать недоразумений. В период становления личности младшего школьника происходит овладение языком и речью как средством познания, общения, воспитания, развития и самовыражения личности школьника, утверждения его в обществе (Концепция общего среднего образования (12-летняя школа) 2002, с. 2). С началом обучения в школе речь школьника вступает, как отмечают дидакты и методисты дошкольного и школьного звена (А. Богущ, О. Савченко, Л. Варзацкая, М. Вашуленко, А. Зимильдинова), в полностью новую и своеобразную фазу развития (Зимильдинова 1990, с. 102-112). Язык становится объектом изучения, а речь выполняет важную функцию: с одной стороны, она инструмент, средство овладения учебным материалом, а с другой – источник знаний по другим (не языковым) сферам познания.

Дидактический аспект этой проблемы (см. работы К. Ушинского, Л. Выготского, А. Занкова, Г. Костюка, Н. Менчинской, В. Сухомлинского, Ш. Амонашвили, В. Давыдова, М. Скаткина, О. Савченко, А. Зимильдиновой) обогащается результатами исследований о взаимосвязи обучения и развития младших школьников, их результаты дают возможность уточнить, расширить представление о способах руководства процессом развития речи учащихся младшего школьного возраста.

В силу того, что процесс развития речи осознается как важный аспект в овладении младшими школьниками умением учиться, мы считаем его педагогической проблемой.

Анализ литературы и педагогической практики показал, что в решении проблемы развития речи преобладает односторонний подход. Одной из причин, что ограничивает педагогическую направленность этого вопроса, является, на наш взгляд, отсутствие исследований, в которых рассматривался бы процесс целостного развития речи младших школьников с учетом особенностей организации учебной деятельности на разных возрастных этапах.

Как известно, на развитие речи влияет много факторов: речевая среда, общение с ровесниками, слушание радио и телепередач, чтение художественной литературы. Решающее значение в формировании такого интегрированного качества, как речь, имеет учебный процесс, поскольку связная речь — продукт целенаправленного систематического обучения.

Важность решения этой проблемы особенно возрастает в связи с организацией систематического обучения детей шестилетнего возраста в школе, с дидактико-методичным обеспечением работы четырехлетней начальной школы в структуре двенадцатилетнего срока учебы.

В современной педагогической науке нет исследований, связанных с определением дидактичных условий, с учетом которых осуществляется обучение речи младших школьников. В Государственном стандарте общего начального образования отмечается, что целью начального курса украинского языка является обеспечение развития, совершенствование умений и навыков младших школьников во всех видах речевой деятельности (Государственный стандарт начального общего образования 2006, с. 25).

В новой учебной программе для 1- 4классов начальной школы отмечается, что в соответствии с Государственным стандартом начального общего образования выделяется образовательная отрасль «Языки и литература», где «украинский язык» занимает ведущее место. Эта отрасль включает три смысловые линии: коммуникативную, языковую, социокультурную (Государственный стандарт начального общего образования 2006, с. 24).

В контексте задач по развитию речи учащихся младшего школьного возраста важное значение приобретают установки концепции о непрерывном образовании, коренном улучшении изучения украинского языка учащихся, о необходимости формирования у них во всех звеньях самообразовательной работы.

Сегодня подучила признание идея системного целостного подхода к развитию речи младших школьников, обеспечивающая практическую направленность в обучении родного языка. Становится очевидным, что при незначительной части теории возможно достижение младшими школьниками необходимого и достаточного речевого развития.

Общеизвестно, что овладение родным языком происходит через речевую деятельность. Речь выступает не только формой общения, но и формой передачи и получения знаний, формой обучения. Она расширяет рамки общественного познания детей, приобщает их к определенному уровню знаний, которого достигло человечество.

Важное значение имеет и то обстоятельство, что программа начальных классов предусматривает развитие интеллектуально–речевых умений, которые включены в общеучебные умения и начинают формироваться уже на пропедевтическом этапе усвоения языка. Это положение подчеркивает общепедагогическую значимость развития речи учащихся.

Как известно, на развитие речи влияет много факторов: речевая среда, общение с ровесниками, слушание радио и телепередач, чтение художественной литературы. Решающее значение в формировании такого интегрированного качества, как речь, имеет учебный процесс, поскольку связная речь – продукт целенаправленного систематического обучения.

Важность решения этой проблемы особенно возрастает в связи с организацией систематического обучения детей с шести лет в школе, с дидактико-методическим ним

обеспечением работы четырехлетней начальной школы в структуре двенадцатилетнего срока учебы.

В современной педагогической науке нет исследований, связанных с определением дидактичных условий, с учетом которых осуществляется развитие речи младших школьников. В Государственном стандарте общего начального образования отмечается, что целью начального курса украинского языка является обеспечение развития, совершенствование умений и навыков младших школьников во всех видах речевой деятельности (Государственный стандарт начального общего образования 2006, с. 25).

В новой учебной программе для 1-4 классов начальной школы отмечается, что в соответствии с Государственным стандартом начального общего образования выделяется образовательная отрасль «Языки и литература», где «украинский язык» занимает ведущее место (Государственный стандарт начального общего образования 2006). Эта отрасль включает три смысловые линии: речевую, языковую, социокультурную (Государственный стандарт начального общего образования 2006, с. 24).

Изучение и обобщение педагогического опыта учителей, которые учат младших школьников, свидетельствует о том, что большинство из них (68 %) осознано новые концептуальные подходы к языковому образованию учащихся, которые проявляются в первую очередь в реализации практической, речевой направленности начального курса языка, в преодолении формализма в изучении языковых явлений и фактов, в обеспечении их функциональности. Как отмечают исследователи, «практическая направленность изучения родного языка должна обеспечивать формирование языковой личности, которая свободно и легко высказывается при любых жизненных обстоятельствах, обнаруживает высокий уровень владения языковой культурой, заботится о качествах своей речи».

Наблюдение за уроками развития речи учащихся 1-4 классов, которое мы осуществляли в школах Украины, показали, что часть учителей работает только над орфографической грамотностью учащихся уже с 1 класса (32 %). Они считают, что дети должны писать грамотно и правильно, а на развитие речи эти учителя или совсем не обращают внимания, или недостаточно.

Результаты констатирующего эксперимента, проведенного в школах Украины, засвидетельствовали, что овладение речью детей младшего школьного возраста является достаточно сложным неуправляемым процессом. Главная причина, на наш взгляд, заключается в том, что отсутствует взаимодействие между смысловым, мотивационным и операционным компонентами процесса учебы. В связи с этим становится актуальной проблема всесторонней подготовки школьников к работе над развитием речи. Она обеспечивается полноценным усвоением учащимися понятийно-теоретического материала по украинскому языку и формированием у них речевых умений.

Не менее важным выступает и то обстоятельство, без учета которого развитие речи остается на практике функцией только одного урока, который существенно суживает возможности его формирования на общепредметном уровне. Поэтому целенаправленная работа по развитию связной речи в первых – четвертых классах должна осуществляться с учетом дидактических условий, что позволяет увидеть этот процесс целостно.

Поэтому мы считаем, что развитие речи нужно рассматривать как один из элементов содержания обучения, развития и воспитания младших учащихся, начиная с 1 класса. Усвоение такого содержания в целостном учебно-воспитательном процессе предусматривает интегрированный характер развития речи, направленный на формирование в учащихся речевых умений с учетом «зоны их ближайшего развития».

Формирование речевых умений младших школьников при выполнении упражнений интегрированного характера совершается по образцу, аналогии, с помощью схем-опор, памяток, алгоритмов. При этом со стороны учителя необходимо обеспечить помощь ученикам первых – четвертых классов, следя за употреблением в речи слов и словосочетаний.

Достаточность определенного состава речевых умений определяется тем, что в каждом умении имеется ряд последовательных операций, позволяющих в совокупности создавать высказывания на определенную тематику.

Таким образом, включение системы упражнений интегрированного характера в учебно-воспитательный процесс при руководящей роли учителя даст возможность учащимся с разной степенью самостоятельности обладать обобщенными способами речевых действий, направленных на продуцирование текстов разных типов и стилей.

Формирование умений в учащихся правильно произносить звуки, слова, ориентироваться в значении слов, целесообразно их употреблять, правильно строить предложения та оформлять их в текст осуществлялось поэтапно.

На этапе восприятия применялись подготовительные упражнения, суть которых состояла в оказании помощи младшим школьникам в усвоении представлений о звучании речи, ее функциях, формах, типах и жанрах. Важная роль здесь отводилась использованию слуховой, изобразительной и вербальной наглядности. Рассматривание иллюстрации, предметных и сюжетных картин, звучащее слово, комментарий учителя имели целью развитие у младших школьников умений слушать и понимать речь, произнесенную в разном темпе, с различной силой и окраской голоса. На этом этапе учащиеся выполняли элементарные речевые и практические действия аналитико-синтетического характера.

Этап осмысления нового материала был главным в усвоении знаний речеведческого характера, необходимых для формирования речевых умений.

С целью развития умения ориентироваться в условиях общения вводились знания об объекте действия и способах выполнения речевых действий, т.е. операционные знания. На этом этапе рекомендовались сопутствующие и последующие упражнения, которые содействовали формированию умений анализировать текст, состоящий из предложений, выделять главное, озаглавливать его, сравнивать картинку с текстом, обобщать и классифицировать.

На этапе закрепления использовались пробные и тренировочные упражнения, на которых осуществлялась отработка умений наблюдать за последовательностью изложения, установление логических связей между частями текста, употреблением фонетических, лексических, грамматических и интонационно-выразительных средств в нем.

Этап применения включал вариативные и творческие упражнения на перенос умений по анализу изученного текста на продуцируемое новое речевое произведение.

Эффективность разработанной методики определялась путем диагностирующих заданий, выявлявших уровень овладения младшими школьниками речеведческими знаниями и речевыми умениями. Качественный и количественный анализ позволяет отметить, что в учащихся экспериментальных классов значительно больший объем связанных высказываний, их смысловая структура более логичная и последовательная.

В определении дидактических условий мы выходим из того, что развитие речи – явление многоаспектное и многомерное и являет собой сложную психолого-педагогическую систему. В процессе отбора учебного содержания для развития речи мы учитывали воспитательную, познавательную и эмоциональную ценность материала; его связь с ранее усвоенным; возможность вариативности упражнений (по видам, способам постановки заданий, их достаточной повторяемости); создание базы для перехода ребенка в «зону ближайшего развития» в ее речевой деятельности.

Экспериментальный учебный материал для развития речи младших школьников, используемый нами в опытно-обучении, включает элементарные представления о фонетической, графической, орфоэпической, лексической и грамматической системе языка и речи, тексте, о связи между этими представлениями; знание о способах деятельности.

Формой представления учебного материала для развития речи является учебно-методический комплекс, который включает взаимодействие пособий по развитию речи, тетради с печатной основой, дидактического материала с карточками-заданиями и

методического пособия для учителя. Главная цель этого взаимодействия – овладение детьми младшего школьного возраста речевыми умениями.

В формировании речевых умений как общеучебных необходимо использовать систему упражнений интегрированного характера, особенностью которой является взаимосвязь смыслового, мотивационного и операционного компонентов процесса обучения. Эта взаимосвязь осуществляется следующим способом.

Во-первых, в мотивационном аспекте предусматривается личностное отношение ученика к построению текстов.

Во-вторых, в содержательном плане определяются связь между речеведческими знаниями и речевыми умениями через использование системы заданий интегрированного характера.

В-третьих, операционная система обеспечивает сознательность учащихся в овладении речевыми умениями, что позволяет детям в сотрудничестве с учителем или самостоятельно продуцировать тексты разных типов и жанров.

Смысловой компонент включает элементарные понятия о речи, ее функциях, и знаниях о способах деятельности; их усвоение осуществляется во время выполнения упражнений таких видов: информационно–смысловых, структурно–композиционных, грамматико–стилистических и упражнений по редактированию текста.

Информационно–смысловые упражнения предусматривают овладение младшими учащимися высказывания в условиях общения, подбор и систематизацию лексического и грамматического материала; осознание его границ, раскрытия темы и главной мысли, подбор к нему заглавия.

Целью структурно–композиционных упражнений является формирование умений делить текст на логично завершенные части, определять в них главное, последовательность построения предложений, их взаимосвязь во время изложения мысли.

Грамматико–стилистические упражнения включают: подбор слов, предложений в соответствии с темой и целью высказывания; ознакомление с интонационными выразительными средствами речи – основным тоном, темпом, звучностью; редактирование собственного текста в смысловом, структурном, речевом и интонационно–выразительном планах, или, как отмечал Н.Жинкин, «критику собственноручно созданного текста».

Использование каждого вида упражнений должно выполняться на разном предметном или интегрированном содержании. На уроках родного языка использовались все четыре вида, на занятиях предмета «Я и Украина» и изобразительного искусства ведущими были информационно–смысловые, а на уроках математики, трудового обучения – структурно–композиционные упражнения. Отдельные виды грамматико–стилистических упражнений использовались при изучении музыки и для внеклассного чтения. Упражнения направлены на овладение младшими школьниками правильности, точности в употреблении слов, уместности высказывания, эстетичности речи, на выбор необходимого темпа, звучности, основного тона высказывания и т. д.

Мотивационный компонент обеспечивает создание в учащихся положительного эмоционального отношения к упражнениям путем стимулирования чувства, удивления, интереса, увлечения и удовлетворения результатами продуцирования текстов. Для этого в учебно–воспитательном процессе широко используются учебно–речевые и игровые ситуации, а особенно игры–упражнения, сюжетно–ролевые, игры–драматизации, игры с правилами. В ситуациях, близких к жизненному опыту детей, что вызвано естественной потребностью в устных высказываниях, речевая деятельность является активной и непосредственной.

Операционный компонент включает речевые умения, которые позволяют младшим школьникам в сотрудничестве с учителем или самостоятельно составлять тексты разных типов и жанров. К этим умениям относятся умения определять и раскрывать тему текста, главную его мысль, подбирать заглавие к нему; собирать и систематизировать материал;

выделять части в тексте, последовательно излагать мысли, составлять план; использовать языковые средства.

Достаточность выделенного состава умений определяется тем, что каждое умение включает ряд последовательных операций, которые в совокупности позволяют учащимся создавать связные высказывания разных типов и жанров.

Таким образом, развитие речи для младших школьников является доступным и необходимым процессом целостного развития, эффективное осуществление которого требует определения совокупности дидактических условий:

- отбор и систематизация учебного материала с учетом особенностей и возможностей детей младшего школьного возраста;
- целенаправленность и взаимодействие учебно-методических средств;
- конструирование системы упражнений на основе взаимосвязи содержательного, мотивационного и операционного компонентов обучения;
- учет интегративных связей.

Руководство процессом развития речи младших учащихся возможно путем использования системы упражнений интегрированного характера, построенной на основе взаимосвязи содержательного, мотивационного и операционного компонентов обучения при выделении этапов развития речевых умений для составления текстов разных типов и жанров с применением наглядной и вербальной опоры.

Методической основой организации этого процесса является использование учебного комплекта, позволявшего наиболее полностью учесть возрастные возможности учащихся, сложность их перехода от игровой к учебной деятельности, необходимость дифференцированного подхода к овладению связной речью младшими школьниками.

Все это дало возможность одновременно работать над умениями слушать и понимать речь, произносить правильно звуки в словах, правильно употреблять слова в предложении, отвечать на вопросы, принимать участие в диалоге, передавать смысл прослушанного текста сказки, рассказа, говорить на тему, озаглавливать текст, оформлять мысли точно, правильно, говорить в нужном темпе, умеренно громко, контролировать и оценивать сказанное. Наряду с этим совершенствовались измерительные, графические, вычислительные, трудовые умения и навыки.

Под влиянием экспериментального обучения развитию речи большинства учащихся начальных классов наметилось существенное продвижение в овладении литературным произношением, в обогащении словарного запаса, в совершенствовании грамматического строя речи. Таким образом, у младших школьников формировались умения находить и раскрывать тему текста, последовательно излагать свои мысли, определять и подбирать заголовки к готовому или продуцированному высказыванию. Наибольшие достижения характеризовали умения школьников составлять тексты типа описания и повествования, эмоционально и интонационно-выразительно оформлять высказывания разных типов и жанров. Учет особенностей развития речи младших учащихся является существенным перспективной работы последующих классов.

Все это подтверждает правильность предположения о возможности эффективного развития речи учащихся младшего школьного возраста как составного компонента развития общеучебных умений при одновременной и взаимосвязанной реализации выделенных дидактических условий.

Литература

Закон Украины «Об общем среднем образовании», 1999. *Начальная школа*. № 8. Київ: Початкова школа, с. 1-12.

Государственный стандарт начального общего образования, 2006. *Начальная школа*. № 2. Київ: Початкова школа, с. 24-45.

Концепция общего среднего образования (12-летняя школа), 2002. *Начальная школа*. № 3. Київ: Початкова школа, с. 2-3.

Программы средней образовательной школы, 2006. Київ: Початкова школа, 432 с.

ЗИМУЛЬДИНОВА, А. С., 1990. Особенности развития речи шестилетних первоклассников. *Обучение и воспитание шестилетних первоклассников*. Київ: Початкова школа, с.102-112.

ЗИМУЛЬДИНОВА, А. С.; СКРИПЧЕНКО, Н. Ф., 1990. Дидактический материал по развитию речи шестилетних первоклассников. Київ: Початкова школа, 144 с.

САВЧЕНКО, О. Я., 2009. Виховний потенціал початкової освіти. Київ: Богданова, 226 с.

СУХОМЛИНСЬКИЙ, В. О.. 1977. Серце віддаю дітям. Вибрані твори в 5-ти т, т. 3,. Київ: Радянська школа, , с. 7-278.

УШИНСКИЙ, К., 1988-1990. Человек как предмет воспитания. Пед. соч.: в 6-ти т., т. 5, Москва: Педагогика, с. 7-38.

Alla Zimyldinova, Lyubov Skalych

Drohobych Pedagogical University named after Ivan Franko, Ukraine

Research interests: development of coherent speech of younger students and preparing students for work in elementary school.

THE DIDACTIC CONDITIONS OF SPEECH DEVELOPMENT OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

Summary

This article discusses teaching conditions which lead to the development of speech of students. These include the account of a meaningful, motivational and operational component of the learning process in elementary school. Speech development of primary school children may be realized by using a system of exercises of integrated nature of the allocation stages forming speech abilities with the use of visual and verbal support. This confirms the correctness of assumptions about the possibility of judging the development of speech of pupils of primary school age as an integral component of general educational skills.

KEY WORDS: environment, teaching, development, speech, the younger schoolboy, meaningful, motivation, operating, procession, component, process, training, system, exercise, an integrated, general educational, speech, knowledge, skills.

LINGVISTINIAI TYRIMAI
LINGUISTIC RESEARCH
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Jūratė Čirūnaitė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

K. Donelaičio g. 52, 44244 Kaunas, Lietuva

Tel.: (8 – 37) 227326

El. paštas: j.cirunaite@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: LDK tautų vardynas, onomastika

LIETUVOS TOTORIŲ KARIŲ ĮVARDIJIMAS XVI–XVII A.

Straipsnyje tiriamas XVI–XVII a. Lietuvos totorių karių vardynas. Medžiaga rinkta iš 1528 m., 1565 m., 1567 m. LDK kariuomenės surašymo dokumentų ir iš 1631 m. atliktos Lietuvos totorių valdų revizijos. Išrašytas 2191 vyrų įvardijimas. Įvardijimai suskirstyti į 3 tipus pagal potencialiųjų pavardžių buvimą arba ne įvardijime. Tipai suskirstyti į potipius, o šie – į įvardijimo būdus. Taip pat tirama įvardijimo struktūra. Pagal ilgį įvardijimai suskirstyti į vienanarius, dvinarius, trinarius, keturnarius įvardijimus. Aptariami asmenvardžius paaiškinantys bendriniai žodžiai (prieveidžiai). Jie suskirstyti į 4 leksines-semantines grupes: šeimininės padėties ir giminystės, luomo, pareigybės, tautybės. Vyrauja pareigybės prieveidžiai. Po trečdalį užrašyta ir luomo bei tautybės prieveidžių. 1631 m. dokumente rasta viena totorių, perėjusių į krikščionybę, pavardė. Vieno asmens patronimas sudarytas ne iš tėvo, o iš uošvio vardo.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: pavardė, patronimas, asmenvardis.

Lietuvos totorių vardynas jau senokai tiriamas. Pirmasis šio darbo ėmėsi istorikas Stanislovas Kričinskis. Savo monografijoje „Lietuvos totoriai“ jis vieną skyrių paskyrė Lietuvos totorių asmenvardžiams, jų kilmei (Kričinskis 1993). Visų Lietuvos totorių pavardes, dauguma kurių yra pasiekusios mūsų laikus, savo knygoje „Herbarz rodzin tatarskich w Polsce“ paskelbė Stanislovas Dziadulevičius (Dziadulewicz 1986). S. Dziadulevičiaus knygoje yra išspausdintas ir Jakubo Szykiewičiaus rytietišku žodžių ir vardų žodynėlis (Szykiewicz 1986). XVI amžiaus Lietuvos totorių vardyno lituanizmus tyrė Jūratė Čirūnaitė (Čirūnaitė 1999). Tiurkų kilmės rusų pavardes yra surinkęs ir ištyręs Nikolajus Baskakovas (Баскаков 1979).

Lietuvos totorių antroponimijos šaltinių yra nemaža. Šiame straipsnyje apsiribojama XVI amžiaus Lietuvos kariuomenės dokumentais – 1528 m., 1565 m. ir 1567 m. surašymais (Литовская Метрика 1915) bei 1631 m. Lietuvos totorių valdų revizija (Borawski 1991). XVI a. dokumentai parašyti LDK kanceliarine slavų kalba, XVII a. – lenkų kalba. Iš šių šaltinių išrinkti Lietuvos totorių įvardijimai yra suskirstyti į tipus, potipius ir įvardijimo būdus bei aprašyta įvardijimų struktūra.

Šiame straipsnyje tirama ne asmenvardžio, o įvardijimo struktūra. Įvardijimas skiriamas į dvi dalis – asmenvardžius ir juos paaiškinančius bendrinius žodžius (prieveidžius). Asmenvardžiai savo ruožtu skirstomi į potencialiąsias pavardes (patronimus ir *-sk-* tipo asmenvardžius) bei visus likusius asmenvardžius, kurie vadinami vardais. Asmenvardžius paaiškinantys bendriniai žodžiai (prieveidžiai) skirstomi į 4 leksines-semantines grupes: luomo, pareigybės, tautybės ir šeimininės padėties bei giminystės.

Totorių vyrų 1528 m. dokumente buvo 504, 1565 m. dokumente – 117, 1567 m. dokumente – 431, 1631 m. dokumente – 1139.

Įvardijimo struktūra

Vyrų įvardijimus sudaro 4073 asmenvardžiai. Iš jų 2136 (52,4 %) vardai, 7 (0,2 %) pravardės, 1930 (47,4 %) potencialiųjų pavardžių. Iš potencialiųjų pavardžių vyrauja patronimai. Jų yra 1842 (95,4 % potencialiųjų pavardžių). -sk- tipo antroponimų yra 88 (4,6 % potencialiųjų pavardžių).

Be asmenvardžių, į įvardijimus įeina ir asmenvardžius paaiškinančių bendrinių žodžių (prieveidžių). Su prieveidžiais užrašyta 214 įvardijimų (9,8 % visų įvardijimų). Nuorodų yra 201. Įvardijime būna 1–2 nuorodos, taip pat vienai nuorodai gali tekti 2–5 įvardijimai.

Šeimyninės padėties ir giminystės nuorodų yra 4 (2 % visų nuorodų). Du kartus užrašyti sūnūs (*сыны*), vieną kartą vaikai (*дети*) ir žentas (*зять*).

Tautybės nuorodų yra 57 (28,4 % visų nuorodų). 57 kartus užrašyti totoriai (*Татаринь, Татарzyn, Tatarowie*).

Luomo nuorodų yra 61 (30,3 % visų nuorodų). 17 kartų užrašyti kunigaikščiai (*князь*), 23 kartus – ulonai arba jų sūnūs (*Улань, влань, ulan, ulanowicz*), 13 kartų – murzos arba jų sūnūs (*Murza, Murzicz*), tris kartus – caraičiai, arba chanaičiai (*carewicz*), du kartus – bajorai (*bojarzyn*), po vieną kartą nelaisvasis asmuo (*Повиньноватый*), kazokas (*Казакъ*), t.p. garbės titulas – keliautojo į musulmonų šventąsias vietas prieveidis *chadži* (*Оатжы*).

Pareigybės nuorodų daugiausia – 79 (39,3 % visų nuorodų). Užrašyti 9 šventikai (*Молла, малла*), 10 daržininkų (*Огородники, на огороде*), 12 atamanų arba jų sūnų (*Атамань, атаман, атамановичь*), 12 rotmistrų (*Rotmistr*), 7 maršalkos (*Маршалокъ*), 28 vėliavininkai (*Хоружий, chorąży*), vienas tarnas (*слуга*).

Įvardijimo ilgis – 1–4 asmenvardžiai. Daugiausia yra dvinarių įvardijimų – 1696 (77,4 %), vienanarių yra 402 (18,3 %), trinarių – 92 (4,2 %), keturnarių – vienas (0,05 %).

Su vardu užrašyta 2070 vyrų įvardijimų (94,5 % visų įvardijimų).

Pavardės

1631 m. dokumente pastebėta viena totorių, perėjusių į krikščionybę, pavardė – *Bulhak*. Dviejų brolių įvardijimuose tai dar patronimas: *Matysz i Anton Bulhakowicze* (R-133) ‘Matušas ir Antonas, Bulhako sūnūs’. Antono sūnaus Fiedoro ir jo sūnų Iwano, Siemiono ir Wasko įvardijimuose tai jau pavardė: *Fiedor Bulhak z synami Iwanem, Siemionem i Waskiem Bulhakami* (R-133) ‘Fiedoras Bulhakas su sūnumis Ivanu, Semionu ir Vaska Bulhakais’.

Asmenvardis iš giminių vardų

Vieno asmens patronimas *Кицкевичь* yra sudarytas ne iš tėvo, o iš uošvio vardo: *Петрокъ Кицкевичь за тестя своего за Кицка* (1357–1358) ‘Petrokas, Kicko žentas, už savo uošvį, už Kicką’.

Įvardijimo tipai

Vyrų įvardijimų yra 2191. Jie užrašyti 19 įvardijimo būdų. Be šių įvardijimų, yra trys įvardijimai, neturintys asmenvardžių: *Козакъ* (110) ‘Kazokas’; *Сеутъ* (115) ‘Ponas (arab.)’; instr. sg. *Уланет* (R-86) ‘Ulonas’.

Įvardijimas be potencialiųjų pavardžių

Be potencialiųjų pavardžių užrašyti 324 asmenys. Tai 14,8% visų įvardijimų.

Įvardijimas vardu. Vienu vardu užrašyti 289 asmenys. Tai 13,2 % visų įvardijimų, 71,9% vienanarių įvardijimų, 89,2 % įvardijimų be potencialiųjų pavardžių. 240 įvardijimų užrašyti be juos paaiškinančių bendrinių žodžių. Pvz.: *Асанакъ* (112); *Гулатъ Бердей* (112)⁴; *Танъ Риберъдей* (111); *Танъ Сарый* (118); *Уечесеутъ* (120); *Хачибердей* (111); *Тахъ Мамышъ*

(111); *Хорумъша* (110); *Кадышъ* (118); *Келдышъ* (112); *Кошумъ* (115). Dviejuose įvardijimuose nurodyta vietovė, kurioje užrašyti asmenys: *У Попортехъ Осанъ* (120); *Жаба съ Болотхочовичъ* (111) (antrajame įvardijime gali būti ir šeimos asmenvardis). 49 įvardijimai turi nuorodų. Užrašyta 12 kunigaikščių: *Князь Кулзуманъ* (111); *Князь Майко* (114); *Князь Юхно* (109); *Князь Ях[ъ]Я* (109); *Князь Уразъ* (111); *Князь Магметъ* (109); *Князь Кульдышъ* (109); *Князь Обътеча* (110); *Князь Анъдрей* (109); *Князь Абраимъ* (111); *Князь Айдаръ* (111); gen. sg. князя Аликеча (1362). Užrašyti 4 dvasininkai bei jų vaikai: *Лягим-Бердей, молла Татарский* (1370) ‘Lehim-Berdėjus, totorių mulla’; *Малъла Арабинъ* (429); *Abbekier i Dzianaj, mollicze* (R-88) ‘Abekieras ir Dzianajus, mulos sūnūs’. Yra 8 totorių tautybės nuorodos: *Tatarowie Korsaccy* (R-102); *Niemko Tatarzyn* (R-116); instr. sg. *Tatarach, Tochtamyszu i Abdule* (R-134); *Тотумъ Татаринъ* (118); *Ман[ъ] Татаръ* (190); gen. sg. *татарина Богдана* (1357); acc. sg. *татарына Карачу* (1357). Užrašyti 6 ulonai: *Adam Ulan* (R-104); *Jakub Ulan* (R-111); instr. sg. *Adamem Ulanem* (R-111); *Furs Ulan* (R-111); *Коръсакъ Вланъ* (111); *Нурумъ Вланъ* (118). Yra 4 daržininkai: *Того жъ атаманства огородники, што паиен[ъ] не мають. (...) Петъко. Петрыкъ. Михънели. Сатъко* (117) ‘Tos pačios atamano tarnybos daržininkai, kurie arimų neturi (...)’. Užrašyti 2 atamanai: *Атаманъ Вацький Уразъ* (112) ‘Vokės atamanas Urazas’; *Атаманъ Малышка* (117). Yra du luomo nuorodą *сеутъ* turintys asmenys: *Сеутъ Жалал[ъ]* (119); *Абыбасъ Сутъ* (426). Užrašytas vienas murzičius: *Siejć Murzin* (R-116) ‘Seitas, murzos sūnus’. Vienas murzičius yra atamano sūnus: *Куль-Зыманъ отамановичъ Мурзичъ* (1358) ‘Kul-Zymanas, atamano murzos sūnus’. Vienas ulono sūnus yra rotmistras: instr. sg. *Mustafa Ulanowiczem, rotmistrzem* (R-102) ‘Mustafa, Ulono sūnumi, rotmistru (įnag.)’. Vienas ulono sūnus yra maršalka: *Асанъ Улановичъ, маршалокъ того хоружства* (1355) ‘Asanas, Ulono sūnus, tos vėliavos maršalka’. Užrašytas vienas ulonas vėliavininkas: *хоружый Ахметъ Вланъ* (114) ‘vėliavininkas Achmetas Ulonas’. Yra dar vienas vėliavininkas: *Хоружий Сейжалалъ* (113). Kitas vėliavininkas turi kunigaikščio titulą: *Князь Иванъ, хоружий Татарский* (109) ‘Kunigaikštis Ivanas, totorių vėliavininkas’. Yra vienas maršalka: dat. sg. *Isupowi, marszałkowi tatarskiemu* (R-114) ‘Isupui, totorių maršalkai (naud.)’. Dar du maršalkos yra ir kunigaikščiai: *Князь Адко Маръшалокъ* (114) ‘Kunigaikštis Adko maršalka’; *Маръшалокъ Татарский князь Ях[ъ]Я* (119) ‘Totorių maršalka kunigaikštis Jachja’. Vienas asmuo yra nelaisvas: gen. sg. *повинъноватого своего Айдара* (425).

Įvardijimas pravarde. Įvardijimas pravarde tėra vienas. Tai 0,05% visų įvardijimų, 0,2% vienanarių įvardijimų, 0,3 % įvardijimų be potencialiųjų pavardžių. Įvardijimas jokių nuorodų neturi: instr. pl. *Smieszny* (R-98) ‘Juokingaisiais (įnag.)’.

Įvardijimas dviem vardais. Dviem vardais užrašyti 33 asmenys. Tai 1,5 % visų įvardijimų, 1,9% dvinarių įvardijimų, 10,2 % įvardijimų be potencialiųjų pavardžių. 31 įvardijimas jokių nuorodų neturi. Pvz., *Тимиръ Балатъ* (111); *Девера Еемишъка* (114); *Абрагимъ Урутей* (118); *Асанъ Шагдавлетъ* (118); acc. sg. *Абыдулу Ахмата* (425); *Милкуманъ Ломака* (1355); *Щастный Болото* (1355). Viename įvardijime įrašytas ulono sūnus: *Ахметъ Врусъ Влановичъ* (113) ‘Achmetas Vrusas, Ulono sūnus’. Yra vienas vėliavininkas: *Хоружы Городенъски Матей Суланъ* (425) ‘Gardino vėliavininkas Matiejus Sulanas’.

Įvardijimas vardu ir pravarde. Vardu ir pravarde užrašytas vienas asmuo. Tai 0,05 % visų įvardijimų, 0,06 % dvinarių įvardijimų, 0,3% įvardijimų be potencialiųjų pavardžių. Įvardijimas užrašytas be jokių papildomų nuorodų: *Furs Śmieszny* (R-108) ‘Fursas Juokingasis’.

Įvardijimas vien potencialiosiomis pavardėmis

Vien potencialiosiomis pavardėmis užrašyta 120 asmenų. Tai 5,5 % visų įvardijimų.

Įvardijimas viena potencialiaja pavarde. Viena potencialiaja pavarde užrašyta 113 įvardijimų. Tai 5,2 % visų įvardijimų, 28,1 % vienanarių įvardijimų, 94,2 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis.

1. Patronimas. Yra 101 užrašymas. Tai 4,6 % visų įvardijimų, 25,1 % vienanarių įvardijimų, 84,2 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis. 89 įvardijimai jokių nuorodų neturi. Pvz.,

Аθедевичь (118); instr. sg. *Sulimanowiczem* (R-108); instr. sg. *Safianowiczem* (R-107); instr. sg. *Alejewiczem* (R-106); instr. sg. *Achmeciewiczem* (R-98); *Churomszycz* (R-96); *Chazbiejewicz* (R-92); instr. sg. *Osmanowiczem* (R-89); instr. sg. *Asanowiczem* (R-82). Penkiuose įvardijimuose įrašyta totorių tautybė: nom. pl. *Tatarowie Dynkiewiczze* (R-123) ‘Totoriai Dinkaūs vaikai’; nom. pl. *Tatarowie Safianowicze* (R-118); nom. pl. *Tatarowie Paszycowie* (R-101); instr. pl. *Tatarami Achmeciewiczami* (R-101); nom. pl. *Tatarowie Dawleczewicze* (R-117). Šeši asmenys užrašyti murzos titulu: *Murza Ajdarowicz* (R-120); *Murza Tawkiszewicz* (R-118); *Murza Ołykowicz* (R-115); *Мурза Залесковичь* (1163); *Мурза Итешевичь* (1359); *Мурза Таксубовичь* (1358). Užrašytas vienas kazokas: *Казакъ Яньковичь* (112).

2. *-sk-* tipo priesagos vedinys. 9 užrašymai. Tai 0,4 % visų įvardijimų, 2,2 % vienanarių įvardijimų, 7,5 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis. Šeši užrašymai jokių nuorodų neturi, pvz.: *Talkowski* (R-87); instr. sg. *Łowczyckim* (R-87); *Tarasowski* (R-108); instr. pl. *Szeszkowskimi* (R-89). Dviejuose įvardijimuose įrašyta tautybės nuoroda: nom. pl. *Tatarowie Kieńscy* (R-96) ‘Kenos (?) totoriai’; *Tatarowie Talkowscy* (R-102) ‘Totoriai Talkovskiai’. Viename įvardijime įrašyta ir tautybės, ir luomo nuoroda: *Tatarowie carewiczowie Puńscy* (R-134) ‘Totoriai caraičiai Puniškiai’.

3. Patroniminės priesagos *-овъ/-евъ* vedinys. Trys užrašymai. Tai 0,1 % visų įvardijimų, 0,7 % vienanarių įvardijimų, 2,5% įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis. Visi įvardijimai užrašyti su šeimyninės padėties ir giminystės nuorodomis: *Легушовъ сынъ* (115) ‘Legušo sūnus’; *Тулошовы сыны* (120); *Сюндуковы дети* (120) ‘Siundoکو vaikai’.

Įvardijimas dviem potencialiosiomis pavardėmis. Dviem potencialiosiomis pavardėmis užrašyti 7 įvardijimai. Tai 0,3 % visų įvardijimų, 0,4 % dvinarių įvardijimų, 5,8 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis.

1. *-sk-* tipo priesagos vedinys + patronimas. 4 užrašymai. Tai 0,2 % visų įvardijimų, 0,2% dvinarių įvardijimų, 3,3 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis. Visi įvardijimai užrašyti be jokių nuorodų: *Вербицкий Залесковичь* (1163) ‘Verbickis, Zalesko sūnus’; *Smolski Sielimbiekiewicz* (R-81; R-81); *Smolski Szachmancerewicz* (R-95).

2. Du patronimai. 3 užrašymai. Tai 0,1 % visų įvardijimų, 0,2 % dvinarių įvardijimų, 2,5 % įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis. Du įvardijimai užrašyti be nuorodų: instr. sg. *Chasieniczem Murtoziczem* (R-82) ‘Hasieno sūnumi, Murtozos anūku (įnag.)’; *Czernicz Pietrykiewicz* (R-84) ‘Černo sūnus, Petriko anūkas’. Vienas įvardijimas turi luomo nuorodą *Murza*: gen. sg. *Isientowicza Murzy Bohuszewicza* (R-119) ‘Murzos Isienlo sūnaus, Bohušo anūko (kilm.)’.

Mišrusis įvardijimas

Mišriu įvardijimu užrašyti 1747 įvardijimai. Tai 79,7 % visų įvardijimų.

Įvardijimas vardu ir viena potencialiaja pavarde. Vardu ir viena potencialiaja pavarde užrašyti 1654 įvardijimai. Tai 75,5% visų įvardijimų, 97,5 % dvinarių įvardijimų, 94,7% mišriųjų įvardijimų.

1. Vardas + patronimas. 1609 užrašymai. Tai 73,4 % visų įvardijimų, 94,9 % dvinarių įvardijimų, 92,1 % mišriųjų įvardijimų. Vienam įvardijimui būdinga vardo postpozicija: *Milkomanowicz Adrachman* (R-90) ‘Milkomano sūnus Adrachmanas’. 1489 įvardijimai neturi jokių nuorodų. Pvz., *Джовджа Аджиджевичь* (1365) ‘Džovdža, Adžidžo sūnus’; *Тары-Бердей Садрияновичь* (1357); *Байрашъ Байрумъ-Суевичь* (1357); *Kulzimanowiczu* (R-86); dat. sg. *Mustafie Bachjarowiczu* (R-87); dat. sg. *Kieldawleciu Romadanowiczu* (R-86); *Tandybady Sadrjanowicz* (R-120); gen. sg. *Bajramkody Sulimanowicza* (R-119); *Bohdan Szachdawleciewicz* (R-118); *Lehimberdziej Dzionberdziewicz* (R-116); *Sielim Tulatberdziewicz* (R-124). 120 asmenų užrašyti su asmenvardžius paaiškinančiais bendriniais žodžiais. 21 asmuo užrašytas nurodant tautybę: instr. sg. *Tatarzynem Adamem Sielimszycem* (R-80) ‘Totoriumi Adomu, Sielimšos sūnumi (įnag.)’; *Tatarzyn Dawid Fursowicz* (R-100); *Tatarzyn Abraham Asanowicz* (R-101); gen. sg. *Tatarzyna Fursa Siniakowicza* (R-113); *Tatrzyn Heliasz Safianowicz* (R-113); *Tatarzyn Adam Sielimszycz* (R-114); *Tatarzyn Furs Juchnowicz* (R-115); *Janczura Safianowicz, Tatarzyn* (R-130);

Jandawleć Olechnowicz, Tatarzyn (R-130); *Tatarzyn Obduła Olejewicz* (R-131); gen. sg. *Tatarzyna Wojny Bohdanowicza* (R-134); gen. sg. *Tatarzyna Araza Majkowicza* (R-121); dat. sg. *Tatarzynowi Achmatowi Isupowiczowi* (R-121); dat. sg. *Michnu Milejewiczu, Tatarzynowi* (R-121); gen. sg. *Tatarzyna Abrahima Kulzimanowicza* (R-119); gen. sg. *Tatarzyna Murtozy Bohuszewicza* (R-119); gen. sg. *Tatarzyna Kulzimana Orazowicza* (R-119); gen. sg. *Tatarzyna Zichiczy Jaksubowicza* (R-118); gen. sg. *Tatarzyna Kulzimana Dowlejciewicza* (R-119); gen. sg. *татарына Араза Мостуѳича* (544); acc. sg. *слугу татарына Мортузу Тохтамышевича* (1372) ‘tarną totorių Mortuzą, Tochtamyšo sūnų (gal.)’. Dar 34 totoriai užrašyti nurodant tautybę iš karto grupėi asmenų. Pvz., gen. pl. *Tatar lososińskich, Kuberdy Dancewicza, Murtozy Bohuszewicza, Elejmana Kaskiewicza, Oraza Azberdiejewicza* (R-119) ‘Lososnos totorių (...) (kilm.)’; gen. pl. *Tatar Murtozy Achmeciewicza, Bajramkody Sulimanowicza, Mustafy Naramowicza* (R-119); *Tatarowie: Smail Milkomanowicz, Asan Bohuszewicz, Odrachman Orazowicz, Alej i Ismail Bogdanowicze* (R-122); gen. pl. *Tatar lososińskich Siejcia, Kazuka, Karacza, Kidysza i Musy Michnowiczyw* (R-121). Užrašyti 9 asmenys su nuoroda *na ogorode* ‘darže’: *Казимъ Ивановичъ на огороде* (116) ‘Kazimas, Ivano sūnus, darže’; *Манъгиръ Шемердевичъ на огороде* (116); *Белашъ Кошчаковичъ на огороде* (116); *Баранъ Субовразовичъ на огороде* (116); *Абдышъ Базаровичъ на огороде* (116); *Асатынганъ Вразовичъ на огороде* (116); *Сокольъ Ивановичъ на огороде* (116); *Киць Семашъковичъ на огороде* (116); *Кошакъ Ивановичъ на огороде* (116). Dar 5 daržininkai užrašyti su viena daržininkų nuoroda: *Того жъ атаманства огородники, што пашен[ъ] не мають. Ивашко Даръмодановичъ. Нокойча Врусскожевичъ (...) Баранъ Войняковичъ. Мустуна Давыдовичъ. Кадышъ Карачевичъ* (117) ‘Tos pačios atamano tarnybos daržininkai, kurie arimų neturi (...)’. Yra 13 vėliavininkų arba jų sūnų: *Szachmancer Kasimowicz, chorąży tatarski* (R-132; R-133) ‘Šachmanceras, Kasimo sūnus, totorių vėliavininkas’; gen. sg. *Aleja Michajłowicza, chorążyca tatarskiego* (R-121) ‘Alejaus, Michailo, totorių vėliavininko, sūnaus (kilm.)’; *Dawid Chazbiejewicz, chorąży [tatarski juszyński]* (R-86; R-125) ‘Davidas, Chazbėjaus sūnus, totorių Jušinių vėliavos vėliavininkas’; *Alej Michajłowicz, choronżyc tatarski* (R-120); *Хоружий Банько Сеньковичъ* (119); *Петъръ Минъдолатовичъ, хоружы Виленски* (424) ‘Petras, Mindolato sūnus, Vilniaus vėliavininkas’; *Дмитръ Магметевичъ, хоружый Татарски* (425); instr. sg. *Хоружимъ Сеит-Манцеръ Касымовичъ* (1368); instr. sg. *Хоружимъ Абъдруханъ Войничъ* (1366); *Магметъ Якубовичъ хоружий* (1360); *хоружий Мортуза Олишкевичъ* (1363). Dar 4 vėliavininkai turi ir ulono titulą: *хоружий Магметъ Уланъ Юхновичъ* (1355) ‘vėliavininkas Ulonas Mahmetas, Juchno sūnus’; gen. sg. *хоружого Ахметъ Вланъ Санчуковича* (114); dat. sg. *Machmeciu Ułanu Juchnowiczu, chorążym ułańskim tatarskim* (R-114) ‘Machmetui Ulonui, Juchno sūnui, totorių Ulonų vėliavos vėliavininkui (naud.)’; *Machmeć Juchnowicz Ułan, chorąży tatarski ułański* (R-114). Šeši asmenys yra ulonai arba jų sūnūs: *Шагунъ Уланъ Ахметевичъ* (1360); *Alej Murtozicz Ułanowicz* (R-93) ‘Alejus, Murtozos Ulono sūnus’; instr. sg. *Fursem Asanowiczem Ułanem* (R-132); *Mikołaj Fursowicz Ułan* (R-97); *Alej, Isup Murtoziczy Ułanowie* (R-126) ‘Alejus, Isupas Ulonai, Murtozos sūnūs’. Vienas ulonas eina rotmistro pareigas: *Уланъ Аликечъ Бишовичъ ротмистръ* (1360) ‘Ulonas rotmistras Alikečas, Bijimo sūnus’. Aštuonis kartus užrašytas vienas rotmistras: *Wojna Ajsicz, rotmistrz Kryla J.M.* (R-115; R-117) ‘Voina, Aisos sūnus, Jo malonybės karaliaus rotmistras’; *Wojna [Ajsicz], rotmistrz* (R-82; R-83); *Wojna Ajsicz, rotmistrz* (R-82; R-117); gen. sg. *Wojny Ajsicza, rotmistrza* (R-116); instr. sg. *Wojną [Ajsiczem], rotmistrzem* (R-82). Yra du maršalkos: *маршалокъ Татарский Богданъ Юсуповичъ* (1366) ‘totorių maršalka Bogdanas, Jusupo sūnus’; *Furs Juriewicz, marszałek tatarski* (R-104). Vienas maršalka yra ir vėliavininkas: *Хоружы и маршалокъ Троцки Асай Уразовичъ* (426) ‘Trakų vėliavininkas ir maršalka Asajus, Urazo sūnus’. Užrašyti 4 atamanai: *Другий отаманъ того хоружства Оксуба Кансубовича* (1358) ‘Oksubo, Kansubo sūnaus, vėliavos kitas atamanas’; *отаманъ Черевчей Данцевичъ* (1357); *Ахметъ Малишкевичъ, отаманъ* (1364); *Атаманъ Троцкий Сыт[ъ] Азеденовичъ* (113) ‘Trakų atamanas Sytas, Azedeno sūnus’. Užrašyti du kunigaikščiai: gen. sg. *князя Сейдчала Минбулатовича* (113); *Князь Мортуза Маликзбашичъ* (119). Yra du bajorai (greta nurodoma ir tautybė): *Bojarzyn pancerny Alej Nieczajewicz, Tatarzyn* (R-115) ‘Totorius, šarvuotosios kavalerijos karys, bajoras Alejus, Niečajaus

sūnus'; *bojarzyn Jasko Mułowicz, Tatarzyn* (R-135). Tris kartus užrašyti murzos: gen. sg. *Isientowicza Murzy Bohuszewicza* (R-119); gen. sg. *Dawida Chazbiejewicza Murzy Juszyńskiego* (R-126) 'Dovydo, Chazbiejaus sūnaus, Jušinių vėliavos murzos (kilm.)'; gen. sg. *Dawida Chazbiejewicza Murzy Juszyńskiego ściahu* (R-86). Penkis kartus užrašyti šventikai: *Kulziman Sielimszyc, mołła* (R-83; R-94; R-128); *Alej Ambekiewicz, mołła* (R-81); *Suliman Dziafierowicz, mołła tatarski* (R-114) 'Sulimanas Dziafiero sūnus, totorių mula'. Vienas asmuo greičiausiai yra keliautojas į musulmonų šventąsias vietas *хаджы: Махъметъ Өатжы Алимовичъ* (426) 'Machmetas chadži, Alimo sūnus'.

2. Vardas + *-sk-* tipo priesagos vedinys. 44 užrašymai. Tai 2% visų įvardijimų, 2,6% dvinarių įvardijimų, 2,5% mišriųjų įvardijimų. 32 įvardijimai užrašyti be asmenvardžius paaiškinančių bendrinių žodžių. Pvz., *Ахметъ Халецкуй* (1361) 'Achmetas Chaleckis'; *Mucharem Makowiecki* (R-126); *Marcin Rojżewski* (R-92); *Mustafa S[z]czucki* (R-102); *Abraham Kieński* (R-100) 'Abrahamas Keniškis'; *Jyzef Talkowski* (R-93); instr. sg. *Szachmancerem Żylinskim* (R-91); *Dzianko i Szachdawleć Sadowscy* (R-86); *Ismail i Abraham Puńscy* (R-87) 'Ismailas ir Abrahamas Puniškiai'. Užrašyti du caraičiai, arba chanaičiai: *Temruk i Anibek carewiczowie Puńscy* (R-126) 'Temrukas ir Anibekas, caraičiai Puniškiai'. Yra 4 užrašymai, nurodant tautybę: *Tatarzyn Mustafa Talkowski* (R-102) 'Totorius Mustafa Talkovskis'; *Aleksander Korycki, Tatarzyn* (R-110); *Tatarowie Asan Tokarski i Asan Ajsicz* (R-120). Vieną kartą nurodoma ulono titulą turinčio asmens tautybė: *Tatarzyn Jachja Ułan [Maluszycki]* (R-85). Užrašyti 3 vėliavininkai: *Heliasz Zabłocki, chorąży [tatarski jaloirski]* (R-104) 'Helijas Zablockis, totorių Jaloirų vėliavininkas'; *chorąży Jachja Zawacki* (R-131); *Jachja Zawacki, chorąży [tatarski kondracki]* (R-81) 'Jachja Zavackis, totorių Kondratų vėliavininkas'. Vienas vėliavininkas turi ulono titulą: *Czymbaj Ułan [Maluszycki], chorąży [tatarski ułański]* (R-81) 'Ulonas Čimbajus Malušickis, totorių Ulonų vėliavininkas'. Vienas vėliavininkas turi ir kunigaikščio, ir ulono titulą: *K[niaź] Czymbaj Ułan [Maluszycki], chorąży tatarski [ułański]* (R-85) 'kunigaikštis Ulonas Čimbajus Malušickis, totorių Ulonų vėliavininkas'. Yra vienas rotmistras: *Marcin Rojżewski, rotmistrz Kryła J.M.* (R-126) 'Marcinas Roževskis, Jo malonybės karaliaus rotmistras'.

3. Vardas + patroniminės priesagos *-ovъ/-evъ* vedinys. Vienas užrašymas. Tai 0,05% visų įvardijimų, 0,06 % dvinarių įvardijimų, 0,06 % mišriųjų įvardijimų. Patroniminis asmenvardis padarytas iš uošvio vardo: *Богданъ Мисковъ зять* (115) 'Bogdanas, Misko žentas'.

Įvardijimas dviem vardais ir viena potencialiaja pavarde. Dviem vardais ir viena potencialiaja pavarde (patronimu) užrašytas 31 įvardijimas. Tai 1,4 % visų įvardijimų, 33,7 % trinarių įvardijimų, 1,8 % mišriųjų įvardijimų. 29 įvardijimai užrašyti be jokių nuorodų. Vienuolikai įvardijimų būdinga abiejų vardų prepozicija, pvz: *Tafta Mukosz Murtozicz* (R-96) 'Tafta Mukošas, Murtozos sūnus'; *Suliman Bajram Buchicz* (R-107); *Bajram Kacza Baranowicz* (R-118); *Аджъ Магметъ Адамовичъ* (1358); *Янь Чыра Ромодановичъ* (1361). Dvidešimtyje įvardijimų tarp abiejų vardų įsiterpia patronimas. Pvz., *Jyzef [Achmeciewicz] Pułtor* (R-80) 'Juzefas, Achmeto sūnus, Pultoras'; *Abraham Alejewicz Nawra* (R-87); *Suliman Denisławowicz Rubaj* (R-90); *Szczęsny Murtozicz Aczdoha* (R-92); *Abubekier Mustaficz Kalina* (R-92); *Керемъ-Бердеевичъ Обушко* (1373). Dviejuose įvardijimuose nurodoma tautybė: acc. sg. *Tatarzyna, Romuka Rozgicza Kożemiakę* (R-130) 'Totorių Romuką, Rozgo sūnų, Kožemiaką (gal.)'; acc. sg. *Tatarzyna Dzianusa Ramulewicz Kożemiakę* (R-129).

Įvardijimas vardu, pravarde ir viena potencialiaja pavarde. Vardu, pravarde ir viena potencialiaja pavarde užrašyti 5 įvardijimai. Tai 0,2 % visų įvardijimų, 5,4 % trinarių įvardijimų, 0,3 % mišriųjų įvardijimų.

1. Vardas + patronimas + pravardė. 4 užrašymai. Tai 0,2% visų įvardijimų, 4,3% trinarių įvardijimų, 0,2 % mišriųjų įvardijimų. Visi įvardijimai užrašyti be nuorodų: *Furs i Machmec Bogdanowicze Smieszny* (R-98) 'Fursas ir Machmetas, Bogdano sūnūs, Juokingieji'; gen. sg. *Abrahima Bachtjarowicza Ślepego* (R-100) 'Abrahimo, Bachtjaro sūnaus, Aklojo (kilm.)'; *Smail Abrahamowicz Stary* (R-121) 'Smailas, Abrahimo sūnus, Senasis'.

2. Vardas + *-sk-* tipo priesagos vedinys + pravardė. Vienas užrašymas. Tai 0,05 % visų įvardijimų, 1,1 % trinarių įvardijimų, 0,06 % mišriųjų įvardijimų. Įvardijimas užrašytas be nuorodų: *Tomasz Zatrocki Głuchy* (R-90) ‘Tomas Zatrockis Kurčiasis’.

Įvardijimas vardu ir dviem potencialiosiomis pavardėmis. Vardu ir dviem potencialiosiomis pavardėmis užrašyti 56 įvardijimai. Tai 2,6 % visų įvardijimų, 60,9 % trinarių įvardijimų, 3,2 % mišriųjų įvardijimų.

1. Vardas + patronimas + *-sk-* tipo priesagos vedinys. 29 užrašymai. Tai 1,3 % visų įvardijimų, 31,5% trinarių įvardijimų, 1,7 % mišriųjų įvardijimų. 23 įvardijimai užrašyti be jokių nuorodų. Pvz., *Андрей Янугевичъ Коморовски* (1172) ‘Andriejus, Janučio sūnus, Komorovskis’; *Achmieć Chalimbekiewicz [Kułakowski]* (R-88); *[Ismail?] Chalecki Dziańkiewicz* (R-83); *Alej, Bułat [Chalimbekiewiczze] Kułakowscy* (R-86). Yra penki atamano užrašymai: pvz., *[Ismail] Jasiński Kulzimanowicz, ataman* (R-128) ‘Ismailas Jasinskis, Kulzimano sūnus, atamanas’. Yra vienas vėliavininkas: *Abraham Alejewicz Kieński, chorąży tatarski [najmański]* (R-96) ‘Abrahamas, Alejaus sūnus, Keniškis, totorių Naimanų vėliavininkas’. Užrašytas vienas kunigaikštis, einantis rotmistro pareigas: *kniaź Samuel Murtozicz [Łowczycki], rotmistrz Kryla J.M.* (R-134) ‘kunigaikštis Samuelis, Murtozos sūnus, Lovčyckis, Jo malonybės karaliaus rotmistras’.

2. Vardas + du patronimai. 23 užrašymai. Tai 1 % visų įvardijimų, 25 % trinarių įvardijimų, 1,3% mišriųjų įvardijimų. 21 įvardijimas užrašytas be asmenvardžius paaiškinančių bendrinių žodžių. Pvz., *Олей Осановичъ Меликбашичъ* (1370) ‘Alejus, Asano sūnus, Melikbašos anūkas’; instr. sg. *Asanem Achmeciejewiczem Bazunowiczem* (R-82); *Sobolewicz: Kodzius Murtozicz, Achmeć Paszewicz, Isup Kulzimanowicz* (R-94) ‘Sobolio anūakai: Kodzius, Murtozos sūnus, Achmetas, Pašos sūnus, Isupas, Kulzimano sūnus’. Vienas įvardijimas užrašytas su luomo nuoroda: *Jachja Achmeciewicz Stankiewicz Murza* (R-104) ‘Jachja, Achmeto sūnus, Stankaus anūkas, murza’. Vienas asmuo yra šventikas: *Asan Achmeciewicz Bazunowicz, mołła tatarski* (R-117) ‘Asanas, Achmeto sūnus, Bazuno anūkas, totorių mulla’.

3. Vardas + patronimas + patronimo genityvas. 4 užrašymai. Tai 0,2 % visų įvardijimų, 4,3 % trinarių įvardijimų, 0,2 % mišriųjų įvardijimų. Visi įvardijimai užrašyti be asmenvardžius paaiškinančių bendrinių žodžių: *Яхъя Келимовичъ Сабачкевича* (1369) ‘Jachja, Kelimo sūnus, Sabačkaus anūkas’; *Олей Тагировъ, сынъ Банкевича* (1368) ‘Alejus, Tagiro sūnus, Banko anūkas’; *Обдула Абрагимовичъ Мелеховича* (1368); *Янко Абдышевичъ Мелеховича* (1368).

Įvardijimas trimis vardais ir viena potencialiaja pavarde. Įvardijimas trimis vardais ir *-sk-* tipo priesagos vediniu yra vienas. Tai 0,05 % visų įvardijimų, 100 % keturnarių įvardijimų, 0,06 % mišriųjų įvardijimų. Įvardijime yra luomo ir tautybės nuorodos: *Tatarzyn Czyngis Oziubek Sołtan carewicz Ostryński* (R-132) ‘Totorius Čingizas Oziubekas Soltanas, caraitis (chanaitis) Ostryniškis’.

Išvados

1. Iš vyrų įvardijimo tipų populiariausias yra mišrusis (79,7 % visų įvardijimų). Vidutiniškai yra paplitęs įvardijimas be potencialiųjų pavardžių (14,8 %), nedaug yra įvardijimų vien potencialiosiomis pavardėmis (5,5 %).

2. Vyrų įvardijimuose iš potencialiųjų pavardžių daugiausia yra patronimų (95,4 % potencialiųjų pavardžių). Negausūs yra *-sk-* tipo priesagos vediniai (4,6 %).

3. Vyrų įvardijimo ilgis – 1–4 asmenvardžiai. Vyrauja dvinariai įvardijimai (77,4 %), vidutiniškai yra vienanarių (18,3 %), nedaug – trinarių (4,2 %) ir keturnarių (0,05 %) įvardijimų.

4. Bendrinių žodžių, paaiškinančių asmenvardžius, turi 9,8 % vyrų įvardijimų. Prievardžių įvardijime būna 1–2, taip pat vienam prievardžiui gali tekti 2–5 įvardijimai.

5. Vyrų įvardijimuose iš bendrinių žodžių, paaiškinančių asmenvardžius, vyrauja pareigybės (39,3 %) ir luomo prievardžiai (30,3 %). Nemažai yra ir tautybės prievardžių (28,4 %). Šeimyninės padėties ir giminystės prievardžių yra visai nedaug (2 %).

6. Su vardu užrašyta 94,5 % vyrų įvardijimų.

7. Užrašyta 1 pavardė.

8. Vienas patronimas sudarytas iš uošvio vardo.

Literatūra

BORAWSKI, P.; SIENKIEWICZ, W.; WASILEWSKI, T., 1991. Rewizja dubr Tatarskich 1631 r. – sumariusz i wypisy. *Acta Baltico-Slawica*, XX. Wrocław etc.

ČIRŪNAITĖ, J., 1999. Baltiški LDK kariuomenės dokumentų antroponimai. *Darbai ir Dienos*. Nr.10 (19), Kaunas: VDU leidykla, p. 69–78.

DZIADULEWICZ, S., 1986. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe.

KRIČINSKIS, S., 1993. Lietuvos totoriai. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

SZYNKIEWICZ, J., 1986. Tłumaczenia słów i nazw orientalistycznych. *Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce*. Warszawa.

БАСКАКОВ, Н. А., 1979. Русские фамилии тюркского происхождения. Москва: Наука.

Литовская Метрика, 1915. Литовская Метрика, ч. III: Книги Публичныхъ Дель. Переписи войска Литовскаго, Пг.

Jūratė Čirūnaitė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: onomastics

NAMING OF TARTARS IN THE MILITARY DOCUMENTS OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA

Summary

The most popular type of naming of men is the mixed one (79,7 %). Less frequent is the naming not using family proper names (14,8 %) and the least popular are recordings using family proper names (5,5 %). Words naming men and family names are mostly patronyms (95,4 %). Rather scarce are derivatives with the suffix *-sk-* (4,6 %). When naming men 1–4 personal names were used. Two member namings prevail (77,4 %). There are about 17,3 % one-member and 4,2 % three-member namings. Four-member namings comprise only about 0,05 %. About 9,8 % of men's namings contain common words, explaining proper names, and usually a naming has 1–2 common words. Sometimes 2–5 namings are attached to a common word. Common words explaining men's proper names refer mostly to the post they hold (39,3 %) or their social status (30,3 %). Not infrequent are words indicating their nationality (28,4 %). Very scanty are words referring to family status or kinship (2 %). About 94,5 % of men's recordings are with first names.

Only one surname is recorded.

KEY WORDS: family names, patronymic, anthroponomy

Ольга Деревянко

Белорусский государственный университет, факультет международных отношений
ул. Академическая 25, 220072 Минск, Беларусь

Тел. (37517)2840014

Эл. почта: batva1984@mail.ru

Научные интересы: корейский язык, лингвистика, образование и свертка номинативных единиц в корейском языке

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию семантических заимствований в корейском языке. Традиционное понимание семантического заимствования расширяется нами применительно к корейскому материалу. По результатам сравнения различных способов заимствования выделяются преимущества семантического калькирования как наиболее удобного и понятного для носителей языка способа образования новых номинативных единиц. Предложены классификации семантических заимствований в корейском языке по структуре и способам представления значений. Особое внимание уделяется разграничению сфер употребления синонимов в корейском языке, которые возникают при фонетическом либо семантическом заимствовании нового наименования для уже существующей в языке лексической единицы, то есть происходит ее дублирование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическое заимствование, семантическое заимствование, кальки, калькирование, семантическое калькирование, корейский язык, фонетическое заимствование.

Заимствование – неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического развития языка, источник пополнения словарного запаса; лингвистическая универсалия, присущая всем языкам мира. Заимствование слова, обозначающего некоторое новое понятие или новый признак, может идти по двум направлениям:

1) копирование фонетической оболочки или написания – фонетические заимствования (заимствования в узком смысле);

2) копирование словообразовательной структуры путем буквального перевода соответствующей иноязычной единицы – кальки.

В тех случаях, когда наряду с копированием структуры происходит заимствование значения, мы имеем дело с семантическим калькированием (семантическим заимствованием). Если же пословный перевод структуры осуществляется без заимствования семантики, данное явление мы определяем как словообразовательное калькирование. Например, выражение «быть не в своей тарелке» было скалькировано с французского «il nest pas dans son assiette». Однако в русском языке данное выражение употребляется в значении «дискомфортно чувствовать себя в непривычной обстановке», а во французском – «быть в плохом настроении». Следовательно, данный случай можно отнести к словообразовательным калькам. Французское словосочетание «prendre un taxi» и русское «поймать такси» абсолютно идентичны и по структуре, и по семантике, поэтому русское выражение можно рассматривать как семантическую кальку французского.

В трактовке калек как заимствований мнения лингвистов расходятся. Причиной этого является двойственная природа калек. С точки зрения источника возникновения структуры, это – заимствования. Полагается, что заимствование комбинации элементов – это и есть заимствование самого понятия. Л. Блумфильд, например, включает калькирование в раздел заимствований и считает кальками перевод иностранных слов или подбор слов своего языка для передачи понятий, выражаемых иноязычными словами. Сам процесс калькирования Л. Блумфильд уподобляет переводу сложных терминов, при котором сохраняется структура исходного слова (Блумфильд 2000, с. 499-502).

В то же время, кальки воссоздаются из исконных или давно ассимилированных лексических единиц и описательно передают значение иностранного слова, затемняя тем самым факт заимствования. По этому параметру кальки могут быть приравнены к собственным средствам словообразования, и в лингвистической литературе их часто избегают называть заимствованиями. Например, Л. А. Булаховский говорит о том, что роль калек параллельна роли заимствований (Булаховский 1958, с. 121). Позиция А. А. Реформатского по данному вопросу совпадает с вышеизложенной точкой зрения: «Кальки – это перевод по частям иноязычного слова или выражения с последующим механическим сложением переведенного воедино» (Реформатский 2001, с. 142). Очевидно, что он делает упор не на иностранную структуру слова, а на природу составных элементов, которые входят в основной лексический фонд заимствующего языка.

В корейской лингвистической литературе термин «калькирование» 번역차용 [понёк чхаёнъ] либо 차용번역 [чхаёнъ понёк] (досл. «переводное заимствование», «заимствованный перевод») представляет собой семантическое заимствование из английского языка (loan translation) и обозначает перевод иностранного слова с заимствованием его значения. Таким образом, корейские исследователи не относят к калькам случаи, когда структура заимствуется, а значение – нет.

Сравнительный анализ процесса заимствования в различных языках показывает его зависимость от фонологического строя. Так, в языках, в которых слог является не только фонетической, но и семантической единицей (китайский, вьетнамский, тайский, лаосский, кхмерский и др.), приоритет отдается семантическим заимствованиям. Эти языки сравнительно редко прибегают к фонетическим заимствованиям. Они осуществляют это только в тех случаях, когда иноязычное слово нельзя разложить на значимые части и передать его семантическую структуру. В языках, где слог не несет семантической нагрузки, предпочтение отдается фонетическим заимствованиям.

При фонетических заимствованиях часто происходит замена фонем иностранного слова, отсутствующих в заимствующем языке. Этот процесс называется фонетической субституцией. Если фонетические системы близки друг к другу, это влечет за собой игнорирование незначительных различий. В тех случаях, когда фонетические системы менее сходны, произведенные субституции могут вызвать удивление представителей того языкового коллектива, из которого была заимствована форма (Блумфильд 2000, с. 488).

Корейцы используют слоговое письмо, но не за каждым слогом закреплено отдельное семантическое значение. Только в словах китайского происхождения каждый слог несет в себе семантическое значение, наподобие китайской логограммы. В словах китайского происхождения каждый слог соответствует определенному иероглифу. В свою очередь, исконно корейские слова такой особенностью не обладают. В них слоги, как и фонемы, выполняют словостроительную функцию. Таким образом, можно предположить, что даже при отсутствии внутренней формы фонетические заимствования легко входят в корейский язык и быстро «приживаются» в нём.

Однако в корейском языке существуют значительные ограничения в фонологической цепи. Поэтому, прежде чем войти в корейский язык, иностранные слова подвергаются некоторым изменениям, чтобы прийти в соответствие с корейской фонологической системой. Например, в начале и конце слога не могут идти подряд две согласные. Недопустимы также три подряд согласные в середине слова. При заимствовании лексики, не соответствующей этим нормам, между согласными добавляется нейтральный гласный 으 [ы]. Например, 스파게티 [сыпахетти] от итальянского spaghetti «спагетти»; 아이스크림 [аисыкхырим] ice-cream «мороженое». Также в корейском языке отсутствуют некоторые фонемы ([ф], [в], [ш] [з] и др.), которые свойственны европейским языкам и английскому, откуда идет основной поток фонетических заимствований. Их заменяют на наиболее близкие по звучанию. Например, 셔츠 [сёчхы] от англ. shirt «рубашка», 나이프 [наипхы] от англ. knife «нож» (Хо Мин Сон 2001, с. 116-117).

При невозможности передать какую-либо фонему носители до неузнаваемости изменяют само слово. Часто бывает непонятно, что подразумевает собеседник под тем или иным словом, заимствованным фонетическим способом. Ведь первоначальная форма, которая была в языке-оригинале, лишь отдаленно угадывается. Иногда самые простые слова с трудом поддаются «расшифровке». Не тренированный на корейское произношение английских слов человек, услышав слово 바이프 [пайпхы], не сразу может понять, что речь идет о жене – wife.

В 2006 г. Национальный институт корейского языка провел исследование на выявление степени понимания образованных путем фонетического заимствования терминов. Более чем 500-м опрошенным разного пола, возраста и социального статуса было предложено объяснить значения следующих слов, которые достаточно часто можно встретить в газетных статьях, в эфирах радио и телевидения:

딥 스로트 [тип сыротхы] – «анонимный источник информации» (англ. deep throat);
매니페스터 [мэнипхесытхо] – «манифест» (англ. manifesto);
미션 [мисён] – «миссия» (англ. mission);
테스트베드 [тхестхыбеда] – «испытательная модель, стенд» (англ. testbed);
엠바고 [эмбаго] – «эмбарго, запрет» (англ. embargo);
포퓰리즘 [пхопхюлличхым] – «популизм» (англ. populism);
인프라 [инпхыра] – «инфраструктура» (англ. infrastructure, infra);
바우처 [паучхо] – «ваучер, письменное поручительство, гарантия» (англ. voucher);
태스크포스 [тхсыкхыпхосы] – «оперативная группа, рабочая группа» (англ. task force);

브로슈어 [пыросюо] – «брошюра» (англ. brochure) и т.д.

Результаты опроса показали, что 29 % опрошенных не знают ни одного из предложенных слов, около 50 % слышали некоторые слова, но не совсем понимают их значение. Примерно 10-15 % знают значение большинства слов. Процент осведомленных о значении отдельных терминов оказался очень низок. Только 2,1 % опрошенных смогли точно дать ответ, что такое 테스트베드 [тхестхыбеда] – «испытательная модель, стенд», 4,8 % – 딥 스로트 [тип сыротхы] – «анонимный источник информации», 6 % – 매니페스터 [мэнипхесытхо] – «манифест», 7,9 % – 바우처 [паучхо] – «ваучер, письменное поручительство, гарантия» (Чхве Ёнги 2006, с.70-75).

Перевод иностранного слова элементами родного языка – одна из причин популярности семантических заимствований и активного применения этого метода в номинации многих языков мира. Особенно актуально это для корейского языка с его слоговой структурой и фонологической организацией.

Важную роль играет то, что при семантическом заимствовании сохраняется смысловое содержание слова, а при фонетическом лишь звуковая оболочка, поэтому носителям гораздо легче воспринимать слова со значимой внутренней формой слова, состоящие из имеющихся в языке элементов. Это связано, в первую очередь, с особенностью человеческого мышления – познание нового через старое путем сравнения. При этом происходит экономия ресурсов памяти.

Еще одна причина широкого распространения семантических заимствований – пропаганда так называемой политики пуризма, направленной на «очищение» языка от иностранных заимствований. Языковая политика государства особенно сильное влияние имела в Северной Корее с ее тоталитарным методом руководства.

Например, русские слова типа «колхоз» заменялись буквальными корейскими эквивалентами:

집단 농업 [чипттан нонъоп], где 집단 [чипттан] имеет значение «совместный, коллективный», 농업 [нонъоп] – «хозяйство, фермерство».

인민 배우 [инмин пэу] – «народный артист», где 인민[инмин] – «народ», а 배우 [пэу] – «артист»;

문화 극장 [мунхва кыкччанъ] – «дворец культуры», где 문화 [мунхва] – «культура», а 극장 [кыкччанъ] – «дворец»;

인민 정권 [инмин чонъгвон] – «народовластие, власть народа», где 인민 [инмин] – «народ», а 정권 [чонъгвон] – «власть».

문화 휴식 공원 [мунхва хюсик конъвон] – «парк культуры и отдыха», где 문화 [мунхва] «культура», 휴식 [хюсик] «отдых», а 공원 [конъвон] «парк».

Аналогичное влияние английского языка можно проследить и в Южной Корее. Разнообразные кальки появились в общепотребительной и общественно-политической лексике, терминологии, в художественной и публицистической литературе и т. д. В языке появлялись не только новые понятия, но и новые синтаксические конструкции. Однако они быстро и успешно осваивались в силу того, что состояли из привычных для слуха корейцев элементов и не нарушали ни грамматического, ни фонетического строя корейского языка. Например, вместо стандартного приветствия 안녕하십니까? [аннёньхасимникка] «пребываете ли Вы с миром?», используемом в значении «здравствуйте», стала употребляться калька с типичного английского словосочетания good morning, которая в корейском варианте звучит как 좋은 아침 [чочын ачхим] «доброе утро», где 좋은 [чочын] «хороший», а 아침 [ачхим] «утро», или краткий вариант – morning – 아침 [ачхим] «утро».

В корейском языке ранее отсутствовало понятие «неразделенной любви» или «односторонней любви». Оно было скалькировано с английского выражения one-side love – 짝사랑 [ччак саранъ] «односторонняя любовь», где 짝 [ччак] «один из пары», а 사랑 [саранъ] «любовь».

Однако в Южной Корее в послевоенное время наряду с кальками наблюдался приток фонетических заимствований. Поэтому в 1971 г. широкого размаха в Южной Корее достигло движение за «упорядочение лексики» (말다듬기 [малтадымги]). Зачинателями и проводниками «упорядочения» выступали редакции влиятельных газет. «Упорядочению» подвергались слова иностранного происхождения, нередко выглядевшие окказиональными. Появились многочисленные кружки и общественные организации, которые ставили своей целью очистить родной язык от иностранных элементов. Их деятельность заключалась в создании эквивалента из своих элементов для замены иностранных заимствований и в пропаганде использования именно корейских слов, созданных по образцу иностранных. В своей работе они достигли определенных успехов, и корейцы постепенно начали отдавать предпочтение своим эквивалентам, созданным путем семантического калькирования (Скоробагатюк 1996, с. 144). Например:

해변복 [хэбён бок] «пляжная одежда, пляжный костюм», где 해변[хэбён] «пляж», а 복 [бок] «костюм, одежда», вместо 비치웨어 [пичхи вео] от англ. beach wear;

긴치마 [кин чхима] «длинная юбка», где 긴[кин] «длинный», а 치마 [чхима] «юбка», вместо 롱 스커트 [лонъ сыххотхы] от англ. long skirt;

자연색조 [чаён сэкччо] «натуральный тон», где 자연 [чаён] «природа, природный, натуральный», а 색조 [секччо] «тон», вместо 네추럴 톤 [нечхурол тхон] от англ. natural tone.

В настоящее время «упорядочением лексики» занимаются специалисты из Национального института корейского языка. По результатам их работы ежегодно публикуется доклад об «очищении» языка от иноязычных элементов, где им на замену предлагаются корейские лексические эквиваленты, в основе которых лежит заимствованная семантическая модель структуры слова. В отчете, опубликованном в 2004 г., отмечено, что в период с 1999 г. по 2003 г. 1174 фонетических заимствования были заменены корейскими лексическими единицами – семантическими кальками. Например:

가이드북 [гаидыбук] «путеводитель» (от англ. guidebook) заменили на 안내서[аннэсо], где 안내[аннэ] «информация» + 서 [со] «что-то написанное», или 안내책 [аннэхэк], где 안내 [аннэ] «информация» + 책[чхэк] «книга», с тем же значением;

라이프 스타일 [лаипхы сытхаил] «образ жизни, стиль жизни» (от англ. life style) на 생활 양식 [сэньхвал яньсик,], где 생활 [сэньхваль] «жизнь» + 양식 [яньсик,] «форма, образ стиль»;

레이싱 카 [леисинь кха] «гоночный автомобиль» (от англ. racing car) на 경주차 [кёнъчжучха], где 경주 [кёнъчжу] «соревнования, бега, гонки» + 차 [чха] «машина»;

북클럽 [пуккхыллоп,] «книжный клуб, клуб любителей книг» (от англ. book club) на 독서 모임 [токссо моим], где 독서 [токссо] «чтение, книга» + 모임 [моим] «собрание».

«Очищение» языка – это один из источников семантических заимствований, но не единственный. Можно предположить, что количество семантических заимствований значительно преобладает над фонетическими и составляет внушительную часть словарного состава корейской лексики.

Переходя к вопросу классификации калек в корейском языке, мы хотим упомянуть о составе корейской лексики по происхождению: 25%-30% исконно корейских слов, 60 %-65 % слов, заимствованных из китайского языка и 5%-10% слов, заимствованных из других языков фонетическим способом.

Корейцы не противопоставляют китайскую лексику исконной, воспринимают ее как «свою», а не чужеродную. Поэтому калькирование может происходить как при помощи исконной корейской, так и китайской лексики. Иероглифические элементы гораздо чаще, чем исконные, являются «строительным материалом» при семантическом калькировании, так как представляют собой краткие и семантически прозрачные единицы. С их помощью может быть скалькирована не только структура, имеющаяся в китайском языке, но и структура из любого другого языка. Например:

세계관 [сегегван] – «мировоззрение» (세계 «мир» + 관 «представление, воззрение») является калькой с англ. world view, которое в свою очередь было скалькировано с немецкого weltanschauung;

국제법 [кукчебоп,] «международное право» (국제 «международный» + 법 «право»; англ. international law).

Из исконной лексики при семантических заимствованиях чаще всего используются односложные или двусложные слова. Например, underwear (англ.) – «нижнее белье» – 속옷 [согот] – состоит из двух односложных элементов исконно корейского происхождения 속[сок] «внутри, внутренний» и 옷 [от] «одежда».

Еще один вид заимствования совмещает в себе и фонетический, и семантический принципы: один из компонентов представляет собой семантически значимый лексический элемент, тогда как другой в большей или меньшей степени передает звучание заимствованного слова. Структура слова имеет следующий вид: семантическое заимствование плюс фонетическое заимствование (Булаховский 1958, с. 127).

Фонетико-семантические заимствования могут называться по-разному: полукальки, полуфонетические заимствования, гибридные слова, смешанные заимствования. Исходные слова такого заимствования являются структурами, которые заимствуются в корейский язык в результате частичного перевода и частичной транскрипции. Например:

휴대폰 [хюдэпхон] – «мобильный телефон» – состоит из китайского элемента 휴대 [хюдэ] со значением «носить с собой» и фонетического заимствования 폰 [пхон] от англ. phone «телефон» и переводится дословно как «переносной телефон»;

고층 빌딩 [кочхынъ пилдинъ] «многоэтажное, высотное здание» – состоит из китайских элементов 고 [ко] «высокий» + 층 [чхынъ] «этаж», которые семантически копируют английское слово high-storied, и фонетического заимствования 빌딩 [пилдинъ] от англ. building «здание»;

생일 파티 [сэнъил патхи] «вечеринка на день рождения» – состоит из китайских элементов 생 [сэнъ] «рождение» + 일 [ил] «день», которые семантически калькируют английское слово birthday, и фонетического заимствования 파티 [патхи] «вечеринка» от англ. party;

비닐 봉투 [пинил понътху] «пластиковый пакет» – состоит из фонетического заимствования 비닐 [пинил] «пластиковый» от англ. vinyl и семантического заимствования 봉투 [понътху] «пакет»;

몰래카메라 [молэкхамера] «скрытая камера» – состоит из семантического заимствования □□ [моллэ] «скрытый» и фонетического 카메라 [кхамера] «камера» от англ. camera.

Кальки могут образовываться путем простого и составного переноса значения.

Для простого переноса значения характерно придание слову родного языка отсутствующего у него ранее переносного значения по образцу некоторого иностранного другого слова. Например, у слова 콜배니 [колбэни] «улитка» появилось еще одно значение: его стали использовать для обозначения значка @ по примеру некоторых других языков Юго-восточной Азии.

В основе составного переноса всегда лежит определенная структурно-семантическая модель: сложное слово, состоящее из нескольких основ, словосочетание, фразеологизм, синтаксическая конструкция и т.п. Например:

차도 [чхадод] – 차 [чха] «автомобиль» + 도 [до] «дорога» = «автомобильная дорога», «автодорога» (от англ. automobile way);

부동산 [пудонъсан] – 부[пу] отрицательная частица + 동 [донъ] «движение» + 산 [имущество] = «недвижимое имущество, недвижимость» (от англ. immoveble property);

돈 세탁하다 [тон сетхакхада] – 돈 [деньги] + 세탁하다 [стирать] = «отмывать деньги» (от англ. to wash money);

한 것 중의 하나는 [хан гот чжунъе хананын] – «один из...» (от англ. one of the...).

Исходя из способа передачи значения, образованные путем составного переноса кальки делятся на структурные и этимологические.

1. Структурные или просто кальки копируют структуру иностранного слова и дают буквальный перевод его структурных элементов, то есть копируется словообразовательная модель лексической единицы. Например:

공항 [конъханъ] – 공 [конъ] «небо, воздух» + 항[ханъ] «порт» = «воздушный порт» или «аэропорт» (от англ. airport);

초음속 [чхоымсок] – 초 [чхо] «превышать» + 음 [ым] «звук» + 속 [сок] «быстрый, скорость» = «сверхзвуковая скорость» (от англ. supersonic speed);

철도 [чхолдо] – 철 [чхол] «железный» + 도 [до] «дорога» = «железная дорога» (от англ. railway);

미생물 [мисенъмул] – 미 [ми] «маленький, крошечный» + 생물 [сенъмул] «живое организм, существо» = «микроорганизм, микроб» (от англ. microorganism, microbe);

자유주의 [чаючжуи] – 자유 [чаю] «свободный» + 주의 [чжуи] «принцип, доктрина» = «либерализм» (от англ. liberalism).

2. Этимологические кальки раскрывают смысловое содержание иностранного слова безотносительно к его структуре. Слово подвергается этимологизации посредством объяснительного перевода:

쌍안경[ссанъангёнъ] – 쌍 [ссанъ] «двойной» + 안 [ан] «глаза» + 경[гёнъ] «линза» = «сдвоенная линза на глазах» или «бинокль»;

타자기 [тачжаги] – 타 [та] «бить, стучать» + 자[чжа] «буква» + 기 [ги] = «машинка, при помощи которой стучат по буквам» или «печатная машинка»;

수도 [судо] – 수 [су] «вода» + 도 [до] «путь, приходиться» = «вода, которая приходит» или «водопровод»;

향수 [хьянсу] – 향 [хьянь] «ароматный» + 수 [су] «вода» = «ароматная вода» или «духи»;

신호등 [синходынъ] – 신 [син] «правдивый, заслуживающий доверия» + 호 [хо] «звать, посылать» + 등 [дынъ] «лампа» = «звущая лампа, заслуживающая доверия» или «светофор».

Займствование не всегда приходит в язык вместе с новым понятием. Наблюдаются случаи, когда фонетическое или семантическое займствование представляет собой синоним исконной корейской лексической единицы. Тогда можно считать, что займствование употребляется как дань моде или имеет несколько другой оттенок значения.

По причине значительного притока займствований в корейском языке появились синонимичные дубликаты и триплеты:

- а) исконное слово / семантическое займствование;
- б) исконное слово / фонетическое займствование;
- в) семантическое займствование / фонетическое займствование;
- г) триплеты: исконное слово / семантическое займствование / фонетическое займствование.

Таблица 1. Синонимы в корейском языке

Исконное слово	Семантическое займствование	Фонетическое займствование	Перевод
춤 [чум]	무용 [муёнъ]	댄스 [тэнсы]	Танец
아내 [анэ]	부인 [пуин]	바이프 [пайпхы]	Жена
-	정구 [чонгы]	테니스 [тхенисы]	Теннис
-	주차 [чучха]	파킹 [пхакинъ]	Парковка
-	사진기 [сачжинги]	카메라 [кхамера]	Фотоаппара т
단추 [танчху]	-	버튼 [потхын]	Кнопка
치마 [чима]	-	스커트 [сыкхотхы]	Юбка
나라 [нара]	국가 [кук,кка]	-	Страна
나이 [наи]	연세 [ёнсе]	-	Возраст

У каждой синонимической лексической единицы своя сфера употребления. Часто синонимы связаны с различными оттенками значения и стилистикой или социальными ценностями. При существовании займствованного синонима исконные слова обычно обозначают «бесхитростную» традиционную культуру, в то время как семантические займствования имеют более формальное и абстрактное значение, тяготеют к обозначению предметов лучшего качества, более формальных, абстрактных и более престижных понятий в социальном плане. В свою очередь, фонетические займствования связаны с современными предметами и понятиями. Исконные слова относятся в большинстве к разговорной речи, в то время как их займствованные эквиваленты используются в литературном языке, академическом словаре и формальной речи (Хо Мин Сон 2001, с. 88-89).

Например, три слова, обозначающих «танец» (춤 [чум] – исконно корейское, 무용 [муёнъ] – семантическое (무 [му] «танец» 용 [ёнъ] «быстро двигаться») и 댄스 [тэнсы] – фонетическое займствование), имеют коннотативные различия. Первое – народный танец, второе – просто танец, третье – западный танец.

Исконное слово 나이 [наи] «возраст» используется при обращении к себе, к молодым людям, но семантическое займствование 연세 [ёнсе] (연 [ён] «год» + 세 [сэ] «считать») используется при обращении к пожилым людям.

Исконное слово 나라 [нара] «страна» имеет большую эмоциональную окрашенность, чем семантическое заимствование 국가 [кук,кка] (국 [кук,] «страна» + 가 [кка] «дом»), поэтому не 우리 국가 [ури кук,кка], а 우리 나라 [ури нара] используется в значении «наша страна».

Причины дублирования слов в языке и появления заимствованных синонимов бывают разные: иногда это стремление к терминологичности, особенно когда заимствованное слово – международный термин. Иногда стремление выделить какой-нибудь оттенок значения, неясный в слове своего языка, а иногда и просто мода на иноязычное, характерная для сленга.

Наличие многочисленных синонимов создает значительные трудности для людей, изучающих корейский язык. Если носители языка в большей степени ориентируются на интуицию и чувственное восприятие при выборе подходящей лексической единицы, то иностранцам не остается ничего иного, как заучивать правильные сферы употребления синонимических слов и выражений. На наш взгляд, очень важно четко устанавливать факт происхождения лексики, заимствованное это слово или родное, чтобы не чувствовать себя неловко в общении с носителями языка.

Таким образом, изучая механизм семантического заимствования, мы получаем информацию о картине мира носителей языка, так как калькирование требует от представителей заимствующего языка тонкого понимания строения и функций объекта, наименование которого воспроизводится.

Литература

- БЛУМФИЛЬД, Л., 2000. *Язык*. Москва: УРСС, 606 с.
- БУЛАХОВСКИЙ, Л. А., 1958. *Введение в языкознание*. Ч. II, Москва: государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 176 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь* 2002. Под ред. В. Н. Ярцевой). Москва: Большая российская энциклопедия, 709 с.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А. А., 2001. *Введение в языкознание: учебник для вузов*. Под ред. В. А. Виноградова. Москва: Аспект пресс, 536 с.
- СКОРОБАГАТЮК, И. Д., 1996. Языковые проблемы расчлененной Кореи. *Актуальные проблемы Корейского полуострова*: сборник статей, под ред. В. П. Ткаченко). Москва: ИДВ РАН, 258 с.
- НО MIN SOHN, 2001. *The Korean Language*. Cambridge: Cambridge University press (Хо Мин Сон, 2001. Корейский язык. Кембридж: Издательство университета Кембридж), 676 с.
- 최영기, 2006. 외래어 및 외국어 인지도 조사 보고서. 서울: 국립국어연구원 출판 (Чхве Ёньги, 2006. *Отчет об исследовании степени понимания фонетических заимствований*. Сеул: Национальный институт корейского языка, 75 с.

Olga Derevianko

Belorussian State University, Faculty of International Relations

Research interests: the Korean language, linguistics, process of word formation and convolution in the Korean language

LOAN TRANSLATION IN THE KOREAN LANGUAGE

Summary

The article covers the problem of loan translation in the Korean language. It is also called calques or part-for-part translation. Loan translation is a word or phrase borrowed from another language by literal or word-for-word translation, where the semantic components of a given term are literally translated into their equivalents in the borrowing language. The problem is that loan translation has dual nature. On the one hand, we can agree that if the structure of the word is borrowed this word can be regarded as a borrowed word. But on the other hand, as we see that components are native some linguists consider loan translation to be a derivation category. In this article we extend traditional understanding of loan translation applying to the materials of the Korean language. Special attention is played to the description of characteristics and peculiarities of loan translation in the Korean language. Also the article provides information about other kinds of lexical loans in the Korean language. On the basis of comparison between calques and phonetic borrowings the author displays advantages of loan translation as a method of lexical borrowing in the Korean language.

KEY WORDS: loan word, lexical borrowing, loan translation, phonetic borrowing, calque, the Korean language

Светлана Евстратова

Тартуский университет, Эстония

Ülikooli 18, 50090 Tartu, Estonia

Тел. + 372 58197429

Эл. почта: svetlana.jevstratova@ut.ee

Научные интересы: контрастивная грамматика, этнолингвистика, психоллингвистика, методика обучения русскому языку как иностранному

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

Воспринимая текст, принадлежащий чужой культуре, читатель интерпретирует его в образах и понятиях своей культуры, что особенно сложно при рецепции «деревенской» прозы. Особую проблему представляют реалии или культурные термины, поэтому, рассматривая своеобразие перевода двух рассказов В. М. Шукшина на эстонский язык, автор статьи более подробно останавливается на лексическом материале. В анализируемых примерах компенсаторные возможности эстонского языка используются недостаточно, и хотя семантика текста оригинала передана, его прагматические оттенки не учитываются, что ведет к неадекватности перевода. Чтобы в полной мере передать своеобразие шукшинской прозы, необходимо осознать недостатки существующих переводов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, фонетические изменения, морфемный уровень, лексический уровень, фразеологизмы, синтаксические конструкции, коннотации.

В. М. Шукшин создал свой неподражаемый стиль, который уже много лет привлекает внимание исследователей. Рассказы Шукшина отмечены повышенной степенью разговорности, они нацелены на приближение к устной речи обычного носителя русского языка, давая читателю возможность «поприсутствовать при их [героев — С. Е.] частном разговоре за семейным столом ли, у реки ли, разговоре, который, кстати сказать, чаще всего ни к чему не ведет и обрывается как бы невзначай» (Чудакова 2001, с. 255). Даже самые короткие рассказы писателя отличаются полистилизмом многообразных речевых средств, позволяющих более полно охарактеризовать действующих персонажей. Разговорные интонации, доминирующие в текстах Шукшина, усиливают экспрессивный характер произведений писателя на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, что создает определенные сложности при переводе. Каковы же они?

Заявленную тему мы рассмотрим на материале перевода рассказов В. М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» // «Aga meest Pariisi saatis naine» и «Верую» // «Ah, ma usun!» на эстонский язык (переводы Харальда Лепика). В квадратных скобках приводится русское соответствие выделенного слова.

1. Фонетические изменения

Мы зафиксировали их прежде всего в так называемых «искаженных» словах, первоначальная форма которых удовлетворяла требованиям литературной нормы, но была искажена при механическом усвоении деревенскими жителями. Эта особенность шукшинской прозы лишь в единичных примерах отражается в переведенных на эстонский язык текстах.

(1) — Я те счас отреагирую — кастрюлей по башке, кретин! (201) // «Ma sulle kohe [сейчас] reageerin — kastruliga vastu kolu, va tainapea!» (234)

(2) — Ехай туда, кому ты здесь нужен! (202) // «Eks sõida [езжай] sinna, kellel sind siin vaja!» (235)

(3) — Она бабочка-то ничо, с карактором, правда... (203) // «Teinepool on tubli [молодец], tõsi küll, kange iseloomuga... [с твердым характером]» (236)

- (4) — Да *ничо, чо* ты? (203) // “*Ei ole häda midagi, mes sa...*[ничего, чо ты]” (236)
 (5) — Для тебя мы ее *ростили, чтоб* ты руки тут распускал?! (204) // “*Kas me teda selleks kasvatasime, et [воспитывали, чтобы] sina ta kallal käed käiku laseksid!*” (237)
 (6) — *Мещаны*. (206) // “*Väikekodanlased*.[Мещане].” (239)
 (7) — В кино *ходят*. (208) // “*Käivad* [ходят] kinos.” (181)
 (8) — Главное, *чтоб* ты *оздоровел*... (201) // “*Peaasi, et sa tervise tagasi saaks...*[чтобы выздоровел]” (183)
 (9) — Две *тыщи* лет он присутствует среди людей как идея — борется со злом. (211) // “*Kaks tuhat* [тысячи] aastat on ta viibinud inimeste seas kui idee ja võidelnud kurjusega.” (184)

В рассматриваемом тексте диалектные, просторечные явления отражены только в одном случае (пример 4). Чтобы сохранить общую тональность книги, авторский стиль, можно было бы использовать возможность компенсации, отразив просторечные явления в других фрагментах, ввести образные выражения на других уровнях, однако в приведенных примерах компенсаторные возможности эстонского языка не использованы или использованы не полностью. Денотативное значение выделенных слов одно, но модульные значения разные. Трансформации подвергаются прежде всего коннотации, и при игнорировании прагматических оттенков мы получаем неадекватный перевод. В данном случае мы сталкиваемся с проблемой перевода территориального диалекта. В своей монографии П. Тороп приводит пример, когда в переведенном на эстонский язык произведении В. Распутина «Прощание с Матерой» сибирские крестьяне говорят на диалекте острова Сааремаа. Знатокам такой подход мешает, а средний читатель видит в этом стилизацию деревенской речи, и переводчик находится в сложной ситуации (Тороп 1995, с. 77). Какую тактику нужно отметить в этом случае? Здесь больше вопросов, чем ответов.

Следует отметить, что слово *väikekodanlased* / *мещане* в эстонском языке не является бранным, в нем отсутствует коннотативное значение и поэтому оно плохо вписывается в контекст, здесь вполне возможно подобрать другое эстонское оответствие.

2. Морфемный уровень

В эстонском языке есть диминутивы, но они не употребляются в таком широком объеме, как в русском, и требуют определенного эмоционального контекста, поэтому не используются в примерах 11, 14, 15. В примере 15 возможно использование лексемы с диминутивом *juuksetuttike*, но он не вписывается в текст ритмически, а уменьшительное значение частично компенсируется на лексическом уровне за счет редко употребляемого слова *sahmus* / *спутанный*, указывающего на то, что с Колькой что-то произошло.

Увеличительных суффиксов в эстонском языке нет, и способом передачи громадного размера являются сложные слова, как это удачно сделано в примере 19. Для передачи значения слова *волосья* (пример 16) используется описательная конструкция, потому что волосы не только длинные, но и свисающие. *Halvatud* / *парализованный*, как и *väikekodanlased* / *мещане*, в контекст не вписывается, поскольку меняет тональность повествования, «перекрывая» разговорную струю. Слово *rapireo* / *попяра* имеет в эстонском языке бранный оттенок и звучит даже более экспрессивно, чем в тексте оригинала, но в данном случае, по нашему мнению, подобрано удачно, поскольку имеет фонетическое сходство с *попярой* и отражает интенсивность реакции.

В целом особенности морфемного уровня учтены в переведенных текстах, стилистические потери сведены к минимуму, чего, к сожалению, нельзя сказать о лексике анализируемых нами рассказов.

- (10) Пить научился с *торгашами*. (205) // *Kaubandusmeestega* [с торговцами] on õpitud joo-ma. (239)
 (11) Работают четко, точно, сухо *пощелкивают* об асфальт *носочки-каблочки, каблочки-носочки*... (201) // Töötavad puhtalt, täpselt, asfaldil *klõpsuvad* [щелкают] kordamööda *ninad, kannad, ninad, kannad* [носы, пятки, носы, пятки]... (234)
 (12) Вкусно обедали, *попивали* вино. (204) // Sõid suupärase lõuna, *jõid* [пили] veini. (238)

- (13) — Об одиночной жизни мечтаете с мамашей своей... (206) // “Üksikmajapidamisest unistate oma mammaga [с мамочкой].” (239)
- (14) Колька пошел на кухню, достал из ящика стола топорик... (206) // Kolka läks kööki ja võttis lauasahalist väikese kirve... [маленький топор] (239)
- (15) И чубарик его русский был смят и свалился на бочок. (207) // Ja tema tumeblond juuksetutt [чуб] oli sahmus ning küljele [на бок] vajunud. (240)
- (16) Самый натуральный поп — с волосьями. (209) // Kõige ehtsam rapp, pikkade juustega [с длинными волосами]. (182)
- (17) — Паралитик. (213) // “Halvatud [парализованный].” (186)
- (18) — Попяра!... (213) // “Papireo!... [попяра]” (187)
- (19) — Видишь! — показал он свою ручищу. (213) // “Vaata!” näitas ta oma käelabidat [рука как лопата]. (187)

3. Лексический уровень

Лексика в рассказах Шукшина имеет окраску сниженности, она принадлежит к сфере бытового общения и включает в себя такие разновидности, как внелитературное просторечие, «искаженные» слова, диалектизмы, жаргонизмы и бранные слова.

Как отмечают Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, Е. Сидорова, «для просторечной среды характерна и бедность речевых ресурсов, и повышенная экспрессивность при крайней ограниченности средств ее выражения» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, с. 16). С одной стороны, такие элементы наиболее естественны в речи персонажей – жителей деревни, но и в речи городских «низов» они не кажутся чужеродными. Придавая повествованию шутливый тон, способствуя созданию комического эффекта, просторечия служат для выражения чувств героев и их отношения к действительности.

Внелитературное просторечие переплетается с диалектизмами: это способ реалистического показа действительности. Нередки в прозе Шукшина и жаргонизмы, которые являются принадлежностью социальных и профессиональных групп людей; эти слова имеют характер засекреченности, условности, приклатности: *кранты, ша, ё-моё*. Кроме того, Шукшин вкладывает в уста своих героев и бранные слова, заключающие в себе указание на такие эмоциональные состояния говорящего, как раздражение, злость, неприязнь к кому-либо: *гад, падла, сука, голодранец*. Все это создает определенные сложности при переводе, усугубляющиеся тем, что стилистическая дифференциация языковых средств эстонского языка не является столь подробной, как в русском языке. Однако при этом в эстонском языке «посредством слов выражаются и всевозможные оценки, эмоциональное отношение к тому или иному явлению. В большинстве случаев это слова разговорные, стилистически сниженные, чаще выражающие пейоративную, отрицательную оценку» (Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003, с. 130). Образным, экспрессивным средством характеристики служит и метафора, оценочную функцию выполняют также диминутивы и аугментативы. Как перечисленные функции лексики используются в рассматриваемом материале?

3.1. Просторечная и разговорная лексика

- (20) Никакой он не благостный, не постный — не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие — живые, трепетные нити — распутывать. (210) // Ta polnud ei taevaarmulise ega raastupahura näoga, ja vaevalt küll mõni teine säärase sihverplaadiga [циферблат разг.] mees oleks hakanud lahti harutama inimliku mure ja kurbuse elavaid, võbelevaid niite. (183)
- (21) И в-третьих, и в-четвертых — все накрылось. (202) // Ja kolmandaks ja neljandaks — kõik läks lörri. (235)
- (22) Ничего не хочется — вот где сволочь-маета? (209) // Mitte kui midagi ei taha — see on tüütu igavus, va loru! (181)
- (23) — Закрой поддувало. (205) // Pane oma leivamulk kinni. (239)
- (24) — Или она поганая. (208) // Või see hing on roojane. (181)
- (25) — Ой, трепло! (208) // “Oh sa töllmokk!” (181)
- (26) Запросили адрес, но брат Валин дал адрес только лучшему своему корешу — Кольке. (202) // Paluti aadressi, kuid Valja vend andis aadressi ainult oma parimale semule Kolkale. (235)

- (27) Стали они с Валюшей жить-поживать, и потихоньку стало *до них доходить*, что они *напрочь* чужие друг другу люди. (202) // Nad hakkasid Valjušaga elama-olema, kuid pisitasa hakkasid nad *selgusele jõudma* [понимать], et nad on teineteisele *täiesti* [абсолютно] võõrad inimesed. (235)
- (28) — *Заткнись* со своей деревней, — посоветовала Валя. — *Ехай* туда, кому ты здесь нужен! (202) // ”*Pea suu* [закрой рот] oma maaga,” andis Valja nõu. “*Eks sõida* sinna, kellel sind siin vaja!...” (235)
- (29) “Ну и *влип*... — *терзался* изумлённый Колька. — Как *влип*!” (202) // ”No küll *olen omadega vahele jäänud*...” [застрял] *piinles* [мучился] hämmastunud Kolka. “Kõvasti *vahele jäänud*!” (235)
- (30) Колька впервые тогда *шваркнул* жену по *загровке*. (203) // Selle peale *lajatas* Kolka naisele esimest korda *üle turja*. (236).
- (31) Она, ни слова не говоря, *умотала* к своим. (203) // See *kebis* sõnagi lausumata vanemate poole. (236)
- (32) — Что же вы *сплоховали*? Как же вы так *лопухнулись*? (204) // ”Mis te siis nii *rumalasti talitasite* [глупо действовали]? Kuidas te küll nii *orki lendasite* [влипли фраз.]?” (237)
- (33) Тут они *поперли* на него в три голоса. (204) // Nüüd *ründasid* [напали нейтр.] nad teda kolmel häälel. (237)
- (34) — Давай *матерись*. *Полайся* — она, глядишь, пройдет, *моска*-то. (207) // Eks *ropenda*. Või *haugu*, küll näed, kuidas see *tusk* üle läheb. (180)
- (35) — Дам в *рыло*, и *баста*. (213) // ”Annan vastu *lonti*, ja *asi kombes*.” (186)
- (36) — Когда я сядился в него, я думал: если этот летающий барак *навернется*, значит, так надо. (214) // ”Kui ma lennukis maha istusin, mõtlesin: kui see lendav barakk *alla kukub* [упадет вниз], olgu.” (187)

Перевод примеров 20 – 26, 30, 34, 35 следует признать весьма удачным: приведенные эстонские соответствия имеют экспрессивный характер, сохраняют тональность рассказов. В. М. Шукшина; они отмечены в словарях как разговорные, редко употребляемые. Что касается примера 27, то в эстонском языке есть более разговорные синонимы, хотя данный в переводе вариант помогает сохранить и ритм, и смысл предложения. В предложениях 28, 29 текст оригинала экспрессивен и лаконичен, в эстонском языке появляются длинноты, нарушающие ритм повествования и тяготеющие к нейтральному стилю: не существует такой разницы между разговорным и нейтральным стилем, как в русском языке. В примере 31 наблюдается некоторое несоответствие между языком оригинала и перевода, поскольку значение слова *kebima* предполагает умение двигаться легко, стремительно, что не свойственно грузной даме. Обратившись к предложению 32, следует отметить следующее: *ло-пухнулись* переведено удачно, при помощи фразеологизма с сохранением коннотаций, чего нельзя сказать о *rumalasti talitasite* / *глупо действовали* – выражение длинное и неразговорное; возможно в данном случае можно было пожертвовать дословностью перевода в пользу единства стиля. Аналогичная ситуация наблюдается в следующем примере: *ründasid* неточно передает смысл предложения, а потенциальные замены заметно удлиняют текст, так что здесь представляется возможным говорить о непереводимости элементов. В последнем примере также употреблено слово из другого стилистического регистра, передающее семантику глагола, но не учитывающее его коннотаций. Если говорить о просторечной лексике, следует отметить, что возможности эстонского языка используются неравномерно и далеко не полностью.

3.2. Реалии

При переводе важно умение не только достигать сходства в плане выражения текстов, но и переводить одну культуру на другую. Реалии являются так называемым этнокультурным фоном текста, когда оригинальная картина мира переносится на другую почву. «В этой сопоставленности своего и чужого слова и поведения, своей и чужой культуры, веры, идеологии и т. д. отражается универсальный механизм идентификации человека, поисков самого себя и проявления своего я, самовыражения» (Тороп 1995, с. 139).

- (37) Выносит *трехрядку с малиновым мехом*, разворачивает ее, и... (200) // Toob oma *kirjute lõõtsadega pilli*, venitab selle ja... (233)
- (38) Максим ходил по *горнице*, и глаза его свирепо блестели. (208) // Maksim käis mööda *tuba* [комната], ja tema silmad välkusid raevukalt. (180)

- (39) Пройдет бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами слышно, как скрипит под валенками тугой, крепкий снег. (208) // Ämbrid kaelkoogu otsas, möödub eit, ja isegi topeltakende taha on kuulda, kuidas tema yiltide all kriuksub kõva, tihke lumi. (181)
- (40) Такому — не кадилом махать, а от алиментов скрываться. (210) // Niisugusel oleks paras mitte viirukipanniga vehkida, vaid alimentide eest kõrvale hoida. (183)
- (41) На словах “ах, и сам я нынче что-то стал нестойкий” поп ударил кулаком в столешицу и заплакал и затряс гривой. (214) // Sõnade juures “ah, ka ise olen ma nüüd kuidagi vankuma lõõnud” raksas papp rusikaga lauale [по столу], puhkes nutma ja raputas lakka. (188)
- (42) Все оглобельки — на ять! (215) // Aisad-vehmrid head on siis! (189)
- (43) Кулачье недобитое. (206) // Karistamata jäänud kulakud. (239)
- (44) — Брось-ка мне штиблеты — “цыганочку” товарищи просят. (201) // “Viska mulle kamassid, seltsimehed tahavad “mustlast.” (233)

Способы передачи другой картины мира разнообразны. В проанализированных нами текстах транслитерация в передаче реалий другой культуры зафиксирована один раз (пример 43), наиболее часто используются приблизительный перевод и замена реалии реалией. Особенно удачным следует признать перевод предложений 39, 40 (функциональные аналогии) и 37, 42 (описание). В примере 41 используются слова, имеющие разные стилистические оттенки, но разговорный характер фразы на эстонском языке усиливается за счет слова *raksas* [громыхнул]. Замену реалии реалией мы наблюдаем в примере 38, причем если в русском языковом сознании актуализируется сема «чистая половина крестьянской избы», то в переводе актуализируется сема «отдельное помещение в квартире», без русского национального культурологического наполнения данного слова. Аналогичным образом можно интерпретировать замену *штиблет* на *kamassid* [не пропускающие воду полуботинки], однако в данном случае следует отметить этническую размытость обоих слов.

Представляется возможным при заполнении лакун чаще использовать толкование или детальное комментирование (в частности, в сносках и примечаниях).

3.3. Фразеологические единицы

Кроме просторечных лексем, в рассказах В. М. Шукшина используются просторечные фразеологические единицы (ФЕ). Причины употребления ФЕ – образность, тенденция к экспрессивности речи. ФЕ используются в коммуникациях самого разного характера: серьезного и шуточного, позитивно- и негативнооценочного – но они неизменно придают тексту экспрессивную окраску. Экспрессивность выражается прежде всего за счет активизации разговорного фонда лексики и нестандартного сочетания слов.

- (45) Он был парень не промах, хоть и “деревня”.(202) // Ta ei lasknud end naljalt petta [не давал себя обмануть], ehkki oli “maakas”. (235)
- (46) Но решили, что это дело наживное. (202) // Kuid otsustati, et seda viga saab parandada [эту ошибку можно исправить]. (235)
- (47) — С ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе чета... (204) // “Temaga pidasid sõprust tead missugused poisid, insenerid, mitte sinutaolised [не такие как ты]”... (237)
- (48) Смотрели на выставке всякую всячину. (205) // Nad vaatasid näitusel krimplit-kremplit. (238)
- (49) — Не хотела жить на белом свете? (206) // “Ei tahtnud ilusti maailmas [в мире] elada?” (239)
- (50) — На Кудыкину гору. (213) // “Mäele, mille nimi on Kuskil-mägi [Где-то гора].” (186)
- (51) — Верую, что задохнутся там и побегут опять в чистое поле!... (215) // “Ma usun, et nad seal haisust lämbuvad ja jooksevad tagasi puhta looduse rüppe! [на лоно чистой природы]...” (188)

Пример 45: то, что в тексте оригинала выражено одним словом, разъясняется подробно, в чем нет необходимости, поскольку и на эстонском языке возможно использовать более емкую характеристику. То же самое можно сказать о примере 46. Предложению 47 следовало бы придать более разговорный характер. Удачен перевод примера 48, а вот в предложении 50 стремление переводчика быть ближе к тексту приводит к тому, что семантика передается, но страдает стиль высказывания, поскольку вместо *Кудыкиной горы* используется полукалька *Где-то гора*. В последнем примере (51) ритм и смысл фразы сохранены, но коннотации чисто русских ФЕ *белый свет* и *чистое поле* остаются «за кадром».

В большинстве своем идиомы – неповторимые обороты, отражающие самобытное видение мира, что позволяет говорить о непереводаемости некоторых элементов и невозможности найти полные или даже частичные эквиваленты для фразеологических единиц, но аналогичные замены возможны.

4. Синтаксические конструкции

Экспрессивность передается не только специальным выбором слов, но и их размещением: например, при использовании эллипсиса, парцелляции и усечения усиливаются взволнованность и непринужденность живой речи. При сравнении оригинала и перевода рассказов В. М. Шукшина мы уделяли особое внимание безличным конструкциям, в них, по выражению Н. Д. Арутюновой, отражается этнокогнитивная специфика русского языка, или языковая картина мира его носителей. Безличные предложения фиксируют когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании, – занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем не управляет ею. Разумеется, принцип «по течению» выражает далеко не единственную жизненную позицию русского человека, но в русском языке он оформлен синтаксической конструкцией, не имеющей аналогов в других европейских языках (Арутюнова 1998, с. 806).

Обращаясь к разному речевому материалу, Е. И. Костанди приходит к следующему выводу: «Особенности функционирования безличных предложений в разных коммуникативных условиях постоянно подтверждают невозможность однозначной интерпретации данного типа предложений и необходимость дальнейшего их изучения» (Костанди 2009, с. 180). С этим утверждением нельзя не согласиться, однако в приведенных нами примерах русским безличным предложениям, отражающим своеобразную жизненную философию героев шукшинских рассказов, во всех случаях, за исключением последнего (описание душевного состояния Максима), соответствуют двусоставные предложения на эстонском языке. Характерные для разговорной речи односоставные предложения (54, 57) в переводе также заменены двусоставными.

В эстонском языке есть использующиеся в основном для передачи физического состояния человека и описания природных явлений безличные глаголы и безличные конструкции, однако они не являются частотными.

- (52) И ничего не мог придумать, только травил душу, и *хотелось выпить*. (205) // “Ja ei suutnud mitte kui midagi valmis mõelda, mürgitas ainult hinge, ja *tekkis kihk juua* [возникало желание выпить].” (238)
- (53) — *Мне бы вот такой* маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли. (205) // “*Oleks mul säärane* [был бы у меня такой] väike traktor, väike kombain ja kümme hektarit maad.” (239)
- (54) — *Верую!* (207) // “Ah, *ma usun* [ах, я верую]!” (180)
- (55) Опять *было ясно и морозно*, и дымились трубы. (209) // *Ilm oli jälle selge ja külm* [погода была ясная и холодная], korstnad suitsesid. (182)
- (56) Даже *не верилось*: что у него — что-то там с легкими. (210) // *Poleks uskunudki* [не поверил бы], et tal on midagi lahti kopsudega. (183)
- (57) — *Любишь* Есенина? (214) // “Kas *sina armastad* [ты любишь] Jesseninit?” (187)
- (58) — Здесь *прожито* как раз с песню. (214) // “... *tema elu oli* [его жизнь была] parajalt elu pikkune.” (187)
- (59) Совсем *тошно* стало Максиму... (209) // Maksimil hakkas lausa *vastik* [стало совсем тошно] ... (182)

Автор перевода рассмотренных нами рассказов В. М. Шукшина пытается в первую очередь передать их семантику, но при этом утрачивается нечто не менее важное для творчества писателя, а именно – тональность повествования, отсутствие богатой стилистической палитры, как в текстах оригиналов. Некоторые потери, вызванные несоответствием систем языков, неизбежны, но они должны быть сведены к минимуму, и здесь проявляется индивидуальность переводчика. Игнорирование прагматических оттенков повествования неизбежно ведет к неадекватности перевода.

Для более глубокого понимания творчества В. М. Шукшина необходимо осознать недостатки существующих переводов, однако необходимо помнить о том, что и в таком виде переведенные тексты находят читателя, включаясь в эстонскую литературную культуру.

Литература

- АРУТЮНОВА, Н. Д., 1998. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
- ЗОЛотоВА, Г. А.; ОНИПЕНКО, Н. К.; СИДОРОВА, М. Ю., 1998. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: издательство Московского гос. ун-та.
- КОСТАНДИ Е., 2009. *К вопросу о функциональных особенностях безличных предложений*. Valoda – 2009. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums. Daugavpils: Saule. С. 175 – 181.
- КЮЛЬМОЯ, И.; ВАЙГЛА, Э.; СОЛЛЬ, М., 2003. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- ТОРОП, П., 1995. *Тотальный перевод*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- ЧУДАКОВА, М. О., 2001. *Избранные работы, том I. Литература советского прошлого*. Москва: Языки русской культуры.

Svetlana Jevstratova

University of Tartu, Estee

Research interests: ethnolinguistics, psycholinguistics, teaching Russian as a foreign language

THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF V. SHUKSHIN'S NOVELS INTO ESTONIAN

Summary

The peculiarities of translation of V. Shukshin's two novels into the Estonian language is considered on all levels of the language system. A special attention is paid to the lexis, because the realia and cultural terms represent a serious problem for translators: when the reader perceives a text belonging to an alien culture, he interprets it in the images and concepts of his own world picture. Some losses caused by the differences of the language systems are inevitable, but they must be reduced to the minimum the more as the Estonian language has various means for the transference of the stylistic, lexical, morphemic and other peculiarities of the Russian original text. They could help the reader to understand better the inimitable atmosphere of novels written by V. Shukshin. Our material demonstrates, that the translator uses the compensating possibilities of the Estonian language unsufficiently and although the semantics of the original text is reflected completely, the pragmatic nuances are not taken into consideration and leads to the inadequate translation.

KEY WORDS: translation, phonetic changes, morphemic level, lexical level, phraseological units, syntactic structure, connotations

Jurgita Girčienė

Lietuvių kalbos institutas, Lietuva

P. Vileišio g. 5, 10308 Vilnius, Lietuva

Tel.: (8 5) 234 71 93;

El. paštas: jurgag@takas.lt

Moksliniai interesai: sociolingvistika, retorika, neologija

NOMINATYVINIAI ADRESATO ĮVARDIJIMAI VISUOMENINIUS KLAUSIMUS NAGRINĖJANČIOSE POKALBIŲ LAIDOSE: SOCIOLINGVISTINIS ASPEKTAS

Straipsnyje sociolingvistiniu aspektu aptariami nominatyviniai adresato įvardijimai (NAI) oficialiojoje viešosios sakinės vartosenos (VSV) atmainoje (remiamasi reprezentatyvia TV visuomeninių – debatų, diskusijų – laidų generaline visuma). Nagrinėjama, kokie sociolingvistiniai veiksniai daro įtaką renkantis nevienodą socialinį atstumą ir netgi skirtingas mandagumo strategijas – distancinę (DMS) ar kontaktinę (KMS) – signalizuojančius nominatyvinius adresato įvardijimus, plg.: (ponas +) pavardė / pareigos; (ponas +) vardas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: nominatyvinis adresato įvardijimas, daugiskaitinė kreipimosi forma, mandagumo strategija, viešoji sakinė vartosena, sociolingvistika.

I. Lietuvių kalboje adresatas gali būti įvardijamas asmeniniais įvardžiais (*tu, Jūs, rečiau pats (-i), tamsta*) ir daiktavardžiais (sudaiktavardėjusiais būdvardžiais ir dalyviais) ar jų konstrukcijomis, pvz.: *ponas (-ia), ponas + vardas / pavardė / pareigos; gerbiamas(is) + vardas* ir *pan*. Pastarieji vadinami nominatyviniais adresato įvardijimais (NAI) ir laikomi visuomenės santykių atspindžiu, todėl įvairių kalbų tyrėjai jiems skiria ypač daug dėmesio (Čepaitienė 2007, p. 70). Adresato įvardijimo pobūdis paprastai priklauso nuo adresanto – jis turi kreipimosi žodžių ir mandagumo strategijų (MS) pasirinkimo laisvę (Čepaitienė 2007, p. 43). Adresanto kreipimosi formos pasirinktį veikia įvairūs sociolingvistiniai veiksniai: adresanto ir adresato pažinties laipsnis, jų amžius, lytis, išsilavinimas, socialinių santykių hierarchija, (su jais susiję) socialiniai (situaciniai) vaidmenys; taip pat kalbėjimo aplinkybės – viešas ar privatus bendravimo pobūdis, komunikacinės situacijos (a)simetrija, komunikacijos pobūdis ir kt. (plačiau žr. Boissevain 1987, p. 167 ir t. t.; Karaliūnas 1997, p. 105–106 ir t. t.; Romaine 2000; Clyne, Kretzenbacher, Norrby, Warren 2003; Allan, Burrige 2006, p. 133 ir t. t.; Čepaitienė 2007, p. 72, 78–83, 109–110; Blūmane 2009 ir t. t.). Nuo jų priklauso, kokia MS bus pasirinkta: pagarbioji distancinė ar familiarioji kontaktinė (plačiau žr. Brown, Levinson 1987). Lietuvių kalbos etiketą tirianti Giedrė Čepaitienė teigia, kad su dabartiniu viešuoju diskursu sietinas lietuvių aukštuomenės bendravimo stilius dėl įvairių kataklizmų neišliko ir beveik nėra fiksuotas. Anot jos, galima remtis tik dabartine vartosena, kurioje oficialiai, laikantis DMS, kreiptis į adresatą būdinga daugiskaitine kreipimosi forma (*Jūs*), įvardijimais *vardu ir pavarde*, pagal *pareigas ir visuomeninę padėtį*, prie *pavardės* ar *pareigų* pridedant pažyminius *ponas* arba *gerbiamasis*. Teigiama, kad toks bendravimo būdas tarsi sugrąžina nepriklausomybės laikų tradicijas. Bet pastebima ir pokyčių – slinktį KMS link: viešajame sakytiniame diskurse pasitaiko vienaskaitinių kreipimosi į adresatą formų, plinta familiarūs įvardijimai *vardu* ir kt. (Čepaitienė 2007, p. 85, 88–89, 110). Naujesni kiekybiniai tyrimai patvirtina tokį polinkį: beveik penktadalį VSV užfiksuotų adresato įvardijimų įvardžiais sudaro KMS liudijantys kreipimaisi vienaskaitine forma (*tu*), pats populiariausias įvardijimas, sudarantis beveik trečdalį visų nominatyvinių kreipimųsi, yra vienanaris kreipimasis *vardu*, vartojamas tiek kreipiantis vienaskaita, tiek ir daugiskaita (plačiau žr. Girčienė, Skvorčiūtė 2009). Nuodugnesni kokybiniai viešojo diskurso adresato įvardijimo tyrimai atskleidė akivaizdžią jo skirtį. Ištyrus šią vartosenos sritį reprezentuojančią TV pokalbių laidų generalinę visumą, nustatyta ryški visuomeninio ir asmeninio (pramoginio) pobūdžio laidų takoskyra: familiarieji įvardijimai vienaskaitine forma, signalizuojantys KMS, būdingi tik viešajai laisvajai vartosenai priskirtinoms pramoginėms – pokalbių, realybės šou ir pan. – laidoms, sietinoms su neformalioju stiliumi (čia vienaskaitinės kreipimosi formos, padedančios palaikyti draugiškus asmeninius

santykius, yra beveik vienodai dažnos kaip ir daugiskaitinės kreipimosi formomis). Visuomeninio pobūdžio – debatų, diskusijų – TV laidose, paprastai siejamose su viešąja oficialiaja vartoseną ir formalioju stiliumi¹, jiems būdinga socialinių nuotolių bei pagarbą reiškiančia DMS, kitaip nei viešėjai laisvajai vartosenai priskirtinose pramoginėse pokalbių laidose, nuosekliai vartojamos socialinių atstumą padedančios išlaikyti daugiskaitinės kreipimosi formos (*Jūs*). Oficialumo – laisvumo, formalumo – neformalumo aspektu čia įvairuoja tik NAĮ (plačiau žr. Girčienė 2009). Taigi atsakyti į klausimą, ar ši, oficialioji, sakininė vartosenos sritis, patiria pokyčių, gali padėti būtent nuodugnūs sociolingvistiniai NAĮ tyrimai. Šio straipsnio tikslas – remiantis kiekybinės ir kokybinės TV visuomeninių pokalbių laidų analizės duomenimis, sociolingvistiniu aspektu aptarti NAĮ konkurenciją viešojoje oficialiojoje vartosenoje. Tyrimui pasirinkta ją reprezentuojanti medžiaga – visuomeninius klausimus nagrinėjančios TV pokalbių – debatų, diskusijų – laidos. Tirta generalinė visuma – visos visų Lietuvos transliuotojų savaitinės visuomeninėms priskirtinos pokalbių laidos, rodytos 2009 m. pradžioje (kiekvienos iš jų po du egzempliorius)². Iš viso tirta 12 skirtingų laidų, bendras jų skaičius – 24, trukmė ~ 18 val.

II. Tarp 147 visuomeninio pobūdžio pokalbių laidų (VPL) dalyvių vyrauja socialiai brandūs 35–59 m. asmenys (tarp jų ir vedėjai), lyties požiūriu – vyrai. Toks demografinis pasiskirstymas gali turėti įtakos tiriamajam reiškiniui: vyriškas diskursas tradiciškai laikomas neformalesniu, socialiai brandžių žmonių – formalesniu (plg. Rosinas 1996, p. 43–44).

1 lentelė. *Laidų dalyvių pasiskirstymas pagal lytį ir dalyvavimo pobūdį*

	Vedėjai	Dalyvavusieji studijoje	Skambinusieji telefonu	Iš viso moterų ir vyrų
Vyrai (v) / moterys (m)	11 v / 2 m	46 v / 12 m	38 v / 38 m	95 v / 52 m
Iš viso	13	58	76	147

2 lentelė. *Laidų dalyvių pasiskirstymas pagal amžiaus grupes (be skambinusiųjų telefonu)*

Amžiaus grupės	I (16–24 m.)	II (25–34 m.)	III (35–44 m.)	IV (45–59 m.)	V (60 +)
Dalyvių kiekis: proc. (skaič.)	2,8 (2)	9,8 (7)	26,8 (19)	46,5 (33)	14,1 (10)

Be minėtųjų tiriamojo kalbinio reiškinio vartosenai galinčių turėti įtakos sociolingvistinių veiksnių – dalyvių amžiaus ir lyties, svarbūs ir kiti faktoriai – laidoje atliekami vaidmenys (dažnai nulemti tam tikro išsilavinimo, veiklos srities, statuso), su jais susijęs skirtingas komunikacijos būdas (svečiai studijoje ir skambinusieji telefonu) ir kt. Kaip matyti iš 1 lentelės, didžiausią VPL dalyvių skaičių sudaro skambinusieji telefonu. Tai dažniausiai *vox populi* vaidmenį atliekantys žmonės (plg. Pečiulis 2007, p. 201), kai kurių tyrėjų vadinami laidos *svečiais* (plg. Hedin 2005: 68): tiesiog liudijantys, reiškiantys nuomonę, besidalijantys asmenine patirtimi, paprastai dalyvaujantys trumpame dialoginio pobūdžio pokalbyje su laidos vedėju – tarp jų vienintelių moterų yra tiek pat kiek vyrų. O tarp studijoje pokalbį plėtojusių žmonių dominuoja vyrai. Tai pasakytina ir apie VPL *vedėjus*, kurie yra pokalbio režisieriai ir dažnai pagrindiniai adresantai (plg. Pečiulis 2007, p. 201; Hedin 2005, p. 68), ir apie studijoje dalyvavusius kviestinius žmones, kurių dauguma atliko vadinamąjį *eksperto* vaidmenį: tai profesionalai, gerai išmanantys svarstomą temą, spaudžiantys politikus priimti tam tikrus sprendimus (plg. Pečiulis 2007, p. 201; Hedin 2005, p. 68). Pastarieji dažnai buvo aktyvesni diskurso dalyviai nei telefoninių skambučių autoriai, nes kartais dalyvavo ne tik dialoge su vedėju, bet ir poliloge su kitais studijos dalyviais. Tarp VPL vedėjų vyrauja aukštąjį išsilavinimą turintys žurnalistai (10), pavieniai atvejai – kultūrologas, teisininkas, filosofas. Tarp šių laidų svečių taip pat vyrauja aukštąjį išsilavinimą turintys žmonės: daugiau nei pusę studijoje

¹ Plačiau: apie *viešosios oficialiosios* ir *viešosios laisvosios vartosenos* dichotomiją, pagrįstą sociolingvistiniams tyrimams vienu iš svarbiausių oficialumo–neoficialumo (laisvumo) kriterijais, žr. Miliūnaitė 2009, p. 40–44; dėl sociolingvistikos teorijoje įprasto *formaliojo* ir *neformaliojo stilių* skyrimo žr. Tamaševičius 2010.

² Šio straipsnio autorė nuoširdžiai dėkoja Kristinai Skvorčiūtei, leidusiai sukauptą vertingą empirinę medžiagą (žr. *Adresato įvardijimas sakininėje kalboje*. Bakalauro darbas, VPU, 2009, 2 priedas. *TV pokalbių laidų ištraukų stenogramos*, p. 51–171) panaudoti tolesniems sakininės vartosenos tyrimams.

dalyvavusių žmonių sudaro politikai, valstybės pareigūnai, anot Žyginto Pečiulio, sprendėjai, angažuoto žodžio atstovai (žr. Pečiulis 2007, p. 201). Iš kitų profesijų atstovų populiarūs politologai, ekonomistai, žurnalistai apžvalgininkai, psichologai, kultūrologai, verslininkai, pasitaikė mokslininkų (istorikų, filosofų), dėstytojų, mokytojų, studentų, moksleivių, visuomeninių organizacijų atstovų, aktorių ir kt. Tiriant NAĮ sociolingvistiniu aspektu tikslinga palyginti laidų vedėjų, kurie, būdami dialogo su adresatu arba polilogo su keliais adresatais iniciatoriai, visus dalyvius bent vieną kartą yra įvardiję NAĮ, elgesį su skirtingais adresatais, taip pat apžvelgti vedėjų ir laidos svečių kreipimūsi į vienas kitą NAĮ (ne)atitiktį, svečių kreipiantis vienas į kitą vartojamų NAĮ polinkius (pažymėtina, kad svečiai rečiau nei vedėjai įvardija tiek vedėjus, tiek ir kitus svečius, todėl dažnai negalima nustatyti kreipimosi (a)simetrijos).

III. Kaip parodė minėtasis ankstesnis tyrimas, visi VPL pokalbių dalyviai – ir vedėjai (144 skirtingų adresatų įvardijimo atvejai), ir svečiai (46 skirtingų adresatų įvardijimo atvejai) – į visus adresatus kreipėsi mandagumo daugiskaita (iš viso 190 skirtingų adresatų įvardijimo atveju), išskyrus vienintelį svečio kreipimąsi į adresatą vienaskaitine forma. Taigi VPL iš viso buvo įvardytas 191 skirtingas adresatas³. Kreipiantis nuosekliai vartota oficialiajai vartosenai būdingas įvardijimas *Jūs* (labai retai *pats*), bet rinktasi įvairias nominatyvinių įvardijimo formules (žr. Girčienė 2009). Remiantis naujo – VPL vartojamų NAĮ kokybinio ir kiekybinio – tyrimo rezultatais, iš pradžių trumpai aptartini bendrieji NAĮ variavimo polinkiai. Pažymėtina, kad vedėjai kaip pokalbio strateguotojai, praktiškai visais atvejais adresatą įvardijo (ir) NAĮ, o svečiai dalį adresatų – tik minėtaisiais įvardžiais. Nustatyta, kad vieni VPL dalyviai skirtingus adresatus įvardija pasitelkę tą pačią (kiek modifikuotą) įvardijimo formulę, kitų vartojamos įvardijimų formulės įvairuoja. Pavyzdžiui, esama vedėjų, kurie į kiekvieną laidos dalyvį kreipiasi vienodai – ne tik mandagiaja daugiskaita, bet ir vartoja tą patį įvardijimą, pvz., tik *ponas*, *-ia* + *pavardė*. Bet daugumos vedėjų vartojami NAĮ varijuoja: skirtingai kreipiamasi ne tik į skirtingus adresatus, pvz.: į vieną – (*ponas*, *-ia*) + *pavardė*, į kitą – pagal pareigas, į trečią – (*ponas*) + *vardas*; į vienus skambinusiuosius – *ponas*, *-ia* + *vardas*, į kitus – tik vardu, bet skirtingai įvardijimas ir tas pats adresatas, pvz.: *ponas* + *vardas* + *pavardė*; *vardas* + *pavardė*; *kolega* + *pavardė*; *ponas* + *vardas*; *vardas*. Dalis tokių variantų vertintini kaip diskurso tyrimams įdomūs individualios komunikacinės ir kalbinės (ne)kompetencijos, pokalbio strategijos plėtojimo atvejai, o ne socialinių ar demografinių veiksmių nulemti NAĮ variantai. Čia aptarti tik sociolingvistiniu požiūriu aktualūs nominatyvinių adresato įvardijimų variantiškumo atvejai.

Nustatyti trys vyraujantys nominatyvinių adresato įvardijimų tipai. Tai NAĮ, kurių pagrindas yra 1) PAVARDĖ, 2) PAREIGOS arba 3) VARDAS, pvz.:

- 1) MOT.VED.ŽURN*III: <...> noriu kreiptis į profesinių sąjungų konfederacijos vadovą, vieną iš mitingo organizatorių, [VYR.PROF.SĄJ.VAD*III **poną vardas pavardė**]
- 2) VYR.EKON*III: paskutinių metų, praėjusių metų paskutinio ketvirčio rezultatai, [VYR.EKSPREMJ*IV **gerbiamas ekspremjere**], vainikavo jūsų ekonominę politiką <...>
- 3) VYR.VED.ŽURN*IV: Bet dabar, sekundėlę, tuoj grąžinsiu žodį docentui, bet prieš tai – [VYR.TEL*V **vardas**] iš Kauno. [VYR.TEL*V **pone vardas**] jūsų klausime.

Pirmieji du tipai priskirtini oficialiajai vartosenai įprastiems DMS liudijantiems oficialiems įvardijimams. NAĮ, kurio pagrindas pavardė, su mandagumo priedėliu *ponas*, *-ia*, kartais dar papildomu adresanto vardu, t. y. *ponas*, *-ia* + (*vardas*) + *pavardė*, dažniausiai ir nuosekliausiai vartoja vedėjai, kreipdamiesi į studijos svečius. Kadangi vedėjai yra pagrindiniai NAĮ vartotojai, kreipimosi formulė, kurios pagrindas pavardė, apskritai yra vyraujantis kreipimosi į esančiuosius studijoje NAĮ tipas. Įvardijimai, kurių pagrindas adresato pareigas nurodantys žodžiai, pvz.: (*gerbiama(s)* / *ponas*, *-ia*) *premjere*, *ministre*, *Seimo nary*, *profesoriau*, *docente* (prie

³ Skirtingų adresatų yra daugiau nei laidų dalyvių, nes tas pats žmogus, kai į jį kreipiasi keli skirtingi adresantai, yra laikomas keliais skirtingais adresatais.

pastarųjų šlietinas ir retesnis įvardijimas pagal bendrą veiklą (*gerbiama(s)*) + *kolega*), būdingi ir svečiams, ir vedėjams. Aprašytųjų oficialių NAĮ tipų, kurių pagrindas pavardė arba pareigos, rasta visose 24 tirtose laidose, bet tik 7 iš jų vartoti vien šie oficialiajai vartosenai būdingi įvardijimai. Už pirmuosius du tipus neabejotinai familiaresnis NAĮ, kurio pagrindas VARDAS, priskirtinas oficialiajai vartosenai tradiciškai nebūdingiems įvardijimams. Jie, greta oficialiųjų NAĮ pavarde ir pareigomis, vartoti net 17 iš 24 tirtų laidų, kreipiantis daugiau nei į pusę minėtųjų 191 skirtingų adresatų (pastebėtina, kad iš jų tik 5 abipusio NAĮ atvejai). Būtent šis naujas reiškiny sociolingvistiniu požiūriu ir yra aktualiausias.

1. Viešai oficialiai vartosenai tradiciškai nebūdingus familiaresnius NAĮ, kurių pagrindas VARDAS, dažnai su mandagumo priedėliu *ponas, -ia, nuosekliai* (t. y. kreipiasi tik taip), vartoja **vedėjai**, įvardydami **skambinčius telefonu**: (*ponas, -ia*) + *vardas*. Skambinūsieji telefonu, dažniausiai atliekantys vox populi vaidmenį, sudaro per pusę visų VPL dalyvių (žr. 1 lentelę), o vedėjai praktiškai į juos visus yra kreipęsi (ir) NAĮ, taigi įvardijimai, kurių pagrindas vardas, vedėjų vartojami telefoniniams adresatams įvardyti, yra **dažni**: jais bent po vieną kartą yra pavadinta per 70 skirtingų telefoninių adresatų. Pažymėtina, kad telefoninių pokalbininkų esama tik 10 iš 24 laidų, 3 iš tų dešimties įvardijimai vardu yra vartojami tik kreipiantis į telefoninį adresatą (visi kiti šių 3 laidų įvardijimai – oficialūs). Vyrauja atvejai, kai nors vieną kartą prie to paties adresato vardo pridedamas ir mandagumo priedėlis. Pavienių aprašytųjų atvejų koreliacijos tarp amžiaus, lyties ar kt. faktorių nenustatyta.

2. Kitokie atvejai, kai vartojami familiaresni NAĮ, kurių pagrindas VARDAS, yra palyginti **reti** (daugiau nei dukart retesni už aprašytuosius nuoseklus vedėjų kreipimusis vardais į telefoninius adresatus). Jais, dažnai su mandagumo priedėliu, t. y. (*ponas, -ia / gerbiama(s)*) + *vardas*, kartais kreipiasi tiek vedėjai į dalyvius studijoje, tiek ir studijos svečiai į vedėjus ar kitus studijos svečius. Iš viso kreipiniais, kurių pagrindas vardas, buvo įvardyti 29 skirtingi adresatai – studijos dalyviai (t. y. ne pokalbininkai telefonu). Kreipiantis į 13 (iš 29) skirtingų studijos adresatų NAĮ, kurių pagrindas **vardas**, vartoti kaip to paties adresanto **oficialių kreipimūsi** į tą patį adresatą, kurių pagrindas pavardė ar pareigos, **variantai**. Pvz.:

VYR.VED.ŽURN.DR*IV: [VYR.SEIM.PROF*V *vardas pavardė*]. *Sveiki*, [VYR.SEIM.PROF*V *profesoriau*].

VYR.VED.ŽURN.DR*IV: *Dabar*, [VYR.SEIM.PROF*V *gerbiamas vardas*], *iš tikrųjų jūs <...>*.

VYR.VED.ŽURN.DR*IV: *Sekundėlė*, [VYR.SEIM.PROF*V *vardas*], *klausytojas dar klausia*.

Kiek daugiau esama **nuoseklus** kreipimosi į tą patį studijos dalyvį **vardu** atvejų: 16 (iš 29) skirtingų adresatų vadinti tik NAĮ, kurių pagrindas vardas. Vis dėlto pažymėtina, kad tik į 4-is iš minėtųjų 16 adresatų tokiu įvardijimu kreiptasi daugiau nei vieną kartą. Kaip jau minėta, kartais to paties adresato NAĮ įvairuoja nuo oficialių iki familiarių, tad vienkartinis įvardijimo vardu atvejis nėra labai patikimas sąmoningo kreipimosi formulės pasirinkimo liudininkas. 15 skirtingų adresatų, kreipdamiesi į juos (konstrukcijomis su) vardu, įvardijo vedėjai: septyni vedėjai į 11 studijos svečių kreipėsi neformaliais įvardijimais vardu pramaišiu su oficialiais – pavarde, o 4 svečius vadino tik NAĮ, kurių pagrindas vardas (iš jų tik dviem atvejais kreiptasi daugiau nei vienkartinį, abu tokie kreipiniai priklauso tai pačiai vedėjai). 14 skirtingų adresatų (konstrukcijomis su) vardu įvardijo studijos svečiai: jie taip kreipėsi į 7 savo kolegas svečius ir į 7 vedėjus. Kreipdamiesi į kolegas svečius, 5 adresatus įvardijo nuosekliai vardu, o 2 adresatams įvardyti, šalia vardo, pramaišiu vartojo ir oficialius NAĮ pavarde ar pareigomis. Kreipdamiesi į vedėjus aptariamieji svečiai juos visus nuosekliai vadino tik vardu (pažymėtina, kad prie nuoseklių kreipimūsi priskiriami ir vienkartiniai atvejai, jei nesama variantų). Pastebėtina, kad iš aprašomųjų 29 skirtingų studijos adresatų NAĮ vardu tik 4 yra abipusio nominatyvinio įvardijimo atvejai: trys iš jų tarp vedėjo ir svečio, vienas – tarp dviejų svečių. Taip yra todėl, kad svečiai, palyginti su vedėjais, retai įvardija tiek vedėjus, tiek ir kitus svečius (lyginant pateiktuosius apylygius duomenis, būtina atsižvelgti į daug didesnę svečių skaičių: žr. 1 lentelę). Taigi dažniausiai negalima nustatyti šiam tyrimui svarbios kreipimosi (a)simetrijos. Iš minėtųjų keturių abipusių NAĮ trys yra asimetrinės komunikacijos atvejai (du tarp vedėjo ir svečio, vienas – tarp dviejų svečių), vienas – simetrinės

komunikacijos: tarp vedėjo ir svečio (apie tai žr. toliau). Aprašytųjų palyginti retų įvardijimų, kurių pagrindas vardas, vartotų studijos dalyvių kreipiantis į studijos dalyvius, kokybinė analizė leido išvelgti tam tikrų bendrų polinkių ir jų sąsajas su pagrindiniais sociolingvistiniais veiksniais – pažįstamumu, (situaciniais) vaidmenimis, sietiniais su socialinės hierarchijos veiksmu, laidos oficialumo laipsniu.

2.1. Pažįstamumas. Familiariesnių NAĮ vardu radimasis labiausiai sietinas su vienu iš sociolingvistinių veiksnių – adresanto ir adresato pažįstamumu. Deja, retai pažįstamumą diskursas atskleidžia tiesiogiai (žr. toliau). Asmeninius adresanto ir adresato santykius geriau atspindi tie atvejai, kai abu vienas kitą įvardija NAĮ. Bet, kaip jau minėta, svečiai rečiau nei vedėjai įvardija tiek vedėjus, tiek ir kitus svečius, todėl dažnai negalima nustatyti abipusio kreipimosi pobūdžio. Taigi dažniausiai apie įvardijimų vardu kaip oficialesnių NAĮ variantų radimąsi galima spręsti tik lyginant to paties adresanto kreipimuisi į visus adresatus. Tokių duomenų dėl jau minėtų priežasčių ppr. esama tik apie vedėjus, ypač apie tų laidų, kuriose studijoje dalyvauja daugiau svečių (telefoniniai adresatai, visų vedėjų nuosekliai įvardijami vardu, atkrinta – žr. 1). Kai kuriais iš tokių atvejų labai aiškiai matyti, kad vienintelis oficialiajai vartosenai nebūdingų įvardijimų vardu, kaip oficialesnių NAĮ pavarde ir pan. variantų, radimąsi lėmęs veiksnys yra pažįstamumas. Pavyzdžiui, politinius klausimus gvildenančios diskusijų laidos vedėjas [VYR.VED.ŽURN. DR*IV] įvardijimus vardu kaip oficialių NAĮ variantus vartojo tik kreipdamasis į vieną [VYR.SEIM.PROF*V] iš trijų studijoje dalyvavusių svečių vyrų: du iš minėtųjų yra Seimo nariai (tarp jų ir aptariamasis adresatas), vienas – socialinio pobūdžio tiriamosios institucijos direktorius, taigi visus juos galima priskirti eksperto vaidmens atstovams. Adresatas [VYR.SEIM.PROF*V] yra vyresnis nei adresantas, t. y. vedėjas, ir vienas iš kitų dviejų svečių (jie priklauso IV ir V amžiaus grupėms), jo statusas vertintinas kaip tarp visų keturių polilogo dalyvių aukščiausias: tai savo srities profesionalas, ne tik įstatymų leidžiamosios valdžios atstovas (kaip ir vienas jo kolega), bet ir savo srities specialistas teoretikas, turintis profesoriaus vardą (plg. adresantas turi daktaro laipsnį, direktorius yra docentas). Pažymėtina ir tai, kad kaip mandagumo priedėlį adresantas-vedėjas rinkosi dalyvį *gerbiamas*, o ne oficialesnį *ponas*, be to, kreipėsi ir pliku vardu (žr. 2 poskyrio iliustracinius pavyzdžius). Taigi atmetus kitus tradiciškai galimus familiariesnių variantų radimosi motyvus (amžius, statusas, lytis), belieka vienintelis oficialaus – familiaraus(esnio) įvardijimo pasirinkčiai svarbus pažįstamumo veiksnys. Šias išvalgas pagrindžia ir kita to paties vedėjo vesta laida (kaip minėta, tirta po du laidos įrašus): čia NAĮ vardu kaip oficialių kreipimūsi variantas taip pat pavartotas kalbantis tik su vienu iš trijų studijos svečių vyrų Seimo narių, kurie visi, kaip ir vedėjas, priklauso tai pačiai amžiaus grupei. Taigi jokių kitų įvardijimų pasirinktį galinčių lemti veiksnių išvelgti negalima. Kaip jau minėta, apie pažįstamumą dažniau galima spręsti tik pagal vedėjų, kurie yra pagrindiniai įvardijimų, skirtų įvairiems adresatams, vartotojai, elgesį. Svečių vartojami NAĮ vardu dažniausiai yra pavieniai, todėl neįmanoma nustatyti, ar nulemti sociolingvistinių, ar kokių kitų veiksnių. Apibendrinus tuos retus atvejus matyti, kad vardu kreipiasi tik pažįstami tos pačios veiklos srities svečiai į savo kolegas svečius, kurie visi atlieka tą patį eksperto vaidmenį. Apie pažįstamumu paremtus asimetrinės komunikacijos atvejus, ribojamus atliekamų vaidmenų, kai vardu kreipiasi tik laidos svečias į vedėją, žr. toliau.

2.2. (Situaciniai) vaidmenys. Pažįstamumas yra svarbiausia sąlyga visuomeninio pobūdžio laidose familiariesniems kreipiniams vardu rastis⁴, bet ne visada tai yra pakankama priežastis juos vartoti. Tyrimo medžiaga rodo, kad realiai pažįstamą asmenį įvardyti familiariai viešai transliuojamoje laidoje, kurios adresatas labai nevienalytis – ne tik pokalbio dalyviai, bet ir TV žiūrovai, trukdo visuomeninių laidų vedėjo vaidmuo (rasta laidų, kuriose svečias į vedėją nuosekliai kreipiasi NAĮ, kurių pagrindas vardas, o vedėjas bendraudamas su svečiu nuosekliai vartoja oficialiajai vartosenai įprastus įvardijimus, kurių pagrindas pavardė). Vadinasi, vedėjai yra labiau suvaržyti (ypač oficialiausių – politinių – laidų: apie vedėjo vaidmens ir laidos pobūdžio sąsajas žr.

⁴ Plg. pramoginio pobūdžio laidoms pažįstamumo veiksnys taip pat svarbus, bet jis nėra būtina prielaida familiariesnėms vienaskaitinėms kreipimosi formoms rastis: jos gali būti vartojamos kreipiantis į jaunesnius nebūtinai pažįstamus, dažnai menkesnius – *vox populi*, o ne eksperto ar vedėjo – vaidmenis atliekančius asmenis (plačiau žr. Girčienė 2009).

2.3). Taigi dviejų sociolingvistinių veiksnių – pažįstamumo ir situacinio vaidmens – sankirta gali lemti komunikacijos asimetriją. Sociolingvistiniu požiūriu labai įdomi viena dialoginio pobūdžio laida, kurios šeimininkas vedėjas [VYR.VED.ŽURN*II] laikosi tos pačios, kaip ir kitose laidose bendraudamas su kitais svečiais DMS, ir į vienintelį laidos svečią – vieną iš aukščiausių padėčių užimančią politiką – nuosekliai kreipiasi konstrukcija *ponas + pavardė*. O laidos svečias [VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III] į laidos vedėją nuosekliai kreipiasi vardu, kartais net su familiariu priedėliu *mielas* (plg. tirtose laidose norint pridengti kreipimūsi vardu familiarumą vartojamus pagarbesnius priedėlius *ponas, gerbiamas*), pvz.:

VYR.VED.ŽURN*II: *pone* [VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III *pavardė*], ar jūs jaučiatės savo vietoje?

VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III: *mielas* [VYR.VED.ŽURN*II *vardas*], tikrai ne....

Tokią dialogo dalyvių vartojamų NAĮ neatitiktį galima būtų mėginti aiškinti komunikacijos partnerių socialine asimetrija: svečias, būdamas vyresnis, aukštesnio socialinio statuso, kreipdamasis familiariau demonstruoja viršenybę (plg. Karaliūnas 1997: 106). Kitas iš galimų tokio elgesio motyvų – svečias, realiai būdamas pažįstamas su laidos vedėju, nors ir vartoja pagarbiają daugiskaitinę kreipimosi formą (beje, palyginti su vedėju, labai retai ją eksplikuoja – vos vienas kitas įvardis *jūs*, kai kur pereinama prie tarpinio tarp *jūs* ir *tu* įvardžio *pats*, žr. toliau), stengiasi išlaikyti nors dalį įprastinei jų komunikacijai greičiausiai būdingos kontaktinės mandagumo raiškos ypatybių. Bet šis atvejis išskirtinis, nes apie adresanto ir adresato pažintį galima spręsti iš konteksto:

VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III: *kaip ir pačiam*, [VYR.VED.ŽURN*II *vardas*], tai *pačiam* aš irgi esu

[VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III *vardas*, t. y. pasako savo vardą – J. G.], *kadangi mes per daug kartų suvalgę daugybę druskos. <...>* [VYR.VED.ŽURN*II *vardas*], *mes gi kartu dirbome televizijoje.*

Esama ir daugiau, tik ne tokių ryškių atvejų, kai justai oficialumą demonstruoti skatinančio vedėjo vaidmens poveikis, pvz., kai kurių laidų vedėjų variantiškai vartojamos oficialios ir prasprūstančios familiarsnės NAĮ formos, be pažįstamumo, vedėjo vaidmens, dar sietinos ir su laidos oficialumo laipsniu (plačiau žr. 2.3). Vedėjų vaidmens įtaką renkantis oficialesnį NAĮ liudija ir anksčiau pateikti kiekybiniai duomenys: tik viena vedėja ir tik vienoje, laisvesnio pobūdžio, laidoje, į du adresatus keletą kartų nuosekliai kreipėsi NAĮ, kurių pagrindas vardas. O svečiai net į septynis vedėjus kaip adresatus nuosekliai kreipėsi familiariomis konstrukcijomis, kurių pagrindas vardas. Vedėjo vaidmens spaudimą leidžia išvelgti ir tai, kad didžioji dalis jų vartotų NAĮ vardu yra oficialesnių kreipinių pavarde ar pagal statusą variantai – o svečiams tokie atvejai visai nebūdingi. Įžvalgą apie laidos vedėjo distancinę mandagumo strategiją demonstruojamo oficialumo sąsajas su atliekamu situaciniu vaidmeniu patvirtina ir kolegos, vedančio kitą visuomeninio pobūdžio laidą, aptariamąsios laidos, kaip tinkamo pavyzdžio vengiant į viešumą perkelti asmeninius santykius, gerbiant laidų adresatą, komentaras: [VYR.VED.ŽURN*II *pavardė*], *pavyzdžiui, labai gerai, man labai patiko. Jis šnekino* [VYR.AUKŠT.POLIT.SEIM*III *pavardė*], *na, savo hebra, ane, ir vis tiek jie sakė vienas kitam sakė „jūs“, nes tai yra eteris ir niekam neįdomu, kad tu čia kartu, reiškia, kur tu ten ką tu kartu veikei*⁵. Pats laidos vedėjas [VYR.VED.ŽURN*II], būdamas respondentas, kaip ir daugelis kitų projekto dalyvių, neigiamai vertina TV laidose pasitaikanti 'tujinimą'. Panašių įžvalgų apie situacinio vaidmens poveikį adresato įvardijimui pateikia ir kitų kalbų tyrėjai. Pavyzdžiui, du pažįstami advokatai tarpusavyje bendraudami laisvoje aplinkoje laikosi familiariosios KMS (vienas į kitą kreipiasi *tu*), o oficialioje, per teismo posėdį – distancinės (vienas į kitą kreipiasi *Jūs*) (Morford 1997: cit. iš Clyne, Kretzenbacher, Norrby, Warren 2003). Yra tyrimų, atskleidusių konkrečiai TV laidų vedėjams būdingesnį formalųjį stilių (žr. Hedín, 2005: 68). Tai leidžia daryti prielaidą apie visuomeninio pobūdžio laidos, priskirtinos viešėjai oficialiajai vartosenai, vedėjui

⁵ 2009 m. Lietuvių kalbos institute vykdyto projekto „Baltų sociolingvistika (BALSOC): kalbinė visuomenės savimonė Lietuvoje ir Latvijoje“ duomenys (rėmė Valstybinis mokslo ir studijų fondas).

skiriamą vaidmenį, susijusį su socialinio atstumo, oficialumo demonstravimu, taigi ir distancinei mandagumo strategijai būdingomis kalbinėmis raiškos priemonėmis, tarp kurių ne tik mandagiosios daugiskaitinės kreipimosi formos, bet ir tokiai strategijai būdingi oficialūs nominatyviniai įvardijimai.

Laidų svečiai šiuo požiūriu jaučiasi mažiau suvaržyti: įvardijimais vardu jie norėdami kreiptis ne tik į pažįstamus laidų vedėjus, bet ir į pažįstamus svečius, dažnai – kolegas (tai dar susiję ir su svečio kaip eksperto vaidmeniu; žr. 2.1 ir 2.3). Tokią išvalgą stiprina ir kitas panašus atvejis: VPL vedėjas [VYR.VED.ŽURN*III] į savo svečią (kaip ir į kitus dalyvaujančius studijoje žmones) kreipėsi taip pat oficialiai, įprasčiausia tokioms laidoms konstrukcija *ponas + pavardė*, o svečias [VYR.POLIT.KOMENT*III] vedėją įvardijo daug familiariau – vardo trumpiniu, pvz.:

VYR.VED.ŽURN*III: *pone* [VYR.POLIT.KOMENT*III *pavardė*], *bet vis dėlto šitie rinkimai <...>*.

VYR.POLIT.KOMENT*III: *jeigu galima, aš pabaigsiu mintį*, [VYR.VED.ŽURN*III *vardo trumpinys*].

Pažymėtina, kad familiariau nei vedėjai besielgiantys svečiai pagal TV pokalbių laidoms būdingus situacinius vaidmenis priskirtini aukštesnio statuso – *sprendėjo, eksperto*, o ne žemesnio *vox populi* (plg. anksčiau minėtus telefoninių skambučių autorius) atstovams. Svečiai į svečius vardu kreipiasi irgi tik būdami pažįstami – tai rodo ta pati veiklos sritis (pvz., politika), darbo vieta (pvz., Seimas), ir tik atlikdami laidoje tą patį eksperto vaidmenį (kaip jau minėta, dažniausiai situaciniai vaidmenys sietini su sociolingvistiškai svarbiu socialinės hierarchijos veiksmu). Vedėjų ir svečių vaidmenų skirtumus rodo ir skirtingi NAĮ vardu priedėlių vartojimo polinkiai: oficialumą, atstumą perteikiantis *ponas* būdingesnis vedėjams, o šiltesnis, asmeniškėsnis, pagarbą pabrėžiantis priedėlis *gerbiamas* – mažiau situacinio vaidmens poveikį nei vedėjai jaučiantiems dalyviams.

2.3. Laidos formalumo laipsnis. Tai, ar pažįstamumo sąlygos nulemta galimybė kreiptis vardu bus realizuota, ar apribota vedėjo vaidmens, priklauso ir nuo laidos pobūdžio. Esama laidų, kuriose tiek svečias į vedėją, tiek ir vedėjas į svečią nuosekliai kreipiasi NAĮ, kurių pagrindas vardas, taigi išlaiko komunikacijos simetriją (plg. 2.2 aprašytuosius asimetrinės komunikacijos atvejus). Kaip minėta, visos čia aptariamoms visuomeninius klausimus nagrinėjančios TV pokalbių laidos priskirtinos oficialiajai vartosenai. Jos pagal turinį ir kalbinę raišką (pvz., *jūs – tu* vartojimo polinkius) sudaro opoziciją laisvajai vartosenai priskirtinoms asmeninius klausimus aptariančioms, pramoginio pobūdžio laidoms (žr. Girčienė 2009). Bet tyrimo duomenys signalizuoja ir apie nevienodą visuomeninius klausimus nagrinėjančių laidų oficialumo laipsnį, darantį įtaką tiriamajam kalbiniam reiškiniui. Kalbant apie kreipimosi į studijos dalyvius oficialiajai vartosenai familiarokais įvardijimais vardu prielaidą – pažįstamumą, jį ribojantį laidos vedėjo vaidmenį vietomis neišvengiamai teko užsiminti ir apie laidos pobūdžio poveikį, nes visi šie veiksniai yra tarpusavyje susiję. Apibendrintai pasakytina, kad formalių politinių debatų laidų, kur svarbūs socialiniai vaidmenys, linijos laikymasis, vedėjams NAĮ vardu apskritai nebūdingi. Tik retais atvejais pavieniai oficialių laidų vedėjai familiarokas kreipimosi formules su vardu pavartoja kaip nuoseklių oficialių NAĮ pavarde ar pagal statusą variantus. Toks variavimas būdingesnis laisvesnio pobūdžio kultūrinių visuomeninių pokalbių laidų, kur svarbios asmenybės, jų nestandartinės išvalgos, vedėjams. Tarp jų pasitaiko tokių, kuriems NAĮ vardu yra vieni būdingiausių. Pažymėtina, kad tos pačios laidos vedėja, nelygu tema ir jos nulemti dalyviai, keičia įvardijimų pobūdį: politinius klausimus nagrinėjančioje laidoje, kur vyrauja svečiai politikai, į juos bent kartais kreipiasi oficialiai (pavarde, pagal pareigas), įvardijimai vardu pasitelkdama tik kaip variantą, o laisvesnėje kultūros temą plėtojančioje laidoje ta pati vedėja dažniausiai kreipiasi neformaliais NAĮ, kurių pagrindas vardas.

Išvados

Atlikus visuomeninius klausimus nagrinėjančiose laidose vartojamų nominatyvinių adresato įvardijimų tyrimą, nustatyta, kad viena iš trijų čia vyraujančių kreipimosi formulių – viešajai oficialiajai vartosenai tradiciškai nebūdingi neformalūs įvardijimai, kurių pagrindas vardas: plg. (*ponas / gerbiamas +*) *vardas* ir (*ponas / gerbiamas +*) *pavardė*; (*ponas / gerbiamas +*) *pareigos*. Būtent šis naujas reiškinys sociolingvistiniu požiūriu ir yra aktualiausias. Kreipimaisi, kurių

pagrindas vardas, greta formalių įvardijimų pavarde ir pareigomis, vartoti net 17 iš 24 tirtų laidų, kreipiantis daugiau nei į pusę visų skirtingų, t. y. 191, adresatų. Taigi įvardijimai vardu sėkmingai konkuruoja su viešajai oficialiajai vartosenai įprastais distancinę mandagumo strategiją liudijančiais formaliais įvardijimais, kurių pagrindas pavardė arba pareigos: pastarųjų rasta visose 24 tirtose laidose, bet tik 7 su jais nekonkuravo neformalūs įvardijimai vardu.

Įvardijimai vardu, dažnai su mandagumo priedėliu *ponas*, yra vienintelis, todėl dažnas, laidų vedėjų kreipimosi į gausiausią laidų dalyvių sluoksnį (76 žmonės) – telefoninių skambučių autorius. Studijos dalyviai – vedėjai ir svečiai – vienas į kitą neformaliai kreipiasi palyginti retai: nominatyviniais įvardijimais vardu, dažnai su mandagumo priedėliu *ponas / gerbiamas*, buvo įvardyti 29 skirtingi adresatai, su kuriais bendrauta akis į akį. Vieni kreipimaisi vardu vartoti kaip oficialių įvardijimų pavarde ar pareigomis variantai – toks elgesys būdingesnis vedėjams, kiti – kaip vieninteliai neformalūs tam pačiam adresatui skirti įvardijimai.

Svarbiausi sociolingvistiniai veiksniai, lemiantys neformalių įvardijimų vardu radimąsi: 1) komunikacijos pobūdžio nulemtas telefoninis adresatas, sietinas su vieninteliu kitu šiuo atveju svarbiu faktoriumi – žemesnio statuso *vox populi* vaidmeniu; 2) pažįstamumas, svarbus diskursą akis į akį plėtojantiems studijos dalyviams. Ar pažįstamumo sąlygos nulemta galimybė bus realizuota, labiausiai priklauso nuo 3) atliekamo situacinio vaidmens ir 4) laidos formalumo laipsnio. Neformalią raišką labiausiai varžo vedėjo vaidmuo, ypač formalesnio stiliaus politinių debatų laidų. Jose pažįstamumo sąlygotą realiam bendravimui būdingą kontaktinę mandagumo strategiją, pasireiškiančią ir kreipiniais vardu, dažniausiai renkasi tik studijos svečiai, ppr. atliekantys aukštesnio statuso eksperto vaidmenį. Ne tokių formalių kultūrinių laidų dalyviams, tarp jų ir vedėjams, įvardijimai vardu būdingesni.

Literatūra

- ALLAN, K.; BURRIDGE, K., 2006. *Forbidden words. Taboo and censoring of language*, Cambridge: Cambridge University Press.
- BLŪMANE, A. 2009. Sociolinguistic Analysis of Address Usage in General Educational Institutions in Latvia. – *Kalbos kultūra* 82.
- BOISSEVAIN, J., 1987. Social Network. – *Sociolinguistics* 1 (HSK 3.1), Berlin-New York, p. 164–169.
- BROWN, P.; LEVINSON, S., 1987. *Politeness. Some universals in language usage*, Cambridge: Cambridge university press. Fragmentai internete: <http://books.google.lt/books>.
- CLYNE, M.; KRETZENBACHER, H. L., NORRBY, C., WARREN, J., 2003. Address in Some Western European Languages. – Proceedings of the 2003 Conference of the Australian Linguistic Society 1. Internete: <http://www.als.asn.au/proceedings/als2003/clyne.pdf>.
- ČEPAITIENĖ, G., 2007. Lietuvių kalbos etiketas: *semantika ir pragmatika*. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.
- GIRČIENĖ, J., 2009. Daugiskaitinių ir vienaskaitinių kreipimosi formų konkurencija viešojoje sakinėje vartosenoje (sociolingvistinis aspektas). *Kalbos kultūra* 82, p. 214–233.
- GIRČIENĖ, J.; SKVORČIŪTĖ, K., 2009. Adresato įvardijimo polinkiai viešajame sakininiame diskurse. – *Working paper* 3, p. 35–47.
- HEDIN, T., 2005. *Changing Identities. Language Variation on Czech Television*. Stockholm: Sockholm University.
- KARALIŪNAS, S., 1997. *Kalba ir visuomenė*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- MILIŪNAITĖ, R., 2009. *Dabartinės lietuvių kalbos vartosenos variantai*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- MORFORD, J., 1997. Social indexicality in French pronominal address. *Journal of Linguistic Anthropology* 7(1), p. 3–37.
- PEČIULIS, Ž., 2007. *Iki ir po televizijos. Žvilgsnis į XX amžiaus audiovizualinės masinės komunikacijos fenomeną*, Vilnius: Versus aureus.
- ROMAINE, S., 2000. *Language in society*, Oxford: Oxford University Press.
- ROSINAS, A., 1996. *Lietuvių bendrinės kalbos įvardžiai*, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- TAMAŠEVIČIUS, G., 2010. „Blogo“ kalba ir sociolingvistinė kompetencija. *Darbai ir dienos* 53.

Jurgita Girčienė

Institute of the Lithuanian Language, Lithuania

Research interests: sociolinguistics, rhetoric, neology

NOMINATIVE NAMING OF THE ADDRESSEE IN PUBLIC INTEREST TALK PROGRAMMES: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Summary

The article presents the analysis of nominative naming of the addressee in public interest talk programmes, which are classified as a case of public, official language usage. One of the three forms of address that were found to dominate in the sample was informal address based on name, which traditionally is not typical for this domain of language usage: (*Mister +*) **name**, (*Mister +*) *surname*, (*Mister +*) *position title*. This new phenomenon is most topical in the sociolinguistic point of view.

Most important sociolinguistic factors, influencing the emergence of informal address by name, are: 1) phone communication, reinforced by another important factor – vox populi role; 2) degree of acquaintance, important for participants in the studio that are communicating face-to-face. Whether the opportunity created by these conditions will be taken, most of all depends on 3) performed situational role and 4) the degree of formality of the programme. Informal expression is mostly limited by the role of the host of the programme, particularly in the most formal style of programmes, political debates. In this type of programmes the contact strategy of politeness, which is typical for real-life communication between familiar partners and which involves address by name, is mostly used by programme guests participating in the role of experts.

KEY WORDS: nominative address, politeness strategy, spoken discourse, sociolinguistics

Лариса Каминская

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ул. Декабристов 30-30, 190000 Санкт-Петербург, Россия

Эл. почта: larkam@mail.ru

Научные интересы: фонетика, фонология, диалектология

АЛБАНСКИЙ ГОВОР С. ГЕОРГИЕВКА (УКРАИНА): К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Статья посвящена исследованию особенностей фонологической системы албанского говора с. Георгиевка, расположенного в Запорожской области Украины. В ней впервые рассматриваются специфические черты фонетической системы говора, представляющей собой сочетание архаичных явлений и инноваций, связанных как с внутренним развитием говора, так и с сильным интерферирующим влиянием русского и украинского языков. Автор подробно останавливается на анализе этих явлений. Исследование проведено на материале слухового анализа звукового материала, записанного на протяжении трех последних лет (2007 – 2009 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фонетика и фонология, албанская диалектология, интерференция звуковых систем

Языковая интерференция, представляющая собой процесс взаимодействия систем контактирующих языков, наиболее заметно проявляется на фонетическом уровне и ведет к перераспределению дистрибутивных отношений внутри системы языка. В данной связи языковая ситуация, сложившаяся в албанских селах, расположенных в Запорожской области Украины, представляет собой яркий пример проявления интерферирующих процессов на всех уровнях языковой системы, в том числе и на фонетическом.

Предметом нашего анализа являются особенности фонологической системы албанского говора с. Георгиевка, функционирующего на протяжении ряда столетий при мощном интерферирующем воздействии языков, находящихся в контакте.

Выбор в качестве объекта исследования фонологической системы говора этого села обусловлен следующими факторами:

1. Фонологическая система албанского говора с. Георгиевка до настоящего времени вообще не являлась объектом изучения;
2. Самые поздние описания фонетических характеристик албанских говоров Украины относятся к 50-м годам прошлого века и в них представлены лишь общие характеристики говоров (Котова 1956, с. 254 – 259).

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению звукового строя албанского говора, необходимо обратиться к истории появления албанских сел на территории современной Украины и к социолингвистической ситуации, определяющей в настоящее время функционирование говора.

Из истории появления албанских сел на территории Украины

Из четырех сел, населенных албанцами и находящихся на территории Республики Украина, три села расположены в Приазовском районе Запорожской области. Это село Георгиевка (бывшее название Тюшки), село Девнинское (бывший Таз) и Гаммовка (прежнее название Джандран).

В 1810 – 1811 гг. вместе с болгарскими переселенцами из с. Девни близ Варны албанцы перешли на территории Российской империи и основали с. Каракурт (ныне Жовтневое Болградского района Одесской области), а позже, в середине XIX века, часть жителей Каракурта переселилась в Приазовье, где ими были основаны три села: Гаммовка, Георгиевка и Девненское (Десницкая 1968, с. 374-375). На протяжении длительного времени население албанских сел оставалось почти полностью моноэтническим (за исключением

Гаммовки, где проживали и гагаузы): межэтнические браки не признавались и не приветствовались. Лишь после Второй мировой войны, вследствие существенных социальных, экономических и общественных изменений, все большую роль в укладе жизни начинал играть иноэтнический элемент: чисто албанских семей практически не осталось.

Начиная с конца 40-х – начала 50-х годов прошлого столетия процесс языковой интерференции усиливается, на что оказывают существенное влияние как экстралингвистические факторы (изменение социально-экономического уклада жизни, усиление влияния русского и украинского языков как языков государственных и языков, на которых происходит обучение в начальной и средней школах), так и собственно лингвистические: бесписьменная форма существования албанского говора, функционирование которого ограничивается бытовым повседневным общением среди представителей старшего поколения.

С языковым вопросом неразрывно связан вопрос этнической самоидентификации. К сожалению, точные данные о количестве албанцев, проживающих в Запорожской области Приазовья, отсутствуют. По данным, полученным в результате полевых исследований, проведенных в конце 90-х, в Георгиевке проживает 472 человека, в Девнинском 698, в Гаммовке 496 человек. В этническом отношении большинство составляют албанцы (Новик 1998).

Итак, албанский говор с. Георгиевка является бесписьменным, его функционирование ограничено кругом семьи и односельчан. Среди носителей говора преобладает двуязычие: наряду со своим диалектом жители с. Георгиевка владеют русским и украинским, либо только русским языком. В настоящее время количество жителей, говорящих на албанском говоре, составляет в Георгиевке несколько сотен человек.

Указанные исторические и социолингвистические факторы самым прямым образом обуславливают то состояние звукового строя говора, которое мы можем проследить в настоящее время в динамике.

Особенности звукового строя албанского говора с. Георгиевка

Говор с. Георгиевка принадлежит к островным диалектам, функционирующим в отрыве от материковых говоров и диалектов, начиная с 15 века, с начала «арнаутского» переселенческого движения албанцев из западной Македонии, центральной и юго-восточной Албании в центральные и восточные области Балканского полуострова (Шарапова 1990, с.114-124).

А. В. Десницкая относит говор албанцев Украины, обнаруживающий значительные инновации, к севернотоскскому диалектному типу в его архаичном состоянии. В качестве релевантного архаизма определяется сохранение сочетаний *kl'*, *gl'*, *l'k*, *l'g*, старого палатального *l'* в интервокальной позиции: *klumësht* «молоко», *gluhë* «язык», *ulk* «волк», *ndëlgon* «он слушает», *bile* «даже», *gole* «рот», а также устойчивое сохранение 'ë' /ə/ в неударных слогах.

К важнейшим инновациям А.В. Десницкая относит монофтонгизацию дифтонгов: *ua>u*, *ye>y*, *ie>i*: *gru* (<grua), *du* (<dua), *muj* (<muaj), *kry* (<krye), *dyr* (<dye), *pys* (<pyes), *dill* (<diell), *mill* (<miell), *vihër* (<vjehër), *dhitë* (<dhjetë), представляющую результат внутренней эволюции фонетической системы говора. Другой инновацией, связанной с влиянием иноязычного окружения, является субституция *h* вместо *f*: *hort* (*fort*) «сильно», *hurrë* (*furrë*) «печь». (Десницкая 1968, с. 375).

Таким образом, характерной особенностью албанских говоров Украины является сочетание реликтовых черт, имеющих консервативный характер и представляющих собой архаизмы, и инноваций, возникших как результат внутреннего развития системы говора в условиях активной языковой интерференции.

На протяжении ряда столетий говоры албанцев Украины развивались в бесписьменной форме при интерферирующем влиянии болгарского, гагаузского, украинского и русского языков.

Материал и методика исследования

Исследование звукового строя говора осуществляется на основе специально разработанной фонетической программы, в составлении которой учитывался предшествующий опыт по созданию соответствующих звуковых баз данных и Фонетического Фонда албанского языка (Каминская 1997, с. 12 – 15; 2001, с. 55 – 59, 2004, с. 203).

Программа составлена на основе полученных нами предварительных данных об особенностях функционирования фонологической системе говора и данных научных источников. Она позволяет подробно, шаг за шагом описать систему гласных и согласных фонем говора, их сочетаемость, дистрибуцию, особенности реализации, а также выявить те специфические черты, которые отличают исследуемый нами говор от других албанских говоров и от стандартного албанского языка соответственно.

Настоящая программа включает спонтанные тексты и изолированные слова, записанные в 2007 – 2009 годах в селе Георгиевка. Общий объем проанализированного звукового материала составляет 3,5 часа. Составленная и разработанная нами фонетическая программа была озвучена 4 информантами – носителями албанского говора села Георгиевка. Один из информантов мужчина 70 лет – Иван Филиппович Пиперко и три женщины 68 лет (Анна Кирилловна Бурлачко), 71 года Софья Ивановна Бурлачко, и Любовь Федоровна Даниленко (42 года). Для всех информантов говор является родным. Запись производилась непосредственно у информантов дома в режиме диалога (беседы) на цифровой диктофон.

Таким образом, записанный нами от информантов фонетический материал представляется репрезентативным и отражает максимально реальную языковую ситуацию в говоре.

Вокализм

Вокалическая система говора отличается от литературного албанского наличием самостоятельной фонемы центрального ряда верхнего подъема /i/, а также перераспределением дистрибутивных отношений внутри системы.

В говоре отмечена фонема верхнего подъема центрального ряда /i/, реализующуюся как в ударной, так и в безударной позициях и перцептивно совпадающую с «ы» в русском и украинском языках. В качестве самостоятельной фонемы этот звук отсутствует как в литературном албанском, так и в других говорах. Анализ материала показывает, что эта фонема развилась в говоре на месте этимологических –ë и –i.

В ударной позиции фонема /i/ реализуется в закрытых слогах в позиции, в которой в албанском представлена фонема /ɔ/: [kir:] ‘kërr’ ‘arë’ поле; [iʃtə] ‘është’ он есть, [zɪri] ‘zëri’ голос, [mis] ‘mës’ жеребенок.

Безударный аллофон этой фонемы реализуется в 1-м и 2-м предударных слогах на месте безударного аллофона [ə] в общеалбанском: [klɪhɪrʲə] ‘kahërlë’ ‘i merakosur’ печальный, озабоченный, [gɪlpərɪz] ‘gëlpërë’ угла, [hizʲə] ‘shpejt, shkathët’ быстро, проворно, ловко.

Этот же аллофон [i] реализуется в речи некоторых носителей говора после согласных /s/, /t/, /r:/. Т.е. после этих согласных возможна факультативная реализация [i] [i]: [r:i] и [r:i] сидит, [təʲtɪrə] и [təʲtɪrə] ‘të tirë’ пряжа, [nis] ‘nis’ отправляться и [asnɪ] ‘asnjë’ никто, [sɪnɪ] и [sɪnɪ] ‘sini’ стол, [sɪpər] ‘sipër’ сверху.

Звук [i] возникает как обязательный аллофон после дентального латерального сонанта /t/ в речи всех информантов: [ugʲi] ‘u gdhi’ рассвело, [hɪtɪz] ‘dhjetë’ десять, [hɪmbə] ‘dhëmbë’ зубы, [hɪndər] ‘dhëndër’ жених. В литературном албанском звук [i] представляет собой комбинаторный аллофон фонемы /i/ и встречается в позиции после согласного [t]: ulli [uʲi] олива, mulli [muʲi] мельница.

Полученные данные позволяют говорить о том, что процесс фонологизации гласного [i] представляет собой живое фонетическое явление, свидетелями которого мы

являемся в настоящее время. Очевидно, что появление этой фонемы в говоре, отсутствующей в материковых диалектах, связано с влиянием русско-украинского окружения.

Что касается остальных гласных фонем говора (/i/, /y/, /e/, /ə/, /u/, /o/, /a/), соответствующих вокалической системе албанского языка, то их дистрибуция имеет ряд особенностей. Отметим лишь некоторые из них.

Отличительной характеристикой реализации в говоре фонемы /ə/ является сохранение аллофона этой фонемы в позиции *абсолютного конца слова*, что не характерно для других албанских говоров и диалектов. Причем его более открытая реализация [э] по сравнению с основным аллофоном [ə] свидетельствует об устойчивой позиции этого аллофона в системе: [púnz] 'punë' *работа*, [ánz] 'anë' *сторона*, [tʃ'úpz] 'çupë' *девочка*, [mírz] 'mirë' *хорошо*, [júmz] 'gjumë' *сон*, [jéʃz] 'gjellë' *кушанье, блюдо*, [púlz] 'pulë' *курица*.

Материалы истории языка свидетельствуют о том, что реализация безударного [ə] в абсолютном конце слова была характерна для относительно ранних стадий истории языка (XVI–XVII вв.), что позволяет рассматривать данное явление в качестве архаичной, консервативной черты говора (Demiraj 1996, p. 85).

Особенностью говора является ограничение дистрибуции фонем /y/ и /e/, аллофоны которых не встречаются в позиции абсолютного начала слова. В данной позиции возможен переход /y/ > /i/ (делабиализация при сохранении ряда и подъема): [ind] 'yt' *твой*, [indyrgz] 'yndyrë' *жир* и переход /y/ > /u/ (изменение ряда гласного при сохранении подъема и лабиализации) с йотизацией: [júni] 'ynë' *наш*, [júlli] 'yll' *звезда*.

Фонема /e/ не может находиться в позиции абсолютного начала слова, где в случаях наличия этимологического е- происходит процесс йотизации [e] > [je]: [jérz] 'erë' *воздух*, [jert] 'erdhi' *он пришел*, [jémbər] 'emër' *имя*, [jérret] 'errët' *темный*.

В данных явлениях можно усмотреть результат внутреннего развития говора, происходящий, очевидно, под влиянием иноязычного окружения.

Отметим, что в других позициях фонемы /y/ и /e/ устойчиво реализуются в позициях, характерных для общеалбанского языка. Так, фонема /e/ встречается после всех типов согласных, не вызывая их смягчения: [mel] 'mel' *просо*, [vetʃ] 'veç' *кроме*, [vdes] 'vdes' *умираю*, [se] 'se' *почему*, [derθ] 'derdh' *разлил*, [sel] 'sel' *несу*, [mer] 'mer' *берешь*, [pésə] 'pesë' *пять*, [tetə] 'tetë' *восемь*, [zerdeli] 'zerdeli' *абрикос*.

Фонема /y/ также устойчиво реализуется, причем характеристики этого гласного практически совпадают с соответствующими характеристиками в литературном албанском, реализуясь после всех типов согласных: [dy] 'dy' *два*, [ngrýset] 'ngryset' *смеркается*, [sýtz] 'sytë' *глаза*, [cyʃ] 'qysh' *как*, [aty] 'aty' *там*, [atýre] 'atyre' *их*, [mbýtem] 'mbytem' *тону*, [tyrlý] 'i shumngjyrshëm' *разноцветный*, [θyn] 'thyn' *ломает*, [lyn] 'lyen' *он мажет*, [krýce] 'kryqe' *кресты*, [pasçyrgz] 'pasçyrgë' *зеркало*.

В качестве специфической черты говора, определяющей его внутреннее развитие, отмечено такое явление, как стяжение дифтонгов: 'ua > u' [grus] 'gruas' *женщине*, [dúrtz] 'duartë' *руки*, [kul] 'kuaj' *лошади*, 'ye > y' [dýrtz] 'dyertë' *двери*, 'ie > i' [difi] 'dielli' *солнце*.

Консонантизм

Не останавливаясь подробно на описании консонантной системы говора, отметим те особенности, которые, по всей вероятности, возникли непосредственно в говоре.

В частности, в говоре отмечается употребление фонемы /l/ в сочетаниях 'kl', 'gl', 'lk', что представляет собой архаичную, консервативную черту говора: klumësht 'qumësht' *молоко*, gluhë 'gjuhë' *язык*, ulk 'ujk' *волк*, а также в интервокальной позиции bile 'bijë' *дочь*, male 'majë' *вершина*, gole 'gojë' *рот*.

В качестве инноваций, определяющих особенности функционирования звуковой системы говора, следует выделить следующие явления: особенности функционирования интердентальных /θ/ и /ð/, звонкого фрикативного [ɣ] и билабиального сонанта [ɰ].

Определенный интерес представляет реализация в говоре фонем /θ/ и /ð/. Десницкая А. В., описывая албанские говоры и диалекты, говорила о сохранении интердентальных спирантов 'th', 'dh' или об их спорадической замене смычными 't', 'd' в говорах Украины (Десницкая 1968, с. 375).

Исследованный нами материал показал, что в говоре с. Георгиевка замены 'th', 'dh' смычными 't', 'd' не происходит. Фонема /θ/ 'th' реализуется регулярно во всех фонетических позициях (как и в стандартном албанском). Переход /θ/ > /t/ не зафиксирован: [θúnz] 'thynë' *бьют* – [θónz] '(kam) thënë' *сказал*, [θíkz] 'thikë' *нож*, [úθuʃ] 'uthull' *уксус*, [θótə] 'thotë' *говорит*, [θész] 'thesë' *мешок*, [təjíθtə] 'të gjithë' *все*, [báθz] 'bathë' *фасоль*

Вместе с тем, материалы говора позволяют говорить о неустойчивости фонемы /ð/ в его консонантной системе. Отмечены лишь единичные случаи реализации интердентального звонкого 'dh' /ð/: [dárðz] 'dardhë' *груша*, [dérðe] 'derdhe' *ты разлил*, [ðjámə] 'dhjamë' *жир*; а также переход 'z' > 'dh': mëzí > madhí 'едва, через силу'.

Однако регулярным для данного говора является переход интердентального спиранта в дентальный латеральный: 'dh' > 'll' (/ð/ > /l/).

Приведем следующие примеры: stafidhe [stafíðe] > stafille [stafíte] 'изюм', u gdhi [ugðí] > uglli [ugfí] 'рассвело', dhëmbë [ðəmb] > llëmbë [fímbz] 'зубы', dhëndër [ðóndər] > llëndër [fíndər] 'жених', dhanë [ðan] > llanë [fánz] 'дали', dhe [ðe] > lle [fe] 'земля', i lidhur [iliður] > i lilltur [ilíftur] 'привязанный', udhë [uð] > ullë [úfz] 'дорога', dhjetë [ðjet] > llitë [fítə] 'десять'.

Подобное смешение интердентального спиранта и дентального латерального 'dh-ll' [ð]~[f] отмечено Р.Исмайли (Ismajli 1987, р. 212-218) для некоторых северо-западных гегских говоров, контактирующих с сербскими говорами Черногории (Районы Ульчина, Тивара, Коплика). Это подтверждается и данными Диалектного атласа албанского языка, в котором на карте 25 отмечены случаи перехода [ð] > [f] на довольно обширной территории восточнее Подгорицы: [fomaʃ] < dhëmballë, [faʃ] < dhashë (Atlasi Dialektologjik 2007, р. 93).

Характерной чертой албанских говоров Приазовья является наличие звука [ɣ] – звонкого заднеязычного щелевого. Исследователи отмечали, что этот звук спорадически появляется в приазовских говорах, в тех же позициях, что и согласный [h] (Котова 1956, с. 273).

В реализации данного аллофона в албанских говорах Украины, по всей видимости, следует усматривать интерферирующее влияние южнорусских и украинских говоров. Отметим, что фонема /g/ в украинском очень ограничена в употреблении и встречается только в заимствованных словах: русскому /g/ и /g'/ в украинском этимологически соответствует /h/ (Интерференция 1987, с. 85).

В говоре с. Георгиевка представлены заднеязычные смычные фонемы /g/, /k/ и глухой щелевой заднеязычный /h/. Анализ материала показывает, что фонема /g/ может реализовываться во всех фонетических позициях со всеми типами гласных (за исключением абсолютного конца слова, где происходит чередование с соответствующим глухим - /lak/ 'lag' он намочил): [gru] 'gru' *женщина* – [gra] 'gra' *женщины*, [gílpórz] 'gílpërë' *игла*, [lúgæn] 'lugën' *ложку*, [lágæn] 'lagen' *мочат*, [ngryset] 'ngryset' *смеркается*, [ugfí] 'u gdhi' *рассвело*, [daʃgá] 'dallga' *волны*.

Фонема /h/ также представлена во всех фонетических позициях абсолютного начала слова, в интервокальной позиции, в позиции абсолютного конца и со всеми типами гласных.

Известно, что в стандартном албанском фонема /h/ является во всех фонетических позициях глухим ларингальным щелевым. Проанализированный нами фонетический материал говора с. Георгиевка показал следующее.

Регулярной является реализация данной фонемы в качестве глухого заднеязычного щелевого [x]: [un'a xáp] 'unë e hara' *я открыла*, [rex] 'reh' *он бьет*, [krex] 'kreh' *он причесывает*, [glúxɜ] 'gluhë' *язык*.

В интервокальной позиции происходит ослабление смычки, и данная фонема реализуется как ларингальный согласный [h], что соответствует нормам стандартного албанского: [ɲæhérɜ] 'ɲjë herë' *однажды*, [məsóhuni] 'mësohuni' *учитесь*.

Данная реализация sporadически встречается также и в позиции абсолютного начала слова перед гласным: [hajvána] 'hajvan' *скот, скотина*, [húndɜ] 'hundë' *нос*.

В то же время в говоре регулярно отмечается реализация звонкого заднеязычного щелевого [ɣ], соответствующего южнорусскому произношению перед гласными и в интервокальной позиции на месте глухого заднеязычного щелевого [h]:

[ɣúrɜ] 'neç' < furrë, [aɣúrem] 'atëhërë' *тогда*, [ɣuríqe] 'fole' *гнезда*, [zallaɣíten] 'flasin' *говорят*, [ɣúɟɜ] 'gushë' *шея*, [ɣitɟ] 'hiç' *ничего*, [ɣékur] 'hekur' *железо*.

Аргументом в пользу того, что звук [ɣ] проявляет тенденцию к фонологизации, является наличие минимальных пар, в которых звуки [ɣ] и [h] встречаются в идентичных фонетических условиях:

[ɣúrɜ] 'hurë' *печь* – [hérɜ] 'herë' *раз*.

Имеющиеся данные позволяют говорить о протекании процесса фонологизации этого звука и о его ограниченной дистрибуции – преимущественно в позиции абсолютного начала слова перед гласными и в интервокальной позиции.

Другой специфической чертой говора является наличие билабиального сонанта [ɰ]. Этот звук реализуется в интервокальной позиции и перед гласными в результате общего ослабления артикуляции на месте фрикативного [v]. Отметим, что в позиции перед согласным реализуется лабиодентальный фрикативный [v]: [vɫa] 'vëlla' *брат*.

Перед гласными и в интервокальной позиции реализуется билабиальный круглощелевой сонант [ɰ]: [ɰit] 'vit' *год*, [ɰent] 'vend' *место*, [nέɰo] 'neve' *нам*, [ɰáte] 'vete' *иду*, [píɰo] 'pive' *ты выпил*, [aɣíɰo] 'unë arrita' *я пришла*, unë a shaɰo 'unë e shava' *я обругала*.

В данном случае есть все основания трактовать билабиальный сонант [ɰ] в качестве позиционного аллофона фонемы /v/.

Итак, проведенное на основании слухового анализа исследование фонологической системы албанского говора с. Георгиевка позволило впервые выявить специфические черты этого говора. В частности, было определено, что говор, несмотря на длительное интерферирующее влияние русского и украинского языков, продолжает сохранять некоторые архаичные, консервативные черты как в консонантной (сохранение групп согласных *kl'*, *gl'*, интервокального *l'*), так и в вокалической системах (отсутствие редукции фонемы /ə/ в безударной позиции). Кроме того, говору присущи черты, полностью коррелирующие с соответствующими фонетическими характеристиками общеалбанского языка, – отсутствие редукции безударных гласных, сохранение фонемы /y/, отсутствие палатализации переднеязычных смычных перед гласными переднего ряда, сохранение среднеязычных смычных /c/ и /ɟ/. Наряду с вышеуказанными явлениями в говоре был обнаружен ряд инноваций, представляющих собой результат внутреннего развития говора (стяжение дифтонгов, появление билабиального [ɰ]), а также возникших в результате интерферирующего влияния русского и украинского языков. К ним относятся появление звонкого заднеязычного щелевого [ɣ] и фонологизация гласного [i].

- ДЕСНИЦКАЯ, А. В., 1968. Албанский язык и его диалекты. Ленинград: Наука, с. 374 – 376.
- ЖУГРА, А.; ШАРАПОВА, Л. В.; 1998. Говор албанцев Украины. *Взаимодействие языков и диалектов*. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, с.117 – 151.
- Интерференция звуковых систем*, 1987. Ленинград: издательство Ленинградского университета.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 1997. Фонетический фонд албанского языка как основа обучения. *Материалы 26 межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Секция фонетики. 11 – 14 марта 1997 года, Санкт-Петербург: издательство Филологического факультета СПбГУ, с. 12 – 15.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 1997. Методы экспериментально-фонетического анализа речи и некоторые проблемы фонологии албанского языка. *Материалы 26 межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Балканские чтения. 11 – 14 марта 1997 года. Санкт-Петербург: издательство Филологического факультета СПбГУ, с. 32 –36.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 2001. Фонетический Фонд албанского языка: настоящее и перспективы. *Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Выпуск 25. Секция фонетики. Санкт-Петербург: издательство Филологического факультета СПбГУ, с. 55 – 59.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 2004. Звуковые базы данных. *Анклавный язык в составе языкового союза (фонологический аспект)*. Семинар I : Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения – 2004. Материалы. (Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность»). Санкт-Петербург: издательство Филологического факультета СПбГУ, с. 203 – 205.
- КОТОВА, Н. В., 1956. Материалы по албанской диалектологии: албанские говоры Украины. *Ученые записки института славяноведения*. Москва: Наука, т. 13, с. 254 – 287.
- НОВИК А. А., 1998. Албанцы Украины. Запорожский район, Одесская область. *Полевые записки*. *Архив МАЭ РАН*. Санкт-Петербург: Наука, Фонд К-1, опись 2. № 1724.
- ШАРАПОВА, Л. В., 1990. Албаноязычные поселения Болгарии и Украины. *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона*. Часть I. Ленинград: Наука, с. 114 – 124.
- Atlasi Dialektologjik i Gjuhës Shqipe*, 2007. Vëllimi I. Akademia e shkencave e Shqipërisë. Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë. Universitë e Studi di Napoli L’Orientale. Dipartimento di Studi dell’Europa Orientale.
- DEMIRAJ, SH., 1996. *Fonologjia historike e gjuhës shqipe*. Tiranë: Toena.
- ISMAJLI, R., 1987. *Artikuj mbi gjuhën shqipe*. Prishtinë: Rilindja.

Larisa Kaminskaya

Saint-Petersburg State University, Russia

Research interests: phonetics, phonology, dialectology

THE ALBANIAN DIALECT OF GEORGIEVKA VILLAGE FROM THE POINT OF VIEW OF PHONETIC INTERFERENCE

Summary

The article deals with the study of peculiarities of phonological system of the Albanian dialect of Georgievka village situated in Zaporozje (The Ukraine). Specific features of phonetic system of the dialect are considered, constituting the combination of archaic phenomena and innovations connected with the development of the dialect itself and with strong interference of the Russian and Ukrainian languages. The author analyses these phenomena in detail. The study is based on the materials of auditory analysis of acoustic materials taken in 2007-2009.

KEY WORDS: phonetics and phonology, Albanian dialectology, interference of phonetic systems

Laura Kamandulytė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

K. Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva

Tel.: 8 37 327835

El. paštas: l.kamandulyte@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: gimtosios ir svetimiosios kalbos įsisavinimas, kalbos sutrikimai, psicholingvistika, tekstynų lingvistika

BŪDWARDŽIŲ DAŽNUMAS IR LEKŠINĖ ĮVAIROVĖ ANKSTYVOJOJE VAIKYSTĖJE

Straipsnyje siekiama aptarti būdvardžių dažnumo ir leksinės įvairovės kitimą kalbos įsisavinimo metu. Siekiant atskleisti būdvardžių gausėjimo raidą ir leksinę įvairovę, analizuojami keturių vaikų kalbos duomenys, sukaupti ilgalaikio stebėjimo metu (analizuotas laikotarpis apima aktyviausią kalbos įsisavinimo tarpsnį – nuo 1,5 iki 3 metų). Vaiko kalboje užfiksuotų būdvardžių leksinės įvairovės kitimas rodo, kad nors būdvardžiai vaikų kalboje reti, kalbos įsisavinimo procese išsiskiria vienas laikotarpis, kuriuo įsisavinama daug naujų leksinių vienetų. Būdvardžių vartojimo vaikų kalboje analizė atskleidė, kad šios kalbos dalies dažnumas ir leksinė įvairovė susijusi su vaiko kalbos raida – ankstyvajai ir vėlyvajai kalbos raidai būdingas gausnis būdvardžių žodynas ir dažnesnis šios kalbos dalies vartojimas nei tipiška raidai. Atlikus tyrimą, nustatyta, kad būdvardžių įvairovė gali būti susijusi ir su vaikų lytimi: netikėta, bet duomenys rodo, kad berniukų vartojami būdvardžiai įvairesni nei mergaičių kalboje, be to, abiejų berniukų kalbai būdingas spartesnis naujų būdvardžio leksemų įsisavinimas nei mergaičių kalbai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: būdvardis, kalbos įsisavinimas, leksinė įvairovė, tipiška / ankstyvoji / vėlyvoji kalbos raida.

Kalbos vienetų sistemos įsisavinimas yra sudėtingas ir dinamiškas procesas, prasidedantis nuo atskirų žodžių formų įsiminimo. Įvairūs tyrimai rodo, kad kalbos įsisavinimo metu vaikas per dieną gali įsiminti nuo 5 iki 10 naujų žodžių (Clark 1993; Woodward ir kt. 1997). Žodyno įvairovės tyrimai atskleidžia, kad didžioji šių žodžių dalis – komunikacinę ir kognityvinę funkciją atliekantys elementai (daiktavardžiai ir veiksmažodžiai) ir tik maža dalis – ypatybę rodantys žodžiai (Blackwell 2005, p. 536). Lietuvių kalbotyroje tyrimai, atskleidžiantys ypatybę žyminių žodžių, tarp jų ir būdvardžių, vartojimą vaikų kalboje, pradėti tik pastaraisiais metais, jie rodo, kad būdvardis – sunkiai įsisavinama ir nedidele leksine įvairove vaikų kalboje pasižyminti kalbos dalis, retai vartojama ne tik vaikų, bet ir vaikams skirtoje kalboje (Kamandulytė 2009).

Šio straipsnio tikslas – aptarti būdvardžių vartojimo dažnumą ir jų leksinės įvairovės kitimą kalbos įsisavinimo metu. Siekiant atskleisti būdvardžių gausėjimo raidą ir leksinę įvairovę, tiriami keturių vaikų kalbos duomenys (Rūtos, Monikos, Elvijaus, Teodoro), sukaupti ilgalaikio stebėjimo metu¹. Analizuotas laikotarpis apima maždaug vienerius kalbos raidos metus – aktyviausią gramatinės sistemos formavimosi laikotarpį: Rūtos duomenys – 1;7–2;5 laikotarpį, Monikos – 1;8–2;8 laikotarpį, Elvijaus – 1;7–2;6 laikotarpį, Teodoro 2;8–3;11 laikotarpį. Teodoro kalboje pirmosios gramatinės sistemos apraiškos pastebėtos vėliau nei kitų vaikų kalboje, todėl jo kalbos įrašai atlikti vėlesniu laikotarpiu. Remiantis duomenimis, rodančiais, kad Teodoras gramatinę sistemą įsisavina vėliau, jo kalbos raida laikoma vėlyvąja. Kito berniuko – Elvijaus – kalba pradėta

¹ Ilgalaikio stebėjimo metodo tikslas – sukaupti reprezentatyvų kalbos tyrimo šaltinį, ilgą laiką vienodais intervalais fiksuojant tiriamojo vaiko kalbą. Vaiko kalbos stebėjimas ir įrašinėjimas dažniausiai pradedamas pastebėjus pirmąsias gramatinės sistemos užuomazgas. Nefleksinių kalbų gramatinės sistemos įsisavinimo pradžia nustatyti tinkamiausias vidutinio pasakymo ilgio padidėjimo kriterijus (Zangl 1997), fleksinėms kalboms – skirtingų vieno žodžio formų pavartojimo kriterijus (Palmović 2005). Kalbos raidos fiksavimas baigiamas vaikui įsisavinus gramatinę sistemą (nors dar klystama išimčių atveju).

įrašinėti panašiu laikotarpiu kaip ir Rūtos bei Monikos (1;7), tačiau, priešingai nei to paties amžiaus mergaitės, šiuo metu berniukas jau vartojo dvižodžius pasakymus, buvo įsisavinęs įvairesnį žodyną. Remiantis tokiomis Elvijaus ir kitų vaikų kalbos skirtybėmis, šio berniuko kalbos raida laikoma ankstyvąja. Abiejų mergaičių kalbai būdinga tipiška raida. Į straipsnyje aprašomą tyrimą įtrauktas ankstyvosios, vėlyvosios ir tipiškos kalbos raidos duomenimis siekiama atskleisti universalias (daugumai vaikų būdingas) būdvardžių vartojimo ypatybes ir ypatybes, susijusias su kalbos raida.

Atlikta būdvardžių analizė parodė, kad ypatybę rodantys žodžiai vaikų vartojami labai retai: Rūtos kalboje būdvardžiai vidutiniškai sudaro 1,7 % visų žodžių, Monikos kalboje – 1,2 %, Elvijaus kalboje – 1,6 %, Teodoro kalboje – 1,7 %. Daugiausia būdvardžių pavartoja Rūta 2;3 laikotarpiu ir Teodoras 3;11 laikotarpiu – po 2,8 %. Monikos ir Elvijaus kalboje būdvardžiai dažniausiai vartojami 1;10 laikotarpiu – po 2,2 % (žr. 1 lentelę). Vaikams skirtoje suaugusiųjų kalboje būdvardžiai dažnesni – Rūtai skirtoje suaugusiųjų kalboje jie sudaro vidutiniškai 3,4 % visų žodžių, Monikai skirtoje kalboje – 2,5 %, Elvijui skirtoje kalboje – 2,2 %, Teodorui skirtoje kalboje – 3,1 % (žr. 1 lentelę). Šie duomenys rodo, kad vaikams skirtoje kalboje būdvardžiai vartojami panašiai kaip ir įprastoje spontaniškoje suaugusiųjų kalboje, šnekantis su suaugusiais pašnekovais (įprastoje spontaniškoje šnekoje – nuo 2 % iki 4 % visų žodžių; Kamandulytė ir kt. 2008). Svarbu tai, kad vaikams skirtoje kalboje būdvardžiai dažniausiai vartojami siekiant supažindinti vaikus su ypatybių pavadinimais, išmokyti jų. Todėl vaikai būdvardžius dažnai kartoja, bet retai juos vartoja savarankiškai.

1 lentelė. Būdvardžių vartojimo dažnumas tarp visų žodžių (procentais)²

	Amžius	1;7	1;8	1;9	1;10	1;11	2;0	2;1	2;2	2;3	2;4	2;5	2;6	2;7	2;8	Vid.
RŪT	VAI	0	0,3	1,3	2,4	1,7	2,3	2,1	1,4	2,8	2,2	1,8				1,7
	SUA	1,7	2,5	2,8	3,9	3,3	4,5	3,9	3,8	4,4	3,7	3,3				3,4
MON	VAI		0	0,8	2,2	1,5	0,9	1	1,6	0,9	0,3	1,6	1,5	1,7	1,7	1,2
	SUA		2,3	1,7	3,3	2,5	1,9	2,4	4,2	2	1,9	3	2,3	2,4	2,2	2,5
ELV	VAI	1,5	1,7	1,8	2,2	2	1,8	1,2	1,4	1,1	1,1		1,4			1,6
	SUA	2	2,4	1,7	2,2	2,4	3,1	2,7	1,8	1,8	1,9		2,5			2,2
	Amžius	2;8	2;9	2;10	2;11	3;0	3;1	3;2	3;3	3;6	3;7	3;8	3;9	3;10	3;11	Vid.
TEO	VAI	0,6	2,3	0,8	0,8	1,3	1,9	2,5	1,4	2,7	1,4	1,2	2,7	1,4	2,8	1,7
	SUA	4,1	4	2,1	2,7	3,3	2,6	4,5	3,2	1,9	3,7	2,9	4	3,2	1,2	3,1

Nors atliktas tyrimas atskleidė, kad visų vaikų kalboje būdvardžiai vartojami retai, pastebėta, kad tiriamųjų kalbos įrašuose užfiksuotų būdvardžių skaičius labai skiriasi. Tai aiškiai matyti iš 2 lentelės, kurioje nurodytas visų vaikų kalboje vartojamų būdvardžių ir skirtingų būdvardžio leksemų kiekis.

2 lentelė. Savarankiškai vartojamų būdvardžių leksinė įvairovė (skirtingos leksemos / visi būdvardžiai)

	1;7	1;8	1;9	1;10	1;11	2;0	2;1	2;2	2;3	2;4	2;5	2;6	2;7	2;8
RŪT	0/0	3/3	6/43	16/91	15/48	11/75	13/81	14/66	24/141	20/117	22/83			
	0	1	0,14	0,18	0,31	0,15	0,16	0,21	0,17	0,17	0,27			
MON		0/0	3/19	7/39	11/27	6/11	11/22	10/19	9/16	2/3	19/63	20/39	17/38	18/41
		0	0,16	0,18	0,41	0,55	0,5	0,53	0,56	0,67	0,3	0,51	0,45	0,44
ELV	7/23	12/31	15/47	15/58	15/45	25/65	18/29	13/33	17/37	22/37		18/29		
	0,3	0,39	0,32	0,26	0,33	0,39	0,62	0,39	0,46	0,59		0,62		
	2;8	2;9	2;10	2;11	3;0	3;1	3;2	3;3	3;6	3;7	3;8	3;9	3;10	3;11
TEO	5/9	6/27	6/13	4/8	12/24	14/26	21/53	13/24	15/24	3/5	15/30	23/51	16/22	9/13

² VAI – vaiko kalba; SUA – suaugusiųjų kalba, skirta vaikams; Vid. – vidurkis.

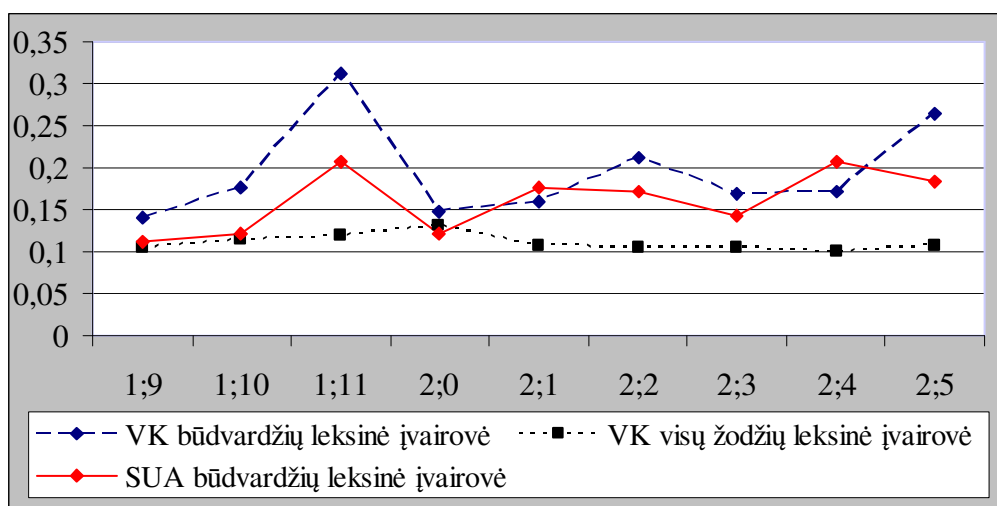
	0,56	0,22	0,46	0,5	0,5	0,54	0,4	0,54	0,63	0,6	0,5	0,45	0,73	0,69
--	------	------	------	-----	-----	------	-----	------	------	-----	-----	------	------	------

Rūtos kalboje vidutinis per mėnesį pavartotų būdvardžių skaičius – 75, o daugiausia būdvardžių užfiksuota 2;3 laikotarpiu – iš viso 141 būdvardis (24 skirtingos leksemos). Monikos kalboje daugiausia būdvardžių pavartota 2;5 laikotarpiu – 63 (19 leksemų), vidutinis per mėnesį pavartotų būdvardžių skaičius – 28. Elvijaus kalboje vidutinis per mėnesį pavartotų būdvardžių skaičius – 39, daugiausia būdvardžių užfiksuota 2;0 laikotarpiu – 65 (25 leksemos). Teodoro kalboje vidutinis per mėnesį pavartotų būdvardžių skaičius mažiausias iš visų vaikų – 24, o daugiausiai būdvardžių pavartota 3;2 laikotarpiu – 53 būdvardžių formos (21 leksema). Tačiau visų būdvardžio formų ar skirtingų leksemų pavartojimo dažnumas priklauso ne tik nuo vaiko polinkio vartoti būdvardžius ar nuo šios kalbos dalies įsisavinimo laipsnio – būdvardžių įvairovę gali lemti pokalbio trukmė ar pokalbio situacija. Todėl tikslesnis rodiklis, rodantis leksinę įvairovę, – skirtingų būdvardžio leksemų ir visų pavartotų būdvardžio formų santykis³ (vadinamas leksinės įvairovės / žodingumo rodikliu), kuris taip pat yra nurodytas 2 lentelėje. Tiesa, reikia atkreipti dėmesį į tai, kad labai dažnas būdvardžio vartojimas lemia mažą leksinės įvairovės rodiklį (pavyzdžiui, nors Rūtos kalboje 2;3 laikotarpiu pavartotos net 24 skirtingos būdvardžių leksemos, žodingumo rodiklis dėl labai dažnų būdvardžio formų (141) yra tik 0,17). Vadinasi, kuo ilgesnis pokalbis ir kuo daugiau kalbama ta pačia tema, tuo dažniau kartojami tie patys žodžiai. Vis dėlto leksinės įvairovės rodiklis aiškiai atspindi leksemų skaičiaus kitimą vaikų kalboje: kaip matyti iš 2 lentelės, įsisavinant gramatinę sistemą, būdvardžių leksinės įvairovės rodiklis didėja visų vaikų kalboje. Rūtos kalboje 1;9 laikotarpiu jis siekia 0,14 (1;8 laikotarpiu rodiklis – 1, bet šiuo metu mergaitės kalboje užfiksuoti tik trys būdvardžiai), o 2;5 laikotarpiu – 0,27. Monikos kalboje 1;9 laikotarpiu leksinės įvairovės rodiklis yra 0,16, o paskutinį tyrimo mėnesį (2;8) – 0,44. Elvijaus kalboje 1;7 laikotarpiu vartojama nemažai skirtingų būdvardžio leksemų, todėl leksinės įvairovės rodiklis yra didelis – 0,3 (rodiklis didesnis nei Monikos kalboje pirmaisiais tyrimo mėnesiais ar Rūtos kalboje įvairiais mėnesiais), tačiau 2;6 laikotarpiu jis siekia net 0,62. Teodoro kalboje leksinės įvairovės rodiklis kintantis, tačiau paskutiniais gramatinės sistemos įsisavinimo mėnesiais jis yra didesnis nei kitais laikotarpiais ir siekia 0,69 (3;11 laikotarpiu) bei 0,73 (3;10 laikotarpiu).

Leksinės įvairovės rodiklio kitimo analizė atskleidžia, kad paskutiniais tyrimo mėnesiais vaikų kalboje vartojama daugiau skirtingų būdvardžio leksemų nei gramatinės sistemos įsisavinimo pradžioje. Tačiau ne visų vaikų kalboje būdvardžių leksinės įvairovės rodiklis yra didžiausiais paskutinį tyrimo mėnesį. Palyginus Rūtos kalboje vartojamų būdvardžių leksinę įvairovę pirmuoju ir paskutiniu kalbos tyrimo mėnesiais, matyti, kad būdvardžių žodingumas žymiai padidėjo (žr. 1 paveikslą⁴), tačiau didžiausia leksinė įvairovė Rūtos kalboje nustatyta ne kalbos įsisavinimo pabaigoje, bet 1;11 laikotarpiu (0,31). Siekiant paaiškinti skirtingų būdvardžio leksemų gausą šiuo laikotarpiu, atsižvelgta į būdvardžių leksinės įvairovės rodiklį vaikui skirtoje kalboje ir visų vaiko kalbos žodžių (visų kalbos dalių) leksinės įvairovės rodiklį. Kaip matyti iš 1 paveikslėlio, leksinės įvairovės rodiklio padidėjimas Rūtos kalboje 1;11 laikotarpiu sutampa su skirtingų būdvardžio leksemų gausa vaikui skirtoje suaugusiųjų kalboje.

³ Pavyzdys: tekstą sudaro 100 būdvardžių, iš jų – 52 skirtingos leksemos, taigi santykis yra 52 : 100 arba 0,52.

⁴ Šiame ir kituose paveiksluose nenurodomi laikotarpiai, kuriais vaiko kalboje užfiksuota mažiau nei 10 savarankiškai pavartotų būdvardžio formų: Rūtos kalboje 1;8 laikotarpiu buvo pastebėti tik 3 būdvardžių pavartojimo atvejai, Monikos kalboje 2;4 – 3 pavartojimo atvejai, Teodoro kalboje 2;8 – 9, 2;11 – 8, 3;7 – 5 pavartojimo atvejai.

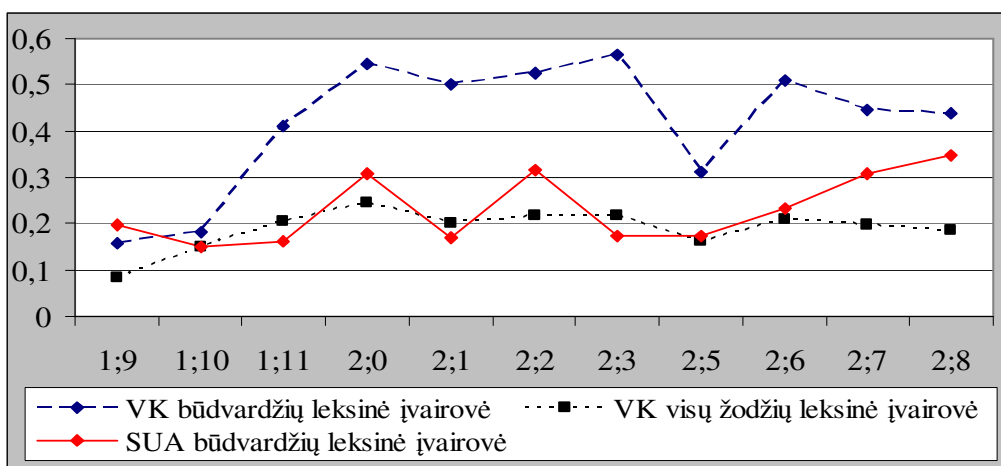
1 paveikslas. Būdvardžių ir visų žodžių leksinės įvairovės raida Rūtos kalboje (VK – vaiko kalba, SUA – suaugusiojo kalba, skirta vaikui)

Iš 1 paveiksle pateiktų duomenų aiškiai matyti, kad ir kitais laikotarpiais leksinė būdvardžių įvairovė Rūtos kalboje labai susijusi su vaikui skirtąja kalba. Galima pastebėti panašius vaiko ir vaikui skirtos kalbos raidos etapus: būdvardžių žodingumas šiek tiek padidėja 1;10 laikotarpiu, abiejose kalbos atmainose leksinės įvairovės rodiklis labai išauga 1;11 laikotarpiu, vėliau stabilizuojasi, o 2;1 laikotarpiu, suaugusiajam pradėjus vartoti įvairesnius būdvardžius, po mėnesio pastebimas įsisavintų būdvardžio leksemų pagausėjimas ir vaiko kalboje (2;2). Ta pati tendencija matoma ir toliau: 2;4 laikotarpiu padidėja suaugusiųjų vartojamų būdvardžių leksinės įvairovės rodiklis, o 2;5 laikotarpiu daugiau įvairių leksemų pradeda vartoti ir Rūta.

Rūtos kalboje taip pat nustatyta priklausomybė tarp būdvardžių leksinės įvairovės ir visų žodžių įvairovės augimo. Kaip matyti iš 1 paveikslo, visų žodžių įvairovė Rūtos kalboje didėja iki 2;0 laikotarpio, panaši tendencija pastebima ir būdvardžių atveju – jų įvairovė ypač gausėja iki 1;11 laikotarpio.

Išanalizavus duomenis, rodančius vartojamų būdvardžių leksinę įvairovę Monikos kalboje, nustatyta, kad didžiausias leksinės įvairovės rodiklis, kaip ir Rūtos atveju, užfiksuotas ne paskutiniame tyrimo mėnesiu, bet kitais laikotarpiais (2;0 laikotarpiu – 0,55, 2;3 laikotarpiu – 0,56, 2;6 laikotarpiu – 0,55, žr. 2 paveikslą).

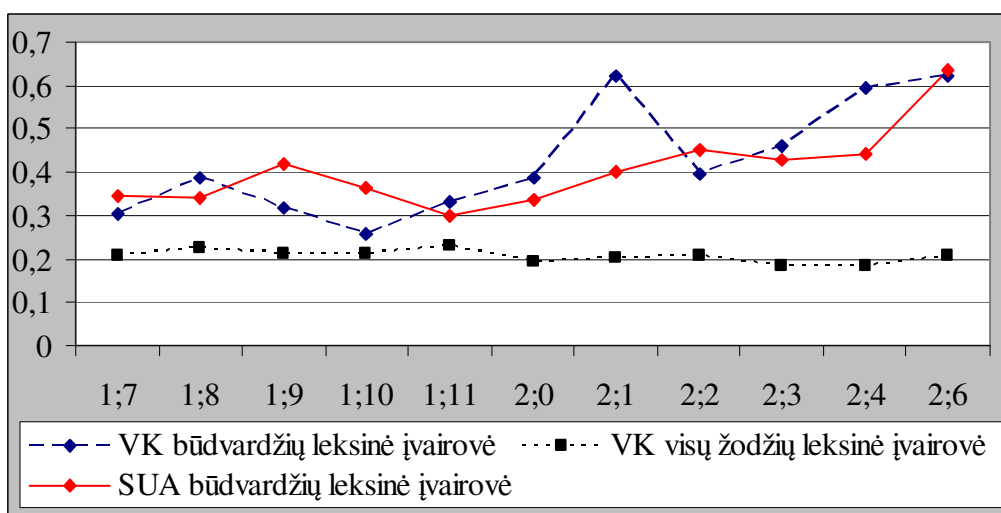
2 paveiksle pateikti duomenys taip pat atspindi palaiptų būdvardžių leksinės įvairovės didėjimą Monikos kalboje, trunkantį iki 2;3 laikotarpio. Kaip ir Rūtos atveju, galima pastebėti, kad Monikos kalboje būdvardžių leksinės įvairovės augimas būdingas laikotarpiams (2;0, 2;2, 2;6), kuriais padidėja suaugusiųjų vartojamų būdvardžių įvairovė. Leksinės įvairovės mažėjimas pastebimas būdvardžių įvairovei mažėjant suaugusiųjų kalboje (2;1 ir 2;5). Tiesa, reikia atkreipti dėmesį į tai, kad šie leksinės įvairovės mažėjimo etapai seka po pakilimo etapų, vadinasi, tam tikri kalbos įsisavinimo laikotarpiai gali būti labiau susiję su polinkiu kaupti žodyną. Tai patvirtina ir visų Monikos kalboje vartojamų žodžių leksinės įvairovės rodiklis (žr. 2 paveikslą) – 2;1 ir 2;5 laikotarpiu pastebimas visų žodžių leksinės įvairovės mažėjimas.

2 paveikslas. Būdvardžių ir visų žodžių leksinės įvairovės raida Monikos kalboje (VK –vaiko kalba, SUA – suaugusiųjų kalba, skirta vaikui)

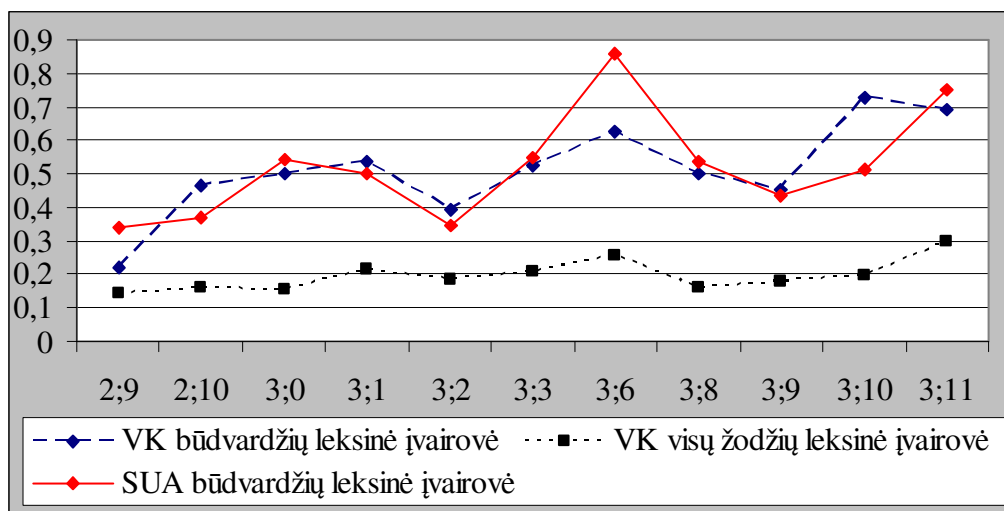
Elvijaus kalboje aiškiai pastebimas nuoseklus būdvardžių leksinės įvairovės rodiklio didėjimas (žr. 3 paveikslą). Berniuko kalboje leksinės įvairovės rodiklis aukščiausias (0,62) paskutinį analizuotą mėnesį ir 2;1 laikotarpiu (0,62). Iš 3 paveikslas išryškėja Elvijaus kalboje vartojamų būdvardžių leksinės įvairovės ryšys su būdvardžių įvairove vaikui skirtoje kalboje. Suaugusiųjų vartojamų būdvardžių leksinės įvairovės rodiklio mažėjimas 1;9–1;11 laikotarpiu lemia įvairovės mažėjimą ir vaiko kalboje. 1;11–2;1 laikotarpiu didėja vaiko ir suaugusiųjų kalboje vartojamų būdvardžių žodingumas, kuris vaiko kalboje aukščiausias 2;1 laikotarpiu. Nors 2;2 laikotarpiu Elvijaus vartojamų būdvardžių leksinės įvairovės rodiklis sumažėja, vėliau jis vėl padidėja kaip ir vaikui skirtoje kalboje.

Priešingai nei Rūtos ir Monikos atveju, Elvijaus kalboje nepastebima leksinės būdvardžių įvairovės priklausomybė nuo leksinės visų vartojamų žodžių įvairovės. Šis reiškinys gali būti nulemtas ankstyvos Elvijaus kalbos raidos. Nors iki analizuojamo 1;7 laikotarpio Elvijaus kalboje nepastebėta gramatinės sistemos užuomazgų, vaikas žinojo ir vartojo gausų žodyną tardamas pavienius žodžius. Tikriausiai viso vartojamo žodyno įvairovės gausėjimas buvo aktyvus būtent iki 1;7 laikotarpio. Tai patvirtina pirmojo analizuoto laikotarpio (1;8) duomenys, rodantys, kad Elvijus vienintelis iš keturių vaikų palyginti gausiai vartojo būdvardžius (7 leksemos, 23 pavartojimo atvejai, leksinės įvairovės rodiklis 0,3). Ypatybę rodantys žodžiai įsisavinami vėliau nei daiktavardžiai ar veiksmazodžiai, todėl tikėtina, kad jų leksinės įvairovės didėjimas Elvijaus kalboje pastebimas vėliau nei visų žodžių įvairovės – nuo 1;7.

3 paveikslas. Būdvardžių ir visų žodžių leksinės įvairovės raida Elvijaus kalboje (VK –vaiko kalba, SUA – suaugusiųjų kalba, skirta vaikui)

Nuoseklus leksinės įvairovės rodiklio didėjimas matomas ir Teodoro kalboje (žr. 4 paveikslą). Šio berniuko, kaip ir Elvijaus, kalboje leksinės įvairovės rodiklis aukščiausią lygį (0,73 ir 0,69) pasiekia paskutiniais analizuotais mėnesiais (3;10–3;11).

4 paveikslas. Būdvardžių ir visų žodžių leksinės įvairovės raida Teodoro kalboje (VK –vaiko kalba, SUA – suaugusiųjų kalba, skirta vaikui)

Kaip matyti 4 paveiksle, Teodoro vartojamų būdvardžių žodingumas glaudžiai susijęs su būdvardžių leksine įvairove suaugusiųjų kalboje – suaugusiajam vartojant įvairius būdvardžius, jų gausu ir vaiko kalboje (3;0, 3;6), o būdvardžių įvairovės mažėjimas vaikui skirtoje kalboje turi įtakos ir leksinės įvairovės mažėjimui Teodoro kalboje (3;2 ir 3;9). Paveiksle pateikti duomenys rodo, kad Teodoro kalboje vartojamų būdvardžių leksinė įvairovė susijusi ne tik su suaugusiųjų kalba, skirta vaikui, bet ir su visų vaiko vartojamų žodžių įvairove. Nors visų žodžių leksinės įvairovės didėjimas Teodoro kalboje tolygesnis nei būdvardžių žodingumo augimas, matyti, kad būdvardžio leksinės įvairovės rodiklis mažėja (3;2, 3;8) ir didėja (3;1, 3;6, 3;10) kartu su visų žodžių leksinės įvairovės rodikliu. Tai rodo, kad būtent analizuojamu laikotarpiu ne tik įsisavinamos būdvardžio leksemos, bet ir aktyviai gausinamas visas žodynas.

Skirtingų būdvardžio leksemų įsisavinimo raidą rodo ne tik leksinės įvairovės rodiklio kitimas, bet ir naujų būdvardžio leksemų kiekis įvairiais kalbos įsisavinimo laikotarpiais. 3 lentelėje matyti kiekvieno mėnesio įrašuose užfiksuotų naujų būdvardžio leksemų ir visų būdvardžio leksemų kiekis vaikų kalboje.

3 lentelė. Naujų leksemų ir visų leksemų kiekis vaikų kalboje

Leksemos / amžius	RŪT		MON		ELV		Leksemos / amžius	TEO	
	Naujos leksemos	Visos leksemos	Naujos leksemos	Visos leksemos	Naujos leksemos	Visos leksemos		Naujos leksemos	Visos leksemos
1;7	-				7	7	2;8	3	5
1;8	3	3	⁵		8	12	2;9	2	6
1;9	4	6	3	3	8	15	2;10	4	6
1;10	10	16	6	7	5	15	2;11	1	4
1;11	3	15	4	11	3	15	3;0	5	12
2;0	2	11	1	6	14	25	3;1	8	14
2;1	2	13	4	11	4	18	3;2	12	21
2;2	1	14	2	10	1	13	3;3	5	13
2;3	6	24	3	9	2	17	3;6	6	15

⁵ Brūkšnelis vartojamas žymint, kad tuo laikotarpiu savarankiškai pavartotų būdvardžių neužfiksuota, 0 – žymint, kad tarp savarankiškai pavartotų būdvardžių nėra naujų leksemų.

Leksemos / amžius	RŪT		MON		ELV		Leksemos / amžius	TEO	
	Naujos leksemos	Visos leksemos	Naujos leksemos	Visos leksemos	Naujos leksemos	Visos leksemos		Naujos leksemos	Visos leksemos
2;4	3	20	0	2	9	22	3;7	1	3
2;5	4	22	7	19			3;8	6	15
2;6			7	20	1	18	3;9	8	23
2;7			1	17			3;10	3	16
2;8			4	18			3;11	4	9
Iš viso skirtingų leksemų:									
	38		42		62			68	

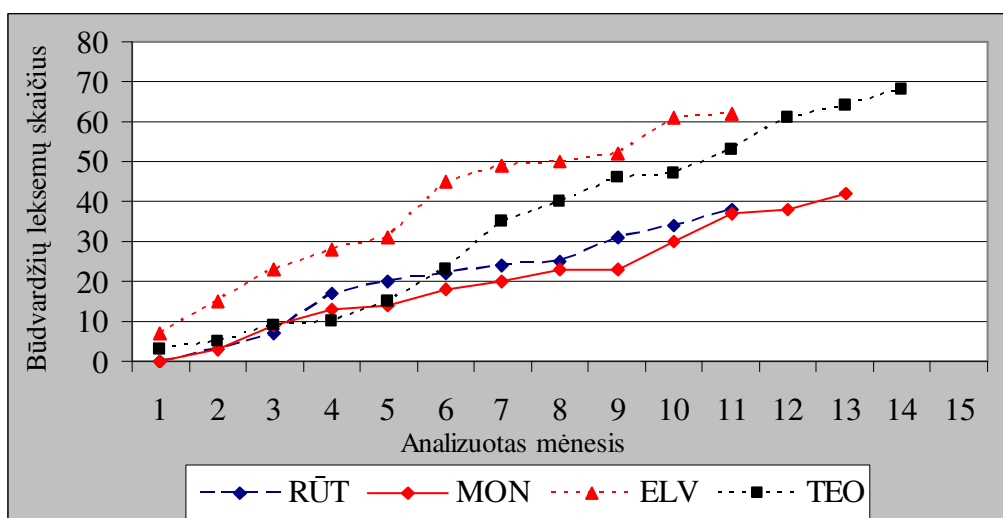
Būdvardžio leksemų kieki analizė rodo, kad visų vaikų kalboje kas mėnesį pavartojama po kelias naujas leksemas (žr. 3 lentelę). Rūtos, Elvijaus ir Teodoro kalboje išsiskiria vienas laikotarpis, kuriam būdingas naujų būdvardžio leksemų proveržis (Rūtos kalboje – 1;10, Elvijaus – 2;0, Teodoro – 3;2 laikotarpis).

Rūtos kalboje daugiausia naujų leksemų užfiksuota 1;10 laikotarpiu. Šiuo metu mergaitės kalboje vartojama daug būdvardžių (16 skirtingų leksemų), o naujų būdvardžių kiekis viršija net paskutinius mėnesius, kuriais užfiksuota daugiau nei 20 skirtingų būdvardžio leksemų. Palyginus Rūtos kalbą su kitų vaikų kalbos duomenimis, matyti, kad toks būdvardžio leksemų gausėjimas yra ankstyvas. Rūtos kalba pradėta tirti 1;7 laikotarpiu, tačiau pirmieji būdvardžiai pavartoti tik po mėnesio (1;8). Nepaisant to, naujų leksemų proveržis pastebimas jau 1;10 laikotarpiu. Elvijaus ir Teodoro kalboje būdvardžiai vartojami pirmaisiais kalbos tyrimo mėnesiais (Elvijaus – 1;7, Teodoro – 2;8), tačiau naujų leksemų proveržis pastebimas tik po kelių mėnesių – Elvijaus kalboje 2;0, Teodoro kalboje 3;2 laikotarpiu (žr. 3 lentelę). Vis dėlto, kaip matyti iš 3 lentelėje pateiktų duomenų, berniukai yra įsisavinę daugiau leksemų nei Rūta: Rūta – 38, Elvijus – 62, Teodoras – 68. Tokius leksemų įvairovės skirtumus galbūt būtų galima sieti su lyties skirtumais arba individualiomis vaikų kalbos ypatybėmis. Be to, svarbu paminėti, kad netipiška Elvijaus ir Teodoro kalbos raida (Elvijaus – ankstyvoji, Teodoro – vėlyvoji) gali taip pat lemti leksikos skirtumus tiriamųjų berniukų ir mergaičių kalboje.

Teodoro kalboje naujų būdvardžio leksemų proveržis pastebimas 3;2 laikotarpiu (12 naujų leksemų, žr. 3 lentelę), kai berniukas yra pakankamai gerai įsisavinęs kalbos sistemą, vartoja gausų žodyną. Šiuo metu Teodoro kalboje vartojama daugiausia būdvardžių per visą tiriamąjį laikotarpį (53 būdvardžio atvejai, 21 skirtinga leksema). 3;2 laikotarpį, kaip svarbų kalbos įsisavinimui, rodo ir padidėjęs vidutinis pasakymo ilgis.

Elvijaus kalboje daugiausia naujų būdvardžio leksemų pavartota 2;0 laikotarpiu (14 naujų leksemų, žr. 1 lentelę), vidutiniam pasakymo ilgiui padidėjus iki 2 žodžių, pradėjus taikyti gramatikos taisykles, plėsti žodyną. Tai patvirtina teiginį, kad vartojamų leksemų įvairovė yra susijusi keliažodžių pasakymų, žyminčių gramatikos įsisavinimą, vartojimu (Clark 1993: 25). Be to, Elvijaus kalboje 2;0 laikotarpiu vartojama daugiausia būdvardžių per visą tiriamąjį laikotarpį (65 būdvardžio atvejai, 25 skirtingos leksemos). Tiesa, šiuo atveju naujų būdvardžių leksemų proveržio negalima laikyti vėlyvu, kadangi jau 1;7–1;8 laikotarpiu vaikas savarankiškai vartoja net 7–8 skirtingas leksemas.

Priešingai nei kitų tiriamųjų vaikų atveju, Monikos kalboje naujų būdvardžio leksemų proveržio nepastebima. Šiek tiek daugiau naujų būdvardžių užfiksuota 1;10 (6 leksemos), 2;5 (7 leksemos) ir 2;6 (7 leksemos) laikotarpiais, tačiau skirtumas, palyginus su kitais mėnesiais, nėra žymus (žr. 3 lentelę). Iš viso Monikos kalboje pavartotos 42 skirtingos būdvardžio leksemos – panašiai kaip Rūtos kalboje, bet mažiau nei Teodoro ir Elvijaus kalboje. Taigi Monikos kalbos tyrimas taip pat patvirtina minėtus mergaičių ir berniukų kalbos skirtumus, kurie aiškiai išryškėja 5 paveiksle.

5 paveikslas. Būdvardžio leksemų įsisavinimas: kaupiamasis procentas

5 paveiksle pateikti kaupiamojo procento⁶ duomenys rodo, abiejų berniukų kalbai būdingas spartesnis naujų būdvardžio leksemų įsisavinimas nei mergaičių kalbai. Elvijaus kalba jau nuo pirmojo tirtą mėnesio būdvardžių įvairovė lenkia kitus vaikus, o Teodoro kalbai iki šešto analizuoto mėnesio būdingas panašus būdvardžių žodingumas kaip ir mergaičių kalbai, tačiau vėliau berniuko žodynas sparčiai gausėja. Mergaičių kalboje būdvardžių žodynas didėja pamažu, kiekvieną mėnesį įsisavinat po kelias naujas leksemas.

Iš 5 paveikslas taip pat matyti, kad įsisavintų būdvardžio leksemų skaičius yra didesnis nei mergaičių. Teodoro kalbos įrašuose užfiksuotos 68 būdvardžio leksemos, Elvijaus kalboje – 62 leksemos (žr. 5 paveikslą). Monikos kalboje per analizuotą laikotarpį pavartotos 42 leksemos, Rūtos kalboje – 38 leksemos. Svarbu paminėti, kad be galimų lyties skirtumų tokiam skirtingam būdvardžių pasiskirstymui mergaičių ir berniukų kalboje yra svarbūs individualūs veiksniai. Elvijaus atveju būdvardžio leksemų gausą gali lemti ir ankstyvas kalbos įsisavinimas: jau nuo pat pirmojo analizuoto mėnesio Elvijaus kalboje būdvardžio leksemų užfiksuota daugiau nei kitų vaikų kalboje (žr. 5 paveikslą). Teodoro kalboje būdvardžių leksemų skaičius iki šešto analizuoto mėnesio panašus kaip ir mergaičių kalboje, tačiau vėliau, vaikui pradėjus vartoti ilgesnius pasakymus, aktyvusis būdvardžių žodynas sparčiai didėja. Tai gali būti susiję su vėlyva kalbos raida – tiriamuoju laikotarpiu berniukas galėjo būti įsisavinęs gausų pasyvų žodyną.

Atliktas būdvardžių vartojimo tyrimas atskleidė, kad vaikų kalboje būdvardžiai vartojami retai, jų leksinė įvairovė didėja pamažu, naujos leksemos įsisavinamos tolygiai: kas mėnesį pavartojama po kelis naujus būdvardžius. Daugumos tiriamųjų vaikų (Rūtos, Elvijaus, Teodoro) kalbos raidai būdingas vienas laikotarpis, kuriuo įvyksta staigus leksikos proveržis – reiškinys, minimas ir kitų kalbų tyrimuose (Voeykova 2003).

Tyrimas patvirtino kitų kalbų duomenis, rodančius, kad leksikos proveržis gali būti susijęs su keliažodžių pasakymų gausėjimu vaikų kalboje (toks reiškinys užfiksuotas dviejų vaikų kalboje – Elvijaus ir Teodoro), o leksemų įvairovė – su lyties ir kitais individualiais skirtumais. Tyrimo metu nustatyta, kad tiriamųjų berniukų vartojami būdvardžiai įvairesni nei mergaičių, be to, abiejų berniukų kalbai būdingas spartesnis naujų būdvardžio leksemų įsisavinimas nei mergaičių kalbai.

Būdvardžių vartojimo vaikų kalboje analizė atskleidė, kad šios kalbos dalies dažnumas ir leksinė įvairovė susijusi su vaiko kalbos raida – ankstyvajai ir vėlyvajai kalbos raidai būdingas gausesnis būdvardžių žodynas ir dažnesnis šios kalbos dalies vartojimas nei tipiškai raidai. Jau gramatinės sistemos įsisavinimo pradžioje vaikas, kurio kalbos raida ankstyva, vartoja daugiau ir įvairesnių būdvardžių nei kiti vaikai. Vėlyvajai kalbos raidai būdingos panašios leksinės ypatybės

⁶ Kaupiamasis procentas – rodiklis, rodantis vienetų dažnumo didėjimą kiekvienu intervalu (skaičiuojamas prie pirmojo intervalo rodiklio pridėdant antrojo intervalo rodiklį, prie trečiojo – pridėdant pirmojo ir antrojo sumą ir t. t.).

kaip ir ankstyvajai raidai: būdvardžių žodynas yra gausesnis, leksinės semantinės grupės įvairesnės nei tipiškios raidos atveju, tačiau, priešingai nei ankstyvosios raidos kalboje, šios ypatybės išryškėja ne gramatinės sistemos formavimosi pradžioje, bet keliais mėnesiais vėliau. Ankstyvosios raidos atveju tai lemia vaiko gebėjimas sparčiai įsisavinti naujas leksemas, vėlyvosios – pasyviuoju būdu įsimintas žodynas, kuris pradedamas vartoti tik jį gerai įsisavinus.

Literatūra

- BLACKWELL, A. A., 2005. Acquiring the English adjective lexicon: relationships with input properties and adjectival semantic typology. *Journal of Child Language* 32, p. 535–562.
- CLARK, E. V., 1993. *The lexicon in Acquisition*. London: Cambridge University Press.
- KAMANDULYTĖ, L.; TUŠKEVIČIŪTĖ, M., 2008. Būdvardžio vartojimo skirtumai sakytinės kalbos registruose. *Darbai ir dienos* 50, Kaunas: VDU leidykla, p. 91–109.
- KAMANDULYTĖ, L., 2009. Lietuvių kalbos būdvardžio įsisavinimas: leksinės ir morfosintaksinės ypatybės. *Daktaro disertacija*. Kaunas: VDU leidykla.
- PALMOVIĆ, M., 2005. Semantičke makrouloge i sintaktika složenost: kako izmjeriti razvijenost djetetove sintakse? *Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku – HDPL*. Red. J. Granić, p. 561–568.
- WOODWARD, A. L.; MARKMAN, E. M.; 1997. Early word learning. *Handbook of child psychology 2: Cognition, perception and language*. Red. W. Damon, D. Kuhn & R. Siegler, p. 371–420. New York: John Wiley and Sons.
- ZANGL, R., 1997. Input selection and first patterns in early language development. *Studies in Pre- and Protomorphology*. Red. W. U. Dressler, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. p. 11–28
- BOEŪKOVA, M. Д., 2003. Типы и разновидности качественных отношений на ранних этапах речевого развития ребенка (анализ речи взрослого, обращенной к ребенку). *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность \ вариативность*, Санкт-Петербург: Наука. p. 206–235.

Laura Kamandulytė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: first and second language acquisition, language impairment, psycholinguistics, corpus linguistics

FREQUENCY AND VARIABILITY OF ADJECTIVES IN THE EARLY CHILDHOOD

Summary

This study investigates the frequency and variability of adjectives in the early childhood. Longitudinal observation method has been applied for the research: the data of four Lithuanian children have been analysed. The analysis of the acquisition of adjective revealed that adjectives are very rarely used in children's speech. Several new adjectives occur each month in children's speech, however vocabulary spurt is characteristic to a majority of the observed children. The analysis shows that type/token ratio of adjectives gradually increases during the period of language acquisition, and the increase is related to the increase of type/token ratio of all words and to the increase of type/token ratio of adjectives in child directed speech.

The comparative analysis has shown that the acquisition of adjective correlates with the individual language development and with the gender of a child. The data reveals, that the number of acquired adjectives is larger in boys' speech, rather than in girls'.

KEY WORDS: adjective, first language acquisition, lexical variability, typical/early/late language development

Ксения Карасёва

Белорусский государственный университет, Беларусь

ул. Академическая, 25, 220072 Минск, Беларусь

Тел. +375 17 284 00 14

Эл. почта: xiao_ying@rambler.ru

Научные интересы: китайское иероглифическое письмо, китайский язык

МЕТОДОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФА

В настоящей статье рассматривается проблема анализа семантической структуры китайского иероглифа. После краткого изложения основных концепций в данной области предлагается иной подход, который базируется на понимании знака, в частности иероглифического, как двухкомпонентной структуры, где один компонент определяет другой, а также на концептуальных основах комбинаторной семантики¹ и теории «семантических примитивов» А. Вежбицкой. В статье затрагиваются вопросы базовых структурных и семантических элементов китайского письма, а также соединения последних в соответствии с принципом двухкомпонентности при порождении нового знака. Автор также касается вопросов формирования модификатора и свертки двухкомпонентных структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *китайский иероглиф, базовый элемент, семантический примитив, двухкомпонентная единица, модификатор, актуализатор, свертка двухкомпонентной единицы*

На сегодняшний день существует достаточно большое количество литературы, касающейся графо-семантической структуры китайского иероглифа. В целом основные направления таких исследований уже сложились, и большинство ученых работают в рамках определенных школ и концепций. В настоящей статье после краткого их изложения мы предложим иной подход к анализу структуры китайского иероглифа.

Как известно, в китайской лингвистической традиции в области исследований структуры иероглифа доминирует учение о «шести категориях» («六书说»). В своем законченном виде оно предстало в работе поздниханьского ученого Сюй Шэня «Шовэнь цзецзы» (I в. н.э.). Суть учения описывается китайскими лингвистами следующим образом: ««Шесть категорий» знаков китайского письма – это шесть правил их образования, которые были выведены нашими предками путем анализа структуры китайского письма» (Лян Дунхань 1989, с.334). В результате были получены следующие виды знаков: изобразительные, указательные, идеограммы, фоноидеограммы, видоизмененные и заимствованные иероглифы. Учение Сюй Шэня не опиралось на какую-либо определенную теорию, и общий критерий деления знаков на группы также не был постулирован. Определения и примеры, данные Сюй Шэнем, были очень просты – определение каждой из категорий занимает восемь знаков, а примеров всего два. Это привело к значительным расхождениям в толкованиях последующих ученых, и на сегодняшний день единый взгляд на определение и содержание категорий отсутствует (Лян Дунхань 1989, с. 334).

Работа Сюй Шэня вплоть до конца феодального периода в Китае входила в состав конфуцианского наследия, и ее содержание на многие столетия определило характер исследований китайской письменности. Основная работа велась по расширению «Шовэнь» и включению в его систему описания новых иероглифов, его комментированию, уточнению определений и содержания шести категорий, уточнению семантики знаков, а также сбору

¹ Комбинаторная семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира, в отличие от философии, призванной изучать отношение модели мира к миру.

фактического материала. Помимо непрекаемого авторитета «Шовэнь» и учения о «шести категориях», формированию научного характера изучения письменности также препятствовало отсутствие достаточного количества образцов древних этапов развития письма – цзягувэнь и цзиньвэнь, пренебрежение к иероглифам ненормативного (обиходного) написания (俗体字) и ряд других причин.

Этап научного исследования письма связан с обнаружением и изучением древних надписей на панцирях черепа, костях животных и на бронзовых сосудах, а также с именами таких ученых как Ван Говэй, Го Можо, Дун Цзобинь, Тан Лань и др. Помимо вопросов, связанных с происхождением китайского письма и периодизацией различных этапов его развития, а также эволюцией иероглифических знаков, китайские ученые постепенно снова стали обращаться к проблеме семантической и графической структуры китайской письменности. «Шовэнь» был подвергнут критике и стали появляться новые классификации иероглифов.

Главной причиной критики являлось отсутствие четкого принципа анализа структуры иероглифа, основания выделения категорий и т.п. Первым объектом критики стали последние две категории, выделенные Сюй Шэнем, а именно видоизмененные и заимствованные иероглифы. Еще в эпоху династии Цин три известных комментатора «Шовэня» Дай Чжэнь, Дуань Юйцай и Ван Цзюнь пришли к выводу о необходимости размежевания изобразительной, указательной, идеографической и фоноидеографической как базовых категорий письменных знаков, а видоизмененной и заимствованной – как функциональных. Действительно, каждый из иероглифов, принадлежащий к одной из двух последних категорий, одновременно принадлежит к какой-либо из первых четырех².

Далее результатом развития общей тенденции пересмотра учения о «шести категориях» явилось создание китайским ученым Тан Ланем оригинального учения о «трех категориях» («三书说»). Ученый выделил три типа знаков: пиктограммы, идеограммы и фоноидеограммы. Компоненты триады находятся в жестких оппозиционных отношениях, и если знак принадлежит к одной категории, он не может одновременно принадлежать ни к одной из двух других. Говоря о классификации Тан Ланя, также можно констатировать разнородность ее основания, поскольку китайские иероглифические знаки могут содержать в себе разные по составу элементы триады (Готлиб 2007, с. 46).

Несмотря на отдельные недостатки, учение о «трех категориях», подобно учению Сюй Шэня, создало целое направление в области исследований китайского письма, в рамках которого создавались модифицированные трехчастные классификации. Наиболее известной и заслуживающей внимания является модель профессора Цю Сигуя. Ее достоинством является опора на разработанную теорию и наличие определенных критериев отнесения конкретного иероглифа в ту или иную категорию. Главный тезис – это зависимость характера иероглифа от характера знаков, которые он использует. Всего было выделено три типа знаков: смысловой знак, фонетический знак и символ. В соответствии с тем, из какого типа знаков состоит иероглиф, выделяются три категории китайских иероглифов: идеограммы, фоноидеограммы и заимствованные иероглифы. Каждая из групп делится в свою очередь на несколько подгрупп, которые отражают различные типы соединения базовых элементов китайского письма и их производных в составе иероглифа (裘锡贵, 1988).

Несмотря на разность подходов, китайские ученые, некоторые интуитивно, некоторые осознанно, при анализе структуры иероглифа опирались на характер связи означаемого со стереотипом – через оптический или акустический образ. Использование обоих типов связи в китайской письменности стало основой для создания профессором Ван Ли двухчастной модели, по поводу которой ученый говорил: «Прежде всего, необходимо

² Например, согласно словарю «Шовэнь» иероглиф 考 (kǎo) *покойный отец* является видоизмененным иероглифом, произошедшим от иероглифа 老 (lǎo) *старый*. В то же время иероглиф 考 является фоноидеограммой, состоящей из ключа 耂 (lǎo) *старый* и фонетика 丂 (kǎo).

признать, что видоизменение и заимствование не имеют отношения к формообразованию китайских иероглифов; во-вторых, знаки изобразительной, указательной, идеографической и фоноидеографической категорий можно классифицировать более рационально, а именно: один класс – это чистые идеограммы, никак не связанные с фонетическим компонентом (в него входят знаки изобразительной, указательной, идеографической категорий), другой класс – знаки, включающие в себя фонетический компонент – идеофонограммы» (Готлиб 2007, с.48). Несмотря на логичность данного подхода, необходимо отметить, что сам термин «фоноидеограмма» говорит об использовании как фонетического, так и идеографического принципа при создании знака, кроме того фонетический компонент зачастую служит для уточнения предметной области значения иероглифа, на которую указывает ключ³.

В советской синологии использовались как шестисоставные, так и трехсоставные модели. Среди современных российских исследователей особо нужно отметить монографию О. М. Готлиба «Основы грамматики китайской письменности» (Готлиб 2007). Настоящая работа интересна в плане использования современных грамматологических и семиотических теорий и разработки на их основе новой терминологической сетки. Ученый считает, что в основе всех классификаций китайских знаков лежит диада: семиотический характер знака и его связь со звучанием соответствующей языковой единицы. Поэтому О. М. Готлиб предлагает использовать однородное основание для классификации, т.е. чисто семиотическое. Таким основанием служит классическая для семиотики классификация знаков Ч. Пирса, где все знаки делятся на иконы, индексы и символы. В соответствии с ней О. М. Готлиб делит китайские иероглифы на пиктограммы (иконические знаки), идеограммы (индексальные знаки) и симвограммы (знаки-символы). При этом ученый считает, что «присутствие фонетической составляющей в рамках сложного письменного знака является...не системообразующим, но системонейтральным и необлигаторным фактором в процессе семиозиса» (Готлиб 2007, с. 51), поскольку фонетический компонент активно и последовательно участвует в формировании значения знака.

Таким образом, анализ китайского иероглифического письма и структуры составляющих его знаков подавляющим большинством ученых сводится к определению характера связи означаемого со стереотипом и соотношения оптической или фонетической связи в конкретном иероглифическом знаке.

В настоящей статье мы хотели бы сделать ряд дополнений и уточнений по поводу принципов создания иероглифических знаков и их отношений между собой и предложить иной подход к анализу китайского иероглифа, который базируется на понимании иероглифического знака как двухкомпонентной структуры, где один компонент определяет другой, а также на концептуальных основах комбинаторной семантики и теории «семантических примитивов» А. Вежбицкой.

Человек воспринимает окружающую действительность посредством органов чувств, в результате чего в интеллект поступает копия мира, в которой интеллект выделяет и кодирует повторяющиеся элементы, или стереотипы. Сравнивая стереотипы и выводя из одних стереотипов другие, интеллект выстраивает модель мира, которая представляет собой архитектуру стереотипов, т. е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие. Модель мира является скрытым знанием, часть которого декодируется с помощью языка, в результате чего формируется языковая картина мира.

Вследствие значительно большей мощности модели мира по сравнению с мощностью языка, а также ограниченными возможностями памяти человека не существует одно-однозначного соответствия языковых единиц явлениям окружающей действительности и значительной метафоричности естественного языка. Также необходимо отметить стихийный характер развития языка и влияние человеческого фактора на его внешние структуры. Несмотря на это при анализе языка в целом или его отдельных подсистем мы можем

³ Ключ (детерминатив) – часть иероглифа, которая определяет предметную область его значения.

вывести общие принципы работы интеллекта и обнаружить их в тех объектах, которые изучаем. В данном случае применительно к китайской иероглифике нас интересует способность интеллекта выделять и кодировать стереотипы и создавать новые стереотипы на основе уже имеющихся.

Известно, что китайская письменность в своей основе является понятийной, т.е. непосредственно кодирует стереотип через оптический. Далее общепринятым знанием является то, что в основе китайского письма лежит несколько сот простых знаков, из которых строятся все остальные сложные знаки китайского письма. В связи с этим, мы можем частично пронаблюдать работу интеллекта по выделению и соединению стереотипов (понятий). Нашей задачей является исследование данного процесса на материале китайской иероглифической письменности.

Что касается вопроса о примитивах китайского иероглифического письма, ранее в своей статье «Структурная и семантическая организация китайской письменности» мы показали неоднородность предлагаемых списков базовых элементов китайского письма как в структурном, так и в семантическом отношении, а также обосновали необходимость четкого разделения плана выражения и плана содержания знака и независимого анализа базовых структурных и базовых семантических элементов. Наиболее оптимальным списком базовых структурных элементов представляется список базовых графем⁴ Большого китайского словаря И. М. Ошанина, состоящий из пяти черт: — (горизонтальная черта), | (вертикальная черта),) (наклонная влево), \ (наклонная вправо), ˘ (точка).

Что же касается процесса поиска базовых семантических элементов, то он более сложен, нежели структурных в силу того, что выделение их не так однозначно. В свое время попытки формирования списка далее неразложимых семантических элементов, т.е. примитивов, и построения на их основе модели описания естественного языка предпринимались многими учеными⁵. Одним из наиболее масштабных и разработанных проектов является концепция «семантических примитивов» А. Вежбицкой. Целью исследований было «выделить возможно меньшую часть естественного языка и, в частности, определить тот минимальный список слов и выражений, который оказался бы достаточным для того, чтобы представить значения всех остальных слов и выражений» (Вежбицка 2001, с. 243). Входящие в данный минимальный список единицы автор и называет «семантическими примитивами». Последние обладают следующими характеристиками: это должны быть наиболее элементарные, не требующие толкования (и не могущие быть истолкованы удовлетворительным образом!), интуитивно понимаемые единицы. А. Вежбицка считает, что таких семантических примитивов не должно быть более двадцати.

Концепция А. Вежбицкой используется нами с той оговоркой, что мы занимаемся поиском базовых семантических элементов именно китайской письменности, а не языка в целом, поэтому характер исследования и результаты необходимо будут отличаться от проводимого А. Вежбицкой: особенности и количество семантических примитивов будет иным. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что китайская письменность является пиктографической в своей основе, поэтому к ней в наибольшей мере отражается приоритет геометрических образов модели мира над языковыми, поскольку человек в своей жизнедеятельности в основном полагается на зрение, это создает (Гордей 2007, с. 128). Китайское письмо в этом смысле представляет большой интерес, поскольку особенно на начальном этапе развития представляло собой частичное отображение закодированных повторяющихся элементов, выделяемых в копии мира, посредством графических образов. В связи с этим при анализе семантических примитивов мы можем пользоваться не просто лингвистической интуицией, как это делала А. Вежбицка, но и опираться непосредственно на графические образы.

⁴ Графема – это абстрактный оптический образ далее неразложимой черты.

⁵ Среди тех, кто касался данного вопроса в своих работах, можно называть Г. В. Лейбница, Х. Сёренсена, А. Вежбицкую, В. В. Мартынова и др.

Данное положение можно проиллюстрировать на примере семантического примитива «вместилище». Наиболее близким ключом, отражающим своей внешней формой данный примитив, является ключ 匚 (1). Данный знак имеет чтение kǎn и обозначает *яму, углубление* или даже *открытое вместилище* (!) (Резаненко 1984). Доказательством его статуса семантического примитива является его присутствие в качестве опорного семантического элемента во всех иероглифах, имеющих отношение к какому-либо типу емкости. Графическое сходство просматривается также во всех производных иероглифах. Например, иероглиф 臼(2) jìu *ступка* произошел непосредственно из знака 匚kǎn *яма, углубление*, поскольку изображал неглубокую яму, которая в древности использовалась в качестве своеобразной ступки для обдирания риса и т.п. Позднее для различения двух иероглифов, внутри ступки посредством нескольких небольших горизонтальных черт стали изображать шелуху оболочки риса. (Резаненко 1984) или опилки или куски камня от процесса изготовления ступки из дерева или камня (叶柏来 2005, с.152). В обоих случаях знак 臼 является структурно и семантически сложным: актуализатором является элемент 匚, или семантический примитив «вместилище», а модификатором – горизонтальные черты.

Ключ 匚 (3) fāng *ящик, контейнер* представляет собой изображение открытого вместилища, лежащего на боку или имеющего боковое отверстие (Резаненко 1984). Китайские лингвисты описывают данный иероглиф как «бамбуковая корзина, лежащая на боку» (叶柏来 2005, с.113; 左). Актуализатором является семантический примитив *вместилище*, а модификатором – его специфическое положение в пространстве.

Семантический примитив *вместилище* присутствует в качестве актуализатора в группе знаков (ключей), обозначающий разного рода сосуды. Это такие современные ключи как: 皿 *посуда*, 豆 *бобы*, 缶 *глиняный сосуд*, 酉 *10-ый циклический знак*.

Иероглиф 皿 (4) *посуда* представлял собой изображение сосуда на высокой ножке, или, другими словами, *вместилища*, у которого есть высокая ножка. Близкий к нему по форме знак 豆 (5) *бобы* в древности выглядел как сосуд с крышкой⁶, или без нее, и с некоторым содержимым внутри. Использовался для жертвоприношений. Ключ 酉 (6) *10-ый циклический знак* ранее являлся изображением сосуда для вина. Иероглиф 缶 (7) *глиняный сосуд* представляет собой изображение сосуда (вместилища) с крышкой, при этом тело сосуда внешней формой напоминает знак 匚 (!) (8).

Как видно, все вышеперечисленные сложные иероглифические знаки в основе своей имеют общий графический элемент 匚 и семантический примитив *вместилище*, а все остальные знаки формируются путем добавления дифференциальных признаков. Идея о том, что образование нового знака (или другими словами, процесс номинации) происходит путем создания двухкомпонентной единицы, была высказана польским лингвистом Яном Розвадовским (Rozwadowski 1960, с. 21-90). В структурном отношении данная единица представляет собой комплекс «определяемое (актуализатор) + определяющее (модификатор)». Такая двухкомпонентная единица возникает вследствие определенных социально-психологических причин. Поскольку, когда перед человеком возникает новая реалья в известной ситуации, он неизбежно противопоставляет ее старой реалии, обычно выступавшей в данной ситуации, и в соответствии с этим переносит на новую реалью название старой, осложняя ее модификатором, сформированным в предикатном ядре предложения, которое отображает данную ситуацию. Например, наблюдая, как газифицируется вода для создания прохладительного напитка, человек продолжает называть напиток вода, но к нему добавляет модификатор газированная (газированная вода): *вода газифицируется* (≡ *вода насыщается газом*) > *газифицируемая вода* > *газированная вода* > *газировка*. Из этих преобразований видно, что новая лексема формируется в предложении, в котором известная лексема, обозначающая известную реалью, включается в качестве субъекта в предложение,

⁶Е. Байлай считает, что верхняя черта является украшением и не несет смысловой нагрузки (叶柏来 2005, с. 107).

описывающее ситуацию известную, но необычную для данной реалии (Мартынов 1982, с. 132-133).

Использование принципа двухкомпонентности при номинации очевидно в подавляющем большинстве китайских логограмм, при этом часто на основе уже имеющихся двухкомпонентных структур создаются новые. Например, древний иероглиф 重 (9) *тяжелый* изображал человека, несущего на спине набитый вещами мешок, т.е. состоял из двух компонентов: человек (人) и мешок (東⁷). Позднее к данной логограмме был прибавлен ключ 艹 *трава*, в результате чего образовался новый двухкомпонентный знак 董 *наблюдать, следить*. К последнему в дальнейшем был прибавлен ключ 忄 *сердце* слева и был создан новый иероглиф 懂 *понимать*. Таким образом, выстраивается следующая цепочка: 人 + 東 → 重 + 艹 → 董 + 忄 → 懂.

Формирование модификатора в китайском письме происходит по нескольким схемам:

1. Участие одного индивида в производстве значения:
 - a. Изменение ракурса объекта, его зеркальное отображение, без изменения его формы. При этом актуализатором является сам объект в его изначальном положении, а модификатором – его новый ракурс. Изменение ракурса изменяет семантику знака. Подобный пример представляет собой пара иероглифов 止 (10) и 攵 (11), первый из которых, как было отмечено, является изображением направленной вверх ступни и имеет значения «уходить», а второй является ее зеркальным отображением по вертикали и имеет соответственно противоположное значение «приходить».
 - b. Изменение оболочки индивида без изменения ядра. При этом актуализатором является сам объект в его изначальном положении, а модификатором – его новое положение. Например, на базе семантического примитива человек 人 образовались такие семантически сложные знаки как 大 *большой*, 尸 *труп*, 夭 *умереть молодым*, 先 *отказываться* и др. Все вышеперечисленные знаки изображают человека, но в различных позах: первый является изображением человека с раскинутыми в стороны руками (12), второй – человека, лежащего на боку (13), третий – человека с опущенной головой (14), а четвертый – человека в коленопреклоненном положении с повернутой назад головой (15). Таким образом, актуализатором в данном случае будет семантический примитив *человек*, а модификатором – его специфическая поза.
 - c. Изменение оболочки индивида с изменением его ядра. Например, создание на основе семантического примитива «вместилище» таких иероглифов, как 皿 *посуда*, 豆 *бобы*, 缶 *глиняный сосуд*, 酉 *10-ый циклический знак* и др.
2. Участие нескольких индивидов в производстве значения:
 - a. Посредством реализации ядерной цепочки *субъект – акция – объект* (SAO). Например, иероглиф 丞 (16) *помощник* в эпоху цзягувэнь⁸ представляла собой изображение человека в яме и двух рук. В соответствии с ядерной цепочкой субъектом, или инициатором акции, является человек; инструментом⁹, или исполнителем акции – руки человека; локусом, или посредником акции – яма; объектом, или реципиентом – человек, находящийся в яме. Акция данной ситуации непосредственно не отображается, поскольку отобразить статичным знаком процесс невозможно, поэтому значение *спасать* будет скрытым компонентом, который выводиться с опорой на модель мира. В результате семантической конденсации формирование значения иероглифа происходит следующим образом: *человек*

⁷ Современное значение иероглифа 東 – *восток*.

⁸ Надписи на панцирях черепах и костях животных (甲骨文). Надписи были распространены в эпоху династии Шан (XVI – XI вв. до н.э.).

⁹ Каждый элемент ядерной цепочки *субъект – акция – объект* способен к мультипликации. Например, мультипликация субъекта дает субъект₂ или инструмент; мультипликация акции – акцию₂ или модальность; мультипликация объекта – объект или локус (Гордей 1998, с. 20-21).

помогает другому человеку выбраться из ямы → человек, помогающий другому человеку выбраться из ямы → помощник. В рамках графической структуры иероглифа такой свертки не происходит и модификатором является новая ситуация, в которой участвует индивид.

- b. Выделение ядерного или одного из периферийных значений уже имеющегося знака посредством добавления нового знака в качестве модификатора. Например, изначально существовал знак 取 *брать*, построенный по модели ядерной цепочки, к которому в последствии был добавлен знак 女 женщина, в результате чего образовался новый двухкомпонентный знак 娶 *жениться* (букв.: *брать в жены!*).

Созданная двухкомпонентная структура может подвергнуться процессу универбизации, в результате чего исчезает исходная двухкомпонентная структура и лексема остается без мотивации. Например, лексема *рубль* возникла из *рубленая гривна*, но подобную реконструкцию может сделать только этимолог. Двухкомпонентная структура слова также может быть затемнена, когда слово заимствовано, однако важно то, что она всегда присутствует.

Двухкомпонентность может присутствовать в трех видах: явном (*большая дорога*), свернутом (*большак*) и скрытом (*тракт*). В последнем случае двухкомпонентность устанавливается через метаязыковое определение (*тракт – большая дорога*).

Таким образом, как уже отмечалось выше, новая номинативная единица сохраняет интегральный признак старой, но получает новый маркирующий ее дифференциальный признак, в результате чего образуется семантическая микросистема, состоящая из одной немаркированной единицы и минимум одной маркированной по отношению к первой (Мартынов 1982, с. 130 - 134).

Свертка изначальной двухкомпонентной структуры также характерна для китайских иероглифических знаков, особенно для наиболее древних. Очень часто свертка происходит вследствие графических изменений знака: объединение элементов иероглифа, искажение их написания и т.п. Например, для создания логограммы 孕(17) *беременность* был заимствован знак 身 *тело*, внутрь которого было помещено изображение *ребенка* 子. Параллельно существовал иероглиф, у которого в элементе 身 отсутствовало изображение головы и ног. Именно на основе данного варианта написания иероглифа 孕 впоследствии знак 身 стали искаженно рисовать как элемент 乃 *являться, представлять собой*. Утверждение современной формы иероглифа произошло в эпоху кайшу¹⁰.

Свертка знака также происходит вследствие изменения компонентов иероглифа. Например, древний иероглиф 何 (hé) (18) представлял собой изображение человека, несущего на плече алебарду, поэтому ядерным значением его было *носить на плече*. В эпоху сяочжуань¹¹ знак *алебарда* был заменен знаком 可 (kě), который выполнял функцию фонетика. У иероглифа также развилось периферийное значение – он стал обозначать вопросительное слово *что, как, какой*. Вследствие этих изменений знак утратил свою внутреннюю форму и свернулся.

Наиболее интересна, на наш взгляд, ситуация, когда сворачивается один из компонентов ядерной цепочки. Наиболее характерным примером является изображение руки человека как инструмента акции вместо изображения самого субъекта акции, который восстанавливается с опорой на модель мира. Например, в вышеописанном иероглифе 丞 помощник. Примером подобной свертки также может служить логограмма 采 (19), которая первоначально представляла собой изображение знака □ *коготь* сверху и 果 *плод* снизу,

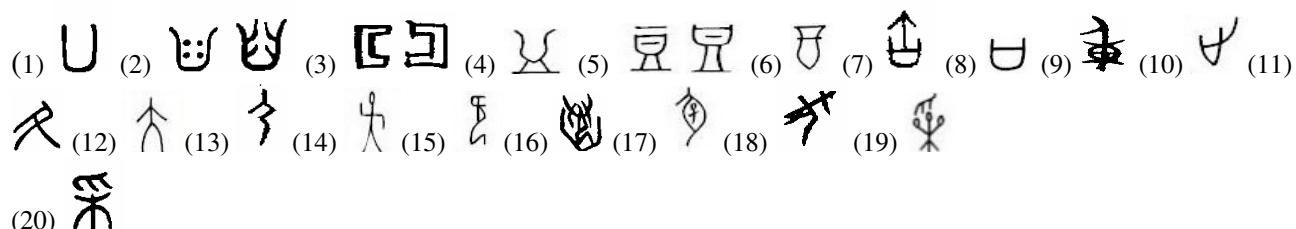
¹⁰ Образцовое письмо (楷 *). Зародилось в эпоху династии Восточная Хань (25-220 гг.) и берет начало от почерка лишу. Оформилось в эпоху династий Вэй и Цзинь (III-IV вв. н.э.). Письмо кайшу господствует в иероглифике в настоящее время.

¹¹ Стиль “малых печатей” (小篆) был введен в 218 г. до н.э. при императоре Циньшихуане для унификации почерков в Поднебесной.

которые давали значение иероглифа *собирать*. В эпоху цзиньвень¹² элемент 果 был заменен знаком 木 *дерево*, в результате чего образовался современный иероглиф 采 (20). Как видно, в данном случае опущен субъект (человек), объект (плод) и акция.

Таким образом, анализ китайских иероглифических знаков показывает регулярность использования двухкомпонентных структур при создании нового знака. При этом сам подход позволяет продемонстрировать общность принципов работы интеллекта и процессов номинации в языках, использующих разные системы письма.

Приложение:

Литература

- ВЕЖБИЦКА, А., 2001. Семиотика: Антология. Из книги «Семантические примитивы» (сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова). Москва: лит.-изд. агентство «Акад. Проект»; Екатеринбург: Деловая кн., 701 [1] с.
- ГОРДЕЙ, А. Н., 1998. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск: Белгосуниверситет, 156 с.
- ГОРДЕЙ, А. Н., 2007. Семантика метасемантики. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». Том 20 (59), № 1. Симферополь: ТНУ, с. 126-133.
- ГОТЛИБ, О. М., 2007. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 284, [4] с.
- ЛЯН ДУНХАНЬ, 1989. Новое в зарубежной лингвистике. Структура китайской письменности. Вып. XXI. Москва: Прогресс, с. 334-362.
- МАРТЫНОВ, В. В. 1982. Категории языка. Москва: Наука, с. 130-140.
- РЕЗАНЕНКО, В. Ф. 1985. Семантическая структура иероглифической письменности (базовые структурные элементы). Киев: Киевский гос. ун-т, 131 с.
- ROZWADOWSKI, J. 1960. Wybór pism. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. T.3. Warszawa, с. 21- 90.
- 叶柏来, 2005. 说文解字. 广州: 华南理工大学出版社, 372 页.
- 许慎撰, 2003. 说文解字: 新版. 上海: 上海教育出版社, 413 页.
- 唐兰, 2001. 中国文字学. 上海: 上海古籍出版社, 166页.
- 裘锡贵, 1988. 文字学概要. 北京: 商务印书馆出版, 343页.

Kseniya Karasjova

Belarusian State University

Research interests: Chinese hieroglyphic script, the Chinese language

METHODOLOGY OF THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE CHINESE HIEROGLYPH

Summary

The article deals with the problem of analysis of the semantic structure of the Chinese hieroglyph. After brief research on the most basic conceptions of the relevant theme the author suggests a new approach that is based on the theoretical basis of combinatorial linguistics and the theories of the “semantic primitives” by Anna Wierzbicka and bi-element structure of a sign by Jan Rozwadowski. The article also deals with the problem of basic graphic and basic semantic elements of the Chinese hieroglyphic script and the connection of the latter in accordance with the principle and bi-element in the generation of a new sign. The author also examines the formation of a modifier and the compression of bi-element structures.

KEY WORDS: Chinese character, basic element, semantic primitive, bi-element structure, modifier, actualizator, bi-element structure’s compression

¹² Надписи на бронзовых колоколах и ритуальных сосудах (鼎文). Появились в конце династии Шан (XVI – XI вв. до н.э.) и существовали вплоть до периода Воюющих царств (475-221 гг. до н.э.). Наибольший расцвет получили в эпоху династии Западная Чжоу (XI – VIII вв. до н.э.).

Lidija Kaukėnienė

Vilniaus universitetas, Lietuva

Muitinės g. 8, 44280 Kaunas, Lietuva

Tel. 8-37-422604

El. paštas: kaukeniene31@gmail.com

Moksliniai interesai: fonologija, fonetika, lietuvių kalba

DABARTINĖS LIETUVIŲ BENDRINĖS KALBOS DVEJOPOS KILMĖS ŽEMUTINIŲ BALSŲ [a,], [e,] TYRIMAS

Lietuvių bendrinės kalbos ilgieji balsiai [a,], [e,] yra dvejopos kilmės: denazalizuoti [a,], [e,] < *-an-, *-en- ir kirčiuotoje pozicijoje pailgėję [a,], [e,] < -à-, -è-. Ne kartą teigta, kad istorinio ir padėtinio ilgumo balsiai esą tariami vienodai, t. y. beveik nesiskiria nei kiekybinės, nei kokybinės jų charakteristikos.

Tarmių naujausi eksperimentiniai bei audiciniai tyrimai rodo, kad nosinės kilmės ir dėl kirčio pailgėję žemutiniai balsiai tariami nevienodai.

Straipsnyje aptariami lietuvių bendrinės kalbos žemutinių istorinio ir pozicinio ilgumo balsių [a,], [e,] kokybiniai ir kiekybiniai požymiai. Pagrindinis straipsnio tikslas – pasitelkiant naujausius eksperimentinio tyrimo ir statistinius metodus iširti ir aprašyti skirtingos kilmės dabartinės lietuvių bendrinės kalbos žemutinių [a,], [e,] kiekybę ir spektrus.

Tyrimo rezultatų analizė rodo, kad bendrinėje lietuvių kalboje istorinio ilgumo balsiai tik truputį žemesnio tembro, aukštesnio pakilimo bei užpakalesnės artikuliacijos negu pozicinio ilgumo. Tačiau toks skirtumas kalboje nėra reikšmingas, todėl teigtina, kad lietuvių bendrinėje kalboje istorinio ir pozicinio ilgumo balsių kokybė esti *v i e n o d a*.

Kiekybės tyrimų rezultatai rodo, kad nosiniai ir dėl kirčio pailgėję balsiai [a,], [e,] nedaug tesiskiria. Nosinės kilmės balsiai kai kuriose pozicijose šiek tiek ilgesni, tačiau skirtumas nėra statistiškai reikšmingas.

Kadangi tiriamųjų balsių reikšmingai nesiskiria nei kiekybinės, nei kokybinės charakteristikos, daroma išvada, kad dabartinėje bendrinėje lietuvių kalboje tarp žemutinių istorinio ir padėtinio ilgumo balsių [a,], [e,] nėra nei reikšmingų kokybinių, nei kiekybinių skirtumų.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: dvejopos kilmės žemutiniai ilgieji balsiai, kiekybinės ir kokybinės charakteristikos.

[vadinės pastabos. Lietuvių bendrinės kalbos ilgieji balsiai [a,], [e,] yra dvejopos kilmės: denazalizuoti [a,], [e,] < *-an-, *-en- ir kirčiuotoje pozicijoje pailgėję [a,], [e,] < *-à-, *-è-. Ne viename darbe teigta (Vaitkevičiūtė 1960, p. 207, 217; 1961, p. 31, 37; Mikalauskaitė 1975, p. 17; Pakerys 2003, p. 28), kad istorinio ir padėtinio ilgumo balsiai esą tariami vienodai, t. y. beveik nesiskiria nei kiekybinės, nei kokybinės jų charakteristikos. Pasak E. Mikalauskaitės (1975 p. 16–17), žodžiai *rastą* ir *rašą* tarimu vienas nuo kito niekuo nesiskiria, vadinasi, dabartinėje kalboje padėtinis balsių [a,], [e,] ilgumas yra sutapęs su istoriniu, todėl šie balsiai yra viena fonema.

Tarmių naujausi eksperimentiniai bei audiciniai tyrimai rodo, kad nosinės kilmės ir dėl kirčio pailgėję žemutiniai balsiai tariami nevienodai. Įrodyta (Kazlauskienė 1996; Bacevičiūtė 2001, p. 128–133), kad kalbamųjų balsių kiekybinės opozicijos vakarų aukštaičių šnektose (pvz., Igliaukos, Lukšių, Pašušvio) tikrai egzistuoja, esama ir kokybės skirtumų (Bacevičiūtė 2001, p. 132–133; Kazlauskaitė 2002, p. 159, 162). Panašūs rezultatai gauti palyginus ir Prienų šnektos prigimtinio ir pozicinio ilgumo žemutinius balsius (Jaroslaviene 2006a, p.15–22; 2006b, p. 245–264). Straipsnio autorė teigia, kad bendrinei kalbai artima pietinių vakarų aukštaičių Prienų šnektą turi dvejopus žemutinius netrumpuosius balsius, nes neabejotinai skiriasi tirtųjų balsių kiekybė, esama ir kokybinių skirtumų. Itin aiškios šioje tarmėje prigimtinio ir pozicinio ilgumo

balsių kiekybinės opozicijos: pozicinio ilgumo balsiai yra trumpesni už atitinkamus istorinio ilgumo balsius santykiu 1 : 1,29.

Kita vertus, pusilgių ir ilgųjų balsių [a,], [e,] opozicija esti turbūt visose tarmėse (Girdenis 2000, p. 349), ne tik vakarų aukštaičių šnektose (Girdenis 2000, p. 349; 2003, p. 194; 2005, p. 45–55). Pusilgiai balsiai visose tarmėse yra mažiau įtempti ir trumpesni už tos pačios tarmės ilguosius balsius, šių balsių intensyvumas ir pagrindinio tono kreivės taip pat nevienodos (Kazlauskaitė 2002 p. 159, 162; Bacevičiūtė 2001, p. 133). Kadangi kirčiuotame kamiene kontrastuoja trijų ilgumų žemutinio pakilimo balsiai, daroma išvada, kad tarmė turi trijų ilgumų žemutinio pakilimo balsines fonemas (žr. ten pat).

Darbo tikslas ir objektas. Straipsnyje aptariami lietuvių bendrinės kalbos žemutinių istorinio ir pozicinio ilgumo balsių [a,], [e,] kokybiniai ir kiekybiniai požymiai. Pagrindinis straipsnio **tikslas** – pasitelkiant eksperimentinio tyrimo ir statistinius metodus iširti ir aprašyti skirtingos kilmės dabartinės lietuvių bendrinės kalbos žemutinių [a,], [e,] kiekybę ir spektrus. Tyrimo **objektas** – dabartinės lietuvių bendrinės kalbos dvejopos kilmės žemutiniai balsiai.

Tyrimo medžiaga ir metodika. Eksperimentiniam ir statistiniam tyrimui žodžius su tiriamaisiais garsais įkalbėjo du lietuvių aktoriai¹ profesionalai. Eksperimentui naudoti tik žemo tembro vyrų balsai, nes klausantis jie lengviau suvokiami ir skiriami (Girdenis 2003, p. 62, išn. 15). Eksperimentinė medžiaga įrašyta 2001 m. balandžio mėn. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto Eksperimentinės fonetikos laboratorijoje.

Žodžiai įskaityti tiesiai į kompiuterį – kitaip sakant, naudotasi tiesioginio skaitymo metodu, nes eksperimentai, atlikti su magnetofono įrašais, daugiau ar mažiau iškraipo tekstą (Букантис 1983, p. 15, išn. 2).

Tyrimas atliktas Amsterdamo universiteto mokslininkų P. Boersmos ir D. Weeninko kompiuterine garsų apdorojimo ir analizės programa PRAAT 4.0.11 ir naujesne jos versija PRAAT 4.1.14. Programa dirbti labai patogu, nes ji pateikia tiriamųjų kalbos segmentų oscilogramas ir spektrogramas, leidžia garsą paklausti inversiškai, pailginti ir sutrumpinti. Be to, programa suskaičiuoja garsų trukmę, parodo balsių formančių dinamiką laiko atžvilgiu, reikšmių vidurkius ir t. t.

Eksperimentiniam tyrimui pasirinktos žodžių poros su tiriamaisiais balsiais: *patr<e,>ðæ,s* „patrėšęs“ : *patr<e,>ðæ,s* „patrėšęs“, *patr<æ,>šus* „patrėšus“ : *patr<æ,>šus* „patrėšus“, *š<a,>štanti* „šąštanti“ : *š<a,>šusi* „šašusi“, *š<a,>lanti* „šalanti“ : *k<a,>lanti* „kalanti“. Su šiais žodžiais sudaryti trumpi žodžių junginiai, kad rūpimas žodis būtų junginio pradžioje ir informantas skaitytų pabrėždamas, nenuleisdamas balso (užrašyti žodžių junginiai atrodė maždaug taip: *patrėšęs žolę, patrėšęs medis, patrėšus žolę, patrėšus obelis* ir pan.). Kiekvienas žodžių junginys skaitytas po 5 kartus. Pirmiausia iškirpti tiriamieji segmenatai, išmatuota trukmė (ms) ir formančių reikšmės². Brėžiniams braižyti minėtų balsių spektras buvo matuojamas trijose vietose: garso pradžioje, viduryje ir pabaigoje.

Garsų trukmė ir formančių reikšmės įvertintos A. Girdenio sukurta programa STUDENT.PAS. Šia programa apskaičiuotas aritmetinis trukmės (ms) ir formančių vidurkis (Hz), standartinis nuokrypis (*s*), variacijos koeficientas (*v*) ir 95% pasikliaujamasis intervalas. Studento kriterijaus reikšmė (*t*) palyginta su kritine reikšme (*t_α*). A. Girdenio programa FORMANT2.PAS, sukurta pagal R. Piotrovskio (Пiotровский 1960) metodiką, buvo įvertinti tokie formančių reikšmių kokybiniai parametrai: kompaktiškumas (*C*), bemoliškumas (*b*), tonalumas (*T*) ir įtempimas (*it*).

¹ Aktoriai pasirinkti todėl, kad jų kalba pakankamai kultivuota, be to, mažesnė tikimybė, kad bus daug variacijų ir nukrypimų nuo normos.

² Trukmė apvalinta 1 ms tikslumu, o formačių reikšmės – 10 Hz tikslumu. Straipsnyje analizuojamos tik pirmųjų dviejų formančių reikšmės, nes šios formantės lemia fonemų diferencinius požymius. Aukštosios formantės, ypač trečioji (*F₃*), svarbesnės tik priešakiniam balsiams – šiaip dažniausiai jos atspindi ekspresyvią informaciją bei individualias diktoriaus balso ypatybes (Rosner, Pickering 1994, p. 174; Ladefoged 2001, p. 101; Girdenis 2003, p. 221–222).

Tyrimo rezultatai. Pirmiausia analizuotos minėtų balsių **kokybinės charakteristikos**. Rezultatai pateikiami 1 lent.

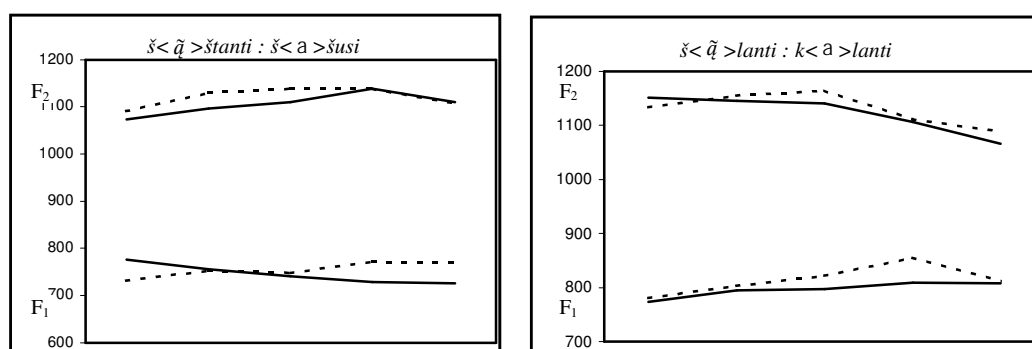
1 lentelė. Istorinio ir pozicinio ilgumo [a,], [e,] formančių vidurkiai

Balsiai	n	F ₁ (Hz)	F ₂ (Hz)	F ₃ (Hz)	b	C	T	īt
š<q>štanti	20	750	1110	2540	107	928	-189	680
š<a>šusi	20	760	1130	2550	107	927	-181	680
š<q>lanti	20	800	1120	2280	107	938	-163	900
k<a>lanti	20	820	1170	2310	107	935	-141	840
patr<ę>šęs	20	700	1570	2250	106	877	195	520
patr<e>šęs	20	710	1580	2270	106	878	190	520
patr<ę>šus	20	690	1480	2310	107	880	138	400
patr<e>šus	20	710	1550	2260	106	880	175	500

Apskaičiavus istorinio bei pozicinio ilgumo balsių [a,], [e,] pirmosios ir antriosios formantės reikšmes, matyti, kad istorinio ilgumo balsių jos yra šiek tiek žemesnės: pirmoji formantė 10–20 Hz, o antroji – 10–70 Hz. Žodžių poroje *patr<e,>ðæ,s* „patrešęs“ : *patr<ę,>ðæ,s* „patrešęs“ tiek pirmoji, tiek antroji formantė tesiskiria vos 10 Hz, tai išties visai nereikšmingas skirtumas. Kiek daugiau skiriasi poros *patr<æ,>šus* „patrešus“ : *patr<æ,>šus* „patrešus“ antroji formantė, žodyje *patr<æ,>šus* „patrešus“ ji net 70 Hz aukštesnė, tai rodo, kad garsas aukštesnio tembro. Formančių skirtumai nedideli, o statistinė analizė nė vienoje pozicijoje nerodė reikšmingo skirtumo. Iš gautųjų rezultatų galima spręsti, kad istorinio ilgumo balsiai gal tik truputį žemesnio tembro, aukštesnio pakilimo bei užpakalesnės artikuliacijos negu pozicinio ilgumo. Tačiau toks skirtumas kalboje nėra reikšmingas, todėl teigtina, kad lietuvių bendrinėje kalboje istorinio ir pozicinio ilgumo balsių kokybė esti vienoda.

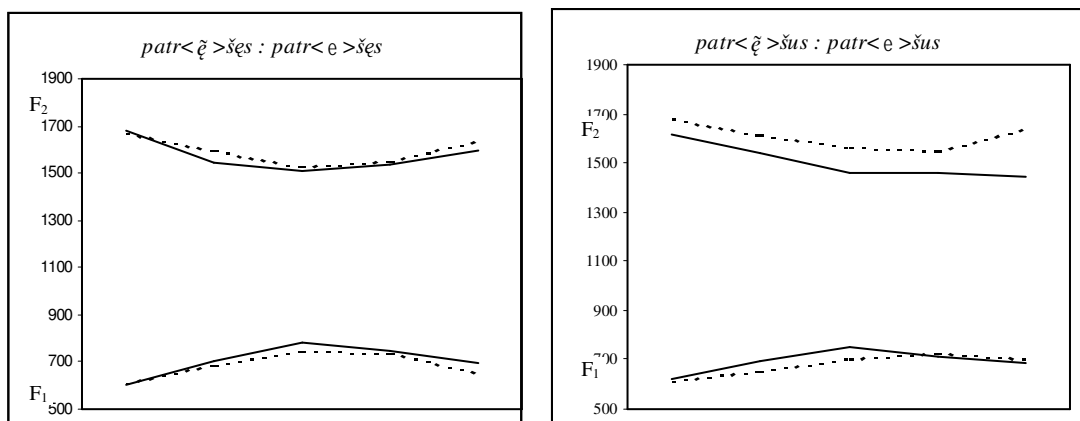
Apskaičiuoti balsių kokybiniai parametrai taip pat patvirtina, kad tiriamųjų balsių kokybiniai parametrai iš esmės nesiskiria. Į akis pirmiausia krinta tie tirtųjų žodžių porų balsiai, kurių labiausiai skiriasi antroji formantė. Žodžių poros *š<a,>lanti* „šalanti“ : *k<a,>lanti* „kalanti“ aiškiai išsiskiria tonalumo (plg. –163 ir –141) ir įtempimo indeksai (plg. 900 ir 840). Tas pats pasakytina ir apie tirtuosius balsius žodžiuose *patr<e,>ðæ,s* „patrešęs“ : *patr<ę,>ðæ,s* „patrešęs“ (plg. tonalumas 138 ir 175; įtempimas 400 ir 500). Kitų tirtųjų balsių kokybiniai rodikliai arba nesiskiria, arba tas skirtumas labai menkas.

Pozicinio ir istorinio ilgumo balsių [a,], [e,] formančių kaita puikiai matyti 1–4 pav.

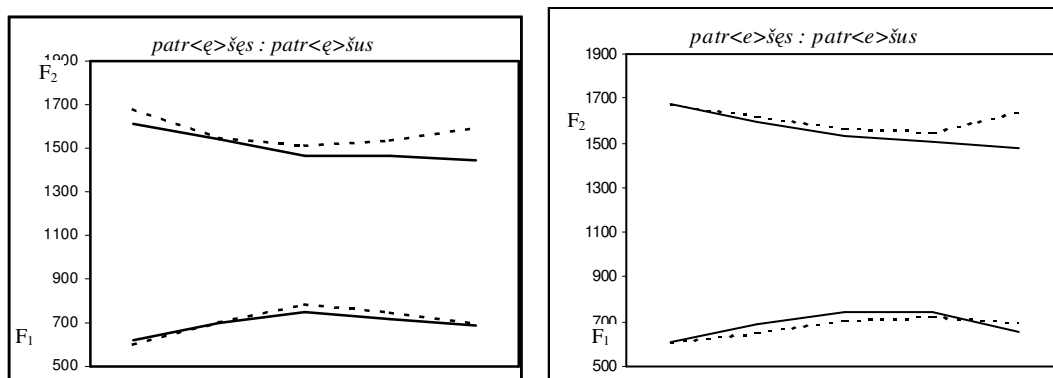

1, 2 pav. Balsių [a,] <*-an- (—) ir [a,] <*-â- (---) formančių dinamika

Pozicinio ir istorinio ilgumo balsių [a,], [e,] F₂ beveik sutampa, tik kai kur padėtinio ilgumo balsių kalbamoji formantė šiek tiek aukštesnė. Dvejopos kilmės balsių [e,] abiejų formančių dinamika kinta labai tolygiai, t. y. ir kyla, ir krinta beveik tuo pačiu metu (žr. 3, 4 pav.). Tačiau balsių [a,] F₁ ne visada išlaiko tokią pačią kitimo trajektoriją. 1 pav. matyti, kai padėtinio ilgumo [a,] F₁ kyla, istorinio ilgumo – nuosekliai mažėja. 2 pav. pozicinio ilgumo [a,] pirmoji formantė kyla ir staigiai krinta žemyn, o prigimtinio ilgumo po truputį kyla į viršų. Taigi abiejų tipų balsių [a,], [e,] formančių charakteristikos daugiau ar mažiau yra kintamos.

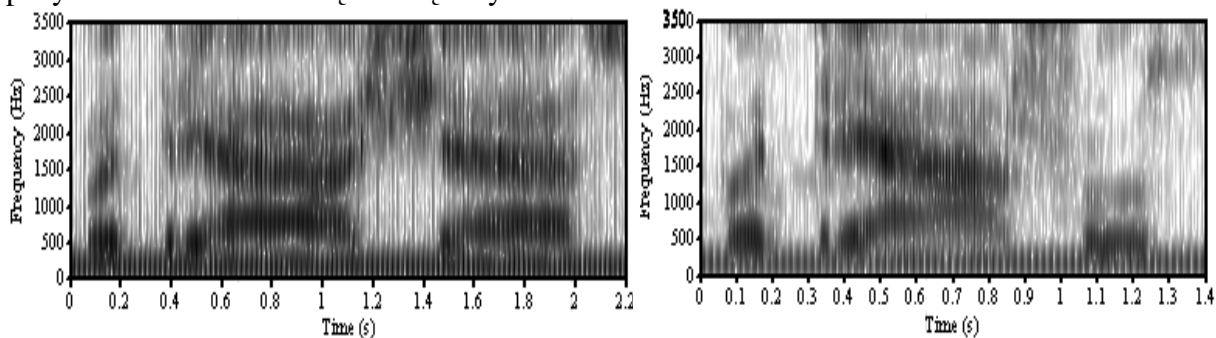
3, 4 pav. Balsių [e,] < *-en- (—) ir [e,] < *-e- (---) formančių dinamika

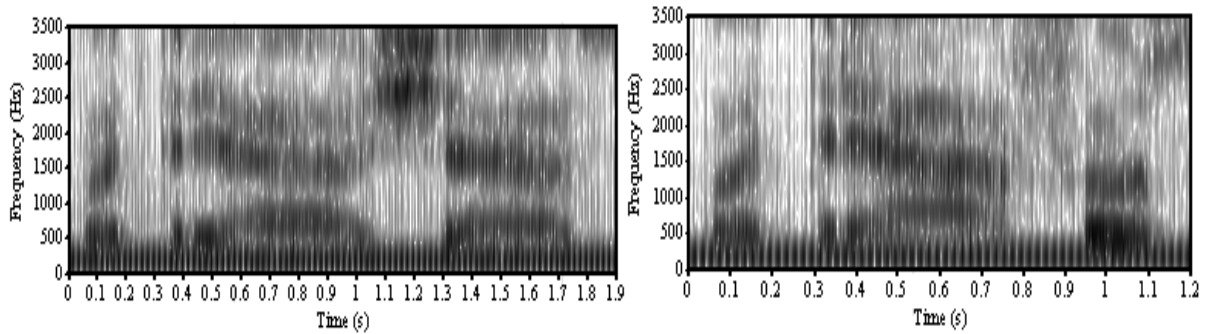
5, 6 pav. Balsių [e,] < *-en- ir [e,] < *-è- formančių dinamika pozicijose /—C% (---), /—C- (—)

Balsių [e,] artikuliacija yra labiau kintanti nei [a,] – tai rodo ir pateiktųjų spektrų dinamika. Paminėtina, kad balsio [e,] antroji formantė pozicijoje prieš minkštuosius priebalsius /—C% yra aukštesnė, vadinasi, balsiai yra truputį įtemptesni, aukštesnio tembro ir, matyt, priešakesni negu pozicijoje prieš kietuosius priebalsius /—C. Ir 5, 6 pav. matyti, kad balsio [e,] /—C% antroji formantė aukštesnė, ji tolygiai leidžiasi žemyn ir vėl kyla aukštyn. Pastebėtina ir tai, kad F₁ beveik nesiskiria, jų kitimo trajektorijos labai panašios. Iš gautų duomenų galima spręsti, kad balsis [e,] (ypač prieš kietąjį priebalsį) yra nepastovios artikuliacijos, formantės kyla arba krinta. Pirmoji ir antroji formantė tarimo pradžioje yra maždaug balsio [e,] formančių ribose, o pabaigoje – balsio [a,] (plg. [æ,] ≈ [eâ,]) (žr. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika, p. 24). Inversiskai klausomas šis garsas skamba kaip [AI]. Vadinasi, skiemenyse prieš kietą priebalsį [e,] balsiams atstovauja atvirieji diftongoidiniai [æ,].

Akustinė balsių kokybė (tembro aukštis, spektro skaida ir bemoliškumas) matyti ir spektrogramose (7–10 pav.). Spektrogramose matomas formančių išsidėstymas, tamsūs ruožai pavyzdžiuose – formančių dažnių sritys.

7, 8 pav. Žodžių *patr<ę>šęs* : *patr<ę>šus* spektrogramos³

9, 10 pav. Žodžių *patr<ę>šęs* : *patr<ę>šus* spektrogramos

Spektrogramos, kaip ir formančių dažnių dinamikos pavyzdžiai (žr. 5–6 pav.), rodo, kad balsio [a,] / — C% antroji formantė leidžiasi žemyn ir vėl kyla aukštyn, o [e,] / — C tolygiai leidžiasi žemyn.

Kiekybės tyrimų rezultatai taip pat veda prie išvados, kad nosiniai ir dėl kirčio pailgėję balsiai [a,], [e,] nedaug tesiskiria. Nosinės kilmės balsiai kai kuriose pozicijose šiek tiek ilgesni, tačiau skirtumas nėra statistškai reikšmingas (žr. 2 lent.). Tiriamųjų balsių pasikliaujamieji intervalai žodžiuose *š<a,>lanti* „šalanti“ : *k<a,>lanti* „kalanti“ apskritai sutampa (plg. 150 ÷ 190 ms), apskaičiuotas toks pat ir trukmės vidurkis (172 ms).

Kitose tirtose žodžių porose nosinės kilmės balsiai [a,], [e,] ilgelėsniai: *š<a,>štanti* „šąštanti“ : *š<a,>šusi* „šašusi“ balsis ilgesnis 7 ms, *patr<ę,>šęs* „patrešęs“ : *patr<ę,>šus* „patrešus“ – atitinkamai 4 ms, *patr<ę,>šęs* „patrešęs“ : *patr<ę,>šus* „patrešus“ – vos 1 ms. Pasikliaujamieji intervalai persidengia arba beveik sutampa: plg. 140 ÷ 190 ms ir 130 ÷ 180 ms; 180 ÷ 220 ms ir 170 ÷ 220 ms; 140 ÷ 220 ms ir 160 ÷ 220 ms. Gautąsias trukmės reikšmes įvertinus statistškai, nė vienoje pozicijoje negauta reikšmingo skirtumo.

2 lentelė. Pozicinio ir prigimtinio ilgumo balsių trukmė atskiruose žodžiuose

Žodis	N	\bar{x} (ms)	s (ms)	v (%)	95% pasikl. interv. (ms)	$t < 0,05$
<i>š<q>štanti</i>	20	162	15	9,1	140 ÷ 190	
<i>š<a>šusi</i>	20	155	14	8,9	130 ÷ 180	0,64 < 2,45
<i>š<q>lanti</i>	20	172	14	8,1	150 ÷ 190	
<i>k<a>lanti</i>	20	172	14	7,6	150 ÷ 190	0,00 < 2,45
<i>patr<ę>šęs</i>	20	202	13	6,2	180 ÷ 220	
<i>patr<ę>šus</i>	20	198	16	7,8	170 ÷ 220	0,38 < 2,45
<i>patr<ę>šus</i>	20	180	17	9,4	140 ÷ 220	
<i>patr<ę>šus</i>	20	179	12	6,6	160 ÷ 220	0,09 < 2,57

Taigi trukmės tyrimų rezultatai rodo, kad žemutinių istorinio ir padėtinio ilgumo balsių [a,], [e,] kiekybė arba nesiskiria, arba tesiskiria labai menkai, o tokie nedideli skirtumai kalboje nėra reikšmingi.

Išvados. Apibendrinant pasakytina, kad eksperimentiniai dabartinės lietuvių bendrinės kalbos žemutinių istorinio ir padėtinio ilgumo balsių [a,], [e,] kokybinių ir kiekybinių ypatybių tyrimas rodo, kad tarp jų nėra nei reikšmingų kokybinių, nei kiekybinių skirtumų.

Bendrinėje kalboje, kaip matyti, nosinės kilmės ir dėl kirčio pailgėjusių žemutinių balsių kiekybiniai ir kokybiniai požymiai susiniveliavę. Kita vertus, bendrinės kalbos vartotojai vargu ar

³ Angliški tekstai pavyzdžiuose pateikiami pačios programos, todėl jų pakeisti ar taisyti nėra įmanoma.

pajėgtų skirti trejopo ilgumo balsius, tai, be visa ko, labai sukomplikuotų balsių sistemą (Pakerys 2003, p. 28, išn. 2).

Literatūra

- BACEVIČIŪTĖ, A., 2001. *Šakių šnektos fonologinė sistema: prozodija ir vokalizmas* [Rankraštis]: daktaro disertacija: humanitariniai mokslai, filologija (04H). Vilnius: Vilniaus Pedagoginis universitetas.
- Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*, 1994. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- GIRDENIS, A., 2000. *Kalbotyros darbai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. T. 1.
- GIRDENIS, A., 2003. *Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- GIRDENIS, A., 2005. Adutiškio šnektos balsių [a,]/ [a.] trukmė ir spektrai. *Baltistica* 40 (1), p. 45–55. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- JAROSLAVIENĖ, J., 2006a. Prienų šnektos žemutinių balsių eksperimentinis tyrimas. *Žmogus ir žodis* 8 (1), p. 15–22. Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas.
- JAROSLAVIENĖ, J., 2006b. Prienų šnektos žemutinių balsių kiekybė ir kiti skiriamieji bruožai. *Baltistica* 41 (2), p. 245–264. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- KAZLAUSKAITĖ, R., 2002. *Pašušvio šnektos fonologinė sistema: vokalizmas ir prozodija* [Rankraštis]: daktaro disertacija: humanitariniai mokslai, filologija (04H). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- KAZLAUSKIENĖ, A., 1996. Dvejopa ilgųjų žemutinių balsių kiekybė Igliaukos šnekte. *Kalbotyra* 47 (1), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, p. 61–77.
- LADEFOGED, P., 2001. *Vowels and Consonants. An Introduction to the Sounds of Languages*. University of California, Los Angeles: Blackwell Pub.
- MIKALAUŠKAITĖ, E., 1975. *Lietuvių kalbos fonetikos darbai*. Vilnius: Mokslas.
- PAKERYS, A., 2003. *Lietuvių bendrinės kalbos fonetika*. Vilnius: Enciklopedija.
- ROSNER, B. S., PICKERING, J. B., 1994. *Vowel Perception and Production*. Oxford: Oxford University Press.
- VAITKEVIČIŪTĖ, V., 1960. Lietuvių kalbos balsių ir dvibalsių ilgumas, arba kiekybė. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 3, p. 207–217. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- VAITKEVIČIŪTĖ, V., 1961. Lietuvių literatūrinės kalbos balsinės ir dvibalsinės fonemos. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 4, p. 19–46. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- БУКАНТИС, Й., 1984. Фонология южножемайтского Варняйского говора. *Канд. дис.* Вильнюс: ВГУ.
- ПИОТРОВСКИЙ, Р. Г., 1960. Ещё раз о дифференциальных признаках фонемы. *Вопросы языкознания*, № 6, Москва: Наука, с. 24–38.

Lidija Kaukėnienė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: phonetics, phonology, Lithuanian

THE EXPERIMENTAL ANALYSIS OF LOW VOWELS IN STANDARD LITHUANIAN

Summary

According to the origin there are two types of back long vowels [a,], [e,] in Standard Lithuanian: [a,], [e,] < *-an-, *-en- and lengthened in the stressed position [a,], [e,] < *-à-, *-è-. It is stated that in both cases back long vowels are pronounced in the same way, there are no quality and quantity differences.

The newest experimental investigations of different Lithuania's dialects show that [a,], [e,] < *-an-, *-en- and [a,], [e,] < *-à-, *-è- are not pronounced in the same way.

The article discusses the quality and quantity features of [a,], [e,] < *-an-, *-en- and [a,], [e,] < *-à-, *-è- in Standard Lithuanian. The main objectives of the article are to explore and describe the quantity and spectra of different origin back long vowels [a,], [e,] of Standard Lithuanian with the help of the newest experimental research and statistical methods.

The article includes the object of the research, description and methods of research material, main results and conclusions.

The analysis of the quality shows that [a,], [e,] < *-an-, *-en- are the lower timbre and slightly higher than [a,], [e,] < *-à-, *-è-. But these differences are not significant. It means that the quality features of [a,], [e,] < *-an-, *-en- and [a,], [e,] < *-à-, *-è- are very similar.

The analysis of the quantity shows that the quantity of [a,], [e,] < *-an-, *-en- [a,], [e,] < *-à-, *-è- is almost the same. In some positions [a,], [e,] < *-an-, *-en- are slightly longer than [e,] < *-à-, *-è- but the differences are not significant.

The analysis of back low vowels [a,], [e,] < *-an-, *-en- and [a,], [e,] < *-à-, *-è has revealed that the quality and quantity features do not differ significantly, the quality and quantity of [a,], [e,] < *-an-, *-en- and [a,], [e,] < *-à-, *-è is almost the same.

KEY WORDS: back long vowels, quality and quantity features.

Ирина Левчук

Волынський національний університет ім. Леси Українки, Україна

просп. Воли 13, 43025 Луцьк, Україна

Тел. +38 099 75 63 557

Ел. пошта: levchuk_iryana@ukr.net

Научні інтереси: лінгвостилістика, комунікативна лінгвістика

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЦЕНЗИИ

Статья посвящена исследованию структурно-семантической организации языковедческих и литературоведческих рецензий и особенностей использования языковых средств разных уровней в обязательных и факультативных элементах жанра. Определены главные черты журнальной рецензии как жанровой разновидности научно-публицистического подстиля: оперативность и актуальность, логическое построение, точность передачи мысли, насыщенность информации, убедительность, обоснование собственной позиции, стремление к объективности, высокая степень стандартизации лексико-синтаксических конструкций, а также соблюдение требований научной этики. Рецензия представлена как единство пяти композиционных элементов: заглавия, библиографического описания издания, вступления, основной части, вывода. Каждый элемент архитектоники рассматривается как закономерный этап в оценочной характеристике рецензированной публикации

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковедческая и литературоведческая рецензия, структурно-семантическая организация текста, оценочная информация, обязательные и факультативные микротемы.

На протяжении последних лет, как известно, активизировались исследования специфики структурной организации научного текста. В частности, современное языкознание имеет несколько основательных трудов об особенностях научной коммуникации. Так, специфика структурной организации украинского научного текста впервые прослежена в монографии А. П. Коваль (Коваль 1970). Семантико-синтаксический аспект научного стиля исследован С. Я. Ермоленко (Ермоленко 1982). Функционально-стилистические особенности научно-технической литературы рассмотрены в диссертации и монографии Н. Ф. Непийводы (Непийвода 1997).

Стоит заметить, что в исследованиях украинских лингвистов нарушаются проблемы организации текстов «ядерных» жанров научного стиля, однако вне поля зрения все же остаются тексты «периферийных» жанров. Другая ситуация сложилась в российской лингвистике, в которой специфика «периферийных» жанров научного стиля посвящены разведки О. А. Лаптевой (Лаптева 1966), В. Г. Ляпуновой, О. Д. Мешкова (Ляпунова, Мешков, Терехова 1990), Т. И. Синдеевой (Синдеева 1982), Е. С. Троянской (Троянская 1986) и др. Данные исследования чаще всего посвящены жанру рецензии. Поэтому актуальным заданием является не только анализ специфики структурно-семантической организации рецензий в украинском языке, но и выяснение типологических особенностей этого жанра для разных отраслей знаний. Заметим, объектом нашего исследования являются литературоведческие и языковедческие рецензии, опубликованные на страницах современных украинских журналов.

Как известно, каждая жанровая разновидность научного стиля имеет своеобразную структурно-семантическую организацию, которая предусматривает такое оформление научной информации, которое бы наилучшим образом обеспечивало реализацию коммуникативной цели текстов определенного жанра. В частности, спецификой языкового и композиционного оформления характеризуется жанр рецензии.

Термин «рецензия», как известно, происходит от лат. *recensio*, что значит «осмотр»,

«рассматривание», «оценка». Литературоведческий словарь-справочник подает эту дефиницию так: «Рецензия – один из ведущих жанров литературной критики, который рассматривает и оценивает произведения художественной литературы, искусства, определяет их достоинства и характеризует допущенные, по мнению критика, изъяны, недостатки» (Літературознавчий словник-довідник 1997, с. 242). Однако это лишь один из аспектов понимания жанра рецензии.

Стоит отметить, что литературный энциклопедический словарь определяет это понятие значительно шире: во-первых, как «отзыв, разбор и оценку нового художественного (литературного, театрального, музыкального, кинематографического и тому подобное), научного или научно-популярного произведения;» во-вторых, как «жанр критики литературной и газетно-журнальной публицистики» (Литературный энциклопедический словарь 1987, с. 322).

В теории журналистики, скажем, бытует толкование рецензии как разновидности статьи, которая «отображает явления и факты не общественной жизни вообще, а только из литературной, театральной, художественной, музыкальной её сфер» (Карпенко 2002, с. 213–214). Заметим, О. А. Сальникова, предлагая определение рецензии, обращает внимание прежде всего на ее функциональную специфику: «Рецензия – это более или менее целостный анализ произведения с оценочной направленностью, к тому же рецензент стремится не только аргументировать свою позицию, но и привлечь внимание читателя к рецензируемому произведению» (Сальникова 2002, с. 205).

Н. И. Колесникова, анализируя особенности смыслового и функционального аспектов рецензии, формулирует дефиницию жанра, учитывая три обязательные, по ее мнению, составляющие такого текста: 1) комментирование основных положений (толкование авторской мысли); собственное дополнение к мысли, высказанной автором; выражение своего отношения к постановке проблемы и т. п.; 2) обобщенная аргументированная оценка и 3) выводы о значимости работы (Колесникова 2002, с. 230).

Считается, что рецензия возникла из библиографического описания книги, которое со временем начало давать также ее оценку. Интересно, что с развитием журналистики, с появлением в журналах постоянного отдела критики и библиографии (в украинской периодике XIX ст., например, распространенной была рубрика «Справозданє») рецензия стала в основном журнальным жанром.

Поскольку рецензия, как и реферат или аннотация, появляется лишь в связи с определенным уже существующим «первичным» текстом, то, очевидно, закономерным является понятие «вторичности». Объектом научной рецензии служат не непосредственные факты действительности, на которых обосновываются труды ученых, а факты, явления уже изученные, осмысленные и представленные в форме публикаций. В свое время отобранный, обобщенный материал якобы опять переосмысливается рецензентом, который на основе аргументированного анализа труда ученого определяет важные и актуальные моменты содержания, выражает своё мнения в связи с рецензируемым произведением, оценивает его. В частности, О. К. Кудасова отмечает, что «наявность в рецензии информации интеллективного плана, а также информации о структуре рецензируемого произведения подтверждает мысль о вторичном характере текста рецензии» (Кудасова 1983, с. 3).

Однако рецензия может иметь отчасти элементы оригинального научного произведения, которое создается на основе рецензированной книги, но в определенной мере все же будто отдельно от нее и содержит научные суждения самого рецензента относительно конкретной проблемы (или проблем). Традиционно различают два типа рецензий: такие, которые появляются 1) до выхода труда в свет; 2) после его публикации, то есть имеют проспективный или ретроспективный характер.

Оценка конкретного научного исследования – основное коммуникативное задание рецензии. Ведь именно оценка формирует ценностные ориентиры читателя, помогает ему разобраться в непрерывном потоке информации, выбрать нужную книгу. Правда, нередко есть и такие рецензии, которые лишь рассматривают содержание книги, сконденсировано

пересказывая ее. Но и такой подход может быть вполне оправданным, поскольку рецензент таким способом выделяет наиболее существенное в анализируемом произведении, детально останавливаясь на одних положениях и полностью упуская другие, а следовательно, и высказывает свое отношение к работе. Поэтому, рецензия, кроме сообщения читателю о содержании книги и ее оценки, является еще и своеобразным средством рекламы того или другого произведения. К вторичным функциям рецензии принадлежит также установление и отбор критериев оценки научного труда и системы требований к ней. Очевидно, стоит выделять и прагматичную функцию организации научного общения, связанную прежде всего с усовершенствованием вербальных форм научного этикета. Все композиционные и языковые структуры рецензии направлены на максимально эффективную реализацию этих функций.

Справедливо все же отметить, что рецензии не пишутся за единственным образцом. В зависимости от отрасли знаний структурно-семантическая организация рецензии может изменяться. Упорядочения структурных элементов литературоведческой и языковедческой рецензии предопределяют такие факторы, как жанр анализируемой книги (монография, сборник трудов, художественное произведение (проза или поэзия)); реальная проблема, которая рассматривается автором рецензированного произведения. Не вызывает сомнений и то, что выбор композиционных элементов текста и их конкретное языковое наполнение находится также в прямой зависимости от авторского «я». В частности, в одних рецензиях основной целью может быть оценка позитивных моментов и критика недостатков, а в других — в центре внимания появляются суждения автора о роли и месте в науке той отрасли знания, которой посвящена книга. В конечном итоге, индивидуально-авторский фактор в известной мере определяет структуру даже тех рецензий, авторы которых ограничиваются только изложением содержания книги. Однако уже сам характер интерпретации содержания может быть имплицитной оценкой труда.

Безусловно, структура текста в значительной мере зависит от его стиля и жанра. Современные литературоведы различают такие разновидности жанра рецензии, как аннотация, короткая рецензия (отзыв), реферативная рецензия, обычная газетная (журнальная) рецензия, проблемная рецензия, рецензия-эссе, -диалог, -фейлетон, -памфлет, -шутка, -письмо, авторецензия, реплика рецензента (Литературознавчий словник-довідник. 1997, с. 242). Рассмотрим детальнее журнальную рецензию, которая определяется В. Г. Ляпуновой, О. Д. Мешковым (Ляпунова, Мешков, Терехова 1990, с. 5) и другими исследователями как жанр научной публицистики.

Заметим, проникновение элементов публицистики в текст рецензии связано с тем, что автор применяет не только логическое доказательство определенных научных положений, но и убеждение. Ведь рецензент стремится, как отмечалось, не только информировать читателя, но и заинтересовать, побуждать таким способом к прочтению книги.

В целом журнальной рецензии характерны такие признаки научного стиля: логическая последовательность высказывания, точность, ясность, четкость информации, аргументированность, обобщение. Из этих самых общих черт вытекают и соответствующие языковые характеристики, прежде всего — языковая унормированность. В частности, логичность изложения материала предопределяется, во-первых, последовательностью информации, во-вторых, специфическими языковыми средствами (напр., сложноподчиненными конструкциями с причинно-следственными связями). Стремление к однозначности содержания приводит к увеличению количества существительных. Таким образом, все языковые средства рецензии подчинены основному коммуникативному заданию — передать мысль с достаточной полнотой, логично, убедительно и последовательно.

Важно и то, что, как уже отмечалось, рецензия призвана дать оценку тому или иному явлению. Следовательно, такой труд должен влиять и на эмоции читателя, а значит, что в ней в значительной мере совмещаются языковые средства, которые используются в художественной литературе и в публицистическом стиле. Рецензент не только излагает информацию, но и акцентирует внимание читателя на позитивных и негативных элементах,

пытается убедить в неоспоримости данных положений или же доказать другую мысль в полемике с автором анализируемой книги. А потому, придерживаясь канонів функционального подстиля научно-публицистической прозы, жанр рецензии имеет выразительную тенденцию к активному использованию эмоционально-экспрессивных компонентов для оценки труда ученого: слов и оборотов разговорного языка, модальных слов со значением субъективной модальности, эллиптических конструкций, восклицательных предложений с ярко выраженной экспрессивностью, а также образов, сравнений и метафор. Заметим, что, оценивая научный труд, рецензент не пытается разнообразить способы выражения оценки, а пользуется чаще всего уже готовыми метафорическими оценочными клише. Однако метафора в научном стиле традиционна, стереотипна, не обозначена влиянием индивидуального, субъективно-оценочного. Такая метафора нередко перестает удовлетворять авторов рецензий, которые стремятся вызывать у читателя эмоционально-оценочную реакцию, определить отношение к рецензированной публикации, а потому они все чаще используют с этой целью оригинальные образные средства (особенно ярко эта тенденция выявляется в текстах литературоведческих рецензий).

Использование языковой образности в рецензии предопределяется особенностями композиционного построения текстов этого жанра. В украинской научной литературе сложилась традиционная архитектура этого типа текста. Рецензия представляет собой единство таких композиционных элементов: заглавие, библиографическое описание, вступление, основная часть, вывод. Каждый композиционный элемент является закономерным этапом в оценочной характеристике рецензированной публикации, имеет определенную прагматичную установку и получает в тексте рецензии соответствующее смысловое и графическое оформление.

Заглавие рецензии чаще всего содержит в себе в концентрированном виде информацию о содержании рецензированного труда и обеспечивает тем самым необходимую адресность научной рецензии.

Принимая во внимание специфику структурно-семантической организации заглавий современной филологической рецензии, можно выделить несколько их основных разновидностей: а) заглавие, тождественное библиографическому описанию книги; б) заглавие из «заимствованными» лексемами «первичного» заглавия; в) оригинальное заглавие-проблема; г) заглавие-цитата.

Заглавие не содержит непосредственной оценки публикации, а следовательно, не является собственно оценочным этапом. Однако, ориентируя на конкретную научную проблему, заглавие рецензии все же определяет направленность и интенсивность внимания читателя.

Характерным элементом всех, без исключения, рецензий есть наличие библиографического описания издания (может быть полным или сокращенным, иметь свои определенные устоявшиеся варианты размещения в тексте – чаще всего библиографическое описание начинается рецензию). Библиографическое описание также не содержит непосредственной оценки произведения, но сведения, представленные в нем, позволяют читателю соотносить их с определенными оценочными суждениями. Например, указание на известное издательство позволяет надеяться на высокое качество печати, иллюстративного материала, внешнего оформления публикации.

Следовательно, не предлагая непосредственной оценки рецензированного труда, библиографическое описание, однако, формирует соответствующий уровень оценочных ожиданий реципиента и вместе с заглавием является предыдущим этапом оценки публикации.

Вступительная часть оформляется в основном одним абзацем и содержит в обобщенном виде все основные разновидности информации, типичные для текста журнальной рецензии. Специфической чертой этого композиционного элемента является то, что в нем осуществляется переход от этапа предыдущей оценки к этапу непосредственной оценки публикации: во вступлении рецензент выражает самую общую оценку

анализируемому труду. В связи с этим особенную весомость приобретают языковые средства, направленные на привлечение внимания читателя. Заметим, вступление в рецензии не имеет единственной модели построения; оно может быть коротким и развернутым, совмещать все характерные для текста рецензии разновидности информации или представлять только некоторые из них.

Организационным центром журнальной рецензии является основная часть – наиболее информационный участок оценочного текста, основным заданием которого является более детальное ознакомление читателя с содержанием книги, освещения ее ключевых положений. Если во вступлении рецензент будто априорно оценивает труд ученого, то в основной части подает аргументированный анализ публикации, доказывает, иллюстрирует свои положения. Необходимо также отметить, что характером анализируемого произведения обуславливается и организация основной части рецензии: или описание отдельных компонентов публикации, или размышления относительно концепции ученого, или полемика с автором произведения. А следовательно, в соответствии с тем, какая форма высказывания доминирует в основной части рецензии, целесообразно выделять, по нашему мнению, четыре вида этого композиционного элемента: основная часть описательного характера; основная часть, ориентированная на рассуждение; основная часть полемичного типа и основная часть «диффузного» (смешанного) характера.

Выбор композиционных элементов текста рецензии и их конкретное языковое наполнение находится также в прямой зависимости от авторского «я». Однако чаще всего в филологической рецензии используются структурные компоненты, которые отвечают микротемам: 1) «Автор книги», что в свою очередь включает такие характеристики: а) профессию, специальность, научную степень и т. п.; б) опыт работы; в) вклад в науку или другую сферу деятельности; 2) «Адресат» выделяется за: а) специальностью; б) родом занятия; в) степенью знакомства с предметом обсуждения и тем самым за подготовленностью к чтению; 3) «Достоинства книги», среди которых можно выделить такие мотивы: а) новизна; б) уникальность книги; в) информативность; г) актуальность; д) полезность и практическая ценность книги; е) сравнение с другими изданиями; ё) оформление издания; ж) язык и стиль книги; 4) «Недостатки книги», которые часто имеют такие мотивы: а) отсутствие новизны; б) неполнота в изложении материала; в) неоправданная широта материала; г) наличие фактических ошибок; д) несоответствие содержания книги ее названию; е) недостаточность аргументации и иллюстративного материала; ё) небрежность языка; ж) неудовлетворительное оформление.

Стоит отметить, что мотивы критики могут быть разнообразны, однако специфической чертой этой критики является ее доброжелательный характер, поэтому рецензент часто пользуется лексико-синтаксическими конструкциями с пожелательной семантикой. Особенностью языкового наполнения микротемы «Недостатки книги» является также активное функционирование метатекстовых единиц, что, очевидно, связано со стремлением к некатегоричности высказывания при негативной оценке, а значит, свидетельствует о научном такте рецензента.

Через упомянутые составляющие мини-тем рецензент пытается проанализировать содержание книги, давая тем самым читателю общее представление о ней, заинтересовав его, а иногда и выражает собственные рассуждения относительно проблемы (или проблем), которая рассматривается автором. Конечно, в рецензии не является обязательным использование всех этих компонентов. Автор акцентирует внимание читателя лишь на тех мини-темах и мотивах, которые считает целесообразным выделить.

Составляющей выводов в рецензии являются выражения пожелания относительно будущего анализируемого труда, прогнозирование круга возможных адресатов и т. п. Примечательно, что выводам характерна интегрирующая функция, поскольку обобщенная оценка, которая здесь содержится, отображает оценочную направленность всего текста рецензии (позитивную или негативную) и завершает процесс постепенного накопления, детализации и конкретизации оценочной информации. Вступление и вывод рецензии будто

обрамляют основную часть – анализ, описание, систему доказательств. Такая архитектура текста научной рецензии обеспечивает его монолитность, логическую стройность и композиционное совершенство.

Таким образом, филологическая рецензия характеризуется стилистической гибридностью, совмещая элементы публицистического и научного стилей. Основными требованиями к журнальной рецензии как жанру научно-публицистического подстиля являются научность, актуальность, оперативность, диалогичность, аргументированность и ясность в высказывании мыслей, композиционное единство и, - на что стоит обратить особенное внимание, – доброжелательность, соблюдение требований научной этики.

Литература:

- ЕРМОЛЕНКО, С. Я., 1982. Синтаксис і стилістична семантика. Київ: Наук. думка, 210 с.
- КАРПЕНКО, В., 2002. Основи професійної комунікації. Київ: Нора-прінт, 348 с.
- КОВАЛЬ, А. П., 1970. Науковий стиль сучасної української мови: Структура наукового тексту. Київ: Вища школа, 306 с.
- КОЛЕСНИКОВА, Н. И., 2002. От конспекта к диссертации: *Учебное пособие по развитию навыков письменной речи*. Москва: Флинта: Наука, 288 с.
- КУДАСОВА, О. К., 1983. Лингвистические особенности рецензии как разновидности научного текста (на материале английского языка). *Автореферат дис. ... канд. филол. наук*. Москва, 22 с.
- ЛАПТЕВА, О. А., 1966. Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы. *Развитие функциональных стилей современного русского языка*. Москва, с. 176–188.
- Літературознавчий словник-довідник, 1997. За ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва та ін. Київ: ВЦ „Академія”, 591с.
- Литературный энциклопедический словарь, 1987. Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Москва: Сов. энциклопедия, 752 с.
- ЛЯПУНОВА, В. Г.; МЕШКОВ, О. Д.; ТЕРЕХОВА, Е. В., 1990. A book about books. Композиция и язык научных рецензий. Москва: Наука, 143 с.
- НЕПІЙВОДА, Н. Ф., 1997. Мова української науково-технічної літератури (функціонально-стилістичний аспект). Київ: ТОВ „МФА”, 303 с.
- САЛЬНИКОВА, О. А., 2002. Рецензия. Смелкова З. С., Ассуирова Л. В., Саввова М. Р., Сальникова О. А., *Риторические основы журналистики*. Работа над жанрами газеты. *Учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, с. 202–216.
- СИНДЕЕВА, Т. И., 1982. Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «научная рецензия». *Функциональные стили и преподавание иностранных языков*. Москва: Наука, с. 27–42.
- ТРОЯНСКАЯ, Е. С., 1986. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. *Общие и частные проблемы функциональных стилей*. Москва: Наука, с. 16–23.

Iryna Levchuk

Lesya Ukrainka Volyn National University, Ukraine

Research interestas: lingvostylistics, communicative linguistics

THE PECULIARITIES OF STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION OF PHILOLOGICAL REVIEWS

Summary

The article is devoted to the research of the structural and semantic organization of linguistic and literary reviews and to the peculiarities of the usage of different means in different levels in obligatory and optional elements of the genre. The author identifies the main features of the magazine reviews as a genre, the variety of scientific and journalistic sub-genres: the speed and relevance, logical construction, the accuracy of the transfer of thoughts saturation of information, credibility, substantiation of their own position, striving for objectivity, the high degree of standardization of lexical and syntactic structures, as well as compliance with the requirements of scientific ethics. The peculiarities of the main compositional elements of the genre are followed, in particular: the title, bibliographic description of the edition, preface, the main part, conclusions, and those of their content and graphic manifestation. The correlation of typological and individual author's entities in the researched genre is analysed, the influence of the author's "ego" upon the structural and semantic organization of linguistic and literary reviews is investigated.

KEY WORDS: linguistic and literary reviews, structural and semantic organization of the text, evaluative information, obligatory and optional microsystems

Ирина Некипелова

Ижевский государственный технический университет, Россия

ул. Студенческая 7, 426069 Ижевск, Россия

Тел.: +7(3412)58-53-51

Эл. почта: irina.m.nekipelova@mail.ru

Научные интересы: лексическая и грамматическая семантика, моделирование семантики, история русского и других славянских языков, корпусные методы исследования памятников древней славянской письменности

**КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ
И В ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН**

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 10-06-09217-моб_з.

Статья посвящена исследованию семантики древнерусского языка, в рамках которого проводится изучение двух важных ее составляющих – лексической и грамматической семантики в истории языка. Историческая семантика – неотъемлемая часть лингвистики в целом, позволяющая дополнить целостную языковую картину мира, которая отражена в текстах памятников древней письменности. В рамках исследования предлагается концепция разграничения и соотношения понятий семантический синкретизм, семантическая деривация, полисемия, омонимия по отношению к истории языка. Материалом исследования лексико-семантических и грамматико-семантических особенностей языка триодийных памятников письменности послужили рукописи, относящиеся к XI-XIV векам. Исследование и моделирование семантики проводится с помощью корпусных методов, позволяющих выявить и систематизировать процессы семантических изменений в истории языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпусные методы исследования, лексическая и грамматическая семантика, история русского языка, моделирование семантики

Одна из насущных научных и культурных задач, которые необходимо решить человечеству, – сохранение и комплексное изучение рукописных памятников, накопленных за всю историю человечества, а это наследие цивилизации зачастую оказывается недоступным даже специалистам. Одним из способов сохранения и аккумуляции информации является публикация и исследование древних памятников письменности, что является многоаспектным явлением, важным фактором и в процессе гуманизации социальных отношений, и в процессе формирования культурной и научной картины мира.

Формирование корпусов текстов древних рукописей и их исследование способствует решению нескольких важных для лингвистической науки задач: 1) публикации древних славянских памятников способствуют сохранению части культурного и научного наследия, находящегося в хранилищах библиотек в ветхом состоянии и в связи с этим недоступного зачастую даже для исследователей; 2) лингвотекстологическое описание разновременных списков памятников древней письменности является необходимым элементом изучения древних памятников письменности как важной части составляющей национальной культуры; 3) разноаспектное исследование лексического состава, грамматических и семантических отношений языка древнерусских текстов способствует более глубокому и детальному пониманию истории языка и истории жизни славян; 4) исследования в области лексической и грамматической семантики способствуют изучению особенностей функционирования языковых единиц в древних текстах в разные периоды развития языка, поскольку семантика языка является важным элементом в формировании языковой картины мира славян.

Публикации транскрипций древних рукописей славянских триодей и исследование их лексико-семантических и грамматико-семантических особенностей реализуют разработку и внедрение корпусной методики описания словарного состава с учетом его системных и функциональных свойств и семантических отношений слов. Результаты исследования имеют прикладное значение для исторической и современной лексикографии, лексикологии, семантики, грамматики и истории языка: система лексических единиц древнерусского языка, употребленных в разновременных списках триодей, может быть использована в практике преподавания русского языка и привлечения внимания ученых и всех желающих к этим малоисследованным рукописям.

Наиболее перспективным методом комплексного изучения рукописей является исследование корпуса текстов в сопоставлении их языковых и текстологических особенностей. Материалом исследования лексико-семантических и грамматико-семантических особенностей языка триодийных памятников письменности служат рукописи, относящиеся к XI-XIV векам: Триодь цветная, XI/XII в. и XIII в. (лл. 1-3) (РГАДА, ф. 381 (Син. Тип.), № 138), 173 л.; Триодь постная и цветная (Триодь Моисея Киянина), кон. XII - нач. XIII вв. (РГАДА, ф. 381, № 137), 257 л.; Триодь постная, кон. XIII – нач. XIV вв. (РНБ, Погод. 41), 157 л.; Триодь цветная, нотированная, кон. XII в. (ГИМ, Воскр. 27 перг.), 206 л.; Триодь постная, нотированная, XII в. (ГИМ, Син. 319), 315 л.; Триодь цветная, службы двенадцатых праздников и избранным святым, нач. XII в., кон. XII - нач. XIII в. и XIV в. (РГАДА, ф. 281 (Син. тип.), № 139), 208 л. Языковые и текстовые особенности древних рукописей необходимо представлять интегрированно, показывая общую текстовую информацию в контексте славянской культуры.

Триодь является специфическим жанром религиозной славянской письменности, характеризующимся особым употреблением и функционированием в разновременных текстах языковых единиц. Проследить процессы формирования семантики отдельных языковых элементов в частности и текстовых объединений в целом в синхроническом и, что наиболее важно, в диахроническом аспектах позволяет только анализ языка корпуса текстов, представленный интегрированно, как гомогенный пласт древней письменности, поскольку исследование языка текста одного памятника письменности и текстов отдельных триодей не в состоянии дать полную картину лексико-семантических и грамматико-семантических изменений, произошедших в истории языка, и жанрового своеобразия этих памятников письменности.

Исследование семантики древнерусского языка предполагает исследование двух важных ее составляющих – лексической и грамматической семантики в истории языка. Историческая семантика – неотъемлемая часть лингвистики в целом, позволяющая дополнить целостную языковую картину мира, которая отражена в текстах памятников древней письменности древнерусского и среднерусского периодов.

Сложность описания семантики связана с рядом факторов: во-первых, основную проблему составляет сама семантическая модель, поскольку она неизбежно должна учитывать данные всех уровней языка, в то время как сама семантика не является уровнем языка – она содержание языка; во-вторых, семантическая модель должна учитывать процесс развития языка, в котором самым подвижным является изменение именно семантической составляющей. Таким образом, семантическая модель должна представлять временное и пространственное соотношение, вертикальные (диахронические) и горизонтальные (синхронические) отношения и связи языковых единиц.

Типы лексического описания являются основой моделирования семантики слова и семантических связей слов в системе языка. Следует оговорить, что все типы значений понимаются как дополнительные друг к другу, т. е. как части (стороны, аспекты) целого. Это является значимым, поскольку при описании семантики слова в его истории необходимо учитывать некоторые факты, затрудняющие исследование. Во-первых, слово дошло до современности лишь в определенном контексте, что затрудняет фиксирование всех возможных употреблений слова и его связей с другими языковыми единицами, поскольку

Зарождение и активизация процесса дополнения значения слова коннотациями ознаменовали переход ментального мышления славян от собственно предметного, конкретного типа мышления – прямого называния денотатов – к отвлеченному типу мышления – подразумеванию, добавлению со-значений: *вѣскрѣсенна днь просвѣтнмъса люе пасха гни пасха ѿ смьртн оубо къ жнзньн н ѿ земля на небо хъсѣ бѣ насъ прѣвелъ естъ побѣдноу ююца* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 55 об.). Слово *земля* как семантическая синкрета имело несколько со-значений: «твердая поверхности планеты», «мир, созданный Богом», «земля, почва», «место, куда были изгнаны люди из рая», «место, противопоставленное месту Бога – небу», «люди, населяющие планету», «земное пространство». В дальнейшем все эти со-значения начали закрепляться контекстно, распадаться на всё менее зависимые от исходного (этимологического, производного) значения со-значения, и в дальнейшем были образованы семантические дериваты с соответствующими значениями, различающимися дериваты в контекстах. Первоначальное расхождение со-значений в контекстах можно наблюдать уже в XII-XIII веках, поскольку распадение синкрет – процесс длительный и очень сложный, начавший фиксироваться достаточно рано в памятниках письменности. В употреблении одних лексем можно наблюдать более ранние признаки расхождения со-значений, в употреблении других – более поздние. Во многом этим процессам способствовали греческие заимствования – символы, метафоры и пр. Так в Триоди цветной, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138) можно увидеть контексты, различающие со-значения слова *земля*:

- «твердая поверхности планеты»: *падню нзмѣрнвзын небо дланню же землю гѣ прнде снона же нзбѣра въ тем же жнтнн црствоватн възлюбнтн людн вѣрно възпнюца слава снаѣ твоен гн* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 08 л.), *земля югда потрѣсеса каменне югда распадеса жндовъ препрьѣша нн цркъвнаа катапезма нн мьртвѣць възскрѣсенне нз дажъ нмъ гн подѣломъ нхъ яко тѣщетнаа на та поучншаса* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 34 об.);

- «мир, созданный Богом»: *преже чъстнаго тн крста конномъ нграющем тобою гн разоумнаа коннства оужасахоуса възложн бо са вѣньць роуганню нже землю оукрашнвзын цвѣтзы н на гранцю роугаемъ поносн нже облакы одѣваю твѣрды такое бо строенне оуразоумѣса твое млсрдне хѣ велна млость слава тебе* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 45 л.);

- «земля, почва»: *покрываа н водамн превзыспрннмаа своа полагаа н морю предѣлъ пѣсѣкъ съдържан землю та поеть слнще та славнтъ лоуна тѣбѣ прнноснтъ хвалоу вса тварь яко съдѣтель възсѣхъ в вѣкы* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 41 л.);

- «место, куда были изгнаны люди из рая, противопоставленное небу – месту Бога»: *сего ради бѣ раздроушнтъ та до конца нстѣргнет та н преселнт та ѿ села твоего н корень твои ѿ земля жнвоушнхъ* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 09 л.);

- «люди, населяющие планету, землю»: *веселнса нерслме тѣржъствоунте любашнн снона црствоуа нбо въ вѣкы гѣ снамаъ прнде да говѣеть вса земля ѿ лица его н да поеть блггте* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 09 л.).

Но не все слова были синкретами, поскольку они не развивали дополнительные со-значения, и даже коннотации. Их предметное или исходное значение сохранялось очень долго, а в некоторых случаях не изменилось и сейчас: *ѿ клаткы члвкы тобою скобождшаго* (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, № 138), 33 об.).

В этот период нецелесообразно говорить о функционировании омонимов и семантических дериватов, поскольку слово в этот период значило больше, чем конкретный денотат. Именно в это время большую роль начинает приобретать контекст, то есть окружение слова, поскольку основную семантическую нагрузку нес именно он.

Этот процесс является следствием экстралингвистических факторов, поскольку усложнение системы языка стало результатом усложнения причинно-следственных

отношений в мире и, следовательно, в картине мира славян. Появление новой информации о мире должно было быть каким-то образом выражено посредством языка. А освоение новой информации неизбежно происходило путем сопоставления с уже известным о мире, и даже более того – на основе уже известного. Впервые тезис, что «мнение или учение своими символами водят нас к неизвестному через более известное» был высказан Николаем Кузанским в трактате “De docta ignorantia”: «Все исследователи судят о неизвестном путем соразмеряющего, сравнения с чем-то уже знакомым, так что все исследуется в сравнении и через посредство пропорции. Когда искомое сравнивается при этом с заранее известным путем краткой пропорциональной редукции, познающее суждение незатруднительно, и, наоборот, когда требуется много промежуточных звеньев, возникают трудности и неясности, как известно в математике, где начальные положения редуцировать к первым самоочевидным принципам проще, а последующие труднее, потому что надо обязательно проходить через те начальные. Итак, всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении. По этой причине бесконечное, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным» (Кузанский 2001, с. 44).

Но в лингвистике внимание на это было обращено намного позже: Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня в ряде своих работ обосновывали антропоцентризм человеческого мышления и выражения этого мышления в языке, познание нового через уже известное. Ф. И. Буслаев писал: «Созерцая природу, человек приписывает ей качества и действия своих воззрений, но не по подобию или *метафоре*, а по врожденному своему стремлению сблизиться с предметом наблюдения и познания, по свойству самого разума человеческого налагать отпечаток своей деятельности на всем том, чего коснется. Язык выражает это действие разумом весьма просто, а именно: называет вещи не по тому, что они суть на самом деле, а по тому, как они кажутся. Плавающие по морю, конечно, знают, что берега и горы стоят неподвижно, не плавают, однако в арханг. наречии говорится: *берег всплывает, сопка всплывает*, т.е. выказывается, появляется из-под горизонта. Такое выражение составилось не по уподоблению берега чему-либо плывущему, а по наглядке: потому что берег или сопка в этом случае действительно кажутся всплывающими. Следовательно, это не метафора, а скорее метонимия, и притом еще на самой начальной степени своего развития, в перенесении *кажущегося* впечатления на предмет оное произведший» (Буслаев 1861, т. I, с. 168-169). А. А. Потебня впоследствии высказывал мнение о том, что «Вещи всегда называются по тому, чем они кажутся, и мыслятся такими, какими кажутся, ибо то, что они есть, есть не сущность, а позднейшая изменённая более продолжительным и многосторонним наблюдением видимость» (Потебня 2003, с. 216). Таким образом, усложнение языковой системы, в том числе и ее семантической части, было связано с усложнением процесса экстраполяции мышления славян, которые стали способны не только называть, давать предметные номинации, но и предполагать и предвидеть.

Семантический синкретизм основывался на совмещении со-значений: знак, представляющий собой символ, обладал способностью называть, вернее, обозначать многое. И контекст предназначен был помогать определять актуальное значение символа, знака в ситуации. Символ сам по себе как языковой знак представлял собой совокупность более или менее различимых потенциальных значений и коннотаций, приписываемых слову как знаку в тот период развития языка. Любое потенциальное значение могло быть реализовано в контексте и стать актуальным, но исключительно для этого и аналогичных контекстов. В результате сначала в контекстуальном употреблении, а потом и в языке стали оформляться первые одновременно синтаксически и семантически связанные, характеризующиеся определенной устойчивостью в употреблении и функционировании единицы речи и языка. Однако они обладали некоторой свободой в грамматическом выражении: относительно свободными были состав этих единиц, полнота и последовательность состава, словообразовательные и морфологические формы, формирующие составное наименование.

Семантический синкретизм базировался прежде всего на расширении семантического объема слова, но это расширение было процессом наслаивания со-значений и коннотаций, но

пока еще не результатом порождения нового слова. Завершение процесса синкретизма слова было ознаменовано появлением семантических дериватов, появившихся в результате действия прежде всего метонимических процессов, основанных на номинации по смежности.

В целом конкретно разделить время функционирования синкрет и время функционирования метонимических дериватов нельзя, следует говорить о постепенной смене мышления, и, как следствие, употребление сначала синкрет, а затем постепенному превалярованию в функционировании дериватов. Однако всегда в любой развивающейся системе, в том числе и языковой, фиксируются переходные этапы и элементы, являющиеся отражением этих этапов. Поэтому распадение первоначального синкретизма слова может быть показано посредством анализа распадающихся синкрет, но только в функционирующем потоке этих образований.

Следует также сказать о том, что этот процесс, как, в принципе, и все процессы в языке, не является абсолютно универсальным, так же, как нельзя сказать об универсальности и объективности человеческого мышления как такового. Поэтому не следует удивляться тем фактам, что в некоторых, единичных случаях мы встречаем метафору несколько ранее XIV века, а некоторые проявления семантического синкретизма наблюдаются и в современном языке.

Появление семантических дериватов связано с совершенно разными способами мышления и выражения ментальности славян. Принципиально следует разграничивать метонимическую деривацию и аналогичные ей процессы и метафорическую деривацию.

Метонимические дериваты образовывались в результате распада семантического синкретизма слова – разграничении и отделении друг от друга тех со-значений, которые были совмещенными в отношении одного знака и которые в свое время способствовали расширению семантического объема слова. Это принципиально типовой процесс, в результате активизации которого сформировались определенные словообразовательные модели. Здесь было представлено не категориальное нарушение, а категориальное продолжение развития тех значений, которые зародились в недрах синкретичного слова. Метонимия отражает развитие отвлеченного мышления, то есть определение и обозначение денотата посредством отвлечения нового от уже известного конкретного, что изначально лежало в основе номинации денотата: *оуѣннкъ бѣвъ влѣкоу предасть на сребрѣ продавъ* (Триодъ цветная (РГАДА, ф. 381, № 138), 31 л.).

Метафорические дериваты образовывались в результате «скачка» в мышлении, отрыве нового от уже известного, категориального нарушения. Подобный языковой процесс мог быть реализован только в более развитом мышлении, нежели в отвлеченном. Появление метафор ознаменовало переход мышления славян на более высокий уровень – абстрактный. Абстрактность – это не отвлечение, а разрыв, поэтому метафора – принципиально *нетиповой* процесс, который не следует смешивать с понятием *нетипичный* процесс.

Однако в ранних текстах триодей используются заимствованные греческие метафоры: *тѣло злѡбѣ бѡпротнвно отроцн бжствннн облнчнша на хѣ же шатаѡса бѣзаконннхъ съборнцѣ помзшлметъ тѣщѣтнаѡ оубнтн пооучаетса жнкѡта държашаго дланню ѡго же всѡ тварь блгть славацн вѣ вѣкы* (Триодъ цветная (РГАДА, ф. 381, № 138), 39 об.).

Процесс образования метафоры исследовался со времен Аристотеля, который впервые дал его теоретическое обоснование и определение. За всё это время учеными даже были выделены типовые модели, по которым могут образовываться новые метафорические дериваты. Но все эти положения не носят универсально характера. Языковая компетенция позволяет носителям языка в целом отличать категориальное нарушение, которое приводит к рождению метафоры, от категориального нарушения, которое приводит в речевой ошибке. Например, с одной стороны, названия некоторых частей тела используются для метафорического наименования человека, которому приписываются определенные признаки и качества на основе индивидуальных ассоциаций (подобные номинации появились одними из первых в языке средневековья (рука, ухо, глаз), чему способствовало и переосмысление

древнегреческих метафорических заимствований (язык, голова), однако, с другой стороны, некоторые другие названия частей тела до сих пор не используются для образования метафорических номинаций (нога, бок и др.). Лингвисты вполне убедительно описали процесс образования первых, но до сих пор не в состоянии объяснить отсутствие этого в функционировании вторых. Типичность метафорической деривации – это искусственное объединение дериватов на основе их принадлежности к определенной тематике, а развитие метафорических моделей – это подмена словообразовательных отношений номинативным подходом к характеристике этих дериватов.

Отличие метонимических моделей от метафорических группировок связано с тем, что формирование метонимических моделей – это образование словообразовательных моделей с высокой степенью потенциальной заполняемости, в то время как образование метафорических группировок – это проявление спонтанных индивидуально-авторских процессов. Это подтверждает анализ языковых данных в истории языка. Метонимические модели реализуются последовательно и в широком объеме, образование метонимии является принципиально понятным. Поэтому реализация потенциальности метонимической деривации – явление реальное и последовательное, возможное. А потенциальность метафорической – это явление непоследовательное, спорадическое, и скорее вероятное, появление метафоры можно лишь предположить, а не спрогнозировать.

Самым понятным доказательством этого является обращение к лексикографической практике: в словарях зафиксировано множество значений, основанных на метонимических отношениях (по отношению к лексикографии мы не говорим о дериватах, поскольку только в случае омонимии значения слов относятся к разным словам с одинаковым фонетическим выражением), при этом разветвленным значением обладает большинство слов в русском языке, даже в нелитературной его форме; а вот метафорические наименования встречаются не так часто, как метонимические.

Следовательно, мы не можем говорить о смене метонимического мышления на рубеже XIV-XV веков метафорическим, поскольку произошло дополнение, а не замещение: активизация метафорического мышления не убила метонимическое мышление так же, как развитие отвлеченного мышления не стало свидетельством отказа от предметного (в основе производных слов зачастую лежит прямая номинация денотатов).

Отождествлять полностью понятия дериват и омоним также не следует. Это результат разных процессов. Дериват – это понятие прежде всего словообразования, поскольку предполагает словообразовательные отношения, омоним же – понятие лексикологии, поскольку предполагает отношения между словами, не всегда вступающими в словообразовательные отношения производности.

Семантика пронизывает все уровни языка, поэтому при построении семантических моделей необходимо учитывать процессы, происходящие на других уровнях. Именно поэтому семантические модели являются принципиально отличными от других лингвистических моделей. Здесь наполняемость модели – фактор не основной, поскольку наполняемость не оказывается связанной с универсальностью. В то время как одним из основных критериев любой, в том числе и лингвистической модели является предсказание неизвестного, но возможного поведения объекта, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или эксперимента.

Моделирование необходимо предполагает использование абстракции и идеализации. Отображая релевантные существенные (с точки зрения исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект. Всякая модель строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный аналог оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. В идеале модель должна быть формальной (т.е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать объяснительной силой (т.е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения

уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или экспериментов).

Моделирование семантики слова – процесс бесконечный, поскольку семантическая модель должна представлять собой не просто базу для описания и классификации семантики языковых единиц в корпусе текстов, а структуру всех возможных семантических отношений, даже если какой-то элемент будет представлен в единичном употреблении.

В результате лексико-семантического и грамматико-семантического анализа всех слов, употреблённых в триодях, формируется иерархически сконструированная семантическая модель, включающая в себя все связи и отношения слова, представленные в древнерусском языке, поскольку совокупность значений и коннотаций образует семантическую систему языка (систему значений).

Языковые особенности триодийных памятников славянской письменности должны быть рассмотрены в контексте славянской и древнерусской культур в целом. Важным является факт подтверждения активизации основных семантических изменений в семантической структуре языковых единиц различного типа (в абсолютном употреблении и контекстно связанных) в текстах триодей, произошедших в целом в истории языка и исследованных на материале памятников деловой письменности (Некипелова 2005). Анализ языковых данных столь различных по тематике и жанровой характеристике памятников письменности позволяет утверждать сходство семантических процессов, произошедших в языке триодей и языке деловых документов, а значит, и в структуре языка в целом, а также позволяет подтверждать векторную направленность семантических изменений в истории русского языка.

Литература

- БУСЛАЕВ, Ф. И., 1861. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1, Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».
- КОЛЕСОВ, В. В., 2002. Философия русского слова. Санкт-Петербург: ЮНА, 448 с.
- КУЗАНСКИЙ, Н., 2001. *Об учёном незнании*. Перевод с лат. С. А. Лопашова. Москва: Азбука.
- НЕКИПЕЛОВА, И. М., 2005. Метонимическая и метафорическая деривация в истории русского языка (на материале памятников деловой письменности XI-XVII веков). *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Казань: изд-во КГУ, 24 с.
- ПОТЕБНЯ, А. А., 2003. Теоретическая поэтика. Москва: издательский центр «Академия», 384 с.

Irina Nekipelova

Izhevsk State Technical University, Russia

Research interests: lexical and grammatical semantics, semantic modeling, history of Russian and other Slavic languages, corpus research methods of ancient Slavic written records

CASE METHODS IN RESEARCH OF LEXICAL AND GRAMMATICAL SEMANTICS OF ANCIENT MONUMENTS OF WRITING AND THE DESCRIPTION OF A LANGUAGE PICTURE OF THE SLAVS'S WORLD

Summary

The article is about the Old Russian semantics and its two important parts. These are lexical and grammatical semantics. Semantics is an integral component of linguistics. That lets to have an integral lingual picture of the world, which has its reflection in ancient written records. The reasearch suggests concepts of demarcation and correlation of such terms as semantic syncretism, semantic derivation, polysemy and homonymy with respect to language history. The analysis of language materials shows that there is no opposition in terminology which names the same phenomena. It is detecting different phenomena in language which have not received explanation and differentiation in linguistics. Research material of lexical semantic and grammatical semantic language peculiarities of triodions written records were manuscripts of the 11th-14th centuries. Semantic modeling and research is conducted by the instrumentality of corpus methods. They reveal and systematize changing semantic processes in language history.

KEY WORDS: corpus research methods, lexical and grammatical semantics, history of the Russian language, semantic modeling

Дмитрий Новиков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД
России

пр. Вернадского 76 – 2122, 119454 Москва, Россия

Эл. почта: dnnovikov@mail.ru

Научные интересы: вопросы лексикологии, теоретической грамматики и теории коммуникации в когнитивном и прагматическом аспектах

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ: ОБ ОДНОЗНАЧНОСТИ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ

В статье излагаются основные принципы описания природы многозначного слова в свете незеркального характера соотношения языка и речи с учётом биокогнитивного подхода к исследованию языковых явлений. Предлагаемый метод основывается на положении, что в основе семантической структуры слова, которая проявляется в речевых контекстах и отражается в виде лексико-семантических вариантов в толковых словарях, лежит семантический стержень (ядро, или лексический прототип), являющийся частью ментального лексикона человека, предшествующий всем речевым словозначениям и имеющий по отношению к ним инвариантный характер. Такие лексические прототипы, функционирующие на самом высоком уровне абстракции, суть пучки коммуникативно значимых интегральных и дифференциальных признаков минимально необходимых для идентификации предмета или понятия. Именно эти системные значения, формирующиеся в онтогенезе как неотъемлемая часть организма человека, и могут являться основанием надёжного и непротиворечивого семантического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическая структура слова, полисемия, лексическое значение, лексический прототип, коммуникация

Решение вопроса о природе и организации семантической структуры многозначного слова представляется в достаточной степени реальным и соответствующим объективной действительности, если попытаться отойти от господствовавших в течение многих лет взглядов на процесс коммуникации как обмен информацией, осуществляющийся якобы благодаря тому, что как отправитель, так и получатель, следуя определенной совместно принятой процедуре, раскладывают знаки на кванты значения и извлекают закодированные в знаках значимости (Кравченко 2004, с. 40). В рамках такой теории подход к языку как средству коммуникации, осуществляемой при помощи знаковой системы (зачастую понимаемой как единый для всех носителей языка набор лексико-грамматических единиц и правил их использования, которые «содержатся» в словарях и грамматических справочниках), по справедливому замечанию А. В. Кравченко, не давал адекватного ответа на вопрос о том, зачем нужен такой обмен (Кравченко 2004, с. 39), а анализ поверхностного уровня коммуникации, непосредственно доступного наблюдателю, по сути, сравним со средневековыми представлениями о движении солнца и планет вокруг Земли.

Большую ясность в обсуждаемую проблему внесла теория языковой личности, в основе которой лежит понимание языка как формы и способа жизнедеятельности человека, способа вербализации человеческого опыта и его осознания, способа выражения личности и организации межличностного общения в процессе совместной деятельности людей. В рамках этой теории исследуемый и ранее лексикон (как сумма знаний человека о естественном языке, включающая знания словарного состава и грамматики) стал пониматься как неразрывно связанный с суммой понятий, идей и представлений, которые человек приобретает относительно окружающего мира в ходе своего онтогенеза (то есть картиной мира), а также с системой целей, мотивов, интересов и психологических установок,

которыми человек руководствуется в своей жизнедеятельности. Данный подход весьма удачно согласуется с современными принципами биокогнитивных исследований языка, в которых язык рассматривается как функция человеческого организма, служащая прежде всего для адаптации человека в окружающей среде.

Базируясь на опыте, «точно так же, как разум развивается (возникает) одновременно с развитием тела в процессе его функциональных взаимодействий с окружающей средой, значение возникает в процессе функциональных взаимодействий организма с физическими сущностями, образующими эту среду» (Кравченко 2004, с. 40), а они, в свою очередь, могут приобретать знаковый характер в зависимости от того, наделяет ли их организм значимостью, которая имеет в основном индивидуальную, а не социальную природу. «Эта значимость может в значительной степени социализироваться в результате взаимодействия людей с отдельными типами сущностей или явлений в сфере разделяемого ими перцептуального и опытного пространства, но она никогда не утрачивает своего индивидуального 'оттенка'» (Кравченко 2004, с. 40). Сутью же коммуникации А. В. Кравченко вполне резонно считает «не столько обмен чем бы то ни было, сколько вовлечение другого в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека *ориентирующее воздействие*, т.е. изменить в той или иной степени состояние среды, в которой находится «адресат», таким образом, чтобы это изменение вызвало со стороны «адресата» ту или иную поведенческую реакцию" (Кравченко 2008, с. 90). В связи с этим необходимо признать, что сама информация, которая якобы «передается» в процессе коммуникации, (как и знание) – это продукт познания как биологической функции конкретного живого организма (Матурана 1996; Кравченко 2004, 2008; Архипов 2006 и др.), в прямом смысле не выходящий за пределы этого организма.

В рамках этой концепции языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, которые носят ориентирующий характер и служат осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею, а значение понимается как нечто, возникающее из взаимодействий организма с его нишей в окружающей среде, воспринимаемой как его субъективный мир (Кравченко 2004, с. 45).

Следуя этой логике, необходимо признать, что всякая языковая система (естественного языка) есть, прежде всего, неотъемлемая часть каждого конкретного человека, формирующаяся в нём в течение всей его жизни, а значение, по словам М. В. Никитина, – это факт сознания. «Оно замкнуто в сознании и ... никогда не покидает головы. При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. ... Знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» (Никитин 1988, с. 16).

Возвращаясь к проблеме многозначности слова, или полисемии, в первую очередь необходимо задаться вопросом о том, как многочисленные значения полисемантических слов попадают в сознание человека и каким образом они в нём хранятся.

В работах психолингвистов уже давно было отмечено, что «в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов» (Брудный 1971, с. 19) и что в многозначном слове, очевидно, существует некоторое основное, исходное значение, которое является психолингвистической реальностью (Муравицкая 1971, с. 42). Как утверждает В. Ф. Петренко, «лексика несет в себе в форме семантических компонентов идеальные эталоны, мерки, которые выделяют, вычлениют в отражаемой действительности те или иные аспекты. Семантические компоненты лексики – единицы более дробные, чем значения, образующие его структуру, – являются носителями этих эталонов, и соответствие им ...признаков отражаемого объекта действительности позволяет выразить этот объект в слове» (Петренко 1988, с. 12), которое, по А. А. Брудному, может существовать в двух семантических состояниях: «В системном состоянии слово

находится вне ситуации словоупотребления; при этом сетка интравербальных отношений как бы очерчивает границы возможного употребления слова – его семантический потенциал, его «системное значение» ... В процессе общения носитель языка обычно оперирует словами с достаточной смысловой точностью... Это способ перехода из одного семантического состояния в другое – из системного в ситуативное» (Брудный 1971, с. 19).

Как справедливо отмечает А. А. Залевская, понятие «ментальный лексикон» вообще следует понимать лишь условно: «...это конструкт, выделяемый в целях более детального научного описания, но в реальности существующий в неразрывном взаимодействии со всеми психическими процессами, одним из продуктов функционирования которых он является» (Залевская 2000, с. 165), а нейрофизиологические исследования Н. П. Бехтеревой показали, что «психическая деятельность представляет собой кодовые операции..., причем для принятия решения человеческому мозгу... достаточно компрессированных кодовых форм, которые в процессах мышления и памяти могут иметь самостоятельное значение» ... Такие «компрессированные формы» суть не нейроэквиваленты речевой моторики, а семантические единицы, смыслы (Горелов 1977, с. 171). Под руководством Н. П. Бехтеревой проводился эксперимент, направленный на детекцию семантических и грамматических признаков речи. «Создавалось впечатление», — комментирует полученные результаты исследователь, — «что по крайней мере в пределах шести миллиметров коры... происходил и анализ составляющих речи, и более глобальное восприятие её... Не отступая от фактов, можно говорить и об оценочных реакциях, являющихся результатом индивидуального опыта. Действительно, дифференцированная реакция в зависимости от характера «ошибок» фразы или её правильности может рассматриваться как результат сравнения с *эталоном и даже реакции, как следствие согласия или, наоборот, конфронтации с ним* (курсив мой – Д. Н.). Аппарат сравнения, по-видимому, одно из базисных свойств высших функций мозга... Как известно, определенным отделам мозга... приписывается функция сравнения (компараторная) как основная. Равно как и ряд мозговых зон имеет очень существенное отношение к процессам памяти, в частности, к процессам считывания из памяти» (Бехтерева 1994, с. 118). Таким образом, слово, выражаясь словами А. А. Леонтьева, «*записано в форме поиска этого слова* (курсив мой – Д. Н.). Опираясь соответствующими признаками, мы тем самым уже «считываем запись» в лексиконе... Одним словом, слова не хранятся в памяти как слова, но как комплексы признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» (Брудный 1971, с. 18). По сути дела, представляется, что речь здесь идёт как раз о поиске носителем языка актуального слова на основе знания системного значения этого слова.

Вполне вероятно, что функционирование таких единиц внутреннего лексикона связано с и подчинено работе открытого Н. П. Бехтеревой «детектора ошибок», локализованного в головном мозге и контролирующего всё поведение человека. Детектор ошибок, чутко реагирующий на малейшие сбои в привычном поведении человека, – это, по словам С. В. Медведева, мощная система, которая стабилизирует всю его жизнь (Константинов 2008, с. 64-65). Данное утверждение вполне согласуется с точкой зрения чилийского нейрофизиолога У. Матураны, согласно которой всякая живая система, которой, безусловно, человек и является, «всегда функционирует прогностически: что произошло однажды, произойдёт вновь. Её организация... консервативна и повторяет только то, что работает... Если данное поведение порождается некоторым данным состоянием относительной активности в нервных клетках, тогда повторение «прежнего состояния» относительной активности должно порождать «прежнее поведение» независимо от того, что является источником повторения» (Матурана 1996, с. 113).

С учётом данных психолингвистики и нейрофизиологии биолингвисты приходят к выводам, проливающим свет на действительное соотношение языка и речи, характер которого не является зеркальным.

Актуальное, или речевое, значение слова формируется в результате поступающих в головной мозг всех сенсорных сигналов тела: «Значение есть отношение между организмом и его физической и культурной средой, определяемое ценностью среды для организма» (Златев 2006, с. 311). «Результаты описания организмом состояний своих внутренних и внешних ниш, то есть состояния нервной ткани в результате сравнения, оценки, обобщения и фиксации этих параметров ниш в памяти тела, становятся значениями соответствующих поступающих форм слов (среди прочих сигналов). Таким образом складываются и постоянно проигрываются лингво-соматические или сомато-лингвистические механизмы реакций тела на *разные* значения слов. И, наоборот, при необходимости ответа на изменения в нишах с помощью разных значений слова, соответствующие изменения состояний нервной ткани запускают механизмы, приводящие к семиозису...» (Архипов 2009). То есть, под **речевым значением** слова необходимо понимать одномоментную конвенциональную связь между состоянием или изменением нервной ткани с восприятием формы слова в сочетании с реакциями тела на них. Запомненные телом соответствующие (рекурсивные) механизмы подобных ассоциаций есть коды системы языка. Соответственно, **системным значением** (в том числе так называемого «многозначного») слова следует признать ответ памяти об опыте конвенциональных ответов тела на сигнал в виде данной формы слова.

Смысл сказанного можно раскрыть, обратившись к достижениям последних лет в области прототипической семантики, где понятие «системное значение» коррелирует с понятием «лексический прототип», трактуемым как «пучок коммуникативно значимых узуальных категориальных и дифференциальных признаков, минимально необходимых для идентификации предмета или понятия». Такие признаки примитивны и не могут быть выведены один из другого (Архипов 1997, с. 25; Песина 2005). Являясь содержательным ядром слова, существующим на самом высоком уровне абстракции, лексический прототип выводится с учётом всех речевых значений и представляет собой «семантический инвариант», который и обеспечивает семантическое единство слова при многочленной полисемии (в терминах традиционной семантики).

Для иллюстрации предлагаемого подхода попробуем смоделировать вероятностное для обыденного языкового сознания системное значение, связываемое с английским существительным 'air' (Новиков 2010, с. 80).

Стоит отметить, что данная субстантивная единица вызвала в лингвистической литературе немало споров. И. С. Тышлер (1960, с. 83) и М. М. Фалькович (1960, с. 87) рассматривают ее как два омонима: **air**_{1 (n)} (воздух) и **air**_{2 (n)} (внешний вид). При этом такой подход удовлетворяет лишь толковый словарь CIDE, который членит звукокомплекс [eə] на четыре субстантивные единицы (омонимы - ?): "area", "broadcast", "manner", "tune". Все остальные словари являются сторонниками полисемии этой единицы. Всего в ходе анализа словарей было выделено четырнадцать лексико-семантических вариантов (ЛСВ), релевантных для современного английского языка.

В качестве номинативно-непроизводного значения (ННЗ) ANDEL приводит следующую дефиницию: "a) a colorless, odorless, tasteless gaseous mixture, mainly nitrogen (approximately 78 per cent) and oxygen (approximately 21 per cent) with lesser amounts of argon, carbon dioxide, hydrogen, neon, helium, and other gases; b) this mixture with varying amounts of moisture and particulate matter, enveloping Earth; the atmosphere". Представляется, что среднестатистический человек вряд ли оперирует в своей повседневной жизни таким научным определением воздуха, состоящим из названий химических элементов в математических пропорциях. На роль ННЗ больше подходит дефиниция из ALDCE: "*the mixture of gases that surrounds /envelops/ the earth and which we breathe*". В качестве его существенных признаков можно выделить также семы *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic, making living, flying and sound producing possible*. По-видимому, именно это значение, очевидно, и является «ближайшим» лексическим прототипом, существующим в сознании всех носителей английского языка (так как воздух пока еще везде одинаковый).

AIR-2 "the air or atmosphere in an enclosure" – прямой метонимический перенос от ННЗ по типу «часть – целое», с учетом компонентного анализа может быть переформулирован как "an enclosed part of the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible*".

AIR-3 "the sky, firmament" также является метонимическим и есть не что иное, как "the upper layer of the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible; which is seen as a hemisphere above the earth*".

AIR-4 "an atmospheric movement; breeze; light wind" – ещё одно метонимическое значение, которое можно сформулировать как "natural or artificial light moving part of the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible*".

К метонимическим на основе ближайшего лексического прототипа следует отнести и следующие четыре значения:

AIR-5 "unconfined space outside the premises" – "part of the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible, which is outside the premises*".

AIR-6 "public utterance; publicity; vent; medium for spoken communication; circulation" (в сочетаниях типа *to give air to one's grievances, you gave it air before me, he gave air to his objections*) предстаёт с учетом компонентного анализа как "medium for spoken communication constituted by the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible*". То есть, говорить – это создавать тем самым движение воздуха. Заметим, что это значение перейдет в разряд метафорических, если будут иметься в виду печатные или электронные СМИ.

AIR-7 "the medium of transmission of radio and television waves; broadcast" так же должен быть дополнен экспликацией *sem constituted by the invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth and makes living, breathing, flying and sound producing possible*, что проясняет его метонимический характер; а в обыденном сознании эфир часто отождествляется с воздухом и ветром, которые «доставляют» теле- и радиоволны к приёмникам. Если же учесть передачу сигнала по проводам, то данное значение носит явный метафорический характер.

Метонимический AIR-8: "aircraft (or any) sphere having to do with flying which is possible in the *invisible, colourless, insipid, transparent, compressible, elastic gaseous mixture that envelops the earth*".

AIR-9 "that which surrounds and influences; a peculiar or characteristic impression, an aura; a distinctive but intangible quality surrounding a person or thing" (*Venice in winter has an air of mystery*) – значение метафорическое от ННЗ: так же как воздух окружает нас и нашу планету, определенная обстановка, атмосфера может окружать людей и заполнять пространство. В качестве признаков, положенных в основу сравнения, выступают семы физического образа, а вернее: его явного отсутствия, а также сема *to surround/envelop*.

AIR-10 "personal bearing, appearance, manner; mien; outward appearance" (*He held his head up and walked into his office with an air of superiority*), по всей видимости, является сужением девятого значения. В нём нет образа номинативно-непроизводного значения, но семы *invisible emanation (of one's character or quality), 'enveloping' one and producing a certain impression* имеют в данном значении довольно сильную импликацию.

AIR-11 "affected manners, haughty pose", употребляющийся только во множественном числе (*She gives herself aristocratic airs*), предстает как сужение от AIR-10: *invisible emanation (of one's character or quality) producing a negative impression*.

AIR-12 "the giant void, nothingness; something unsubstantial, light, or volatile" (*The money vanished into thin air*) основан на семе *invisible*, которая, по сути являясь наиболее яркой (*salient*) в пучке признаков ЛП-инварианта, формулируемого на основе анализа

двенадцати лексико-семантических вариантов как "*light invisible gaseous emanation enveloping (ever-present about) and influencing us*", и может выступать базой для образования отдельного словозначения.

Далее следуют ЛСВ, связанные с музыкой. CIDE, WEBSTER, ALDCE приводят значение AIR-13 "a simple tune; melody", "a simple tune which can be easily remembered" (COBUILD), которое, должно быть, является метафорой от метонимического AIR-4 по признакам *light and breezy*. Кроме того, сюда же могут входить признаки дальнейшего прототипа *ever-present about us, producing an impression / influence*, поскольку очень часто человеку нелегко избавиться от мотивчика, который "засел" ему в голову и который он волей-неволей напевает про себя, вследствие чего и ощущается постоянное присутствие мелодии.

Еще одно «музыкальное» значение /AIR-14/ "aria" подаётся словарями как "the soprano or a treble part in a harmonised composition (партия сопрано или дисканта); a solo with or without accompaniment (ария, соло)" (HERITAGE, AHDEL). Дефиниция WRUD "a musical idea, or motive, rhythmically developed in consecutive single tones, so as to form a symmetrical and balanced whole, which may be sung by a single voice to the stanzas of a hymn or song, or even to plain prose, or played upon an instrument...", раскрывающая суть AIR-14, позволяет говорить о терминологичности данного значения, употребляемого в узкопрофессиональной сфере, и в сочетании с ещё более "узким" определением WN "a succession of notes forming a distinctive sequence" явно указывает на омонимию.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что говорить о лексической полисемии можно (и нужно) в действительности именно на уровне речи: словарные значения (многозначность) суть результат анализа и запоминания наблюдателем различных контекстов речевого употребления слов, при этом (толковый) словарь – это искусственная, созданная лингвистами языковая система, не всегда соответствующая естественной системе языка, существующей в замкнутом сознании её носителя, на уровне которой слова следует признать **однозначными лексемами**: сколько бы значений ни ассоциировалось с определённой словоформой в речи, с ней всегда связывается её системное значение. Языковые системы, заключённые в индивидуальных сознаниях членов языкового коллектива, складываются и функционируют в зависимости от жизненного, коммуникативного опыта и прагматических установок языковых личностей и являются результатом запоминания суммы ответных реакций организма человека на сигналы взаимодействующей с ним окружающей среды (Архипов 2009, Новиков 2010).

Литература

- АРХИПОВ, И. К., 1997. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи. *К юбилею ученого. Сборник научных трудов, посвященных юбилею Е. С. Кубряковой*. Москва: МГПУ, с. 24 – 28.
- АРХИПОВ, И. К., 2006. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания. *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, с. 157 – 171.
- АРХИПОВ, И. К., 2009. Язык и его функция: смена парадигм научного знания. *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2. Иркутск: БГУЭП, с.106 – 152.
- БЕХТЕРЕВА, Н. П., 1994. О мозге человека. Размышления о главном. Санкт-Петербург: Нотабене.
- БРУДНЫЙ, А. А., 1971. Значение слова и технология противопоставления. *Семантическая структура слова*: Сб. ст. Москва: Наука.
- ГОРЕЛОВ, И. Н., 1977. Проблемы «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии. *Известия АН СССР СЛЯ*, т. 36, № 2, с. 165 – 176.
- ЗАЛЕВСКАЯ, А. А., 2000. Введение в психолингвистику. Москва: РГГУ.
- ЗЛАТЕВ, Й., 2006. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения. *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып.1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, с. 308 – 361.
- КОНСТАНТИНОВ, А., 2008. Детектор совести. Интервью с С. Медведевым. *Русский репортер*. № 1 (031), с. 64 – 65.
- КРАВЧЕНКО, А. В., 2004. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1, с. 37 – 52.

- КРАВЧЕНКО, А. В., 2008. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП.
- КРАВЧЕНКО, А. В., 2006. Является ли язык репрезентативной системой? *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, с.135 – 156.
- МАТУРАНА, У., 1996. Биология познания. *Язык и интеллект*. Сб. Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. Москва: Прогресс, с. 95 – 142.
- МУРАВИЦКАЯ, М. П., 1971. Психолингвистический критерий разграничения лексических омонимов. *Вопросы описания лексико-семантической системы языка*. Тезисы докладов, ч. 2. Москва, с.56 – 64.
- НИКИТИН, М. В., 1988. Основы лингвистической теории значения. Москва: Высшая школа.
- НОВИКОВ, Д. Н., 2010. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте: прототипическая база английского лексикона. Москва: МГИМО (У) МИД РФ.
- ПЕСИНА, С. А., 2005. Полисемия в когнитивном аспекте: *Монография*. Санкт-Петербург.
- ТЫШЛЕР, И. С., 1960. К вопросу о судьбе омонимов. *Вопросы языкознания*, № 5, с. 80– 85.
- ФАЛЬКОВИЧ, М. М., 1960. К вопросу о полисемии и омонимии. *Вопросы языкознания*, № 5, с. 85 – 88.

Лексикографические источники:

- АНДЕЛ – The American Heritage Dictionary of the English Language, 3rd Edition. Houghton Mifflin Company, 1996.
- ALDCE – The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Ставрополь, 1992.
- CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001.
- COBUILD – Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary, 2001.
- HERITAGE – The American Heritage Dictionary. 2nd College Edition. Boston, 1985.
- WEBSTER – Webster's New World Encyclopedia. New-York, 1993.
- WN – WordNet. Princeton University. 1997. (Internet: <http://wordnetweb.princeton.edu>)

Dmitry Novikov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia

Research interests: :cognitive linguistics, biosemantics, pragmatics, communication theory

LANGUAGE VS SPEECH: ON MONOSEMY OF POLYSEMOUS WORDS

Summary

The paper uses a bio-cognitive approach to explore the principles of analyzing the nature of a polysemous word in the light of the non-mirrorlike character of the language-speech correlation. The proposed method is based on the assumption that the semantic structure of a word, which manifests itself in discourse (speech) and is reflected in explanatory dictionaries by lexicographers, rests on a pivot or core that is an integral part of a person's mental lexicon. Such cores are considered to have an invariant status and may be called 'lexical prototypes' as they precede all actual senses of a word that may be used in different communication situations. Such prototypes comprise a minimal bundle of communicatively significant features – markers and distinguishers – that are necessary to identify an object or a concept, and function in the human mind at the highest level of abstraction or generalisation. Consequently, it is these lexical prototypes (or system meanings of lexemes) used by native speakers at the level of the language system inherent in human organisms, which can provide the foundation for a reliable and balanced semantic analysis.

KEY WORDS: semantic structure of words, polysemy, lexical meaning, lexical prototype, communication

Vytautė Pasvenskienė, Žieda Tamašauskaitė
Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania
Muitinės g. 8, 42280 Kaunas, Lietuva
Tel.: (+370 37) 442604
E-mail: vytautepasvenskiene@gmail.com
Research interests: English phonetics and phonology; translation studies

VARIATION IN VOWEL PRONUNCIATION OF NORTHERN BRITISH ENGLISH ACCENTS: AUDIOVISUAL TRANSLATION PERSPECTIVE

In translation for film dubbing as a mode of audiovisual translation, fidelity is particularly due to an audience that is in need of communicative effectiveness. Translation for dubbing is further complicated by the constraints inherent to the media which often make the translator manipulate language for technical reasons, differentiating feature of this type of translation being lip synchronization in close-up shots. Therefore it requires an interdisciplinary approach, in which the phonetic aspect is brought to bear. No language being a single and clearly defined entity, notably English, particularly in spoken language, the translator should have awareness of its varieties, the most predominant British English accents, a large part of which fall under the group of northern accents.

KEY WORDS: *accentual variety, visual phonetics, language vocalic elements, translation for dubbing*

The concept *visual phonetics* was first introduced in the work of Fodor (1976), who pioneered to develop the area of study linking the mouth articulatory movements of the screen actor and the phonemes that the translator should fit to his or her mouth so as to avoid a clash between the translation and the original image. As long as translation for film dubbing essentially rests on the functionalist and polysystemic approaches, regarding synchronization as the key factor of this mode of audiovisual translation, it is important to reflect on the phonetic systems of source and target languages in order to provide leading instructions for professional practice.

In fact, any comparative study, exhaustive as it may be, of the phonemic systems of two languages deals as a rule with the standard type of these languages, disregarding the considerable number of accentual variety in each of them. The film dialogue, however, is most often abundant in accentual variety. While in the target text, the language, with rare exceptions, is kept standard, to achieve the luculent visual effect in dubbing, the translator needs awareness of the variable pronunciation of the source language vocalic elements.

Although people are used to thinking about the English language as a single and clearly defined entity, English actually comes in many different forms, particularly in spoken language. There is a great regional variation within English as it is spoken in different parts of Great Britain.

It has been widely agreed that in translation for dubbing the focus should be put on bilabial consonants and open vowels. The problem of bilabials, however, does not seem acute. Therefore the object of present analysis was peculiar vowel pronunciation patterns in the most distinctive northern British English accents and the features of vowel pronunciation which set the group of accents apart from other varieties of English and the corresponding vowels in RP.

In describing the differences between the varieties of English a distinction between the terms *variety*, *dialect*, and *accent* that are often used as rough synonyms and connected in common perception, must be made.

The first to be discussed is the term *variety*, also known as a *lect*. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics* defines a variety as “any form of language seen as systematically distinct from others” (Matthews 2007, p. 426). A variety may involve all or any of lexical, morphological, syntactical, and phonetic differences. Therefore, the term is very general and may be used to refer to dialects and accents as well as to any other linguistic variation.

The term *dialect*, as described by David Crystal in *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, “is a regionally or socially distinctive variety of language, identified by a particular set of words and grammatical structures” (Crystal 2003, p. 136). Thereby, a dialect is a sub-division of language identified by variations in lexis, morphology, syntax, and pronunciation. Any language which has a considerable number of speakers is sure to develop dialects, especially if there are geographical barriers separating certain groups of speakers or a division of society into social classes.

Everyone can be said to speak a dialect, as everyone uses a certain combination of words, grammatical forms, and pronunciations. None of these combinations of language is linguistically superior to any other. On the contrary, all dialects are linguistically equal, i.e. there is nothing you can say in one dialect that you cannot say in another (Trudgill 2004, p. 2). However, one of these dialects may dominate the others as the standard form of a language.

The major differences between dialects are phonological. When dialects are spoken, they are usually associated with a distinctive pronunciation, known as *accent*, i.e. “the cumulative auditory effect of those features of pronunciation which identify where a person is from, regionally or socially” (Crystal 2003, p. 3). Since the term *accent* refers only to variability in pronunciation, which indicates a person’s social class or geographical origin, it is distinct from the term *dialect*, which refers to grammar and vocabulary as well. In his book *Sociolinguistics* Peter Trudgill notes:

The term *dialect* refers, strictly speaking, to differences between kinds of language which are differences of vocabulary, grammar as well as pronunciation. The term *accent*, on the other hand, refers solely to differences of pronunciation... (Trudgill 1983, p. 17)

Thereby, Standard English, being one of the dialects of English, may be spoken not only with the standard British English Pronunciation, i.e. RP. It is important to point out that most British people speak Standard English with some form of accent, and only 3 to 5 per cent of Great Britain’s population speak Standard English with regionless accent, RP. Thus, Standard English has a widely accepted, codified grammar and vocabulary, but this consensus does not apply to pronunciation (ibid, p. 18).

In the analyses of accents, three key areas may be distinguished: personal, regional, and social. A *personal accent* refers to changes in pronunciation of individuals, a *regional accent* links a person to a specific geographical area, while a *social accent* relates to his/her social and educational background. Although regional elements of an accent are likely to be dominant, a regional variety may be modified by speaker’s individual style or background.

Each person has his own individual set of speech patterns, i.e. *idiolect*. Trudgill defines idiolect as “the speech of a person at one time in one style” (ibid, p. 37). Thereby, each person’s idiolect not only differs from that of other people, for it is impossible for anyone to reproduce the same sounds identically, but there is variation in the pronunciation of any individual speaker as well, which may be conditioned by context, mood, or physical reasons (as e.g. sore throat, cold, etc.).

It has been attested that in formal context, speakers are more likely to articulate words carefully, avoiding elision, reduction, etc., and their pronunciation is more likely to resemble that of RP. In less formal contexts, on the contrary, the speech is more likely to be faster and the articulation is less precise. It should be added that people are likely to alter their language depending on who they are talking to. Usually it is a speaker with a non-standard accent, who is likely to change his pronunciation in order to sound more like an RP speaker. Sometimes both the speakers modify their accents in order to sound more alike, or both of them exaggerate their pronunciation differences so as to emphasize their opposing positions (Thorne 2008, p. 156).

It should be noted that despite modifications and alteration, personal accents are not likely to impede understanding and communication. Besides, differences among personal accents are too small to be linguistically significant.

Conversely to personal accents, social accents are linguistically significant, for they may impede cross-communication. A social accent is a variability of pronunciation conditioned by the

speaker's social background, social class, education, occupation, and/or gender. The development of social accents can be explained in terms of social barriers and distances, i.e. social class, age, gender, religion, etc. (Trudgill 1983, p. 35).

Hierarchical ordering of society, i.e. social stratification, is an important factor of variations within a language. Although in the recent decades changes in the access to higher education and the labour market might have altered the traditional hierarchical order of English society, inequalities of power and wealth continue to divide England and influence the way people speak. Thereby, speakers from lower social classes, who are usually less educated than those of high social classes and tend to have non-professional jobs, are likely to speak regional accents. Speakers from high social classes, who are usually well-educated, on the contrary, are likely to speak RP. As John Lyons puts it "the lower one is on the social scale, the more one's accent differs from RP and the more regionally marked it will be" (1981, p. 273).

However, social position of people is subject to change. People who climb the social scale are likely to modify their accent to adjust it to RP and sound prestigious. Nevertheless, emulation of RP sometimes ends in *hypercorrection*¹. Besides, it is well worth making a note that the pressure to modify one's speech in the direction of RP has already decreased. The 19th century attitudes towards RP are maintained only in the highest echelons of British society and the English public schools. The general public regards RP as a signal of intelligence and competence, rather than a signal of certain occupations (Hughes *et al.* 2005, p. 10).

It should be noted that social accents vary regionally. Speakers of a certain social class do not manifest pronouncing similarities with all the speakers of the same class all over the British Isles, but solely with speakers of the same social class and the same region. Thus, although pronunciation may be socially distinct, most often it is also geographically distinct, for the person's accent correlates most closely with his/her regionality.

Variation within pronunciation which links a person to a certain geographical area is known under the term *regional accent*. As long as the greatest part of the population of Great Britain speaks some regional accent, and only a small part of native English speakers have RP, a British English speaker's speech usually can inform his interlocutors about where he comes from.

Each major accent region contains sub-regions, and each sub-region has a collection of similar accents (Malmstrom *et al.* 1973, p. 341). In Great Britain, regional accents are usually divided into 'northern', 'southern', 'Irish', 'Scottish' and 'Welsh'. The five major groups of British English regional accents may be subdivided into smaller sub-groups, e.g. the group of northern English accents comprises eight sub-groups (see Map 1): North-east, Central North, Central Lancashire, Merseyside, Humberside, North-west Midlands, East Midlands, and West Midlands accents; the group of southern English accents includes South Midlands, Eastern South-west, Western South-west, South-east and East Anglia accents; etc. (Hughes *et al.* 2005, p. 9).

The principal difference between rural and urban accents is that the former, although sparse and spoken by a small number of people, are more distinct from RP than the latter, which are used by a considerable number of English speakers. Another difference is that rural accents usually do not influence either RP or other accents; meanwhile urban accents are sources of linguistic innovations.

Accent area is neither fixed nor homogenous, and *isoglosses*² marking boundaries for phonological features are not tight. On the contrary, accents blend imperceptibly into one another as individual speakers espouse features drawn from a set of accents to which they have access and which are indicative of their regional connections.

The hearer detecting the presence or absence of features as they move about a country or region, particularly at a local level it is a matter of 'more or less', of features being heard with greater or lesser frequency as features most characteristic of one region are left behind, to be

¹ Hypercorrection is avoidance of a form that is believed to be non-standard when it is standard.

² An *isogloss* is a line which marks an area in which a particular accent is spoken or a certain pronunciation feature is found. Regardless of the fact that the boundaries marked by isoglosses are general, differences across each of the line are more obvious than those within each area.

replaced with greater intensity by others associated with a region being approached (Kortmann *et al.* 2004, p. 26).

Although personal and social considerations are relatively considerable factors in variation within British English, geographical considerations are the most salient among the three.

The simplest difference among accents derives from different phonetic realization rules applied to a particular phoneme, and is the difference in the *phonetic realizations*³ of the phonemes. Thus, in different accents, the number of phonemic terms⁴ may be the same, but their realization may differ (Wells 1999, p. 73).

Phonetic realization of phonemes is usually uncontrollable by speakers and, as a result, is carried into standard pronunciation. Thus, it contributes greatly to the making of a regional or social accent recognisable. Nevertheless, differences in phonetic realization usually do not impede understanding, and, thereby, are not considered as having a great linguistic function.

Structural differences between accents, in opposition to realizational differences, are linguistically significant, for they include differences in the set of environments in which a phoneme may occur. When accents are said to differ structurally, it is implied that their sound-system may be the same, but the phonetic environment in which a certain phoneme occurs may be limited in one of the accents. Such difference in *phonotactic distribution*⁵ of accents puts the accents not only in phonetic, but also in phonological contrast, as due to different distribution not only the pronunciation of words, but also the rules which allow (or restrict) a certain phoneme to occur in a certain environment differ.

Differences in the phonemic system are even more significant for in addition to phonetic and phonological differences they display the historical, cultural, social, etc. segregation of groups of people speaking them. Also known as systemic differences, differences in the phonemic system between accents are differences in the number and/or identity of phonemes (Wells 1999, p. 77).

The final difference to be considered is the difference in the phonemes used for lexical representation of certain morphemes or words, i.e. lexical difference. Differences in the *lexical distribution*⁶ or *incidence* imply that a sound-system of accents may be the same, but the distribution of phonemes in different words may differ anyway, as e.g. in northern accents which distinguish between /r:/ and /ɹ/, but use /r:/ in certain words ('book', 'took', etc.) (Cruttenden 1994, p. 82).

Lexical distribution is concerned with controversies about what is 'correct' and what is 'incorrect' in pronunciation. Furthermore, lexical differences are of special importance where a substantial set of words behave in a parallel fashion. One such set comprises the words 'bath', 'staff', 'grass', 'path', etc. Some accents use the vowel /ɒ/ in these words, meanwhile others pronounce them with the vowel /ʌ:/. The choice between the two vowels is of indexical importance in distinguishing the accents of the North from the accents of the South of England.

Although differences between accents relate to consonants as well as vowels, realizational, structural, systemic and lexical differences discussed above are more pronounced among the vocalic elements and accents differ more in their vowel systems than in their consonant systems.

Despite the fact that variation in pronunciation is normal and universal, reflecting diversity of cultural and social groups, a highly diversified society needs a standard variety in order to make supra-regional communication nationally and internationally intelligible (Crystal 2004, p. 530). Therefore, it is necessary to set up a standard of pronunciation, a supra-regional accent model, which could be used for wide communication, as a norm to discuss regional, social, etc. variations, as well as in language teaching. The standard variety of British English used for wide

³ *Phonetic realization* is the way a speech sound is produced.

⁴ Phonemic terms are speech sounds (vowels and consonants) that constitute sound-system of a language.

⁵ *Phonotactic distribution* is a set of environments in which a phoneme may occur.

⁶ *Lexical distribution* of sounds can be described as phonemes selected for the lexical representation of certain words.

communication and for describing variations within English is known as *Received Pronunciation* (RP).

Although RP may be successfully described as a regionless accent, it cannot be described as a classless accent. Therefore, many British English speakers regard RP not only as a mark of privilege and domination by the upper-class English, but also dislike it. Besides, it has been estimated that only about 3-5 per cent of the residents of the UK speak RP. Although the number might be extended by counting *Modified Received Pronunciation*⁷ (MRP) or *near-RP* speakers, the majority of British people speak some form of a regional accent, and regard RP as distinct from colloquial use and an artefact acquired at school.

Although it might seem that presently the dream of a uniform English speaking world-wide standard speech based on RP is as far off as it ever was, RP remains a crucial accent in many spheres of life. This is due to the fact that RP is the pronunciation still used in education, law courts, and in many other contexts where it is essential to use a universally recognized spoken form of English. Besides, RP is used as a norm to discuss regional, social, and individual variations in British English pronunciation (Thorne 2008, p. 153). Therefore, the vowel system of each accent analysed below is described as divergent from RP.

Dialects and accents of the North of England derive from the language of northern Germanic tribes that settled in the region later known as Northumbria in the 5th century A.D. Thus, historically the North of England is the region of Northumbria, stretching from the river Humber to the river Firth, with Sheffield as its most southern point (see Map 1). Presently, the region would include the countries of Northumberland, Cumbria, Tyne and Wear, Teeside, Humberside, Yorkshire, Merseyside, Manchester, and Lancashire.

However, the boundaries of the North of England drawn by dialectologists, laymen, geographers and linguists not always coincide with the boundaries of the historical North. Stanley Ellis, for example, understands the linguistic North as the area including the North and East Ridings, nearly entire Cumberland and Northumberland, as well as Westmorland and Durham (see Map 1) (Beal *et al.* 2004, p. 113). Another researcher, Martyn F. Wakelin (1977), bases his division on the dialect areas of Middle English, i.e. North, West Midlands, East Midlands, and South-west. Thus, Wakelin stretches the boundaries of the North of England from the Humber to the Ribble. Although SED⁸ carried out in the middle of the 20th century also followed the division of Middle English dialects, its researchers brought the territory further south, so that it started to coincide with the historical Northumbria and popular perceptions of the northerners (see Map 1).

Most recent accounts prove an agreement among linguists that “the major division within England is between the north and the midlands, on the one hand, and the south on the other” (Gramley *et al.* 2004, p. 229). As Wells puts it, linguistically, ‘North’ starts where the distinction between /ʊ/ and /ɔ/, and /ɔ:/ and /ɔ/ disappears, so that ‘put’ and ‘putt’ are homophones, and ‘gas’ and ‘glass’ rhyme. Since in certain features the speech of the Midlands is identical with the accents of the geographical North, the linguistic North comprises not only geographical North from the Scottish border south as far as the Humber, but also most of the Midlands, i.e. the area south from the river Humber and north of the river Thames, and includes Leicester, Birmingham, and Peterborough (Wells 2000, p. 349).

According to Trudgill, Hughes and Watt, the linguistic North may be sub-divided into eight urban areas: the North-east, the Central North, Central Lancashire, Merseyside, Humberside, the North-west Midlands, the East Midlands and the West Midlands. As for Wells’s division, within the North he distinguishes three areas: the Midlands, the middle North and the far North (see Map 2).

Map 1 Boundaries of the North of England

⁷ When pronunciation is similar to RP, but manifests a few features of regional speech habits, it is understood as modified.

⁸ *Survey of English Dialects* is a survey conducted in England and Wales in the 1950’s and early 1960’s.

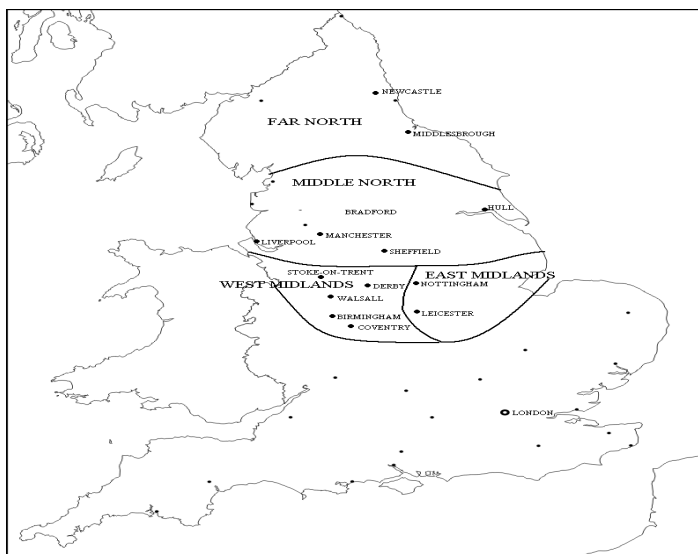

- Ellis's northern border
- - Wakelin's northern border
- • Historical North
- North-South border according to SED
- ■ North-South border according to recent accounts (Trudgill, Wells, Gramley, et al.)
- ■ North-South border according to some of Gramley and Pätzold's criteria

The Midlands are further subdivided into the East Midlands, with the cities of Leicester and Nottingham, and the West Midlands, with Birmingham, the border between the subdivisions being the Pennines; the middle North comprises Manchester, Bradford, Leeds and Sheffield; and the far North is the area of Tyneside and Cleveland.

Taking everything into consideration it should be noted that the boundaries of the linguistic North do not coincide with the boundaries of the historical or geographical North, for linguistically, the North of England covers a greater area and comprises more accents. Regarding the fact, this study considers northern accents as accents from a region stretching from the border with Scotland to the river Wash, including Sheffield, Nottingham, and Birmingham. As for the sub-divisions within the North, the most recent theory proposed by Wells is followed (Wells 2000).

Map 2 Division of the North of England following J. C. Wells

The grouping of several British English accents together as northern accents implies that the accents have a collection of certain features which relate them to one another, but put in contrast to other accents spoken in England. However, the sub-division of northern accents into accents of the far North, the middle North, the East Midlands and the West Midlands suggests that the accents also display certain features that put them in contrast to one another. All in all, the features discussed below give a general idea of variation in vowel pronunciation in the North of England.

The presence or absence of particular phonemes, i.e. features of phoneme inventory, is one of the principal criteria which allow a distinction between British English accents to be made. Thereby, the most important features of vowel pronunciation which set northern accents apart from the rest of British English accents are the absence of the vowel phoneme [ɪ], or the lack of the ‘FOOT-STRUT split’, and the lack of the so-called BATH Broadening⁹.

To begin with, the isogloss for the ‘unsplit /ʊ/’¹⁰ runs from the River Severn in the West to the River Wash in the East (see Map 3) and the area in which /ʊ/ is pronounced as [ɪ] comprises all of England north of this line. Thus, in the area where people speak some degree of northern English accent there is no distinction between /ʊ/ and /ɪ/ and such words as ‘could’ and ‘cud’ are not differentiated. Wells, Trudgill and many other dialectologists note that the lack of /ʊ/ suggests that northern accents of British English have retained the traditional five-term system of short vowels.

However, due to the fact that RP has a six-vowel system, there is a sociolinguistic variation between the local five-vowel system and the prestigious six-vowel system in the North. Wells observes that the further south, the lower in the social scale is the crossover between a five-vowel system and a six-vowel system located. Thus, in the West Midlands many speakers may be said to have /ʊ/, though of uncertain incidence and variably neutralized (Wells 1999, p. 351). Besides, under the influence of RP system of short vowels northerners sometimes hypercorrect /ʊ/ and pronounce words of the lexical set FOOT with /ɪ/, e.g. ‘butcher’ may be pronounced as [hʌɪtʃɪkɪ].

As Clive points out, hypercorrection, which is the result of uneasiness about the status of [ɪ] in STRUT, seems to underlie intermediate realizations between /ʊ/ and /ɪ/ in northern and West Midlands accents as well (Upton 2004, p. 1065). These include a vocoid opener than /ʊ/, i.e. [ɪ̥]; the unrounded equivalent of /ʊ/, i.e. [ɤ], and stressed schwa [ɪ], etc. Stressed schwa is particularly common in the city of Newcastle and in the speech of Near-RP speakers coming from the far North, whereas [ɤ] is attested in Northumberland. According to Wells, the use of /ə/ implies that there exists no opposition between /ʊ/ and the schwa vowel used in weak syllables (ibid).

Upton further observes that in some words in which the vowel /ʊ/ is followed by *ng*, the vowel is lowered and fronted to [ɸ]. This change before the consonant cluster *ng* is thought to be a survival of Old English word *gemand* ‘among’. Besides, in few other words, usually those spelt with *on* i.e. ‘one’, ‘none’, ‘tongue’, etc., the vowel /ɒ/ is used. The isogloss which marks the northern limit of the ‘FOOT-STRUT split’ coincides with the isogloss of ‘BATH Broadening’ (see Map 3). It has already been mentioned that BATH Broadening is another feature which sets northern English accents apart from the bulk of British English accents. According to Clive Upton, “the distinction between the use of a short vowel in the north and a long vowel in the

⁹ BATH Broadening is the realization of the vowel /ɪ:/ as a front fully open short vowel /ɸ/ in words of the BATH set. BATH Broadening results from the retention of unmodified vowel /ɸ/ in those environments in northern English accents, where southern English accents lengthened the short vowel /ɸ/.

¹⁰ *unsplit /ʊ/* – a short close back Middle English vowel /r/ which as early as the 18th century split into the vowels /ɪ/ and /ʊ/ due to the unrounding. Since then people everywhere south of Birmingham have differentiated between /ɪ/ and /ʊ/ and used short /ɪ/ only in certain environments. Meanwhile, people north of Birmingham have retained the ‘unsplit /ʊ/’ and used only /ʊ/ in all the environments and words where the southerners used /ɪ/ and /ʊ/ (see also Note 12).

South in such words as LAST is one which speakers of British English habitually use to locate an English person's origins by her or his accent" (Upton *et al.* 1996, p. 7).

Map 3 Isoglosses marking the northern limits of BATH Broadening and 'unsplit /ʌ/'

Although unlike /ʌ/, the vowel /ɒ:/ does exist in northern English speech, its distribution is more restricted in the North than in RP. In the North of England as far as Birmingham, the short vowel /ɒ/ rather than /ɒ:/ (as in RP and southern accents) is used when the vowel is followed by the voiceless fricative /s, ʃ, z/ or a consonant cluster with the initial nasal /ŋ, ŋ/. In the rest of the environments, northern accents have /ɒ:/. Thus, the vowel of the BATH set words differs in the North and South of England, whereas the vowel of words of the PALM and START sets is the same.

In the analysis of the vowel Daniel Jones observes that if words are spelt with *r*, the vowel /ɒ:/, as well as the long vowel /ɒ:/, may be pronounced by inverting the tip of the tongue. Thus, in northern accent of British English 'farther' is distinguished from 'father' by pronouncing the former as [ɑ̃:ɹɔ̃] and the latter as [ɑ̃:ɹɔ̃] (Jones 1927, pp. 38-41).

It is also interesting to observe that despite the fact that the 'unsplit /ʌ/' is considered to be the most salient feature of northern accents, the use of /a/ in the BATH set words proves to be a feature even more stable and salient. A short vowel /a/ extends further up the social scale than does the 'unsplit /ʌ/'. As Wells point out: "there are many educated northerners who would not be caught dead doing something so vulgar as to pronounce STRUT words with [ʌ], but who would feel it to be a denial of their identity as northerners to say BATH words with anything other than short [a]". (Wells 2000, p. 354) All in all, the 'unsplit /ʌ/' and the short /ɒ/ are the most typical characteristic features of the North, which marks the boundary between the linguistic North and the South.

Another pronunciation pattern common to all northern accents is the lengthening of /ʊ/ to [u:] in words spelt with *oo*, e.g. 'look', 'book', 'cook', etc. Due to this lengthening, such pairs of words as 'book' and 'buck' (in RP [hʊk] and [hʊk]), are distinguished by pronouncing the former as [hɹ:ʌ] and the latter as [hʊk] (Wells 2000, p. 60). Upton further observes that in Northumberland and the far North /a/ in words spelt with *oo* is far more common (Upton *et al.* 1996, p. 27).

The last thing to be mentioned about pronunciation patterns common to the linguistic North is that in the North, short vowels tend to be somewhat opener than in RP. The short /a/, for instance, is a fully open vowel, and not the vowel of the [ʌ] type. Besides, neither /ɒ/ nor /ʊ/ is necessarily very rounded as in RP. As regards long vowels and diphthongs, Wells notes that all

northern vowel systems include at least a long open /ɔ:/ ~ ɔ:/:, a mid or open /ʊ:/, and a mid or central /ɪ:/ ~ ε: ~ ɪʊ/.

For a conclusion it must be said that the realization of /ʊ/ as [ɪ], shortening and fronting of /ʊ:/ in certain environments, and opener realizations of short vowels are considered to be the salient features of the linguistic North. Nonetheless, it should not be forgotten, that features described above are only the most general tendencies that one can observe in the North, and local differences in accents from one area to another may be quite sharp.

In addition to the pronunciation patterns common to the whole of the linguistic North, accents spoken in the far and middle North manifest peculiar features of their own, which are not attested in accents spoken in the Midlands. The most salient feature of the accents of the historical North is the pronunciation of the short vowel /ʊ/ as [ɪ] in words that end in *-y*, *-ey*, or *-ee*, i.e. in the happy set. However, in the North-east and the peripheral north, i.e. Newcastle, Liverpool and other towns which lie to the south, west or north of the /ʊ/ pronouncing area, Wells notes the unstressed vowel at the end of words to be closer, [i], or tense, [i:], and in the speech of Nottingham, Joan Beal remarks the vowel to be opener, [ε]. Nonetheless, the *happy-tensing*¹¹ is far more common in the South and Midlands, and is not a salient feature of northern accents (Beal *et al.* 2004, p. 126).

As regards the realization of the RP long vowel /i:/, it varies greatly in words spelt with *ea*: in North Yorkshire and the rest of the North-east, the sound is [ɪɪ]; in Lancashire and West Yorkshire, the sound is [ɪʊ]; in Northumberland, Durham and Cumbria, the pronunciation of the vowel approximates RP /i:/, [i:]. Upton notes that this variation in the pronunciation of /i:/ has deep historical roots, i.e. when in the 1700's various diphthongal varieties became [ɪ:] in the South, in the far North, variable older pronunciations were retained (Upton *et al.* 1996, p. 25).

The pronunciation of the vowels /ɪʊ/ and /ʊ:/ is also variable. In some accents of the middle and, less commonly, of the far North the vowel of SQUARE and the vowel of NURSE may be merged. In Merseyside, words of both sets may be articulated either with [ε:] or [ɪ:], so that 'fur' [ʌɪ:] and 'fair' [ʌɪʊ] may be undistinguishable, i.e. both pronounced as [ʌɪ:] or [ʌε:]. However, Beal points out that the former is less common for the merged vowel, meanwhile Wells suggests namely [ɪ:] to be the quality of the merged vowel in the far and middle North. Where the vowels are not merged, the diphthong /ɪʊ/ is usually [ε:], and the vowel /ʊ:/ is realized in the same way as in RP, [ɪ:].

Although accents of the far and middle north pattern with RP in the pronunciation of the long vowel /ʊ:/, some variation is still observable. In the middle North, the quality of the vowel /ʊ:/ varies between [ɪ:] and [ɒ:]. Besides, in the far a middle North, an older pronunciation [ɪɪ] in the words of the NORTH set still persist. In addition, Wells points out that in some accents the long vowel /ʊ:/ in words spelt with *aught*, *owt* and *ow* may be diphthongized to [ɪɪ].

As regards the pronunciation patterns of the stressed vowels in GOOSE, START and PALM, i.e. /ɜ:/ and /ɔ:/, they are usually realized much in the same way as in RP. Nonetheless, in some parts of Greater Manchester, Lancashire, and Cheshire the vowel /ɜ:/ may be fronted to [Y:], whereas in the rural part of northern Yorkshire, it may be diphthongized to [ɪɪ] (Wells 2000, p. 359). As regards the long /ɔ:/ in PALM and START sets, it varies from a front [ɔ:] more commonly attested in the middle North to a back [ɔ:] more common to the speech of the far North and the Midlands.

Another pronunciation pattern of the far and middle North is the monophthongal realization of diphthongs. In the far North, and sometimes in the middle North /ɪʊ/ and /ɪʊ/ are commonly monophthongal /ɪ:/ and /ɜ:/ respectively, e.g. 'go' and 'home' [pɒɪk] may be pronounced as [ɪɪ:] and [pɒɪ:k] respectively. In the middle North, the diphthongs /ɪɪ/ and /ɪʊ/ may also be

¹¹ Happy-tensing is the use of a closer and longer vowel [ɪ:] instead of /ʊ/ in happy set, i.e. when word-finally.

realized as [ɪʊ] and [ɛʊ] respectively. However, Wells believes diphthongal realizations to be recessive in the speech of younger speakers who consider them to be old-fashioned.

In further analysis of the diphthong /ɪʊ/ it is observable that some northerners distinguish between words spelt with *igh* and words spelt without *igh*, so that the former have [ɛʊ], and the latter have [ɜ:], e.g. 'weight' and 'wait' are realized as [ɪɛʊ] and [ɪɜ:] respectively. Similarly, some West Yorkshire speakers distinguish between the words 'nose' and 'knows', by pronouncing 'nose' with [ɪ:] and 'knows' with [ɔr]. This difference between the pronunciation in the far North and the rest of England derives from a process known as *long mid diphthonging*¹².

Another diphthong, /ɔɪ/, is also very likely to be monophthongized in the far North. However, Beal and Wells remark that monophthongal pronunciation derives from a source other than long mid diphthonging, i.e. the Middle English [r:] not affected by the Great Vowel Shift. In Tyneside and Northumberland, the monophthong [r:] is used by older, working-class, or male speakers, whereas other speakers are shifting to the use of /ɔɪ/. In the middle North a diphthong with a fronted starting point, [ɛu], or monophthong [ɔ:] may also be heard (Beal *et al.* 2004, p. 123).

In accents of the far and middle North the diphthong /ɔɪ/ usually has the same quality as in RP. Nevertheless, there is some variation in the pronunciation of the vowel. As Beal points out, in Tyneside and Northumberland the diphthong is somewhat narrower, [ɛʊ], whereas in the middle North either a diphthong with a more open second element, [ɔɛ], or a monophthong [ɔ:] is used. Besides, in the middle North and North-east words spelt with *igh*, such as 'night' and 'right', have the vowel [i:] due to the fact that in the words mentioned northern dialects long retained the consonant /ɣ/, when it was vocalised in the 16th century in southern English dialects (*ibid.*, p. 125). In words spelt with *nd*, however, a short vowel, rather than a diphthong is more common.

The final feature of the far and middle North to be discussed is the variable realization of the vowel schwa /ʊ/. Although northern accents usually have /ʊ/ for the unstressed vowel, speakers from Manchester and Sheffield have /ɒ/, and speakers from Tyneside have /e/ (*ibid.*, p. 126). G. L. Brook further observes that in the historical North, vowels are not reduced to schwa when the first or second syllable of certain words is marked by the secondary stress (Brook 1963, p. 98).

Coming to a conclusion, the vowel system of the far and the middle North is distinctive in that many RP diphthongs may not only have modified diphthongal realizations, but may also be realized as monophthongs. In addition, speakers from the historical North tend to differentiate words with certain spellings (*igh*, *igh*, *nd*, etc.) from the rest of the vocabulary. Since many of these features are remains of older pronunciation patterns, accents of the far and middle North can be considered, as far as the pronunciation of vowels is concerned, to be divergent from RP due to the fact that they have changed less.

Due to the fact that the Midlands share highly salient features with the historical North, at least as far as the pronunciation of vowels is concerned, the area comprising the cities of Birmingham, Walsall, Leicester and Nottingham is treated as a sub-division of the linguistic North. Nevertheless, accents of the area display certain features which are peculiar only to the speech of the Midlands.

To begin with, accents of the Midlands do not pattern with other accents of the linguistic North, in that speakers from the area have high realizations of the vowel /ɪ/, [ɪ], in words of the lexical set KIT, and high and tense realization, [i:], when word-finally. Besides, BCDP¹³ data suggest that there is a tendency to lower the vowel /ɪ/ to [ɪ] or [ɜ] before the consonant /l/, as e.g. in 'will'.

¹² *Long mid diphthonging* is the process due to which in the South of England the vowels /ɜ:/ and /ɪɜ:/ became diphthongs /ɪʊ/ and /ɛʊ/ respectively. In the far South-west, the far North, Wales and Scotland, the vowels have remained monophthongs.

¹³ *Black Country Dialect Project* is a research project at the University of Wolverhampton.

Another salient feature of the Midlands is rounding of the vowel /ɒ/, similar to [ɔ] or [ɒ], in words where the vowel precedes the consonant /n/ (Wakelin 1977, p. 96). This pronunciation is typical for many West Midlanders due to the fact that in certain areas of England, a change from a short *a* to a short *o* in words where the vowel occurred in front of *n* was far more successful than in the rest of England. Thus, in the West Midlands, e.g. ‘hand’ and ‘land’ may be pronounced [ɒɪn] and [ɒlɪn] respectively (Upton *et al.* 1996, p. 5). Another pronunciation pattern for /ɒ/ is opener realizations of the vowel, approximate to [æ], in the Black Country¹⁴.

As regards the vowel /ɔ/, it is typically realized as [ɔ] or with some raising, [ɔ̃ ~ ɔ̄]. According to Carl Chinn and Steve Thorne, [ɔ̄]-type realizations, especially before nasals, may also occur in the speech of older speakers, e.g. ‘long’ may be pronounced [ɒŋ] (Chinn *et al.*, 2001, 21). Although the long variant of the vowel, /ɔ:/, usually does not differ from that of RP, in the speech of some Midlanders it may have triphthongal quality [ɔ̄ɪɔ̄].

Short /ʌ/ is also usually not differ from RP, though some variations within its pronunciation are attested. According to BCDP and SED data, in Black Country and the surrounding areas the vowel in question is lowered to [a] before the consonant /l/ and sometimes in other environments as well. Thus, e.g. a speaking person the Black Country accent may realize the word ‘belly’ as [hɛlɪ].

Likewise in local accents of the far and middle north, in some accents of the West Midlands the vowel /ɜ:/ may be merged with the vowel /ɛ:/. However, in the Midlands the quality of the merged vowel is usually [æ:], not [ɛ:]. Where the vowels are not merged, the vowel in SQUARE set may be monophthongal, [ɛ:]. As for the vowel /ɜ:/, it may be shortened to [ɜ] before historical consonant cluster /rs/. Thus, in the West Midlands one may here the following pronunciations of the word ‘first’: [ɛ:ɪs], [ɛ:ɪs], or [ɛ:ɪs] (Clark *et al.* 2004, pp.146, 153).

One more pronunciation pattern peculiar to accents of the Midlands is diphthongization of certain long vowels. The vowel /u:/, for instance, may not only have monophthongal realizations, [r:], but may also undergo diphthongization and be realized as [ɪr] or [ʊr]. Besides, in words which have [ɔr:] in RP, e.g. ‘suit’, ‘new’, etc., a contractive phoneme [ɪr] may be retained by some speakers from the Midlands.

The vowel /ɛ:/ is also very likely to be diphthongal, [ɪɛ] (also marked [ɪɛ] or [ɪɛ]) in the West Midlands. However, in northern part of the West Midlands (Derbyshire, Staffordshire) some speakers retain monophthongal [ɛ:] for words spelt with *ea*, so as to distinguish them from words spelt without *ea*: e.g. ‘meet’ and ‘meat’ may be distinguished by realizing them as [ɪɛt] and [ɛt] respectively. Similarly, words spelt with *ee*, e.g. ‘seen’, ‘been’, etc. may be distinguished from other words of the FLEECE by shortening the stressed vowel, [ɛ] (Clark 2004, pp. 147-151).

As regards the pronunciation of diphthongs, the Midlands have modified RP closing diphthongs /ɔɪ/ and /ɜɪ/ but in a direction opposite to accents of the far North. Thus, in the Midlands the diphthongs in question usually have diphthongal qualities. From the BCDP data it appears that the diphthong /ɜɪ/ is variable: it is typically [ɜɪ] in Birmingham, [ɜɪ] in the Black Country, and [ɛɪ] in accents of the East Midlands, the latest realizational variant, [ɛɪ], being also most commonly used in more formal speech. The diphthong /ɔɪ/ is typically wide [ɔɪ] (sometimes noted as [ɔɪ]) in accents of the West Midlands. However, some speakers may monophthongized it to [ɔ:] in words spelt with *o*, or lower to [ɔ]-type vowel before the consonant /ɹ/.

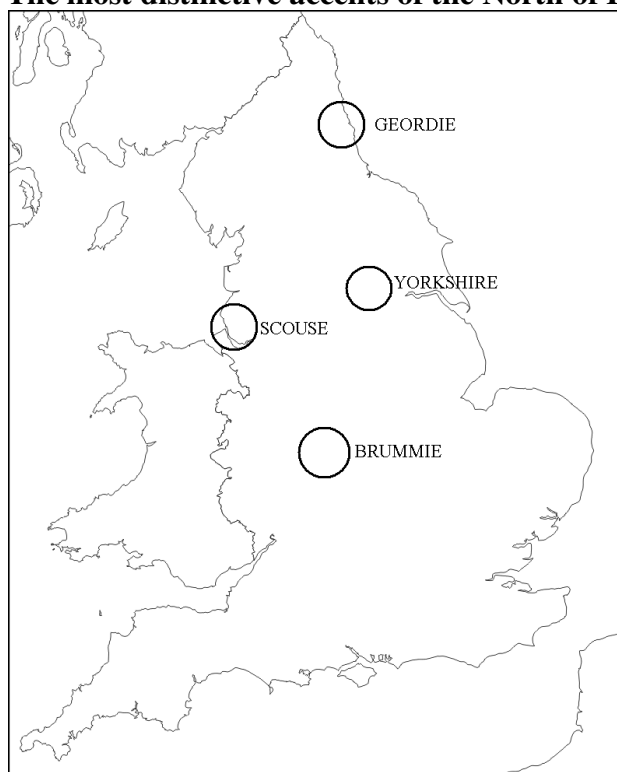
Accents of the Midlands have also modified the pronunciation of other diphthongs. The quality of the diphthong /ɔɪ/ ranges from [ɔɪ] to [ɔɪ], so that, as Hughes, Trudgill, Wells, and

¹⁴ Black Country is a part of the Midlands, usually described as including South Staffordshire, Walsall, Wolverhampton and the surrounding areas. The term is also used to name the speech of the working class of the area.

many other dialectologists observe, the lexical sets PRICE and CHOICE seem to be merged under [ɪ]. As a result, in the Midlands the vowel in such words as ‘five’, ‘kite’, etc. and ‘toy’, ‘noise’, etc. is not differentiated. The diphthong /ɔɪ/, although generally realized as [ɔɪ], may have [ɔɪ]-like quality in certain words or for some speakers. Finally, the diphthong /ɔɪ/ is usually [rɔɪ], but the conservative pronunciation pattern is receding in the face of trend characteristic involving all England, i.e. the merger of /ɔɪ/ with /ɔɪ/ by monophthongizing the diphthong to the quality of [ɔ:] (ibid, p. 151).

In summary, diphthongization of long vowels /u:/ and /i:/, retracting or lowering the first element of diphthongs, high and tense realizations of /ɜ:/ as well as the merger of /ɜ/ and /ɜ:/, and /ɔɪ/ and /ɔɪ/ are the salient features which mark out accents of the Midlands as a distinctive group of northern British English accents. However, it should be born in mind that all the pronunciation patterns accounted for above as typical for the Midlands (or the far and middle North, the linguistic North) are not necessarily found in all accents of the group, but they give an idea of a few of the most distinctive characteristics of the group.

Map 4 The most distinctive accents of the North of England

In the North of England several local accents may be distinguished. Among the most noted and widely used northern accents are the following: Geordie in the far North; Scouse and Yorkshire in the middle North; and Brummie in the West Midlands (see Map 4). All four accents are of special importance also because they not only manifest peculiar features common to the linguistic North and the sub-group they belong to, but are also characterized by peculiar features which make them the most distinctive accents in northern England.

The accent which dominates the North-east of England and differs in a few striking ways from other urban varieties of northern English is *Geordie*¹⁵, the speech of Newcastle and

¹⁵ *Geordie* is the term is a diminutive of ‘George’ which dates back to the 18th century. The name has long been favoured as an affectionate one for miners, sailors, as well as Scots in Australia. Its use as the name for an accent and dialect as well as a person from Tyneside is regarded to have derived from the name of the Newcastle engineer who built the first steam locomotive, George Stephenson. *Georgie* is the speech of the working class, which stands out in the North-east as *Brummie* in the Midlands and *Scouse* in Lancashire (cf. McArthur 2002, p. 75).

Tyneside. The local accent derives from Northumbrian dialect, one of the three dialects of Old English. Today, Geordie is the accent of the largest conurbation in the far North, including Newcastle and the surrounding area, Tyne and Wear, i.e. Tyneside and Wearside.

To begin with, in Tyneside, likewise in the whole of the linguistic North, the open-mid back /ɔ:/ does not exist, and the vowel /ɔ:/ is realized as [ɒ] or [ɔ] in the BATH set. However, in Geordie the modification of RP /ɔ:/ is carried even further: words spelt with *r* may have a rounded variant of /ɔ:/, [ɔʁ:], e.g. ‘car’ may be [ʌɔ:] or [ʌɔʁ:]. Besides, Wells remarks that in the TRAP and BATH sets, i.e. when the vowel is followed by the final voiced consonant or consonant cluster, it may be lengthened, [a:]. Since the opposition between [a] and [a:] exists only before voiceless consonants, the two vowels can be said to stand in complementary distribution in Geordie (Wells 2000, p. 375).

The distribution of the long front open unrounded vowel /a:/ is relatively broad in Geordie, for /ɔ:/ is not only used instead of /ɒ/ and /ɔ:/, but it may also replace RP /ɔ:/ in certain words, e.g. ‘all’, ‘talk’, etc. According to Hughes, Trudgill and Watt (2005), words that in RP have the vowel /ɔ:/ are divided into two groups in Tyneside: 1) words that are spelt with *al*, and 2) words that are not spelt with *al*. Words that belong to the former group have [a:], meanwhile words of the latter group have [ɔ:]. Thus, the vowel in the words ‘all’ and ‘morning’ is not the same in Tyneside.

In Geordie, as in the rest of the far North, old long vowels are usually not diphthongized, so that RP diphthongs /yɔ/ and /ɔɔ/ have monophthongal pronunciation [y(:)] and [ɔ(:)]. However, the vowels in question may also be realized as diphthongs, but of a variable quality: /yɔ/ varies between [yɔ] and [ɔe], whereas /ɔɔ/ may be either [ɔɔ], [əɔ] or of some intermediate quality. Besides, in certain words, e.g. ‘told’, ‘don’t’, etc., the diphthong is usually followed by schwa so that it turns to a triphthong [ɔɔə]. Watt and Milroy claim that diphthongs are old-fashioned, which is the reason of levelling towards the monophthongal pronunciation in Geordie (Watt *et al.* 1999, p. 36).

Other diphthongs also have a range or realizations in Geordie. The diphthong /ɔɔ/ is most commonly narrowed and realized as [ɛɔ], when not spelt in *igh*. Words in which the stressed vowel is represented by the spelling *igh*, as e.g. ‘night’, ‘right’, etc., are more likely to have a monophthong, [i:] (Petyt 1985, p. 164). Nevertheless, the diphthongal [ɔɔ] may also be heard in both words spelt with *igh* and words spelt without *igh*. The pronunciation of the diphthong /ɔɔ/ is also variable. Wells observes that in Tyneside, the diphthong ranges from the monophthong [r(:)] and the diphthongs [ɔɔ] and [ɛɔ], to a compromise between the two, [ɔr] (Wells 2000, p. 375).

In opposition to centring diphthongs, closing diphthongs are never monophthongal, but they also have distinctive pronunciation patterns characterized by a glide towards a more open vowel than schwa, [e]. Hereby, /ɔɔ/ is [ɔe] and /ɔɔ/ is [re] in Geordie. This peculiarity of pronunciation derives from the fact that the second element of the diphthongs in question is the unstressed schwa /ʊ/, which is lowered to [e] in Tyneside. Wells, however, has [ɔ] for schwa in Tyneside and [ɔɔ] and [rɔ] for the diphthongs. Besides, he further observes that schwa, may be stressed Newcastle.

In opposition to the majority accents of northern British English, Geordie, being an accent of the peripheral North, has closer realization of the vowel /ɔ/, [ɔ], which may sometimes be lengthened to [i:] when represented by the spelling *y* and when word-finally. The RP long vowel /i:/, in turn, is usually [ei], not the long monophthong, [i:], in the FLEECE set.

None of the pronunciation patterns described yet is as striking and salient of Geordie as the merger of the vowels /ɔ:/ and /ɔ:/. The merger of the vowel occurs by retracting the vowel /ɔ:/ to /ɔ:/, so that the quality of the merged vowel approximates [ɔ:]. Due to the merger, words of the NURSE and NORTH sets have the same vowel, e.g. ‘first’ and ‘forced’ are not distinguished by

pronunciation, which is [aɪ:ɪɛ] for both words in a broad Tyneside accent (Hughes *et al.* 2005, p. 123). In a less broad accent, Wells notes the vowel similar to [ɪ:] or [ø:] in the NURSE set.

For a conclusion it should be pointed out that Geordie shares highly salient features with the linguistic North, i.e. the lack of /ɪ/, flat realizations of /ɪ:/ in certain words, monophthongization of closing diphthongs, etc. However, it also has characteristic features of its own, i.e. the merger of /ɪ:/ and /i:/, high and tense realizations of /ɪ/ when word-finally, and the distinction between words spelt with *al* and words spelt without *al*.

Yorkshire accent is the most noted accent of accents of the middle North. Historically, Yorkshire was the largest country of England divided into three ridings, the East, the West, and the North. Although the divisions of the county are now countries on their own, the name *Yorkshire* is still used to refer to the entire area. From a linguistic point of view, the name is also used to refer to a particular speech variety spoken in the territory and the largest city of the area, Bradford.

As a northern variety of spoken English, Yorkshire accent is characterized by the use of /ɪ/ where RP has [i] and by realization of the vowel /ɪ:/ as [ɛ] in words where the vowel is followed by a consonant cluster which first element is either /r/, /l/, or /ɹl/. However, some speakers of the accent differentiate /ɛ/ and /ɪ:/ only by length, so that e.g. ‘Pam’ and ‘palm’ have vowels of the same quality, i.e. front open vowels, the only difference between which is that the former is shorter than the latter, [a] and [a:] respectively (Hughes *et al.* 2005, p. 94).

In Yorkshire accent, as in the majority of accents spoken in the far and middle North, the vowel /ɪ/ is pronounced in the same way as in RP, [i], and the diphthong /ɪɪ/ is narrowed, [ɛɛ], or monophthongized to [ɪ:] in words spelt with *-igh*. As for of the RP /ɪ:/ in words of the lexical set FLEECE, it has a number of realizations in words spelt with *ea*. Wells (2000) notes that in North Yorkshire, as in the rest of the North-east, sound is [ɪɪ], whereas in West Yorkshire, the sound has various varieties of [ɪɪ]. In words that are spelt otherwise than *ea*, monophthongal [ɪ:] remains.

Yorkshire is noted for such a distinctions between monophthongal vowel in words with certain spellings and diphthongal vowel in other words of the same lexical set. Other vowels which pronunciation varies depending on the spelling include the long vowel /ɪ:/ and the diphthongs /ɪɪ/ and /ɪɪ/. Thus, in Yorkshire, words which have /ɪ:/ in RP are divided into words spelt without *r* and words spelt with *r*; the former have [ɪ:] for the stressed vowel, whereas the latter have [ɪɪ].

The diphthong /ɪɪ/, in turn, may be either monophthongal, [ɪ:], or diphthongal, [ɛɪ]. Hughes, Trudgill and Watt point out that the monophthong is used in words spelt other than with *ei*, meanwhile the diphthongal pronunciation of the vowel is used in words spelt with *ei*. An exception to the rule is also noted: in the verbs ‘make’ and ‘take’ the diphthong is monophthongized to [ɛ], and the words are pronounced as [ɛɛɪ] and [ɛɛɪ] respectively (Hughes *et al.* 2005, p. 95).

As far as the pronunciation pattern for the diphthong /ɪɪ/ are concerned, the diphthong is articulated approximately as [ɪr] when represented by the spelling *ow* or *ou*, and [ɪ:], when spelt otherwise. Thus, the words ‘nose’ and ‘knows’ may be distinguished by pronouncing ‘nose’ as [nɔ:ɪ:] and ‘knows’ as [nɔ:ɪr]. However, this pattern is more common for older speakers from West Yorkshire, since younger speakers of the accent are likely to use /ɪɪ/ everywhere (ibid).

Among other features peculiar to Yorkshire speech one should mention the diphthongal realization of the monophthong /r:/, [ɪɪ], monophthongal realizations (either [r:] or [ɪ:]) of the diphthong /ɪɪ/, so that the word ‘house’ may sound much the same as ‘hoose’, and opener realizations of vowel /ɛ/, [ɛ]. A very well known shibboleth of Yorkshire is the pronunciation, or as Tom McArthur calls it “non-pronunciation” of the defining article, i.e. in the accent ‘the’ is suspended to /t/ or /d/, e.g. RP ‘the book’ [ðə bʊk] will be [tɔ:ɪr:ɪ] in Yorkshire (McArthur 2002, p. 68).

Thus, the accent of Yorkshire is characterized by peculiar realization of /ɪ:/, /ɔ:/, /ɛ:/, /ʌ:/ and /ɒ:/ when spelt *ea*, *or*, *igh*, *ei* and *ou/ow* respectively, differentiation of /ɛ:/ and /ɔ:/ only by length, monophthongization of diphthongs and diphthongization of certain long vowels, etc. However, it should be born in mind that not all speakers of the accent should use all the patterns accounted for above. Still, the features indicated give a general idea of the typical features of the accents.

The often stigmatized accent and dialect of the city of Liverpool and its surroundings, i.e. Merseyside, is known as *Scouse*¹⁶. The accent is a sub-variety of Lancashire accent, another sub-variety being the accent of Manchester. The accent gained its peculiar characteristic features having combined features of Lancashire accent with other northern varieties of English, as well as linguistic features brought from Wales and Ireland (McArthur, 2002, p. 73).

As a northern accent Scouse uses the short /ɛ/ is in words of the lexical sets BATH and TRAP, and thereby, does not distinguish between such pairs of words as ‘gas’ and ‘grass’. Besides, where RP speakers have the vowel /ɔ:/, speakers from Liverpool have the vowel /ɛ:/, and in words spelt with *oo* where RP speakers have the long /r:/, speakers of Scouse may have the diphthong [rɔ].

Likewise accents of the peripheral North, Scouse is also by high and tense (according to Wells only high) realizations of the vowel /ɔ:/ when word-finally, [ɪ:]. The use long vowels /ɛ:/ and /ɔ:/ where RP has diphthongs /ɛɪ/ and /ɔɪ/ respectively is a peculiarity of pronunciation which the accent of Liverpool shares with accents of the middle North. Hughes, Trudgill, Wells, Beal, et al. also note diphthongal realizations of /ɛɪ/ and /ɔɪ/ in Scouse: diphthongal varieties of /ɛɪ/ include [ɛɪ ~ ɛɪ] and diphthongal varieties of /ɔɪ/ include narrow diphthongs [ɔɪ ~ ɔɪ].

A characteristic feature of Liverpool speech is the merger of the diphthong /ɛɪ/ and the long vowel /ɔ:/, as a result of which certain words of the lexical sets NURSE and SQUARE, as e.g. ‘spur’ and ‘spare’, are homophones. According to Wells (2000), the quality of the merged vowel varies from central rounded [ɛ:] to unrounded [ɔ:], or, in the speech of older speakers, from [ɛ:] to [ɔ:] (cf. Wells 2000, 372). Hughes, Trudgill and Watt, although consider [ɔ:]-like realizations as possible, have [ɛ:] as the most typical quality for the merged vowel (Hughes *et al.* 2005, p. 99).

Another salient feature of the accent is diphthongal realization of the vowels /i/ and /u:/ when word-finally or before the consonant /l/. In the phonetic environments indicated, the long front /ɪ:/ is diphthongized to [ɪɪ ~ ɪɪ] and the long back /r:/ is realized as [ɪr ~ ɪr]. Thus, e.g. ‘three’ and ‘school’ are likely to be pronounced [θriɪ] and [ʃuɪl] in Scouse (Wells 2000, p. 372).

Although Scouse has many characteristic features of the linguistic North, it is even more noted for such features as the merger of the vowels /ɛɪ/ and /ɔ:/ to the vowel [ɛ:], diphthongal realization of long monophthongs /u:/ and /i:/, and monophthongal or in opposition, nearly RP realizations of the diphthongs /ɔɪ/ and /ɛɪ/, not common to other urban accents of the North of England.

Brummie¹⁷ is the accent of the largest city in the West Midlands, Birmingham. Local accents in the city and the surrounding areas vary according to locality, education, social status, age, etc. The speech of the middle-class residents is RP or near-RP, meanwhile the speech of the

¹⁶ *Scouse* is the term derives from the 18th century word *lobscourse*, which bears the meaning ‘a sailors dish of stewed meat and vegetables’, and the word *Lobscourer*, a slang name for a sailor. The terms *Scouse* and *Scouser* are linked with Liverpool through its nature as a major port (ibid, 73). The term is used to name a variety of speech spoken in Liverpool and its surrounding area.

¹⁷ *Brummie* is the term which names a variety of speech spoken in Birmingham and the surrounding area derives from the words ‘Brum’ or ‘Brummagem’ used to refer to the speech locally. Inhabitants of Birmingham are known as Brummies, and their speech is called by the names Birmingham, Brummagem or Brummie.

lower class, marked by features common to the linguistic North, the West Midlands as well as peculiar local pronunciation patterns is Brummie.

The accent of Birmingham is northern in that it generally lacks the 'FOOT-STRUT split' and does not distinguish between the vowels in the lexical sets TRAP and BATH. However, BCDP data provide evidence that in Birmingham, the contrast between FOOT and STRUT may be retained. Thus, Brummie accent also patterns with other accents of the Midlands, in that it realizes the vowel /ɪ/ as [i(:)] not only when word-finally, but also in the KIT set. Thereby, the pronoun 'it' may sound like the verb 'eat' in Birmingham (McArthur 2002, p. 65). Additionally, BCDP data suggests that there is also a tendency to lower the vowel /ɪ/ to [ɪ̞] or [ɤ] before the consonant /l/, as e.g. in 'will'.

Another feature characteristic to both the West Midlands and Birmingham is the diphthongization of long RP monophthongs. The vowel /u:/ is usually diphthongal, [ɪu], when represented by the spellings *ee* or *i*. When represented spelt in *ea*, the long vowel has monophthongal quality, [u:], though. The vowel /r:/, in turn, may be diphthongized to [ɪr], or realized much in the same way as in RP, [u:]. However, Wells (2000) notes that some speakers in Birmingham retain [ɪr] in words such as 'suit', 'blue', etc. In addition, he also notes that the vowel of the pronoun 'you' is markedly diphthongal, [ɪu] (Clark 2004, pp. 147, 151).

The long vowel /ɪ:/ is merged with the diphthong /ɪu/ in Birmingham, the quality of the merged vowel ranging from [ɪ:] to [ɛ:]. Thus, words of the lexical set NURSE as well as words of the lexical set SQUARE can have either [ɪ:] or [ɛ:] for the stressed vowel, e.g. 'fur' and 'fair' can be undistinguished in Brummie, since both of them may be realized either as [aɪ:] or [aɛ:]. However Wells has [ɪ:] for words of the NURSE set and [ɛ:] for words of the SQUARE set.

As far as the pronunciation of diphthongs is concerned, they have a number of realizational variants in Birmingham. The diphthong /ɪu/, for instance, although typically pronounced as [ɪu], may also be realized close to [ɛu]. As regards the diphthong /ɪə/, it is typically wide [ɪə], but Clark attests a tendency to lower the first element to [ɪ̞] before the consonant /ɹ/ (Clark 2004, p. 148).

Pronunciation patterns of other diphthongs include [ɪə] ~ [ɪ̞ə] realizations of /ɪə/ and [ɪə] ~ [ɪ̞ə] realizations of /ɪə/. In further analysis of the latter diphthong it is observable that the diphthong /ɪə/ is likely to be merged with /ɪ̞ə/, due to which the diphthongs may be confused, and either of them may be used in words of the lexical sets PRICE and CHOICE.

The most salient features of Brummie include the pronunciation of short vowels /ɪ/, /ɪ̞/, /ɪ̞/ and /ɪ̞/. Although the vowel /ɪ̞/, is usually of [ɪ̞]-type, and the vowel /ɪ̞/ is typically realized much in the same way as in RP, the pronunciation of the former as [ɪ̞] and the latter as [ɪ̞] before the consonant /ɹ/ may also be encountered (ibid, 143). According to BCDP data, the short vowel /ɪ̞/, in turn, may be realized similar to [ɪ̞] in words where the vowel precedes the consonant /n/. As regards schwa, it is still pronounced as [ə] at the end of words, but with a marked tendency towards lowering to [ɐ] (Clark 2004, p. 154).

Thus, Brummie has peculiar pronunciation patterns not attested in other accents of the North. Among them it should be mentioned peculiar pronunciation of short vowels before nasal or lateral consonants, confusion of the diphthongs /ɪə/ and /ɪ̞ə/, merger of the vowels /ɪ̞/ and /ɪ̞:/ into a vowel of variable quality, etc. Nevertheless, Brummie also has a sufficient number of features to act as a guide as to what to expect in the Midlands in general.

Concluding, it is noteworthy that it would be wrong to assume all speakers in one particular area use the same set of features with the same intensity. It is likely that only those speakers who speak broad regional accents will consistently use a set of features which represent the speech of their region. Namely these speakers will form the central part of the regional accent described above. Furthermore, it should be born in mind that many speakers will not be consistent in their use of characteristic features and will sound more or less regional in different situations and under different circumstances.

Thus returning to translation for dubbing, it will not do to translate from the script without watching the film, for the translator should not expect the characters of the film to speak RP. The essential steps should be character idiolect detection, close-up shot selection and the right choice of vowel or diphthong in terms of synchrony and isochrony.

References

- BEAL, J. C., 2004. English Dialects in the North of England: Phonology. In: Schneider, E. W., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., Upton, C., eds. *A Handbook of Varieties of English: Volume 1: Phonology*. Berlin: Mouton de Gruyter, p. 111-131.
- BEAL, J. C., 2004. *English in Modern Times 1700-1945*. London: Hodder Arnold.
- Brook, G. L., 1963. *English Dialects*. London: Andre Deutsch.
- CHINN, C. AND THORNE, S. (EDS.), 2001. *Proper Brummie: A Dictionary of Birmingham Words and Phrases*. Studley Warks: Brewin Books.
- CLARK, U., 2004. The English West Midlands: Phonology. In: Schneider, E. W., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., Upton, C., eds. *A Handbook of Varieties of English: Volume 1: Phonology*. Berlin: Mouton de Gruyter. 134-162.
- CRUTTENDENT, A., 1994. *Gimson's Pronunciation of English*. London: Edward Arnold.
- CRYSTAL, D., 2003. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford: Blackwell Publishing.
- CRYSTAL, D., 2004. *The Stories of English*. London: Allen Lane.
- FODOR, I., 1976. *Film Dubbing: Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects*. Hamburg: Helmut Buske.
- GRAMLEY, S. AND PÄTZOLD, K. M., 2004. *A Survey of Modern English*. London: Routledge
- GUSSMANN, E., 2002. *Phonology: Analysis and Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- HUGHES, A., TRUDGILL, P. WATT, D., 2005. *English Accents and Dialects*. London: Hodder Arnold.
- JONES, D., 1927. *The Pronunciation of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- KÖNIG, E., 2005. English. In: König, E. van der Auwera, J., eds. *The Germanic Languages*. London: Routledge. 523-565.
- KORTMANN, B. AND UPTON, C., 2004. Introduction: Varieties of English in the British Isles. In: Schneider, E. W., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., Upton, C., eds. *A Handbook of Varieties of English: Volume 1: Phonology*. Berlin: Mouton de Gruyter. 25-32.
- LYONS, J., 1981. *Language and Linguistics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- MALMSTROM, J. AND WEAVER, C., 1973. *Transgrammar: English Structure, Style and Dialects*. Glenview: Scott, Foreman and Company.
- MATTHEWS, P. H., 2007. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- McARTHUR, T., 2002. *The Oxford Guide to World English*. Oxford: Oxford University Press.
- PETYT, K. M., 1985. *Dialect and Accent in industrial West Yorkshire*. Amsterdam: John Benjamins.
- THORNE, S., 2008. *Mastering Advanced English Language*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- TRUDGILL, P. AND HANNAH, J., 2002. *International English*. London: Hodder Arnold.
- TRUDGILL, P., 2004. *Dialects*. London: Routledge.
- TRUDGILL, P., 1983. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London: Penguin Group.
- UPTON, C., 2004. Synopsis: Phonological Variation in the British Isles. In: Schneider, E. W., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., Upton, C., eds. *A Handbook of Varieties of English: Volume 1: Phonology*. Berlin: Mouton de Gruyter. 1063-1073.
- UPTON, C. AND WIDDOWSON, J. D. A., 1996. *An Atlas of English Dialects*. Oxford: Oxford University Press.
- WAKELIN, M. F., 1977. *English Dialects: An Introduction*. London: Continuum.
- WATT, D. AND MILROY, L., 1999. Variation in Three Tyneside Vowels: Is this Dialect Levelling? In: Docherty, G. J. and Foulkes, P., eds. *Urban Voices: Accent Studies in the British Isles*. London: Arnold. 25-44.
- WELLS, J. C., 1999. *Accents of English 1: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- WELLS, J. C., 2000. *Accents of English 2: The British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vytautė Pasvenskienė, Žieda Tamašauskaitė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

Moksliniai interesai: anglų kalbos fonetika ir fonologija; vertimo studijos

**BALSIŲ TARTIES VARIACIJOS ŠIAURINIUOSE BRITŲ ANGLŲ KALBOS AKCENTUOSE:
AUDIOVIZUALINIO VERTIMO PERSPEKTYVA**

Santrauka

Audiovizualinis vertimas, ypač jei jis skirtas filmų dubliavimui, reikalauja iš vertėjo tarpdisciplininių žinių, tarp jų fonetinių, kadangi šiuo atveju vertimo funkcija yra įtikinti žiūrovą teksto autentiškumu paliekant vertėją nematomu. Todėl stambaus plano kadru vertimas privalo remtis vizualine fonetika. Nė viena kalba nėra vienalytė savo tartimi. Anglų kalboje tarties variacijų itin gausu. Kadangi labiausiai nuo norminės anglų kalbos skiriasi šalies šiauriniai akcentai, kuriuose apstu balsių dvibalsinimo, dvibalsių subalsinimo bei kitų fonetinių reiškinių, šis tyrimas yra skirtas balsių tarties variacijų šiauriniuose anglų kalbos akcentuose ir norminės anglų kalbos lyginamajai analizei.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: akcentų įvairovė, vizualinė fonetika; kalbos vokaliniai elementai; vertimas filmų dubliavimui

Оксана Шередекина

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия

пр. Гагарина 23, 603950 Нижний Новгород, Россия

Тел.: +7 (831) 462-33-81

Эл. почта: oksanasher@yandex.ru

Научные интересы: антропологистика, семантика, синонимия

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЕНТОВ АНГЛИЙСКИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ В АНТРОПОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Антропологистика определяет специализацию конститuentов синонимических рядов (CPs) как семантический процесс, детерминированный человеческим мышлением как механизмом восприятия определённого культурного слоя. Специализация синонимических понятий является естественным процессом становления научного типа мышления человека, способного выявлять специфические признаки денотатов. Сопоставление CPs на хронологическом уровне определяет специфику развития синонимических отношений и способствует выявлению эволюционных тенденций в историческом процессе становления английской специальной лексики. Движущим механизмом специализации CPs является механическое заимствование понятий, составляющих специальный словарь иноязычных культур. Формирование специальных понятий, базирующихся на ассоциативных связях между хронологически дифференцированными понятиями, представлено вторичной номинацией. Основанием для становления синонимических понятий на уровне лексемы являются ассоциации метафорического и метонимического уровней и процесс сужения ранее синкретических понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропологистика, вторичная номинация, метафоризация, метонимизация, наивный, ремесленный и научный типы мышления, панхрония, синонимический ряд, специализация.

Специализация понятий в антропологистическом аспекте рассматривается как отражение ментальной способности человека по-новому интерпретировать объективную действительность (Гринёв-Гриневиц 2005). Процесс переосмысления понятий является нескончаемым процессом прогрессивного характера, обусловленным постоянно эволюционирующим мышлением человека. Перманентность понятия в системе языка определяется представлением общества о конкретном объекте материальной действительности, характерным для определённого хронологического периода и зафиксированным в лексикографических источниках.

Восстановление процесса специализации CPs как элементов семантической картины мира осуществляется посредством панхронического анализа, позволяющего «глубоко и всесторонне познать природу CP, рассматривая его в контексте языковой современности и истории» (Николаев 1987, с. 8). Так, например, панхронический анализ kettle позволяет установить наличие исторического модификационного процесса в пределах семантического значения kettle (1a¹) от абстрактного понятия *сосуд в виде котелка* до конкретного понятия *чайник*.

Ярким примером связи между совершенствующимся сознанием человека и эволюцией CPs являются CPs Vessel for Liquids (VfL). Являясь элементом одного из наиболее древних слоёв лексики, эти CPs способствуют восстановлению целостного процесса формирования специальных понятий в английской языковой картине мира.

На начальном этапе развития CP имеет место идентификация ранних денотатов, обусловленная их соотносённостью с единым понятием. В основе сопоставления денотатов лежит аспектальный взгляд древнего человека на весь ряд объектов, что обусловлено ограничением сферы деятельности преимущественно бытовой сферой. Игнорированию подвергаются признаки денотатов, определяющие внешний вид, материал изготовления и

др. Древнему человеку было свойственно соотносить денотаты по функции, что определялось возможностью использовать один сосуд для различных целей. Наиболее ярко полифункциональность денотата представлена в понятии *pail* (1000 г.) посредством признака *used for carrying milk, water, etc. / для транспортировки молока, воды и т.п.*

Полифункциональность способствовала корреляции понятий и сопоставлению CPs, дифференцируемых на более поздних этапах. Староанглийские понятия CRUET и FLASK не формировали обособленные CPs CRUET и FLASK на этапе становления, так как основу этих CPs составляют синкретические понятия *bit* и *flask*. Функциональная нерасчлененность, характеризующая первоначальные понятия *bit* и *flask*, базируется на полной идентификации денотатов типа *leathern bottle or flask / кожаная бутылка или фляга* и *vessel of wood, skin, or other material for carrying liquor / деревянный, кожаный и т.п. сосуд для транспортировки жидкостей*.

Специализация в англосаксонский период носит относительный характер, так как реализует функциональную дифференциацию понятий, ограниченных бытом человека, и является типичным проявлением *наивного типа мышления* (Гринёв-Гриневиц 2005, с. 67). При существующем в древности уровне материальной культуры, деятельность человека подчинялась единой цели – выживанию как биологической особи, поэтому строгого разделения сфер деятельности не существовало. Тем самым, выделение понятия *bowk* как *milk pail / дойник* является специальным лишь относительно современности.

Синкретизм основного объёма синонимов, входящих в состав CPs VfL, не находит проявление в религиозной тематике. Христианство, официально распространявшееся в VII в., являлось насаждаемой религией, также как и религиозный словник. Латинская религиозная лексика являлась обязательной в связи с необходимостью толкования священных писаний и соблюдения христианских доктрин. Общественные католические богослужебные обряды, проводимые на латыни, приводили к укоренению в староанглийском словнике иностранной лексики, идентифицирующей ёмкости как неотъемлемые атрибуты службы. В основе религиозной терминологии находится *chalice*, заимствованная в древнеанглийский как *seġlic* в значении *drinking-cup or goblet / кубок*. Специальное понятие *font*, интерпретируемое как *receptacle, usually of stone, for the water used in the sacrament of baptism, 1000 г. / купель*, вошло в общественный словник в связи с популяризацией среди населения таинства крещения, т.е. официального приобщения к религии.

Постепенное насыщение окружающей среды материальными объектами, осознание сложного характера явлений природы приводит к появлению новых детализированных, специальных представлений, расширяющих CPs VfL. Разграничение понятий проявляется в установлении различных функциональных характеристик объектов как реализации процесса дифференциации сфер деятельности человека. Так, абстрагирование от внешних признаков понятия *bucket* способствует выявлению денотатов, различающихся функционально как *...in which water is drawn out of a well, 1300 г. / колодезное ведро* и *...in which water is carried, particularly to quench a fire / пожарное ведро*.

Возникновение понятий, характерных для *ремесленного* типа мышления, также связано с развитием мелкого ручного производства. Начало производственной деятельности человека вышло за рамки домашнего ремесла, обусловленного натуральным хозяйством. Кустарная промышленность способствовала формированию профессиональных понятий, синонимичных бытовой лексике, как *pot* (1b¹) *vessel (now usu. of metal) used for cooking or boiling, 1300 г. / горшок, котелок, кастрюля*. В ранненовоанглийский период CP CRUET был дополнен новым значением лексемы *flagon*, т.е. *flagon* (1a²). Семантическая трансформация проявляется в специализации понятия на уровне функционального признака в значении *flagon* (1a¹) до *carried by pilgrims, 1578 г. / для пилигримов*.

Особый приоритет приобретает в средневековье сфера торговли. Необходимость быть адекватными в процессе межкультурной коммуникации проявилась в специализации архаизма *flask* (1). Процесс сужения синкретического понятия способствовал в 1693 г.

формированию значения flask (3a¹), идентифицируемого на основе признаков формы и функции. Сужение понятия проявляется в конкретизации функциональной особенности денотата *in which wines, oil, etc. are exported from Italy / для транспортировки вин, масла и т.п. из Италии*. Торговые интересы определяют наличие дифференциального признака дополнительного элемента *covered with wicker-work or plated glass, etc. for protection / оплетённая для защиты*.

Лексике протонаучного периода свойственна тесная связь с бытовой сферой, чем и обусловлен быстрый переход значений в область широкого пользования. Некоторые значения у полисеманта pot, типа *earthenware vessel to hold earth in which a plant is grown; FLOWER-POT, 1615 г. / цветочный горшок* и *wicker basket used as a trap for fish or crustaceans; fish-pot, lobster-pot, etc., 1669 г. / плетеная корзина для ловли рыбы и ракообразных* утратили статус специальных единиц в сфере цветоводства и рыбного промысла в связи с широким распространением денотата. Данный факт подтверждается отсутствием специальных помет у прототерминов в словарных статьях английских толковых словарей.

Терминологический статус сохраняется в понятиях, определяющих сферы деятельности, недоступные широкому кругу общественности. В попытке осуществить качественные изменения внутри одушевлённого и неодушевлённого предмета алхимии создали ряд приспособлений, сформировавших в период раннего средневековья CP ALEMBIC. Количественное расширение CP достигалось посредством метафорического переноса типа *плод растения → аппарат*, т.е. *fruit of Lagenaria vulgaris / тыква → vessel or retort, originally gourd-shaped, used in distillation and other chemical (or alchemical) processes, or for keeping liquids etc., in / перегонный куб, реторта*. Дальнейшее развитие специального CP ALEMBIC определяется заимствованием словника алхимии в химическую терминосистему, дополненную в XVII в. понятием retort.

Исключительное положение религии по отношению к другим сферам жизни человека предопределило консервативный подход к религиозной терминосистеме. Понятия, определяющие религиозные атрибуты, вошли в CP TANK как *laver (2) baptismal font, 1340 г. / купель* и *font (2) receptacle for holy water, 1542-5 гг. / ёмкость для святой воды*, CP CRUET как *cruet (2) small vessel to hold wine or water for use in the celebration of the Eucharist..., 1290 г. / сосуд (в виде бутылки), применяемый во время причастия* и др.

Современный тип мышления предполагает пополнение словарного состава языка и расширение использования специализированных лексем, маркируемых английскими толковыми словарями. Период расцвета научной мысли привел к трансформации сформировавшихся к началу XVIII в. CPs за счёт новых понятий. Археологические данные, собранные к началу XX в., позволили включить в состав CP CHALICE такое специализированное археологическое понятие, как *type of tall wide-mouthed vessel found in the graves of a people who came to Britain from Central Europe in the early Bronze Age, 1902 г. / чаша (как реликт Бикеров или народа Чаш)*. Специальные понятия полнили словники таких профессиональных видов деятельности как кулинария посредством *cassolette (3¹) small casserole, 1813 г. / кастрюлька*, кожевенное производство – *vat (2b) a tub, cistern, pit, or the like, containing the 'ooze' in which the hides are laid in tanning, 1777 г. / дубильный чан*, пивоварение – *hopper (2) brewer's vat in which the infusion of hops is prepared to be added to the wort, 1914 г. / бродильный чан* и т.п.

Специализация CPs Vfl осуществлялась посредством заимствования материальных предметов совместно со сформировавшимся ранее понятием. Греческая реалья, представленная amphora, заимствована в среднеанглийский словник из латыни. Лексическая единица определяет понятие, составляющее семантическое единство *ἀμφί on both sides / по обе стороны* и *φορέας bearer / переносчик грузов*. Лексема amphora вошла в среднеанглийский словник как специальная лексема торговли во второй половине XV в. в значении *amphora (1) two-handles vessel, of various shape, used by the ancients for holding wine, oil, etc. / амфора*, впервые определяемом

признаком дополнительной функции. Переосмысление иноязычной реалии происходит в процессе заимствования лексемы. Так, *carboy* восходит к персидской *qarābah* или *qarṭābah* в значении *large flagon (for wine, rose-water, etc.) / большая бутылка для вина, розовой воды и т.п.* В английский словарь *carboy* включается в XVIII в. в значении, дифференцируемом на основе признака функции *used for holding acids and other corrosive liquids / для хранения кислот и других агрессивных жидкостей.* Впервые различие синонимов в СР CRUET определяет признак цвета, являющийся несущественным для англичан, но заимствованный из персидской культуры, для которой в XV в. было характерно изготовление сосудов для вина и воды из синего и зелёного стекла. Уточнение понятия достигается посредством признаков размера, формы и дополнительного элемента как *large / большая, globular bottle / сферическая бутылка* и *covered with basket-work for protection / оплётённая (для защиты).*

Ассоциативный характер человеческого мышления способствует интенсификации процесса специализации при вторичной номинации. Вторичная номинация выражается в углублении обобщающей способности мышления, реализующейся в расширении СР посредством усложнения семантической структуры конstituентов (Будагов 2000, с. 121; Рожков 2008, с. 14), т. е. *синонимической деривацией* (Вострикова 1998, с. 6). Акты вторичной номинации способствуют установлению ассоциации по сходству или по смежности между определёнными свойствами конstituентов внеязыкового СР. Общественно-историческая практика оперирования понятием *churn / маслобойка* способствовала расширению семантической структуры лексемы посредством метафорического переноса *техническое оборудование → сосуд.* Основанием для идентификации объектов материального мира является относительное ассоциативное сходство внешнего облика. В результате метонимического переноса типа *материал → сосуд* в английский язык вошло понятие *calabash* (3) как *hollow shell ... used as a vessel / утварь из тыквы-горлянки.*

Корреляция двух временных масштабов в рамках данного анализа у СРs Vfl позволяет выявить вневременные особенности процесса формирования синонимических отношений и расширения микросистемы посредством специализации исторически базовых понятий. В динамическом процессе формирования конstituентов СРs наблюдается повторение типов ассоциаций, хранящихся в готовом виде в долговременной памяти. Стереотип моделей образования синонимических понятий в лексеме реализуется в заимствовании способов восприятия объектов действительности на основе закона притяжения синонимов (Ullmann 1964). Типология ассоциативных связей, обуславливающих сопоставление хронологически дифференцируемых понятий, устанавливается в процессе анализа отдельных лексем. Так, в структуре лексемы *retort* наблюдается процесс функционального переноса специального понятия *retort* (1) на *retort* (2), т.е. *сосуд для дистилляции жидкостей → для выделения ртути.*

Расширение СР на основе синонимического понятия первичной номинации предполагает две модели семантических трансформаций. Вторичная номинация базируется на преодолении свойства *гетерогенности*, размытости значений производящих значений (Араева, Катыхева 2002, с. 229) и на более осмысленном восприятии действительности человеком (Будагов 2000, с. 15). Так, синкретическое в древнеанглийском понятие *vial* (1a¹) трансформировалось в специальное значение СР CRUET посредством выделения дополнительных признаков денотата в процессе сужения.

Основанием для расширения СР является подчинительная связь между хронологически базовым понятием и результатом вторичной номинации (Гольдберг 1988; Шехтман см. Красавский 2008, с. 189). Продуктивным способом формирования лексем, обусловленных синонимическими отношениями, является гомогенный подтип подчинительной связи (ГомППС), определяемый наличием общих денотативных признаков у всех компонентов лексемы. Организация значений, характеризуемая ГомППС, предопределяет семантическое единство элементов лексемы. Синонимические связи, обусловленные ГомППС, определяются добавлением, нейтрализацией или

замещением дифференциальных признаков. В данном исследовании специализация значения *flagon* (2b) осуществляется посредством замещения у *large vessel* / *большой графин* функционального признака *containing a supply of drink for use at table* / *для подачи напитков к столу* на характеристику *used to hold the wine at the Eucharist, 1485 г.* / *для вина при причастии*.

Производительная природа вторичной номинации детерминирована мотивированностью хронологически базового понятия (Вострикова 1998, с. 11). Функциональность хронологически базового значения английского языка определяется как способность быть основой переосмысления значения первичной номинации. Так, сохранение функциональной особенности *for carrying liquids* / *для транспортировки жидкостей*, выявленной на начальном этапе формирования лексемы *riggin*, проявляется в специальном значении *a milking pail* / *подойник*.

Вторичная номинация, реализуемая в корреляции исходного или производящего значения с производными, способствует композиционным изменениям внутри СР. Сопоставление производящего и производного понятий единого СР идентифицирует заимствование и сохранение денотативного компонента значения (Вострикова 1998, с. 5). Так, *flacon* (2) как результат вторичной номинации *flacon* (1) предполагает единство денотативного признака *small stoppered bottle* / *бутылочка с пробкой*, дополненного дифференциальным признаком, определяющим специализированную функциональную характеристику денотата.

Выход понятия первичной номинации за пределы СР посредством формирования значений, синонимичных другим лексемам, предполагает метафорический и метонимический переносы. Расширение СР в рамках вторичной номинации базируется на ассоциативном сходстве производящего и производного понятий и характеризуется сменой денотативной составляющей значений. Исходный денотативный признак теряет статус неделимого и постоянного в процессе функционирования компонента значения и переходит в разряд дифференциального признака. Ассоциативная связь двух хронологически отличных понятий строится на корреляции изначально вспомогательных признаков объекта с денотативным элементом значения вторичной номинации. Денотативный компонент понятия *taster* (3a) идентифицировал категориальную отнесённость денотата к приспособлению дегустатора. Формирование специального понятия *taster* (3a) базируется на хронологически базовом значении, идентифицирующем слугу-дегустатора, определяющего качество поданной к столу хозяина пищи. Отсутствие профессиональной подготовки у таких людей не позволяет характеризовать понятие как элемент специальной сферы деятельности. Процесс специализации, зарегистрированный в XV в., детерминируется метонимическим переносом типа *непрофессиональная деятельность* → *профессиональный инструментальный* как *a small shallow cup of silver, often with an embossed or corrugated bottom which reflects the light through the liquor, for tasting wines* / *дегустационный бокал (мелкий серебряный с рифлёным дном, для дегустации вин)*. Выявление профессиональной принадлежности человека, выполняющего подобные функции, является следствием дальнейшего метонимического переноса.

Близость денотатов, категориально дифференцированных на основе предметной отнесённости к различным научным сферам, базируется на сходстве одного или ряда внешних признаков. Так, анатомическое строение представителя зоологии *spider* (1a¹) / *паук* способствовало созданию сосуда идентичной конфигурации, предназначенного для приготовления пищи *spider* (3a).

Основанием для метонимического переноса является замещение отдельных признаков значений лексемы. Смежность понятий реализуется в совмещении объектов материального мира по определённому признаку. У *tin* хронологически базовое понятие *tin* (1a), характеризующее химический элемент таблицы Д. И. Менделеева, трансформируется в *tin* (2a) на основе общности материала изготовления *металл* → *сосуд*. Процесс метонимической модификации представляется хронологически многоступенчатым, обусловленным особенностями мышления человека. На начальном этапе семантической эволюции *gyle* (2) → *gyle* (3) регистрируется дополнительный признак количества

содержимого. Последующая трансформация эксплицирует партитивный семантический сдвиг с доминантного признака количества содержимого на сосуд. Значимость признака денотата определяется его доминирующим местом в лексикографическом толковании лексического значения как, например, в толкованиях *wort in process of fermentation* и *the quantity of beer*... Процесс метонимической трансформации завершается окончательным смещением акцента на *сосуд* — *gyle* (3).

Процесс специализации конститuentов английских CPs VfL представлен хронологически дифференцированным явлением, что обусловлено антропологическим фактором. Опосредованность композиции CP эволюционирующим мышлением человека определяет вектор развития специальных CPs от синкретических понятий, не определяющих специальные словники, до специальных понятий терминосистем. Культурно-историческая составляющая ускоряет процесс специализации посредством выявления сфер деятельности, обособленных от быта, т.е. религии в древнеанглийский период, алхимии и торговли – в средневековье. Ступенчатый характер специализации предполагает наличие на второй стадии прототерминов, характеризующихся нестабильным статусом. Основанием для специализации конститuentов CPs VfL являются переосмысление заимствованных специальных понятий и вторичная номинация, базирующаяся на ассоциативной связи понятий в пределах единой лексемы. Ассоциативное сопоставление раннего понятия с производным основано на метафорическом и метонимическом переносах.

Литература:

АРАЕВА, Л. А.; КАТЫШЕВ, П. А., 2002. Полисемия и синонимия производного слова как отражение динамики языкового знака. *С любовью к языку*. Сборник научных трудов. Москва – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, с. 227 – 236.

БУДАГОВ, Р. А., 2000. *Язык и речь в кругозоре человека*. Москва: Добросвет, 304 с.

ВОСТРИКОВА, О. В., 1998. Английские прилагательные группы SENSE и их синонимы: *Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Москва: Моск. пед. гос. ун-т.

ГОЛЬДБЕРГ, В. Б., 1988. Роль антонимических и синонимических связей в организации лексико-семантической группы: (На примере лексико-семантической группы БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ в английском языке). *Грамматическая и лексическая синонимия, антонимия и омонимия*. Томск: Томский пед. ин-т, с. 74-79.

ГРИНЁВ-ГРИНЕВИЧ, С. В., СОРОКИНА, Э. А., СКОПЮК, Т. Г., 2005. *Основы антрополлингвистики (к лексическим основаниям эволюции мышления человека)*. Москва: Компания Спутник+, 113 с.

КРАСАВСКИЙ, Н. А., 2008. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Москва: Гнозис, 373 с.

НИКОЛАЕВ, Г. А., 1987. *Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 151 с.

РОЖКОВ, Р. Р., 2008. *Опыт систематизации лексических корреляций: (Внутриязыковой и контрастивный аспекты)*. Москва: МАКС Пресс, 165 с.

The Oxford English Dictionary: A New English Dictionary on Historical Principles, 1989. Oxford: Clarendon Press. Vol. 20.

Ullmann, Stephen, 1964. *Semantics. An introduction to the science of meaning*. Oxford: Basil Blackwell, 278 p.

Oxana Sheredekina

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia

Research interests: anthropolinguistics, semantics, synonymy

SPECIALIZATION OF SYNONYMIC LINES' CONSTITUENTS IN ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Summary

Anthropolinguistics determines specialization of the constituents of synonymic lines as a semantic process mediated by human mind being the mechanism of world interpretation. Specialization of synonymic concepts is the natural process of scientific way of thinking that is able to reveal specific features of objects. The comparison of historical synonymic lines defines peculiar features of the development of synonymic relations and contributes to the identification of evolutionary tendencies in the process of special English vocabulary formation. Specialization of synonymic lines is based on the mechanical adoption of specialized concepts of other cultures. The formation of specialized concepts based on associative relations between chronologically differentiated concepts is introduced by secondary nomination. The reason for the formation of synonymic concepts on the lexemic level is in metaphorical and

metonymical associations produced in human mind and in the process of narrowing of historically syncretic synonymic concepts.

KEY WORDS: a synonymic line, specialization, anthropolinguistics, panchronism, metaphorical and metonymical specializations, naïve, artisanal and scientific types of human mind, secondary nomination

Ольга Васнева

Пермский государственный педагогический университет, Россия

ул. Сибирская.24, 614000 Пермь, Россия

Тел. +7 902 795 23 74

Эл. почта: callissa@gmail.com

Научные интересы: этнолингвистика, социоллингвистика, диалектология, стилистика

БАЗОВЫЕ ОСНОВЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЕМОНИМОВ

Демоним, образующийся в процессе номинации ирреальных персонажей демонологии, обладает всеми свойствами языковой единицы и становится частью языковой системы. В статье рассматриваются особенности отапеллятивных моделей демонимов, и в частности, устанавливается частеречная принадлежность базовых лексемы и определяется семантика этих групп. Высокой частотностью использования отличаются такие морфологические классы, как имена существительные, прилагательные и глаголы. Морфологическая и семантическая характеристики базовых основ данных моделей коррелируют с семантикой наименований персонажей низшей мифологической сферы и отражают основные категории языковой картины мира русских (пространственные, временные, количественные, социальные, этические и др.). Так, в моделях, образованных от имен существительных, актуализируются такие признаки, как конкретность/абстрактность, исчисляемость/неисчисляемость, нарицательность, одушевленность/неодушевленность и др., а также определенные семантические классы («Понятия», «Животные», «Вещи», «Человек», «Растения»). Особое внимание уделяется вариативности наименований демонологических персонажей, обусловленной спецификой объекта наименования. Исследование проведено на материале диалектной лексики Прикамья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номинация, словообразование, словообразовательная модель, демоним, мифологическая лексика, диалектная лексика, вариативность, семантика, языковая картина мира.

Предметом нашего анализа стали демонимы, т.е. наименования персонажей низшей мифологической сферы, зафиксированные в текстах быличек и в текстах других несказочных жанров Прикамья.

Несмотря на высокую частотность употребления термина «номинация» в современной лингвистической литературе, его содержание до сих пор остается многозначным, что вносит некоторую путаницу. Во-первых, одно и то же название - номинация - обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния (Телия 1990, с. 336 - 337). Во-вторых, у разных исследователей часто не совпадает содержание терминов «первичная» и «вторичная» номинация. Так, Т. В. Булыгина (Булыгина 1991), В. Г. Гак (Гак 1967), А. А. Уфимцева (Уфимцева 1968) под *первичной номинацией* понимают языковое означивание посредством слов и словосочетаний, а под *вторичной* – языковое означивание при помощи предложений. Отнесение терминов «первичная номинация» к словам и словосочетаниям, а «вторичная номинация» – к предложениям обосновывается сопоставлением слов в системе языка и предложений (высказываний) в речи. Мы специально оговаривали особенности выделения языковых единиц, т.к. имеем дело с диалектной системой, представленной прежде всего речевой стихией.

Первичная и вторичная номинация иначе представлена в терминах «основная» и «модифицированная»; «глубокая» и «поверхностная». Так, в работах С. С. Масловой-Лошанской, Г. В. Колшанского, Н. Д. Аругюновой, Е. С. Кубряковой и В. Н. Телия под *первичной номинацией* понимается изначально языковое означивание, первообразное слово.

Первичная номинация в таком понимании – крайне редкое явление в современных языках, поскольку она относится к первообразным словам типа море, пить, моргать, хлеб, белый.

Для обозначения способности современных языков пополнять свой номинативный инвентарь вводится понятие *вторичной номинации*, под которой понимается использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, т. е. появление нового значения в данной языковой единице. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу и по смыслу. В дальнейшем мы будем использовать термин первичная и вторичная номинация именно в этом значении.

Анализ демонологической лексики показывает, что практически все единицы относятся к *вторичной номинации*, однако способы и средства, использованные для образования этих единиц, довольно разнообразны.

Способы вторичной номинации различаются в зависимости от языковых средств, используемых для создания новых имен, и от характера взаимоотношений «имя-реальность». По характеру указания именем на действительность различают два типа вторичной номинации – автономную и неавтономную (косвенную). *Автономная номинация* – это вторичные значения слов, которые обретают самостоятельную номинативную функцию и называют тот или иной фрагмент объективной реальности, его признак или действие автономно, на базе одного имени. Производное имя базируется на свойствах самого первообразного слова (*лес* – первообразное, наименования МП, соотносимого с этим лесом, вторичные – *лес, леший, лесовик* и пр.).

При *неавтономной вторичной* номинации формирование новой языковой единицы происходит посредством такого использования комбинаторной техники языка, при которой знаковая единица «всегда соотносится со своим обозначаемым косвенно, через средство семантически опорного для данной комбинации наименования». Например, словосочетания *красная девка, черный человек* как обозначения лесного духа, *глушки* как имя календарного духа являются неавтономными наименованиями, т. к. «они лишены способности указывать на мир автономно и реализуются только в сочетании с другими словами». Так, прилагательное **глухой** в первичном значении – «лишенный слуха» (*глухой человек*); вторичная номинация; прилагательное *глухой* в значениях: а) «неотзывчивый к чему-л.» (о человеке – *глух ко всему доброму*); б) «невнятный по звуку» (*глухой выстрел*); в) «смутный, скрытый» (*глухое недовольство*); г) «тихий, без проявления жизни» (*глухая улочка, глухая пора*); д) «сплошной, без отверстий» (*глухая стена*). Неавтономность вторичной номинации прилагательного *глухой* проявляется в реализации значений только на синтагматическом уровне. Отсюда и *глушки* – слово образовано от сочетания «глухая пора».

Таким образом, выделяют четыре основных способа, используемых во вторичной номинации:

1. создание новых слов;
2. формирование новых значений (полисемия, перенос значений и пр.);
3. образование словосочетаний (единицы вторичной косвенной номинации,

такие как словосочетания – «номинативные знаки», в большинстве случаев представляют собой словосочетания, в которых конструктивно обусловлена та разновидность переносного значения, которая держится на сходстве образной основы, обусловленной наличием общего признака между прямым и переносным значением слова.

4. заимствования (лексические заимствования и кальки).

Первые три способа основаны на использовании внутренних ресурсов языка, а четвертый – на привлечении ресурсов других языков (Гак, электронный ресурс).

Все эти способы представлены в группе номинаций демонологических персонажей.

В демонологической лексике первообразные имена, или первичная номинация, представлены незначительно – около 2 %. К таким единицам мы относим такие слова, как черт, бог, вампир и некоторые другие.

Самой значительной является группа слов, которая возникла путем **морфологической трансформации** – 51 % (*чертиха, чертяка, чертушко*), затем **семантической** – 21 % (*лес, конь, хозяин*), также **путем использования словосочетаний** – 18 % (*белый конь, лесная девка, хромой солдат*). Около 8 % составляют **слова иноязычного происхождения**, в первую очередь из коми языка (*куль* «черт, злая сила», *кульпиян* «дух воды», *Ёма* «дух леса», *Ен* «дух-покровитель», *виришь/ворысь* «лесной царь») и тюркских языков (*албаста* «дух воды», *шайтан* «черт, дух леса», *шурале* «дух леса»). Это обусловлено особенностями языкового окружения русскоязычного населения в Прикамье.

Однако в некоторых случаях однозначно установить способ номинации не представляется возможным. Языковая единица нередко образуется путем контаминации разных способов. Обусловлено это, как нам кажется, особенностями самого номинативного процесса. В большинстве случаев установить объект не представляется возможным, поэтому его означивание идет по релевантным признакам (цвет, издаваемый им звук, движение, человеческие ощущения от прикосновения к этому объекту и пр.). Эти признаки уже названы в языке (синий, короткий, кривой; шепчет, бормочет, ломает, дерет кожу; мертвый, знающий и т. д.), но в качестве обозначения демонологического существа эти слова подвергаются семантическому осмыслению и выступают уже в качестве номинативов («... и тут *синий* выходит из стены...» пос. Вильва, Горнозаводский р-н). Но так как требуется обозначить некое существо, то происходит и морфологическая трансформация исходного слова (манит – *маниха, манило, манья*; синий – *синец, синея*).

Другая причина состоит в **вариативности номинаций**. Одно и то же явление может быть названо разными способами и в то же время, что как раз и составляет трудность в определении способа номинации, одно и то же слово может обозначать разных демонологических существ. В этом случае внешне совпадающие наименования могут быть образованы разными способами и установить в рамках данной тематической группы первичное значение невозможно. Например, *чудинка*. Это может быть 1). «дух дома», 2). «дух воды», 3). «привидение». Это наименование восходит к слову славянскому *čud* (см. Фасмер 1964, с. 377) и сохраняющее значение «чудо», трансформированное в дальнейшем как нечто «иное», «чужое», «чуждое»; как то, что имеет иную природу, чем обычные предметы, явления окружающей действительности. При таком подходе данные языковые единицы будут относиться к образованным с помощью морфологических средств (суффикса) словам. Но, рассматривая лексему *чудинка* как обозначение домашнего духа, мы не должны забывать и о влиянии коми культуры на мифологические представления. В этом случае мы можем говорить о контаминации номинативных способов, т. к. именно в этом значении лексема *чудинка* может восходить к слову «чудь» и быть образована путем трансформации семантики лексемы *чудь* и дальнейшей морфологизации. В пользу такого подхода говорит и вариативность ударения (*чУдинка* и *чудИнка*) и место фиксации номинатива (Гайнский р-н, Юрлинский р-н, Чердынский р-н), т.е. территория коми-пермяцкого языка.

В своем докладе мы хотели бы остановиться на образовании новых слов, но прежде чем перейти к словообразовательным моделям, необходимо охарактеризовать номинативные.

Наиболее активно в качестве базовых лексем в диалектной речи используются имена существительные. Природа имени существительного определяется как предметность (субстанциональность). Еще А. А. Потебня определял имя существительное как «название вещи», понимая под последней «связку явлений (качеств, сил), которую мы рассматриваем отдельно от других связей» (Потебня 1968, с. 6). Как материя, лежащая в основе мироздания, является сосредоточением свойств и способна создавать самостоятельные, относительно независимые комплексы, так и имя существительное, являющееся аналогом материи реальной действительности, в языковой картине мира представляет автономные сущности. Традиционно выделяют такие семантические группы, как «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди». Эти группы составляют основную таксономию любого словаря, т.к. отражают классы объективно существующих предметов (Степанов 1981, с. 48).

Отпеллятивные модели мифологических номинативов

Значимость внутренней формы слова в ее потебнианском понимании для получения этнокультурной информации подчеркивается многими современными исследованиями. Заложенный в названии признак предмета отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление об объекте, причем не только сложившееся до названия, но и затверженное в сознании самим фактом бытования мотивированного слова. Внутренняя форма как источник этнокультурной информации подчеркивает, что важно не *что*, а *через что* номинируется. Поэтому именно анализ внутренней формы номинативных единиц наиболее продуктивен.

Анализируя мотивирующие основы моноксем, относящихся к вторичной номинации, в первую очередь обратим внимание на частеречную принадлежность базовых лексемы и попробуем определить семантику этих групп. Мотивирующей основой в ДЛ чаще всего бывают **существительные** (64 %), **глаголы** (20 %), **прилагательные** (13 %). Остальные части речи (числительное, местоимение, наречие, междометие и пр.) представлены слабо, чаще всего это единичные наименования типа *аука, он, сам, тот, притком* и др.

Имя существительное

Наиболее активно в качестве базовых лексем в диалектной речи используются имена существительные. Природа имени существительного определяется как предметность (субстанциональность).

Мы выделили следующие семантические группы имен существительных, представленные в качестве базовых лексем в номинации демонимов:

1. Группа «**Понятие**» включает такие лексемы, как *воля, добро, лад, род, совет* и др. (13 %). В эту группу можно включить подгруппы, которые обозначают абстрактные понятия, такие, как «**Хрононим**» - *ночь, день, сумрак, зоря* и др. (5%), «**Стихия**» - *вода, земля, огонь, ветер* и др. (4 %), «**Болезнь**» - *кила, икота, лишай* и др. (2%), «**Действие**» - *блуд, оборона, оборот* и др. (2 %), «**Цвет**» - *зеленый, белый, черный* и др. (менее 1 %).

2. Группа «**Животные**» – *медведь, заяц, ласка, волк, кот, полоз, ворона, сорока, лошадь* и др. (11 %).

3. Группа «**Вещи**» включает такие подгруппы, как «**Место**» – *берег, лес, поле, огород, омут, Пермь* и др. (9 %), «**Объект**» – *камень, кочка* и др. (2%), «**Строение**» - *дом, сарай, овин, баня* и др. (7 %), «**Часть строения**» – *окно, порог, матица* и др. (4%), «**Предмет**» – *ключ, книга, шило* и др. (4%), «**Вещество**» – *грязь, масло, шерсть* и др. (2%).

4. Группа «**Человек**» - *человек, люди, мужчина, женщина* и др. (2 %) , **Часть тела** (*нога, рука, кожа, волосы, пятка, ухо* и др.) (8 %), **Родство с человеком** (*брат, дочь, отец, дядя, тетя* и др.) (5 %), **Соц.положение** (*царь, фараон, солдат, князь, гость* и др.) (5%), **Этноним** (*татары, пермяк, цыган* и др.) (2 %), **Мифологическое** (*черт, сатана, Вельзевул, бес, господь, бог* и др.) (7 %).

5. Группа «**Растение**» – *лен, бобы, огурец, мох, картофель* и др. (5 %).

Наиболее продуктивным оказывается группа слов, восходящих к абстрактным понятиям. Если вспомнить, что в демонологической лексике объектом номинации является мыслительный конструкт, то этот факт косвенно подтверждает эту мысль. Основные стихии также представлены в качестве мотивирующих основ. Наиболее продуктивен корень **вод*** – *водяной, водяник, водыльник, водяниха* и др.

Мы обозначили отдельно группу демонимов, которая в основе номинации использует названия тех или иных **болезней** – *кила, мор, лишай, икота, икотница*. Следует отметить, что специфической особенностью этой группы является семантическая транспозиция: лексема одновременно обозначает и болезнь, и проявление этой болезни, и МП, насылающего болезнь, и МП, олицетворяющего болезнь.

Незначительной по объему является группа номинаций, восходящих к **действиям**. Можно предположить, что для номинации действие, функция мифологических персонажей

оказывается нерелевантной. Однако в данном случае семантика действия будет реализована через глагольные мотивирующие основы, а не через именные формы. Отглагольные существительные редко употребляются в устной речи, отсюда и редкое использование таких слов в качестве мотивирующих основ.

И еще одна группа мотивирующих основ, которая проявляет себя в качестве базы для обозначения мифологических персонажей – это **хроматическая** лексика. В номинациях представлены все базовые цвета – черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий. Наиболее активно используются сакральные цвета (черный, белый, красный), имеющие широкий культурный спектр значений (например, белый – цвет, чистота, холод, власть, невинность и др.) а так же цвета, которые соотносятся с цветом физиологических изменений человеческого тела в результате смерти, болезни (синий, зеленый, желтый).

Локативность также является важным основанием для обозначения демонических персонажей (место обитания, место появления или исчезновения). Группы, которые связаны с локусом обитания демонических существ или проявление их действий, можно разделить на несколько подгрупп – это собственно **ландшафтные участки**, обладающие сакральной функцией границы – берег, водоем, межа; это **строения** как маркеры пространства – мельница, дом, овин; это **часть строений**, обладающих повышенной значимостью в организации пространства – матица, порог, окно.

Другая многочисленная группа номинаций демонимов выражает тотемический характер обозначения – это семантическая группа **Животные**. Все лексемы, входящие в эту группу, обозначают животных, которые имеют особое значение в культуре народов, населяющих прикамскую территорию, например, лось, медведь. Эти животные являются символами Прикамья, являются тотемами коми народа; встреча с ними, само их появление в поле зрения человека, их поведение мифологизировано и соотносится с основными категориями мира. Можно вспомнить звериный календарь коми, где хронологические отрезки представлены в виде определенных животных. Или такие семантические категории, как добро/зло, верх/низ, небо/земля и др., персонифицированы в быличках и других мифологических текстах в образах этих животных. Не случайно, что демонимы, восходящие к этим лексемам, могут обозначать существ, выполняющих патронажную функцию (*медведь* «дух леса»), функцию устрашителя (*медведко*), функцию предсказания (увидеть *медведя* во сне – к удаче в делах).

Лексема **Человек** со всеми своими парадигматическими отношениями также становится продуктивной базой для образования номинативных единиц в группе демонологической лексике. В качестве мотивирующей основы берутся обозначения а) **собственно человека** (родового понятия – *человек, люди*), б) **по возрастному признаку** (*старик, пращур*), в) **по половому признаку** (*мужчина, женщина, девка, паренек*), г) **по родственным отношениям** (*брат, большак, дед, отец, мать, дочь*), д) **по социальному положению** (*князь, царь*), е) **по профессии** (*мельник, пастух*), ж) **по этнической принадлежности** (*татарин, немец, пермяк*). Следует отметить еще одну особенность мотивирующих основ, восходящих к концепту «человек» - это мотивация демонимов лексемами, восходящих к обозначению частей тела (*волосатка, ручной, беспятый, горбунец*).

Следующая группа связана с материальными сущностями – это демонимы, восходящими к обозначениям объектов действительности, предметам и веществу, т.е. группа «**Вещи**». Например, такие номинации, как *корчага, тряпка* – названия домового; *масленка, грязнуха* – название календарного духа.

Некоторые семантические группы представлены единичными случаями, но мы хотели бы сказать и о них. Так, незначительной является группа номинаций, восходящих к растительному коду – чаще всего это названия культурных растений (лен - *ляница*, боб - *бобовица*, огурец – *огуречница*), хотя встречаются и наименования восходящие к лесной флоре – *моховой, лозник*.

Глагол

Глагол - это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и (в формах прош. вр. и сослагательного наклонения) категорией рода.

Значение процесса свойственно всем глаголам, независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс и действия (бежать, грузить, рыть), состояние (лежать, спать, страдать), отношения (иметь, преобладать, принадлежать). При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия «процесс» и «действие». В этом случае понятие «действие» трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия *действия*, когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием).

Выделяем следующие семантические группы глаголов, которые использованы в качестве мотивирующих основ:

- **Глаголы физического воздействия на объект** (32 %) – давить (*задавленник* «ходячий покойник»), драть (*кожедер* «черт»), купать (*купалки* «русалки»), портить (*порчун* «черт»), ломать (*ломея* «черт», *садоллом* «черт»);

- **Глаголы речевой деятельности** (12 %) – баять (*баечник* «дух дома»), гаркать (*гаркун* «черт»), лаять (*лаюн* «черт»), шептать (*шептун* «колдун»);

- **Глаголы движения** – ходить, шататься, лазить, блуждать (*переходень* «оборотень», *шатун* «черт», *лазник* «черт», *блудник* «устрашитель») и глаголы **созидательной деятельности** – делать, жарить, стряпать, прясть (*лиходей* «черт», *жареник* «нечисть», *стряпуха* «дух дома», *самопряха* «дух двора и дворовых построек», *рядун* «дух дома») - по 10 %;

- **Глаголы интеллектуальной деятельности** – ведать, знать, видеть (*ведун* «колдун», *знатка* «колдун», *привидение*) и глаголы **межличностных отношений** – глумиться, ласкать, баловать (*глумица* «русалка», *ластивочки* «русалки», *баловень* «черт») – по 9 %;

- **Глаголы качественного состояния** (7 %) – дремать, каяться (*дрема* «дух дома», *окаянный* «дух леса», *окайка* «черт»);

- **Глаголы владения** – отяпать, обменивать (*отяпа* «черт», *обмениха* «нечисть»), глаголы **физиологического действия** – кормить, тошнить (*кормилец* «дух дома», *тошный* «нечисть») и глаголы **перемещения объекта** – играть, носить (*игрец* «черт», *несун* «дух дома») – по 3%;

- **Глаголы бытия** жить (*доброжил* «дух дома») и глаголы **сохранения** беречь (*берегуша* «русалка») по 1 %.

Имя прилагательное

Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа. Прилагательные классифицируются по двум основаниям: во-первых, по характеру самого называемого признака и, во-вторых, по характеру обозначения признака, т. е. по тому, получает ли признак в слове свое лексическое выражение или на наличие признака только указывается, но сам признак не называется. Эти классификации, равно существенные для грамматической характеристики прилагательных, не подчинены друг другу и существуют независимо одна от другой.

Классификация по первому признаку разделяет прилагательные на два лексико-грамматических разряда - на прилагательные *качественные* и *относительные*. В состав относительных прилагательных входят *собственно относительные* (притяжательные, см. § 1296, и непритяжательные), *порядковые* и *местоименные* прилагательные. Классификация по второму признаку разделяет прилагательные на *знаменательные* и *местоименные*. К знаменательным прилагательным относятся все *качественные* прилагательные и все *относительные*, кроме местоименных.

В группе демонимов представлены практически все группы, но большинство основ-прилагательных восходят к качественным (около 67 %).

Качественные прилагательные обозначают свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности: белый - белее, красивый - красивее, прочный - прочнее, упрямый - упрямее, хороший - лучше. Ядро этого разряда составляют прилагательные, основа которых обозначает признак не через отношение к предмету. Сюда принадлежат слова, называющие такие свойства и качества, которые непосредственно воспринимаются органами чувств: цветовые (*синий, синец, синяя* – названия ходячих покойников), пространственные (*левый* «черт»), временные (*ночной гость*), физические (лихой «черт», вольный «черт», востренькие «нечисть») и другие квалифицирующие признаки, качества характера и умственного склада. Например, к прилагательному *большой* восходят такие наименования, как *большатчата* «домашние духи, нечисть», *большак* «дух дома», *большачек* «дух дома», *большачиха* «женская ипостась духа дома», *большина* «дух дома», *большиха* «женская ипостась духа дома», *большица* «женская ипостась духа дома».

Относительные прилагательные в качестве мотивирующей основы практически не представлены. Мы можем говорить о них только в случае семантической транспозиции: например, *домашний, дворовый, голбешный, печной, трубной* как наименование духа дома, где относительные прилагательные перешли в разряд субстантивов. Это объясняется сущностью относительных прилагательных, которые называют признак через отношение к предмету или к другому признаку, т.е. в сущности, они являются уже семантически производными языковыми единицами. Даже сами носители диалекта объясняют названия демонических персонажей, обращаясь не к относительным прилагательным, а к существительным или качественным прилагательным. Например, *волосатка* «дух воды», *косматка* «дух воды» возводят к волосам, космам, а не к волосатый, косматый («... *косматка-то* в воде живет, *космы* у нее, *волосы* нечесаные» Куединский р-н). Интересно, что в составе демонимов наблюдается другое соотношение: количество относительных прилагательных преобладает над качественными.

Местоименные прилагательные, использованные в качестве мотивирующих основ для демонимов, делятся на шесть групп: 1) притяжательные (так наз. притяжательные местоимения): а) личные, указывающие на принадлежность первому лицу (*наш* «дух дома», *ненаш* «черт») или третьему лицу (*его, ее, их* «нечисть»); б) возвратные, указывающие на принадлежность любому из трех лиц: *свой* «дух дома»; 2) указательные: *тот, этот, тот-то, такой-то* «нечисть»; 3) определительные: *иной, другой* – «черт», *сам, самый* – «дух дома или леса»; 4) вопросительные: *какой, который* – «нечисть»; 5) неопределенные: *какой-то, некоторый, некий* «нечисть»; 6) отрицательные: *никакой (никакая сила), ничей (ничья сила)* – «нечисть».

В качестве иллюстрации высказанным выше положениям о мотивирующих основах приведем анализ подгруппы «Духи дома и дворовых построек».

Горизонтальное членение пространства в мифологическом мышлении дискретно. Пространство представляет собой набор зон, в разной степени освоенных человеком. Эти участки пространства маркированы действиями человека, и по степени приложенных усилий можно выделить несколько зон: *родовое* (хорошо освоенное, почти полностью преобразованное действиями человека), *освоенное* (знакомое, регулярно подверженное действиям человека), *неосвоенное* (малознакомое, не подверженное преобразовательным действиям человека) и *незнакомое* (существование данной области носит виртуальный характер, человек только предполагает существование такого пространства). Качество зон переносится и на пространственные объекты, имеющие быть в действительности.

В родовой зоне по своей значимости для нее выделяется такой комплексный объект как ДОМ. Традиционные формы и способы структурирования жилого пространства (наряду с устройством двора, структурой поселения) отражают устойчивый комплекс представлений о строении мира и о механизмах ориентации в этом мире. Ориентируя

жилище, человек тем самым связывает его со своими представлениями об организации мира, соотносит его с основными параметрами картины мира. С этой точки зрения, жилище не строится, а создается или рождается: по мере его строительства и обживания оно обрастает всеми необходимыми связями с человеком и со вселенной. Немаловажную роль при этом играет и структурирование внутреннего пространства. Можно выделить семантически значимые элементы внутреннего пространства дома: *окно, дверь, печь, голбец, чердак, матица* и др. Мифологический персонаж, обитающий в доме, соотносится с этими элементами и с их значимостью в картине мира (все эти части дома культурно релевантны, имеют сакральное значение – например, окно, порог, дверь воспринимаются не только как элементы дома, но как символическая граница между своим и чужим миром; печь воспринимается как центр мироздания, как защита человека от злых сил и пр.). Сакральная природа человеческого жилища лежит в основе номинаций домашних духов, что можно проследить в тех признаках, которыми мотивированы данные демониумы:

- **локативный** – имя мотивировано местом обитания: *домовой (дом), голбежник (голбец), запечельная мара (печь), подпольщик (подпол), сенная баба (сени)* и др.);
- **качественный** – имя мотивировано а) внешностью: антропоморфной (*дед, баба, мужик*); зооморфной (*сверчок/визжок, кошка, ласка*); терриморфным (*змея, полоз*); атрибутивностью (*тряпка, корчага, помело* и др.); б) характером (*злыдень, добруха* и др.);
- **функциональный** – имя мотивировано действиями или функциями, чаще всего патронажными или вредоносными/благотворительными (*домовед, сторож, жихарь*);
- **реляционный** – в имени есть указания на а) пол мифологического персонажа (*большак – большуха, доможир – доможирка*); б) родство с человеком (*дед, батюшка, большак*), в) социальный статус (гость, хозяин).

Литература

- БУЛЫГИНА, Т. В., 1991. *Особенности структурной организации языка как системы и методы ее исследования*. Москва: Наука
- ГАК, В. Г., *Номинация*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/082/494.htm>
- ГАК, В. Г., 1967. *О двух типах знаков в языке*. Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода», Москва: Наука
- ПОТЕБНЯ, А. А., 1968. *Из записок по русской грамматике*. Москва: Просвещение
- СТЕПАНОВ, Ю. С., 1981. *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва: Наука
- ТЕЛИЯ, В. Н., 1977. *Вторичная номинация и её виды. Языковая номинация. Виды наименований*. Москва: Наука
- ТЕЛИЯ, В. Н., 1990. *Номинация. Энциклопедический лингвистический словарь*. Москва: Советская энциклопедия
- УФИМЦЕВА, А. А., 1968. *Слово в лексико-семантической системе языка*. Москва: Наука
- Языковая номинация (общие вопросы)*, 1977. Москва: Наука
- ФАСМЕР, М., 1964-1973. *Этимологический словарь русского языка в 4 тт.* Москва: Прогресс

Olga Vasneva

Permės valstybinis pedagoginis universitetas, Rusija
Moksliniai interesai: etnolingvistika, sociolingvistika, dialektologija, stilistika

DEMONIMŲ DARYBINIŲ MODELIŲ BAZINIAI PAGRINDAI

Santrauka

Demonimas, kuris susiformuoja siekiant ivardinti nerealius demonologijos personažus, turi visas kalbinio vieneto ypatybes ir tampa kalbinės sistemos dalimi. Straipsnyje apžvelgiami demonimų darybos modeliai, randamos bazinės lekšemos juose ir apibūdinama šių grupių semantika. Ypač dažnai vartojamos tokios morfologinės klasės kaip daiktavardžiai, būvardžiai ir veiksmažodžiai. Šių modelių bazinių pagrindų morfologinė charakteristika koreliuoja su žemiausios morfologinės srities personažų pavadinimų semantika ir atspindi pagrindines rusų kalbinės aplinkos kategorijas (erdvės, laiko, kiekybės, socialinės, etinės ir kt.). Taip modeliuose, kilusiuose iš daiktavardžių, aktualizuojasi tokie požymiai kaip konkretumas/abstrakcija, suskaičiuojamumas/nesuskaičiuojamumas, naratyvizmas,

suasmeninimas/beasmeniškumas ir kt., taip pat tam tikros semantines grupės ("Sąvokos", "Gyvūnai", "Daiktai", "Žmogus", "Augalai"). Ypatingas dėmesys skiriamas demonologijos personažų įvairovei, kurią sąlygoja pavadinamo objekto specifika. Tyrimas atliktas remiantis Prikamje dialektinės leksikos medžiaga.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: nominacija, žodžių daryba, žodžių darybos modelis, demonimas, morfologinė leksika, dialektinė leksika, variantiškumas, semantika, pasaulio kalbinė aplinka.

Эльвира Зарифуллина

Ижевский государственный технический университет, Россия

Студенческая 7, 426069 Ижевск, Россия

Тел.: +7(3412)58-53-51

Эл. почта: silver_elf@mail.ru

Научные интересы: автоматизированные системы обработки и управления информации, методы искусственного интеллекта, экспертные системы, сохранение древнерусских памятников письменности и автоматизация их обработки

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ХРАНЕНИЯ И ОБРАБОТКИ ТЕЗАУРУСА ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена компьютерной лексикографии, а именно разработке исторического электронного тезауруса. Метод реализации системы как экспертной справочной позволит хранить и извлекать наиболее полную информацию по каждой лексической единице текста. Уникальность разработки тезауруса как экспертной системы в том, что он позволяет привлечь один из методов искусственного интеллекта, дающий возможность наиболее детально описывать и обрабатывать лексикографическую информацию, а также создать базис для дальнейшего внедрения первичных анализирующих компонентов, развивающихся в концепции искусственного интеллекта. На данный момент существует разработки, привлекающие к созданию тезаурусов методологии экспертных систем, но они в основном касаются иных, нежели лингвистика областей человеческой деятельности. Создание этой системы позволит не только обеспечивать доступ к редким и ветхим памятникам письменности, в целях консолидации усилий ученых и интересующихся данной проблематикой людей, но и рассматривать их в совокупности: в диахроническом аспекте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: создание тезауруса древнерусского языка; экспертная система, разработка лексикографического тезауруса, экспертная справочная система

Активное развитие компьютерных технологий повлекло за собой и не менее активное развитие смежных областей наук, в частности корпусной лингвистики. Созданы и создаются корпуса текстов различных языков, а также различные по тематике корпуса внутри одного языка: диалектные корпуса, корпуса устной речи, корпуса поэтической речи и т.п., которые представляют собой разработки характеристики языка в синхронии. Отдельной группой стоят исторические корпуса, основной характеристикой которых является представление языка в диахронии, что влечет за собой некоторые особенности при разработке и программной реализации этих корпусов.

Трудность, прежде всего, состоит в преодолении неоднозначности языковых единиц, функционирование которых в корпусах древнерусских текстов определяется взаимодействием самых разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов. Также следует учитывать привязку памятника письменности к месту употребления, жанровое своеобразие и др. факторы. Исследуемое явление оказывается практически неразложимым на дискретные единицы при попытке перевести языковую абстракцию в абстракцию математическую, что является необходимым условием успешной статистической обработки лингвистических данных. Тем не менее необходимыми оказываются методы, использование которых позволит максимально отразить тончайшие нюансы семантико-грамматических связей в разрезе истории и географии, сочетание которых даст тот или иной эффект и составит индивидуальные особенности творческой манеры создателя текста и своеобразие самого текста. С учетом всех этих разноплановых параметров следует говорить о создании многомодульной автоматизированной системы по хранению, обработке и анализу различных текстов.

Как правило, для решения различных прикладных задач, связанных с разбором текстов по определенным параметрам, до недавнего времени исследователи редко подвергали ручной обработке произведение полностью, ограничиваясь лишь выборками, которые в совокупности покрывали лишь часть текста. Результаты таких исследований могли содержать невольно допущенные искажения и ошибки, подвергавшиеся в последующем критике. Еще одним немаловажным фактором является то, что материал, накопленный в результате обработки одной группой исследователей, зачастую не мог быть использован другими, тогда как подобная возможность могла бы привести к пересмотру некоторых ранее полученных результатов и, вероятно, появлению новых интересных для научного сообщества фактов. К тому же исторические документы в их исходном виде требуют от исследователя глубоких знаний древнерусского языка, а также доступа к ним, что бывает крайне редко. Эти и ряд других сложностей в ручной обработке текстов привели к возникновению идеи о необходимости создания единой информационной системы автоматизированного сбора, обработки и хранения информации, содержащейся в исторических текстах как электронного тезауруса.

Итак, что же такое тезаурус? В различных источниках приводятся такие трактовки понятия:

«Тезаурус (от греч. *thesauros* - сокровище, сокровищница) – 1) словарь, в котором максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах; 2) идеографический словарь, в котором показаны семантические отношения (родо-видовые, синонимические и др.) между лексическими единицами» (Шайкевич 1990).

«Тезаурус (греч. *thesauros* - сокровище) – словарь для поиска какого-либо слова по его смысловой связи с другими словами... 1) лингвистический тезаурус - словарь, содержащий перечень слов естественного языка, отобранных в результате содержательного анализа текстов и систематизированных в соответствии с принятой классификационной системой, 2) статистический тезаурус – информационно-поисковый словарь, содержащий перечень слов, отобранных в результате статистического анализа текстов по какой-либо определенной тематике и сгруппированных в словарные статьи на основе частоты совместной встречаемости этих слов в одних и тех же текстах (документах)» (Кондаков 1975, с. 587).

«Тезаурус (др.греч. *θησαυρός* сокровище, запас) 1) словарь, в котором максимально полно представлены слова языка с примерами их употребления (в полном объеме возможен только для мертвых языков); 2) полный систематизированный набор данных по к.-л. теме, обычно с указанием семантических отношений между лексическими единицами («Новейший словарь иностранных слов» 2005, с. 786).

В информатике под термином «тезаурус» понимается совокупность сведений, которыми располагает пользователь или система (Макаров 2000).

В гуманитарных же науках (социологии, культурологии, литературоведении и др.) «тезаурус – это формы существования гуманитарного знания: тезаурус в слове и образе воспроизводит часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой)» (Луков Вал., Луков Вл. 2004, с. 93 – 100).

Обычно под термином «тезаурус» понимается словарь, содержащий максимально полно слова, касающиеся какой-либо области человеческой деятельности, как правило, профессиональные тезаурусы (Мешечак, Колобов, Карауш 2004), либо те слова, относящиеся к некому документу или группе документов (Лесников 2006, Азарова 2008). Таким образом, в современной лингвистике тезаурус - это особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.) между лексическими единицами.

Первым тезаурусом в современном смысле слова фактически был английский Тезаурус Роже (англ. *Roget's Thesaurus*, оригинальное название *Thesaurus of English Words*

and Phrases - «Тезаурус английских слов и фраз») – составлен британским лексикографом Питером Марком Роже около 1805 г. и опубликован в 1852 г.) (Roget 1964).

Л. В. Щерба был одним из первых, кто указал на возможность и необходимость создания идеографического словаря: «Противоположение четвертое: обычный (толковый или переводный) словарь - идеологический словарь. Поскольку мы можем в каждом слове различить его фонетическую форму (фонетическое слово) и его значение, постольку словарь каждого языка можно организовать, исходя из фонетических форм слов (обычный словарь), располагая их или в алфавитном порядке (алфавитный словарь), или по гнездам (гнездовой словарь), а можно организовать его и исходя от значений, т. е. от понятий, выражаемых фонетической формой слов (идеологический словарь). Может показаться, что в последнем случае слова собственно будут разрушены, так как одно и то же слово, имея несколько значений, будет фигурировать в разных местах и что это будет уже не словарь, т. е. не список слов, а список понятий. Однако это неверно. Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях. В нашем повседневном употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, придавая слову слово значение «фонетического слова». Таким образом, точнее всего было бы говорить, что обычный словарь является списком «фонетических слов» с их значениями, а идеологический словарь является списком слов-понятий с их синонимами. Несмотря на очевидность принципа идеологических словарей и несмотря на то, что практическая надобность в них очень велика (о чем будет еще сказано несколько ниже), словари этого типа не в ходу, если не считать нескольких единичных попыток в этом направлении. Причина этого лежит в трудности дела и в полной неразработанности словарной теории вообще: словарным делом занимались лишь единичные крупные люди, а в основном оно было почти целиком предоставлено рынку. Лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Боппа, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикографии. Для создания настоящего идеологического словаря прежде всего необходимо иметь полный и очень точный список слов-понятий данного языка, а чтобы составить такой список слов-понятий, надо четко описать все значения слов в словарях обычного типа» (Щерба 1974, с. 265 - 304).

С определенного момента идеографические словари стали называть термином «тезаурус».

Разрабатываемая система тезауруса древнерусского языка представляет собой лингвистическую информационно-поисковую справочную систему, основанной на коллекции древнерусских текстов, различающихся по времени и географии создания. Каждый документ разбит на лексические единицы, контекст, значение и характеристики которых определены. К тому же каждое «слово» снабжено ссылками на употребления этой же единицы в иных текстах корпуса.

На данном этапе развития технологий возможно создание диахронического словаря с описанием всех, выявленных в ходе исследования текстов, тех или иных характеристик лексических единиц. Исходя из этого, данную систему можно реализовать в концепции экспертной системы, поскольку она будет создана на базе знаний экспертов, а также будет непосредственно реализовывать их в процессе своей работы.

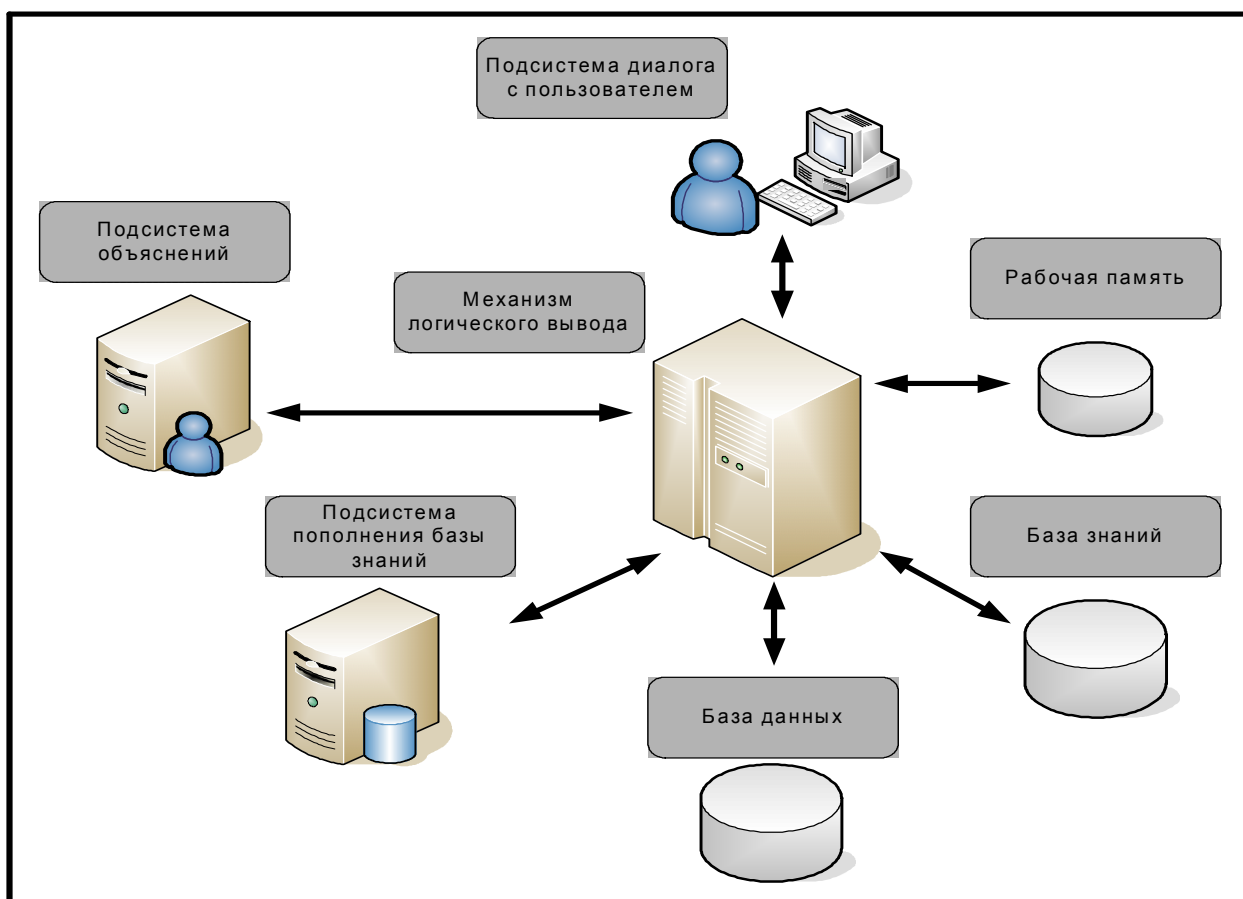
ЭС начали разрабатываться исследователями искусственного интеллекта в 1970-х годах, а в 1980-х получили коммерческое подкрепление, а, следовательно, более широкое распространение. Существуют различные экспертные системы по своему назначению: ЭС принятия решений (по областям), консультативные ЭС, поисковые или справочные (энциклопедические) системы. По запросу пользователя они предоставляют наиболее подходящие разделы базы статей, которая дает представления об объектах областей знаний,

их виртуальную модель. Как правило, экспертные системы создаются для решения практических задач в некоторых узкоспециализированных областях, где большую роль играют знания специалистов. Экспертные системы имеют одно большое отличие от других систем искусственного интеллекта: они не предназначены для решения каких-то универсальных задач, как например нейронные сети или генетические алгоритмы. Экспертные системы предназначены для качественного решения задач в определенной области, в редких случаях областях. В нашем случае, это решение задач хранения и разностороннего анализа лексических единиц в тексте. Экспертное знание – это сочетание теоретического понимания проблемы и практических навыков ее решения, эффективность которых доказана в результате практической деятельности экспертов в данной области.

На сегодняшний день разработки тезаурусов ведутся в различных областях начиная от психологии (Шмелев 2002) и медицины (Шамардина 2007) и заканчивая лингвистикой (Advaith 2002).

Каноническая модель экспертной системы включает в себя несколько модулей (рис. 1). Фундаментом экспертной системы любого типа является база знаний. Правильно выбранный эксперт и удачная формализация его знаний позволяет наделить экспертную систему уникальными и ценными качествами.

Рис. 1 Структура автоматизированного корпуса обработки и хранения древнерусских текстов как статической экспертной системы

Экспертные системы имеют ряд свойств, необходимых при реализации аналитического модуля тезауруса. Во-первых, это *компетентность*, которая достигается при использовании экспертной системы как метода отражения тезауруса, и заключается в достижении экспертного уровня принятия решений в обработке текстов, в более быстром и эффективном применении знаний. Также особенностью системы реализованной в виде ЭС

является *глубина*, что подразумевает работу в предметной области, содержащей трудноформализуемые задачи, и использование сложных правил для обработки текстов, запросов, либо большое количество этих правил. Поскольку мы имеем дело с интеллектуальной системой, то мы вправе требовать от нее *самосознание*: исследование собственных рассуждений, т.е. их правильность, и объяснение своих действий.

При реализации тезауруса необходимо учитывать характерные особенности данной разработки. Система имеет дело с корпусом древнерусских текстов, и чем больше текстов мы имеем, тем большее представление можем получить о том или ином исследуемом аспекте, поэтому необходимо постоянно обогащать и расширять систему, т.е. пополнять базу знаний и данных. Предметная область четко ограничена теми лексическими единицами и семантическими связями между ними, которые использованы в представленных текстах. При каждом конкретном запросе пользователя система может столкнуться с недостатком информации в базе знаний и ей придется принимать решения в условиях неопределенности, возможность которой должна быть реализована с помощью правил. Должен быть предусмотрен вариант, когда алгоритм решения не описывается заранее, а строится самой системой на основании заложенных в ней правил, так же, как и языковые единицы функционируют по правилам, заложенным в языке. Для корректировки адекватности работы системы на стадии создания и ее последующего контроля в ходе эксплуатации необходима «прозрачность» логического вывода результатов, т. е. способность объяснять ход и результат решения понятными для пользователя способами. Для обеспечения более широких возможностей целесообразно реализовать двухходовую систему. Работу системы можно начинать с изучения документов с дальнейшим обращением к словарю за разъяснениями либо наоборот: ознакомиться с семантикой самого слова, после чего рассмотреть его применение в тексте. Богатая система запросов и правил максимально упростит этап анализа, который необходимо выполнить. Таким образом, основные сложности при создании системы возникают с точки зрения лексикографии и семантики – изучение и наиболее полная расшифровка корпусов древнерусских текстов, заполнение базы знаний; с точки зрения технической реализации – разработка адекватной системы запросов и правил обработки языковых единиц, а также разработка эргономичного интерфейса.

Все описанные выше особенности экспертных систем и тезауруса позволяют говорить о возможности создания экспертной системы хранения и обработки тезауруса древнерусских памятников письменности. В целом можно говорить о том, что в будущем возможно создание лексико-семантического анализатора и, как цель, реконструкция языка, включая периоды отсутствия сохранившихся письменных источников, и адекватный перевод текстов. Важной особенностью системы является регистрация корпусов по времени создания, что дает возможность изучать возможности языка в разрезе какого-либо заданного периода.

Создание экспертной системы хранения и обработки тезауруса древнерусских памятников письменности позволит собрать, систематизировать и максимально адекватно проанализировать все имеющиеся данные по историческим документам. Сделав систему общедоступной, появится возможность консолидировать усилия различных групп исследователей по изучению данного вопроса, что позволит достигнуть больших успехов в освоении исторических источников. И наконец, общедоступность подразумевает массовость интереса к изучению вопроса.

Литература

ADVAITH, S., 2002. Resolving Relative Clause Attachment Ambiguities using Machine Learning Techniques and WordNet Hierarchies. In: *Proceedings of 5th National Colloquium for Computational Linguistics in the UK (CLUK 2002)*.

ROGET, P. M., 1964. Thesaurus of English Words and Phrases. New ed. N.Y.

АЗАРОВА, И. В., 2008. RussNET как компьютерный тезаурус нового типа. *Структурная и прикладная лингвистика*, № 7

- ЗАХАРЕНКО, Е. Н.; КОМАРОВА, Л. Н.; НЕЧАЕВА, И. В., 2005. Новейший словарь иностранных слов, 786 с.
- КОНДАКОВ, Н. И., 1975. Логический словарь-справочник, 587 с.
- ЛЕСНИКОВ, С. В., 2006. Проект интернет-версии словаря лексико-семантических вариантов русского. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/LesnikovS.htm>.
- ЛУКОВ, Вал. А., ЛУКОВ, Вл. А., 2004. Тезаурусный подход в гуманитарных науках. Знание. Понимание. Умение. № 1, с. 93–100
- МАКАРОВА, Н. В., 2000. Информатика. Москва: Финансы и статистика, 768 с.
- МЕШЕЧАК, Н. А.; КОЛОБОВ, О.С.; КАРАУШ, А.С., 2004. Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: Доклады и тез. докладов. Москва: ГПНТБ России.
- НЕКИПЕЛОВА, И. М., 2006. Проблемы описания и вопросы моделирования семантики слова в базах данных. *Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних рукописей к электронным текстам: материалы междунар. науч. конф.* (Ижевск, 13-17 июля 2006 г.). Ижевск: изд-во ИжГТУ, с. 140 - 147.
- ШАЙКЕВИЧ, А. Я., 1990. Количественные методы в языкознании. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 231 с.
- ШАМАРДИНА, Л. А., 2007. Использование тезауруса MeSH в лингвистическом обеспечении базы данных "MedArt". *Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек*. Материалы конф. "LIBCOM-2007", Москва : ГПНТБ России.
- ШМЕЛЁВ, А. Г., 2002. Психодиагностика личностных черт. Санкт-Петербург: Речь, 480 с.
- ЩЕРБА, Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Наука, с. 265-304

Elvyra Zariffulina

Izhevsk State Technical University, Russia

Research interests: automated processing and agency systems, artificial intelligence methods, expert systems, Old Russian written records saving and automation of their processing

ON THE PROBLEM OF AUTOMATED SYSTEM OF SAVING AND PROCESSING OF THE OLD RUSSIAN WRITTEN RECORDS THESAURUS REALIZATION AS EXPERT SYSTEM

Summary

The article covers computer lexicography, especially the historical online thesaurus development. The method of realization of the system as a reference expert makes it possible to save and retrieve the most complete information about every lexical unit from the texts. The uniqueness of the development as that of expert system's is that it lets to apply one of the methods of artificial intelligence. It enables a more detailed description and processing of the lexicographical information as well as creation of the foundation for further implementation of the primary analysing components developing in the concept of artificial intelligence. Currently there are developments that get involved in the creation of thesauruses using the expert system methodology, but generally they are no concern of linguistics. The creation of the system will make it possible to ensure access to the rare and decrepit old written records for consolidation of the work of scientists and people who are interested in the Old Russian and Old Russian written records as well as their consideration in the diachronic aspect.

KEY WORDS: the Old Russian thesaurus creation, expert system, development of lexicographical thesaurus, reference expert system

Danguolė Žalioniene

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva
Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva
Tel. 8 614 89201

El. paštas: d.zalioniene@hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: stilistika, teksto lingvistika, tekstynų lingvistika

ŽODŽIŲ VARTOSENOS ATSPINDŽIAI DABARTINĖS LIETUVIŲ KALBOS ŽODYNUOSE IR TEKSTYNUOSE

Šio straipsnio tikslas – būdvardžių vedinių intelektualūs ir intelektuališkas vartosenos ypatumai. Aptariami dabartinės lietuvių kalbos žodynai, kaip juose apibrėžiami šie būdvardžiai, trumpai apžvelgiami kalbininkų darbai, nagrinėjantys priesagos *-inis* vedinius, svarstomos rekomendacijos Kalbos praktikos patarimuose šių būdvardžių atžvilgiu. Šiandieninės kalbos tendencijas geriausiai atskleidžia Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas. Remiantis jo duomenimis galima apibendrinti – būdvardis intelektualinis yra vartojamas kur kas dažniau nei intelektualus ir intelektinis. Taigi konstatuotina, kad būdvardžio intelektualinis vartosenos ribojimas – nerezultatyvus, nes ir gujamas iš žodynų ar kitų norminių leidinių, j i s išlaiko stiprias pozicijas, kurių kalbininkams per daugiau kaip tris dešimtmečius nepavyko įveikti. Šiandien kalbos mokslininkai turėtų nagrinėti ne vieną paskirą žodį, o jo kontekstą, su kuo jis jungiamas ir kaip dažnai – tai vienas iš būdų aptikti kalbos tekėjimo kryptį ir be formalių išankstinių nuostatų bandyti ją formuoti. Tik tokiu būdu ištyrus žodį galima spręsti apie jo vartoseną. Tam reikia pasitelkti naujus tyrimų metodus, kuriuos atveria informacinės technologijos. Tuo tikslu ir kuriami tekstynai, atveriantys naujas galimybes lietuvių kalbos tyrimams.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: kalba, būdvardžių daryba, priesagos *-inis* vedinys, žodynas, tekstynas, vartoseną

Įvadas

Įvairiausio pobūdžio tekstuose akis dažnai užkliūva už būdvardžio *intelektualinis*, nes visiems lietuvių kalbą studijavusiems gerai žinoma, kad pagal normas ir kalbininkų rekomendacijas taip sudarytas būdvardis nėra teiktinas, geriau jį keisti į *intelektualus* arba *intelektinis*. Tačiau ne visada ranka kyla braukti jį ar taisyti, dažnai vos žvilgtelėjus į jo apibūdinamą daiktavardį nei vienas, nei kitas rekomenduojamas taisyklingos darybos būdvardis ten nedera, vis dėlto tą šeštąjį – šiuo atveju kalbos – pojūtį norėtųsi panagrinėti išsamiau.

Šio straipsnio tyrimų objektas – būdvardžiai *intelektinis*, *intelektualus* ir *intelektuališkas* bei jų vartosenos pavyzdžiai lietuvių kalbos žodynuose ir tekstynuose.

Būdvardžių vediniai su priesaga *-inis*, galima sakyti, nuo pat bendrinės kalbos formavimosi pradžios sulaukė kalbininkų dėmesio. Jonas Jablonskis tarp kitų kalbos dalykų neretai mini priesagos *-inis* būdvardžių vedinius (Jablonskis 1959) ir juos taiso. Vėliau Pranas Skardžius (Skardžius 1943) išsamiai nagrinėjo šios priesagos būdvardžių darybą ir vartoseną. Monografiją ir ne vieną straipsnį apie priesagos *-inis* būdvardžius parašė Pranas Kniūkšta (Kniūkšta 1976).

Svarbų norminamąjį darbą atliko ir iki šiol tebeatlieka *Kalbos praktikos patarimai* (1976), parengti autorių Aldonos Paulauskienės, Vito Labučio, Aldono Pupkio, Jono Šukio, Aleksandro Vanago, Jono Žemaičio ir redaktorių kolegijos: Vytauto Ambrazo, Antanės Kučinskaitės, Juozo Pikčilingio, Zigmo Zinkevičiaus (vyr. redaktoriaus), Aleksandro Žirgolio. Kaip atskiras darybos atvejis *Kalbos praktikos patarimuose* aptariama tarptautinių žodžių priesaga *-alinis*, tiek 1976 m. pasirodžiusioje knygoje, tiek 1985 m. pataisytuose ir papildytuose patarimuose nurodoma, kad jos geriau nevartoti. Tiesa, yra prierasas, kad galima vartoti terminologijoje, „pvz., diferencialinis, integralinis skaičiavimas, funkcionalinė analizė, realinė mokykla, globalinė raketa, finalinės

rungtynės, tačiau ir čia kartais tinka būdvardžiai su priesaga *-alus* <...>“ (Kalbos praktikos patarimai 1976). Beje, dauguma taisomų šios priesagos būdvardžių pateikiami pavieniui, nors kai aptariama jų vartoseną terminologijoje pridedami ir apibūdinamieji daiktavardžiai. Pažymėtina, kad vėlesniuose *Kalbos praktikos patarimuose* apie *-inis* priesagos būdvardžių darybą rašoma daugiau, pateikiamas punktas, skirtas iš kitų kalbų atėjusių būdvardžių su formantais *-al-*, *-ar-*, *-at-*, *-et-*, *-yv-*, *-or-*, kurie „paprastai keičiami: a) trumpesniais priesagos *-inis* vediniais, todėl daug kur geriau: funkcionalinis (– funkcinis), intelektualinis (–intelektinis) <...>; b) galūnės *-us* vediniais, išlaikant pamatinio žodžio formatą: kolegialinis (–kolegialus), ovalinis (–ovalus), preliminarinis (–preliminarus) <...> ir kt.“ (Kalbos praktikos patarimai 1985).

Iki šiol kalbos tvarkytojai suabejoję varto būtent 1985 metais leistus *Kalbos praktikos patarimus*, ten išskirtus kaip nerekomenduotinus vartoti priesagos *-inis* būdvardžių vedinius pastiprina ir Lietuvių kalbos instituto svetainėje esantis Kalbos konsultacijų kompiuterinis bankas, į kurį įtrauktas ir būdvardis *intelektualinis*:

„Klausimas: 'Intelektualinis' ar 'intelektinis potencialas'?

Reikšmė „protinio darbo, protinis“ vartotinas 'intelektinis', padarytas iš daiktavardžio 'intelektas', taigi – 'intelektinis potencialas'. Forma 'intelektualinis' nereikalinga, yra tik kokybinis būdvardis 'intelektualus'.“¹

Tačiau Valstybinės lietuvių kalbos komisijos svetainėje Konsultacijų bankas ir Kalbos patarimai (leisti 2004–2005 m.) iš kitų kalbų atėjusių būdvardžių su formantais *-al-*, *-ar-*, *-at-*, *-et-*, *-yv-*, *-or-* ir priesagos *-inis* darybos nei išskiria, nei kitaip pabrėžia.

Visgi sunkumų kyla tuomet, kai kalbos tvarkytojas mato tik vieną paskirą žodį, o ne visą junginį. Dažnai neįmanoma sutikti, jog darinys *intelektualinis* yra neteiktinas ar vengtinas. Kodėl randasi tokių abejonių? Pagrindas tam – kaip šis būdvardis pateikiamas dabartinės lietuvių kalbos žodynuose ir kaip jis vartojamas bei kokie būdingiausi jo junginiai tekstynuose.

Dabartinės lietuvių kalbos žodynai

Atsivertę *Dabartinės lietuvių kalbos žodyno* 4-ą pataisytą leidimą nerastumėte tokių antraštinių žodžių kaip *intelektinis* ir *intelektualinis*. Šio leidimo pratarmėje rašoma: „Manoma, kad šitaip, be didesnių permainų, leidžiamas žodynas dar bent kurį laiką garantuos pavyzdinės bendrinės kalbos teikinių pastovumą, o to mūsų bendrinei kalbai, turinčiai daugybę taisomų ir taisytiems dalykų, labai trūksta <...>“ (Keinys 2000). Taigi, iš tiesų 3-ias žodyno leidimas, parengtas 1990 metais – prieš dvidešimt metų – tebetarnauja mūsų visuomenei ir mokslui. Tik klausimas – ar jis tikrai gali patenkinti kalbos vartotojų poreikius? Apie vienintelį norminamąjį žodyną Lietuvoje gan kritiškai pasisako žymi leksikologė Evalda Jakaitienė. Jos nuomone, į *Dabartinės lietuvių kalbos žodyną* sudėta daugybė tarminių žodžių, laikomų lietuvių kalbos turtu, bet į bendrinę leksiką nepatekusių (Jakaitienė 2009, p. 171).

Šiuo metu Lietuvių kalbos instituto Leksikografijos centre rengiamas *Bendrinės lietuvių kalbos žodynas*. Šio žodyno rengėjai dar 1998 m. pabaigoje apsibrėžė leksikos atrankos principus, tarp kurių ir: „tarptautinių žodžių pateikimas BŽ (naujas norminamasis žodynas pavadintas *Bendrinės lietuvių kalbos žodynu* (toliau – BŽ) – D. Ž.) turi būti atnaujintas ypač kruopščiai. <...> Į BŽ turėtų patekti tik tie tarptautiniai žodžiai, kurie jau patikrinti vartosenos, be kurių kalba tikrai negali išsiversti.“ (Naktienė 2000). Galbūt daugelis šių tarptautinių žodžių bus įtraukti į naują žodyną ir nebus apsiribota, pavyzdžiui, būdvardžiu *intelektualus*, nurodant jo reikšmę – „paremtas intelektu, protinis“ – be jokių pavyzdžių. Tačiau kol kas žodynas vis dar rengiamas, o 4-as *Dabartinės lietuvių kalbos žodyno* leidimas nelabai ką begali padėti, galima pasidairyti plačiau – atlikti nedidelį *intelektualinį* tyrimą. Ar tą patį pateikia visi lietuvių kalbos žodynai, leisti praėjusiam amžiuje, ar vis dėlto pokyčių būta, ir kada?

¹ Prieiga per internetą: <<http://www.lki.lt/lki/kkb/zodis.php>> [žiūrėta 2010-04-26].

Savaime suprantama, kad pradėti reikėtų nuo *Lietuvių kalbos žodyno*, kurio 1-asis tomas išėjo 1941 m. (1968 m. antras leidimas). Prabėgus daugiau kaip pusei amžiaus, kai buvo parengtas ir išleistas 1-asis žodyno tomas, kurio autoriai įvade dėsto: „daugiatomis, vienakalbis, aiškinamasis žodynas, apimantis visus, kiek įmanoma, lietuvių kalbos žodžius, pradedant seniausiais lietuvių raštų šaltiniais ir baigiant šių dienų spauda“. Šiam tyrimui itin svarbus vėliau pasirodęs 4-asis žodyno tomas (1957 m.), apimantis I–J raides. Šio tomo pratarmėje nurodomi žodyno tekstą rašę darbuotojai: Z. Jonikaitė, A. Kučinskaitė, A. Valeckienė, B. Vosylytė. 4-ajame tome pateikiamas daiktavardis *intelèktas sm.* ir trys su juo susiję būdvardžiai *intelèktinis, -è adj. intelektualinis, -è adj.* ir *intelektualūs, -ì adj.* (Lietuvių kalbos žodynas, t. 4). Pastarųjų dviejų būdvardžių reikšmės *Lietuvių kalbos žodyne* grindžiamos 1954 metų *Dabartinės lietuvių kalbos žodynu*, kuriame jos – tokios pačios, t. y. „protinis, kilęs iš intelekto“.

Tačiau kam taip toli ieškoti būdvardžio *intelektualinis* apibūdinimo, juk vėliau išėjo dar keturi pataisyti *Dabartinės lietuvių kalbos žodynai* (trys spausdinti 1972, 1993, 2000 m. ir 2005 m. elektroninis variantas). Paprasčiau būtų tiesiog prisėsti prie kurio nors iš šių žodynų ir pasižiūrėti, kaip čia viskas nurodoma ar aiškinama. Juk šiandienos sąlygomis randasi daug naujų žodžių, formų, leksikos įvairovė tikrai nemažėja. Tačiau pasirodo lietuvių kalboje, tiksliau, mūsų kalbos žodynuose viskas kitaip. *Dabartinės lietuvių kalbos žodyno* 2-ajame leidime (1972) nepateikiamas žodis *intelèktinis*, tik *intelektualus* ir *intelektualinis*, pastarojo reikšmė apibrėžiama taip – „protinis: (intelektualiniai poreikiai)“. Todėl reikia ieškoti ir 3-iojo žodyno leidimo (1993); jo pratarmėje deklaruojama: „įdėta daug naujų, naujai atsiradusių ar plačiau imtų vartoti, žodžių“, bet, deja, tekste teliko vienas antraštinis žodis – *intelektualus* („paremtas intelektu, protinis“). Toliau besiaiškindama šių būdvardžių vartosenos peripetijas aptikau, kad ir elektroniniame *Lietuvių kalbos žodyne* (2005) tai pakoreguota: *intelektualinis, -è adj. (1) DŽ žr. intelektualus*.

Nors šaltinis nurodytas tas pats – 1954 m. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, bet reikšmės apibūdinimas jau kitoks, t. y. nuoroda į *intelektualus*. Taigi perkeliant į skaitmeninę terpę *Lietuvių kalbos žodyną*, ypač pirmuosius jo tomus, senokai leistus ir sunkiau prieinamus, kai kurie dalykai buvo taisomi. Todėl būtina paminėti šio elektroninio žodyno varianto, nors ir aprėpiančio visus XX tomus, leistų nuo 1941 m. iki 2002 m., redaktorių kolegija: Gertrūdą Naktinienę (vyr. redaktore), Joną Paulauską, Ritutę Petrokienę, Vytautą Vitkauską, Jolantą Zabarskaitę. Elektroninio žodyno įvade rašoma:

„<...> palyginti su knyginio originalu, skiriasi ne vienu aspektu:

1. Tarmių ir senųjų raštų žodžiai bei jų formos pataisyti pagal naujausius kalbotyros tyrimų rezultatus. Klaidingai transponuotų žodžių straipsniai panaikinti, jų iliustraciniai pavyzdžiai pataisyti ir perkelti į atitinkamų žodžių straipsnius. <...>

2. Remiantis Valstybinės lietuvių kalbos komisijos patvirtintu „Didžiųjų kalbos klaidų sąrašu“ naujausiu „Dabartinės lietuvių kalbos žodyno“ leidimu, leidiniais: „Kalbos praktikos patarimai“, „Kanceliarinės kalbos patarimai“ ir kitais norminamaisiais darbais, ištaisytos pastebėtos tos ankstyvuosiuose tomuose pateiktos variantų nuorodos ir tie reikšmių apibrėžimuose pavartoti žodžiai, kurie pagal dabartinę kalbos kultūros praktiką laikomi kalbos klaidomis.

3. Kai kuriais atvejais redaktorių kolegijos sprendimu koreguoti iliustraciniai pavyzdžiai. <...>“ (Lietuvių kalbos žodynas, t. I–XX, 1941–2002).

Kadangi medžiaga šiam straipsniui rinkta ne vieną mėnesį, kartkartėmis vis tekdavo pasidairyti po internete skelbiamus kalbos išteklius: nuo 2009 metų rugsėjo mėnesio elektroninėje *Lietuvių kalbos žodyno* versijoje atsirado naujų taisyčių. Tikriausiai buvo ir daugiau kažkas koreguojama, bet šiam tyrimui svarbiausi su *intelektu* susiję būdvardžiai ir jų teikiniai tikrai buvo taisyti.

Visgi kirba abejonė, ar tokio nereikalingo būdvardžio vedinio kaip *intelektualinis* nebūtų pastebėjęs pats Juozas Balčikonis, atsidavęs lietuvių kalbos puoselėtojas, kuris, kaip rašoma 4-ojo tomo pratarmėje, peržiūrėjo rankraštį iki žodžio iš, „kai kuriuos straipsnius (pvz., prielinksnio *į* straipsnį) perrašydamas iš naujo“. Beje, elektroninio žodyno tvarkytojai akcentuoja, kad patys sunkiausi buvo 3-ias ir 4-as tomai, „kuriuos beveik būtų reikėję parašyti iš naujo“ (Lietuvių

kalbos žodynas, t. I–XX, 1941–2002). Todėl ateityje iškilus rimtam klausimui – atsakymų reikėtų ieškoti vartant pageltusius *Lietuvių kalbos žodyno* lapus ir tik po to pasitelkti elektroninį jo variantą, nes jų duomenys apie tą patį kalbos reiškinių gali skirtis. Taigi gali būti visai įdomių atradimų.

Norminamieji leidiniai ir dabartinės lietuvių kalbos tekstynas

Kalba nėra stovintis vanduo, ji nepaliaujamai teka, t a i kažkas kažkur kažkaip fiksuoja ar užrašo, o jau vėliau kalbos mokslo žmonės viską peržiūri ir prieina prie išvadų – jų manymu, per laiką atsirado arba įsigalėjo t a s ir t a s. Todėl čia dar kartą norėtuši pacituoti rengiamo norminamojo *Bendrinės lietuvių kalbos žodyno* redaktorių nuostatus:

„1) teoriniai dalykai negali būti absoliutinami, kalbos praktika čia svarbesnė negu teorija;

2) bendrinės kalbos sistemos paisymas, sisteminis žodyno rengimo principas neturi nustelbti faktų autentiškumo;

3) bendrinės kalbos vartotojų poreikiai yra svarbiau negu tai, kas patogiau žodyno sudarytojams.“(Naktinienė 2000).

Kažin ar taip jau paprasta nesivadovauti per keletą dešimtmečių įsigalėjusiais nuostatais – juk kalba griežta sistema, ji priverčia... Taip reikia, tokia norma! Dar keisčiau, kad žodynų sudarytojai užuot didinę antraštinių žodžių skaičių elgiasi priešingai: iš naujesnių dabartinės lietuvių kalbos žodynų dingsta gana plačiai vartojami žodžiai, nėra tikslesnių, ypač būdvardžių (dažniausiai priesagų vedinių iš daiktavardžių), reikšmių apibūdinimų. Telioka nuoroda į daiktavardį, pavyzdžiui: *inžinerinis, -ė* → *i n ž i n e r i j a*. Kaip šitai turi suprasti eilinis žodyno vartotojas: skaityti t e n →, o kur reikšmė, jos atspalviai, ar tai jau ne šio žodyno funkcija? Pasak Kazimiero Župerkos ir kitų tyrinėtojų, tiek skaitytoją, tiek klausytoją labiau veikia ne pagrindinė žodžio reikšmė, o tie „atspalviai (t. y. papildomoji informacija)“ (Župerka 2008).

Šiuo metu kalbos politikoje jaučiamas „atšilimas“. Tačiau žodynų sudarytojams, kaip ir anksčiau, aktualūs klausimai: kaip suvaldyti lietuvių kalbon plūstančius žodžius; kokius atrankos principus taikyti; ar rašybos ir darybos taisyklių, įsigalėjusių prieš keletą dešimtmečių, toliau nuosekliai laikytis, ar kartais jas tiesiog formaliai taikyti ir nesisteminius dalykus gan kategoriškai atmesti? Be kalbos tvarkytojų ir pačių kalbininkų, vargu ar tai labai jau svarbu kalbos vartotojams. Tačiau ir šiandien vis dar braukiamas žodis *intelektualinis* ir keičiamas į *intelektualų* ar *intelektinį*, net nesvarstoma, ar visais atvejais tai daroma pagrįstai, ar jis tinka su daiktavardžiu, kurį jis apibūdina.

Kartais atrodo, kad aukščiau už kalbą yra sistema, sukurta žmonių, per laiką įdiegta (taip pat per prievartą ir priešinimąsi), o vėliau pati pradėjusi funkcionuoti ir diktuoti reikalavimus. Tačiau ar gali būti gajūs tie kalbos dalykai, kurie iš tikrųjų nėra nei svarbūs, nei kuo nors išskirtiniai. Kaip rašė P. Kniūkšta: „[d]vi paralelios formos ilgai negali išsilaikyti. Jos turi arba įgyti skirtingas reikšmes, arba viena nugalėti ir išstumti antrąją.“ (Kniūkšta 1976). Kad tai įrodytų, jis pateikia keletą nelietuviškos kilmės būdvardžių su priesaga *-inis* ir kaip skiriasi jų reikšmės: *elementarinė matematika*, bet *elementinė medžiagos sudėtis*; *natūralinis ūkis*, bet *natūrinė nuotrauka*; *dekoratyvinis* „dekoratyvaus pobūdžio“, bet *dekoracinis piešinys* ir kt. (Kniūkšta 1976). Šis kalbininko pastebėjimas, padarytas prieš daugiau kaip tris dešimtmečius, deramai nebuvo įvertintas, nes vėlesniuose leidiniuose (*Kalbos praktikos patarimuose*, 1985) apie tokius reikšmės skirtumus nebeužsimenama.

Tad ar gali būti žodis *intelektualinis* sisteminė kalbos klaida, ar visgi tai reikšmės atspalvis perteikiantis būdvardis, nes kitaip sunku būtų paaiškinti tokį ilgą jo vartojimą, nuolat lydimą komentarų apie netaisyklingą darybą ir kad jis keistinas į *intelektualų* (*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 2000), o *Kalbos praktikos patarimuose* į *intelektinis*. Kita vertus, *Dabartinės lietuvių kalbos žodyne* (2000) visai šalia *intelektualus* pateikiama *internacionalinis*, *integralinis* ir kt. panašios darybos būdvardžiai be nuorodos žr. *internacionalus* ar *integralus*. Čia tebegalioja dar

1976 m. *Kalbos praktikos patarimų* išskirta taisyklė, kad tarptautinės priesagos (-alinis) vediniai vartojami terminologijoje.

Vargu ar būtų galima teigti, jog būdvardį *intelektualinis* visada galima pakeisti kitais dviem, kad šių vedinių reikšmės yra artimos, beveik „dubletai“ (Kalbos praktikos patarimai, 1985), kaip antai: *intelektualus bendravimas* ir *intelektualinis bendravimas* – reikšmės atspalvio čia galima ir neįžvelgti, bet ar taip pat galima lyginti *intelektualus sąjūdis* ir *intelektualinis sąjūdis*, o dar, laikantis darybos taisyklių, galima pridėti *intelektinis sąjūdis*. Iš pastarųjų pavyzdžių (o tokių junginių su šiais būdvardžiais būtų galima prirašyti nemažai) matyti, kad jų reikšmės skiriasi, pirmajam junginiui netgi trūksta logikos. Tad ar galima tvirtinti, kad žodis *intelektualinis* yra nereikalingas, nevartotinas, neteiktinas ir pan.?

Ir pagaliau, kad šie pasvarstymai nebūtų iš piršto laužti, argumentus šiais laikais jau galima grįsti ne tik kalbos jausmu ar ribotu kiekiu surinktų iliustruojančių pavyzdžių, bet patikimais šaltiniais, garantuojančiais objektyvumą, ir jų vartoseną patvirtinančiais skaičiais. Geriausiai tam tinka *Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas*², visuotinai pripažintas įvairialypis duomenų šaltinis. Kaipgi čia vartojami būdvardžiai, susiję su *intelektu*? Ar tai patvirtina *Dabartinės lietuvių kalbos žodyno* (2000) ir jo elektroninės versijos (2003) teikinius, kad *intelektualinis* yra tiesiog *intelektualus*?

Dabartinės lietuvių kalbos tekstyne duomenys kaupiami nuo 1994 m. Šiuo metu internete prieinama per 100 mln. žodžių apimties tekstų, surinktų iki 2003 m. Vienas iš tekstyno tikslų – kuo geriau atspindėtų dabartinę rašytinę lietuvių kalbą. Vadinasi, tekstynas buvo renkamas tuo pačiu laiku kaip ir rengiami arba redaguojami minėtieji žodynai (*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 2000; *Lietuvių kalbos žodynas* (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas). *Dabartinės lietuvių kalbos tekstyno* paskirtis – filologinė kalbos vienetų vartosenos analizė. Čia galima gauti objektyvius duomenis apie bet kurio žodžio vartosenos dažnumą ir būdingiausius junginius. Šiuo tyrimo atveju dėmesys buvo skirtas trimis išvestiniams būdvardžiams *intelektualinis*, *intelektualus* ir *intelektinis*. Remiantis *Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas* duomenimis aiškiai matyti, kad iš šių trijų būdvardžių dažniausiai vartojamas:

intelektualinis (pirminė apžvalga daryta iš vyr. g. vns. vardininko) – iš viso užfiksuota 340 atvejų (dažn. negrožinėje literatūroje – 93, populiariojoje periodikoje – 88),
intelektualus – 130 (dažn. populiariojoje periodikoje – 77),
intelektinis – 132 (dažn. negrožinėje literatūroje – 40).

Dar ryškesnį vartojimo paplitimą galima atskleisti, jei pasitelkę tekstyno duomenis panagrinėsime šių būdvardžių kitas gramatines formas (visus vyr. ir mot. g. vns. ir dgs. linksnius). Taip patyrinėjus galima teigti, kad

intelektualinis pavartotas 3 001 kartą (1 lentelė),
intelektualus – 365 kartus (2 lentelė),
intelektinis – 1 323 kartus (3 lentelė).

Kadangi ši būdvardžių vartosenos analizė aprėpia 102 857 327 žodžių iš įvairių šiuolaikinių tekstų, galima teigti, kad ji visiškai objektyviai atspindi dabartines žodžių vartosenos tendencijas.

1 lentelė. **Būdvardžio intelektualinis vartosena Dabartinės lietuvių kalbos tekstyne**

Tekstyno dalis	Žodis	Pavartojimo skaičius*	Bendras pavartojimo skaičius	Iš viso žodžių
Respublikinė periodika	<i>intelektualinės</i>	62	250	24 803 732
Vietinė periodika	<i>intelektualinės</i>	51	270	16 918 103
Populiarioji periodika	<i>intelektualinės</i>	119	645	16 582 983

² Prieigą per internetą: <http://donelaitis.vdu.lt/main.php?id=4&nr=1_1_2>.

	<i>intelektualinį</i>	69		
	<i>intelektualinio</i>	113		
	<i>intelektualinis</i>	88		
Specializuota periodika			323	9 760 811
Grožinė literatūra (knygos)			64	6 728 513
Negrožinė literatūra (knygos)	<i>intelektualinė</i>	57	836	11 472 234
	<i>intelektualinės</i>	147		
	<i>intelektualinę</i>	55		
	<i>intelektualinį</i>	65		
	<i>intelektualinio</i>	117		
	<i>intelektualinis</i>	93		
	<i>intelektualinių</i>	79		
Memuarai			43	2 226 726
LR Valstybiniai dokumentai	<i>intelektualinės</i>	72	115	8 734 236
Filosofinės literatūros vertimai	<i>intelektualinės</i>	63	442	2 721 990
	<i>intelektualinio</i>	64		
	<i>intelektualinis</i>	50		
Seimo stenogramos			13	2 907 999
Nurodytose tekstyno dalyse			3001	102 857 327

* Nurodomos tik tos būdvardžio gramatinės formos ir jų pavartojimo skaičiai, kurie yra perkopę 50-ies ribą.

2 lentelė. Būdvardžio intelektualus vartoseną Dabartinės lietuvių kalbos tekstyne

Tekstyno dalis	Žodis	Pavartojimo skaičius*	Bendras pavartojimo skaičius	Iš viso žodžių
Respublikinė periodika			53	24 803 732
Vietinė periodika			78	16 918 103
Populiarioji periodika	<i>intelektualaus</i>	30	114	16 582 983
Specializuota periodika	<i>intelektualaus</i>	130	161	9 760 811
Grožinė literatūra (knygos)			16	6 728 513
Negrožinė literatūra (knygos)			53	11 472 234
Memuarai			8	2 226 726
LR Valstybiniai dokumentai			14	8 734 236
Filosofinės literatūros vertimai			7	2721990
Seimo stenogramos			3	2 907 999
Nurodytose tekstyno dalyse			507**	102 857 327

* Nurodomos tik tos būdvardžio gramatinės formos ir jų pavartojimo skaičiai, kurie yra perkopę 30-ies ribą.

** Čia šis skaičius yra netikslus, nes įskaičiuoti ir tie pavartojimo atvejai, kai būdvardžio vyr. g. vns. vardininkas sutampa su daiktavardžio *intelektualas* dgs. galininku. Atlikus konkordansą buvo nustatyta, kad dažniau vartojamas daiktavardis (142) nei būdvardis (130). Todėl galutinis bendro pavartojimo skaičius – **365**.

3 lentelė. Būdvardžio *intelektinis* vartoseną Dabartinės lietuvių kalbos tekstyne

Tekstyno dalis	Žodis	Pavartojimo skaičius*	Bendras pavartojimo skaičius	Iš viso žodžių
Respublikinė periodika	<i>intelektinės</i>	82	162	24 803 732
Vietinė periodika	<i>intelektinės</i>	32	121	16 918 103
Populiarioji periodika	<i>intelektinės</i> <i>intelektinę</i> <i>intelektinį</i> <i>intelektinio</i>	39 31 31 50	271	16 582 983
Specializuota periodika	<i>intelektinė</i> <i>intelektinės</i> <i>intelektinio</i>	39 69 43	301	9 760 811
Grožinė literatūra (knygos)			19	6 728 513
Negrožinė literatūra (knygos)	<i>intelektinio</i> <i>intelektinis</i> <i>intelektinių</i>	34 40 32	265	11 472 234
Memuarai			4	2 226 726
LR Valstybiniai dokumentai	<i>intelektinės</i>	36	56	8 734 236
Filosofinės literatūros vertimai			124	2 721 990
Nurodytose tekstyno dalyse			1323	102 857 327

* Nurodomos tik tos būdvardžio gramatinės formos ir jų pavartojimo skaičiai, kurie yra perkopę 30-ies ribą.

Vietoj išvadų

Apibendrinti būtų galima taip – būdvardis *intelektualinis* yra vartojamas kur kas dažniau nei *intelektualus* ir *intelektinis*. Taigi, dar kartą galima konstatuoti, kad būdvardžio *intelektualinis* vartosenos ribojimas – nerezultatyvus, nes ir gujamas iš žodynų ar kitų norminių leidinių, jį išlaiko stiprias pozicijas, kurių kalbininkai per daugiau kaip tris dešimtmečius nepajėgė įveikti. Šiandien kalbos mokslininkai turėtų stebėti ne tik paskirus kalbos elementus, bet ir visumą – tai vienas iš būdų aptikti kalbos tekėjimo kryptį ir be formalių išankstinių nuostatų bandyti ją formuoti. Nagrinėti ne vieną paskirą žodį, o daug svarbiau pamatyti jo kontekstą, su kuo jis jungiamas ir kaip dažnai. Ir tik tokiu būdu patyrinėjus žodį galima spręsti apie jo vartoseną, kas teiktina ir kaip rekomenduotina. Tačiau tam reikia pasitelkti naujus tyrimų metodus, kuriuos atveria informacinės technologijos. Tuo tikslu ir kuriami tekstynai, suteikiantys naujas galimybes, kurios anksčiau buvo neįmanomos, o dabar jos realiai pasiekiamos ir nemažai įtarimų ar abejonių leidžia išsklaidyti – kas buvo tenuvokiama, jau galima objektyviai patyrinėti. Tad ar verta tęsti šią kovą?.. O perfravavus rengiamo *Bendrinės lietuvių kalbos žodyno* vyriausiąją redaktore – gerai būtų, kad žodynai ne tik teiktų informaciją, bet ir atsižvelgtų į vartoseną.

Literatūra

- Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas*. Prieigą per internetą: <http://donelaitis.vdu.lt/main.php?id=4&nr=1_1_2>.
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 1-asis leidimas. 1954. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla,
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 2-asis leidimas. 1972. Vilnius: Mintis.
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 3-asis leidimas. 1993. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 4-asis leidimas. 2000. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- JAKAITIENĖ, E., 2009. *Leksikologija*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Kalbos patarėjas*. 1939. Paruošė L. Dambrauskas; redagavo A. Salys ir P. Skardžius. Kaunas: Lietuvių kalbos draugija,
- Kalbos praktikos patarimuose*. 1976. Vilnius: Mokslo,
- Kalbos praktikos patarimai*. 1985. Vilnius: Mokslo,
- KNIŪKŠTA, P., 1976. *Priesagos -inis būdvardžiai*. Vilnius: Mokslo.
- KNIŪKŠTA, P., 1970. Būdvardžiai su formantais *-alinis, -arinis, -atyvinis, -atinis*. *Kalbos kultūra*, nr. 19, p. 9–13 (žr.: *Kalbos vartoseną ir tvarkybą*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001, p. 413–417).
- KNIŪKŠTA, P., 2000. Iš priesagos *-inis* būdvardžių praeities ir dabarties. *Kalbos kultūra*, nr. 73, 2000, p. 35–47.
- Lietuvių kalbos žodynas*, t. 4. 1957. Vilnius: Valstybinė politinės mokslinės literatūros leidykla.
- Lietuvių kalbos žodynas* (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / redaktorių kolegija: G. Naktinienė (vyr. redaktorė), J. Paulauskas, R. Petrokienė, V. Vitkauskas, J. Zabarskaitė. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. Prieiga per internetą: <www.lkz.lt>.
- NAKTINIENĖ, G., 2000. Bendrinės kalbos žodynas ir leksikos norminimo problemos. *Kalbos kultūra*, nr. 73, p. 22.
- ŽUPERKA, K., 2008. *Reklamos tekstas: pragmatika, stilius, kalba*. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.

Danguolė Žalioniene

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: stylistics, text linguistics, corpus linguistics

THE REFLECTIONS OF WORD USAGE IN CONTEMPORARY LITHUANIAN DICTIONARIES AND CORPORA

Summary

The aim of this article is to analyse the usage peculiarities of derivative adjectives *intelèktinis*, *intelektualūs* and *intelektuālinis*. It discusses the definitions of these words in Lithuanian dictionaries, reviews the scholars' works, that study derivatives with the prefix *-inis*, considers the recommendations about these adjectives in *Kalbos praktikos patarimai*. The tendencies of contemporary language are best reflected in the *Corpus of Contemporary Lithuanian Language*. According to its data, a generalization can be made that the adjective *intelektuālinis* is used much more often than *intelektualus* and *intelektinis*. Therefore, it can be concluded that the restriction of the usage of the adjective *intelektuālinis* does not provide the desired result: even though it is not accepted in dictionaries and other standardising publications, it retains strong positions, which have not been overcome by linguists for more than three decades. Nowadays linguists should not analyse one word but rather its context, valency and frequency of valency, as it is one of the ways to detect the direction of language development and form it without formal preconception. Only analyzing the word this way, it is possible to form the opinion about its usage. For this new research methods provided by information technology have to be used. Because of this, corpora are compiled, which provide new possibilities for the research of the Lithuanian language.

KEY WORDS: Language, adjective formation, derivative of the prefix *-inis*, dictionary, corpus, usage